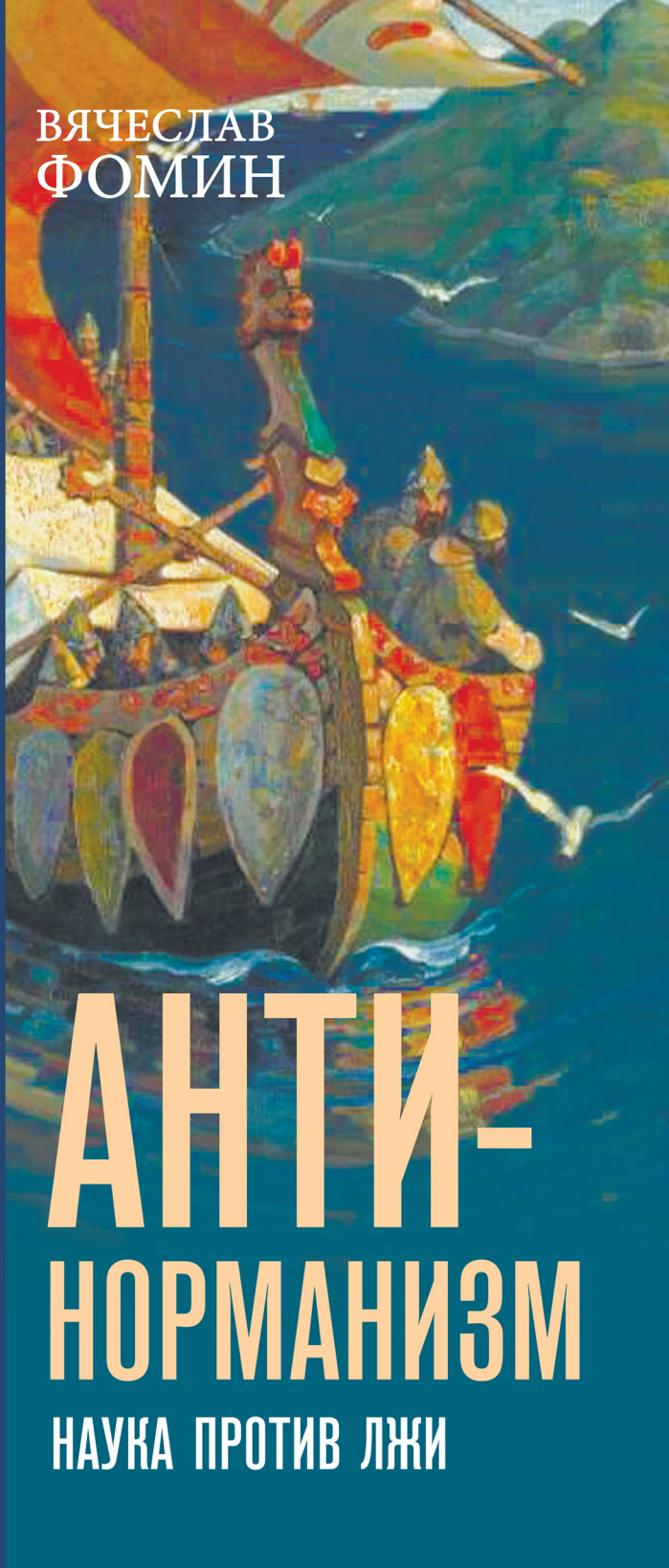

ФОНД
«СВЕТОСЛАВЪ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ВЯЧЕСЛАВ
ФОМИН

АНТИ- НОРМАНИЗМ

НАУКА ПРОТИВ ЛЖИ

Фомин Вячеслав Васильевич

АНТИНОРМАНИЗМ: НАУКА ПРОТИВ ЛЖИ

Том 2

Концептуал

Москва
2025

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта № 2/2022 по теме «Варяго-русский вопрос в системе современных наук: итоги дискуссии и перспективы изучения».

Рецензенты

доктор исторических наук *В.А. Волков*
доктор исторических наук *С.В. Перевезенцев*
кандидат исторических наук *Г.А. Артамонов*

Фомин Вячеслав Васильевич

Ф76 Антинорманизм: Наука против лжи. В 2-х томах. Т. 2. — М.: Концептуал, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-907972-04-9

Какие загадки скрывает происхождение руси и варягов? Почему многовековая дискуссия между норманистами и антинорманистами до сих пор будоражит умы учёных? Какие идеологические и политические цели стоят за норманской версией российской истории?

В монографии излагается шведское начало норманской теории, её научное опровержение, положенное немецкими антинорманистами конца XVII — первой половины XVIII века. Детальный разбор ошибочно-ложных утверждений и фальсификаций норманистов (прежде всего археологов и лингвистов) сопровождается анализом всех известных на сегодня источников — письменных, археологических, нумизматических, антропологических, лингвистических, данных ДНК-генеалогии. Такой комплексный подход точно приводит к пониманию истинных истоков руси и варягов, не связанных со скандинавами.

Издание рекомендуется специалистам, студентам, всем, чьё сердце и ум волнуют слова «Откуда есть пошла Русская земля», произнесённые далёким нашим предком — русским летописцем.

УДК 94(470.1/.2)
ББК 63.51(2)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 7

УЛЬТРАНОРМАНИЗМ «РУСО-ВАРЯЖСКИХ» ИЛИ «ЧЕСТНЫХ ИСТОРИКОВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

7.1 «Объективное» и «научное» звучание ультранорманизма в работах археологов, главных застрельщиков в норманизации истории Руси.	5
7.2 Ультранорманизм лингвистов и историков	38
7.3 «Истина» ультранорманизма о том, как «горсточка» викингов во главе с Рюриком, «сыном или внуком Хальвдана», основала Русское государство	70
7.4 «Хазаромания» как естественное состояние норманистов	80
Примечания	118

Глава 8

СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

8.1 Норманисты о летописцах как «первых норманистах» и о скандинавском ядре Повести временных лет	126
8.2 «Советские антинорманисты» и нынешние «взвешенные» норманисты о норманнах как создателях Сказания о призвании варягов	153
8.3 Повесть временных лет как самый главный источник по истории Руси. .	182
8.4 Сказание о призвании варягов и степень его изучения	200
Примечания	233

Глава 9

ПОЧЕМУ СКАНДИНАВЫ НЕ МОГЛИ БЫТЬ НИ ВАРЯГАМИ, НИ РУСЬЮ

9.1 Значение терминов «за море» и «немцы» русских источников	246
9.2 «Варяги» вне ПВЛ как символ нерусского, неправославного, враждебного	260

9.3 Тенденциозная трактовка норманистами иностранных источников . . .	281
9.4. Миф норманистов о создании шведами Русского государства как «самом ярком событии шведской истории “эпохи викингов”» . . .	319
Примечания	335

Глава 10

ЭТНОС И РОДИНА ВАРЯГОВ И ВАРЯЖСКОЙ РУСИ В СВЕТЕ ПОКАЗАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

10.1 Русь Причерноморская и Русь Прикаспийская: их судьбы в истории и в историографии	350
10.2 Отечественная, западноевропейская, еврейская и восточная традиции о Южной Балтике как родине варягов и варяжской руси . . .	374
10.3 Борьба южнобалтийских варягов и русов, создателей высокоразвитой цивилизации, с германскими захватчиками	396
10.4 Откуда есть пошла Русская земля	435
Примечания	462
<i>Заключение</i>	<i>479</i>
<i>Примечания</i>	<i>484</i>
<i>Указатель имён</i>	<i>485</i>
<i>Источники и литература</i>	<i>509</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>636</i>

Глава 7

УЛЬТРАНОРМАНИЗМ «РУСО-ВАРЯЖСКИХ» ИЛИ «ЧЕСТНЫХ ИСТОРИКОВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

7.1 «Объективное» и «научное» звучание ультранорманизма в работах археологов, главных застрельщиков в норманизации истории Руси

Сегодня разговор о фантомных скандинавах на Руси всё больше и больше крепчает и уже охватывает все стороны её истории, а лексика сторонников шведского взгляда на русскую историю становится всё более категоричной и нетерпимой к мнению оппонентов. Магия «скандинавомании» настолько сейчас огромна, а это опять-таки демонстрируют в первую очередь археологи, что они, забыв о столь необходимых для исследователей осторожности, щепетильности и деликатности, без лишних рассуждений спешат, словно соревнуясь с друг другом, интерпретировать свой материал как скандинавский. При этом всё так же занимаясь самовосхвалением и навязыванием чувства своего научного превосходства над историками. «Одним из ценностных отличий археологии от истории, — объясняет, например, А.Е. Мусин, — является феномен причастности, проникновения в смысл свершившихся событий, запечатлевших себя в культурном слое древних городищ и селищ, историческом ландшафте, оплывших от времени курганах», что «археолог находится ближе к происшедшим некогда событиям, чем историк: чтобы их изучить, археолог обязан постоять на этом месте, обследовать, раскопать, приобщиться».

Говоря о советском прошлом, он утверждает, весьма превратно понимая характер работы историка (потому, как к ней никогда не приобщался) и сущность

«советского антинорманизма», что археологи, находясь во внутренней оппозиции правящему режиму, вели «бои за историю», что «в отличие от историка, привыкшего работать с письменными памятниками и способного избирательно (? — В.Ф.) подходить к различным видам источников, археолог сталкивается в своей практике с комплексом археологических находок, естественным образом сформированным ходом истории. Волей-неволей он обязан рассматривать этот археологический комплекс в его цельности, то есть не может вычеркнуть из полевого дневника те факты и артефакты, которые цензура или самоцензура могли счесть “идеологически вредными”, в данном случае свидетельства о роли варягов в истории Киевской Руси. Таким образом, археология была потенциально опасна для режима, провозгласившего своей идеологией антинорманизм»¹ (давно пора археологам, рассуждающим столь неуважительно об историках, вовсе дистанцироваться от них и переоформить через ВАК свои «исторические» диссертации на степени кандидатов и докторов археологических наук, чтобы профессионалам было сразу ясно, с какой «взвешенностью» и «объективностью» они имеют дело).

Порой единственные «борцы за историю» проформы ради заявляют, что, если привести слова Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева от 2014 г., начало древнерусской государственности — «область взаимодействия разных дисциплин и конкуренции различных научных школ, сфера постоянных дискуссий». Заявляют и тут же всё расставляют по своим местам: «Дискуссия об исторических реалиях, скрывающихся за летописным рассказом о призвании варягов, в очередной раз высветили значение археологических древностей для реконструкции верифицированной картины этих событий», что успехи исторических наук в изучении ранней Руси в последние десятилетия обеспечивались прежде всего притоком новых археологических материалов².

Археологи — российские, белорусские, украинские, видя себя на самом «переднем крае» науки и считая себя вправе судить обо всём и вся — обеспечивают, с большой выдумкой, непрерывный приток новых археологических (и не только их) материалов в пользу норманства варягов и руси, демонстрируя теснейшую взаимосвязь, взаимообусловленность и одну и ту же сущность, в связи с чем их и следует рассматривать в едином контексте. В 2004 г. Л.С. Клейн был непреклонен в мнении, что, «если прежде под русами арабских источников многие ещё понимали славян Киевской Руси, то сейчас всем уже совершенно ясно, что речь идёт о норманнах». А в словах Олега Вещего, что Киев будет «матерью русским городам», увидел ещё сильную привязанность князя «к нормам норманской речи»: «Почему матерью, а не отцом? В славянской речи “город” — мужского рода». Тогда как «в германской речи, включая северогерманскую, скандинавскую, родную для него, и “крепость”, и “город” (нем. die Burg и die Stadt, швед. borg, stad)» были женского рода. Тогда же С.Ю. Каинов (в соавторстве с О. Фёдоровым) подчёркивал, что восточнославянские племена «в военно-техническом отношении были слабы. Их вооружение в основном ограничивалось топорами, наконечниками копий и стрел». Но всё, разумеется, радикально изменилось с приходом к ним скандинавов-русов, которые привнесли с собой «прогрессивные для того периода предметы вооружения и, при-

няв непосредственное участие в образовании государства, составили наиболее профессиональную часть войска Древней Руси»³.

В том же 2004 г. украинский археолог Ф.А. Андрощук, для которого русы восточных авторов — это есть группа скандинавского населения, уверял, что количество скандинавских древностей в Восточной Европе несопоставимо огромно в сравнении с Западной Европой. Поэтому, заключал он в духе Т. Арне, «речь идёт не о случайных приезжих, наёмниках и эпизодических контактах, а в полном смысле колонизации скандинавами отдельных районов Восточной Европы, колонизации, размах которой вполне сравним с колонизацией датчанами восточной Англии». И примером стольного Киева он «подтвердил», на основе «скандинавских» артефактов (камерных погребений, скорлупообразных фибул, мечей и др.), свой вывод: в Верхнем городе в X в. находились, вероятно, как усадьбы, так и расположенные рядом с ними курганы (фамильные кладбища) знатных скандинавов (в ПВЛ упомянуты Ольма=сканд. Holmi, Туры=сканд. Þórir), что какие-то усадьбы скандинавов существовали в районе Кирилловских высот. Но чтобы ещё больше усилить «объективный» заряд своей статьи, Андрощук говорил: «Вполне вероятно, что скандинавский язык был домашним языком в семье Мстислава», что двор боярина Чудина, «надо полагать, располагался в Верхнем городе в непосредственной близости от находившихся здесь курганов, содержащих южнскандинавские древности. На это, вероятно, указывает скандинавское имя его брата — Туки, распространённое главным образом в Дании»⁴ (хотя имя «Чудин» чётко указывает на племя, к которому он, следовательно, и его брат Туки, принадлежал — «чуди». Так, и имена купцов «Ятвяг» и «Свен» договора князя Игоря 945 г.⁵ указывают на их принадлежность к племенам ятвягов и сеев).

На следующий год И.И. Еремеев, не сомневаясь, что в IX–XI вв. в глубине восточноевропейского континента осело значительное количество привозных скандинавских предметов (а с ними франкские мечи, односторонние наборные гребни фризско-скандинавских типов), резюмировал, выводя, согласно традиции норманистской науки, одно предположение из другого: «...Есть основания предполагать, что их появление на востоке было чаще всего связано с ремесленной или торговой деятельностью выходцев из Скандинавии» (а, например, сломанный меч конца IX в., обнаруженный в составе брилёвского клада в пойме Березины, есть след «какого-то совершенно необычного ритуала, в котором принимали участие выходцы из Северной Европы»).

А рассматривая артефакты в районе Торопца (на берегу о. Зеликовье), опубликованные в 1964 г. Г.Ф. Корзухиной и отнесённые ею ко второй половине IX — второй половине X в., столь же «объективно» резюмировал: хотя там человеческих останков при обследовании «и не было замечено, можно с большей долей уверенности предположить, что сделанные на этом месте находки связаны с погребением знатной женщины скандинавского происхождения». Исходя же из того, что заметное число находок «североевропейского облика» (а это понятие сигнализирует, что они не имеют к скандинавам прямого отношения) представлено в таких крупных административных центрах X–XI вв., как Городок на Ловати, Витебск, Усвят, и известно в Скандинавии того же времени, Еремее-

ев подытоживал, тенденциозно толкуя в первую очередь ПВЛ: «...Вполне вероятно пребывание там скандинавов в качестве представителей княжеской администрации и дружинников. Присутствие норманнов в это время в Полоцко-Витебском Подвинье отражено письменными источниками»⁶ (но почему-то они не оставили именно скандинавских погребений, видимо, умирать уходили куда-то в другие земли, наверное, домой).

В том же 2005 г. украинский археолог А.В. Комар, говоря о масштабном разгроме в первой трети IX в. населения волынцевской культуры (в ходе чего было разгромлено и старокиевское городище), связал его с началом проникновения русов-скандинавов, во главе которых стояли Аскольд и Дир. Но лишь в 880-х гг., когда возникает Подол, «на Старокиевской горе начинает формироваться курганный могильник, в Киеве наконец-то археологически вычленяются “русы”»⁷ (появление скандинавских вещей в Среднем Поднепровье, с которыми норманисты обычно связывают появление скандинавов в том или ином районе Руси, коллеги Комара практически в один голос датируют лишь началом X в.).

В 2005–2014 гг. Е.Н. Носов продолжал утверждать, что, по убедительным данным археологии, скандинавы «на Руси были купцами и ремесленниками, воинами и князьями, чиновниками и посланниками, наёмниками и грабителями», что в ряде центров, включая Рюриково городище, которое могло возникнуть в начале IX в., они жили постоянно, семьями и составляли довольно значительную и влиятельную группу общества, что на нём «был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов, важнейшей задачей которого являлось не только обеспечение безопасности торгового пути, но и административный контроль обширных территорий Приильменья», что летописцы, говоря о «Новгороде» при описании событий IX–X вв., имели в виду поселение на Городище, бывшее резиденцией первых князей, что на нём «ощутимо проявляется “вуаль” североевропейской культуры» и что «его археологические материалы попали в европейские каталоги скандинавских древностей». Вместе с тем директор ИИМК РАН, явив миру русскую «Нормандию», обнародовал «новое» объяснение отсутствию следов пребывания скандинавов в Новгороде. Причина оказывается в том, что письменные источники упоминают о скандинавах только как о торговцах, наёмниках и опальных изгнанниках при дворах князей, т. е. как о людях, для которых был характерен подвижный образ жизни, «для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи, богатств или княжеской защиты».

При этом дополнительно поясняя (с помощью Е.А. Мельниковой), что в Новгороде «норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определённых кварталах и дворах, а поэтому в будущем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех его частей»⁸ (заслуги Носова, не боявшегося, по оценке коллег, нового в науке и сам выдвигающий это новое, в норманизации Руси оценены ещё и тем, что «Рюриково городище, — говорили в унисон с ним в 2010–2011 гг. наш археолог А.Н. Кирпичников и датский историк Д. Линд — стало уникальным объектом для отечественного и иностранного туризма. Оно включено в общеевропейский каталог Совета Европы как памятник, рекомендуемый для посещения туристами в рамках

культурной программы “По путям викингов”»⁹. То, что такие пути есть очередная норманистская фикция, говорят сами норманисты. В 2017 г. М.В. Елифёрова констатировала, что для эпохи летописного Рюрика ни одного сколько-нибудь весомого признака наличия княжеской резиденции на Рюриковом городище раскопки не выявляют, что на нём отсутствуют признаки княжеской инфраструктуры, что авторы недостаточно знакомы «со скандинавским материалом, выходящим за рамки стилей орнаментов на фибулах (как верно замечено! — В.Ф.)». В частности, они умудряются совершенно проигнорировать вопрос о том, как выглядели и функционировали резиденции конунгов языческой Скандинавии». И, по её заключению, находки на городище вызывают больше вопросов, чем ответов, в связи с чем они должны подвергнуться всестороннему критическому рассмотрению в свете письменных источников и западноевропейских параллелей¹⁰).

В 2005 г. И.В. Исламова, Е.Ю. Крымов, В.В. Романов «приток новых археологических материалов» в пользу норманнов обеспечили тем, что, отнеся находки (три фрагмента бронзовых фибул, почти целый наконечник ножен меча и бронзовая с позолотой бляшка-крючок), найденные в размывах берегов Волги на участке от впадения в неё рек Дубны и Медведицы, к предметам скандинавского типа, предположили: они были связаны с полностью разрушенным курганным могильником, располагавшимся, возможно, в южной части острова, что неподалёку от устья Медведицы. Датируя находки в основном второй половиной X в., авторы высказали другое предположение, что Пекуновское и Медведицкое поселения имели не только торговый характер, но и обладали военно-административными функциями, в частности, контролировали движение по Волжскому пути и служили центрами близлежащих территорий. После чего уже твёрдо сказали, что в этих центрах («погостах») «находились представители княжеской власти, среди которых были и выходцы из Скандинавии»¹¹.

В 2005–2013 гг. В.Я. Петрухин, повторяя сказанное, начиная с советского времени, утверждал, что сожжение в ладье принадлежит к характерным чертам скандинавского погребального обряда, что наличие скандинавских овальных фибул считается надёжным признаком скандинавского погребения (а открытие всё большего числа скандинавских женских могил на Руси свидетельствует о том, что норманны брали с собой свои семьи), что данные исторической ономастики давно прояснили происхождение слова «русь», что концентрация дружинных древностей на Рюриковом городище «в 860-е гг. сопоставима с данными летописи о призвании варяжских князей», что варяжская легенда передаёт договор — ряд, заключённый в этом городище «варяжской дружиной и князьями с племенами словен, кривичей и мери», что Волго-Окское междуречье выходцы из Швеции и с Аландских островов колонизировали одновременно со славянами, что «начальная» русь — или «русские норманны» — формировала вышший слой русского общества (составляла дружины первых русских князей).

Не менее утвердительно им говорилось, что на Руси «правил княжеский “русский род” скандинавского происхождения», что «скандинавские комплексы принадлежат к самым богатым и пышным некрополям древнерусских го-

родов (Киев, Чернигов) и погостов (Гнёздово под Смоленском, Шестовица под Черниговом, Тимерёво в Верхнем Поволжье и др.)», что, судя по «большим курганам», господствующее положение в Гнёздове и Чернигове занимали дружинные верхи скандинавского происхождения, что в договоре с Византией имена послов «от рода русского» сохраняют аутентичную скандинавскую форму, что имя HLGW Кембриджского документа «точно передаёт скандинавскую форму имени *Хельги*, рус. *Олег*», что «на точное соответствие описания, сделанного Ибн Фадланом, норманскому ритуалу указывают почти все исследователи эпохи викингов» (и находил тому, разумеется, новые «подтверждения»: «ангел смерти», которого в 1995 г. сопоставил с героем русских сказок — Бабой-Ягой, представил уже в качестве валькирии), что русь в Волжской Болгарии сохраняла скандинавские традиции в быту (кремацию в ладье и т. п.), что русские информаторы арабских авторов (Ибн Русте) описывали обряд ингумации в могиле, распространённый в Скандинавии.

Вместе с тем Петрухин заверял, что летописец дал вполне однозначный ответ на вопрос, сформулированный им в начале ПВЛ: «Откуда есть пошла Русская земля» — от призванных в 862 г. «варягов-скандинавов, от которых и «прозвася Руская земля», что «Поромон двор» — «сканд. *farmannagardr*, “купеческий двор”», что «если соотносить данные археологии с летописными, то появление скандинавских древностей» в Киеве относится к 880-м гг. — эпохе Олега (но таковых там, как уже указывалось, нет совершенно), что рядом с Лысой горой в Киеве расположена курганная группа, включающая скандинавские погребения, что скандинавы активно воспринимали славянский язык, славянскую лексику, а затем и славянские имена в самой княжеской семье, и, стало быть, славянское право, что в Полоцке правил норманн Рогволод, что нападения на Севилью в 844 г. и на Константинополь в 860 г. совершили норманны.

Опираясь на предположение В. Томсена и Т.Н. Джаксон, Петрухин совершил ещё один чудесный лингвистический «прорыв» в норманистике, обнаружив историческую основу скандинавской этимологии Киева *Kœnugarðr*: «от *kœna* — “лодка особого вида”, *Kœnugarðr* — “укреплённый двор, к которому прибывали лодки”; ситуация, соответствующая последним открытиям на Подоле, который регулярно заливался при разливах» (а такая «научная этимология» на свет появилась потому, что Киева, в котором, согласно расчётам Л.С. Клейна и его учеников, каждый пятый житель был норманном, нет, констатирует Т.Н. Джаксон, «в рунических надписях X–XI вв., нет его в скальдических стихах IX–XII вв., нет и в королевских сагах», за исключением «Пряди об Эймунде» конца XIII в.). Причём планировка Подола, говорил археолог, ссылаясь на мнение украинского коллеги М.А. Сагайдака, напоминает «исследователям планировку Хедебю и подобных ему балтийских вигов», и тем самым в Киеве был открыт «варяжский вик» времён Олега¹².

А.С. Хорошев и Т.А. Пушкина в 2006 г. в учебнике по археологии для студентов-историков объясняли им, описывая парное захоронение (мужчина и женщина) кургана первой четверти X в. № 13 Гнёздовского могильника, что такие его элементы, как порча и втыкание оружия в погребальное кострище, нали-

чие гривны с «молоточками Тора», женские фибулы овальной формы, являются скандинавскими. До них также доносилось, что каролингские мечи в X в. попадали на Русь либо через посредство норманнов, либо вместе с ними. Тогда же белорусский археолог С.Д. Дернович, опираясь на «скандинавские древности» (мечи, фибулы, наконечники копий и стрел ланцетовидной формы и др.), найденные на территории его страны, подчёркивал, что в IX–XI вв. присутствие и деятельность выходцев из Скандинавии становится весьма ощутимыми, что через их посредничество по пути «из варяг в греки» поступали как собственно скандинавские изделия, так и импорт с Запада, Востока и Юга. Видя в каждом артефакте непредвзятый источник, точно характеризующий историю, он пришёл к вероятному выводу, что меч из окрестностей Полоцка маркирует «присутствие на Руси варяжских дружин и поэтапность их инфильтрации в древнерусскую военно-дружинную организацию и культуру»¹³.

В том же 2006 г. украинские археологи В.П. Коваленко и А.П. Моця, ведя речь о викинггах (варягах, русах) уверяли (не объясняя это «чудо»), что они, грабившие сотни европейских городов, с IX в. активно включились в оживлённую торговлю многочисленных, но разрозненных восточнославянских племён со странами Востока и Византией, итогом чего стало «призвание варягов», зарождение державы Рюриковичей» и начало строительства «трансевропейского моста», т. е. «пути из варяг в греки», соединявшего север и юг континента. Рассматривая, по их оценке, военный лагерь варягов под Черниговом у села Шестовица, авторы заключили, что из исследованных порядка 200 погребений как минимум 20 принадлежат скандинавам (ибо это «погребения в срубных гробницах с рабыней и конём; в ладьях; сожжения с согнутыми мечами; женские погребения с черепаховидными фибулами»). А парное погребение (в срубной гробнице) мужчины и женщины они преподнесли как погребение вождя-жреца («хевдинга» скандинавской мифологии), предводителя (или одного из предводителей) шестовицкой дружины. Датировав его серединой X в., сделали, по собственным словам, «ещё одно смелое и невероятное предположение»: в снятии воеводой Претичем печенежской осады Киева, когда Святослав находился на Дунае, «вполне мог быть и наш викинг со своими людьми». В 2010 г. эти же учёные подчёркивали, «что главной функцией Шестовицкого комплекса был контроль над Черниговом», что не менее десятой части небольшой профессиональной дружины составляли скандинавы»¹⁴.

В 2006–2009 гг. Е.А. Яковлева и в 2006 г. А.В. Михайлов, также не боясь, как и все археологи-норманисты, «нового в науке и сами выдвигающие это новое», увязали четыре женских захоронения в камерном погребении псковского некрополя второй половины X в. со скандинавами (потому как часть ювелирного набора относится «к “гибридному” типу ювелирных изделий, совместивших в себе славяно-русскую ювелирную технологию и скандинавскую тематику», фрагменты круглого деревянного ларца, аналогии которому известны в женских захоронениях Дании и Швеции, поверхность его крышки «была украшена тонкими бронзовыми пластинками, орнаментированными в стиле Еллинг»). Согласно Яковлевой, изученное ею погребение соответствует «начальному этапу христианизации... затронувшей в первую очередь элитные слои полиэтнично-

го общества Древней Руси, в котором значительную роль играл скандинавский элемент»¹⁵ (на основании такого «открытия» филолог-историк Е.А. Мельникова тут же «откроет» «скандинавскую династию» в Пскове).

В 2006 г. А.Е. Мусин, прокладывая «дорогу к Руси», утверждал, что «в урочище с романтическим названием Плакун» (хотя его славянское название, прямо указывающее на его славянское происхождение, связано с тем, что на этом языческом кладбище плакали) находится, пожалуй, единственный некрополь на территории Руси, который однозначно можно связать со скандинавами и именно с теми, которые были приглашены с Рюриком и его братьями, что там же было обнаружено погребение пожилого викинга в камере, вероятно, Рюрика. По его убеждению, письменные источники упоминают об участии норманнов в процессе формирования государства (причём они «не только способствовали сложению государства на Руси, изначально они слагали её Церковь»), были катализаторами социально-политических процессов, главными агентами трансевразийских торговых путей, представляли собой верхушечный слой русского общества, его военно-торговую и дружинно-административную элиту, населявшую города, что Austrvegr скандинавских саг отражает существование Волховско-Днепровского пути «из варяг в греки», что не позднее середины 830-х гг. вдоль всего этого пути сложился «каганат росов», в становлении которого активную роль сыграли варяги-свеи, что под их влиянием на том же пути, особенно в 900–1000 гг., сложилась удивительная синкретическая культура ювелирных украшений и погребальной обрядности, а продвижение скандинавов на восток и на юг вовлекло в этот процесс восточных славян.

Археологу Мусину, как норманисту, также абсолютно ясно, что для завершения строительства собственного государства восточным славянам нужна была надсоциальная и надэтническая власть, способная осуществлять функции социального контроля и справедливого суда, и такой властью сумела стать приглашённая династия Рюриковичей, что их держава постепенно замещала каганат русов в южной Руси, что Гнёздово (в скандинавских сагах, предположительно, Syrnes — Свиной мыс) наиболее близко в социальном и топографическом отношении главнейшим балтийским викам — Бирке и Хедебю, что «русские» названия днепровских порогов заимствованы из скандинавского языка, что в Юго-Восточном Приладожье возникла уникальная курганная культура IX–XI вв. общества с центром в Алаборге, представители которого, возможно, именовались «колбьягами», что на городище Масковичи (у Браслава, ныне Белоруссия) в XI–XII вв. «стоял варяжский гарнизон, выполнявший таможенно-пограничные функции и оставивший многочисленные рунические надписи на бытовых предметах» и т. д., и т. п. Финальным аккордом «широкоформатной» картины скандинавского начала и характера Руси, нарисованной с помощью прежде всего «ленинградцев» — В.А. Булкина, И.В. Дубова, А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко, Е.Н. Носова, а также представителя «московской школы» В.Я. Петрухина, звучат слова Мусина: «Эпоха викингов ушла в прошлое, как отошли в прошлое ожесточённые “бои за историю” — за право скандинавов жить и участвовать в русской истории»¹⁶. Но такое достигается только путём гибели в этих боях последней.

В 2007 г. В.Л. Янин указал, что «на протяжении длительного времени рассказ о призвании варяжского князя признавался в российской историографии антипатриотическим мифом». Хотя истинность его вокняжения подтвердилась раскопками Е.Н. Носова на Городище, где наличествовал преобладающий норманский элемент. Ведя речь о деревянных «замках», гарантировавших сохранение содержимого мешка в виде пушнины, академик резюмировал: подобные находки в слоях X в. в Волине (Южная Балтика) и Дублине «позволяют заключить, что сам обычай применения таких устройств имеет норманское происхождение». Тогда же В.В. Мурашёва поделилась новым «артефактом» в пользу норманской версии. В 2005 г. в районе оз. Бездонка, расположенного у Центрального городища Гнёздова, была найдена корабельная деревянная уключина, уникальность которой состоит в том, что она украшена орнаментом. А так как этот «орнамент в виде стилизованной плетёнки украшает край скандинавского наконечника ножен мечей... и борт круглых фибул», то «характер орнамента указывает на скандинавское происхождение судна»¹⁷.

В 2007 г. В.И. Кулаков на международной конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света», проводимой Эрмитажем (материал был опубликован двумя годами позже), говорил, что представители полиэтничных дружин викингов основали раннегосударственную структуру Руси, в частности, как гарант Великого Волжского пути. При этом, ведя разговор о поселении в дельте р. Вислы, прямо сожалел, что там не удаётся «поселить» норманнов: «Находка ритуального гнutoго меча, к сожалению, не доказывает присутствие в Труссе (или в его непосредственной округе) воинов или купцов из Скандинавии». «Безусловно, — на той же конференции категорично высказывала свою точку зрения З.А. Львова, — скандинавы играли огромную роль в образовании Древнерусского государства». А К.А. Михайлов указывал, «что древнерусские погребения X в. имеют множество параллелей в скандинавских могильниках эпохи викингов. Работы Т. Арне, Г.Ф. Корзухиной, Г.С. Лебедева, Ю.Э. Жарнова продемонстрировали, что обряды древнерусских “дружинных” некрополей являются частью погребальных традиций Северной Европы и Балтийского региона»¹⁸.

На той же конференции В.С. Кулешов, по примеру своих старших коллег чувствуя в лингвистике как в родной стихии, выразил категоричное несогласие с мнениями прежде всего профессиональных лингвистов — О.Н. Трубачёва и особенно К.А. Максимовича (в своей критике языковедов молодой археолог был неистов, отвергнув и мнение, которое частично разделял А.А. Шахматов: «слово **rotsi* должно было адаптироваться в древнерусский язык с субституцией [ts] в виде [ц] или [ч]»). Но и В. Томсен говорил, стоит напомнить, «может показаться странным, что славяне при переделке имени *Русь* из финского *Ruotsi* передали сочетание согласных *ts* звуком *с*, а не *ц*». Полагая, что в славянском языке форма Руць была бы немыслима, датский лингвист признал: финское *Ruotsi* «должна была бы видоизмениться или в *Ручь*, или в *Русь*»).

Затем Кулешов горячо убеждал в том, что скандинавская этимология удовлетворяет всем фонетическим критериям и историческим реалиям (ей в избытке имеется историческая и историко-культурная аргументация), что, ли-

лось в унисон с археологом Г.С. Лебедевым, «как будто бы нет препятствий для непосредственного вывода вост.-слав. **русь** из др.-сканд. *göf*». Причём противникам этой этимологии он объяснял, что «данные исторических источников... бесполезны в решении лингвистических вопросов. Они нужны только для прояснения исторического фона, на котором автор будет разворачивать свою лингвистическую аргументацию... которая должна основываться исключительно на фонетических законах, правилах установления фонетических соответствий и нормах фонемного пересчёта. Историческая и историко-культурная аргументация играет роль для подкрепления лингвистически обоснованных этимологий, но не может иметь самостоятельного значения для их критики». Тогда как лингвистика может спокойно решать исторические вопросы¹⁹.

Тогда же и там же Д.А. Мачинский, полностью поддержав лингвистические заключения Кулешова, (построенные по норманистскому принципу, что паж, что голан, что Голандия, что Тарту, что Тартус, всё едино), вместе с тем продублировал (дополнительно озвучив эти свои идеи ещё и в статье за 2009 г.) в отредактированном виде свои ранее высказанные мысли, в связи с чем его видение начальной истории Руси приобрело, можно сказать, завершённый вид, знакомый по трудам шведских далинов и русских погодиных. При этом откровенно выразив свою позицию, не скрывая её крайнего субъективизма, словами, что опирается (вот и вся «объективность» археологов, о которой разглагольствует А.Е. Мусин) «только на те системные фактические данные (письменных источников, археологии, нумизматики, лингвистики), которые я считаю доказанными или наиболее вероятными», и что в отдельных случаях он пользуется «ёмкими образами и “символическими фактами”, обнаруженными в письменных источниках и домысленными мной и иногда более точно выражающими суть происходившего, чем невместимая в сжатый текст фактологическая аргументация».

И, согласно этим высосанным из пальца данным, рождение Руси začínалось «пассионариями» Скандинавии очень давно: что «путь меховой торговли» (Приладожье — Верхнее Поволжье — Прикамье) ещё до готов контролировали свионы центральной Швеции с их великолепным гребным флотом, что росомоны Иордана представляли собой группировку свионов (свеев) Рослагена. Свою другую посылку о нахождении на нижнем Волховье скандинавов, контролировавших в середине VII — на рубеже VII–VIII вв. шведско-камский путь, который во второй половине VIII в. был включён в западной своей части в систему торговых путей от Дорестада до Багдада, Мачинский опять подтверждал как скандинавской эпической традицией, которая лучше всего представлена в «Саге о Скъёльдунгах» в сюжете о походе конунга данов и свеев из божественного рода Скъёльдунгов Ивара Широкие Объятия на конунга Гардарики Радбарда, так и обращением к шведу О. Далину. Археолог, как и прежде уверяя, что «ранние сообщения летописей — это те же “саги о древних временах”, только, в отличие от скандинавских, крайне сокращённые», буквально выговаривал «опытным исследователям» за то, что они «отказываются использовать данные, содержащиеся в письменных источниках, фиксирующих скандинавскую эпическую традицию, будь то “саги о древних временах”, или даже “Сага об Инглингах”».

Вместе с тем он, говоря о существовании нескольких русских протогосударств VIII–X вв., в которых главенствующее положение занимала скандинавская русь, объединившая все славянские, балто-славянские и финноязычные племена Европейской Скифии, заключил, что, согласно археологии, только в Ладоге «и её окрестностях к 830-м гг. уже 70–80 лет присутствовали выходцы из Скандинавии (преимущественно из Швеции и Готланда)» (тогда как безусловное присутствие словен в Ильменском Поозерье археологически улавливается лишь после середины IX в.), что Ладога-Aldeigjuborg в начале IX в. с трёх сторон была прикрыта целым рядом «боргов» на основных речных путях: Alaborg на Сяси у Рождественского порога, Trelleborg (Холопий/Робий городок) ниже слияния Волхова и Волховца, Любшанское городище, прикрывавшее Ладогу с севера, а также, возможно, и Изборск — скандинавский Iseborg < *Isuborg.

Подчёркивая, что «при формировании русского государства огромную роль играло освоение этносоциумом “русь” речных, морских и сухопутных путей Европы и Юго-Западной Азии», Мачинский заключил: в 760–840-е гг. с центром в Ладоге функционировало первое протогосударственное образование — дорюриково севернорусское политическое единство росов-свеонов и балтославян, которое контролировало торгово-даннические пути и центры ещё до «варягов из заморья» и междоусобиц и глава которого «уже в 830-х гг. смел именовать себя на международной арене “имперским” титулом “хакан”» (принял его в 810–830-е гг. из-за желания сравниться с владыкой хазар и/или противопоставить себя ему). Причём, по убеждению учёного, существовали, исходя из имён «славного Ингера» «родом из росов» и митрополита Никейского Ингероса, разнообразные контакты росов с Византией ещё до посольства 837–839 гг., что отчасти и объясняет осведомлённость их о незащищённости Константинополя при набеге 860 г., который либо предприняла «дорюрикова» русь, либо его могли возглавить «варяги из заморья» в союзе с нею.

Но в результате набега в 851–852 гг. норвежско-датских викингов на Ладогу первое русское протогосударство пережило сильнейший удар, в результате которого прервалась династия по мужской линии. В середине 860–870-х гг. там появляются новые пришельцы из Швеции (преимущественно из Рослагена) во главе с Рюриком, приглашённые — после междоусобицы 850–860-х гг. по договору — остаточной русью (была тесно связана со «всею русью» в прибрежной Швеции), чудью, словенами и кривичами. Так возникло второе русское протогосударство со столицей сначала в Ладоге, а затем в Невогарде/Рюриковом городке (это основанное Рюриком поселение являлось политическим центром «острова русов» восточных авторов, рассказ о котором они записали со слов побывавших там «гостей» с Ближнего Востока. Его финно-скандинавское название Невогард позднее было перенесено на собственно Новгород). И если, подчёркивал археолог, в первой половине IX в. русь, судя по сообщению Ибн Хордадбеха и данных археологии, состояла из потомков скандинавов, а также из славян и балтославян, то с 850–870-х гг. в её составе вновь усиливается скандинавский этнокомпонент (в Плакуне раскопан дружинный некрополь скандинавов последней трети IX — первой трети X в.). Скандинавство руси

он подтверждал ещё одним «аргументом»: по описанию Константина VII Багрянородного крещения росов, связанного с именем его деда Василия I Македонянина, их «архонт» «уверенно возглавляет народное собрание и совет старейшин ок. 868–874 гг., что вполне соответствует обычаям свеонов, как они описаны в “Житии святого Ансгария”».

По Мачинскому, Рюрика росы также именовали «каганом» (он унаследовал этот титул, скорее всего, от правящей династии первого русского протогосударства), что северная военно-торговая русь после 860 г. (Аскольд и Дир?) создаёт «новый опорный пункт на пути в Византию — Киев, который с последнего десятилетия IX в. становится опорным пунктом руси на юге Руси и, возможно, столицей её особой части, возглавляемой верховным воеводой Олегом, но около 912–920-х гг. Киев уже является главной столицей всего русского протогосударства». Ко всему сказанному добавлялось, что Итиль был разгромлен не Святославом, а, несомненно, «поволжскими русами (вероятно, со вспомогательными отрядами скандинавов и, возможно, северных славян)», имевшими своим центром Куябу арабских источников, в которой учёный увидел археологический комплекс у д. Васильково на Нерли в Суздальском Ополе, и что в этносоциуме русь «до гибели войска Святослава в 971–972 гг., видимо, преобладали потомки скандинавов по мужской линии».

Как в целом завершал Мачинский свой эпический рассказ, русское государство с центром в Среднем Поднепровье родилось в результате встречи и противостояния мигрирующего с севера этносоциума и протогосударства русь и «королевства» (княжения) древлян, что слияние этих двух компонентов выразилось в именовании наследника русского «стола» и потомка выходцев из Скандинавии славянским именем Святослав, одновременно являющимся переводом на славянский скандинавского имени его деда Рюрика (по А.А. Кунику, *Hroðrekr/Hrurikr — «могучий (сильный) славою», по В. Томсену — Hroerekr). Вместе с тем славянское имя сына Ольги свидетельствует, объяснял археолог, «об интенсивном и неостановимом процессе славянизации росов, уловленной умной и дальновидной» княгиней²⁰.

На той же конференции археологи А.В. Зорин и А.Г. Шпилев, реконструируя (в том числе под влиянием идей Мачинского, столько «нового» вбрасывающего в науку) историю Восточной Европы IX в., в известии византийского жития Стефана Сурожского увидели набег викингов-русов из основанной ими Ладogi, уверяли, что после Амастридского похода во второй трети IX в. на северо-западе Руси появилось протогосударственное образование «Русский каганат» («остров русов» в Приладожье и Поволховье) во главе с «каганом» (а этим титулом он заявлял о своей независимости и равноправии по отношению к Хазарии), что его послы — свеоны/шведы — затем оказались в Ингельгейме, что смерть могущественного кагана русов послужила причиной восстания племён-данников, изгнавших варягов, но затем направивших «за море» делегацию, которая призвала Рюрика с братьями, что об отношении призванных к данам говорит характер городской застройки Ладоги — в слоях второй половины IX в. обнаружены парцеллы, аналогичные найденным при раскопках датского города Риббе, и что, вероятно, Рюрик сохранил за собой титул «кагана».

Затем норманны, осевшие на Среднем Днепре, во главе с Аскольдом и Диром осадили в 860 г. Константинополь (а вскоре и крестились), что под Черниговом (в Шестовицах) находился мощный воинский контингент руси, что в Гнёздове, Тимерёве, Михайловском и Петровском проживали и скандинавы (а три последних пункта представляли собой «Арсу» восточных источников, именуемую авторами Волжской Русью), что походы на Каспий в 860-х — 940-х гг. совершали её представители, что Олег Вещий объединил северный «каганат русов» и киевский анклав руси Аскольда и Дира в единое государство, что в походе того же князя на вятичей было разгромлено городище Супруты на р. Упа в 50 км от Тулы, в котором находился опасный для Рюриковичей соперник скандинавского происхождения, в полиэтнической дружине которого могли быть и скандинавы (в 2017 г. историк А.С. Щавелёв и археолог А.А. Фетисов крайне негативно оценили, будучи норманистами, рассуждения Зорина и Шпилева, изложенные ими ещё и на страницах международного археологического журнала «Stratum plus» в 2009 г., в том числе и потому, что ряд их выводов есть область искажений и догадок, достаточно фантастических, и что их «источниковедческие вольности сопутствуют почти всем приведённым примерам из письменных источников, что лишает выводы авторов вообще каких-либо оснований»)²¹.

В 2007 г. украинский археолог М.А. Сагайдак (при участии российских коллег В.В. Мурашёвой и В.Я. Петрухина) утверждал, что в создании инфраструктуры торговых путей в Восточной Европе и налаживании торговых связей активное участие приняли варяги (в коих он видел норманнов-«русь», «ар-рус» восточных источников), что в Ладоге находилась резиденция конунга, что её прибрежная территория была разделена, как и в Риге, на участки-парцеллы (они также известны в Гнёздове, Киеве и других поселениях), что скандинавы входили «в состав русской княжеской дружины». Сагайдак очень уверенно говорил, что в Гнёздове т.н. большие курганы содержат, как правило, скандинавские ладьи с кремированными останками, что со славянской керамикой ранних слоёв этого поселения сочетается деревянная уключина от скандинавского судна, что значительную часть его населения составляли выходцы из Скандинавии (в связи с чем нельзя исключать северное происхождение полужемляночного домостроительства в Гнёздове), что исследования раннегородских центров Восточной Европы — Гнёздова, Рюрикова и Сарского городищ, Ладоги, Тимерёва и др. — начали менять оценку роли скандинавов в истории Древней Руси (т. е. ещё больше её абсолютизировать), что камерные погребения обычно связывают с варягами-«русью», что большие дружинные курганы Чернигова содержат варяжские захоронения X в., что в Киеве (на Подоле, Замковой горе и крупном могильнике на месте будущего Верхнего города) найдены скандинавские предметы IX–XI вв., указывающие на присутствие скандинавов.

Более того, столь же уверенно продолжал далее археолог, «город Владимира» (Верхний город) «имел презентационный характер — черта, характерная для административных центров Северной Европы, таких, к примеру, как Сигтуна в Швеции», что характер городской планировки Киева очень напоминал принятую в городах Северной Европы, что участки территории «города Яро-

слава», примыкающие к одной из его главных улиц, простирающейся от Св. Софии к западным воротам города, были ограничены ровиками, выкопанными в материке, как в Висбю и Риббе (т. к. супруга Ярослава Мудрого была шведской княжной — дочерью конунга из Сигтуны, то «она не могла остаться равнодушной к облику своей столицы. Образцом могла служить планировка городов её родины»), что «планировка Подола вдоль главной улицы, проложенной параллельно береговой линии, ставит этот город Южной Руси в один ряд с ранними городами Рейнской области, Британских островов, Скандинавии, где такой тип планировки доминировал»²².

В 2008 г. Н.В. Ениосова и Т.Г. Сарычева вели разговор о присутствии скандинавских мастеров на Руси, производивших типично скандинавские украшения²³. Тогда же В.В. Мурашёва, исходя из скандинавской узды Супрутского клада (как-никак специалист по убору коня в Древней Руси), предположила, что владельцем клада был скандинав. В конечном итоге она, рассуждая о наличии в Супрутах группы выходцев из Скандинавии, выдвинула гипотезу, «что население Супрутского городища было сложным этносоциальным организмом, в котором сосуществовали гребцы-викинги, хазарские всадники и славянское население» (как заметил в 2011 г. В.Я. Петрухин по поводу гипотезы Мурашёвой, что на Супрутском поселении сосуществовали «гребцы-викинги, хазарские всадники и славянское население»: она «представляется излишне прямолинейной в отношении истории накопления клада» (но такой прямолинейности ей было у кого учиться). Через шесть лет А.С. Щавелёв и А.А. Фетисов, сомневаясь в её выводах, напомнили: автор раскопок этого городища А.В. Григорьев установил в 2005 г., что все предметы, которые могут быть отнесены к мужской, дружинной субкультуре — удила, стремяна, топоры, детали поясов, луков, — имеют прямые аналогии в памятниках салтовского типа и связаны с традициями кочевого степного мира и что на поселениях для контроля ключевого участка Донского пути находилась небольшая мобильная конная дружина, славянская в своей основе, с участием степных кочевников)²⁴.

В 2009–2012 гг. Мурашёва вела речь о широком распространении на Руси скандинавских предметов, проводила идею, что овальные фибулы не могли быть предметом импорта и свидетельствуют о присутствии скандинавов в русских землях, что распространение там же мечей «каролингского» типа исследователи связывают с выходцами из Скандинавии и т. д. На основании чего она вновь как археолог «ясно» увидела, что в русские земли наблюдается постоянный приток норманского элемента, что «скандинавы входили в состав древнерусской элиты (причём на ранних этапах образования Древнерусского государства составляли в ней значительную, если не преобладающую часть)», что принцип планировки Подола, на котором возникла городская жизнь Киева, застройка вдоль речной береговой линии оказывается аналогичен структуре расселения в городах средневековой Швеции, таких, например, как Сигтуна²⁵.

В 2008–2014 гг. А.Н. Кирпичников, с пафосом продолжал объяснять важность призвания в Ладогу (возможно, она была федеративной столицей северных славянских и финских племён) воинственного викинга Рюрика для обороны «от викингов-разбойников», что с его приходом Ладога на два-три года стала сто-

личной резиденцией образующейся Древнерусской державы, что именно в ней «родился замысел Русской Державы, Русской Империи», в связи с чем Рюрика справедливо рассматривают как основоположника государственного здания, строительство которого продолжил его преемник князь Олег, создавший федеративную армию под единым командованием и объединивший в 882 г. Северную и Южную Русь. Параллельно с тем он резюмировал, демонстрируя посредством какого мутного материала норманисты «воссоздают» прошлое Руси, что «приоритетное положение Ладоги-Альдейгъюборг как места политического властвования конунгов и даже целых их династий подтверждают скандинавские саги, восходящие к IX–X векам. При всей фантастичности их содержания, какие-то неподтверждённые, а возможно, в какой-то мере реальные события, отражаются в сообщениях о местных владетелях и их семьях. В этом городе останавливались знатные норманны, чинили и строили корабли, защищались от нападений... устраивали свадьбы, собирали вече-тинг»²⁶.

В 2008 г. С.Л. Кузьмин чётко сказал (а свои идеи он уже во многом обкатал во французском издании 2000 г.), что среди первопоселенцев Ладоги 750–760-х гг. доминирующее положение занимала группа норманнов, которая «была немногочисленна и достаточно монолитна. Наряду с мужчинами в ней были женщины и, вероятно, дети». Своё существование эта скандинавская колония прекратила не позднее рубежа 760–770-х гг., что было связано с приходом в Нижнее Поволхье из более южных районов Восточной Европы славян. На рубеже 830–840-х гг., осмелился предположить Кузьмин, Ладогу захватила группа норманнов, занявших в ней, несомненно, доминирующее положение и бравших, по ПВЛ, дань с ряда славянских и финских племён (по всей вероятности, эти варяги были свеями). Затем она в 860-х гг. подверглась полному разгрому ополчением восставших племён. После чего последовало призвание Рюрика, часто отождествляемого с Рориком Ютландским (скандинавам, постоянно присутствовавшим в Ладоге до начала XI в. принадлежит могильник в урочище Плакун, аналогии насыпям которого уводят на юг Скандинавии). И в пользу их пребывания свидетельствует представительная серия скандинавских находок — разнотипные фибулы, наконечники ножен мечей, железная шейная гривна с подвесками в виде «молоточков» Тора, подвеска с рунической надписью и др. Вместе с тем археолог Кузьмин заметил, что идея А.Н. Кирпичникова о «городском» характере Ладоги VIII–IX вв. покоятся на соображениях общего порядка, а не на конкретном материале, и что версия о ней как столице особой Ладожской земли, предшествующей Новгородской, не выдерживает критики²⁷.

В 2009 г. Л.С. Клейн утверждал, что норманны сыграли значительную роль в истории России и что норманнская династия объединила разрозненные до того восточнославянские племена. А чтобы в том ни у кого не было сомнений, он, обратившись к упомянутому выше мечу из Фощеватой под Миргородом, на клинке которого читается славянская надпись «людо[?]а коваль», заключил, являя миру «новый аргумент» в пользу норманнской версии, сотканной из таких «аргументов»: «Она говорит о местном производстве мечей, причём либо славянский мастер учитывал вкусы потребителя, либо мастером был славя-

низированный норманн (имя для славянина необычное — Людота или Людоша, фамильярное от Людвиг?). Понимая, что этим мечом от «Людвига» не разрубить «варяжский узел» в пользу норманнов, Клейн «открыл» на территории Руси (т. к. их отсутствие — свидетельство несостоятельности норманизма) скандинавский топоним, уверяя, что «город Суздаль и назван по-нормански — его название означает “Южная Долина”» («“даль” у скандинавов “долина”»)»²⁸ (название русских городов в древнескандинавских памятниках является, неоднократно указывала, начиная с 1985 г. Т.Н. Джаксон, транскрипцией местных названий²⁹).

Параллельно с тем Клейн увлечённо повествовал в духе ультранорманистов первой половины XIX в., что «норманны сумели насадить некоторые свои обычаи в государственном управлении, праве и культуре. Введённое князьями полюдье было копией норвежской “вейцлы” и шведского “ёрда”. Некоторые законы Русской правды были аналогичны скандинавским — суд 12 граждан, закон о езде на чужом коне, размер штрафа в 3 денежных единицы (в датском праве 3 марки, в русском — 3 гривны) и т. д. ... У всех варварских обществ пиры занимают важное место в быту родовой знати, но своей избирательностью “почестен мир” русских былин очень близок к скандинавскому пированию, входившему в кодекс чести конунга и связывавшему его с дружиной. Со скандинавами пришли и их предания. Смерть “вещего Олега” от собственного коня соответствует смерти Орварра-Одда от коня Факки в исландской саге и в некоторых английских сказаниях». Тогда же учёный рассказывал (и здесь ни в чём не уступая М.П. Погодину), что норманны поклонялись славянским богам.

Через год Клейн вёл речь о чисто норманском могильнике Плакун и постулировал, что все русские князья IX–X веков были норманнами, носили шведские и датские имена. В 2014 г. он, громя антинорманистов за их издевательство над томсеновским выведением термина «русь» от «гребцов», доказывал, что «русью» финны называли шведов, что за ними в VIII в. их так стали именовать славяне, вероятно, поначалу в районе Старой Ладogi и что такое заключение «вполне согласуется с летописью о пришествии племени русь, “от них же и ны прозвашася”»³⁰. В 2009 г. К.А. Михайлов подытоживал: «Значительный скандинавский компонент в составе древнерусской материальной культуры IX–X вв. уже мало кем оспаривается. Костюм, оружие, украшения и погребальный обряд древнерусской элиты несёт на себе значительный отпечаток культуры эпохи викингов». Например, говорил он с ссылкой на статью 2004 г. украинского коллеги Ф.А. Андрощука, что «в составе киевского некрополя на Старокиевской горе найдены многочисленные находки и погребения скандинавского происхождения, которые указывают на присутствие значительного числа норманнов в древнем Киеве»³¹.

2012 г., объявленный годом 1150-летия зарождения российской государственности и Годом истории, был особенно урожайным на работы археологов, при этом не забывающих напоминать о приоритете археологии в разработке варяжского вопроса. Так, директор ИА РАН Н.А. Макаров, говоря о письменных источниках, немногочисленных и трудных для интерпретации, подчеркнул, что археологические памятники «формируют сегодня в нашем сознании

образ ранней Руси, основанный на подлинных материальных свидетельствах», и что «в целом эта картина стала за последние десятилетия значительно точнее и достовернее в результате притока новых материалов и внедрения более строгой процедуры их анализа». Вместе с тем он указал на способ «прочтения» археологами-норманистами трудных для интерпретации письменных свидетельств: «материальные памятники и тексты с одинаковой яркостью свидетельствуют, например, о практике умерщвления рабыни при погребении варяжско-славянской знати... о присутствии скандинавов в составе древнерусской дружинной знати X столетия»³².

«Образ ранней Руси, основанный на подлинных материальных свидетельствах», в 2012 г. в полном объёме дан был в коллективной монографии, посвящённой 1150-летию российской государственности и вышедшей с грифом ИА РАН под редакцией академика Н.А. Макарова, «Русь в IX–X веках: археологическая панорама». В «Предисловии» к ней Макаров подчеркнул, что задача данного труда — дать «целостный взгляд на историческую ситуацию этого времени, синтезируя результаты исследований историков и археологов, но отталкиваясь в большей мере от археологических реалий. Археологические древности выступают в данном случае не в качестве фона, а в качестве основы для реконструкции исторического действия», ибо они оказываются важнейшим средством, обеспечивающим контакт с прошлым. Причём археологи, заверял он, оставаясь в строгих границах своей профессиональной компетенции, не выступают в этом труде в качестве толкователей летописных текстов³³.

И образ ранней Руси в этой «норманистской панораме» предстаёт, конечно, скандинавским, а не русским.

Так, Е.Н. Носов утверждал, помимо ранее им сказанного, что скандинавы появились в Ладожском озере ещё до эпохи викингов, но как только поток дирхем «хлынул в Восточную Европу, варяжские группы стали проникать вглубь территории по основным водным магистралям, стремясь поставить их под свой контроль и доминировать на рынках сбыта серебра, пушнины и рабов», что в Ладоге, в которой скандинавы — воины, торговцы, ремесленники женщины и целые семьи — присутствовали уже с самых первых этапов её существования, формировались элементы государственности, что «захоронения в ладьях в конце I тыс. н.э. являлись типичными именно для скандинавов и не были характерны для славян, финнов, балтов и других народов Восточной Европы. В одном из захоронений отмечена и такая яркая черта скандинавской погребальной обрядности, как втыкание меча в основание курганный насыпи».

Вместе с тем он говорил, что в княжеские дружины входило немало скандинавов, что ланцетовидные наконечники стрел считаются по своему происхождению скандинавскими. Затем, в соавторстве с А.Е. Леонтьевым рассматривая восточноевропейские торговые пути и связи в конце VIII–X в., рассказывал, что «уже в IX в. известно о появлении в Византии и Хазарии купцов-русов, в которых (или среди которых) небезосновательно видят скандинавов», что они из Итиля уходили в плавание по Каспию или могли с караванами достигать Багдада, были среди основных действующих лиц восточноевропейской торговли («объективным свидетельством этого являются рунические граффити на ку-

фических монетах» и ладейные заклёпки), что скандинавы жили в Ладоге, на Юриковом городище, а при Ярославе Мудром пребывали в Новгороде³⁴.

Н.В. Лопатин, анализируя древности Изборска и отмечая, вслед за В.В. Седовым, тот факт, что они не содержат заметных следов норманнов, на этом основании заключил, имея в виду Сказание о призвании варягов (т. е. выступая, вопреки заверению Макарова, в качестве толкователя летописного текста): «Представляется, что декларация об Изборске как западном пограничном пункте в наибольшей мере соответствует не “Руси Рюрика”, а началу новгородского княжения Ярослава (около 1014 г.), когда для обоснования политических притязаний князя на повышение самостоятельности Новгородской земли потребовался манифест, отсылающий к территориальным правам предков. В ранний период Изборск, хотя и был заметным центром округа, не обнаруживает признаков одной из столиц призванного на княжение варяжского клана» (свои раздумья по поводу позднего появления Изборска и чуди в Сказании о призвании варягов, а на это его толкает лишь факт отсутствия в его слоях скандинавских предметов, археолог изложил с развитием в специальных статьях за 2015–2016 гг., уверяя, что вставка о том, скорее всего, была сделана в период противостояния Ярослава со своим отцом Владимиром в 1014–1015 гг.). Вместе с тем Лопатин заострил внимание на том, что ланцетовидные наконечники стрел и копий нельзя считать сугубо скандинавскими, т. к. они характерны для североευропейского вооружения в целом³⁵.

Согласно Е.А. Яковлевой, Е.В. Салминой, Э.В. Королёвой, ланцетовидные наконечники стрел, обнаруженные на детинце Пскова X в., есть предметы скандинавского происхождения, что в земли Северной Руси через Скандинавию поступали стеклянные бусы, гребни и заготовки для них, а также подражания таким предметам, и что в Пскове присутствовал сравнительно немногочисленный скандинавский элемент (а такой вывод сделан лишь потому, что в 2003 г. был открыт некрополь с 8 камерными погребениями и что в двух женских найдены парные бронзовые скорлуповидные фибулы). А.Е. Леонтьев хотя и вёл разговор о мерянских древностях, но никак не мог пройти мимо скандинавов: что в числе первых жителей Ладоги «были скандинавы, торговцы и ремесленники», что археологические данные «если не подтверждают появление варягов... то, во всяком случае, указывают на связи мери с Новгородской землёй и появившимися там варягами не менее чем за два поколения до возникновения Древнерусского государства», что «в ярославских курганах по составу инвентаря и деталям погребальной обрядности принято выделять скандинавские погребения», что состояние материалов владимирских курганов «такую точную диагностику провести не позволяет, но отдельные предметы скандинавского происхождения в коллекциях известны», и что ладейные шпангоуты в слое рубежа X–XI вв. отражают скандинавскую традицию судостроения³⁶.

Н.Г. Недошивина и С.С. Зозуля, подчёркивая, что Тимерёвский археологический комплекс является важным источником при решении проблем, связанных с образованием Древнерусского государства, отметили, что на селище обнаружены «достаточно многочисленные импорты среднеевропейского, скандинавского, болгарского, арабского (так, на бронзовых чашках весов из ка-

мерного захоронения мужчины и женщины кургана № 100 читается арабская надпись в значении «налог, подать, таможенные сборы». — В.Ф.), среднеазиатского и византийского происхождения», привычно всё внимание сфокусировали только на скандинавах. Причём вопрос о принадлежности погребений к скандинавам, к которым были отнесены, само собой, и пять камерных захоронений, у авторов не вызывает сомнений, т. к. они выделяются достаточно чётко по целому ряду признаков: прежде всего фибулам различных типов, железным гривнам (иногда с «молоточками Тора»), каменным конструкциям в насыпях (однако такие конструкции имеются, например, в псковских длинных курганах, и они, указывает Е.Л. Назарова, характерны для древностей финноязычных племён Балтики), крестикам т.н. «скандинавского типа», некоторым поясным украшениям в стиле Борре, элементам конского оголовья, украшенным в скандинавском стиле, и др. Как в целом резюмировали авторы, «наличие в этой группе не только мужских, но и женских, и детских захоронений позволяет утверждать, что в Тимирёве скандинавы жили семьями»³⁷.

Н.А. Макаров, анализируя находки Суздальского Ополя, хотя и указал на немногочисленность среди них скандинавских вещей, посчитал необходимым ввести в разговор «любимчиков» наших археологов: «Очевидно, некоторые из них отражают присутствие в Суздальской земле выходцев из Скандинавии» (но даже шведские археологи бывают не столь категоричными, как их русские коллеги. «Несмотря на тщательные исследования, — отмечали в 1996 г. И. Янссон, Ё. Тегнер, Т.Д. Панова, — обычно невозможно сказать, был ли меч или наконечник копья выкован в Западной Европе или в районе, где найден предмет. Также сложно определить, какие из найденных в Восточной Европе типов оружия принадлежали варягам, а какие местным жителям»)³⁸. В свою очередь С.Д. Захаров, говоря, что увеличена «значимость археологических аргументов для прояснения многих неясных или спорных моментов летописной истории», «прояснил» историю г. Белоозера тем, что отнёс его начало, вопреки ПВЛ, не к середине IX, а к середине X в. («омолаживание» летописных дат, собственно славяно-русских древностей и вместе с тем «удревнение» скандинавских — также характерная черта норманистской археологии).

Ибо лишь к середине X в. относятся немногочисленные предметы, обнаруженные на территории всего центрального Белозерья, и связь которых «со Скандинавией устанавливается более или менее уверенно». Причём в г. Белоозеро (его локализируют в 2–2,5 км от истока р. Шексны) обнаружено лишь 4–5 вещей «северного» происхождения, тогда как общее собрание артефактов насчитывает уже около 20 тыс. предметов, т. е. эти 4–5 предмета составляют микроскопическую частицу — 0,025% — от общего числа находок. Но эта тысячная доля процента позволила археологу без колебаний заявить о присутствии здесь выходцев из Скандинавии. Свои рассуждения Захаров венчал выводом, выходящим за рамки его компетенции и его науки и извращающим истинную картину далёкого, но всегда очень важного для нас прошлого (и совершенно аналогичного вышеприведённому заключению Н.В. Лопатина): «Учитывая небольшое общее количество скандинавских находок, хронологию этих вещей (по мнению археологов, они появляются в обиходе в середине — вто-

рой половине X в. — В.Ф.) и отсутствие в регионе скандинавских погребений, можно утверждать, что устанавливаемые по археологическим данным масштабы скандинавского присутствия в центральном Белозерье и время появления здесь варягов совершенно не соответствует той роли, которая отводится Белоозеру в летописном Сказании о призвании варягов».

Потому как выявлены (а в этом и кроется причина такого «открытия») существенные расхождения между летописными сведениями и археологическим материалом, и «хронологический разрыв между первым упоминанием города в летописи и реальным возникновением Белоозера составлял 3/4 века»³⁹ (4–5 вещи «северного»/«скандинавского» происхождения привели к тому, что в 2012 г. отмечалось не 1150-летие г. Белозерска, который является историческим преемником Белоозера, упомянутого в ПВЛ под 862 г., а его 1050-летие. И эта дата, «научно» обоснованная ИА РАН, возглавляемом Н.А. Макаровым, была утверждена указом президента РФ Д.А. Медведева в марте 2010 года. Хотя существует, по причине условности археологических дат, общемировая практика историю любого населённого пункта начинать от его первого упоминания в письменных памятниках. В 2014 г. польский археолог П. Урбанчик подчеркнул, что когда вещественные доказательства и письменные источники не совпадают, то «в таких случаях учёные обычно склонны, скорее, полагаться на исторические тексты, даже если их достоверность сомнительна»⁴⁰. Но такая практика почему-то не для русских памятников и не для русской истории).

Т.А. Пушкина, В.В. Мурашёва и Н.В. Енисова, сигнализируя, что они используют наблюдения и выводы Ю.Э. Жарнова, установили: «в Гнёздове существовала аристократическая верхушка — хорошо вооружённые воины, в большинстве своём скандинавского происхождения» (ибо сожжение в ладье, порча оружия, трупоположения в камерах, парные сожжения), конкретно же, словно видя всё это воочию, участники военных походов, торговых и дипломатических миссий. А ведя речь об обилии находок скандинавского происхождения на различных участках Гнёздовского комплекса (рубеж IX–X вв. — первая половина XI в.), в том числе многочисленные женские украшения, заключили: можно «говорить о миграции на эту территорию свободного крестьянского населения из Скандинавии, преимущественно из Средней Швеции», причём скандинавы здесь жили с самого начала⁴¹.

Согласно И.И. Еремееву, о дате появления норманнов в Витебске и в областях к востоку от него не позднее второй половины — конца IX в. свидетельствуют единичные находки украшений с элементами стиля «хватающий зверь». А ведя речь о найденных в женских погребениях в низовьях Западной Двины скандинавских овальных фибул, типичных для X в., бодро резюмировал: «Как бы то ни было — скандинавы, конечно, появляются здесь в девятом столетии», ибо сведения об этом донесли до нас северные саги. Так, «Сага об Олаве Святом» упоминает конунга Упсалы Эйрика, который «подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Эйстланд, Курланд и многие земли на востоке». Указывая на самое незначительное число находок на территории Белоруссии оружия и украшений скандинавских типов, учёный сделал вывод, опять же показывающий, как совершенно из ничего появляются на русских землях скандинавы: «Вероятно,

самую раннюю дату проникновения норманнов в Полоцкую землю (начало 890-х гг.) даёт Брилёвский комплекс с верховьев Березины, содержащий, наряду с куфическими монетами и мечом каролингского типа, серебряный спиральный браслет, имеющий параллели вкладах Северной Европы» (в 2015 г. археолог будет рассуждать о «скандинавском контексте» кладов).

С той же невероятной точностью видения столь далёкого прошлого Ереме-ев пришёл к выводу: «Сказание о призвании варягов имеет сейчас довольно прочное археологическое обоснование. ... Нет оснований сомневаться в реальности даннической зависимости в это время части восточноевропейского населения от норманнов, в первую очередь от шведов. ... Мы, однако, не наблюдаем в Полоцкой земле следов норманнского присутствия времён Рюрика». После чего им категорически было сказано: «Таким образом, археологические материалы избавляют нас от необходимости буквально следовать историческим построениям летописца, относящимся к самой тёмной эпохе русской истории» (потому как нет скандинавских вещей, а ведь только по этой причине главные в нашей науке «спецы» по Руси изменили по своему произволу историю Изборска и Белоозера, теперь наступил и черёд Полоцка), и что в Полоцке не было, конечно, наместника Рюрика, как это считает ряд археологов⁴².

Украинский археолог А.В. Комар сообщал о присутствии скандинавов в Киеве, хотя при этом и отмечая, что предметы скандинавского круга (наиболее ранние — первая половина X в.) в киевских «погребениях чаще всего единичны, реже представлены несколькими экземплярами и никогда не образуют “чистый” закрытый комплекс, часто сочетаясь с предметами “венгерского” или “восточного” стиля» (а уже этот факт не позволяет считать такие погребения скандинавскими), что предметы такого же круга в Вышгороде немногочисленны (однако там в X в. присутствовали скандинавы), что наличие в материальной культуре Искоростеня ряда находок всё того же скандинавского круга (например, круглые подвески с декором в стиле Борре), возможно, указывает на уничтожение древлянами дружины князя Игоря, включавшей в себя скандинавов (по мнению В.Н. Зоценко от 2006 г., в Искоростене со времён Олега стоял отдельный варяжский корпус).

Обрисовывая ареал присутствия скандинавов на юге Руси, Комар подчёркивал, что в составе населения Чернигова выделяют вероятный скандинавский элемент, что в качестве проявления скандинавской традиции рассматривают камерные погребения в Болдинской, Центральной и Восточной группах (а также в Берёзках), что каролингские мечи есть скандинавские предметы, что антропологический материал мужской серии «пойменных групп Шестовицы определён суммарно как принадлежащий населению североευропейского происхождения», что в военизированных купеческих группах, курсирующих по пути «из варяг в греки», преобладали выходцы из Скандинавии, что Седневский могильник (в 25 км к северо-востоку от Чернигова) выделяется как памятник с ярко выраженными северными или скандинавскими элементами в погребальном инвентаре и что вообще в важных административных и торговых центрах Черниговщины, «где располагались княжеские гарнизоны — Чернигове, Шестовице, Сновске, заметную роль играли и выходцы из Скандинавии»⁴³.

В целом, как подводил черту Н.А. Макаров в статье, завершающей труд «Русь в IX–X веках», присутствие скандинавов («или славянизированного скандинавского населения») в ключевых точках системы товарообмена, основанной на вывозе на Восток и в Средиземноморье продуктов лесных промыслов, прежде всего пушнины, и ввозе на север арабского серебра, тканей и предметов роскоши, хорошо документировано археологическими материалами X в., что «важным свидетельством участия скандинавов в торговых операциях на магистральных водных путях являются восточные монеты со скандинавскими руническими знаками» (но как тогда быть с греческими, арабскими, тюркскими и другими надписями?), что народ «русь» имеет скандинавские этнические корни (как это прямо отмечено в Бертинских анналах), что он, управляемый каганом, выступает как заметная политическая и военная сила — «отправляет послов в Византию и к императору франков (839 г.), совершает нападение на Константинополь (860 г.), разоряет византийские владения на малоазиатском побережье Чёрного моря (ранее 842 г.)», ведёт торговлю с арабами на Востоке, совершает регулярные поездки в Подунавье.

Вместе с тем директор ведущего археологического института России вычёркивает известия летописей, не вписывающиеся в норманистские трафареты: «Исследователи уже давно обратили внимание на то, что не все сведения Сказания согласуются с археологическими данными. Сомнительны сообщения о княжении братьев Рюрика в Белоозере и в Изборске, где отсутствуют следы пребывания варяжской дружины... На археологических памятниках Белого озера и Шексны неизвестны и находки скандинавского облика, относящиеся к IX в.... Можно согласиться с оценкой Н.В. Лопатина, согласно которой археологические материалы не подтверждают сообщение Сказания о княжении Трувора в Изборске. Мы не находим археологических следов пребывания мужей Рюрика в Полоцке, Ростове и Муроме. Как показал И.И. Еремеев, вещевой комплекс из ранних культурных напластований Полоцка не содержит находок, указывающих на существование здесь в IX в. раннегородского поселения, управляющего выходцами из Скандинавии».

И что — вот она точка опоры археологов, посредством которой ликвидируется истинная русская история IX–XI вв.! — «с точки зрения археологии, в качестве достоверной исторической основы Сказания следует рассматривать сам факт присутствия скандинавов в качестве военизированной элиты в северных областях Русской равнины в IX в.»⁴⁴, т. е., если нет следов скандинавов, то значит, и нет ничего, «пустота», как утверждал А.Л. Шлёцер (Макаров, давая историкам «мастер-класс» в прочтении письменных памятников, подчёркивал, что «сама сложность для изучения и исторического “истолкования” археологических древностей IX–X веков, с которыми приходится иметь дело археологу, не всегда очевидна для других гуманитарных наук. Между тем изучение материальных памятников этого времени — весьма специфическая область, требующая специальных навыков и методов»⁴⁵. Но ведь и исторические памятники и прежде всего летописи не есть «два кольца, два конца, а по середке гвоздик»).

Практически всё сказанное в предисловии и в завершении рассмотренного труда было озвучено Макаровым 18 декабря 2012 г. в соавторстве с дру-

гим «археологическим функционером» — директором также академического археологического института — ИИМК РАН — Е.Н. Носовым и признанным авторитетом нашей науки В.Л. Яниным на научной сессии общего собрания РАН, посвящённой Году российской истории. В своём докладе «Начало Руси глазами современной археологии» (а он затем был дважды опубликован в 2013–2014 гг. в изданиях Академии наук) очень известные и влиятельные её представители правильно подчёркивали, что задача историка сегодня — это «попытаться представить достоверную картину прошлого, тщательно собирая и анализируя немногочисленные источники, стремясь к максимальной объективности, отстраняясь от каких-либо политизированных толкований изучаемых процессов».

При этом также правильно говоря, что успехи археологии не должны создавать иллюзию, будто она способна «дать ответ на все вопросы ранней истории Руси, восстановить историческое действие во всех деталях», что, «как бы не разрастались археологические материалы, едва ли они когда-нибудь позволят прояснить конкретные обстоятельства появления Рюрика на восточнославянском Севере или дать исчерпывающие аргументы, подтверждающие или опровергающие реальность самой его фигуры». В то же время авторы очень твёрдо вели речь о присутствии скандинавов на Руси, ибо это хорошо подтверждается археологическим материалом, что военная элита Приильменя и Поволжья IX в. была связана со Скандинавией. Как в конечном итоге резюмировали докладчики, «в археологической картине ранней Руси всегда останется элемент субъективного видения исторической ситуации, однако в целом, благодаря общим усилиям многих исследователей, работающих в данной области, эта картина стала за последние десятилетия значительно точнее и достовернее»⁴⁶ (но этот вывод совершенно не соответствует качеству разработки ключевого вопроса нашей истории — варяго-русского, потому как в археологии как раз и торжествует субъективизм, причём он даже и не скрывается).

В 2012 г. В.И. Завьялов и Н.Н. Терехова утверждали, что определяющую роль в активизации трансевропейской торговли по Балтийско-Волжскому пути сыграла торговая деятельность скандинавов, что «особенностью восточноевропейских походов викингов было активное вовлечение в торговлю по Великому Волжскому пути местных народов — славян и финно-угров» и что в связи с этим на территории Руси появляются ножи, демонстрирующие технологию трёхслойной сварки (тройного пакета), пришедшую из Скандинавии, где эта технология была широко распространена⁴⁷. Тогда же А.Е. Мусин (частично затем говоря о том в 2014–2017 гг.) рассуждал о пребывании скандинавов-язычников на Руси и их аккультурации (при этом считая, что скандинавская миграция не носила земледельческого характера, и скандинавов в её землях «привлекали выгоды торговли, военная добыча и возможность обретения нового социального статуса, связанного с формированием элиты молодого государства»). Свой вывод делал он на основе культовых предметов (а так их классифицировали шведские археологи, наставники наших археологов), аналогичных находкам в Скандинавии (якобы подвески-«молоточки» связаны с Тором, подвески-серпы — с Фрейей или с тем же Тором, миниатюрные стержни-посошки — с Оди-

ном), которые (опять же по мнению шведских учёных) не могли быть объектом обмена или дарения и которые указывают на отправление в русских землях нордических ритуалов (в Новгороде, Подесенье, что, например, подтверждает скандинавский идол из Чёрной могилы, но который и не идол вовсе, и таковым он стал лишь по воле отечественных археологов).

Отсутствие атрибутов «скандинавского язычества у днепровской руси, носившей скандинавские имена и следовавшие скандинавской моде», Мусин объяснял тем, что эту этносоциальную общность, складывавшуюся в VIII–IX вв. на севере Восточной Европы на полиэтнической почве, а затем переместившуюся в Среднее Поднепровье и поклонявшуюся Перуну и Велесу, уже нельзя в полной мере отождествить со скандинавами, которые почитали Одина и Тора. Само изменение религиозно-культурной идентичности скандинавов на Руси связано с их аккультурацией, носившей достаточно радикальный характер: новые переселенцы на её территорию вливались в новый этносоциум и, «будучи оторванными от традиционного культа, сложившегося на скандинавской почве, достаточно быстро расставались с характерными особенностями северной религии в процессе своей аккультурации» (но ещё С.А. Геденов отметил тот факт, что «промена одного язычества на другое не знает никакая история»).

При этом Северной Руси и Гнёздову археолог отвёл роль своеобразного «культурного фильтра», который отсеивал наиболее традиционные элементы северной культуры и препятствовал их появлению в «Русьской земле» Среднего Поднепровья. Само же разрушение этнической замкнутости скандинавского язычества, отказ от традиционных форм культа «подготовили почву для обращения руси и скандинавов к христианству». «Роль скандинавов в этом процессе была обусловлена их социальной мобильностью и престижностью материальной культуры для восточноевропейского населения. Именно эта мобильность позволила скандинавам вовремя соприкоснуться с авторитетной в Византии монашеской культурой, которая могла стать одним из источников христианизации Восточной Европы». В целом, как подытоживал Мусин, специфика участия скандинавов в христианизации Руси заключалась не столько в формировании особого феномена «варяжского христианства», как об этом говорили Е.А. Мельникова и А.П. Толочко, «сколько в посреднической роли выходцев с Севера в общественно-политической жизни Восточной Европы»⁴⁸.

В том же 2012 г. в Париже на русском языке вышел каталог «Скандинавские древности Южной Руси», подготовленный украинскими археологами Ф.А. Андрощуком и В.Н. Зоценко и включающем в себя около 249 вещей, якобы указывающих на присутствие скандинавов. Но многие из них «скандинавскими» стали лишь по «желанию и хотению» авторов, например 32 каролингских меча⁴⁹ (в 2014 г. украинские же археологи А.В. Комар и Н.В. Хамайко в рецензии на каталог заострили внимание на том, что термин «скандинавский» для авторов является условным, «а главным критерием отбора предметов для каталога является наличие параллелей форме и соответствий стилистическим и технологическим традициям в материальной культуре всего Севера Европы», указали на большое число ошибочных интерпретаций. Так, нечищенный обломок железного изделия из вала городища Шестовицы представлен как амулет

скандинавского круга. А также подчеркнули, что не было исключительной монополии Севера на трёхслойный пакет, т. к. этот приём использовали как салтовские кузнецы VIII–IX вв. для орудий труда, так и славяне, носители воыньцевской культуры VIII — начала IX в., для ножей. В целом, как резюмировали рецензенты, некорректные сравнения находок с иными вещами, «недоработки и досадные неточности в каталоге, очевидно, разочаруют читателя, надевшегося получить готовый подручный справочник»⁵⁰).

Белорусский археолог Н.А. Плавинский в 2012 г., напротив весьма хвалебно отзывался о каталоге Андрощука и Зоценко: он является важным событием в восточноевропейской археологии (т. е. и украинской, и белорусской, и российской), «станет надёжным основанием для дальнейших научных исследований по вопросам о роли выходцев из Северной Европы в процессах формирования древнерусской государственности». При этом констатируя, что, «собственно говоря, современная восточноевропейская археологическая наука “норманскую проблему” для себя уже решила», потому как скандинавы на Руси «сыграли значительную роль в процессах формирования трансевропейских торговых коммуникаций и раннегородских центров». А потому «на сегодняшний день научные дискуссии ведутся вокруг конкретных вопросов участия выходцев из Северной Европы в тех или иных процессах в различных регионах Руси, хронологии определённых археологических памятников и степени распространения в их материалах североевропейских древностей и т. д.»⁵¹.

В 2012–2013 гг. С.П. Щавелёв вёл речь о том, что имя Синеус представляет собой явно славянскую кальку «какого-то скандинавского имени. Видимо, Сигню», что в торгово-ремесленных и военных центрах — Гнёздове под Смоленском, Сарском, Тимерёвском, Михайловском городищах в Поволжье, в Шестовице под Черниговом — жили скандинавы «семьями, с женщинами и детьми; занимались ремёслами и торговлей; обслуживали караваны купцов и паломников; нанимались к местным предводителям в качестве вооружённой охраны», что эти пришельцы среди славян и их соседей «в итоге составили как бы офицерский корпус, возглавлявший военное ополчение аборигенов», военнополитическую элиту созданного ими государства. «Среди нескольких варяжских группировок новгородская “русь” оказалась самой дальновидной, настойчивой и удачливой. Со временем она прибрала к рукам остальные территории Восточной Европы, физически уничтожив местную элиту, как славянскую, так и скандинавскую», что Олег, прибыв в Киев, в лучших викингских традициях устранил Аскольда и Дира, что «последним викингем» на востоке был Святослав, что на Русь «качественно необходимую присадку образцов военного дела, дальней торговли и сложных ремёсел привнесли скандинавы»⁵².

Согласно утверждениям А.Н. Кирпичникова 2014 г., Рюрик из Ладоги «передвинулся к истоку Волхова и на необжитом месте отстроил по образцу скандинавских бургов подковообразную в плане крепость Хольмгард (Рюриково городище или Предновгород)», что те мужи, которых направляли первые князья в «города и веси», были скандинавами, что норманский период охватывал годы властвования князей Рюрика, Олега, Игоря и, вероятно, Ольги (хотя в 1997–1998 гг. он «норманский период» в русской истории измерял 862–911 гг.), что,

судя по русско-византийским договорам 911 и 944 гг., скандинавы в составе правящей элиты, очевидно, занимали в первой половине X в. господствующее положение⁵³ (в 1999 г. шведский археолог И. Янссон заключил, что «структура Городища кажется восточноевропейской... Такие поселения в Скандинавии неизвестны». В 2005 г. Е.Н. Носов и А.В. Плохов указали, что топографическая структура Рюрикова городища сугубо восточноевропейская и отличается от скандинавской модели. А И.И. Еремеев и К.А. Михайлов отмечали в 2004–2009 гг., что приём строительства древнейшей крепости Рюрикова городища был характерен для укреплений южнобалтийских славян⁵⁴).

В том же 2014 г. вышла посмертная статья Ю.М. Лесмана «Скандинавский компонент древнерусской культуры», в которой скандинавскими предстали уже все, наверное, элементы древнерусской культуры. К таковым археолог, не скупясь, теперь отнёс, помимо женских украшений и типов погребальных обрядов, кузнечное дело (сварной трёхслойный пакет в технологии изготовления железных ножей и др.), ювелирное ремесло (сложные чеканы-штемпели, волочение проволоки из цветных и благородных металлов, завязывание узлом концов металлических изделий и др.), способы крепежа деревянных изделий и конструкции (железные гвозди, заклёпки и др.), состав металлической части женского убора (завязанноконечные «кривичские височные кольца», монето-видные подвески, орнаментированные волютами, браслеты, перстни и др.), комплекс вооружения (разные типы топоров, ланцетовидные наконечники стрел и копий, ледоходные шипы и др.), детские игрушечные топоры, орудия труда (универсальные рабочие топоры, охотничьи копья), мужской ремённый набор (пряжки, наконечники ремней и др.).

В общем всё, на что падал «шведский» взгляд учёного, сразу обретало скандинавскую основу (как глубоко он вглядывался в прошлое Руси, видно и потому, что «местным дамам полусвета», обслуживавшим варягов-скандинавов, нашёл параллель в лице валютных проституток-«интердевочек» конца 1980-х — начала 1990-х гг.). И можно нисколько не сомневаться в том, что в норманистской в науке обязательно сбудется «пророчество» Лесмана: ряд скандинавских компонентов древнерусской культуры остался им незамеченным, но он надеется, что его работа стимулирует коллег на их выявление, к тому же за рамками статьи остались домостроительство, кораблестроение, агротехника, техника обработки кости, распространение некоторых мотивов и композиций декора и др. (эти идеи тезисно Лесман изложил на упоминаемой эрмитажной конференции, и они вызвали у его коллег неоднозначную реакцию. Так, если Д.А. Мачинский охарактеризовал его выводы, понятно, комплиментарно: «По части точности Юрий Михайлович блистателен», то Р.С. Минасян не согласился — частично или полностью — с некоторыми положениями докладчика, напоминая, что многое было взято скандинавами со стороны и что почти вся шведская Сигтуна «забита славянской керамикой. А с керамикой много тяжелее, чем с ножами». Затем А.Н. Кирпичников заметил по поводу отнесения им сидячих погребений к скандинавской традиции: с этим надо быть очень осторожным, т. к. «имеются веские основания считать, что, по крайней мере, часть этих погребений, видимо, относится к саамско-лопарской традиции»)⁵⁵.

Л.С. Клейн, в 2014 г. неистово критикуя А.Г. Кузьмина и В.В. Фомина, к фактам норманской теории (но она, говорилось по Д.А. Мачинскому, не теория, а набор многих фактов, которые ложатся в одно русло) отнёс «и недвусмысленное повествование русской летописи, и сообщения мусульманских писателей о руссах и славянах как разных народах, и названия днепровских порогов у Константина Багрянородного — русские и славянские, причём русские читаются с древнескандинавского, и многочисленные скандинавские находки на всём пути “из варяг в греки” и т. д.». И, разумеется, обилие норманских древностей на Руси (так, по И. Янссону, доля погребений с овальными фибулами оказалась в Гнёздове такой же, как в Бирке, а в Тимерёве — даже больше, что, уже по Ю.Э. Жарнову, среди женских погребений Руси скандинавские составляли 40% от ингумаций и 50% от кремаций и что Д.А. Авдусин — глава археологов-антинорманистов — в конце жизни признал наличие в Гнёздове норманнов во много раз больше, чем полагал раньше).

При этом подчёркивая, что в виду имеются дружинные могильники возле городов, ибо «в сельском населении норманнов не было вовсе», и «в поход шли не крестьяне, а воины-торговцы» (хотя в 1970 г. в союзе с Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко он заключал, что среди скандинавов, приходящих на Русь, были, может быть, и крестьяне. А из такого предположения и выросла убеждённость, например, Т.А. Пушкиной, В.В. Мурашёвой, Н.В. Ениосовой, о миграции в Гнёздово «свободного крестьянского населения из Скандинавии, преимущественно из Средней Швеции»). Присутствие одной фибулы (что никак не согласуется со скандинавской традицией) в женских погребениях Руси Клейн объяснял просто: скандинавки могли перейти к ношению одежды с одной застёжкой. Также просто учёный объяснил отсутствие на Руси и скандинавской керамики, и вообще истинных следов пребывания в её землях норманнов: туда в основном направлялись викинги, «в их сопровождении прибывали на освоенные территории и супруги конунгов, а также военные подруги их приближённых — “валькирии” по В.Я. Петрухину (1996), то есть верхний и средний слои женской части общества» (они своей керамики не изготавливали и пользовались местной).

Становится, опять же благодаря Клейну, понятным факт, почему саги не знают русских князей ранее Владимира Святославича и в первую очередь Рюрика: чтобы слагались саги, нужно было вернуться из похода певцам, слагавшим саги, и викингам, «которых стоило прославлять. А массы воинов, “вся Русь” осели на Волхове и Днепре или погибли под стенами Миклагарда (Константинополя). Позже ходило викингов в Гардарики больше, и многие возвращались, эти начали слагать саги. А Рюрик, Аскольд, Дир, Игорь, Олег не вернулись». Убеждая в «гладкости» вывода лексемы *ruotsi* из древнескандинавского «гребцы», заверял, что «тс» даёт в славянском «с» как «пс» в «вепсы» даёт «весь» (однако, во-первых, «тс» всё же не есть равное «пс». А, во-вторых, «весь» не только в русских источниках именуется «весью»: выше была приведена информация авторов XI–XII вв. ал-Бируни и ал-Гарнати о народе «ису» и «вису» без всякого «пс». И Адам Бременский пишет о «виссах», а не о вепсах. Впрочем, Клейн вновь констатировал, тем самым признавая несостоятельность своих утвер-

ждений, что «было бы легче, если бы Швеция звучала на финском как Руосси — тогда бы русь образовалась фонетически безупречно»).

В отношении мнения археолога М.Ю. Брайчевского об аланской основе «русских» названий днепровских порогов археолог Клейн, так любивший со знанием дела рассуждать — в пользу скандинавов — о чисто лингвистических вопросах, объяснял, что он «был археологом, а не языковедом, и не был ни иранистом, ни классицистом. Фомину придётся считаться с тем, что основное решение компетентной бригады комментаторов окончательно и радикальному пересмотру не подлежит» (Клейна нисколько не смутил и факт, что подавляющую часть комментариев к «русским» названиям порогов дала в 1989 г. «компетентная бригада» в составе филолога Е.А. Мельниковой и археолога В.Я. Петрухина, который не является ни языковедом, ни иранистом, ни классицистом. Таковым, разумеется, не был и археолог Г.С. Лебедев, руке которого принадлежит несколько комментариев. Впрочем, и германист Мельникова не имеет отношения к иранистам и классицистам).

По поводу же того, что по ПВЛ, Рюрик привёл с собою русь, хотя по многим данным, он связан с Данией, тогда как термин «Русь» тяготеет к Швеции, Клейн сказал по-норманистски откровенно: «Но это всё преодолимые трудности». И блестяще продемонстрировал, посредством волшебного слова «возможно», как следует преодолевать мешающие норманистам трудности и возводить свои «замки на песке»: возможно, вождь из Фрисландии, готовя поход на восточных славян, «набрал воинов из ближе знакомых со страной назначения шведских викингов. Возможно, мы не знаем каких-то эпизодов его биографии, связавших его со Швецией. Возможно, абберация постигла летописную легенду, так что на деле Рюрик и Русь пришли не вместе, а порознь. Наши сведения слишком обрывочны, а письменные также частично искажены. Но мы восстанавливаем те куски истории, которые поддаются восстановлению. Восстанавливаем по наиболее вероятным толкованиям фактов»⁵⁶.

В 2015–2016 гг. А.А. Фетисов по присутствию в могильниках Коростышев и Быково на среднем Тетереве (содержат воинские погребения XI в.) копий с пером ланцетовидной формы и скрамасакса (считающихся скандинавскими этноиндикаторами) предположил, что на этих пограничных памятниках находились скандинавские дружинники. А рассуждая о типе колонизации скандинавами Восточной Европы, остановился на предположении шведского археолога И. Янсона, высказанном в 1997 г., о сельскохозяйственной миграции скандинавов в Восточную Европу (однако о ней вели речь А. Стендер-Петерсен и М. Фасмер). Полагая, что осторожную позицию Янсона без оговорок приняли, например, в 2012 г. Т.А. Пушкина, В.В. Мурашёва, Н.В. Ениосова, он заключил: «Археологических аргументов сельскохозяйственной колонизации скандинавов в Восточную Европу нет, что делает версию о скандинавах-земледельцах на Руси малоубедительной». И потому скандинавы на Руси могли быть только воинами, купцами, членами их семей и ремесленниками, обслуживавшими эту категорию населения»⁵⁷.

В 2016 г. Н.В. Лопатин утверждал, что если в Изборске не мог находиться, по отсутствию там следов присутствия скандинавов, скандинав Трувор, то

в землях словен, смоленских кривичей и мери фиксируются наиболее ранние и отчётливые следы присутствия скандинавов, что области этих трёх племён есть «зона раннего скандинавского военно-торгового присутствия в северных землях Восточной Европы, или зона летописной “варяжской дани”», что автор ПВЛ категорически считает «русь отдельным скандинавским народом», что С.Д. Захаров подтвердил полувековой давности вывод Л.А. Голубевой о возникновении Белоозера лишь около середины X века. И поясняя, что, как и в случае с Изборском, не обнаруживается выдающейся роли скандинавов в истории города и всего региона Белозерья, Лопатин подытоживал: включение в варяжскую легенду не только уже Изборска, но и Белоозера «связано с идеологическим обоснованием борьбы молодого Ярослава за автономию Новгорода от Киева в 1014–1015 гг.». Тогда же К.А. Михайлов убеждал, что древнерусские камеры (по его подсчётам, 81) являются захоронениями скандинавов (они имеют яркие параллели в погребальной практике германцев), что сидячее положение тела умершего мальчика в киевском погребении № 110 вблизи Десятинной церкви — традиционно для погребальных камер Скандинавии эпохи викингов и что набор инвентаря из захоронения девочки под курганом № 297 Тимерёва совпадает с инвентарём из одиночных женских погребений со скандинавским костюмом в камерах Бирки и древнерусских могильников⁵⁸.

В 2017 г. П.А. Миляев, отстаивая идею о первом раннегосударственном образовании с центром в Старой Ладогe, подчеркнул: «Особую роль в его создании сыграли выходцы из Северной Европы и Скандинавии». Тогда и В.Я. Петрухин уверял, что «сенсационным стало открытие приречных кварталов в Гнёздове и Киеве (на Подоле): планировались эти кварталы так, чтобы удобнее было принимать ладьи, идущие по рекам. Такая планировка очень отличается от традиционных славянских поселений и совпадает с той, по которой создавались прибрежные поселения (“вики”) на Балтике и Британских островах⁵⁹ (но такая планировка была присуща и Южной Балтике. В 1995 г. В.В. Седов, говоря о структуре застройки Ральсвика на Рюгене, именуемом источниками ещё Russia-Русия, а его жителей — русью, указывал, что её «образовывала система дворов, каждый из которых включал жилой дом, подсобные постройки, мастерские и хозяйственные амбары. Многие из таких усадеб имели собственный якорный участок или пристань, в некоторых из них были устроены навесы-перекрытия, где содержались и могли ремонтироваться ладьи». А в 1974 г. В.А. Булкин и Г.С. Лебедев заметили, что форма вигов «не была скандинавским изобретением: норманны получили её в готовом виде, познакомившись с фризскими виками — Домбургом на о. Вальхерен, Дорестадам в устье Рейна и другими, возникшими ещё в VII в., и что планировка славянского Волина на Южной Балтике как будто сходна с планировкой северных вигов⁶⁰»).

В 2018–2019 гг. С.Ю. Каинов, во многом следуя за Ю.Э. Жарновым, вёл речь (в том числе в кандидатской диссертации, выполненной под руководством Т.А. Пушкиной) о наличии в Гнёздовском археологическом комплексе скандинавских (или поступивших при посредстве скандинавов) вещей — предметов вооружения (в первую очередь мечи, ланцетовидные наконечники копий и стрел, круглые щиты с металлическими деталями), самые ранние из кото-

рых датируются VIII–IX вв. и их можно связать с проникновением скандинавов, а также украшений (орнаментированных в североевропейской стилистике). После чего резюмировал, во-первых: что эти артефакты, как и обряд вонзания клинкового оружия или его порчи посредством слома или сгибания, также указывают на погребения (кремационные и ингумационные) скандинавов, составлявших элиту Гнёздовского общества, что значительная концентрация погребений с оружием (особенно во второй половине X в.) и насыщенность предметами вооружения культурного слоя поселения говорит о существовании в Гнёздове дружины — отряда профессиональных воинов. Во-вторых, что «намеченные этапы сложения Гнёздовского комплекса боевых средств находят соответствие в процессе формирования общерусского комплекса вооружения, в котором выделяется *догосударственный* (до конца IX века), *скандинавский* (конец IX — середина X века) и *древнерусский* (с середины X века) этапы»⁶¹.

В 2019 г. В.Я. Петрухин говорил, собрав воедино многие свои «открытия» в нашей истории, что планировка прибрежных кварталов Ладоги, Гнёздовского поселения и Подола «повторяла планировку, характерную для балтийских “виков”», что «скандинавское наименование Киева — Koenegårdr, т. е. “лодочный двор (гард)”», что большие курганы правителей Руси Верхнего и Среднего Поднепровья по обряду близки «большим курганам» Скандинавии, что они, принадлежа всему русскому княжескому роду, моделируют «Вальхаллу — загробный чертог Одина», что «скандинавский по происхождению обряд сожжения в ладье с многочисленными (в том числе человеческими) жертвами, ритуальной пиршественной посудой, оружием воссоздаёт обстановку “воинского рая” наподобие Вальхаллы». Вместе с тем он утверждал, что для летописца русь изначально один из скандинавских народов, что «имена первых князей — *Рюрик (Хрёрекр)*, *Олег (Хельги)*, *Игорь (Ингвар)* — антропоним, содержащий имя Ингви-Фрейра) — относятся к княжеским и в скандинавской, и в древнерусской традициях: это позволяет предполагать не просто “этнокультурные”, но и ранние генеалогические связи княжеских родов, практиковавших погребения под большими курганами», что Олег-Хельги не случайно был прозван Вещим — «прозвище в целом соответствовало “сакральному” значению др.-сканд. имени *Helgi*, “священный (святой)”», что имя Святослава «оказывалось славянским “продолжением” скандинавского антропонима», что норманство руси доказывают вполне достоверные источники — это прежде всего «русские» названия днепровских порогов и имена послов в договорах руси с Византией, что «молот Тора соотносится с “варяжской” генеалогией Владимира»⁶².

Своими победными «реляциями» археологи не могут прикрыть ни скудости собственного материала, ни отсутствие в нём доказательного потенциала. И потому, чтобы спасти норманизм, чтобы вывести его из-под огня критики (и одновременно устранить нарастающие сомнения в нём в среде «своих» же), они прибегают к разным уловкам, совершенно развязывающим им руки в толковании истории Руси. Так, Е.А. Шинаков в 2009 г., хотя и превозносил археологические источники, однако подчеркнул, что нужно привлекать письменные источники, что «нельзя требовать от того или иного вида археологи-

ческих артефактов исторической информации, им не свойственной по сути», что надо учитывать «большую степень и объективной, и субъективной выборочности археологических данных» (а вот А.Е. Мусин отрицает сей очевидный факт), что очень нужны относительные и, по мере возможности, абсолютные хронологические привязки памятников, комплексов, находок, их групп и типов, в связи с чем «значительно повышается *значимость* факта *наличия* того или иного признака формы, этапа и механизма становления государственности».

Но в то же время свои правильные заключения он завершил странным для учёного выводом, что «нельзя абсолютизировать факт его *отсутствия*» (а эта мысль не нова: выше приведены произнесённые в 1925 г. слова лингвиста Ф.А. Брауна, «что отсутствие археологических данных не может служить доказательством чего бы то ни было». В 2017 г. А.С. Щавелёв и А.А. Фетисов выразили несогласие с тезисом Шинакова, что «археологическая пустота ничего не значит» для интерпретации «отдельной находки», потому как ещё возможны новые находки. И расценили «археологическую пустоту» «именно как показатель полного отсутствия того или иного феномена, в данном случае следов скандинавов и контактов с ними, а также следов дальней транзитной торговли или старта процесса политогенеза», и указали, что единичная находка может появиться в связи со слишком большим числом вероятных причин)⁶³.

В 2012 г. С.В. Воронятов в его, по собственному признанию, вольной реконструкции событий рубежа VIII–IX вв., в которой большую роль сыграли русы (а среди них преобладали скандинавы, появившиеся в Ладоге до 753 г.), заключил, также давая широкий простор для норманистских «открытий»: «Ожидать, что руссы IX в. археологически будут представлены в Восточной Европе, подобно этнически разнородным контингентам X в., яркой и выразительной дружинной культурой, не следует. Период их активного проникновения и поиска своего пути на юг может быть отражён в археологии только “отрицательными примерами” разгрома слав городища янских и хазарских городищ, не “*позитивом*”, а “*негативом*”». И потому намеченная им «разведка боем» русов, в ходе которой они разгромили в первой трети IX в. Битицкое городище на р. Псёл и Правобережное Цимлянское городище на Дону, «не могла нам оставить систематически выстроенных археологических следов — крупных могильников или долгосрочных лагерей» (действительно: всё чудесно просто — скандинавы были в Среднем Поднепровье, однако, как сказал в 2002 г. историк А.В. Назаренко, «археологически неуловимы». И эти «неуловимые», по предложению украинского археолога А.В. Комара от 2003–2004 гг., проникли в междуречье Десны и Сейма в конце VIII в. и ликвидировали Битицкое городище. Вот таким «сказочкам» и следовал, рассказывая свою «сказочку», Воронятов)⁶⁴.

Но в рамках этого археологического ультранорманизма начинает звучать несогласие с рядом его положений, намертво уже утвердившихся в науке. В 2017 г. вышла статья историка А.С. Щавелёва и археолога А.А. Фетисова, в которой, с одной стороны, привычно повествуется, что проникновение выходцев из Скандинавии в Восточную Европу с середины VIII в. стало одним из ключевых этнокультурных процессов, определивших её историю последующих двух с половиной столетий. По их предположению, в VIII–IX вв. скандинавы осуще-

ствляли только первые предварительные попытки поиска путей проникновения в данный район (в IX в. они, по заключению зарубежных учёных, основали на южном побережье Балтики Волин, Колобжег, Пуцк, Гданьск, Труссо, Кауп, Гробин, Павикен, Даугмале). Но в X в Восточную Европу хлынул, используя уже налаженные магистрали транзитной торговли с сетью портов-эмпориев и других городских центров, их мощный поток, и произошло «взрывное расширение» территории обитания и деятельности скандинавов.

Авторы утверждают, что в Ладоге и Рюриковом городище (возникли в середине VIII в.) стационарно в IX в. проживал гендерно-полный социум из Скандинавии, что затем скандинавы начали проникновение в Юго-Восточное Приладожье, где постепенно возникают «фактории» по сбору пушнины, в рамках которых формируется специфическая приладожская гибридная финско-скандинавская культура. На другой территории Восточной Европы стационарных поселений скандинавов до конца IX в. не было. Можно лишь предположительно — «с высокой степенью вероятности» — выделить следы пребывания малых групп скандинавов на Изборском, Витебском, Сарском и Супрутском городищах, а если судить по отдельным находкам IX в., то в Верхнем Поднепровье и Подвинье, а также на Правобережье Днепра, возможно, присутствовали скандинавы (или эти земли находились с ними в тесных контактах).

С другой стороны, Щавелёв и Фетисов отмечают, что многие «скандинавские» артефакты Восточной Европы (бусины, ножи и даже гребни) являлись товаром, в связи с чем, чаще всего, не могут свидетельствовать в пользу постоянного пребывания скандинавов в её пределах. К тому же эти вещи могли быть изготовлены местными ремесленниками под влиянием скандинавских образцов (авторы согласились с заключением А.В. Комара и Н.В. Хамайко, что технология «трёхслойного пакета» не была «этнической монополией» скандинавов). И заостряя внимание на сложном и спорном аспекте проблемы идентификации именно «скандинавских древностей» среди «североевропейских», общеевропейских и местных технологических и стилистических подражаний, авторы констатировали, что понятие «скандинавский» исследователи используют условно «как обозначение определённого типа северных субкультур, распространённых в Скандинавии и зоне “походов викингов”».

Констатируя полнейшее отсутствие археологических следов пребывания скандинавов в Южной Руси как минимум до конца IX в. и говоря о полном экономическом и политическом вакууме в Среднем Поднепровье, о полном отсутствии признаков политического и торгового центра у Киева до конца IX в., Щавелёв и Фетисов произносят слова, показывающие несоответствие норманской версии объективному толкованию археологических фактов: «...Необходимо решительно поставить под сомнение гипотезу о том, что в IX в. некая “первая волна скандинавов” (“перво-русь”) появилась на юге Восточной Европы, поселилась там и активно действовала, но не оставляла никаких археологически-фиксируемых следов, кроме глобальных разрушений. Эти “ранние скандинавы” должны были обладать уникальной спецификой, которая заключалась бы в полном отказе от всех скандинавских и североевропейских этнокультурных признаков. Они не пользовались типичными формами скандинавского

оружия, не использовали скандинавские погребальные обряды, не оставляли признаков торговли (клады, погребения с торговым инвентарём) и военно-административной (создание своих опорных пунктов, погребения воинов) активности. Нам феномен такой тотальной маскировки (причём указываются фамилии А.В. Назаренко, А.В. Комара и С.В. Воронятова. — В.Ф.) представляется крайне маловероятным».

Одновременно с тем Щавелёв и Фетисов потребовали, также уничтожая «воздушные и песочные замки» археологов, отвергнуть и идеи о появлении до конца IX в. глобальных политий под руководством скандинавской элиты, о чём в 1985–1993 гг. говорил Г.С. Лебедев, а в 2002 г. — В.Н. Седых. А также указали, что набирающая популярность в науке идея о связи находок т.н. «Гнёздовского типа» на разрушенных в IX в. городищах Битица и Новотроицкое с воинской традицией скандинавов-руси неубедительна без дальнейшей более детальной проработки. Ибо найденные на них предметы вооружения, приписываемые скандинавам, таковыми, судя по всему, не являются. И возможность появления здесь самостоятельных воинских контингентов скандинавов со своими собственными политическими целями надо будет каким-то образом доказывать специально, а не констатировать.

Признавая Южную Русь IX в. свободной от скандинавских вещей, следовательно, по логике археологов, от присутствия скандинавов, Щавелёв (а об этом он начал говорить ещё в 2013 г.) и Фетисов во имя спасения норманизма жертвуют его археологически уязвимой частью: надо все события этого региона перенести в следующее столетие. И потому предложили появление скандинавов в Киеве отнести не к 882 г. (ко времени его захвата, по ПВЛ, Олегом Вещим), а к «условному» 900 г. (как полагает К. Цукерман), т. е. к самому концу IX века. Ибо они тогда, судя по археологическим данным, успешно закрепились на Подоле и начали его застройку (одновременно появляется и городище Шестовица, которое выполняло с момента своего возникновения функции эмпории и дружинного лагеря скандинавов), что с начала X в. в столице Руси формируется курганный могильник с элитарными камерными погребениями с оружием, престижным импортом и скандинавскими предметами и «возводится “требище” Перуна», что в первой четверти X в. сооружаются древнейшие укрепления на Старокиевской горе, которые аналогичны укреплениям Рюрикова городища, и что в целом археологические источники показывают возникновение Киева как политического центра только в первой четверти X в.⁶⁵

Как точно заметил в 2004 и 2013 гг. по поводу таких попыток спасти норманизм (и тем самым выбрасывая, как это некогда делал А.Л. Шлёцер, из истории южную нескандинавскую русь, засвидетельствованную разными источниками) П.П. Толочко, «ещё менее убедителен аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси не позволяет полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на Среднем Поднепровье. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори принимается вывод о том, что русы — шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси»⁶⁶.

7.2 Ультранорманизм лингвистов и историков

Всё также плечом к плечу с археологами идут наши лингвисты, которые, хотя и являются ведомыми в этой спарке, но плодотворно воздействуют на «старших братьев». В 2005 г. В.Л. Васильев, считая, что скандинавская этимология имени «Русь» поддерживается летописными показаниями, речь вёл об убедительных выводах Р. Экблома его классической работы 1915 г. и в унисон с ним заключал, что распределение рек со скандинавским корнем *vaeg-* преимущественно вокруг оз. Ильмень и рек Волхов, Мста, Ловать вписывается в общеисторический контекст посещения скандинавами восточнославянских земель. Тогда же Т.Н. Джаксон подчёркивала, что присутствие скандинавов в Восточной Европе документировано большим числом норманских древностей⁶⁷. В 2005–2017 гг. Е.А. Мельникова утверждала, что главные интересы шведов лежали на востоке, где их привлекала пушнина, а после — арабские дирхемы, что в северо-западные пределы Руси они стали проникать ещё до эпохи викингов и значительно ранее славян, которые там появились в VIII веке. А чтобы «легализовать» их пребывание на Руси до Владимира Святославича, которого считают первым правителем, чьё имя запечатлелось в древнескандинавской литературе, она уверяла, вопреки фактам, что «саги о древних временах» знают Олега и Игоря и что деятельность скандинавов на Руси довлاديمирова времени находит также значительное отражение в королевских и родовых сагах.

Затем, обратившись к «Саге об Инглингах», она говорила, применительно к VII — началу VIII в., о ранних скандинавских правителях Ладоги и Хольмгарда, которых с бывшей родиной, видимо, объединяли матримониальные связи (так, конунг Радбард женился на дочери упсальского конунга Ивара Широкие Объятия, упоминаемого «во многих сагах и других произведениях благодаря своему могуществу и обширным завоеваниям»), цитировала перевод «Младшей Эдды», по собственным словам, «с уточнениями»: легендарный конунг Хальвдан Старший «был женат на дочери “русского” конунга Эймунда» (но эти «уточнения» носят характер фальсификации, т. к. в памятнике сказано иное: в жёны была взята Альвиг Мудрая, «дочь конунга Эймунда из Хольмгарда»). При этом убеждая, что часть легендарных «русских конунгов», вероятно, имеет исторические прототипы, что проникновение скандинавов «на территорию будущего Древнерусского государства все группы саг отмечают уже со второй половины VII в., но особенно — с рубежа IX–X вв., в викингских сагах (разновидность «саг о древних временах». — В.Ф.) северо-запад восточноевропейского пространства — «Ладога и всё то ярлство, которое к ней принадлежит», — предстаёт органической частью мира скандинавов⁶⁸.

Мельникова, ведя речь о Балтийско-Волжском пути, заключала, что «продолгация балтийской системы коммуникаций в Восточную Европу связана с деятельностью скандинавов, проникновение которых в Финский залив и на Ладожское оз., по археологическим данным, происходит уже в 5–7 вв.», что скандинавские вожди обеспечивали безопасность торговой деятельности и плаваний по данному пути, создали его инфраструктуру, что в VIII–X вв. существовал

единый «макробалтийский» регион — от северо-западной Франции и Англии на западе до Средней Волги на востоке, объединённый тесными экономическими, культурными и этническими связями, в значительной степени осуществлявшимися скандинавами. По её мысли, с Рюриком, предводителем одного из многих отрядов викингов, действовавших в IX в. в Поволховье, и контролировавшем северо-западную часть Балтийско-Волжского пути, был заключён договор («ряд»), отразившийся в варяжской легенде. И этот договор практически аналогичен договорам, что были заключены в Англии с предводителем данов Гутрумом в 878 г. и во Франции с датским (норвежским?) викингом Роллоном в 911 г. (на такие «новации» сразу же откликнулся историк Е.В. Пчелов).

Сей договор («сказание о Рюрике», характерное для скандинавской военной среды повествование о героических деяниях викингского вождя, трансформировалось в «сказание о призвании», центром которого был «ряд») ставил Рюрика в определённую зависимость от местного общества, стимулировал быструю интеграцию скандинавов в восточнославянскую среду, институционализировал контроль скандинавов над Балтийско-Волжским путём (но не вызвал крестьянскую колонизацию) «и заложил основы возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти, ведущую роль в осуществлении которой играли скандинавы». Далее исследовательница убеждала, что повествование о первых князьях (Олеге, Игоре и княгине Ольге) также связано с устной дружинной традицией, которая формировалась в воинском окружении киевских князей X в. — выходцев из Северной Европы, что оно, основанное на событиях восточнославянской истории, открывало собственно «историю» Русской земли и изначально отражало, по преимуществу, мировосприятие, менталитет и культурные традиции древних скандинавов, имеет «многочисленные параллели отдельным мотивам и цельным сюжетам в древнескандинавской литературе, в первую очередь в сагах разных видов: королевских, родовых и особенно викингских (причём в летописных вариантах оно не обнаруживает ничего специфически скандинавского)».

Вместе с тем она утверждала, что топография ранней Ладоги, основанной скандинавами, возможно, уже в 730-е гг., — «длинные, но узкие огороженные участки с жилыми и хозяйственными постройками, выходящие торцами к воде или улице», характерна для датского Хедебю, шведской Бирки и других викингских поселений, что в IX в. титул «каган», который, начиная с Бертинских анналов, соотносится с русами-скандинавами, являлся принятым в византийской имперской канцелярии титулом скандинавских правителей в Восточной Европе (его использовали правители сначала Волховско-Ильменского региона, в котором в середине — второй половине IX в. образовалась более или менее устойчивая скандинавская полития, получившая условное наименование Русского каганата), что в конце 830-х гг. «отдельные отряды скандинавов начинают время от времени спускаться по Днепру, нападая на византийские владения, пока в середине IX в. не устанавливают контроль над Киевом, делая его своей военной базой для набегов на Византию и её черноморские колонии», что с середины IX в. и до возникновения Новгорода военный гарнизон, состоявший по преимуществу из скандинавов, располагался на Рюриковом городище.

Вела Мельникова и разговор том, что Аскольд и Дир — это первые скандинавские правители Киева, что первый мощный набег бесстрашных викингов на Константинополь датируется 860 г., что «на протяжении второй половины IX в. в Восточную Европу, очевидно, попадало множество отдельных отрядов викингов, которые в поисках наживы иногда грабили, чаще торговали, временами устанавливали контроль над тем или другим торговым центром», что в Пскове находилась скандинавская династия, оставившая богатый некрополь с камерными гробницами, что новый правитель Киева скандинав Олег, с которым прибыли дружинники-норманны, пришедшие вместе с ним из Скандинавии или влившиеся в его отряд уже в Восточной Европе, объединил «две политики: Ладожско-Ильменскую и Среднеднепровскую, что положило начало Древнерусскому государству». Нисколько Мельникова не сомневалась и в том, что скандинавы в IX–X вв. (первых из них летописец называет «русью», ставшей к середине X в. двуязычной, вторых — «варягами») образовали новую, военную элиту древнерусского общества, в которую постепенно начинают проникать славяне и финны (и тут же вводит в разговор какие-то самостоятельные викингские отряды, участвовавшие в военных акциях «элиты»), что древнерусская дружинная среда состояла до середины X в. почти исключительно, а во второй его половине — в значительной степени — из скандинавов.

Она, продолжая проводить идею, что в русско-византийских договорах X в. присутствуют многочисленные скандинавские имена, уверяла, что скандинавское имя киевского князя *Helgi*, которое «отмечается прежде всего в именослове Скъёлдунгов — легендарной династии правителей о. Зеландия с центром в Лейре», получило в славянской среде двойное отражение: фонетическое и семантическое («результатом первого было личное имя *Олгъ/Ольгъ* > *Олегъ*, вошедшее позднее в русский именослов, результатом второго — прозвище “вещий”»), что потомкам Игоря надо было одержать победу в тяжёлой борьбе с укрепившимися в других центрах скандинавскими же вождями, что русы восточных источников есть скандинавы, что в торговых центрах, контролируемых скандинавской элитой, находились скандинавские военные гарнизоны, охранявшие торговые пути, что Владимир благожелательно относился к скандинавским воинам, что скандинавские отряды, направляясь в Византию, «нередко останавливались на некоторое время на Руси» и что славянизация скандинавской верхушки завершилась по языковым данным лишь во второй половине, если не в конце XI века.

По её словам, «постоянное пребывание скандинавов в Новгороде во второй половине X — первой половине XI в. в качестве наёмных воинов и купцов многократно отмечается скандинавскими источниками», что там пребывал большой контингент скандинавов (по пояснению от 2014 г., после смерти Ярослава Мудрого сообщения о найме скандинавов прекращаются, однако значительно увеличиваются известия о скандинавских купцах в Новгороде и Смоленске). Причём парадоксальна, отмечала она, крайняя немногочисленность скандинавских древностей на территории этого крупнейшего русского города, что заставляет предположить проживание скандинавов не рассредоточено, в различных его частях, а их компактное размещение на одном или нескольких

ограниченных участках (типа постоянной усадьбы «Поромонь двор», данной Ярославом скандинавским наёмникам), что пространственные представления русских летописцев восходят к скандинавской географической традиции, которая сложилась в эпоху викингов — в конце IX — X веке.

Всё также стремясь привязать русскую историю к скандинавской, Мельникова заключала, что раннесредневековые скандинавские государства возникают во второй половине X — первой половине XI столетия, одновременно с Древнерусским государством⁶⁹, хотя возникновение последнего историки датируют 882 г. (стоит напомнить скандинависту Мельниковой слова А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, И.В. Дубова, В.А. Назаренко от 1978 г., что процесс государствообразования на Скандинавском полуострове «завершается на 1–2 столетия позже, чем в Восточной Европе». Л.П. Грот приводит заключения современных шведских учёных, «омолаживающих», под воздействием источников, шведский политогенез, ранее сознательно «удревнённый», т. е. сфальсифицированный, их предшественниками, что единое шведское королевство складывалось в период XI–XIV вв., что только со второй половины XIII столетия королевская власть в Швеции стала выступать «как форма относительно тонкой политической организации, как государственная власть»)⁷⁰.

В 2006 г. Ф.Б. Успенский в соавторстве с А.Ф. Литвиной по очередному кругу задействовал факт наречения Игорем и Ольгой своего сына именем Святослав, ибо он ознаменовал собой новую точку отсчёта в истории рода, из скандинавского превращавшегося, а здесь опять же слышится голос А.М. Членова, в славянский. Вместе с тем они высказывали в форме предположений, на которых только и стоит их «строгая наука», осознанно нацеленная на норманизацию Руси, что едва ли можно отрицать влияние германской системы именнаречения на славянскую, что двусоставные имена с довольно определённой семантикой компонентов могли появиться у родовитых славян не без воздействия германских культурных образцов, что архаический запрет называть ребёнка именем живого отца пришёл, возможно, к восточным славянам от германских народов и что варяги, осевшие на Руси в X в., несомненно, принесли сюда не только свои родовые имена, но и свои принципы именнаречения, в частности — принцип варьирования родового имени (типа Рогволод — Рогнеда).

В 2010 г. Литвина и Успенский открыли, ведомые желанием вбросить в науку побольше лингвистических «аргументов» норманистского толка, новый, если использовать уже приводимую формулировку одного из соавторов, «сокрытый» след, свидетельствующий о глубинном характере русско-скандинавских взаимосвязей. Им оказались «панегирические формулы щедрости правителя»: «В определённом смысле равнодушие к золоту ради щедрости к дружине оказывается своеобразной родовой характеристикой Рюриковичей», скандинавов по происхождению (и есть основания полагать, что идея эта исходно скандинавского происхождения). На следующий год они, обратившись к сюжету ПВЛ о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнеде и её оскорбительном отказе («не хочу розути робичича, но Ярополка хочу»), сделали новое «открытие», что она — дочь скандинавского мигранта в первом поколении (Рогволод же «пришёл из заморья») — действует вполне в духе традиций своей родины

и отвергает того, кто, согласно скандинавскому праву, не будет считаться законным наследником, как бы не повернулось дело («сватовство норманское, — невольно в таком случае вспоминаются слова М.П. Погодина позапрошлого века, — видно из описания брака Володимерова»)⁷¹.

В 2008 г. Н.И. Милютенко пришла к выводу, что открытые А.Н. Кирпичниковым в слоях Ладоги второй половины IX в. разделённые «канавками одинаковые участки земли, похожие на городские надёлы в датском вике Риббе», связаны с датскими викингами, осевшими в Ладоге после нападения на неё в 840 г., как это следует из «Жития святого Ансгария, что имя варяга Ждьерна, который, по «Житию особого состава», помог Владимиру взять Корсунь, есть скандинавское Ingibjorn (а не Skibjorn или Sigbjorn, как его интерпретировал М.Г. Халанский) и что этот скандинав фигурирует в скандинавской саге о взятии Корсуни, существование которой не может быть доказано⁷². В свете новейших археологических исследований киевского Подола, спешили в 2013 г. закрепить в науке и в сознании студентов Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельникова «свеженькое» открытие В.Я. Петрухина, «выявивших характер древнейшей застройки вдоль берега р. Почайны, сходной с топографией Ладоги и скандинавских вигов (торгово-ремесленных поселений), вероятной представляется старая скандинавская этимология от др.-исл. *kæpa* “лодка, ладья” и отнесение названия *Kœnugardr* на раннем этапе именно к этой части будущего города, где находилась гавань»⁷³ (но подобные топографические сходства характерны для всех русских — да и не только русских — городов, стоящих на реках. Действительно, какая у нас всё же самобытная история, творимая скандинавскими «гребцами», и киевскими «лодочниками»).

В 2018 г. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский опять били тревогу по поводу того, что «мы располагаем весьма ограниченным количеством лингвистических следов и примет этнокультурного взаимодействия русских и скандинавов в эту эпоху. В связи с чем они вновь вели, но более подробно и с отсылкой к показаниям скандинавских саг, речь «о похвале щедрости», начатую ими в 2006 г., как «о прямом и раннем перенесении некоего культурного клише со скандинавской почвы на русскую». При этом подчёркивая, например, что при чтении сообщения ПВЛ под 945 г. об упреке дружины князю Игорю, что у отроков Свенельда есть и оружие, и одежда, «а мы нази», «перед нами встаёт (а ультранорманизм невероятно щедр на разные видения — В.Ф.) целая череда поэтических похвал скандинавским вождям, наделяющим своих воинов дорогой одеждой и изукрашенным оружием», и что «панегирики щедрости появились на Руси вместе с первыми правителями-скандинавами» (при этом авторы не исключают, а здесь с ними соглашаешься полностью, что их формула щедрости станет некоторым плацдармом для гипотез и исследований по теме, касающейся языка общения в окружении первых русских князей).

Вместе с тем они указывали, что летописный образ полоцкой княжны Рогнеды, отказавшейся выйти замуж за Владимира, «как кажется, целиком и полностью соответствует юридическому облику девушки, живущей и действующей в рамках скандинавского права X в.», что Якун статьи ПВЛ 1024 г. есть норвежский ярл Хакон Эйрикссон, ибо летопись специально подчёркивает его внеш-

нюю привлекательность, а «красота считалась чем-то вроде родовой приметы хладирских ярлов, передававшейся по мужской линии», что рассказ о нём, возможно, либо был принят летописцем из предполагаемой «Саги о хладирских ярлах», либо сложился непосредственно на Руси в том варяго-русском кругу, где хорошо были известны семейные корни Якуна/Хакона и предания о последних днях его деда Хакона Могучего⁷⁴.

В 2019 г. Е.А. Мельникова утверждала, что военные походы скандинавов, в основном, в восточноприбалтийские земли, начинаются с VII в., а торговые поездки, преимущественно на Северо-Запад Восточной Европы, — со второй половины IX в., что отряды, собиравшиеся в её пределы, были невелики: купцы, как правило, обходились одним кораблём, военные предприятия собирали два-пять, редко больше, кораблей, но «количество ежегодно перемещавшихся по речным путям отрядов оставалось чрезвычайно велико и, вероятно, исчислялось не одним десятком», что многочисленность отрядов, отправлявшихся в Восточную Европу, приводила к конфликтам между ними, что к середине VIII в. стихийный поток скандинавских охотников за пушниной, а затем торговцев вглубь Восточной Европы стал настолько велик, что потребовал постоянного поселения, коим стала Ладога «со смешанным скандинаво-финским населением, к которому вскоре присоединились славяне».

По её словам, на Рюриковом городище находился скандинавский военный гарнизон, обеспечивавший власть его предводителя над округой, что скандинавские купцы стремились в Волжскую Булгарию, «где происходил основной сбыт их товаров (хотя некоторые из них добирались до Итиля, Джурджана и даже до Багдада, как свидетельствует ибн Хордадбех и другие арабские писатели)», что к середине IX в. путь к Чёрному морю был скандинавам, судя по походу 860 г., достаточно хорошо известен, что «к началу X в. скандинавы, пришедшие из “северной” политики, прочно обосновались в Среднем Поднепровье и установили постоянные связи с Византией», где в X–XI в. наблюдалась интенсивная военная деятельность скандинавов в качестве наёмников, что в Новгороде варяги Ярослава были сосредоточены в одном месте — на Парамонем дворе, где, судя по всему, позднее находился купеческий Готский двор⁷⁵.

От братьев по гуманитарной семье старались не отставать историки и этнологи. А.В. Головнёв в 2004–2006 гг. узрел норманизм в истоках русской государственности, полагая, что с IX в. нордическое влияние в лице скандинавов и верхних славян стало доминантным, что «из Новгорода (Ладоги) в Киев распространялась власть создателей и реформаторов Руси». Считая, что в нашей науке варяжский вопрос затеняет собой реальную северную перспективу этнической и политической истории России, этнолог открывал читателю глаза на суть этой перспективы: «В эпоху викингов очередное поколение северных германцев, вслед за готами Германариха и свееми Великой Швеции, освоило Балто-Понтийское междуморье», что норманская и славянская культуры «усиливали друг друга: норманны разными средствами (торговлей, данью, грабежом) собирали “урожай” на славянских землях, а славяне пользовались услугами скандинавов в дальней торговле и военных кампаниях; норманны создавали колонии на славянских землях, а славяне заселяли новые простран-

ства по проторённым скандинавами путям», что в сочетании локальной-славянской «и магистральной (норманской) деятельностных схем сформировалась обширная общность под название Русь и родилась новая синтетическая культура, известная как верхнерусская или новгородская».

Свои рассуждения Головнёв завершал выводами, что «верхнерусская культура создала внушительный корпус права, впечатлявший даже искушённых на этом поприще скандинавов», что по интегративной функции она в XIII в. заместила культуру викингов на северо-востоке Европы, что «дуэль» Москвы («ордо-московской державности», основанной на жёстком централизме власти и военно-даническом промысле) и Новгорода была не борьбой централизма с сепаратизмом, а эпохальным столкновением двух различных евразийских традиций — ордынской и нордической, что «норд-русская традиция», «основанная на индивидуальной деятельностной схеме и по природе не нуждающаяся в крепкой столице», не пресеклась с разгромом Новгорода, а распространилась по всему северу Евразии, ярко отобразившись в культуре русских поморов⁷⁶.

В 2004 г. Э.А. Минакова, стремясь «взглянуть на Русь дохристианскую по возможности непредвзято, более критично, нетрадиционно», дала (в том числе в учебном пособии для студентов-историков) традиционное норманистское видение (в духе и стиле Р.Г. Скрынникова) истории Руси, как всегда, у норманистов наполненное «новооткрытиями». Так, отказываясь от «недостоверной» летописной хронологии до второй половины X в., она считает, что первым, исторически достоверным и знакомым зарубежным современникам правителем Руси является Игорь Старый, который не был киевским князем, т. к. постоянно проживал на верхнем Днепре (но обнаруживает своё присутствие в Киеве около 936–944 гг.) и который был подлинным родоначальником династии «Рюриковичей» (при этом вряд ли имея родовую связь с конунгом-князем Рюриком/Рориком Ютландским, правителем Ладоги и Новгорода).

Помимо «Игорева Русь» (или «внешней Русь» по Константину Багрянородному) существовали «княжества», принадлежавшие «конунгам» и «князьям» не из «рода Игорева»: владения конунга Олега Вещего в Ладоге (этот близкий родственник Трувора сложил голову «в Персии, во время “Каспийского похода” 943–945 гг. русов»), родичей княгини Ольги в Изборске и Пскове, Дира и Свенельда в Киеве и его окрестностях и др. Князь-конунг Игорь-Ингвар (он погиб не в 945, а в 957 г. недалеко от Старой Руссы или Торжка) был не бродячим викингом или наёмником, а представлял ветвь знаменитого королевского рода Инглингов из Упсалы в Швеции, а его жена Ольга — дочь какого-то местного «конунга», но по матери могла принадлежать к славянскому роду. В 936 г. этот князь-конунг предпринял очередной «норманский» прорыв к Константинополю (в котором принимало участие несколько «конунгов» и наёмных варяжских дружин), что, исходя из имён русско-византийского договора 944 г., «в составе древнерусской элиты первой половины — середины X в. 68% составляли скандинавы, почти 12% составляли славяне, 6% — финны, остальные 14% — представители других этнических групп».

Своё повествование о русской истории Минакова сопровождает постоянным обращением к скандинавским памятникам, находя в них нужные для себя па-

раллели, известия о Руси и её «конунгах», говорит, что с севера на Русь постоянно устремлялись дружины варягов-викингов, что 200 кораблей русов-норманнов напали на Константинополь в 860 г., приписывает ал-Мас'уди слова, что среди русов «находятся урманы (норманны)». А информацию «Продолжателя Георгия Амартола» о том, что к Константинополю в июне 941 г. приплыла русь на 10 000 ладьях, «иже и скеди глаголемь, от рода вряжеска соущим», т. е. ладьи, которые называем и скедиями, истолковала точно нетрадиционно: «“Глаголем”, т. е. носы кораблей были похожи на букву “Глаголь”, змеиные или драконьи головы» (и это есть норманские змеиноголовые «драккары»). А также утверждает, что лингвистический анализ «русских» названий днепровских порогов убеждает в германо-скандинавском происхождении «росского языка», трактует росов-«норманнов» Лиутпранда, вопреки его ясному разъяснению, как типичных норманнов-викингов, и уверяет, что фраза росы «из племени франков» означает «из германцев».

В «хаконе» Бертинских анналов Минакова видит не титул, а скандинавское имя Хакон, полагает, демонстрируя непреодолимое стремление отечественных «объективных» во чтобы то ни стало найти на Руси, по причине их отсутствия, скандинавские топонимы, что Изборск, возможно, «этимологически восходит к скандинавскому “Изеборг-Ингеборг”, т. е. “крепость Инге-Ингвара”» (со временем превратился в «Изеборг-Изборк-Изборск»), что наиболее убедительной представляется версия о происхождении названия летописного города Витичев, построенного скандинавами, «от древнеисландского *víti* или *vete*, что переводится как “сигнальный огонь, костёр”» (а данное предположение, стоит заметить, высказал в 1965 г. норвежец Б. Клейбер, считая, что это укрепление было основано скандинавской дружиной Олега в конце IX в. как один из пунктов передачи световых сигналов об опасности в Киев. Е.А. Мельникова в 1977 г. указала, повторив своё заключение в 2001 г., что предполагать в нём скандинавское заимствование невозможно и что город, судя по археологическим данным, был заложен лишь в первой половине X в.).

Минакова также не сомневается в том, что слово «терем» есть скандинавское: от нем. *Turm* — башня (однако М. Фасмер отмечает его заимствование из греческого *τέρεμνον*, *τέραμνον* — дом, жилище), выводит титул «князь» от германо-скандинавского «конунг», рассказывает, что первой женой князя Владимира (до Рогнеды) была дочь какого-то шведского конунга, что этот князь после конфликта с братом Ярополком «бежал из Новгорода к варягам (надо думать, в Швецию), скорее всего, к родственникам жены». Вместе с тем объясняет, а данная характеристика в полной мере показывает степень как знакомства автора с историографией варяжского вопроса, так и понимания его в целом, что А.Г. Кузьмин хотел «во чтобы то ни стало нивелировать (если не устранить полностью) “варяжское” влияние на формирование древнерусского общества, государства и его правящей элиты» (столь же непрофессионально понимание Минаковой и летописеведческих проблем, включая их хронологию: с лёгкостью устанавливая новые даты в русской истории, она уверяет, что для летописца в то время новый год начинался с 1 сентября. Однако на Руси, в отличие от византийского сентябрьского летоисчисления, применялся мартовский год,

причём в ПВЛ наблюдается смешение трёх стилей: мартовского, ультрамартовского и сентябрьского, при этом последний часто поглощался первыми)⁷⁷.

В 2004–2005 и 2010 гг. В.Б. Перхавко доводил до сведения и учёных, и учителей, что отряды скандинавских викингов/варягов появились в середине VIII в. на севере Восточной Европы не только с целью захвата пленников-рабов и пушнины, но и в поисках удобных и кратчайших путей в Византию и страны Востока, что они либо во второй половине данного столетия, либо в его конце приступили к освоению Балтийско-Волжской магистрали, а чуть позже — и пути «из варяг в греки», что крупнейшим центром этих воинственных пришельцев была Ладога/Альдейгьёборг, где они во второй половине VIII в. основали свою факторию, что среди этих скандинавов, «по более поздним археологическим данным конца X — XI в., преобладали выходцы из Восточной Швеции, и в меньшей степени были представлены норвежцы и датчане».

Заверяя, что для нас не столь важна этническая принадлежность первых представителей отечественного купечества, Перхавко видит в них в основном скандинавов и утверждает, что русами арабские и персидские авторы IX–X вв. именовали представителей полиэтничной военно-торговой прослойки, в составе которой первоначально преобладали наёмники из Скандинавии (часть из них «быстро слилась с восточнославянской племенной верхушкой»), что среди упоминаемых Ибн Хордадбеком торговцах-русах (IX в.), «скорее всего, преобладали выходцы из Скандинавии, изучившие за время пребывания в Восточной Европе славянскую речь и внедрившиеся в местную среду» (однако весьма осведомлённый автор констатирует, что русские купцы есть вид славян).

Учёный также утверждал, что Ибн Фадлан подробно описал похороны знатного руса-скандинава, что скандинавские женщины участвовали вместе с мужьями в дальних торговых поездках (но, как констатировала в 2019 г. Е.А. Мельникова, «участие женщин в военных или торговых предприятиях не отмечается в королевских или родовых сагах»), что Рюрика отождествляют с Рериком Ютландским, по «ряду» приглашённым племенной знатью Северной Руси для защиты от набегов других отрядов викингов, что «иные выходцы из Скандинавии надолго оседали на Руси, поступали на службу местной знати, использовавшей их в качестве воинов, торговцев, дипломатов», что послы хакана русов Аскольда говорили, согласно Бертинским анналам, на шведском языке (хотя там нет такого), что о двуязычии русских дружинников и купцов X в. свидетельствуют скандинавские названия днепровских порогов⁷⁸.

В 2006 г. А.М. Введенский, не сомневаясь в принадлежности дружин первых русских князей к скандинавской культуре, заключил: «Возможно, что в случае с клятвами Олега, Игоря и Святослава мы имеем дело со скандинавской традицией принесения клятвы при помощи золотого кольца. Данные клятвы были связаны с жертвоприношением или символическим жертвоприношением золота (золотого обруча), что отразилось в форме проклятия “колоти яко золото”». Годом позже М.Б. Свердлов подчёркивал, что источники часто упоминают скандинавов на Руси в X–XI вв., что норманская теория есть научная концепция, определяющая значение скандинавов на Руси, что большое значение в её разработке сыграли труды В. Томсена, Т. Арне, А. Стендер-Петерсена и Х. Арб-

мана, но с конца 30-х гг. у нас начался процесс отрицания или максимального принижения значения скандинавов в истории Восточной Европы. Сегодня же, заверял учёный, норманская теория сменила свой характер: вместо поля противоборства «норманистов» и «антинорманистов» она стала концепцией, интегрирующей разные исследовательские направления.

В связи с чем на основе новых массовых археологических материалов было конкретизировано время и ареалы расселения скандинавов в Восточной Европе. Рерика Фрисландского вновь стали отождествлять с летописным Рюриком, а теория скандинавского происхождения этнонима и хоронима Русь, их первоначальной локализации на Северо-Западе Восточной Европы продолжает разрабатываться (например, Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухиным) на основе совершенствования лингвистического анализа и привлечения новых археологических материалов. Как заключал Свердлов, интенсивное изучение проблем норманской теории, системные методы исследований 1950–1990-х гг. имели следствием сближение конкретно-исторических наблюдений противоположных научных направлений, что позволило И.П. Шаскольскому «поставить вопрос о завершении традиционного деления на “норманистов” и “антинорманистов”», разделив подходы на научные и ненаучные, сохраняя место для конструктивной исследовательской критики (а вот Д.А. Авдусин продолжал видеть методологическую основу изучения русско-скандинавских отношений раннего Средневековья только в антинорманизме)⁷⁹.

Тогда же в выступлении на упоминаемой эрмитажной конференции В.П. Шувалов, видя в свечах середины I тыс. н.э. хозяев Балтики, указывал, что, согласно «Саге об Инглингах» «Круга земного» Снорри Стурлусона, конунг Сگونه и Упсалы Ивар Широкие Объятия (условно около 665–695 гг.) покорил всю Скандинавию, Данию, часть Англии, саксов, затем пошёл походом со шведами и данами на конунга Гардарики Радбарда, у которого укрылась его дочь Ауд Глубокомудрая со своим сыном Харальдом Боезубым, что в битве на полях Браваллы (около 770/786) Харальд «сражался против Сигурда Кольца и поддержавшего его Регнальда, конунга руссов, племянника Радбарда». После чего византинист попытоживал: «Итак, эпос систематически упоминает об активности скандинавских конунгов на восточном направлении и помнит даже конкретные имена конунгов “русской” (ладожской) варяжской династии, участвовавших в событиях на Балтике».

В том же 2007 г. К. Цукерман, развивая идею по «перестройке древнейшей русской истории», опять же констатировал, но для навязывания своей концепции по «омолаживанию» русской истории, полное отсутствие скандинавских вещей в Среднем Поднепровье до начала X в.: «Получается, что скандинавы, которые без стеснения разбрасывали следы своего пребывания на русском севере, на юге сумели их целиком и полностью замести». Ссылаясь на разгром русами Амастриды, он указал, что летописная концепция, возводящая название «Русская земля» (в Среднем Поднепровье) к появлению Рюрика, страдает неточностью: «пусть и в иной географической привязке, это название при-суще и “до-рюрикову” этапу проникновения скандинавов в славяно-финскую среду». Важнейшим показателем, заключал французский учёный, интеграции

скандинавов в славянской среде являются договоры 911 и 944 гг., отражающие состав элиты русского общества. И, согласно предлагаемой им хронологии, посольство 911 г. (в этом договоре русь лишена каких-либо географических привязок, и в нём ещё не ощущается какого-либо влияния славянских верований) состояло из мигрантов первой волны, в связи с чем и нет никаких признаков интеграции. А всего лишь поколение спустя, договор 944 г. уже явно отражает факт вхождения варягов в славянскую среду⁸⁰.

В 2008 г. С.М. Михеев вслед за тюркологом О. Прицаком увидел в Якуне статьи ПВЛ 1024 г., сражавшемся при Листвине на стороне Ярослава Мудрого (по призыву которого из-за моря «приде Якун с варягы, и бе Якун съ леп, [и] луда бе у него золотомь истькана») против его брата Мстислава Храброго, норвежского ярла Хакона Эйрикссона (в 1984 г. Е.А. Мельникова такую попытку идентификации охарактеризовала как неоправданное или, по меньшей мере, недоказуемое сопоставление. А.С. Щавелёв в 2014 г. указал, что о его пребывании на Руси ничего не говорят скандинавские источники). В тождестве Якуна и Хакона Эйрикссона Михеев не сомневается потому, что, во-первых, их сближает общее имя, во-вторых, Хакон представлял высшую скандинавскую знать — династию ярлов Хладира, в-третьих, в 1024 г. его не было в Норвегии, в-четвёртых, в ПВЛ говорится о красоте Хакона (но речь в ней идёт о Якуне, а «Якун, Якуня, — отмечал С.Б. Веселовский, — чисто славянская форма имени Иаков, очень распространённая в Киевской и Новгородской Руси»).

Мотив красоты (ибо он не слепой, а, по Н.П. Ламбину, красавец), уверял Прицак, много раз встречается в сагах при описании хладирских ярлов и их родни⁸¹ (надо заметить, что версию Ламбина не принял А.А. Шахматов и что отождествление Якуна 1024 г. непременно с кем-либо из скандинавов имеет свою историю. Г.З. Байер именует его «Иаковом» и считает сыном шведского короля Олафа, братом Ингигерды. Точно так затем полагал и М.П. Погодин, а ныне Д. Хейвуд поясняет, что шурин Ярослава король Анунд Якоб пришёл «из Швеции с армией варягов». Н.М. Карамзин при разговоре об Якуне сказал, с ссылкой на Снорри Стурлусона и О. Далина, что «около сего времени был в Скандинавии знаменитый ярл или принц Фин *Слепый*». В 1968 г. В.Т. Пашуто преподнёс Якуна в качестве Хакона Эймундовой саги, годом позже В.Н. Бочков — вообще никому неведомого норвежского короля Гакона Слепого⁸²).

«Признано, — говорила в 2009 г. Т.М. Калинина, — что описанные Ибн Фадланом русы по обрядности и внешнему виду напоминают скандинавов, хотя их одеяния и обычаи содержат и финские, и славянские элементы», что, повторяла она Г.С. Лебедева, использование одной лохани в процессе умывания для нескольких человек является чертой быта германского происхождения. Но вместе с тем исследовательница, соглашаясь, что обряд сожжения в ладье — скандинавский по происхождению, указала на известный факт, который стараются не замечать многие её «единоверцы»: «Однако этот ритуал является частью мифологического комплекса, характерного не только для скандинавов, но и для славян, и для балтов», и что «обряд кремации умерших с конём и другими животными характерен и для славян, и для балтов, и для скандинавов»⁸³.

В 2010 г. византинист М.В. Бибииков объяснял, что наиболее досконально аргументирована древнескандинавская этимология «росских» названий днепровских порогов. Тогда же Г.М. Коваленко выдал «на-гора» очередной «анти-норманистский факт», рождённый норманизмом, в том числе российским: «В маленьком шведском городе Нортелье есть памятник Рюрику. Согласно местной легенде, именно отсюда когда-то он отплыл на Русь. Однако, несмотря на бытование такой легенды, каких-либо упоминаний о Рюрике в скандинавских источниках нет»⁸⁴ (остаётся только гадать, какая «местная легенда» бытует в портовом городе Швеции Норрчёпинге, в котором также стоит вызванный к жизни норманизмом памятник «первым русским князьям-скандинавам Рюрику, Олегу и Игорю»).

В.А. Кучкин в том же 2010 г. убеждал, что русь есть скандинавы, распространившие свою власть на славян, а термин «варяг» имеет корень «вар», который происходит «от древнескандинавского *var* — “обет, порука, клятва”, что принято самыми авторитетными учёными». С.М. Михеев, сопоставляя летописные известия о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнеде и найдя к ним несколько «уникальных» параллелей в сагах, заключил, что «для окружения Владимира Святославича и его наследников одним из продуктивных приёмов построения повествования было введение аллюзий из легенды о древних свейских конунгах», что русская легенда сначала испытала влияние со стороны скандинавской, а затем сама оказала на неё опосредованное влияние и что русская скандинавоязычная традиция, очевидно, не просто существовала с собственно скандинавской, но и являлась её неразрывной живой частью⁸⁵.

Е.В. Пчелов, резюмировав в 2010–2012 гг., что вопрос о варягах в науке уже давно успешно решён и перестал всерьёз обсуждаться в профессиональных научных кругах (а околонорманистские споры остались «за рамками науки»), сказал, что со строго научной точки зрения Н.М. Карамзин выдвинул шесть доказательств скандинавства варягов, причём пять из них до сих пор остаются непроверяемыми (однако все они, в своей основе выдвинутые ещё до Карамзина, были опровергнуты Г. Эверсом и С.А. Геденовым). После чего изложил суть «современного научного взгляда»/«взвешенного подхода к оценке варяжского влияния» (знакомого по работам Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина), что для составителя ПВЛ «варяжские “находники” Рюрик с братьями были родом из Скандинавии, что само слово “Русь” имело варяжское, то есть скандинавское происхождение» (идя по рекам Восточной Европы, скандинавы именovali себя росами, викингaми же они называли себя в морских плаваниях на Западе), что наименование Константином Багрянородным дружины, с которой киевский князь идёт в полюдье, «все росы» лишний раз свидетельствует в пользу скандинавской версии происхождения этого слова, что «русские» названия днепровских порогов легко объясняются из скандинавских языков.

Подчёркивая, что подобного рода примеры можно умножать, к ним историк отнёс свидетельство Ибн Хордадбеха о том, что русские купцы представляют собой «вид славян» (он считает их, «вероятно, определённой частью славянского мира, не в этническом, а в политическо-экономическом смысле»), что в описаниях арабских авторов русы имеют совершенно определённые скан-

динавские черты и что, реанимировалась фантазия А.М. Членова (ибо определённое рациональное зерно в ней может быть), «вторая часть имени Святослав могла восходить к одной из скандинавских основ имени Рюрик — *Hrop*, “слава”». Вместе с тем Пчелов утверждал, что большую роль в археологическом плане сыграла монография Т.Ю. Арне 1914 г. и что «Скандославия» Д.С. Лихачёва и «Восточно-Европейская Нормандия» Р.Г. Скрынникова представляют собой идею о славяно-скандинавском синтезе, ставшей в последние годы одной из центральных в науке.

И, диагностируя (представляя себя профессионалом в области исторической генеалогии, которому «всё предельно ясно») ненаучность иных версий, Пчелов вновь преподнёс Рюрика в качестве Рорика Ютландского, который был весьма заметной фигурой «эпохи викингов» в Северной Европе. Ибо, шёл повтор давних «аргументов», у них одно и то же имя, да и их деятельность синхронна. В связи с чем «его можно считать, — торжественно звучал голос учёного, — первым выдающимся деятелем в русской истории датского происхождения». Отталкиваясь от идеи тождества Рюрика и Рорика и ведя же речь о распространённости среди родственников последнего имени «Сигифрид», Пчелов заключил: его начальная часть «восходит к древнескандинавскому *sigr* — “победа”, совпадает с начальной частью имени Синеуса в его скандинавской интерпретации», т. е. Сигнют — «победу использующий»⁸⁶ (своими генеалогическими «открытиями» Пчелов замусорил, по примеру одурманенных готицизмом шведских «пустомелей» XVII–XVIII вв., русскую историю не имеющими к ней отношения героями скандинавских саг, зачастую сказочными, но которых кинулись прививать — а на безрыбье всё сгодится — к нашим древностям. Как точно заметил в 2013 г. П.П. Толочко, рассуждения археолога К.А. Михайлова «о многочисленных родственниках Игоря и Святослава, снабжённые ссылкой на Е.В. Пчелова, а не на летопись, не могут быть приняты в качестве аргумента»⁸⁷).

В 2011 г. С.В. Соколов защитил кандидатскую диссертацию «Концепция происхождения “варяжской руси” в отечественной историографии XVIII–XIX вв.», через четыре года изданную в виде монографии. Излагая в ней богатый историографический материал (заканчивая его современной литературой), автор справедливо отмечает, например, что, начиная с работ А.А. Куника и В. Томсена, обнаруживается ещё большее доминирование лингвистики при решении вопроса о происхождении первоначальной руси, что Куник внёс наибольший вклад в развитие скандинавской этимологии имени «русь» и что критика антинорманистов во второй половине XIX в. достигла (что обычно очень редко признаётся их оппонентами) определённых результатов.

Но при этом он непреклонен в том, что ПВЛ указывает на скандинавское происхождение руси и что, а без такого «контраргумента» практически не обходится ни одна работа норманистов, для абсолютного большинства антинорманистов XVIII–XIX вв. «важнейшим мотивом была борьба с концепцией, в их представлении унижавшая национальное достоинство» (как подмечено в рецензии на его монографию, «рассматривать дискуссию между норманистами и антинорманистами как спор строгой науки, основанной на критике источников, с идеологической установкой, возникшей в сфере политики и националь-

ных предубеждений, есть явное упрощение»). Вместе с тем Соколов ошибочно говорит, например, что в концепции Г.Ф. Миллера новаторской является версия о происхождении имени русь от финского названия шведов Ruotsi и что её в 1774 г. повторил шведский историк Ю. Тунман. Однако она была выдвинута шведскими авторами XVII в., влияние которых на формирование взглядов на начальную историю Руси Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера историк не принимает в расчёт (к тому же относит В.Н. Татищева к сторонникам скандинавской концепции, а И.С. Фатера, напротив, считает антинорманистом)⁸⁸.

Тогда же А.Н. Щендрыгин и В.В. Пенской утверждали, что военно-техническая революция в военном деле Руси IX–X вв. (в вооружении и тактике), произошедшая в исторически очень короткий срок, была вызвана явным скандинавским влиянием, что многие обычаи и нравы, воинская культура русов, противопоставляемые византийскими (например, Константином Багрянородным) и арабскими авторами славянам, совпадают с обычаями и нравами норманнов (возможно, сравнение Льва Диакона строя русов в сражении под Доростолом со стеной связано «с хорошо известной из истории военного дела раннесредневековых германцев и скандинавов “стеной щитов”»). При этом заверяя, что в пользу такого предположения говорит даже одежда русов: они, по словам Ибн Русте, «носят широкие шаровары, на которые идёт по сто локтей материи», и на изображении скандинавского всадника на погребальном камне с о. Готланд также можем видеть точно такие же шаровары.

По окончательному заключению авторов, в IX–X вв., когда закладывались основы древнерусской государственности, несколько сотен скандинавов («профессиональных, хорошо вооружённых воинов», что позволяло им навязать свою волю разрозненным восточнославянским и угро-финским племенам) сумели закрепиться в Восточной Европе «в качестве правящей верхушки, ускорив в результате этого процесс формирования единого Киевского государства» (в своих ссылках на А.К. Нефёдкина Щендрыгин и Пенской не «заметили», в силу норманизма, его вывода: общепризнано, «что у разных народов, даже никогда не вступавших в контакт друг с другом, отдалённых большим расстоянием и проживавших в различные исторические эпохи, примерно на одинаковых стадиях развития складывались сходные общественные институты и нормы поведения (включая организацию военного дела)»). Вместе с тем подчеркнувшего, что славяне V в. в полевом бою, установив линию из больших щитов, «старались нанести врагу максимальный урон своими дротиками. Возможно, с этим древнеславянским построением генетически был связан строй из “стены щитов” эпохи князя Святослава, когда уменьшилась роль метательного боя и последовало увеличение плотности построения воинов»)⁸⁹.

В 2012 г. академик С.П. Карпов в интервью, посвящённом 1150-летию зарождения российской государственности, рассуждал, что «Рюрик и его династия смогли укрепиться на северо-западе восточнославянских земель именно благодаря договорным отношениям. Варяги на Руси фактически представляли собой небольшую военную элиту во главе с дружинным конунгом. Конунг привёл с собой некоторое число воинов, которые вместе с тем имели определённый опыт государственной организации. ... Призвание варягов играло определённую по-

зительную роль в строительстве государства... Нет ничего зазорного и в признании роли Рюриковичей». Тогда же А.В. Назаренко сказал в адрес учёных (включая даже тех, кто отстаивает норманство варягов, например И.П. Шаскольского и М.Б. Свердлова), считающих, что в Бертинских анналах свеями были якобы только послы руси, но не сама русь: их попытки «порочны и методически, так как диктуются априорным (или, если угодно, общетеоретическим) нежеланием признать ведущую, или хотя бы активную, роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности на Руси». В том же юбилейном году А.А. Селин резюмировал: «Сегодня не вызывает серьёзных споров факт присутствия значительного и активного скандинавского населения на территории Восточной Европы в IX–X веках»⁹⁰.

П.С. Стефанович в 2012 г. вёл речь о скандинавской колонизации Руси (скандинавы шли преимущественно из Восточной Швеции), утверждал, что влияние скандинавов при киевском дворе и в X в., и в правление Ярослава Мудрого, как хорошо известно, было очень значительным и что политическое образование, о котором свидетельствуют русско-византийские договоры и сочинение Константина Багрянородного, «в самом деле выступает, скорее, объединением “ярлов” “под рукою” киевского “конунга”». Иными словами, «расшифровал» этот вывод два года спустя французский учёный А. Берелович, политическое устройство Руси «напоминало, по понятным причинам, соседнюю Скандинавию» (согласно Стефановичу, подавляющее большинство имён договоров с Византией 911 и 944 гг. имеет, что было доказано В. Томсеном и что получило к началу XX в. общее признание, скандинавское происхождение, что термин «гридь», обозначавший именно княжеских военных слуг, заимствован из скандинавского языка, что в Гнёздове обнаружены богатые захоронения со скандинавскими чертами, что на Сарском городище наблюдается взаимодействие финно-угорской и скандинавской материальных культур и что со скандинавами летописец связывал образование государства Руси)⁹¹.

В 2013 г. В.Г. Вовина-Лебедева внушала студентам, что сейчас «норманская проблема» потеряла былую остроту благодаря значительным успехам археологического изучения Восточной Европы, что скандинавы сыграли важнейшую роль в возникновении Ладоги, что Днепровский путь был источником обогащения варягов-свеев, которые в IX–X вв. оседали в городах, возникающих вдоль этого пути, составляя там, по данным археологии, значительную часть жителей, что они же контролировали и Волжский путь. Вместе с тем им внушалось, что имена первых князей, их жён и дочерей — скандинавские, что скандинавские имена имело и подавляющее большинство дружинников русско-византийских договоров X в., что, несмотря на своё славянское имя, Святослав являлся, по-видимому, настоящим варяжским конунгом по образу жизни и пристрастиям, что «археологи находят в киевском некрополе христианские захоронения знатных скандинавских дам и полагают, что это женщины из свиты княгини Ольги», что в больших курганах в Гнёздове, Чернигове и других местах «открываются следы скандинавского по происхождению сожжения покойника в погребальной ладье вместе с оружием, посудой и многочисленными жертвами (включая человеческие)», что Владимир Свя-

тославич для борьбы с братом Ярополком, союзником которого «был варяжский князь Полоцка *Rognvald* (Rognvald)», отправился в Скандинавию и нанял там варяжскую дружину.

При этом завтрашним историкам навязываются и ложные аналогии: что «совместные пиры конунга со своими воинами — древний обычай норманнов. О нём постоянно упоминают и скандинавские саги, и русские былины», что на Руси, как и в Скандинавии, меч был рубящим оружием, что «у скандинавов меч считался священным оружием. ... Мы знаем, что и дружинники русских князей приносили клятву на мече», что «как и в Скандинавии, копьё на Руси никогда не метали во врага. Это было колющее оружие для рукопашной схватки», что «древние норманны всегда сражались пешими, даже если подъезжали к месту битвы на конях. На Руси в IX–X вв. также был распространён пеший бой. Кони служили лишь способом передвижения», что первоначально у славян, как у скандинавов, распространены были круглые щиты, довольно большие по размеру, и плоские. Тогда же В.Е. Рубаник объяснял, что в борьбе с хазарами славяне начинают опираться на союзы со скандинавскими конунгами, а победы, воспетые в русских и скандинавских народных песнях, предшествовали договору Олега с Византией в 911 г.⁹²

В 2014 г. А.С. Щавелёв утверждал, что русы — это скандинавы, что их сообщество было полиэтничной дружиной, а обозначающий это сообщество термин «русь» закономерно трактуется как «этносоциальная категория». Для него Ладога (она изначально представляла собой небольшую поселенческую колонию скандинавов, а затем туда пришёл, согласно К. Цукерману, в 890-е гг. Рюрик), Гнёздово и Киев — это торгово-ремесленные поселения руси. Стремясь доказать принадлежность руси к скандинавам, он убеждал, что языком их общения был скандинавский. Обратившись к своим предшественникам в данном вопросе, учёный сказал, что первым проблему «специального варяжского языка» сформулировал А. Стендер-Петерсен (но, как выше указывалось, о бытовании на Руси «скандинаво-русского наречия» заговорил В. Томсен).

Подчёркивая, что с этим языком Стендер-Петерсен связывал двусоставные неологизмы X–XI вв. *rólutasvarf* («полюдь», «объезд», «обход с целью грабежа») и *tapar-öx* («небольшой топор»), Щавелёв рискнул добавить к ним ещё и «*gerzkan/girzkan hatt*» — «греческая шапка». Опору в своих рассуждениях историк нашёл и в рассуждениях лингвиста С.Л. Николаева, выдвинувшего гипотезу «раннесредневекового восточноевропейского континентального диалекта», на котором в конце I тысячелетия говорили оседлые северогерманцы Новгородской земли. Не сомневаясь, что скандинавы очень быстро перешли на славянский язык (в IX–XI вв., и такой «лингвистический спринт» вполне возможен), Щавелёв предположил, что язык русов носил, как минимум на первом этапе, черты упрощённого «пиджина», типа «*Russenorsk*». Подвёрстывая к этому тезису другой, столь же «избитый», что со второй половины X в. ославянился и княжеский род Рюриковичей, Щавелёв заключил: после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. «“варяжский период” в истории Руси завершился»⁹³.

Своего рода «парадным» подведением итогов неустанной работы «взвешенных» представителей «строгой» и «академической науки» стала вышед-

шая в 2014 г. под редакцией Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина энциклопедия «Древняя Русь в средневековом мире», представляющая собой почти 1000-страничный труд 171 российского, украинского и белорусского учёного разных специальностей и содержащая более 3000 статей. Суть этого итога вмещается в нескольких словах: русская история середины VIII — XI вв. есть история великих деяний и подвигов скандинавов среди восточных славян, т. е. является частью шведской истории.

Сам материал энциклопедии, имеющий отношение к руси и варягам, распадается на две части. Первая — это мнения всех её авторов (под некоторыми статьями поставлены, отдавая дань их памяти, фамилии уже покойных к тому времени специалистов), которые можно разложить на определённые блоки:

1) Бертинские анналы содержат самое раннее из датированных упоминаний о руси, которые «при ближайшем рассмотрении оказались “свеонами” (шведами)» (А.В. Назаренко); в византийских источниках IX–X вв. рос, рос(ы) — обозначение скандинавской, по преимуществу, военной элиты древнерусского общества (М.В. Бибиков); Аскольд, Дир (от др.-исл. *Dýr* «дикий зверь» или *Dýti* — «дикий»), Игорь, Ольга (этимология имени позволяет предполагать её скандинавское происхождение), Асмуд — скандинавские имена (В.Я. Петрухин, А.С. Шавелёв, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко); имена послов «от рода русского» договора с Византией 911 г. — скандинавские, в договоре 944 г. как послы, так и купцы носили преимущественно скандинавские имена (Г.Г. Литаврин); имя Малуша — матери Владимира Святославича — «сокращённая и русифицированная форма скандинавского имени *Málmfríðr*, что означает, что она была скандинавкой» (Н.Ф. Котляр); судебный штраф вира, поступающий князю за убийство свободного человека, — «предполагается заимствование из герм. **wir(a)-geld*-, др.-англ. *wer(e)-gild*-, букв. “плата за мужа”, “штраф за убийство или увечье свободного”» (М.Б. Свердлов, Е.А. Мельникова); гридь, гридьба (от др.-сканд. *gríði* «домочадец, слуга» или *gríð* «убежище в доме» или «право на проживание в доме») — собирательное обозначение воинов на княжеской службе (П.С. Стефанович); Альдейгьюборг — древнескандинавское обозначение Ладоги (Т.Н. Джаксон, А.Н. Кирпичников);

2) Плакун — скандинавский могильник IX–X вв., наличие которого «свидетельствует об определённой обособленности части ладожских скандинавов от иных групп её жителей» и в котором «отмечена такая яркая черта скандинавской погребальной обрядности, как втыкание меча в основание курганной насыпи» (Е.Н. Носов); в середине IX в. Ладога (аналогичная планировка которой открыта в датском протогороде VIII–IX вв. Риббе; близкая — в портовой зоне Гнёздова), вероятно, становится центром раннегосударственного образования, охватывающего Северо-Запад Руси, где, согласно Сказанию о призвании варяжских князей Ипатьевской редакции, обосновался скандинавский вождь Рюрик, позднее перенёсший свою резиденцию в Рюриково городище (А.Н. Кирпичников); Рюрик — это приглашённый во второй половине IX в. князь-скандинав (В.Л. Янин); в IX–X вв. в состав населения Рюрикова городища входили славяне и скандинавы (среди последних, очевидно, были и женщины), там размещались Рюрик и княжеская дружина, включающая большое число северных

воинов, отсюда отправился на юг в 882 г. Олег, объединив два центра складывающегося единого Древнерусского государства — Новгород и Киев (Е.Н. Носов); поворотным пунктом в процессе формирования Киева как городского центра стало вокняжение в нём скандинава Олега (М.А. Сагайдак); появление в конце IX — X вв. скандинавских купцов-воинов в Юго-Восточном Приладожье, «создание ими опорного пункта на р. Сяси и тесные связи с Ладогой способствовали активному участию приладожского населения в международной торговле» (С.И. Кочуркина);

3) находки скандинавских фибул (наиболее многочисленные — в Гнёздове, Ярославском Поволжье, Юго-Восточном Приладожье, значительно меньше — в Среднем Поднепровье: Киеве, Шестовицах) свидетельствуют о проникновении на Русь выходцев из Скандинавии; около четверти населения Гнёздова составляли скандинавы, не исключено, что западноевропейские мечи, обнаруженные там, привезены скандинавами (Т.А. Пушкина); скандинавские погребения в Тимерёве свидетельствуют о связи Ярославского Поволжья со Средней Швецией, Аландскими островами, возможно Данией и южной Норвегией (Н.Г. Недошивина, С.С. Зозуля); в Чёрной могиле находились бронзовая статуэтка «скандинавского сидячего божка», железный котёл с пережжёнными бараньими и птичьими костями, поверх которых лежал череп барана или козла — «остаток поминального пира (сходный обряд известен в больших скандинавских курганах Гнёздова и в черниговском кургане Гульбище)» (В.П. Даркевич); особенности погребального обряда (камерные гробницы) и детали инвентаря курганного могильника, прилегающего к городищу Коровель (более 1 га), «позволяют говорить о присутствии среди автохтонов представителей других этносов, в первую очередь скандинавов, причём выявлено примерно одинаковое количество женских и мужских скандинавских погребений» (А.П. Моця);

4) русы Ибн Фадлана, вероятно, скандинавы (Т.В. Гимон); в Полоцке, контролировавшем среднюю часть Западновинского пути, княжит скандинав Рогволод (В.Б. Перхавко), причём скандинавское влияние там, видимо, было продолжительным, т. к. «название города неоднократно упоминается в исландских королевских сагах, сагах о древних временах... географических сочинениях и вошло в основной фонд сведений о Восточной Европе в Скандинавии» (Л.В. Алексеев); варяги-мученики, убитые в 983 г., — христиане скандинавского происхождения (П.В. Лукин); Якун (<др.-сканд. Hákon) — предводитель отряда скандинавов, нанятых Ярославом Мудрым для войны с братом Мстиславом (А.С. Щавелёв); возможно, знатный варяг Шимон (наиболее вероятно из др.-сканд. Sigmundr, в крещении Симон), о котором речь идёт в Киево-Печерском патерике, в 1070-х — 1080-х гг. служил тысяцким в Ростово-Суздальской земле, и с его дружинниками связывается выявленный в Суздале русско-скандинавский усадебный комплекс второй половины XI в. (А.А. Молчанов)⁹⁴.

Вторая часть энциклопедии — это большое количество статей одного из её редакторов, Е.А. Мельниковой (частично, в соавторстве), в суммарном виде изложившей свой (точнее, шведский) взгляд по главным проблемам Древнерусского государства (включая статью по его истории), суть которых также можно распределить по нескольким блокам:

1) название русь («фин. Ruotsi, эст. Rootś совр. “Швеция” < др.-сканд. rōr-к герм. глаголу *rō: др.-англ. *rōwan, др.-исл. róa “грести”, откуда *roþer “гребец; участник похода на гребных судах”, rōðr “поход на гребных судах; морской поход”; Roslagen — прибрежная область на востоке Средней Швеции, разделённая на “корабельные округа”») — возникло в V–VII вв. в прибалтийско-финской среде как этно-профессиональное обозначение скандинавов, приходивших на гребных судах, в VIII–X вв. распространяется среди восточных славян; варяги — это а) «собирательное обозначение скандинавских народов в противоположность конкретным этнонимам (донь — даны, свеи — жители Средней Швеции, урмане — норманны, гъте — готы) в этнографическом введении ПВЛ» и др., и б) «наименование скандинавских воинов и купцов, приходивших на Русь, в противопоставлении наименованию русь как обозначению великокняжеской династии и “русской” военной элиты (впервые в рассказе о походах Олега и Игоря на Константинополь в ПВЛ)» (возникло на Руси — от др.-сканд. vár «обет, клятва» — в скандинавской дружинной среде после укрепления «русского» князя и военной элиты в Киеве);

2) скандинавы освоили Балтийско-Волжский путь, по которому они начинают в VII–VIII вв. проникать в Восточную Европу; активное участие скандинавов в торговле с Востоком отразилось в массовом поступлении восточного серебра в Восточную и Северную Европу, на о. Готланд в Среднюю Швецию (но о Южной Балтике, где появление арабского серебра фиксируется более ранним временем, чем в землях скандинавов, нет ни слова); на протяжении этого пути в IX в. возникают торгово-ремесленные поселения (Рюриково городище, Крутик у Белоозера, Сарское городище, позднее — Тимерёво и др.), которые контролировали и обслуживали движение вдоль пути и в которых представлен скандинавский этнический компонент; в ар-рус арабских источников второй половины IX в., известных в переложениях X в., большинство современных учёных видит скандинавов — купцов и воинов;

3) в середине IX в. в возникшем на северо-западном отрезке Балтийско-Волжского пути раннегосударственном межплеменном образовании в условиях межплеменных раздоров к власти приходит, по соглашению с местной знатью, вождь одного из многих скандинавских отрядов, действовавших на этом пути, Рюрик (судя по его имени, «можно предполагать, что он происходил из знатного, возможно, правящего рода»), и в этом образовании варяги, как военная сила, не связанная с племенными интересами, играли важную роль в консолидации государства и подчинении новых территорий; имена Рюрик, Синеус, Трувор «имеет очевидную скандинавскую этимологию и широко, особенно Рюрик, представлены в ономастике шведских рунических надписей» XI в.: Рюрик — древнескандинавское Hrœrikr, Синеус — Signjótr, Трувор — Þorvarðr (а чтобы у читателя уж точно не оставалось сомнения в том, что Рюрик мог быть только шведом, Мельникова привела в трёх ракурсах фотографию памятника Рюрику, Олегу и Игорю в шведском Норрчёпинге); в 1970-х гг. историки и археологи (В.Т. Пашуто, В.Л. Янин, А.Н. Кирпичников, Е.Н. Носов и др.) указали на существование исторической основы Сказания о призвании варяжских князей — скандинаво-финно-славянского взаимодействия в VIII–IX вв.

в Волховско-Ильменском регионе; Рюриково городище являлось контрольным пунктом с преимущественно скандинавским гарнизоном; древнейшая планировка Ладоги (длинные и узкие участки-парцеллы, обращённые торцевой частью к воде) близка топографии Хедебю и других поселений, ориентированных на водные коммуникации (как в Скандинавии, так и на Руси: Гнёздово, Киевский подол);

4) становление в IX в. Днепровского пути вызвало приток скандинавов в Среднее Поднепровье, борьбу между их отдельными группировками за Киев и окончательное закрепление там скандинава Олега, что привело к объединению Волхово-Ильменского и Среднеднепровского регионов (причём он и последующие князья, равно как и представители скандинавской элиты, называются не варягами, а русью); освоение названного пути сопровождалось возникновением в его узловых пунктах крупных поселений неаграрного типа, со второй половины IX и X в. — «с явным присутствием на них скандинавов. К древнейшим из них относится Киев»; новая волна скандинавов-язычников, пришедшая в Киев с Олегом, считает зачатки христианства; скандинавское имя этого князя *Helgi* образовано от прилагательного *helgi*, *heilagr* — «в языческую эпоху “священный, сакральный”»; скандинавское имя не только было заимствовано как таковое, но и его семантика была осмыслена в качестве прозвища князя — «Вещий» (скандинавскими являются и другие имена, например *Свенельд*, а это значит, что воевода и советник князя Игоря был скандинав по происхождению);

5) варяги составляют отдельные (ударные) отряды в княжеском войске, собирают дань, выполняют посольские поручения и др.; большая часть скандинавских древностей Восточной Европы находит прямые параллели в Средней Швеции, выявлены тесные контакты между Биркой и Гнёздовом; существенным этническим компонентом «древнерусской «дружинной» культуры являлся скандинавский (например Гнёздово, Тимерёво, Шестовица, Чёрная могила); в военных стоянках и торгово-ремесленных центрах — в Шестовице под Черниговом, Седневе, Чернигове, Китаеве, Любече и др. — проживало значительное скандинавское население; особым сходством обладают камерные погребения Бирки, Гнёздова, Киева и других древнерусских центров X в.; описание «пути из варяг в греки» в ПВЛ, очевидно, восходит «к инокультурной (скандинавской?) традиции»; скандинавские Западный (*Vestvegr*) и Восточный (*Austrvegr*) пути полностью соответствуют ответвлениям «пути из варяг в греки», описанным летописцем, и, начиная с VIII в., Западный и Восточный пути «были реальными маршрутами, которыми активно пользовались варяги»;

6) Константин Багрянородный, основываясь на информации, вероятнее всего, двуязычного роса-скандинава, привёл «русские» названия днепровских порогов, «которые удовлетворительно объясняются из древнескандинавского (с некоторыми особенностями древнешведского) языка»; Самватас (с ним прежде всего отождествляют детинец на Старокиевской горе) — «возможно происхождение названия из др.-сканд. *sand-bakki* “песчаная отмель” или *sandbakka-áss* “песчаная возвышенность” (В. Томсен), которое согласуется с топографическими особенностями поселения в низкой пойме Почайны, за которой поднимались лёссовые возвышенности, завершавшиеся Киевским горами» (и тут же:

«Удовлетворительной как лингвистически, так и исторически представляется также тюрско-хазарская этимология», рассматривающая это название «как композит sam- (“высокий, верхний”) + bat (“сильный”) со значением “верхнее укрепление”, “высокая гора”, что соответствует местоположению княжеской резиденции в Киеве» в X веке. А ведь об опасности такой «этимологии», всё подгоняющей под «хотения» учёных, предупреждали А.Л. Шлёцер и Г. Эверс. В связи с чем стоит напомнить, что в 1989 г. та же Мельникова в соавторстве с Петрухиным дала негативную оценку скандинавским этимологиям Самватас из sand-bakki — «песчаная отмель», из sandbakka-áss — «песчаная возвышенность», охарактеризовав их как неудовлетворительные);

7) Владимир Святославич уничтожает последних независимых скандинавских правителей (например, Полоцка; Рогнеда — скандинавское имя Ragnheiðr); византийские варанги — это скандинавы, создание из них варяжской гвардии начинается предположительно в конце 970-х гг., а в XI в. отмечен интенсивным притоком скандинавов-наёмников в Византию; колбяги («< др.-исл. kulfíngr от др.-исл. kulfа “дубинка” или kólfr/kúlfr др.-исл. “палка, стержень; язык колокола”») — это «группа скандинавских наёмных воинов и (или) купцов на Руси и в Византии»; Ярослав Мудрый неоднократно прибегал к помощи скандинавских наёмников, в числе его варяжских наёмников «было по меньшей мере два норвежских отряда: во главе с неким Эймундом Хрингссоном, пришедшим в период борьбы Ярослава со Святополком (1016–1019), и во главе с неким Якуном (Хаконом), участвовавшим в Ливенской битве (1024)»; в конце XI — XII вв. руническая надпись, обнаруженная в Масковичах, почти не читается из-за ошибок, т. к., вероятно выполнена славянизированным потомком скандинавов (вернее всего, это и не руны вовсе: в 2013 г. Т.С. Дорофеева и С.И. Стеблин-Каменская указали, что «некоторые рунические знаки эпохи викингов (конец VIII — конец XI в.) по своей структуре так просты, что практически любые случайные царапины могут быть приняты за рунические знаки..... В отдельных случаях вопрос о том, руны это или царапины, оказывается неразрешимым»);

8) норманская проблема есть «варяжский вопрос — определение роли скандинавов в происхождении Древнерусского государства в рамках двух историографических направлений: норманизма (приписывание скандинавам функции создателей Русского государства) и антинорманизма (отрицание участия скандинавов в его образовании)». Причём норманисты и антинорманисты XVIII в. «исходили из признания абсолютной достоверности летописных сообщений и представлений о возникновении государства как единовременном акте — результате деятельности одного лица, что делало принципиально важным определение этнической принадлежности названий “русь”, “варяг”, имён “Рюрик”, “Олег”, “Игорь”; в середине «XIX в. с распространением славянофильства антинорманистские тенденции усилились. Их наиболее ярким выразителем стал С.А. Гедеонов, вновь поставивший во главу угла вопрос об этнической природе слов “варяг” и “русь” и выводивший их, как и имена первых русских князей, из прибалтийско-славянских языков, что, по его мнению, доказывало славянскую природу древнерусской государственности (предложенные им этимологии были тогда же отвергнуты языковедами)».

Однако в 1920-е — 1930-е гг. вопрос об этносе варягов и первых русских князей как факторе, определявшем характер государства, утратил научную остроту, преобладающим стало признание активного участия скандинавов в формировании Древней Руси при основополагающей роли развития восточнославянского общества, скандинавского характера древнерусской знати и династии Рюриковичей, скандинавской этимологии слов «варяги» и «русь», а археология подтвердила присутствие в Восточной Европе в IX–X вв. значительного числа скандинавов и концентрацию скандинавских древностей в узловых пунктах торговых путей. Возрождение же антинорманизма в середине 1940-х — начале 1950-х гг. стало реакцией на нацистскую пропаганду расового превосходства германцев над славянами и результатом борьбы с космополитизмом, которая в области истории и археологии вылилась в распространение теории автохтонного развития восточного славянства (тогда отрицание участия скандинавов в истории Руси прежде всего опиралось, как и в XVIII–XIX вв., на попытки доказать нескандинавскую этимологию названий «русь» и «варяги»).

Но в конечном итоге в трудах отечественных и зарубежных учёных — Д.А. Авдусина, А.Н. Кирпичникова, Г.Ф. Корзухиной, Г.С. Лебедева, Е.Н. Носова, И. Янсона, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина, Г.А. Хабургаева, Г. Шрамма и др. — изучение норманской проблемы переросло в комплексное, междисциплинарное исследование как всех процессов образования Древнерусского государства, так и взаимодействия восточнославянского и скандинавского миров. Тогда как, завершала Мельникова свои рассуждения в контексте цивилизационного подхода к освещению истории восточно- и североевропейского регионов в VIII–XI вв., «возрождение в 2000-х гг. антинорманистской концепции С.А. Гедеонова (А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин и др.) носит сугубо эпигонский характер»⁹⁵.

Наша «строгая наука», понятно, очень высоко оценила энциклопедию, которая есть, при определённых её достоинствах, энциклопедия ультранорманизма. А.В. Лаушкин в 2015 г. преподнёс её как научный путеводитель по Древней Руси, «качественный научный инструмент, задающий «научный уровень для последующих проектов такого рода». Годом позже Г.П. Мельников увидел в ней ценнейший свод по истории Древней Руси, т. к. в неё включены все основные новейшие научные данные, а все материалы книги базируются на строгом критическом анализе. Тогда же Д.А. Боровков говорил, что выход уникальной энциклопедии, несомненно, является событием большой научной и культурной значимости, что она, демонстрируя современный уровень развития научных представлений и ориентируясь на всестороннее освещение древнерусского периода, «станет необходимым и фундаментальным пособием для всех, кто занимается русской историей и историей Средневековья».

В 2016 г. Е.В. Пчелов, произнося в адрес энциклопедии те же «комплименты», особо подчеркнул, что в ней «сжато, но весьма информативно представлены сведения не просто о древнерусской истории как таковой, но о древнерусской цивилизации во всём её многообразии», и что она основана на анализе исторических источников. Соглашаясь с Мельниковой по сути «норманской проблемы», Пчелов дополнительно пояснял, что в традиционном виде эта проблема «с конца XIX в. уже не существует, однако в последнее время вновь оказалась

в центре общественного внимания, во многом инициированного возрождением довольно примитивного “антинорманизма” второй половины XIX в. на современном этапе. Необходимо было чётко обозначить позицию современной науки, чтобы отделить основное её направление развития от маргинальных околонуточных построений. Эту задачу и выполнила написанная Е.А. Мельниковой энциклопедическая статья («Норманская проблема»)⁹⁶.

Русская история также предстаёт (с некоторой местной спецификой, диктуемой их «самостийностью») весьма похожей на ту, как её изображал, к примеру, швед О. Далин, одержимый националистическим зудом взятия реванша над победившей его отечество Россией, и в трудах украинских и белорусских историков, руководствуясь при этом прежде всего выводами своих и российских археологов. В 2006–2013 гг. Л.В. Войтович в российских и украинских изданиях воодушевлённо объяснял (отмечая грандиозные успехи археологов, надёжное датирование скандинавских находок и захоронений), что Ладога была основана шведскими викингами из Готланда (есть «городище викингов», затем их королевство), что её ранняя история отразилась в ряде «саг о древних временах», что в урочище Плакун в 850–925 гг. функционировало отдельное скандинавское кладбище (похороненные там скандинавские женщины принадлежали рядовым поселенцам), что не только Ладога, но и её окрестности заполнены скандинавскими памятниками IX–X веков.

В массовом порядке вводя, по примеру Е.В. Пчелова, Д.А. Мачинского, М.В. Панкратовой и др., героев саг в русскую историю (Эйстейна, «морского конунга» Хальвдана Старого, старого конунга Ингвара, при этом изводя себя и читателя вопросами: «Кто действительно был отцом Хальвдана Старого?», «был ли Хальвдан Старый братом датского конунга Горма?»), Войтович без проблем раскрывает подробности Сказания о призвании варягов: Фрамар, женившись на дочери упомянутого Ингвара, стал ладожским конунгом, но в ходе восстания в 860 или в 865 г. элиты славяно-финского общества «с вкраплением старой местной варяжской руси (потомков готландцев), лидером которого был Гостомысл», потерял Ладогу. Тогда, чтобы отбивать нападения шведских викингов, и обратились к Рюрику, сыну или внуку Хальвдана, т. е. к Рорику Фрисландскому, который прибыл в Ладогу в 867–879 годы.

Чтобы не казаться голословным, львовский профессор обращается к авторитету ПВЛ, которая «прямо сообщает о норманском (скандинавском) происхождении правящей династии на Руси и связывает происхождение названия *Русь* с варягами-норманнами», что рассказ о передаче Рюриком власти свояку «Олегу очень похож на песню скальда о том, как умирающий от раны вождь передаёт власть и сына родственнику и ближайшему сподвижнику» (согласно же ПВЛ, «умершему Рюрикови предать княжение своё Олгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце, Игоря, бе бо детеск вельми»), что скандинавское происхождение Олега — шведского областного конунга — подтверждают Начальная и Никоновская летописи, что «Трувор и Синеус, скорее, хевдинги из числа “старой” ладожской руси-варягов либо свояки Рюрика, братья его жены», причём «этимология имени Синеус может быть и славянской — для блондина-скандинава “синий ус” вполне вероятное прозвище».

Подчёркивая, что скандинавская этимология имён князей Аскольда и Дира (Askuldr, Dyrr) более чем убедительна, Войтович щедро делится очередным своим «открытием»: «Аскольд, похоже, тождественен сыну знаменитого викинга Рагнара Ладброка, носившему имя Hvítserkr, который, согласно *Gesta Danorum* Саксона Грамматика, владел Скифией, завоёванной Рагнаром»: он «с сыном заняли Киев до 860 г., отняв его у другой группы варягов-руси, возможно, у того же Дира», который был шведом из Ладogi, «тогда как Рагнар Ладброк и его викинги были датчанами и проникли к Киеву через Западную Двину, Уллу, Друть и Днепр (если не по Неману, Ясельде и Припяти)» (как указал недавно Д. Хейвуд, Рагнар Ладброк — «один из тех легендарных персонажей, которые, как король Артур или Робин Гуд, могут иметь реальные исторические прототипы, но при этом события их жизни погребены под столь толстыми наслоениями позднейших легенд, что найти какие-то факты в море вымысла нет ни малейшей возможности». Однако эти вымыслы ультранорманизм — что украинский, что белорусский, что российский — превращает в реальных людей и в реальные факты).

Вместе с тем Войтович не сомневается, «что самые отважные “морские конунги”, вроде Ивара Широкие Объятия (вторая половина VII в.) или Эрика Путешественника (VIII в.), производили разведки речных путей, которые вели в Чёрное море через Волгу, Днепр или даже Днестр, постепенно осваивая их», что гипотетически появление викингов в Среднем Поднепровье можно отнести ко времени не позже начала IX в., что они принесли с собой, например, мечи высшего качества, лады, одинаково хорошо плававшие в бурных морях и спокойных речках, что эти вещи и технология их изготовления «позволили славянским дружинам, усиленным и возглавляемым опытными викингами, не только успешно противостоять хазарам либо другим кочевникам, но и принимать полевой бой с византийской армией». Столь же уверенно он говорит, что русь-викинги составили верхушку Киевского каганата, ещё в середине IX в. наладившего контакты с Великой Моравией (и тем самым стараясь «объяснить» раннее появление имени русь в южнонемецких диалектах, на чём заостряет внимание А.В. Назаренко), что в работах его земляка и коллеги И. Мыцка «собран огромный материал из европейского фольклора о присутствии викингов в Великой Моравии и на Днепре», что арабские авторы повсеместно отделяют русь от славян и даже противопоставляют их друг другу. Касаясь информации о Ингере, митрополите Nikeи, и видя в нём викинга, автор заключает: «Чтобы стать митрополитом Nikeи, наверное, необходимо было родиться в Византии и получить соответствующее образование. То есть отец Ингвара должен был натурализоваться в Византии где-то в конце VIII в.»⁹⁷

Не меньше впечатляют статьи белорусской исследовательницы М.Н. Самонвой 2010–2015 годов. В первой из них она, взяв за отправную точку своих умозаключений мнения российских норманистов (прежде всего Г.С. Лебедева, Е.А. Мельниковой и Ф.Б. Успенского), уверяет, что проникновение варягов на территорию современной Беларуси было одним из проявлений широкой экспансии викингов (запад «был естественным направлением движения норвежцев и датчан, шведы отправлялись на восток»), что скандинавские дружины и их предводители сыграли организующую и консолидирующую роль «в обра-

зовании восточнославянской государственности»: сначала они создали в первой половине IX в. «каганат росов» со столицей в Киеве, а после его распада под ударами вновь прибывших отрядов викингов и давлением хазар — Верхнюю Русь с центром в Ладоге (позднее в Новгороде) и Нижнюю Русь с центром в Киеве (которая представляла собой «довольно мощное славяно-скандинавское объединение», во главе которого стоял сильный скандинавский правитель Аскольд=Höskuldr, окружённый скандинаво-славянской элитой).

Полагая, что Северная Русь (включала в себя Полоцкую землю) «оформилась как государственное образование при активном участии выходцев из Скандинавии» — приглашённого по договору скандинавского князя Рюрика с братьями, — став «следующим за “каганатом росов” этапом оформления древнерусской государственности», автор отмечает большое значение Полоцкого княжества «в геополитическом пространстве Восточной Европы». В силу чего в середине X в. в землю кривичей прибыл представитель новой волны скандинавов Рогволод, возглавивший Полоцк и ставший родоначальником полоцкой династии (принадлежность Рогволода к скандинавам подтверждают и ПВЛ, которая выводит его «из заморья», и «скандинавская этимология имён *Рогъволодъ* и *Рогънльдъ*, которые в оригинале представлены как *Ragnvaldr* и *Ragnheiðr*»). Самонова, не сомневаясь, что в событиях 980 г., междоусобицы сыновей Святослава — Ярополка, Олега и Владимира, Полоцкое княжество выступало как независимое государственное образование, в котором единолично правил Рогволод, склонявшийся к поддержке верховного правителя Руси — киевского князя Ярополка, что привело к нападению Владимира на Полоцк. Дополнительно автор, ведя речь о попытке Рогнеды отомстить Владимиру за убийство отца, не сомневается, что она, в соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, была полностью оправдана, а его последующие действия по возвращению ей Полоцкого княжества интерпретирует «в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были вполне актуальны при дворе Владимира, поскольку в его окружении находились варяги, да и сама Рогнеда была скандинавкой».

Как в целом тогда заключала исследовательница, «можно сказать (разумеется, с необходимой долей условности), что в основе государственности на белорусских землях лежит ярко выраженный “скандинавский след”», который отразился в названии нашего государства (Русь — Беларусь), в первых летописных известиях о белорусских землях и их правителях — Рюрике, Рогволоде, Рогнеде, Туре, в легитимизации в конце X в. «в Полоцке власти скандинавского происхождения княжеского рода Рогволодовичей. Началом собственной государственной традиции стало обособление Полоцкого княжества в составе Киевской Руси», обусловленное всё тем же скандинавским фактором, в конечном итоге закрепившее за потомками Рогнеды и Изяслава «наследственных прав на Полоцкое княжество».

Через пять лет Самонова, повторяя сказанное, уже вела речь о «скандинавском факторе» в образовании не только Полоцкого, но и Туровского княжества на земле дреговичей, утверждала, что скандинавское происхождение Тура также вытекает из этимологии его имени — др.-сканд. *Dórir*, что он, как и Рогво-

лод, осел на Руси в середине X в. и был его союзником. Она теперь твёрдо говорит, что Рогволод поддержал киевского князя Ярополка, одобрив его брак с Рогнедой, что и вызвало нападение Владимира на Полоцк. Вместе с тем был устранён и Тур, а его княжество, как и Полоцкое, вошло в состав государства Рюриковичей (и опять же уверяла, что летописная легенда о Владимире и Рогнеде имеет близкие параллели в древнескандинавской литературной традиции, причём в сагах часто именно женщина является инициатором мести). Вместе с тем Самонова признаёт, а этот факт наглядно демонстрирует её тенденциозность, что ни в Полоцке, ни в его окрестностях не удалось выявить явных следов пребывания скандинавов и что в Турове также отсутствуют артефакты североευропейского происхождения⁹⁸.

Украинский византист А.А. Роменский в 2017 г. объяснял читателю, что в этнически и социально близкой к правящим кругам русов Скандинавии бытовали схожие представления о конунге как носителе магических знаний, что «дружина (lið) на Руси и Скандинавии традиционно делились на старшую (бояре, huskarlar) и младшую (гриди, отроки, drengr)», что Ярополка Святославича убили варяги — скандинавские наёмники его сводного брата Владимира, что он затем с помощью опять же скандинавов взял Корсунь (там в одном погребении обнаружены железные черешковые наконечники стрел и нож-скрамасакс, а такой комплект вооружения, говорилось с ссылкой на каталог Ф.А. Андрощука и В.Н. Зоценко, «характерен для скандинавских древностей», с ссылкой на него же отмечалось, что наконечник ножен меча, найденный в южной части городища, имеет «скандинавское происхождение и может принадлежать воину-варягу»).

Коснувшись личности варяга Ждьберна, который, согласно «Житию особого состава», помог Владимиру взять Корсунь (Херсонес), Роменский твёрдо заключал, что этимология его имени, несомненно, скандинавская (и предлагает сразу два варианта: «Sigbjorn по М.Г. Халанскому или Ingibjorn, согласно Н.И. Милютенко»), что скандинав Ждьберн вместе с тем есть — в крещении — Анастас Корсунянин (по ПВЛ, благодаря ему и пала Корсунь), т. к. «в Дании двуимённость была более характерной и традиционной, и весьма вероятно, что варяги князя Владимира были выходцами именно из этой страны», что Анастас, живя в Херсонесе, соплеменникам был известен под своим скандинавским именем, а его христианское имя «стало актуальным со времени деятельности херсонита в храме Богородицы в Киеве». Рассуждал автор и о том, что Святослав Игоревич был последним викингем, а его сын Владимир «конунгом Гардов», что (говорит он со ссылкой на «открытия» российских филологов А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского) отказ полоцкой Рогнеды пойти замуж за Владимира — «не хочу розути робичича, но Ярополка хочю» — более логичным выглядит «в свете скандинавских правовых традиций, согласно которым ребёнок, рождённый от свободного и рабыни, не мог наследовать имущество отца», что неканонический акт «крещения» в 1044 г. останков Ярополка и Олега находит аналогии в скандинавском материале. Как в целом резюмировал византист, словно это и было главной задачей его многостраничного труда, «влияние скандинавских традиций на Руси выглядит столь же несомненным, как и присутствие византийской идеологии и культурной рецепции»⁹⁹.

Вместе с тем норманисты не только пропагандировали свои идеи в научных и справочных публикациях (в том числе в комментариях к очень нужным хрестоматиям «Древняя Русь в свете зарубежных источников») и не только «несли» их в массы посредством разного рода учебников и популярных изданий (например журнала «Родина»). Но они, по сути, сфальсифицировали нашу древнейшую летопись и главный источник по истории Руси — ПВЛ, которую в 2012 г. своими комментариями и статьями филологи и историки России и Украины (прежде всего доктора наук — А.Г. Бобров, С.Л. Николаев, Л.В. Войтович) превратили в иллюстрацию к норманской версии, с этой целью буквально надругавшись над выдающимся русским историческим и литературным памятником, являющимся, по точной оценке С.А. Геденова, «живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси».

Как объяснял лингвист Николаев (в первую очередь антинорманистам, не видевшим источников «и не владеющим скандинавскими языками»): «Настоящее издание не относится ни к академическим, ни к энциклопедическим, поэтому авторы не ограничивали себя в подходах», «что кроме научного в комментариях проводится и интуитивный, “поэтический” подход к великому тексту, который не противоречит научному, а иногда и дополняет его». Говоря же о своей статье «Семь ответов на варяжский вопрос», читаемой после комментариев, он подчеркнул, что эти ответы «по форме академичны, но следуют духу издания — содержат идеи, некоторые из которых экстравагантны и находятся на “границах научного фола”» (но они, разумеется, не умозрительные, а подтверждённые строгой системой научных доказательств).

Примером из большого числа такой норманистской «интуиции» является пояснение А.Ю. Чернова, одного из комментаторов, к известию о том, что князь Олег повесил щит на воротах Царьграда. Он-то и «предположил, что Олег, прибав щит на городских воротах, продемонстрировал своё происхождение из рода Скъльдунгов. Князь Олег являлся в таком случае потомком легендарного Скъльда, одного из сыновей бога древних скандинавов Одина, имя которого, как считают многие исследователи, было образовано от слова “щит”» (о том же петербургский поэт Чернов говорил и в специальной статье 2011 г., дополнительно объясняя, попутно делая «открытия», которым он, наверное, и счёт-то потерял, что Олег, родич и ближайший соратник Рёрика Ютландского, «повесил на врата не свой герб (гербов ещё не было), а своё родовое имя», что из этого символического жеста потомка Скъльда позже и родилась европейская геральдика и что «легенда о щите — отголосок не дошедшей до нас киевской саги о Вещем Олеге», которая не могла возникнуть в XII в., ведь летописец уже не знал, что Олег — Скъльдунг». Странно, конечно, что на том поэтическое вдохновение Чернова иссякло, и он не установил связи между «символическими жестами» русского Олега и норвежца Олава Трюггвасона, который, забравшись на неприступную скалу, водрузил щит на её вершине. Впрочем, он из рода Инглингов, но в душе, оказывается, был Скъльдунг, о чём щитом и извещал всю округу; или с практикой викингов размещать щиты по борту, чтобы все видели, что плывут потомки Скъльдунга, а не какого-то там Инглинга).

Имеются в этом издании ПВЛ и давно известные «аргументы», прежде всего» научно наиболее обоснованная», отвечающая лингвистическим нормам и поддержанная большинством авторитетных исследователей (с ссылками на Е.А. Мельникову с её «гребцами, мореходами», гребущими, плавающими «на вёсельном корабле»): что «первоначально “русским” называли не славянский, а германский (древнескандинавский) язык», что со шведами Рудена у местных славян и финских племён были устойчивые торговые связи — неслучайно именно к ним они обратились с просьбой прислать посредника в междоусобных спорах, что «после вокняжения “русской” династии в Ладоге — Новгороде по обычной для Средневековья модели этническое название правителей было перенесено на подвластный им народ — словом *ruotsi* восточные финны стали называть местных славян, а потом и сами славяне стали называть себя *русью*, названием, ранее использовавшимся для *шведской руси*».

А вместе с ними и другие такие же «вечные истины»: что «по крайней мере до XII в. восточнорусские славяне помнили, что 1) русь является восточногерманским (“варяжским”) племенем, 2) русская династия Рюриков имеет варяжское (точнее, восточношведское) происхождение, а сам Рюрик был *руским*, то есть среднешведским конунгом», что слово «варяг», «судя по фонетическому облику, происходит из восточноскандинавского (древнешведского, менее вероятно древнедатского)», что шведская русь овладела почти всей Восточной Славией, и её название стало названием и славянского населения Руси (а первоначально скандинавы — даны или свеи — оккупировали Приладожье), что все сведения о южной руси указывают на её северогерманское происхождение, что этноним «Русь» мог попасть к восточным славянам без финского посредства — прямо от северогерманцев, тем самым объясняя загадку, почему *Ruotsi* не было передано как *Руць или *Ручь.

Но есть, конечно, и эпохальные «открытия» в области лингвистики (наверные, конечно, знанием скандинавских языков). Утверждая, что варяжские имена являются северогерманскими, Николаев в их составе выделил основную группу, отражающую «фонетику ранее не известного науке раннесредневекового восточноевропейского диалекта. Назовём его “континентальным северогерманским языком” (КСГЯ), на котором в конце I тысячелетия говорили оседлые северогерманцы Новгородской земли. Они в основном и составляли до XIII в. “варяжскую” часть дружины русских князей. Возможно, он был также языком северогерманцев Смоленской земли — в окрестностях деревни Гнёздово северогерманское поселение непрерывно существовало с X по XII в... а также языком древнего Пскова, откуда происходит “варяжка” Ольга, имя которой анализируется как “континентальное северогерманское”» (КСГЯ образовался на территории будущей Руси в «гардах»/«варяжских слободах», заселённых скандинавами в VIII–IX вв. или даже ранее).

Лингвист вместе с тем не исключал, «что в новгородском (Рюриковом) городище находилась руническая надгробная надпись в честь Рюрика; не исключено, что она была написана размером, соответствующим исландскому квидухатту — стиху с чередованием трёхсложных и четырёхсложных форм без регулярной аллитерации». По его мнению, эта надпись, поставленная Олегом

и благодарными жителями «варяжской слободы» в Новгороде (или в Ладогере?), могла звучать следующим образом: «[hailaki ok hulmkarpaR ristu stain þis at] rurik sina husa tru uara», т. е. «[Олег и холмгардцы возвели эту плиту в память] Рюрика, их домов надёжного защитника». Не знавшие же «северогерманского языка новгородцы, помня из устной традиции звучание надписи, могли воспринять три строчки, начиная с общеизвестного Рюрика, как имена похороненных здесь трёх братьев, по аналогии с киевскими Кием, Щеком и Хоривом»¹⁰⁰.

Такой вот «взвешенный» норманизм (что ему противоречит, то признаётся «ненаучным») торжествует в нашей, белорусской и украинской историко-филологической науке (более того, выдавая себя за самую эту науку) и триумфально шествует по страницам научных и популярных изданий, в разного рода СМИ и Интернете, всё больше и больше норманизируя русскую историю. И этот самовоспроизводящийся ультранорманизм дополнительно подпитывают и толкают на новые «открытия» труды зарубежных исследователей (частично они публикуются в России), равнение на которых у наших норманистов буквально в крови (а ещё больше в их крови желание непременно превзойти иностранных учёных в «объективном» освещении своей родной истории). Так, в 2006 г. была явлена русскому читателю на его родном языке работа Х. Арбмана «Викинги» 1961 г., в которой шведский археолог отстаивает идею своего учителя Т.Ю. Арне шведской колонизации Руси.

В 2010 г. в России вышла (в Англии — восемью годами раньше) книга также очень хорошо известного нашим учёным слависта С. Франклина «Письменность, общество и культура Древней Руси: (около 950–1300 гг.)». В ней он утверждал, что на севере Восточной Европы действовали викинги, обменивавшие меха на серебро, на юге — хазары, торговавшие и взимавшие дань, что представители правящих сословий русов были выходцами из Скандинавии и находились в деловых отношениях со скандинавами, что Ибн Фадлан «описывает погребение в ладье, произведённое викингами, и упоминаемые им русы были, конечно, народом скандинавского происхождения» и что в первые десятилетия XII в. участие викингов в жизни населения уменьшилось, потому что большинство из тех, кто поселился в русских землях, были ассимилированы.

В 2012 г. француз П. Гонно и русский А.С. Лавров объясняли французскому читателю (с 2017 г. — и русскому), что успехи археологов «позволили склонить чашу весов в пользу норманистов» (хотя, заметили они, дискуссия между ними и их оппонентами ещё не закончена), что ещё в VI в. отдельные группы выходцев из Швеции достигли Ладожского озера, что к восточным славянам в начале VIII в. с Севера начали прибывать группы воинов и купцов, называемых русью, которые вначале основывали сезонные фактории (около 730 г. возникла первая из них на месте Старой Ладогой, такими же базами стали до 839 г. Рюриково и Сарское городища, Тимерёво, Петровское, Михайловское, Гнёздово), что предметов, происходящих из скандинавского круга, очень много на Рюриковом городище, которое, вероятно, и есть «остров русов» восточных источников (там шведы проживали семьями), что такие же артефакты подтверждают присутствие в самом начале X в. скандинавской руси в Киеве и Шестовице.

Далее авторы повествуют, что недалеко от Великого Новгорода был создан первый зародыш политической системы, который возглавлял каган, заимствовав этот титул у хазарского правителя (Росский каганат был уничтожен около 871 г.), что Бертинские анналы ясно показывают скандинавское происхождение руси, что нападение на Константинополь в июне 860 г. совершили скандинавы, что изгнавшие варягов-русь племена пригласили своих же прежних повелителей и что в целом скандинавская русь с 839 по 945 г. «стала главной созидательницей новой политической единицы, которой дала своё имя, — Руси». Для них также абсолютно ясно, что имена первых русских князей — от Рюрика до Ольги — есть скандинавские (слово «варяг» также происходит от протоскандинавского *wārazanþið, означавшего «тот, кто ищет убежища на чужбине, поступающий на службу к чужеземным вождям»), что путь «из варяг в греки» связывал скандинавский мир с византийским, что все лица, представлявшие в русско-византийских договорах русскую сторону, были скандинавами, что скандинавы ходили в каспийские походы, что Святослава его непрерывные походы делают «последним викингом» русской династии¹⁰¹.

Англичанин Д. Хейвуд в монографии «Люди Севера: История викингов. 793–1241» (на родине автора была издана в 2015 г., в России увидела свет два года спустя) ведёт разговор о том, что на Востоке викинги наиболее активно занимались не только грабежами, но и коммерцией, что не позже чем к 830 г. шведы проложили торговые пути из Балтийского моря в Чёрное и Каспийское, что они на востоке получили новое имя — русь (русы) и основывали на Руси колонии или, чаще всего, брали под свою власть уже существующие поселения на торговых путях, где норманны образовали правящую военную и торговую элиту, что около 750 г. возникло постоянное поселение торговцев и ремесленников в Старой Ладоге, в котором проживали скандинавы, финны и славяне, что, судя по археологическим артефактам, Ладога поддерживала тесные связи с о. Готланд, что до X в. она оставалась важнейшей торговой факторией русов.

По его словам, также вытекавшим из заключений наших археологов, на присутствие скандинавов на Руси указывают сотни мужских и женских захоронений, содержащих типично скандинавские вещи (т. е. норманны отправлялись в поход с семьями), что в Тимерёве, судя по погребениям, среди населения значительную часть составляли скандинавы, что дальше Болгара большинство торговцев-русов не ездило, что упомянутая Ибн Фадланом старуха-«ангел смерти», вероятно, есть вёльва, которой викинги приписывали способность к магии и предсказанию будущего, что в Гнёздове скандинавских вещей обнаружено больше, чем где-либо на территории Руси, что захоронение в кургане Чёрная могила, в которой найдена статуэтка Тора, принадлежит знатному норманну, стоявшему на службе у киевского князя.

И потому Хейвуд абсолютно уверен в том, что деятельность викингов на Востоке тесно связана с возникновением Русского государства, по причине чего норманны были важнейшей темой ПВЛ, что на просьбу славян, уставших от междоусобиц, дать им правителя явились русы Рюрик, Синеус и Трувор, что в столице Рюрика на Рюриковом городище найдено множество скандинавских артефактов IX в., свидетельствующих о скандинавском присутствии, что два

брата-викинга Аскольд и Дир сели в Киеве, который затем захватил Олег с норманско-славянским войском, что Игорь был, по летописи, приёмным сыном Олега (а «усыновление в Скандинавии эпохи викингов было обычным делом во всех социальных слоях»), что скандинавы ходили на Византию (например на Амастриду, а в июне 860 г. на Константинополь) и на Каспий (каспийские походы викингов в IX–X вв. потрясли мусульманский мир), что способ сожжения Ольгой Искоростеня при помощи птиц «упоминается во многих фольклорных сказаниях о разных предводителях норманнов и нормандцев: например, Гутрум таким образом якобы взял Сайренсестер в Уэссексе», что «русские» названия днепровских порогов являются древнескандинавскими.

Нет у него, конечно, ни капельки сомнения и в том, что к середине X в. русы, посредством смешанных браков постепенно ассимилируемые славянами, стали утрачивать скандинавскую культурную идентичность, что уже к 907 г. они, судя по всему, переняли у славян языческие верования, клялись при подтверждении договоров с Византией славянскими богами Перуном и Велесом, что коренные норманны назывались, в отличие от славянизированной руси, иным именем — варяги, что, «несмотря на славянское имя, правил Святослав как самый обычный пиратский конунг», что варангский корпус в Византии был образован из 6000 варягов, набранных Владимиром в Швеции для борьбы с братом Ярополком (и сражались они в пешем строю традиционным норманским оружием и по традиционной норманской тактике, причём многие из них были берсерками), что княжение Владимира «положило конец норманскому государству в Киевской Руси» и что Ярослав Мудрый был последним правителем Руси, сохранявшим тесные контакты со Скандинавией.

Но тут же Хейвуд приходит к выводам, которые мало сочетаются с тем, что он так энергично отстаивает, и которые сложно услышать от его российских коллег. Во-первых, учёный констатировал, что во многих отношениях скандинавы были малоразвитые народы, и даже технологии судостроения у них были архаичными. Во-вторых, что «в конечном счёте вклад викингов в развитие русской цивилизации оказался пренебрежимо малым. Показательно, что несмотря на 200 лет тесного взаимодействия, в русский язык вошли меньше дюжины скандинавских заимствований. Не оставили викинги и чётко просматривающихся в современном русском народе генетических следов» (при этом учёный отмечает наличие большого числа скандинавских слов в английском, французском языках, скандинавских топонимов на территории Англии, Шотландии, Франции, где норманны действительно были, подчёркивает, что анализ ДНК указывает на связь, например, современных шотландцев и исландцев со скандинавами). Только лишь урбанизации Руси норманские коммерсанты придали мощный импульс: «Благодаря резкому расширению торговых связей между Западом и Востоком меньше чем за 100 лет малые поселения-крепости вроде Киева превратились в процветающие города»¹⁰².

В 2019 г. в России вышла монография французского исследователя Р. Буайе «Викинги: История и цивилизация» (во Франции увидела свет в 2004 г.), в которой автор, на фактах ниспровергая многие мифы о норманнах (а они присутствуют в нашей науке), вместе с тем полностью следует в русле мифа пре-

бывания шведов (якобы русов и варягов) на Руси, в Византии (телохранители императора) и далеко на Востоке («нам точно известно» — в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Багдаде, Иране). Видя в советской школе, противостоявшей норманистской школе (или филолого-исторической, основанной на письменных источниках), проявление «пещерного национализма», Буайе заключает, отмечая тем самым заслуги российских археологов: после археологических открытий, сделанных в окрестностях Ладоги, в Гнёздове, в Киеве и в Новгороде, «глубокое влияние северян почти не вызывает сомнений. К тому же этот диспут, который был очень жарким, сегодня закончен. Русские учёные нового поколения не сомневаются, что их государство основали варяги» (и нужна, по его оценке, значительная доза патриотизма, чтобы отвергать норманскую теорию).

А в качестве подтверждения тому говоря, что неслучайно саги именуют Русь Великой Швецией или Холодной Швецией, что похороны руса, описанные Ибн Фадланом, есть погребальный обряд скандинавов, что свидетельства Ибн Руста о русах «совпадают с тем, что нам известно о скандинавах» (например, охота на рабов, человеческое жертвоприношение путём повешения — «это самый настоящий одинический обряд»), что в Гнёздове нашли 3000 захоронений с деревянными погребальными камерами, «совершенно идентичные захоронениям в Скандинавии», а в Ладоге — 400 курганов, традиционных для Севера, что некоторые русские города обязаны своим возникновением «и, безусловно, всё — подъёмом именно шведскому присутствию на Руси». «В общем, — резюмирует учёный, — отрицать скандинавское присутствие на Руси неразумно. Настоящий учёный спор может идти только об их роли», которая весьма значительна, т. к. викинги, поразительно быстро ассимилировавшись, дали коренному населению правящих князей.

Однако «Русь Владимира окончательно отделилась от исходного древа, обрвав самостоятельную политическую единицу», а конец правления Ярослава Мудрого «знаменует прекращение влияния скандинавского мира на славянский» и «к 1050 г. полная ассимиляция стала свершившимся фактом». Но при этом он имя «русь» производит, тем самым признавая его скандинавскую этимологию несостоятельной, не от *ruotsi*, а от протославянского **rūsŭ/rūdŭ* — красный, рыжий, как якобы славяне именовали готов, ибо они и были рыжими. К 400–600 гг. готы сами усвоили это название в виде **gauþs* в том же смысле. Позже, между 600 и 800 гг., греки и финно-угры широко использовали данное слово, называя им не только готов, но и шведов¹⁰³. К оглашённым мнениям зарубежной науки о нашей истории следует добавить, что в ней, отмечает П.С. Стефанович, «господствует настороженно-недоверчивое отношение к идее о “южной” руси, независимой от скандинавского влияния и присутствия»¹⁰⁴.

Помимо приведённых разногласий Буайе и Хейвуда с норманской версией, можно привести и мнение французского исследователя П. Бодуана, опять звучащее не в унисон с норманизмом. В 2010 г. он, ведя речь на страницах русского издания о проникновении норманнов в пределы других народов, отметил, а его последние слова не совсем согласуются с выводами наших норманистов о масштабной деятельности норманнов на Руси, что в соответствии с истори-

ческими условиями «такое проникновение могло принимать формы то колонизации необитаемых земель (Исландия), то открытого завоевания (Область Датского права в Англии), то организованного переселения в результате договорённости с местными властями (Нормандия), то освоения отдельными группами торговых путей, как это отчасти произошло в России»¹⁰⁵.

Более того, свой антинорманизм (хотя и частичный) сформировался в ирландской науке, которая начала выходить из плена норманистского тезиса, что первые города в Ирландии были основаны викингами. На этом факте заостряет внимание Л.П. Грот и приводит слова ирландского историка Ф. Бирна, произнесённые в 2005 г.: «Часто вызывает удивление, что “варвары”-викинги смогли принести “городскую цивилизацию” в Ирландию... Даны, которые заселили большую часть северной и восточной Англии, не строили городов, хотя они оккупировали Йорк и приложили немало усилий для захвата Лондона — два главных города в римских провинциях Британии, которые продолжали существовать и в англосаксонский период. На Фарерских островах, Шетландских островах, на Оркнейских островах, в Сатерленде, на Гебридах и даже в Исландии, где они заселили пустынные местности или захватили заселённые местным населением территории, города не появились»¹⁰⁶. Да и Бодуан констатирует: гипотеза о том, что серьёзная реструктуризация г. Руана, происшедшая на рубеже IX–X вв., была связана с появившимися здесь норманнами, «некогда имевшая многих сторонников, ныне совершенно оставлена»¹⁰⁷.

7.3 «Истина» ультранорманизма о том, как «горсточка» викингов во главе с Рюриком, «сыном или внуком Хальвдана», основала Русское государство

«Взвешенный» и «объективный» норманизм, не только тождественный, но и превосходящий, если брать во внимание только его археологическую составляющую, «“ультранорманизм” шлёцеровского типа», хотя и торжествует в нашей науке (в том числе благодаря количественному фактору, всегда бывшему, в силу западнических настроений значительной части нашего общества, на стороне норманистов), но вместе с тем осознаёт беспочвенность своих «объективных» выводов и построений. Вот почему норманисты (и в первую очередь археологи) усиленно навязывают иллюзию наличия в науке единственного правильного учения — норманизма, «верной дорогой» которого обязаны идти все. Почин тому, видимо, положил В.П. Даркевич в 1994 г., уверяя, что после новых археологических открытий становится всё более ясной надуманность, искусственность “норманской проблемы”, бесперспективность борьбы так называемых норманистов и антинорманистов. Умалять значение скандинавских “находников” в становлении Древнерусского государства — значит грешить против исторической истины».

(В чём смысл норманистской «исторической истины» учёный ёмко изложил в 2012 году. Информировав, что «жаркие споры между “норманистами” и “анти-норманистами” по отношению к IX–X векам решаются в пользу первых», он говорил, опираясь и на выводы Р.Г. Скрынникова, о викингах-русах и норманнах-русах, объяснял, что хотя «в Скандинавии не было народа по имени “русь”, но так называли себя боевые дружины, выступавшие в далёкие речные походы»: «из древнескандинавских языков ясно, что слова с корнем “ротс/рос” означали гребцов», потому как часто нужно было плыть против течения, грести на вёслах, тогда как «скандинавы, плывшие на запад в морские походы (“вики”), называли себя викингами». Согласно той же «истине», первыми «русскими» князьями были конунги — военные вожди, что многие почти эпические эпизоды из ПВЛ связаны со скандинавскими правителями, что договор Олега Вещего с Византией «заключило норманское войско в лице своих вождей-конунгов. Вероятно, то были шведы (свеи), преобладавшие в походах через Восточную Европу», что после гибели Игоря в Киеве правила языческая норманская знать, что в кургане Чёрная могила, судя по обряду и инвентарю, был похоронен высокопоставленный скандинавский вождь X в., что русы растворились в славянской среде в конце X — начале XI столетия)¹⁰⁸.

В 1998 г. Д.А. Мачинский, а выше эти слова цитировались, утверждал, что «внутренне ложными представляются понятия “норманская теория” и “норманизм”», что нет ни этой теории, ни норманистов, а есть «русо-варяжские», то бишь «честные историки». На следующий год Л.С. Клейн провозгласил: «Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии». Тогда же его ученик Е.Н. Носов дважды (затем всё это вновь озвучив через 10 лет) разъяснял: «Что же касается определений “норманизм” или “антинорманизм”, то, стремясь избежать недопонимания или двусмысленности, я бы считал целесообразным не использовать их при современной оценке роли скандинавов в истории Руси, поскольку эти термины отягощены “богатым” наследием, строго говоря, к академической науке отношения не имеют»¹⁰⁹.

В 2005 г. историк А.Ю. Дворниченко вёл речь (по Даркевичу) о надуманности «норманской проблемы», которая бросается, по его словам, в глаза (пять лет спустя он в учебном пособии для студентов-историков всё им ненадуманно, конечно, объяснил: «Летописец повествует о том, что в 862 г. чудь, славяне, кривичи и весь обратились к жителям Скандинавского полуострова — варягам: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”» (в ПВЛ и слова нет об обращении к «жителям Скандинавского полуострова»)¹¹⁰. В 2009–2012 гг. В.В. Мурашёва, убеждая в первую очередь историков в том, что, «казалось бы, “норманская” или “варяжская” проблема давно утратила актуальность», решительно отлучила антинорманистов от науки: «во вне- или околону научных кругах дискуссии времён М.В. Ломоносова всё ещё находят отклик». Её коллега С.В. Воронятов в 2012 г. поддержал мнение Мачинского «о внутренней порочности понятий “норманская теория”, “норманизм”»¹¹¹. Тогда же Е.А. Мельникова, всю жизнь свою положившая на доказательство скандинавства летописных руси и варягов (и на борьбу с теми, кто с этим не согласен, клеймя их как мифотворцы), настаивала на том, что «мето-

дологическая непродуктивность обсуждения подобных вопросов для выяснения происхождения Древнерусского государства делает бессмысленным и употребление терминов “норманизм” и “антинорманизм”»¹¹².

А не употреблять потому (а такое ведь ещё предлагали в 1875 и 1932 гг. А.А. Куник и В.А. Мошин), чтобы сохранить в науке в качестве неприкосновенной истины норманизм, который излагает не историю Руси и наших предков, а историю деяний скандинавов и их конунгов на её землях. В общем, всю ту несуразицу, охарактеризованную антинорманистом Ю.И. Венелиным как «скандинавомания». И которую полно характеризуют слова, с одной стороны, Е.А. Мельниковой, сказанные и напечатанные в 2007–2009 гг., что «возникновение Древнерусского государства большинство современных историков связывает с объединением двух ранне- (или пред-) государственных образований: северного с центром в Ладоге и южного с центром в Киеве, скандинавским вождём Олегом (< Helgi), родичем или “воеводой” Рюрика, захватившим Киев в 882 г., что положило начало “собирацию” восточнославянских земель вокруг Киева» (стоит напомнить Мельниковой, за сагами не видящей летописи, что по смерти братьев Рюрик из Ладоги «пришел к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту княжа», и что именно оттуда и двинулся Олег на Киев в 882 г.)¹¹³. С другой, слова С.П. Щавелёва, произнесённые в юбилейный 2012 г., что «горсточка» викингов с Рюриком во главе основала у восточных славян государство, равное по площади среднему европейскому королевству («там, где своего государства ещё не было, северяне помогали местной верхушке его создать»)¹¹⁴.

И эта ультранорманистская несуразица активно навязывается нашему обществу со школьной скамьи. Выше речь шла о «Справочнике учителя истории. 5–11 классы» (2008), в котором ответы на сложные вопросы по истории «Древней и удельной Руси» даны археологом В.Я. Петрухиным: летописец объясняет в самом начале своей ПВЛ (но она — не авторское произведение, а свод, к созданию которого причастны многие мыслители), «что варяги — это скандинавы: свеи (шведы), урмане (норвежцы), готы (жители острова Готланда на Балтике) и **русь**, сидящие за Балтийским — (Варяжским) морем». Утверждая, что пришедшая с князьями русь-«гребцы» представляла собой не племя, а княжескую дружину (хотя летопись чётко говорит, что русь — это народ, но такого народа скандинавская история не знает), имя которой затем распространилось в Среднем Поднепровье, он заключает: «Так стала складываться **Русская земля** — государство, подвластное русским князьям и дружине»¹¹⁵, сиречь скандинавам.

В 2011 г. научно-методический журнал для учителей истории и обществознания «История» в сентябрьском номере представил материалы для подготовки в 6 классе урока по темам: «Возникновение государства у восточных славян и первые русские князья. Мнения историков о варягах. “Норманский вопрос”» (при этом учительской аудитории предварительно внушалось, что варяжский вопрос давно перестал всерьёз обсуждаться в профессиональных научных кругах, потому как варяги есть скандинавы). Сам же материал предложен в трактовке Е.А. Мельниковой, с её, конечно, *rōwan’ами и *roþ(e)R’ами, превратившимися в название «русь», которое в скандинавских источниках не

встречается, но которое первоначально означало «скандинавы в Восточной Европе», под самоназванием *rōps(menn)* напавшие на Константинополь в 860 г.¹¹⁶

В 2012 г. Е.В. Пчелов уже в учебнике для того же 6 класса «История России с древнейших времён до конца XVI века» идею о скандинавстве варягов и руси закреплял в сознании детей (такое вот «ноу-хау») посредством фотографии «Памятник первым русским князьям — Рюрику, Олегу, Игорю», задавая им вопрос: «Как вы думаете, почему в Швеции был установлен памятник первым русским князьям?» (фотография всё того же памятника «первым русским князьям» в Швеции перекочевала в новую редакцию учебника, написанного Пчеловым в соавторстве с П.В. Лукиным и в 2016 г. вышедшего под научной редакцией директора ИРИ РАН Ю.А. Петрова)¹¹⁷. В 2020 г. также в учебнике для 6 класса Т.В. Черникова преподнесла варягов в качестве норманнов (викингов), которые через Ладогу осваивали новые речные пути, что ильменские словене, кривичи, финно-угорские племена чудь и весь, изгнав норманнов «за море», не нашли согласия между собой и пригласили Рюрика: «Варяги, уже не разбойники, а *купцы*, воины, советники князя играли заметную роль», способствовали становлению Древнерусского государства, предпосылки которого возникли в ходе развития самого восточнославянского общества¹¹⁸.

Шведский взгляд на русскую историю без устали пропагандирует уже повзрослевшим школьникам всё тот же Е.В. Пчелов книгами «Рюрик» и «Олег Великий. Великий викинг Руси», вышедшими в 2010 и 2018 гг. в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» (стоит ожидать нечто и о других «великих викингах», русских князьях, например, Игоре, Святославе и Владимире, да и Ярослав Мудром заодно). Этот же взгляд полно вобрали в себя и школьники, и их родители, посмотрев широко разрекламированный «шедевр» кинематографа — уже упоминаемый фильм «Викинг», одним из «родителей от науки» которого был «русист» В.Я. Петрухин. Его же навязывали, например, и в ходе Международной акции «Большой этнографический диктант — 2023» (проводился 3–8 ноября), в котором участвовали миллионы людей всей планеты. И которых «просвещали» (ибо диктант — это «просветительский проект») вопросом: «По преданию о призвании Рюрика в Новгород в 862 г., зафиксированному Повестью временных лет, известно, что варягов совместно призвали словене, кривичи, чудь, весь и меря. Эти славянские и финно-угорские народы жили рядом и были связаны между собой и с варягами торговыми отношениями. Именно на их землях начинался старейший торговый путь из Скандинавии на Ближний Восток. Как он назывался?»¹¹⁹ (никакого отношения к пути «из варяг в греки», скандинавы не имели: в 80-х гг. XI в. хронист Адам Бременский, описывая балтийскую часть этого пути, начинает её с южнобалтийского славянского Волина, где и жили истинные варяги: «От этого города 14 дней ходу под парусами до Острограда Руси (Новгорода. — В.Ф.)»¹²⁰).

Из числа нынешних отечественных норманистов выделяется историк А.А. Горский, позиция которого в чём-то напоминает почившего в бозе «советский антинорманизм». Так, выступая вообще против всех «крайних» точек зрения, активизировавшихся в конце XX — начале XXI в. и прокламирующих давно опровергнутые тезисы, что, по его убеждению, в целом мешает переходу

к объективному рассмотрению роли норманнов в процессах, шедших на Руси, он, с одной стороны, критикует преимущественно западных учёных (К. Хеллера, С. Франклина, Д. Шепарда, Г. Шрамма). Потому как в их работах «под формированием Древнерусского государства понимается исключительно деятельность норманнов в Восточной Европе, а участие славян в этом процессе практически игнорируется» (из российских коллег он в одном случае упомянул в этом ряду Р.Г. Скрынникова, хотя в том же духе рассуждают почти все наши «взвешенные» и «объективные», и прежде всего археологи и лингвисты). С другой стороны, Горский критикует тех своих соотечественников, которые, по причине «ложно понимаемого патриотизма», занимаются реанимацией «старого антинорманизма», — «неоантинорманистов».

Среди научных знаний, которые были накоплены к концу XIX — началу XX в. (т. е. времени господства ультранорманистских идей В. Томсена, Т.Ю. Арне и А.А. Шахматова) и которые не замечают «неоантинорманисты» (ибо они не археологи и не лингвисты), Горский называет те знания, в которых всегда правит бал субъективный фактор норманистского толка и в которых уже потому не может быть науки. Во-первых, археологический материал: на территории Руси (в районе Ладоги, Новгорода, Смоленска, Киева и Чернигова — «т. е. там, где располагались главные центры формирующегося государства») зафиксированы многочисленные погребения конца IX — X в., захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии, в значительной своей части знатными воинами, дружинниками. Тот же материал показывает присутствие на Руси в конце IX — X в. тяжеловооружённых воинов скандинавского происхождения. Это коррелирует, по его заверению, «с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были *варяги*» (как заметила Л.П. Грот по поводу слов о «тяжеловооружённых воинах скандинавского происхождения», археология не может «показать этническую принадлежность захороненных без изучения их ДНК. А результаты исследований на основе ДНК-генеалогии показывают, что носителей скандинавских гаплогрупп не обнаружено»).

Во-вторых, лингвистические изыскания, которые установили скандинавскую природу имён первых русских князей — Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и многих лиц из их окружения первой половины X века. Из чего следовал вывод, что носители этих имён имели скандинавское происхождение и входили в социальную элиту Руси. Твёрдо уверен историк и в том, что рассказ Ибн Фадлана о похоронах руса описывает норманский обычай сожжения в ладье. А заручаясь показаниями Бертинских анналов и письмами 871 г. франкского императора Людовика II византийскому императору Василию, он заключает: «Таким образом, нет достаточных оснований сомневаться в летописных известиях, согласно которым около середины IX века в двух самых развитых восточнославянских общностях — у полян в Киеве и у словен в Новгороде — к власти пришли норманские правители» (норманнами являлась и значительная часть знати, скандинавы и их потомки составляли значительную часть дружин русских князей IX–X вв., почти все «русские» названия днепровских порогов имеют явные скандинавские корни, и, судя по ним, определённая часть

«руси» пользовалась скандинавским языком, а именно, скорее всего, те варяги, которых привлёк Игорь для похода на Византию и которые затем остались на его службе).

Параллельно Горский заостряет, а так давно уже делают антинорманисты, внимание на факте принципиальной важности: скандинавы не могли принести на Русь традиции государственности, поскольку в самой Скандинавии в IX в. государства ещё не сложились. Так, в Норвегии объединение областей в единое королевство учёные датируют концом IX — началом X в., но в течение всего X и начала XI столетия это единство было непрочным. Образование единого государства в Дании относят к середине X века. В Швеции же, «откуда, судя по археологическим данным, происходило большинство приходивших в Восточную Европу “варягов”» и откуда даже выводят истоки русской государственности, формирование государства датируется в лучшем случае концом X — началом XI в., а некоторые специалисты считают возможным относить его и вовсе только к XII столетию. И это тогда, справедливо указывает он, когда на Руси уже к 940-м гг. сложилась политическая система, охватывающая огромную территорию — от Невы и Ладожского озера до днепровских порогов, несопоставимую по масштабам с владениями каких-либо скандинавских конунгов. Викинги также не создали, опять же в полном в согласии с антинорманистами констатирует историк, не только крупных, но вообще никаких государств там, где ещё не было сложившейся государственности: ни в земле прусов, ни в Восточной Прибалтике, ни в Ирландии (причём в последней они активно действовали с начала IX в., но никакой тенденции к её объединению под единой властью не обнаружили ни тогда, ни в следующем столетии).

В то же время Горский уверяет, с целью сохранения норманистской утопии, что следует говорить об определённом вкладе в процесс образования Русского государства в отношении не любых норманских дружин, приходивших в Восточную Европу в течение IX–X вв., а одной — дружины Рюрика, затем возглавленной Олегом. Потому как именно родоначальник киевской династии норманн Рюрик «и его люди сыграли в процессе государствообразования немаловажную роль: с ними появилась (и была закреплена деятельностью их потомков) тенденция к формированию крупного государства», объединившего все восточнославянские (а частично и неславянские) территории, что, вероятно, в значительной мере было обусловлено наличием мощного силового ядра — дружины первых русских князей-викингов, что последующие норманские вливания на Русь в X в. носили абсолютно иной характер, т. к. это уже были контингенты викингов, лишь нанимавшихся русскими князьями для внешних войн, и ничего принципиально «государствообразующего» они принести не могли. Подчёркивая, что у норманнов не прослеживаются потенции к созданию крупных государств, сопоставимых с Древнерусским, Горский столь же категорично отрицает «государствообразовательные потенции» и у восточных славян.

Но чтобы выйти из замкнутого круга и объяснить истоки русской государственности, у которой нет ни славянского, ни скандинавского начал, представляет, а это также есть проявление несостоятельности шведского взгляда на русскую историю, Рюрика и его людей данами (изгнанные же перед этим

варяги, бравшие дань со словен и их соседей, были, скорее всего, из Средней Швеции — Свеаланда, области Скандинавии, в связи с чем приглашение предводителя «других» варягов — датских — было бы вполне логичным). И данов варягами Горский представляет потому, что из всех скандинавов именно они в IX в. наиболее тесно контактировали с тогдашним центром цивилизации Западной Европы — Франкской империей и государствами, её наследниками. По причине чего окружение Рюрика (а он, вероятно, Рорик Фрисландский, выходец из рода датских конунгов Скьёлдунгов, ушедший на княжение к словенам после 873 и правивший у них до 882 г.) относилось к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке скандинавов, было в большей мере носителем традиций франкской государственности, чем скандинавских общественных порядков. В целом же это означало воздействие передовой по тому времени» франкской государственности на процессы государствообразования у восточных славян, но только «пропущенным» через людей скандинавского происхождения.

Излагая такое видение начала Руси и её государственности, Горский уверен, что его «предположение позволяет объяснить, почему образование государства у восточных славян, более географически удалённых от тогдашних центров цивилизации, чем славяне западные, происходило практически без отставания в темпах по сравнению с последними», и что, хотя с точки зрения современных научных знаний варяги и были норманнами, но не ими было создано Древнерусское государство. В свете чего он заключает в стиле того же «советского антинорманизма»: «Реальная научная полемика может идти только о степени участия выходцев из Скандинавии в процессе образования государства у восточных славян и о характере их роли», и что отрицание заметного присутствия скандинавов «в Восточной Европе в период образования государства Русь и, в частности, скандинавское происхождение “варягов”, на мой взгляд, противоречит очевидным свидетельствам письменных и археологических источников и уводит дискуссию в сторону от серьёзного обсуждения роли неславянских элементов в генезисе древнерусской государственности»¹²¹ (в 2012 г. и украинский историк Н.Ф. Котляр, пятью годами ранее в сильнейшем раздражении называвший русских антинорманистов «квасными» и «охотнорядческими патриотами», неспособными «на какую бы то ни было научную мысль», повторял давно сказанное ими: «Скандинавы не могли принести государственность на Русь уже потому, что у них самих она ещё только зарождалась»¹²²).

Стоит подчеркнуть, что Горский проявляет и другие несогласия с норманистской классикой. Так, в 2004–2012 гг. он, продолжая свои наблюдения 1989 г. и соглашаясь с А.В. Назаренко, что «гипотеза о происхождении названия Русь от древнескандинавского **rōþ(s)*- через финское *ruotsi* небезупречна и в чисто лингвистическом отношении», подытоживал: она, «господствующая в зарубежной историографии, в последнее время получила преобладание и в отечественной, но связано это больше с протестом против однобокого “антинорманизма” 40-х — 70-х гг. XX в., чем с убедительностью аргументации». Во-первых, потому, что присутствие норманнов в Среднем Поднепровье, по археологическим данным, ощутимо лишь с X в., тогда как термин «русь» встречается в не-

мецких источниках второй половины IX в. и относится в них явно к югу, а не к северу Восточной Европы. Во-вторых, в договорах князей Олега и Игоря с Византией 911 и 944 гг. всё подвластное им население, независимо от этнического и социального происхождения, именуется русью.

После чего историк правомерно заострил внимание на логической и исторической несостоятельности скандинавской этимологии: «Если предположить, что название *русь* было обозначением норманских дружин, то придётся признать, что спустя считанные десятилетия после их прихода в Среднее Поднепровье оно уже воспринималось как этноним, который стал своим для местного славянского населения». Но если же предположить, развивал он свою мысль далее, «что *русью* именовались территория и население Среднего Поднепровья до появления варягов, то придётся признать, что спустя считанные десятилетия после прихода в этот регион дружинники скандинавского происхождения уже рассматривали это наименование как своё. И тот, и другой вариант были бы уникальны; обычно группы разного этнического происхождения, соединяясь в одном государстве, длительное время хранили свои самоназвания».

Учёный также отметил, что нигде в источниках дружины викингов через термин «русь» не определены и что «примеры “отпрофессионального” названия народов встречаются, но это наименование по *основному* роду деятельности; между тем викинги, приходящие в Восточную Европу, всё-таки в первую очередь должны были восприниматься не как гребцы, а как воины и торговцы». Поэтому, чтобы снять противоречия, он признаёт наиболее вероятной предложенную В.А. Бримом контаминацию двух сходных названий — скандинавского, служившего одним из обозначений варяжских дружин, и южного, которое служило одним из названий территории или/и населения Среднего Поднепровья: «Сходство терминов привело к их актуализации и слиянию, способствуя восприятию северными пришельцами земли на юге Восточной Европы как своей, а местным населением дружинников норманского происхождения как отчасти “своих”». Но понимая искусственность и этого объяснения, в 2012 г. Горский однозначно заключил: вопрос происхождения имени «Русь» приходится признать неразрешимым при сегодняшнем уровне знаний¹²³.

Вместе с тем Горский в ряде случаев проводил совершенно крамольную для норманизма мысль о возможном участии южнобалтийских славян в истории Руси. Так, в 2004–2011 гг. рассуждая о призвании Рорика Ютландского, он резюмировал: возможно, выбор именно его «был обусловлен тем, что часть ильменских словен являлась переселенцами из славян-ободритов, живших на нижней Эльбе по соседству с Ютландским полуостровом и хорошо знакомых» с Рюриком, которые и могли стать инициаторами его приглашения. При этом заметив (тем самым ставя под сомнение свои рассуждения о данах Рюрика, призванных на Русь потому, что хорошо были знакомы с развитой франкской государственностью): «Кстати, и “приглашавшие”, если это были выходцы из земли ободритов, с ней также были знакомы — ободриты союзничали ещё с Карлом Великим в конце VIII в. в его войнах с саксами».

Особенно громко эта идея прозвучала в устах историка в 2005 году. Тогда он, констатируя (вопреки заверениям археологов), что родству новгородских

словен с южнобалтийскими славянами имеется немало археологических свидетельств (керамика, сходство черепов из захоронений словен и ободритов), пришёл к выводу, что первоначальный Новгород, т. е. Рюриково городище, был основан ободритами, преимущественно ваграми, переселившимися в Поволховье из-за нежелания подчиниться власти восточнофранкского короля Людовика Немецкого (а в борьбе с ним в 844 г. погиб главный ободритский князь Гостомысл). Построенное ободритами укрепленное поселение возле оз. Ильмень было названо Новгородом в противоположность южнобалтийскому Страграду, центру племенного княжества вагров, входивших в союз ободритов. Горский допускал, что именно с приходом в середине IX в. данной «группировки» связано летописное «изгнание варягов» (т. е., очевидно, шведских викингов, взимавших дань с племён севера Восточной Европы), происшедшее незадолго до призвания Рюрика» (но всё так же видя в нём, ибо уж больно крепок гипноз норманизма, Рорика Фрисландского)¹²⁴.

Из норманистов (очень убежденных, и не совсем очень, а бывших таковыми лишь в силу традиции да постоянной норманистской трескотни) не только в работах Горского звучат определённые «антинорманистские» нотки. Так, в 2006–2009 и 2015 гг. историк А.В. Петров решительно отверг происхождение названия «Русь» из Ruotsi, заметив, что «национальное или профессиональное *самоназвание* скандинавов, которое напоминало бы слово “русь”, к настоящему времени не найдено, и вряд ли отыщется в дальнейшем». Констатируя, что в последнее время в науке получила глубокую разработку проблема южной дославянской Руси, он посчитал наиболее вероятными местные среднечерноземские и, шире, северно-причерноморские истоки слова «русь». Говоря, что О.Н. Трубачёву удалось доказать его «*индоиранское* или, ещё более древнее, *индоарийское* происхождение», учёный подчеркнул: «И по археологическим, и по лингвистическим данным, на V–VII вв. приходится время славяно-иранского симбиоза. В связи с этим вполне оправданной выглядит догадка, согласно которой славяне восприняли от древнего скифо-сарматского населения, наряду с прочими языковыми элементами, и интересующее нас имя».

Вместе с тем Петров утверждает, что Малфрид есть мать Владимира Малуша (уменьшительное от Малфрид), следовательно, её сын имеет норманское происхождение, что он обманул своих единокровных варягов, которые помогли ему захватить Киев, что определение реальной роли норманнов в ранней истории Руси — важнейшая научная задача», ибо нет «*сомнений в существенной роли северогерманской компоненты в политогенезе на Восточноевропейской равнине*» (хотя тут же решает эту задачу в духе «советского антинорманизма»: что захват власти в Новгороде или в его предшественнике «варяжским конунгом не произвёл коренного переворота в социальных и политических отношениях восточных славян», что в начальной истории Руси — это второстепенный эпизод, что история норманнов на Руси — это история включения их в закономерные процессы эволюции местного социума и пр.). Не имея возможности вырваться из «плена» норманизма (хотя и считает, что «некоторый позиционный перевес у антинорманистов»), Петров уверяет, что делить учёных Восточной Европы «на т.н. “норманистов” и т.н. “антинорманистов” ныне крайне непродуктивно», что

эти понятия в современном историографическом контексте становятся всё более условными и, по сути дела, «работают» только в связи с одним пунктом некогда всеобъемлющего научного (и национально-политического) спора — вопросом происхождения имени Русь и его первоначальных носителей¹²⁵.

Остаётся добавить (а со временем число подобных добавлений будет расти), что в 2013–2014 гг. молдавский археолог А.А. Романчук заключил, тщательно проработав и источники по варяго-русскому вопросу, и его историографию, что в его решении правда всё же за антинорманистами (и уже сам, будучи до своего «погружения» в тему норманистом, приводил доказательства в пользу их гипотезы о выходе варягов и руси с южных берегов Балтийского моря)¹²⁶. Но такая историческая правда, да ещё признанная одним из «своих», абсолютно не нужна «взвешенным» и «объективным». В связи с чем они её (как и её приверженцев) стараются, о чём уже говорилось, дискредитировать разными способами, порой самыми экзотическими (и столь же экзотически стремясь огрadyть норманизм от критики).

Так, в 2017 г. археолог А.Е. Мусин (а он, к слову сказать, имеет священнический сан) старался убедить власть в полезности норманизма... полнейшей вредностью для неё антинорманизма: «Неуспех “антинорманистов” в политике должен объясняться традиционной брезгливостью власти по отношению к интеллигенту, пытающемуся доказать ей свою полезность. Не последнюю роль здесь играет и корпоративный инстинкт самосохранения: чиновник чувствует, что перед ним лицо, не пользующееся авторитетом в научной среде, союз с которым чреват не только репутационными, но и, что более важно, материальными потерями, связанными с низким качеством экспертных заключений и возможными ошибками прогностического анализа (если бы чиновник по сию пору стоял на позиции «авторитетов», злобно натравлявших его против «неавторитетов» в лице, к примеру, Н. Коперника, Д. Бруно, Г. Галилея, то мир бы застрял в Средневековье, а Мусин внушал бы пастве, что Земля есть центр мироздания. — В.Ф.)» (вместе с тем археолог здраво заметил, почему наше общество исповедует норманизм: оно «вполне удовлетворяется своей причастностью к мифологизированной эпохе викингов», но с этой мифологизацией как раз и борются антинорманисты. К мифологизации также относится звучащая везде и повсюду характеристика конца VIII — середины XI в. как «эпоха викингов», что уже заставляет заикливаться на скандинавах внимание и постоянно раздувать их роль в истории и сочинять о них небылицы: типа «Невероятные приключения викингов/норманнов на Руси»).

Антинорманисты, продолжал свой «взвешенный» сказ Мусин, несколько не соответствуют требованиям современной (т.е. «строгой») науки, которой «присуще разнообразие апробированных методов и подходов культурно-исторического анализа, формирующих верифицируемое и непротиворечивое знание». Причём проявление их взглядов, начинающих «демонстрировать основные признаки лженауки», «не имеет ничего общего с патриотизмом. Оно обусловлено личными амбициями, связанными с расчётом сделать себе карьеру в академической или университетской среде за счёт критики классического исторического нарратива», а также отсутствием у них, при «ограниченности

круга чтения и набора инструментов критического мышления», «склонностей и способностей к серьёзной источниковедческой работе», что не позволяет им «сформировать эффективные навыки критического анализа» (разумеется, их историографические обзоры, а такой вердикт объясняется тем, что они чётко показывают мотивы и способы мифологизации викингов норманистами, начиная со шведских авторов XVII в., «носят некритический характер»). А вот археология в целом «оказалась невосприимчива к отрицанию скандинавского присутствия в Восточной Европе в силу повышенного иммунитета к нарушению методологической процедуры и чувствительности к некорректным выводам и некачественному научному продукту, обусловленному “материальностью” продукта, что не должно вызывать недоумения».

Причём «отсутствие в раннесредневековой Восточной Европе государства в классическом и традиционном смысле снимает вопрос об участии скандинавов в его создании». И посему задача археологии заключается в изучении скандинавского компонента в материальной культуре раннего Средневековья, наличие которого в ранних археологических слоях Новгорода (следы ритуалов северной религии) показывает, что среди новгородских первопоселенцев были и носители этих культов — скандинавы. А «развитие и комбинация новых тенденций в археологическом изучении скандинавского присутствия в Восточной Европе позволяют создать непротиворечивую картину её истории в VIII–XI вв.» (в то время здесь происходила «двойная аккультурация»: «на первом этапе, в VIII — первой половине-середине X в. происходила аккультурация скандинавов в славянской и финской среде, приведшая к появлению этносоциальной группы русь, тогда как в конце X — XII в. завершается аккультурация руси в среде восточного славянства». По причине чего «русы предстают в истории не столько скандинавами, сколько результатом взаимодействия пришлых скандинавов и местного населения Восточной Европы»). При этом Мусин подчёркивает, что труд Т. Арне «Швеция и Восток» 1914 г. был новаторским и капитальным (шведский археолог демонстрирует «строгую академичность» своих построений) и что никакой «теории колонизации» скандинавами Восточной Европы, тем более «массовой», он не создавал (всё это ему приписал в 1930 и 1934 гг. археолог В.И. Равдоникас), а лишь вёл речь «о колонизации как процессе появления в Восточной Европе скандинавских эмпориев»¹²⁷.

7.4 «Хазаромания» как естественное состояние норманистов

Неизменной спутницей и преданной союзницей «скандинавомании» давно является, как её именует автор этих строк, «хазаромания»¹²⁸, генетически связанная с норманизмом и также, при теснейшем переплетении с ним, «пожирающая» всё русское в русской истории. Главную причину обеих тенденций

академик Г.Г. Литаврин в 2000 г. видел «в предвзятой позиции, выражающейся прежде всего в признании политического и внешнеполитического факторов в качестве главного двигателя истории»¹²⁹.

Тезис, рождённый норманистами и большинством ими проводимый (просто даже мимоходом), о всестороннем воздействии на жизнь восточных славян, помимо скандинавов, ещё и хазар, есть тезис давний (вместе с тем надлежит сказать, что именно научная разработка истории хазар и Хазарского каганата была начата трудами выдающегося историка и антинорманиста Г. Эверса¹³⁰). Так, по А.Л. Шлёцеру, как он об этом говорил в 1772 и 1802 гг., что в VIII–IX вв. сила хазар, «кажется, достигла до высочайшей степени и распространилась также на север до Киева», как это видно из ПВЛ, и «что Киев был некогда под властью хазар, то дело неоспоримое» (хазары царствовали в нём до прихода норманнов Аскольда и Дира). Г.Ф. Миллер не сомневался в 1773 г., что хазары в VIII в. «далеко и широко распространили было своё в России владение». Согласно мнению М.П. Погодина от 1864 г., «козары долго владели Киевом и всей окрестной страной. Киев платил дань кагану». В 1875 г. А.А. Куник уже представил Кия, Щека и Хорива, с которыми наша древнейшая летопись связывает начало Киева, в качестве трёх хазарских братьев¹³¹.

Хазарское иго, устно и печатно тиражировал эти слова на протяжении десятилетий великий В.О. Ключевский (а за ним так уже полагали многие учёные), «было для днепровских славян не особенно тяжело и нестрашно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды», оказало благотворное действие на промышленные успехи днепровских славян. Потому как хазары, утвердившись между Волгой и Днестром и став торговыми посредниками между арабами и восточными славянами, «скоро перешли к мирным промыслам и открыли» своим послушным данникам «свободный проход по многочисленным степным речным дорогам. Таким образом завязались тесные торговые связи Днепровья с черноморскими и каспийскими рынками». Последующие торговые успехи днепровских славян, связанные преимущественно с добычей пушного зверя, развили русское мореходство («русские моряки уже в первой половине X века господствовали на Чёрном море») и вместе с тем способствовали появлению «древнейших торговых городов на Руси по главным речным путям западной полосы».

И великий А.А. Шахматов в 1904 г. одну из причин создания в первой половине IX в. южнорусского государства видел в соседстве хазар, «народа с развитою гражданственностью», «носителя высших форм быта». Тогда же и знаменитый чешский славист Л. Нидерле культивировал мысль, что «вообще господство хазаров не было слишком обременительно, и славяне под его прикрытием продвинулись на восток». Параллельно с ними М.С. Грушевский уверял, что Хазарское государство в VIII–IX вв. являлось сильнейшим государством Восточной Европы, которое спасло славян от нашествий кочевников, тем самым помогая им осваивать будущие земли Киевской Руси (до X в. оно в целом выполняло роль заслона Европы от новых кочевых азиатских орд).

О благоприятном воздействии хазар на жизнь восточных славян говорил и писал в преддверии революции ученик Ключевского М.К. Любавский: они

со славянами, двигавшимися в степь, установили мирные, дружественные отношения, славяне без борьбы подчинились хазарам («каган хазарский был их повелителем»), потому что те «были для них оплотом, защитой от нападений с востока. Входя в состав Хазарской державы, славяне и расселились так широко по степным пространствам нашего юга», и в Хазарском царстве «получили первую подготовку к широкому политическому объединению для борьбы за существование» (так что в деле объединения восточных славян варяги-норманны, заключал историк, «имели своих предшественников — хазар» и «подчинение власти киевских варяжских людей для славян нашего юга было только простой сменой властителей»)¹³².

В те же предреволюционные годы археологи Д.Я. Самоквасов (1908), В.А. Бабенко (1914) и историк Д.И. Багалей (1914) приписывали хазарам салтово-маяцкую археологическую культуру (но о её связи с аланами в 1908 г. речь вёл археолог А.А. Спицын¹³³). Идея о хазарской принадлежности салтовской культуры была подхвачена зарубежной наукой. Выше приводилось заключение историка И.Н. Бороздина от 1916 г., что швед Т.Ю. Арне был увлечён не только «скандинавизмом», но и хазарами, основываясь «в значительной степени на действительно замечательных раскопках Верхне-Салтовского могильника». Правда, необходимая осторожность требует пока признавать, заметил Бороздин, предметы этого памятника «лишь с большей или меньшей вероятностью хазарскими. Здесь необходимы ещё тщательный анализ, целый ряд сравнительно-археологических экскурсов и более точная датировка. Арне же слишком поспешен в своих суждениях о хазарской культуре» (в 1927 г. Ю.В. Готье, напомнил в 2001 г. археолог Г.Е. Афанасьев, убедительно опроверг идею принадлежности салтово-маяцкой культуры хазарам и доказал её теснейшую связь — генетическую и этническую — с аланской культурой Северного Кавказа)¹³⁴.

В духе дореволюционной науки рассуждала затем о хазарах последующая историография. В 1919 г. А.А. Шахматов подчёркивал, что хазары в VII–VIII вв. образовали большое и могущественное государство, в сфере влияния которого находились юг и юго-восток Руси (их власть распространилась до Днепра и даже на правобережных полях). Три года спустя археолог А.А. Спицын, считая, что древний Киев — загадка, т. к. о времени VI–IX вв. ничего нет, резюмировал: «и только заманчивое название одной из основных киевских гор — Жидовская — наводит на предположение, не было ли там хозарского поселения, что было бы весьма естественно. Именно Киев должен быть торжищем для днепровских и волынских славян, а главную роль здесь должны иметь хозары». В 1924 г. В.А. Пархоменко пришёл к выводу, что славяне-русы юго-восточной части Руси, пребывая в лоне хазарского царства и, видимо, пользуясь, «как объединяющим торгово-политическим центром, его столицей — городом Итиль», позаимствовали от хазар начала государственности и уже во второй половине IX в. должны были образовать свой самостоятельный центр — Тмутаракань. Годом позже эмигрант-германист Ф.А. Браун доказывал, что власть богатых и деятельных хазар «не ложилась бременем на славян, а, скорее, будила их активность, вызывала в них промышленные интересы и торговую предприимчивость. Славянскому товару — невольникам, мехам, мёду и воску — открыва-

ются с этого времени черноморские и восточные рынки». Хотя, подводил черту лингвист, «едва ли сами славяне лично принимали сколько-нибудь видное активное участие в этой торговле»: они «были, скорее, лишь поставщиками хазар, инициаторов и главных носителей этого движения»¹³⁵.

В том же году в Берлине вышло посмертное издание труда Г.М. Бараца, весьма подогревшего интерес к теме роли евреев в ранней русской истории, потому как в нём утверждалось о еврейском начале имени «Русь». Связывая его вслед за Д.И. Иловайским с роксоланами, Барац уверял, что они образовались из части древних обитателей Ханаана, удалившейся, согласно еврейскому преданию, в землю славян, а затем пополненных за счёт израильтян и иудеев, в разное время насильственно выселенных из Палестины. Их правитель носил титул, буквально тождественный с титулом существовавшего у вавилонских евреев наивысшего сана — эксиларха: «Реш Гелута» или «Рош Гола», т. е. глава или князь/рош изгнанных/гола. А из «Рошгола», посредством прибавки суффикса *ане*, означающего принадлежность, получилось имя «роксолане».

В конечном итоге этническая группа, выступавшая в Приазовье, Черноморье и Приднепровье под именем «роксолане», заняла, благодаря своей высшей культурности и энергии, господствующее положение среди окружавших племён, склонила высшее сословие хазар к принятию еврейской веры, а затем, ослабившись, видоизменила своё народное имя и стала называть себя сокращённо — вместо роксолане «просто рос или русь». А чтобы закрепить «успех» своей версии, Барац представил еврейскими названия рек Дон, Днестр, Днепр, Самбат Константина Багрянородного (субботняя река, которая протекает по территории, занимаемой десятью коленами Израилевыми), Киев (называемый иностранцами *Ciow* и *Kiun* = «гора *Цион* (*Сион*)»), Тамань, Тмутаракань, названия Каспийского моря, Хоревизи и Хорев связал с библейской горой Хорев, а имена братьев Рюрика преподнёс как «перенесённые на лиц библейские топографические названия гор *Синай* и *Труор*»¹³⁶ (в своих фантазиях на «еврейскую» тему Барац мать и «деда» Владимира Святославича — Малушу и Мала — наделил еврейским/хазарским царским титулом малка/мелех¹³⁷).

В 1927 г. Г.В. Вернадский нисколько не сомневался в том, что Киев долгое время был оплотом хазарской власти на Днепре. По предположению В.А. Мошина, высказанному в 1931 г., столица будущей Руси была окраиной Хазарии, куда норманская русь явилась как наёмная дружина, предлагавшая услуги для освобождения города от хазарской зависимости, но каким-то образом власть в нём взяла в свои руки. В 1938 г. Вернадский заключил, что варяжско-скандинавские князья, захватив Киев, в котором, как и в некоторых других городах, «сидели хазарские наместники», «воспользовались административным аппаратом, который налажен был хазарами». Спустя пять лет он в своей знаменитой монографии «Древняя Русь» название «мати градом русьским» связал, посредством предположений, в норманистике в целом приобретающих вид установленного факта, с хазарами: «Имя “Кий”, возможно, происходит от тюркского слова *kiu* (“берег реки”)» («хазарские войска, должно быть, подошли к Киеву с востока. И их привлекли крутые холмы (*kiu*) по ту сторону Днепра. Отсюда, видимо, и название города»). А имя брата Кия Хорива (русская тран-

скрипция имени библейской горы Синай Хорев) — «с названием холма Хорев-ицы, — по-видимому, места поселения хазарских евреев в Киеве» (полнейшая условность предложенных этимологий видна уже потому, что брата Кия Щека историк предположительно отождествил с Чоком, «булгарским бойлом», воевавшим в Днепровском регионе в начале IX века. А исходя из другого своего предположения, что хазары вскоре передали власть над Киевом мадярам, которые были их вассалами, добавил: подобное имя — Шок — упоминается в старых мадярских хрониках, имя же сестры киевских «мифических» братьев Лыбедь «ясно указывает на мадярское происхождение, поскольку оно, вероятнее всего, связано с именем мадярского воеводы Лебеда»)¹³⁸.

В 1944 г. эмигрант-гебраист Ю.Д. Бруцкус уверял, что «не только управление, армия и законы славян были основаны на хазарской традиции, но даже религия, земледелие, ремёсла и искусства пришли с Востока благодаря хазарам». В 1954 г. американский учёный Ф. Каплан, также стараясь убедить в благотворности влияния на славян повелителей-хазар, присоединился к мнению Бруцкуса, которое, отмечал десятилетие спустя В.П. Шушарин, сама буржуазная критика признаёт ныне ненаучным¹³⁹. В том же 1954 г. и американский востоковед Д.М. Данлоп в монографии «История еврейских хазар», получившей широкую известность, отстаивал, пояснял в 1990 г. А.П. Новосельцев, «ряд весьма спорных положений, некоторые из которых были затем взяты на вооружение и нашими историками». В том числе самое главное из них — это «приписывание хазарам, как кажется, без достаточных оснований роли спасителей Европы и даже христианской цивилизации от арабов»¹⁴⁰.

Высокий «штиль» рассуждений о влиянии хазар на жизнь и судьбу восточных славян несколько лет продолжал культивироваться в советской послевоенной науке. Так, в 1945 г. В.В. Мавродин, процитировав слова А.Е. Преснякова об «огромном значении Хазарского царства в ранней истории восточных славян», вёл речь об его исключительно важной роли в истории древней Руси («применение термина “каган” по отношению к русским князьям, что сохранялось как сильная традиция даже в самом конце XII в., говорило об огромной роли в истории русского народа того отрезка его исторического пути, который он прошёл совместно с другими народами Поволжья, Прикамья, Подонья и Предкавказья в составе хазарской державы, под властью Хазарского каганата»), что восточные славяне были вовлечены «в сферу влияния Хазарии, а через неё — в сферу влияния восточных цивилизаций мусульманского мира», причём на Русь X–XI вв. оказывал влияние и хазарский иудаизм. Двумя годами позже крупный знаток истории Средней Азии (с его именем связывают подлинное открытие Хорезма), директор Института этнографии АН СССР С.П. Толстов был непреклонен в суждении, что Хазария сыграла «такую большую роль в первоначальной истории Киевской Руси»¹⁴¹.

В целом увлечённость хазарами и безудержное славословие в их адрес в советской науке той поры были столь сильны и масштабны, что в 1950 г. стали одной из причин фальсификации ПВЛ, которую осуществил известный специалист в области летописания, русской культуры и русской истории доктор филологических наук Д.С. Лихачёв (а ведь так и Н.М. Карамзин, но только под

гипнозом «скандинавомании» и в угоду ей, переиначил слова Ивана Грозного). Подготовленный Лихачёвым к печати главный источник по истории Руси (в работе над его переводом участвовал доктор исторических наук Б.А. Романов) вышел в самом авторитетном «сопровождении» — под грифом «Академия наук СССР» (и в её издательстве), в серии «Литературные памятники» и под редакцией член-корреспондента В.П. Адриановой-Перетц (на одном из титульных листов дополнительно значится, что публикация осуществляется под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы и серии «Итоги и проблемы современной науки», председателем которой являлся президент Академии наук академик С.И. Вавилов). При этом Лихачёв заверял читателей и прежде всего представителей науки, что «мы печатаем... не гипотетическую реконструкцию первоначального текста, а реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст», и что его издание, в отличие от изданий 1872, 1879, 1910 и 1926 гг., «гораздо ближе к основному Лаврентьевскому списку как в более осторожном выборе смысловых исправлений, так и в отказе от произвольных исправлений языка»¹⁴².

Однако это заверение, подкреплённое весьма уважаемым в научной среде академическим статусом издания, несколько не соответствовало действительности, поскольку Лихачёв дал, на чём в 1998–2003 гг. заострял внимание А.Г. Кузьмин (о том же в 2002–2012 и 2023 гг. говорил и писал автор этих строк)¹⁴³, принципиально неверное чтение части статьи летописи под 945 годом. А именно той части, в которой описывается процедура клятвы руси в Киеве в присутствии византийских послов соблюдать заключённый с их государством великим русским князем Игорем договор: некрещёная («поганая») русь клялась, сложив своё оружие, на холме, где стоял Перун, а «хрестеяную русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынъче беседы и Козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо бяша варязи хрестеяни», т. е. «христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьём в конце Пасынчей беседы и Козарского урочища: это была соборная церковь, так как было много христиан среди варягов»¹⁴⁴.

Все предыдущие издатели и комментаторы летописи, специалисты, пользующиеся ею, цитируемый отрывок воспроизводили и толковали в полнейшем согласии с оригиналом (за двумя только исключениями, о которых речь пойдёт ниже), прекрасно понимая, что присутствующие в нём «Пасынъча беседа и Козаре» представляют собой хорошо знакомые киевлянам времени летописца, внёсшего их в ПВЛ (вероятно, в начале XII в.), ориентиры расположения церкви святого Ильи, в прошлом бывшей на протяжении долгого времени — десятилетия до крещения Руси и десятилетия после — соборной, т. е. главной среди других церквей Киева. ««Хазары видны здесь во всех сп[исках], — отмечал и делал из того верный вывод А.Л. Шлёцер, — ну, ежели ето означает часть города, в которой жило много хазар (Хазарская слобода)?» «Думаю, — твёрже заключал Н.М. Карамзин, — что беседую Пасынков и Козарами назывались две улицы или части древнего Киева, и что сия церковь находилась между ними». Она помещалась, уточнял М.П. Погодин, «в конце улиц Казарской и Пасынчей беседы». Вместе с тем дореволюционные исследователи завершали свой раз-

говор о клятве руси, опять же неукоснительно следуя за летописью, словами, что «христиане варяжские присягали в соборной церкви св. Ильи», т. к. «летописец именно говорит, что многие варяги были тогда уже христианами»¹⁴⁵.

Но советский учёный и летописец Д.С. Лихачёв кардинально отступил от подлинника Лаврентьевской летописи. Он, по-другому расположив топоним «Козаре», превратил его в этноним (как возмущался в подобных случаях Шлёцер, «не ужли так трудно понять различие между географическим и этнографическим названием?»¹⁴⁶), что в корне изменило звучание рассматриваемого фрагмента. Теперь летописец, рукой которого водил профессионал высочайшего уровня, утверждал, что церковь Ильи, «яже есть над Ручаем, конец Пасынчье беседы: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестяни и Козаре», т. е. эта церковь «стоит над Ручьём в конце Пасынчей беседы: это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов и хазар»¹⁴⁷.

Так в академическом издании древнейшей нашей летописи (комментарии к ней Лихачёва археолог В.Я. Петрухин оценил в 2000 г. как «в целом очень ценные и не устаревшие»¹⁴⁸), которым затем почти полвека пользовались (да и продолжают ещё пользоваться) отечественные и зарубежные исследователи¹⁴⁹, беря её за основу своих решений и реконструкций, с одной стороны, важнейшей и вечно актуальной для нас проблемы — начала Руси, с другой, в целом всей её истории середины IX — начала XII в., появился очередной исторический призрак, которых и без него в науке хватает: киевские хазары-христиане (а он, в свою очередь, вызвал рождение других фантомов, добавивших мусора в нашу историю; дал, например, начало, отмечал А.Г. Кузьмин, «хазарской» версии христианизации Руси¹⁵⁰. Кстати сказать, Э.А. Минакова, воспринимая «реконструкцию» Лихачёва: «мнози бо беша варязи хрестяни и Козаре» как пояснение летописца, глубокомысленно рассуждала о том, что во времена «князя-конунга» Игоря торгово-христианская варяжско-хазарская часть населения Киева вступила в конфликт с дружинно-языческой частью населения¹⁵¹).

И «материализация» этого исторического призрака произошла, как можно судить, на самом заключительном этапе работы Лихачёва по подготовке к выходу в свет ПВЛ. Потому как в её тексте слова «мнози бо беша варязи хрестяни и Козаре» венчает цифра 22^a, т. е. она, размещённая между цифрами 22 и 23, была вставлена учёным в самый последний момент — в момент сдачи материала в печать (иначе надо было переливать часть уже набранного текста летописи). Следовательно, тогда же им и было произведено его изменение. А под вставленной на финише цифрой 22^a в разделе «Разночтения» Лихачёв лишь указал: «Слова и козаре стоят в Лавр. выше, после Пасынчье беседы». Указал, но не объяснил ни там, ни в комментариях, как того требуют правила издания памятников, на каком основании им был исправлен текст статьи 945 г. (причём во всех остальных случаях он педантично отмечает, что исправление/добавление сделано либо по конкретно называемым им источникам и в первую очередь летописям, либо в связи с уточнениями специалистов и прежде всего А.А. Шахматова, либо «по смыслу») и почему по его воле географический пункт «Козаре» в каноническом летописном тексте поменял своё местоположение, «ожил» и стал обозначать хазар христианского вероисповедания.

Хотя, как сам же подчёркивал (и неоднократно!), «всё то наиболее ценное, что заключено в других списках “Повести”, что дополняет, разъясняет основной издаваемый нами текст или противоречит ему, приводится нами с пояснениями в комментариях», которые, по его словам, в первую очередь имеют цель помочь правильному пониманию ПВЛ как исторического источника. К тому же в «Разночтениях» оговариваются, уточнял Лихачёв (и тем самым вводя читателя в ещё большее заблуждение), «только исправления явно испорченных мест основного принятого в настоящем издании текста “Повести” — текста Лаврентьевской летописи»¹⁵². Но в ней текст под 945 г., связанный с описанием церемонии клятвы руси, нисколько не испорчен (в том же виде его передают другие летописи) и совершенно не нуждался в правке.

Лихачёв, умышленно поправляя летописца, грубо попирает принципы публикации памятников, которые в науке давно стали незыблемым законом, причём во многом благодаря А.Л. Шлёцеру, опиравшемуся на имевшийся западноевропейский опыт. Ещё в 1767 г. учёный, ведя речь об издании летописей (которые есть фундамент русской истории), наказывал печатать их «как есть, без всякой поправки в слог и речениях» (а следующую задачу видел в том, что надобно разуместь написанное, хотя это и тяжело). Тогда же Шлёцер, представляя первую часть Никоновской летописи русскому читателю, доводил до его сведения, что он и С.С. Башилов прилагали *«всё возможное старание, чтоб следовано было точно во всём подлиннику... чтоб в нём совсем ничего не переменять... чтоб ничего к нему не прибавлять и ничего в нём не убавлять»*, что погрешности ими были оставлены как в подлиннике (кроме явных), т. к. могли ошибиться (причём и знаки препинания ставились весьма осторожно). А на следующий год, вновь подняв вопрос о издании летописей, историк специально подчеркнул, предупреждая будущих издателей об их ответственности: **«И теперь самое главное: нельзя подвергать летописи дальнейшим изменениям или, что в принципе суть одно и то же, фальсификациям»**.

Затем, уже в начале XIX в., Шлёцер в «Несторе» опять же чётко объяснил, как следует издавать ПВЛ: «Каждая строка, каждое слово должно быть напечатано так, как стоит в рукописи; ничего не поправлять, ничего не выбрасывать, ничего не дополнять», т. е. печатать слово в слово, и что можно лишь только вносить для ясности понимания знаки препинания, хотя и это «требует размышления и познаний». Многие полагают, продолжал он, «за сумасшествие не поправлять тихомолком “явных описок”, не думая о том, что иному невежде может показаться явною опиской то, что только есть *архаизм* (старинное слово) или для него только одно непонятное слово, потому что он невежда» (и в таких правках «по высокоумию» Шлёцер видел «учёные плутни» и прямо смеялся, по его оценке, над бестолковыми переводами летописных топонимов на немецкий язык: церковь Ильи «стоит у ручья на конце пустыни в Хазарии») ¹⁵³.

Все сказанное Шлёцером (за исключением «пустыни в Хазарии») будущий академик не просто прекрасно знал, но и сам проводил в жизнь. Так, в своей «Текстологии» (первое издание — 1964 г.), представляющей собой практическое руководство и учебное пособие, он указывал, что, «устанавливая первичность того или иного чтения, текстолог должен объяснить, при каких обстоя-

тельстввах и кем, исходя из каких побуждений был изменён текст», что «знание истории текста предохраняет от ошибок и от порчи текста необоснованными исправлениями», что «исправление ошибок в научном издании должно быть мотивировано: в примечаниях должно быть указано не только ошибочное чтение, но и по возможности раскрыто и происхождение ошибки»¹⁵⁴.

Выше было отмечено, что Лихачёва к редакции ПВЛ привела абсолютизация роли хазар в истории восточных славян, ставшая общим местом в науке и современной ему, и в предшествующей. Из последней особо надлежит выделить еврейскую, уделявшую пристальное внимание истории хазар, поскольку они в самом конце VIII в. приняли иудаизм. Вот обращение к ней как раз и показывает, что в своей «прохазарской» правке летописи Лихачёв прямо следовал, на чём акцентировал внимание А.Г. Кузьмин, за Г.М. Барацом (но при этом его имя не упоминая вообще), который в 1910 г. предложил «искалеченный» переписчиками отрывок статьи под 945 г. подвергнуть «целому ряду хирургических операций», установить его правильное чтение «при помощи радикальных исправлений» (о том же он говорил и позже, выдавая хазар за «властителей», «господ» и «хозяев всей Киевщины»).

В связи с чем данный фрагмент, убеждал Барац, «по производстве в нём указанных мною перестановок и поправок, следует перевести так»: церковь святого Ильи «стоит над ручаем *Песчаную* (Почайнею), — в соборной церкви: это была соборная (православная) церковь, так как многие *варяги-хазаре* были христианами». «После чего получилось, — звучало уже категоричным тоном в посмертно изданной в 1924 г. в Берлине монографии, — ясное и вразумительное чтение», одобренное, следовал кивок в сторону высокочтимого в науке специалиста по изучению летописей академика А.А. Шахматова (одновременно им было выражено резкое недовольство тем, что И.З. Берлин в изданной в Петрограде в 1919 г. книге «Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства» проигнорировал его правку)¹⁵⁵.

Таким образом, на действия Лихачёва по «радикальному исправлению» летописи мог повлиять, как уже вытекает из приведённых слов Бараца, и филолог А.А. Шахматов (под гипнозом историографии также ставший пленником её «прохазарского» настроения), который в 1916 г., имея абсолютно заслуженный авторитет крупнейшего летописевода, опубликовал предполагаемый им текст ПВЛ по её второй и третьей редакциям (ибо первая редакция, которую он связывал с Нестором, «не может быть восстановлена при теперешнем состоянии наших знаний»). И в предложенном академиком тексте в концовке описания клятвоприношения христианской руси под 945 г. также присутствуют «хазары христиане»: Ильинская церковь «есть над Ручаемъ, коньць Пасыньче беды; се бо бе съборная църкы, мьнози бо беша варязи и козаре хрьстяне».

Но Шахматов, во-первых, указал в подстрочнике, поясняя, что за «беседы» в Лаврентьевской и других летописях читаются: козары (козары), под чьим непосредственным воздействием он воссоздавал «первоначальный» текст летописи под 945 г.: «переношу эти слова, согласно догадке г. Бараца, ниже, на стрк. 3–4». Во-вторых, он всегда характеризовал свои реконструкции именно как гипотетические (что было, разумеется, не новостью для Лихачёва, кото-

рый, ведя речь об издании 1916 г., констатировал: «Перед нами иллюстрация к исследованиям самого А.А. Шахматова и только») и решительно протестовал против их использования в качестве исторических источников (потому как цель издания той же реконструкции ПВЛ, доводил Шахматов до сведения коллег, — это облегчить решение вопросов о её составе и источниках)¹⁵⁶ (однако ими пользовались, с вытекающими отсюда последствиями, в том числе зарубежные специалисты, например финский историк В.Й. Мансикка в 1922 г. в своих размышлениях о религии восточных славян¹⁵⁷).

Лихачёв же поступил иначе (и без ссылки на Шахматова, хотя в своих «Разночтениях» он не только часто указывает на предложенные этим учёным варианты «прочтения» ПВЛ, но и отмечает, что сам исправил по его тексту 1916 г.¹⁵⁸) и выдал свою фальшивку, разошедшуюся по СССР и всему свету в количестве 10 000 экземпляров, за «реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст». А такой поступок подводит к мысли, что у него была ещё одна причина, и причина политического свойства, заставившая его осознанно (в 44 года и в расцвете творческих сил рискуя репутацией учёного) пойти, если использовать оценку Шлёцера, на фальсификацию летописи. И эта причина крылась в довольно распространённой в те годы у части советской интеллигенции вообще (в том числе научной) очень большой симпатии к еврейскому народу, изгнанному с исторической родины, но всегда мечтавшему, «переходя, — если сказать словами Хасдая Ибн Шафрута, в 960-х гг. обращёнными к хазарскому царю Иосифу, — от пленения к пленению и от изгнания к изгнанию»¹⁵⁹, возродить свою государственность, что ему наконец удалось сделать (при самой активной поддержке СССР) 14 мая 1948 года.

Вполне возможно, что Лихачёв, фальсифицируя древнейшую летопись в пользу хазар, тем самым хотел исторически помочь новорождённому еврейскому государству, имеющему массу проблем, и прежде всего с арабами-соседями (уже 15 мая, т. е. на следующий день после провозглашения независимости, Лига арабских государств объявила Израилю войну, закончившуюся в июле 1949 г. его успехом), ещё больше актуализировать историю хазар-иудеев, подкрепить распространённые тогда в советской науке разговоры об их невероятно важной роли в прошлом восточных славян (а посему этот факт должны обязательно знать и благодарно помнить их далёкие потомки) показаниями самого главного источника по истории Руси — ПВЛ.

Однако, что было когда-то политически актуально, рано или поздно перестаёт таковым быть. В 1996 г., специально к 90-летию Д.С. Лихачёва, его ПВЛ 1950 г. вышла (в издательстве «Наука», как с 1963 г. именовалось издательство «Академия наук СССР», и в той же серии «Литературные памятники») вторым изданием (тиражом в 3000 экземпляров, к которому в 1999 г. была произведена допечатка в 2000 экз.), подготовленным известным историком М.Б. Свердловым и имеющим уточнение: «Исправленное и дополненное». Исправлен был, в соответствии с оригиналом, и рассматриваемый фрагмент (что могло быть сделано лишь по прямой указке самого академика): церковь святого Ильи, «яже есть над Ручаем, конец Пасыньче беседы и Козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо бяша варязи хрестеяни» (а из текста летописи и раздела «Разно-

чтения» была убрана, правда, без какого-либо объяснения появления в 1950 г. как её, так и в целом знаменуемой ею «прохазарской» редакции, цифра 22^a, т. е. научный мир, продолжающий с полнейшим доверием относиться к в 1950 г. сфальсифицированной ПВЛ, так и не был о том поставлен в известность).

Иначе, разумеется, звучит и перевод (который, даёт справку Свердлов, на сей раз уже полностью подготовлен Лихачёвым и приведён по его последнему изданию 1991 г.): «а христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьём в конце Пасынчей беседы и Хазар, — это была соборная церковь, так как было много христиан — варягов»¹⁶⁰ (однако топоним «Козаре» не имеет абсолютно никакого отношения к «хазарам», и потому его написанию не следует придавать «хазарское» обличье. «В славянской топонимике, — пояснял в 1997–2013 гг. В.Я. Петрухин, — топонимы с основой “козар” весьма многочисленны (вплоть до Польши), но не свидетельствуют о хазарском расселении, а восходят к обозначению пастуха коз»¹⁶¹).

Остаётся добавить, что Лихачёв ещё в 1978 г. в известной серии «Памятники литературы Древней Руси» привёл статью под 945 г. в первоизданном виде¹⁶² (т. к. нужда в правке летописной статьи к тому времени отпала: Израиль перенёс все невзгоды, превратился в мощную региональную державу, да ещё стал заклятым врагом Советского Союза, который в феврале 1953 г. разорвал с ним дипломатические отношения и которые были восстановлены лишь в октябре 1991 г.). Но также ничего не сказав ни тогда, ни в издании 1991 г. о «радикальном исправлении» её текста в 1950 г. (и как тут не вспомнить, что совершенно иначе, о чём уже говорилось, в несколько схожей ситуации повёл себя Г.Ф. Миллер, в 1755 г. печатно признавший ошибочность издания в 1732–1735 гг. извлечений из Радзивилловской летописи с 860 по 1175 г.¹⁶³).

Ярко выраженный «прохазарский» настрой советской науки конца 40-х — начала 50-х гг. был резко свёрнут под воздействием грозного окрика ведущего рупора правящей партии СССР — газеты «Правда», на страницах которой 25 декабря 1951 г. было ультимативно заявлено: «Проводится мысль, будто решающую роль в создании государственности и культуры Древней Руси сыграл Хазарский каганат... Ошибочность этой концепции очевидна. Такая концепция не может быть принята советской исторической наукой» (А.П. Новосельцев объяснял этот запрет пресловутой борьбой с космополитизмом, «которая была очередной кампанией в духе репрессивной политики Сталина и его ставленников». Но подобное заключение страдает, принимая во внимание факт фальсификации ПВЛ и его закрепления в науке в качестве подлинных слов древнего летописца, явным упрощением — в духе доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС — списывать все негативные проблемы нашего общества, следовательно, и нашей науки на Сталина). После «правдинского» внушения разговор о хазарах и Хазарском каганате, конечно, не прекратился, но советские специалисты в массе своей стали вести его без использования превосходных степеней¹⁶⁴.

Однако вместе с тем громко звучала, в соответствующем русле направляя научную мысль СССР и заграницы, летописная статья под 945 г. в редакции Д.С. Лихачёва (его ПВЛ 1950 г. поступила в тысячи библиотек, включая научные и вузовские, в личные собрания многих и разнопрофильных специали-

стов по истории Руси). Постепенно эта фальшивка стала обретать поддержку трудами авторитетных археологов М.И. Артамонова и его ученицы С.А. Плетнёвой. Потому как они, начиная с 1960-х гг., навязывали науке такое же ошибочное — в духе Лихачёва — «прочтение», но только материальных древностей юга России, приписывая хазарам (Хазарскому каганату) высокоразвитую в экономическом и в социальном плане салтово-маяцкую культуру Подонья и Приазовья, которая связана (что доказывал тогда И.И. Ляпушкин) с другим народом — с аланами (причём Плетнёва, конкретизировал в 1990 г. А.П. Новосельцев, отстаивает тезис предшествующей историографии, прежде всего Д.М. Данлопа, «о “спасательной” миссии хазар, избавивших Восточную Европу от арабов»)¹⁶⁵.

В 2001 г. археолог Г.Е. Афанасьев, специалист по древностям алан и салтово-маяцкой культуры, пояснял, что в отношении археологии хазар в 1970–1980-е гг. в нашей науке официальной научной позицией была точка зрения Плетнёвой, «по которой в Хазарском каганате якобы существовала единая государственная культура» — салтовская, в которой выделялось пять локальных вариантов и которая должна была охватывать огромную территорию Восточной Европы (в первоначальном варианте — от Балканского полуострова до Среднего Поволжья). Но, заключал учёный, позиция его старшего коллеги не является научной гипотезой, а есть лишь её догадка — «априорная формула», субъективное представление о сфере культурного и политического влияния Хазарского каганата на соседние народы. В результате чего их культурное наследие приписывалось — путём «вольного исследовательского подхода к археологическим источникам, игнорирования известных в настоящее время методических процедур и самого аналитического процесса по выделению археологических культур и их вариантов» — хазарам.

Носителем салтовской культуры в VIII–X вв., акцентировал внимание Афанасьев, было аланское население, «генетически связанное с Северным Кавказом и сохранившееся на Среднем Дону, как показывают последние археологические открытия, вплоть до XI–XIII вв.» (хотя аланы, по его мнению, политически во второй половине VIII — первой половине X в. безусловно входили в состав Хазарского каганата). И пояснял, что хазарские древности на юге России действительно существовали, но это не салтовская культура в её строгом классическом понимании что «проблема хазарского культурного наследия нередко выходила за рамки собственно науки и использовалась в спекулятивных политических целях», что об этом наследии этнических хазар «мы можем говорить только тогда, когда в нашем распоряжении будут бесспорные хазарские археологические материалы» и что специфика хазарской культуры VIII–IX вв. фиксируется пока отчётливо только в погребальном обряде¹⁶⁶ (надлежит добавить, что В.С. Аксёнов и Г.Е. Афанасьев в 2005–2016 гг. отмечали отсутствие следов проживания хазар на территории лесостепного варианта салтовской культуры, причём, подчёркивает первый, на салтовских памятниках пока не найдено ни одного предмета иудейского культа, и в складывании яркой салтово-маяцкой культуры Северского Донца принимали участие славяне, сармато-аланы и представители пришлого населения — аланы и праболгары. Утверждение о салтово-маяцкой культуре как «государственной» культуре Хазарского

каганата, сказал в 2006 г. А.А. Тортика, сейчас следует рассматривать в качестве только метафоры, причём «сами хазары не являлись ни создателями, ни носителями этой археологической культуры»¹⁶⁷).

В свою очередь историк Е.С. Галкина в 2002 г. верно отметила, что ставший, благодаря прежде всего Плетнёвой, научной аксиомой надуманный факт причисления салтово-маяцкой культуры, сложившейся в результате переселения в лесостепную часть Подонья аланских племён и генетически связанной с культурой аланов Северного Кавказа, к древностям хазарского круга позволял остальным исследователям говорить о Хазарии как о самом мощном государстве Восточной Европы VIII–IX вв., занимавшем огромную территорию от Нижней Волги до Днепра, «а заметные следы влияния “салтовцев” на племена роменско-боршевской славянской культуры — о *длительной зависимости* славян Южной Руси от Хазарского каганата»¹⁶⁸.

В силу чего «прохазарские» нотки вновь зазвучали, всё более усиливаясь, в советской науке. Так, например, в 1978 г. востоковед Л.А. Лелеков утверждал, что Хазарский каганат в VIII в. господствовал в Восточной Европе, «был, по сути, первым в ней настоящим государством с чётким политически-административным устройством, впервые введённой единой религией и церковью, со своим монетным чеканом» (причём салтовские племена, в которых учёный видел русь, в политическом отношении зависели от каганата), что о его воздействии на славян и Киевскую Русь говорит наименование Владимира и Ярослава титулом «каган», появление в языке славян многих сословных и юридических терминов («сан», «боярин», «тиун», «гридь», «вира» и др., а также слова «лошадь», «капище»). В конечном итоге всё вернулось на «круги своя» (как констатировал в 1982 г. академик Б.А. Рыбаков, «историческая роль Хазарского каганата VIII–IX вв. в судьбах Руси и славянства сильно преувеличена в научной литературе»)¹⁶⁹.

И весьма важную роль в усилении и распространении «прохазарских» настроений у нас и за рубежом сыграл выход в 1981 г. в США монографии профессора Гарвардского Украинского исследовательского института О. Прицака «Происхождение Руси» и в 1982 г. его совместной с профессором Чикагского университета, гебраистом Н. Голбом книги «Хазарско-еврейские документы X века» (в России она увидела свет в 1997 г. под редакцией археолога В.Я. Петрухина). В них Прицак (по характеристике А.Г. Кузьмина, «известный своими фантазиями американо-украинский тюрколог») уверял, опираясь на так называемое Киевское письмо X в. (письмо на чистом раввинистическом еврейском языке еврейско-хазарской общины Киева своим единоверцам, датируемое им самим примерно 930 г.), а также исходя из факта как наименования митрополитом Иларионом князей Владимира и Ярослава каганами, так и упоминания «кагана Руси» в Бертинских анналах и в восточных источниках (но в этих памятниках речь идёт о кагане/хакане русов, а не Руси), что «Киев как город и поляне как клан основателя Кия связаны с хазарами».

Детализируя свой тезис, Прицак утверждал, что Киев был основан в качестве хазарского гарнизонного города/крепости (т. к. хазарская граница проходила по Днепру) не ранее то ли VIII в., то ли первой половины IX в. хазарским

вазиром хорезмийцем Куяа — министром вооружённых сил Хазарии, который послужил прототипом Кия летописей, что данный город, как это «общеизвестно», управлялся хазарами до того, как был завоёван русью (и Голб пишет, а так обычно делают, чтобы придать натяжкам и фальшивкам статус «всеми признанного исторического факта», что, «в соответствии с широко распространённым взглядом, Киев был основан хазарами в VIII веке»). И под их властью он оставался до 930-х гг., когда его завоевал князь-каган Игорь, прибывший из Русского каганата, центр которого (а здесь явственно чувствуется влияние А. Стендер-Петерсена) с IX в. «находился в районе Ростов — Ярославль, в бассейне Верхней Волги» (в 1981 г. Прицак объяснял, каким образом титул «каган» оказался у русов-скандинавов: некий хазарский каган, несогласный с обращением своей страны в иудаизм, бежал на Русь, в Ростов, где его сыновья переженились на дочерях «харизматического клана» викингов Инглингов и таким образом положили начало династии каганов). После завоевания Киев стал столицей каганата (Олег же Вещий вообще не был киевским князем: этот великий конунг был создателем кривичской империи и умер между 920 и 928 гг. во время Каспийского похода, описанного арабским учёным ал-Мас'уди).

В связи с тем, что «основатель» Киева вазир Куяа (его имя, как хорезмийца, иранского происхождения) отсутствует в источниках, то Прицак ввёл этот фантом в историю (в русскую в том числе) на основе сообщения ал-Мас'уди о том, что в момент написания им в 930–940-х гг. «Золотых копий» вазиром Хазарского каганата являлся Ахмад бен Куяа, т. е. Ахмад, сын Куяа (извлекая последнего буквально из ничего, Прицак в 1997 г. заявил, что считает себя «вправе игнорировать хронологию и рассказы киевской “Повести временных лет” до середины десятого века (кроме договоров 911 и 944 гг.), ибо они «были созданы интеллигентным редактором летописи, игуменом Сильвестром примерно около 1116–1123 гг.», а вместе с тем отрицать достоверность рассказа ПВЛ о правлении в Киеве Олега Вещего и создании им Русского государства).

Исходя из того, что «в кочевых империях, особенно имеющих тюркские династии (как в хазарской державе), должности министров были наследственными, то можно предположить, что Куяа был предшественником Ахмада (или его старшего брата, если таковой был) в должности вазира» в последнее десятилетие VIII в. и в первом десятилетии IX века. И это предположение, уже твёрдо говорил тюрколог (ибо «ничего не мешает» ему так поступать), «неизбежно приводит к заключению», что именно Куяа построил Киев, название которого «с точки зрения лингвистики отражает его хорезмийское (восточноиранское) происхождение. Однако в культурном и политическом отношении оно должно быть признано хазарским (каварским и оногурским) элементом».

По убеждению Прицака, его теорию подтверждает трёхчленная структура Киева X в. — Гора (цитадель), Копырев конец (внутренний город) и Подол (пригород), которая представляет собой центральноазиатскую модель, ибо он «первоначально развивался в соответствии со структурой города Средней Азии», сложившейся к VII или к VIII веку. Той же цели служит и его объяснение, с одной стороны, наименования «Копырев конец»: от Копыр, как называлась первоначальная этническая община Киева, в свою очередь происходя-

щего от слова «Капыр» — ранней версии хазарского племенного имени Кавар/Кабар/Кабыр («а эта этимология подтверждает тот факт, что внутренний город Киева... первоначально был заселён хазарскими каварами/капырами»). С другой, «Пасынча беседа» ПВЛ статьи под 945 г. в качестве пояснения к местонахождению соборной церкви святого Ильи (а этот главный храм столицы Руси Прицак посчитал портовой церковью).

Слово «Пасынча» он связал с тюркским словом «баскак» (*basqaq*), как обозначался в монгольский период таможенный чиновник «отглагольным существительным от *bas* — “давить”», т. е. «“пасынч” может быть истолкован посредством хазарского термина, обозначающего должностное лицо таможни (< **basinč*)». В целом же «Пасынча беседа» должна пониматься как официальная резиденция таможенного чиновника, таможенника (вместе с тем Прицак, во-первых, назвал, несмотря на свои «прохазарские» симпатии, фантастическими популярными «хазарские» этимологии топонима Самватас, присутствующего только в «Об управлении империей» Константина Багрянородного: одноподерёвки спускаются Днепром «и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас». *Sambata*, по его заверению, «точно соответствует реконструированному балкано-латинскому обозначению субботы — **sambata*»: в Центральной Европе по субботам проходили ярмарки, в связи с чем «многие рыночные центры названы “Субботний (рынок)”». Во-вторых, утверждал, а «хазаромания» есть неразлучная спутница «скандинавомании», что русские названия днепровских порогов того же византийского императора написаны на «восточноевропейско-скандинавском» языке Руси, также порождённом, как и всё сказанное им о хазарах применительно к русской истории, непомерно разыгравшимся воображением специалиста по тюркским народам. В силу того же воображения у него Рюрик, понятно, есть Рорик Фрисландский, Аскольд был королём-викингом Хастингом, Дир — Бьерном, совершившим поход на Константинополь, а Олег Вещий есть наследник датских королей Лодакнут)¹⁷⁰.

В 1984 г. советский гебраист А.А. Архипов, констатируя, что название Самватас (Самбатас) Константина Багрянородного исследователи объясняют, исходя из своей научной специальности, из славянских, германских, арабских, еврейских, армянских и других языков, подтвердил своё наблюдение тем, что стал повторно убеждать в состоятельности еврейского толкования упомянутого византийским императором топонима, принадлежавшего Ф.Ф. Вестбергу (в 1928 г. опровергнутого лингвистом Г.А. Ильинским, доказывавшим, что Самватас «есть слово **sq-vodъ*, т. е. место слияния рек»). Вестберг в 1898 г., сблизив Самбатас с названием легендарной реки Самбатиион (упомянута еврейским путешественником IX в. Эльдадом га-Дани), «за которой живут пропавшие без вести десять колен Израилевых», увидел в ней Дон. И эту версию Архипов «реабилитировал» тем, что прочёл Самбатас как «суббота» (древнееврейское название праздничного, отдохновенного дня недели, в который останавливалась и покоилась эта река) и нашёл тому подтверждение в названии некоторых рек нынешней Киевской области: Субот, Субодъ, Субодъ, Собошь, Собошь, Субит. После чего заключил, что Киев получил название Самбатас «по имени реки, на которой он был расположен или которая протекала поблизости от города» — либо

от Почайны, либо от Днепра. И получил потому, что находился на границе расселения иудействующих хазар (соответственно и евреев) «и что предполагаемая река по временам останавливала своё течение»¹⁷¹.

В 1988 г. лингвист В.Н. Топоров в статье, посвящённой 1000-летию христианства на Руси, мимоходом сказал в примечании и вне всякой связи с темой о «хазарском» периоде русской истории». Под чьим влиянием сделал такое заявление известный славист, видно из его статей 1989–1993 гг. и монографии 1995 г., в которых он с энтузиазмом неопита повторил, относя Киевское письмо к началу X в., все фантазии Прицака о Киеве и хазарском вазире хорезмийце Куйи, имя которого совпадает с именем легендарного Кия русских летописей. Это, уверял Топоров, «не должно вызывать особого удивления как раз в силу несомненного присутствия» в Киеве хазар, оставивших по себе прямые следы в его древней топонимии: район Козаре на Подоле, Пасынча беседа (которая «остроумно и вместе с тем правдоподобно объясняется из тюркск. **bas-inc* ‘взиматель платы, налога, пошлины’, от глагола *bas-*, известного по названию *баскаков*, более поздних татарских сборщиков податей», т. е., вероятно, означала «таможня», а её нахождение на берегу Почайны также не должно вызывать удивления), Копырев конец (который выводится из **Каруг*, «раннем варианте засвидетельствованного позже имени *Kabur/Kabar*»), трёхчленная структура Киева X в., аналогичная типовым схемам среднеазиатских городов.

Но, повторив, Топоров пошёл значительно дальше: «реконструируемого» Прицаком вазира и командующего вооружёнными силами Хазарии Куйа превратил непосредственно в летописного Кия и в начальника состоявшего из иранцев киевского гарнизона рубежа IX–X вв., а социальную и этическую структуру Киева представил в следующем виде: «администрация — хазары, воины — хорезмийцы, торгово-ремесленный элемент — евреи». При этом лингвист вновь рекомендует «не удивляться» тому, что в такой структуре отсутствует славянский элемент (потому как он был или малочисленным, или принадлежал к крестьянам). И лишь только с обоснованием около 940 г. в Киеве Игоря с юго-восточной приазовской русью — полянами — его городская и социальная структура должны были измениться, в связи с чем восточные (хазарские, еврейские, иранские) элементы должны были потесниться. Однако в конце X в. — первой половине XI в. «еврейский и хазарский элемент в Киеве не только сохранялся, но и играл значительную роль». По этой причине хазары при Владимире «могли ещё считать Киев не более чем крайним западным форпостом Хазарского каганата», ныне временно утраченным. И эту угрозу — пусть и мнимую — хазарского реванша должны были учитывать киевские власти.

А так как воины-хорезмийцы (иранцы) киевского гарнизона почитали персонажей иранского происхождения — Симаргла и Хорса, то Владимир, делая им уступку как военной силе, в 980 г. ввёл этих богов, чуждых мифологическому сознанию населения Древней Руси, волевым решением, «в их, так сказать, натуральном виде, без предварительного усвоения и освоения их русской традицией», в «славянский по своему составу и происхождению пантеон в Киеве». Таким образом он сделал шаг, «рассчитанный на отрыв среднеиранского хорезмийского гарнизона от тюркоязычных хазар и мощной в религиозном

и экономическом отношении еврейской общины» (Топоров, заостряя внимание на том, что в апокрифическом сочинении «Беседа трёх святителей» упоминается «Хорс жидовин», заключал, что тем самым подчёркивается этническая или даже этноконфессиональная чуждость — чужость Хорса и что он стал «жидовином» «как божество прежнего Хазарского государства, где официальной религией был иудаизм»). Дополнительно лингвист говорил, что «Владимир объявляет о своей готовности принять еврейскую веру» (но о том молчат все источники), что после введения христианства в Киеве «никаких гонений на иудейскую веру не было», что в рамках борьбы со значительным иудаистическим элементом в 1113 г. в Киеве состоялся «первый еврейский погром» (!, т. е. невероятно давним событиям зачем-то намеренно придавалась политическая заострённость) и что, как он особо подчёркивал в 1995 г., «“хазарский” период, мало кем принимаемый всерьёз, и “хазарское” наследие не прошли даром, хотя более или менее сознательно маскировались» и подвергались, «по соображениям политическим и конфессиональным», тщательной цензуре¹⁷².

В том же русле о хазарах кратко рассуждали в 1996 и в 1997–2000 гг., добавляя и что-то новенькое, англичане С. Франклин и Д. Шепард и русский Р.Г. Скрынников. Первые доносили до научной общественности, что некогда хазары контролировали Днепр, что в IX в. Киев находился под началом Хазарского каганата (Самватас Константина Багрянородного есть его хазарское название), что их власть сохранялась в Киеве до 930-х гг. и что у хазар был заимствован сам символ киевских князей — трезубец. Второй объяснял, что возникновение Самватаса-Киева связано с хазарами, завоевавшими Нижнее Поднепровье, что он представлял собой западный форпост Хазарского каганата, который, собирая дань со славян, ограждал свою днепровскую факторию (а в ней до начала X в. располагался хазарский гарнизон) от набегов степняков¹⁷³.

В 1999 г. израильский учёный М. Гольдельман (Богачек) в девятом томе издаваемой в Иерусалиме на русском языке «Краткой еврейской энциклопедии» в обширной статье «Хазары» утверждал (по примеру О. Прицака и Н. Голба, исключаяющих доказательства): «В исторической науке распространено мнение», «что Киев был основан около 830 г. как хазарский торговый центр на северо-западе». Потому как «Киев от хазарского царя Куйа; легендарный Хорив от горы Синай-Хорив; Днепр-Самбатас от легендарной еврейской реки Самбатсион; и наконец, былинное наименование Днепра — Израй-река, вероятно, от Израиль»¹⁷⁴. Согласно рассуждениям К. Цукермана от 2001 г., после изгнания венгров приблизительно в 889 г. печенегами (были вдохновлены хазарами) из большей части Причерноморских степей, хазары подчинили себе славянские племена, жившие в бассейне Днепра, после чего возобновился прерванный в течение полувека днепровский торговый путь и развернулось городское строительство в Киеве, имевшем также, по-видимому, тюркско-хазарское название «Самбатас» (сам + бат «верхняя крепость»). Как заключал французский историк, «изначальный экономический подъём Киева, о котором свидетельствуют обнаруженные постройки и монетные клады первого десятилетия X в., происходили под эгидой хазар», и что в 910–920 гг. русы-скандинавы, опираясь на свою базу в Гнёздове, вступили в конфликт с хазарами¹⁷⁵.

По мнению философа А.В. Азова от 2005 г., история Хазарии оказала «слишком сильное, если не определяющее, влияние... на начальный период истории Руси, до принятия христианства в 988 г., на формирование древнерусской государственности, социально-экономическое, политическое и культурное развитие восточных славян»¹⁷⁶. В 2007 г. тюрколог С.Г. Кляшторный, не приняв идею Прицака по поводу происхождения названия Киева, предположил, отталкиваясь от предположения Прицака «о возможности существования во второй половине VIII — начале IX в. хазарского форпоста на месте одного из городков, впоследствии влившихся в Киев», что название Киева произведено из тюркского *кый* и обозначает «край, берег, предел, граница». Поэтому для хазар, которым в конце VII — первой половине VIII в. выплачивали дань поднепровские славяне, он как раз и был «пограничным, крайним городком». А для киевлян X в. название их города потребовало нового осмысления, а связи с чем и появилась легенда об основании города тремя братьями во главе с Кием¹⁷⁷.

В 2009 г. А.В. Зорин и А.Г. Шпилев, характеризуя Хазарский каганат в качестве мощного государства с прочной экономикой, яркой культурой и сильной центральной властью (при этом ставя знак равенства между салтовскими и хазарскими предметами) и исходя из заключения коллеги М.В. Фролова по поводу нахождения на роменском городище «Гора Ивана Рыльского» (г. Рыльск), по его оценке, погребения хазарского воина, предположили, что оно, возможно, «свидетельствует о присутствии в Рыльске на рубеже VIII–IX вв. хазарского подразделения, контролировавшего стратегически важный район соединения шедших через Курское Посеймье торговых путей... Хазарскими форпостами могли быть также Супрутское городище на Упе, контролировавшее вероятный участок перехода из Дона в Оку, Чернигов, закрывавший выходы в Нижнее и Верхнее Поднепровье, и Киев, являвшийся плацдармом на правом берегу Днепра» (а на службе у хазар в Супруте находился гарнизон русов-скандинавов).

Абсолютно, как уже указывалось выше, ничем не ограничивая себя в своём опыте реконструкции (точнее, ультранорманистской фантазии) истории Восточной Европы IX в., эти археологи оплотом хазарской власти на Поднепровском Левобережье сочли возможным преподнести расположенное на р. Псёл недалеко от г. Сумы «прекрасно укреплённое Битицкое городище. Вероятно, здесь находилась ставка хазарского наместника-тудуна и размещался отряд воинов, в обязанности которых входили сбор дани, отражение вражеских набегов и поддержание спокойствия среди зависимых от каганата племён», что во главе северян стоял некий представитель хазарской знати, что хазары были вытеснены норманской русью с Киевского Поднепровья лишь при Олеге Вещем, в связи с чем был установлен полный контроль над Днепровским путём¹⁷⁸. В 2012 г. П. Гонно и А.С. Лавров утверждали, что именно под покровительством хазар славяне воынецевской культуры стали осваивать левобережье Днепра, в частности бассейны Десны, Сулы, Ворсклы и Псёла, и до самого IX в. «не строили укреплённых жилищ, ибо безопасность им гарантировали сюзерены», что Самбатас (означавшее, по Б. Струминьскому, «селение близ нижних земель» или «селение близ нижнего города», т. е. По-

дол), возможно, имеет тюрко-хазарское происхождение, и его название показывает, что «в конце IX или даже в начале X в. хазары сохраняли, хотя бы частично, власть над Киевом»¹⁷⁹.

Ни усиление «хазаромании», ни её выразители не оказались вне внимания советских и современных российских учёных. Так, в 1978 г. Е.Б. Кудрякова, касаясь статьи О. Прицака 1977 г., опубликованной в журнале весьма авторитетного в научном мире Стэнфордского университета «The Russian Review» и представляющей собой изложение концепции, которая и была положена им в 1981 г. в основу книги «Происхождение Руси», констатировала, что отбор им источников весьма тенденциозен, что он без всяких оснований отклоняет археологические и лингвистические данные, что руководствуется не установленными наукой фактами, «а субъективной интерпретацией источников. Материалы же, явно противоречащие его построению (в основном археологические), он вообще отбрасывает» и при этом важную роль отводит хазарскому элементу. Шестью годами позже Е.А. Мельникова, проведя анализ уже самого сочинения Прицака, указала, что автор демонстрирует пренебрежительное отношение к обширной международной историографической традиции (отсюда повторение им давно отвергнутых теорий, гипотез и ошибок), глубоко не понимает важнейшие источниковедческие проблемы (игнорирует археологический материал, упрощённо понимает процесс развития древнескандинавской литературы), излагает набор огромного числа собственных ошибок, домыслов, нагромождение фантастических предположений (например о мифическом Волжско-Русском каганате) и прямо искажает факты. Как весьма точно подвела черту учёный, Прицак, «стремясь историзировать миф... мифологизирует историю».

В 1985–1986 гг. востоковед А.П. Новосельцев, ведя речь об упомянутых монографиях О. Прицака и Н. Голба, подытоживал, что «в работах буржуазных историков наметилось преувеличение роли Хазарии в истории Восточной Европы, а также влияния хазар на русскую историю. Более того, в новейших трудах наблюдается своеобразное переплетение идей норманизма с пантюркизмом, поскольку хазары этнически были несомненно тюрки» (Прицак, по его уточнению, крайне произвольно обращавшийся с источниками, в своём труде, содержащем многочисленные фактические ошибки, «возродил самый крайний и ныне, в сущности, обветшалый норманизм»). В 1990 г. археолог П.П. Толочко, много лет изучавший киевские древности, резюмировал, рассматривая идеи Прицака (в частности, о Киеве как об изначально хазарском городе), что они не подтверждаются археологией (основа материальной культуры столицы Руси есть древнерусская, восточнославянская) и что некоторые западные историки рассуждают об исключительно благотворном влиянии хазар на государственное и культурное развитие восточных славян. Тогда же Новосельцев конкретизировал, что в идеях Прицака «есть положения, не подкреплённые источниками. Это касается прежде всего хазаро-древнерусских отношений, которые трактуются весьма вольно. Пример — попытка доказать основание Киева хазарами, для “обоснования” этой не новой в историографии точки зрения Прицак прибегает к довольно произвольным трактовкам источников»¹⁸⁰.

В 1991–1992 гг. выдающийся лингвист О.Н. Трубачёв, отмечая упорство всё более умножающихся атак «на исконно славянское происхождение имени *Киев*», очевидную тенденциозность Прицака и проблематичность хазарского владычества в этом городе, продемонстрировал славянскую основу названия столицы Руси в том числе наличием полсотни (или больше) Киевов, разбросанных по всем славянским землям далеко от Хазарии (может быть, только за вычетом одной маленькой Словении), включая Псковскую и Новгородскую области, Верхнее Поволжье. «Это и есть ответ, — подчёркивал учёный, — даже не этимологии, а — лингвистической географии, мы лишь берёмся его здесь расшифровать, или “декодировать”: эпицентр и источник славянских Киевов — не в хазарских степях (градостроительство хазар вообще можно не преувеличивать) и уж, конечно, не в Хорезме». Акцентируя внимание на том, что Киев, «который оказался в “блестящем одиночестве” на днепровском Правобережье», представляет собой славянское прилагательное, описывающее принадлежность известному у всех славян личному имени Кыи, Кий (т. е. Киев город, а «кыяне» — «люди Кия») в духе славянского словообразования, Трубачёв в 1992 г. заключил: «Назрела вполне насущная необходимость трезвого пересмотра того, сколь основательны вообще эти тенденции сеять сомнения относительно всего славянского в Киеве, будь то имена самого Киева и его мест» (так и Копырев конец, которому Прицак даёт «вымученную этимологию», имеет славянское происхождение), или легенда о трёх братьях-основателях города.

В 2001–2013 гг. украинский археолог и историк П.П. Толочко изобретённую Прицаком и Гольбом «сложную конструкцию хазарского приоритета» в основании Киева и его ранней истории (идеи о хазарском происхождении полян, о типично центральноазиатской модели Киева и др.) окрестил мифом, подтвердив свой вывод письменными и археологическими данными, которые, как им при этом было правомерно указано, не позволяют фантазировать. А именно: что ПВЛ в целом верно отражает исторические реалии, что «ни к полянам, ни к Киеву хазары не имели другого отношения, кроме того, что на определённом этапе истории, по-видимому, во второй половине VIII в., распространили на них данническую зависимость», что Прицак не обнаруживает знаний не только киевской археологии, но также и исторической топографии (потому как археологический материал убедительно демонстрирует, с одной стороны, принадлежность киевских древностей VI–X вв. к кругу славяно-русских, с другой, «Киев возникал и развивался как типичный славянский центр — сперва административно-политический, а затем и торгово-ремесленный», при этом Копырев конец не был внутренним городом, ибо находился на расстоянии 1 км от киевского детинца, а Подол не являлся пригородом, ибо играл роль торгово-ремесленного посада и, по существу, примыкал к детинцу).

Добавляя к сказанному, что в ходе тщательных раскопок «нигде на всей 40-гектарной площади древнего Копырева конца не выявлено ни одного объекта или предмета салтовского культурного облика» и что все восточные авторы согласно говорят о Киеве IX–X вв. как о городе славян и Руси, но не хазар, академик в целом справедливо заключил, что спор о культурно-исторической принадлежности Киева просто не имеет смысла. Вместе с тем в 2013 г. он, резю-

мируя, что хазары не оказали сколько-нибудь заметного влияния на развитие восточнославянской материальной культуры (в слоях Киева и других ранних древнерусских центров содержатся лишь отдельные вещи хазарского происхождения), заключил: «Более ощутимым, по-видимому, было влияние Хазарии на сложение экономических и политических структур в восточнославянском мире». Но тут же заметив, что «переоценивать это обстоятельство вряд ли следует. Русская земля развивалась и крепла не под патронатом Хазарии, а в постоянной борьбе с её экспансией». В 2003 г. А.Г. Кузьмин констатировал, что в работах, в частности, М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой Хазарии придаётся серьёзное значение в русской истории, а её территория «увеличивается во много раз, нежели это было в исторической действительности. Дело в том, что в пределы Хазарии включаются территории, занимаемые салтово-маяцкой культурой». Однако языковые, археологические и антропологические данные однозначно указывают на то, что этническую основу этой «культуры составляли аланы (или роксоланы), создавшие здесь своё государство – Русский каганат» (его разгром «в начале IX в. сделал хазар соседями восточнославянских племён»)¹⁸¹.

В 2005–2012 гг. коллега и соотечественник Толочко А.В. Комар указал, называя Голба и Прицака, что археологические следы непосредственного присутствия хазар в правобережном Поднепровье ограничиваются первой третью VIII в. (причём, акцентировал он внимание, речь в большинстве своём идёт только о салтовских предметах, которых к тому же ни в Киеве, ни в его округе нет). А этот факт, подчеркнул учёный, не оставляет места для любых спекуляций о значительной роли хазар в Киеве IX–X веков. Принимая же во внимание заключение О.Н. Трубачёва о широком распространении в славянских землях топонимов с основой «Киев», Комар резюмировал: «Поскольку славянское расселение VI–VII вв. выразительно связано с носителями пражской культуры, практически нет сомнений в том, что возникновение топонима “Киев” действительно связано именно с пражским поселением VI в. на Старокиевской горе».

В 2009 г. историк А.В. Назаренко, также отстаивая славянскую этимологию имени Киев и датируя Киевское письмо последней четвертью IX в., заметил, ведя речь об идее Прицака, что, «похоже, у гипотез, старающихся во чтобы то ни стало вывести название Киева не из славянского, а “из других языковых массивов”, есть какая-то непонятная нам гипнотическая притягательность. Поиск именно хазарских корней в данном случае представляется тем более излишним, что источники донесли до нас оригинальное хазарское имя Киева: *Σαμβατάς* Константина Багрянородного достаточно убедительно этимологизируется как хазар.-тюрк. **sam-bat* “высокая крепость”, своего рода тюркский аналог слав. **Vyšegordъ*. Два одновременных хазарских названия для одного славянского города были бы, думается, плеоназмом даже для тюрколога»¹⁸².

В 1991 г. О.Н. Трубачёв, напротив, говоря об убедительности этимологии Самватас «как славянского названия **Sqvodъ*, собственно ‘стечение вод’», которая «имеет надёжную опору в местной микротопонимике бесспорно славянского происхождения», подчеркнул: аналогичных оснований лишена версия, отстаиваемая А.А. Архиповым. После чего пояснил: «Таким образом, предла-

гается видеть в этом названии Киева след религиозного иудаистского влияния, и, больше того, тот же характер влияния предполагается в нескольких названиях рек Киевского региона — *Субот, Субодь, Субодъ, Соботъ, Сobotь, Суботъ* и близкие, которые якобы первоначально значили ‘субботные реки, не текущие в субботу’. Правда, мы имели бы в таком случае дело с чем-то из ряда вон выходящим. Речь идёт даже не о том, что подобное религиозное влияние в гидронимии вызывает сомнения. Для появления иноязычной гидронимии необходима предпосылка в виде наличия соответствующего этнического пласта населения в продолжении достаточно долгого времени... иначе само отложение в гидронимии оказывается под вопросом. Понятно, что для заметного участия в формировании местной гидронимии далеко не достаточен действительный факт существования в Киеве в X в. еврейской городской общины.

Идея Архипова, отметил в 2009 г. А.В. Назаренко «не внушает доверия по семасиологическим соображениям: непонятно, каким образом город на берегу “Субботней реки” мог получить наименование “Субботы” (ожидалось бы что-либо вроде “Субботний город” или т. п.)». С той же трудностью сталкивается и высказанная Прицаком «более прямолинейная разновидность той же этимологии», встраивающая Самватас «в топонимический ряд “Субботних (рынков)”». Трубачёв, констатируя, что Топоров «некритично целиком воспринял и пропагандировал хазарскую версию Прицака, совершенно не учитывающую славистических реальностей», подытожил: «Так сказать, ещё одно проявление нынешнего эпигонства на всех эшелонах». А годом позже указал на несостоятельность утверждения коллеги о «хазарском периоде русской истории» (о «призраке “хазарского периода” русской истории», который «неистребимо маячит в суждениях о той поре»), заострил внимание на том факте, что «насыть потчуют преувеличениями одного за счёт остального» и что нет оснований выдавать своё собственное понимание за действительное положение вещей.

В 1995 г. М.А. Васильев, резюмируя, что присутствие в Киеве в 980-е гг. воинов-хорезмийцев никакими источниками не улавливается, справедливо заметил, что весомое участие, как показывают археологические, антропологические и лингвистические исследования, иранских сармато-аланских племён в качестве субстрата в сложении населения юга Руси, включая Киевщину, «позволяет естественным и органичным образом, непротиворечиво и без натяжек объяснить появление богов Хорса и Симаргла в составе носившего локальный южнорусский характер» пантеона Владимира и что для южной части населения Руси, «в существенной доле состоявшей из славянизированных потомков сармато-алан, он был богом “своим”, богом предков, веру в которого они сохранили, несмотря на все перипетии этнической истории» (историк также указал, датируя протограф «Беседы трёх святителей» домонгольским временем, что используемый в ней термин «жидовин» нельзя «трактовать в этническом или конфессиональном ключе» — «еврей, иудей», потому как он имеет значение «язычник»). Назаренко, обратившись к идее о происхождении названия Киева от хорезмийского антропонима Куйа, вёл речь о гротескном влечении лингвистов к экзотическим этимологиям, допускавшим при этом формально-лингвистические и даже источниковедческие огрехи, а порой и откровенные натяжки,

причём особо подчеркнув, что идея Прицака совершенно незаслуженно нашла себе авторитетную поддержку в лице Топорова¹⁸³.

В 2000 г. археолог и специалист по салтово-маяцким и хазарским древностям В.С. Флёров, заостряя внимание на серьёзных ошибочных и спорных утверждениях Гольдельмана, его слова об основании Киева хазарами назвал «вольными трактовками» и недопустимыми для справочного издания. А по поводу другого его заключения, сделанного с отсылкой на Киевское письмо о «хазарском контроле над Киевом в начале X в.», резюмировал: «Приходится только сожалеть, что в энциклопедию внесена без всяких оговорок исторически и археологически необоснованная версия Н. Глоба и О. Прицака». В свою очередь П.П. Толочко в 2001–2013 гг. отметил, что источником «патриотического вдохновения» Гольдельмана послужила монография Прицака и Гольба, экстравагантные выводы которых, далеко выходящие за пределы источниковедческих возможностей Киевского письма, под его пером «неожиданно обрели “хрестоматийную” непреложность». В 2012 г. А.А. Горский, говоря, что сложно судить о воздействии хазар на формирование Русского государства, лаконично констатировал: «Кроме заимствования титула “каган” (для чего можно допустить и аварское влияние) здесь назвать нечего», что «по источникам оно надёжно не реконструируется» и что преемственности политических институтов с Хазарией не прослеживается¹⁸⁴.

К изложенному по поводу начала Киева уместно добавить в качестве понятной иллюстрации, что Г.З. Байер, обращал в 1749 г. внимание в «диссертации» Г.Ф. Миллер, «*Кия* почёл за готфскаго царя *Книву*», по Иордану, воевавшего в Паннонии с императором Траяном Децием, утверждаясь «токмо на малом имян сходстве, которое в таком деле за доказательство принять не прилично». В данном случае и Н.М. Карамзин подчеркнул, что Байер «излишно уважал сходство имён, недостойное замечания, если оно не утверждено другими историческими доводами». А также напомнил, что В.Н. Татищев полагал имя Кия сарматским, М.М. Щербатов — арабским и персидским, Я. Рейнегс — «финико-арабским», И.Н. Болтин — аварским. Киев же построили, по Щербатову, гунны, по Рейнегсу, готы, по Болтину, авары¹⁸⁵.

Вместе с активной пропагандой идеи о значительной роли хазар в истории наших предков на исходе советской эпохи стала культивироваться в чём-то схожая с ней идея. С одной стороны, речь опять же велась о могущественном Хазарском каганате, оказавшем большое влияние на историю Руси, с другой — нарочито негативно оценивались действия его иудейской верхушки.

В 1989 г. вышла монография весьма популярного тогда историка и, как он сам себя представлял, евразийца Л.Н. Гумилёва «Древняя Русь и Великая Степь» (затем она неоднократно переиздавалась, и идеи её автора обрели немалое число приверженцев в науке и публицистике). В ней учёный, подчёркнуто говоря (в стиле О. Прицака, но без связи с ним), что его выводы весьма отличаются от традиционных, основанных на летописной версии (ибо он не верит летописцу, потому как тот даёт заведомо ложную схему событий, начиная от призвания варягов до рассказа о расправе Ольги над древлянами), и критикуя М.И. Артамонова и С.А. Плетнёву, считавших салтово-маяцкую культуру свойственной

единому болгаро-хазарскому этносу, утверждал, что хазары, являясь потомками европеоидного населения Западной Европы, смешались с тюрками и евреями, что в IX–X вв. они составляли наиболее угнетённое/порабощённое меньшинство Хазарского каганата, в котором власть находилась в руках хазарских иудеев-рахдонитов — купеческой верхушки иудейской общины («евреи-рахдониты представляли суперэтнос, искусственно законсервированный на высокой фазе пассионарности»).

В трактовке Гумилёва русской истории звучало, что во второй половине IX в. западной границей Хазарии стал Днепр, что если в 859 г «хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, то к началу X в. они захватили её почти всю» и господствовали там до середины этого столетия (после чего роль гегемона в регионе перешла к Руси), что скандинавские варяги с конунгом Олегом взяли Киев в 882 г. (где до того властвовали создатели Русского каганата славянские аборигены-русы), что около 900 г. изолированное княжество киевских варягов-норманнов «стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами», т. е. стало «поставлять хазарскому царю “дань кровью”», посылая подчинённых им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов (при этом русы в Прикаспии действуют со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям).

Столь же враждебно вели себя хазары по отношению к Руси и в X в.: их полководец Песах, подступив к Киеву и опустошив страну, в 941 и 944 гг. принудил варяжского конунга Игоря (Хелгу Кембриджского документа, составленного в правление хазарского царя Иосифа) воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля (в походе 941 г. русы проявляли под руководством опытных инструкторов из каганата опять же невероятное зверство), что к 944 г. царь Иосиф, союзниками которого выступали хорезмийцы, захватил огромную территорию — до Днепра и верховьев Волги и заставил послушного вассала Игоря охранять торговые пути, бывшие нервами иудейской Хазарии, и собирать в пользу хазар дань с правобережных днепровских славян, по причине чего он и был убит древлянами (свои рассуждения Гумилёв завершал выводом, что после гибели социально-политической химеры — Хазарского каганата — потомки хазар в долине Дона приняли наименование бродники, но впоследствии уже их потомки сменили этноним и стали называться казаками)¹⁸⁶.

В 1992 г. горячий энтузиаст евразийской концепции истории Руси и популяризатор идей Гумилёва литературовед и кандидат филологических наук В.В. Кожин в трёх номерах (10–12) «толстого» журнала «Наш современник» в сочинении «История Руси и русского слова» (впоследствии не раз также переиздавалось, в том числе отдельной книгой), завершив в № 9 размышления о важной роли варягов-шведов-руси в отечественной истории (и потому выделив в ней, стоит напомнить, «варяжскую эпоху»), вёл речь уже о громадной роли в первоначальной истории Руси другой исторической силы — Хазарского каганата. Полагая, что так вопрос никем ещё не ставился, перелом в понимании значения каганата в прошлом восточных славян он связал с результа-

тивными археологическими исследованиями прежде всего в верхнем течении Дона и Северского Донца, проводимыми М.И. Артамоновым, И.И. Ляпушкиным и С.А. Плетнёвой, которая добилась наибольших результатов.

Опираясь на выводы Ю.Д. Бруцкуса, С.А. Плетнёвой (отрицая лишь её миф, что хазары являлись щитом, будто бы спасшим Восточную Европу, следовательно Русь, от завоевания арабов) и особенно Л.Н. Гумилёва, а также задействуя русские героические былины (ибо они порождены именно противостоянием с Хазарским каганатом и окончательно сложились в начале XI в.), Кожинов уверял, во-первых, что борьба с каганатом определяла весь ход русской истории примерно с начала второй четверти IX в. до последней трети X столетия. Во-вторых, отождествляя, по примеру Плетнёвой, салтово-маяцкую культуру с культурой хазарской державы, представлял её громадным и мощным государством, в течение полутора столетий полностью господствовавшим в Восточной Европе (хазарам платила дань половина русских земель, расположенная южнее Оки и верхнего течения Дона), которое по принятию на рубеже VIII–IX вв. иудаизма превратилось в иудаистское государство (отчего хазарская тема, многозначительно предупреждал автор, является опасной) и которое обладало «громадными “цивилизаторскими” возможностями».

Эти «громадные “цивилизаторские” возможности» Хазарского каганата Кожинов объяснял воздействием Хорезма (был основан евреями, до X столетия господствовавшими в торговле Запада и Востока), к VIII в. представлявшего собой государство с исключительно высокой цивилизацией и культурой, в котором всё находилось на высшем для тогдашнего мира уровне. Но в 712 г. он был завоёван арабами, в связи с чем многие хорезмийцы бежали в Хазарский каганат, начав играть в нём огромную роль, т. к. привнесли с собой опыт очень высокой цивилизации — в военном деле, в строительстве, ремёслах, культуре в целом. Вместе с ними к хазарам пришли иудеи-«хаберы», которые встали затем во главе каганата и распространили среди подданных свою религию. В начале IX в. часть хорезмийцев эмигрировала из каганата на Русь и оказала весьма значительное воздействие на её жизнь, причём более значительную, чем норманны-варяги (именно их посредством была воспринята русскими культура Ирана, включая богов Хорса и Симаргла).

По Кожинову, Киев хазары захватили где-то между концом VIII в. и 838 г., однако к середине IX в. туда пришёл с севера, посланный, по-видимому, Рюриком, Аскольд. Он освободил Киев от хазар, но затем потерпел от них поражение и стал вассалом Хазарского каганата, который установил своё господство над южной и срединной Русью, превратив её в свою подчинённую провинцию. После чего киевский князь в 860 г. совершил по приказу хазар и под их скрытым руководством поход на Константинополь (жестокость русов в византийских пределах во время этого нашествия объясняется тем, что они имели опытных инструкторов из хазар, действовавших согласно древнеиудаистским заветам). Под тем же диктатом хазарских властителей был совершён (и всё так же вопреки коренным интересам Руси — от экономических до духовных) поход Игоря на Византию в 941 г. (Олег, свергнув Аскольда, заново освобождает часть русских племён от хазарской дани и воюет с хазарами, но в конечном счёте не

смог им противостоять). И всё тот же каганат натравлял русов во второй половине IX — первой половине X в. на государства прикаспийских мусульман¹⁸⁷.

В 1993 г. А.Г. Кузьмин, справедливо говоря, что Хазарский каганат, несомненно, оказал определённое влияние на Русь («достаточно сказать, что поляне, северяне, вятичи и даже радимичи какое-то время платили хазарам дань») и что хазарской проблеме придаёт специфический интерес и своеобразную актуальность «уникальное явление: господство в течение достаточно длительного времени иудаизма на землях, где этнические евреи не составляли сколько-нибудь значительной социальной группы», подверг обоснованной критике «евразийскую» утопию/фантазию Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожинова, раздувающую иудейскую Хазарию, возвышая её над Русью (причём сама концепция Гумилёва нарочито заострена против евреев). При этом учёный, прежде всего, указал, что салтово-маяцкая культура VIII–X вв. не является, собственно, хазарской и что салтовцы (в чём не сомневались ни М.И. Артамонов, ни С.А. Плетнёва) есть аланы: материальная культура и внешний облик салтовцев — длинноголовый индоевропейский тип — вполне тождественны аланскому населению Северного Кавказа, и что именно они были строителями городов и создателями высокой культуры, включая письменность.

Обращал внимание историк и на тот важный факт, игнорируемый хазароведами (в большинстве своём являющимися, по его уточнению, норманистами), т. к. он не укладывается в их представления и о хазарах, и о Руси, что восточные авторы систематически называют аланов Подонья «русами». Вместе с тем он правомерно заметил, что «иранское» не обязательно хорезмское: гораздо ближе к Руси аланы и некоторые другие ираноязычные племена, некогда заселявшие степные просторы Причерноморья и Северного Кавказа», и что божеества Хорс и Симаргл известны в Индии и восходят, скорее, не к иранскому, а к индоарийскому. И, как в целом заключал Кузьмин, что теперь к норманнскому вето, парализующему возможность изучения русской истории, намереваются добавить хазарское вето, а если учесть меру искажения фактов и её направленность, то придётся делать вывод об осознанной попытке поставить возможно больше препятствий на пути пробуждающегося самосознания русского народа¹⁸⁸.

Сегодня в нашей науке лидером как в разработке идеи об активном и самом плодотворном участии хазар в русской истории, так и в её пропаганде является археолог В.Я. Петрухин, которого в 2014 г. его давний соавтор Е.А. Мельникова, называя имена исследователей, благодаря которым, по её заверению, изучение норманнской проблемы переросло в комплексное, междисциплинарное исследование, отнесла не к группе археологов, коим он является, а «историков и источниковедов» (сам же он преподнёс себя в 1998 г. в качестве «русиста»)¹⁸⁹. Впервые на ущербность взглядов Петрухина на историю Руси указал в 2000 г. академик Г.Г. Литаврин. Констатируя, что «помимо отзвуков крайних суждений о влиянии норманнов как о решающем факторе в развитии Руси IX–X вв., имеет место в историографии (особенно в последнюю четверть века) и вторая крайность: увлечшись изучением новых источников по хазарской истории, ряд историков склонен к переоценке значения хазар в судьбах Древней

Руси, в особенности — в развитии её культуры» (причём «славянская предыстория Руси, как и история прибалтийских и финно-угорских племён, сплошь и рядом игнорируется полностью»), он заострил внимание на учебном пособии для гуманитарных факультетов вузов «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье» В.Я. Петрухина и Д.С. Раевского (увидело свет в 1998 г. при содействии Фонда Сороса).

Отмечая, что его авторы в целом несколько преувеличивают роль норманнов в русской истории, крупнейший византинист уже более твёрдо сказал, имея в виду статью первого «Варяги и хазары в истории Руси» (1993), что у него нет оснований для вывода «о заметном “хазарском компоненте” в культуре Руси». Потому как нет «решительно никаких доказательств того, что их влияние на духовную культуру и политическую систему Древней Руси был сколько-нибудь глубоким и длительным» (хотя поляне, радимичи и северяне являлись данниками хазар). При этом справедливо резюмируя, что хазары не имели на территории Руси ни единого поселения и что «присутствие хазарских (точнее, салтово-маяцких) древностей на Руси (в Чернигове и его округе), наличие хазарского квартала (и еврейских ворот) в Киеве, редкое употребление титула “каган” применительно к русскому князю — явления ординарные для средневековья» (например аварские могилы и вещи найдены на Пелопоннесе, кварталы евреев и арабов существовали в X–XI вв. в Константинополе, чужой титул «король» был принят государями множества стран Европы, а Византия платила дань «и арабам, и болгарам, и русам»).

Главное же, с точки зрения Литаврина, состоит в том, что хазары — кочевники и полукочевники — по хозяйственно-культурному типу, по образу жизни и по религиозным воззрениям «представляли совершенно особый мир, чуждый славянскому земледельческому обществу». На следующий год востоковед И.Г. Коновалова заметила по поводу рассуждений Петрухина и Раевского, что «черты государственно-политического устройства, которые для Древней Руси приписываются исключительно влиянию хазар, на самом деле видны и в других славянских государствах, никак с Хазарским каганатом не связанных», и что «источники восточных заимствований на Руси IX в. далеко выходили за рамки русско-хазарских отношений и были связаны с этнополитическими процессами, протекавшими в славянском мире в целом»¹⁹⁰. По оценке Е.С. Галкиной и Ю.В. Колиненко, данной в 2008–2009 гг., Восточную Европу Петрухин видит «поделённой двумя “империями”: Хазарским каганатом на юге и Норманским (Русским) на севере, причём в начале IX в. все восточные славяне оказались в зависимости от хазар (поляне, северяне, вятичи, радимичи) или варягов-скандинавов (кривичи, словене)». Вместе с тем эти историки, характеризуя его в качестве подлинного теоретика «нового норманизма», подчеркнули ещё один весьма существенный изъян его построений, сразу же ставящий их под принципиальное сомнение: он «совершенно “неподходящие” письменные памятники, к примеру, свидетельство сирийской хроники Псевдо-Захария с локализацией росов в Северном Причерноморье в VI в... объявляет недостоверными»¹⁹¹.

Сам же подход Петрухина к проблеме хазаров и Руси не имеет ничего общего с концепциями ни Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожина, ни О. Прицака и Н. Голба.

Более того, он основательно критикует, понимая их абсурдность, дискредитирующую тему кардинального воздействия хазар на жизнь и судьбу восточных славян, идеи Прицака и Голба. Так, в 1997 г. в комментариях к их книге «Хазарско-еврейские документы X века» им указано, что «о проживании в Киеве IX в. хазар-иудеев, тем более правителей, ничего не известно», что в самом письме (Прицак утверждал, что оно появилось в период хазарского правления в Киеве) «не содержится каких-либо свидетельств о хазарском господстве; скорее, зависимость членов еврейской общины от иноверцев свидетельствует, напротив, о господстве в Киеве русских князей» (и потому сам Петрухин датирует письмо широко — X в.), что преувеличением является утверждение об «общеизвестности» управления хазарами Киевом до обоснования в нём варяжских князей, т. к. киевские поляне, по ПВЛ, лишь платили хазарам дань, что Киев изначально «имел типичную для древнерусского города топографию — укреплённый детинец на горе и посад у подножия», что гипотеза об основании Киева вазиром Куйя «никак не согласуется с киевскими реалиями». Кроме того, повторял он мысль Трубачёва, «это построение игнорирует общеславянский ономастический контекст таких названий, как “поляне” и “Киев”».

В 2019 г. Петрухин отнёс «к романтическим конструкциям», свойственным построениям Прицака, «его гипотезу о бегстве хазарского кагана от бека, который принял иудаизм, — беглец и стал основателем “русского каганата”», вместе с тем отметил произвольную интерпретацию им письма киевской еврейско-хазарской общины как свидетельство власти хазар над Киевом до 930-х гг. X века. А год спустя он отверг и мнение Г.М. Бараца, что ПВЛ «свидетельствует не о варягах-христианах, живущих в квартале, называемом “Козаре”, а о варягах и хазарах, исповедующих христианство»: эта интерпретация мало приемлема, ибо «Козаре» есть название киевского урочища (но при этом почему-то прошёл мимо «интерпретации» Д.С. Лихачёва, изданием которого 1950 г. в основном пользуется, в 1995 г. процитировал из него концовку статьи 945 г. по поводу клятвы руси: «многие варяги были христианами и Козаре», лишь заключив, не принимая таким образом ложного перевода Лихачёва, что христианская церковь располагалась в районе Козаре/Хазары)¹⁹².

Оправданно критикуя Прицака, Петрухин своё видение роли хазар в историю Руси излагает абсолютно в его стиле, т. е. в декларативной форме, без доказательств, как об этом и сказал Г.Г. Литаврин. По его словам (и только словам, которые он массово тиражирует с 1993 г.), Хазария, держа в своих руках главные торговые пути — Волгу, Дон и Днепр (а последний считался западной границей Хазарского каганата) и контролируя как «рынки мехов в бассейне Верхней Волги и хлынувшие на рубеже VIII и IX вв. в Восточную и Северную Европу потоки арабского серебра», так и Киев претендовала на власть над Восточной Европой вплоть до Белоозерской веси, а салтово-маяцкая археологическая культура была государственной культурой каганата (северная же часть Восточной Европы находилась в сфере влияния норманнов-руси).

Твёрдо считая, что хазары наряду с норманнами входили в русскую дружину (и принимали участие в формировании её культуры), присутствовали среди населения русских городов, он относит Тмутаракань к «хазарскому» фак-

тору воздействия на Русь, под влиянием которого в пантеон князя Владимира были введены иранские божества, и представляет «хазарское наследие» (социальный и этнокультурный механизм, запущенный в период хазарского господства), включавшее и иранскую традицию, как важнейший структурообразующий фактор формирования Русского государства. И посему полагает, что, помимо славяно-скандинавского синтеза (скандинавы утвердились в Киеве к 860 г.), русская история знала славяно-хазарский синтез. «Можно считать, — апеллирует он к мнению одного из высочайших авторитетов науки, которое, по его словам, ныне в целом разделяют исследователи, — провидческим взгляд В.О. Ключевского на “хазарское иго”, как на отношения, способствовавшие развитию экономики славян» и расцвету их культуры в Среднем Поднепровье.

Причём хазарская традиция, уверяет Петрухин, «была актуальна для Руси не только в связи с претензиями на хазарское наследие, но и в связи с тем опытом государственного строительства, который позволил хазарам объединить разноразличные земли». По этой причине, возможно, русские князья, овладевшие податной территорией Хазарии на Среднем Днепре (три центра которого — Киев, Чернигов, Переяславль, т. е. Русская земля в узком смысле — расположены в древней области хазарской дани), восприняли не только титул хазарского правителя — каган (хазарские заимствования относятся к обозначению высших социальных рангов — каган, бояре, т. е. господствующий слой Руси воспринимал «хазарские ритуалы»), но и один из «царских знаков», широко бытовавших в Северном Причерноморье в I тыс. н.э., — двузубец-тамгу. Без колебаний учёный говорит о том, что быт дружинной руси ещё в середине X в «напоминал отчасти быт хазарского господствующего слоя (полюдь с объездом подвластных территорий)», что славянская волынцевская культура левобережья Днепра, анклав которой представлял собой Киев, развивалась под очевидным хазарским влиянием, что Хельг Кембриджского (еврейско-хазарского) документа, составленного в правление хазарского царя Иосифа (960-е гг.), неверно отождествляемый с Олегом Вещим, является представителем «русского княжеского рода, наиболее активного на “хазарском” направлении русской экспансии».

Имя Хорива, продолжает Петрухин, заручаясь мнением Г.М. Бараца от 1924 г., совпадает с наименованием библейской горы на Синае (где Моисею явилась «неопалимая купина» и где была обещана земля обетованная). А этот факт «позволяет предположить, что имя “Хоревита” закрепилось за киевской горой в дохристианский период (в другом варианте, «хазарский» период. — В.Ф.) и было заимствовано славянскими жителями Киева у еврейско-хазарской общины, которая приурочивала легендарные топонимы к киевским реалиям». Самватас же Константина Багрянородного — «видимо, еврейско-хазарский ойконим, связанный с почитанием субботы», имя пограничной реки талмудических легенд» («для еврейско-хазарской темы в истории Киева существенна всё же этимология названия “киевской крепости Самватас”, предложенная А.А. Архиповым»). Возможно, Самватас являлся местом обитания еврейско-хазарской общины, давшей крепости своё наименование.

Сложение русской культуры в X в. Петрухин уподобляет воображаемому им процессу возведения черниговского кургана Чёрная могила (960-е гг.), насы-

панному, по его убеждению, с соблюдением скандинавских обычаев и содержащему захоронение знатного русского дружинника скандинавского происхождения: «Славяне, норманны и хазары возвели своему предводителю единый монумент» (но, стоит заметить, по заключению Б.А. Рыбакова и В.В. Седова, в кургане погребены были «два воина — взрослый и юноша — и женщина. Об этом отчётливо свидетельствуют двойной комплект вооружения, удвоенность большей части инвентаря и женские украшения»). «Можно сказать, — ставит Петрухин точку в свой скандинаво-хазарской «саге», — варяги и хазары целиком “реализовали” себя в ранней русской истории, приняв участие в этнокультурном синтезе, который привёл к становлению Русского государства и культуры» («структура господствующего слоя, прежде всего княжеской дружины, навсегда запечатлела следы “синтеза”»).

И потому он жёстко определяет желательный ему вектор разработки истории Руси: «Изучение исторических основ этого синтеза — задача актуальная для понимания не только прошлого России, но и её настоящего». В связи с чем противоестественно стремление принизить роль скандинавского и хазарского экзогенных факторов на ранних этапах становления русской государственности (в качестве примера, как в устах Петрухина предположения скоро превращаются в «незыблемый» исторический факт, следует привести названия его статьи 2015 г. «Саркел и Бертинские анналы: хазарское начало русской истории?» и одного из разделов монографии «Русь христианская и языческая» 2019 г. «Хазарское начало русской истории: Саркел и Бертинские анналы»)¹⁹³.

В согласии с Петрухиным и параллельно с ним рассуждают другие учёные. «Вероятно, — резюмировали в 2002 г. украинские археологи Ф.А. Андрощук и В.Н. Зоценко, — что синкретизм хазарских, славянских и скандинавских традиций привёл к возникновению такого феномена как “русы” восточных и византийских авторов и их материально-семиотического текста, воплощённого в “дружинной” погребальной культуре». В 2007–2012 гг. уже наши специалисты — С.В. Белецкий и Е.А. Мельникова — вели речь о заимствовании Рюриковичами именно от Хазарского каганата символики высшей власти в форме двузубца¹⁹⁴ (незаметно для себя под влияние Петрухина, видимо, попал А.Ю. Дворниченко. В 2014 г. он, говоря о злобредности химеры науки Хазарики, ибо объясняют, но уже хазарским влиянием, весь древнерусский политогенез, подчёркивал, что взвешенный подход к проблеме хазар был характерен для М.И. Артамонова и В.В. Мавродина, в трудах которых «и Русь, и Хазария предстают как некая целостная цивилизация, расположившаяся на территории современной Южной России и в Крыму». Но в условиях псевдопатриотического угара послевоенного времени, «работы их были подвергнуты критике, а заодно оппоненты постарались нанести удар и по самой Хазарии»¹⁹⁵).

Звучала, как уже указывалось, критика в адрес хазарских мотивов концепции Петрухина, причём не только общего характера. В 2009 г. А.В. Назаренко указал, что не находит удачным его сопоставление «др.-русс. *Хоревница* с названием библейской горы Хорив». Потому как славяне, заимствуя топоним Хорив, «не могли из него сделать “Хоревницу”; так заимствования не происходят» (к этому заключению следует добавить мнение лингвистов В.В. Иванова

и В.Н. Топорова, отметивших в 1980 г., что «имя горы Хоревиза (и мифологического Хорива — одного из братьев основателя Киева Кия), сопоставимо с авест. *haraiva*, др.-перс. *haraiva* как названием области Арианы, ср. авест. *hara*, *haraiti* как обозначение горы». В 2014 г. А.С. Щавелёв, говоря, что имя Хорив может быть истолковано от библейского топонима «Хорив», напомнил: А.И. Соболевский считал возможной иранскую этимологию — от **huare* «солнечный»)¹⁹⁶. Показательно, что сам Петрухин, осознавая абсурдность своих хазарских пристрастий, допускает отступления от них. Так, в 2005 г. он подчёркивал, что «исторические основания для включения иранских божеств в общерусский пантеон имеются, так как под властью Владимира оставались земли в южнорусской лесостепи, населённые ираноязычными аланами»¹⁹⁷.

Свой статус «историка и источниковеда» Петрухин решительно демонстрирует тем ещё, что предлагает иное прочтение всё той же статьи ПВЛ под 945 г., уверяя в работах 2000–2019 гг., что «летописец неверно понял свой источник, перенёс клятву руси в Киев: христианская русь должна была клясться в самом Царьграде», в церкви Ильи при дворце Романа Лакапина, т. к. такой церкви в Киеве не существовало. В Киеве же клялась — на холме у идола Перуна — русь языческая¹⁹⁸. Но с археологом не позволяет согласиться прежде всего сама летопись, которая прямо и в подробностях описывает, что клятва дружинников-христиан и дружинников-язычников соблюдать условия мирного договора с Византией происходила именно в Киеве и в присутствии византийских послов, сказавших перед тем Игорю: «“Твои сли водили суть царе наши роте, и нас послаша роте водит тебе и мужь твоих”. Обещася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояше Перун, [и] поклагоша оружие своё, и щиты и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых руси; а хрестеяную русь водиша роте в церкви святого Ильи... Игорь же утвердив мир с греки, отпусти слы, одарив скорою и челядью, и воском и отпусти я. Сли же придоша ко цареви, и поведаша вся речи Игореву и любовь юже к греком» («Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей. Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришёл на холм, где стоял Перун. И сложили оружие своё, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его, — сколько было язычников среди русских. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи... Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском. Послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам»)¹⁹⁹.

Показания ПВЛ настолько ясны, что не оставляют никаких сомнений. Так, А.Л. Шлёцер заметил, что «не токмо в Цареграде, но после и в Киеве упоминается церковь св. *Илии*», причём место её положения «означено с точностию, и она должна существовать ещё при Несторе». Н.М. Карамзин, говоря, что церковь является, возможно, «древнейшей в Киеве», уточнил: «В Цареграде была славная церковь св. *Илии*», но здесь речь идёт именно о киевской. Митрополит Макарий в свою очередь пояснял, что церковь Ильи была ещё во время летописца «и была, конечно, незначительною в ряду других церквей. Потому современники могли спросить его: почему же в такой незначительной церкви

присягали послы Игоревы? Потому, — отвечает летописец, — что *тогда* она была главною, *соборную*» (да и невозможно, конечно, представить, чтобы часть дружины русского князя — христианская — специально отбыла, а ведь это сотни, а то и тысячи людей, для «ратификации» договора в Константинополь: по расчётам Е.А. Шинакова, например, численность большой «государственной» дружины при Владимире Святославиче достигала около 7000 человек. Впрочем, в 2006 г. С.Н. Кистеров обстоятельно продемонстрировал надуманность взгляда, изложенного Петрухиным и имеющего свою историю)²⁰⁰.

Несколько конкретных замечаний надлежит высказать и по поводу продукта взаимодействия славяно-скандинавского и славяно-хазарского синтезов — «славяно-норманно-хазарского монумента» Петрухина, возведённого «интернациональным» составом дружины скандинава, погребённого с соблюдением скандинавских обычаев в кургане Чёрная могила. Подобная интерпретация захоронения блещет, конечно, «монументальной» новизной. Но её главная составляющая — скандинавская (а на ней только и держится хазарская) — зиждется на мнениях двух шведских археологов — Т.Ю. Арне и его ученика и единомышленника Х. Арбмана. Мнениях, которые они, будучи представителями норманского мира, активно, но абсолютно голословно навязывали науке и которые потому вызывали в ней отторжение. Так, в 1931 г. венгерский археолог Н. Феттих заметил: Арне думает, что в погребении «находится норманн; с таким же правом мог бы я думать о венгре»²⁰¹.

Ранее рассказывалось, как очень просто Арне решал вопрос об этнической принадлежности погребальных памятников на Руси: если там найдена хотя бы одна скандинавская вещь (а к ним в его время относили без разбору очень многое), значит, здесь захоронен норманн. Он же непременно захоронен и в тех в курганах, которые отличаются богатством инвентаря, но, однако, не содержат скандинавских предметов. И благодаря этой археологической пустоте Арне создал теорию норманской колонизации Руси, представляя её в качестве «Великой Швеции». В погребённых в Чёрной могиле (и в другом большом кургане Гульбище) он увидел *varjaghövdingar* — варяжских вождей, объявил шестовицкие курганы (которые рассматривал вместе с другими группами курганов в Чернигове и его окрестностях, потому как в них одинаковый обряд погребения — в камерах) норманскими и почти весь инвентарь мужских захоронений в Шестовицком могильнике посчитал типично скандинавским. Хотя подавляющее большинство рядовых вещей в этих курганах, указал в 1965 г. И.П. Шаскольский, «имеет местные формы и совершенно сходны с такими же вещами, найденными в других могильниках Черниговщины (и, шире, Среднего Поднепровья) того же времени» (стоит отметить, что в 1986 г. «советские антинорманисты» А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев допускали, что Шестовицкий могильник по меньшей мере частично связан с пребыванием норманнов, потому как там имеются камерные погребения и сожжения в ладье).

Арбман же в обряде погребения в Чёрной могиле не увидел, при всём своём огромном желании, скандинавских черт: «погребальный инвентарь, от шлема до одежды, чужд скандинавской материальной культуре», в кургане не найдено скандинавских женских украшений, т. е. погребённая здесь женщина, видимо,

не носила традиционной скандинавской одежды (хотя, как он говорил в отношении шестовицких курганов, захороненные в них женщины были норманками, но носили местную одежду и украшения). Но отсутствие фактов для норманистов ничего не значит. И археолог отнёс (впервые в 1955 г.) к норманским вещам каролингские мечи (после установления их производства в рейнских мастерских науке тут же было навязано мнение, что на Русь они поставлялись только через Скандинавию и только скандинавами) и два орнаментированных турьих рога-ритона. На основании чего представил памятник в качестве захоронения знатного норманна, находившегося под сильным местным влиянием и воспринявшего чуждый норманнам образ жизни и одежду.

При этом признавая, что орнаментация серебряных оправ ритонов носит не скандинавский, а восточный характер (но всё равно приписал оправы руке норманского мастера, не очень умело переработавшего чуждые ему восточные орнаментальные мотивы. В таком предположении, по мысли Шаскольского, отразилось, может быть, без сознательного умысла со стороны автора, «представление о том, что ценное произведение искусства могло быть создано только норманским мастером — представителем более высокой западной культуры, но не местными мастерами, стоявшими на низкой ступени развития». Не лишним также будет добавить, что позже, в 1988 г., другие «советские анти-норманисты» и опять же археологи — А.А. Молчанов и А.В. Чернецов — кардинально «поправили» Арбмана, посчитав возможным сюжет, представленный на обкладках рогов, истолковать с точки зрения скандинавской мифологии).

В 1962 г. интерпретацию Арбманом захоронения в Чёрной могиле ведущий английский специалист по истории викингов П. Сойер назвал наиболее характерным примером тенденциозной и необидительной аргументации: «И хотя, кроме этих мечей, ни один из предметов, найденных в могиле, нельзя с какой-либо долей уверенности связать со Скандинавией, но крупный шведский археолог недавно высказал предположение, что захоронение принадлежало человеку скандинавского происхождения» (к транспортировке каролингских мечей на Русь скандинавы, как всё же допускал и Сойер, не имели никакого отношения). Через три года Шаскольский в продолжении слов английского коллеги сказал, что на основании находок мечей в погребении нельзя установить национальность покойника и что если норманн был похоронен в Чёрной могиле по местному обряду и носил к тому же ещё и восточноевропейскую одежду, «то на каком основании можно установить его норманское происхождение? Ведь по одним костям национальность определить невозможно»²⁰².

Петрухин по примеру шведов Арне и Арбмана стремясь доказать недоказуемое, что в Чёрной могиле (как и в Гульбище) очевидны скандинавские черты погребального обряда, особо заостряет внимание на том, что в ней обнаружены ладейные заклёпки, свидетельствующие о сожжении в ладье, что рядом с ритуальным котлом (а «сходный котёл упомянут в описании скандинавского воинского рая — Вальхаллы»), который содержал кости и шкуру то ли козла, то ли барана (а ведь в «Младшей Эдде» Тор «путешествует в колеснице, запряжённой парой козлов»), располагались два огромных питьевых рога-ритона (древнерусские княжеские ритуальные сосуды), в оформлении которых ис-

пользован «хазарский» сюжет, «и маленькая бронзовая статуэтка скандинавского сидячего божка, держащего себя за бороду».

При этом Петрухин уверяет (совместно с Т.А. Пушкиной в 1995 г., а в наши дни без неё, но повторяя сказанное ею в 1984 г.), что «уникальная на Руси находка — сидячий божок из Чёрной могилы — передаёт, скорее всего, образ громовержца Тора: он держится за бороду — атрибут и характерный жест громовержца в индоевропейской традиции» (в связи с чем к нему же имеет отношение «и бородатая маска из Гнёздова»), что полные аналогии бронзовому божку обнаружены в Скандинавии и Исландии X–XI вв., что известны «карманные» идолчики, «которых скандинавы брали с собой в путешествие, в том числе на тот свет: один из них открыт в Черниговском кургане Чёрная могила». В целом же, согласно археологу-«русисту», «весь этот пиршественный комплекс был накрыт грудой доспехов и представлял настоящую модель Вальхаллы» — «загробного чертога Одина» (которого были достойны и Хельг Кембриджского документа, и великий русский князь Святослав)²⁰³.

Однако всё сказанное Петрухиным в отношении Чёрной могилы с её «моделью Вальхаллы» есть лишь плод его личного и невероятно пристрастного взгляда на историю Руси, который опровергают хорошо знакомые ему факты, звучавшие из уст сторонников норманской версии прошлого и современности.

Археолог Д.Я. Самоквасов, изучавший черниговские курганы, пришёл к выводу о принадлежности северянам основной части кремационных погребений Подесенья, включая самые богатые курганы — Гульбище и Чёрную могилу (её он начал раскапывать в 1872 г.). В такой интерпретации усомнился на III Археологическом съезде А.С. Уваров. По этому поводу Самоквасов заметил в 1916 г.: «Если бы в наше время археолог повторил мнение графа Уварова 1874 года о возможности норманской народности Черниговских курганов, то ему нужно было бы доказать невозможное — что не только в Чернигове и Любече, но во всех поселениях Черниговского уезда IX и X столетий жили не северяне, а варяги скандинавского происхождения»²⁰⁴. В 1939 г. А.В. Арциховский также указал, что ничего скандинавского в Чёрной могиле нет и что оба шлема из неё являются древнерусскими. Антрополог Т.И. Алексеева в 1973–1974 гг. констатировала отсутствие в Черниговском некрополе германских (норманских) особенностей. В 1978 и 1980 гг. активные пропагандисты норманства варягов археологи А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко констатировали, что «знаменитые большие курганы Чернигова — Гульбище, Чёрная могила, с исключительным своеобразием обряда, богатством инвентаря, не содержат никаких специфических северных элементов» (по Кирпичникову, рукоять меча из Чёрной могилы изготовлена на Руси)²⁰⁵.

Рога-ритоны из Чёрной могилы, как заключил в 1896 г. историк искусства Н.П. Кондаков, представляют местное изделие. Они, резюмировал в 1982–1999 гг. археолог В.В. Седов, «тесно связаны со славянским языческим культом и были атрибутами языческих богов (например Святовита, изображённого на Збручском идоле) и принадлежностью ритуальных пиров». Причём, подчёркивал учёный, особенности обрядности памятника — «предметы вооружения и конского снаряжения на кострище были сложены грудой, остатки кремации с до-

спехами были собраны с погребального костра и помещены в верхней части кургана — не свойственны скандинавам, но имеют аналогии в других дружинных курганах Черниговской земли». Б.А. Рыбаков в 1987 г. также резюмировал, что туры рога — это обязательные атрибуты славянских божеств и что в Чёрной могиле упокоился славянский князь, умерший у себя дома, в Чернигове²⁰⁶.

В 2011 г. украинские археологи А.П. Моця и А.В. Казаков курганы Чёрной могилы и Княжны Чёрной атрибутировали как погребение князей местной славянской династии. Годом позже другой украинский археолог, А.В. Комар, добавил, что «в орнаментации резных костяных предметов, происходящих из Чёрной Могилы, Гульбища, Безымянного кургана, нет характерных скандинавских мотивов, только древнерусские и “ориентальные”»²⁰⁷. Выше речь шла о том, что бронзовая фигурка, которой Петрухин придаёт особое значение, ибо она есть «статуэтка скандинавского сидячего божка, держащего себя за бороду» (и потому, как культовый предмет, точно указывает на погребение скандинава), есть лишь продукт всё искажающего шведского взгляда на русские древности археологов Пушкиной и Петрухина (в силу которого богатое захоронение, сравнительно недавно открытое в Шестовицах, украинские археологи тут же окрестили «курганом конунга»²⁰⁸).

И совершенно напрасно Петрухин (а на это его толкают и тенденциозность, и острейшая нехватка действительных доказательств) приписывает только скандинавам артефакты и традиции. Так, например, обычай помещать в погребения котлы, встречается, констатировал в 1974 г. его учитель Д.А. Авдусин, «у большого числа народов во все времена и поэтому вряд ли может быть признан исключительно скандинавским». Котёл являлся, обращала внимание в 2002 г. И.П. Русанова, характерным культовым атрибутом кельтов: он «символ изобилия, бессмертия, в нём варилась пища богов, собиралась кровь жертв, над ним давалась присяга в верности и совершался обряд побратимства, при помощи котла гадали — рука невинного не должна была пострадать в кипящей воде котла». Символом изобилия у них же были рога для питья, а козлов, наряду с другими домашними животными, приносили в жертву, и в одной жертвенных ям/колодцев кельтов лежали довольно большие деревянные фигуры двух козлов и оленя. В 2010 г. и С.В. Цветков говорил, котлы — «это один из отличительных признаков кельтских захоронений»²⁰⁹.

Впрочем, сам Петрухин отмечал в 2011–2013 гг., что козлы в фольклорных традициях многих европейских народов, включая восточных славян, — «воплощения плодородия вообще, особенно плодородия полей». Стоит в этой связи привести заключение от 1991 г. Ю.Э. Жарнова, специально проанализировавшего фаунистический комплекс курганов с трупосожжениями Тимерёва и Гнёздова: «...Можно считать наличие останков животных и птиц в погребальных комплексах явлением ординарным, так, не менее чем в половине дошедших до нас в относительно непотревоженном виде погребений был зафиксирован фаунистический комплекс. Практически всем рассмотренным этносам (по условной классификации автора, «финнам», «скандинавам» и «славянам». — В.Ф.) и половозрастным группам погребённых, в большей или меньшей степени, свойственно это явление», и что «этнические построения, основанные на выделе-

нии или отсутствии фаунистического комплекса в целом или отдельного вида, например, лошади, лишены основания. Это заблуждение, и оно вызвано слабой степенью изученности фаунистического комплекса».

Но, придя к объективному выводу, показывающему несостоятельность норманистов придавать внимание останкам животных или птиц, обнаруженных в погребениях, видя в том доказательство скандинавского происхождения варягов и руси, Жарнов вместе с тем пребывал в полном согласии с Петрухиным, «отметившим особую роль коня, собаки и курицы в погребальном культе языческой Скандинавии — роль посредника в путешествии и установлении контакта с загробным миром»²¹⁰. Однако имеются факты, которые свидетельствуют о том, что перечисленные Жарновым представители фауны выполняли важные функции в верованиях нескандинавских народов. Так, Н.М. Карамзин указывал, ссылаясь на немецкого историка Л.А. Гебгарди, что южнобалтийские славяне, «торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам»²¹¹. В 1991 г. М.В. Фролов сообщил, что на роменском городище «Гора Ивана Рыльского» обнаружено погребение хазарского воина, которое сопровождалось захоронениями коня и собаки²¹². И.П. Русанова отмечала в 2002 г., что в жертвенных местах кельтов преобладают кости домашних животных, реже оленя, медведя, волка, собаки. По археологическим данным видно, подытоживал в 2015 г. К.А. Михайлов, «что часто в составе малоинвентарных сожжений, которые считаются славянскими, находят кости собак, лошадей и петухов. По-видимому, эти животные играли важную роль в похоронных ритуалах»²¹³.

К тому, что говорилось выше о рогах-ритонах, следует добавить следующий материал, который выводит на ту общность, где изготовление таких специальных сосудов практиковалось веками: в одной из контин южнобалтийского славянского Щетина хранились, подчёркивается в жизнеописании Оттона Бамбергского, «в честь богов и ради их украшения огромные рога диких быков, обрамлённые в золото и драгоценные камни и пригодные для питья»²¹⁴. Рог для питья известен как основной атрибут рюгенского (русского) Святовита, которого южнобалтийские славяне почитали, по информации Гельмольда, «богом богов». Саксон Грамматик свидетельствует, что он в правой руке «держал рог, тщательно выполненный из разного рода металлов», который жрец «ежегодно имел обыкновение наполнять чистым вином, пытаясь по свойствам жидкости предсказать, каким будет урожай в следующем году», т. е. рог являлся символом власти и изобилия. Фигура, изображённая на рельефах надгробных плит рюгенских князей конца XII — начала XIII в. «держит в руке рог для питья, известный как основной атрибут Святовита». Тем самым «божество и князь, — поясняет Н.А. Ганина, — объединены у поморян одним символом власти». А исходя того, что потомок поморских князей померанский герцог Вартислав V в 1364 г. приказал огромные рога убитого им зубра оправить в серебро и золото, причём один из них «был пожалован церкви в Каммине, “дабы его сохраняли там, как святыню”», а другой остался в роду герцога²¹⁵, видно, что изготовление рогов-ритонов долго бытовало на землях южнобалтийских славян.

Полнейшую абсурдность мнениям учёных-историков с особой силой обычно придаёт, очень сильно возбуждённая их воздействием и потому вовсе не зна-

ющая никаких границ, художественная литература (да и публицистика тоже). Так было, а речь об этом шла, с ультранорманизмом, который, например, выплеснул в 1835 г. на головы российских читателей А.Ф. Вельтман. Точно так обстоит сегодня дело и с «хазароманией» (не мешать с серьёзным подходом к изучению истории хазар и их роли в истории восточных славян) нашей и зарубежной науки, которую подсунул разноязычному читателю в 1990-х гг. бывший наш соотечественник Э. Тополь в своей бойко написанной «Русской диве», густо замешанной на сексе (иначе западному читателю будет скучно) и глумлении над русской историей (тот же читатель с удовольствием будет читать, разгорячённый описанием постельных сцен, что «никаких русов уже давно не существует», они исчезли в X в., оставив скифским племенам только своё имя да позднее династию царей Рюриков: «И всё. Ни языка, ни культуры, ни письменности, ни легенд»).

Тополь, распалив себя своим же воображением (и чем-то ещё), превратил великого русского князя и славянина Святослава Игоревича в норманна по матери и еврея по отцу, коим представлен хазарский царь Иосиф Тогармский, сын Аарона. Свои хазарские сюжеты сей «русист» и «хазаровед» излагает в полном согласии с норманизмом (варяги-русы-свионы пришли с «норвежского севера», Игорь Старый — это «норманн», первая жена Владимира Рогнеда — свионка, Свенельд возглавляет свионскую дружину, взрослеющего Святослава окружают его сверстники — свионские и славянские воины и т. д.) и на фоне цитат из источников — восточных, еврейских и ПВЛ. Но при этом знакомо заверяя, что-бы расчистить поле для своих безбрежных фантазий, что летописи врут, потому как ангажированные летописцы сочиняли по заказу своих владык. «Правда» же Тополя заключается в том, что хазарский полководец Песах, разгромив русов на подходе к Киеву, взял в плен 60-летнего великого русского князя Игоря, не способного уже быть отцом. Его жена, «нордически-холодная» 17-летняя Ольга, была отдана на ночь 15-летнему царевичу Иосифу, после чего понесла, родив в положенный срок Святослава. Став царём, Иосиф, которому было подчинено полмира (от Днепра до Аральского моря) и который всю жизнь вспоминал ночь, проведённую с Ольгой, щадил Русь и не совершал на неё походов. Но Святослав разгромил великое/огромное Хазарское царство и в единоборстве убил Иосифа, пред смертью распознавшего в нём своего сына²¹⁶.

Вот в таком виде Тополь представил массовому читателю, без раздумий потребляющему подобное чтиво, русскую историю второй половины X в. и вывел на её авансцену небывалого русского князя Святослава Иосифовича. Понятно, что все эти выдумки лежат на его совести, на фальсификации прошлого, зарабатывающего звонкую монету. Но вместе с тем до таких «хазарских открытий» он никогда бы — будь по паспорту хоть трижды Эдуардом Хаимовичем Топельбергом, живущим теперь в Израиле, — не додумался без помощи наших и заморских «хазароманов», которые следуют надуманным концепциям и политическим пристрастиям, не осознавая при этом ответственности за свои слова.

Эту ответственность перед прошлым, следовательно, будущим, не осознают ультранорманисты и в первую очередь археологи, задающие тональность разговора в нашей науке (и зарубежной тоже) о начале Руси. Но порой про-

говариваются (слово не воробей) о причине своих видений, т. е. о цене своей «взвешенности», «объективности» и «научности». Осенью 2010 г. из уст петербургских археологов прозвучало (А.Н. Кирпичников сказал, а его слова С.В. Белецкий поспешил разнести по Интернету), что мы «неизлечимо больны норманизмом» (по неуклюжему объяснению Л.С. Клейна, Кирпичников «отмочил эту хохму» на чаепитии в ИИМК РАН, но её не понял Фомин. Каюсь, конечно, но я не присутствовал на этом весёленьком сборище)²¹⁷.

А ведь тот диагноз, который Кирпичников поставил себе и своим коллегам, представляет собой как раз тот случай, когда надлежит с ним согласиться. Потому как эта неизлечимая болезнь, всё более обостряясь, порождает самые бредовые фантазии по поводу истории Руси, превращающие её, по оценке С.А. Гедеонова, в «истукана с норманскою головою и славянским туловищем» и категорично преподносимые самозванным «академическим сообществом» в качестве незыблемых «научных истин», типа Хельг-Хререкр=Святослав, «Скандовизантия» и «Восточно-Европейская Нормандия». Но этому «истукану» уже «неизлечимо больные хазароманией» давно пытаются дополнительно приписать какой-то «хазарский» («иудейский»?) орган. Результаты таких попыток лаконично выразил в 2003 г. А.Г. Кузьмин: «Хазарская тема в нашей литературе запутана примерно так же, как и норманская, т.е. прямые показания источников отвергаются, а на смену им привносятся домыслы и вымыслы»²¹⁸.

Примечания

- ¹ Мусин А.Е. Дорога... С. 46–47.
- ² Макаров Н.А., Леонтьев А.Е. Указ. соч. С. 8–9.
- ³ Клейн Л.С. Воскрешение... С. 140, 172–173; Каинов С., Фёдоров О. Древнерусский... С. 7, 11.
- ⁴ Андросчук Ф.А. Скандинавские... С. 7–11, 15, 17, 19–22, 26–34, 44–47.
- ⁵ ЛЛ. С. 46.
- ⁶ Корзухина Г.Ф. Новые... С. 305–313; Еремеев И.И. Волок... С. 98–120.
- ⁷ Комар А.В. К дискуссии... С. 136.
- ⁸ Носов Е.Н. Тридцать... С. 28–30; *его же*. Городище. С. 138; *его же*. Откуда... С. 10; *его же*. Новгородская... С. 101–109, 114–119; *его же*. У истоков Руси... С. 42–43; *его же*. Городище... С. 197–199; Носов Е.Н., Смирнов А.В., Смирнов А.М., Юшкова М.А. Указ. соч. С. 72–74; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 28–32; Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Смирнов А.В. Указ. соч. С. 47–48; Носов Е.Н., Смирнов А.В., Медведев М.В. Указ. соч. С. 21, 44, 54, 80, 88; Носов Е.Н., Смирнов А.В. Рюриково... С. 133–135; Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 457–458.
- ⁹ Кирпичников А.Н. Творческий... С. 12; Lind J. Op. cit. С. 220.
- ¹⁰ Елифёрова М.В. Указ. соч. С. 87–92. См. также: Грот Л.П. Рюриково... С. 21–38.
- ¹¹ Исламова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В. Указ. соч. С. 72–77.
- ¹² Петрухин В.Я. Начало... С. 211–214; *его же*. Призвание... С. 43–44; *его же*. Легенда... (2008). С. 44; *его же*. Дохристианские... С. 41, 59–66, 70, 73; *его же*. О скандинавских... С. 497–498, 501; *его же*. Русь... С. 9, 57, 62, 68–99, 102, 104, 112–120, 172, 175, 235, 264–269, 272; *его же*. Русь в IX.... С. 82, 120, 144–149, 160–161, 167, 182, 190, 194–196, 201–204, 224, 231, 238–239, 242, 252, 263–266, 269, 280, 296–323, 344, 395; Петрухин В.Я., Толстая С.М. Указ. соч. С. 326, коммент. X; Джаксон Т.Н. AUSTR... С. 64–65.
- ¹³ Археология: Учебник. С. 464–467; Дернович С.Д. Указ. соч. С. 3–42, 55–65.
- ¹⁴ Коваленко В.П., Моця А.П. Викинг... С. 40–43; *их же*. Шестовица. С. 100–101.
- ¹⁵ Яковлева Е.А. Камерное погребение X в... С. 66–78; *её же*. Камерные... С. 421; *её же*. Камерное погребение 3... С. 107; Михайлов А.В. Указ. соч. С. 79–87; Михайлов А.В., Салмин С.А. Указ. соч. С. 493–496.
- ¹⁶ Мусин А.Е. Дорога... С. 45–55.
- ¹⁷ Янин В.Л. О начале... С. 208–210; Мурашёва В.В. В поисках... С. 110–111.
- ¹⁸ Кулаков В.И. Юго... С. 166, 169–170; Михайлов К.А. Погребальные... С. 183; Диктофонная... С. 590–591.
- ¹⁹ Томсен В. Указ. соч. С. 87, прим. 16; Шахматов А.А. Древнейшие... С. 52, прим. 1; Кулешов В.С. Указ. соч. С. 441–459; Диктофонная... С. 611–615, 621–622, 627.
- ²⁰ Мачинский Д.А. Некоторые... С. 464–468, 483–527, 530–531; *его же*. Второе... С. 149–173.
- ²¹ Зорин А.В., Шпилев А.Г. Указ. соч. С. 384–410; Щавелёв А.С., Фетисов А.А. Указ. соч. С. 315–317.
- ²² Сагайдак М.А. Указ. соч. С. 86–87, 90, 93, 95–98, 102–108.
- ²³ Ениосова Н.В., Сарычева Т.Г. Указ. соч. С. 269.
- ²⁴ Мурашёва В.В. Супрутский... С. 35–39; Петрухин В.Я. Русь... С. 62; Щавелёв А.С., Фетисов А.А. Указ. соч. С. 299–300, 314, прим. 109.
- ²⁵ Мурашёва В.В. Путь... С. 174–179; *её же*. Славяне... С. 36, 39; *её же*. Скандинавские... С. 103–105.
- ²⁶ См., напр.: Кирпичников А.Н. Ладожская... С. 39; *его же*. Из Старой... С. 13–14; *его же*. Обстоятельства... С. 74; *его же*. Государственной... С. 24; *его же*. К 1150... С. 16–18; *его же*. Исторические... С. 81–84.
- ²⁷ Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 69–70, 72, 75–76, 80–92.
- ²⁸ Клейн Л.С. Спор... С. 8, 218, 226, 231.

- ²⁹ Джаксон Т.Н. Суздаль... С. 227–229; *её же*. Древнерусские... С. 71–72; *её же*. Наименование... С. 93; *её же*. Древнескандинавская... С. 53; *её же*. Исландские... (1993). С. 255; *её же*. Исландские... (2000). С. 287; *её же*. AUSTR... С. 141–155, 157.
- ³⁰ Клейн Л.С. Спор... С. 76, 208, 226; *его же*. Из кладов... С. 18; *его же*. Трудно... С. 136, 660; *его же*. Русь... С. 283–286.
- ³¹ Михайлов К.А. Анализ... С. 281.
- ³² Макаров Н.А. Кладовая... С. 17–22.
- ³³ Макаров Н.А. Предисловие. С. 7–8.
- ³⁴ Носов Е.Н. Новгородская... С. 101–109, 114–119; Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Указ. соч. С. 384–385, 394.
- ³⁵ Лопатин Н.В. Изборск. С. 133, 136–137; *его же*. К этнографии... С. 286–292; *его же*. Изборск... С. 124–139.
- ³⁶ Яковлева Е.А., Салмина Е.В., Королёва Э.В. Указ. соч. С. 146, 149–151, 159; Леонтьев А.Е. На берегах... С. 170–171, 176.
- ³⁷ Недошвина Н.Г., Зозуля С.С. Указ. соч. С. 179–180, 183–184, 187–191, 193; Назарова Е.Л. Указ. соч. С. 243.
- ³⁸ Янсон И., Тегнер Ё., Панова Т. Указ. соч. С. 26; Макаров Н.А. Суздальское... С. 200, 211.
- ³⁹ Захаров С.Д. Белоозеро. С. 213–219, 221, 231–239; *его же*. Белоозеро... С. 169.
- ⁴⁰ Urbaińczyk P. Op. cit. С. 231; Фомин В.В. Фальсификация истории... С. 4–21; Аксёнова Г.В. Указ. соч. С. 22–36.
- ⁴¹ Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н.В. Указ. соч. С. 243, 246–248, 255–261, 264–267, 270–273.
- ⁴² Еремеев И.И. Полоцкая... С. 277–282, 288–290, 295–297; *его же*. Древности... С. 62.
- ⁴³ Комар А.В. Киев... С. 303, 323, 325, 330–331; *его же*. Чернигов... С. 343, 354, 357–365.
- ⁴⁴ Макаров Н.А. Исторические... С. 454–457.
- ⁴⁵ Макаров Н.А. Кладовая... С. 21.
- ⁴⁶ Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л. Начало... (2013). С. 496, 499, 501–502, 506; *то же* (2014). С. 17, 19, 22, 25, 27, 33–35.
- ⁴⁷ Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Указ. соч. С. 256–260, 263, 266.
- ⁴⁸ Геденов С.А. Указ. соч. С. 92; Мусин А.Е. Скандинавское... С. 555–602; *его же*. Отроки... С. 22, 24; *его же*. Столетняя... С. 235–237.
- ⁴⁹ Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские... С. 24–38; Ясновська Л.В. Указ. соч. С. 131.
- ⁵⁰ Комар А.В., Хамайко Н.В. Указ. соч. С. 188–197.
- ⁵¹ Плавинский Н.А. Указ. соч. С. 218–221.
- ⁵² Щавелёв С.П. 1150. С. 15, 18–24; *его же*. Дань... Кн. 1. С. 89–99.
- ⁵³ Кирпичников А.Н. Ладога. С. 441; *его же*. Сложение... С. 74–76.
- ⁵⁴ Янсон И. Скандинавские... С. 36; Еремеев И.И. Исследования... (2005). С. 30; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 30–31; Носов Е.Н. Тридцать... С. 32–36; Михайлов К.А. Анализ... С. 283–285.
- ⁵⁵ Диктофонная... С. 569–571, 587; Лесман Ю.М. Скандинавский... С. 43–93.
- ⁵⁶ Адам Бременский. Указ. соч. IV, 14, 19; Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Указ. соч. С. 249; Клейн Л.С. Ещё... С. 338–342; *его же*. Фо па... С. 651, 654–657.
- ⁵⁷ Фетисов А.А. Формирование... С. 280–281; *его же*. К дискуссии... С. 179–182.
- ⁵⁸ Лопатин Н.В. Изборск. С. 129–132, 138; Михайлов К.А. Элитарный... С. 169–180.
- ⁵⁹ Мильев П.А. Указ. соч. С. 226; Петрухин В.Я. Викинги на Западе... С. 64.
- ⁶⁰ Булкин В.А., Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 15–17; Седов В.В. Славяне в раннем... С. 58.
- ⁶¹ Каинов С.Ю. Погребения... С. 212, 229–234, 237–238; *его же*. Сложение... С. 7, 10–11, 19–22.
- ⁶² Петрухин В.Я. Русь христианская... С. 84, 115, 132–152, 164, 254–256, 325, 463, 468.
- ⁶³ Браун Ф.А. Варяги... С. 332, прим. *; Шинаков Е.А. Образование... (2009). С. 127–129; Щавелёв А.С., Фетисов А.А. Указ. соч. С. 288–289.
- ⁶⁴ Воронятов С.В. Указ. соч. С. 230–240.
- ⁶⁵ Щавелёв А.С. Русы... С. 112, 114; *его же*. К датировке... С. 533–536; Щавелёв А.С., Фетисов А.А. Указ. соч. С. 278–287, 291, 295–303, 306–317.

- ⁶⁶ Толочко П.П. В поисках... С. 46; *его же*. Ранняя... С. 42.
- ⁶⁷ Васильев В.Л. Новгородская... С. 300–308; Джаксон Т.Н. Восточноевропейские... С. 126.
- ⁶⁸ Младшая Эдда. С. 169; Мельникова Е.А. Эпоха... С. 410–417.
- ⁶⁹ Мельникова Е.А. Рюрик... (2008). С. 60–68, 72–75; *её же*. Олгъ... С. 138–146; *её же*. Сказания... С. 118–122, 127–128; *её же*. Возникновение... С. 89–100; *её же*. Укрощение... С. 23–26; *её же*. Ренессанс... (2009). № 5. С. 57; *её же*. Князь... С. 142–147; *её же*. К предыстории... С. 185–186, 188, 194–195, прим. 13; *её же*. О юридическом... С. 387–388; *её же*. Скандинавы в процессах... С. 50; *её же*. ...И Рюрика... С. 30–36; *её же*. Норманны... С. 24–38; *её же*. Две... С. 49–66; *её же*. Балтийско-Волжский путь. С. 49–50; *её же*. Варяги (2014). С. 102–103; *её же*. Норвегия. С. 559; *её же*. Сказание... С. 744; *её же*. Англия... С. 9–10, 14; *её же*. Эпоха... С. 431, 437, 440–441; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 231–232.
- ⁷⁰ Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско... (1978). С. 64; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 248–252, 317–325.
- ⁷¹ Погодин М.П. Древняя... Т. I. С. 113; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор... С. 41–45, 52–53, 59, 257; *их же*. Панегирические... С. 172–187; *их же*. Не хочу... С. 117–118.
- ⁷² Милютенко Н.И. Святой... С. 291–292, 381–384, 390, 396.
- ⁷³ ДРЗИ. 2013. С. 493.
- ⁷⁴ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала... С. 2, 5–71, 141–150, 153, 165–171.
- ⁷⁵ Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной... С. 67, 70–81.
- ⁷⁶ Головинёв А.В. Северная... С. 477–482; *его же*. Исторический... С. 314–315.
- ⁷⁷ Истрин В.М. Хроника... Т. I. С. 567; Фасмер М. Указ. соч. Т. III. С. 637–638; *его же*. Указ. соч. Т. IV. С. 47; Кузьмин А.Г. Начальные... (1977). С. 226–247; Мельникова Е.А. Скандинавские рунические... (1977). С. 50–52; *её же*. Скандинавские рунические... (2001). С. 282–283; Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 318; Минакова Э.А. Князь... С. 4–6, 9, 12, 17, 21–22, 25, 30–32, 36–37, 46–55, 61–75, 80–84, 89–92, 95, 105–141, 147–174, 179–201, 207–211, 219–329, 333–334, 340, 347–354, 358–362; *её же*. Русь... С. 5–6, 15, 17, 21, 24, 31, 35–38, 47–55, 58–81, 88, 102–107, 113, 119–137.
- ⁷⁸ Перхавко В.Б. Первые... С. 34–38, 40, 49, 51, 54, 59; *его же*. По пути... С. 10–15; *его же*. Древнерусское... С. 199–200; Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной... С. 69, прим. 21.
- ⁷⁹ Введенский А.М. Указ. соч. С. 924–926; Свердлов М.Б. Норманская... С. 361–363.
- ⁸⁰ Шувалов П.В. Указ. соч. С. 76, 85; Цукерман К. Перестройка... С. 348–351.
- ⁸¹ ЛЛ. С. 144; Веселовский С.Б. Исследования... С. 43; Мельникова Е.А. Историзация... С. 208; Михеев С.М. Варяжские... С. 27–29, 32; Щавелёв А.С. Якун. С. 915.
- ⁸² Байер Г.З. О варягах. С. 351–352; Карамзин Н.М. История... Т. II–III. Прим. 27 к т. II; Погодин М.П. Древняя... Т. I. С. 90; Шахматов А.А. Разыскания... С. 646; Пауто В.Т. Внешняя... С. 27–28; Бочков В.Н. Указ. соч. С. 78; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 263.
- ⁸³ ДРЗИ. Т. III. С. 66, коммент. 17 на с. 70, коммент. 22 на с. 71, коммент. 33 на с. 73, коммент. 42 на с. 76, коммент. 12 на с. 113.
- ⁸⁴ ДРЗИ. Т. II. Коммент. 5 на с. 161, коммент. 4–6 на с. 162, коммент. 5 на с. 163, коммент. 1–2 на с. 164; Коваленко Г.М. Русские... С. 11.
- ⁸⁵ Кучкин В.А. Был... С. 192, 194–196; Михеев С.М. Легенда... С. 169–179.
- ⁸⁶ Пчелов Е.В. Был... С. 97–109; *его же*. Рюрик. С. 5–7, 25–27, 46, 51–56, 68, 72–89, 100, 111–156, 177–178, 208–211, 225, 234, 240, 245, 291; *его же*. Рюрик... С. 4–8, 14–15, 26–27, 45–52.
- ⁸⁷ Толочко П.П. Ранняя... С. 184.
- ⁸⁸ Соколов С.В. Концепция... (2011, автореферат). С. 3–30; *его же*. Концепция... (2015); Дятяткин Д., Тихонов В. Указ. соч. С. 221.
- ⁸⁹ Нефёдкин А.К. Указ. соч. С. 85, 91; Щендрыгин А.Н., Пенской В.В. Указ. соч. С. 124–130.
- ⁹⁰ Карпов С.П. Указ. соч. С. 6; Назаренко А.В. Русь IX века. С. 16, прим. 8; Селин А.А. Куда... С. 74.
- ⁹¹ Стефанович П.С. Бояре... С. 354–356, 393–394, 436, 438, 440; *его же*. Сказание... С. 540, 549, 567, 569; Берелович А. Указ. соч. С. 12.
- ⁹² Вовина-Лебедева В.Г. История... С. 58–74, 76, 79; Рубаник В.Е. Указ. соч. С. 24–25.
- ⁹³ Щавелёв А.С. Русы... С. 112–121.

- ⁹⁴ Древняя Русь в средневековом мире. С. 22, 44–45, 65, 121, 188, 198, 215, 249–250, 289, 313, 367, 441, 474, 553, 575, 615–616, 634, 657, 686, 808, 845, 875, 894–895, 915.
- ⁹⁵ *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 315, коммент. 17; *Дорофеева Т.С., Стеблин-Каменская С.И.* Указ. соч. С. 159–160; Древняя Русь в средневековом мире. С. 49–50, 69, 102–104, 121, 245–246, 256–259, 313, 405–406, 559–561, 571–572, 665–668, 681, 695, 700–703, 716–717, 721, 744, 856, 891.
- ⁹⁶ *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 134–135; *Мельников Г.П.* [Рец.] Древняя... С. 111–114; *Боровков Д.А.* Указ. соч. С. 114–116; *Пчелов Е.В.* [Рец.] Древняя... С. 169–171.
- ⁹⁷ ЛЛ. С. 22; *Войтович Л.В.* Рюрик. С. 117–121; *его же.* Викинги... (I). С. 3–11; *его же.* Викинги... (II). С. 3–9; *его же.* Рюрик... С. 8, 10–26; *Хейвуд Д.* Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁸ *Самонова М.Н.* Скандинавы... С. 16–29; *её же.* Скандинавский... С. 228–233.
- ⁹⁹ *Роменский А.А.* Указ. соч. С. 16, 89–93, 99, 106–108, 145–146, 154–158, 199–200, 213, 236, 242.
- ¹⁰⁰ *Чернов А.Ю.* Указ. соч. С. 60–68; Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова. Коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. С. 201–220, 236–237, 241–259, 264–265, 270–271, 278–283, 323–324, 469–475 и др.; *Николаев С.Л.* Указ. соч. С. 398–418, 429–430.
- ¹⁰¹ *Арбман Х.* Указ. соч.; *Франклин С.* Письменность... С. 165, 199–200, 205–206, 213, 217; *Гонно П., Лавров А.С.* Указ. соч. С. 9, 15, 18–20, 24–56, 59, 66, 691–692, прим. 30 на с. 536.
- ¹⁰² *Хейвуд Д.* Указ. соч. С. 13, 95–97, 102, 110, 137, 140–141, 153–159, 226–265, 275.
- ¹⁰³ *Буайе Р.* Указ. соч. С. 13–14, 111–119, 130–131, 138, 140, 154–166, 190–195, 222–238, 287.
- ¹⁰⁴ *Стефанович П.С.* Сказание... С. 528.
- ¹⁰⁵ *Бодуан П.* Указ. соч. С. 224.
- ¹⁰⁶ *Грот Л.П.* Варини... С. 78–79; *её же.* О Рослагене... С. 433–434.
- ¹⁰⁷ *Бодуан П.* Указ. соч. С. 231.
- ¹⁰⁸ *Даркевич В.П.* Происхождение ... С. 50; *его же.* Цивилизация... С. 15, 29–30, 32, 35–36.
- ¹⁰⁹ *Мачинский Д.А.* Эпоха... С. 137; *Клейн Л.С.* Норманизм... С. 91–101; *Носов Е.Н.* Современные... С. 161; *его же.* Послесловие. С. 356.
- ¹¹⁰ *Дворниченко А.Ю.* Г.Ф. Миллер... С. 16; *его же.* Российская... С. 86–87, 106.
- ¹¹¹ *Мурашёва В.В.* Путь... С. 174–175, 179; *её же.* Славяне... С. 36; *Воронятов С.В.* Указ. соч. С. 221, прим. 1.
- ¹¹² *Мельникова Е.А.* Ренессанс... (2009). № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57; то же (2011). С. 67–84; *её же.* Европейский... С. 240, прим. 1.
- ¹¹³ ЛЛ. С. 19; *Мельникова Е.А.* Возникновение... С. 89.
- ¹¹⁴ *Щавелёв С.П.* 1150. С. 13, 18–20; *его же.* Дань... Кн. 1. С. 92–94.
- ¹¹⁵ *Петрухин В.Я.* Древняя и удельная... С. 71–74.
- ¹¹⁶ *Савельев А.* Указ. соч. С. 3; *Мельникова Е.А.* Сокровищница... С. 10–18.
- ¹¹⁷ *Пчелов Е.В.* История... С. 36–41; *Пчелов Е.В., Лукин П.В.* Указ. соч. С. 37.
- ¹¹⁸ *Черникова Т.В., Чиликин К.П.* Указ. соч. С. 38–39, 41–42, 45 (карта).
- ¹¹⁹ dzen.ru/a/ZUZbf1mlc2ikQ6Q0.
- ¹²⁰ *Адам Бременский.* Указ. соч. II, 22.
- ¹²¹ *Горский А.А.* [Рец.] Franklin S... С. 194–200; *его же.* Русь. С. 37–53; *его же.* Русь «от рода... С. 57–58; *его же.* К спорам... С. 171–174; *его же.* Начало... С. 15–18; *его же.* В дыму... С. 175–184; *его же.* Первое... С. 8–11, 15, 29–32, 41, 47–48, 59, 64, 74–112; *его же.* Приглашение... С. 9–10, 13, 15–22; *его же.* Возникновение... С. 25–30; *Клёсов А.А., Грот Л.П.* Указ. соч. С. 342.
- ¹²² *Котляр Н.Ф.* Начало... С. 73.
- ¹²³ *Горский А.А.* Русь. С. 44–47; *его же.* В дыму... С. 180; *его же.* Первое... С. 60–62.
- ¹²⁴ *Горский А.А.* Русь. С. 38–39; *его же.* К вопросу... С. 87–90, прим. 43 и 45 на с. 93, *его же.* В дыму... С. 180.
- ¹²⁵ *Петров А.В.* К обсуждению... С. 173, 181–185; *его же.* Ярослав... С. 69, прим. 1 и 13 на с. 70; *его же.* Владимир... С. 11–12, 14–16, 25.

- ¹²⁶ Романчук А.А. Варяго... С. 283–299; *его же*. Варяго... (полная версия). С. 73–131; *его же*. Спор о древненовгородском диалекте. С. 401–404; *его же*. Спор о древненовгородском диалекте... С. 345–354.
- ¹²⁷ Мусин А.Е. Столетняя... С. 223–228, 232–237.
- ¹²⁸ Фомин В.В. Скандинавы... С. 180–187; *его же*. Кривые... С. 111; *его же*. Научное... С. 6–7.
- ¹²⁹ Литаврин Г.Г. Византия... С. 19.
- ¹³⁰ См., напр.: Ващенко Э.Д. Указ. соч. С. 126; Исакова Л.В. Густав Эверс о роли... С. 52–54; *её же*. Густав Эверс и его концепция... (автореферат). С. 10, 21. Весьма странно, конечно, что в 1990 г. А.П. Новосельцев в своём очерке по историографии хазар совершенно не упомянул имя Эверса (Новосельцев А.П. Хазарское... С. 45–46).
- ¹³¹ Шлёцер А.Л. Представление... С. 186; *его же*. Нестор. Ч. I. С. 242–243; Миллер Г.Ф. О народах... С. 82; Погдин М.П. Г. Гедеонов... С. 199; Дополнения А.А. Куника. С. 396.
- ¹³² Ключевский В.О. Русская... Т. I. С. 143–144; *его же*. История... С. 37; Шахматов А.А. Сказание... С. 55, 60; Нидерле Л. Указ. соч. С. 181; Любавский М.К. Древняя... С. 95–98, 156–157; Новосельцев А.П. Хазарское... С. 46.
- ¹³³ Березовец Д.Т. Указ. соч. С. 196; Галкина Е.С. Тайны... С. 144.
- ¹³⁴ Бороздин И.Н. Указ. соч. С. 281–282; Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 43.
- ¹³⁵ Шахматов А.А. Древнейшие... С. 53; Спицын А.А. Археология... С. 10; Пархоменко В.А. У истоков... С. 39–40; Браун Ф.А. Варяги... С. 304–305, 309.
- ¹³⁶ Барац Г.М. Собрание... С. 161, 167–173.
- ¹³⁷ Петрухин В.Я. Русь христианская... С. 255.
- ¹³⁸ Вернадский Г.В. Начертание... С. 57; *его же*. Опыт... С. 181; *его же*. Древняя... С. 336–337; Мошин В.А. Начало... Svarek 2. С. 297.
- ¹³⁹ Шушарин В.П. Указ. соч. С. 59–60, 267.
- ¹⁴⁰ Новосельцев А.П. Хазарское... С. 53.
- ¹⁴¹ Мавродин В.В. Образование... (1945). С. 177–195; Толстов С.П. Из предыстории... С. 56.
- ¹⁴² ПВЛ. Ч. 2. С. 150, 180.
- ¹⁴³ Славяне и Русь. С. 459–460; Кузьмин А.Г. Пути... С. 24; *его же*. История... Кн. 1. С. 183; *его же*. Начало Руси. С. 341–342; *его же*. Облик... С. 234, 240, 253, прим. 68; Фомин В.В. Скандинавы... С. 180–187; *его же*. Кривые... С. 109–111; *его же*. Древнерусские... С. 191–192; *его же*. Ошибки... С. 38–73; *его же*. Научное... С. 3–9; Диктофонная... С. 577.
- ¹⁴⁴ ЛЛ. С. 53; ПСРЛ. Т. I (1997). Стб. 54; Повесть временных лет (2016). С. 91–92. О толковании в науке термина «соборная церковь» см.: Фомин В.В. Христианство... С. 232–233.
- ¹⁴⁵ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. III. С. 191; Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 117, прим. 359; Погдин М.П. Древняя... Т. I. С. 36; Соловьёв С.М. История... Кн. 1. С. 112.
- ¹⁴⁶ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 424.
- ¹⁴⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 39, 236.
- ¹⁴⁸ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 104.
- ¹⁴⁹ См., напр.: Stender-Petersen A. Varangica. S. 65, 67, 69, 117–119; Latvakangas A. Riksgrundarna. S. 13, not. 5; Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 144; Франклин С. Письменность... С. 11, 58, 66, 159; Цукерман К. Два... С. 67; и др.
- ¹⁵⁰ Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 459–460.
- ¹⁵¹ Минакова Э.А. Князь... С. 91–92, 224, 355–357; *её же*. Русь... С. 37, 53–54, 65–66, 103–104.
- ¹⁵² ПВЛ Ч. 2. С. 150, 187, 203, прим. 1.
- ¹⁵³ [Шлёцер А.Л.] Предисловие. С. 23–25, 32–33; Русская летопись по Никоновскому списку. С. 5об., 7об. - 8об; Шлёцер А.Л. Опыт... С. 331; Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 402–404, 407–408; ч. III. С. 191.
- ¹⁵⁴ Лихачёв Д.С. Текстология. С. 56, 124, 141.
- ¹⁵⁵ Барац Г.М. Критико... С. 56, 250; *его же*. Собрание... С. 174–177; Кузьмин А.Г. Начало Руси. С. 341.
- ¹⁵⁶ Шахматов А.А. Повесть... С. LVIII, LXVI, 61; ПВЛ Ч. 2. С. 150.
- ¹⁵⁷ Мансикка В.Й. Указ. соч. С. 73.
- ¹⁵⁸ ПВЛ Ч. 2. С. 184–186, 191–192 и др.

- ¹⁵⁹ ДРЗИ. Т. III. С. 196.
- ¹⁶⁰ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е исправл. и дополн. / Подгот. М.Б. Свердлов (1996). С. 26, 163; то же (1999). С. 26, 163; *Свердлов М.Б.* Дополнения. С. 585.
- ¹⁶¹ *Петрухин В.Я.* Комментарии (1997). С. 213, коммент. ** к с. 79; *его же.* Русь в IX... С. 123, прим. 87.
- ¹⁶² Повесть временных лет / Подгот. текста и ком. О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачёва. С. 68–69; Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачёва. С. 43.
- ¹⁶³ *Миллер Г.Ф.* Разговор... С. 84.
- ¹⁶⁴ *Новосельцев А.П.* Хазарское... С. 54; *Исакова Л.В.* Густав Эверс и его концепция... (диссертация). С. 137–139.
- ¹⁶⁵ *Новосельцев А.П.* Хазарское... С. 51, 54–56, 60–62; *Галкина Е.С.* Тайны... С. 147–156; *Сидоренко Т.Е.* Указ. соч. С. 4–6, 8, 11–23.
- ¹⁶⁶ *Афанасьев Г.Е.* Указ. соч. С. 43–54.
- ¹⁶⁷ *Аксёнов В.С.* Указ. соч. С. 73–78; *Беззаконов С.Н., Жих М.И.* Хакан... С. 17, 23–24, 28, 40.
- ¹⁶⁸ *Галкина Е.С.* Тайны... С. 30–33, 143–191.
- ¹⁶⁹ *Лелеков Л.А.* Указ. соч. С. 120–123; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 257.
- ¹⁷⁰ Хрестоматия... С. 103; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 36, 64–66, 70–80, 82, 86–96; *Замечания О. Прицака*... С. 225; *Лурье Я.С.* Россия... С. 84; *Цукерман К.* Два... С. 58; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. С. 257. См. иную трактовку этимологии термина «Пасынча» в кн.: *Етимологичний словник літописних*... С. 97.
- ¹⁷¹ *Архипов А.А.* Указ. соч. С. 224–240.
- ¹⁷² *Топоров В.Н.* Язык... С. 10, прим. 11; *его же.* Об иранском... С. 26–38, прим. 13 на с. 53, прим. 19, 25 и 27 на с. 54; *его же.* Еврейский... С. 35–38; *его же.* Святость... С. 285–287, 340–350, 512–526.
- ¹⁷³ *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 119–120, 144–146, 247; *Скрынников Р.Г.* Древняя... С. 6; *его же.* Русь... С. 33, 35, 37–40, 43; *его же.* Крест... С. 15–17.
- ¹⁷⁴ *Флёров В.С.* Указ. соч. С. 233.
- ¹⁷⁵ *Цукерман К.* Два... С. 72.
- ¹⁷⁶ *Азов А.В.* Указ. соч. С. 129.
- ¹⁷⁷ *Кляшторный С.Г.* Указ. соч. С. 203–207; *Диктофонная*... С. 574–575.
- ¹⁷⁸ *Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Указ. соч. С. 385, 390, 395, 400–401, 403–404.
- ¹⁷⁹ *Гонно П., Лавров А.С.* Указ. соч. С. 23, 50–51.
- ¹⁸⁰ *Кудрякова Е.Б.* Надуманная... С. 197–199; *Мельникова Е.А.* Историзация... С. 201–209; *Новосельцев А.П.* Древнейшие... С. 96, 101; *его же.* Некоторые... С. 38–39; *его же.* Хазарское... С. 62; *Толочко П.П.* Спорные... С. 104–108.
- ¹⁸¹ *Трубачёв О.Н.* Этногенез... С. 133–136, карта 6; *его же.* В поисках... С. 38–55; *Толочко П.П.* Миф... С. 38–42; *его же.* Ранняя... С. 27–37, 60–67; *Кузьмин А.Г.* История... Кн. 1. С. 163.
- ¹⁸² *Комар А.В.* Исторические... С. 207–218; *его же.* К дискуссии... С. 119–120, 135–136; *его же.* Киев... С. 301–303, 315; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне... С. 384–389.
- ¹⁸³ *Трубачёв О.Н.* Этногенез... С. 132–133, прим. *. *его же.* В поисках... С. 43–44, 51; *Васильев М.А.* Указ. соч. С. 12, 15–20; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне... С. 362, прим. 56 и 58 на с. 386.
- ¹⁸⁴ *Флёров В.С.* Указ. соч. С. 233–234; *Толочко П.П.* Миф... С. 38; *его же.* Ранняя... С. 27–28; *Горский А.А.* Первое... С. 76, 80.
- ¹⁸⁵ *Миллер Г.Ф.* О происхождении... С. 374; *Карамзин Н.М.* История... Т. I. Прим. 71.
- ¹⁸⁶ *Гумилёв Л.Н.* Указ. соч. С. 7, 10, 20–24, 27, 38, 77–82, 87–88, 92–100, 104–105, 108, 114–120, 122–146.
- ¹⁸⁷ *Кожин В.В.* Указ. соч. № 9. С. 154–164; № 10. С. 173–176, 180, 182–187; № 11. С. 161–166, 169–179; № 12. С. 167–181.
- ¹⁸⁸ *Кузьмин А.Г.* Хазарские... С. 231–252.
- ¹⁸⁹ *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 16; *Мельникова Е.А.* Норманская... С. 561.
- ¹⁹⁰ *Литаврин Г.Г.* Византия... С. 14, 18–21; *Коновалова И.Г.* О возможных... С. 124.

- ¹⁹¹ Галкина Е.С., Колинченко Ю.В. К истокам... С. 77–78; *их же*. О современном... С. 58.
- ¹⁹² Петрухин В.Я. Начало... С. 220–221; *его же*. Комментарии (1997). Комментар. * к с. 36 на с. 201, коммент. * к с. 42 на с. 202, коммент. *** к с. 64 на с. 207, коммент. ** к с. 75 на с. 210, коммент. * и ***** к с. 78 на с. 212, коммент. ** к с. 89 на с. 214, коммент. ** к с. 96 на с. 217; *его же*. Древняя Русь. С. 282; *его же*. Русь христианская... С. 66, 83–89, прим. 3 на с. 61.
- ¹⁹³ Седов В.В. Восточные... С. 253–254; Рыбаков Б.А. Язычество... С. 310–311; Петрухин В.Я. Варяги и хазары... С. 68–82; *его же*. Славяне, варяги... С. 120–122; *его же*. Начало... С. 85–88, 97–101, 107–108, 114–115, 170–194, 220–221, 232; *его же*. Комментарии (1997). Комментар. * к с. 75 и к с. 76 на с. 210; *его же*. Путь... (1998). С. 129; *его же*. Древняя Русь. С. 24, 37, 49, 67–68, 146, 149–151, 163, 173, 183, 186–189, 258–259; *его же*. Русь и Хазария. С. 210–212; *его же*. Русь... С. 113–118, 124, 196; *его же*. Кто... С. 27; *его же*. Русь в IX... С. 70, 107–109, 129, 171, 192, 195–196, 203, 225, 239, 241, 281–287, 314–317, 333, 342–344, 367; *его же*. Саркел... С. 216–221; *его же*. Русь христианская... С. 60–71, 84–90, 326, 329; Петрухин В.Я., Равевский Д.С. Указ. соч. С. 200–225, 231, 234–235, 272–301, 332; ДРЗИ. Т. III. С. 177, 182, коммент. 32.
- ¹⁹⁴ Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. О времени... С. 10; Белецкий С.В. Ещё... С. 225; *его же*. Древнейшая... С. 458; Мельникова Е.А. Князь... С. 146. Ср.: Рапов О.М. Знак... С. 62–69; Кулаков В.И. Трезубец... С. 9–18.
- ¹⁹⁵ Дворниченко А.Ю. Зеркала... С. 13–14.
- ¹⁹⁶ Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних... С. 430–431; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне... С. 389, прим. 61; Щавелёв А.С. Кий... С. 382.
- ¹⁹⁷ Петрухин В.Я., Толстая С.М. Указ. соч. С. 304, коммент. VIII.
- ¹⁹⁸ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 257, 311; *его же*. Мифы... С. 407; *его же*. Русь в IX... С. 389; Петрухин В.Я., Толстая С.М. Указ. соч. Комментар. IV на с. 303, коммент. IV на с. 329; Диктофонная... С. 577, 598, 606.
- ¹⁹⁹ ЛЛ. С. 52–53; Се Повести... С. 64.
- ²⁰⁰ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. III. С. 183, 190; Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 117, прим. 358 на с. 266, прим. 359 на с. 267; Макарий (Булгаков М.П.). Указ. соч. Кн. I. С. 308, прим. 492; Шинаков Е.А. Генезис... С. 29; Кистеров С.Н. Указ. соч. С. 147–163. См. также: Спицын Е.Ю. Указ. соч. С. 43.
- ²⁰¹ Корзухина Г.Ф. Турьи... С. 628.
- ²⁰² Соьер П. Указ. соч. С. 95–96; Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 171–179; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 234, 241, 246. Подробно о проблеме интерпретации орнамента на оковках рогов см.: Петрухин В.Я. Начало... С. 172–194; Корзухина Г.Ф. Турьи... С. 620–634; Щеглова О.А. Указ. соч. С. 615–620.
- ²⁰³ Пушкина Т.А. Бронзовый... С. 86–87; Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 49; Петрухин В.Я. Мифы... С. 291; *его же*. Дохристианские... С. 63, 70, прим. 38 на с. 64; *его же*. О скандинавских... С. 498, прим. 4; *его же*. Русь... С. 124, 126, прим. 4 на с. 267; *его же*. Русь в IX... С. 316; Петрухин В.Я., Толстая С.М. Указ. соч. С. 330, коммент. XI.
- ²⁰⁴ Цит. по: Комар А.В. Чернигов... С. 335–336.
- ²⁰⁵ Арциховский А.В. Русская... С. 193–194; Алексеева Т.И. Этногенез... С. 267; *её же*. Антропологическая дифференциация... С. 81; *её же*. Славяне... С. 67; Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско... (1978). S. 78; *их же*. Русско... (1980). С. 31; Кирпичников А.Н. Мечи... С. 189, 192.
- ²⁰⁶ Кондаков Н.П. Указ. соч. С. 32; Седов В.В. Восточные... С. 254; *его же*. Древнерусская... С. 211; Рыбаков Б.А. Язычество... С. 307, 310–314.
- ²⁰⁷ Комар А.В. Чернигов... С. 337, 345.
- ²⁰⁸ См. об этом: Стефанович П.С. Бояре... С. 435, прим. 145.
- ²⁰⁹ Авдусин Д.А. Скандинавские... С. 77; Русанова И.П. Истоки... С. 17, 32, 43 (рис. 51), 44–45; Цветков С.В. Указ. соч. С. 109–110.
- ²¹⁰ Жарнов Ю.Э. Животные... С. 84–85; Петрухин В.Я. Русь... С. 80; *его же*. Русь в IX... С. 186.
- ²¹¹ Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 86.
- ²¹² Зорин А.В., Шпилев А.Г. Указ. соч. С. 385.

²¹³ Русанова И.П. Истоки... С. 44; Михайлов К.А. Элитарный... С. 174.

²¹⁴ Хрестоматия... С. 158.

²¹⁵ Гельмольд. Указ. соч. II, 12; Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 2. 14.39.3; 14.39.5; Ганина Н.А. Мифология... С. 36–37; *её же*. Тайны... С. 70, 73.

²¹⁶ Тополь Э. Указ. соч. С. 6, 163–178, 194–199, 244–253, 393–404, 490–494.

²¹⁷ Клейн Л.С. Фо па... С. 655; <http://durnowo.livejournal.com/112381.html> <http://community.livejournal.com/oldrus/165795.html?thread=2941347#t2941347>

²¹⁸ Кузьмин А.Г. История... Кн. 1. С. 163.

Глава 8

СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

8.1 Норманисты о летописцах как «первых норманистах» и о скандинавском ядре Повести временных лет

В центре внимания исследователей, занимающихся разрешением варяго-русского вопроса, находится Сказание о призвании варягов (или варяжская легенда). Под ним обычно понимают те известия, что помещены в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 862 годом. В неразрывную связь с ними обычно ставят ещё статьи, расположенные в части с 859 по 882 г. включительно, полагая, что они все вместе в первоначальном варианте представляли собой цельный рассказ, позднее разбитый на годы¹. Поэтому начало этого рассказа, возможно, звучало так, как звучит сейчас статья под 859 г.: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери, и на всех кривичех², а козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма»³. Затем следовал текст, что расположен под 862 годом.

В передаче Лаврентьевской летописи он гласит: «Изъгнаша варязи за море, и не даша им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: “поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву”. И идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша руси⁴ чюдь, и словени, и кривичи вси⁵: “земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; до поидете княжит и володети нами”. И изъбрашася 3 брѣтья с роды своими, и пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новогороде⁶, а другий, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборъсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье новогородьци от рода варяжска, преже

бо беша словени. По двюю же лету Синеус умре и брат его Трувор; и прия власть Рюрик, и раздая⁷ мужем своим грады⁸, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новгороде словене, в Полотьсте кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик. И баста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок, и упрошаста и реста: “чий се градок?”. Они же реша: “была суть 3 братья, Кий, Шек, Хорив, иже сделаша градокось, и изгибоша, и мы седим, платяче дань родом их козаром”. Аскольд же и Дир остава в граде семь, и многи варязи съвокуписта, и начаста владети Польскою землёю. Рюрик же княжашу в Новгороде⁹.

Ипатьевская летопись излагает этот же текст практически одинаково с Лаврентьевской, но вместе с тем содержит несколько серьёзных разночтений, которым часть учёных придаёт принципиальное значение¹⁰. В ней, во-первых, «русь» входит в состав разноплемённого посольства («ркоша русь, чюдь, словене»), пригласившего варягов, хотя перед этим говорится, что послы «идоша за море, к варягом, к руси». Во-вторых, Рюрик в Ипатьевской летописи по приходу на Русь в качестве своего опорного пункта выбрал не Новгород: он «придоша к словенем первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейишии в Ладозе Рюрик». И лишь по смерти братьев, «прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту княжа». В-третьих, в летописи после фразы «и от тех варяг прозвася Руская земля» отсутствует комментарий, читаемый в Лаврентьевской о «варяжском» происхождении новгородцев: «новугородьци, ти суть людье новогородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени»¹¹.

Под 866 г. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи ведут речь о походе Аскольда и Дира (или «руси») на Царьград, который защитила сама Богородица¹². Это известие заимствовано из византийской Хроники Георгия Амартола (точнее, её продолжателя), причём имена Дира и Аскольда читаются лишь в древнерусском переводе хроники¹³ (Георгий Амартол довёл свою Хронику, завершённую около 866/67 г., до 864 года. В следующем столетии она была дополнена заимствованиями из Хроники Симеона Логофета и доведена до 978 года. В науке более распространена версия В.М. Истрина, согласно которой её перевод был осуществлён на Руси — в Киеве «в русской книжной среде» — в конце первой половины XI в., где она «стала излюбленной хроникой для древнерусского книжника и сделалась главнейшим источником его сведений по всеобщей истории». Но ряд специалистов считает, что Хроника была переведена в Болгарии в X в.¹⁴).

Далее под 879 г. обе летописи согласно сообщают, что «умершу Рюрикови предасть княжение своё Ольгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце, Игорь, бе бо детеск вельми». Венчало варяжскую легенду повествование, помещённое под 882 г., о походе Олега из Новгорода на Киев «с воя многи, варязи, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи», о захвате им Смоленска, Любеча, о его приходе «к горам х Киевским», о его коварном убийстве Аскольда и Дира, обвинённых в том, что они «неста князя, ни рода княжа», в то время как он сам

«есмь роду княжа» (Игорю во всех этих событиях отведена лишь роль статиста, которого Олег представил как «сын Рюриков»), об овладении Олегом Киевом, который он объявил «мати градом русьским». После чего в летописях сразу же подчёркнуто: «И беша у него варязи и словене и прочи прозвашася Русью». А заканчивалось всё сообщением, что «се же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом»¹⁵.

В ином варианте звучит варяжская легенда в НПЛ (по А.А. Шахматову, она отражает предшествующий ПВЛ Начальный свод 1095 г.), где её начало изложено более пространно, чем в Начальной летописи, но окончание резко свёрнуто. Так, в ней ничего не сказано о варяжской руси. В статье под 854 г. читается: после изгнания никак и в этом случае неуточнённых варягов между словенами, кривичами, мерью и чудью «началась рать велика и усобица», в связи с чем в поисках князя «идоша за море к варягом и ркоша: “земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; до поидете к нам княжить и владеть нами”». Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе старейиши в Новегороде, бе имя ему Рюрик». Но после информации, где расположились Рюрик и его братья, в ней имеется фраза, аналогичная той, что читается в Лаврентьевской летописи: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска». Киев захватывает Игорь, а не Олег, «и беша у него варязи мужи словене, и оттоле прочии прозвашася Русью». Информация же о нападении руси на Царьград без указания имён Аскольда и Дира предваряет собой собственно рассказ о призвании варяжских князей и помещена под тем же 854 годом¹⁶.

Учёные, обращавшиеся к Сказанию о призвании варягов, как правило, рассматривают его в тесной связи и с другими известиями ПВЛ (этнографического введения и датированной её части): «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь. Ляхъве же, и пруси, чюдь председать к морю Варяжскому; по сему же морю седять варязи семо ко въстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волюшски. Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхъва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же приседать от запада к полуденью и съседаться с племянем Хамовым»; с пояснениями, что Понтийское море (Чёрное) «словеть Руское», а «в лето 6360, индикта 15 день, наченшу Михаил царствовати (византийский император Михаил правил самостоятельно с 856 г. — В.Ф.), нача ся прозывати Руская земля. О семь бо уведахом, яко при семь цари приходиша русь на Царьгород (речь идёт о событиях 860 г. — В.Ф.), якоже пишется в летописанье гречьстемь. Тем же отселе почнем и числа положим»¹⁷; с комментариями южнорусского летописца к Сказанию о славянской грамоте (по А.А. Шахматову, западнославянскому «Сказанию о преложении книг на словенский язык», созданному, по его мнению, в 898–906 гг.), помещённому под 6406 г.: «поляне, яже ныне зовомая русь» и «словеньский язык и руский одно есть, от варяг бо прозвашася

русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа речь бе», с русско-византийскими договорами, в которых ближайшее окружение киевских князей носят неславянские имена и выступают от имени «род русского»¹⁸.

Сказание о призвании варягов в норманистской науке принято выдавать за прямое свидетельство норманства варяжской руси, прибывшей в Восточную Европу «из заморья». Но такое заключение вытекает не из показаний памятника, а лишь из постулата, который гласит, что варяги принадлежали к норманнам (шведам). Постулат этот является ровесником варяго-русского вопроса, и его суть очень чётко выразил М.П. Погодин, категорично утверждавший в 1846 г., что в летописях варяги «беспрерывно упоминаются» в значении «немцы, норманны» (хотя перед этим говорил, что, «может быть, варяги было имя общее и вместе имя частное, как словене у Нестора, немцы у позднейших летописателей»). И позже, в 1864 г., он опять же подчёркивал, придавая таким свидетельствам силу доказательства, что «некоторые средние летописи, например так называемая Тверская, называют варягов прямо немцами»¹⁹.

Тогда же в науку был введён ещё один постулат, неминуемо вытекающий из предыдущего. В 1860 г. Н.П. Ламбин высказал мысль, давно витающую в воздухе: составитель ПВЛ, в котором он видел Нестора, «вот первый, древнейший и самый упорный из скандинавоманов! Учёные немцы не более как его последователи». Эту посылку историк, используя давно укоренившееся в научном и общественном сознании представление лишь о патриотической подоплёке выступления антинорманистов, умело направил на нейтрализацию и опровержение их позиций априори. «Но Нестор был патриот не меньше нашего, — обращался он и к деятелям науки, и ко всем любителям русской истории, — в его горячей любви к родине никто не может усомниться, прочитав эту летопись; однако эта любовь не ослепляла его: в простоте сердца он не видел ничего позорного в призвании князей иноплеменников» (в 1874 г. исследователь подчеркнул, что Сказание о призвании варягов «выводит нашу русь из-за моря, от варягов, и служит основой норманской теории»).

Мнение Ламбина поддержали и развили в науке авторитетнейшие её представители, в связи с чем оно обрело силу весомого аргумента в пользу выхода варягов из Скандинавии. В 1875 г. А.А. Куник, считая, что Нестор есть «самый старинный норманист» и даже «отец истории норманизма», связал с ним само начало норманской теории, наделив его титулом «почтенного родоначальника норманистики». В 1890-х гг. В.О. Ключевский полагал, что Байер и Миллер ошибались, стремясь разрешить варяжский вопрос по «источникам скандинавским, латинским и византийским», что они не знали происхождения и состава нашей Начальной летописи, потому-то и не знали, что между ними и ПВЛ стоит «учёный русский книжник начала XII в. и такой же решительный норманист, как и они». Немецкие академики «решили вопрос о племенном происхождении варягов согласно с Летописью», не сомневающейся в их «неславянском происхождении»²⁰.

В 1914 г. А.А. Шахматов, будучи очень твёрдо уверенным в том, что норманская теория «является продолжением той теории, которую дал в своём труде Нестор», утверждал, «что первым норманистом был киевский летописец (Не-

стор) начала XII века». Два года спустя он «норманистами» назвал как самого Нестора, так и его последователей (в 1908 г. учёный убеждал, что, по ясному свидетельству составителя ПВЛ, русь, как и варяги, это скандинавы, а в 1915 г. подчёркивал, что «летописец считает русь одним из варяжских племён, следовательно, русь в его представлении означала некогда шведов и Швецию»). В те же годы А.Е. Пресняков объяснял студентам, что составитель ПВЛ отождествил русь с варягами, полагая её одним из северогерманских племён, опираясь, видимо, на какую-то, возможно, византийскую традицию, «о том, что “русь” — название норманнов»²¹.

Приведённая точка зрения известных специалистов отражает настроения, бытовавшие тогда в науке (насколько заразительным оказался процесс объявления норманистами практически всего в свою пользу, видно на примере востоковеда Ф.Ф. Вестберга, в 1908 г. увидевшего в Арсании восточных авторов Скандинавию и потому признавшего первого из них, кто стал говорить о трёх центрах руси, «норманистом»²²). Из того же круга вышла идея, что норманизм самым естественным образом вытекает из Сказания о призвании варягов²³, которая получила столь широкое хождение, что её разделяла даже какая-то часть антинорманистов. Так, например, думал И. Филевич, а Д.И. Иловайский прямо говорил, что союзником норманистов выступает Сказание, указывающее на норманство варягов. Г.М. Барац, в свою очередь, уверял, что этот памятник служит самым надёжным оплотом догмата «скандинавского происхождения русской государственности и самого имени русского народа», является «главнейшей основой норманской теории»²⁴.

В советскую науку предвоенных лет тезис о летописце-норманисте был введён историками, также обладавшими значительным весом в науке. В 1930 г. Н.К. Никольский пришёл к выводу, что в ПВЛ «мы имеем переделку старых преданий о начале русской земли, освещённую сквозь призму первого русского историографа-норманиста, сторонника теории варяго-руси», т. е. Сильвестра (в нём учёный видел сводчика ПВЛ). Тогда же Г.А. Ильинский в рецензии (она была опубликована за границей) на монографию Никольского утверждал, что редактор Начальной летописи, «как горячий норманист и грекофил» изменил её содержание до неузнаваемости (ибо не мог примириться с её «славянофильским или даже панславистическим направлением»). В 1938 г. В.А. Пархоменко назвал «первым норманистом» Нестора и его «норманизм» объяснял тем, что, во-первых, летописец «от значительной роли норманнов при киевском князе в его время постулировал к их роли в начале истории Руси». Во-вторых, к этому его толкало свидетельство продолжателя хроники Георгия Амартола, отметившего, что «русь из рода франков». В-третьих, скандинавской генеалогией правящей княжеской династии Нестор обосновывал теорию единой Руси.

Через год Б.Д. Греков в основе «склонности» к норманизму «первого русского историка-норманиста» Сильвестра (с ним он связывал обработку известий о варягах) усмотрел его желание показать в истории Руси роль княжеского рода Рюриковичей. В 1940 г. М.Д. Присёлков охарактеризовал Нестора как «первый наш “норманист” самого крайнего направления», ибо он создал схему русской истории, возвеличивающую правящую династию, в представителях которой то-

гда видели единственную связь распадающегося Киевского государства, и которая «придумала» скандинавское происхождение династии и выводила название Русь из скандинавского корня. Вместе с тем эта схема имела великое значение, ибо «вырывала нашу историю из византийской церковно-политической схемы, по которой нашей политической самостоятельности не отводилось места, и смело оценивала славянство и русских как исторически призванных к самостоятельной жизни и культуре». Тогда же Е.А. Рыдзевская пребывала в абсолютной уверенности, что в Сказании о призвании варягов утверждается норманское происхождение и генеалогия русских князей²⁵.

В послевоенные годы в литературе тему о «норманизме» Нестора подхватил и довёл до абсолюта «советский антинорманист» Д.С. Лихачёв, окончательно придав ей значимость непререкаемой научной истины. Идя полностью в русле рассуждений Присёлкова и именуя летописца «первым норманистом в русской истории», утверждавшим «норманское происхождение княжеского рода и самого названия Руси», учёный свою позицию аргументировал тем, что, во-первых, варяжская легенда служила целям борьбы с княжескими усобицами, отстаивая собою идею единства княжеского рода, что равнялось тогда идее единства государства. Во-вторых, она параллельно с тем обосновывала самостоятельность и независимость Руси от вмешательства Византии, настаивающей на идее тесной зависимости русской государственности от неё, т.к. законная власть пришла на Русь «лишь после её крещения и была неразрывно связана с церковью». И такая устремлённость Империи, считал Лихачёв, находила поддержку со стороны киевского грека-митрополита.

Поэтому, подытоживал он, «норманская теория» печерских монахов (сам монастырь он вслед за Присёлковым рисовал крупным центром оппозиции константинопольской патриархии и греку-митрополиту²⁶) была теорией прежде всего антигреческой и, по тем временам, «общерусской», связывающей происхождение Русского государства не с византийским югом, а со скандинавским севером (т. е., по логике Лихачёва, летописец сознательно приписал основание Русского государства норманнам), откуда уже ничто не угрожало, и относившей его возникновение до принятия христианства и, следовательно, было независимо от церкви. «Летописцы, — ставил исследователь точку в своих рассуждениях, — естественно, не могли представить, какие политические выводы сделают из их домислов в XVIII–XX вв. норманисты».

Лихачёв не обошёл вниманием и закономерно встающий в таком случае вопрос: почему летописец для утверждения антивизантийской версии создания государственности на Руси прибёг к теории иноземного происхождения княжеского рода? Ответ на него, говорил он, «может быть только один: в традициях учёной средневековой историографии было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству». По его разъяснению, эти традиции были тесно связаны с ограниченностью исторического мышления средневековья, когда всякому новому явлению общественного развития искали объяснение на стороне, потому как оно не считалось результатом закономерного исторического развития, представления о котором ещё не существовало. Особенно резко эта черта проявлялась там, где дело касалось проис-

хождения знатных родов. Ко всему же, завершал свои размышления учёный, знатный род нельзя было выводить из собственной страны, ибо это неизбежно должно было вывести его к какому-либо «незнатному» родоначальнику²⁷.

Объяснение Лихачёвым мотивов, которыми будто бы руководствовался наш книжник, вводя варяжскую легенду в ПВЛ, получило поддержку в советской науке, вошло в учебную литературу²⁸. Так, считал С.В. Юшков, летописец, перед которым стояла задача возвысить значение правящей династии, весьма удачно справился с ней, связав династию со скандинавами, игравшими крупную роль в истории современного ему мира. По В.В. Мавродину, традиция выводить род «из заморья» преследовала цель «лишь бы подчеркнуть особую родовитость и аристократичность своего происхождения, проверить достоверность чего было невозможно», и в тогдашних условиях была направлена против Византии. И.П. Шаскольский также думал, что легенда была внесена для доказательства особо знатного происхождения правящей династии, что подкрепляло её право на власть над Русской землёй²⁹.

Первое возражение против мнения о тех политических устремлениях летописца, о которых так детально говорил Д.С. Лихачёв, раздалось, видимо, из-за границы. В 1957 г. польский историк Х. Ловмянский отрицал (но в свойственной для норманизма манере), что летописец стремился доказать скандинавское происхождение династии русских князей и «противопоставить норманскую теорию греческим притязаниям на политическое господство на Руси, так как, насколько известно, эта теория не использовалась в борьбе с Византией». В связи с чем Ловмянский заключал, что нельзя любое соображение Нестора объяснять политической тенденциозностью, и в «скандинавской концепции происхождения названия *русь*» видел лишь «логическую конструкцию» летописца, вытекающую из распространённой в средневековой историографии идеи объяснять происхождение народов их миграцией из чужих краёв. В 1960 г. И.У. Будовниц, касаясь тезиса Лихачёва об угрозе суверенитета Руси со стороны Византии, заметил, что русские и византийские источники «не дают основания для таких широких и далеко идущих выводов. ... Нет и намёка на то, что какой-нибудь грек-митрополит... претендовал на заметную политическую роль». В 1991 — 1992 гг. И.Я. Фроянов, выражая несогласие с идеей об антигреческой направленности Сказания о призвании варягов, также говорил, что «покушения Константинополя на политическую независимость Руси не находят обоснования в источниках»³⁰.

Следует добавить, что Сказание не содержит ничего такого, что хотя бы отдалённо походило на слова Лихачёва о «знатности» варяжских князей. Живописуя о распрях между ильменскими словенами, кривичами, чудью, мерей и весью, вспыхнувших вскоре после изгнания варягов «за море», об избрании их послами из числа варяжской руси «3 братья с роды своими», летопись далее подчёркивает лишь то место, которое занимал Рюрик среди братьев. «...Придоша, — говорит она, — старейший, Рюрик, седе Новегороде (по иной версии, в Ладоге. — В.Ф.), а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. ... По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор; и прия власть Рюрик»³¹. Приведённый отрывок совершенно ничего не говорит о знатности Рюрика, а тем

более о его каком-то необыкновенно высоком статусе, благодаря которому летописцы всерьёз якобы намеревались противостоять вмешательству Византии во внутренние дела Руси. Согласно ПВЛ, Рюрик лишь один из трёх братьев, представлявших собой варяжскую русь, он всего лишь «старейший» из них, не более, и это единственное, что мог сказать о нём летописец (но он, разумеется, князь, и потому был приглашён на княжение).

О знатности происхождения своих правителей русские мыслители задумаются только во второй половине XV в., когда процесс складывания единого централизованного государства с центром в Москве вступил в свою финальную стадию, и оно начало входить в контакт с западноевропейскими державами, уделявшими исключительное внимание генеалогиям своих и чужих правителей. Их же предшественников эта проблема несколько не занимала. К тому же ни в момент призвания (середина IX в.), ни в момент внесения варяжской легенды в ПВЛ (обычно говорят о времени второй половины XI — второго десятилетия XII в.) родство со скандинавами, этими безжалостными убийцами, не могло быть актуально для наших предков хотя бы потому, что они прекрасно понимали, «какой непоправимый урон авторитету их земли и им самим в настоящем и будущем может принести династия, соплеменников которых так ненавидели в Европе»³². В-третьих, А.Г. Кузьмин показал, что Печерский монастырь не был «оплотом борцов за русскую национальную культуру против засилья греческого духовенства». Напротив, именно этот монастырь был «форпостом греческого церковного влияния на Руси» (в 2003 г. Ю.А. Артамонов гипотезу Присёлкова, что «Киевско-Печерский монастырь уже в XI–XII вв. был центром оппозиции власти константинопольского патриарха и киевского митрополита-грека», охарактеризовал как известный в историографии миф)³³.

В 1956–1958 гг. Б.А. Рыбаков сделал несколько поправок к выводам Лихачёва. Во-первых, возражал он, «проваряжская тенденция» проводилась в ПВЛ не Нестором, а редактором 1118 года. Во-вторых, что автора Сказания, использовавшего широко ходившие тогда во всей Северной Европе легенды о призвании трёх князей, «никак нельзя назвать “норманистом”», поскольку он лишь обрисовал несомненно исторический факт. Но скоро исследователь стал рассуждать привычными науке шаблонами: в 1960 г. он, повторяя эти слова в последующие годы, назвал редактора Начальной летописи 1118 г. первым «норманистом», причём, как это было им особо выделено, «настоящим» и «последовательным» (такой взгляд получил распространение в литературе, в том числе популярной. Так, по В.П. Шушарину, «в третьей, норманистской редакции» ПВЛ 1118 г. имеется «утверждение о том, что Аскольд и Дир были якобы варягами, находившимися на службе у Рюрика»). Параллельно с тем Рыбаков с 1982 г. вёл речь о «норманистах» начала XII века», искаживших ПВЛ. Ещё больше модернизируя историю, учёный в 1960 г. охарактеризовал автора «Остромировой летописи» «ярым “антинорманистом”», ибо он ненавидел варяжскую гвардию новгородского князя Ярослава Владимировича³⁴.

В 1958–1978 гг. В.В. Мавродин неоднократно высказывал мысль, что летописцы ввели в свой труд рассказ о норманском происхождении русских князей, Русского государства и самого названия «Русь», об их мнении «о норманском

происхождении Руси», о наличии в ПВЛ рассказа «о князьях-варягах (конунгах)». Х. Ловмянский в 1957 г. уверял, что мнение Нестора о скандинавском происхождении руси было известно «и за границей, в особенности в Швеции». Три года спустя И.У. Будовниц указал на некоего «позднейшего летописца-норманиста». В 1965 г. С.Л. Пештич, убеждённый в «норманизме» Нестора, постулировал отсюда, что у норманской теории «была прочная историографическая традиция в средневековой отечественной литературе и летописании»³⁵.

В 1961–1965 гг. И.П. Шаскольский говорил, что наши учёные, связывая с Байером создание норманской теории, сильно преувеличивают его роль в русской историографии. «В действительности, — делился своими соображениями историк, — построение о возникновении Русского государства в результате “призвания варягов” было впервые сконструировано ещё на рубеже XI–XII вв. составителем Начальной летописи и с тех пор на протяжении шести столетий обычно включалось во все общие официальные сочинения по истории России». Как резюмировал исследователь, летописец приписал основание Русского государства норманнам, а «Байер лишь нашёл в летописи это давно возникшее историческое построение и изложил его в наукообразной форме в своих работах. У Байера эту концепцию подхватили и развили Миллер, Шлёцер и другие историки немецкого происхождения, работавшие в России в XVIII в.».

Не сомневаясь, что исходным пунктом в деле создания норманизма послужило именно Сказание о призвании варягов, Шаскольский категорично заключал: без него «вряд ли вообще смогла возникнуть норманская теория как цельная научная концепция, считающая, что Древнерусское государство образовалось в результате деятельности завоевателей-норманнов, так как другие, позднее привлечённые аргументы норманистов — названия днепровских порогов, имена послов и князей, данные археологии и т. п. — сами по себе, без летописного рассказа, не смогли бы послужить основой для теории о норманском происхождении государства на Руси». В 1983 г. он вновь подчеркнул, что, хотя «норманизм как научное течение ведёт своё начало от изданных в 1730-х годах работах Г.З. Байера», теория скандинавского происхождения варягов и руси вместе с тем не была изобретена ни им, ни Миллером, а была заимствована немецкими историками «из русской донаучной историографии — из летописи»³⁶.

Тезис о том, что основой вывода о норманском происхождении Руси послужил именно рассказ ПВЛ о призвании варяжских князей, прочно вошёл в советскую науку, был включён в учебники, справочную и энциклопедическую литературу³⁷ (так, например, некто А.К. в 1964 г. на страницах «Византийского временника» в качестве аксиомы преподносил «истину», что, «как известно, важнейшим основанием норманистской теории послужило известие русской летописи... под 862 г. о призвании варягов-руси во главе с Рюриком, Трувором и Синеусом». А в 1989 г. Л.Н. Гумилёв объяснял, что Нестор сочинил норманскую теорию происхождения Руси, т. к. надо было «переубедить тех, кто скептически относился к рассказам варяжских конунгов»³⁸). Параллельно с тем в тогдашней науке порой звучало в стиле ультранорманиста М.П. Погодина, что, как высказала в 1988 г. эту мысль филолог Е.А. Мельникова, у летописца начала XII в. «Скандинавия обозначается... исключительно “варяги”»³⁹.

Взгляд на летописцев как «норманистов», несмотря на его явную научную некорректность и отступление от норм критики, свойственен и современной науке. В 1995 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин утверждали, что в советское время борьба с норманизмом была направлена вместе с тем «против средневековых книжников — первых “норманистов”». В 1995–2000 гг. Петрухин, как бы уточняя эти слова, сказал: «летописец знал из дошедших до него преданий, что само имя “русь” имеет варяжское (скандинавское) происхождение» (летописная традиция возводит начало Руси к призванию норманских князей «из-за моря»). В 1996 г. Э.П. Карпеев, отрицая за Байером титул основателя норманизма, уверял, что «с большим правом можно передать эту честь “преподобному Нестору”», в летописи которого «варяги впервые упоминаются в числе строителей Русского государства»⁴⁰. Тогда же Э.Д. Фролов подчеркнул, что «несколько прямолинейная интерпретация» Байером летописной и византийской традиции привела его к выводу о решающей роли норманнов в возникновении Русского государства. В те же годы и позже А.Н. Кирпичников проповедовал идею, что «норманский вопрос» был порождён варяжской легендой. То же самое говорил в 2012 г. украинский историк Н.Ф. Котляр⁴¹.

Рассмотренный настрой в отношении летописцев характерен для эмигрантской и зарубежной науки. В 1943 г. Г.В. Вернадский, рассуждая о летописном перечне варяжских племён, включавшем в себя русь, к которым прибыло посольство за князьями, как позднюю вставку составителя Начальной летописи, увидел в ней попытку вывести происхождение названия «русь» не с юга, а с севера, и связать его происхождение «с кланом Рюрика», что «была продиктована политическими соображениями». Поэтому, заключал он, составителя ПВЛ резонно назвать «первоисточником школы “норманистов”». В 1957 г. Х. Ловмянский убеждал, что «норманская концепция имеет на Руси давнишнюю, почти 850-летнюю историю, поскольку её первым сознательным творцом» был Нестор, подчёркнуто говорил о его «норманской теории» и «скандинавской концепции», что он к тому же был «истинным творцом тезиса о скандинавской колонизации Руси... когда писал о прибытии из-за моря Рюрика с братьями в главе всей Руси». Датский славист А. Стендер-Петерсен в 1960 г. не сомневался, что норманская теория своим началом восходит к ПВЛ. Ныне шведский археолог И. Янссон также полагает, что летопись повествует об основании скандинавами династии Рюриковичей и создании ими Русского государства и что сами Рюриковичи возводили свой род к скандинавам⁴².

В советской науке были также слышны рассуждения, близкие по своей тональности к словам Н.П. Ламбина, что летописец «не видел ничего позорного в призвании князей-иноплеменников». Так, историк А.В. Муравьёв в учебном пособии для учителей по русской культуре уверял, что варяжская легенда «никоим образом не умаляла патриотических устремлений летописца» («“норманская теория” летописцев носила явный антигреческий характер»). И литературовед И.П. Ерёмин разъяснял, что летописца нисколько не смущало норманское происхождение князей, ибо в том он не видел ничего оскорбительного для русского народа: для него гораздо существеннее было то, что династия эта — исконно княжеского рода (по его мнению, норманские корни Рюриковичей

стали беспокоить наших мыслителей не ранее XVII в., что хорошо видно по «Синописису»). Историки С.В. Думин и А.А. Турилов говорили, что летописцы, отмечая варяжское происхождение правящей династии и возводя имя своей державы к названию варяжского племени, не считали это для себя обидным⁴³.

С ещё большей силой этот тезис зазвучал, с целью обезоруживания «патриотов-антинорманистов», после 1991 года. Востоковед А.П. Новосельцев убеждал, что «к чести летописца XII в., надо признать, что его не оскорбляло скандинавское происхождение киевской династии... Летописца нельзя обвинять в норманизме за то, что он считал фактом привнесения государственности славянам из Скандинавии... хотя он был киевским патриотом». Археолог А.Н. Кирпичников в нескольких работах с особым нажимом повторял слова, что «варяжское “призвание” отнюдь не принижало прошлого России» и что 862 г. «при всей условности, крупная веха в жизни Руси и Скандинавии. Эту дату надо достойно признать в качестве государственной, не стыдясь того, что она, повторяя летопись, запечатлена на щите норманского пришельца» (имеется в виду памятник скульптора М.О. Микешина «Тысячелетие России», на котором представлен Рюрик. Археолог, словно забыв, в честь чего возведён этот величественный монумент в Новгороде в 1862 г., заключил: «Россия оказалась едва ли не первой тогда страной Европы, где был сооружён памятник норманну, в данном случае основателю династии и, как думали, государства»). Скандинавист А.С. Кан назидательно говорил, что «русским историкам и археологам нет больше смысла стесняться скандинавских следов в древнерусской культуре», а публицист Л.А. Аннинский со страниц журнала «Родина» вбрасывал в головы его многочисленных читателей идею, что «нам нечего мучиться от того, был ли Рорик датчанином»⁴⁴.

Представлением летописцев как «норманистов» не ограничивается характеристика содержательной части ПВЛ, и её давно рассматривают как памятник, вобравший в себя многие скандинавские мотивы и прежде всего свидетельства норманнов об их пребывании на Руси. А.Л. Шлёцер, видимо, был первым в науке, кто начал сопоставлять схожие сюжеты Начальной летописи и западноевропейских памятников. В 1769 г. вышла на немецком языке первая часть его «Истории России до основания Москвы в 1147 году», написанная, отмечается в науке, на материале В.Н. Татищева⁴⁵. И в ней он провёл параллель между обращением восточнославянских и угро-финских послов к варягам и обращением бриттов, в передаче хрониста X в. Видукинды Корвейского, к саксам в V в. с призывом переселиться в их земли⁴⁶, отметив, «как Вортигерн предложил притеснённым бриттам саксонцев, так Гостомысл предложил новгородцам прежних врагов их — хазаров и норманнов» (ту же параллель он проводил и в «Несторе»)⁴⁷.

В том же «Несторе» историк, имея в виду сказание о приходе в Ирландию около 853 г. «со стороны Норвегии» «остманов» во главе трёх братьев Амелауса, Ситаракуса и Иворуса, задался вопросом: не походит ли на эту «ирландскую сказку вся повесть о трёх братьях и о призвании их в Россию?». И ответ на него дал в пользу ПВЛ: в ней, по его словам, всё просто и истинно, «следовательно, ирландец, кажется, заимствовал свою сказку у россиянина, а не наоборот». Хотя собственный вывод тут же поставил учёного в тупик: «Однако же, как можно предположить, чтобы в XII или XIII стол. было учёное сноше-

ние между *Дублином* и *Киевом*?». Но затем Шлёцер прямо говорил о заимствовании летописных сюжетов от норманнов, утверждая, например, что рассказ о смерти киевского князя Олега от коня представляет собой «сказку о смерти Одда от любимого его коня Факса» (при этом отнеся её «к глупейшим из всех исландских сказок»), перешедшую «из *исландских сказок*» в русские летописи⁴⁸.

Некоторые колебания Шлёцера в данном вопросе совершенно объяснимы, ибо он очень высоко ценил русскую летопись, ставя её выше всех памятников средневековья, говорил о ней только в самых превосходных степенях и отмечал древность «умного старика» Нестора по сравнению с «молодостью», например, скандинавских авторов, этих, по его характеристике, «бесстыдных выдумщиков» и «сказочников». Н.М. Карамзин, также видя в сагах «сказки, весьма недостоверные», в отношении сходства рассказа о смерти Одда и рассказа о смерти Олега был не так категоричен, как Шлёцер: «Киевские ли варяги передали сию сказку северным землякам своим, или северные киевским?». Точно так рассуждал по тому же поводу и М.П. Погодин⁴⁹.

У наших учёных 20–70-х гг. XIX в., в том числе антинорманистов (в лице «скептиков»), уже не было никаких сомнений не только по поводу природы происхождения рассматриваемого сюжета летописи, но и многих других её известий. В 1825 г. М.П. Погодин высказал мысль, которую будет активно проводить и далее, что Нестор известия о приморских жителях Европы и самой родине норманнов (в описании «Афетовой части», перечне «Афетова колена» и варяжской легенде) получил именно от них. В 1829 г. Н.А. Полевой, изумляясь «величайшему» и «прямому сходству» многих летописных сюжетов с германскими и скандинавскими памятниками, был непреклонен в мнении, что «поэмы скальдов, может быть, сопровождавших Олега к Царьграду, явно внесены в наши летописи», что «Олегов и Святославов сопровождали скальды; вероятно, что на пиршествах Владимира провозглашали они свои эпические, лирические и драматические песнопения», умолкнувшие лишь с крещением Руси.

А чтобы не быть голословным, Полевой перечислил 12 «сочинений древних скальдов русских», внесённые в ПВЛ: «завоевание Киева хазарами», «смерть Аскольда и Дира», «поход Олега к Царьграду», «смерть Олега» (подчеркнув при этом, с ссылкой на Шлёцера, что данная сага явно перенесена из Скандинавии: «Это самое происшествие рассказывали скандинавские скальды об Оддуре, князе норвежском»), «поход Игоря к Царьграду», «мщение за смерть Игоря», «крещение Ольги», «поход Святослава в Булгарию», «история Рогнеды Полоцкой», «битва с печенегами», «спасение Белгорода», «поход Мстислава на касогов» (добавив затем в примечании, что также существовали «саги о Ярославe, Олеге Святославиче, Романе Святославиче и Всеславе Полоцком»). В 1833 г. «скептик» С.М. Строев, полагая часть летописных текстов до середины XI в. заимствованием из иностранных источников, убеждал, что Сказание о призвании варягов зашло «к нам с запада». На следующий год другой «скептик» М. Перемышлевский уверял, что варяжская легенда, а наряду с ней «сухопутное плавание» Олега и его смерть от змеи, сожжение Ольгой древлянского Искоростеня с помощью птиц, указывают на норманские источники, «хотя изустно занесённые в Россию»⁵⁰.

Огромную роль в превращении Начальной летописи в иллюстрацию к норманской версии, следовательно, в отрицании её самобытного характера и в принижении её в качестве исторического источника по сравнению с сагами (тем самым в кардинальной ревизии их характеристики А.Л. Шлёцером как «бредни исландских старух»), сыграл в те годы О.И. Сенковский, в угаре ультраанорманизма увидевшего в Руси «Славянскую Скандинавию». Начав разговор со «сродства» ПВЛ со скандинавскими сагами, он закончил его словами, что летописец «составил значительную часть своей книги» именно из саг, более или менее приспособив их к хронологии византийских писателей. Будучи абсолютно уверенным в том, что только саги содержат настоящую историю, и, критикуя Н.М. Карамзина за «слепое доверие к летописи», Сенковский заключал: если бы у нас было двадцать таких саг, как Эймундова сага, то «мы имели бы гораздо точнейшее понятие о деяниях, духе и обществе того времени, чем обладая десятью летописями, подобными Нестеровой». В 1837 г. С. Сабинин делился с широкой аудиторией точно таким же научным «открытием», что лишь только из саг можно объяснить многие наши пословицы, «напр., *einn er ökvisi oettar hverrar*, что значит: *в семье не без урода*»⁵¹.

М.П. Погодин, не принимая в целом восторженного тона Сенковского в отношении саг, в своих размышлениях 30–70-х гг. об их влиянии на ПВЛ, по сути, мало чем отличался от него. Совершенно справедливо заметив, что Сенковский, «возвышая саги... унижает несправедливо Нестора», он вместе с тем утверждал, что «эти саги, эти песни, рассказы, были первой принадлежностью пиров княжеских на севере и, без всякого сомнения, у нас на Руси», что «саги чрезвычайно важны для нас, изображая нам живо норманнов, которые были главными действующими лицами в нашей истории в продолжении первых двухсот лет». Говоря, что саг на Руси было много, также в полном согласии с Сенковским рассуждал, что они были одним из важных источников Нестора и что им мы обязаны известиями о древнейших происшествиях нашей истории, точно как история соплеменных руси норвежцев, датчан, шведов сохранилась в многочисленных сагах Исландии.

Наши слова, наши саги «обо всех важных и не важных подвигах древних князей наших, начиная от Рюрика» имели один и тот же источник с исландскими: «Народная поэзия норманская жила в сагах, в коих воспевались удалые подвиги князей, удивительный поход Олегов по суку, аки по морю, под Константинополь», «щит, как знак его победы, на вратах цареградских», «парчовые паруса», а также захват им Киева и его смерть от коня, «погибель Игоря, месть Ольги над убийцами её мужа» («не нужно доказывать», что о мести «мы также имели обширное “Слово”, обширную сагу», повествующую в том числе о взятии Искоростеня посредством птиц), путешествие княгини в Византию, «чудеса храбрости Святослава» и его болгарская война, «сватовство Володимера дядей Добрынею» и его поход на Рогволода, совокупные походы наших князей, избавление Киева от печенегов посредством юноши, известившего воеводу Претича об опасности, «об избавлении Белгорода от печенегов хитростью старца, присоветовавшего наполнить колодец сытёй, и пр.».

И этих «сказок известных также на севере», как «и другие баснословные известия, в которых есть, однакожь, историческое основание», летописец слышал от шведов, которые донесли ему и сведения о разных «племенах, живших преимущественно по берегам морей Балтийского и Немецкого, только им известным; они же сообщили ему известие и о пути из варяг в греки». Рассказы норманнов, сохранившиеся в преданиях, в песнях, в сагах, или полученные Нестором непосредственно от них (ему они могли рассказать «о своих подвигах и подвигах предков, как их соотечественники рассказывали дома сочинителям саг»), были использованы им при создании летописи. При этом Погодин считал, что «записки» о варягах могли относиться к эпохе прихода норманнов, ко второй половине IX века. Не сомневался он и в том, что у скандинавов «была сага о Рюрике и о прибытии его в Новгород, коею воспользовался Нестор», и что именно норманны объяснили ему, «что русь со шведами составляли один народ и разные племена» (вместе с тем говоря в 1839 г., но не замечая, как эти слова противоречат его же выводам: летописцы «верно не знали ни по-арабски, ни по-исландски, ни по латыни, если и знали по-гречески»)⁵².

И.Д. Беляев также полагал, что географические сведения о приморских берегах Европы нашим предкам принесли поселившиеся на Руси норманны. Но Нестор, а здесь историк позволил себе отступить от точки зрения Погодина, записал их из уст народа, у которого они постоянно возобновлялись рассказами других норманнов — отчаянных морских странствователей начала средних веков, которые, может быть, ещё до середины XII в. не переставали кружить по морям, проезжая из России в Грецию или из Греции через Россию к берегам Балтийского моря. Н.П. Барсов, соглашаясь с Беляевым, уточнял, что географические известия норманнов вначале сложились на Руси в народные предания, откуда они затем вошли в летопись. Если бы летописец, завершал свою мысль учёный, получил эти сведения от очевидцев, то «изложение их было бы полнее, обстоятельнее, наверное, изобиловало бы подробностями, которыми вообще характеризуются рассказы бывалых людей». С.М. Соловьёв, указывая на то, что в Иоакимовской летописи Олег Вещий «назван князем урманским, или норвежским», посчитал, что в сагах «он является под именем Оддра, норвежского витязя, который прославился своими подвигами на востоке, княжил на Руси, умер, по предсказанию колдуньи, от любимого коня»⁵³.

Такая тональность рассуждений о летописи и её зависимости от западноевропейских памятников и прежде всего саг резко расходилась с содержанием и характером ПВЛ, на что обратили внимание даже некоторые норманисты. Так, например, П.Г. Бутков в 1840 г. выступил против мнения, что рассказ о прибытии на Русь трёх братьев взят, по всей видимости, «из исландской повести» о приплывших в Ирландию трёх братьев Амелауса, Ситаракуса и Иворуса. Подчеркнув при этом, что оба памятника сближает «только тройственное число братьев... не более». Спустя семь лет М. Славянский пришёл к выводу, что скандинавские саги летописцам, кажется, были вовсе неизвестны⁵⁴. С.А. Геденов, говоря о позиции Погодина, ставил законный вопрос: «Но тогда, значит, Нестор понимал и читал по-шведски?». Будь варяжская легенда сагой, заметил И.Е. Забелин, то её рассказ «оставил бы свой след и в летописи, которая в этом случае, хотя бы по

обычаю и кратко, но непременно сказала бы что-нибудь о родословной Рюрика, от каких великих, знатных и храбрых людей он происходит». И самым решительным образом антинорманисты отвергли выводы Сенковского, выдаваемые норманистами за высокую «историческую критику». В них, указывал С.М. Строев, нет «*учёности и учёной критики*, напротив, «каждая фраза г. сочинителя есть вопиющая несправедливость против истины, есть решительная антиистина». М.О. Коялович в его работах увидел явный подтекст: поляк Сенковский с «необузданною, чисто польскою наклонностью поглумиться над Россией... воспользовался сагами для величайшего унижения немецкой критики по русской истории и вместе с тем для оскорбления русской народности»⁵⁵.

Гедеонов убедительно отстаивал оригинальный характер летописных преданий (сказания о смерти Олега, о местах Ольги и Рогнеды и др.), которые, по его мнению, были заимствованы скандинавами у русских: «Сказание об Ольгиной мести — народная поэма о покорении Древлянской земли», что в схожих сюжетах саг их авторы не могли придумать «средства к получению из осаждённого города голубей и воробьёв. Фридлев ловит ласточек под Дублином; Гаральд смолит целый лес под стенами неизвестного сицилийского города». Д.И. Иловайский отмечал, что наши предания, по-видимому, древнее исландских, что летописный рассказ повествует о сожжении Ольгой Искоростеня при помощи птиц в середине X в., в то время как саги говорят о взятии Харальдом тем же способом сицилийского города около середины XI века. В связи с чем учёный резонно вопрошал: «Кто же у кого заимствовал предание?». Вопрос ещё более усложняется тем, добавлял он, что по восточным сказаниям Чингисхан точно также захватил один неприятельский город. Как акцентировал внимание историк, «в летописях разных народов повторяются, одинакие легендарные мотивы, вроде указанной нами саги о взятии города посредством голубей, которая встречается у нас, у норманнов и у монголов, но ранее других у нас», и что в целом «сходные мифические мотивы можно встречать и постоянно встречаются не только у родственных народов, но также у народов весьма отдалённых друг от друга».

В 1873 г. Н.И. Костомаров опротестовал идею о влиянии скандинавской саги об Орваре-Одде на летописное предание об Олеге Вещем, назвав причину такой ошибки: «Сходство нашего предания со скандинавским не может быть признаком перенесения его к нам из Скандинавии, так как оно сходно с преданиями и таких стран, куда не проникло прямое скандинавское влияние. Проф. Сухоминов записал в глубине Сербии три предания, сходные с нашим»⁵⁶ (в 1986 г. А.Г. Кузьмин, касаясь сюжета Саксона Грамматика о сожжении королём данов Хадинге с помощью птиц г. Дуна, в котором укрылся король Геллеспонта Хандван, т. е. король рутенов, живущих по Рижскому заливу, резюмировал — это есть ходячий сюжет. В 2013 г. В.Я. Петрухин предположил, что взятие Ольгой столицы древлян, видимо, заимствован летописцем из византийского хронографа. Сегодня англичанин Д. Хейвуд, ведя речь о сожжении Искоростеня с помощью птиц, заключает: «Такой приём упоминается во многих фольклорных сказаниях о разных предводителях норманнов и нормандцев: например, Гутрум таким образом якобы взял Сайренсестер в Уэссексе»⁵⁷).

В 1846 г. польский учёный В.А. Мацеевский вновь указал на сходство слов посольства к варягам со словами бриттов к саксам⁵⁸. Затем к этой теме неоднократно обращался, начиная с 1864 г., А.А. Куник, объясняя Сказание о призвании варягов «сказанием о призвании англосаксов»: «Кажется, как будто древнее предание о призвании сакских воевод было перенесено на призвание Рюрика и его братьев, но вместе применено было к действительному положению дел», что летописец дополнительно пользовался народным преданием, отчего «призвание Рурика упрочивается в значении исторического факта, потому что если бы такого события не случилось на северо-востоке, то не было бы и повода переносить эту сагу на славянскую почву», что Видукинда Корвейского следует включить в число источников, «которые необходимо принимать в соображение в вопросе об основании Русского государства».

Однако заметив при этом, констатируя зыбкость своего вывода: «Впрочем, древние саксы и англы поступали с природными обитателями Британии совершенно иначе, нежели норманны с финнами, латышами и славянами» (стоит сказать, что Куник, находясь под воздействием критики норманизма, блестяще осуществлённой Гедеоновым, и по этой причине отказавшись от мысли о всеобъемлющем воздействии норманнов на жизнь восточных славян, начинает учитывать в своих построениях фактор присутствия в их истории южно-балтийских сородичей. Потому он и задавался вопросом, в котором последних упомянул первыми: «А каким образом северо-западная сага перешла в Русь и каким путём, славяно-балтийским или норманским?»). В 1877 г. о «поразительном сходстве» Сказания и рассказа Видукинды вёл речь и датчанин В. Томсен. В 1908 г. барон С.А. Корф, говоря о словах Видукинды, допустил факт «по заимствования» летописцем «сказания со стороны»⁵⁹.

Иловайский в 1872 г. решительно оспорил взгляд Куника по поводу «англо-саксонской» основы варяжской легенды. Отметив, во-первых, что «исторической аналогии никакой нет: постепенное завоевание англосаксами Британии происходило на глазах истории; пришельцы сообщили завоёванной стране не одно название Англии; они распространили в ней и свой язык». Во-вторых, подобная аналогия говорит лишь о повторении сходных легендарных мотивов у разных народов, и посему, подводил он черту, призвание есть «бродячий мотив» (в скандинавских сагах, признавал учёный вместе с тем, встречаются некоторые следы русских преданий, что естественно, учитывая родственные связи норманских конунгов с нашими князьями со времени Ярослава Мудрого и вообще приезды норманнов на Русь в качестве наёмных дружинников и купцов в течение XI–XII веков. Так, не подлежит сомнению, на его взгляд, русский источник саги об Олаве Трюггвасоне)⁶⁰.

Огромный вклад в дело закрепления в науке представлений, что ПВЛ формировалась под воздействием западноевропейских, преимущественно скандинавских, памятников, внесли учёные XX в., и прежде всего российско-советские. В 1911 г. Б.М. Соколов, выступая на XV Археологическом съезде, сказал, что летописные сообщения о женитьбе князя Владимира на Рогнеде восходят к древнегерманской версии, послужившей источником некоторых песен о Нибелунгах и рассказа Тидрек-саги. Тогда и датчанин С. Рожницкий поделил

ся «вероятными догадками», историческое основание которых, по его словам, нерушимо. Сопоставив две формы названия Днепра — древнескандинавскую Нерг и древнерусскую былинную Ньпръ, он заключил, что «объяснение былинного Непра из др.-сканд. (и то же из др.-шведского) Нерг кажется столь естественным». Хотя тут же недоумевал, что «трудно понять, каким образом пришло русскому человеку на ум заменять родное *Днепр* по иностранному образцу формою *Непр*». Как в целом резюмировал Рожницкий, существовали русские былины, «сложенные по образцу варяжских песен, упоминающих Нерг, и перенятые вместе с их содержанием», что «предполагает громадное варяжское литературное влияние». По образцу скандинавских песен, добавлял он, были созданы былины, где говорится о Кияне-городе, т. е. Киеве⁶¹.

В 1914 г. П.М. Бицилли выдвинул, по его словам, догадку о «значительном влиянии известий о Владимире, сложившихся на Западе, на нашу летопись». Потому как был уверен, что во второй половине XI в. существовали «все условия для того, чтобы западные литературные образцы могли появиться на Руси», в связи с чем к нам была занесена из Саксонии, благодаря немецким бракам русских князей, версия крещения Владимира, а вместе с ней и Сказание о крещении Хлодвига, которые были использованы при составлении летописи. В следующем году К.Ф. Тиандер утверждал о внесении в летопись двух вариантов переселенческого скандинавского сказания, по его словам, бывшего «бродячим мотивом» и шедшего за скандинавами «по пятам», оставляя свой след в Англии, Франции, Италии, Швейцарии и в других странах. Подчёркивая при этом, во-первых, что две волны переселения скандинавов на Русь и вызвали два варианта переселенческого сказания. Одно из них было приурочено к Новгороду — варяжская легенда, в которой едва улавливается историческая правда (а родство Рюрика, Синеуса и Трувора придумано нарочно для сказания о трёх братьях), другое к Киеву — предание о Кие, Щеке и Хориве. Во-вторых, что «военное превосходство свеев над гётами в Скандинавии является параллелью к победам новгородских варягов над киевской русью». В 1917 г. вышел труд шведского археолога Т.Ю. Арне «Великая Швеция», согласно которому русский эпос в своей основе предстал скандинавским⁶².

В 1922 г. С.В. Бахрушин, выделяя в составе Начальной летописи Повесть о первых русских князьях, рассказывающую про Кия, Щека и Хорива, призвание варягов, про поход Олега и его смерть, борьбу Игоря с древлянами, отстаивал тезис, что она сформировалась под сильнейшим воздействием скандинавского эпоса, отчего имена князей скандинавские, а рассказ о смерти Олега имеет полную аналогию в сагах. Ещё один источник ПВЛ он видел в Повести о крещении Руси, возникшей, по его мнению, под влиянием «хазарского религиозного фольклора», византийских преданий, распространённых в греческом Причерноморье, и также скандинавского эпоса. Этот рассказ, считал учёный, «не был записан при жизни Владимира и был восстановлен искусственно, литературным путём, когда деталей уже невозможно было вспомнить». Тогда и финский славист В.Й. Мансикка заключил, что рассказы о смерти Олега Вещего и Орвар-Одда, совпадающие в деталях, «имеют общий источник в виде скандинавского предания», перенесённого варягами на Русь, где оно потом приурочено было

к Олегу, современнику Одда. Год спустя Б.М. Соколов свой доклад 1911 г. развернул в большую статью, доказывая, что германский эпический источник, по которому он возводил материал о сватовстве Владимира к Рогнеде, женитьбе его на ней и её мести ему, был воспринят дружинниками, находившимися «в тесной связи с поэтическим творчеством соседних германских народов» (в начале XIV в. эта устная традиция была перенесена в летопись)⁶³.

В 1924 г. В.А. Пархоменко озвучил вывод, что варяжская легенда была создана под византийским и западным влиянием. Годом позже А.И. Лященко, сопоставив летописное сказание о смерти Олега Вещего от своего коня с «Сагой об Одде Стреле», нашёл в них элементы сходства. Потому как в этой викингской саге о древних временах (а её ряд специалистов относит ко второй половине XIII — началу XIV в.) её герой, родом из северной провинции Норвегии Галогаланда (Гельгеланда), был королём в Гардарики и умер по предсказанию от черепа своего коня Факси: Одда, в глубокой старости вернувшегося в Норвегию для предъявления прав на наследство родителей и натолкнувшегося на останки лично им умерщвлённого, во избежание предсказания, Факси, ужалила змея (в науке, стоит указать, отмечается, что в фольклоре многих народов присутствует мотив пророчества о смерти от какого-либо животного). Принимая во внимание тот факт, что НПЛ, сохранившая в себе, согласно А.А. Шахматову, черты Древнейшего свода, учёный говорил об уходе Олега из Новгорода и Ладоги за море, где и погибает от укуса змеи. После чего категорично заключил: «Это свидетельство сближает русский и скандинавский рассказы и указывает на то, что летописное сказание является заимствованным из скандинавского предания, а не наоборот», как, например, считал К.Ф. Тиандер (причём в основе обоих рассказов лежал общий источник — «народное предание, по всей вероятности, занесённое в скандинавские страны из Руси»), и «что психологическая правда особенно характеризует повествование саги».

Уточняя, что рассказ о смерти Олега от укуса змеи был заимствован из Норвегии, Лященко настаивал на том, что Одд и есть русский князь Олег, и что это имя есть имя Helg, т. е. Олег, которое ему дали его дружинники-варяги и «которое являлось дополнением его прежнего имени, — вероятнее всего, — имени Одда, а потом, по крайней мере на Руси, заменило его, сохранивши смысл нового имени в прозвище “Вещий”», ибо «Helgi обозначает: “мудрый”, “вещий”, т. е. имя Олег является равнозначным прилагательному “вещий”» («известный знаток скандинавских языков Г. Вигфуссон отождествляет имена Helgi, Helga с именем Hölgi=Halogi, как эпонимом названия норвежской провинции Hålogaland, которая была родиной Одда. ... Быть может, сам факт происхождения Одда из Гельгеланда подсказал соратникам дать ему прозвище Helgi, так как Одд был и “Гельгеландцем” и “Мудрым”»). Полагая, что снимает все противоречия и недоумения, связанные со смертью Олега Вещего, специалист в области литературоведения резюмировал: «Он умер в Норвегии, где провёл детство и юность, а его могилы, находившиеся в разных городах на Руси, насыпаны как памятники в честь этого князя» (надлежит добавить, что Лященко щит Олега увязал со скандинавами, ибо русский князь его поднял по традиции норманнов «в знак согласия на предложение греков начать переговоры... В дальней-

шем народная фантазия могла разукрасить это обстоятельство до пределов не только поднятия щита у Царьграда, но и водружения его на воротах столицы Византии». Возможно, такая идея и вдохновила поэта А.Ю. Чернова на создание собственной фантазии о происхождении Олега Вещего из рода Скьёльдунгов)⁶⁴.

В 1935 г. и другой литературовед — М.П. Алексеев, ведя речь о тесных культурных отношениях Англии и Руси как через скандинавов, так и непосредственно (через родственные связи Владимира Мономаха, женатого на Гите, дочери английского короля Гаральда), проводил идею, что «Поучение» этого князя могло быть написано под влиянием англосаксонского памятника «Отцовские поучения» начала VIII века. По его словам, Гита, знакомая с этим произведением, могла подать мужу, возможно, даже знавшему англосаксонский язык, идею написать подобное «Поучение». В 1936–1939 гг. Б.Д. Греков, отталкиваясь от вывода Алексеева, сказал, что «Поучение» Мономаха «едва ли не навеянное на него соответствующими английскими образцами». О близости Сказания о призвании варягов к аналогичным западноевропейским сюжетам, в особенности, к известию Видукинда Корвейского, говорил в 1938 г. В.А. Пархоменко: «Уже это выявление литературного источника ослабляет историческую цену сказания о призвании». В 1940 г. М.Н. Тихомиров свою точку зрения о легендарном характере Сказания аргументировал тем, что оно якобы буквально повторяет слова подобной англосаксонской легенды⁶⁵.

Приведённые настроения советских учёных довоенных лет в полной мере разделяли эмигрантские исследователи, ибо у них был один общий источник — дореволюционная наука. Так, Н.Т. Беляев в 1929 г. полагал, что летописец при составлении статей 859–862 гг. использовал, помимо новгородских преданий о норманне Рюрике и первых норманских северных княжествах, Видукинда Корвейского и «песенно-былинный материал придворных скальдов». Тогда же он предположил, что не без ведома фриз и норманнов в ПВЛ была вставлена информация об «Афетовом колене» (а также уверял, изложив выводы А.И. Лященко и согласившись с ними, что «и самый характер и всё духовное обличье Одда сближает его с Олегом Вещим»). В.А. Мошин в 1931 г. убеждал, что скандинавский эпос дал русским славянам несколько своих мотивов. В самой же варяжской легенде он видел бродячую легенду, сохранившуюся в разных вариациях у многих народов, где германский элемент участвовал в создании государства. На следующий год А.Л. Погодин выразил уверенность в том, что договор Игоря с греками 945 г. несёт в себе следы знакомства со скандинавским языком⁶⁶ (но такое «открытие» вскоре решительно отверг Мошин⁶⁷).

Несколько позже тот же Погодин, утверждая в стиле своего знаменитого одноклассника, что весь облик Олега есть норманский и что в Киеве знали древнесеверный язык, резюмировал: «...Скандинавские саги запомнили, разработали легендарный сюжет, сохранённый русской летописью». В 1943 г. Г.В. Вернадский, указывая, что известия летописи об Олеге Вещем, включая рассказ о его смерти, имеют близкие параллели в скандинавской саге об Одде, резюмировал: русского князя можно идентифицировать с этим Оддом и что, возможно, его имя «есть всего лишь производное от названия его родной страны. Олег — это русская транскрипция слова “Хельги”, которое, возможно, обозначает уро-

женца Халогаланда (Хельгаланда) в Норвегии» (при этом в примечании говоря, во-первых, что имя Helgi, как это считает эмигрант и лингвист Р.О. Якобсон, по-скандинавски значит «святой», в связи с чем «русский “вещий Олег” по-скандинавски был бы Helgi Helgi, так что русский эпитет “вещий”, по всей видимости, всего лишь перевод скандинавского имени на русский язык». Во-вторых, что «исследование А. Лященко об Олеге, цитируемом Беляевым... неприемлемо для меня»)⁶⁸.

Идея о прямом воздействии на литературу Руси англосаксонских памятников получила в послевоенное время мощную поддержку в лице ведущих советских историков. В 1940–1970-х гг. В.В. Мавродин, полагая в основу своих рассуждений распространённое мнение о существовании тесных связей династии русских князей и английского королевского дома, не сомневался в том, что при дворе Владимира Мономаха «могли оказаться английские барды, привёзшие на берега Днепра свой песенный материал». Исходя из этого допущения, он считал, что в Киеве XI–XII вв. были известны ирландское предание о призвании трёх братьев и аналогичное повествование Видукинды, которые, «несомненно, послужили прототипом рассказа летописца, создавшего своё сказание под влиянием рассказов и песен англосаксов Киевского двора». Напомнил учёный и мысль об англосаксонских параллелях к «Поучению» Мономаха⁶⁹.

В 1950–1990-х гг. Б.А. Рыбаков рассматривал известие ПВЛ о призвании варягов как пересказ какого-то скандинавского сказания, как «ходячую легенду», характерную для всей Северной Европы, как повтор известного англосаксонского предания. Его «переносчиком» на русскую почву он считал Мстислава Владимировича, ибо его двор был родственно близок тому, о котором писал Видукинд Корвейский: Мстислав — сын Владимира Мономаха и английской принцессы Гиты Гаральдовны, в первом браке был женат на шведской («варяжской») принцессе Христине. В 1963 г. польский историк Х. Ловмянский не сомневался, что варяжская легенда содержит англосаксонский мотив «странствования», попавший на Русь благодаря женитьбе Мономаха на Гите⁷⁰. Через два года И.П. Шаскольский напоминал о явном влиянии на летописный рассказ о призвании варягов «текста английской хроники Видукинды о призвании бриттами англосаксонских князей». В 1968 г. В.Т. Пашуто повторил идею Ловмянского, полагая, что англосаксонский мотив был переработан «в духе договора о приглашении на княжение». Причём он допускал, что легенда могла быть внесена в летопись в XII в. из скандинавского эпоса⁷¹ (Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, в 1995 г. и позже подчёркивая, что «мотив трёх братьев является одним из наиболее распространённых в индоевропейском фольклоре» и находит широкое отражение в сюжетах, связанных с основанием государства/династии, заключали, имея в виду утверждения об англосаксонской легенде как прямом источнике варяжской легенды, что мотив призвания «никак не может служить доказательством прямого заимствования»⁷²).

Параллельно с англосаксонской темой в советской науке широко оказалась задействована и та ещё тема, у истоков которой стояли М.П. Погодин и О.И. Сенковский (и которую активно пропагандировали зарубежные исследователи). В 1961–1965 гг. И.П. Шаскольский с высокой долей вероятности вёл речь о влиянии на

формирование текста Сказания о призвании варягов распространённого в шведском фольклоре сюжета о призвании трёх братьев из-за моря, указывая, что собранные А. Стендер-Петерсеном сведения об этом «имеют определённое научное значение; исследователи Начальной летописи могут соглашаться или не соглашаться» с его выводами, однако не считаться с этими материалами теперь уже невозможно (и свою критику гипотезы датского учёного он свёл лишь к отрицанию «ведущей роли норманского фольклора в формировании текста» ПВЛ). В 1968 г. В.Т. Пашуто охарактеризовал Сказание как «внесённое из славянского или скандинавского эпоса в летопись XII в. и сомнительное во многих своих компонентах». Вместе с тем он говорил, что в русском фольклоре отразился «и скандинавский эпос, определению элементов которого немало труда посвятил Стендер-Петерсен. Например, сюжет с парусами в описании похода Олега на Византию имеется и в скандинавских сагах: кто сильнее, тому паруса даются тоньше и дороже». В 1973 г. М.А. Алпатов выразил твёрдую убеждённость в том, что рассказ о добровольном призвании князей был создан самими же норманнами, знавшими новгородские порядки. В 1985 г. В.Я. Петрухин делился мнением, что варяжская легенда была создана в смешанной скандинаво-славянской среде⁷³.

В 1986 г. А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев рассуждали, ссылаясь на Е.А. Рыдзевскую, о существовании общего фонда эпических сюжетов и образов, сложившегося в середине X в. «в смешанной славяно-варяжской среде и, по преимуществу, на Руси», который лишь частично вошёл в древнерусскую литературу, оставив следы «прежде всего в новгородских летописях, в меньшей мере в “Повести временных лет”, где подвергался наибольшей переработке и систематизации в соответствии с киевской традицией» (по их словам, скандинавские элементы присущи и для Иоакимовской летописи). Тогда же они высказались в пользу «возможности существования не дошедшего до нас, созданного на древнесеверном языке источника летописного “Сказания о призвании варягов”», который бытовал в смешанной славяно-скандинавской среде и был затем искажён в последующей письменной традиции, и что в 1118 г. это «варяжское предание» окончательно было включено в текст ПВЛ. Полагая при этом, что летописной формуле «попяша по собе всю русь» в реконструируемом источнике «могло точно соответствовать нечто вроде *allan gor*, типа известных формул *allan ledungr*, *allan abmenningr*, в значении “всё войско”» (в 1999 г. Лебедев опять же подчёркивал, что словоупотребление «*allan gor*» — «вся русь» — равнозначно сочетаниям «*allan ledungr*, *allan almenningr* — «всё войско, всё ополчение», и что «именно так, вероятно, следует понимать и соответствующее место русской летописи»).

И, как подытоживали археологи, скандинавский конунг, согласившись на роль служилого князя (как затем поступали князья, приглашавшиеся в Новгород), «прибыл на службу, мобилизовав все доступные ему силы, куда входила и его личная дружина, и вооружённое ополчение для похода, “русь”. Видимо, именно так понималось первоначальное место и в летописи». Но в начале XII в., когда название «русь» утратило первоначальное значение социального термина, «при изложении “Сказания о призвании варягов” упоминание в новгородских летописях о “руси” Рюрика потребовало объяснение, что и вызвало

ошибочную, этническую, интерпретацию» (данное положение повторил в 1998 и 2019 гг. историк И.Н. Данилевский). В 1991 г. А.Л. Никитин также уверял, что сюжет о призвании Рюрика заимствован летописцем «из какого-то иноязычного источника, полученного уже в трансформированном виде и использован без необходимой критичности»⁷⁴.

Но в силу своих норманистских убеждений «советские антинорманисты» жаждали разглядеть «скандинавский след» не только в ПВЛ. Так, литературовед И.П. Ерёмин и в лекциях, и печатно настойчиво проводил мысль, что в основу рассказа Киево-Печерского патерика об обстоятельствах постройки во второй половине XI в. монастырского Успенского собора легли предания скандинавского происхождения. Вместе с тем на связь летописных сюжетов со скандинавскими, следовательно на связь русской истории со скандинавской, указывала и та ещё идея, которую, например, озвучил в 1980 г. коллега Ерёмина А.Н. Робинсон: предание о гибели Олега Вещего от коня было перенесено в скандинавские саги и превратилось в сказание о гибели норвежского витязя Орвар-Одда от его уже коня. В 1995–2000 гг. Р.Г. Скрынников доносил до читателя (начиная с учащихся старших классов) мнение, что норманны на Руси слагали саги о своих героях - викингах, которые не были записаны из-за отсутствия у них письменности. И хотя летописцы — эти «придворные историографы» — не знали саг, но при составлении своих трудов руководствовались дружинным эпосом и былинами, по заверениям Скрынникова, норманскими преданиями. Ибо в основе дружинного эпоса, утверждал он, лежали саги, сложенные норманнами-русами, и которые «превратились в славянские былины»⁷⁵.

В 1999–2017 гг. Е.А. Мельникова подчёркивала, что дружинная традиция (а дружина, по её оценке, до середины X в. состояла «почти исключительно, а во второй половине столетия — в значительной степени — из скандинавов») лежала в основе реконструкции летописцем русской истории, который внёс в ПВЛ «варяжские сказания» (как их называл А. Стендер-Петерсен), изначально отражавшие по преимуществу мировосприятие, менталитет и культурные традиции древних скандинавов. И прежде всего это «сказания о первых русских князьях от Рюрика до Владимира», а именно: «рассказы о призвании варягов» («сага о Рюрике», создававшаяся, как и всё «Сказание» в целом, в дружинной среде, по преимуществу скандинавской»), о походах Олега и Игоря на Константинополь (и наиболее полно скандинавские культурные традиции выявляются в сказаниях о первом из них: в соотношении его имени и прозвища, сказания о взятии им Киева и сюжете о его смерти), о местах Ольги древлянам, и многие другие (но не объясняя при этом, почему они в таком случае не сохранились в сагах), что скандинавские предания повествовали «о поездках в Восточную Европу, на Русь и в Византию и о подвигах, совершённых там бесстрашными викингами». Таким образом, эти сказания, «возникшие в среде дружинников-варягов, составляли единый для скандинавов и славян фонд эпических сюжетов, первоначально основанных на рассказах о реальных исторических событиях и варяжских предводителях и пропитанных древнескандинавскими верованиями» (в связи с чем «многие из древнерусских сказаний дружинного круга имеют параллели в исландских сагах»).

Говоря же о родстве сюжета о смерти героя от коня в древнерусской и древнескандинавских традициях (которое, несмотря на распространение этого сюжета во всей европейской средневековой литературе, давно уже не вызывает у исследователей сомнения), объясняла, что возник он в среде норманских дружинников на Руси и затем был перенесён в Скандинавию (а был перенесён туда «теми скандинавами, которые возвращались на родину после службы в дружинах древнерусских князей, и позднее был приурочен к имени викинга Одда». Опять же странно, конечно, что они не перенесли куда более достойный сюжет для саг — поход Олега на Византию, так ярко изложенный в ПВЛ). По своему «возвращению» на Русь сказание о смерти Олега утратило ставшие непонятными для летописца скандинавские культово-ритуальные и магические элементы (потому как были забыты по мере ассимиляции варягов в восточнославянской среде), но которые сохранились в его древнескандинавском варианте, увязанном с именем норвежского викинга Одда Стрелы, наделённого многими чертами исторического князя Олега.

Судя по сказанию о смерти русского князя, уверяла Мельникова, Олег Вещий был скандинавским (возможно, норвежским) хёвдингом, предводителем одного из многочисленных скандинавских отрядов, приходивших в Восточную Европу в IX в. (как она оптимистически подводила в 1999 г. черту под разговором на тему Олега и Одда Стрелы, хотя древнейшая история Руси и русско-скандинавские связи оказались за пределами древнескандинавского историописания, однако историческая память о некоторых из тех далёких событий «сохранилась в специфической форме сказаний и исторических преданий, эпических сюжетов и мотивов. События далёкого прошлого представлены в скандинавской традиции как эпическая история, и потому они находят отражение по преимуществу в сагах о древних временах — источнике, изучение которого только начинается, но, несомненно, принесёт много открытий». А в появлении таких «чудных открытий» сомневаться, разумеется, не приходится: что не сможет придумать сама Мельникова, то придумают её «единоверцы»⁷⁶.

В 2001 г. Е.В. Пчелов, задаваясь вопросом, почему сведения об Олеге Вещем отразились в саге о норвежском конунге Одде Стреле, тут же давал на него ответ: он «был настолько значительной фигурой в истории того времени, настолько известным правителем и объединителем русских земель», что предания о нём сохранились как в ПВЛ, «так и в далёкой полумифической саге — русском историческом и скандинавском эпическо-литературном произведении» (он стал «почти полумифическим героем в Скандинавии и на Руси»). На следующий год Е.А. Шинаков, ведя речь о «легенде-саге» о Вещем Олеге, уверял, что её костяк сложился «в устных беседах с норвежскими конунгами и скальдами за столом» Ярослава Мудрого (а в данном случае вполне уместно было бы всё же объяснить читателю, на каком языке, собственно, и велись такие содержательные беседы «за столом», обогатившие мировую литературу, и что явилось тому причиной), что в целом появление «образа Вещего Олега можно считать результатом синтеза скандинавской... и болгаро-христианской историко-политической мысли, проведённой идеологами русской Церкви русского же происхождения... в обстановке антивизантийской по направленности борьбы за

уравнение престижа Руси и империи, скорее всего, — в 40-е гг. XI в.». Говоря далее, что Олег (Хельги) Вещий был эпическим героем не только русских, но и скандинавов, и что он послужил первоначальным прототипом героя «Песни о Хельги» «Старшей Эдды», Шинаков дополнительно усмотрел в «Сказании» о мести Ольги древлянам в 945 г. прямые заимствования из рассказов Харальда Гардрада и даже саму его четырёхчастную структуру⁷⁷.

Рассуждая подобным образом, археолог, ведомый норманизмом, совершает, как и его единомышленники, весьма серьёзную для профессионалов ошибку: уподоблять некоторые сходства в эпосе славян и скандинавов их прямому тождеству и генетической связи, тогда как параллели обнаруживаются в эпосе народов, разделённых тысячами километров и океанами. Так, например, сюжет о хитрости, посредством которой Олег захватил Киев (назвался купцом), был известен, заостряется внимание в науке, египтянам, грекам, римлянам, персам, западноевропейцам, монголам⁷⁸ (в 2013 г. В.Я. Петрухин указал, ведя речь о смерти Олега Вещего, что «мотив рокового змеиноного укуса известен и южнославянскому фольклору: *вила* — женское демоническое существо — превращается в змею и жалит пастуха и т. п. Конь же, предрекающий смерть хозяину, — традиционный мотив античной и византийской литературы, от коней Ахилла до примет эпохи Исаака и Алексея Ангелов»⁷⁹). Вместе с тем Шинаков оставляет без объяснений и другие свои «научные» заключения — например тезис об антивизантийской по направленности борьбе за уравнение престижа Руси и Византийской империи в 1040-х гг., и почему в этих условиях «идеологи русской Церкви» прибегли именно к фигуре язычника Олега, почему «строгие летописцы» использовали, по его же словам, «байки» Харальда Гардрада (ум. 1066), жившего намного позже Ольги (ум. 969), и т. д.

Без всяких объяснений, т. е. в той же декларативной форме, в 2002 — 2009 гг. археолог Д.А. Мачинский (один раз в творческом союзе с коллегой М.В. Панкратовой), превознося исландские саги, очень стремился всех убедить в том, что «ранние сообщения летописей — это те же “саги о древних временах”», только крайне сокращённые. И, вероятно, во времена Олега Вещего «начинает складываться та ладожско-новгородская эпическая традиция, отголоски которой мы находим и в русских летописях, и в скандинавских сагах». А уже дальнейшее развитие этого эпоса происходило при дворе Рёгнвальда в Ладоге (после заключения в 1019 г. брака Ярослава Мудрого с Ингигерд ей была отдана в качестве свадебного дара Ладога, ярлом-воеводой которой она избрала своего родича Рёгнвальда, до этого ярла Вестеръётланда в Юго-Западной Швеции). По мнению Мачинского, Сказание о призвании варягов первоначально существовало в скандинавском варианте и, вероятно, имело в виду не г. Белоозеро, «а побережье озера Ладога, которое у скандинавов и называлось “Белым озером”. Именно в последней трети IX в. появляются курганные могильники со скандинавскими элементами в обрядности и инвентаре в низовьях Ояти и Паши, впадающих в Свирь в непосредственной близости от залива Ладожского озера». Рассматривая же рассказ НПЛ младшей летописи о начале Руси, заключил, что он представляет собой краткий пересказ «саги о деятельности вождей, пришедших с Рюриком, которая начиналась и кончалась двукратным

упоминанием Ладоги» в сюжете о возвращении Олега в этот город и с указанием, что здесь же находится его могила⁸⁰.

В 2009 г. скандинавист Г.В. Глазырина также доносила до читателя, что сказания об Одде и Олеге Вещем имеют общий источник⁸¹ (в 2012–2015 гг. Л.П. Грот, отмечая, что «Сага об Одде Стреле», появившаяся не ранее второй половины XIII в., т. е. более 300 лет спустя после кончины русского князя, принадлежит к «сагам о древних временах», которые носят легендарно-фантастический характер, показала, что она представляет собой компиляцию из двух древнерусских сюжетов. Первый — смерть, по преданию, рассказанному ПВЛ, Олега Вещего от укуса змеи, выползшей из черепа коня, второй — смерть былинного богатыря Святогора в каменном гробу. Вместе с тем исследовательница подчеркнула, расставляя всё по своим местам, что «скандинавская литературная традиция питалась импульсами с европейского континента, как из восточно-европейской, так и западноевропейских культурных традиций» и что русского князя Олега в 1737 г. впервые отождествил с Оддом из саги горячий почитатель фантазёра О. Рудбека Э. Бьёрнер⁸²).

Сам характер и стиль размышлений российско-советских учёных XX в. и текущего XXI столетия о ПВЛ, ведущихся в абсолютно бездоказательной манере, заимствованы ими не только из трудов предшествующих русских исследователей, категорично всё рубивших с «норманистского плеча». На них вместе с тем весьма большее воздействие в этом плане оказывали зарубежные специалисты, смотрящие на наши древности через призму «скандинавского догмата». И потому в своих построениях они, как констатировал в 1948 г. историк М.Н. Тихомиров в отношении английского историка Н.К. Чадвик (резонно видя в её работе «плод самонадеянной и невежественной стряпни», в которой начальная русская история предстаёт историей скандинавских завоевателей), исходят из посылки, «что всю русскую древность IX–XII вв. можно легко объяснить скандинавскими сагами» (т. е. действуют согласно «инструкции» О.И. Сенковского). Насколько была высока в том уверенность, свидетельствует тот факт, что скандинавское влияние старались обнаружить и в «Слове о полку Игореве», и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона.

В разговоре о зарубежных специалистах, чьими идеями во многом живёт наша историко-филологическая наука, следует особо выделить датчанина А. Стендер-Петерсена, полно изложившего свою позицию в отношении ПВЛ в 1934 г. в монографии с уже ясным названием-выводом — «Варяжская сага как источник древнерусской летописи». И в ней, и в последующих работах (а также выступлениях на конференциях) он активно развивал тему, практически повторяя О.И. Сенковского и М.П. Погодина, что ядро летописи в части за IX–X вв. (т. е. в древнейшей её части) составляет скандинавский фольклор и эпос, сохранившиеся среди норманнов-колонистов со времени их прихода на Русь. Но свои предания норманны, как уверял Стендер-Петерсен, опираясь на идею шведского литературоведа Г. Шюка, высказанную в 1922 г., перенесли на Русь не из Скандинавии, как это полагали названные русские учёные (потому как очевидна надуманность такого тезиса), а из Византии и Ближнего Востока, где они были ими созданы. Переработанные затем на Руси в норманнской среде,

они позднее «перекочевали» на Север, войдя там в состав скандинавского эпоса (эти предания, имевшие «определённые источники в византийских и средиземноморских рассказах-анекдотах», доходили, с прикреплением к именам скандинавских героев через Киев даже до Исландии и Англии, «оставляя за собой следы своих странствований на всех этапах миграции»). Центральными фигурами целого цикла таких рассказов — «Sagen und Anekdoten über die varägischen Könige» — были князь Олег (Helgi) и княгиня Ольга (Helga).

Сказание о призвании варягов датский лингвист охарактеризовал как сага «народа шведской руси» («sage des Rus' — oder Ruotsivolkes») «о приезде из-за моря трёх братьев Рюрика, Синеуса и Трувора» (или «варяжская сага о призвании руси из-за моря»), записанная летописцем в XI или в XII в. со слов дружинников-норманнов, указавших ему, что племя «русь», из которого были призваны варяжские князья, являлось скандинавским племенем. Это потребовалось потому, пояснял учёный, что к XI в. слово «Русь» уже обозначало собой Русское государство. И «сага» о призвании варягов возникла в византийском варяжском мире, где якобы переплелись две однородные саги: переселенческая сага о трёх братьях из Швеции (чаще всего из Рослагена), родившаяся среди шведских колонистов побережий Финляндии и Эстонии, и сага англо-датчан, вытесненных из Англии норманнами Вильгельма Завоевателя, повествующая о добровольном призвании англосаксов, а позднее скандинавов на Британские острова. И ею летописец, обращавшийся «за справками» к дружинной и княжеской среде с её варяжскими традициями», начал историю возникновения Русского государства.

Стендер-Петерсен, предлагая с большей критикой относиться к летописному рассказу о призвании варягов, ибо он был создан очень поздно после описываемых в нём событий, а сам мотив призвания был искусственно сконструирован «под влиянием позднейших легитимистических интересов княжеской династии» (была не заинтересована в сохранении в памяти славянского населения, уже давным-давно принимавшего равноправное участие в делах государственной жизни, факта узурпации власти Рюриковичами), резюмировал: в данном памятнике реальна лишь традиция о происхождении скандинавского племени «русь». И эта традиция, считал он, была, по существу, устной традицией («фольклорным преданием самого этого племени»), созданной по схеме сюжета о приходе трёх братьев из-за моря, чрезвычайно распространённой «именно среди шведского населения не только Финляндии, но и эстонских островов, населения, помнившего по преданию своё заморское происхождение». Из той же скандинавской среды русский книжник почерпнул «также длинный ряд устных саг о военных хитростях древних князей, о их многочисленных стратагемах, о завоевании или занятии ими городов вроде Киева и даже самого Константинополя, о поединках богатырей, о пророчествах, исполнявшихся чудесным образом, о мести гордых героинь-женщин». Не было у скандинавского слависта сомнений и насчёт того, что летописец описание европейских народов, содержащееся во введении ПВЛ, заимствовал из византийского источника, имевшего норманское происхождение, а упоминания в нём руси связал с теми же скандинавскими дружинниками, которые рассказали ему древнее сказание о призвании народа русь⁸³.

В критике позиции Стендер-Петерсена много позитивного было сказано в 60-х гг. И.П. Шаскольским, справедливо указавшим, что тот в своих выводах исходит не из анализа текстов ПВЛ, а из идеи о норманском «предании, будто бы положенном некогда в основу летописного рассказа о призвании варягов», из своей гипотезы о реальном существовании в IX в. некоего шведского племени по имени «Русь». В связи с чем, правомерно заключал историк, его аргументация не может быть признана сколько-нибудь убедительной. Вместе с тем подчеркнув, что наличие в летописи «нескольких сюжетов, имеющих аналогии в скандинавском эпосе, не может служить доказательством ни для летописи в целом, ни для её древнейшей части». Как в целом констатировал Шаскольский, западноевропейские учёные дают норманистскую трактовку ПВЛ, в связи с чем «создание русского летописания в значительной мере приписывается всё тем же норманнам». Но, заострял он внимание, против норманистской трактовки нашей летописи с очевидностью говорит и то обстоятельство, что она «написана не на скандинавском, а на русском языке, и в ней не содержится ни малейших признаков, которые позволяли бы говорить не только о влиянии скандинавского языка, но хотя бы о самом элементарном знакомстве создателей этого произведения с языком норманнов; тем более нет никаких признаков переводного характера со скандинавского языка ни для всего произведения, ни для тех отрывков, сюжеты которых находят аналогии в скандинавском эпосе». Вместе с тем исследователь отметил, что русская письменность и литература с самого начала стали развиваться не на скандинавском, а на славянском языке⁸⁴.

Ценность приведённых оценок Шаскольского творчества Стендер-Петерсена (а они в полной мере приложимы и к работам отечественных учёных) состоит в том, что он нисколько не сомневался в норманстве варягов и всемерно способствовал закреплению норманизма в советской и постсоветской науке. К сожалению, в этом обстоятельстве как раз крылась причина того, что его критика не достигала цели, т. к. учёный сам же рассуждал о «норманизме» летописцев, что основой норманской версии является летописный рассказ о призвании варяжских князей, что в летописях варяги XI–XII вв. понимаются только в национальном значении, т. е. шведов, что распространённый среди шведского населения на восточных берегах Балтики фольклорный сюжет о приходе трёх братьев, с которым необходимо считаться, мог отразиться на варяжской легенде⁸⁵. В подобных заверениях тонуло всё положительное, что говорил Шаскольский по поводу утверждений зарубежных коллег.

Но лучше всего по рассматриваемой теме вела речь в предвоенные годы норманист Е.А. Рыдзевская, прекрасный знаток скандинавской истории и культуры. Специально рассмотрев летописные известия на вопрос их скандинавского происхождения, она пришла к двум очень важным выводам. Во-первых, что это происхождение приписывалось им «теми учёными, которые хотели установить его во что бы то ни стало». Во-вторых, что один из самых вредных предрассудков, созданных старой норманской школой, заключается «в трактовке древнерусских преданий, близких к скандинавским, исключительно как заимствований из скандинавского источника». Отмечая, что теорию заимствования следует ограничить и проверять критически в значительной мере строже,

чем это часто делается, исследовательница выступила как против того, чтобы приписывать элементы варяжской легенды рассказам скандинавов, так и против того, что она представляет собой разновидность скандинавского переселенческого сказания или восходит к аналогичным западноевропейским мотивам, относя их все «к искусственным книжно-литературным комбинациям».

Сходство между ними Рыдзевская объясняла более или менее сходными политическими условиями, при которых авторы ставили себе аналогичные политические цели, а сам мотив предания о трёх братьях назвала «чуть ли не всемирным». Указывая, что нет убедительных доказательств ни русского влияния на скандинавские сказания, ни скандинавского — на русские, ею было подчёркнуто: «Та общность сказаний и легенд, которую мы наблюдаем у восточных славян в начальный период нашей истории и у скандинавов эпохи викингов, объясняется не только взаимным культурным общением, она в немалой мере обусловлена сходным стадийным развитием». В отношении разговоров об использовании летописцами иноязычных памятников Рыдзевская сделала несколько замечаний, которые остаются в силе по сей день и которые надо иметь в виду тем, кто такие разговоры ведёт. Если принять доводы В.А. Пархоменко, то как летописец, задавала она вопрос, мог использовать западноевропейские литературные памятники, мог ознакомиться с ними, с тем, что писал Видукинд Корвейский? (ещё П.М. Бицилли оставил открытым вопрос о знании летописцем, якобы знакомым с франкской традицией, латинского языка).

При этом она правомерно заострила внимание на том, что, например, хитрость, которой воспользовался Олег Вещий для взятия Киева, является вариантом широко распространённого сюжета о проникновении вооружённых людей в укреплённое место при помощи переодевания и скрывания внутри разных предметов и что учёные нашли ему египетские, греческие, римские, иранские, западноевропейские и монгольские параллели. Сама же Рыдзевская указала на сообщение Саксона Грамматика об обстоятельствах гибели Видсерка, сына полулегендарного Рагнара Ладброка, покорившего Скифию и отдавшего её во владение сыну: местный геллеспонтский князь, тщетно пытавшийся одолеть его в открытом бою, вводит своих воинов к нему в город под видом купцов с повозками, нападает на него и побеждает⁸⁶.

8.2 «Советские антинорманисты» и нынешние «взвешенные» норманисты о норманнах как создателях Сказания о призвании варягов

В разгар перестройки по вопросу возникновения Сказания о призвании варягов и истории его занесения на страницы ПВЛ наша наука была обогащена ещё одной — в духе А. Стендер-Петерсена — норманистской версией. Хотя в общих чертах она уже звучала ранее (о чём, например, говорили А.Н. Кир-

пичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев в 1986 г.), но окончательно её сформулировал в 1989 г. «советский антинорманист» Н.Н. Гринёв, положив при этом в основу своих рассуждений расхожую идею, что имена братьев Рюрика Синеуса и Трувора представляют собой якобы ошибочное толкование древнешведских слов: Синеус (*sine hus*) — «свой род», а Трувор (*thru varing*) — «верная дружина». В свете чего в науке давно предложено читать летописный текст, где говорится о приходе Рюрика с братьями на Русь, как его приход «с родом своим и верной дружиной». А включение в летопись, убеждал Гринёв, русской транскрипции древнешведской фразы показывает, что в руках летописцев второй половины XI в. оказался извлечённый из архива написанный старшими рунами документ, имевший характер договора с приглашённым княжеским родом, а сама эта фраза «производит впечатление устойчивой формулы, связанной с поименованием князя при официальном к нему обращении»⁸⁷.

В 1996–2003 гг. идею, что договор («ряд»), заключённый на старосведском языке Рюриком с призвавшими его славянскими и финскими старейшинами, был использован в начале XII в. летописцем, не понявшим некоторых его выражений («*sine hus*» и «*thru varing*», означавших «с родом своим и верной дружиной»), весьма активно проводил известный археолог А.Н. Кирпичников (Сказание о призвании варягов «зафиксировало реальное событие, связанное с появлением в среде славян и финнов севера Восточной Европы скандинавских пришельцев. По крайней мере часть “Сказания” не несёт черт устного народного творчества, напоминает, скорее, деловое, протокольное описание событий»). Его дополнительные «доводы» в пользу «легендарности» Синеуса и Трувора заключались в том, что в Белоозерской округе само присутствие скандинавов, судя по археологическим находкам, слабо прослеживается не только в IX, но и в X в., «а в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий — поэтому вряд ли там появлялся знатный скандинав»⁸⁸.

Построения Гринёва и Кирпичникова — яркий и вместе с тем типичный образец того, как можно, руководствуясь определённой идеей и опираясь лишь на допуски и предположения, прийти к желаемому результату, ставшему, при всей очевидности натяжек, «научным фактом». Причём эти учёные, взращённые в духе норманизма, дополнительно ещё находились в плену того «научного факта», который обрёл свою популярность в прошлом столетии (его заложниками продолжают сейчас оставаться многие) и согласно которому в первоначальном варианте Сказания о призвании варягов звучало, что Рюрик явился на Русь без всяких братьев, а лишь «с родом своим и верной дружиной».

Эта очередная научная легенда, преследующая цель придать норманской версии поддержку в виде самой ПВЛ, имеет свою историю, которая в наше время дополнительно получила ложную трактовку. Начиная с 1990-х гг. в справочной, учебной и научной литературе громко зазвучала мысль ещё об одном приоритете Г.З. Байера в нашей исторической науке. Вероятно, начало ей положил Л.М. Пятецкий, утверждавший в справочной и учебной литературе: «немецкий учёный Иоганн Готфрид Байер, трудившийся в 30–60-е гг. XVIII в. в России, доказывал, что летописная версия искажена, т. е. имена братьев Рюрика — в действительности скандинавские слова, обозначающие, что он при-

шёл в землю словен со своей дружиной — “тру-вор” и своим домом “сине-хус”»⁸⁹. Однако учёного «Иоганна Готфрида Байера» в российской истории никогда не существовало, но был Готлиб (в латинском варианте — Теофил) Зигфрид Байер⁹⁰, прибывший в Петербург в 1726 г. и умерший там в феврале 1738 г., и которого долго время преподносили в качестве основателя норманизма (Пятецкий запутался в Байерах, известных в истории, и «приписал» нашему Байеру имя «Иоганн», которое носили его однофамильцы, например известный астроном XVII в., затем богослов того же столетия, а также двое его сыновей, старших современников автора «О варягах»).

Затем «Иоганн Готфрид Байер» («дотошный»), «И.Г. Байер», «И. Байер», «Г. Байер» с приписываемым ему «открытием» попал в работы историков и археологов С.В. Думина, А.А. Турилова, В.Я. Петрухина, И.Н. Данилевского, Е.В. Пчелова («основатель норманизма» Байер был «основателем этой, казалось бы, нигилистическо-антинорманистской мысли»), Е.А. Шинакова⁹¹. Но такое «открытие» у немецкого учёного отсутствует, что хорошо видно из его ключевой работы по варяжской проблеме «О варягах», в XVIII в. увидевшей свет на латинском и русском языках (эту статью, как уже указывалось, В.Н. Татищев включил в сокращённом варианте в первый том «Истории Российской», не раз затем переиздаваемом. В 1998 г. она частично, наряду с другими работами Байера по русской истории, помещёнными Татищевым в свой труд, была опубликована А.Г. Кузьминым, а в 2006 г. переиздана автором настоящих строк. В полном же объёме она вышла в переводе К. Кондратовича в 1767 г.⁹²).

Сами же попытки объяснить имена братьев Рюрика как неправильно понятую при переводе фразу «Rurik und sine getruwen» предпринимались в XIX в., но не получили поддержки даже среди норманистов, и что как научный курьёз представил в 1877 г. в своей работе И.И. Первольф (справедливо требуя научного объяснения древнерусских имён, произвольно трактуемых в науке, он и произнёс: «А то, пожалуй, будут ещё правы те господа, которые объясняют трицу Рюрик, Синеус, Трувор по-немецки: Rurik und sine getruwen»)⁹³. Немаловажную роль в закреплении мнения о скандинавской основе Сказания о призвании варягов, мнения, что Синеус и Трувор — не люди, а лишь звуки шведской речи, сыграли в послереволюционное время наши эмигранты. Так, в 1929 г. Н.Т. Беляев утверждал, что на руках летописца был малопонятный ему скандинавский текст, итогом чего стало превращение прилагательных, окружавших имя Рюрик, «Sig-niotr»-«победоносный» и «Thruwar»-«верный», в существительные, в имена Синеус и Трувор (а к такому заключению учёного подтолкнули выводы А.А. Куника, который в 1845 г., видя в братьях Рюрика реальные лица, но не найдя в сагах именам Синеус и Трувор скандинавских аналогий, сказал, что «Sig-niotr» и «Thruwar» являются прилагательными, означавшими прежде всего «победоносный» и «верный»).

По мысли Беляева, это «сага, или, вернее, песни скальдов; может быть, подобно песне Гиндлы, она кончалась припевом-строфой, вроде: “Рюрик, Победоносный и Верный (Roerik, Sig-niotr ok Thruwar)”». Такое объяснение принято было Г.В. Вернадским (в 1963 г. Х. Ловмянский резонно указал: тезис, что имена Синеуса и Трувора возникли из эпитетов, данных Рюрику, —

«победоносный» и «верный» — «требовал бы доказательства, что Рюрик был действительно “победоносный”, “верный”, однако к этому нет никаких оснований»). В 1931 г. В.А. Мошин, ставя под сомнение содержание Сказания о призвании варягов и соглашаясь с тем, что оно представляет собой бродячую легенду, сообщил о наличии в науке ещё одной точки зрения, согласно которой летописец пользовался скандинавским источником, повествующим о прибытии «Рюрика со своим домом и верной дружиной» — «sin hous trēj wory» («tru varing»)⁹⁴.

В советскую науку эту идею перенёс в 1956 г. Б.А. Рыбаков. Перенёс с целью доказать отсутствие каких-либо реалий в повествовании о призвании варягов-норманнов тем тезисом, что, если Рюрик — это историческое лицо, то «анекдотические “братья” Рюрика только подтверждают легендарность “призвания” и его источник — устный скандинавский рассказ». Спустя два года он несколько уточнил свою мысль, сказав, что «источником сведений о Рюрике и его “братьях”, вероятнее всего», был устный рассказ о конунге Рюрике какого-нибудь варяга или готландца, плохо знавшего русский язык. Одновременно историк полагал, что в основе варяжской легенды могло лежать широко распространённое в Северной Европе (в Ирландии и Англии) эпическое сказание о трёх братьях — основателях королевств. В конечном итоге всю вину в появлении в легенде, а значит, в русской истории Синеуса и Трувора Рыбаков возложил, растиражировав эту мысль во многих работах, не на скандинавского информатора русского книжника, а на него самого, объясняя имена братьев Рюрика из старошведского как результат «чудовищного недоразумения, происшедшего при переводе скандинавской легенды», когда новгородец, плохо зная шведский язык, «принял традиционное окружение конунга за имена его братьев»⁹⁵ (как резонно заметил в 1963 г. Х. Ловмянский, «концепция, отрицающая существование Синеуса и Трувора как личностей, наталкивается на серьёзную трудность — почему тогда эти имена связываются с Белоозером и Изборском?»⁹⁶). Ко всему же Рыбаков оставил без объяснений вопрос, с которого, вообще-то, и надлежало бы начать ему свои рассуждения: знание новгородцем латинского, ирландского, английского и шведского языков).

Утверждение об ошибке летописца, приведшей к «рождению» никогда не существовавших братьев Рюрика, прекрасно прижилось в советской науке⁹⁷, весьма своеобразно трактовавшей борьбу с норманской теорией. Поэтому неудивительно, что преподносимое с позиции якобы антинорманизма и якобы долженствующее показать всю нелепость разговора о роли норманнов в русской истории, это «новое прочтение» Сказания о призвании варягов ещё больше укрепляло научный мир (и общество в целом) в мысли о норманстве варяжских князей и их многочисленного окружения. И ныне тезис о том, что Синеус и Трувор — это следствие плохого знания летописцем шведского языка, что их имена представляют собой не что иное, как кальки со шведского (в чём видит веский контраргумент против бытия этих братьев в реальности), что повествование о них несёт на себе печать вымысла, легендарно (из упоминаемых в ПВЛ «варяжских конунгов» только Рюрик был реальным человеком), что появление Синеуса и Трувора на исторической сцене есть, ско-

рее, филологический курьёз, является весьма расхожим в научных, учебных и справочных изданиях⁹⁸ (и тем самым братья Рюрика выбрасываются, словно мусор, из русской истории).

Так, например, в 1995 г. Л.А. Кацва и А.Л. Юрганов объясняли учащимся седьмого класса, что «Рюрик сине хус трувор» означает в переводе с древнешведского «Рюрик с домом и дружиной», по причине чего он и обзавёлся двумя братьями. При этом для большей убедительности своим словам ещё подчёркивая, нагромождавая одну ложь на другую, что варяжский конунг Рюрик «известен в IX в. по скандинавским источникам» (но ни один скандинавский источник, что очень хорошо известно в науке, не говорит о «варяжском конунге» по имени Рюрик. Как констатировал ещё в 1836 г. норманист Ф. Крузе, имя Рюрика «не упомянуто в многоречивых скандинавских сагах». Вероятно, авторы учебника имели в виду Рорика Ютландского, но речь о нём идёт лишь во франкских хрониках и без всякой связи с Русью). А в учебнике для студентов-историков 2011 г. В.Г. Вовиной-Лебедевой звучит, уродуя творческую мысль будущих исследователей истории Руси и русских летописей: «Летописец ошибался, думая, что в легенде о призвании варягов речь идёт о трёх братьях. Дело в том, что фраза, звучавшая на древнескандинавском языке как “Рюрик сине хус трувор”, обозначает в переводе: “Рюрик с домом и дружиной”»⁹⁹.

«Взвешенным» норманистам, заставляющим летописцев говорить то, что они никогда не говорили, стоит непременно знать ещё одну анекдотическую версию толкования имён братьев Рюрика, которую огласил писатель И.Л. Солоневич. Как он рассказывает, его сноха, шведка по национальности, высказала подозрение, что в варяжской легенде «что-то напутано: Синеус, вероятно, обозначает семью, дом, домочадцев, а Трувор, вероятно, обозначает скарб. Действительно, по-шведски сина хус — значит “с домом”, а Трувор очень похож на Труэ — сундук, скарб... Итак, пришёл Рюрик и стал княжить в Новгороде, его семья в Изборске и его сундук — в Белоозере. Эта точка зрения может объяснить совершенно бесследное исчезновение и семьи, и сундука со страниц летописей. Несколько труднее объяснить тот факт, что за двести лет полемики учёные мужи не догадались заглянуть в шведско-русский словарь»¹⁰⁰.

Гипотезу о скандинавской основе варяжской легенды не принимают, по причине её явной нелепости, и некоторые норманисты. В 1934 г. Е.А. Рыдзевская, отмечая принципиально важный факт, что в сагах она не отразилась, резюмировала: «...Против её скандинавского происхождения, точнее — против её оформления непосредственно на почве скандинавских преданий, говорит, между прочим, и то обстоятельство, что имена Рюрика, Синеуса и Трувора не образуют аллитерации, обычной для имён героев в древнескандинавских сказаниях». Отвергала учёный скандинавский элемент в легенде и позже, опять же говоря, что достаточно богатая северная литература не содержит ни одного хотя бы отдалённого намёка на призвание варяжских князей. В 1961 г. И.П. Шаскольский верно указал, что приведённая трактовка имён Синеуса и Трувора зиждется только на одном — на невероятном предположении о норманском происхождении Сказания о призвании варягов, к тому же она, подчёркивал исследователь, «неубедительна и с филологической стороны; её не приняли

крупнейшие филологи-норманисты В. Томсен, А. Стендер-Петерсен и др., на авторитет которых в данном вопросе вполне можно положиться»¹⁰¹.

Сегодняшние активные сторонники норманства варягов и руси В.Я. Петрухин и Е.А. Мельникова ещё с советского времени справедливо заостряют внимание на том, во-первых, что текст варяжской легенды не несёт никаких следов, позволивших бы заподозрить в ней перевод (в её тексте не содержится никаких следов влияния древнескандинавских языков, в ней нет заимствованных терминов, слов, восходящих к северогерманским корням). Во-вторых, что возведение имён Синеус и Трувор к упомянутым фразам фонетически невозможно. Если признать эту безграмотную кабинетную этимологию, поясняет Петрухин, то «придётся также признать, что переводчик дважды перевёл древнешведскую фразу, имевшую значение “с родом своим и верной дружиной”: один раз в соответствии с её истинным смыслом, второй раз — приняв его (неясно, каким образом, если он только что перевёл это выражение верно) за личные имена. Более того, чтобы образовать имя Трувор из *thru varing* (приводимая форма именительного падежа *varing* в данной фразе, кстати, невозможна, так как синтаксис фразы требовал бы формы дательного падежа), переводчик должен был бы восстановить этимологически исходную форму *vár* — “обет, клятва”, никогда не имевшую значения “дружина”, “отряд воинов”».

Мельникова в свою очередь говорит, что слова *hus* и *væringi* никогда не имели значение «род, родичи» и «дружина». Оба исследователя также подчёркивают, при этом называя имена Б.А. Рыбакова и Н.Н. Гринёва, что «необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена Синеус и Трувор как осмысленные летописцем в качестве личных имён древнешведские фразы “со своим домом и верной дружиной”» (а такая мысль основывается на элементарном незнании древнескандинавских языков), подразумевающие восхождение легенды к прототипу на древнешведском языке. Летописец, заключают они, имел дело с памятником, изложенным на древнерусском языке, а также указывают, что Сказание о призвании варягов «соотносится со сказаниями других народов о переселении части (обычно) трети племени во главе с тремя (или двумя) братьями в далёкую страну», и видят в братьях Рюрика генеалогических героев¹⁰².

В 1994 г. С.Н. Азбелев отметил, что толкованию имён братьев Рюрика как «*sine hus*» и «*thru varing*» противостоит русский фольклор о князьях Синеусе и Труворе¹⁰³ (а вместе с тем, важно добавить, и Труворова могила близ Изборска, и «могила царя Синеуса», которую ещё показывали в 40-х гг. XIX в. в Белозерье. Польский историк М. Стрыйковский, уделявший большое внимание истории Руси и пользовавшийся недошедшими до нас русскими летописями и преданиями, сообщал в 1582 г., что князь Синеус/Sinaus построил над Белым озером замок и город и умер, в отличие от братьев, без потомства. Его княжество наследовал Трувор, который затем скончался в Пскове, где и был похоронен¹⁰⁴). В 2000 г. Ю.Д. Акашев к рассуждениям Петрухина и Мельниковой добавил, касаясь имени Синеус, что действительно, в шведском языке «*sin*» — свой, а «*hus*» — дом. Но в то же время, констатировал он, в нём невозможно сочетание «*sine hus*»: «свой дом» пишется как «*sitt hus*», а «со своим домом» — «*med sitt hus*».

Но если же принять трактовку имён Синеус и Трувор, то получается, демонстрировал её надуманность Акашев, «что Рюрик обосновался в Новгороде (или Ладого), “его род” — в Белоозере, а его “верная дружина” — в Изборске». В 2001–2010 гг. Е.В. Пчелов, повторяя наблюдения Мельниковой, Петрухина и Акашева, также указал, что «сама по себе версия о “роде” и “дружине” покоится на слишком шатких основаниях» и что если же считать имена братьев неправильным переводом слов, то и весь последующий текст летописи лишается смысла: «Получается, что Рюрик отправил своих родичей в Белоозеро, а дружину в Изборск, причём через два года и те и другие при неизвестных обстоятельствах закончили своё существование» (согласно ПВЛ, «по двою же лету Синеус умре и братъ его Трувор; и прия власть Рюрик». Следовательно, если видеть в именах братьев Рюрика предлагаемые слова, «два года спустя умерли “его род” и брат его “верная дружина”. И принял всю власть Рюрик». Столь же нелепо звучит, коль привести слова Солоневича, что «пришёл Рюрик и стал княжить в Новгороде, его семья в Изборске и его сундук — в Белоозере»¹⁰⁵.

Но в науке, несмотря на всю абсурдность такого звучания летописного рассказа, игнорируются выводы Рыдзевской, Петрухина, Мельниковой, Акашева, исходящие из норм шведского языка, и из истории всё так же продолжают вычёркивать Трувора и Синеуса¹⁰⁶. И в том опять же особую активность проявляют, руководствуясь норманской версией и стремясь подогнать под неё противоречащий ей материал, археологи. Так, в 2007 г. В.Л. Янин, принимая норманна Рюрика за данность, выразил своё отношение к его братьям давно знакомыми словами: «Сомнительным представляется лишь существование “братьев Рюрика”. Давно уже обращено внимание на то, что “имена” братьев могут быть переведены как “верная дружина” (Трувор) и “свой род” (Синеус). Тем более что, например, отдалённость Белоозера от Новгорода весьма значительна... Наиболее существенно то, что ни в Изборске, ни в Белоозере археологические раскопки каких-либо следов пребывания скандинавов в IX в. не обнаружили» (о том, что летописец изобрёл легендарных Синеуса и Трувора, наш выдающийся учёный говорил и в 1962 г.)¹⁰⁷.

Итак, стоит заострить внимание, «наиболее существенно то, что что ни в Изборске, ни в Белоозере археологические раскопки каких-либо следов пребывания скандинавов в IX в. не обнаружили». В связи с чем археологи, как выше указывалось, «омолодили» историю Белоозера на целое столетие и легко вычеркнули, вместе с Изборском, из Сказания о призвании варягов (и из событий, связанных с этим историческим фактом). Потому как варягами могли быть только скандинавы, но скандинавских вещей ни в Белоозере, ни в Изборске нет. Согласно В.В. Седову, многие годы ведшему раскопки Изборска, он был основан кривичами не позднее рубежа VII–VIII вв., а в IX — начале X в. представлял собой уже далеко не родовое поселение. Однако в нём «ни в домостроительстве, ни в культовых элементах, ни среди вещевых материалов не обнаружено явных признаков, указывающих на проживание выходцев из Скандинавии»¹⁰⁸.

Братьев Рюрика вычёркивают из нашей истории ещё и потому, что, как признавали, например, Н.Н. Гринёв и М.Б. Свердлов, имён Синеус и Трувор нет в Скандинавии и они отсутствуют в древнескандинавской ономастике (вот по-

чему для норманиста Г. Джонса имя Синеус есть странное имя). Или, как уже констатировали А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, имена Синеус и Трувор «при “скандинавоподобном” облике не имеют убедительных скандинавских этимологий и, в отличие от Рюрика, не являются именами исторических лиц»¹⁰⁹. Поэтому, как справедливо заметил в 1974 г. А.Г. Кузьмин, предлагаемые кальки выражений Сказания о призвании варягов «с родом своим» (*sine hus*) и «верная дружина» (*thru varing*) «скорее, остроумное, чем достоверное решение, свидетельствующее о безнадёжности попыток дать удовлетворительное объяснение» имён Синеус и Трувор из германских языков¹¹⁰.

И лишь по причине такой безнадёжности, подрывающей построения норманизма, данные имена лишают их сущности (ибо это закономерно заставляет искать объяснение им вне скандинавско-германской среды), стараются представить, по характеристике А.Н. Кирпичникова, языковым недоразумением, порождённым не устной, а письменной традицией¹¹¹. Этими словами археолог выразил суть активно используемого норманистами приёма, принадлежность которого к действительной науке более чем сомнительна. И сводится он к тому, что в целях обоснования норманства варягов и руси источникам, где ничего не говорится о том, приписывают ошибки/недоразумения, которые исправляют в надлежащем духе. Так, в 1910 г. финский профессор Г. Пиппинг заключил, что древлянского князя Мала, за которого в 945 г. его подданные сватали княгиню Ольгу, никогда не было, ибо он есть следствие существенной ошибки, возникшей при неверном переводе скандинавского источника (скандинавской речи). Потому как летописец не понял обращённой к Ольге «формулы» «*Giptas mæf mund ok mæf mæli*», означающей «брак с обеспечением приданного и заключением торжественного договора», при которой брак, «согласно древнему западнотскому закону», считался действительным и вступал в силу, и принял последнее слово «*mæli*» за имя собственное *Mal*, истолковав брачную формулу за предложение выйти замуж за лицо, носящего имя Мал.

Русский историк С.А. Корф в 1912 г. восторженно поддержал объяснение Пиппинга, которое, по его оценке, «настолько выпукло и просто, что вряд ли может вызвать сомнения в своём существовании», увидел в нём «новое свидетельство того огромного влияния, к несчастью, и по сие время наукой ещё столь мало разработанного, которое оказало скандинавское право на славянские племена». Против подобного прочтения летописи сразу же решительно выступил С.Н. Сыромятников, указав, что только на допуске норманства Ольги и построен домисел, «будто послы древлянские говорили с нею на древнесеверном языке и предлагали ей древнесеверную форму брака... ввиду того, что она была скандинавкой». К тому же учёный привёл примеры, которые, напротив, свидетельствуют, что «летописцы обыкновенно переводили чужеземные географические имена и прозвища и всегда переводы эти вполне точны, как бы ни было иногда трудно для летописцев понять их точный смысл».

Обстоятельное рассуждение Сыромятникова заканчивается словами, смысл которых в наши дни звучит столь же актуально: «Можно, при желании, весь рассказ о сватовстве древлян и о мести Ольги считать сагой... Но заставлять древлян говорить с Ольгой на древнешведском языке, предполагать существование

древнешведской летописи в IX веке в Киеве и обвинять летописца в безграмотности — совершенно не основательно». В 1929 г. норманист А.И. Лященко в своих возражениях польскому историку А. Брюкнеру, четырьмя годами ранее повторившему Корфа, полностью согласился с Сыромятниковым (с добавлениями: что тогда необходимо признать влияние скандинавского брака на брачный обычай полян, хотя скандинавских женщин в Киеве и в других русских городах почти не было, что древляне, как славяне, не могли считать скандинавскую форму брака нужнее и крепче своей, что выражение «*mæf mæli*» летописец не мог передать словами «за Мала», а должен был передать словами «за Мела», ибо древнешведское «æ» было долгим «е»)¹¹².

В 1902 г. Ф.А. Браун, твёрдо говоря, а так до него говорили многие, что упоминаемые в Киево-Печерском патерике варяги Якун, Африкан, Фрианд и Шимон — это шведы, и старательно подыскивая их именам скандинавские параллели, «установил», что имена Шимон и Африкан указывают не просто на Скандинавский полуостров, а конкретно на шведскую область *Södermanland* и примыкающую к ней с юга полосу *Östergötland*, откуда, по его мнению, и могли только выйти носители этих имён. Но к имени Фрианд он не смог подобрать ничего близкого из скандинавского именослова. Тогда этот германист просто задался вопросом, точно таким же, что обычно задаётся в отношении имён Синеуса и Трувора, и дал на него точно такой же ответ: «Не в недоразумении ли дело? Не имел ли первый редактор Патерика или автор “Слова о создании церкви” перед собой варяжскую запись, или не записаны ли им относящиеся сюда подробности, первоначально, со слов варяга, сообщившего ему, что Якун изгнал *frianda Simon Afrekaſon*, т. е. своего родича Симона, сына Африкана, и не принял ли он непонятное ему *frianda* за собственное имя брата Симона?». Завершая свои размышления, Браун откровенно признался, что «с точки зрения скандинавской, высказанная догадка навязывается сама собой»¹¹³.

Отдать всё же надо должное учёному, прямо признавшему, что являлось путеводной нитью в его поисках. Да и названные прибрежные шведские области, лежащие напротив Финского залива, он определил не в результате каких-то необычайно сложных расчётов и трудоёмкой работы с источниками, а указал на них лишь потому, что прежде всего именно из этих мест норманисты, В. Томсен, например, и выводили большинство носителей летописных имён, запечатлённых в договорах с греками 911 и 944 гг.¹¹⁴ (неиссякаемую фантазию норманистов, исходящих «с точки зрения скандинавской», по поводу приведённых имён Патерика демонстрируют и другие примеры. А.А. Куник в 1845 г. увидел в именах Якун, Африкан и Фрианд самые подлинные норманские имена: древнешведское *Nakun*, древнеисландское *Nakon*, датское *Naagen*, *Afrik/Ofrik* и *Friand*, и потому представлял «князя варяжского» Якуна статьи ПВЛ под 1024 г. в качестве «шведского принца». В 2008 г. С.М. Михеев посчитал более обоснованной версию не Брауна, а Томсена, возведшего русские имена к формам *Alfrekr*, *Friandi*, *Sigmundr*, и поддержанную Стендер-Петерсеном. Нисколько не сомневаясь, как уже указывалось, в том, что Якун статьи 1024 г. есть норвежский ярл Хакон Эйрикссон, Михеев предположил, «что за Африканом патерика стоит один из родственников Хакона, которого звали *Alfríkr*, *Eiríkr* или сходным

образом», а сын последнего, Шимон, вероятно, «на родине звался *Сигмундом* (*Sigmundr*)». Однако шестью годами позже А.А. Молчанов отметил, что исходное имя Африкан не определено¹¹⁵.

Н.М. Карамзин вёл речь о варяжском князе Симоне/Шимоне, изгнанном дядей Якуном Слепым. В 1968 г. В.Т. Пашуто заключал при разговоре о Шимоне: «Киево-Печерский патерик сохранил интересное свидетельство о том, что служить на Русь в XI в. шли младшие представители скандинавских феодальных семейств». Годом позже С.Б. Веселовский отрицал правдоподобность «легенды» о Шимоне, против чего выступил В.Н. Бочков, указывавший, заручаясь выводом именно Брауна, что он — личность историческая и что «источники аттестуют его сыном Африкана, племянником норвежского короля Гакона Слепого». В 1974 г. и М.Б. Свердлов рассуждал о Хаконе Слепом, от которого бежали на Русь Фрианд и Шимон. В 1990 г. А.А. Молчанов, рассматривая генеалогию ростово-суздальских, впоследствии московских, тысяцких Шимоновичей-Протасьевичей, родину их родоначальника Шимона указал по Брауну, ибо тот её определил, «исходя из лингвистического анализа антропонимов, как Сёдермаланд в Швеции». В 2014 он же говорил, что Шимон был племянником Якуна Слепого, находившегося на службе Ярослава Мудрого в 1024 г.¹¹⁶

С точки зрения скандинавской летописец, не способный защитить себя от произвола далёких потомков, конечно, будет изъясняться по-скандинавски (или другим языком, это как кто прикажет), а его «показания» будут использовать для создания небывалых историй как для Руси, так и для Швеции (и не только, конечно, по поводу «младших представителей скандинавских феодальных семейств»). В.О. Ключевский, характеризуя в 1890-х гг. «особенности новой литературы», заметил (а на этот факт ранее указывали антинорманисты), что исследователи хотят не только доказать, что летописец «написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать»¹¹⁷. Но если даже принять версию норманистов в отношении имён Синеуса и Трувора, то с ней не позволяет согласиться сама ПВЛ, ибо летописец, даже если бы он действительно записал рассказ скандинава или работал со скандинавским источником, не мог так небрежно отнестись к его ключевой фигуре — Рюрику и, не поняв, как говорит Кирпичников, некоторых выражений¹¹⁸, так исказить стоящие рядом с ним слова. Как известно, смысл слов, окружавших патроним, всегда был очень важным в средневековой литературе, т. к. носил сакральный характер, и его поэтому передавали с необходимой точностью.

И в этом окружении особое внимание уделялось понятию «с родом своим», этому началу всех начал, в отрыве от которого не мог существовать никто, ибо он тогда действительно «никто». И это понятие в обязательном порядке использовали летописцы, говоря о восточнославянских племенах, о пришедших к ним народах, а также о родоначальниках тех и других. Вот что, например, сообщает летопись о полянах: «Подем же жившем особе и владеющем *роды своими* (здесь и ниже курсив мой. — В.Ф.) ... и живяху кождо с *своим родом* и на своих местех, владеюще кождо *родом своим*. И быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь.Но се Кий княжаше в *роде своем*». Кий, возвращаясь от византийского императора, срубил на Ду-

нае «градок мал, и хотяше сести *с родом своим*, и не даша ему ту близь живущии». По смерти Кия, Щека и Хорива, продолжает летопись, «держати почаша *род их* княжене в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте». В рассказе о начале радимичей и вятичей, пришедших в Восточную Европу от «ляхов», подчёркнуто, что «седоста Радим на Съю и прозвашася радимичи, а Вятъко седе *с родом своим* по Оце, от негоже прозвашася вятичи».

В том же ключе повествует под 862 г. и Сказание о призвании варягов: среди племён, изгнавших находников «из заморья», не было «правды, и вѣста *род* на *род*, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся», а после их обращения к варяжской руси «изъбрашася *3 братья с роды своими*, и пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новгороде (по другой версии, в Ладоге. — В.Ф.), а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборѣсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля»¹¹⁹. Всё здесь предельно чётко, логично и каждое слово на своём месте: «*3 братья*» в неизменном сопровождении (иначе быть не могло) — «*с роды своими*» — пришли в северо-западные пределы Восточной Европы, сели в трёх её центрах, а так как они «*пояша по собе всю русь*», то, объясняет летописец, «*от тех варяг прозвася Руская земля*». Хорошо видно, что в тексте Сказания уже читается «*с роды своими*» (во множественном числе), с которыми братья прибыли к призвавшим их племенам. И Синеус, понятно, никак не может означать то, во главе чего он явился на Русь, т. е. означать «с родом своим».

То, что Синеус не «языковое недоразумение» и не «выражение», якобы не понятое летописцем, вновь подтверждает Сказание. В нём читается, что по смерти Синеуса и Трувора Аскольд и Дир у Рюрика «испросистася ко Царюгороду *с родом своим*», а всё же не с покойным Синеусом. В науке, о чём речь уже шла, принято относить к рассказу о призвании варягов, помещённому под 862 г., летописную статью под 882 г., повествующую о захвате Олегом Киева, или говорить об их несомненной связи. Когда новгородский князь вызывал киевских князей Аскольда и Дира из города к реке, то просил их: «да придета к нам *к родом своим*»¹²⁰. Опять всё как нужно: именно «*к родом своим*», а не к Синеусу, как это вытекает из утверждений большинства норманистов.

Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин по нескольким причинам выступают против мнения, что якобы в основе Сказания о призвании варягов лежит какой-то шведский текст (в виде либо легенды, либо договора). Во-первых, действительно, ничто не позволяет заподозрить в Сказании перевод. Во-вторых, утверждения о том проистекают лишь от предубеждённости в норманстве варягов, усиленной незнанием древнескандинавских языков, что не позволяет сторонникам этой версии увидеть её явную ущербность. В-третьих, ряд терминов данного памятника, согласно выводу лингвистов В.В. Иванова и В.Н. Топорова, являются весьма архаичными¹²¹. Опираясь на их выводы, Мельникова и Петрухин заостряют внимание на наличие в нём значительного пласта славянской (и даже праславянской) правовой и социальной терминологии, имеющей истоки в обычном праве, а также лексических параллелей с русско-византийскими договорами¹²². Но их позиция в вопросе этноса варягов заставила придать это-

му факту всё то же норманистское звучание, компромиссное по своей сути: они соединили воедино славянскую природу (в их толковании) варяжской легенды со скандинавской, как им кажется, средой её возникновения и бытования.

Мельникова и Петрухин, приняв мысль В.Т. Пашуто, что в основе варяжской легенды лежит исторический факт призвания скандинава Рюрика по «ряду» с советом знати «нескольких крупных княжений — членов конфедерации»¹²³ (в согласии с ними затем рассуждали многие, например археологи В.Л. Янин и А.Н. Кирпичников¹²⁴), утверждают, также начиная с советского времени, что её ядром является договор — «ряд» — между верхушкой северной конфедерации племён и предводителем одного из отрядов норманнов, что этот «ряд» «предоставлял ему в качестве князя верховную власть с целью защиты от внешней угрозы и обеспечения интересов местной власти на условиях соблюдения местных норм обычного права», отсюда легитимность его власти (««призвание» Рюрика и одновременное ограничение его власти “рядом, правом” знаменовало, — подчёркивала в 1997 г. Мельникова — победу местной знати и одновременно победу тенденций к консолидации племенных территорий в единое раннегосударственное образование». По словам Петрухина, произнесённым в 2008 г., сей договор стал основой развития русской государственности. Пятью годами позже он уточнял, что это был «договор со “всей русью”, русской дружиной призванных князей, а не “варягами”; ведь эта дружина уже знала водные коммуникации Восточной Европы», причём «исторический смысл ряда о призвании князей в летописном контексте заключался в том, что на смену “языческому” (вечевому) — родоплеменному праву (или, с новой точки зрения, бесправью — отсутствию “правды”) пришла власть русских князей»).

Названные авторы, допустив существование такого «ряда» (хотя и отмечают, что собственно скандинавская традиция не знает договоров-рядов, но основные его условия, по их заверению, восстанавливаются при анализе текста Сказания и при сопоставлении с договорами западноевропейских правителей с вождями викингов) с Рюриком и «русью» (осевшей на севере Восточной Европы до середины IX в.), и закреплённом в Киеве «уставом» Олега, не могли не прийти к другому допуску — к признанию реального бытия в истории Синеуса и Трувора (в противном случае их построения рушатся). По их мнению, «ряд» «не только дошёл до летописца в изложении на древнерусском языке, но и составлен был, скорее всего, на древнерусском языке в письменной (что маловероятно) или устной форме». И на базе этого «ряда» сложилось во второй половине IX в. в дружинной среде, в значительной части состоявшей из скандинавов, этиологическое сказание о происхождении государства/правящей династии, кратко пересказанное летописцем конца XI в. (он стремился обосновать легитимность вокняжения Рюрика, в связи с чем сосредоточил своё внимание на «ряде» между местными правителями и вождём скандинавского отряда)¹²⁵.

Но при этом не пояснив (иначе, конечно, всё зависит в воздухе), как летописец соотнёс «ряд» и устное предание, каким путём их скомбинировал (с версией о Рюрике как о безродном военном наёмнике, по договору приглашённом на княжение, в результате чего якобы и возник институт древнерусской княжеской власти, выразила несогласие Л.П. Грот. Потому как эта версия, по-

рождённая утопической теорией общественного договора, полностью расходится с источниками, которые указывают на наличие княжеского института у восточных славян, призвавших Рюрика именно как урождённого князя. Ибо ПВЛ прямо подчёркивает в Сказании о призвании: «поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву... до поидете княжити и володети нами»¹²⁶).

Развивая идею о заключении «ряда» со скандинавским вождём, Мельникова и Петрухин уверяют, что имена Рюрик, Синеус и Трувор имеют отчётливое скандинавское происхождение, что два последних имени есть обычные шведские имена Signjuthr и Thórvardr, отражающие в славянской архаичной передаче аутентичную скандинавскую антропонимическую традицию, в связи с чем они не были эпитетами к имени Рюрик, а их носители действительно являлись его братьями. Ссылаясь на А. Стендер-Петерсена, Мельникова ведёт речь о том, «что вокруг обстоятельств заключения “ряда” в дружинной среде, по преимуществу скандинавской, создавалась “сага о Рюрике”» как первом легитимном правителе средневековой военной аристократии (эта сага представляло собой «эпическое, возможно поэтическое, произведение, сложившееся в Ладожско-Новгородском регионе в конце IX — начале X в. и просуществовавшее по меньшей мере до второй половины XI в., и бытовала эта сага параллельно в двух вариантах: на языке среды, породившей её, т. е. древнескандинавском, и на древнерусском, с которым затем работал летописец)¹²⁷.

Норманисты прошлого в целом не сомневались в историчности братьев Рюрика, преподнося их за скандинавов. А.Л. Шлёцер, считая, что Рюрик, Синеус и Трувор представляют собой древнешведские имена, только немного испорченные в чужой земле, привёл россыпь сходных с ними скандинавских имён, в том числе Signiauter. А.А. Куник в имени Синеус увидел «нордические» Signiutr и Signiauter. Точно так поступил и В. Томсен: Синеус — это Signiutr или Signitur, а Трувор есть Þorvarðr. Трактовка последнего имени была поддержана Е.А. Рыдзевской, вместе с тем заметившей, что «менее ясно Синеус»¹²⁸ (в 1980 г. немецкий лингвист Г. Шрамм убеждал, что имена братьев есть древнескандинавские, но предложил иную, чем Томсен, их этимологию, как более соответствующую нормам древнескандинавского и древнерусского языков¹²⁹).

Вот в полном согласии с Томсеном и рассуждают Мельникова и Петрухин (последний подчёркивал в 2000 г., ссылаясь на совместную их статью пятилетней давности, что «филологи продемонстрировали точную передачу подлинных скандинавских имён... Синеуса (Signjótr) и Трувора (Þorvart) в древнерусской традиции» и что эти имена имеют отчётливое скандинавское происхождение. Хотя в 1985 г. считал иначе: «Возможно, смешанной скандинаво-славянской средой, в которой создавалась эта легенда, объясняется “скандинавоподобный” облик имён братьев Рюрика, которые не имеют убедительных скандинавских этимологий (особенно “Синеус”)». Довольно красноречивы в данном случае слова Л.С. Клейна: «Долго считалось, что для Трувора и особенно Синеуса не удаётся подыскать удовлетворительные аналогии в скандинавском наборе имён, но потом и им нашлись вполне сносные скандинавские аналогии». В норманистике, действительно, всё «сносно». Е.В. Пчелов, говоря о малоубедительности мнения, что имена Трувор и Синеус — это есть неправильный

перевод скандинавских словосочетаний, также видит в них хорошо представленные в скандинавском именослове видоизменённые имена Торвард («страж Тора») и Сигнют («победу использующий»)¹³⁰ (такая трактовка имён представляет собой повтор мнения А.А. Куника, полагающего, что на самом деле эти имена являются прилагательными, означающими «победоносный» и «верный», но только в уточнённом переводе Мельниковой¹³¹).

Однако все предположения по предлагаемым якобы скандинавским именам разбиваются о тонкое наблюдение С.А. Гедеонова в отношении якобы норманских имён Синеуса и Трувора: или летописцу, резонно вопрошал он, «было мало всеизвестных (вследствие сношений с Ганзою и норманнами) норманских Гаральдов, Олавов, Сигурдов, Сигвальдов, Свейнов, что он вздумал окрестить своих небывалых шведов небывалыми шведскими именами?» (симптоматично, каким «аргументом» Мельникова доказывает неславянский характер имени Синеус: предложенная Гедеоновым его этимология как «синий» и «ус» не нашла сторонников ввиду того, что имена Рюрик и Трувор «невозможно вывести из древнерусского языка и оно, тем самым, выпадает из ряда. К.-О. Фальк предположил, что это имя является калькой скандинавского прозвища типа Blaskeggr — “чернобородый” или Kolskeggr — “угольнобородый”, последнее из которых употреблялось и в качестве личного имени»)¹³².

Признание А.Н. Кирпичникова, прозвучавшее в 1997–1998 гг., что поиски имён Синеуса и Трувора «в древнескандинавской ономастике не привели к обнадеживающим результатам» (о том же говорил в 1994 г. и М.Б. Свердлов)¹³³, чётко показывает, что сторонники норманства варягов не там ищут: имена Синеус и Трувор не имеют никакого отношения к скандинавскому миру. Во-первых, чисто славянское имя Синеус зафиксировано в русской истории, что сразу же перечёркивает и миф о легендарности братьев Рюрика, и миф о скандинавской основе Сказания о призвании варягов. Так, Пискаревский летописец, написанный примерно в 20–30-х гг. XVII в. в Москве, засвидетельствовал многовековую традицию, по крайней мере, с IX по XVI столетие включительно, его бытование: под 1586 г. в известии об опале на князя А.И. Шуйского, брата будущего царя, сказано, что «казнили гостей Нагая да Русина Синеуса с товарищи» (М.Н. Тихомиров, отмечая хорошее знание этой летописью событий, касающихся Шуйских, заключал, что она возникла в их окружении на основе не дошедших до нас сочинений и устных преданий)¹³⁴. Дополнительно надлежит указать, что средневековые немецкие генеалогии, уходящие в древности южнобалтийских славян и предания их онемеченных потомков сообщают не только о Рюрике, потомке вендо-ободритских королей, но и о его братьях Синаусе (Сиваре) и Труворе, вместе с ним прибывших на Русь около 840 г.¹³⁵

Во-вторых, А.Г. Кузьмин нашёл им (а также другим именам ПВЛ) в кельтских языках ясные и естественные параллели. В них, например, встречается большое количество имён, восходящих к *sinī* — «старший». Первоначальное кельтское звучание этого важного для эпохи образования государственности понятия — *sinjos* — практически совпадает с именем Синеус, который, вероятно, является славянским переосмыслением кельтического антропонима типа «Беллоуес», где второй компонент вариант от «гаст» в значении «господин». Имя же Трувор сопо-

ставимо с многочисленными производными от племени треворов (у современных кельтов широко распространено имя Тревор), а в древнефранцузском языке имелось прямо совпадающее с именем слово *trouveur*, означавшее «поэт», «трудолюб», «путешественник». «В кельтской традиции, — пояснял Кузьмин, — много имён от “три”, и “третий” по рождению обычно означал не просто порядковый номер, а лучшего из рода». Е.В. Кузнецов также заключал, что при всём старании нельзя ни из германского, ни из славянского онимикона объяснить имена Синеуса и Тривора. И прототипы им этот нижегородский историк находил в исторической области Лангедок (южная часть средневековой Франции): имя Тривор — «обозначение лирического поэта, писавшего на “лангедойль”», «счастливый искатель военных трофеев». В основе антропонима Синеус он видел «*senex, senior*» — «старик, старший» и предлагал «имя Синеус (*Sineus*) читать Сениус (*Senius*), и означает оно более старший... старший из трёх братьев»¹³⁶.

Не является шведским, вопреки распространённому мнению, и имя Рюрик (как и имена Ольга и Игорь, которым лишь приискали скандинавские созвучия, от которых они так же далеки, как далеки друг от друга имена Георгий и Григорий). Ещё С.А. Гедеонов обратил внимание на тот факт, что имя *Hraerekr* (*Hrørekr*), в котором видят имя Рюрик, шведам неизвестно (тогда как оно известно у датчан и у норвежцев). «Для шведского конунга имя *Hraerekr*, — подчёркивал учёный, — также странно и необычайно, как для русского князя имена Казимира и Прибислава; вследствие чего норманская школа должна... отказаться от шведского происхождения нашего Рюрика и выводить его уже не из Швеции, а из Дании или Норвегии, чем подрывается всё учение знаменитых корифеев скандинавизма» (если признать правоту норманистов, вполне справедливо заметил он, что нашим князьям прилагались норманские имена при славянских, то, «без сомнения, скандинавские саги, упоминающие так часто о Владимире и Ярославе, знали бы их... под их норманскими именами»). Об отсутствии имени Рюрик у шведов говорил спустя много лет и норманист Н.Т. Беляев, констатировавший его необычайность и для Дании¹³⁷.

Гедеонов вместе с тем привёл примеры присутствия имени Рюрик в славянском мире: имя ободритского князя начала IX в. Рерик, причём под своей основной формой Рерик-*Reric* оно встречается в числе имён древних чешских родов, имя польского воеводы Ририка под 1536 г., а также стоящие в прямой связи с ним рерики (*reregi*), т. е. соколы, как называли себя южнобалтийские ободриты, ободритский город Рерик (*Reric*, Мекленбург) и Рерик (*Rörike*) — название одного из притоков Одера. В наше время Кузьмин продемонстрировал, что имя *Rauric*, *Ruric*, *Roric* имело широкое распространение в Европе уже с первых веков н.э.: до VII в. известно пять таких имён, а на территории Франции для IX — начала XII в. зафиксировано 12 «Рорики». И в этом имени историк видел отражение названия кельтического племени руриков (*рауриков-aurici*, откуда французские «Рорики»), имя которых происходит от р. Рур или Раура (причём, выходцы из поречья Руры позже также именовались «Руриками»). Напомнив, что в средние века у Одера был приток Рурика (*Rurica*, *Rorece*), историк отмечал, что так сейчас именуются притоки Мааса и Рейна. Е.В. Кузнецов вёл речь об античных корнях этого имени¹³⁸.

В 1997–2023 гг. Л.П. Грот, впервые проведя самый детальный анализ всего материала, в котором встречается имя Рюрик, заключила: что в Швеции не считают это имя шведским и что вообще оно «не стало частью именословов именно в скандинавских странах». Причём там оно начало фиксироваться на несколько столетий позднее, чем на континенте, при этом не войдя ни в один из династийных именословов скандинавских королевских династий. Вместе с тем исследовательница показала, что имя Рюрик не является германским и что оно было необычайно широко распространено: его в разных формах носили, начиная от рубежа эпох, представители королевских родов Ирландии и Шотландии (в кельтской традиции оно воспринималось как «рыжеволосый король»), «римские политические деятели, католические священники самого высокого сана, представители галльско-римской и франкской знати», что оно появилось у одного из визиготских королей в начале VIII века. Говоря, что это прославленное имя франки и визиготы восприняли от римско-галльской знати и постепенно осваивали его в рамках своих именослов, Грот подчёркивает: и прежде всего заимствование имени происходило в зоне кельто-германских контактов, а уже оттуда оно шло в северные земли, в частности, в скандинавские страны (при этом ею было указано, что «имя Рюрик встречается у чехов как *Rerich*, как *Ририк*, *Руреки* *Рурко* — у поляков, как *Ругорик* на онемеченном Рюгене» и что толкование Е.А. Мельниковой имени Рюрик как *Hrærekr* — «могучий славой» есть художественное сочинительство, но не наука)¹³⁹.

Поэтому никак не может свидетельствовать о шведском происхождении Рюрика этимология его имени, не имеющего отношения к шведам. Это было ясно норманистам прошлого, с целью обоснования норманского происхождения данного имени указывающим, применительно к IX в., на лица западно-европейских хроник, чьи имена были созвучны имени Рюрик, но которому не находили аналогов в истории Швеции. Ещё Г.З. Байер, считая, что это имя скандинавское, в подтверждение привёл имена «Руриков» датских и германского, «Рорека», которого Олов норвежский победил и т. д. Этот процесс затем продолжили А.Л. Шлёцер, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин и др.¹⁴⁰ Но некоторые норманисты, восприняв критику антинорманистов (М.В. Ломоносова, Г. Эверса), начали отдавать себе отчёт в том, что такая фигура, как Рюрик, будь он шведом, в обязательном бы порядке сохранилась в памяти его соплеменников. И чтобы не потерять его из своей системы доказательств, они начали ему подыскивать прототипы из истории других скандинавских (германских) народов.

Так, дерптский профессор Ф. Крузе во второй половине 30-х — начале 40-х гг. XIX в., отметив, что Рюрик не упомянут «в многоречивых скандинавских сагах», «отыскал» его в франкских источниках в лице дана Рорика Фрисландского (умер после 873 г.). Приняв во внимание сообщение «Жития святого Ансгария», написанного его учеником Римбертом около 870 г., о захвате в 852 г. данами, во главе которых стоял изгнанный шведский король Анунд, какого-то города в «пределах земли славян» (дотоле они осаждали Бирку), Крузе вёл речь об их вторжении на Русь. Для защиты русских владений от прочих норманнов затем был призван ранее нападавший на восточнославянские земли упомянутый Рорик, после чего он действует попеременно то на Западе, то на Востоке.

Говоря о смерти Рюрика, случившейся, по ПВЛ, в 879 г., учёный подчеркнул: «Замечательно, что Рюрик, о смерти коего немецкие летописи умалчивают, с той поры не является более в Германию»¹⁴¹ (с Фрисландией — Рустрингией — связал Рюрика в 1816 г. немецкий пастор Г.Ф. Голлман, пытавшийся заменить, отмечал Х. Ловмяньский, «норманскую версию — версией немецкого происхождения Руси». Вот его тезисы и принялся развивать Крузе¹⁴²). Против его заключения выступили видные норманисты М.П. Погодин и А.А. Куник, ибо оно отвергало норманскую теорию в её первоизданном варианте, согласно которому родиной Рюрика, варягов и руси могла быть только Швеция (вместе с тем Куник предположил, что имя Rorik, которого нет в Швеции, было наследственным «в древней датской династии Скильдингов» и в VIII–IX вв. повторялось «в независимой ютландской династии»)¹⁴³. По той же причине в 1939 г. Е.А. Рыдзевская категорично отрезала: фантастическая гипотеза Крузе «лишена каких бы то ни было оснований и не заслуживает внимания историков»¹⁴⁴.

Норманист П.Г. Бутков, идя вслед за Крузе, стремился доказать в 1840 г., что франкские анналы говорят не об одном Рорике, а о нескольких, причём незначительных, исторических лицах. Сам он, признав в летописном Рюрике некоего «Рорика Гальфдановича», обронил важное замечание, ставящее под сомнение и его доводы, и доводы Крузе: если этот «Рорик Гальфданович» держал Новгород, то невозможно, чтоб «о том ничего не знали соотечественники его: современник Римберт, архиепископ Гамбургский (868–888 гг.), король датский Свен († 1074 г.), сообщавший Адаму Бременскому известия о Дании, Саксон Грамматик († 1204 г.) и датский король Эрик VI († 1319 г.)»¹⁴⁵. Новую жизнь в концепцию Крузе вдохнул в 1929 г. эмигрант Н.Т. Беляев, приведя дополнительный материал, свидетельствующий, по его мнению, о полном тождестве летописного Рюрика с викингом Рориком Фрисландским из рода «Скиольдунгов», который в 856 г. закрепился в Новгороде, куда был приглашён для защиты после отражения в 852 г. набега викингов, упоминаемого в «Житии святого Ансгария». Вместе с ним прибыла «русь» — фрисландская колония из Бирки. По мнению исследователя, причиной призвания Рорика на Русь была его широкая известность, поскольку он являлся организатором всех главных набегов и рейдов викингов на Западную Европу «в десятилетие, непосредственно предшествующее появлению норманнов в Новгороде, и викинги, сзываемые в дальнюю северную экспедицию, с особой уверенностью в успехе пошли бы именно за старым и испытанным вождём».

Как уверял Беляев, тождество Рюрика и предприимчивого и энергичного Рорика напрашивается само собой. Потому как тот, будучи, скорее, государственным умом, способным поставить и выполнить широкие задачи и бывшим по отцу герцогом фрисландским, стремился «завладеть фризской торговлей и использовать в своих целях прежние торговые станции и торговые пути» (в VI–VII вв. отважные мореходы «фризы держали в своих руках всю торговлю Европы с югом и востоком»), в 854 г. с приобретением им южной Ютландии вместо потерянной Фризии (Фрисландии, область на побережье Северного моря, частично территория нынешних Нидерландов и Северной Германии) в его руки перешло «владычество над морскими путями из Северного в Бал-

тийское море, и снова он оказывается хозяином над Шлезвигом и над прежними фризскими торговыми путями».

И у него, в связи с совершенным разорением Западной Европы норманнами, зарождается «мысль об открытии новых торговых путей и стремление по-вернуть старинную фризскую торговлю в новое русло. ...Таким местом, естественно, мог казаться Новгород, и по своим связям с Биркой, и по положению на водных путях, ведущих к Днепру» (он, ещё обладая Фризией и лучшим по тому времени флотом, уже думал о выполнении «давнишней мечты норманнов — открытие непрерывного водного пути из Дании и Скандинавии, “из варяг” — к грекам, в Константинополь»), что «днепровская система, после набега Бравлина (по автору, конец VIII или начало IX в., тогда же, весьма возможно, некоторое количество «скандинавов могло осесть в Киеве». — В.Ф.) и других, уже была в сфере норманского “кругозора”».

Рорик, продолжал приписывать ему удивительные качества Беляев, считав всё опытной рукой и держа все нити и западной, и восточной фризской торговли, решил сомкнуть путь «из варяг в греки» и в начале 859 г. направил своего родственника Бьорна (сына Рагнара Ладброкa) на Константинополь «по более известному южному пути, а сам, организовав базу в Новгороде, послал экспедицию с Аскольдом на Константинополь речным путём, по Днепру». Но задумка Рорика не удалась (хотя Аскольд и осадил в июне 860 г. Царьград, а Бьорн с братом Гастингом на 62 судах прошли Гибралтар, разорили и сожгли на своём пути ряд городов и достигли Византии, после двух там зимовок вернувшись обратно). Наконец, он последний раз упомянут в франкских хрониках под 873 г., а ведь и наша ПВЛ под 879 г. сообщает о смерти Рюрика: «Таким образом, и в смысле хронологическом весьма сближаются данные франкских анналов и наших летописей, ещё раз подтверждая нашу основную мысль, что Рорик Ютландский и Рюрик Начального летописца одно и тоже лицо»¹⁴⁶.

Ответ на статью Беляева первой дала эмиграция. В 1929 г. В.А. Мошин отмечал, что она «имеет большое значение для изучения скандинаво-славянских отношений IX–XI в.». Два года спустя учёный, именуя Беляева «неоультранорманистом», вместе с тем сказал, что его предположение на счёт Рорика Ютландского вероятно. В 1932 г. А.Л. Погодин исследование Беляева многозначительно назвал «романом о жизни Рюрика». В 1943 г. Г.В. Вернадский, видя в призванных варягах именно данов, полностью поддержал идею Крузе и Беляева о тождестве Рюрика с Рориком Ютландским (при этом предположительно отнеся его прибытие на Русь к 855–856 гг.)¹⁴⁷.

Идея такого отождествления довольно быстро проникла в советскую науку. Уже в 1939 г. Б.Д. Греков в учебнике для вузов «История СССР» говорил, что «в нерусских источниках Рюрика мы нигде не встречаем, если не считать упоминания франкскими анналами о герцоге Фридландском Рёрике, исчезнувшем из Ютландии в конце 50-х годов IX в. и в то же время появившемся, если верить летописи, в нашей стране». Хотя тогда академик проявлял некоторые колебания и в монографии «Киевская Русь» подчёркивал, что отождествлять Рорика Датского с летописным Рюриком нет пока достаточных оснований, и этот вопрос нуждается в дополнительных разысканиях. Но спустя три года (а затем

и в 1945 г.) полагал как возможность, что этот Рорик «и есть тот самый герой, о котором повествуют русские летописи», и который мог быть призван во главе вспомогательного датского отряда одной из враждующих сторон во время усобиц, последовавших после изгнания варягов, захватив затем власть¹⁴⁸.

В 1956 г. М.В. Левченко охарактеризовал концепцию Н.Т. Беляева как противоречащую источникам. Через два года Б.А. Рыбаков, напротив, предположил, что Рюрик — это, вероятно, реальное историческое лицо, конунг Рорик Ютландский, захвативший Ладогу и Новгород. В 1963 г. он, учитывая теснейшие связи южнобалтийских славян с Новгородом, вновь указал, что из Фризии, «возможно, происходил конунг Рюрик». Но в том же году Х. Ловмянский полностью поддержал Левченко: детально проанализировав биографию Рорика (отнеся его смерть к 876 г.), во-первых, резюмировал, что Рорик принадлежит к числу «тех викингов, которым франкские источники уделяли особенно много внимания». В связи с чем можно проследить весьма обстоятельно течение его бурной жизни с 840-х гг. до 873 г., при этом он преимущественно находился на землях Фрисландии, частично — на сакских (сфера его деятельности была ограничена пределами Рейна и Эйдера).

Во-вторых, польский историк констатировал, что «в источниках нет ни одного упоминания о проявлении Рориком интереса к другим прибалтийским землям, ни одного намёка на его мнимые авантюрные предприятия в сторону Руси», что предположение о его действии в последнем направлении не находит соответствующего хронологического окна в его биографии (вместе с тем он как бы придал новый импульс разговору о тождестве Рюрика и Рорика, т. к. в основу своих рассуждений положил тенденциозную посылку: «В случае правильности этой концепции Рюрик, упоминаемый летописями, превратился бы в конкретную историческую личность, а тылы норманской экспансии на Русь оказались бы в определённой мере расширенными и усиленными»). В 1965 г. И.П. Шаскольский, соглашаясь с доводами Ловмянского и указывая на явно сомнительный характер версии о тождестве Рюрика и Рорика (по причине чего её не использует подавляющее большинство современных норманистов), заключил: попытка возрождения фризской теории происхождения Руси и образования Русского государства сегодня представляется совершенно бездоказательной. Однако в 1971 г. В.В. Мавродин признал весьма вероятным тождество летописного Рюрика с Рориком Фрисландским, приглашённого в Новгород и затем в ходе переворота узурпировавшего власть¹⁴⁹.

1980-е гг. знаменуются полной «победой» Рорика над «советским антинорманизмом». В 1982 и 1984 гг. академик Б.А. Рыбаков, будучи первым лицом в историко-археологической науке, опять же допускал, при незначительных оговорках, что Рюрик — это Рорик Фрисландский, «первоначальное место княжения которого находилось по соседству с балтийскими славянами» и что его призвание могло иметь место в действительности, т. к. он был подходящей фигурой для защиты местного населения, ибо был чужаком для варягов из Южной Швеции. И хотя историк заметил при этом, что «высказанные соображения недостаточно обоснованы для того, чтобы на них строить какую-нибудь гипотезу»¹⁵⁰, его авторитета в советской науке было достаточно, чтобы тождество двух исторических

лиц было признано за установленный факт. Так, ссылаясь именно на мнение Рыбакова, ленинградские археологи — Д.А. Мачинский, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев — в указанные годы стали активно проводить и закреплять в науке мысль, что Рорик Фрисландский и Рюрик русских летописей — одно и то же лицо, что «Рюрик был призван защищать земли русского протогосударства от соплеменников-норманнов так же, как Рорик защищал от них земли франкской империи». Подмену истинного аргумента в данном случае мнимым верно уловил в 1998 г. норманист И.Н. Данилевский, указавший, что «ссылка на авторитет Б.А. Рыбакова, отказавшегося от поисков славянских “корней” Рюрика, рассматривается как важнейший довод, усиливающий позиции “норманистов”»¹⁵¹.

В 1990 г. Х. Касиков и А. Касиков специальной статьёй обновили точку зрения Ф. Крузе, что Рюрик русских летописей — это Рорик Датский, по их характеристике, грабитель и завоеватель. Призванный на Русь, он вначале остановился в Ладоге, а затем захватил власть в Новгороде (эти события они датируют временем около 858–862 гг.). По их заключению, Рорик не создавал государства, т. к. его «роль ограничивается временным захватом Новгорода и, возможно, основанием династии Рюриковичей». В 1992 г. А.А. Молчанов, сославшись на Крузе и Беляева, категорично сказал, что Рюрик — это ютландский вождь Хрёрекр из датского королевского рода Скьёльдунгов (то же имя носил его прадед по мужской линии, конунг Дании), и потому уже вёл речь о Рюриковичах-Скьёльдунгах на Руси. Несколько работ доказательству той же мысли посвятил в 1993–1994 гг. Е.В. Пчелов¹⁵². Мысль о тождестве Рюрика и Рорика поддерживал, начиная с 1994 г. С.Н. Азбелев, сторонник идеи многовековых связей Северо-Западной Руси со славянской Южной Балтикой, откуда, в чём он был уверен, происходила основная часть населения Новгородской земли. В силу чего учёный увязывал родством, как бы примиряя разные версии происхождения Рюрика, Рорика Фрисландского с князем южнобалтийских славян Гостомыслом, говоря, что династия, утвердившаяся на Руси, была не славянской и не скандинавской, а славяно-скандинавской¹⁵³. В те же годы идея рассматриваемого тождества вошла в справочную и учебную литературу¹⁵⁴.

М.Б. Свердлов говорил в 1994 г. (а затем и в 1996–2009 гг.) об «убедительной идентификации Рюрика с военно- и политически активным в середине IX в. Фрисландским, а позднее ютландским конунгом Рериком». Стремясь уберечь основы классического норманизма от любого вида коррозии, даже «датской», историк вполне ожидаемо всё свёл к Швеции, ибо Рерик Фрисландский после того, как был вытеснен франками в Ютландию, оказался в Средней Швеции, экономическим и политическим центром которого была Бирка. Свою уверенность в прибытии Рерика на Русь именно из этого района скандинавского мира историк черпал как из имени прибывшего с ним его «родственника» или «воеводы» Олега-Helgi, имя которого объясняется из среднешведского языка (вероятно, он брат жены Рюрика, дядя Игоря), так и из факта наличия фризской керамики IX в., найденной не только в Бирке, но и в Ладоге (как делился учёный в 2007 г. тонкостями своей «научной лаборатории», у него долго не получался «мостик» между Ютландией и Русью. Но всё встало на свои места, когда Г.Ф. Корзухина опубликовала фризские материалы, обнаруженные в Ладоге).

При этом Свердлов утверждал, что в Среднюю Швецию Рерик Фрисландский шёл путями викингов и фризских купцов, что там же он был избран княжить по «ряду» «представителями межплеменного союза словен, кривичей и мери (морской путь, соединявший Среднюю Швецию и Ладогу, использовался к этому времени уже сто лет) для прекращения усобиц», что избрание его было удачным политическим решением, т. к. была преодолена прежняя данническая зависимость от конунгов Средней Швеции (против посланцев которых было направлено восстание, их изгнавшее), что в Ладоге Рюрик («адекватная восточнославянская форма скандинавского Рёрик») осуществлял «военно-политические и социальные функции в интересах избравшего его межплеменного объединения», контролировавшего Волжский и Днепровский торговые пути, защищал от нападений варягов¹⁵⁵.

В 1996 г. К.А. Михайлов, анализируя камерное погребение с гробовищем № 11 в Плакуне и находя ему параллели в погребениях Дании и Шлезвиг-Гольштейна, говорил о южнскандинавском происхождении Плакунского погребения, в связи с чем соглашался с идеей о тождестве нашего Рюрика и Рорика Фрисландского (причём в Плакуне мог быть погребён если не сам Рюрик, то один из его спутников). Годом позже А.А. Молчанов резюмировал, что именно наблюдения над антропонимами позволяют «снять последние сомнения в тождественности Хрёрека Ютландского из рода Скьёльдунгов и летописного Рюрика». Тогда же А.А. Хлевов безапелляционно заверял, что сейчас совершенно определена тождественность этих лиц. В 1996 г. и норвежец Х. Станг был категоричен в своём выводе: «Не только наиболее убедительный, но и единственный известный нам кандидат на роль летописного Рюрика — датский вождь Хререкр, Рорик, который и нападал на Франкскую державу и временами ей подчинялся». Годом позже археолог А.А. Александров также выдавал летописного Рюрика и Рорика Фрисландского за одно лицо¹⁵⁶.

Во второй половине 1990-х гг. А.Н. Кирпичников вёл активный и вместе с тем, на что обращал в 2002 г. внимание В.Е. Яманов¹⁵⁷ (но тоже самое можно сказать в адрес и других адептов тождества), не обременённый доказательствами разговор о непротиворечивой совместимости героев франкских и русских памятников. Полагая при этом, что Рорик Ютландский мог участвовать в походе датского войска на Бирку в 852 г., а затем — с отрядом корабельщиков-датчан — на «город славян» «Жития святого Ансгария», в котором видел Ладогу (Н.Т. Беляев же считал, что нельзя сказать об участии Рорика в последней экспедиции, и лишь предположил, что она, «во всяком случае, не ускользнула от его внимания»). Это нападение заставило, заключал археолог, собравшихся в своей межплеменной столице Ладоге старейшин славянских и финских племён пригласить «варяжского конунга» Рорика с его воинами с целью защитить их («конфедератов») от разбойных набегов викингов.

Потому как этот пришелец-скандинав был опытным полководцем и знал военные приёмы своих соотечественников, в том числе и тех, которые приходили на Русь с грабительскими, пиратскими целями, «должен был за определённое вознаграждение себе и дружине защищать новых хозяев и освободить их от скандинавской дани. Если такие поборы исходили от шведов, обраще-

ние к датчанину было вполне оправданным, если же этим занимались датчане, то Рёрик, нередко враждовавший с соотечественниками, и в этом случае был подходящим кандидатом». Кирпичников также, как и М.Б. Свердлов (и по той же причине), уверял, что Рорик в пределы Руси, возможно, отплыл из Средней или Южной Швеции, где встретился с ладожским посольством. Так на Русь прибыл, завершал он свой рассказ, «русский скандинав»/«русский датчанин» (по версии 2003 г., «полускандинав-полуславянин») ¹⁵⁸.

В 1999 г. Г.С. Лебедев, подчёркивая, что историки («от Б.А. Рыбакова до Л.Н. Гумилёва») отождествляют летописного Рюрика с Рериком Ютландским, подытоживал: «Так впервые на Балтике возник своеобразный “русско-датский альянс”, направленный на ограничение притязаний шведов» (и «неслучайно отсюда, из Ютландии и Шлезвига прослеживаются важные импульсы в Ладогу VIII–IX вв., формирующие “Русь Рюрика”»). Тогда же А.А. Горский преподнёс мнение о тождестве Рюрика и Рорика как распространённое и очень вероятное. Тождество этих лиц Е.В. Пчелов в 1999–2012 гг. представлял уже как научно обоснованное ¹⁵⁹. В 2001 г. идея о призвании Рорика Фрисландского, ставшего на русской почве Рюриком, «прописалась» в «Славянской энциклопедии». Об их тождестве рассуждали в 2004 г. Э.А. Минакова, в 2006–2013 гг. — Л.В. Войтович. В 2007 г. В.Л. Янин, развивая ту же мысль, заключил: «Приглашение князя из Ютландии или Фрисландии представляется весьма логичным». П.В. Шувалов в 2007–2009 гг. подчеркнул, с ссылкой на А.Н. Кирпичникова, что летописный Рюрик идентичен, скорее всего, своему тёзке Рёрику ¹⁶⁰.

Эту же идею активно эксплуатировал в 2008–2014 гг., насыщая её новыми деталями, А.А. Горский. Ибо она «позволяет удовлетворительно объяснить, почему словене, кривичи и чудь (или меря), изгнав варягов, обращаются в поисках князя не к кому-нибудь, а к варягам же. Дело в том, что дань с народов севера Восточной Европы взымали, несомненно, ближайшие соседи — шведские викинги, поэтому естественно было призвать на княжение предводителя других “викингов” — датских», установление и развитие прямых связей которых с Русью происходило в период с 850 по 880 г. (и потому историк говорил о неточности датировки призвания Рюрика в Начальной летописи). Причём информация о Рюрике и его «руси»-данах была получена русскими во время заключения брака между дочерью новгородского князя Мстислава Владимировича (сына Владимира Мономаха) Ингеборг с сыном датского короля Кнудом Лавардом, которое, по его расчётам, состоялось в 1116 г., незадолго до создания редакции ПВЛ, «в которой *русь* была поставлена на место данов».

По реконструкции Горского, русское посольство, в которое мог входить и сам редактор ПВЛ, прибыв в Данию, получило там (выходит, что русские ничего не ведали о корнях своей правящей династии, тогда как всё о ней знали даны) информацию о происхождении Рёрика Ютландского — варяжского предка Мстислава Владимировича. Вероятно, тогда же и там же «была почерпнута другая дополнительная по сравнению с Начальным сводом информация, что Олег был “от рода” Рюрика. Адам Бременский со ссылкой на конунга Свейна упоминает в Дании в конце IX в. некоего Хельги, после короткого правления которого Ютландию захватил конунг из Швеции Олаф... Хельги (именно это имя в древ-

нерусском приобрело форму *Олег*) принадлежал к тому же роду Скъёлдунгов, что и Рёрик» (на момент «призвания» последнему было примерно 60 лет, но ничего экстраординарного нет в появлении у него на седьмом десятке сына Игоря. Не исключается и вариант, что Игорь был не сыном, а внуком Рюрика). В 2009–2014 гг. Е.А. Шинаков также вёл речь о возможном реальном прототипе Рюрика — датском конунге Рорике, при этом, что показательно, он родину русов размещал на территории от Фрисландии на западе до Ладоги на востоке¹⁶¹, т. е. локализует её вне Скандинавского полуострова.

По-иному, что говорит о совершенной зыбкости построений, которые из данного отождествления выводят, смотрел в 1991–2001 гг. на Рорика Ютландского А.Л. Никитин, хотя в канве своих рассуждений также следовал за Беляевым. Он, напротив, признал полную чужеродность этой фигуры для русской истории и говорил о нём как правителе Мекленбурга (столица южнобалтийских славян-ободритов), освободившем своих сородичей от норманнов. Само имя Рорика, славянина по линии матери, учёный связывал со словом «ререг» («рарог») — «сокол», птицы, являвшейся священным символом ободритов, потому ещё называемых «ререгами» или «рарожанами» (данный герой не бывал на Руси, но, оставив след в памяти вендов-ободритов, по воле киевского летописца стал «родоначальником» рюриковичей)¹⁶². Против гипноза «отождествления» в 2002 г. решительно выступил В.Е. Яманов, доказывая, что Рорик Ютландский не мог быть на Руси. При этом он правомерно заострил внимание на том, как это когда-то сделал П.Г. Бутков, что «именно “широкая известность” Рорика на Западе делает малоубедительной гипотезу о возможности появления его в Приладожье. А такая далёкая экспедиция за пределы западного цивилизованного мира, предпринятая хорошо известным человеком и увенчавшаяся блестящим результатом, повлиявшим на экономическую обстановку во всей Северной Европе, не могла не оставить сведений в западных хрониках или в северных преданиях, хранящих следы гораздо менее масштабных предприятий. Но даже намёка на неё нигде не обнаруживается»¹⁶³.

В 2015–2023 гг. Л.П. Грот подчеркнула, что Рёрик Ютландский был заурядным грабителем регионального масштаба и неудачником, который в своих мелких краях «всё проиграл и растерял, а на гигантских просторах Новгородчины и Киевщины организовал великое европейское государство?! Норманистские чудеса в решете!». Справедливо добавив к сказанному, что о «великой» карьере Рёрика (как и о нём самом) «в княженье словен ничего не известно Адаму Бременскому и его информатору королю данов Свену Эстридсену», совершенно ничего не знает об этом «герое» и датский хронист Саксон Грамматик, хотя его главная цель состояла как раз в том, чтобы отметить всех, кто прославился в истории данов (по этой причине отождествление Рёрика с Рюриком не принимают датские медиевисты, например Ю. Брэндстед и Э. Роэсдаль, хорошо знающие историю своей страны). Тогда же немецкий учёный А. Пауль констатировал, что Бертинские анналы «упоминают о смерти майнского графа Рорика в 866 г., написание имени которого (Rorig) неотличимо от написания в этом же источнике имени Рорика Ютландского (также Rorig)... Достоверная известность существовавших одновременно двух несвязанных между собой знатных

персон в середине — второй половине IX в. в одном регионе (Ютландия/Фризия и Нейстрия) наглядно показывает, что отождествлять всех упоминаемых в это время Рориков только на основании фонетического сходства недопустимо»¹⁶⁴.

Сами разговоры о привязке похода данов в 852 г. именно к Руси носят абстрактный характер. «Житие святого Ансгария» совершенно не даёт оснований к такому выводу, ибо в нём отсутствуют конкретные географические ориентиры, а вся его информация сводится лишь к тому, что даны захватили и разграбили некий город («ad urbem») в «пределах земли славян» («in finibus Slavorum»). Отсутствие точного адреса породило многочисленные предположения, понятные лишь их авторам. А.Н. Кирпичников, например, сопоставлял этот город с Ладогой (с ним в согласии выступали Д.А. Мачинский и Н.И. Милютенко)¹⁶⁵. С таким же «попаданием в небо» Ф. Крузе, Н.Т. Беляев и Г.В. Вернадский связывали его с Новгородом, а В.А. Мошин и Е.А. Мельникова полагали, что речь идёт о Курляндии, землях литвы (по Мошину, житие Ансгария говорит о завоевании норманнами литовского Апуле). Польские историки XX в., ставя под сомнение датские походы того времени далеко на восток от Куронии, видят в городе жития один из городов ободритских или поморских, например Волин, указывая, что именно в данном направлении и шла датская экспансия в IX в. (на Волин, предположительно, указывал ещё А.Ф. Гильфердинг, сегодня так полагает В.Я. Петрухин)¹⁶⁶.

В 2006–2013 гг. Л.В. Войтович утверждал, включив, по примеру Д.А. Мачинского (а также О. Далина и О.И. Сенковского), безграничное норманистское воображение, что «целый ряд скандинавских саг из цикла “саг о давних временах”, ... наверное, отображают реальную историю удачного нападения викингов на Ладогу около 852 г. или чуть раньше. В нём принимали участие вожди Хальвдан Старый, его отец Естейн, тесть Еймунд, Стурлауг, его сын Хрольв и товарищ Фрамар. Возможно, они были противниками конунга Анунда и пошли на Ладогу против воли, или конунгу удалось отвлечь внимание сильного датского войска от Бирки, направив его энергию на грабёж Ладоги», что, согласно сагам, «бои за Ладогу происходили за чертой города», что «конунг-победитель Хальвдан или Фрамар остался в Ладоге» и т. д. и т. п.¹⁶⁷

Однако в 1996 г. С. Франклин и Д. Шепард заметили: «из жития Ансгария складывается впечатление, что Старая Ладога находилась вне поля большей части народов IX в. Плавания через Балтийское море совершались, но они были направлены на юг, где король Анунд и его флот разграбили поселение “в землях славян”, и на юго-восток, к Курляндии, где сначала датчане, а затем царствующий король шведов нападали, по-видимому, на жителей Гробина или Апуолы». Вместе с тем они обращали внимание как на значительную отдалённость Старой Ладоги и на отсутствие каких-либо иных портов, куда можно было бы зайти (что объясняет, на их взгляд, отсутствие внимания к ней со стороны грабителей), так и на то, что «в этом районе, между Биркой и Ладогой, не было иных крупных поселений торгового характера, монастырей, или хранителей ценностей, которые можно было бы ограбить или использовать в качестве рынка для сбыта награбленного в случае успешного набега на Старую Ладогу». В 2005 г. Е.Н. Носов и А.В. Плохов также заостряли внимание на очевидном, что «на Востоке среди лесов и болот грабить было почти нечего»¹⁶⁸.

Несомненно, что имеются (или найдутся в будущем) другие претенденты на роль города в «пределах земли славян». Важно другое. Наши норманисты, увлечшись отождествлением летописного Рюрика с даном (главное для них, чтобы он был скандинавом) Рориком Ютландским, не замечают, что эта личность совершенно перечёркивает связь варягов со Швецией¹⁶⁹. Выше было процитировано точное замечание С.А. Гедеонова, что выводом Рюрика не из Швеции, а, к примеру, из Дании, «подрывается всё учение знаменитейших корифеев скандинавизма» (отметив при этом, что фризский Рорик есть «соименик, по созвучию, ободритскому Рерику»). По таким же точным словам лингвиста О.Н. Трубачёва, принимавшего тождество Рюрика и Рорика Ютландского, «курьёзно то, что датчанин Рёрик не имел ничего общего как раз со Швецией... Так что **датчанство** Рёрика-Рюрика сильно колеблет весь **шведский** комплекс вопроса о Руси»¹⁷⁰.

Эту опасность осознают (как некогда М.П. Погодин и А.А. Куник) некоторые отечественные и зарубежные норманисты. Так, в 1993 г. Т.Н. Джаксон охарактеризовала гипотезу Крузе как фантастическую, тремя годами позже Е.А. Мельникова отметила, что «отождествление Рорика, имевшего лен в Дорестаде, с Рюриком Повести временных лет в высшей степени сомнительно». А в 2014 г. сказала более конкретно и категорично: ни на чём, «кроме совпадений имени (достаточно широко распространённого) и примерного времени жизни, не основано его отождествление с Рориком... Ни одно из многочисленных сообщений о его деятельности во франкских анналах не содержит ни малейших намёков на его интерес к Балтийскому региону, тем более к Восточной Европе». По той же причине предлагаемое тождество отвергали затем датчанка Э. Розсдаль, наши В.К. Зиборов и В.Я. Петрухин. Французский историк К. Цукерман в 2001–2007 гг. также посчитал такое отождествление безосновательным (т. к. оно зиждется прежде всего на случайном совпадении имён)¹⁷¹.

Норманисты, отстаивая факт ошибки, якобы имеющей место при переводе на русский язык скандинавского сказания, в результате чего появились, по их утверждениям, «языковое недоразумение» — легендарные братья Рюрика, вместе с тем фразу летописи, что киевский князь Олег был прозван в народе «Вещим», трактуют, как уже указывалось, простым переводом имени Олега, ибо «имя Хельг в скандинавской традиции имело значение “священный”»¹⁷². Такую версию предложил в 1978 г. И.Э. Клейненберг: «При появлении на Руси князя варяга с именем Helgi славянское население стало интересоваться значением его имени. Узнав его, начали называть этого князя сдвоенным именем Вещий-Хельгы, в котором первый компонент является переводом (калькой) на местный язык второго». Со временем, заключает учёный, скандинавское имя стало восприниматься как русское имя Олег, а к моменту составления ПВЛ «вещий» ощущалось уже как эпитет, присовокуплённый к имени князя за его удачные политические и военные действия» (странные какие-то наши летописцы: то ошибок наговорят, то переведут «на местный язык» неверно всем очевидное, как, например, «sine hus», то, наоборот, улавливают вместе с любопытным народом такие детали, что под силу лишь специалисту-языковеду). В 2005 г. Е.А. Мельникова специальной статьёй доказывала, что «этимология

имени первого русского князя никогда не вызывала сомнений: др.-рус. *Олгъ/Ольгъ* > *Олеъ* восходит к древнескандинавскому антропониму *Helgi*¹⁷³.

В 1997 г. Л.П. Грот установила, что «при наложении шведского и русского материала друг на друга образуется явное несоответствие». Одно из таких несоответствий она тогда (затем детально обосновав свою аргументацию в 2015 г.) увидела в том, во-первых, что скандинавское имя *Helge*, являясь неполным именем, а уменьшительным (как Коля от Николая, Ваня от Ивана), и уже потому не могло быть заимствовано в древнерусский антропонимикон. Во-вторых, что в скандинавской письменности слово «*helge*» (изначально, по заключению шведского лингвиста И. Модеера, прилагательное) в качестве имени собственного как в женской, так и в мужской формах впервые встречается в поэтическом своде исландских саг «Эдда», написанном в первой половине XIII века. Отсюда исследовательница пришла к выводу, что шведское имя *Helge*, означающее «святой» и пришедшее в Швеции с континента в ходе распространения христианства в XII в., и русское имя Олег IX в. никакой связи между собой не имеют. Вымощен, отметила Грот, «несуществующий мост между именем “Олег” и именем “*Helge*”, да ещё уверяют, что имя “*Helge*”, которое на 200 лет моложе имени “Олег”, послужило прототипом последнего». Но если нет ничего общего между этими именами, то, правомерно заключила учёный, «вместе с именем пропадает и все основания считать князя Олега Вещего выходцем из Скандинавии».

Вместе с тем Грот указала, «что раннее знакомство шведов с древнерусскими именами могло способствовать появлению у них такого имени собственного, как “*Helge*”, несущего в себе смысловую нагрузку святости». В качестве примера она привела имя Святополк, заимствованное шведами в форме *Svantepolk/Свантеполк*, которое затем перешло в шведский именослов в форме Сванте (т. е. как уменьшительное имя, образованное от двусоставного) и стало популярным в Швеции (и имя Святослав, констатировала она, перешло в династийный именослов королей данов). Историк также напомнила, что «вещий» в славянской семантике — это личность, обладающая чудодейственными свойствами: тот, кто магическими чарами и волхованьем достигает знаний и премудрости: ведун, язычник, безбожник, т. е. нечто антагонистически противоположное понятию «святого» в христианской традиции («князь Олег — правитель со жреческим статусом или князь и жрец в одном лице») ¹⁷⁴.

Действительно, ПВЛ наименование князя «Вещим» объясняет именно тем, что так «бяху бо людие погани и невеглоси». В том же ключе рассуждают и сторонники норманской версии. Так, С.М. Соловьёв отмечал, что когда Олег вернулся из победоносного похода на Византию, то «народ удивился такому успеху и прозвал князя “вещим”, т. е. кудесником, волхвом». Он также подчеркнул, что в народной памяти князь представлялся «не столько храбрым воителем, сколько вещим князем, мудрым или хитрым, что, по тогдашним понятиям, значило одно и то же... и прозывается от своего народа *вещим*». И.Н. Данилевский считает, что с точки зрения летописца «только язычники, не приобщённые к христианской культуре (буквальное значение “погани и невеигласи”) могли назвать человека Вещим». Согласно с Данилевским и В.Я. Петрухин утверждает,

что христианин-летописец «изобличал языческое волхование как бесовское действо» и «в комментарии к деяниям Олега обличает язычников, почитавших его “Вещим”»¹⁷⁵. Но если так, то откуда тогда язычники (да ещё нескандинавы) могли знать значение скандинавского «Helge» как «святой» в христианском, т. е. совершенно чуждом для них понимании?

Все сказанное Л.П. Грот по поводу имени Олег не только автоматически имеет прямое отношение к имени Ольга («если Олег и Ольга суть производные одного шведского имени, то и семантическое содержание у них должно быть одно»), но ею также тщательно обосновано¹⁷⁶. С.А. Гедеонов и А.Г. Кузьмин обращают внимание на тот факт, что исландские саги называют великую княгиню Ольгу не «Helga», как того следовало бы ожидать согласно логике норманистов, а «Allogia» (Аллогия), что говорит об отсутствии тождества между этими именами и что имя Ольга не воспринималось как норманское («это разные имена, не звучавшие для скандинавов даже и похоже») ¹⁷⁷, следовательно, об отсутствии связи как имени, так и самой Ольги со Скандинавией¹⁷⁸ (норманисты говорят, что Аллогию, в некоторых сагах выступающую как жена Владимира Святославича, можно отождествить, о чём сказал В.Н. Татищев, с Олавой, скандинавской женой Владимира, упомянутой в Иоакимовской летописи. Но и в этом случае, замечает Е.В. Пчелов, «имя Аллогия опять-таки остаётся не объяснённым». Н.И. Милютенко подчёркивает, что имя Ольги скандинавское и что оно не могло «превратиться в непонятную Allogia». Совсем недавно Е.А. Мельникова стала утверждать, что несовпадение имён Ольга и Аллогия «представляется мнимым. Окончание *-ia* очевидным образом возникло в латиноязычном тексте Одда и было сохранено в исландских переводах саги, само же женское имя — др.-исл. *Allaug*, др.-дат. *Alløgh*, хорошо известно по сагам... фонетически чрезвычайно близко древнерусскому *Ольга*»¹⁷⁹).

Остаётся добавить, что имена Ольга (Olga, Woliiha) и Олег (Olek, Oleg) бытовало у чехов¹⁸⁰, среди которых норманнов уж точно никогда не было (Л.П. Грот, видя древних русов в носителях гаплогруппы R1a-Z280, которая фиксируется в Восточной Европе задолго до н.э. и к которой относится большинство современных русских, считает, что имена Рюрик, Олег, Ольга и др. восходят именно к ним и что с этими именами крепко была связана сакральная традиция. Завершая свой глубокий анализ древнерусских имён, исследовательница связала Олега Вещего, именуемого в Иоакимовской летописи «князем урманским», с Вармией/Урмией, исторической областью в восточной части Южной Балтики, в районе Неманской Руси¹⁸¹).

Выше были приведены слова Г. Эверса, охарактеризовавшего отсутствие у скандинавов преданий о Рюрике как «убедительное молчание» (то же самое, по сути, говорил М.В. Ломоносов). А.Л. Шлёцер в противовес подобным доводам выставлял контрдовод, смысл которого сводился к тому, что скандинавы не имели ещё летописей. Н.М. Карамзин, признавая, что в скандинавских памятниках «нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над славянами», также утверждал, что у скандинавов не было подробных, верных историй вроде ПВЛ, в связи с чем у них не могло и быть никакой информации о Рюрике: «Сим молчанием Ломоносов хотел опровергнуть ясную, неоспори-

мую истину, что Рюрик и братья его были скандинавы; но шведы и датчане имеют ли собственную подробную, верную историю сего времени? Нет: Саксон Грамматик выдумывал, Торфей угадывал, Далин обратил сказки древних о гетах и скифах в шведские летописи!».

М.П. Погодин полагал, что водворение Рюрика в Новгороде «было сначала маловажно и не обратило на себя ни чьего внимания. Последствия совершенно не соответствовали началу. Притом свидетельство о Рюрике могло пропасть». В. Томсен делал упор на то, что основание норманнами Русского государства «прошло на Севере сравнительно незамеченным, тем более что центр литературы саг, Исландия, был слишком удалён от самой сцены события». Ф.А. Бран охарактеризовал как «простое недоразумение» принципиальной важности факт, лишаящий норманскую теорию права выступать в качестве даже рабочей гипотезы, что народа «Русь» в Швеции никогда не было и что это имя никогда не звучало в Скандинавии. Объяснение такому «прискорбному пробелу» он видел в том, во-первых, что шведская историография начинается очень поздно: первые записи появляются в Швеции лишь в XIII в., т. е. тогда, «когда воспоминания о событиях IX и X веков давно ушли за горизонт народного сознания» (грандиозные предприятия скандинавов в Восточной Европе, которые им с такой щедростью приписывают норманисты, включая создание Древнерусского государства, не могли, разумеется, за столь короткий исторический промежуток начисто исчезнуть, если бы они были на самом деле, из памяти шведов). Во-вторых, что результаты деятельности Рюрика, не замеченные его современниками, проявились лишь значительно позже¹⁸².

С.А. Гедеонов, справедливо подчёркивая, что никакими случайностями не может быть объяснимо молчание скандинавов о Рюрике и об основании Русского государства, цитировал Эверса, что норвежский скальд Тиодольф был современником Рюрика и его братьев, но в сохранившихся у Снорри Стурлусона остатках его песен нет о них и речи, хотя вместе с тем у него говорится о восточных венедах, т. е. о руси. Ценно вместе с тем и заключение Д. Щеглова, что скандинавы «основали в продолжение трёх десятков лет государство, превосходившее своим пространством, а может быть, и населением, все тогдашние государства Европы, а между тем это замечательнейшее событие не оставило по себе никакого отголоска в богатой скандинавской литературе. О Роллоне, овладевшем одною только провинцией Франции и притом не основавшем самостоятельного государства, а вступившем в вассальные отношения к королю Франции, саги знают, а о Рюрике молчат»¹⁸³.

И более чем странно на этом фоне полного безмолвия скандинавских источников о Рюрике, совершившем грандиозное по своим масштабам предприятие, которое, будь он их соплеменником, непременно записали бы себе в актив норманны (многочисленные саги очень подробно повествуют о несравнимо менее значимых действиях скандинавов в Западной Европе, синхронных по времени событиям, в которых были задействованы летописные варяги), на фоне отсутствия имён Рюрика, Синеуса и Трувора в шведских именословах слышать слова, что в варяжской легенде видны следы древнешведской фразы якобы существовавшего соглашения со шведами «Рюрик с родом

своим и дружиной многой»¹⁸⁴. А.Н. Сахаров, обращая внимание на известие ПВЛ, что Олег, сев в Киеве в 882 г., «устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославе даяше варягом»¹⁸⁵, т. е. до 1054 г., сказал о заключении киевским князем с варягами договора о мире на русских северо-западных границах. При этом верно заметив, что «в Скандинавии в то время не было таких государственных образований, тем более способных существовать более сотни лет»¹⁸⁶. Но если всё же вообразить, что соглашение со скандинавами было заключено, то не один, даже самый уважаемый в скандинавском мире вождь не мог дать гарантии даже на самое короткое время (а тем более на срок свыше 170 лет), что он не будет сметён своими жадными до добычи конкурентами, а те, в свою очередь другими и т. д., что непременно превратило бы Восточную Европу в арену жесточайших и постоянных схваток скандинавов за её огромные богатства, а также за пути, ведущие в сказочный Константинополь, куда были устремлены вождельные взоры всех искателей удачи средневековья. А эти события уж точно бы отразились и в скандинавских сагах, и в русских летописях.

И последнее. Н.Н. Гринёву, уверенно ведущему речь о шведских истоках одного из самых сложных памятников, коим является варяжская легенда, следовало бы, конечно, объяснить, каким образом русские летописцы XI в., как он считает, первый в 60-х — 70-х гг., составляя рассказ о призвании, а второй в 90-х гг., редактируя его при включении в Начальный свод (здесь он по своему усмотрению комбинирует схемы складывания ПВЛ, предложенные Д.С. Лихачёвым и М.Х. Алешковским), смогли прочесть текст, написанный «старшими рунами», давно к названному времени забытыми в Швеции, что признаёт сам исследователь¹⁸⁷. К тому же старшерунический алфавит (он применялся в Скандинавии до конца VIII в. и был вытеснен новым руническим алфавитом — «младшими рунами»¹⁸⁸) никак не мог быть использован в тех целях, что приписывает ему Гринёв, о чём говорят специалисты в области скандинавской письменности и литературы.

Как подчёркивает М.И. Стеблин-Каменский, рунический алфавит (слово «руна» означало «тайна», «сокрытое», т. е. было эзотерическим знанием, т. е. только для посвящённых, а сами «руны обычно имели магическое назначение. Благодаря им рог с ядом разлетался на куски») «использовался в функции более примитивной, чем та, которая обычно свойственна письменности. Он возник в обществе, в котором не было ни условий для широкого применения письменности, не потребности в таком её применении. Он как бы унаследовал те функции, которые были свойственны наскальным рисункам бронзового века с их зачаточной идеографичностью». Даже тогда, конкретизирует учёный свою мысль, когда руны использовались как фонетические знаки, цель надписи заключалась не в сообщении какой-то информации, а в том, чтобы уберечь могилу от надругательства, защитить живых от мёртвых, принести счастье владельцу предмета, на котором были нанесены руны, и т. п. По этой причине рунические надписи не предназначались для прочтения, что видно по могильным плитам, зарытым надписью вниз. В целом, подытоживает Стеблин-Каменский, «ни одна надпись старшими рунами не представляет со-

бой записи произведения словесного искусства», ибо руны не использовались для записи литературных произведений, к числу которых принадлежал договор, «открытый» Гринёвым.

Е.А. Мельникова также говорит, что древнескандинавского текста Сказания о призвании варягов «существовать не могло, в первую очередь потому, что единственная известная скандинавам IX–X вв. письменность, руническое письмо по своему характеру не применялись и не могли применяться для записи сколько-нибудь пространных текстов. Краткие магические заклинания, имена (владельческие надписи), наконец, формулярные эпитафии на мемориальных стелах — основные виды текстов, записывавшихся руническим письмом» (о том же говорят и зарубежные исследователи). Лишь в XI–XII вв., поясняет исследовательница, сфера применения рунического письма расширяется, «но и в это время оно не применяется для записи пространных нарративных текстов или документов»¹⁸⁹. Наконец, зависимость выводов Гринёва от норманской версии видна и по тому факту, что свой «договор» он увязывает только со шведами, хотя старшерунический алфавит (который возводят к латинскому) был известен всем германским народам, да и придумали его континентальные германцы¹⁹⁰.

Рассмотренный материал показывает, что мнение Гринёва, как и другие мнения «взвешенных» сторонников норманской версии, например, о «норманстве» русских летописцев, есть фантазии, которые навеяны их тенденциозностью и которые не имеют основы в источниках и прежде всего в ПВЛ.

8.3 Повесть временных лет как самый главный источник по истории Руси

Именно по этой причине сейчас и идёт принижение значения ПВЛ как исторического источника, и её чтением, приоритетным в изучении нашего далёкого прошлого и вступающим в разрез с норманской версией, предпочитают свидетельства иностранных памятников, говорящих о восточных славянах далеко со стороны, а зачастую и вовсе, как большинство исландских саг, не имеющих никакого отношения к русской истории (а это одно из объяснений наличия и постоянного репродуцирования в науке многочисленных «мифов», кардинально искажающих собой действительную историю Руси). Начальная летопись, являясь «живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси», представляет собой сложный памятник, сводчики которого с определёнными целями, отражавшими либо их собственные позиции, либо настроения тех или иных общественных сил, на протяжении долгого времени его перерабатывали, не только включая в него разновременные и разнохарактерные источники, но и выбрасывая (или существенно редактируя) всё то, что противоречило их взглядам на прошлое и настоящее Руси.

ПВЛ лежит в основе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей до 1110 года. В НПЛ в иной редакции отражён примерно тот же материал. Древнейшей редакцией ПВЛ считается та, что содержится в Лаврентьевском списке (1377), и в Радзивилловской летописи, восходящей к началу XIII в. (она представлена двумя списками XV в. — Радзивилловским, доведённым до 1206 г., и Академическим, в котором после указанного года следует продолжение иной, нежели Лаврентьевская, традиции). Близок Радзивилловской летописи Летописец Переяславля Суздальского, известный в списке XV в. (составлен в период между 1216–1219). К традиции Лаврентьевской летописи примыкают сгоревшая Троицкая летопись начала XV в. и Симеоновская рукопись XVI столетия. Другая редакция ПВЛ находится в составе Ипатьевской летописи (южнорусский летописный свод конца XIII — начала XIV в., доведённый до 1292 г.), дошедшей в ряде списков, среди которых особое место занимают Ипатьевский (ок. 1425) и Хлебниковский (XVI в.). Ныне принято признавать обе редакции «равноценными» и видеть в их основе один и тот же памятник¹⁹¹.

ПВЛ, будучи древнейшей летописью, дошедшей до нас, символизирует собой начало летописания. И вопрос выяснения этого начала имеет, подчёркивал в 1960 г. М.Н. Тихомиров, «громадное значение и для характеристики достоверности исторических сведений о древней истории Руси в IX–X вв.»¹⁹² Первое мнение в отношении начала сложения ПВЛ принадлежит великому В.Н. Татищеву. Связав её с именем «первейшего историка руского» Нестора Печерского, он посчитал, что тот её создал в 1093 г., а его продолжатель Сильвестр в 1116 г. придал ей окончательный вид (после же 1156 г. летописи стали вестись в разных центрах Руси). Вместе с тем историк поставил принципиально важный вопрос об «историописателях» до Нестора, следовательно, вопрос о достоверности предшествующих ему записей: «И потому, безсумненно, прежде Нестора и задолго писатели были». Выделял он ещё один источник, с которым работали летописцы: «изустные предания... как Иоаким и о песнях народных воспоминает» (в авторе Иоакимовской летописи Татищев видел Иоакима Корсунянина, первого новгородского епископа, умершего в 1030 г., «совершенно древняго писателя более, нежели Нестор», который был ему неведом). Затем о предшественниках Нестора вели речь Г.Ф. Миллер, И.Н. Болтин, И.П. Елагин¹⁹³.

В том же ключе рассуждал и А.Л. Шлёцер, но при этом свернув с пути, указанного Татищевым. Потому как, начиная с 1768 г., внушал читателям мысль, что ПВЛ была испорчена позднейшими малограмотными переписчиками. В связи с чем задал совершенно ложную цель в разработке истории летописания: «Даже если подлинный Нестор был бы навсегда утерян, его можно было бы восстановить с помощью критики на основе большого числа других имеющихся рукописей»¹⁹⁴ (по словам Н.И. Надеждина от 1837 г., «только и толковали что о восстановлении подлинного текста Нестора, об очищении его от бессмыслиц и басней, которые все вообще были относимы к невежеству, или к умыслу, одних переписчиков». В 1978 г. А.М. Сахаров констатировал, что, применив свою излюбленную методику критики библейских текстов «к изучению русского летописания, Шлёцер направил его по ложному пути поисков “очищенного Не-

стора», выбрасывая из поля зрения разночтения и редакции летописных текстов, которые он считал результатом невежества позднейших переписчиков», и не учитывая политической тенденциозности летописцев¹⁹⁵).

Уход с ложного пути поисков «очищенного Нестора», удивившего русскую историю в область искусственных конструкций, начался после того, как Г. Эверс в 1808 и 1814 гг., Н. Брусилов в 1811 г. и П.М. Строев в 1820 г. указали, как это ранее делали, например, Татищев и Миллер, на сводческий характер летописей, вобравших в себя предшествующий разновременный и разнохарактерный материал. Вместе с тем Эверс справедливо завёл разговор о необходимости привлечения поздних компиляций для освещения истории Руси (ибо они составлены «из множества других теперь потерянных летописей»), а по поводу Никоновской летописи заметил, что в ней, составленной в XVI в., «сохранились многие важные вероятные события, коих не достаёт во всех прочих». В свою очередь Строев говорил, что, кроме Киева, и в других центрах Руси также работали летописцы, что продолжатели Нестора прибавляли «к нему некоторые частные случаи, другие пополняли недостаток в подробностях; а смелые коснулись и самого слога», и что «каждый век и каждое значительное княжество имели своих, почти непрерывных, бытописателей»¹⁹⁶.

После подобных разъяснений наша наука начала постепенно преодолевать шлёщеровский «наказ». М.П. Погодин в 1834–1846 гг. утверждал, что до Нестора были какие-нибудь записки «самых кратких простых известий», что перечень русских князей под 6360 г. написан до Нестора (в 1864 г. он предположил, что первые записи могли появиться уже во второй половине IX в.), ибо без таких записок ему нельзя было назначить время для событий двухсотлетней давности. В 1845 г. А.В. Старчевский заключил, что до Нестора «некоторые духовные вели записки», которыми он воспользовался. В 1853–1863 гг. И.И. Срезневский пришёл к выводу, что летописные записки начинались с пометок на пасхальных таблицах, «что летописные заметки велись уже во время Игоря и Святослава или, по крайней мере, их современниками». В расчёте русских княжений ПВЛ под 6360/852 г. он выделил три слоя: до смерти Святослава, до смерти Ярослава, до смерти Святополка, что прямо указывало на три слоя первоначальных источников летописи¹⁹⁷.

В 1856 г. А.А. Куник был уверен в том, «что первые начатки нашего летописания возникли в Киеве ещё в IX-м веке, вслед за первым крещением руси, — в виде кратких заметок о туземных событиях», и что редактор ПВЛ «совокупил воедино прежние летописные заметки и продолжал их до своего времени» (эту же идею развивал в 1874 г. Н.П. Ламбин). В 1868 г. К.Н. Бестужев-Рюмин охарактеризовал Начальную летопись как архив, «в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы», в связи с чем на неё «трудно смотреть, как на цельное произведение: то, что до сих пор считалось взглядом известного летописца, теперь, скорее, можно признать взглядом книжников целой эпохи». И, приняв идею Срезневского о трёх слоях в расчёте княжений, констатировал: «Таким образом, сами собою определяются нам три слоя первоначальных источников летописи: записки до смерти Святослава, до смерти Ярослава, до смерти Святополка». Он также сказал,

что главным источником летописи, вероятно, следует считать записи, которые велись в Киеве и которые начинаются с момента вокняжения в нём Олега¹⁹⁸.

Разговор о начале летописания закономерно вышел за рамки ПВЛ, традицией которой летописное дело не ограничивалось. В 1853 г. С.М. Соловьёв, развивая мысль Эверса, встал на защиту верности известий, содержащихся в поздних летописях (например Никоновской). Ибо они могли «пользоваться списками древнейшими, для нас потерянными». Три года спустя М.И. Сухомлинов указал, что читаемые в Никоновской летописи записи под 6372–6375/864–867 гг. (о смерти сына Аскольда от болгар, об убийстве Рюриком Вадима Храброго и избиении им многих «новгородцев советников его», о возвращении Аскольда и Дира «от Царяграда в мале дружине, и бысть в Киеве плачь велий», о том, что «избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много новгородцких мужей» и др.) и отсутствующие в ПВЛ близки по времени к этим событиям. О том же речь вели в 1862–1919 гг. И.И. Срезневский, К.Н. Бестужев-Рюмин, И.Е. Забелин (первые летописные известия были связаны с первой христианской общиной в Киеве, появившейся в 860-х гг.) и А.А. Шахматов¹⁹⁹.

Параллельно с тем исследователи стали выделять из состава летописи её источники. В 1853 г. С.М. Соловьёв озвучил мысль, что ядром ПВЛ являлось Сказание о призвании варягов, изначально представлявшее собой «отдельный сплошной рассказ без годов, которые внесены после» (к нему «вместе с предисловием о дорюриковском времени и может только относиться заглавие: “Се повести временных лет...”»). По соображению Н.И. Костомарова, выдвинутому в 1861 г., основой летописи являлась «Повесть древних лет», либо начинавшаяся с изгнания варягов, либо «составлявшая одно целое с предисловием, не вошедшим в числовую часть» летописи (она написана одним человеком и оканчивалась, может быть, 1043 г.). Через семь лет К.Н. Бестужев-Рюмин ядром летописи посчитал «Повесть откуда пошла есть Русская земля», написанную, вероятно, в Киеве с целью объединить историю Южной Руси с Северной: начало самостоятельности Киева с захватом варягами Новгорода (и также видел в ней «отдельный сплошной рассказ без годов, которые внесены после»).

В.О. Ключевский видел в ПВЛ летописный свод, включавший в себя собственно Повесть временных лет (или «Повесть о начале Русской земли»), составленную до 1054 г. и заканчивающуюся рассказом об утверждении Олега в Киеве в 882 г., Сказание о крещении Руси при Владимире, разбитое на три года (986, 987 и 988) и начинавшуюся временами Ярослава Мудрого Киево-Печерскую летопись, начатую Нестором в конце XI и дописанную в 1111 г. (составителем же самого этого свода — «учёного произведения» — и редактором всех предшествующих записей историк считал Сильвестра и связывал с ним хронологическую основу свода). В 1896 г. И. Филевич говорил о «Повести о русской земле», существовавшей в виде цельного рассказа без годов, главным содержанием которой было показать «переход имени Руси с Дуная и Карпат в Киев». Проводил он и мысль о древнейшем своде, заканчивающемся вторым десятилетием X в. и уцелевшем в Никоновской летописи (свод этот начинался карпато-дунайскими преданиями, за которыми следовали предания полянские, а затем события на славянском севере)²⁰⁰.

Постепенно расширялся и круг городов, в которых велись летописи. В 1853 г. С.М. Соловьёв отнёс «составление Новгородской начальной летописи к XI веку». Тогда же И.И. Срезневский заметил, что события в Новгороде записывались скоро после того, как они случались и в XII, и в XI и даже в X веке. В 1856 г. М.И. Сухомлинов в целом констатировал, что краткие летописи, которыми пользовался Нестор, вели в разных землях Руси. В следующем году митрополит Макарий сказал, что летописи писались даже в X в. и в разных местах — Киеве, Новгороде и на Волыни. В 1862 г. И.И. Срезневский, назвав те же центры, заключил, что в них летописи создавались независимо. Шестью годами позже К.Н. Бестужев-Рюмин, не сомневаясь, что ПВЛ составлена уже из готовых материалов, пояснял, что эти материалы складывались в разных местах — Новгороде, Полоцке, Тмутаракани, Перемышле, Муроме, Переяславле и что в самом Киеве известия записывались, вероятно, в разных местах²⁰¹.

В связи с определением времени окончательного оформления ПВЛ (второе десятилетие XII в.) был поставлен и вопрос об её «авторстве», запутанный уже в самих источниках. Так, Хлебниковский список (XVI в.) Ипатьевской летописи, Раскольников и Голицынский списки XVI–XVII вв., Патерик Печерского монастыря (прежде всего его Кассиановские редакции 1460 и 1462 гг.) либо называют Нестора, инок Печерского монастыря, создателем ПВЛ либо ведут речь о нём как о летописце вообще²⁰². Но более ранняя традиция — летописи Лаврентьевской традиции, Рогожский летописец, Симеоновская и Никоновская летописи, Кириллов летописец и тот же Голицынский список — в вопросе «авторства» памятника свидетельствует в пользу Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря, впоследствии Переяславского епископа²⁰³.

Первоначально в науке утвердилось мнение В.Н. Татищева, что своим появлением на свет ПВЛ обязана Нестору (оно было поддержано А.Л. Шлёцером, также видевшим в Сильвестре продолжателя Нестора)²⁰⁴. Сомнение в авторстве Нестора выразили в 1828–1836 гг. П.М. Строев и В. Перевощиков. Это сомнение затем было подтверждено многими специалистами, проанализировавшими, с одной стороны, Житие Феодосия Печерского и Чтение о Борисе и Глебе, написанные Нестором, с другой — ПВЛ, выявив между ними, как констатировал в 1853 г. С.М. Соловьёв, поразительные разноречия (в редакции В.О. Ключевского, «непримиримые противоречия»). Важное значение в этом плане имели статьи П.С. Казанского и П.С. Билярского, вышедшие в 1849 и в 1862 годах. Казанский, сравнив Житие Феодосия Печерского и ПВЛ, установил, что Нестор не является автором летописи. Билярский, сопоставив её язык и язык Чтения о Борисе и Глебе, пришёл к заключению, что «сочинитель сказания не одно и то же лицо с летописцем». В отношении же Сильвестра позиция учёных тех лет не была так чётко обозначена: его считали то сводчиком, то переписчиком. Примерно так же смотрели на проблему атрибуции ПВЛ в конце XIX и самом начале XX в.: авторство Нестора, в основном, отрицалось, а авторство Сильвестра либо ставилось под сомнение, либо выдвигалось²⁰⁵.

Важнейшим достижением науки XVIII–XIX вв., наряду с установлением факта раннего начала летописания на Руси, наличия предшествующих ПВЛ летописей и их ведения сразу в нескольких центрах, стало заключение о воз-

действию на текст летописей мировоззрения их создателей и духа самой эпохи. Первым на это опять же указал В.Н. Татищев, подчёркивая, что летописцы писали «за страх», «по страсти, любви или ненависти». В XIX в. мнение о тенденциозности наших книжников в освещении как прошлых, так и современных им событий постепенно становится для многих исследователей нормой. Об этом говорили, например, в 1872 и 1878 гг. Д.И. Иловайский и И.П. Хрущов. В 1885 г. К.Н. Бестужев-Рюмин сформулировал важнейший принцип, которым надлежит в обязательном порядке руководствоваться при обращении к летописям: их составные элементы приобретут самостоятельное значение лишь при учёте идеологической жизни эпохи («Понять, какими идеями жило известное время, первая обязанность историка, без того все века смешаются»). В.О. Ключевский в те годы также отмечал, что летописцы XII в. «не были бесстрастными и даже беспристрастными наблюдателями совершавшихся событий... у каждого из них были свои местные политические интересы, свои династические и областные сочувствия и антипатии»²⁰⁶.

Однако не все достижения в области изучения летописей были учтены А.А. Шахматовым. По схеме, предложенной им в начале XX в., отправной точкой ПВЛ, а значит всего русского летописания, являлся Древнейший свод 1039 г., составленный при Софийском соборе Киева и включённый в свод 1073 г., написанный в Киевском Печерском монастыре. Последний в стенах той же обители был положен в основу Начального свода 1095 г., который уже имел хронологическую сетку и вбирал в себя Новгородский свод 1050 г., выполненный при Софийском владычном дворе, с продолжением до 1079 года. На базе Начального свода 1095 г. (а его Шахматов видел в текстах НПЛ младшего извода в части до 1016 г. и в статьях 1053–1074 гг.) в Печерском монастыре была создана в 1110–1113 гг. несохранившаяся первая редакция ПВЛ, будто бы доведённая до 1112 года. Там же были выполнены её вторая и третья редакции, читающиеся соответственно в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях и датированные Шахматовым 1116 и 1118 гг. (доведённые якобы до февраля 1111 г. и 1117 г.). В дальнейшем, заключал наш выдающийся летописевед, текст летописи практически не подвергался изменениям. Таким образом, выходило, что ПВЛ — это результат пятикратной переработки (в 1073, 1095, 1110–1113, 1116 и 1118 гг.) и периодического пополнения одного и того же материала, осуществляемого практически в одном и том же центре — Киевском Печерском монастыре.

Автором ПВЛ учёный считал Нестора, сторонника великого князя Святополка Изяславича, и связывал с ним историко-этнографическое введение (недатированную часть) летописи, что сразу же ставило под сомнение его достоверность (а это введение учёный относил к началу XII в. лишь на том основании, что оно не отразилось в НПЛ). Рассматривая Сильвестра как редактора Несторовой летописи, Шахматов полагал, что игумен, главным образом, изменил лишь заключительную часть летописи, не отвечавшую интересам Владимира Мономаха, и добавил ряд статей, благоприятствующих ему. Третью редакцию ПВЛ он приписывал летописцу, близкому сыну Мономаха Мстиславу²⁰⁷ (как слишком оптимистично заключал в 1914 г. М.Д. Присьелков, Шахматов восстановил «перед нами с исключительной научной точ-

ностью весь ход нашего летописания». Однако этот летописец специально заострял внимание на том, что его предположения представляют собой «научные фикции» и «рабочие гипотезы», в связи с чем требовал относиться к ним с большой осторожностью²⁰⁸).

Схема Шахматова была принята советскими учёными, но в радикальной редакции. Во-первых, было доказано, что Древнейшего свода 1039 г. не существовало²⁰⁹ (из крупнейших профессионалов-летописцев его признавали, наверное, только М.Д. Присёлков и А.Н. Насонов²¹⁰, а также неспециалисты в области летописания, например Г.А. Хабургаев²¹¹). Во-вторых, схему Шахматова подправил в 1947–1950 гг. Д.С. Лихачёв, выхолостив тем самым её рациональное зерно: отрицая существование Новгородского свода 1050 г., он свёл летописание только к киевской традиции, начав её историю лишь со свода 1073 г. (далее Лихачёв во всём следовал Шахматову)²¹². С тех пор такой взгляд на начало летописания является основополагающим в науке, хотя значительное «омолаживание» времени сложения летописи ставило под самое серьёзное сомнение доверие к ней как историческому источнику, «ибо она в таком случае, — неоднократно подчёркивал пишущий эти строки — слишком далеко отстоит от излагаемых событий, что непременно должно породить не только искажения в их передаче, но и преднамеренный вымысел»²¹³.

Началу сомнения в достоверности ПВЛ положил А.Л. Шлёцер. Особо выделяя её из числа всех памятников (Нестор «в сравнении с позднейшими *исландцами* и *поляками* так превосходен, как рассудок, иногда затмевающийся, в сравнении с беспрестанной глупостью»), он вместе с тем отрицал как русско-византийские договоры 912 и 945 гг., включённые в летопись, так и предвещающие их походы на Константинополь (кроме 941 г.)²¹⁴. Частичное недоверие Шлёцера к ПВЛ довёл до абсолюта родоначальник скептической школы М.Т. Каченовский. Видя в летописях памятники, созданные в XIII или даже XIV в., он утверждал в 1833–1835 гг., что отсюда степень их достоверности невелика и «что до конца XI ст. все повествования летописей основаны на преданиях, уже искажённых в устах четырёх или более поколений, на поэтических (часто самых нелепых) вымыслах». Идеи Каченовского тиражировали его ученики. Так, С.М. Строев уверял, что ПВЛ была составлена в конце XIII или начале XIV в., что многие её известия до середины XI в. выдуманы летописцем и что вообще «нельзя верить нашим летописям о IX, X и XI столетиях»²¹⁵.

В последующие годы скепсис разных «скептиков» к ПВЛ развивала довольно большая часть исследователей. Например, в 1872–1881 гг. Д.И. Иловайский, полагая, что начало летописания относится по времени, по всей вероятности, к эпохе Ярослава, отрицал большинство известий ПВЛ второй половины IX — X веков. Утверждая при этом, что летопись, начавшись легендами и баснями, «становится полнее, достовернее, обстоятельнее» лишь по мере приближения событий к эпохе самого летописца, т. е. к началу XII века. В 1873–1874 гг. Н.И. Костомаров резюмировал, что «наши первые летописцы писали не ранее второй половины XI в.», поэтому «за исключением немногого, что почерпнуто из письменных источников, всё повествование о временах древних включительно до смерти Владимира взято из народных преданий, сказаний, пе-

сен и пересказов» (оба учёных, отрицая достоверность Сказания о призвании варягов, видели в нём поздний домысел книжников, по словам Иловайского, «басню», «сказку»)²¹⁶.

В 1913–1917 гг. В.А. Пархоменко внушал коллегам, что надо «относиться к показаниям наших летописей о русской жизни IX–X вв. с большой осторожностью и значительной долей критицизма». В 1913 г. М.Д. Присёлков убеждал, что историческая память в XI в. сохраняла лишь имена князей конца IX — X вв., «обросшие целым рядом легенд, в которых летописцу иногда не удавалось счастливо разобраться». На следующий год А.А. Шахматов резюмировал, что если киевский свод в первоначальном виде не мог возникнуть ранее 30-х гг. XI в., то «в связи с этим, стоит полная его недостоверность в изложении событий до 945 года; человеческая память коротка и ограничена». Финский историк В.Й. Мансикка говорил в 1922 г., «что изложение событий, относящихся к самой ранней эпохе исторической жизни Руси, к эпохе Рюриковичей и Владимира, отличается фантастическим, легендарным характером»²¹⁷.

В советское время скептический настрой в отношении ПВЛ продолжали прививать науке Присёлков и Пархоменко. В 1939–1940 гг. первый убеждал, что в пределах IX — начала XI в. эта летопись «оказывается для нас теперь источником искусственным и малонадёжным». В 1941 г. второй подчёркивал, что время IX–X вв. для летописца второй половины XI — начала XII в. очень раннее, на которое он смотрел сквозь призму легенд, песен, сказаний, туманных и отрывочных данных, и что ряд исторических деятелей той эпохи — эпические личности. Этот «скепсис» был ярко выражен в послевоенное время в трудах Я.С. Лурье (для истории IX–X вв. ПВЛ «является недостаточно надёжным источником»)²¹⁸ (такая позиция учёного уже была во многом обусловлена схемой Д.С. Лихачёва, начинавшего летописание лишь с 1073 г.).

М.Х. Алешковский, также следуя за Лихачёвым, пошёл дальше его, тем самым ещё больше усиливая недоверие к Начальной летописи как историческому источнику. В 1967–1971 гг. он, крайне упростив схему Шахматова, связал начало русской письменной истории с летописью, не разбитой на годы и созданной в конце 60 — начале 70-х гг. XI в. на основе прежде всего устных преданий кем-то из окружения великого киевского князя Изяслава Ярославича. Этой летописью и Хронографом по великому изложению воспользовался, помимо других источников, Нестор, который в несколько приёмов, начиная с 90-х гг. XI в., к 1115 г. завершил работу над ПВЛ и ввёл в неё хронологическую сетку. Но свод Нестора в чистом виде не сохранился и дошёл до нас с некоторыми изменениями в НПЛ младшего извода, отразившей в себе новгородский свод, созданный в Новгороде в 1116–1117 гг. на основе ПВЛ. В 1119 г. в Киеве по заказу Владимира Мономаха и его сына Мстислава летописец Василий, побывавший в 1116 г. в Новгороде и Ладоге, с помощью Хроники Георгия Амартола отредактировал в Андреевском монастыре ПВЛ, проставил новые даты и уточнил хронологию своего предшественника, в результате чего возник её Ипатьевский вариант. Около 1123 г. переяславский епископ Сильвестр по заказу всё тех же лиц переписал для Переяславля текст Василия, и вот эта копия читается в составе Лаврентьевской летописи²¹⁹.

Само отрицание историзма ПВЛ проистекает прежде всего из тех методов, которыми руководствуются учёные при изучении летописания. Так, Н.К. Никольский в 1930 г. прямо указал на ущербность абсолютизации Шахматовым сравнительно-текстологического принципа расслоения текста: историю сводов XI в. он рассматривает только как преемственную литературную работу сведчиков, редакторов, писцов, а избранный им метод изучения ПВЛ повёл его по предвзятому направлению таких наблюдений, «которые исключали необходимость признавать как преднамеренность пропусков и умолчание, так и влияние идеологической тенденциозности на состав летописей». Действительно, вначале Шахматов считал неудачной саму мысль, высказанную В.Н. Татищевым, о тенденциозности «вычёркивания», в связи с чем, отмечал А.Г. Кузьмин, в его представлении «летописание, как единое вековое дерево, было оторвано от породившей его общественной среды, замкнуто само в себе»²²⁰.

Но к 1916 г. учёный убедился в правильности мысли Татищева и уже сам чеканно резюмировал, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы». Когда же исследователь стал учитывать данный фактор, то сразу осознал всю условность предложенных им ранее реконструкций и признал, издавая в 1916 г. предполагаемый текст ПВЛ по её второй и третьей редакциям, что первая редакция летописи, которую он связывал с Нестором, «не может быть восстановлена при теперешнем состоянии наших знаний» (но она вообще не может быть восстановлена, на что неоднократно указывали историки XIX в.). Одновременно с тем это было прямым признанием ограниченных возможностей текстологического метода в изучении летописания, сторонником и популяризатором которого Шахматов выступал всю свою творческую жизнь (в письме к В.А. Пархоменко от 23 декабря 1913 г. он специально подчеркнул: «Я историк литературы... Вы историк. Я постигаю литературные факты. Вы стремитесь постичь факты исторические... Выделению исторических фактов должна предшествовать работа над литературным составом источников», т. е. «подобно Шлёцеру, — пояснял Кузьмин, — он полагал, что сначала нужно восстановить источник, а затем уже его изучать»)²²¹.

В дореволюционный период против гиперкритического отношения к ПВЛ (по верной оценке А.А. Куника, «дикого скептицизма») выступали многие специалисты, взгляд которых на эту летопись полно выразил М.П. Погодин: она «достоверна в главном, подтверждаясь свидетельствами иностранными», и потому русскую историю «должно начинать с 9... а не с 12, не с 11, даже не с 10 столетия, как бредят некоторые»²²². Несостоятельность «дикого скептицизма» (опять же под видом объективизма), этого проклятия нашей науки, профессионально затем вскрыли советские исследователи (и в основном создание летописи приписывая Нестору). Так, в 1930 г. Н.К. Никольский показал, что повести о полянах, следы которых сохранились в ПВЛ, позднее соединённые со Сказанием о славянской грамоте, складывались в дохристианский период. Причём, отмечал он, летопись, объединившая эти два памятника и носившая название «Се повести времянных лет», вошла в середине XI в. в переработанном виде в состав ПВЛ.

В 1940–1960-х гг. М.Н. Тихомиров, заостряя внимание на том, что известия летописи за вторую половину X в. более точные и более подробные, чем за пер-

вую половину следующего столетия, убедительно продемонстрировал наличие произведений летописного жанра в конце X — начале XI в., позже составивших ядро ПВЛ. Такими произведениями были, по его окончательному решению, созданные в Киеве «Сказание о русских князьях X в.», ведшее свой рассказ от Игоря до вокняжения Владимира и вначале не имевшее хронологической сетки, и «Повесть о начале Русской земли», излагавшая события от основания Киева до смерти Олега (а в расчёте русских князей под 6360 г. он выделял не только три слоя, но и два способа изложения). Вёл историк речь и о возможности существования выделяемой Б.А. Рыбаковым новгородской «Остромировой летописи» середины XI столетия²²³.

В 1942–1950-х гг. Б.Д. Греков, критикуя мнения М.Д. Присёлкова и В.А. Пархоменко, твёрдо сказал, что ПВЛ — это «наш наиболее полный и достоверный источник» и что творчество сводчиков конца XI — начала XII в. было «основано на совершенно точных документах... а не на фантазии, не на патриотических увлечениях (хотя элементы этого я и признаю) и не на невероятных каких-то припоминаниях» (вместе с тем историк в 1939 г. подчеркнул, а так рассуждало большинство его коллег, что летописец преследовал «определённые политические задачи. Поэтому отношение наше к летописи как к историческому источнику должно быть сугубо осторожным»). В 1945 г. В.В. Мавродин также выступил против историков, увлекающихся гиперкритикой источника, и призвал к его защите от такого рода «источниковедов». Три года спустя Л.В. Черепнин выделил свод 996 г., в основе которого лежала повесть о полянах-руси. Все редакции ПВЛ он отнёс к княжению Владимира Мономаха, а её основной текст датировал 1115 г. (развивая в последующее время свои идеи, учёный говорил о необходимости «внедрения в летописеведение историзма. Ограниченность метода Шахматова состояла именно в том, что в его исследованиях превалировал формально-текстологический анализ», и поставил под сомнение тезис Д.С. Лихачёва, что Шахматов в работах последних лет «заявляет себя первоклассным историком»)²²⁴.

В 1950–1980-х гг. Б.А. Рыбаков утверждал, что первые летописные записи появились в 60-х гг. IX в., т. к. на это указывают статьи Никоновской летописи за 860–880-е гг., и видел в них отражение «Оскольдовой летописи». Затем летописные записи велись — не систематически и кратко — на протяжении всего X столетия. В 996–997 гг. в Киеве был создан первый летописный свод, вошедший в себя предшествующие годовые записи, сведения из византийских источников, придворную эпическую поэзию, информацию самого летописца, отдельные сказания, записанные в X веке. Он также не сомневался в том, что в 1050 г. в Новгороде была написана «Остромирова летопись», доведённая затем до 1079 г., и что в её основу был положен киевский свод конца X в. (997 г.). На его взгляд, вводная, недатированная часть ПВЛ, вероятно, и называлась «Повестью временных лет» (но при этом вывод Шахматова о её датировании XII в. не поставил под сомнение). Вместе с тем историк отметил, что Лаврентьевская и Ипатьевская редакции летописи, которые в науке, в основном, противопоставляют друг другу, — это «две почти одинаковые книги».

А в 1972 г. особо подчеркнул, что «процесс анализа летописных текстов не может замыкаться в рамках одной текстологии, без постоянного учёта сложной

и быстро меняющейся исторической обстановки, без постоянного сопоставления с конкретными условиями, без учёта взаимодействия князей, городов, летописцев»²²⁵ (отношение Рыбакова к Никоновской летописи вызывает возражения, например, Б.М. Клосса и Я.С. Лурье, т. к., по словам последнего, текст Никоновской летописи на всём протяжении носит следы творчества её создателей. В 2001–2007 гг. К. Цукерман отверг и «Оскольдову летопись», и показания Никоновской летописи, а в 2002 г. С. Франклин посчитал абсурдной саму мысль о составлении летописей в IX веке. В 2010 г. Е.В. Пчелов назвал мнение Рыбакова по поводу Никоновской летописи фантастическим. В 2023 г. В.Я. Петрухин резюмировал: «романтические представления о дохристианском летописании на Руси (вроде летописи Аскольда) в расчёт приниматься не могут»²²⁶. Однако украинский исследователь П.П. Толочко, идя в русле рассуждений, прежде всего, Рыбакова, в 2003 г. привёл дополнительные соображения в пользу возникновения киевской исторической письменности во времена Аскольда и создания в Киеве в 996 г. летописного свода²²⁷).

Исключительно важная и во многом новаторская роль в изучении начала летописания принадлежала А.Г. Кузьмину, в совершенстве владевшему текстологическим и историческим (выяснение идейного содержания летописей) методами, что и позволило ему, как в один голос сказали в 1971 г. официальные оппоненты его докторской диссертации «Начальные этапы древнерусского летописания» историки А.П. Пронштейн и П.П. Епифанов, «по-новому взглянуть на Начальную летопись, увидеть в ней те стороны, которые не были замечены его предшественниками»²²⁸ (и вместе с тем показать несостоятельность общепризнанной схемы летописания филологов Шахматова-Лихачёва).

Новый взгляд Кузьмина на ПВЛ объясняется тем, что он, рассматривая летописи как своды разных материалов, «подчинённых какой-то общественно значимой задаче», стремился к установлению связи их текста с породившей его общественной средой (потому как от понимания характера и конкретного содержания летописей, «от определения условий происхождения и изменения записей во много зависит достоверность наших знаний о породившей их эпохе»). В связи с чем сам вопрос о начале летописания историк ставил более широко, чем это было в основном принято, ибо на Руси кроме летописей существовали разные формы исторических сочинений, и в них не обязательно могла присутствовать хронологическая сетка. Он также убедительно продемонстрировал, что ПВЛ не является, как это декларировалось, чередой записей, сменяющих друг друга летописцев, а есть свод нередко противоречащих друг другу летописных и внелетописных материалов, отразивших множественность историографических традиций и идейных течений времени расцвета Руси.

Летописание, правомерно акцентировал внимание специалист, будучи одной из форм выражения общественного сознания (и оно не было, на чём настаивал Л.В. Черепнин, монополией государства), на протяжении столетий представляло собой арену активной и напряжённой борьбы идей и концепций, в ходе которой сознательно уничтожались и неоднократно перекраивались памятники, полностью исчезали целые традиции. Поэтому, говорил Кузьмин, «колоссальный ущерб науке нанесло представление о том, что автором

“Повести временных лет” был один летописец — Нестор, писавший якобы в начале XII в.», т. к. за отдельными статьями, фразами и их фрагментами могут действительно стоять самостоятельные сочинения, летописи, даже традиции, случайно сохранённые в позднейших сводах.

И лишь обращение к анализу внутреннего содержания летописных текстов, использование собственно исторических методов критики в сочетании с традиционным текстологическим подходом позволяет частично восстановить, казалось, утраченное навсегда, выявить этапы, когда в летопись включались те или иные известия, определить не только порядок и степень их взаимодействия, но и те общественные силы, по конкретному заказу или под влиянием которых постоянно осуществлялась переработка летописей, определить вместе с тем степень воздействия на них современных им событий. Одновременно с тем учёный большое внимание уделял противоречиям в хронологии ПВЛ (которая остаётся одной из наиболее слабо изученных проблем). Всё это вкупе позволило ему выявить ряд датирующих признаков, заставляющих совершенно по-иному взглянуть на историю складывания Начальной летописи, определить конкретные этапы в рамках XI–XII вв., повлиявшие на состав памятника.

Кузьмин, твёрдо полагая, что какие-то записи исторического характера неизбежно возникали уже в IX в., говорил о начале летописания в первой половине княжения Владимира — до 996 г. (в конце жизни историк внесение в летопись рассказа о расселении славян вообще и полян-руси в частности с Дуная увязал с христианской общиной при Ильинской церкви первой половины X в., имевшей археологически прослеживаемую связь с Моравией). И доказывал, что велось оно сразу в нескольких центрах, которые различались своими идеологическими и политическими взглядами, и что в конце X в. киевский летописец создал первый исторический труд о начале Руси и о первых киевских князьях, с этой целью привлекая Сказание о славянской грамоте. Это повествование, не имевшее разбивки на годы, включало в себя всё историко-этнографическое введение будущей ПВЛ, ошибочно относимое к началу XII в., и имело заголовок «Се повести времяньных лет». Причём само оформление Начальной летописи во втором десятилетии XII в. Кузьмин связывал не с Печерским монастырём, а с другой киевской обителью — Выдубицкой.

Анализируя статьи этой летописи второй половины XI в., в которых явно прослеживается рука разных летописцев, Кузьмин определил два этапа редакторской работы: 50–60-е и 70–80-е годы. На первом этапе летописцем, отстаивавшим интересы сыновей Ярослава Мудрого против Всеслава Полоцкого, была создана на базе недатированного повествования конца X в., начинавшегося словами «Се повести времяньных лет», основная редакция ПВЛ с постановкой проблемы начала Руси в её полянославянской версии (в этой редакции читались повести о русских князьях, была введена систематическая хронология от «сотворения мира» по константинопольской эре, причём даты для предшественников Владимира летописец должен был получить в записанном виде). Тогда же в киевскую летопись впервые был привлечён новгородский источник, доведённый до середины XI в., о характере которого наиболее полное пред-

ставление дают софийско-новгородские своды XV–XVI вв. (прежде всего, Софийская первая и Новгородская четвёртая летописи).

Но в ПВЛ данный источник вошёл с большими сокращениями, поскольку южнорусского летописца интересовала не новгородская история, а «вопрос о происхождении династии русских князей, и её он постарался связать с Новгородом». В связи с чем названные поздние летописи в подавляющем большинстве случаев дают первоначальное чтение (например статья 1043 г.). В этой же части НПЛ младшего извода не имела оригинального новгородского источника и пользовалась лишь извлечениями из Начальной летописи. Причём, если после 1016 г. оригинальные чтения по сравнению с последней дают только летописи, восходящие к софийско-новгородской группе, то с середины 40-х гг. намечается сближение НПЛ и софийско-новгородских сводов в их противостоянии ПВЛ. После 1050-х гг. длительное время новгородское летописание в Киеве не привлекалось. Не были знакомы там и с новгородской епископской летописью, начало ведения которой относится к середине XI столетия (она сохранилась в софийско-новгородских сводах, которые ведут к новгородской летописи, составленной в последней трети XII в.).

Второй и, по оценке Кузьмина, очень важный этап в сложении Начальной летописи объясняется частой сменой владений киевского стола (1068–1078), способствовавшей неоднократным переработкам имевшегося письменного материала. И связал его с Десятинной церковью, противостоявшей византийской ортодоксии и ратовавшей за полную самостоятельность русской церкви, с летописцем-«западником», симпатизировавшим Изяславу Ярославичу и его сыну Ярополку, и в концепции которого ярко выражено противодействие политике разделения церквей, создающей барьер между Русью и близкими ей по языку и культуре славянскими странами. Именно этот летописец создал труд, в котором давалась ретроспективная оценка событий прошлого и были представлены основные сюжеты ПВЛ. Причём он довольно точно передавал предшествующий текст, комментируя его лишь высказываниями из Библии.

Но дошедшие до нас списки Начальной летописи уже не передают составленного при Десятинной церкви памятника в его в настоящем виде, т. к. политическая концепция летописца-«западника» сознавалась и вызвала противодействие, в связи с чем многое из его труда было преднамеренно сокращено или даже изъято в редакции летописи начала XII в., что хорошо видно по НПЛ, использовавшей киевские материалы до 1115 года. При этом Кузьмин акцентировал внимание на важном, но мало учитываемом обстоятельстве, что все редакции ПВЛ сохранились только там, где княжили потомки Мономаха. Заклучив, что с третьей четверти XI в. окончательно оформляются разные историографические традиции, в своеобразную идеологическую борьбу втягиваются разные центры Руси, исследователь одновременно с тем выявил сложную взаимозависимость и неоднократное взаимодействие владимирского и киевского летописаний в XII веке.

В рамках этого столетия им были выделены 20–40-е, 50–60-е и рубеж 80–90-х гг., когда в связи с политическими событиями, протекавшими на Руси и вызывавшими политическое противоборство, могли быть осуществлены пе-

переработки предшествующего материала, в том числе в рамках ПВЛ (возможно, что в 20-е гг. впервые в неё были введены тексты договоров с Византией и некоторые сказания, отсутствующие в НПЛ). А чрезвычайную запутанность хронологии летописи он объяснял тем, что её создатели пользовались источниками, ориентированными на разные космические эры (способы счёта лет) — константинопольскую, антиохийскую, болгарскую, старую византийскую и др., и стили (начала года) — мартовский, ультрамартовский, сентябрьский, и что, вероятно, в разных монастырях и соборах различно вели счёт лет.

Идею о существовании Начального свода 1095 г., который А.А. Шахматов видел в НПЛ младшего извода, Кузьмин решительно отверг, на фактах показав, что никакого рубежа около 1095 г. в летописях нет: ибо до 1110 г. совпадают тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, а до 1115 г. использован киевский источник в старшем и младшем изводах НПЛ. Отсюда, заключал историк, нельзя считать начальную часть НПЛ (до 945 г.) первичной по сравнению с ПВЛ (то же самое относится и к её хронологической сетке), и что эта часть летописи представляет собой позднюю обработку разных источников, осуществлённую в Новгороде около середины XIII в., когда начало киевского памятника до 945 г. почему-то было заменено оригинальным материалом иных традиций, не зафиксированных в южнорусских источниках (именно тогда, полагал Кузьмин, и определились многие особенности изводов НПЛ. Предисловие к спискам младшего извода, которое Шахматов относил к концу XI в. и связывал с своим гипотетическим Начальным сводом, историк, считая его новгородским памятником, датировал первой половиной XIII в.).

Параллельно с тем Кузьмин убедительно показал, опираясь в первую очередь на выводы С.М. Соловьёва, П.С. Казанского, П.С. Билярского, что Нестор не имел никакого отношения к ПВЛ: он, хотя и писал тогда же, когда осуществлялась работа над известными редакциями этой летописи, не был знаком с ней. В свете чего, подытоживал учёный, наибольшая путаница возникает из-за того, что именно Нестору приписывают начальные статьи летописи, большинство из которых относится ко временам Владимира (в таком случае весьма сомнительным предстаёт традиционное прочтение летописных статей, имеющих отношение к X–XI вв., а не внесённых, как это обычно утверждается, на заключительном этапе складывания летописи). Говоря, что над ПВЛ на последнем этапе её создания работал игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, историк подчеркнул, что его, похоже, не очень интересовали события далёких времён и что он не слишком вторгался в текст предшественников. Но вместе с тем он много сократил и даже изъяс из летописания Десятинной церкви и двукратно обращался к летописи (последний раз не ранее 1118 г., когда уже был Переяславским епископом), и что правильнее будет признать обе традиции ПВЛ — Лаврентьевскую и Ипатьевскую — «равноценными», т. е. в основе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей лежит один и тот же памятник.

Исходя из многолетней работы с летописями и многими другими памятниками, связанными и не связанными с ними, плодотворно развивая идеи предшественников и обоснованно предлагая свои, Кузьмин чётко обозначил «минусы» летописеведения, ведущие к «минусам» в изучении истории Руси:

в нашей историко-филологической науке «продолжают обращаться “научные фикции”», которые не только заслоняют реальные факты, но даже занимают их место и потому очень часто становясь точкой отсчёта в исторических построениях, и что «довольно широко бытует представление, будто “реконструкция текстов” должна предшествовать “реконструкции идей”, т. е. изучению эпохи, породившей эти тексты. В итоге же оказывается, что в жертву субъективным прочтениям текста приносятся многочисленные объективные данные, накопленные несколькими поколениями предшественников».

В конце жизни историк особо подчеркнул, что «представление о летописании как о едином древе не просто наивно. Оно, по существу, закрывает возможность изучения летописей как источников вообще»²²⁹ (взгляды Кузьмина категорически не приемлют сторонники текстологического метода и идеи «единого древа», например филологи Я.С. Лурье, О.В. Творогов, А.А. Гиппиус. Согласно странному контрдоводу последнего, «“моноцентрическая” модель Начальной летописи представляется априори предпочтительной как более экономное описание процесса начального летописания»²³⁰. Но словами Кузьмина, например, говорил в 2000 г. американский славист С.Я. Сендерович, который, рассмотрев метод и наследие А.А. Шахматова, заключил: что «выделение предполагаемого Начального свода 1095 г. не имеет достаточно сравнительной базы, а уже выделение предполагаемого свода 1073 г. и вовсе лишено таковой и опирается только на наблюдения над внутренними особенностями содержания, всегда, однако, спорными», что более поздняя летопись может содержать более древние тексты и что «проблема начала русского летописания выходит за рамки возможностей текстологического или сравнительного исследования»²³¹).

Скепсис (в том числе и самый «дикий») к ПВЛ, порождённый прежде всего непониманием её характера, как был, так и остаётся. Как подчёркивал тот же Сендерович, «раннее летописание обнаруживает следы искажений, иногда, по-видимому, чудовищных, куда более крупных, чем позднее (установить которые, однако, трудно ввиду скудости иных источников), во всяком случае, полагаться на него с научной точки зрения невозможно»²³². Но особенно он проявляется сейчас в ярком выраженном категорическом недоверии к её датам за довольно большой период (а недоверие к ним выражали уже многие учёные XIX в.). И энергичный разговор о том вёл в нашей науке (параллельно и в зарубежной) в 1996–2008 гг., о чём речь частично шла, французский историк К. Цукерман, стремясь, нисколько не скрывая своей цели, хотя бы таким способом подогнать показания письменных источников под выводы археологов об отсутствии скандинавских вещей в Южной Руси до начала X в. и тем самым придать норманской версии и логичность, и безупречность. Дополнительно его «неисторическое» отношение к древнейшей нашей летописи как к самому главному источнику по русской истории IX–XI вв. характеризуют его слова, что «филологи не придают большого значения датам, указанным в русских летописях в частях, относящихся ко второй половине IX и первой половине X в.: когда они не основаны на данных переводных источников, они чаще всего оказываются домыслами летописцев». Причём в советскую эпоху, звучит его упрёк в адрес наших историков, стоявших за историзм и в летописеведении, и в изуче-

нии истории Руси, «положение осложнялось тем, что древнерусскую историю зачастую писали исследователи, филологической подготовкой не обладавшие».

Цукерман, будучи во взгляде на ПВЛ чистейшей воды филологом, выступает против использования её «условных дат» (но при этом не доказывая их «условности»). Взамен предложив, по собственному заверению, вполне «надёжную хронологию» известных событий, перестраивающую раннюю русскую историю: «изгнание варягов», бывшее, собственно, падением скандинавского Русского каганата на Волхове, датируется самым началом 870-х гг., прибытие Рюрика в Ладогу (второй приход скандинавов) можно датировать 890-ми гг. (около 895 г.), правление Олега, «сначала как вождя отложившейся от Рюрика и обосновавшейся, скорее всего, в Гнёздове дружины, а затем от имени “законного” Рюрикида Игоря, простирается от первого десятилетия X в. до лета 941 г.» (Киев он захватил, видимо, не ранее конца 911 г., вероятнее, в конце этого десятилетия и со временем распространил власть на Новгород, который появился, если следовать выводам археологов, в 930-е гг.), княжение же Игоря было весьма скоротечным: лето 941 — начало 945 года. По поводу же оформления ПВЛ Цукерман говорил, что ныне гипотезу о её первой редакции окончательно отбросил В.Н. Русинов, что оправданность разграничения второй и третьей редакций поставлена под серьёзное сомнение Л. Мюллером и О.В. Твороговым и что появление на Руси договоров с Византией (они, как установила Я. Малингуди, не сохранились на Руси) послужили основным толчком к созданию летописи, т. е. этому послужили вовсе не соображения политического или идеологического порядка, а необходимость осознать и интегрировать новый исторический материал (и А.А. Горский в 2012 г. указывал, что только с 940-х гг. летописные тексты, основанные на преданиях, в основном подтверждаются иностранными источниками и перестают обнаруживать противоречия друг с другом)²³³.

Разумеется, никто и не отрицает проблематичности начальных дат ПВЛ. Но столь негативный взгляд на них, выраженный Цукерманом, представляется, как и любая тенденциозная подгонка, глубоко неверным (под время наличия «скандинавских» предметов в Среднем Поднепровье и под свидетельства иностранных памятников, пишущих о Руси изредка, издаека и часто ошибочно. По логике французского учёного выходит, что тогда надо все события и даты русской истории, не основанные «на данных переводных источников», посчитать домыслами). Проблему дат тезисом «Не верю!», конечно, не разрешить. Не разрешить её и субъективной альтернативностью. Так, например, если ПВЛ датирует разгром Святославом Хазарского каганата 965 г., то современник этого события арабский автор Ибн Хаукаль — 968 г.²³⁴ Однако такое расхождение не означает, что какой-то из источников обязательно ошибается, но оно сигнализирует о наличии проблемы, которую необходимо комплексно решать.

Сказание о призвании варягов рассматривают на основании и в противопоставлении чтений Лаврентьевской, Ипатьевской и НПЛ. НПЛ принято подразделять на два извода (редакции): старший, Синодальный список которого датируется второй четвертью XIV в., и младший, сохранившийся в нескольких списках, два из которых — Комиссионный и Академический — относятся к середине XV в. (1440-е гг.). Синодальный список, начало которого (до 1016) утеряно, доведён до

1330 г. с позднейшими приписками до 1352 года. Часть его до 1234 г. написана, согласно одному мнению, двумя почерками, охватывающими 1016–1200 и 1201–1233 годы. Первый из них в XIX в. был отнесён к самому началу XIII в., второй или к первой его половине, или к 50–60-м гг.²³⁵ Б.М. Ляпунов оба почерка датировал второй половиной XIII века. А.А. Шахматов в конечном итоге отнёс часть до 1234 г. к XIII столетию²³⁶. Советские и современные учёные датируют почерки также по-разному: 50–60-ми гг. XIII в. (Н.Л. Подвигина), его второй половиной или концом (Б.М. Клосс, Я.С. Лурье)²³⁷. Сегодня Т.В. Гимон и А.А. Гиппиус считают, что эта часть списка написана либо в 1234, либо в каком-то ближайшем последующем к нему году «одним почерком, а не двумя, как считалось ранее»²³⁸.

Оба списка младшего извода НПЛ совпадают до 1439 года. Академический доведён до 1443 г., Комиссионный до 1446 года. Младший извод очень близок к старшему, только последний в ряде случаев отличается большей подробностью и содержит некоторые известия, отсутствующие в списках младшего. Тексты обоих изводов частью тождественны, частью близки с 1075 по 1333 год. Совпадают они также в пределах с 1017 по 1037 год. Киевские известия в них идут до 1115 г., а общерусский материал — до 1238 г.²³⁹ В XIX в. разгорелся спор по поводу того, что содержалось в утерянной части Синодального списка. Одни исследователи, видя в списках младшего извода ПВЛ, считали оба извода идентичными друг другу²⁴⁰. Другие утверждали, что там читалась не ПВЛ, а самостоятельная новгородская летопись²⁴¹.

А.А. Шахматов, исходя из своей гипотезы, что в младшем изводе НПЛ отразился Начальный свод 1095 г., полагал, что в утраченной части Синодального списка читался более или менее полный текст третьей редакции ПВЛ, соединённый в 1167 г. с текстом древнейшей новгородской летописи, которая, по его мнению, представляла собой старший епископский свод XI в., основанный на Древнейшем своде 1039 года. Склонялся он и к тому, что знакомство новгородцев с ПВЛ могло состояться несколько раньше: в 30-х гг. XII века. В 60–80-х гг. свод 1167 г. был переписан Германом Воятой, сократившим при этом много киевских известий. В XII в. список был дополнен по архиепископской летописи и доведён до второй половины названного века. Около 1333 г. был составлен список на основе копии летописи Вояты с продолжениями по архиепископской летописи до 30-х гг. XIV в. и гипотетическому «Владимирскому полихрону» начала XIV в. (М.Д. Присёлков доказал, что «Владимирского полихрона» в действительности не существовало)²⁴².

По мнению Д.С. Лихачёва, третья редакция ПВЛ была соединена с новгородской летописью не в 1167 г., а в годы княжения в Новгороде внука Владимира Мономаха Всеволода Мстиславича (1118–1136). Но в результате политического переворота 1136 г., когда Новгород был провозглашён республикой, «Мономашья» летопись была заменена «антикняжеским» Начальным сводом 1095 г., соответствовавшим политическим настроениям новгородцев. В начале XIII в. был составлен новый свод архиепископской летописи, привлёкший известия киевского летописания. М.Х. Алешковский считал, что первый новгородский свод, отразившийся в НПЛ младшего извода, был создан в Новгороде в 1116–1117 г. (свод Мстислава) на основе текста Нестора 1115 года. В ходе работы над

сводом 1225–1228 гг. была привлечена редакция ПВЛ 1119 г., сохранившаяся в Лаврентьевской летописи. Б.М. Клосс утверждает, что Начальный свод был привлечён в Новгороде лишь в XIII веке. Т.В. Гимон и А.А. Гиппиус, совмещая позиции прежде всего Шахматова и Лихачёва, полагают, что оба извода НПЛ восходят к новгородской владычной (архиепископской) летописи, в основе которой лежит свод, составленный около 1116–1117 гг. (или около 1115 г.) при Мстиславе Владимировиче. Он вобрал в себя материалы Новгородского свода середины XI в. и ПВЛ, по их уточнению, в виде списка Начального свода конца XI в., продолженного записями до 1115 года. Княжеская летопись в 1132 г. стала владычной и велась из года в год при Новгородском Софийском соборе на протяжении XII–XIV вв. (и имела местный, по преимуществу, характер)²⁴³.

Как отмечалось, А.Г. Кузьмин доказал, что Начального свода 1095 г. не существовало. Он также обосновал, что нельзя считать начальную часть НПЛ (до 945 г.) первичной по сравнению с ПВЛ (с 946 г. даты в этих летописях начинают совпадать). Подчёркивая при этом, что НПЛ содержит иную версию начала Руси, нежели та, что читается в Начальной летописи. И совершенно иной характер, по его заключению, имеют известия летописи в части с 945 г., которая явно первична по отношению к ПВЛ и отражает тот же киевский источник, что вошёл в Лаврентьевскую летопись, и доходивший до 1115 г. и привлечённый в Новгороде при Всеволоде Мстиславиче. Общий вывод Кузьмина состоит в том, что «с начала XII до середины XIII века в Новгороде неоднократно составлялись своды. Но настоящий вид летописи придан в наибольшей степени, видимо, одним этапом начала XII века, когда был привлечён киевский источник до 1115 года, и переработкой начальной части Софийской первой и второй, Новгородской четвёртой и пятой, Новгородской Карамзинской и др. летописи, вероятно, во второй четверти XIII века, когда был привлечён южнорусский свод, самостоятельно восходящий к ранним русским историческим сочинениям, и использованы хронографические материалы»²⁴⁴.

Дополнительные сведения о варягах IX–XI вв. содержатся в софийско-новгородских сводах XV–XVI вв., представленных Софийской первой и второй, Новгородской четвёртой и пятой, Новгородской Карамзинской и другими летописями. Древнейшие списки Софийской первой летописи относятся к XV в., а общий текст софийско-новгородских сводов доходит до 1418 г., т. е. их основа древнее младшего извода НПЛ, но моложе старшего. Эту летописную традицию А.А. Шахматов первоначально связывал со сводом 1448 года. Позднее, отказавшись от мысли о существовании подобного свода, он выделял софийско-новгородский свод 30-х гг. XV в., соединивший «Софийский временник» 1432 г. и «Полихрон Фотия» 1423 г. и частично Ростовский владычный свод (возражая Шахматову, М.Д. Присёлков относил тот же «Полихрон» к 1418 г.). Свод 30-х гг. XV в. дошёл в Софийской первой и Новгородской четвёртой летописях. Софийская вторая летопись отразила свод 1518 г., опиравшийся на некий летописный свод 80-х гг. XV в., составленный в неофициальных церковных кругах. Новгородскую пятую летопись, доведённую до 1446 г., Шахматов охарактеризовал как соединение Новгородской четвёртой с НПЛ, а в качестве её третьего источника называл всё тот же софийско-новгородский свод 30-х гг. XV века²⁴⁵.

В софийско-новгородских сводах помещён ряд оригинальных известий, в основном касающихся эпохи Ярослава Мудрого, которые либо отсутствуют, либо даны в сокращении в ПВЛ и НПЛ. По мнению А.Г. Кузьмина, в этих памятниках в части с 1016 по 1060-е гг. выделяются новгородские записи, которые при соответствующих параллельных чтениях ПВЛ и НПЛ являются определённо первичными по сравнению с ними. Анализируя взаимоотношения софийско-новгородских сводов и ПВЛ, он пришёл к выводу, что первый новгородский источник, доведённый до середины XI в., был очень скоро (в 50-е — 60-е гг.) привлечён в Киеве, когда там создавалась основная редакция Начальной летописи. Исследователь не сомневался, что источник этот был использован лишь частично и небрежно, т. к. киевского летописца «интересовала не столько новгородская история, сколько вопрос о происхождении династии русских князей, и её он постарался связать с Новгородом». Вместе с тем Кузьмин подчёркивал, что привлечённый памятник полнее сохранился не в ПВЛ, «а в софийско-новгородских сводах, которые ведут нас к новгородской летописи, составленной в последней трети XII века и использовавшей староростовское летописание» (вёл учёный речь и о неоднозначности новгородского летописания, естественно вытекавшей из долговременного существования различно ориентированных политических институтов: княжеской власти, архиепископской кафедры и собственно городской, связанной с институтом посадничества)²⁴⁶.

8.4 Сказание о призвании варягов и степень его изучения

Изучение этого памятника также имеет свою давнюю историю. Главный вопрос, который в первую очередь ставили исследователи, это вопрос его достоверности, и в ответе на него норманисты и антинорманисты порой сходились в том, в чём они расходились в рамках своих направлений. Первые принимали Сказание за прямое свидетельство прибытия скандинавов в Восточную Европу, иногда лишь сомневаясь в точности передачи им основной канвы событий. Так, А.Л. Шлёцер, полагая, что летописец начала XII в. в их изложении опирался на верные, но краткие и неполные предания²⁴⁷, категорично отрицал факт призвания, считал его вымыслом, т. к. был убеждён, что на Руси норманны выступали, как и в Западной Европе, в качестве завоевателей (вслед за ним, что скандинавов не приглашали, а они явились сами и поработили восточных славян, в связи с чем призвание «недостоверно и несообразно», утверждали в XIX в. многие, например Н.А. Полевой, Е.Е. Голубинский²⁴⁸, и этот тезис весьма распространён по сей день в зарубежной науке). Идею о народных преданиях, лежащих в основе варяжской легенды, затем проводили норманисты и антинорманисты: Н.М. Карамзин, А.А. Куник (призвание Рюрика есть народное предание, соединённое с известием Видукинда Корвейского о призвании в V в.

бриттами англосаксов), М.А. Максимович, И.Е. Забелин (но её нельзя определять временем прихода Рюрика на Русь), Н.И. Костомаров²⁴⁹.

Шлёцер, глядя на Начальную летопись как на произведение исключительно только Нестора, соответственно, ему и приписывал отождествление руси с варягами. По его словам, летописец, понимая под варягами скандинавские народы, как раз настаивал на том, что на Русь прибыла именно скандинавская (шведская) русь, составлявшая наряду со шведами, норвежцами, англичанами и датчанами часть («пятый вид») варяжского мира. Это мнение о сознательной роли Нестора в отождествлении руси с варягами разделяли практически все исследователи, в том числе и антинорманисты. Так, С.М. Строев и Ф.Л. Морошкин, видя в руси и варягах изначально разные этносы (русь — это южный народ, живший по берегам Чёрного моря, а варяги — это либо южнобалтийские вагры, либо преимущественно норманны), уверяли, что до Нестора их резко различали, и лишь только им они были соединены «мёртвым узлом»²⁵⁰.

Подобные представления вылились у С.А. Гедеонова в 1862–1876 гг. в теорию, согласно которой Нестор был «в состоянии соображать исторические системы; на системе основано и его сказание о происхождении Руси». В соответствии с ней он и отождествил русь с варягами, хотя народные предания всегда отделяли русь от варягов. В том же ключе затем заговорил, не без колебаний, А.А. Куник. И В.О. Ключевский убеждал, что варяжская легенда представляет собой «не народное предание, а только составленная по народному преданию учёная теория русского книжника начала XII в.»²⁵¹. С.М. Соловьёв, полемизируя с Гедеоновым, напротив, полагал, что «в известиях же о призвании князей и первоначальной их деятельности нет возможности найти систему или какое-нибудь мудрование». В 1864 г. М.П. Погодин в споре с Гедеоновым, а в 1872 г. с Д.И. Иловайским категорично отвергал способность Нестора к какой-либо системе. Столь же категоричным был в 1874 г. и Н.П. Ламбин, потому как летописец известия о прибытии варяжской руси «из-за моря и водворении в нашей стране нашёл в источниках вполне достоверных»²⁵².

Другая, не менее важная тема, к которой обращались учёные XIX в., связана с вопросом реальности призванных варяжских князей. Норманисты, видимо, первыми усомнились как в их родстве, так и в самом факте существования братьев Рюрика. Н.М. Карамзин, обратив внимание на летописные известия об основании Киева тремя братьями, о двух братьях-родоначальниках радимичей и вятичей, о прибытии на Русь трёх братьев-варягов, заметил: «сие братство может показаться сомнительным». Н.А. Полевой, в 1829 г. укрепляя это сомнение, не только говорил, что «тройство» варяжских князей явно походит на миф, коими полна всемирная история, но и прямо назвал Рюрика «мифическим». Антинорманист Д.И. Иловайский отнёс Рюрика, Синеуса и Трувора к изобретению летописца. Но против такой позиции решительно выступили антинорманисты С.А. Гедеонов и И.Е. Забелин. В 1887 г. антинорманист Ф.И. Свистун выдвинул мнение, ставшим популярным в последующее время: Рюрик — это лицо реальное, но его братья «кажутся вымыслом летописца»²⁵³.

В первой четверти XIX в. было поставлено под сомнение существование ещё одного окружения Рюрика — руси, явившейся вместе с ним к восточносла-

вянским и угро-финским племенам. В 1825 г. дерптский историк И.Г. Нейман, обратив внимание на существенные разночтения летописей в изложении варяжской легенды: «реша русь» и «реша руси», «к варягом, к руси» и просто «к варягам», согласно которым выходило, что «русь» не могла находится «за морем» и была в составе посольства, направленного к варягам, увидел в том довод против её скандинавского происхождения²⁵⁴. В ответ ему М.П. Погодин небезосновательно возразил: «Заключу — в сём важном месте Несторовой летописи по всем спискам нет даже разноречий... кроме немногих очевидных описок, кои решительно исправляются последующими словами, в *тех же* списках находящимися» (ещё ранее А.Л. Шлёцер близкую к фразе «реша варягом русь» выражение поздних летописей «идоша за море к варягом из Руси» связал с «глупейшими» переписчиками, «которым никак не могло втиснуться в голову, чтобы название их народа и земли принадлежали некогда другому какому народу»). М.А. Максимович в разночтениях, в которых исчезала варяжская русь, также увидел дело рук позднейших переписчиков, уточнив при этом, что данное мнение утверждалось митрополитом Макарием, «от которого особенно распространилось это и под влиянием которого в Степенной книге сказано: «послаша русь к варягом... и приидоша из-за моря на Русь»²⁵⁵.

В науке с самого начала отсутствовала определённости в том, где первоначально сел Рюрик, придя в пределы Северо-Западной Руси. Выше были приведены известия двух групп летописей, по-разному определяющих этот пункт. Ипатьевская летопись и два списка Радзивилловской летописи таковым называют Ладогу. В Лаврентьевской летописи в этом случае имеется пропуск, а в Троицкой летописи, примыкающей вместе с Радзивилловской к традиции Лаврентьевской редакции ПВЛ, также наличествовал пропуск, в котором было приписано «Новгород». В НПЛ младшего извода и в новгородско-софийских сводах XV в. Рюрик, конечно, сразу же садится в Новгороде²⁵⁶. Согласно противоречивым показаниям источников распределились и мнения учёных. В пользу Ладоги как первоначального местонахождения Рюрика говорили А.И. Манкиев, В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт, В.П. Перев, С.М. Соловьёв, И.Д. Беляев²⁵⁷ и др. Не менее представительным выглядит и список тех исследователей, которые утверждали приоритет Новгорода перед Ладогой. Последнее направление преобладало, что объяснялось активной позицией его сторонников. Ещё в 1815 г. в пользу этой идеи со специальной статьёй выступил К.Ф. Калайдович. Вскоре Н.М. Карамзин, ссылаясь на показания новгородских летописей, Кормчей книги, Я. Длугоша, С. Герберштейна, ещё больше развил и упрочил своим авторитетом это положение, считая, что Ладога была вставлена поздним переписчиком «для того, что она, по народному преданию, уже существовала во времена Рюрика, и что в ней доныне есть место, называемое *Рюриковым домом*»²⁵⁸.

В XIX в. в науке укрепился взгляд об ошибочности начальных дат летописи. Таковыми А.Л. Шлёцер вначале признал чуть ли не всё до княжения Игоря, но несколько позже «неверными» оценил лишь большую часть тех, что идут до смерти Рюрика. Н.А. Полевой полагал, что летописец «годы для первых событий русских, кажется, выдумал». В 1837 г. словацкий учёный П.И. Шафарик

говорил, что летоисчисление ПВЛ применительно ко второй половине IX в. нельзя признать верным. Н.И. Костомаров был уверен в том, что «все годы до принятия христианства Владимиром имеют очень слабую степень исторической достоверности». И саму разбивку на годы он связывал с именем Сильвестра (в нём историк видел автора ПВЛ), который положил все события, за исключением лишь только тех, что отразились в византийских источниках, «на числа приблизительно, по своему соображению и измышлению»²⁵⁹.

Н.М. Карамзин высказал мысль, что «Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями византийскими (имеется в виду информация о первом нападении руси на Константинополь — В.Ф.), хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи». Не принимали летописной даты 862 г. С.М. Соловьёв и А.А. Куник (она совершенно несостоятельна, «за что винить надобно, вероятно, не Нестора, а только позднейших переписчиков его Повести». Ибо «во времена Рурика на Волхове не умели ещё писать и не было установленного летоисчисления. После, когда стали записывать устные предания, сохранившиеся из язычества, по прошествии нескольких поколений или столетий, естественно могли только *приблизительно* указать время начальных исторических событий»). В.О. Ключевский, исходя из того, что в летописи нападение на Царьград, произошедшее в 860 г., отнесено к 866, предложил изгнание и призвание варягов отодвигать на 6–7 лет назад²⁶⁰.

В 1853 г. С.М. Соловьёв, видя в Сказании о призвании основу ПВЛ, предположил, что «начальный летописец почерпнул известие о призвании» от сыновей Ярослава, правнуков Рюрика внука. По мнению Н.П. Ламбина, изложенному в 1874 г., прибытие вместе с призванными князьями варяжской дружины, именуемой русью и состоявшей преимущественно из шведов, исторический факт, «засвидетельствованный современным, официальным памятником, написанным в Киеве» и не разбитым на годы. И этим памятником было донесение духовной миссии в Византию об убийстве Аскольда и Дира и утверждении Олега в Киеве, которое написал крещённый варяг в начале княжения Олега, вероятно, в 884 г. по запросу византийского правительства. А затем оно было включено в ПВЛ Нестором (который разбил его на части и этими частями вставил в хронологическую рамку между 6360 и 6393 гг.: призвание варягов, Аскольд и Дир, начало княжения Олега).

В 1877 г. А.А. Куник предположил, что многие известия ПВЛ о варягах были записаны «отчасти уже во времена Олега и Игоря», а саму варяжскую легенду охарактеризовал как предание династии Рюриковичей. В 1888 г. Ф.И. Успенский отметил, не вдаваясь в подробности, что она сложилась в XI веке. В 1892 г. В.З. Завитневич представил точку зрения, что летописец, вносивший в ПВЛ Сказание о призвании варягов, пользовался «древней, хотя, может быть, и очень лаконической» записью, и что на вероятность её существования указывает письменный договор Олега Вещего с византийцами²⁶¹ (стоит указать, что задолго до А.А. Шахматова, а тем более советских историков, которые возведут её в абсолют, была высказана мысль о политической подоплёке Сказания. «Очевидно, — делился своими соображениями декабрист М.С. Лунин, — что добрый инок, по простоте или из собственных видов, обновил одну из сказок, которые потом-

кам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придавать законность своему владычеству»²⁶²).

Приведённый материал показывает, что практически каждый исследователь позапрошлого столетия, стоило ему задержать взор на Сказании о призвании варягов, выражал серьёзные сомнения в отношении либо правдивости его в целом, либо отдельных его сюжетов. Но особенно мощно выступили против признания этого памятника историческим источником «скептики», а затем Д.И. Иловайский и Н.И. Костомаров. «Скептики» О.М. Бодянский и М. Перемышлевский в 1830-х гг. перенесли на варяжскую легенду взгляд своего учителя М.Т. Каченовского, утверждавшего о возникновении летописания лишь в XIII–XIV веках. В свете чего Бодянский рассматривал её как очень поздний вымысел новгородца, обеспокоенного отсутствием у родного города «древности, происхождения и первородства» и потому создавшего его «родословную» по примеру предания об основании Киева тремя братьями, внеся затем этот подлог в киевскую летопись, оказавшуюся в Северо-Западной Руси. Перемышлевский считал, что повествование о начале Новгорода — «суть отголосок мнений» конца XIII в. или даже более позднего времени²⁶³.

Затем Иловайский со всей силой своего очень яркого таланта отстаивал вставной характер варяжской легенды, опровергал её достоверность, признавал её «басней», «сказкой», совершенно лишённой народных основ, домыслом новгородских книжников и видел в ней самую существенную основу норманской теории, которую мало трогали. Такой гиперкритицизм историка был продиктован противоречием ПВЛ (на которое он первым обратил внимание) по поводу начала Руси, связывающей его либо с Севером (с варяжской русью), либо с Югом (с полянской русью), его ошибочной посылкой о недостоверности основной части сообщений летописи по X в. включительно (события второй половины IX в. он вообще объявил «баснями и тенденциозными домыслами», помещёнными под произвольными датами). Наконец, его взглядом на этническую природу варягов и руси, видя в первых норманнов, во-вторых — славян. Учёный, встав на платформу поляно-русской версии происхождения Руси, полностью отрицал варяго-русскую (с её «небывалым народом варяго-русов»), отрицал историчность Рюрика, говорил об искусственности его соединения с реальным Игорем. Большое значение при этом придавая тому факту, что памятники домонгольской поры, например «Слово о законе и благодати» Илариона, «Слово о полку Игореве», ничего не сообщают ни о призвании варяжских князей, ни о Рюрике, и подчёркивая, что нет имени основателя княжеской династии и в расчёте княжений под 6360 г., где первым упомянут Олег, следовательно старший в княжеском роду, но не опекун Игоря.

Рассматривая варяжскую легенду как плод многолетней работы, как «сплетение книжных домыслов и недоразумений», Иловайский в конечном итоге связал её непосредственно с супругой Ярослава Мудрого, шведкой Ингигердой, а дальнейшее развитие приурочил ко второй половине XI в., к эпохе её сыновей и внуков. Приписывая внесение легенды в ПВЛ Сильвестру (а он её автор), учёный заключил, что не ранее второй половины или конца XII в. в некоторых списках памятника русь, отправившая послов к варягам, была спутана с варя-

гами. В искажении первоначального текста, повлёкшем «за собой смешение туземной руси с заморскими варягами в один небывалый народ», что превратило Сказание о призвании варягов из династической в этнографическую, Иловайский видел корень варяго-русского вопроса. Причину такого смешения историк объяснял тем, что летописцы, взяв за образец популярный в средневековые сюжеты вывода многих народов из отдалённых мест и прежде всего из Скандинавии, проделали то же самое в отношении своего народа, увязав «исход» русских оттуда с мифическими братьями-норманнами. Легенда, не имевшая изначально даты, позже была приурочена к 862 г. лишь для того, чтобы соединить князей-норманнов с появлением народа русь в византийских хрониках «и вместе с тем объяснить происхождение Русского государства... русского народа» (однако испорченный вид Сказания вошёл не во все списки ПВЛ).

Искусственное отождествление руси с варягами Иловайский опровергал, ссылаясь на показания памятников (прежде всего польских хронистов XV и XVI вв. Я. Длугоша и М. Стрыйковского, в трудах которых русь предстаёт не пришлым, а туземным народом, с незапамятных времён обитавшим в Южной России, Аскольд и Дир — туземными киевскими князьями, потомками Кия; на посла Габсбургской империи С. Герберштейна, на русскую редакцию XIII в. «Никифорова летописца вскоре», на летописи XVI–XVII вв.), которые не смешивают русь с варягами, ибо в их основе, по его мнению, лежали древние и неиспорченные своды (в связи с чем учёный придавал исключительное значение разночтениям «варягом, к руси» и «к варягам», «реша руси» и «реша русь»).

Отсюда он не сомневался, что именно вариант Ипатьевской летописи «реша русь» представляет собой первоначальную редакцию и что ещё в XIII в. наши летописцы различали русь и варягов. Тогда как «реша руси» — это ошибка какого-то писца, принятая и повторённая его преемниками за истину, «послужила одним из источников искажения текста». При этом уверяя, что «как только отделим русь от варягов, то вся система норманистов превращается в прах». Для дополнительного обоснования своей концепции Иловайский привлекал статью 1043 г. софийско-новгородских сводов XV–XVI вв., которая, на чём он заострял внимание, прямо говорит об антагонизме варягов и руси²⁶⁴ (в названных летописях в рассказе о походе руси и варягов под предводительством сына Ярослава Мудрого, новгородского князя Владимира, на Византию в 1043 г. его участники действительно резко противопоставлены друг другу: по совету варягов Владимир пошёл к Царьграду от Дуная «с вои по морю», но начавшаяся буря «разби корабли, и побегоша варязи въспять». Русь же настаивала, по подходу войска к Дунаю, «станем зде на поле». В ПВЛ этот рассказ был сильно сокращён, и в нём отсутствуют варяги, по вине которых дружину постигла неудача. Как доказал К.Н. Бестужев-Рюмин, софийско-новгородские своды XV–XVI вв. дают, по сравнению с ней, первичное чтение статьи 1043 г.²⁶⁵).

Филолог А.А. Потебня в 1879 г. согласился с Иловайским, что изначально Сказание звучало иначе, например так, как читается в «Никифоровом летописце вскоре» (составлен патриархом Никифором, ум. 829 г., в IX или X в. был переведён в Болгарии, в некоторых списках второй редакции, включая древнейший русский список в составе Новгородской Кормчей 1280 г., текст продол-

жен русскими известиями, внесёнными, вероятно, в конце 1270-х гг. в Ростове, и начинающиеся призыванием варягов): «придоша русь, чюдь, словене, кривичи к варягом, реша: земля наша велика и обильна», следовательно, варяги не были русью. Вместе с тем он указал на вставной характер текста ПВЛ, читаемого сразу же после слов «идоша за море к варягом»: «к руси; сие бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, англыне, друзии гъте, тако и си. Реша руси, чюдь и словене и кривичи и весь», сказав, что эта глосса принадлежит составителю Начальной летописи²⁶⁶.

В свою очередь Иловайский принял вывод Потебни. Позднейшие переписчики, говорил он в 1880 г. и позже, пытались пояснить непонятных «варяго-русов», внесли в летопись вставки «сие бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, англыне, друзии гъте, тако и си» и «от тех варяг прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени». Следы первоначального текста историк видел и в словах Сказания о славянской грамоте: «поляне, яже ныне зовомая русь» и «словеньский язык и русский одно есть». Своей позиции он оставался верным до конца, постоянно подчёркивая, что «норманская теория держится на испорченном летописном тексте» (А.Г. Кузьмин справедливо отметил в 1998 г., что, отдав варяжское сказание норманистам, Иловайский «ослабил позиции антинорманизма в целом»)²⁶⁷.

Н.И. Костомаров, идя вслед за Иловайским и также скептически относясь к известиям ПВЛ за IX–X вв., также отстаивал мысль, что Сказание о призвании варяжских князей имеет искусственный характер и новгородское происхождение, «что впечатление, произведённое позднейшими событиями, отразилось на воспоминаниях о событиях отдалённых времён» и что «фантазия приплела сюда трёх братьев по привычке к сказочным приёмам». В свете чего Сказание не имеет значения объективной исторической правды (его появление историк связывал с тем, что «при умножении князей, развилось понятие, что князья должны быть избраны по ряду и володеть по праву, которое заключалось в народной воле»). Время записи сведений о событиях IX в. он относил ко времени никак не ранее второй половины XI века. Историк также говорил о позднем характере отождествления варягов и руси, утверждая, что в первоначальном новгородском варианте легенды варяги не назывались русью, и лишь в позднейших списках к фразе «идоша за море к варягом» было прибавлено «к руси». В словах летописи, что именно от варяг прозвася Руская земля, он видел позднейшую приписку, представлявшую «крайнюю нелепость»²⁶⁸. Под воздействие воззрений Иловайского и Костомарова на варяжскую легенду попала, в той или иной мере, определённая часть научного мира последней трети XIX — первых двух десятилетий XX в. (например М.С. Грушевский, В.З. Завитневич, М.М. Тебеньков, Д.И. Багалей²⁶⁹). Особой популярностью будут пользоваться взгляд Иловайского на варяжскую легенду, в целом его концепция русской истории среди резко критиковавших его «советских антинорманистов»).

А.А. Шахматов в своей оценке Сказания о призвании варягов очень много вообрал из Иловайского, в том числе и его гиперкритицизм. Он также отрицал варяжскую концепцию происхождения Руси и также признавал её «учё-

ной фикцией», но только начала XII века. Соглашался с Иловайским учёный и в том пункте, что в первоначальном варианте легенды отсутствовало отождествление руси и варягов. В целом же историю появления этого памятника, время и причины его внесения в ПВЛ Шахматов реконструировал согласно своей схеме складывания летописи, т. е. с позиций приоритета НПЛ младшего извода перед Лаврентьевской и Ипатьевской редакциями ПВЛ, в которых Сказание якобы дошло в сильно изменённом виде. По его убеждению, некоторые сведения о варягах (от покорения ими северо-западных племён до наличия в войске Игоря, севшего в Киеве, лишь варягов) читались уже в Древнейшем своде 1039 года.

А когда этот свод в середине XI в. попал в Новгород, то там имевшуюся в нём информацию о варягах развили в «самостоятельный и цельный рассказ о древнейшей судьбе родного города», введя в него оформленную эпическим мотивом о трёх братьях-основателях часть местных известий (новгородских, белозерских, изборских) об изгнании варягов и о последующем призвании князей. Причём новгородский летописец, внося в свой текст мнение киевлянина, что словене «прозвашася варяги», вместе с тем сказал иное: новгородцы «от рода варяжьска». В результате чего родилась фраза, в изменённом виде сохранившаяся в НПЛ младшего извода и в Лаврентьевской редакции ПВЛ: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася варяги, и суть новъгородьстии людие до днешняго дни от рода варяжьска, преже бо беша словене». Вставку «от рода варяжьска» Шахматов понимал в том смысле, что среди новгородцев того времени находились потомки норманнов. Не ставя под сомнение достоверность преданий о варягах и варяжских князьях, сидевших в разных центрах Северо-Западной Руси и лишь стараниями новгородца объединённых узами братства, учёный отрицал сам факт призвания, полагая, что он был «сконструирован» новгородским сводчиком середины XI в., отразившим тем самым политические устремления Новгорода, тяготившегося зависимостью от Киева.

Затем это новгородское Сказание было включено, с правками, в киевский Начальный свод 1095 г.: Рюрик, в результате соединения с историческим Игорем, был признан первым князем и родоначальником киевской династии, а её боковые линии в лице бездетных Трувора и Синеуса были пресечены (в 1919 г. он подчёркивал, что в сообщении о призвании князей отразилось народное предание, соответствовавшее исторической действительности, и что нет оснований считать Рюрика легендарной личностью, но данные о его родстве с Синеусом и Трувором, «сидевшими на Белоозере и Изборске... обязаны догадке летописца или находчивости народного предания»), а князья-нерюриковичи либо были признаны самозванцами (Аскольд и Дир), либо были лишены княжеского достоинства (Олег стал воеводой). В своде также отмечалось, что варяги прозвались русью только тогда, когда они осели в 882 г. в Киеве. Во втором десятилетии XII в., когда ПВЛ приобретала завершающий вид, Сказание было подвергнуто её составителем, настойчиво проводившем мысль о тождестве руси и варягов, основательной обработке. Именно он вставил её имя в перечень народов «Афетова колена»; к словам «идоша за море к варягом» прибавил «к руси; сие бо тии звахуса варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии

же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша руси чюдъ и словене и кривичи и весь»; фразу Начального свода «и пояша со собою дружину многу» исправил на «и пояша по собе всю русь», пояснив тем самым, почему руси в его время нет на побережье Варяжского моря, т. к. «она вся без остатка переведена к славянам»; подчеркнул, что от варяг «прозвася Руская земля» (тогда же варяжская легенда обрела свою хронологическую нишу — 862 г.).

Вскоре появилась её вторая, ладожская версия, согласно которой Рюрик сел в Ладоге и лишь затем перебрался в Новгород и чтение которой дают Ипатьевская и Радзивилловская летописи (её первоначальный вариант — новгородский — Шахматов видел в НПЛ и в Лаврентьевской летописи). В истоках ладожской версии лежали местные предания, утверждавшие приоритет Ладоги перед Новгородом и которые сообщили ладожане составителю третьей редакции ПВЛ во время его пребывания в 1114 г. на Северо-Западе Руси. Учёный предполагал, что при работе над этой редакцией было опущено «не совсем вразумительное место», читаемое в Лаврентьевской летописи: «ти суть людье новгородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени», вставленное новгородским летописцем середины XI в. во время переработки Древнейшего свода. Подтверждение искусственного соединения руси и варягов он видел, как и Иловайский, в статье 1043 г. поздних софийско-новгородских сводов, где вина за неудачный поход на Византию возложена на варягов. При этом полагая, что подробное известие об этих событиях, сохранившееся в поздних летописях, принадлежит киевскому летописцу²⁷⁰.

Изучением Сказания о призвании варягов при жизни Шахматова и некоторое время после него, видимо, занимался только Г.М. Барац, предложивший довольно оригинальное понимание этого сложного памятника. Видя (по Иловайскому) в варягах скандинавов, а в руси восточнославянское племя полян, он считал, что причиной его возникновения послужила некоторая сбивчивость текста летописного известия и, главным образом, слово «варязи», вставленное в заканчивающий этнографическое введение к летописи перечень «Афетова колена». По его мнению, в первоначальном своём виде Сказание сообщало лишь о том, что новгородцы и союзные им племена, освободившись от иноземного варяжского ига, отправили посольство в Киев, к полянской, днепровской Руси с просьбой о присылке к ним князя. После вокняжения в Новгороде южнорусского славянина Рюрика с братьями новгородцы, называвшиеся прежде словенами, стали, подобно полянам, называться русью.

Барац согласился с выводом Шахматова, что появление руси во фразе летописи «и идоша за море к варягом, к руси... тако и си» произошло под влиянием перечня «Афетова колена». Но вместе с тем он оспорил его мысль, что в тот же перечень имя «русь» было вставлено под воздействием южного предания о варяжском происхождении русских князей, утверждая, что перечень «Афетова колена» целиком заимствован из еврейского источника, в котором имя «русь» также поставлено среди шведов, норвежцев, датчан и англичан. И этим источником является родословная таблица народов, происходящих от Иафета, содержащаяся в книге «Иосифа бен Гориона или Иосиппона-Псевдо-Иосифа» («этот псевдоэпиграф, написанный в середине X в. анонимным автором из Южной Италии и выдающий себя за еврейский оригинал "Истории иудей-

ской войны” Иосифа Флавия»)²⁷¹. По заключению Бараца, либо автор перечня «Афетова колена» использовал Иосиппон непосредственно, либо «приходится признать, что оба памятника почерпнули свои сведения из одного общего, нам неизвестного источника». Вместе с тем он заострял внимание на том, что в Иосиппоне руссы обозначены как отличный от англан и датчан народ, который жил именно на юге, а не на скандинавском севере.

В целом исследователь заключал: «Сказание о призвании скандинавских варягов, не имея никакой исторической достоверности, а также не отражая элементов народного эпоса, является изложенным библейским слогом рассказом, сочинённым применительно к чертам еврейской истории периода “судей” — до царского», и в своей канве заимствовано из истории еврейского народа, и что отождествление в нём варягов и руссов произошло «вследствие привязки сводчиком к заимствованному из Иосиппона или “Книги Яшар”, либо из их источников, перечню потомков Афета». Литературную обработку этого новгородского предания на основе еврейской письменности он связал с пресвитером Григорием, духовным наставником княгини Ольги и создателем Древнейшего свода, доведённого до 972 г.²⁷² (по оценке А.Г. Кузьмина, Барац, «конечно, преувеличивал, когда из иудейской литературы выводил всю письменность киевского периода, но его указание на Иосиппона... как писателя, использованного одним из редакторов “Повести временных лет”, можно отнести к числу ценных наблюдений». Опираясь на выводы Н.А. Мещерского 1956–1957 гг., Кузьмин также относит влияние Иосиппона только на статью 1110 г. Ипатьевской летописи, хотя следы «влияния некоторых иудейских представлений» заметны и в других статьях конца XI — первых десятилетий XII в.²⁷³).

Во втором десятилетии XX в. неприятие варяжской легенды продолжали культивировать как норманисты, так и их оппоненты. К.Ф. Тиандер утверждал, что в ней едва улавливается историческая правда, которая заключается в том, что варяги-норманны действительно подчинили себе Северо-Западную Русь и что в дальнейшем произошло объединение «варяжских областей» под одной властью. При этом, полагал учёный, легенда притянула к себе имена исторических деятелей. Новгородский летописец, составляя по устному преданию свой рассказ и заботясь лишь об интересах своего города, придумал родство Рюрика с Трувором и Синеусом для сказания о трёх братьях, а чтобы вывести из Новгорода киевскую династию, он в центре своего повествования поставил новгородского князя Рюрика, превратив его в отца Игоря и унизив до роли воеводы «славного ладожского героя» Олега. А.Е. Пресняков считал, что Нестор, отождествляя русь и варягов, опирался на византийские свидетельства о норманстве руси, и что само «предание о Руси, восстановленное нашим летописцем едва ли не по византийским сведениям, только искусственно связано с историей Новгорода». Мотив призвания, по его мнению, не подлежит исторической оценке, т. к. это мотив литературный. Л.В. Падалко не сомневался, что путаница в варяжском вопросе связана только с ПВЛ, отождествившей варягов и русь и утверждавшей, что именно от варяг прозвалась Русская земля²⁷⁴.

В послереволюционную эпоху работ, специально посвящённых Сказанию о призвании варягов, уже не было. В целом это проистекало из той ситуации,

что сложилась тогда вокруг варяжского вопроса, к которому, по сути, был потерян интерес, что сказалось на уровне внимания к самому памятнику. Во-первых, потому, что учёные в большинстве своём были «заражены» перешедшим от их предшественников конца XIX — начала XX в. скепсисом к известиям ПВЛ, особенно за вторую половину IX — начала X в. и прежде всего, конечно, к Сказанию. Во-вторых, а эта причина главная, которая заключалась в тотальном господстве в советской науке норманизма, выдаваемого за «антинорманизм». Весь же их «антинорманизм» в случае со Сказанием сводился к тому, чтобы, повторив преимущественно мнение Шахматова (опиравшееся на мнение Иловайского) о позднем и искусственном его образовании, придать ему ещё более негативный характер, по существу, ставящий варяжскую легенду вне науки.

В 1922 г. Н.М. Петровский вёл речь о легендарности Сказания. М.Д. Присёлков в работах 1923–1940 гг., напротив, популяризировал оценку, данную ему А.А. Шахматовым. В 1924–1938 гг. В.А. Пархоменко утверждал, что памятник «носит на себе все черты предания неясного, легендарного, даже тенденциозного», низвёл факт призвания до уровня второстепенного эпизода в русской истории. Свою убеждённость в том, что в Киеве в XI в. не знали Рюрика, его призвания и его связи с княжеской династией, учёный подкреплял ссылками на Илариона и Иакова мниха, у которых отсутствует эта информация (на последнем факте он заострял внимание ещё в 1912 г., выводя из него, что в XI в. киевляне считали именно «старого» Игоря родоначальником их династии). В 1932 г. И.М. Троцкий охарактеризовал рассказ о призвании варяжских князей как неправдоподобный и подчеркнул, что «летописец переносил в древность современную ему обстановку»: мы можем говорить «о наличии в Новгороде во второй половине XI в. идеологии, полагавшей Новгород “матерью городов русских”, самостоятельной волостью, с большой территорией, с исконным правом сменять и призывать к себе князей, принимавшей их как необходимость, но требовавшей соблюдения новгородских правопорядков. Таково политическое содержание рассказа о призвании князей»²⁷⁵.

В 30-е гг. Е.А. Рыдзевская проводила мысль, что варяжская легенда, взятая не из народного предания, «заключает в себе и некоторые исторические черты и тенденциозное сочинительство летописца». Её историческую основу она видела в набегах норманнов, в борьбе местного населения с ними, приведшей к приглашению «одних скандинавских дружин как военной наёмной силы для борьбы с другими, соплеменными им же, или с соседними местными племенами». И этот материал летописец XI в. использовал для историографической схемы, которой объяснял происхождение Русского государства и княжеской власти, обосновывал власть Рюриковичей «как прямых потомков первых правителей на Руси» (возможно, из народных преданий летописец взял имена каких-то варяжских вождей, за которыми скрываются конкретные исторические фигуры, и превратил в братьев Рюрика). Причина отождествления варягов и руси, по объяснению Рыдзевской, связана «с той историографической концепцией, в которую входит и легенда о призвании князей» (при этом ею было подчёркнуто, что дошедшая до нас достаточно богатая литература скандинавского Севера не содержит ни одного хотя бы отдалённого намёка на призвание варягов).

С.В. Бахрушин в 1938 г. был лаконичен: призвание князей — это «литературная легенда», а «летопись XI в. представляет дело так, что государство у восточных славян возникло в результате призвания варягов из Скандинавии». Такая концепция была нужна придворным киевским историкам, чтобы возвысить княжескую династию и «доказать законность княжеской власти, созданной не путём принуждения и насилия, а вследствие добровольного призвания предка княжеского дома». Год спустя Б.Д. Греков в учебнике «История СССР» разъяснял, что «легенда о призвании трёх братьев-князей, широко распространённая в Северной Европе (в Ютландии, Ирландии, Британии), была применена нашими книжниками к русским условиям, чтобы доказать, что династия была призвана якобы по воле народа, что призвание это было целесообразным и даже необходимым для прекращения среди славян “усобиц”. Ранняя смерть Синеуса и Трувора делает Рюрика единым представителем власти в Новгороде и, следовательно, устраняет соперничество каких-либо других династий».

В 1940 г. М.И. Артамонов, апеллируя к А.А. Шахматову, заключал: летописцу отождествление варягов с русью понадобилось «в связи с его тенденциозной концепцией о происхождении Русского государства и князей из дома Рюриковичей. Утверждая происхождение русских киевских князей от варягов, естественно и саму русь выставить скандинавским племенем»²⁷⁶. Наша эмиграция иначе смотрела на Сказание о призвании варягов. В 1925 г. Ф.А. Браун решительно выступил в защиту его исторического содержания, полагая, что оно является «преданием дружинно-династическим, занесённым на юг и развитым именно в дружинной среде» (было записано до смерти Ярослава). В 1930 г. А.Л. Погодин предложил, по оценке В.А. Мошина, новый взгляд на этот памятник, посчитав его «заимствованным из официального источника, составленного при дворе» того же князя в начале XI века. Два года спустя Е.Ф. Шмурло подчеркнул, что Сказание выросло «на почве фактов весьма правдоподобных»²⁷⁷.

В череде мнений, высказанных в довоенный период в отношении варяжской легенды, особняком стоит мнение Н.К. Никольского. Уделяя внимание именно идейному содержанию летописных текстов, он в 1930 г. выявил в ПВЛ полянославянскую концепцию начала Руси, противостоящую варяжской, и доказывал, что она появилась взамен первой. Из наличия в летописи двух схем начала Руси учёный сделал вывод, что на рубеже XI–XII вв. в Киеве существовали неодинаковые опыты построения древнейшей русской истории. Основу полянославянской концепции, отождествлявшей историю Руси с историей полян, он видел в Сказании о славянской грамоте. Характеризуя его как мораво-паннонский памятник, возникший у западных славян в конце IX в., когда за Норик шла борьба Моравии с Баварией, историк считал, что на Руси оно было соединено с появившимися в дохристианскую эпоху сказаниями о полянах.

Этот утраченный источник ПВЛ, поднимавший три главные темы (о начале Русской земли, о первых русских князьях и об устройении Русской земли), попал в летопись в переработанном виде во второй половине XI века. Редактируя Сказание, летописец внёс в него комментарии, доказывающие кровное и духовное родство полян-руси со славянским миром. Сводчик ПВЛ Сильвестр, как сторонник и проводник идеи варяго-руси, постарался примирить на её стра-

ницах «разноречивые по своим задачам легенды о начале русской истории», составить на их основе свою собственную «историографическую канву событий». Сопоставляя варяжскую и полянославянскую концепции начала Руси, исследователь не считал последнюю более достоверной. Отметив тенденциозность варяжской концепции, Никольский поставил вопрос, чем была вызвана такая тенденциозность и против кого она была направлена (как тогда же заметил Г.А. Ильинский в рецензии на монографию Никольского, она в проблеме «о начале русского летописания... производит настоящую революцию»)²⁷⁸.

Предвоенные, военные и послевоенные годы знаменуются в СССР возросшим интересом представителей науки к ранней истории Руси, что во многом было связано как с небывалыми изменениями, происшедшими за короткий срок в политической, экономической и социальной жизни СССР, так и с Великой Отечественной войной, где главным героем был именно русский народ, и с победой над фашистской Европой. В комплексе вопросов, которые поднимали тогда советские учёные, одним из главных была проблема начала и развития летописного дела, в рамках которой давалась оценка Сказанию о призвании варягов. Оценка ему давалась и в работах общего характера, посвящённых начальной истории Руси, в которых невозможно было избежать темы варягов. И их объединяло прежде всего то обстоятельство, сказавшееся на качественном уровне предлагаемых ими выводов, что они смотрели на памятник глазами людей, убеждённых, с одной стороны, в норманстве варягов, с другой — в славянстве руси, обитавшей на Среднем Днепре. Это во-первых.

Во-вторых, с середины 1930-х гг. они неправомерно сместили акцент в его изучении, где на первое место вышел не анализ самого Сказания и тех событий, о которых в нём ведётся речь, а поиск причин, которые привели к его возникновению, а затем и внесению на страницы ПВЛ (такой подход позволил перенести центр тяжести с критики норманизма на критику ни в чём не повинных летописцев, но зачисленных в «первые норманисты», что позволяло списывать на них существование досадного для нашей истории варяжского вопроса, при этом конкретно им не занимаясь). Причём и в этом деле советские исследователи также опирались на наследие, как негативно подчёркивалось в те годы, буржуазных историков, одним из которых был В.О. Ключевский. Так, он, говоря о тенденциозности летописца («решительного норманиста»), стремившегося Сказанием о призвании варягов покрыть «скандал княжеской узурпации... политической программой народного договора с князем», настоятельно рекомендовал «начинать изучение вопроса не с того, что случилось с варягами-русью на новгородском Севере около половины IX века, а с того, почему русские книжные люди 2½ столетия спустя так представляли себе случившееся»²⁷⁹. Хотя эта статья и увидела свет лишь в 1983 г., т. е. более чем через сто лет после написания, специалисты в советское время поступали именно так, как будто знали о наказе своего великого предшественника.

Результатом чего стало, по верному замечанию И.Я. Фроянова, выхолащивание конкретного содержания «летописных известий о призвании варягов. В них вкладывался лишь идейный смысл, приуроченный к историческим событиям конца XI — начала XII в.»²⁸⁰ Но начало этому процессу дал не Д.С. Ли-

хачёв, как считал Фроянов, а Б.Д. Греков, который развивал идею А.А. Шахматова, что варяжская легенда, утверждая собой идею единства Рюриковичей, служила целям борьбы с княжескими усобицами. В 1936–1945 гг. академик утверждал, что «в достоверности Рюрика у нас нет никаких оснований сомневаться. Мы только не можем признать за ним той роли, какую ему приписывают норманисты», т. е. создание русского государства. По его мнению, норманская дружина с Рюриком была приглашена одной из борющихся сторон в Северо-Западную Русь, когда там обострилась борьба, в качестве вспомогательного войска (как это было затем при Владимире и Ярославе), но Рюрик, воспользовавшись обстановкой, захватил власть. В 1953 г. позиция Грекова в отношении варяжской легенды была уже крайне негативной: «Предание это лишено исторической достоверности и ни в какой мере не может служить источником при изучении образования Древнерусского государства». Но вместе с тем считая, что нет оснований отрицать появление норманнов на Северо-Западе Руси («однако это не имеет никакого отношения к вопросу об образовании Русского государства»).

Греков связывал включение и обработку материала о варягах с Сильвестром, переделавшим летопись Нестора по заказу Владимира Мономаха. И он, взяв из Новгородского свода первой половины XI в. факт призвания «пресловутых трёх братьев», о которых дотоле не знали киевляне, приспособил его к центральной политической задаче, смысл которой сводился к тому, что отсутствие твёрдой власти приводит к усобицам и восстаниям. Показав тем самым, что общество в IX в. спас Рюрик, но в конце XI в. повторились старые времена, поэтому приглашение местным боярством в 1113 г. Владимира Мономаха в Киев «оправдано и долг киевлян подчиняться призванной власти, а не восставать против неё». Из той же новгородской летописи Сильвестр перенёс в свой труд известие о выплате дани варягам, об их изгнании, о вспыхнувших затем усобицах, сделавших призвание князей целесообразным и даже необходимым, но пропустил при этом сообщение о насилиях, чинимых над новгородцами варягами (а также информацию о неудавшемся восстании новгородцев во главе с Вадимом против Рюрика). Опять же Сильвестр произвёл отождествление руси с варягами. В целом, как подводил черту исследователь, к сообщению летописца надо относиться «весьма и весьма осторожно»²⁸¹.

Д.С. Лихачёв в 1947 г. предложил свою схему начальной истории летописания, иначе вписав в неё варяжскую легенду (после добавив к ней мелкие детали). Теперь он полагал, что именно составитель первого русского летописного свода 1073 г. внёс в летопись новгородско-изборско-белозерские предания, в которых фигурируют Рюрик, Синеус и Трувор, сообщённые ему новгородцем Вышатой, объединив их в один рассказ и связав его главных героев узами родства. Лихачёв, развивая тезис Шахматова, что легенда служила целям борьбы с усобицами, подчёркивал, что именно по этой причине её и воспринял Нестор. Пойдя при этом дальше, и отождествлением варягов-скандинавов с восточнославянской русью обосновал «норманское происхождение княжеского рода и самого названия Руси», направленное против Византии. Важнейшая задача Нестора, по Лихачёву, состояла в том, чтобы дать объяснение названию

«Русь», что он и сделал, но только не там, где объяснял названия славянских народностей, а в варяжской легенде. При этом её слова, что «от тех варяг прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени», предложил трактовать не в смысле этническом, а в политическом: «новгородцы принадлежат к политической организации варягов (тех варягов, которые стоят во главе их политической организации), а раньше, т. е. до призвания варягов, входили в организацию славянскую».

Как заключал исследователь, объяснение, которое дал Нестор слову «Русь», ещё более искусственного происхождения, чем варяжская легенда, что видно по статье 1043 г. НПЛ, где русь прямо противопоставлена варягам. Но антагонизм между ними был снят Нестором при включении этого известия в ПВЛ. Вслед за Шахматовым и по тем же самым причинам Лихачёв приписывал Нестору вставку имени «Русь» в принадлежавшее его предшественнику перечисление северных племён и народов «Афетова колена», добавление к словам Начального свода 1095 г. «идоша за море к варягом» фразы «к руси... тако и си», утверждение, что три брата явились к призвавшим их племенам, «пояша по собе всю русь». Ладожскую версию легенды учёный также отнёс к третьей редакции ПВЛ. Хотя Лихачёв и вёл речь о возможности существования Рюрика, Синеуса и Трувора как князей племён, соответственно, словен, мери и кривичей, что отразилось в местных преданиях, однако историческое ядро варяжской легенды свёл практически к нулю. Ибо она складывалась постепенно и являлась продуктом искусственного, «учёного» происхождения, возникшего в своей основе «в узкой среде киевских летописцев и их друзей на основании знакомства с северными преданиями и новгородскими порядками» (её скромное историческое зерно состоит лишь в том, что в ней получила отражение новгородская практика «призвания» варягов-наёмников)²⁸².

В те же 1940–1960-е гг. не принимал варяжскую легенду и ряд историков. М.Н. Тихомиров, находясь под несомненным влиянием Д.И. Иловайского, абсолютизировал полянославянскую концепцию начала Руси и полностью отрицал варяжскую, именуя её учёной фикцией, «вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов». Сказание о призвании варягов историк рассматривал через призму непрерывной (X — начала XI в.) борьбы Новгорода и Киева, в которой верх одержали новгородские князья, опиравшиеся на варягов. А после того, как Ярослав Мудрый в 1019 г. окончательно утвердился в Киеве, в Новгороде был написан, в противовес киевским, свой рассказ о начале Руси, где на первое место были выдвинуты варяги, причём им было приписано создание Русского государства. Там же утверждалось, что русские князья вначале появились в Новгороде, откуда они перешли в Киев, что противоречило киевским источникам ПВЛ, где Русью первоначально называлась Киевская земля.

В 1060-х — 1070-х гг., когда в Киеве создавался свод, по мысли учёного, отразившийся в Устюжской (Архангелогородской) летописи, то в него был включён новгородский рассказ о начале Руси, откуда он затем попал в Начальный свод 1095 года. Сказание о призвании варягов повествует, по мнению Тихомирова, не о начале Русской земли, а о происхождении княжеской династии, которая выводилась, согласно средневековой традиции, из зарубежных стран. В новго-

родской и киевской редакциях легенды, а также в первой редакции ПВЛ варяги ещё не прозывались русью, хотя в Начальном своде говорилось, что «от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словес Руская земля». Именно эта фраза, не пояснённая летописцем, привела позднее к появлению комментария, объясняющего, кем всё же была русь: «Идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь... тако и си».

Свою убеждённость в отсутствии в истории варягов-руси исследователь черпал, как и Иловайский, из чтений Лаврентьевской, Троицкой и Ипатьевской летописей, русской редакции «Никифорова летописца вскоре», где русь названа в числе племён, приглашавших варягов, из показаний польского историка Я. Длугоша, что «русские племена... приняли от варяг трёх князей». Тихомиров был уверен в том, что источником отождествления руси и варягов явился отрывок о народах «Афетова колена», где русь упоминалась наряду со свеями, урманам, англянами и готами. Этот отрывок он датировал первой половиной XI в., аргументируя свой вывод тем, что в нём отсутствуют датчане (к такому заключению его подвиг С.М. Соловьёв, указавший, что в перечне народов «Афетова колена» и в перечне варяжских народов под 862 г. «летописец смешивает... датчан с англичанами вследствие тесной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами»). Именно факт отсутствия датчан в этих перечнях Тихомиров назвал датирующим признаком, беря во внимание непрерывную связь Англии с Данией до 1041 г. (отнесение варягов в договорах с Византией к «роду рускому» академик объяснял, как и его коллеги, тем, что они были представителями русского князя. По этой же причине византийцы в X в. нередко отождествляли «Русь» с норманнами)²⁸³.

Негативную оценку Сказанию о призвании варягов дал в 1948 г. Л.В. Черепнин (преподнося её как новый сильный удар по норманской версии), увидев в нём легендарный и тенденциозный рассказ, политический смысл которого заключался не в утверждении идеи о варяжском происхождении Русского государства, а в апологии новгородских «вольностей», в доказательстве их «извечности» и в провозглашении правовых начал государственности, на которые посягнули варяги-наёмники. В связи с чем возникновение памятника он связал с событиями 1015–1016 гг., в ходе которых новгородцы получили от Ярослава Мудрого Правду, боровшуюся «с произволом варягов»: события, связанные с её получением новгородцами, были положены «в основу легенды, перенёсшей в далёкое прошлое появление “правды” как акта *добровольного соглашения* новгородских славян с приглашёнными ими князьями». На следующий год С.В. Юшков тот же памятник без всяких оговорок охарактеризовал в качестве легенды, учёным домислом составителя ПВЛ Сильвестра, внесённым в летопись для предотвращения начавшегося распада государства, с целью чего возвышалось значение правящей династии и подчёркивалось, что без единой сильной власти неизбежны междоусобицы (но при этом он не согласился с идеей Грекова о приглашении одной из борющихся сторон в Новгород норманна Рюрика во главе воинского отряда и последующей узурпацией им власти)²⁸⁴.

На примере В.В. Мавродина наглядно видно, как советские историки в своём взгляде на Сказание о призвании варягов из классических норманистов бы-

стро превращались в «советских антинорманистов». В 1945 г. он подчёркивал, что памятник «в искажённом и отредактированном» виде отразил конкретные исторические события: прибывший на Русь варяжский конунг Рюрик садится вначале в Ладоге, а затем, совершив переворот, в Новгороде. После чего варяги объединяют восточнославянские племена по пути «из варяг в греки»²⁸⁵. За подобные утверждения историк в 1946–1947 гг. был обвинён С.А. Покровским и К.В. Базилевичем в норманизме²⁸⁶, что и заставило его быстро подвести свои взгляды на варягов под общий знаменатель. И в 1949 г. он уже утверждал, что историческое ядро этой «конструктивной выдумки» сводится лишь к «эпизоду... в истории Северо-Западной Руси» — приглашению одной скандинавской дружины для борьбы с другими скандинавами или с соседними местными племенами. Но они, имея известное значение в жизни Руси, конечно, не могли создать государство. В 1951–1978 гг. историк уже чётко говорил, что Рюрик — это легендарная личность и что скандинавы «являлись одной из случайностей конкретного исторического развития. И не больше». Разговор о сложении варяжской легенды вначале Мавродин вёл, комбинируя воззрения Иловайского, Шахматова, Грекова и Лихачёва, при этом не очень беспокоясь об их стыковке и о логике своих рассуждений.

В 1971 и 1978 гг. он уже полностью принял схему Лихачёва внесения в ПВЛ Сказания о призвании варягов, упирая на антивизантийскую версию Нестора происхождения государственности на Руси. Затем Сильвестр, редактируя летопись по велению Владимира Мономаха, красной нитью проводил мысль о «приглашении» князей на престол. В связи с чем приход князя к власти в 1113 г. был освящён исторической традицией, а также доказывалось, что династия Рюриковичей стала у власти по воле народа. Как заключал Мавродин, варяжское происхождение династии, её скандинавские связи, та роль, которую играли варяги при дворе киевских князей, припоминания о временах викингов на Руси, реальные норманны времён Ярославичей и Владимира Мономаха, англосаксонские и ирландские предания, — всё это в совокупности послужило той основой, на которой летописец создал легенду, связав единодержавные политические устремления Мономаха с теорией «призвания варягов», с вопросом о роли варягов и, наконец, с вопросом происхождения самого термина «Русь» (в 1971 г. он вновь признал реальность Рюрика, приглашённого одним из новгородских «владык» на помощь в борьбе с другими «старейшинами», но затем захватившего Новгород, и отождествил его с Рориком Фрисландским)²⁸⁷.

Варяжскую легенду Б.А. Рыбаков напрямую увязывал с событиями 1015–1019 гг., когда новгородцы помогли своему князю Ярославу сесть на киевский престол. И эта победа над Киевом «поставила Новгород в глазах самих новгородцев как бы впереди побеждённого Киева. Отсюда был только один шаг до признания новгородцами в своих исторических разысканиях государственного приоритета Новгорода». Историк не сомневался, что легенда была известна новгородским летописцам ещё в первой половине XI века. Затем она в том первоначальном варианте, о котором говорил А.А. Шахматов и который виделся ему в НПЛ младшего извода, была внесена новгородским посадником Остромиром в новгородский свод 1050 г. (т. е. «Остромирову летопись»). Её появле-

ние на страницах данного свода Рыбаков объяснял его идейной направленностью, т. к. он последовательно и целенаправленно противопоставлял Новгород Киеву, умаляя и замалчивая значение последнего. Свод к тому же враждебно относился к варягам и резко противопоставлял их руси, подтверждением чему являются статья 1043 г. поздних новгородских летописей, которую учёный охарактеризовал «яркой антиваряжской статьёй», и Правда Ярослава Мудрого. В отличие от Шахматова, исследователь считал, что статья 1043 г. имеет новгородское, а не киевское происхождение.

Вначале Рыбаков полагал, что именно при работе над третьей редакцией ПВЛ из неё был выброшен раздел о русских князьях IX в., вместо чего было вставлено Сказание о призвании варягов, посредством которого пытались объяснить происхождение княжеской власти как власти добровольно призванной народом, что невольно связывалось с именами таких «призванных» князей, как Владимир Мономах и его сын Мстислав. Позже академик склонился к мысли Шахматова, что оно вошло в киевскую летопись в конце XI в., а затем Нестор, по его мнению, наделил варягов отрицательными чертами. И утверждал, что ладожский вариант памятника, неизвестный дотоле киевлянам, был включён в ПВЛ при работе над её третьей редакцией либо Ладожанином (так он называл летописца, посетившего в 1114 г. Ладогу), доверенным лицом сына Владимира Мономаха Мстислава, либо самим Мстиславом, поправки которых «носят явно проваряжский характер».

Именно тогда (здесь Рыбаков расходился с Шахматовым и коллегами, приписывающими это действие либо Нестору, либо Сильвестру) и были «придуманы» варяги-русь. Неожиданное отождествление руси и варягов он объяснял тем, что редактор третьей редакции ПВЛ неправильно истолковал это место в полуисправленной рукописи Сильвестра и что у него оказался извлечённый из княжеского архива договор с Византией 911 г., начинающийся словами: «Мы от рода русьскаго». А вслед ними дан перечень имён членов посольства, среди которых были варяги-норманны. Нелепое отождествление руси с варягами, убеждал Рыбаков, «ничего иного не означало, кроме того, что если варяги оказывались в столице Руси, в Киеве, если поступали на русскую службу, то их и считали русью, включали в состав людей русской державы».

Внимание, обращённое Владимиром Мономахом на Сказание о призвании варягов, в связи с чем оно получило совершенно иное толкование, Рыбаков объяснял двумя причинами. Во-первых, оно полностью было созвучно как его собственному приглашению на киевский стол в 1113 г., нарушившему отчинный принцип Любечского съезда, так и избранию новгородцами в 1102 г. князем, вопреки желанию великого князя Святополка Изяславича, Мстислава, сына Мономаха. В связи с чем в нём на первый план была выдвинута идея всенародного избрания, приглашения «князя со стороны» (Нестор же проводил мысль об исконности княжеской власти с незапамятных времён). Во-вторых, Сказание абсолютно отвечало желанию столь высокого заказчика отеснить Киев в начальной фазе русской государственности, заменив его Новгородом, возвеличить роль варягов и, тем самым, дезавуировать киевские, русские традиции. Результатом чего стала «грубоватая и неумелая фальсификация русской лето-

писи», в ходе которой основательной переработке и сокращению подверглась её вводная историческая часть и на место рассказа о полянах и Киеве была вставлена новгородская легенда о мнимом призвании варяжских князей в Новгород.

Видя в Рюрике реальное историческое лицо, его призвание Рыбаков считал то легендарным, то говорил, когда связывал Рюрика с Рориком Фрисландским, что предание о призвании вполне исторично: население Северо-Западной Руси, желая защитить себя от ничем не регламентированных варяжских поборов, могло пригласить одного из конунгов на правах князя с тем, чтобы он охранял его от других варяжских отрядов. Приглашённый князь должен был «рядить по праву», т. е. мыслилось в духе событий 1015 года. Свидетельство ПВЛ о народах вокруг Балтийского моря и народах западной Европы («Ляхъве же, и пруси, чюдь преседать к морю Варяжьскому; по сему же морю седать варязи семо ко вѣстоку до предела Симова, по тому же морю седать к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии») Рыбаков признавал за отрывок какого-то географического описания, составленного не ранее 1066–1077 годов. Но видел здесь ошибку в одновременном упоминании и варягов, и шведов. Историк был также уверен в том, что фраза новгородцы от «рода варяжьска» объясняла лишь наличие среди новгородцев шведов. Сама же дань, которую платили новгородцы варягам-скандинавам вплоть до смерти Ярослава Мудрого, представляла собой, по его мнению, «откуп от набегов, но не повинность подданных»²⁸⁸.

Несколько замечаний, получивших отражение в науке, в отношении летописных сообщений о варягах сделал в 50–60-х гг. А.Н. Насонов. Так, фразу, что «от тех варяг прозвася Руская земля», он охарактеризовал как не вполне самостоятельную догадку составителя ПВЛ, работавшего с византийскими источниками, употреблявшими термины «варяги» и «русь» как синонимы. Летописец, например, широко использовал Хронику Амартола (переведённую в Киеве в конце первой половины XI в.), где прямо говорится, что русь «от рода варяжеска». Отождествление руси с варягами, полагал учёный, позволило дать объяснение происхождению имени «Русь», соответствующее общей тенденции летописи. Её составитель, считая, что это имя идёт от варяжской династии, упорно проводит мысль, что род Рюрика — это единственно законный княжеский род. На рубеже XI–XII вв., когда династия Игоря пыталась распространить своё влияние на другие территории, эта мысль «получала значение актуальной политической тенденции, в известном смысле политической программы». Также Насонов утверждал, что варяги, прибывая в Киев и там оставаясь, называли себя русью. Позднее он посчитал, что вставка в ПВЛ «к руси; сие бо ся зваху тѣи варязя русь... тако и си» принадлежит не Нестору, а была внесена при работе над третьей редакцией летописи²⁸⁹.

М.Х. Алешковский в конце 1960-х — начале 1970-х гг. варяжскую легенду связал с летописью, созданной, как он думал, на рубеже 60-х — 70-х гг. XI века. Её автор, основываясь на устных преданиях, включил в свой труд рассказ о призвании князей, который Нестор перенёс в 1115 г. в ПВЛ, поместив его под 854 годом. Когда в 1119 г. по воле Владимира Мономаха и его сына Мстислава осуще-

ствлялась переработка Начальной летописи, то её редактор (летописец Василий) распределил материал легенды в рамках 859–882 гг. и отождествил русь с варягами. При этом Алешковский затруднялся точно сказать, являлся ли Василий создателем ладожской версии Сказания о призвании варягов. Но в переяславской копии ПВЛ, сделанной в 1123 г. епископом Сильвестром, о Новгороде уже говорилось как о месте прибытия Рюрика, а также шла речь о варяжском происхождении новгородцев.

Учёный, видя противоречие летописи в том, что она ведёт речь о руси и как о восточноевропейском народе, и как о западноевропейском народе, не сомневался, что её рассказ о западноевропейской, «варяжской» руси возник у Василия под влиянием хроники Амартола, в которой она прямо названа «сущей от рода варяжска». В новгородскую летопись, основанную на тексте Нестора, сведения о варяжском происхождении руси и новгородцев попали в ходе работы в Новгороде над сводом 1225–1228 гг., когда для целей местной политики была привлечена редакция ПВЛ, представленная в Лаврентьевской летописи. Эта вставка, считал Алешковский, была вызвана тем, что в связи с резким обострением на рубеже XII–XIII вв. отношений со Швецией, «требовалось приравнять новгородцев к современным шведам-варягам», сплотить их перед лицом внешней опасности со стороны шведов²⁹⁰.

А.Г. Кузьмин до конца 1960-х гг. в своих выводах шёл практически в русле историографии тех лет: признавал норманство варягов, по примеру своих старших коллег именовал автора Сказания о призвании варягов «норманистом», создателем «норманской концепции», придерживался мнения, что исконно географическая Русь — это Среднее Поднепровье. Но уже тогда историк доказывал, что его ладожский вариант, включённый из-за своей антиновгородской направленности в ПВЛ около 1118 г., является первозданным. В Новгород ладожская версия попала либо посредством третьей редакции летописи, где была произведена, чтобы не отдавать старейшинство «пригороду», замена Ладоги на Новгород, либо НПЛ и ПВЛ, имея общий письменный источник, получили её уже в изменённом виде. Появление памятника в Киеве пока ещё как семейного предания историк относил ко второй половине XI в., при этом акцентируя внимание на имени первого южнорусского князя, носящего имя Рюрик, внука Владимира Ярославича, Рюрика Ростиславича, умершего молодым в 1092 г., полагая, что именно с этим именем пришла на юг сама легенда. Но её окончательное оформление он связывал с Владимиром Мономахом и его потомками. Кузьмин также отмечал, что варяжская легенда и тексты, связанные с ней, более полно представлены, за исключением лишь начала рассказа о призвании варягов, не в НПЛ младшего извода, а в ПВЛ.

По его убеждению, с комментарием к Сказанию, что варяги — это «русь», «перекликается» вставка о народах «Афетова колена», целиком заимствованная из какого-то западного источника. При этом он пояснял, что перечень народов был сориентирован также на вставку, но сделанную ранее, об «Афетовой части». На фразу, отождествлявшую новгородцев с варягами, историк предлагал смотреть через призму ладожской версии: она служила напоминанием о том, что Новгород был якобы построен Рюриком и его варягами. Говоря,

что Сказание — легенда, и что редактор 1118 г., отождествивший русь с варягами, хотя и пользовался какими-то устными преданиями, но исходил из заведомо ложных положений, Кузьмин вместе с тем не сомневался, что оно всё же содержит какие-то реальные черты и элементы IX–X веков. Учёный, рассматривая варяжскую легенду в тесном единстве со Сказанием о славянской грамоте, содержащим полянославянскую концепцию начала Руси, само время соединения последнего с русским летописанием определял временем не позднее третьей четверти XI в., утверждая, что оно представляло собой либо болгарский памятник, либо его болгарскую редакцию. Выделив к нему комментарии русского летописца, где русь отождествляется с полянами и связывается с легендарными учителями славян Павлом и Андроником, исследователь читающее здесь же пояснение, что название Руси идёт от варягов («от варяг бо прозвашася русь, а первое беша словене»), приписал редактору 1118 г., настойчиво стремившемуся заменить полянославянскую концепцию начала Руси варяжской, но в данном случае пытавшемуся их примирить.

Сопоставляя варяжскую и полянославянскую концепции начала Руси, Кузьмин пришёл к выводу, что первая из них менее достоверна и более поздняя и наслаивается на вторую, признанную им, в отличие от Никольского, не только историографической, но и исторической реальностью. Вместе с тем он заострил внимание на наличии в источниках ещё одной концепции начала русской истории, содержащейся в «Слове о полку Игореве» и занесённой в него из «поэтико-песенной традиции», согласно которой прошлое Руси связано с Причерноморьем, а основателем княжеской династии выступает Троян²⁹¹ (В.Я. Петрухин, категорически отвергая полянославянскую концепцию, ибо она не оставляет никаких шансов отстаиваемой им норманистской этимологии имени «Русь», уверяет, что «каковы бы ни были источники “Сказания о преложении книг”, летопись не даёт оснований для выделения “двух концепций” происхождения руси»²⁹². Да ещё как даёт, если отойти от отживших норманистских стереотипов и постараться вникнуть в идейное содержание ПВЛ, хотя это и не просто).

Польский историк Х. Ловмянский, работы которого были широко известны в СССР, в 1957–1963 гг. представил процесс формирования Сказания о призвании варягов, скомбинировав по собственному усмотрению построения прежде всего Шахматова, Лихачёва и Черепнина. Подчеркнув при этом, что в дошедшей до нас форме памятник попал в летопись только в 1093/95 гг. и содержит «определённые исторические данные», а имена братьев почерпнуты из местной традиции или из фольклора. И видел вымысел лишь в связывании их имён в эпическое целое легенды о трёх братьях, опирающийся на мотив «странствования», считая его, вслед за А. Стендер-Петерсеном, исключительно скандинавским, а также отдавал предпочтение ладожской версии Сказания и был готов рассматривать Рюрика, который подвизался в Ладоге, скорее всего, на переломе IX и X вв., как отца Игоря.

Связывая отождествление варягов-скандинавов с русью именно с Нестором, учёный видел в том не какой-то политический расчёт летописца, а лишь стремление, распространённое в средневековье, объяснить происхождение своего народа миграцией из чужих земель. Летописца к идее вывода руси из

Скандинавии подтолкнули русско-византийские договоры, где имена русских послов по преимуществу скандинавские. Фраза ПВЛ «новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени» казалась ему либо какой-то конструкцией летописца, либо его ошибкой. Предложил два варианта её прочтения: варягами, возможно, называли новгородцев в других русских землях в обиходной речи, «поскольку среди них был варяжский элемент, в особенности же поскольку у них были варяжские наёмники», либо так называли себя новгородцы, что не являлось «постоянным определением или прозвищем, а следом случайных ссылок новгородцев на их связи с варягами»²⁹³.

Таким образом, часть специалистов 1940–1970-х гг. отвергала как историзм Сказания о призвании варягов, так и само существование Рюрика²⁹⁴. Другая часть, несколько снижая скептическое отношение к памятнику, говорила о его малодостоверности и предостерегала, что текст варяжской легенды «нельзя понимать буквально»²⁹⁵. Но с середины 60-х гг. в науке, что было связано с начавшимся «скандинавским бумом», появляются настроения в пользу реальности сообщаемых в ней фактов, облекая их, естественно, в норманистскую «упаковку». Так, в 1965 г. В.Т. Пашуто подчёркивал, что факт призвания есть следствие внутреннего общественного развития, и, возможно, «что Древнейшая Правда хранит в себе следы подобного ряда, обеспечивающего взаимные права славянской знати и их защиту от произвола и самого князя, и сопровождающей его иноземной дружины». И хотя через три года историк ещё стандартно для тех лет произнёс, что предание о Рюрике лишено прочных исторических корней, то в 1970 г. уже прямо признал его основой исторический факт вокняжения по «ряду» скандинава, положившего начало династии Рюриковичей²⁹⁶. Параллельно с тем, например, Б.А. Рыбаков и В.В. Мавродин говорили об отождествлении летописного Рюрика с Рориком Ютландским, что ещё больше укрепляло убеждённость в истинности норманистской интерпретации варяжской легенды.

Но особенно заставляли признать якобы несомненную связь летописного рассказа о призвании князей со скандинавами сочинения археологов, возведённых А.В. Арциховским на высоту высших судей в варяжском вопросе и по этой причине возмнивших себя специалистами буквально во всём. В 1980-х гг. Д.А. Мачинский, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, Е.Н. Носов берут в свои руки инициативу в толковании Сказания о призвании варягов, превратив его в иллюстрацию к своим умозрительным построениям. Тиражируя как доказанный факт тождество Рорика Фрисландского и летописного Рюрика, они начали высказывать мнения, лежащие в плоскости летописеведения, представляющего собой одну из сложнейших областей источниковедения. Так, Мачинский в 1986 г. утверждал, что Сказание было записано не позже 1052 г., когда Новгород, по его мысли, превратился во владение Киева, и связал её с новгородским сводом 1050 года. В том же году Кирпичников, Дубов, Лебедев предположили существование древнесеверного источника Сказания (а данную мысль через три года начнёт развивать и Н.Н. Гринёв).

В 1986–1990 гг. Е.Н. Носов уверял, что исторической сутью этого памятника явились действительные события вдоль балтийско-волжского пути, и не ис-

ключал реальность самого факта призвания вступившими во временный союз мери и славянскими группировками на договорных условиях одной из групп скандинавов для обеспечения нормального функционирования северной части указанного пути. В вопросе истории формирования варяжской легенды учёный полностью придерживался раннего взгляда А.А. Шахматова, от которого тот отказался (археолог говорил о её сложении в начале XI в. в Новгороде с целью объяснения происхождения Русского государства и княжеской власти). Принимая как подлинный текст легенды, якобы читаемый в Начальном своде 1095 г. (т. е. в НПЛ), он вместе с тем убеждал, что Рюрик по своему приходу на Русь сел в Ладоге, но вскоре перешёл на уже существовавшее Рюриково городище. Именно этот центр Приильменя, а не Ладога и взял на себя роль в административной организации земель Северной Руси. По мнению Носова, Городище выступает в позднейшей письменной традиции под названием Словенск и было известно восточным географам, сообщавшим применительно ко второй половине IX в. данные о трёх группах русов, под именем ас-Славийя²⁹⁷.

В 1988 г. А.Н. Кирпичников говорил, что события, которые излагаются в варяжской легенде, реально происходили в Ладоге — «федеративной» столице Верхней Руси (а с приходом Рюрика она «стала столичной резиденцией образующейся Древнерусской державы»), и поддержал мысль А.Г. Кузьмина о первичности её ладожской версии. Полагая, что Сказание о призвании варягов и «Житие святого Ансгария» о нападении данов в 852 г. на некий город, расположенный в славянской земле, определённым образом дополняют друг друга, учёный таковым видел Ладогу. При этом абсолютизируя тот факт, что ладожские слои, датируемые 842–855 гг., сохранили следы тотального пожара (если следовать такой логике, то на роль города, захваченного данами, может претендовать любое славянское поселение той поры на пространстве от Дании до Волхова, исключительно деревянные и постоянно сгоравшие дотла).

Даны, разграбив в 852 г. Ладогу, обложили данью славяно-финскую конфедерацию, что привело к призванию советом племён в 862 г., возможно, Рюрика/Рорика Фрисландского к власти по ряду, т. е. на определённых условиях и договорных началах. В дальнейшем он приобрёл или узурпировал власть над всей территорией Северо-Западной Руси, выступая в интересах новой родины как славянский князь, а Ладога стала столицей новообразованного государственного объединения, которая затем была перенесена в Новгород, а после в Киев (С. Франклин и Д. Шепард, отмечая, что находки оружия в Старой Ладоге — на территории поселения и в захоронениях — довольно редки, напротив, заключают: «Здесь очень мало признаков, указывающих на наличие военной элиты, которая была бы готова встать на защиту жителей»)²⁹⁸.

Во второй половине 1990-х гг. Кирпичников уже специально обратился к анализу Сказания о призвании варягов, говоря, что оно было записано впервые при Ярославе Мудром «для подтверждения единства и законности княжеского дома и родства со скандинавскими правителями» (но не объясняя, что это могло дать русскому правящему дому в тот момент, когда в Европе не было никого ненавистнее норманнов), побудительной причиной чему было предложение о женитьбе, сделанное шведке Ингигерде. А около 1113 г. Нестор внёс

его в летопись. Позднее текст варяжской легенды, зафиксировавшей реальное событие: появление на Северо-Западе Восточной Европы скандинавских пришельцев, приглашённых для отражения нового натиска скандинавов, претерпел изменения, характер которых оставил без пояснения. Признавая историчность Рюрика (Рорика Фрисландского), он не сомневался, что этот выбор «в военном отношении, похоже, себя оправдал. Вплоть до конца X в. скандинавы не нападали на области Ладоги и Новгорода, предпочитая войне торгово-транспортные и межгосударственные связи». Столицей новоорганизованного государства стала Ладога. И толчок к его образованию дали скандинавы, которым «без особых трудностей и в короткий срок, иными словами, на подготовленной почве, удалось организовать новую систему властвования и наладить механизм её работы».

Твёрдо теперь полагая, что во времена Рюрика Новгорода не было, Кирпичников считал, что его название было внесено в текст варяжской легенды под влиянием новгородского приоритета и амбиций местного боярства, чтобы не отдавать старейшинство в династических и политических делах «пригороду» Ладоге. Далее он повествовал, что Рюрик, покинув Ладогу, основал в середине IX в. не Новгород, а Рюриково городище (скандинавский Холмгард), и видел в нём «Предновгород». После смерти братьев (которых, как до этого убеждал археолог, в действительности не существовало) Рюрик совершил переворот: наёмник стал самовластным вождём, а племенные старейшины утратили свою власть. В результате чего было закреплено образование многонационального государства. Весь этот рассказ венчает вывод Кирпичникова об использовании летописцем начала XII в. при работе над Сказанием о призвании варягов договора, заключённого Рюриком с призвавшими его славянскими и финскими старейшинами и якобы написанного по-старошведски²⁹⁹.

При этом его нисколько не смущала парадоксальная ситуация, заложником которой он стал: ладожане (славяне и финны) заключают договор с датчанином Рориком почему-то на *старошведском языке* (к тому же оставив без объяснений знание этого языка как приглашавшими Рорика, так и им самим, а также летописцем начала XII в., да и в данном случае логичнее речь вести о датском языке). Полную несостоятельность разговоров о скандинавской основе Сказания показали, о чём уже шла речь, норманисты Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин (автор настоящих строк, говоря в 2003 г. о древностях Старой Ладоги, с которыми уже более трёх десятилетий работал Кирпичников, отмечал, что их интерпретация выходит за рамки возможностей археологии³⁰⁰. Пример со Сказанием о призвании варягов свидетельствует, что предубеждённый в норманстве варягов археолог Кирпичников свою манеру в толковании артефактов пытался перенести, как и его коллеги, в область летописеведения).

Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в работах конца 1980-х — конца 1990-х гг. проводили мысль, в своей основе близкую выводам Кирпичникова и разнящуюся от них лишь формой. Ядром варяжской легенды, исходный вариант которой, по их мнению, имел, очевидно, новгородское происхождение, также является «ряд» между верхушкой северной конфедерации племён и одним из норманских предводителей, но он был заключён на древнерусском языке³⁰¹ (Б.Н. Флоря

и А.А. Турилов в 2009 г. справедливо заостряли внимание на том, что о заключении договора в легенде не говорится и что чтение ПВЛ Ипатьевской редакции, где сказано в обращении к варягам, чтобы будущий князь «рядил по ряду по праву», не восходит к первоначальному её тексту: «Рядить в этих текстах означало не ‘заключать договор’, а ‘устанавливать порядок’ — “наряд”, на отсутствие которого жаловались племена»³⁰²).

Вместе с тем Петрухин с 1990-х гг. активно культивирует идею Г.М. Бараца о ветхозаветных истоках Сказания о призвании варягов, полагая, что образцом и для ПВЛ, и для еврейского хронографа «Книга Иосиппон» (вслед за Н.М. Мещерским говоря о существовании его древнерусского перевода начала XII в.) послужила библейская «Таблица народов» (он также считает, что источником как рассказа о Кие и его братьях, так и одного из сюжетов легенды является «Книга Юбилеев», или «Малое Бытие» Библии, повествующая о трёх сыновьях Ноя, основавших три города, о вражде потомков Ноя, при этом обнаруживая её следы в других частях летописи — космографическом введении, Речи философа, повествовании о трёх Ярославичах).

В целом у Петрухина нет сомнений в том, что библейская традиция была для летописца образцом понимания и адекватного описания собственной истории. Правда, тут же подчёркивая, что «возводить весь сюжет призвания к Библии невозможно... Если и допускать влияние книжной (славянской или библейской) традиции, то оно явно вторично». Заканчивал свою мысль археолог выводом, что разительные эрзянские и корейские фольклорные «параллели легенде о призвании варягов подтверждают её фольклорные истоки и делают неубедительными любые (не основанные на прямых текстологических изысканиях) предположения об искусственном и чисто книжном характере легенды»³⁰³ (в 2011–2012 гг. А.А. Горский усомнился в идее, что локализация руси в ПВЛ на севере Европы восходит к Иосиппону, в котором она помещена рядом с англами и саксами, но в котором не упомянуты ни свеи, ни урмане, ни готы, ни галичане, ни волхва, ни немцы, ни корлязи, ни фряги³⁰⁴).

В ряде работ конца прошлого — начала нынешнего столетия М.Б. Свердлов подчёркивал, «что имело место не “призвание” Рюрика... а его избрание, и “реально заключённый ряд”» с ним мог регламентировать условия его княжения. В 1998 г. И.Н. Данилевский утверждал, что в варяжской легенде летописец стремился не столько точно описать конкретные события, как передать «смысл легендарного призвания Рюрика с братьями». Реальные же обстоятельства образования государства у восточных славян интересовали русского книжника гораздо меньше. При этом само призвание для него было связано «с первыми шагами к обретению *правды* — истинной веры, слова Божия». Окончательный вердикт учёного гласит: к зарождению государства рассказ о призвании князей «не имеет отношения. Он — лишь первое упоминание о властных институтах, действовавших (и видимо, достаточно давно) на территории Северо-Западной Руси». Не прошёл Данилевский и мимо идеи, что в основе легенды лежит библейский мотив. Только, в отличие от Бараца, в нём он видит не текст I Книги Царств, а текст третьего стиха 111 псалма, на выдержку из которого опирался как Видукинд Корвейский, рассказывающий о приглас-

шении саксов бриттами, так и автор Начальной летописи, что объясняет близость их текстов³⁰⁵.

В 1991–1992 гг. И.Я. Фроянов, не принимая мнения об антигреческой направленности варяжской легенды и полагая, что мотив братьев, представленный в нём, нельзя ограничивать идеей родового единства русских князей и династической унификации, настаивал на её новгородском происхождении. Принимая в целом схему складывания этого памятника Б.А. Рыбакова и его мысль об идеологическом противостоянии в XI в. Новгорода и Киева в вопросе происхождения Русского государства, учёный указывал, что её политическое содержание не оставалось однозначным, а усложнялось по ходу времени. Так, в «Остромировой летописи» она обосновывала борьбу Новгорода за независимость от Киева. После редакторской работы над ПВЛ некоего новгородца по поручению Мстислава, сына Владимира Мономаха, Сказание о призвании варягов приобрело «полифоническое звучание», одновременно отвечая запросам и Новгорода, и Киева. Летописную фразу «новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени» Фроянов предлагал рассматривать через призму мировоззрения древних людей, превращавших своих правителей в родоначальников племён. Таковыми для новгородцев стали варяжские князья, «положившие начало их политического бытия с его особенностями, основанными на свободе призвания и изгнания правителей».

Вместе с тем «новгородские патриоты» выдумали трёх братьев-родоначальников, уравнивая тем самым Новгород с Киевом, где также почитали трёх братьев. Отвергал историк предлагаемое Д.С. Лихачёвым понимание выражения русско-византийских договоров «мы от рода рускаго», полагая, что речь здесь идёт о представительстве, а не о принадлежности: «мы от народа русского». Историческое содержание памятника Фроянов свёл, как это утверждала часть советских учёных, к призванию не трёх мифических братьев, а к приглашению новгородскими словенами норманского конунга с дружиной для помощи в борьбе за лидерство в родственном словенском союзе племён, позднее превращённому в призвание варягов на княжение. Рисуя картину захвата конунгом власти в Новгороде, он обращался к материалам Никоновской летописи, признавая Вадима Храброго за словенского князя, убитого Рюриком, присвоившим его княжеский титул. Подводя черту, учёный отметил, что «полностью отрицать причастность Сказания к фольклорной традиции и утверждать сугубо литературное его происхождение нет достаточных оснований»³⁰⁶.

В 1995–2002 гг. В.К. Зиборов вёл речь о «шведской основе» варяжской легенды, считая, что во второй половине XI в. могли бытовать на Руси два предания о Рюрике: родовое, связанное с одним из предков супруги Ярослава Мудрого шведки Ингигерды (её деда Эрика Победоносного, прозвище которого близко по значению с именем Синеуса, брата Рюрика, ибо, возможно, это не имя, а одно из прозвищ Рюрика — «победоносный»), и предание об основателе Ладоги. Эти два шведских предания летописец использовал, создавая варяжскую легенду с целью обоснования первенства княжеской ветви, ведущей своё начало от Ингигерды. Сказание о призвании варягов, посчитал в 1997 г. Е.Н. Носов, «хотя и нельзя воспринимать буквально, не лишено исторической

подосновы»³⁰⁷. В 1999–2017 гг. Е.А. Мельникова энергично закрепляла в науке свой взгляд на историю его сложения и включения в летопись. Отрицая мысль А.А. Шахматова о местных известиях — новгородских, белозерских, изборских, лёгших в основу легенды (т. к. в IX в. этих поселений ещё не было, как и нет «никаких следов существования таких местных преданий»), она резюмировала, что её ядром являлось «сказание о Рюрике» (или, по словам А. Стендер-Петерсена, «сага о Рюрике»), которое возникло в Новгороде в конце IX — начале X в. в скандинавской дружинной среде (впрочем, как и всё Сказание о призвании варягов в целом) в качестве повествования «об удачливом военном вожде, ставшем конунгом в богатом “городе”». И возникло, вероятно, как объяснение обстоятельств заключения «ряда», регулирующего отношения между Рюриком и местной элитой.

Затем в X в., в период своего устного бытования, «сага о Рюрике», включавшая в себя несколько эпизодов, повествующих о его деяниях (приход на Русь, основание там городов, расселение его братьев и размещение им своих «мужей» в подвластных ему городах) было, по мере славянизации войска (к XI в. в него уже входили преимущественно славяне), переосмыслено в Сказание о призвании варягов. При этом акцент был перенесён с деяний Рюрика на заключённый им «ряд», который воспринимался как прецедент в политической системе Новгорода. В конце X — начале XI в. в условиях острой политической борьбы киевских князей за верховную власть (прежде всего после смерти Святослава и Владимира) Сказание «было воспринято как сообщение о первом легитимном правителе на Руси, пришедшем к власти “по праву”, и интерпретировано в качестве генеалогического предания, утверждающего законность власти князя Игоря и его потомков». Тем самым оно из местного превращалось в общегосударственное и было положено в основу построения начал Руси. Сказание бытовало по меньшей мере до второй половины XI в. параллельно в двух вариантах: на языке среды, породившей его, т. е. древнескандинавском (уже не позднее X в. в дружинной среде господствует билингвизм), и на древнерусском, с которым затем работал летописец, включая его в текст Начального свода.

Е.А. Мельникова не сомневается, что памятник более пространно сохранился в Никоновской летописи (где, например, присутствует сюжет об антиваряжском восстании в Новгороде, завершившемся убийством его предводителя Вадима Храброго и его «советников» и бегством в Киев многих новгородцев). Отмечая, что о скандинавском происхождении реального Рюрика прямо не говорится ни в одном из вариантов Сказания о призвании варягов, учёный в пользу его принадлежности к скандинавам приводит доводы абсолютно неисторического свойства: «Однако упоминание того, что Рюрик по приглашению послов, отправившихся “за море”, достаточно убедительно свидетельствует об этом. На то же указывает и этимология самого имени *Рюрикъ* (< *Hrærekr*)» (однако тут же подчёркивает, что самое Сказание не даёт никаких оснований для определения места, откуда Рюрик пришёл в Приильмень, и что выражение «варяги из-за моря» носит устойчивый, формулярный характер)³⁰⁸.

В 1995–2019 гг. В.Я. Петрухин резюмировал, что Нестор записал не англосаксонское, а подлинное предание, бытовавшее в среде русских князей, воз-

водивших свой род к скандинаву Рюрику, и что в контекст варяжской легенды, опиравшейся на местные традиции, включены исторические реалии, хотя в ней «очевидны англо-саксонские мотивы» (в 2019 г. учёный сказал, что варяжская легенда появилась в Начальном своде 1090-х гг.). Само же «поразительное сходство древнерусской и саксонской легенд о призвании коренится глубоко, — объяснял он, — в общих эпических и даже мифоэпических основах, сформировавшихся в эпоху Великого переселения народов», и что «три брата или три вождя — обычный мотив переселенческих сказаний». Вместе с тем им было подчёркнуто, с одной стороны, что сказания о первых русских князьях, существовавшие во второй половине X в. и предшествующие составлению первых летописных сводов в конце XI в., неточно называют «варяжскими сагами», ибо они стилистически разнятся. С другой, предположения, что «мотивы англосаксонского предания о призвании попали в ПВЛ после брака Владимира Мономаха и Гиды Геральдовны (ок. 1075 г.), нуждаются в специальном текстологическом обосновании»³⁰⁹.

Рассказ о приходе Рюрика, делился в 2001–2007 гг. К. Цукерман своими соображениями, основан на легенде, которая, однако, сохранила достоверную канву исторических событий (не противоречащую показаниям иностранных источников и данным археологии): Рюрик и его люди, очевидно, «по собственной воле и так же, как прежние скандинавские искатели приключений, остановились в Ладоге, из которой открывался путь в Восточную Европу» (это событие он, «перестраивая» русскую историю в удобном для своей концепции виде, отнёс примерно к 895 г.). А из Ладоги эти норманны могли вести переговоры с местными племенами о поселении на их территории. Вместе с тем историк отметил, что если историчность Рюрика, основателя русской княжеской династии, имеет широкое признание, то двух его братьев относят к легенде (но, например, немецкий лингвист Г. Шрамм защищает их историчность).

В 2004–2012 гг. А.А. Горский, подчёркивая, что нет серьёзных оснований предполагать в Сказании о призвании варягов литературный вымысел, изрёк «истину», что «отождествление руси с варягами — конструкция одного из составителей ПВЛ, отталкивающаяся от неверно понятого текста главного источника этого летописного памятника — Начального свода». Полагая при этом, что его к такому отождествлению могли подвигнуть также и ещё два источника ПВЛ — еврейский хронограф «Иосиппон» середины X в., «где русь упоминается рядом с саксами и англами, и русский перевод продолжения Хроники Амартола, где определение руси, напавшей на Константинополь в 941 г., — “от рода франков”... — было переведено как “от рода варяжьска”». Вместе с тем он допускал, что до летописца могли прийти какие-то предания, в которых происхождение имени Русь связывалось с варягами, и именно это могло побудить его переработать текст Начального свода. У нас сегодня, заключал в 2010 г. Г.М. Коваленко, есть достаточно оснований считать, что в основе варяжской легенды «лежит устный источник новгородского происхождения, который в свою очередь восходит к какому-то скандинавскому источнику» (при этом он уверяет, что Рюрик является краеугольным камнем норманской теории)³¹⁰.

В 2012 г. со статьёй, специально посвящённой Сказанию о призвании варягов, выступил П.С. Стефанович. Ничего принципиально нового она даёт, т. к. историк использует лишь текстологический анализ и в своей основе во всём следует за А.А. Шахматовым (и дополнительно пытается убедить, ибо прямо поставил перед собой такую задачу, в правильности его мысли о существовании Начального свода, отразившегося в НПЛ младшего извода). При этом отдавая предпочтение тем идеям летописевода, которые были им изложены в 1904 г. и которые он серьёзно пересмотрел в последующих работах. Касаясь несколько историографии, историк говорил, не разбирая доводы этих исследователей (да и особо в них не вникая), о «произвольных и малоубедительных построениях» Б.А. Рыбакова, об отсутствии «строгих текстологических критериев и принципов» у А.Г. Кузьмина (причём звучит вечный контрдовод норманистов, в науке видящих только себя: «взгляды и приёмы которого критиковались серьёзными учёными»), доказывавшего первичность ладожской версии Сказания, что противоречит всей логике шахматовской теории (и считает допущением — чисто гипотетическим — его идею о счёте летописей разными эрами).

Более внимательно он отнёсся к взглядам Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, но и их подверг критике, потому как они также отходят от Шахматова. Отвергнута была им и точка зрения И.Я. Фроянова (имеет принципиальные недостатки в методике анализа источников и прежде всего летописей, отсутствует углублённый текстологический анализ), но выделил статью А.А. Гиппиуса 2006 г., потому как этот филолог новыми аргументами подтверждает важные элементы шахматовской схемы. Подчёркивая, что сейчас за Сказанием признаётся обычно историческая достоверность, Стефанович добавил, что «это признание сочетается, как правило, с признанием важной роли скандинавов в становлении Древнерусского государства». Говоря о сходстве его чтения с другими памятниками, он заключил, что нет никаких оснований предполагать знакомство летописца с «Деяниями саксов» Видукинда Корвейского, что у них был общий источник — устные сказания норманнов (по А.А. Кунику, некая «северо-западная сага»), с их экспансией распространившиеся там, где были значительными их присутствие и влияние, и что сюжет о призвании, который правильнее называть «Сказание о происхождении Руси», является легендарным (в 2017 г. Стефанович, также проводя мысль, что «в Начальной летописи происхождение народа руси связывается с варягами, т. е. со скандинавами», подчеркнул: сведения Никоновской летописи не вызывают доверия)³¹¹.

Как показывает изложенный материал, мнения отечественных специалистов (а это представители разных областей научного знания — историки, филологи, археологи) о Сказании о призвании варягов, по причине их полнейшей убеждённости в норманстве варягов, оказываются весьма схожими³¹². И суть их воззрений состоит в том, что во главе раннегосударственного образования в Поволховье и Приильменье, согласно, как они дружно приписывают этому источнику того, чего в нём нет в действительности, «встал — по приглашению местных вождей — предводитель одного из викингских отрядов по имени Рюрик, обосновавшийся, вероятно, в Ладоге или на Городище»³¹³ (но не во всех деталях, конечно, сходятся норманисты. Так, в 2012 г. П.В. Кузенков вёл речь

о «легендарном Рюрике». Варяжская легенда, резюмировал в 2015 г. в английском издании Д. Хейвуд, «поистине невероятна, если не сказать больше»³¹⁴).

Современные антинорманисты смотрят на Сказание о призвании варягов также по-разному. В 1991–2001 гг. А.Л. Никитин проводил мысль, высказанную ещё «скептиками», что этот памятник повествует о событиях не из истории Северо-Западной Руси, а из истории южнобалтийских славян, и в которых, по его мнению, участвовал Рорик Ютландский. Русский же летописец заимствовал сюжет истории западных славян для отечественной династической легенды, адаптировав её к новой историко-географической реальности. Отсюда, он очень категоричен в своём выводе: «Раз и навсегда мы должны смириться с тем, что Рюрик ПВЛ в реальной истории Новгорода на Волхове — всего только легенда».

По его заключению, Рорик, никогда не бывший в Северной Руси, стал родоначальником русских «рюриковичей» на страницах киевской летописи в середине XI в., при Ярославе Мудром, стремившемся к возможно большему авторитету княжеской власти, что затем без возражений было принято в Новгороде. Окончательно легенда оформилась в Киеве в XII веке. Никитин, ведя речь о миграции на восток южнобалтийских славян под давлением германцев и франкского государства, а также набегов викингов, уверен, что именно они перенесли к своим восточноевропейским сородичам рассказы о Рорике. Причём скепсис учёного к Сказанию о призвании варягов во многом проистекает из того именно факта (а на нём заостряли внимание многие специалисты, например Д.И. Иловайский, Е.Е. Голубинский, Е.А. Рыдзевская, Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачёв, А.Г. Кузьмин), что митрополит Иларион и Иаков мних в своих произведениях не называют Рюрика, молчит о нём, добавляет Никитин, и «Слово о полку Игореве»³¹⁵ (никто, конечно, Рюрика не забывал, а Иларион, Иаков мних и «Слово о полку Игореве» не говорят о нём лишь потому, что и не ставили перед собой задачу осветить генеалогию русских князей, а уж тем более её прославить³¹⁶).

В 2006–2015 гг. А.В. Петров отрицал достоверность Сказания о призвании варягов, в котором варяги были искусственно отождествлены с русью (это учёный домysel летописцев, сделанный под влиянием византийской письменности, в которой в X–XI вв. понятия Русь и варяги зачастую смешивались, сделанный на рубеже XI–XII вв. под влиянием событий лета 1015 г., когда Ярослав Мудрый отомстил новгородцам за избиение варяжских наёмников с целью оправдания, скорее, перед потомками, его безжалостных действий). Связывая доказательства его легендарности прежде всего с Д.И. Иловайским, историк подчёркивал: точно такие же выводы А.А. Шахматова «тем более ценны для нас, что, объективно нанеся норманистам сильнейший удар, сам маститый учёный остался в их рядах». Говоря, что не было никакого призвания, Петров видит в Сказании, скорее всего, «*восточноевропейский вариант ходячей средневековой легенды о братьях, призванных править в чужую страну*», которая в летописях «была приспособлена к обслуживанию морально-политических концепций современности». В 2008 г. Л.Е. Морозова, выводя Рюрика из славянского племени ободритов Южной Балтики, утверждала, что, «как выяснили ещё дореволюционные исследователи, главная фраза ПВЛ о полновласти

Рюрика была заимствована из англо-саксонской хроники, привезённой на Русь женой Владимира Мономаха английской принцессой Гидой Харальдовной»³¹⁷.

В совершенно ином свете предстаёт Сказание о призвании варягов в творчестве А.Г. Кузьмина. Решая крупные источниковедческие задачи и всё больше входя в круг проблем, которые принято именовать варяго-русским вопросом, учёный в конце 60-х гг. начинает преодолевать устоявшиеся стереотипы в области летописеведения и в оценке варяжской легенды. Теперь он классифицирует Сказание о славянской грамоте как западно- или южнославянский памятник, попавший на Русь посредством Болгарии, и в конце X в. привлечённый киевским летописцем при создании первого исторического труда о начале Руси и о первых киевских князьях. Это недатированное повествование, включавшее в себя всё этнографическое введение будущей ПВЛ, обычно относимое к началу XII в. и имевшее заголовок «Се повести времянных лет», вошло в состав летописи в середине XI в., когда формировалась её основная редакция, в результате чего была создана полянославянская концепция начала Руси, отразившаяся во многих текстах Начальной летописи.

Затем летописец Десятиной церкви в 80-х гг. XI в., видимо, соединил два типа письменных памятников: повествование, куда входило Сказание о славянской грамоте, и летописец Юго-Западной Руси, каждый из которых самостоятельно использовал Повесть о полянах. В последующие годы в этот материал вносились либо сокращения, либо добавления. В ПВЛ ранняя концепция начала Руси и династии русских князей перебивается вставкой рассказа о призвании варягов и их утверждении в Северо-Западной Руси, а затем установлении варяжской династии в Киеве (и этот рассказ, несомненно, отражает какие-то новгородские предания, пережил не один этап в своём развитии и мог длительное время существовать вне летописания вообще). Для согласования разных версий начала Руси летописцем был введён малолетний Игорь, не имевший никакого отношения к Рюрику, и именем которого правит Олег.

Определяя идейную направленность концепций начала Руси, исследователь отмечал, что в полянославянской концепции главный и основной вопрос — это вопрос происхождения руси-народа. Согласно ей, поляне-русь появились в Среднем Поднепровье, выйдя из Норика — римской провинции, расположенной между верховьями Дравы и Дуная, из области средневекового Ругиланда-Руссии. Более поздняя варяжская концепция стремится объяснить название «Русь» и выносит на первый план проблему происхождения династии русских князей, настаивает на монопольном праве «Рюриковичей» княжить в Русской земле. С точки зрения новгородского летописца, русь — это варяги, а сами новгородцы происходят «от рода варяжьска». Последнее прямо свидетельствует, что новгородцы, относя себя к потомкам варягов Рюрика, считали их славяноязычным населением, и что славянский элемент был преобладающим компонентом у пришельцев. Подтверждение тому историк видел также в том факте, что варяги в Северо-Западной Руси основывают города со славянскими названиями. Противоречия между двумя концепциями начала Руси Кузьмин, считая их достоверными, снимал тем, что в Среднем Поднепровье оказались выходцы как из Норика-Ругиланда (гунны, руги и независимо от них ветви славян),

выступающие в ПВЛ в качестве полян-руси, так и с южного побережья Балтийского моря — варяги-русы, только первые появились в Восточной Европе в VI, а вторые в IX веке.

Соперничество на страницах летописи двух концепций как-то связано с этими двумя волнами (отделяя варягов и русь, историк видел в них славяноязычные, но изначально неславянские племена). В 1993 г. им было добавлено, что в НПЛ младшего извода иначе, нежели в ПВЛ, передано начало Руси, причём, акцентировал он внимание, речь идёт не просто о более раннем или более позднем, а о совсем другом представлении об этом начале. Занесение в летопись первых сообщений о варягах (их местожительстве и участии в захвате Киева в 980 г.) учёный относил к концу X в. вместе со всем этнографическим введением, хотя тогда с преданием о призвании варягов летописец, похоже, не был знаком. По поводу времени записи данного предания он заметил: «Указанная в летописи дата основания Новгорода — 864 год — достоверна: её подтверждает археологический материал. А точность датировки предполагает запись, близкую ко времени события». В целом Кузьмин констатировал, что рассказ о призвании варягов в середине IX в. «ради прекращения усобиц на огромной территории от Балтики до Средней Волги не просто сказка, а отражение представления о правах и обязанностях власти, которые как бы признают все стороны».

Говоря о статье 1043 г., историк подчёркивал, что, во-первых, это бесспорный случай первичности чтений софийско-новгородских сводов XV в. по сравнению с ПВЛ, и, во-вторых, «необходимо считаться с вероятностью отражения в сводах XV в. сразу несколько редакций древних памятников (в том числе и Повести временных лет)». При этом он согласился с мнением Б.А. Рыбакова о новгородском происхождении этой статьи, а также указал, что её автор, видимо, не был знаком с варяжской легендой и не отождествлял русь с варягами. В ПВЛ, считал учёный, она попала из новгородского источника середины XI в., привлечённого в Киеве в 50-е — 60-е гг. того же столетия во время создания основной редакции Начальной летописи. Но в Киеве этот источник был использован с сокращениями, и Софийская первая и Новгородская четвёртая летописи в подавляющем большинстве случаев дают первоначальное чтение. Как добавлял Кузьмин в 1998 г., в 1043 г. «наёмные варяжские дружины включали довольно много скандинавов, а русские источники отзываются о варягах с явной недоброжелательностью»³¹⁸.

С 1999 г. В.В. Фомин, постоянно обращаясь к Сказанию о призвании варягов, доказывает, что оно, порождённое в новгородской среде, генетически связанной с варягами («ти суть людье новгородьци от рода варяжьска»), могло обрести во многом свой окончательный вид и послужить защите важных интересов Руси уже во второй половине X в., когда она делала один из важнейших и непростых своих исторических выборов — принятие христианства, и было внесено в киевский летописный свод конца X века. После событий 1015–1019 гг., когда Ярослав Мудрый с помощью новгородцев сел в Киеве, эта победа была закреплена созданием в Новгороде целостного рассказа, включённого в местную летопись в середине XI в. и не разбитого на годы, о призвании варягов, также когда-то захвативших Киев, и где было подчёркнуто, что новгородцы, в отли-

чие от киевлян, ведут своё начало именно от них и что с ними же связано само название Руси. В конце жизни Ярослава или вскоре после его смерти с целью монополизации власти над всей Русью за ним и за его наследниками варяжская легенда была внесена в ПВЛ, а Игорь, представитель полянорусской династии, был «породнён» с варяго-руссом Рюриком. По заключению историка, Сказание о призвании варягов отражает переселение в земли Северо-Западной Руси определённой части населения Южной Балтики (и не только славян) и при занесении в ПВЛ было помещено под 859, 862 и 882 гг.³¹⁹

Таким образом сегодня норманисты и часть их оппонентов сходятся в очень важном вопросе — в вопросе исторической реальности основы Сказания о призвании варягов, по-разному, разумеется, её трактуя. Причём главный вывод антинорманистов, который зиждется на анализе самого широкого круга разнородных источников и на его, что важно отметить, понимании, выражен двумя их ярчайшими представителями. Начальная летопись, заключил в 1862–1876 гг. С.А. Гедеонов, «всегда была и останется, наравне с остальными памятниками древнерусской письменности, живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси». В 1970 г. А.Г. Кузьмин констатировал, также демонстрируя неправомочность отнесения этой древнейшей летописи в актив норманистам, что «скандинавское происхождение “варягов” не может быть обосновано данными русских летописей»³²⁰. А раз не может быть обосновано, то ничего и не стоят все «аргументы» норманистов, в том числе и якобы наличествующие в ПВЛ, о чём и пойдёт разговор ниже.

Примечания

- ¹ Кузьмин А.Г. Русские... С. 107–108; Алешковский М.Х. Повесть... С. 47, 62–63.
- ² Должно быть «на веси, и на кривичех». Позднейший сводчик, переписывая имеющийся у него текст, не понял, что речь идёт о названии угро-финского племени «весь». Ср.: Макаров Н.А. Весь... С. 188–198; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 106, 114, 119; *его же*. Русь христианская... С. 72–74.
- ³ ЛЛ. С. 18; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 13–14.
- ⁴ Так читается в Радзивилловском и Академическом списках Радзивилловской летописи, но в Лаврентьевской и Троицкой — «русь».
- ⁵ Этноним «весь» опять понят как местоимение.
- ⁶ Так в сгоревшей Троицкой летописи. Точнее, в ней, по свидетельству Н.М. Карамзина, как и в Лаврентьевской, имелся пропуск, «но вверху приписано, над именем Рюрик: “Новг...”», по свидетельству других, «к слову Рюрик прибавлено: “седе Новгороде”». В Радзивилловском и Академическом списках читается: «и срубиша город Ладогу и седе в Ладозе» (Карамзин Н.М. История... Т. I. Прим. 278; Шахматов А.А. Обзорение... С. 27–28, 40; Стефанович П.С. Сказание... С. 544–545).
- ⁷ В Радзивилловском и Академическом списках: «и пришед ко Илмерю и сруби городок над Волховом, и прозва Новъгород, и седе ту княжа раздаа волости» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20, прим. 49).
- ⁸ В Радзивилловском списке: «и города рубити» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20, прим. 50).
- ⁹ ЛЛ. С. 18–20, прим. ^{xxx} и ^a на с. 19.
- ¹⁰ Так, например, В.Я. Петрухин полагает, что Лаврентьевская летопись содержит краткую, а Ипатьевская — пространную редакцию Сказания о призвании варягов (Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 102, 107).
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14–15; т. 1. Стб. 20, прим. 49. По Радзивилловской летописи и Летописцу Переяславля-Суздальского Рюрик также садится в Ладоге (Лурье Я.С. Россия... С. 58; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 102).
- ¹² ЛЛ. С. 20–21; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 15.
- ¹³ Се Повести... С. 316, коммент. к с. 47.
- ¹⁴ Истрин В.М. Хроника... Т. II. С. 269–309; т. III. С. V–L; *его же*. Очерк... С. 119; Франклин С. К вопросу... С. 324–330; ДРЗИ. 1999. С. 70.
- ¹⁵ ЛЛ. С. 22–23; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 16–17. В сводах 1497 г. и 1518 г. эта дань предназначена киевским князьям и добавлено: «иже и доныне дают» (ПСРЛ. Т. 28. С. 14, 168). В новгородских летописях переделано на «иже не дают».
- ¹⁶ НПЛ. С. 105–107.
- ¹⁷ ЛЛ. С. 3–4, 7, 17; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 4, 6, 12. Ср.: НПЛ. С. 104.
- ¹⁸ ЛЛ. С. 25, 28, 32, 45–46; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 18, 20, 23, 35–36; Шахматов А.А. «Повесть... С. 81, 84.
- ¹⁹ Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 15, 38, 214; *его же*. Г. Геденонов... С. 186.
- ²⁰ Ламбин Н.П. Объяснение... С. 19, 39; *его же*. Источник... № 6. С. 226, 238; Дополнения А.А. Куника. С. 396, 399, 457; Куник А.А. Известия... С. 04–08, 039; Ключевский В.О. Значение... С. 120–122.
- ²¹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 325; *его же*. Отзыв... С. 342; *его же*. Введение... С. 11; Пресняков А.Е. Лекции... С. 281–282; Русский народ. С. 156.
- ²² Вестберг Ф.Ф. К анализу... № 2. С. 399.
- ²³ См. напр.: Ламбин Н. Источник... № 6. С. 226.
- ²⁴ Иловайский Д.И. Начало... С. 332; Филевич И. Указ. соч. С. 343; Барац Г.М. Происхождение... С. 1, 3.
- ²⁵ Никольский Н.К. Указ. соч. С. 27; Ильинский Г.А. Никольский Н. С. 43; Пархоменко В.А. К вопросу... С. 108; Греков Б.Д. Киевская Русь (1939). С. 12; Присёлков М.Д. История русского... С. 76–77, 80; Рыдзевская Е.А. Древняя... С. 132, 142, 171.

- ²⁶ Присёлков М.Д. Нестор... С. 16, 29, 32, 45, 92–93; *его же*. История русского... С. 61–64, 79–80.
- ²⁷ Лихачёв Д.С. Русские... С. 78, 158–160; *его же*. «Повесть... С. 122–124; ПВЛ. Ч. 2. С. 112–115, 237–238.
- ²⁸ См. напр.: Покровский В.С. Указ. соч. С. 17–18, 22; Алпатов М.А. Как... С. 118; Сахаров А.М. Историография... С. 26; История русской литературы X–XVII веков. С. 66–67.
- ²⁹ Юшков С.В. Общественно... С. 29–31, 67; Мавродин В.В. Борьба... С. 24, 27; *его же*. Происхождение названий... С. 7; *его же*. Образование... (1971). С. 124; *его же*. Происхождение русского... С. 152, 154; Шаскольский И.П. Современные... С. 356.
- ³⁰ Ловмянский Х. Русь... С. 170, 172, 174; Будовниц И.У. Указ. соч. С. 62–63; Фроянов И.Я. Исторические... С. 6; *его же*. Мятёжный... С. 85.
- ³¹ ЛЛ. С. 18–19; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.
- ³² Фомин В.В. Варяжский вопрос: его состояние... С. 259.
- ³³ Кузьмин А.Г. Начальные... (1977). С. 171–172; Артамонов Ю.А. Указ. соч. С. 249.
- ³⁴ Рыбаков Б.А. Остромирова... С. 46, 52; *его же*. Предпосылки... С. 794, 799; *его же*. Спорные... С. 20, 22; *его же*. Древняя... С. 199, 218, 294; *его же*. Киевская Русь... С. 310; *его же*. Мир... С. 17, 52–55, 62; Шушарин В.П. Указ. соч. С. 247; Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. С. 19–20.
- ³⁵ Мавродин В.В. Происхождение названий... С. 5, 9–10; *его же*. Советская... С. 53, 55; *его же*. Образование... (1971). С. 172–174; *его же*. Происхождение русского... С. 150, 152, 155; Ловмянский Х. Русь... С. 58–59; Будовниц И.У. Указ. соч. С. 82; Пештич С.Л. Русская... Ч. II. С. 178, 228.
- ³⁶ Шаскольский И.П. Современные... С. 335–337, 341, 355, 372; *его же*. Норманская... науке. С. 9, 55, 59, 68, 75; *его же*. Антинорманизм... С. 38, прим. 3 на с. 36.
- ³⁷ См. напр.: Сахаров А.М. Историография... С. 58; Бушуев С.В., Миронов Г.Е. Указ. соч. С. 55–56; СИЭ. Т. 2. Стб. 390; т. 10. Стб. 347; БСЭ. Т. 18. С. 131.
- ³⁸ А.К. [Аннотация]. А.В. Riasanovsky. С. 258; Гумилёв Л.Н. Указ. соч. С. 134–135.
- ³⁹ Мельникова Е.А. Скандинавия... С. 46.
- ⁴⁰ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда... С. 45; Петрухин В.Я. Начало... С. 17; *его же*. Древняя Русь. С. 59, 67, 100; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 237, 257, 271; Карпеев Э.П. Г.З. Байер у истоков... С. 49; *его же*. Г.З. Байер... С. 23.
- ⁴¹ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 66; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 89; *их же*. Старая Ладога. С. 80; Котляр Н.Ф. Начало... С. 72.
- ⁴² Вернадский Г.В. Древняя... С. 286, 340; Ловмянский Х. Русь... С. 58–59, 170, 172, прим. 8 на с. 86; Stender-Petersen A. Der älteste... S. 1; Янссон И. Русь... С. 22, 28; *его же*. Скандинавские... С. 38.
- ⁴³ Муравьёв А.В., Сахаров А.М. Указ. соч. С. 47; Ерёмин И.П. «Повесть... С. 57; Думин С.В., Турилов А.А. Указ. соч. С. 9.
- ⁴⁴ Новосельцев А.П. Мир... С. 27; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 89–90; *их же*. Старая Ладога. С. 80–81; Кирпичников А.Н. Сказание... С. 9, 16–17; *его же*. Сказание... С. 32, 53–54; Кан А.С. Швеция... С. 50; Аннинский Л. Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁵ Черепнин Л.В. А.Л. Шлёцер... (1984). С. 62.
- ⁴⁶ «Благородные саксы, несчастные бритты, изнурённые постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стеснённые, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить [бриттов] без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти» (Видукинд Корвейский. Указ. соч. С. 67–68, 128).
- ⁴⁷ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 305; Соловьёв С.М. Август... Стб. 1572.
- ⁴⁸ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 349, 352–353; ч. II. С. 765–767.
- ⁴⁹ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. кв, лв-лг, мд-ме, мз, нз, чв, 38–39, 41, 52–55, 65, 149, 276–285, 420, 425–426; Карамзин Н.М. История... Т. I. Прим. 332; Погодин М.П. Древняя... Т. II. С. 408.

- ⁵⁰ *Погодин М.П.* О происхождении... С. 14; *Полевой Н.А.* История... Т. 1. С. 46, 113, 281–286, прим. 272–276, 279–281, 285–287 к кн. II; *Строев С.М.* Указ. соч. № 4. С. 44; № 5. С. 444; *Перемишлевский М.* Указ. соч. С. 455, прим. 15.
- ⁵¹ *Сенковский О.И.* Скандинавские... С. 17, 30–31, 38–41, 58, 75; *его же.* Эймундова... С. 64; *Сабинин С.* О происхождении... С. 83.
- ⁵² *Погодин М.П.* Нестор... С. 10, 102–103, 159, 161, 175–179; *его же.* Исследования... Т. 1. С. 102–103, 285, 294, 298, 491; т. 2. С. 9–10; т. 3. С. 93, 445–447; *его же.* Г. Гедеонов... С. 185–186; *его же.* Древняя... Т. I. С. 21, 111; т. II. С. 407–410.
- ⁵³ *Беляев И.Д.* О географических... С. 3–4; *Барсов Н.П.* Указ. соч. С. 11–12; *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 283, прим. 187.
- ⁵⁴ *Бутков П.Г.* Оборона... С. 65–66; *Славянский М.И.* Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁵ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 439, прим. 233; *Забелин И.Е.* Указ. соч. Ч. 2. С. 88; *Скромненко С.* [*Строев С.М.*]. Критический... С. 3, 6, 9–10; *Коялович М.О.* Указ. соч. С. 267.
- ⁵⁶ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 426, прим. 197; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 229–230, 286; *Костомаров Н.И.* Предания... № 2. С. 598–599.
- ⁵⁷ *Саксон Грамматик.* Указ. соч. Т. 1. 1.6.10; Откуда есть... Кн. 1. С. 694; *Хейвуд Д.* Указ. соч. С. 232; *Петрухин В.Я.* Русь в IX... С. 276.
- ⁵⁸ *Петровский Н.М.* Указ. соч. С. 363.
- ⁵⁹ Замечания А. Куника (2015). С. 219–224; Дополнения А.А. Куника. С. 394–397; *Куник А.А.* Известия... С. 07; *Томсен В.* Указ. соч. С. 92; *Корф С.А.* История... С. 46, прим. 1.
- ⁶⁰ *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 249–253, 277–278, 286–288.
- ⁶¹ *Соколов Б.М.* Указ. соч. (1914). С. 93; *Рожницкий С.* Указ. соч. С. 63–69, 73–75.
- ⁶² *Бицилли П.М.* Западное... С. 9–24; *Тиандер К.Ф.* Датско... С. 173–178, 181–186; *Arne T.J.* Det stoga... S. 37–63, 70–72.
- ⁶³ *Бахрушин С.В.* [К вопросу... С. 21–22, 25–26; *Мансикка В.Й.* Указ. соч. С. 107; *Соколов Б.М.* Указ. соч. (1923). С. 90–122.
- ⁶⁴ ДРЗИ. Т. V. С. 258–266, коммент. 97 на с. 265; *Пархоменко В.А.* У истоков... С. 7; *Лященко А.И.* Летописные... С. 262–288.
- ⁶⁵ *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 42–80; *Пархоменко В.А.* К вопросу... С. 107; *Греков Б.Д.* Феодальные... С. 8; *его же.* Киевская Русь (1939). С. 15; *Тихомиров М.Н.* Источниковедение... (1940). С. 48.
- ⁶⁶ *Беляев Н.Т.* Рорик... С. 245, 249–250, 257–259; *Мошин В.А.* Начало... С. 43, 298; *Погодин А.Л.* Три... С. 118–125.
- ⁶⁷ *Мошин В.А.* Христианство... С. 13.
- ⁶⁸ *Погодин А.Л.* Варяжский... С. 22, 24; *Вернадский Г.В.* Киевская... С. 30–31, 368, 425, прим. 293.
- ⁶⁹ *Мавродин В.В.* Образование... (1945). С. 212–213; *его же.* Происхождение названий... С. 9; *его же.* Образование... (1971). С. 125–126; *его же.* Происхождение русского... С. 154.
- ⁷⁰ *Рыбаков Б.А.* Остромирова... С. 46; *его же.* Предпосылки... С. 781–784; *его же.* Древняя... С. 199, 291, 293; *его же.* Киевская Русь. С. 568; *его же.* Киевская Русь... С. 142, 298, 301–302, 312; *его же.* Мир... С. 17, 49–50, 53–54, 212; *Ловмянский Г.* Рорик... С. 245.
- ⁷¹ *Шаскольский И.П.* Норманская... науке. С. 68, прим. 44; *Пашуто В.Т.* Внешняя... С. 22, 24.
- ⁷² *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда... С. 47–50, 56, прим. 20; *Петрухин В.Я.* Начало... С. 118–120; *его же.* Рюрик... С. 342; *Мельникова Е.А.* Рюрик... (2000). С. 147.
- ⁷³ *Шаскольский И.П.* Современные... С. 372; *его же.* Норманская... науке. С. 66, 68, 74; *Пашуто В.Т.* Внешняя... С. 22, 29; *Алпатов М.А.* Русская... (1973). С. 35; *Петрухин В.Я.* Комментарии (1985). С. 275, коммент. ****.
- ⁷⁴ *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь... С. 201–204, 281, 291; *Данилевский И.Н.* Древняя... С. 59–60; *его же.* Образование... (49–50); *Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б.* Указ. соч. С. 77–783; *Никитин А.Л.* Первый... (1991). С. 35, 38.
- ⁷⁵ *Ерёмин И.П.* Киево... С. 38; *Робинсон А.Н.* Указ. соч. С. 84; *Скрынников Р.Г.* Войны... С. 26, 37; *его же.* Древняя... С. 3, 10, 12; *его же.* История... С. 51; *его же.* Русь... С. 21, 27, 47; *его же.* Крест... С. 20.

- ⁷⁶ Мельникова Е.А. Устная... С. 160–165; *её же*. Рюрики... (2000). С. 150–159; *её же*. Предания... С. 18–21; *её же*. Сюжет... С. 95–108; *её же*. Сказания... С. 123–124; *её же*. Эпоха... С. 437, 440–441; ДРЗИ. 1999. С. 489–492; ДРЗИ. 2013. С. 515–518.
- ⁷⁷ Пчелов Е.В. Генеалогия... С. 112–116; *его же*. Рюриковичи. С. 48–50; Шинаков Е.А. Образование... (2002). С. 78, 94–99, 317, прим. 152.
- ⁷⁸ Орлов А.С. Указ. соч. С. 69–74, 158–227; Ловмянский Х. Русь... С. 141, прим. 2.
- ⁷⁹ Петрухин В.Я. Русь в IX... С. 268, прим. 164.
- ⁸⁰ Мачинский Д.А., Панкратова М.В. Указ. соч. С. 23–46; Мачинский Д.А. Ладога... С. 18–21, 32–33; *его же*. Некоторые... С. 465.
- ⁸¹ ДРЗИ. Т. V. С. 265, коммент. 97.
- ⁸² Грот Л.П. Имена... С. 394–426; *её же*. О летописных... С. 30–31.
- ⁸³ Stender-Petersen A. Die Varägersage... S. 42–256; *idem*. Varangica. P. 66–69, 74–79, 245, 253–255, 259–262; *idem*. Geschichte... S. 100–102; *idem*. Anthology... P. 8–22; *idem*. Das Problem... P. 177; *idem*. Der älteste... S. 1–2; Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 43, 59–68, 200–201.
- ⁸⁴ Шаскольский И.П. Норманская... историографии. С. 230; *его же*. Современные... С. 343, 345, 360, 365–370; *его же*. Норманская... науке. С. 13, 43, 60, 62, 67.
- ⁸⁵ Шаскольский И.П. Современные... С. 347, 369, 372; *его же*. Норманская... науке. С. 66, 68.
- ⁸⁶ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 1. 9.4.29; Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу. № 8. С. 620, прим. 1; *её же*. Древняя... С. 159, 165–167, 169–171, 176–202, 209, 233, 235.
- ⁸⁷ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 203; Гринёв Н.Н. Указ. соч. С. 31–43.
- ⁸⁸ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 84–87; *их же*. Старая Ладога. С. 76–78; Кирпичников А.Н. Сказание... С. 10–11; *его же*. Сказание... С. 33, 39–40.
- ⁸⁹ Пятецкий Л.М. Справочник... С. 11; *его же*. История... С. 47.
- ⁹⁰ Пекарский П.П. История... Т. I. С. 180; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 13.
- ⁹¹ Думин С.В., Турилов А.А. Указ. соч. С. 12; Петрухин В.Я. Начало... С. 125; *его же*. Древняя Русь. С. 104, 114; Данилевский И.Н. Древняя... С. 44, 64; *его же*. Образование... (67); Пчелов Е.В. Генеалогия... С. 100; *его же*. Рюриковичи. С. 36–37; Шинаков Е.А. Образование... (2002). С. 313, прим. 126.
- ⁹² Славяне и Русь. С. 218–229, 231–234; Байер Г.З. О варягах. С. 344–362.
- ⁹³ Первольф И.И. Варяги... С. 52.
- ⁹⁴ Kipik E. Die Berufung... Bd. II. S. 132–138; Беляев Н.Т. Рорик... С. 244–245, прим. 143; Вернадский Г.В. Древняя... С. 342–343, 367–369; Мошин В.А. Начало... С. 299; Ловмянский Г. Рорик... С. 246, прим. 112.
- ⁹⁵ Рыбаков Б.А. Остромирова... С. 52; *его же*. Предпосылки... С. 781–784; *его же*. Спорные... С. 19–20; *его же*. Древняя... С. 293; *его же*. Киевская Русь. С. 568; *его же*. Киевская Русь... С. 298; *его же*. Мир... С. 49.
- ⁹⁶ Ловмянский Г. Рорик... С. 246, прим. 112.
- ⁹⁷ Лебедев Г.С. Эпоха... (1985). С. 212; Толочко П.П. Спорные... С. 110; и др.
- ⁹⁸ См., напр.: Думин С.В., Турилов А.А. Указ. соч. С. 12; Никитин А.Л. Первый... (1991). С. 34; *его же*. Основание... С. 149, 158; Свердлов М.Б. RÖRIK... С. 37–39; *его же*. Дополнения. С. 596; *его же*. Домонгольская... С. 109; Скрынников Р.Г. История... С. 15; *его же*. Русь... С. 21; *его же*. Крест... С. 9; Пятецкий Л.М. История... С. 47, 59; Кузнецов А.М. Комментарии. С. 623, коммент. 34; Литература и культура Древней Руси. С. 236.
- ⁹⁹ Крузе Ф. О происхождении... С. 47; Кацва Л.А., Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 21; Вовина-Лебедева В.Г. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁰⁰ Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁰¹ Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу. № 8. С. 620, прим. 1; *её же*. Древняя... С. 167; Шаскольский И.П. Современные... С. 371, прим. 121.
- ¹⁰² Петрухин В.Я. Комментарии (1985). С. 275, коммент. ^{xxxx} к с. 167; *его же*. Начало... С. 120, 125; *его же*. Рюрики... С. 342; *его же*. Мифы... С. 38; *его же*. Русь христианская... С. 100–101, 467; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда... С. 54; Мельникова Е.А. Рюрики... (2000). С. 158, прим. 50 на с. 157; *её же*. Рюрики... (2014). С. 702–703.

- ¹⁰⁵ Азбелев С.Н. К вопросу... С. 363–364.
- ¹⁰⁴ Strykowski М. Op. cit. S. 114–115; Шахматов А.А. Сказание... С. 53, прим. 3; ПВЛ. Ч. 2. С. 236; Рогов А.И. Указ. соч. С. 36–37, 49–51, 56, 108, 112.
- ¹⁰⁵ ЛЛ. С. 19; Акашев Ю.Д. Указ. соч. С. 200–201; Пчелов Е.В. Рюриковичи. С. 37; *его же*. Рюрик. С. 224.
- ¹⁰⁶ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 203–204; Свердлов М.Б. RÖRIK... 38; *его же*. Ладога... С. 175; Данилевский И.Н. Древняя... С. 60.
- ¹⁰⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 374–375; *его же*. О начале... С. 208.
- ¹⁰⁸ Седов В.В. Международные... С. 354, 359; *его же*. Становление... С. 45; *его же*. О русах... С. 6.
- ¹⁰⁹ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 203; Гринёв Н.Н. Указ. соч. С. 36; Свердлов М.Б. Русское... С. 432; Джонс Г. Указ. соч. С. 254.
- ¹¹⁰ Кузьмин А.Г. Об этнической... С. 76–77.
- ¹¹¹ Кирпичников А.Н. Сказание... С. 11; *его же*. Сказание... С. 39.
- ¹¹² Корф С.А. Древлянский... 336, 340–342; Сыромятников С.Н. Указ. соч. С. 120–123, 125–126, 139; Лященко А.И. Летописное... С. 326, 332.
- ¹¹³ Браун Ф.А. Фрианд... С. 5–7.
- ¹¹⁴ Томсен В. Указ. соч. С. 68–69.
- ¹¹⁵ Kupik E. Die Berufung... Bd. II. S. 171–175; Михеев С.М. Варяжские... С. 27–32; Молчанов А.А. Ярл... С. 82; *его же*. Шимон. С. 895.
- ¹¹⁶ Карамзин Н.М. История... Т. II–III. С. 28, прим. 60; Пашуто В.Т. Внешняя... С. 28; Веселовский С.Б. Исследования... С. 211; Бочков В.Н. Указ. соч. С. 78; Свердлов М.Б. Скандинавы... С. 62; Молчанов А.А. История... С. 81; *его же*. Шимон. С. 895.
- ¹¹⁷ Ключевский В.О. Наброски... С. 119.
- ¹¹⁸ Кирпичников А.Н. Сказание... С. 10; *его же*. Сказание... С. 39.
- ¹¹⁹ ЛЛ. С. 8–9, 11–12, 18–19.
- ¹²⁰ ЛЛ. С. 20, 22.
- ¹²¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке... С. 230–232.
- ¹²² Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Ряд... С. 224–225; *их же*. Легенда... С. 53; Петрухин В.Я. Начало... С. 123; *его же*. Библия... С. 280–281; *его же*. Древняя Русь. С. 113–114; *его же*. Русь в IX... С. 157–158; Мельникова Е.А. Варяги... С. 163; *её же*. Рюрик... (2000). С. 158.
- ¹²³ Пашуто В.Т. Русско... С. 52–53, 55, 57.
- ¹²⁴ См., напр.: Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 84–87; *их же*. Старая Ладога. С. 76–79; Янин В.Л. Основные... С. 11–12; *его же*. Очарование... С. 6; *его же*. О начале... С. 210; Кирпичников А.Н. Из Старой... С. 13; *его же*. Исторические... С. 81, 83.
- ¹²⁵ См., напр.: Петрухин В.Я. Комментарии (1985). С. 269, коммент. * к с. 133; *его же*. Варяги и хазары... С. 71–72; *его же*. Начало... С. 116–128; *его же*. [Рец.] Franklin S... С. 120–121; *его же*. Древняя Русь. С. 102–121, 138, 141, 144–146, 251; *его же*. Русь в IX... С. 107, 136–137, 150–164, 195, 199, 222, 246, 258–259, 269, 278–279, 281; *его же*. Русь христианская... С. 119–120, 140; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 277–278, 280, 295; Мельникова Е.А. Скандинавия... С. 45; *её же*. Скандинавы на Балтийско... С. 136; *её же*. Рюрик... (2000). С. 147, 149; *её же*. Варяжская... С. 30, 32; *её же*. Рюрик... (2008). С. 58, 64–66, 72; *её же*. Укрощение... С. 23–26; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда... С. 108–110; *их же*. Ряд... С. 219–229; *их же*. Легенда... С. 50–55; Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 326.
- ¹²⁶ Грот Л.П. Как Рюрик... С. 72–118; *её же*. Генезис... С. 132–138, 150–151.
- ¹²⁷ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда... С. 54; Мельникова Е.А. Скандинавские антропонимы... С. 23; *её же*. Рюрик... (2000). С. 148–159; *её же*. Устная... С. 160–161; *её же*. Древняя Русь и Скандинавия. С. 201–216; Петрухин В.Я. Начало... С. 125, 128; *его же*. Библия... С. 280–281; *его же*. Древняя Русь. С. 104, 123; *его же*. Мифы... С. 38; *его же*. Миф... С. 113; *его же*. Кто... С. 28; *его же*. Русь в IX... С. 160–175; *его же*. Русь христианская... С. 100, 118.
- ¹²⁸ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 337; Kupik E. Die Berufung... Bd. II. S. 134; Томсен В. Указ. соч. С. 65, 127–128; Рыздзевская Е.А. Древняя... С. 131.
- ¹²⁹ Шаскольский И.П. Русско... С. 158.

- ¹³⁰ Петрухин В.Я. Комментарии (1985). С. 275, коммент **** к с. 167; *его же*. Древняя Русь. С. 104, 123; Пчелов Е.В. Легендарная... С. 30; *его же*. Рюрик. С. 225; *его же*. Рюрик... С. 43; Клейн Л.С. Спор... С. 52.
- ¹³¹ Мельникова Е.А. Рюрик... (2000). С. 148.
- ¹³² Геденов С.А. Указ. соч. С. 441, прим. 244; Мельникова Е.А. Рюрик... (2000). С. 147, прим. 23.
- ¹³³ Свердлов М.Б. RÖRIK... С. 38; Кирпичников А.Н. Сказание... С. 10; *его же*. Сказание... С. 38.
- ¹³⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 39; Тихомиров М.Н. Пискаревский... С. 232–247.
- ¹³⁵ Меркулов В.И. Откуда...; *его же*. Рюрик... С. 54–74; Фомин В.В. Варяги и варяжская... С. 431–436.
- ¹³⁶ Кузьмин А.Г. Об этнической... С. 76–78; *его же*. Начало Руси. С. 330; Откуда есть... Кн. 2. С. 653; Славяне и Русь. С. 179, прим. 59; Кузнецов Е.В. Указ. соч. С. 150, 167–169.
- ¹³⁷ Геденов С.А. Указ. соч. С. 173, 211; Беляев Н.Т. Рорик... 242–243.
- ¹³⁸ Геденов С.А. Указ. соч. С. 171–178; Кузьмин А.Г. Об этнической... С. 75–76; *его же*. Два... С. 209; *его же*. Облик... С. 231; *его же*. Начало Руси. С. 329–330; Кузнецов Е.В. Указ. соч. С. 150; Откуда есть... Кн. 2. С. 652–653; Славяне и Русь. С. 415, прим. 65; Хрестоматия... С. 189.
- ¹³⁹ Грот Л. Мифологические... С. 178–183; *её же*. Имена... С. 301–374; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 141–207, 333–335.
- ¹⁴⁰ Bayer G.S. De Varagis. P. 282–283; Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 272; ч. III. С. 102, 475; Карамзин Н.М. История... Т. 1. С. 56, прим. 98; Погодин М.П. О происхождении... С. 30, 51; *его же*. Исследования... Т. 2. С. 68.
- ¹⁴¹ Крузе Ф. О происхождении... С. 43–73; *его же*. О первом... С. 513–517; *его же*. О пределах... С. 45–50, 68; *его же*. Об отношениях... С. 163, 165–169; *его же*. Происходят... С. 41–42.
- ¹⁴² Голлман Г.Ф. Указ. соч.; Ловмянский Г. Рорик... С. 221–222.
- ¹⁴³ Погодин М.П. Исследования... Т. 3. С. 35–38; Дополнения А.А. Куника. С. 436, прим 1; Беляев Н.Т. Рорик... С. 237; Ловмянский Г. Рюрик... С. 223.
- ¹⁴⁴ Рыздзевская Е.А. Древняя... С. 132.
- ¹⁴⁵ Бутков П.Г. Оборона... Прим. 334.
- ¹⁴⁶ Беляев Н.Т. Рорик... С. 215–270.
- ¹⁴⁷ Мошин В.А. Варяго... С. 58; *его же*. Начало... С. 303, прим. 114; *его же*. Главные... С. 620; Погодин А.Л. Варяги... С. 93; Вернадский Г.В. Древняя... С. 340–343.
- ¹⁴⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь (1939). С. 225, 228; *его же*. Борьба... С. 50; *его же*. Образование русского... С. 137; История СССР. Т. I. С. 91–92.
- ¹⁴⁹ Рыбаков Б.А. Предпосылки... С. 784, 813; *его же*. Древняя... С. 295; Ловмянский Г. Рорик... С. 227–228, 238–249; Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 211; Мавродин В.В. Образование... (1971). С. 126–127.
- ¹⁵⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 6, 299; *его же*. Мир... С. 50.
- ¹⁵¹ Мачинский Д.А. О месте... С. 20; *его же*. Этносоциальные... С. 27–28; Лебедев Г.С. Эпоха... (1985). С. 212, 214; *его же*. Ладога — центр... С. 9; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 193–194, 286–287; Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля... (1988). С. 49; Данилевский И.Н. Древняя... С. 64.
- ¹⁵² Касиков Х., Касиков А. Указ. соч. С. 98–109; Молчанов А.А. Древнескандинавский... С. 11; Пчелов Е.В. Легендарная... С. 28–29.
- ¹⁵³ Азбелев С.Н. К вопросу... С. 363–374; *его же*. Устная... (2006). С. 12–14, 240; *его же*. Устная... (2007). С. 63–67, 86, 234.
- ¹⁵⁴ Литература и культура Древней Руси. С. 236; Пятецкий Л.М. История... С. 55;
- ¹⁵⁵ Свердлов М.Б. RÖRIK... С. 37–39; *его же*. Дополнения. С. 595–596, 598; *его же*. Становление... С. 116; *его же*. Домонгольская... С. 107–109; *его же*. Ладога... С. 176; *его же*. Русское... С. 432–433; Диктофонная... С. 568.
- ¹⁵⁶ Михайлов К.А. Южноскандинавские... С. 58; Молчанов А.А. Ярл... С. 80; Хлезов А.А. Норманская... (1997). С. 73–74; Станг Х. Указ. соч. С. 140; Александров А.А. О руссах... С. 19–20.
- ¹⁵⁷ Яманов В.Е. Указ. соч. С. 127.

- ¹⁵⁸ Беляев Н.Т. Рорик... С. 236; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 83–84; их же. Старая Ладога. С. 75–77; Кирпичников А.Н. Сказание... С. 9–16; его же. Сказание... С. 40–44, 50; его же. Новые... С. 19.
- ¹⁵⁹ Лебедев Г.С. Varangica... С. 110; Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 44, 114–115; Горский А.А. [Рец.] Franklin S... С. 197; Пчелов Е.В. Предки... С. 367–370; его же. Генеалогия... С. 33, 66–96; его же. Рюриковичи. С. 21, 31–35; его же. Рюрик. С. 134–156, 234, 240; его же. Был... С. 97–109; его же. Рюрик... С. 45–51.
- ¹⁶⁰ Славянская энциклопедия. Т. 2. С. 287–288; Минакова Э.А. Князь... С. 147–163; Войтович Л.В. Рюрик. С. 117–118; его же. Викинги... (I). С. 7–8; его же. Рюрик... С. 19–28; Янин В.Л. О начале... С. 206–207, 209; Шувалов П.В. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁶¹ Горский А.А. Русь «от рода... С. 58; его же. К спорам... С. 173; его же. Начало... С. 17–18; его же. В дыму... С. 180, 182–184; его же. Повесть... С. 22–23; его же. Приглашение... С. 13–14, прим. 44 на с. 22; его же. Первое... С. 89–93, 103–108; его же. Клады... С. 39; его же. Возникновение... С. 27–30; Шинаков Е.А. Образование... (2009). С. 84–85, 95; его же. Три... С. 158, 164.
- ¹⁶² Никитин А.Л. Первый... (1991). С. 36–38; его же. Первый... (1994). С. 381–394; его же. Основание... С. 148–169.
- ¹⁶³ Яманов В.Е. Указ. соч. С. 127–137.
- ¹⁶⁴ Грот Л. Имена... С. 352–374, 423–426; Пауль А. Старцы... С. 170; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 325–334.
- ¹⁶⁵ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля... (1988). С. 47–48; его же. Сказание... С. 9, 12; его же. Сказание... С. 38; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 83; их же. Старая Ладога. С. 75; Мачинский Д.А. Была... С. 61; его же. Ладога... С. 21, 29; его же. Некоторые... С. 498; Милютенко Н.И. Святой... С. 383–384.
- ¹⁶⁶ Крузе Ф. О происхождении... С. 63; Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 380; Беляев Н.Т. Рорик... С. 234–236, 261–262; Вернадский Г.В. Древняя... С. 339, 342; Мошин В.А. Главные... С. 613, его же. Начало... С. 289; Ловмянский Г. Рорик... С. 242; его же. Русь... С. 133, прим. 3; Славский К. Указ. соч. С. 71; История Дании. Т. 1. С. 62; Петрухин В.Я. Саркел... С. 219; его же. Русь христианская... С. 69.
- ¹⁶⁷ Войтович Л.В. Рюрик. С. 115–116; его же. Викинги... (I). С. 5–7; его же. Рюрик... С. 15–16.
- ¹⁶⁸ Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 38–40; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁶⁹ Фомин В.В. Варяги и Старая... С. 213; его же. Комментарии. С. 524, коммент. 31.
- ¹⁷⁰ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 173, 177; Трубачёв О.Н. В поисках... С. 162.
- ¹⁷¹ Джаксон Т.Н. Варяги... С. 85; История Дании. С. 61–62; Мельникова Е.А. Рюрик... (2014). С. 703; Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 247; Зиборов В.К. Романовы... С. 52–53; Петрухин В.Я. Призвание варягов. С. 39; его же. Легенда... (2008). С. 44; его же. Русь в IX... С. 141–142; Цукерман К. Два... С. 70; его же. Перестройка... С. 347.
- ¹⁷² Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 195; Скрынников Р.Г. Войны... С. 26; его же. Русь... С. 21; его же. Крест... С. 9; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 252.
- ¹⁷³ Клейнберг И.Э. Основные... С. 65–66; Мельникова Е.А. Олгь... С. 138–146.
- ¹⁷⁴ Грот Л.П. Мифологические... С. 153–158; её же. Имена... С. 253–263, 269, 375–484.
- ¹⁷⁵ ЛЛ. С. 31; Соловьёв С.М. История... Кн. 1. С. 105–106, 108–109; Данилевский И.Н. Библия... С. 89; Петрухин В.Я. Начало... С. 141–142, 220.
- ¹⁷⁶ Грот Л.П. Мифологические... С. 154; её же. Имена... С. 426–451.
- ¹⁷⁷ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 182–183; Кузьмин А.Г. Об этнической... С. 70–81; его же. Падение... С. 139–140, 167; Откуда есть... Кн. 1. С. 670–671; кн. 2. С. 642, 651, 654, 692, прим. к с. 619; Славяне и Русь. С. 473–474, прим. 62 на с. 414. См. также: Пчелов Е.В. Генеалогия... С. 163–164.
- ¹⁷⁸ Фомин В.В. Кривые... С. 102. См. также: Джаксон Т.Н. Исландские... (1993) С. 186–187.
- ¹⁷⁹ Джаксон Т.Н. Исландские... (1993). С. 186–187; её же. Аллогия. С. 21; Пчелов Е.В. Генеалогия... С. 164; Милютенко Н.И. Святой... С. 390; Мельникова Е.А. Эпоха... С. 418, прим. 46.
- ¹⁸⁰ Срезневский И.И. Чтения... С. 76; Иловайский Д.И. Разыскания... С. 306.

- ¹⁸¹ Грот Л.П. Имена... С. 257, 267, 273, 286, 289–290, 337–351, 357, 402, 426, 430–432, 435–436, 456–484; *её же*. О летописных... С. 29–53; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 394.
- ¹⁸² Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. II. С. 186–187; Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 57, прим. 106; Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 136; Томсен В. Указ. соч. С. 73; Браун Ф.А. Варяги... С. 306–307.
- ¹⁸³ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 383–385, 415, прим. 149; Щеглов Д. Первые... С. 223.
- ¹⁸⁴ Гринёв Н.Н. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁸⁵ ЛЛ. С. 23.
- ¹⁸⁶ Сахаров А.Н. Рюрик... (2003). С. 15–16; Сахаров А.Н., Рогожин Н.М. Указ. соч. С. 192–193.
- ¹⁸⁷ Гринёв Н.Н. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁸⁸ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические... (2001). С. 7.
- ¹⁸⁹ Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская... С. 10–11, 13–14; Мельникова Е.А. Рюрик... (2000). С. 157–158; *её же*. Я помню... С. 215, 220–221; Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. Указ. соч. С. 38; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁹⁰ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические... (2001). С. 7; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 45.
- ¹⁹¹ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Русские летописи... С. 4–7.
- ¹⁹² Тихомиров М.Н. Начало... С. 46.
- ¹⁹³ Татищев В.Н. История... Т. I. С. 93, 96–97, 107, 119–122; т. IV. С. 45; Миллер Г.Ф. О первом... С. 5; Болтин И.Н. Примечания... С. 58, прим. а; Елагин И.П. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁹⁴ [Шлёцер А.Л.] Житие... С. I, X–XII; *его же*. Опыт... С. 255–257, 263–267, 323–326, 330; *его же*. Нестор. Ч. I. С. 2–7, VII, XIV, XVI–XXII, XXVI–XXVII, XXIX–XXXIII, XXXVII, лв-лг, мө, п-пи, ркз-рки, рлг-рлд, 14, 21–22, 35, 37–38, 106–107, 149, 276, 394–416; ч. II. С. 605–606, 641–642, 694, 708, 724; ч. III. С. 257, 260, 680, 683.
- ¹⁹⁵ Надеждин Н.И. Об исторических... С. 106; Сахаров А.М. Историография... С. 57.
- ¹⁹⁶ Ewers J.P.G. Vom Ursprunge... S. 226, 234, 237–238; Эверс Г. Указ. соч. С. 249–255; Брусилов Н. Историческое... С. 302; Софийский временник... Ч. I. С. IX–XI.
- ¹⁹⁷ Погодин М.П. О достоверности... С. 77–104; *его же*. Нестор... С. 11, 14, 17, 89–97, 109; *его же*. Исследования... Т. 1. С. VI, VIII, 91–92, 470; *его же*. Гедеонов... С. 184; *его же*. Древняя... Т. I. С. 21; Старчевский А.В. Указ. соч. С. 11–14, 21–22; Срезневский И.И. Исследования... С. 14–16, 18–21; *его же*. Чтения... С. 30–37, 40–48, 61; *его же*. Древние... Стб. 8.
- ¹⁹⁸ Куник А.А. Разбор... С. 74; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе... С. 35–37, 49, 58–59; Ламбин Н.П. Источник... № 6. С. 237.
- ¹⁹⁹ Соловьёв С.М. История... Кн. 2. С. 110–112; Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 22, 24, 26, 46–51, 129–139; Срезневский И.И. Чтения... С. 86–87; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе... С. 45, 62–63, 68. Приложения. С. 3–6; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 472–481, 498–500; Шахматов А.А. Древнейшие... С. 59.
- ²⁰⁰ Соловьёв С.М. История... Кн. 1. Прим. 150 к т. 1; кн. 2. С. 118; Костомаров Н.И. Лекции... С. 34–35; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе... С. 18–20, 39, 44–45, 58–59; Ключевский В.О. Русская... Т. I. С. 100–114, 152, 159; Филевич И. Указ. соч. С. 342–343, 363–373.
- ²⁰¹ Соловьёв С.М. История... Кн. 2. С. 112–113, 117, 122, 125–126, 130–132; Срезневский И.И. Исследования... С. 9, 14; Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 26; Макарий (Булгаков М.П.). Указ. соч. Т. II. С. XI; Срезневский И.И. Чтения... С. 45; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе... С. 33, 41–44, 49–61. Приложения. С. 1–63.
- ²⁰² Патерик... С. 91, 96; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 2, прим. 23; Татищев В.Н. История... Т. I. С. 123–124; Абрамович Д.И. Указ. соч. С. 72–73, 93.
- ²⁰³ ЛЛ. С. 274; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 159; т. 9. М., 1965. С. 149; т. 11. М., 1965. С. 211; т. 15. Вып. I. М., 1965. С. 185; Татищев В.Н. История... Т. II. С. 258, 260.
- ²⁰⁴ Татищев В.Н. История... Т. I. С. 84, 119–123; т. IV. С. 44–47; Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. ді-ке; ч. III. С. 679.
- ²⁰⁵ Казанский П.С. Ещё... С. 23–30; *его же*. Дополнения... С. 4–5; Соловьёв С.М. История... Кн. 2. С. 125; Билярский П.С. Замечания... С. 119; Срезневский И.И. Чтения... С. 112–113; Иловой-ский Д.И. Разыскания... С. 291–292, 297; Ключевский В.О. Русская... Т. I. С. 98; Кузьмин А.Г. Начальные... (1977). С. 132–142.

- ²⁰⁶ *Татищев В.Н.* История... Т. I. С. 81; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 295; *его же.* Начало... С. 93; *Хрущов И.П.* Указ. соч. С. 3; *Бестужев-Рюмин К.Н.* История... С. 98; *Ключевский В.О.* Русская... Т. I. С. 115–116; *Кузьмин А.Г.* Начальные... (1977). С. 30–33.
- ²⁰⁷ *Шахматов А.А.* Сказание... С. 11–31, 70; *его же.* Разыскания... С. IV–V, 2–13, 69–70, 97–98, 105, 108, 181–182, 228, 290–299, 302–321, 325, 336–340, 378–536, 541, 624; *его же.* Отзыв... С. 335–336; *его же.* Повесть... С. II–XII, XVI–LXII и др.; *его же.* Древнейшие... С. 50, 61; *его же.* Обзорение... С. 361–363; *его же.* «Повесть... С. 30–31, 57; *его же.* Киевский... С. 119–160.
- ²⁰⁸ *Шахматов А.А.* Заметки... С. 45; *Присёлков М.Д.* [Рец.] Пархоменко Вл. С. 368.
- ²⁰⁹ См. напр.: *Лихачёв Д.С.* Русские... С. 77; *Лурье Я.С.* Изучение... С. 26–30.
- ²¹⁰ *Присёлков М.Д.* Очерки... С. 82–87, 166–184, 300–308; *его же.* История русского... С. 44–46, 48–84; *Насонов А.Н.* История... С. 15, 28, 33, 38, 43–46.
- ²¹¹ *Хабургаев Г.А.* Указ. соч. С. 158, 223–224, прим. 69 на с. 187.
- ²¹² *Лихачёв Д.С.* Русские... С. 60–100; ПВЛ. Ч. 2. С. 76–78, 87, 89–91, 94–95.
- ²¹³ *Фомин В.В.* Русские... С. 13; *его же.* Комментарии. С. 458, коммент. 2.
- ²¹⁴ *Шлёцер А.Л.* Нестор. Ч. I. С. 6–7, иі-к, кв, лв-лг, лз, мд-нд, нс-ни, ча-чв, ріі-роі, ркд-рлв, 17–21, 49, 52–55, 65, 84, 149, 184, 273, 276–285, 420, 425–426; ч. II. С. 22–31, 257–258, 422, 751–759; ч. III. С. 90, 206–210, 222–223.
- ²¹⁵ *Каченовский М.Т.* О баснословном... № 2. С. 283, 287–288; № 3. С. 683; *его же.* Из рассуждения... С. 352; *Строев С.М.* Указ. соч. № 4. С. 44; *Скромненко С.* [Строев С.М.]. О недостовренности... № 49. С. 395, 412–421; № 50. С. 455–488; *его же.* О первобытном... С. 184–207.
- ²¹⁶ *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 289; *его же.* История... С. 177, 179; *его же.* Ещё... С. 646; *его же.* Вопрос... С. 7; *Костомаров Н.И.* Предания... № 1. С. 60; *его же.* Русская история... С. 3; *его же.* Ответ... С. 466.
- ²¹⁷ *Пархоменко В.А.* Начало... С. 28; *его же.* Русь... С. 129; *Присёлков М.Д.* Очерк... С. 2; *Шахматов А.А.* Отзыв... С. 337; *Мансикка В.Й.* Указ. соч. С. 71.
- ²¹⁸ *Присёлков М.Д.* История рукописи... С. 215; *его же.* Киевское... С. 215–216; *Пархоменко В.А.* Характер... С. 204–206; *Лурье Я.С.* Михаил... С. 467–470; *его же.* О некоторых... С. 93; *его же.* Россия... С. 78, 85–87, 97–99.
- ²¹⁹ *Алешковский М.Х.* Первая... С. 13–40; *его же.* Повесть... С. 11–12, 20–52, 57–71, 83, 102, 112.
- ²²⁰ *Шахматов А.А.* Отзыв... С. 337; *Никольский Н.К.* Указ. соч. С. 29; *Кузьмин А.Г.* Источниковедение... С. 135; *Хрестоматия*... С. 181–182.
- ²²¹ *Шахматов А.А.* Отзыв... С. 337; *его же.* Повесть... С. XVI, LVIII; *Пархоменко В.* Op. cit. С. 127; *Никольский Н.К.* Указ. соч. С. 29; *Кузьмин А.Г.* Начальные... (1977). С. 41; *Фомин В.В.* Древнерусские... С. 183–191.
- ²²² *Погодин М.П.* Нестор... С. 11, 14, 17, 109; *его же.* Исследования... Т. I. С. 470; *Куник А.А.* Разбор... С. 73.
- ²²³ *Никольский Н.К.* Указ. соч. С. 3–4, 6, 9, 25–44, 50, 59–67 и др.; *Тихомиров М.Н.* Источниковедение... (1940). С. 45, 54–55; *его же.* Происхождение... С. 22–35; *его же.* Развитие... в Киевской Руси... С. 50–51, 55–56; *его же.* Начало... С. 46–66; *его же.* Источниковедение... (1962). С. 47–49, 52, 63, 66; *его же.* Русский... С. 235–237.
- ²²⁴ *Греков Б.Д.* Киевская Русь и проблема... С. 90; *его же.* Борьба... С. 31, 53, 55, 57; *его же.* Киевская Русь (1953). С. 281–282; *его же.* Киевская Русь (1959). С. 27; *Мавродин В.В.* Образование... (1945). С. 66–67, 222; *Черепнин Л.В.* «Повесть... С. 332–333; *его же.* Русская... С. 29, 31–34, 50; *его же.* Спорные... С. 55–56, 59–65; *его же.* К вопросу... С. 56, 58–61; *его же.* К спорам... С. 237.
- ²²⁵ *Рыбаков Б.А.* Остромирова... С. 46–59; *его же.* Предпосылки... С. 772, 781–782, 789–790; *его же.* Древняя... С. 159–161, 170–172, 187–190, 196–200, 221–228, 285; *его же.* Русские... С. 72; *его же.* Киевская Русь... С. 114–118, 120–139.
- ²²⁶ *Клосс Б.М.* Никоновский... С. 16, 186–187; *Лурье Я.С.* Россия... С. 68, 87–92, 98–99; *Цукерман К.* Два... С. 72; *его же.* Перестройка... С. 350; *Франклин С.* Письменность... С. 219; *Пчелов Е.В.* Рюрик. С. 48, 51; *Петрухин В.Я.* Русь... С. 402.
- ²²⁷ *Толочко П.П.* Русские... С. 10–30.
- ²²⁸ Цит. по: *Введенский Р.М.* Указ. соч. С. 295.

- ²²⁹ Кузьмин А.Г. К вопросу... С. 42–53; *его же*. Индикты... С. 305–313; *его же*. Хронология... С. 40–53; *его же*. Русские... С. 23–26, 43–46, 52–59, 67, 94, 96, 102–104, 108–111, 148, 151, 156, 162; *его же*. Две... С. 80–105; *его же*. Слово... С. 53–60, 65–66; *его же*. Летописные... С. 73–92; *его же*. [Рец.] Ф. Селецкий. С. 179–180; *его же*. Древнерусские... С. 55–57, 63–67, 72–76; *его же*. Начальные... (1971). С. 3–35; *его же*. Спорные... С. 32–53; *его же*. К спорам... С. 219–231; *его же*. Сказание... С. 40–44; *его же*. Начало новгородского... С. 59–77; *его же*. Начальные... (1977). С. 3–4, 25–54, 63–110, 112–113, 126, 132–382, 383–389; *его же*. Падение... С. 20, 23, 39, 42–66, 119, 140–141; *его же*. Русь... С. 92–94; *его же*. Введение. С. 4–38; *его же*. Руги... С. 131–134, 140–144; *его же*. Источниковедение... С. 105–108, 123–198; *его же*. История... Кн. 1. С. 88, 92–95, 115, 300–301; *его же*. Начало... С. 187–203, 342–346; *его же*. Начальные... (2003). С. 26–50; Откуда есть... Кн. 1. С. 5–6, 16–17, 546, 649–652; кн. 2. С. 16–17, 20–21, 26–28, 478–479, 581–583; славяне и Русь. С. 287, 434, 450–451; Хрестоматия... С. 180–191. См. также: Фомин В.В. Начало русского... С. 83–96; Артамонов Ю.А. Указ. соч. С. 211, 241, 258–259, 265.
- ²³⁰ Лурье Я.С. О возможности... С. 14–25; *его же*. Предисловие. С. 19, 27; *его же*. Россия... С. 56–59, 98; Творогов О.В. Существовала... С. 203–209; *его же*. Начальный... С. 535; *его же*. Повесть временных... С. 622–623; Гиппиус А.А. К истории... С. 3–72; *его же*. К проблеме... № 5. С. 20–44; № 2. 2008. С. 3–24.
- ²³¹ Сендерович С.Я. Указ. соч. С. 461–462, 464, 495.
- ²³² Там же. С. 474.
- ²³³ Цукерман К. Русь... С. 68–80; *его же*. Два... С. 55, 67, 70–73; *его же*. Перестройка... С. 344–351; *его же*. О введении... С. 69–70; Горский А.А. Первое... С. 17–18, 69.
- ²³⁴ ДРЗИ. Т. III. С. 92; Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 83–181.
- ²³⁵ Лавровский П.А. О языке... С. 149–156; Тихомиров И.А. О Тимофее... С. 30; Новгородская летопись по Синодальному... С. VI.
- ²³⁶ Ляпунов Б.М. Указ. соч. С. 16–17; Шахматов А.А. Киевский... С. 122.
- ²³⁷ Подвигина Н.Л. Указ. соч. С. 75; Клосс Б.М., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 81; Клосс Б.М. Летопись... С. 246; *его же*. Предисловие к изданию 2000 г. С. VIII, прим. 5.
- ²³⁸ Гиппиус А.А. К истории... С. 8–9; *его же*. 6700... С. 104; *его же*. Новгородская... С. 554–555; Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 18–47; Гимон Т.В. Приписки... С. 54.
- ²³⁹ Шахматов А.А. Киевский... С. 124, 139; Кузьмин А.Г. Начальные... (1977). С. 90.
- ²⁴⁰ ПСРЛ. Т. III. С. VI; Погодин М.П. Новгородские... С. 219–220, 226.
- ²⁴¹ Срезневский И.И. Исследования... С. 20; Яниш Н.Н. Указ. соч. С. 22, 24.
- ²⁴² Шахматов А.А. Сказание... С. 11–28; *его же*. Разыскания... С. 189–191, 196, 205–211, 222, 379–380, 387; *его же*. Повесть... С. XLIII; *его же*. Обзорение... С. 129–131, 363, 365; *его же*. Киевский... С. 123–125, 127–129, 150 и др.; Присёлков М.Д. Лаврентьевская... С. 81.
- ²⁴³ Лихачёв Д.С. Русские... С. 441–442; *его же*. Софийский... С. 257–262; Алешковский М.Х. Повесть... С. 76–79, 83; Клосс Б.М. Летопись... С. 247; Гиппиус А.А. К истории... С. 3–72; *его же*. Новгородская... С. 554–555; Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 19, 30–31, 41–47; Гимон Т.В. Приписки... С. 54; Творогов О.В. Герман... С. 180.
- ²⁴⁴ Кузьмин А.Г. Русские... С. 52–53, 67, 94–96 и др.; *его же*. Начало новгородского... С. 59–77; *его же*. Начальные... (1977). С. 85–110; *его же*. Введение. С. 13–17; Откуда есть... Кн. 2. С. 479.
- ²⁴⁵ Шахматов А.А. Киевский... С. 145–147; Присёлков М.Д. История русского... С. 204–212; Гимон Т.В. Новгородско... С. 557.
- ²⁴⁶ Кузьмин А.Г. Русские... С. 53; *его же*. Начало новгородского... С. 62–77; *его же*. Начальные... (1977). С. 89, 112–113, 251–254, 362–382; *его же*. Введение. С. 16–17.
- ²⁴⁷ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. II. С. 187–188.
- ²⁴⁸ Там же. Ч. I. С. 305–306, 308, 337, 343; ч. III. С. 475; Полевой Н.А. История... Т. 1. С. 65–66, 82–84, 188, 197, прим. 58 на с. 468, прим. 40 на с. 529; Голубинский Е.Е. Указ. соч. (1880). С. 53–54.

- ²⁴⁹ Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 59; Максимович М.А. Откуда... С. 64; Замечания А. Куника (2015). С. 219–224; Дополнения А.А. Куника. С. 392–400; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 190; ч. 2. С. 86; Костомаров Н.И. Предания... № 1. С. 6, 13–20, 28, 30 и др.
- ²⁵⁰ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. XXVII–XXVIII, 279, 316–318, 326–330, 342, 344; Строев С.М. Указ. соч. № 6. С. 440, прим. *; Примечания Ф. Морошкина. С. 335.
- ²⁵¹ Гedeонов С.А. Указ. соч. С. 108, 123, 306, 315–326; Куник А.А. Предисловие... С. 136; *его же*. Известия... С. 038; Замечания А. Куника (2015). С. 216–219; Ключевский В.О. Значение... С. 120–121; *его же*. Русская... Т. I. С. 159–160.
- ²⁵² Соловьёв С.М. История... Кн. 1. Прим. 150 к т. 1; Погодин М.П. Г. Гedeонов... С. 178–179, 186–187, 192–197; *его же*. Новое... С. 105, 109; Ламбин Н.П. Источник... № 6. С. 235.
- ²⁵³ Карамзин Н.М. История... Т. I. Прим. 277; Полевой Н.А. История... Т. 1. С. 83, прим. 38 на с. 462, прим. 1 на с. 516; Гedeонов С.А. Указ. соч. С. 387, прим. 1; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 2. С. 87–88; Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 150.
- ²⁵⁴ Погодин М.П. О жилищах... С. 25–28.
- ²⁵⁵ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 316; Максимович М. Откуда... С. 20–22; Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 108.
- ²⁵⁶ НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. V. С. 88.
- ²⁵⁷ [Манкиев А.И.]. Указ. соч. С. 24–25; Татищев В.Н. История... Т. III. С. 33, 204, прим. 47; *его же*. Избранные... С. 206, 230; Миллер Г.Ф. Краткое... С. 13; *его же*. О народах... С. 92, 103; Müller G.F. Kurzgefasste... S. 392; Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 131; Штрубе Ф.Г. Рассуждения... С. 60, 69; Перев В.П. Указ. соч. С. 42–43; Соловьёв С.М. История... Кн. 1. С. 91, 98, 135–136; Беляев И.Д. Рассказы... С. 220; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 2. С. 85.
- ²⁵⁸ Калайдович К.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 114–129; Карамзин Н.М. История... Т. I. Прим. 278.
- ²⁵⁹ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 315; ч. II. С. 151–157; Полевой Н.А. История... Т. 1. С. 394; Шафарик П.И. Указ. соч. Т. II. Кн. I. С. 106; Костомаров Н.И. Лекции... С. 28–30, 34; *его же*. Предания... № 1. С. 6, 28–29.
- ²⁶⁰ Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 59; Соловьёв С.М. История... Кн. 1. Прим. 150 к т. 1; Замечания А. Куника // Погодин М.П. Г. Гedeонов... С. 219–220, 224–229; Ключевский В.О. Русская... Т. I. С. 109–110.
- ²⁶¹ Соловьёв С.М. История... Кн. 1. Прим. 150 к т. 1; Ламбин Н.П. Источник... № 6. С. 235–259; ч. 7. С. 54–61, 65, 89–91, 97–114 и др.; Куник А.А. Известия... С. 08, 011, 059; Успенский Ф.И. Русь... С. 3; Завитневич В.З. Указ. соч. С. 557.
- ²⁶² Декабрист М.С. Лунин. С. 78.
- ²⁶³ Перемышлевский М. Указ. соч. С. 436; Бодянский О.М. Указ. соч. С. 73, 81–82, 117–119, 173–174.
- ²⁶⁴ См. об этом: Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского... С. 18–44.
- ²⁶⁵ ПСРЛ. Т. V. С. 128–129; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе... Приложения. С. 43–44.
- ²⁶⁶ ПСРЛ. Т. I (1846). С. 251; Потёбня А.А. Указ. соч. С. 90; Пиотровская Е.К. Указ. соч. С. 452.
- ²⁶⁷ Иловайский Д.И. Разыскания... С. 208; *его же*. Ещё... С. 646–648; *его же*. Вопрос... С. 9–10; *его же*. Основные... С. 87; Славяне и Русь. С. 272.
- ²⁶⁸ Костомаров Н.И. Предания... № 1. С. 30, 33–34; № 2. С. 571–578; *его же*. Ответ... С. 466.
- ²⁶⁹ Грушевский М.С. Очерк... С. 290; Завитневич В.З. Указ. соч. С. 554–560, 568–569, 576, 592; Тебенёв М.М. Указ. соч. С. 106–113; Багалей Д.И. Указ. соч. С. 157–158, 161–178.
- ²⁷⁰ Шахматов А.А. Сказание... С. 1–3, 6–10, 27–54, 65–82; *его же*. Разыскания... С. 3, 228, 290–299, 302–321, 336–340, 396, 444, 460, 507, 541, 624; *его же*. Введение... С. 61; *его же*. Повесть... С. VI–VII, XXXIX; *его же*. Древнейшие... С. 50, 61; *его же*. Повесть... С. 30–31, 57; *его же*. Киевский... С. 122, 152. См. также: Стефанович П.С. Сказание... С. 518–525, 573.
- ²⁷¹ Рашковский Б.Е. Указ. соч. С. 3.
- ²⁷² Барац Г.М. Критико... С. XII; *его же*. Происхождение... С. 4, 8–16, 21, 40; *его же*. Собрание... С. 87–88, 108.
- ²⁷³ Мецкерский Н.А. Отрывок... С. 58–68; *его же*. К вопросу... С. 57–65; Кузьмин А.Г. Статья... С. 86–87.

- ²⁷⁴ Тиандер К.Ф. Датско... С. 176–178, 184–185; Пресняков А.Е. Лекции... С. 280–294; Падалко Л.В. Указ. соч. (1914). С. 375–376.
- ²⁷⁵ Петровский Н.М. Указ. соч. С. 362–363; Присёлков М.Д. Нестор... С. 105, 109–110; *его же*. Лаврентьевская... С. 109–119; *его же*. История русского... С. 62, 71–72, 76–78, 84, 127; *его же*. Киевское... С. 234–235; Пархоменко В.А. Христианство... № 9. С. 357–358; *его же*. У истоков... С. 5–7, 12, 54–56; *его же*. К вопросу... С. 106–111; Троцкий И.М. Указ. соч. С. 275–277.
- ²⁷⁶ Рыдзевская Е.А. К варяжскому... № 8. С. 620, прим. 1; *её же*. Древняя... С. 132, 142, 165–168; Бахрушин С.В. Держава... С. 91–92; История СССР. Т. I. С. 90–91; Артамонов М.И. Спорные... С. 13.
- ²⁷⁷ Браун Ф.А. Варяги... С. 308–309; Мошин В.А. Варяго... С. 62; Шмурло Е.Ф. Курс... С. 73.
- ²⁷⁸ Никольский Н.К. Указ. соч. С. 9, 25–30, 31–44, 50, 59–67, 102; Ильинский Г.А. [Рец.] Никольский Н. С. 432.
- ²⁷⁹ Ключевский В.О. Значение... С. 121.
- ²⁸⁰ Фроянов И.Я. Исторические... С. 5; *его же*. Мятёжный... С. 81–82.
- ²⁸¹ Греков Б.Д. Феодальные... С. 9–10, 171; *его же*. Киевская Русь (1939). С. 12–16, 228–229; *его же*. Борьба... С. 48–50; *его же*. Образование русского... С. 129, 132–134, 137; *его же*. Первый... С. 514–516; *его же*. О роли... С. 555–556; *его же*. Киевская Русь (1953). С. 15, 18–19, 22, 298, 319, 420, 446, 450–453; *его же*. Культура... С. 225–226; *его же*. Образование Древнерусского... С. 71–73, 75–78.
- ²⁸² Лихачёв Д.С. Русские... С. 92–93, 157–158; *его же*. Литература. С. 184, 189; *его же*. Повесть... С. 103–107, 121–125; ПВЛ. Ч. 2. С. 90, 94–95, 112–115, 212, 234–238, 244–246.
- ²⁸³ Соловьёв С.М. История... Кн. 1. Прим. 141 к т. 1; Тихомиров М.Н. Происхождение... С. 30–39, 45; *его же*. Начало... С. 49–51, 58–60, 64–65; *его же*. Развитие... в Киевской Руси... С. 50, 53; *его же*. Источниковедение... (1962). С. 44.
- ²⁸⁴ Черепнин Л.В. Русские... С. 247–249; Юшков С.В. Общественно... С. 29–31, 34, 45, 66–67, 83.
- ²⁸⁵ Мавродин В.В. Образование... (1945). С. 208–213, 221–222, 383–386, 389.
- ²⁸⁶ Покровский С.А. Указ. соч. С. 108–109; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 54–55.
- ²⁸⁷ Мавродин В.В. Борьба... С. 24–26, 28–29; *его же*. Очерк... С. 11–12.; *его же*. Происхождение названий... С. 7–10; *его же*. Образование... (1971). С. 124–128, 172–174; *его же*. Происхождение русского... С. 151–155.
- ²⁸⁸ ЛЛ. С. 3–4; Рыбаков Б.А. Остромирова... С. 46, 52, 57; *его же*. Предпосылки... С. 771–775, 780–784, 789–790; *его же*. Спорные... С. 19–23; *его же*. Древняя... С. 83, 193, 198–199, 205–206, 218, 221, 247, 289–297; *его же*. Киевская Русь. С. 482, 559, 567–569; *его же*. Киевская Русь... С. 118–122, 136–139, 142, 297–304, 306, 310–314; *его же*. Мир... С. 49–55, 58, 62–66, 211–212.
- ²⁸⁹ Насонов А.Н. Русская... С. 36–38; *его же*. Начальные... С. 450–452; *его же*. История... С. 67–68.
- ²⁹⁰ Алешковский М.Х. Повесть... С. 17, 23, 27–29, 32–52, 62–63, 72, 76–83, 94, 112, 122–123, 125.
- ²⁹¹ Кузьмин А.Г. К вопросу... С. 42–53; *его же*. Две... С. 80–105; *его же*. Русские... С. 64–68, 101–111, 156–158; *его же*. Слово... С. 53–59, 65–66; *его же*. Древнерусские... С. 65; Хрестоматия... С. 146.
- ²⁹² Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 243–244, 258–259; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 66, 85–86, 112; *его же*. Русь в IX... С. 67, 210–211, 220–221.
- ²⁹³ Ловмянский Х. Русь... С. 126–129, 133–135, 167–174, 181; *его же*. Рорик... С. 244–247.
- ²⁹⁴ Гуревич А.Я. Походы... С. 85; Сахаров А.М. Историография... С. 25.
- ²⁹⁵ Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 85–86; *его же*. Русско... С. 157.
- ²⁹⁶ Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. С. 86; Пашуто В.Т. Внешняя... С. 23; *его же*. Русско... С. 52–54.
- ²⁹⁷ Мачинский Д.А. Этносоциальные... С. 29; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 203; Носов Е.Н. Происхождение... С. 100–105; *его же*. Новгородское... С. 3–4, 184–192.
- ²⁹⁸ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля... С. 39–54; *его же*. Раннесредневековая Ладога. С. 23–24; *его же*. Ладога VIII–X вв... С. 36, 51; *его же*. Исторические... С. 81–82; Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 38.

- ²⁹⁹ Кирпичников А.Н. Сказание... С. 7–16; *его же*. Сказание... С. 33, 37–46, 50, 52. См. также: Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 84, 87; *их же*. Старая Ладога. С. 77–79.
- ³⁰⁰ Фомин В.В. Варяги и Старая... С. 204.
- ³⁰¹ Мельникова Е.А. Скандинавия... С. 45; *её же*. Рюрик... (2000). С. 148–159; *её же*. Устная... С. 160–161; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Ряд... С. 222–225, 228–229; *их же*. Легенда... С. 50–55; Петрухин В.Я. Начало... С. 125, 128; *его же*. Библия... С. 280–281.
- ³⁰² Флоря Б.Н., Турилов А.А. Указ. соч. С. 38, прим. 12.
- ³⁰³ Петрухин В.Я. Иосиппон... С. 55; *его же*. Славяне и русь... С. 44–51; *его же*. Начало... С. 25–36, 59–61, 73–74, 119–120; *его же*. Библия... С. 272–284; *его же*. Начало... С. 226; *его же*. Древняя Русь. С. 62–64, 76, 109–111, 122–123, 128–130; *его же*. Русь в IX... С. 64–66, 85–87, 153–154, 169, 183–184, 216–217; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 240–242, 248.
- ³⁰⁴ Горский А.А. Повесть... С. 20, прим. 24; *его же*. Первое... С. 86, прим. 333.
- ³⁰⁵ Свердлов М.Б. Дополнения. С. 596; *его же*. Становление... С. 116; *его же*. Ладога... С. 176; Данилевский И.Н. Древняя... С. 42–43, 44, 78; *его же*. Образование... (9, 14–15, 21).
- ³⁰⁶ Фроянов И.Я. Исторические... С. 6–13; *его же*. Мятежный... С. 84–105.
- ³⁰⁷ Зиборов В.К. Романовы... С. 49–53; *его же*. Русское... С. 51–52; Носов Е.Н. У истоков Новгорода. С. 279.
- ³⁰⁸ Мельникова Е.А. Устная... С. 160–161; *её же*. Рюрик... (2000). С. 145–147, 150–159; *её же*. Предания... С. 19; *её же*. Сказания... С. 118–131; *её же*. Рюрик... (2008). С. 47–75; *её же*. Норманны... С. 32; *её же*. Эпоха... С. 437.
- ³⁰⁹ Петрухин В.Я. Рюрик... С. 342; *его же*. Древняя Русь. С. 109, 112, 120–121, 250; *его же*. Мифы... С. 38, 400–401; *его же*. Русь христианская... С. 101–118, 139; *его же*. Русь в IX... С. 135–136, 153–155, 162–164, 270–272, 321.
- ³¹⁰ Цукерман К. Два... С. 70–72; *его же*. Перестройка... С. 347, 350–351; Горский А.А. Русь. С. 39–44; *его же*. Первое... С. 54–59, 82, 86, прим. 333; *его же*. Приглашение... С. 13; Коваленко Г.М. Русские... С. 11, 13.
- ³¹¹ Стефанович П.С. Сказание... С. 513–583; *его же*. Легенда... С. 329, 335.
- ³¹² О сложности вопросов, связанных с историей летописания, сложения ПВЛ и Сказания о призвании варяжских князей, см. также: Насонов А.Н. История...; Буганов В.И. Указ. соч.; Гиппиус А.А. К истории... С. 3–72; *его же*. Два... С. 56–96; *его же*. История...; *его же*. До и после... С. 37–62; *его же*. К реконструкции... С. 41–50; Творогов О.В. Существовала... С. 203–209; Михеев С.М. Кто...; Гимон Т.В. К проблеме... С. 748–800; Вовина-Лебедева В.Г. Угасший... С. 3–27.
- ³¹³ ДРЗИ. 1999. С. 411.
- ³¹⁴ Кузенков П.В. Из истории... С. 79; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 228.
- ³¹⁵ Никитин А.Л. Первый... (1991). С. 35, 38–39; *его же*. Первый... (1994). С. 376, 389–394; *его же*. Основание... С. 148–169.
- ³¹⁶ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская... С. 313–320.
- ³¹⁷ Петров А.В. К обсуждению... С. 174–177, 181–182; *его же*. Ярослав... С. 66–71; *его же*. Владимир... С. 16–27; Морозова Л.Е. Древнейшая... С. 3–4.
- ³¹⁸ См., напр.: Кузьмин А.Г. К вопросу... С. 43; *его же*. Две... С. 84; *его же*. Русские... С. 107–109; *его же*. Сказание... С. 40, 42–44; *его же*. Начальные... (1977). С. 282–284, 294–295, 297–328, 364–368; *его же*. Об истоках... С. 111; *его же*. Русь... С. 92–94; *его же*. Одоакр... С. 109, 112–115, 118–119; *его же*. Падение... С. 39, 119, 140–141; *его же*. Руги... С. 131–134, 140–144; *его же*. Введение. С. 13–15, 31, 35–36; *его же*. Источниковедение... С. 105–108, 137–138; *его же*. История... Кн. 1. С. 88, 92–95; *его же*. Начало... С. 187–203, 344–346; *его же*. Начальные... (2003). С. 37–38; *его же*. Облик... С. 241–242; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 472; Откуда есть... Кн. 1. С. 5–6, 16–17, 546, 650–652, 698, коммент. к с. 655; кн. 2. С. 16–17, 20–21, 26–28, 581–583, коммент. к с. 485 на с. 676, коммент. к с. 540 на с. 681; Славяне и Русь. С. 272, 287, 434, 450–451; Хрестоматия... С. 139, 146.
- ³¹⁹ См., напр.: Фомин В.В. Русские... С. 111–114, 117, 123–148; *его же*. Скандинавомания... С. 248–249.
- ³²⁰ Геденов С.А. Указ. соч. С. 58; Кузьмин А.Г. Варяги... С. 33.

Глава 9

ПОЧЕМУ СКАНДИНАВЫ НЕ МОГЛИ БЫТЬ НИ ВАРЯГАМИ, НИ РУСЬЮ

9.1 Значение терминов «за море» и «немцы» русских источников

Норманисты, отводя ПВЛ роль лишь иллюстративного материала к своим умозрительным построениям, что, по их мнению, должно придать им вес в глазах читателя (создаётся полная иллюзия звучания подлинного голоса истории), выставляют её в качестве непреложного доказательства скандинавского этноса варягов. Как в 1826 г. М.П. Погодин выразил настрой подавляющего большинства учёных России, «решительно можно сказать, что всякий желающий отвергать скандинавское происхождение руссов, должен непременно прежде опровергнуть Нестора»¹. Но это всё лишь только слова. Вот почему А.А. Куник, поняв под влиянием С.А. Геденова их полнейшую несостоятельность, категорически требовал перевести варяжский вопрос в плоскость лингвистическую, признавая при этом, что антинорманисты «в полном праве требовать отчёта, почему в этнографическо-историческом введении к русской летописи заморские предки призванных руссов названы (в перечне «Афетова колена». — В.Ф.) отдельно от шведов. Немудрёным ответом, что это был бы только вопрос исторического любопытства, никто, конечно, не хочет довольствоваться»².

В Сказании о призвании варягов норманисты особенно заостряют внимание на местоположение их родины «за морем», т. е. якобы в Скандинавии, и помещают летописцем варягов и руси среди скандинавских народов, якобы означающее, что он и их считал таковыми. При этом они закрывают глаза на тот факт, что выражение «за море» летописцами никак не пояснено ни в самом Сказании, ни в других местах летописи, и что во всех случаях родина варягов помещается весьма неопределённо где-то «за морем» («за море» идут с Руси к варягам, «из заморья» идут на Русь от варягов), но при этом не уточняется, конкретно где (известия под 859, 862, 941, 977, 980, 1015, 1018, 1024 гг.)³. В 30-х гг. XI в. (в Лаврентьевской под 1036, в Ипатьевской под 1034 гг.) со страниц ПВЛ исчезают и сами варяги, и, разумеется, практика их размещения «за морем».

Так обстоит ситуация с «заморской родиной» варягов не только в нашем главном источнике по истории Руси, но и в других летописях, связанных и не связанных с традицией ПВЛ. И все они, в чём-то или даже во многом отличаясь от неё материалом о варягах (датами, полнотой изложения, лишними известиями), также нигде не поясняют летописное «за море».

Видимо, первым в науке обратил внимание на летописное «за море», задумался над его значением, а затем поставил в связь с определённой территорией Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. В своей «диссертации» 1753 г. (опубликована в 1785 г.) он в качестве родины варягов назвал Рисаланд (Ризаланд), территорию, простирающуюся от Балтики до Белого моря, и большая часть которой, по его словам, лежала «на той стороне Финского залива и Ладожского озера» (поясняя, что «хотя слово *море* означает точно *море собственно так называемое*, но наши историки иногда называли сим именем *озёра* и большие *заливы*»). В ходе дискуссии 1749–1750 гг. Г.Ф. Миллер утверждал скандинавский характер руси на том основании, что она пришла «из-за Балтийского моря». В 1773 г. историк, касаясь событий 977 г., заставивших Владимира спешно покинуть Новгород, опять же указал, что тот ушёл «за море к варягам, то есть в Швецию» (но тогда он, к тому времени уже хорошо проработав источники и прежде всего летописи, пояснил, что «нет надобности считать жительство сие от Новгорода по ту сторону моря, то есть искать онаго в Швеции или Дании; ибо для совершенного о том понятия довольно и того, что варяги из отдалённой страны от какого-нибудь берега» Балтийского моря, «яко сущие мореходцы, прибыли водою в страну Новгородскую»)⁴. В 1788–1795 гг. И.Н. Болтин убеждал (вслед за В.Н. Татищевым выводя варягов из Финляндии), что термин «из заморья» означает «с другой стороны Ладожского озера», откуда Рюрик с братьями был призван, ибо это озеро в летописях именуют морем. На такой же трактовке «за море» в те же годы настаивал И.П. Елагин⁵.

Значение летописного «за море» в норманистском смысле особенно усилил А.Л. Шлёцер, преподнеся его в «Несторе» в качестве несомненного указания именно на Скандинавский полуостров (на Рослаген конкретно) как родину варягов: «Они пришли *из заморья*, так говорится во всех списках; следовательно, из противоположащей Скандинавии» (и потому категорически отвергал мнение, что «за морем» следует понимать Ладожское озеро). Вместе с тем учёный признал шаткость своего «довода»: «Но ето не составляет достаточного доказательства противу тех, которые всё ещё выводят варягов из Пруссии или Финляндии, следовательно с берегов, лежащих *по эту сторону*» (и в качестве подтверждения он привёл слова англосаксонца Беды Достопочтенного, называющего пиктов и скотов, населявших ту же Англию, «заморскими людьми»). Однако его последователи (М.П. Погодин, Ф. Крузе, С.М. Соловьёв, Н.П. Ламбин и др.) не «заметили» такого пояснения и активно использовали выражения «за море» в качестве указания только на скандинавов и прежде всего на Швецию (Игорь после поражения в 941 г. «послал за море звать своих родичей норманнов в поход на Грецию», Владимир в 977 г. «бежал за море, к верному пристанищу у единокровных норманнов», где и набрал наёмников, с которыми вернулся на Русь, «Рогволод, норманский конунг, пришёл из-за моря Двиною в Полоцк, и там водворился», и т. п.).

В 1860 г. филолог Я.К. Грот специально доказывал, что «за море» может показывать только на живущих «по ту сторону моря», т. е. на противоположном берегу Балтийского моря, в Скандинавии, и ни на кого больше. В XX в. в летописном «за море» видели Швецию (Скандинавию), например А.А. Шахматов, М.Н. Покровский (Нестор «очень определённо указывает местожительство руси “за морем”, т. е. на ту сторону Балтийского моря»), В.А. Пархоменко, Р.Ю. Виппер, А. Стендер-Петерсен (Владимир в 977 г. «бежал от брата за море к свейскому королю»), М.В. Левченко, Б.А. Рыбаков, И.П. Шаскольский, Х. Ловмяньский⁶ (в 1924 г. А.И. Лященко в качестве места смерти Олега Вещего «за морем» называл Норвегию, а двумя годами позже, ведя речь о статье ПВЛ под 1015 г., согласно которой Ярослав Мудрый, «послав за море, приведе варягов», «за морем» уже поместил Швецию⁷).

Современные сторонники норманской версии (наши и зарубежные) также воспринимают термин «за море» в качестве прямого подтверждения летописцами выхода варягов и руси из пределов Швецию: Е.А. Мельникова («за море» — это убедительный этнический индикатор, потому как Рюрик пришёл «по приглашению послов, отправившихся “за море к варягам”», Владимир в 977 г. бежал «за море», «скорее всего, в Среднюю Швецию»), В.Я. Петрухин («за море» есть прежде всего Скандинавия, и А.А. Шахматов признавал «заморское»/скандинавское происхождение имени русь), А.С. Дёмин (слово-сочетание «варязи из заморья» можно рассматривать как кратчайшую этническую характеристику, данную летописцем скандинавам, ибо для него было важно отметить способ передвижения варягов — «морское плавание»), А.Н. Кирпичников, И.Н. Данилевский («за море» в ПВЛ «применялось только к Скандинавии»), К. Расмуссен (Владимир «бежал за море в Скандинавию», и летописи сообщают, что он в 980 г. «вернулся на Русь с викингским войском»), Г.С. Лебедев, Е.В. Пчелов, М.Б. Свердлов («за морем» в ПВЛ, вероятно, понимается Бирка), В.А. Кучкин («за море» означает, «что до варягов надо было плыть, а не ходить посуху»), белоруска М.Н. Самонова (приход Рогволода «из заморья» твёрдо указывает на его скандинавское происхождение, а Владимир бежит «за море», т. е. к своим скандинавским сородичам), П. Гонно и А.С. Лавров, А.С. Щавелёв (Якун после поражения в битве при Листвене в 1024 г. «бежал “за море”, т. е. в Скандинавию»)⁸.

Но в науке давно имеется и другая точка зрения на значение летописного «за море», ведущая своё начало от антинорманиста В.К. Тредиаковского, и в рамках которой рассуждали затем некоторые норманисты. В работе, завершённой в 1758 г. (вышла в 1773), он заметил, что «у нас быть за морем и ехать за море не значит проезжать чрез море, но плыть токмо по морю, куда б то ни было в отдалённую страну. Ехать за море у нас, есть и сухим путём ехать от моря в другое государство; так ездили мы за море во Францию, в Италию и в Немецкую землю». В ПВЛ не говорится, указывал Г. Эверс, что послы «ходили за Варяжское море, но только за море к варягам-руси», после чего заключил, в рамках своей концепции начала Руси: «морем» именуется Чёрное море (и привёл тому подтверждения из летописей, например, об отплытии византийской царицы Анны из Константинополя в Корсунь: «И отпустиша ю за море, целовав

род свой»). Резонно при этом заключив, что «должно узнать сперва родину сих руссов, чтоб после сказать, из-за какого моря пришли они».

Затем Н.М. Карамзин не исключал возможности прихода руси из Пруссии, ибо «Варяги-Русь... были *из-за моря*, а Пруссия с Новгородскою и Чудскою землею на одной стороне Балтийского: сие возражение не имеет никакой силы: что приходило морем, называлось всегда заморским» (его точку зрения в 1840 г. поддержал другой норманист — И.П. Боричевский). О совершенно неопределённом значении «за море» вели речь антинорманисты XIX в.: О.М. Бодянский (чужая и далёкая для русских «сторона», будь «она за морем или нет»), С. Руссов («за граница»), Ю. Венелин («куда бы то ни было»), Д.И. Иловайский (почти «наше сказочное: “из-за тридевять земель”»), М.М. Тебеньков (неопределённое выражение, означавшее «вообще поплыть по морскому пути, а не только переплыть море»), Г.А. Немиров («за Сине-море, куда-то далеко»), Н.П. Загоскин. В 1834 г. и ультранорманист О.И. Сенковский говорил, что «за море» нельзя понимать в буквальном смысле, это всего лишь «метафора, риторический приём». В 1913 г. Г.М. Барац подчёркивал, что «идти *за-море* значит: отправиться за границу, в чужие края». В 1923 г. норманист Б.М. Соколов отметил неопределённость «за море», а в 1931 г. его единомышленник В.А. Мошин повторил мнение Иловайского о «за море» как о сказочном «из-за тридевяти земель»⁹.

В 1951 г. А.Н. Насонов, рассуждая о Рогволоде Полоцком, по летописи, пришедшим «из заморья», и сопоставив это выражение с равным ему по значению «из-за рубежа», заметил, что он мог «выйти от балтийских славян». В 1955 г. Н.Н. Ильина подчеркнула, что место, откуда призваны князья, остаётся неопределённым, потому как выражения «из-за моря» или «за море» могут относиться к разным странам (после чего привела примеры из новгородской летописи, когда это выражение указывает и на Скандинавию, и на о. Готланд, и на земли финнов, и на Германию). В 1958–1978 гг. В.В. Мавродин поставил «за море», как и когда-то Иловайский, в один смысловой ряд с «за тридевяти земель». В 1998 г. А.Г. Кузьмин сказал, что «за морем» могла быть любая территория на побережье Балтийского моря. Два года позже Ю.Д. Акашев оспорил видение норманистами летописного «за море» в качестве ориентира на Швецию, полагая, что в этом случае речь идёт о южном берегу Балтики¹⁰.

Очевидное значение этого термина — абсолютное отсутствие географической определённости — несомненно, в связи с чем Е.И. Классен поставил в 1854 г. совершенно правомерный вопрос: «...За морем от Новгорода жили не одни шведы, а многие народы; почему же скандинавоманы берут это обстоятельство в число доводов своих?»¹¹. Всё, разумеется, проверяется источниками. И анализ большого числа летописей (Лаврентьевская, НПЛ обоих изводов, Софийская первая и вторая, Воскресенская, Никоновская, Вологодско-Пермская, Новгородская вторая, Псковская первая и третья летописи, Мазуринский летописец, Рогожский летописец, Летописное сказание Петра Золотарёва, «Летопись Двинская», Новгородская Погодинская и Забелинская), актового материала XII–XVIII вв. и дипломатических сообщений, записок русских путешественников и послов XVI–XVII вв., разного рода повестей показывает, что термин «за море» использовался, если при нём было какое-то уточнение применительно

к Византии, землям финнов, Восточной Прибалтике, Швеции, Готланду, Дании, Пруссии, Норвегии, к многочисленным центрам Ганзейского союза, Апеннинскому полуострову, Англии, Голландии, Испании, Франции, Польше, к Западной Европе в целом, к Турции, Персии, Северному Причерноморью.

И этим термином, восходящим к устному народному творчеству («за горами, за долами, за синими морями»), русские люди на протяжении столетий определяли нахождение земель, стран, народов, городов «вне пределов собственно русских земель вообще, независимо от того, располагались ли они действительно за морем или нет», в целом всё, что с ними было связано (активно использовала «за море» Канцелярия Петербургской Академии наук. Например, в 1737 г. «за моря в Марбух писать на немецком языке к ученикам Михайле Ломоносову, Дмитрею Виноградову и к Рейзеру». Сам Ломоносов в официальных и личных бумагах за 1750-е — 1760-е гг. довольно часто так обозначал либо «заграницу» вообще, либо конкретно Германию, параллельно с тем в том же смысле используя словосочетания «разные земли» и «чужие края»¹²). Таким образом, «за море» абсолютно тождественен понятиям «за рубеж», «заграница» (и «за бугром», конечно). В связи с чем «за море», где, по ПВЛ, жили варяги, в чистом своём виде, без сопроводительных пояснений (этнических, географических и ещё каких-то) не может быть аргументом при любой версии их этноса, на чём заострял внимание пишущий настоящие строки в 1995–2005 гг.¹³, но эти выводы игнорируют представители «академической науки» — норманисты. В контексте же самого Сказания о призвании варягов и последующих известий о варягах, приходивших на Русь «из заморья», оно указывает на балтийское Поморье в целом, протяжённость береговой линии которого составляет около 8 тысяч километров.

Летописный и внелетописный материал также не позволяет согласиться и с мнением, что в летописях варяги и русь постоянно упоминаются в значении норманны. В качестве доказательства этой посылки обычно ссылаются на сообщение Сказания о призвании варягов под 862 г., где русь поставлена в один ряд со скандинавскими народами: послы «идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте, тако и си». Однако подобное умозаключение более чем сомнительно. В недатированной части летописи дан перечень «Афетова колена»: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии» (М.П. Погодин в 1864 г. утверждал, цитируя приведённые выдержки и пытаясь оспорить мнение С.А. Геденова об отсутствии в ней указания на норманство руси: «Вот два капитальных места, на коих зиждется мнение о норманском происхождении Руси»). Однако в этом перечне по соседству с германцами находятся другие народы, но они не принадлежат ни к германцам вообще, ни к скандинавам в частности. Это, во-первых. Во-вторых, в ПВЛ читается перечень «Афетовой части», в которой «сеять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь»¹⁴. В данном случае русь помещена в окружении угро-финских и балтийских племён, но это не означает, что она им этнически близка.

В-третьих, то, что предлагаемое норманистами прочтение Сказания явно тенденциозно, демонстрируют памятники, как отдалённые, так и близкие по времени к моменту окончательного сложения ПВЛ (второе десятилетие XII в.). Например, в папской булле 834 г., отмечает А.Ф. Гильфердинг, «архиепископу Гамбургскому давалось полномочие для обращения “датчан, шведов, норвежцев, фарейцев, гренландцев, исландцев, финнов и славян”». Папа Николай назначил Ансария и его преемников, сообщает Адам Бременский, «легатами и викариями апостольского престола во всех племенах шведов, данов и славян. То же самое ещё прежде было пожаловано папой Григорием» (эту информацию воспроизвёл в середине XII в. Саксон Анналист). Благодаря рвению Ансария (832–865), в целом пастырей гамбургской церкви, подчёркивает Гельмольд, «было посеяно слово Божье среди всех славян, данов и нортманнов». Первый из названных хронистов указывает, что мученичество Олава Святого «отмечается всеми народами северного океана, а именно: норманнами, шведами, готами, [сембами], данами и славянами, 29 июля». Но из приведённой информации не вытекает, что южнобалтийские славяне являлись скандинавами.

Гельмольд также сообщает, что саксонский герцог Генрих Лев в начале 1160-х гг. отправил «послов в города и северные государства — Данию (Dania), Швецию (Suedia), Норвегию (Norwegia) и Русь (Rucia), — предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку»¹⁵ (славянская Любича, разрушенная около 1138 г., была вновь основана герцогом в 1143 г., неподалёку от старой, т. н. второе основание Любека на месте древнего славянского поселения Буковца в удобной бухте. В результате чего немцы получили первый торговый порт на Балтийском море, доступный для самых больших торговых морских судов того времени¹⁶). Грамота герцога 1163 г. не сохранилась, но её нормы повторил в 1188 г. император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса: «*ruteni, gothi, normanni et ceteri gentes orientales, absque theloneo et, absque hansa, ad civitatem sepius dictam veniant et recedant*», т. е. русские, готландцы, норманны и «другие восточные народы» получали право свободно приходить и покидать город без налога и пошлины¹⁷ (в «*ruteni*» учёные видят новгородцев¹⁸). «Любекский таможенный устав» подтвердил в 1226 г. установление императора: «В Любеке не платит пошлины никто из граждан Шверина, а также никто из русских, норвежцев, шведов... ни готландец, ни ливонец, равно как и никто из восточных народов»¹⁹. Грамота Кёльнского архиепископа Райнальда г. Медебаху (Вестфалия) 1165 г. свидетельствует о торговле его граждан «к обоюдной выгоде в Дании (Dania), или на Руси (Rucia), или в другой стране» (А. Сандерс в 1942 г. заметил, что этот документ свидетельствует в пользу существования русско-вестфальской торговли до его составления)²⁰.

Из процитированных документов, где Русь и русские стоят в одном ряду со скандинавскими странами (и даже названа «северным государством») и скандинавами также, разумеется, не следует, что русских середины, конца XII в. и первой трети следующего столетия надо причислить к скандинавам, или, наоборот, русскими надо считать датчан, шведов, готландцев и норвежцев. В данном случае, конечно, абсолютно прав А.Г. Кузьмин, отметивший, сопоставляя варяжскую легенду и грамоту Барбароссы, что «несущественно, кого конкрет-

но называют источники “Рутенами”. Важно, что этноним снова идёт в ряду северных народов и отличается от готов и норманнов»²¹ (весьма распространённым, вплоть до позднего Средневековья, обозначением «руси, русских был кельтский этноним *рутены*»²²).

Бросается в глаза ещё одна особенность данных памятников: грамота императора относит западноевропейцев (готландцев и норманнов) и восточно-европейцев (русских) к «восточным народам». Таким же общим содержанием наполнено и выражение летописи «варяги» («идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анғыляне, друзии гъте, тако и си»), только оно приложено к западноевропейским народам, также генетически не связанным между собой. Крупнейшие специалисты в области летописания — А.А. Шахматов, Б.А. Рыбаков, А.Г. Кузьмин — указывают, что скандинавы названы варягами лишь в этом разъяснении Сказания, не являющимся его органической частью, и видят в нём пояснение летописца второго десятилетия XII в.²³ А это время, когда под «варягами» на Руси уже довольно давно понимали значительную часть западноевропейского мира. В связи с чем летописец (на что указывал ещё М.В. Ломоносов) специально выделяет русь из числа других варяжских, как бы сейчас сказали западноевропейских народов, называет её в качестве особого, самостоятельного племени, вроде шведов, норвежцев, готов, англан-датчан, тем самым не смешивая её с ними: «пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались варяги — русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы, эти же — так»²⁴. Нечто подобное можно привести из памятника более позднего времени. Густинская летопись (1670) объясняет, почему шведов на Руси именовали варягами: «Их же бо оные тогда варягами нарицах. Си мы всех обще немцами нарицаем. Си есть шведов, ангелчиков, гишпанов, французов и влохов и прусов, и проч.»²⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что летописец конца XVII в. раскрывал общее значение слов «варяги» и «немцы» точно так же, как составитель ПВЛ разъяснял широкий смысл термина «варяги».

В 1849 г. И.И. Срезневский справедливо сказал, что «каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа тем более важный, чем важнее понятие, им выраженное». В 1911 г. Л.В. Падалко, как бы продолжая мысль своего именитого предшественника, добавил, что «имя, как звуковая форма явления, неразрывно связано с самой сущностью этого последнего. А посему выяснение имени непосредственно приводит и к тому понятию, какое объясняется именем»²⁶. Эти мнения всецело приложимы к терминам «варяги» и «немцы», в которые на Руси и в России в разные исторические эпохи вкладывался разный смысл, что, к сожалению, практически не учитывается норманистами, вследствие чего при прочтении источников ими допускаются модификации и тенденциозность. Их правильному пониманию мешают вместе с тем и ложные представления, являющиеся питательной средой для новых заблуждений. Отсюда названные термины не только ошибочно связывают исключительно со скандинавами (германцами), но и не замечают явной эволюции слова «варяги» от частного к общему, его превращения в аналог современному понятию «западноевропейцы».

Разговор надлежит начать с термина «немцы», в определённое время приравненного на Руси по своему значению к слову «варяги», и этот факт позволяет уже во многом оценить смысл последнего. Норманисты (А.Л. Шлёцер, М.П. Погодин и др.), понимая выражение «немцы» в конкретном этническом значении (германцы), особое значение при этом придавали материалу позднейших летописей (Софийской первой, Псковской первой и третьей, Новгородской четвёртой и пятой, Никоновской, Холмогорской, Тверскому сборнику и др.), в которых, начиная со второй половины XV в., варяжские князья — Рюрик с братьями — выводятся «от немец» или «из немец»: «избрашася от немецъ 3 брата с роды своими, и пояша с собою дружину многу», «приведоша новгородстии людие князя от немецъ, именем Рюрика», «пръвый князь на Руской земле Рурикъ, пришед из немецъ» и т.д.²⁷ (ни в ПВЛ, ни в НПЛ младшего извода в рассказе о призвании варягов о «немцах» нет ни слова²⁸).

Мнение Шлёцера и Погодина в отношении значения термина «немцы» априорно, расходящееся с показаниями большого числа разновременных и разнохарактерных источников и игнорирующее то обстоятельство, на которое обращалось внимание в науке, что имя это «только потом получило теперешнее своё звучание»²⁹. Выше отмечалось, что Г. Эверс первым выступил против норманистского взгляда на слово «немцы», указав, что его русские прилагали ко всем, кто говорил «на непонятном для словен языке». Точно так рассуждал и Н.М. Карамзин. Эту мысль затем активно развивали антинорманисты: согласно Ф.Л. Морошкину, М.А. Максимовичу, Н.В. Савельеву-Ростиславичу, «немцы» следует рассматривать не только как имя частное, но и как имя нарицательное: многие, если не все и даже не только западноевропейские народы («но и всё чужое, иноязычное»). М.О. Коялович считал, что так называли «чужих людей», Г.А. Немиров — всех чужеземцев, «не умевших говорить по-русски», Н.П. Загоскин — западных чужеземцев вообще. В 1926 г. норманист А.И. Лященко констатировал, что в Московской Руси всех иноземцев-западноевропейцев именовали «немцами»³⁰.

Антинорманист Ф. Святной, впервые специально проведя в начале 1840-х гг. анализ значения выражения «из немец», верно заметил, что его интерпретируют «в духе новейшего русского языка» и что именно со Шлёцера повелось выставлять его «в неопровержимое доказательство» неславянства варягов и руси. Учёный, отметив отсутствие в нём этнического содержания, истолковал его в качестве ориентира, указывающего на территорию, заселённую ныне германцами (и в его понимании, на Южную Балтику, где на о. Рюгене фиксируется русь). А также пояснил, что называть какой-нибудь народ по имени другого «в географическом, религиозном или ином отношении было весьма обыкновенным делом»: назывались же русскими поляки и прочие католики римлянами, латинами, русские у скандинавов и северо-западных немцев — греками, а греки сами себя величали ромеями, римлянами. В 1864 г. С.А. Геденов в дискуссии с М.П. Погодиным на конкретных примерах продемонстрировал, что выражения «от немец» и «от Немецкой земли» указывают на Пруссию³¹.

В советское время на отсутствие в термине «немцы» этнического содержания обращал внимание И.П. Шаскольский. Приведя известие НПЛ о походе новгородцев в 1311 г. «на Немецкую землю за море на емь», он указал, что

это выражение надо понимать не в этнографическом, а в политико-религиозном плане, как владение «свейских немцев»³². В 1991–1994 гг. датский славист Дж. Линд заключил, что к концу XII в. на Руси «этнические обозначения скандинавских соседей обрели религиозный и уничижительный оттенок в именовании “немцы”. ... Новгородцы воспринимали своих западных соседей уже не с точки зрения их этнической принадлежности, а как представителей латинской церкви». В 1994 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин пришли к выводу, но не идя далее того, что «в позднейших летописных сводах наименование *варяги* могло заменяться словом “немцы” как обозначение иностранца вообще». Через четыре года Петрухин в соавторстве с Д.С. Раевским вновь указал, что «варяги в русской средневековой традиции воспринимались как выходцы из Западной Европы вообще, приравнивались к немцам» (однако в 2013 г. археолог рассуждал, по сути, в стиле Шлёцера-Погодина: И. Гизель хотя и отстаивал балтийско-славянское происхождение варягов, но сохранил их атрибуцию, характерную для русской книжности XVI в.: «три князя происходят “от Немец”, но не славян»). А.С. Мыльников в 1999 г. также отмечал, что «из немец» необязательно означает этнических немцев³³.

Г.Ф. Ковалёв в целом подытоживал в 1999 г., что в русских источниках с древности и до XVIII в. этнические названия западноевропейцев как бы «перекрывались термином *немцы*, *немецкие люди*». Тогда же А.Л. Шилов акцентировал внимание на том, «что русские называли немцами всех западноевропейцев (финнов порой называли *каяньские немцы*)» и что позднее слово «немецкий» (как и «шведский») в устах исконных жителей Карелии стало означать «неправославный, лютеранский». Годом позже Ю.Д. Акашев подчёркивал, что «немцами» на Руси именовали «иностранцев, иноверцев»³⁴ (следует заметить, что позиция исследователей, разумеющих под немцами значительно более широкий круг народов, чем только западноевропейцы, не лишена некоторого основания. Так, в одном из списков проложного «Жития Александра Невского» середины XVI в. «агаряне», а так на Руси называли восточные народы, охарактеризованы как «немцы»³⁵).

Первым из учёных, кто обратил внимание на тесную смысловую связь терминов «варяги» и «немцы» и пытался её объяснить, был М.В. Ломоносов. В выражениях на «диссертацию» Г.Ф. Миллера он указывал, что варяги-русь, жившие на Немане, «назывались *немьцы* или *немцы*». В 30-х — 40-х гг. XIX в. Ф.Л. Морошкин заключил, что слово «варяг» употребляется в ПВЛ «в столь обширном значении, что под ним должно разуметь всех не руссов и не греков... это тем более достоверно, что варяги в наших летописях постепенно изменяются в немцев, которыми до Петра Великого назывались у нас все европейцы». При этом ещё поясняя, что летописцы, подражая во всём византийцам, заменили прежнее обширное имя «франк», которым в Византии именовали всех европейцев, новым, столь же обширным «немец», употребляемым там с середины XI века. Тогда же М.А. Максимович именно в равнозначности обоих терминов видел причину замены в письменной традиции «варягов» на «немцы»³⁶.

Под воздействием доводов антинорманистов С.М. Соловьёв резюмировал: «Позднейшие известия наших летописей, где под варягами разумеются скан-

динавы, немцы, также не противоречат мнению о скандинавском происхождении варягов, не противоречат мнению и о славянском: сперва под варягами могли разуместься все жители Балтийского побережья; потом, с принятия христианства, начало господствовать различие религиозное и варягами на севере начали называть тех, кого на юге разумели под латинами, т. е. всех не греческого закона, всех без различия происхождения; наконец, онемечение славян прибалтийских заставило считать немцами все народы Северо-Западной Европы, носившие прежде имя варягов». И.Е. Забелин объяснял, что «имя варягов в Новгороде сменяется именем немца» по причине овладения именно немцами всеми торговыми оборотами поморского славянства и создания на этой основе Ганзейского союза и истребления ими же настоящих варягов — поморских славян. При этом историк задал вопрос, ответ на который многое объясняет: «Отчего же имя варяг не сменилось именем швед? От того, конечно, что со Швецией с древнейшего времени никогда не было тесных торговых связей». По мысли А.Г. Кузьмина, под «немцами» «имеется в виду именно южный берег Балтики, на котором со второй половины XII в. утверждается власть немецких феодалов», с упрочением позиций которых и церкви на побережье исчезает и само название варяги, вытесненное более широким «немцы»³⁷.

Анализ обширного и разновременного материала показывает, что под «немцами» русские понимали и конкретный народ (собственно немцы), и какую-то совокупность западноевропейских (но не только германских) народов в целом, и при этом каждый из них в отдельности, и те территории Западной и Восточной Европы, которую населяли «немцы» издавна или захватили на памяти наших предков, и факт принадлежности к этому «немецкому» миру (людей, предметов и пр.). Был этот термин, как известно, наполнен ещё и религиозным звучанием: «немцами» у нас именовали католиков. Одновременно с тем последних называли «римляне» и «латины», что хорошо видно из статьи под 898 г. ПВЛ и статей под 986–988 гг. ПВЛ и НПЛ³⁸. Видно это и из послания, например, киевского митрополита Никифора Владимиру Мономаху о вере латинской: «Потомъ же прѣяша стараго Рима немьци и обладаша землею тою».

И в послании Ярославу Святополчичу о вере латинской он также объясняет: «Потом же покорении быша римляне, иже латина наричется, от уандил, иже нарицаются немцы, и устремилася на ины обычаи паче церковных, яже суть»³⁹ (принадлежностью к католическому миру с помощью названных термином определялись и конкретные народы: в первой редакции «Жития Александра Невского», созданной в 80-х гг. XIII в., в рассказе о битве на Неве шведский король представлен как «король части Римское», а его войско — «римляны». НПЛ младшего извода, излагая то же самое событие и используя те же обозначения, раскрывает состав войска «римлян»: «свея», «мурмане»-норвежцы и представители финских племён «суми» и «еми»⁴⁰. В Софийской первой летописи под 1271 и 1272 гг. «латиною» названы ливонские немцы, в Псковской первой летописи под 1548 г. — шведы. Последняя к Ливонии и Швеции применяет под 1519 и 1611 гг. обозначение «Латина». По наблюдению Д. Цветаева, во времена Ивана Грозного русские стали различать вероисповедальную «отдельность

между пришельцами», называя протестантов «лютерами», «немцами», католиков — «папешниками», «римлянами», «латинами»⁴¹).

Под 1075 г. ПВЛ говорит о приходе к великому русскому князю Святославу Ярославичу послов «из немец»⁴², от императора Священной Римской империи Генриха IV (Священная Римская империя представляла собой конгломерат большого числа государственных образований, в рамках которых проживали не только германцы). В Лаврентьевской летописи «немцы» — это ливонцы (1242), шведы (1302), в продолжении Суздальской летописи по Академическому списку конца XV в., дополняющей собою Лаврентьевскую, — ливонцы (1234), ливонцы и датчане (1268)⁴³. В Ипатьевской летописи под 1190 г. фраза «земли Немечкыя» приложима ко всей Священной Римской империи. Под тем же годом летописец отнёс к «немцам» руководителей Третьего крестового похода (Фридриха I Барбаросса, французского и английского королей Филиппа II Августа и Ричарда I Львиное Сердце) и их подданных. Под 1252 г. «немцами» названы войско императора Священной Римской империи Фридриха II, под 1252, 1276 и 1286 гг. — рыцари ливонской и прусской частей Немецкого ордена, а под 1254 и 1257 гг. «землей Немецкой» именуется австрийское герцогство. Под 1231 г. Ипатьевская летопись использует к Западной Европе в целом понятие «Немечкые страны»⁴⁴. Полемическая византийская литература XI в., летописи, памятники Куликовского цикла, хождения, повести XII–XVII вв. показывают, что применительно к «немецким» народам Запада (а не только к итальянцам, как обычно утверждается) прилагался ещё и термин «фряги»⁴⁵.

Эту информацию дополняют показания НПЛ старшего и младшего изводов, которая начинает, по причине всё более возрастающих контактов с ливонскими немцами (а они, по сути, закроют для русских территорию Западной Европы, в связи с чем в их глазах станут олицетворять собой и своим названием большую часть её жителей), активно использовать термин «немцы» со второго десятилетия XIII в., при этом почти его не поясняя. До этого времени он крайне мало употребляется летописцами (в статьях под 986–987 гг. о выборе Владимиром веры, в неопределённом значении под 1058 г., под 1188 г. одновременно с термином «варяги» приложен к готландцам⁴⁶). С 1217 и по 1445 г. летопись многократно называет «немцами» прибалтийских немцев⁴⁷, а территорию, захваченную ими, т. е. земли коренных прибалтийских народов, «Немецкой землей». Это понятие не сразу появляется в летописи. Так, если под 1214, 1223, 1237 и 1242 гг. она ведёт речь о «Чюдьской земле» (в последнем случае упомянуты и находящиеся там «немцы»), то под 1268 г. оба извода уже применяют к ней название «земля Немецкая»⁴⁸ (оно затем читается в статьях младшего извода под 1343, 1367, 1406, 1407 и 1444 гг.). Точно также этот извод именует бывшие владения пруссов, на которых обосновались немцы: под 1410 г. они одновременно фигурируют как «Пруская земля» и «Немечкая земля». Вместе с тем земли ливонских и прусских немцев младший извод называет просто «Немцы»: отъехал «в Немци», приехал «из Немець» (1381, 1412, 1420)⁴⁹.

Другая категория «немцев», о которых много говорит летопись, это шведы: как «немцы» они присутствуют на её страницах с 1283 года. Затем так она их именует (а их владения «Немецкой землёй» и «городом немецким») без

пояснения под 1284, 1311, 1313, 1314, 1317, 1322, 1337, 1350, 1377, 1392, 1396 и 1397 годами. В статье «А се князи русьстии», находящейся перед Комиссионным списком, сказано, что у Александра Невского «была брань... с немци»⁵⁰. Но изначально шведы фиксируются на страницах обоих изводов под своим родовым именем (1142). Именно о «свеях», «Свейской земле» и «свейском короле» речь идёт затем под 1164, 1240, 1251, 1256, 1292, 1293, 1295, 1300, 1323, 1338, 1339, 1348, 1350, 1395 и 1411 годами. В некоторых из этих статей в младшем изводе одновременно присутствует термин «немцы». Так, например, под 1350 и 1411 гг. летопись, информируя о «свеях», параллельно называет их «немцами», а в статье под 1395 г. употреблена фраза «немци свея»⁵¹.

НПЛ называет Немецкой землёй не только пределы Швеции, но и земли финских племён, причём также по прошествии некоторого времени после их захвата шведами-«немцами». Так, если под 1191, 1256 и 1292 гг. она использует понятие «Емьская земля», то под 1311 г. обоих изводов в отношении той же территории уже сказано, что «ходиша новгородци воиноу на Немецкую землю за море на емь». Под 1350 г. в младшем изводе повествуется о походе новгородцев «на Немечкую землю... к городу к Выбору». Нельзя не заметить, что под 1445 г. младшего извода НПЛ имя «шведы» использовано не в этническом, а в широком смысле. В ней говорится, что «приидоша свея мурмане безвестно за Волок на Двину ратью»⁵². И словосочетанием «свея мурмане», т. е. «шведские норвежцы», летописец отметил существовавшую тогда тесную политическую связь между Швецией и Норвегией, в 1319 г. вступивших в союз, а в 1397 г. включённых по Кальмарской унии в состав Датского королевства.

НПЛ даёт самые незначительные сведения о других европейцах-«немцах». Под 1204 г. в обоих изводах читается «Повесть о взятии Царьграда fryгами», написанная близко к этой дате, в которой назван «цесарь немечьскыи Филипови» (германский король Филипп Швабский). Под 1231 и 1237 гг. они же сообщают без каких-либо уточнений о тех «немцах» Западной Европы, выходцы из которых обосновывались в Восточной Прибалтике. В двух статьях летописи (1268 и 1391) вместе с ливонцами под «немцами» понимаются, соответственно, датчане и «немецкие» послы из Любека и Готланда. В 1362 г. (младший извод) псковичи принимали «гость немечьскыи и поморьскыи и заморьскыи», т. е. представителей всего Ганзейского союза⁵³. В том же изводе под 1348 г. говорится о битве русских с «немцами» «короля свейского» Магнуса Эрикссона. Шведский источник (написанный вскоре после 1452 г.) даёт некоторое представление о составе «шведского» войска: король собрал «немцев и датчан, а также герцога Голштинского и других подобных же»⁵⁴.

Материал о «немцах» НПЛ дополняют летописи, связанные с новгородско-псковской летописной традицией. Это Софийская первая летопись (списки конца XV — XVI в.), Софийская вторая летопись (списки XVI — начала XVII в.), Псковская первая, вторая и третья летописи (списки конца XV — XVII в.). В софийских летописях владения ливонских немцев, т. е. прибалтийских народов, попавших под власть «немцев», представлены как «Немецкая земля» (1242, 1438, 1481, 1482) и «Немцы» (1472, 1473). Обозначение тех же территорий «Немецкой землёй» (иногда «немецкие земли») многократно присутствует на страницах

псковских летописей. Вместе с тем они прилагают к ней (1404, 1436, 1473, 1543) и к германским землям в Европе (1543) название «Немцы». Точно также именуются в них земли Швеции (1445, 1632)⁵⁵. Исчерпывающую информацию по вопросу, как широко русские понимали термины «немцы» и «Немецкая земля», даёт актовый материал последней четверти XVI — первой половины XVII века. Так, в описи Царского архива (1575–1584) читается, что «книги аглинские и списки с грамот, каковы грамоты даваны аглинским немцом»⁵⁶. В клятвенных записях бояре обязуются не отъезжать ни к турецкому султану, ни к цесарю, ни к литовскому, «ни к шпанскому, ни к францовскому, ни к чешскому, ни к датцкому, ни к угорскому, ни к свейскому королем, ни в Англею, ни в иные немцы» (1581, 1598)⁵⁷. В грамоте царя Фёдора Ивановича на Двину (1588) указывается, «а с немец с аглинских, и с барабанских (брабантских. — В.Ф.), и с шпанских, и с иных немец имати судовая проезжая пошлина». В жалованной грамоте (1590) кольским жителям названы «датцкие» и «аглинские немцы»⁵⁸.

В грамотах 1609–1610 гг. сообщается, что в Россию «немецких людей идёт... из Выбора, Свейския земли, и шкотцких, и дацких, и фрянцовских, и аглинских, и голанских, и боробанских и иных земель», «шкотцкие немцы», «разных земель немец», «немецкие люди»⁵⁹. В расспросных речах двух пленных «немцев» (1611) — англичанина и шотландца — упомянуты «францовские немцы»⁶⁰. В грамотах (1629, 1633) речь идёт о «немецких торговых людях разных земель», о «торговых немцах» из Англии и Голландии», о «немецких людях», нанятых на русскую службу в Англии⁶¹. В декабре 1634 г. был заключён договор России и Гольштинии о торговле Гольштинской компании с Персией, где предписывалось «иных немецких государств торговых людей, агличан и галанцев, и цесарской области (Священная Римская империя германской нации. — В.Ф.) и свеян и датчан... с собою не имати»⁶². В челобитной торговых людей (1646) перечислены «аглинские», «бараборские», «анбурские» (гамбургские), «галанские» и «датцкие» «немцы»⁶³.

Русско-английская переписка показывает смысловую равность терминов «немцы» и «иноземцы»: «с-ыных иноземцов, со всех со францовских, с-ышпанских, с нидерлянских и с-ыных немец», «немцы розных земель, агличане, и Францовские земли, и Нидерлянские земли и иных земель» (1585–1586), «в Аглинскую де и в ыные немецкие земли» (1596–1599), «корабли придут сего лета из за моря... барабанские, и голанские, и нидерлянские, или иных которых земель, и тех бы земель немцы торговали» (1601)⁶⁴. На лубочной карте начала XVIII в. к ряду стран и земель даны показательные «уточнения»: «Королевство Шведское, немцы купеческие и воинские»; «Королевство Португальское, немцы воинские»; «Королевство Шпанское, немцы, воинские, храбрые и богатые»; «Королевство Дацкое, немцы»; «Королевство Шкоцкое (Шотландия), немцы... за агленским королем»; «Королевство Англеское, немцы, купеческие и богатые»; «Королевство Ирляндское, немцы за аглецким королем» (издатели карты полагали, что она скопирована «с карты древнейшей», но эта «древность» вряд ли уходит глубже XVII столетия, т. к. пояснение «немцы» отсутствует применительно к Франции, Италии, Голландии)⁶⁵.

Традиция относить к «немцам» многих представителей Западной Европы долго сохранялась в России. Выше были приведены мнения шведов Ю.Г. Спар-

венфельда (80-е гг. XVII в.) и Ф.И. Страленберга (1730), зафиксировавших самое широкое значение слова «немцы» (либо «иноземец», либо большинство европейских народов). В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н.В. Гоголь констатировал, что «немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все из немец»⁶⁶ (вместе с тем летописи, именуя Немецкой землёй территории прибалтийских и финских народов, либо завоёванных европейцами-«немцами», либо принявших католицизм, не называют их «немцами». Так они не именовали также поляков, чехов, хорватов и венгров, несмотря на их принадлежность к католическому миру. Чехов, поляков и хорватов наши предки не относили к «немецкому» миру по причине как кровного родства с ними, так и их бывшей связи с православием. А венгров не считали «немцами» потому, что в Западной Европе, в «Немецкой земле» они являлись пришлым, следовательно, не «немецким» народом, да к тому же жившим на землях, ранее занятых славянами⁶⁷).

Из сказанного следует, что термин «немцы» наших источников обозначал собой не только основную часть населения Западной Европы, но и её территорию, т. е. являлся географическим понятием. И вывод поздних летописей Рюрика «из немец» служил указанием не на его этнос, как это думали А.Л. Шлёцер и его последователи, а лишь на пределы Западной Европы, откуда вышли варяги⁶⁸ (а уж тем более нельзя утверждать, как это делал А.А. Куник в 1844 г., что летописное «из немец» прямо свидетельствует о шведском происхождении варягов⁶⁹). То, что термин «немцы» абсолютно лишён этнической атрибуции, хорошо видно по латинскому переводу «Родословия великих князей русских», изданного в 1576 г. в Кёльне (под названием «Краткая генеалогия великих князей Московских, извлечённая из их собственных рукописных летописей») для ознакомления с ним западноевропейцев. И в этом памятнике читается, что «приди на Русь из немец, из прус, муж честен от рода римская царя Августа кесаря, имя ему князь Рюрик»⁷⁰. Понятно, что русские той поры не считали Рюрика одновременно и немцем, и пруссом, и римлянином, и что его немецко-прусско-римское обрамление не является этническим индикатором, а указывает лишь на выход варяжского князя из пределов Западной Европы, но не на его принадлежность к какому-то конкретному народу.

Надлежит добавить, что русские люди с XV в. в связи с возрастанием контактов с Западной Европой начинают постепенно отходить от практики обезличенного наименования её представителей «немцами», «римлянами», «латинами». Примером тому является рассказ «О Сидоре митрополите, как прииде из Царяграда на Москву», который читается, с определёнными разночтениями, под 1437 г. в Московском летописном своде конца XV в., Симеоновской, Воскресенской и других летописях (был создан в 60–70-х гг. того же столетия и является переработкой «Исидорова собора и хождение его» Симеона Суздальского). Данный памятник среди участников Флорентийского собора 1439 г. называет «алеман и фрязов и калатин и френчюк и беребеан и кофеан», т. е. южных немцев, итальянцев, каталонцев, французов, британцев, жителей генуэзской колонии в Крыму Кафы, и при этом именует их в целом «латинами» и говорит о их «фряжском праве», т. е. католическом законе⁷¹.

9.2 «Варяги» вне ПВЛ как символ нерусского, неправославного, враждебного

Вместе с тем в наших источниках в тесном смысловом единстве выступают термины «варяжский» и «латинский». Этими данными также подтверждали скандинавский этнос варягов М.П. Погодин, И.Д. Беляев, А.И. Никитский, И.П. Шаскольский, Е.А. Рыбина, И.П. Ерёмин⁷². А.А. Куник причину, по которой термины «варяги» и «латины» на протяжении столетий были абсолютно равнозначны, видел в том, что на Руси в определённый период варягами именовали лишь готландцев. В связи же с разделением в XI в. церковей имя варяг «сделалось родовым названием в церковном отношении», т. к. у готландцев была своя церковь на Руси «и крещёные варяги ездили из Швеции до самого Киева». Так сложились выражения «варяжская вера», «варяжский поп», «в смысле папского, и варяги просто значили то же, что католики или паписты» (сначала так именовали скандинавских папистов, а затем папистов вообще). Е.Е. Голубинский в 1880-х гг. и Е.А. Рыздзевская в 1930-х гг. утверждали, что причиной обретения термином «варяги» религиозного оттенка была конфессиональная принадлежность варягов-скандинавов, исповедующих католицизм (при этом первый подчёркивал, что латинская вера стала варяжской с начала XI в., когда Норвегия и Швеция, откуда были варяги, обратились в латинское христианство). Согласно А.А. Шахматову, то обобщающее значение, которое имело имя варягов (исчезло в XII в.), было перенесено на имя немцев: «Такое словоупотребление ведёт к тому, что Рюрик и его братья признаются в позднейших летописях призванными из немцев. На месте варяжской веры является вера латинская»⁷³.

Сегодня Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, констатируя, что для православного летописца XII в. имя «варяг» означало уже и приверженность к латинской католической церкви», заключают: в этом столетии скандинавы «становятся проповедниками католичества в Северо-Западной Руси, отчего оно получает наименование “варяжской веры”». В 2010 г. исландский исследователь С. Якобсон подчёркивал, что русские негативно относились к явлению, которое они называли «вера варяжская», синонимичная католической вере — «вера латинская». Тогда же М.Б. Свердлов резюмировал, с ссылкой на Рыздзевскую: варяги — первоначально скандинавские дружины, позднее — скандинавские воины-наёмники в составе княжеской дружины: «Ещё позднее слово *варяжский* используется на Руси в значении *латинский, римско-католический*, поскольку скандинавы стали христианами католического исповедания»⁷⁴.

Подобное объяснение эволюции «варяжского» в «латинское» связано как с католической версией крещения Руси, так и с уверенностью, что варяги были католиками. Как, например, утверждал С.М. Соловьёв, скандинавы «же главным образом посредничают и при введении христианства в Русь». В.А. Мошин также твёрдо говорил, что одно из главных значений скандинавов в русской истории состоит в том, что именно они содействовали распространению христианства на Руси. По летописям видно, убеждал А.Л. Погодин, что варяги тя-

нулись именно к Риму. Однако католическая версия христианизации Руси не имеет под собой, что аргументированно продемонстрировал Б.Я. Рамм, абсолютно никаких источниковых данных⁷⁵. К тому же католицизм в Скандинавии начинает распространяться лишь в XI–XII вв., причём его влияние там долгое время оставалось весьма слабым, а в Швеции он окончательно утвердился, хотя и был принят в самом начале XI в., только в XIII столетии (Олав Скётконунг, отмечает Г. Джонс, со своей дружиной принял крещение в 1008 г., но «прошло ещё сто лет, прежде чем знаменитое языческое святилище в Упсалле исчезло с лица земли»)⁷⁶. Показательны в этом плане свидетельства скандинавских саг, согласно которым, как подметила Е.А. Рыдзевская, у скальдов XI в. христианство — это чужое. А.Г. Кузьмин акцентировал внимание на том факте, что варяги в Византии в XI–XII вв. не были католиками⁷⁷.

Норманист В.С. Иконников, говоря, что варяги имели в Константинополе свою церковь варяжской Богородицы, которая находилась в непосредственном соседстве со св. Софией (она, пояснял Е.Е. Голубинский, находилась за алтарём св. Софии и упоминается в XIV в.), с удивлением признаёт, что это была церковь греческая (т. е. православная и подчинённая местной иерархии), а не латинская, и само её название позднего происхождения⁷⁸. Возможно, и позднего, но всё же говорящее в пользу изначального православного вероисповедания варягов, а не католического. В свидетельстве 1201 г. Николая Месарита можно увидеть, отмечал в 1986 г. византинист М.В. Бибилов, намёк на православие «секироносных» воинов⁷⁹ (украинский археолог Ф.А. Андрощук, заостряя внимание на том, что «Сага о Харальде Суровом» указывает на «различие между варягами — *Væringjar* и латинянами *Látínúmenn*» в Византии, делает, ведомый ослепляющим ультранорманизмом, не тот вывод, который вытекает из показания источника: в начале XIII в. в составе варяжской гвардии «находились выходцы из Скандинавии православного вероисповедания»⁸⁰).

О том, что варяги — это имя общее, говорили и сами норманисты, но соотнося его только со скандинавами (германцами). Антинорманисты же с самого начала указывали, что термин «варяги» русские прилагали к более широкому кругу народов. Ещё В.Н. Татищев считал, что под варягами они «разумели финнов и шведов, иногда Данию и Норвегию то заключали». Затем М.В. Ломоносов пояснял, что «варягами назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря» и что новгородцы западные народы варягами называли. В.К. Тредиаковский полагал, что варягами в летописи именуют «без изъятия» всех европейцев, особенно тех, кто обитал на побережье Балтийского моря и на реках, впадающих в него⁸¹. Под «варягами» ПВЛ антинорманисты XIX в. понимали либо все балтийские народы, либо значительную их часть⁸², либо «уже всё вообще западноевропейское население неславянского происхождения» (а также территорию «Западной или, по крайней мере, Северо-Западной Европы»)⁸³, либо Западную Европу и её жителей в целом⁸⁴, либо, как это предложил Г. Эверс, видеть в нём «безграничное понятие», «как для греков — скифы, или для современных географов — татары»⁸⁵ (в духе Эверса затем рассуждали другие учёные, отмечавшие, что под варягами разумели «всех не руссов и не греков», «заморянина», чужого, иноземца, иноверца⁸⁶).

Сторонники норманской версии, прекрасно сознавая всю опасность ревизии одного из важнейших своих постулатов, категорически возражали против того, что под варягами следует понимать всех европейцев. Как утверждал, например, М.П. Погодин, летописец употреблял имя варягов-скандинавов «в смысле общем, а русь в частном», и, приведя летописную фразу «к варягом к руси», восклицал: «Кому придёт в голову, что варяги здесь в смысле европейцев»⁸⁷. Но эта мысль всё же приходила в голову, под влиянием доказательств оппонентов, и некоторым норманистам. Так, «Большая энциклопедия» отмечала в 1903 г., что до XVII в. слово «варяги» «продолжало употребляться для означения шведов или вообще иностранцев». Само название варяги, озвучил в 1916 г. А.А. Шахматов вывод, видимо, принесено «с юга, где оно означало вообще западноевропейцев». В 1931 г. В.А. Мошин констатировал, что «позднее на Руси варягами называли всех “немцев”, и иногда — католиков (вера варяжская = вера латинская)»⁸⁸.

В трудах советских учёных представление о термине «варяги» как имени нарицательном, прилагаемом ко многим народам, практически сошло на нет. Лишь в редких случаях отмечалось, что он обозначал либо вообще иностранцев, либо жителей Балтийского Поморья, либо в позднее время всех европейцев⁸⁹ (как подчёркивал И.П. Шаскольский, в XII–XIII вв. в наших источниках слово «варяжский» означало также «католический»). Но в большинстве русских памятников термин «варяжский» со второй половины XII в. вытесняется конкретным названием отдельных скандинавских народов — свеи, мурманы, или общим для всех западноевропейских народов термином «немцы»⁹⁰). Вместе с тем слышались суждения, вроде того, что было высказано в 1973 г. «советским антинорманистом» А.И. Поповым: этот термин не содержит специфического этнического оттенка и является обозначением наёмных дружин вообще, но так называли скандинавов⁹¹.

А.Г. Кузьмин выделял, как уже указывалось, несколько его значений: либо одно из южнобалтийских племён, либо славянские и славянизированные «венедские» племена, проживавшие между Польшей и Данией, либо всё население Южной Балтики и Северо-Запада Руси, либо все западноевропейцы-католики. Со времени Ярослава Мудрого резко возрастает участие в политической жизни Руси норманнов и прежде всего тех из них, которые уже приобщились к христианству и которых теперь также называют варягами. Прекращение после смерти Ярослава выплаты Новгородом варягам дани, установленной в 882 г. Олегом, не могло не вызвать обострение отношений с варягами и являло собой определённый идеологический поворот, направленный, вероятно, как против собственно варягов, которые были язычниками и продолжали морские походы и нападения на торговые суда, так и против норманнов-христиан, т. к. теперь в Скандинавии быстро выстраивается церковная иерархия, подчинённая Риму.

В итоге, заключал историк, «само имя варягов переосмыслиется, распространяясь на выходцев вообще с католического запада», в связи с чем летописец в варяжской легенде вынужден был особо выделить варягов-русь из среды других, варяжских уже теперь народов. Тогда же «варяжское» начинает сливаться с «латинской верой», претендующей на политическое господство, и в XII в. «варяж-

ская вера» *«уже будет противопоставляться православию как, собственно, латинская вера»*. В 1999 г. А. Белов, видя в варягах изначально вагров-ободритов, подчеркнул, что в глазах восточных славян варягами являлись все пришельцы из Балтики: их звали варягами «примерно так, как русские некогда называли большинство германцев немцами, или как сегодня мы называем кавказцами в равной степени грузин, армян, азербайджанцев, чеченцев». В 2000 г. Ю.Д. Акашев, также принимая варягов за южнобалтийских славян, указывал, что термин «варяги» имел не этническое, а чисто территориальное значение и обозначал собой жителей побережья и островов Балтийского, Северного и Белого морей⁹².

Исследователи, установив факт самого широкого применения летописцами термина «варяги», указывали и время его обращения в имя общее, когда он окончательно оторвался от своей этнической (или социальной) основы и стал синонимом понятию «западноевропейец». Это либо середина XI в., либо его вторая половина, либо весь век в целом, либо начало XII столетия⁹³. Обретение им религиозной окраски, начало его функционирования в смысле «католик» («римлянин» и «латинянин») учёные относят к началу XI в., к его середине или ко всему столетию в целом, ко второй половине XI в., к рубежу XI–XII вв., к началу XII в., ко всему этому столетию⁹⁴. Время замены имени «варяги» (=«западноевропейцы-католики») полностью тождественным ему термином «немцы» датируется в науке также по-разному: это XII в., рубеж XII–XIII вв., XIII в.⁹⁵, после чего оно фактически выходит из употребления и в редких случаях встречается в памятниках позднейшего времени, а именно XVI — начала XVII вв., как «только украшение цветущего слога, особенно у писателей витиеватых», «как выражение книжное, фигуральное»⁹⁶.

Обращение к обширному материалу показывает, что термин «варяги» рано стал полностью адекватным по смыслу выражениям «немцы», «римляне», «латины», т. е. также обозначал собою большую часть западноевропейских, католических народов. Важную информацию на сей счёт дают прежде всего памятники клерикального характера. И прежде всего «Слово святого Феодосия игумена Печерьскаго монастыря о вере крестьянской и о латыньской», написанное по вызову великого русского князя Изяслава Ярославича в 1069 г.⁹⁷ и сохранившееся в списках XIV–XVI веков. В первой его редакции речь идёт только о «латинянах» и «латинской вере». Вторая редакция несколько изменена, изменено и заглавие. Оно звучит теперь как «Вопрошение князя Изяслава, сына Ярослава, внука Владимировича, игумена Печерскаго велико Феодосия о латине». Согласно с новым заглавием, текст теперь начинается вопросом: «И рече Изяслав: „исповежь ми, отче, веру варяжскую, какова есть“». На что Феодосий, используя в отношении западноевропейцев выражения «вера латинская» и «латины», вместе с тем ответил, что «множеством ереси их всю землю онечествоваша, понеже по всей земли варязи суть». Третья редакция «Слова», представляя собой распространённую редакцию второй, читается во всех списках Киево-Печерского патерика второй Кассиановской редакции 1462 г., в связи с чем в ней также наличествуют «варязи» и «вера варяжская»⁹⁸.

Полную равнозначность терминов «варяги» и «латины» демонстрирует Киево-Печерский патерик, сложение которого заняло несколько столетий. В его ос-

нове лежат написанные в 20-х гг. XIII в. послания Поликарпа, инока Печерского монастыря, к владимирскому епископу Симону (ум. 1226), постриженнику той же обители, и ответ последнего. Где-то в середине XIII в. послания Симона и Поликарпа были объединены и дополнены другими известиями о монастыре, а также извлечениями из летописи типа Ипатьевской. В 1406 г. в Твери по почину тверского епископа Арсения была создана редакция, получившая название Арсеньевской, а в 1460 и 1462 гг. в Киево-Печерском монастыре по инициативе инока Кассиана были созданы две редакции — Кассиановские, где памятник и был назван впервые «Патериком Печерским». По мнению большинства специалистов, он отражает реальную историческую действительность XI–XII вв.⁹⁹

Судя по Патерику, термины «варяги» и «варяжский» в смысле «латины» и «латинский» широко бытовали уже во второй половине XI века. Но равнозначными они стали значительно раньше, уже во времена Ярослава Мудрого. Именно при нём, согласно Патерику, появился на Руси варяг Симон-Шимон, который затем в 1068 г. (после спасения в битве на Альте, что предрёк ему старец Антоний), «прежде бывъ варягъ», но как только принял православие, оставил «латиньскую буюсть», т. е. католическую веру (а название «Варяжской пещеры» объяснено в памятнике тем, что в ней «варяжский поклажай есть, понеже съсуди латиньстии суть. И сего ради Варяжскаа пещера зовётся и доньне») ¹⁰⁰. «Вопрошание Кирика», обращённое к новгородскому епископу Нифонту (1130–1156) и находящееся (в первой редакции) в Синодальной Кормчей XIII в. (1280-е гг.), говорит о «варяжском попе» как слугителе католического культа (памятник связывают с именем диакона и доместика новгородского Антониева монастыря и относят ко времени около 1136 года. По Я.Н. Шапову, он был включён в Кормчую не в первоначальном виде, а, очевидно, в том, какой имел к 1270-м гг. «в рукописях, пользовавшихся распространением на Руси») ¹⁰¹.

Правда Ярослава, появление которой было вызвано новгородскими событиями 1015 г., содержит две статьи (9 и 10), где присутствуют варяги и колбяги. Особый интерес вызывает первая из них: «Аще ли ринеть моужь моужа любо от себе, любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или боудеть варяг или колбяг, то на ротоу» ¹⁰². По мнению Д.И. Иловайского, Ф.И. Свистуна и М.Ф. Владимирского-Буданова, варяги здесь — иноземцы, иноплеменники, по мнению Н.П. Голубовской — это либо иностранцы вообще, обитатель Западной Европы, либо, в частности, скандинавы ¹⁰³. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин утверждают, что в Правде Ярослава варяг есть чужеземец, иностранец, ибо «этим чужеземцем является скандинав, как наиболее частый иноземец на Руси, представляющий иноземцев вообще». К XI в. термин «варяги», поясняет В.Б. Перхавко, «приобрёл уже собирательное значение, в Русской Правде под ним подразумеваются иноземцы вообще» ¹⁰⁴. В Пространной Правде (Троицкий список второй половины XIV в.) в статье «О поклепной вире» (ст. 18) прописано, что «аще будеть на кого поклепная вира (обвинение в убийстве. – В.Ф.), то же будеть послухов 7, то ти выведуть виру; паки ли варяг или кто ин, тогда [то два]» ¹⁰⁵. И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин, А.А. Зимин в этих варягах также видели иностранцев вообще ¹⁰⁶.

Н.М. Карамзин «колбяг» Русской Правды интерпретировал как «чужестранец». Затем датские учёные П. Мунк и К. Рафн предложили понимать под кол-

бьягами, соответственно, скандинавов-русов (из-за смешения со славянами, говоривших уже на ломанном языке) и финнов. В 1873 г. Н.П. Барсов предположил: «Не было ли слово колбяг каким-нибудь более или менее общим названием для чюди, приезжавшей в Новгород или селившейся в Новгородской области?». В 1875 г. В.Г. Васильевский, увязав колбягов с «кулпингами» хрисовулов XI в. византийских императоров Михаила VII, Никифора Вотаниата, Алексея Комнина и «кюльфингами» скандинавских памятников (которые числят их в Гардарике), посчитал, что они являются русскими, «но, по-видимому, отличающиеся от собственной, южной Руси», и не имеют отношения ни к скандинавам, ни к немцам, ни к финнам¹⁰⁷. В целом, как констатировала Н.П. Голубовская в 1913 г., большинство исследователей полагает их иноземцами¹⁰⁸.

По мнению самой Голубовской, колбяги есть либо имя общее для всех финских племён, либо имя какого-то неизвестного нам вымершего финского народа. В 1913 г. финский археолог И.Р. Аспелин, выводя название «колбяги» от древнесеверного *kylfa* — дубина (В. Томсен объяснял название *kylfingr* как «человек, вооружённый дубиной»), увидел в колбягах отряд вооружённых дубинами воинов, служивших в Карелии после её завоевания Эриком Эмундсоном во второй половине IX века. Шесть лет спустя А.А. Шахматов признал в них «иностранцев» — скандинавов, поселившихся в Северо-Западной Руси (в местности, как он соглашался с Ф. Миклошичем, простирающейся от Тихвина в юго-западном направлении к Пскову) среди финских племён и покоривших некоторые из них. И потому отличавшихся от варягов, которые были пришельцами из Скандинавии. Возможно, они различались по происхождению: варяги были шведами, а колбяги, как думали некоторые учёные, датчанами. Отмечая, что неизвестно откуда взялось последнее имя, Шахматов не проявил солидарности с мнением, ныне торжествующим в науке, что колбяги производно от слова *kylfr* — «дубина, кол». В 1929 г. В.А. Брим отождествил колбягов с финским племенем *водь*. На следующий год Е.А. Рыдзевская, критикуя его точку зрения, связала колбягов «с каким-нибудь иным племенем финского же происхождения» (что в 1931 г. вызвало резкую критику со стороны М. Фасмера). В 1945 г. В.В. Мавродин увидел в них военно-дружинную верхушку «води или какого-либо другого “чуждского” племени, создававшего вместе со знатью славянских кривичей и словен русскую государственность на берегах Волхова». В 1953 г. М.Н. Тихомиров указал, «что под колбягами вообще понимались народы севера, жившие в Новгородской и окрестных с ней землях»¹⁰⁹.

В 1976–1986 гг. Е.А. Мельникова, говоря, что скандинавы именовали Русь ещё и Кюльфингаланд, указала, что это название древнейшее и что первая его часть сопоставляется с термином «колбяг». Привела она и два основных объяснения этимологии *kylfingar* от др. исландских слов: *kylfa* — «дубинка» и *kólfr/kúlfr* — «язык колокола, палка, стержень» (в поэзии — «стрела, дротик»). По её разъяснениям, «в первом случае слово интерпретируется как обозначение людей (воинов), вооружённых специальными дубинками», во втором — «название некой группы людей (вероятно, воинов), объединённых одним занятием, родом деятельности» (эту точку зрения отстаивал А. Стендер-Петерсен и с ней соглашалась филолог). В 1985–2003 гг. Д.А. Мачинский в колбягах Русской Прав-

ды увидел «обособленный этносоциум» («дубинщики») — смешанное скандо-финское языческое население Юго-Восточного Приладожья, по течению Сяси, Паши, Ояти и Свири, существовавшее с конца IX по начало XIII в. и занимавшееся «сельским хозяйством, промыслами, сбором дани, торговлей и службой в византийских и русских войсках», и связал с ними яркую приладожскую курганную культуру (в 2013 г. это мнение развивал А.С. Щавелёв: «колбяги — скандинавы, перешедшие на финский язык»)¹¹⁰.

Но в основном в нашей науке принято под колбягами понимать скандинавов (это, «по-видимому, скандинавы, торговавшие с финнами и лопарями»)¹¹¹, и их название, послужившее основой и для русского «колбяги», и для византийского «кулпинги», выводят «из др.-сканд. *kylfingr* от *kylfa* “дубина”»¹¹². Противоестественность такого объяснения столь очевидна, что его оспаривали и норманисты. Так, В.А. Брим заметил, что мнение, согласно которому колбяги представляли собой вооружённых дубинами воинов, является малоубедительным, т. к. скандинавы имели в употреблении не дубины, а длинные обоюдоострые топоры (при этом указав, что *kylfa* не подходит к общему типу скандинавских племенных имён, появляющихся, как правило, во множественном числе). Е.А. Рыдзевская также подчёркивала, что «характерным для скандинавов и почётным в их глазах является, конечно, не такой примитивный предмет», как дубина, а боевой топор и меч, и что у них, при весьма развитом дружинном строе и военном быте, наличествовало хорошее вооружение и большой вкус к нему¹¹³ (обращает на себя внимание тот факт, что сами скандинавы весьма враждебно относились к колбягам. Согласно «Саге об Эгиле», его дядя Торольв, будучи на службе у норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, разъезжал по землям лопарей и оказался в горах на востоке, где «услышал, что сюда пришли с востока колбяги (в оригинале *kylfingar*. — В.Ф.) и занимались торговлей с лопарями, а кое-где — грабежами». Отправившись с дружиной вслед за ними, он перебил около ста человек и взял уйму добра)¹¹⁴.

Имеет свою специфику взгляд зарубежных учёных на русских колбягов. А. Стендер-Петерсен был твёрд в своей выдумке, что в древнескандинавском языке существовала форма **kulbō-*, от которой образовалось в языке шведской руси название для членов торгового, купеческого клуба или товарищества — «слово **kulbing-*. Мы с лёгкостью узнаём в нём прототип древнерусского слова *колбяг*, встречаемого нами как скандинавское заимствование в *Русской Правде*. ... Товарищество *колбягов*, почти что совершенно неизвестное в Скандинавии, по-видимому, сосредоточивало свою деятельность на севере европейской России, среди финских племён» (при Ярославе Мудром термин колбяги теряет своё первоначальное значение купца-скандинава и получает «значение заморского воина, дружинника-скандинава, скандинава вообще»). По его мнению, «другой организацией такого же типа, очень быстро взявшей в свои руки организацию балтийско-черноморского обмена, было товарищество-клуб варягов. ... Будучи заимствовано из шведского языка в русский, оно выступает в своём первоначальном значении привилегированного иностранца-купца в *Русской Правде*, наравне с названием *колбяга*». Х. Арбман предположительно узрел в колбягах торговцев пушниной, объединявшихся «в некоторое по-

добие торговой гильдии: это слово, очевидно, произошло от древнесеверного “*kylfingr*” (“член общества”). В 2002 г. Г. Шрамм в колбьягах-*kylfingar*’ах также увидел «товарищество купцов», с IX в. систематически присутствовавших в Константинополе, а с 912 г., когда был заключён русско-византийский договор, поступающих там на военную службу. В 2012 г. П. Ганно и А.С. Лавров указали, что термин «колбьяги» «означает чужестранца, вероятно, скандинавского происхождения»¹¹⁵.

Статья «О муже кроваве», помещённая в Кормчих особого состава перед списками Пространной Правды, детально прописывает меру ответственности разных категорий жителей Новгорода: «Аще ли пхнеть муж моужа любо к себе, любо от себя, ли по лицу оударить, или жрьдию ударить, а без зънамения, а видок боудеть, бещестие емоу платити; аже будеть болярин великих боляр, или менших боляр, или людин городский, или селянин, то по его пути платити бещестие; а оже боудеть варяг или колобьяг, крещения не имея, а боудеть има бои, а видок не боудеть, ити има роте по своеи вере, а любо на жребии, а виноватыи в продажи, в что и обложать». В.О. Ключевский относил статью к середине XII века. М.Н. Тихомиров полагал, что наличие в ней колбьягов говорит о её раннем происхождении¹¹⁶. Данная статья стала основой статьи «О мужи кроваве» Сокращённой Правды, где колбьяги уже отсутствуют: «Аще ударит на смерть жердию или попехнет, а знамения нет, а видок будет, аже будет болярин или людин или варяг, крещения не имея, то по их пути платити безчестие; аще видока не будет, ити им на жребии, а виноватыи в продаже, во что обложат»¹¹⁷.

Фраза «крещения не имея» точно показывает, заключал Н.А. Семейко, что статья сложилась тогда, «когда не имели уже ясного и точного представления о том, кто такие были варяги и колбьяги, считая их за некрещёных людей, т. е. за поганных»¹¹⁸. В рассматриваемом случае фраза «крещения не имея» могла в равной степени относиться и к язычнику, и к католику, т. к. ни тот и ни другой не знали, с точки зрения православного человека, истинной, «правой» веры, следовательно, были людьми, «крещения не имея» (кроме Русской Правды термин «колбьяги» присутствует, но также без пояснения, в новгородской берестяной грамоте № 222, предположительно XII века. «Судя по контексту, — указывает А.В. Арциховский, — автор и адресат хотят, чтобы колбьяги не бежали»¹¹⁹).

В науке давно заостряется внимание на том факте, что русь связывают с «франками» две византийские хроники середины X в.: хроника Продолжателя Феофана и Хроника Симеона Логофета (двух её редакций: Хроника Георгия Амартола по Ватиканскому списку и Хроника Псевдо-Симеона). Создавались они в придворных кругах, окончательное оформление получили в 960-х гг., но работа над текстом, содержащим рассказ о событиях 941 г., датируется 948 г.¹²⁰ В славянском переводе Хроники Амартола, сделанном, возможно, на Руси в первой половине XI в.¹²¹, при описании нападения руси на Константинополь в 941 г. сказано, что «приплоу роусь на Константинъ град лодиами... от рода варяже-ска соушим», хотя в подлиннике русь выводится «из рода франков». Но в её же статье под 744 г., где речь идёт о событиях уже не русских, а западноевропейских, «франки» переведены как «немцы» («под властью Немечскою приим с всею Италиею»)¹²². В хронике Продолжателя Феофана в рассказе о походе

росов 11 июня 941 г. «на десяти тысячах судов к Константинополю» пояснено, что их «именуют также дромитами, происходят же они из племени франков»¹²³.

Наши норманисты информацию византийских источников о происхождении руси «из рода франков» сразу же посчитали свидетельством её германского происхождения (Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлёцер, А.А. Куник, М.П. Погодин, В. Томсен)¹²⁴. В ответ им С.А. Геденов отмечал, что Продолжатель Феофана, говоря о франкском происхождении руси, одновременно причисляет её к скифским народам и «что из этих понятий одно исключает другое» (по его мнению, франки — это искажённое автором имя «варяги»). Д.И. Иловайский подчёркивал, что «из рода франков» не имеет определённого значения, употреблено в смысле народа европейского и может значить «в сравнении со многими другими указаниями византийцев, что русь народ скифский или тавроскифский? Можно ли говорить о франках после известных слов Льва Диакона, очевидца руси Святославовой: “Тавроскифы, которые на своём языке именуют себя русь”». Дело в том, разъяснял в 1920–1922 гг. В.М. Истрин, что в Византии существовал особый наёмный вспомогательный корпус, который византийские писатели называют то *roV*, то *baraggoi*, но чаще — последним именем. Однако у них же *baraggoi*, как вспомогательное войско, соединяется иногда с франками, называясь вместе с ними «союзными корпусами». Таким образом, передача «из рода франков» как «род варяжский» следует объяснить хорошим знанием русским переводчиком-киевлянином военного устройства Византии¹²⁵.

Х. Ловмянский в 1957 г., обратившись к данным хроники Продолжателя Феофана, заметил, что определение «франки» «можно понимать двояко — или как указание на германское происхождение руси, или как искажённое название варягов». В конечном итоге он пришёл к выводу, что этот источник допустил неточность. Согласно мнению В.Я. Петрухина, высказанному в 1995–2000 гг., «переводчик или древнерусский редактор славянского перевода сознательно исправил греческий текст, изменив “род франков” на “род варяжский”, следуя всё той же традиции о варяжском происхождении руси». На взгляд П.В. Кузенкова от 2003 г., здесь франки есть, вероятно, искажённое ещё малознакомого византийцам того времени имени варягов. «Франками», тогда же указывал А.Г. Кузьмин, может «обозначаться население, так или иначе зависимое от премников бывшей Франкской империи. Скандинавия в этом случае исключается». Зато Балтийское Поморье, заострял он внимание, частично вошло в состав Франкской империи ещё при жизни Карла Великого («дромиты» же означают, видимо, непоседливый, кочующий, переселяющийся народ)¹²⁶.

«Из рода франков» под пером византийского автора, рассуждал в 2004 г. А.А. Горский, «появилось в силу того, что в авангарде войска Игоря в 941 г. действовали варяги (в то время уже наёмники, приглашённые киевским князем из Скандинавии), родственные по языку восточным франкам — немцам». Но в 2008–2012 гг., специально задавшись вопросом выяснения причины вывода руси «из рода франков» и с этой целью тщательно проработав источники, он говорил уже иное: что никакого отношения к германоязычию и вообще к языковой принадлежности определение «франки» не имело, что «оно носило территориально-политический характер», т. к. франками называли — безотноси-

тельно их этнической принадлежности — как жителей земель, подвластных Карлу Великому», так и жителей государств, сложившихся на месте его империи. Однако объяснение Горского, что «информация о франкском происхождении, по-видимому, исходила от русской стороны и была связана с политическими амбициями княгини Ольги», не может быть принято в силу своей явной искусственности. Как убеждает историк, княгиня Ольга вынашивала план брака сына Святослава с византийской принцессой (эту мысль, следует заметить, высказал в 1959 г. А.В. Карташёв).

А в связи с тем, что в Византии разрешались браки только с франками, то тезис о франкском происхождении руси, т. е. правящей верхушки, русских князей должен был подкрепить эти притязания. Ну, а дальше следует другой вывод такого же качества, что и первый: русский князь Рюрик есть Рёрик Фрисландский, который ориентировался на Франкскую державу и был связан вассальными отношениями с франкскими императорами. По причине чего он «и его окружение могли быть определены как “франки” в широком смысле этого понятия, принятом в Византии (обитатели государств, управляемых Каролингами)», а их потомки «могли в середине X века заявить об этом с полным основанием». Причём, если Рёрик и Рюрик — это одно лицо, то у русских князей было родство по браку с Каролингами. В 2010 г. М.В. Бибиков в словах «из племени франков» хроники Продолжателя Феофана увидел «свидетельство о норманском происхождении росов»¹²⁷. Автор настоящих строк, акцентируя внимание на том, что франками в Византии именовали всех западноевропейцев (причём так их именовали и арабы)¹²⁸, объясняет, начиная с 2004 г., что византийцы, зная о выходе руси из пределов Западной Европы, естественно, относили её к «роду франков». Русский же переводчик заменил непонятное для своих соотечественников слово «франки» в одном случае на адекватный ему по смыслу термин «варяги», которым на Руси уже в XI в. было принято именовать определённую часть западноевропейского мира, в другом — на термин «немцы», имеющий тот же смысл¹²⁹.

В рассматриваемом случае обязательно следует подчеркнуть, что отождествление этносов характерно для многих памятников. Так, в Северо-Западной Европе Русь и русских очень часто называли, в связи с их вероисповеданием, «Грецией» и «греками». В византийской традиции русских устойчиво называли и «скифами», и «таврами», и «тавроскифами» (подборка наименования русов «тавроскифами» приведена М.В. Бибиковым). В западноевропейской средневековой литературе русских также именовали «скифами». Так, французский хронист, повествуя о браке короля Генриха I и Анны Ярославны, пишет, что он «взял в жёны скифянку-русскую» (дочь короля «в Греческой земле»). В 1580-х гг. Антонио Поссевино доносил до читателя, что русские ведут своё происхождение «от скифов и татар». Представление о русских как о скифах сохранялось в Западной Европе довольно долго. К примеру, Ф.М. Вольтер в «Истории российской империи при Петре Великом», вышедшей в 1759 г., назвал своего героя скифом, что вызвало возражение М.В. Ломоносова¹³⁰.

В Толковой Палее, представляющей собой комментарий к Ветхому Завету, читается: «иже от Афета языци изыдош и в части, где седят. 1. варяжеск. 2. язык

словенеск. 3. чюдь. 4. ямь. 5. лоп. 6. перма. 7. корела. 8. печера. 9. угра. 10. литва. 11. ятвази. 12. пруси. 13. недрева. 14. меря. 15. мордова. 16. мешера. 17. мурома. 18. корсь. 19. зимьгола. 20. либь». По мнению А.А. Шахматова, Палея является болгарским памятником, перешедшим на Русь в XI в. (её древнейшая редакция читается в новгородском списке начала XV в.)¹³¹. Он же утверждал, что имени «русь» перечня ПВЛ («В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь») в Палее соответствуют «Варяжский и Словеньский язык; замену Руси двумя языками понять трудно». Учитывая, что в перечне народов «Афетовой части» название «словене» отсутствует, учёный посчитал это свидетельством «в пользу большой древности палейской редакции этого перечня», который нельзя возвести к летописному. На его взгляд, замена словен русью естественна для редактора ПВЛ, но «летописный перечень не мог быть заимствован непосредственно из Палеи», потому как редакторы обоих памятников пользовались одним общим источником¹³².

Текст Палеи об «Афета языци» уже по содержанию, заключал Шахматов позже, восходит к русскому источнику, т. е. к ПВЛ, материал которой был переработан составителем Палеи с учётом тех сведений, которые он имел о соседних народах¹³³. Однако вероятнее всего, что под фразой о языке «варяжеском» Палеи, исходя из общего, а не конкретного значения термина «варяги», понимаются западноевропейские народы, перечень которых отсутствует среди народов «Афетова» языка (но который присутствует, например, в летописном описании «Афетова колена»: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии»), исключая из них лишь славянские, в том числе и те, что исповедовали католицизм. Западные народы — это часть «Афета языци», и они или какое-то их общее название должны, конечно, присутствовать в перечне Толковой Палеи.

В данном плане важна информация Краткой Хронографической Палеи (самый древний список которой — Погодинский — М.А. Шибаев датирует 40-ми гг. XV в.) в разделе «О Афетове роде» перечислены 15 народов, первыми из них названы «1 галати, иже суть варязи» (Е.Г. Водолазкин, относя архетипный текст памятника к началу XV в. и видя в данном списке его первую редакцию, наиболее близкую архетипу, подчёркивает, что этот вид Палеи был создан «в новгородских пределах (или, шире, — на северо-западе Руси)»)¹³⁴. Но Толковая Палея, перечисляя народы, родоначальником которых является «Афет», галатов называет под третьим номером, но с иным комментарием: «галати, иже суть келтеи»¹³⁵ (около 400 г. до н.э. начинается мощная экспансия кельтов из рейнских и верхнедунайских областей в восточном направлении вдоль Дуная и его притоков, постепенно осваивавших эти земли. В начале III в. до н.э. один из их миграционных потоков направился на Балканский полуостров, а «крупная группировка кельтов (галатов) около 270 г. до н.э. поселилась в Анатолии в районе современной Анкары, где образовало государство Галатию». В процессе расселения, констатировал В.В. Седов, кельты легко смешивались с местным населением и всюду распространяли латенскую культуру, которая господствовала на всём пространстве Подунавья¹³⁶).

Представление о значении термина «варяги» в послекиевский период даёт мирный договор новгородцев «с всеми немьцкыми сыны, и с гты, и с всем латиньскым языкомъ», который в науке обычно относят к 1189–1199 гг. (В.Л. Янин датирует его 1189–1191, Е.А. Рыбина, А.Л. Хорошкевич и С. Франклин — 1191–1192)¹³⁷. В нём готландцы называются либо «немцами», либо упоминаются под своим именем отдельно от «немцев», Готланд же именуется «Гъцк берег», Западная Европа «Немечьской землей», а её жители «немцами». Интерес вызывает следующий пункт договора: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы, идеть роте, възметь своё»¹³⁸, т. е. термин «варяги» абсолютно равнозначен словам «немцы» и «латины» (в данном случае «латиньский язык») и обозначает вместе с ними всю совокупность многочисленных западноевропейских партнёров Новгорода, в будущем составивших Ганзейский торговый союз. Исследователи отмечают тесную близость договора к Русской Правде и приведённую выдержку из него напрямую связывают с 15 статьёй Краткой Правды, которой воспользовались при составлении договора («Аже где възыщеть на друзѣ проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще боудеть обидя не вдал боудеть до стино емоу свои скот, а за обиду 3 гривне»)¹³⁹. Этот вывод подтверждает и архаичный денежный счёт «скот», который уже столетием раньше, в XI в., являлся пережитком и в дальнейшем отмирает раньше, чем куны¹⁴⁰. Таким образом, договор отражает не только традицию бытования термина «варяги» в последние десятилетия XII в. в значении «западноевропейцы», но и практику его давнего функционирования в этом значении¹⁴¹.

Важно отметить, что в рассматриваемом договоре термин «варяги» применён в практике новгородского делопроизводства в последний раз. Вместо него с тех пор в том же смысловом значении в актовом материале используется термин «немцы». Дополнительные свидетельства в отношении значения термина «варяги» применительно ко времени составления ПВЛ даёт НПЛ: она сообщает под 1152, 1181, 1217 и 1311 гг. о пожаре Варяжской церкви (под 1217 добавлено, что в ней «изгоре товар вьсь варязьскыи бещисла»), под 1188 г. — «рубоша новгородьце варязи на гътех, немьце в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаша варягом, нъ пустиша я без мира», под 1201 — «А варягы пустиша без мира за море. ... А на осень придоша варязи горою на мир, и даша им мир на всеи воли своеи», под 1204 г. — о варягах, защищавших Царьград, под 1299 г. — о Варяжской улице¹⁴² (по М.П. Погодину, все эти показания лишний раз говорят в пользу норманства варягов эпохи Киевской Руси)¹⁴³.

Под Варяжской церковью обычно понимают церковь св. Олава на Готском дворе¹⁴⁴. Однако А. Стендер-Петерсен полагал, что таковой следует считать церковь св. Петра на Немецком дворе¹⁴⁵ (начало существования этих дворов в Новгороде относят и к XI, и к XII вв.¹⁴⁶). Но Варяжской церковью для новгородцев, в умах которых давно уже слились понятия «немцы», «латины» и «варяги» (и потому все католические храмы в их восприятии были «варяжскими божницами», независимо от того, кто их ставил: готландцы, шведы, немцы), одинаково были и церковь св. Олава, и церковь св. Петра¹⁴⁷. В свя-

зи с чем «варяжский поп» «Вопрошания» Кирика не может быть указанием на присутствие в Новгороде только готландцев или только скандинавов вообще¹⁴⁸. «Варяжский поп» здесь — это служитель «латинской веры», названной в документе: «Оже боудеть кый человек и крещён в латиньскую веру, и въсхощеть пристоупити к нам?»¹⁴⁹. А её представлять в Новгороде, учитывая его самые широкие и активные связи со многими странами Западной Европы, могли многие западноевропейцы и не обязательно скандинавы (как подчёркивал в 2005 г. французский исследователь В.А. Водов, «Вопрошание Кирика» указывает на «присутствие в Новгороде представителей Латинской Церкви»¹⁵⁰. И только).

Название Варяжской улицы (Торговая сторона), напротив, связано с собственно варягами, т. е. с определённой народностью. Точно так же обстоит дело и в случае с другими древними топонимами города: Славенский конец (Торговая сторона), Неревский конец (Софийская сторона, от финно-угорского племени неревы или наровы, проживавшего на северо-западе Новгородской земли), Чудинцева (Софийская сторона) и Прусская улицы. В пользу высказанного предположения говорит тот факт, что Немецкий и Готский дворы размещались не на Варяжской улице, а на Михайловой (Готский) и между улицами Ильиной и Славной (Немецкий), расположенных соответственно на южной и восточной стороне Ярославова Дворища¹⁵¹. Эти дворы возникли, видимо, там, где «заморским» купцам вначале были отведены места для жилья и торговли, и тогда, когда Варяжская улица являлась давним элементом топографии города, и, следовательно, не имели непосредственного отношения ни к ней, ни к её названию (что и различалось новгородцами, вкладывающими разный смысл в названия Варяжская улица и «Варяжская божница»). М.Н. Бережков свидетельствует, что в книге Водской пятины 1500 г. в Ладоге упомянута «Варяжская улица», за которой также, конечно, стоят варяги самой ранней поры¹⁵².

Большинство наших учёных, касаясь сообщения летописи под 1188 г. о конфликте новгородцев с варягами («рубоша новгородьце варязи на гътех, немъце в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаша варягом, нъ пустиша я без мира»), трактуют его как заключение варягами и немцами новгородцев в тюрьму соответственно на Готланде и в городах Восточной Швеции в ответ на разгром русскими, карелами и эстами шведской Сигтуны в 1187 году. При этом видя в варягах в основном готландцев, а под немцами то шведов, то немецких купцов в Висби, добавляя, что договор 1189–1199 гг. непосредственно связан с событиями 1188 г., и что русско-шведские отношения нормализовались лишь в 1201 г.¹⁵³ В 1984 г. лингвист А.А. Зализняк установил, что глагол «рубить» («рубоша») является одной из форм глагола «рути» (подвергать конфискации). И через два года он предложил иную интерпретацию статьи 1188 г.: «Новоторжец» — не название города, что исключено по нормам русского языка, а обозначение жителя города Новый Торг (Торжок). Соглашаясь с И.П. Шаскольским, что «немъце» Синодального списка — это описка (оно должно стоять в именительном «немцы»), учёный дал её перевод: «варяги, готландские немцы, конфисковали товар у новгородцев за вину Хоружки и новоторжцев»¹⁵⁴.

Таким образом, Зализняк, как не относиться к его прочтению рассматриваемой статьи, совершенно верно подметил абсолютное тождество для конца XII в. терминов «немцы» и «варяги», которые в связи с этим в равной степени были приложимы к готландцам, как к одному из западноевропейских («немецких», «варяжских») народов (в 1994 г. его мнение в целом оспорил датчанин Дж. Линд, считая, что оно не имеет не лингвистической и не исторической основы, что «по смыслу „немцы“ не могут быть поясняющим определением к слову „варяжи“»). Но они и есть именно пояснение, что как раз и следует из источника. Вот почему в XIX в. А.Х. Лерберг и М.П. Погодин не сомневались, что «немцы есть прибавка, объясняющая варягов»¹⁵⁵). Наличие немцев (купцов) на Готланде исследователи относят то к 1135 г., то к концу этого века, то неопределённо называется всё столетие¹⁵⁶. А. Шюк и С.Д. Ковалевский констатировали, что иммиграция немецких купцов на остров, начавшаяся в XII в., превратила Висби в немецкий город, «и готландский элемент населения играл там подчинённую роль»¹⁵⁷. Что, несомненно, ещё больше усиливало представление русских о готландцах как о «немцах». Само же выражение «готские немцы», сконструированное по принципу (который начал тогда формироваться), как, например, «свейские немцы», т. е. шведы, означало лишь одно — готы.

Пояснение готландцев сразу же двумя равнозначными словами «варяги» и «немцы» могло быть сделано либо одновременно (тогда, когда первое стало выходить из практики употребления), либо же одно из них впоследствии было уточнено другим, уже безраздельно господствующим в письменной традиции в качестве знака принадлежности к западноевропейцам, или же, наоборот, уже вышедшим из употребления. В летописях встречаются оба варианта. В рассматриваемой статье наличествует как раз первый случай: в 90-х гг. XII в. термин «варяги», заменённый «немцами», полностью исчезает, как уже отмечалось, из новгородского делопроизводства, будучи упомянутым в последний раз в договоре 1189–1199 годов. В новгородской церковной литературе это происходит, если судить по «Вопрошанию Кирика», в 30-х гг. того же века, в новгородских летописях — в самом начале следующего.

Вместе с тем термин «немцы» начинает постепенно вытеснять собой конкретные наименования западноевропейцев. Так, если в новгородских договорных грамотах XIII в. (1262–1263, 1269) готландцы именуются и «готами», и «немцами», то в таких же документах XIV столетия (1342, 1371, 1372) — исключительно только «немцами», «немецкими детьми», «немецкими купцами», «немецкими гостями» с «Готского берега». В договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. западноевропейские контрагенты смольнян именуются в большинстве своём «немцами» и «латинами» и очень редко — «рижанами» и «готами»¹⁵⁸ (по В.Я. Петрухину, термином «латинский» определяется этноконфессиональная принадлежность, по С. Франклину, «латинянами» были все живущие в Западной Европе, те, кто не использовал в качестве письменного языка греческий или славянский. «Примечательно, — акцентирует внимание славист, — что слова „латинский“ и „немецкий“ оказываются взаимозаменяемыми»¹⁵⁹). В последующих соглашениях XIII в., заключённых между названными сторонами, уже наличествует только термин «немцы» (лишь в одном случае

определена юрисдикция, как специально подчеркнуто, «рижских» и «готских» судей в отношении тяжб смольнян вне пределов своей земли)¹⁶⁰.

Сами же варяги статьи под 1201 г. («А варягы пустиша без мира за море. ... А на осень придоша варязи горою на мир, и даша им мир на всеи воли своеи») — это те западноевропейцы-«варяги», которые к данному моменту захватили районы южной и юго-восточной Прибалтики («нерусская» Восточная Прибалтика для русских также находилась, о чём выше шла речь, «за морем». Как отмечается, например, в «Песне о Щелкане Дюдентьевиче», «уезжал-та млад Щелкан в дальнюю землю Литовскую, за моря синяя»¹⁶¹. На ту же Восточную Прибалтику прямо указывает и путь «горою», т. е. сушей). Захватили и старались там всемерно закрепиться: в 1186 г. в нижнем течении Западной Двины уже было основано «Икскюльское епископство в Руси» во главе с викарием епископа Бременского. В 1198 г. папа римский Целестин III провозгласил северный крестовый поход против ливонских язычников (так шаг за шагом страшно жадные до добычи крестоносцы целенаправленно стали, при самой активной поддержке Священной Римской империи и римской курии, приближаться к богатым и цветущим северо-западным русским землям: Русь в представлении, например, датчан, согласно схолии к Адаму Бременскому, — «словно орошаемый сад, изобилует всеми благами»). В 1201 г. крестоносцы заложили крепость Ригу, в связи с чем под их контролем оказалась вся торговля по Западной Двине, верховья которой находились в руках полоцких князей.

В тот же год епископская резиденция была перенесена из Икскюляе в Ригу, а «епископство Ливония» было отделено от Бременской епархии¹⁶² (через год был организован воинственный Орден меченосцев как государство в Ливонии. И агрессия крестоносцев, опиравшихся теперь на боеспособную церковную организацию и насилем несущих местным народам католицизм, продвигается вглубь ливонских земель. В 1212 г. они подчинили себе всю Ливонию, а затем Северную Латгалию, острова Эзель и Моон. В 1219 г. к захвату прибалтийских земель приступили датчане¹⁶³). Появление на западных рубежах столь энергичного и столь же бесцеремонного соседа не могло не вызвать реакции Новгородской республики как по собственному почину (затрагивалась традиционная сфера её влияния), так и по просьбе полоцких князей и прибалтийских народов, ведших борьбу против агрессии Запада. Поэтому для улаживания конфликта с новгородцами, уже, возможно, имевшего место, или для их нейтрализации с целью развязывания себе рук в землях прибалтов могло прибыть в Новгород посольство «варягов»-крестоносцев. Мнение же «советского антинорманиста» В.Т. Пашуто и сегодняшних «взвешенных» норманистов Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина и В.А. Кучкина, что «варяги» статьи 1201 г. — это есть либо шведы, либо собирательное название скандинавов¹⁶⁴, представляет собой очередную дань норманизму.

В обоих изводах НПЛ под 1204 г. читается «Повесть о взятии Царьграда фрягами» (но она в ней не озаглавлена и представляет собой обычную годовую статью), которую подавляющая часть исследователей считает по происхождению новгородской, написанной либо очевидцем падения Константинополя 13 апреля 1204 г., а в нём обычно видят Добрыню Ядрейковича, будущего нов-

городского архиепископа Антония, либо с его слов вскоре по возвращению на родину из путешествия в Царьград между 1200 и 1204 гг.¹⁶⁵, и в которой присутствуют варяги (эту «Повесть» излагает большое число летописей, также содержащих информацию о «варягах»: Летописец Еллинский и Римский, в котором она имеет уже заголовок «О взятии богохранимаго Костянтина-града от фряг», Софийская первая, Воскресенская, Никоновская и др.¹⁶⁶).

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что памятник называет захватчиков и беспощадных разорителей Константинополя исключительно «фрягами» (а также рассказывает о действии этих «фряз» под стенами столицы Византии летом 1203 г., в результате чего на престоле вновь воссел Исаак II Ангел, а его соправителем стал сын Алексей IV), во главе которых, по его перечислению, стояли Бонифаций, маркграф Монферратский, фландрский граф Балдуин и венецианский дож Дандоло. А заканчивается он словами, показывающими полнейшую равнозначность терминов «фряги» и «латины»: 9 мая «поставища цесаря своего латина Кондо Фларенда своими пискупы, и власть себе разделиша: цесареви град, а Маркосу суд, а Дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтинаграда и земля Грьчская в сваде (междоусобии. — В.Ф.) цесарев, еюже обладают фрязи»¹⁶⁷ (участниками Четвёртого крестового похода, под ударами которых пал Константинополь, являлись многие западноевропейцы: французы, венецианцы, итальянцы вообще, фламандцы, немцы, крестоносцы из германских земель, какие-то ещё люди «из других стран»¹⁶⁸, этническая принадлежность которых не раскрыта).

«Повесть», рассказывая об осаде города войском крестоносцев, сообщает, что его обороняли, наряду с «греками», варяги¹⁶⁹. В этих варягах обычно видят датчан и англичан, что, по мысли норманистов, якобы ещё раз доказывает скандинавское происхождение летописных варягов. В своих мемуарах видный предводитель Четвёртого крестового похода маршал Шампани Жоффруа Виллардуэн, ведя речь о захвате Константинополя в июле 1203 г. (византийский престол, утраченный Исааком Ангелом, просил вернуть его сын Алексей IV), отмечает, что когда в город вошли послы крестоносцев, то «греки расставили от ворот до Влахернского дворца англичан и датчан, вооружённых секирами». В записках амьенского рыцаря Робера де Клари сказано, что 12 апреля 1204 г. город обороняли «англичане, датчане и греки». На следующий день, продолжает он далее, греческие «духовные лица в торжественных облачениях (там были англичане, датчане и люди других племён) являются процессией в лагерь французов, просят у них милости»¹⁷⁰.

Ещё Г.З. Байер обратил внимание на тот факт, что термин «варанги» (варяги) фиксируется в византийских источниках очень поздно — под 1034 годом. С.А. Гедеонов установил, что слово «веринг» появляется в сагах около 1020 г., причём они так именуют только тех скандинавов, кто служил в «варангском корпусе» в Византии. Как затем доказал В.Г. Васильевский, термин «варанги» был связан с русско-славянским военным корпусом (который, как принято считать, был прислан великим князем Владимиром Святославичем в 988 г. по просьбе Византии). Учёный, рассмотрев все сведения о пребывании варягов в Византии, показал, что славяно-русский элемент варяжского корпуса, из

которого он изначально состоял, в 80-х гг. XI в. был заменён западноевропейцами, прежде всего англичанами (толчком к переселению которых послужило нормандское завоевание Британии в 1066 г.), но сохранил своё прежнее название варангов-варягов, и что только после 1085 г. «англо-саксы сделались варингами в смысле лейб-гвардии» (сегодня византинист М.В. Бибилов также подчёркивает, что в варяжском корпусе русские уступают своё место выходцам из Англии и Скандинавии с 70-х гг. XI в. и что в XIV в. византийцы «варяжский» язык называли английским)¹⁷¹.

А.Г. Кузьмин, констатируя, что византийские хронисты Скилица и Кедрин называют варангов кельтами (а это разъяснение «указывает на происхождение если не всех, то каких-то конкретных варангов»), заметил, что аргументация Васильевского может быть существенно усилена и дополнена: папа римский Григорий VII незадолго до своего падения и смерти, последовавшей в 1085 г., «в ультимативной форме потребовал перевода всех монастырей на римский устав и фактической ликвидации самостоятельности бритто-ирландской церкви, которая была всегда гораздо ближе к Константинополю, нежели к Риму. Поэтому массовая миграция коснулась в первую очередь не англосаксов, в большинстве своём давно подчинявшихся Риму, а бриттов и других кельтов». Причём они не были католиками, в связи с чем удовлетворяются «уже ранее существующей здесь варяжской церковью Богородицы, принадлежавшей Константинопольскому патриаршеству», а не Риму¹⁷². Это, во-первых.

Во-вторых, среди защитников Константинополя были не только англичане и датчане, но и представители иных европейских народов или, как их в общем характеризует де Клари, «люди других племён», которые в русском памятнике названы обобщающим именем «варяги» (и в том же смысловом значении использован в «Повести» и термин «фряги»). В письме неизвестного рыцаря, участвовавшего в событиях июля 1203 г., рассказывается, что Галатскую башню, расположенную в предместье Константинополя и от которой шла знаменитая цепь, закрывавшая вход в залив Золотой Рог, охраняли и упорно защищали от крестоносцев «пизанцы, генуэзцы, дакийцы и другие»¹⁷³ (интересно отметить в данной связи, что в одной из еврейских версий повести об Александре Македонском, восходящей к латинской версии X в. через утерянную арабскую, приписываемую Самуилу ибн Тиббону (приблизительно 1150–1230), «англы» истолкованы не как жители Англии, а как варяги славянской земли, набранные среди «англосаксонских» наёмников Византии¹⁷⁴).

После того как термин «варяги» с рубежа XII–XIII вв. исчезает из северо-западной, новгородской письменной традиции, где он сохранялся дольше всего, летописцы при описании современных им событий, в коих была задействована известная часть западноевропейцев, вместо него (но он остался бытовать в церковной и устной традициях) начинают употреблять абсолютно равнозначное ему слово «немцы». Одновременно с тем этим термином наши книжники начинают оперировать при обращении к далёкому прошлому своей Родины, в результате чего они Рюрика стали выводить «из немец». Причём некоторые из них дают примеры как дублирования «варягов» «немцами» («избрашася от варяг от немец три брата с роды своими», Псковская третья летопись), так и по-

яснения «варягов» «немцами» («востаха кривичи, и словяни, и чюдь, и мера на варягы, рекше на немци и изгнаша я за море», Тверской сборник)¹⁷⁵. Встречаются случаи и обратной замены «немцев» на «варягов». Так, в Рогожском летописце (свод второго десятилетия XV в.), известном в единственном списке 1440-х гг., в рассказе под 986 г. о приходе к Владимиру посольств вместо «немцев» (католиков) к князю явились уже «варяги»: «приидоша к Владимиру бохмичи и варязи и жидове»¹⁷⁶. В ранних летописях в этом случае сказано иное: «придоша немьци... от папежа» (Лаврентьевская), «от Рима немци» (Радзивилловская), «немци от Рима» (Ипатьевская)¹⁷⁷.

Имеются памятники, которые демонстрируют ещё одно значение термина «варяги». В Основной и Летописной редакциях (списки XVI–XVIII вв.) «Сказания о Мамаевом побоище» (его создание датируют широкими рамками: от первой четверти XV в. до начала XVI в.) говорится, что литовский великий князь (речь идёт о Ягайло, но читается имя его отца Ольгерда) «съвокупи литвы много и варяг и жемоти и поиде на помощь Мамаю». Варяги этого известия представляются исследователям довольно тёмным местом, т. к. не вписываются в сложившиеся стереотипы, поэтому буквально единицы из них затрагивали данный сюжет. В 1998 г. Б.М. Клосс прокомментировал приведённую строку в норманистском духе, не преминув при этом бросить упрёк русскому книжнику: «Варягами в древней Руси называли скандинавов, преимущественно шведов. Их участие в походе литовского великого князя к Куликову полю нужно отнести к догадкам автора “Сказания”». В трёх списках памятника — в Ундольском (Основная редакция), в Вологодско-Пермской летописи (Летописная редакция) и в Пражском, относящихся к XVI–XVII вв., — упомянуты «дунайские варяги». И опять Клосс просвещает: «На р. Дунае варяги не жили»¹⁷⁸.

С «дунайскими варягами», если, конечно, не смотреть на них глазами норманиста, всё обстоит довольно просто: так наш книжник охарактеризовал турок (причём в некоторых списках они названы под своим именем), ведущих в то время наступление на Болгарию (в 1382 г. они захватили Софию, а в 1393 г. завоевали последнее Болгарское царство). В Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» турки названы «дунайскими татарами», в Распространённой редакции «дунайскими врагами», в Забелинском списке «дунайскими агарянами». В ПВЛ под 1061 г. сообщается о пришествии половцев на Русь. Как уточняет при этом летописец: «Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг. Бысть же князь их Искал». Данная информация с незначительным изменением повторяется во многих летописях, содержащих в себе ПВЛ. Эти изменения, как правило, касались только имени половецкого хана, которое звучало то как Сокал, то как Сокол. Но в трёх списках Воскресенской летописи (XVI–XVII вв.) вместо «безбожных враг» уже читается «безбожных варяг».

И ряд «татары-турки-агаряне-половцы-враги-варяги» весьма логичен и не является плодом слепой ошибки или описки переписчиков, для которых все эти термины давно уже имели одинаковую и вместе с тем крайне негативную окраску, что в конечном итоге и предопределяло их взаимозаменяемость. Этот ряд абсолютно точно высвечивает то значение, которое вкладывалось русскими людьми позднего времени в термин «варяги» — это название врага Руси во-

обще, независимо от того, где он находился: на Западе или на Востоке. Это одновременно и название врага всего славянского мира. В свете равнозначности терминов «варяги», «немцы» и «агаряне», лишённых своего конкретного этнического содержания, и следует рассматривать варягов войска Ягайло «Сказания». Вполне вероятно, что его автор говорит о западноевропейских наёмниках литовского великого князя, а именно о крестоносцах. В мае 1380 г. Ягайло заключил тайный договор с Орденом, направленный против его дяди Кейсту-та, но вместе с тем позволявший ему, по оценке Б.Н. Флори, бросить все силы княжества на восток. В рамках этого соглашения Ягайло мог, конечно, обговорить участие крестоносцев в своём выступлении против Москвы, заполучив тем самым поддержку весьма опытных и высокопрофессиональных воинов, не раз встречавшихся с русскими на поле битвы и не раз их побеждавших¹⁷⁹.

Термин «варяги», олицетворявший собой образ злейшего врага Руси и России вообще, уже поработившего южных славян, используется в позднейших памятниках с целью особо выделить народы, от которых исходила смертельная угроза православному миру и действия которых с особенной силой проявились в самые тяжёлые для нас времена. Так было в случае с половцами, татарами, турками. Точно также обстоит дело со шведами и их наёмниками, которым смог противостоять в эпоху страшного монгольского разорения в 1240 г. Александр Невский и которые посягнули в Смутное время, потрясшее основы нашего государства, на святую обитель — Тихвинский Богородице-Успенский монастырь (его осада шведами длилась с июня по сентябрь 1613 г. и завершилась их поражением), где находился чудотворный образ Богородицы. В Софийской первой летописи (список конца XV — начала XVI в.) находится общерусская летописная редакция 40-х гг. XV в. «Жития Александра Невского», где в информации о Невской битве шведы и их союзники (норвежцы и финны) названы не только «римлянами», посланными на Русь королём «части Римское», но и как «сила варяжска»¹⁸⁰.

Для норманистов, например, А.А. Куника, М.П. Погодина и Ф.А. Брауна приведённые известия были дополнительным доказательством якобы шведского происхождения варягов¹⁸¹. Но «сила варяжска», как и рядом стоящие «римляны», лишена этнического содержания. Это видно, в том числе и потому, что к шведам и их союзникам, включая негерманцев финнов, русские памятники используют точно такого же характера определения: наряду с терминами «римляне» и «король части Римское» («король римский») присутствуют выражения «свея», «немцы», «немцы швеяне», «латины», «римская сила». В редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» Дмитрий Иванович просит помощи у Господа, которая была оказана «прадеду моему Александру на хвалящагося короля римского разорити его отечество» (или «на хвалящагося короля немецкого разорити отечество его»), а также подчёркивается, что князь Александр, «реку Неву прешед, короля немецкого победи»¹⁸².

В «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» сказано по случаю возвращения Ивана Грозного из победоносного похода на Казань, что Господь даровал ему победу, как он помог «святому Александру Невскому латын победить»¹⁸³. Царь в первом послании А.М. Курбскому (1564)

в числе выдающихся русских правителей назвал Невского, «иже над безбожными немцы победу показавшего». Он же в послании к польскому вице-регенту Ливонии А.И. Полубенскому в 1577 г. также упоминает «преславного великого князя Александра, иже над римскими немцы на Неве победу показавшего»¹⁸⁴. В частном родословце XVII в. говорится о битве на Неве с «немецким королём» и «немцами»¹⁸⁵. Списки Новгородской Погодинской летописи второй редакции (XVIII в.) содержат статью «О Александре Невском како победи немец на реке Неве», где речь идёт только о «немцах»¹⁸⁶. В грамоте, утверждающей об избрании царём Бориса Годунова (1598), подчёркивается, что благоверный князь «над германы показа преславную победу на Неве»¹⁸⁷.

В пространной редакции «Сказания об осаде Тихвинского монастыря в 1613 г.» к шведскому войску, во главе которого стоял Я.П. Делагарди, восемь раз приложен термин «варяги» (по заключению Г.М. Коваленко, высказанному в 2010 г. в духе двухсотлетней давности, этот факт свидетельствует «в пользу того, что в Новгородских землях бытовало какое-то предание о том, что варяги были выходцами из Швеции»). Но в большинстве своём подчинённые Делагарди именуются «немцами» из «Немецких земель» и очень редко «свийскими немцами» из «Свийской земли». О самом командующем говорится как о «немецком воеводе», да один раз подчёркнуто, что «он латынянин». Термины «варяги» и «немцы», что придаёт им резко негативное звучание, сопровождаются эпитетами «зловверные», «поганные» и «безбожные», т. к. захватчики выступили не только против «правовверных», но и против самой Богородицы, вставшей на защиту обители¹⁸⁸.

Пустоту утверждений норманистов в отношении приложения поздними памятниками термина «варяги» к шведскому воинству демонстрирует Краткая редакция «Сказания», которая читается в Новгородской третьей летописи краткой редакции и в которой воины Делагарди именуются «немцами» и «еллинами» («окаянными», «погаными», «безбожными», «зверьями лютыми», желавшими «православную веру попать»). Автор заостряет внимание на «еллинской вере» командующего, характеризуя его как «губителя православных христиан, разорителя святых Божиих церквей», и лишь в нескольких случаях называет его «свейским воеводой»¹⁸⁹ (непримечательно, что шведов за их преступления в Смутное время против русских и православия было столь велико, что в своём «Временнике» Иван Тимофеев, очевидец шведской оккупации Новгорода, вообще не использует термины «свеи» или «шведы», и именует шведов исключительно только «еллинами» и «еллинским языком»¹⁹⁰).

Термин «эллины» пришёл к нам из Византии, где означал одно — язычник. На русской почве он не только сохранил своё значение, но и приобрёл ещё смысл «неправославный, нерусский, нечестивый», «злейший враг русских, православных». И его наши книжники так же, как и термин «варяги», использовали применительно к тем народам, которые веками представляли смертельную угрозу для русского народа. Именно по этой причине в «Сказании о Мамаевом побоище» «еллинами» именуются татары и Мамай, которые даже разговаривают на «еллинском» языке¹⁹¹. Применяли этот термин к своему языческому прошлому и русские авторы: в том же памятнике устами Дмитрия Ивановича сказано,

что Владимир Святославич «изведе нас от страсти еллинския, ему же бог откры познати православную веру»¹⁹². А служба позднего времени святому Владимиру уточняет: вместо первоначального «ты же от еллин родися» уже читается «ты же от варяг родився»¹⁹³).

Учёные связывают пространную редакцию «Сказания», извлечённую из рукописи 1658 г., написанной в Тихвинском монастыре, с именем его иконописца Родиона Сергиева (1618–1689) (сравнительно недавно Г.П. Енин высказал мнение о создании пространной редакции в 1636 г.). По оценке С.Ф. Платонова, обе редакции «Сказания» близки между собой. Краткая, написанная очень просто и принадлежащая очевидцу осады (Енин видит в нём защитника монастыря, человека, видимо, воинского звания), переделана в пространной версии «в риторически напыщенную повесть», где не внесено ничего нового из истории обороны монастыря, но имеются прибавления из Хронографа 1617 г. и Нового летописца (около 1630 г.)¹⁹⁴. В последнем, надо отметить, участники осады обители, восставшей против захватчиков, именуются исключительно «немцами» (в его переработанной редакции, осуществлённой в 1658 г. и получившей название «Летопись о многих мятежах», речь также идёт лишь о «немецких людях»¹⁹⁵).

В рассуждениях Г.М. Коваленко по поводу смысла термина «варяги» пространной редакции «Сказания об осаде Тихвинского монастыря в 1613 г.» имеется ещё один серьёзный изъян, ибо он, равный по смыслу терминам «немцы» и «латины», прилагался не к шведам конкретно, а к весьма пёстрому по национальному составу контингенту, куда входили многие западноевропейцы. По словам А.И. Гиппинга, войско шведов, прибывшее в Россию по Выборгскому договору 1609 г. и оккупировавшее затем её обширные северо-западные земли, «было шведским только по имени, а состояло... из людей почти всех наций: французов, англичан, шотландцев, немцев, финнов, немногих шведов» (по вышеприведённой цитате, «и шкотцких, и дацких, и фрянцовских, и аглинских, и голанских, и боробанских и иных земель»). Как отмечается в ряде списков Новгородской третьей летописи краткой редакции, француз по происхождению Делагарди, «князь немецкий из Немецкой земли» привёл «воев со всей Фряжской (Фряския) земли»¹⁹⁶, т. е. из всей Западной Европы.

А «на разорение обители Богоматере», о чём говорит «Сказание», он приказал из Швеции «и из инех земель призвати многие немецкия полки», вместе с которыми монастырь осаждали, а следовательно, и были отнесены к «варягам», «польские полки», «литовские люди», «литва»¹⁹⁷ (да и «литва» не может точно указывать на этническую принадлежность по причине как своей равносильности «полякам», так и нахождения вначале в составе Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой русских территорий, населённых русскими людьми. При Василии III, констатировал В.О. Ключевский, с князем М.Ю. Глинским «выехала из Литвы толпа западноруссов, которые целым Гнёздом были испомещены в Муромском уезде и назывались «Глинскими людьми» или просто «литвой». Точно также в 1535 г., в правление Елены, выехало на службу государя московского 300 семейств «литвы» с жёнами и детьми»¹⁹⁸).

Таким образом, эволюция термина «варяги» от частного (собственно варяги IX–X вв., внёсшие значительный вклад в историю Руси) в общее (западноев-

ропейцы) завершилась трансформацией в понятие, с которым (под влиянием церковной традиции, ведущей своё начало от полемических сочинений эпохи Руси против католицизма) ассоциировались самые тёмные для нас силы¹⁹⁹. Практика приложения русскими термина «варяги» ко многим европейским народам, кровно не связанным между собою, долго бытовала в нашем Отечестве и была зафиксирована иностранцами. Так, согласно свидетельству П. Петрея, приведённому выше, в России в начале XVII в. варягами именовали германцев, финнов, куршей, славян Южной Балтики. Через сто с лишним лет Ф.И. Страленберг, также опираясь на живую традицию, с которой ознакомился в русском плену, констатировал, что «варяги есть имя общественное, которым назывались известные народы, обитавшие около Балтийского моря»²⁰⁰.

Но при этом русские писатели всегда отделяли варягов времени Руси от современных им «варягов-немцев-латинян», отношение к которым после Флорентийской унии 1439 г. и падения Константинополя в 1453 г. стало ещё более негативным. Выше цитировались поздние летописи, выводившие Рюрика «из немец», но при этом продолжавшие утверждать, что «от тех варяг находничехъ прозвашася Русь, и от тех словес Русская земля; и суть новгородстии людие и днешний дне от рода варезеска, преже бо беша словене»²⁰¹. В Никоновской и Симеоновской летописях под 1471 г. сторонники Москвы в Новгороде увещевают противников, настроенных пролитовски: «Не лзе, брате, тому так быти, якоже вы глаголете, за короля нам датися и архиепископа поставити от его митрополита, латинина суща; а изначала отчина есмы тех великих князей и от первого великаго князя нашего Рюрика, егоже по своей воли взяла земля наша из варяг князем себе и с двема браты его»²⁰². В «Великих Минеях Четьях» митрополита Макария, созданных в 40-х гг. XVI в., читается, что Владимир, правнук Рюрика, «от варяг на княжение российское призванного»²⁰³.

9.3 Тенденциозная трактовка норманистами иностранных источников

Отсутствие в русских памятниках оснований для норманской версии прямо признал, под воздействием аргументов С.А. Гедеонова, А.А. Кунник, подчеркнув в 1875 г., что «одними ссылками на почтенного Нестора теперь ничего не поделаешь». И по этой причине он через три года предложил во имя спасения норманизма ПВЛ «совершенно устранить и воспроизвести историю русского государства в течение первого столетия его существования исключительно на основании одних иностранных источников»²⁰⁴ (да параллельно с тем, как уже отмечалось, ещё настаивая на том, что чисто исторический вопрос — варяжский — следует разрешать только посредством лингвистики). Из числа иностранных источников особое значение придаётся скандинавским. Именно через их призму глядят сейчас на историю Руси, именно ими поправ-

ляют и комментируют нашу Начальную летопись — самый главный источник по русской истории IX–XI вв., превращая её в приложение к висам, рунам, сагам. Но те же исландские саги, вобравшие в себя историческую память скандинавов, дают самый точный ответ на вопрос о времени появления скандинавов на Руси, а следовательно, и самую точную оценку состоятельности всех разговоров о варяжской руси как представительнице норманского мира.

В XIX в. Н.И. Костомаров, С.А. Гедеонов и Д.И. Иловайский указали (а на этом факте в наше время правомерно заострял внимание А.Г. Кузьмин), что многочисленные саги, уделявшие самое пристальное внимание генеалогиям своих конунгов и в самых мельчайших деталях их расписывавшие, не ведают даже об именах русских князей до Владимира Святославича (а его бабушку Ольгу-Аллогию они знают лишь по припоминаниям самих русских). К тому же ни в одной из них, отмечал Гедеонов и этот принципиальный факт, не сказано, чтобы Владимир, знаменитый по всему Северу прославленный Гардский династ, «состоял в родстве с норманскими конунгами», но чего стоило бы ожидать при той «заботливости, с которою саги выводят генеалогию своих князей» (и рассказывают обо всём «с своим обычным преувеличением и хвастовством», но не знают «ни о *Рюрике*, ни об *Олеге*, ни об *Игоре*, ни о *Святославе*, ни об основании государства норманнами»). Более того, констатировал учёный, в них «не только нет намёка на единоплеменность шведов с так называемою варяжскою русью, но и сами русские князья представляются не иначе как чужими, неизвестными династами». После чего справедливо заключил, что никакими случайностями не может быть объяснено «молчание скандинавских источников о Рюрике и об основании Русского государства»²⁰⁵.

С наблюдением названных антинорманистов абсолютно согласуется заключение норманиста Ф.А. Брауна: что «более ясные географические сведения о России начинают появляться в сагах только с самого конца X в.». Вместе с тем он заострил внимание на двух опять же принципиально важных фактах, которые позволяют без особого труда определить нижнюю и верхнюю границы времени пребывания скандинавов на Руси. Во-первых, «о хазарах, насколько мне известно, сага нигде не упоминает. Могу даже положительно утверждать, что их там нет и быть не может». А во-вторых, «из южнорусских кочевых народцев в саги попали лишь печенеги... и может быть, половцы»²⁰⁶ (об отсутствии в сагах «малейшего следа о хазарах» вели речь В.И. Ламанский и В.А. Пархоменко, а в 1973 г. М.Б. Свердлов уточнил, что в «Саге об Эймунде», о на которую ссылался Браун, названы не половцы, а печенеги»²⁰⁷).

Позже, в 1913 г., Браун подчёркивал, что наибольшего напряжения тяготение скандинавских воинов к Руси и Византии достигло в конце X — начале XI в., что только этот поздний варяжский период и отразился в сагах, сохранив до нас яркую память о Владимире Святославиче и Ярославе Мудром и что из византийских императоров первым упоминается в сагах Иоанн Цимисхий²⁰⁸. Сегодня норманист Т.Н. Джаксон также констатирует, что информация саг касается лишь княжения Владимира Святославича и его сына Ярослава Мудрого, что «саги, внимательные к генеалогиям, не знают предков “конунга Вальдамара” и величают его “Вальдамаром Старым”, т. е. первым в роду», и молчат

о скандинавском происхождении русских князей, хотя к союзу с могущественной Русью «стремились скандинавские страны»²⁰⁹.

Но чего нет в источниках, всегда можно, как демонстрирует история возникновения и бытия норманской версии, придумать и «взвешенно» обосновать. Вот и Г.В. Глазырина решила опровергнуть факт (потому как он смертелен для норманизма), по которому «считается общепринятым, что скандинавские источники не знают древнерусских князей до Владимира Святославича (978–1015)». И в 1996–2013 гг. она, прекрасно зная как скандинавист, цену сагам, объявила конунга Ингвара из Гардов в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом», созданной около 1300 г., князем Игорем: «Кроме совпадения имён (др.-сканд. *Yngvarr* > *Игорь*), в пользу этого отождествления говорит и то, что сага делает Ингвара конунгом Ладоги (но в саге назван Альдейгьуборг. — В.Ф.): именно отсюда (может быть, с Городища), вероятнее всего, двинулся по Днепровскому пути на юг летописный Игорь с Олегом» (указанная сага принадлежит к группе «саг о древних временах», именуемых специалистами «мифологическими, легендарными, фантастическими, лживыми», последняя оценка принадлежит современнику записи этих саг в конце XII — XIV в.)²¹⁰.

Подобное «прочтение» саги есть характерный для норманистики чистейший источниковедческий произвол и вымысел, с воодушевлением подхваченный единомышленниками Глазыриной (Е.В. Пчеловым, В.Г. Вовиной-Лебедевой и др.). По оценке Д.А. Мачинского и М.В. Панкратовой, изложенной в 2002 г., «Глазырина совершенно права, сопоставляя этого конунга с Игорем-Ингорем русских и византийских источников, тем более что имеются основания говорить о существовании северного домена Игоря с центром в Ладоге». Е.А. Мельникова, также принимая «открытие» Глазыриной, в свою очередь постаралась хронологически углубить присутствие в скандинавских источниках русских правителей до Владимира Святославича: имея в виду героя «Саги об Оде Стреле», принадлежащей к той же группе «саг о древних временах», она утверждала в 2015–2017 гг., что «история князя Олега (*Helgi*) отразилась в образе викинга и “правителя Гардарики” Одды Стрелы»²¹¹.

Однако все эти выдумки представителей норманистской науки рассыпаются в прах от наблюдений, что были сделаны антинорманистами и норманистами Костомаровым, Геденовым, Иловайским, Брауном, Ламанским, Пархоменко и Свердловым и из которых неопровержимо следует, что скандинавы в своей массе начали бывать на Руси уже после исчезновения из русской истории хазар, разгромленных, по ПВЛ, в 965 г. Святославом, и посещали её самое короткое время — где-то с 978 г., т. е. с вокняжения Владимира Святославича, и до первого прихода половцев на Русь, зафиксированного летописцем под 1061 г. («придоша половци первое на Русьскую землю воевать»²¹²). Эти рамки ещё более сужает тот факт, что саги после Владимира называют лишь Ярослава Мудрого (ум. 1054) и не знают никого из его преемников. И факт наличия в сагах имени Владимира и отсутствие имён его предшественников представляет собой своего рода маркер, безошибочно показывающий, что годы его правления (978–1015) и «есть время, когда норманны, по большому счету, открыли для себя Русь и начали систематически прибывать в её пределы»²¹³ (и не случай-

но, конечно, что рунические надписи на камнях, связанные с Восточной Европой, — 113 из 120, встречаются в основном в Швеции, причём только с конца X в.²¹⁴). Вот почему отзвуки истории восточноевропейских стран и народов появляются у скандинавов, констатируют сами норманисты, «лишь в сообщениях, относящихся к концу X — XI века»²¹⁵. Причём первым викингем, побывавшим на Руси, саги считают Олава Трюггвасона²¹⁶, в будущем норвежского короля (995–1000).

Численность норманнов, посещавших русские земли при Владимире и при его сыне Ярославе, не отличалась ни массовостью, ни постоянным проживанием в их пределах, что явственно сказалось на их невероятно слабом знании Руси. Так, в 1913 г. норманист Ф.А. Браун и антинорманист В.А. Пархоменко в один голос говорили о скудости географических познаний саг о Руси, о смутности и сбивчивости представлений скандинавов в IX–XI вв. о Южной Руси. В 2014 г. польский исследователь П. Урбанчик констатировал, что скандинавские авторы не очень интересовались Русью, которую они обычно называли Гардарикой²¹⁷. Но и летописцы, стоит в таком случае заметить, а данный факт также наводит на понятные мысли, не имели реальных сведений о Скандинавии²¹⁸. Наши же скандинависты (и прежде всего Е.А. Мельникова) уверяют, что норманны неплохо знали географию Руси и Восточной Европы в целом, что их круг знаний, «воплощавшийся в первую очередь в общеизвестных географических названиях (топонимах, гидронимах, этнонимах), был несравненно обширнее, нежели отложившиеся в традиции сведения о Западной Европе, включая Англию и Францию»²¹⁹.

Обращение к источникам показывает, как всегда, иное. Так, с одной стороны, «Хроника» Титмара Мерзебургского очень подробно рассказывает о столице Руси Киеве, а Адам Бременский, также немецкий хронист XI в., описывая морской путь из южнобалтийской Юмны (Волина) в Новгород, отмечает, что столица Руси — это «Киев, соперник Константинопольской державы». С другой, согласно сагам, столицей Руси является Новгород, под которым традиционно понимается Hólmgarðr скандинавских памятников (как заключал А.Г. Кузьмин, Киев лучше знали в Германии, нежели в Скандинавии, и «удивительно, что скандинавы вообще не знали славянского названия крупнейшего города Северо-Западной Руси»)²²⁰. Топоним Каенугард/Kænugardr, прилагаемый скандинавами, как считают, к Киеву, появляется в северных памятниках лишь во второй половине XII в.²²¹, и кроме того, что город стоит на Днепре, они не содержат о нём, подчёркивал М.Б. Свердлов, «никаких других обстоятельных и тем более достоверных сведений». Т.Н. Джаксон (совместно с Г.В. Глазыриной и отдельно) также констатирует, что о Киеве вообще нет конкретных сведений: его «нет в рунических надписях X–XI вв., нет его в скальдических стихах X–XII вв., нет и в королевских сагах» (за исключением поздней «Пряди об Эймунде»)²²².

С выводом о появлении скандинавов на Руси в конце X в. полностью согласуется указание тех же саг на время первого появления скандинавов в Византии. В 1863 г. А.А. Куник пришёл к выводу, «что первые норвежцы и исландцы отправились в Византию для поступления на военную службу, *по всей исторической вероятности*, лишь по смерти Святослава († 972). Первый император,

упоминаемый в сагах, есть Jan (т. е. Иоанн Цимисхий, † 10 января 976), победитель Святослава. Чаще же стали такие поездки лишь с начала XI столетия»²²³. Византинист В.Г. Васильевский доказал в 1874–1875 гг., что скандинавы приходят в Империю и вступают в дружину варангов/варягов значительно позднее её возникновения, как он принимал вначале эту дату, в 988 г. (позже он согласился с С.А. Гедеоновым, что русский отряд мог состояться из варягов, которых Владимир Святославич отправил в Византию в 980 г.).

Вместе с тем Васильевский указывал, что византийские источники отождествляют «варангов» и «русь», говорящих на славянском языке, и отличают их от норманнов, ибо первым норманном, согласно сагам, вступившим в дружину варангов, был Болли Боллисон, оказавшийся в Константинополе около 1027 года. А.Г. Кузьмин неоднократно подчёркивал, что сегодняшние разговоры о новых списках или уточнённых переводах саг «ни в коей мере не могут ни заменить, не отменить прочных выводов учёного: источники *разделяют* варягов и норманнов», что особенно видно из привилегий византийских императоров 1060–1070-х гг., предусматривающих освобождение от постоя и сбора денег (да и сага о Вига-Стире, например, поясняет: «Таков обычай у верингов и норманнов, что день они проводят в играх и борьбе»). При этом он особо акцентировал внимание на том, что «вряд ли может быть оспорен главный вывод Васильевского: норманны попадают в Византию позднее варангов, в дружину которых они и вступают. Отсюда следует самое важное: норманны отличаются от варангов (или вэрингов, верингов)» (по пояснению византийца XII в. Кедрина, «варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков»)»²²⁴.

«Сага о людях из Лаксдаля», которую Васильевский характеризует как «древнейшая и наиболее достоверная историческая сага», не только приводит имя первого норманна, служившего в 1027–1030 гг. в корпусе варангов, но и акцентирует внимание на том, что по прибытию в Константинополь «он поступил в варяжскую дружину; у нас нет предания, чтобы кто-нибудь из норманнов служил у константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле»²²⁵, т. е. прибыл этот скандинав в Византию и вступил в варяжский корпус намного позже его возникновения. Из саги следует, что он «знаменит в Исландии, с почётом принят конунгом Норвегии и знатными людьми Дании, и никто вокруг не знает о тех далёких странах, куда собрался Болле Боллесон»²²⁶. Норманисты (Ф.А. Браун, М.И. Стеблин-Каменский, Г.С. Лебедев, Е.А. Мельникова и др.) стремятся поставить под сомнение приведённое сообщение саги (его достоверность сомнительна, оно «ошибочно и, видимо, связано с общим “романическим” и чрезвычайно тенденциозным характером этой саги»), уверяют, что всё происходящее в ней за пределами Исландии совсем не заслуживает доверия и что Болли был, скорее, «одним из последних исландцев, служивших в варяжской дружине»²²⁷ (т. е. явная выдумка Г.В. Глазыриной — это наука, а прямое свидетельство саги, противоречащее норманнской версии, «не заслуживает доверия»).

Но точность показаний «Саги о людях из Лаксдаля» подтверждается тем, что саги, напоминая Кузьмин, не знают никого из византийских императоров ранее Иоанна Цимисхия (ум. 976), причём знают его, как и княгиню Ольгу,

«тоже не непосредственно, а по чужим припоминаниям». Норманны, отмечал он «специфику» их действий, отправлялись в Византию «за зипунами», а обогатившись, «стремились вернуться назад в Скандинавию». Тогда как варанги «служили до конца дней своих, являя исключительную преданность по отношению к тем, кто оплачивал их службу». И, принимая во внимание указание «Саги о людях из Лаксдаля» «на вступление *первого* норманна в дружину варангов в Константинополе», а также исходя из наличия в памяти древних скандинавов имён только Владимира и Ярослава Мудрого, Кузьмин выводил, что скандинавы включились в движение на восток лишь в конце X в. (по его словам, «сага о йомских викингх даёт представление о том, каким именно путём попадали скандинавы на Русь: они включались в движение по давно налаженным путям с южного берега Балтики на Ладогу и в Новгород»).

Историк вместе с тем констатировал, что в эпоху Владимира герои саг действуют в Прибалтике, на побережье, прежде всего, Эстонии, далее которой их действия не простираются (саги, признают и норманисты, до X в. повествуют лишь о походах в Прибалтику). Только при Ярославе, в связи с его женитьбой на дочери шведского короля Ингигерде, в варяжскую «дружину включаются шведы, в результате чего постепенно размывается и её состав, и содержание этнонима», причём «изменение содержания происходит опять-таки примерно одновременно на Руси и в Византии». С этого же времени, заключал Кузьмин, норманны проникают и в Византию, где приблизительно в 1030 г. вступают в дружину варангов/варягов²²⁸ (вывод исследователя о деятельности героев саг на рубеже X–XI вв. лишь на побережье Эстонии и о времени их проникновения на Русь подтверждает нумизматика: датские, шведские и норвежские монеты начинают оседать в русских кладах не ранее второй четверти XI века. Причём первыми из скандинавов в пределы Руси стали прибывать датчане, о чём, кроме нумизматики, свидетельствует Титмар Мерзебургский, сообщивший со слов участников — кем-то из саксонцев — взятия польским королём Болеславом Храбрым в 1018 г. Киева о нахождении в нём «быстрых»/«стремительных данов». И лишь затем, в связи с установлением более тесных связей Руси со Швецией, в поток варягов, идущих на Восток, вливаются шведы²²⁹).

До рубежа X–XI вв. собственно шведы-свевы бывали в русских землях в единичных случаях, которые, естественно, не могли отразиться в памяти их соплеменников (и вот почему, если сказать словами С.А. Геденова, «хвастливые скандинавские саги хранят самое единодушное молчание о тех пресловутых походах скандинавских русов на Миклагард и на Берду, Итиль и Семендер, которыми так гордится норманская школа»²³⁰). Данное заключение подтверждает договор князя Игоря 945 г., в котором один из купцов назван как «Свень» (Геденов приводит ещё один вариант написания этого имени — «Свед»). По мнению Кузьмина, имя Свень (т. е. «швед») говорит о том, что «выходцы из германских племён воспринимались в варяжской среде как этнически чужеродный элемент». При этом он подчеркнул, что «имена с компонентом *свен* не могут возникнуть у самих свевов, как, скажем, имя Рус не имеет смысла в Русской земле». Имя Свень, действительно означавшее этническую принадлежность его носителя, говорит вместе с тем «о буквально единичном присутствии шведов

в восточнославянском обществе середины X столетия»²³¹ (оно, чтобы не затеряться в общей массе, аналогично Гардару Шведу, одному из первооткрывателей Исландии: «Гардар сын Свавара, родом швед», немногим из шведов, действовавших на Западе в составе викингских банд, состоявших первоначально из норвежцев, а затем, со второй четверти IX в., и данов²³²).

Примыкает по смыслу к имени Свень имя Ятвяг, читаемое в том же договоре и указывающее, как заметил С.М. Соловьёв, на племя, из которого вышел этот человек, — ятвягов. Точно так затем полагали С.А. Гедеонов, Д.И. Иловайский, В.Т. Пашуто, А.Г. Кузьмин, Д.А. Мачинский, Ф.Б. Успенский²³³. «Употребление отэтнонимического личного имени, — подчёркивал в 1985 г. В.Я. Петрухин, — было возможным лишь в иноэтничной для данного лица среде, причём чаще это было не личное имя, а прозвище», и что отэтнонимические прозвища свидетельствуют «о принадлежности их носителей к небольшим этническим группам, вкраплённым в основную, численно подавляющую»²³⁴. В качестве дополнительных примеров можно указать на повара «именем Торчин», т. е. из племени торков²³⁵, зарезавшего Глеба Владимировича в 1015 г., на дворе «Чудина» в Киеве, о котором летописец говорит под 945 г., поясняя современными ему топонимами, связанными с именами бояр 60–80-х гг. XI в., топографию Киева времени княгини Ольги. Чудин — это боярин Изяслава Ярославича, которого ПВЛ упоминает под 1068 г. («Туки, брат Чюдин»), под 1072 г. («держа Вышегород Чюдин») и под 1078 г. («Туки, Чюдин брат»). Но он также известен и как один из составителей «Правды Ярославичей»²³⁶. Лаврентьевская летопись под 1174 г. называет Анбала Ясина, т. е. осетина²³⁷, ключника Андрея Боголюбского, одного из его убийц.

С показаниями саг о времени появления скандинавов на Руси — с княжения Владимира Святославича — находится в связи материал ПВЛ и других летописей. В их известиях о варягах выходцы «из заморья» воспринимаются, если не считать статью под 859 г. и начало варяжской легенды, двояко: либо как естественная часть восточнославянского мира, либо как какой-то особый, но очень дружественный и весьма близкий русским людям «заморский» народ. Но, начиная с 980 г., в летописях резко меняется тональность сообщений о варягах. Резко меняется вместе с тем и род деятельности этих находников на Руси. Если до сих пор они являли собой созидательную силу в восточнославянском обществе, активно решающую сложные внутри- и внешнеполитические задачи, стоявшие перед зарождающимся и быстро крепнущим государством, то во времена Владимира и Ярослава варяги выступают прежде всего в роли активных участников княжеских распрей и в роли профессиональных убийц, от рук которых погибли киевский князь Ярополк и сын Владимира Святославича Борис.

Причём летопись в одном случае противопоставляет их варягам прошлого в лице некоего Варяжко, который долго мстил, опираясь на помощь печенегов, за смерть Ярополка (известия ПВЛ под 980, 983, 1015, 1024 и 1036 гг., статья под 1043 г. софийско-новгородских сводов XV–XVI вв.)²³⁸. Причины изменения характера поведения находников «из заморья» и изменения отношения к ним русских кроются в том, что в состав варягов, дотоле весьма близких по духу и крови восточным славянам, стали вливаться представители иных этно-

сов. Это, в свою очередь, привело к тому, что термин «варяги» начинает с последней четверти X в. отрываться от своей основы и обозначать собой принадлежность к определённом кругу европейских народов, который в XI в., как неоднократно отмечалось автором настоящих строк, обозначает уже «не только в географическом, этническом, но после крещения Руси, а особенно после 1054 г. — и в вероисповедальном смысле», обретя, тем самым, значение, адекватное современному «западноевропейец»²³⁹.

Саги, являясь ключом к установлению позднего времени появления скандинавов на Руси — конец X в., тем самым закрывают тему об иностранных памятниках, якобы свидетельствующих в пользу норманства варягов предшествующего времени. Но на некоторых из них, занимающих особое место в системе доказательств норманистов, стоит остановиться. И прежде всего на якобы скандинавских названиях днепровских порогов, приведённых по-русски и по-славянски в 9 главе труда византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), как отмечается в литературе²⁴⁰, одного из главных аргументов норманского происхождения руси, на который в XVIII в. указывали Г.З. Байер, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. Г.Ф. Миллер, Ю. Тунман. В 1892 г. Ф.А. Браун, признаваясь, что «центр тяжести норманской теории лежит» не в показаниях источников (ибо их нет), а в данных лингвистики, видел одно из «лучших» её доказательств в норманистском понимании названий упомянутых порогов²⁴¹.

Но суть таких толкований хорошо выразил, как указывалось, Г. Эверс. Он, отмечая объяснения «русских» названия порогов из славянского, из скандинавского и из венгерского, справедливо заметил по этому поводу: «Наконец, может быть, найдётся какой-нибудь словоохотливый изыскатель, который при объяснении возьмёт в основание язык мексиканский». Д.И. Иловайский, говоря, что «русские» названия порогов — это «самое тёмное место в целом варяжском вопросе» и что они «не могут быть объяснены из скандинавских языков *исключительно*», предположил, что эти названия древнее славянской параллели (причём они не суть переводы славянских), есть «остаток названий из более древней эпохи», эпохи, когда в южной России рядом со славянами ещё обитали племена литовские, готские и чудские²⁴².

Выше подробно рассказывалось, что на скандинавской природе «русских» названий днепровских порогов, сообщённых императору якобы норманном, ныне особенно настаивают Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин. Византинист М.В. Бибиков, полностью принимая их выводы, также утверждал в 1999–2013 гг., что «словом *рос* Константин обозначает скандинавов». В свете чего затем «допустимо предположил», что этноним *рос* византийцев «непосредственно восходит не к древнерусской *русь*, а к исходному для него древнескандинавскому самоназванию участников похода на восток от Балтийского моря *rōþer, rōþstēn*, “гребцы”» (от *gōa* — «грести», служившее «обозначением воинов-скандинавов, которые во время плаванья через Балтику были одновременно гребцами», а отсюда *ruotsi*, исходное для термина «русь»). После чего твёрдо заключил: «О скандинавском происхождении росов прямо говорят и “Бертинские анналы” ... и византийские источники X в.: Константин Багрянородный, хроника

Псевдо-Симеона, Георгий Амартол (по Ватиканскому списку), Продолжатель Феофана»²⁴³.

Но, во-первых, скандинавы, о чём только что шла речь, появились в Византии лишь в конце 20-х гг. XI в., и по этой причине они ничего не могли сообщить Константину Багрянородному, скончавшемуся в 959 году. Во-вторых, «норманские» объяснения «русских» названий днепровских порогов, указывал А.Г. Кузьмин, «остаются малоубедительными не только потому, что предлагаемые соответствия слишком отдалены, но и потому, что появлению топонимов предшествует длительное проживание на данной территории соответствующего населения». Действительно, знать все особенности переправы через днепровские пороги, протяжённость которых составляла 70 вёрст, могли только люди, справедливо отмечал И.Е. Забелин, родившиеся здесь и вобравшие в себя опыт нескольких поколений²⁴⁴ (и странно, конечно, что в Гнёздове, если послушать, к примеру, Ю.Э. Жарнова, Т.А. Пушкину, В.В. Мурашёву, длительное время и в большом количестве проживали норманны, но в его топонимике и ближайшей округи совершенно нет скандинавских названий, но таковыми, оказывается, являются «русские» названия порогов).

В-третьих, как показывают те же саги, о чём в полном согласии друг с другом говорят норманисты и антинорманисты, норманны абсолютно не знали Днепровского пути, что дополнительно не позволяет относить их к варягам IX — середины X века. Эти памятники, отразившие историю скандинавов, хранят, как констатировал в 1867 г. В.Н. Юргевич, «совершенное молчание... о плавании норманнов по Днепру и об его порогах». Затем Д.И. Иловайский подчёркивал, что «саги, столь много рассказывающие о походах норманнов, совершенно молчат об их плавании по Днепру и его порогам». О том же молчат, добавлял он, и западные хронисты. На том же факте позже заостряли внимание В.А. Пархоменко, М.Д. Присёлков, В.А. Брим²⁴⁵ (поэтому утверждать ныне, что путь «из варяг в греки» в скандинавской традиции известен как «Восточный путь»/Austrvegr²⁴⁶, значит опять грешить против истины).

Хотя один из важнейших торговых путей Восточной Европы — Днепровский — был прекрасно известен истинным варягам, которые постоянно хаживали по нему и как послы, и как купцы, и как воины, и если его не знали скандинавы, то они, следовательно, не имели никакого отношения ни к его становлению, ни к его функционированию (начало освоения этого пути большинство отечественных и зарубежных учёных относят к IX в.: к его началу, не позднее 825–830 гг., до 840 г., к 850-м гг., ко второй — третьей четверти IX в.²⁴⁷). В 1985 г. Г.С. Лебедев вынужден был признать, что путь «из варяг в греки» как особая транспортная система в северных источниках не отразился. И объяснял этот факт тем, что он представлял собой явление восточноевропейское, и норманны познакомились с ним лишь тогда, когда он уже сложился как центральная государственная магистраль²⁴⁸. Иначе говоря, познакомились с ним после того, как давным-давно сложилась вся его топонимическая номенклатура, в том числе и «русские» названия порогов.

А на время знакомства норманнов со знаменитым путём указывает тот факт (помещён в ПВЛ под 980 г.), что варяги, которые помогли Владимиру

сесть в Киеве, были им обмануты, после чего решили уйти в Византию, но не зная туда дороги, попросили его: «да покажи ны путь в греки»²⁴⁹. А этих варягов князь мог нанять только в «интернациональном» южнобалтийском Йомсборге-Волине, пристанище большого числа профессиональных воинов, в том числе из скандинавов, которые лишь только тогда могли первый раз пройти по пути «из варяг в греки» (и затем его использовать. На о. Березань, что при входе в Днепровско-Бугский лиман, свидетельством пребывания скандинавов является фрагмент каменной стелы со шведской надписью второй половины XI в.: «Грани сделал это укрытие по Карлу, своему сотоварищу», погибшему, вероятно, в ходе торговой поездки²⁵⁰). Плавание по рассматриваемому пути было чрезвычайно опасным. Как заканчивал Константин Багрянородный его описание, в первом причерноморском городе Византии Месемврии (сегодня г. Несебыр Болгарии, приблизительно в 200 км от Константинополя) «завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание»²⁵¹ (далее надо было добираться по суше). Разумеется, такое испытание должно было отразиться в памяти скандинавов, следовательно в сагах. Но не отразилось совершенно, как не отразился и сам Балто-Днепровский путь (хотя норманны, как щедро приписывал им незаслуженное М.П. Погодин, по нему «плавали беспрестанно взад и вперёд» и «дали свои имена днепровским порогам»²⁵²).

В-четвёртых, в 1985 г. М.Ю. Брайчевский к «русским» наименованиям днепровских порогов привёл убедительные параллели из осетинского (аланского) языка, вместе с тем подчеркнув, что из германских языков нельзя объяснить ни одного из них²⁵³ (в 1989 г. филолог Е.А. Мельникова и археолог В.Я. Петрухин в комментариях к Константину Багрянородному, стоя за «прозрачную» скандинавскую этимологию «русских» названий порогов, априори увидели в концепции Брайчевского «фантастическую попытку» этимологизировать эти названия «на основе “скифо-сарматских” языков»²⁵⁴). А.Г. Кузьмин, заостряя внимание на наличии в русском именослове иранских имён, подчеркнул в 1998 г., что наиболее логичное объяснение — через осетинские параллели — представлено «росским» названиям порогов у Брайчевского и что весьма убедительно его объяснение «странному вроде бы названию “Эссупи”, означающему “не спи”; именно в иранском первая гласная означает отрицание. Вероятно объяснение и названия “Струкун” — “малый порог” — через второй компонент “кон”, означающий уменьшение. И совершенно убедительно утверждение, что из германо-скандинавских языков вообще ни одного названия не объяснить». При этом он считал, что название порогов идёт к «Руси-тюрк» (Аланской Руси на Балтике или Норманскому каганату), созданной в IX в. русами-аланами после их переселения с Дона, или к «внешней Руси» Константина Багрянородного и что возникновение двух рядов названий (славянских и русских), видимо, надо относить к IX в., когда реально сохранялось двуязычие аланов-русов (они полностью перейдут на славянский язык в начале следующего столетия). Год спустя В.П. Тимофеев продемонстрировал, что «русские» названия днепровских порогов не имеют никакого отношения к скандинавским языкам вообще, из которых, с нарушением норм, принятых в лингвистике, их пытаются выве-

сти норманисты. А в 2010 г. В.В. Тарасов к «русским» названиям нашёл объяснение в топонимике Юго-Восточной Балтии²⁵⁵.

В свете звучания в труде императора Новгорода как Немогарда, что предположительно может указывать на выходца с Южной Балтики (у южнобалтийских славян наличествовали разные типы населённых пунктов: огороженное место — «гард (город)», место открытое — «весь»²⁵⁶), особое значение приобретает факт, на который давно обращено внимание в науке. Багрянородный дважды пишет «лрѣх, тогда как и он сам, и другие византийцы, — отмечает С.А. Гедеонов, — всегда передают славянское *г* своим *у*». В связи с чем историк заключил, что он «передает не русское *г* в слове *порог*, а вендское *h* в слове *prah*», и охарактеризовал его информатора либо как новгородского купца-воина, либо как ославянившегося поморского (новгородского) варяга, не совсем понятно изъяснявшегося по-гречески (вывод своего оппонента, что известия венценосного автора о Руси «обличают славянский источник», принял в 1874 г. Н.П. Ламбин²⁵⁷). К сказанному надо добавить, что Багрянородный, описывая объезд русью подвластных территорий с целью сбора дани, называет это славянским словом «полюдь», а не скандинавским «вейцла», обозначающим подобный объезд. Использует он и славянский глагол «кормитися» — дружинники в течение зимы «кормятся» на землях славян.

Бертинские анналы (в рамках 835–861 гг. записи принадлежат руке придворного капеллана, а затем епископа Труа Пруденция-Галиндо²⁵⁸) повествуют, что в мае 839 г. к франкскому императору Людовику I Благочестивому в его резиденцию в южнонемецкий Ингельгейм прибыло посольство византийского императора Феофила, вместе с которым явились люди, утверждающие, «что они, то есть народ их, называются рос (Rhos) и что король их, именуемый хаканом (Chacanus vocabulo)», направил к Феофилу, «как они уверяли, ради дружбы». Последний просил Людовика, чтобы тот «милостиво дал им возможность вернуться в свою страну и охрану по всей империи, так как пути, которыми они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племён, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к народности свеонов» (eos gentis esse Sueonum), и, посчитав их, скорее, «разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы», задержал до выяснения, результат которого не известен²⁵⁹ (по справедливой оценке А.В. Назаренко, со времён Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера «это известие “Бертинских анналов” служило одним из главных, если не самым главным, доказательством скандинавских корней первоначальной руси»)²⁶⁰.

Под «свеонами» изначально понимают только шведов, пришедших либо из Скандинавии, либо из Прибалтики, либо из Старой Ладogi, либо из Хазарского каганата и др.²⁶¹ И уверенность в том настолько велика, что имя «свеонов» в качестве шведов читается, за исключением нескольких случаев, во всех переводах анналов²⁶² (что уже не допустимо, указывал в 2005 г. пишущий эти строки, по правилам публикации источников, отвергающим любую модернизацию их текстов. Ныне Л.П. Грот поясняет, что перевод свеонов как «шведы» недопустим и «исторически, поскольку “шведы” как самоназвание населения со-

временной Швеции сложилось в шведской истории не ранее XIV–XV вв.», что в IX в. на её территории существовали «различные этнические образования, самыми крупными из которых были свеи и гёты», что этноним свеи не был изначально самоназванием предков нынешних шведов, а пришёл из латиноязычной литературы в ходе распространения христианства и латыни как языка письменности, и что, как подчёркивает австрийский историк Х. Вольфрам, имя «свеев» античная география применяла ко множеству германских племён²⁶³).

Ещё ранее А.Г. Кузьмин несколько раз напоминал, что этническое название «свеоны» (*svioni, sueni*) исторически не совпадало с названием «свевы» и что свеонов отличали от свевов (будущих шведов), но в раннее средневековье их стали смешивать. Так, Тацит (I–II вв. н.э.), поселяя общины свионов «среди Океана», т. е. на одном из островов Балтийского моря, и, «помимо воинов и оружия, они сильны также флотом» (причём «ими единолично, а не на основании временного и условного права господствовать, без всяких ограничений повелевает царь», были у свеонов и рабы), резко отделяет их от свебов-шведов²⁶⁴, живших тогда в южной Германии (по А.Ф. Гильфердингу, у верхнего Рейна. Ю.К. Кузьменко констатировал в 2009 г., что «по Цезарю земли свебов расположены за Рейном, в областях современного Вюртемберга, Баварии и Тюрингии». И память о них, напоминал Кузьмин, «сохранилась в названии области “Швабия” и именовании немцев “швабами”»).

В Скандинавию часть свебов (Кузьменко в этом этнониме видит исконное самоназвание германцев) проникла в эпоху Великого переселения народов (в VI в.), дав название Швеции (Кузьмин, относя свеонов к кругу прибалтийских племён, предположительно, отождествил их с гвионами Пифия). Он также констатировал, что «в IX в. франкские летописцы “свеонами” называли неопределённое население Балтийского побережья и островов», и, таким образом, этот термин является географическим, а не этническим определением²⁶⁵. Само заблуждение понимать под свеонами свевов покоится, видимо, на повествовании хрониста XI в. Адама Бременского, называвшего шведов свеонами, а их страну — Свеонией. В одной из схолий к его труду, дошедшей в единственной поздней рукописи, даже подчёркнуто, что «Тацит также называет свевов этим именем — свеоны»²⁶⁶ (связь свионов Тацита со шведами подвергается сомнению шведскими учёными. Так, например, историк Д. Хариссон резюмировал в 2009 г., что «нет никакой возможности сказать, каким образом *Suiones* Тацита связаны с *Suehans* Иордана и со свеями викингского периода»²⁶⁷).

Выдав свеонов за шведов (а с таким же успехом можно выдать немцев за ненцев и наоборот), норманисты (Ф.Г. Штрубе де Пирмонт, А.Л. Шлёцер, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, Ф.А. Браун и др.) титул «хакан» превратили в скандинавское личное имя Гакон (тогда как В.Н. Татищев указывал, что «каган же имя чести»), тем самым выведя, по словам С.А. Гедеонова, «на сцену небывалого шведского королька *Hakon’a*, будто бы отправившего небывалых шведских *Rôсов* послами к императору Феофилу в 839 году». Однако другие норманисты — И.Ф. Круг и А.А. Куник, говорил далее Гедеонов, «доказали до очевидности», что выражение «*Chasanus vocabulo*» «не имеет отнюдь исключительного значения личного имени, но точно так же означает титул или звание» (а

в 1875 г. Куник, понимая неправомерность прямого толкования свеонов шведами, заключил, что они есть «особый вид или разновидность шведского племени», но не прямо шведы «в политическом смысле»²⁶⁸.

Сейчас В.Я. Петрухин, И. Гарипзанов и Е.А. Шинаков рассуждают о правителе росов-скандинавов по имени Хакан (в 2012 г. А.А. Горский, говоря о несостоятельности интерпретации «кагана» Бертинских анналов как имя скандинавского вождя, подчёркивал, что этот титул употребляется восточными источниками по отношению к правителю Руси — «хакан-рус» и что они не могли спутать хорошо знакомый им титул с личным именем)²⁶⁹. Современные норманисты (В.Я. Петрухин, Е.В. Пчелов, Е.А. Мельникова, А.А. Горский и др.) уверяют, что под 839 г. впервые упоминается этноним рос (по Петрухину, Бертинские анналы носят «явно “норманистский” характер», причём шведы перед императором Людовиком Благочестивым назвались дружинным именем; по Пчелову, 839 г. есть также и первое упоминание «о русской государственности»)²⁷⁰.

Критика норманистского толкования Бертинских анналов берёт своё начало с Г. Эверса, который установил, что слово «каган» совершенно неизвестно в Швеции (у хазар же «так обычно именовали правителя»). Вместе с тем он констатировал, что шведы ещё в 829 г. просили у того же Людовика Благочестивого миссионеров для проповеди христианства, после чего в Швецию была направлена миссия Ангсария, пребывавшая там полтора года. А этот факт позволил историку заключить, что «шведы и франки знали друг друга поимённо задолго до того времени, как те мнимые Rhos прибыли в Ингельгейм» (сегодня И.Г. Коновалова указывает, что в 20–30-х гг. IX в. Франкская империя находилась со Скандинавией в постоянном контакте и что эти контакты были весьма многосторонними и охватывали самые разные сферы — дипломатическую, военную, религиозную). В свете чего весьма странным кажется тот факт, заключал немецкий учёный, что мнимые шведы «назвались при дворе, при коем в первый раз явились не под собственным, а под тем именем, которым называли их финны, как будто они нашли это имя известным у всех народов от Балтийского до Чёрного моря» (и «подтверждение гипотезы о том, что варяги-русы были шведами», в анналах я найти не смог)²⁷¹.

Усиливая выводы Эверса, норманист М.П. Погодин говорил, что свидетельство Бертинских анналов не подтверждает, а, напротив, опровергает мысль о шведской природе руссов. Приведя сведения о знакомстве франков со шведами, он обоснованно вопрошал: «Если бы препровождённые Феофилом к Людовику люди были настоящие шведы, зачем бы назвать им себя росами, зачем не называться шведами, именем уже знакомым франкам?». Сам же историк считал, что «франки употребили здесь имя свеонов, им наиболее знакомых, в общем значении». С.А. Геденов резюмировал, что бытие в 839 г. «народа Rhos под управлением хаганов уничтожает систему норманского происхождения руси; шведы хаганов не знали» и что существование Русского каганата в 839–871 гг. есть «неопровержимый исторический факт, а вместе с ним и существование в соседстве хазар и аваров, совершенно чуждого скандинавскому началу народа Rhos». Д.И. Иловайский также подчёркивал, что титул «хакан», никогда не существовавший у шведов (в связи с чем норманисты

«переделали нарицательное хакан в собственное имя Гакон»), показывает «на соседство аваро-хазар». По причине чего и рассматривал известия анналов как свидетельство существования славянского русского княжества в Восточной Европе в первой половине IX века. В том же ключе рассуждали Н.П. Загоскин и В.А. Пархоменко (по его мнению, этот «древний каганат, генетически связанный с Киевской Русью, находился юго-восточнее Киева, «поближе к хазарам и Тмутаракани»)»²⁷².

Правоту наблюдений антинорманистов в отношении титула «хакан» и южной локализации его государства признавала и та часть норманистов, которая принимала во внимание исторические факты, противоречащие норманизму. Так, Ф.И. Успенский отмечал, что Русское государство под управлением кагана существовало прежде 862 г., и видел в нём Черноморскую русь. Г.В. Вернадский, не сомневаясь, что титул «хакан» указывает на соседство хазар, полагал, что он был заимствован у хазар, чтобы подчеркнуть независимость от них (в Русском каганате он видел образование в Азовском регионе, на верхнем Донце, созданное около 825 г. шведами, смешавшимися с асами и русами и принявшими название последних)²⁷³. В наши дни речь о существовании Русского каганата в Среднем Поднепровье, т. е. на той территории, которую принято именовать Русской землёй в узком смысле слова, вели, например, Л.Н. Гумилёв (это было сильное и суверенное государство с центром в Киеве, которое существовало с начала IX в. и в котором сидели русские каганы Дир и Аскольд), А.П. Новосельцев, Г.Г. Литаврин (оба этих учёных придерживались мысли, что во главе каганата стояли норманны, по Новосельцеву, до середины X в.), В.В. Седов, П.П. Толочко, П.В. Кузенков, А.В. Назаренко.

Седов уверенно увязывал каганат со славянской волынцевской культурой конца VII–VIII в. (район Киева и левобережье с Черниговом и Переяславлем), а саму эту культуру с руссами (Ruzzi) Баварского географа, и отстаивал идею, что в середине IX в. Русский каганат со столицей в Киеве был известным и достаточно оформленным раннегосударственным образованием, которому, а не Хазарии, принадлежала ведущая роль в торговле со странами Востока. Причиной его гибели учёный считал либо Хазарский каганат, с которым он соперничал с 30-х гг. IX в., либо овладение Олегом Киева в 882 г. и объединение Руси с северными землями. Полное согласие с Седовым выразил Толочко, при этом категорически не принимая версию о локализации Русского каганата в Волховско-Ильменском бассейне, особенно отстаиваемую Д.А. Мачинским и К. Цукерманом. По заключению Кузенкова, гипотеза о существовании Русского каганата в Среднем Поднепровье в первой половине IX в. «удачно вписывается в контекст всех древнейших источников» (вместе с тем он поясняет, что вероятность появления титула «каган руси» для Поднепровья «намного выше, чем для бассейна Волхова или верхней Волги»). Назаренко не сомневался, что в этом каганате «организующую роль играл скандинавский компонент по имени *русь*», что, как задействовалась теория двух волн прибытия скандинавов на Русь, он исчез с политической карты на рубеже IX–X вв. «вследствие появления на юге Восточной Европы скандинавских находников другого типа» и что захват Олегом Киева — «один из моментов этого процесса»²⁷⁴.

У А.Г. Кузьмина и его последователей в отношении Русского каганата иная позиция. Историк, уточняя, что титул «хакан» чужд германскому миру вообще, также правомерно указывал, что он «свидетельствует о степной локализации росов, где он приравнивался к императорскому и символизировал притязания на первенство в регионе», и предполагал «с одной стороны, соседство тюркского народа, а с другой — независимость “каганата” от любого другого государственного образования». И этот «Росский каганат», созданный в конце VIII — начале IX в. и разорённый в 30-х гг. IX столетия хазарами и венграми, историк связывал с русами-аланами и с салтовской культурой на Дону и Северском Донце и видел в нём соперника Хазарского каганата. В рассматриваемом случае весьма важно ещё одно весьма ценное наблюдение учёного: Пруденций не столько отождествляет росов и свеонов, сколько противопоставляет их, что имеет особую важность в свете факта хорошего знания франками свеов. Из того же факта выходит, что они, конечно, не могли спутать последних со свеонами (и потому их и стали проверять, замечает Л.П. Грот, т. к. их имя было неизвестно франкам, которые, что вытекает из источников, прекрасно знали свеов). Невозможность отождествления свеов и свеонов невольно признал норманист Н.Т. Беляев. Полагая под свеонами шведов, он вместе с тем недоуменно вопрошал: «...Если росы шведы, то почему их владетель х а к а н?»²⁷⁵ (правоту слов Кузьмина по поводу отсутствия в анналах отождествления росов и свеонов можно проиллюстрировать известным примером: Гришка Отрепьев назвался царевичем Дмитрием, но таковым не являлся).

В 1998–2006 гг. Е.С. Галкина (в соавторстве с Кузьминым и самостоятельно) на конкретном материале впервые многопланово продемонстрировала, опираясь на выводы Д.Т. Березовца 1970 г., существование с рубежа VIII–IX вв. военно-торгового государства — Русского каганата, который она отождествила с высокоразвитой как в экономическом, так и в социальном плане салтово-маяцкой археологической культурой аланов-русов (верховья Северского Донца, Оскола, среднее и частично верхнее течение Дона), и который погиб под натиском венгров во второй четверти IX века. Погиб, но передал Киевской Руси своё богатое культурное наследие (в том числе «знаки Рюриковичей», иранские имена, иранские божества — Хорса, Симаргла, Стрибога, которые входили в пантеон Владимира) и имя «Русь» — от роксолан или «рухс-асов»²⁷⁶.

В 2009–2021 гг. М.И. Жих отдельно и в соавторстве с С.Н. Беззаконовым вёл, развивая мысли Галкиной и также привлекая широкий круг источников, включая археологические, речь о Русском каганате (или Руси аланской, донской и причерноморской), располагавшемся в ареале салтовской культуры в её «узком» значении — в Подонье и Подонцовье. Это было, даже судя по титулу его правителя, мощное и независимое государство/протогосударство алан (причём следов проживания хазар на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры не обнаружено), которое соперничало с Хазарским каганатом и которое включало в свой состав ряд зависимых славянских областей Днепровского Левобережья, отмеченных распространением волынцевских памятников (и в нём на весьма высоком уровне развития находились металлургия, торговля, корабельное дело, судоходство, градостроительство). Своё

существование Русский каганат, который мог возникнуть не позже первой трети, а то и начала IX в., прекратил где-то в промежутке между серединой этого и началом следующего столетия, «скорее всего, из-за войн с Хазарией и ударов кочевников». С ним историки связывают и нападение на Константинополь в 860 году. С.В. Цветков в 2010 г. проводил идею, что накануне 860 г. Русский каганат, занимавший практически всю территорию будущей Руси, был мощным политическим и военным образованием под эгидой русов, которые по своему этническому составу представляли смесь различных племён, объединённых кельтской культурой, кельтскими традициями, и которые занимались международной торговлей²⁷⁷.

Утверждение о южной локализации Русского каганата ныне категорически отвергает ряд норманистов, ибо в том видит угрозу для своей теории (потому как в Среднем Поднепровье скандинавские и псевдоскандинавские вещи появляются только в начале X века. Так, А.С. Щавелёв в 2013 г. использовал давно обкатанный метод «отрицания» по-норманистски: скандинавских древностей и признаков прихода русов-скандинавов в Киев до конца IX в. «нет. А значит, любые спекуляции на тему “русского каганата” первой половины IX в. в Киеве (Среднем Поднепровье) беспочвенны»²⁷⁸). По К. Цукерману, Русский каганат существовал около 830–870-х гг., что он организовывал походы и на Византию (включая 860 г.), и в прикаспийский Абаскун, контролировал торговлю между Скандинавией и Востоком. И размещался этот каганат в Поволховье (с центром сначала в Ладоге, затем в Рюриковом городище), т. к. ни о каком значительном поселении на месте будущего Киева до конца IX в. говорить не приходится. Локализуют Русский каганат в Приладожье и Поволховье А.В. Зорин, А.Г. Шпилев, Е.В. Пчелов, С.В. Воронятов²⁷⁹.

Приведённые заверения о существовании Русского каганата на севере Руси не согласуются с археологическим материалом. В связи с чем археолог А.Н. Макаров в 2012 г. указал, что не следует «переоценивать демографический потенциал Севера в IX — первой половине X в.», которого было недостаточно «для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтийского моря до границ степи» (по замечанию В.Я. Петрухина от 2019 г., Ладога — столица «Русского каганата» — представляла собой в середине IX в. небольшой посёлок)²⁸⁰. Как акцентируют внимание М.И. Жих и С.Н. Беззаконов, исследователи, отождествляющие норманнов с русью, локализуют Русский каганат на севере Восточной Европы, там, где археологически фиксируются ранние следы появления скандинавов и считают, что это некая полития, созданная до Рюрика: в Ладоге (К. Цукерман, Д.А. Мачинский), на Рюриковом городище (В.В. Бартольд, С. Франклин, Д. Шепард), в районе Старой Руссы (А.А. Шахматов), на Верхней Волге — в Сарском городище (П.П. Смирнов, О. Прицак).

Но эти выводы, заключают Жих и Беззаконов, «не стыкуются с реальной историко-археологической ситуацией на севере Восточной Европы IX в.», где в первой половине и середине этого столетия, как демонстрирует археологический материал, «просто нет инфраструктуры и поселенческих центров такого уровня, чтобы их правитель мог заявить о столь серьёзных амбициях и чтобы соседи эти амбиции признали» (так, например, в Ладоге, которую выдают за

столицу Русского каганата, в период его существования проживало от нескольких десятков до пары сотен человек). И по той же причине авторы отвергают и весьма популярную гипотезу о локализации Русского каганата на Среднем Днепре с центром в Киеве, констатируя (видя при этом в варягах норманнов), что «самые ранние следы норманского присутствия в Киеве, по данным некрополей, приходится только на середину и вторую половину X в.»²⁸¹. По поводу Русского каганата имеется и вовсе отрицательное мнение. Его постоянно выражает В.Я. Петрухин, видя в нём историографический фантом и считая рассуждения о нём историографическим недоразумением (его коллега А.Е. Мусин в 2014 г. идею о «Русском каганате» назвал искусственной)²⁸². М.И. Жих и С.Н. Беззаконов объясняют подобную позицию тем, что признание существования Русского каганата «порождает массу новых, подчас, неудобных вопросов, а главное — несёт угрозу норманской теории» (не в полной мере можно согласиться с последней частью такого заключения, т. к. в 2007 г. К. Цукерман резюмировал, что вряд ли Петрухину удастся отправить в небытие Русский каганат — «это политическое образование раннего средневековья»)²⁸³.

Повышенное внимание уделяют норманисты показаниям источников, где русские называются «северными людьми» («норманнами»), что, например, читается у епископа Кремоны Лиутпранда (ум. 971/72). Как твёрдо говорил А.А. Куник, «если кто из писателей того времени принимал норманнов *исключительно* за скандинавов, так это именно Лиутпранд». Однако всё обстоит иначе, ибо он же объясняет, что термин «норманны» имеет географическое, а не этническое значение, как на том настаивают норманисты: «В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρομοιοι, русиос, мы же по их месту жительства зовём “норманнами”. Ведь на тевтонском языке “норд” означает “север”, а “ман” — “человек”; отсюда — “нордманы”, то есть “северные люди”» (далее он, сообщив, что «королём» русов был Игорь, рассказывает о походе этого князя, собравшего более тысячи судов, на Константинополь в 941 г. и его разгроме).

Лиутпранд также объясняет, в связи с его толкованием термина «нордманы», что столица Византийской империи расположена «среди самых диких народов. Ведь на севере его соседями являются венгры, печенеги, хазары, русы, которых мы зовём другим именем, т. е. нордманнами»²⁸⁴. И термин «нордманны» в данном контексте имеет отношение ко всем до него названным народам — и к венграм, и к печенегам, и к хазарам, и к русам как к совокупности народов, живущих севернее Византии. По сути, это стереотипное выражение, присутствующее, например, в сочинении середины X в. Константина Багрянородного «Об управлении империей», в котором он пишет о притязаниях со стороны «хазар, венгров, русов или какого-либо другого народа из числа северных и скифских» (император в XIII главе своего труда довольно часто использует понятие «северные народы» и «жители севера»)²⁸⁵.

Лиутпранд, указывая С.А. Гедеонов, сочинял свой труд «Возмездие» во Франкфурте-на-Майне, одном из центров тогдашней образованности, и ему хорошо были известны те норманны, которых он описывает разорителями Кельна, Ахена, Триера, в связи с чем, конечно, «не мог полагать их между венгров,

печенегов и хазар, не считать Игоря владыкой всех норманнов вообще», и что как у него, так и у франкских авторов под норманнами «вовсе не понимаются только три скандинавских народа; норманнами слынут у них при случае и нортальбинги, и саксы, и венды». По мнению Д.И. Иловайского, этот автор получил информацию о руссах от византийцев, для которых русь — «народ северный или даже надсеверный (гиперборейский)», что и было передано им по-своему, «по-лонгобардски». В.В. Мавродин в 1978 г., говоря о показаниях Лиутпранда (а также Иоанна Диакона), подчеркнул, что название скандинавов норманнами означает лишь их приурочивание к северу, а Восточная Европа для византийцев была севером. «Для Северной Италии, где жил Лиутпранд, — констатировал А.Г. Кузьмин, — “норманнами” были уже жители Задунавья, а для Южной Италии — и Северной Италии»²⁸⁶ (находясь во Франкфурте-на-Майне, Лиутпранд продолжал смотреть на Восточную Европу с юга).

Важно в данном случае привести и заключение М.В. Бибикова. При упоминании «северных народов», подводит он черту, «византийские авторы не говорят о скандинавах. Для византийцев “северными” областями, скорее, считались крымские “климаты”, Причерноморье, Русь, Северный Кавказ и даже Фессалия. Более того, норманны в византийских текстах (начиная с XI в.) — отнюдь не “северные люди”, а, прежде всего, население Сицилийского королевства; “Северное море” — не Балтика, а “Гиркания” — Каспийское море. ... Поэтому деконкретизированный этноним “северный” в византийских источниках XI–XIII вв., чаще всего атрибутируется русским»²⁸⁷. В связи со сказанным надлежит добавить, что Адам Бременский указывает, с ссылкой на Эйнхарда, автора жизнеописания Карла Великого: «Так, даны и шведы, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами». После чего констатирует, что «данов, шведов и все прочие племена, которые обитают за Данией, франкские историки называют норманнами, тогда как римские историки именуют так гипербореев»²⁸⁸.

Из непредвзятого чтения Лиутпранда следуют два вывода. Прежде всего он специально разъясняет, что русь-«норманны», напавшая в 941 г. на Константинополь, не имеет никакого отношения к викингам-норманнам, наводившим тогда смертельный ужас на Западную Европу. А подчёркивая, что греки русский народ «по его внешнему виду называют Ρωσσοι, русиями», Лиутпранд отражает результат непосредственного интереса своего отчима, посла в Византии короля Италии Гуго, выяснения у византийцев в 942 г. — по самым горячим следам! — вопроса наименования русов, посмевших напасть на столицу великой империи и на казни которых он присутствовал. Но при этом хорошо информированные очевидцы событий 941 г. не указали ему ни на скандинавов, хотя о них бы в обязательном порядке, конечно, зашёл разговор, будь русы действительно бывшими в то время на слуху норманнами, ни на «гребцов»-русь.

Ничего подобного не услышал и сам Лиутпранд, который дважды посещал Константинополь в качестве посла в 949 и 968 гг. и который мог продолжить «розыск» отчима. И который получил от византийцев лишь информацию о связи названия русов с их внешним видом. Причём епископ, подчёркивал в 1892 г. В.З. Завитневич, передаёт «не собственный домysel, а живой факт, имевший

в Константинополе в половине X века», в пользу чего приводит слова Льва Диякона, что тавроскифов «в просторечии обычно называют росами». Затем учёный, опираясь на слова Лиутпранда, обосновывает вывод, что византийское простонародье называло русов «этим именем по их *внешнему виду*». Заостряя внимание на свидетельствах Прокопия Кесарийского, что цвет кожи и волос у славян и антов «очень белый и золотистый и не совсем чёрный, но все они тёмно-красные», жития Георгия Амастридского, что руссы обнаруживают «свою кровожадность уже одним своим видом» и что они «губительный и на деле, и по имени народ», Ибн Фадлана, что русы «румяны, красны», Хронографа «второй редакции», составленного под сильным влиянием западных источников, что «русь нарицается от цвету лица и власов», Завитневич понимает под внешним видом русов и цвет их одежды — цвет пурпуровый и заключает, что уже в VIII в. имя «Русь» было в ходу у византийцев, это имя и придумавших²⁸⁹.

К изложенному следует добавить: согласно, ал-Мас'уди: византийцы называют русов «*“русийа”*», что означает «красные», а Низами пишет о «краснолицых русах» (один из них — Тартус — «красный дракон, быстрым пламенем рея», т. е. был облачён в одежду красного цвета). А.Г. Кузьмин заострял внимание на том, что название «рутены» (вариант наименования жителей о. Рюгена, т. е. «русины», «русские») носило одно из кельтских племён, обосновавшихся задолго до н.э. в Южной Франции, что в кельтском языке оно означало «красный», «рыжий» и что «кельты искусственно изменяли цвет волос и вообще красились»²⁹⁰ (к слову сказать, во французском эпосе название русь иной раз переосмысливается как *roux* — «рыжие», а дочь Ярослава Мудрого Анна именуется то *Anna Russa*, то *Anna Rufa* — Анна Рыжая. Причём она, особенно с учётом пребывания нормандцев на территории Франции и при дворе французского короля, никоим образом не ставится в связь с ними. К тому же, что также обращает на себя внимание, во французских хрониках её отец называется Георгием Славянином. И это при самом внимательном отношении к генеалогиям вообще, тем более к генеалогии тестя французского короля)²⁹¹.

Огромное значение придавали и придают норманисты «Венецианской хронике» Иоанна Диякона (рубеж X–XI вв.), в которой войско, осадившее Константинополь в июне 860 г., прямо названо норманнами (наименование «русь» у него отсутствует): «В это время народ норманнов на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю»²⁹². Как перевозносил эту информацию в конце жизни М.П. Погодин, «наиважнейшее, наидрагоценнейшее известие, выше известия Бертинских летописей, выше Лиутпранда и Дитмара!». Сегодня французский историк К. Цукерман утверждает, что скандинавское происхождение руси, настойчиво отрицаемое сегодня некоторыми учёными, «отнюдь не было секретом для современников». Так, например, Иоанн Диякон описывает набег росов на Константинополь в 860 г. как набег «норманнов». Е.В. Пчелов также делает отсылку на того же автора, который «прямо называет участников похода на Константинополь в 860 году “норманнами”». «Не случайно, — говорит в свою очередь В.Я. Петрухин, — латинский историк XI в. Иоанн Диякон в “Хронике Венеции” свидетельствует, что на Константинополь напали при Михаиле III норманны»²⁹³.

Однако Иоанн Диакон — это, во-первых, поздний источник, отстоящий от описываемых им событий почти на 150 лет. Во-вторых, во всех других памятниках, также уделяющих грозным июньским событиям 860 г. внимание, отсутствует термин «норманны». И прежде всего важно в этом плане свидетельство патриарха Фотия, очевидца нападения росов на «царя городов царственных» и их последующего крещения, и который не называет этнос осаждавших, а только фиксирует их давнюю известность в Причерноморье. Хотя будь они норманнами, то патриарх, знавший о их многочисленных кровавых «подвигах» в Западной Европе, непременно указал бы на этот факт (а ему было ведомо многое: получив блестящее образование, до своего поставления в патриархи возглавлял императорскую канцелярию и с конца 830-х гг. участвовал в дипломатических миссиях, являлся, по оценке специалистов, учёным человеком)²⁹⁴.

Учёным человеком был и римский папа Николай I, который в письме императору Михаилу III от 28 сентября 865 г. упрекает его в том, что враги под Константинополем натворили много бед, погубили немало людей, сожгли церкви и ушли неотомщёнными²⁹⁵. Но он их также не называет норманнами, о кровавых действиях которых в странах и землях Западной Европы, в том числе о разграблении ими монастырей и церквей и убийстве священнослужителей, был прекрасно осведомлён. Вместе с тем хроника Продолжателя Феофана, созданная около середины X в., указывает, что в 860 г. россы — «это скифское племя, необузданное и жестокое» — опустошили «ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили» Константинополь²⁹⁶. Из цитируемого свидетельства вряд ли кто решится выводиться, что русы — это скифский народ (скифами византийцы именовали, согласно античной традиции, «племена, жившие в степях Причерноморья и в Крыму. Этническую принадлежность по этим словам определить невозможно»²⁹⁷). И точно такой же вывод только и может следовать из «наиважнейшего, наидрагоценнейшего известия» Иоанна Диакона.

А он (или кто-то из его предшественников) превратил русь в норманнов потому, что Фотий называет русов «северной (гиперборейской) грозой», народом, вышедшим «от страны северной», «народом с севера»²⁹⁸, ибо гиперборейцами именовали греки, а затем византийцы тех, кто живёт севернее их. Как подчёркивается, например, в схолии к сочинению Аристотеля «О небе», «мы, говорят, заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причём скифы-русь и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу». В трактате «Тактика» византийский император Лев VI Мудрый (866–912) речь ведёт о снаряжении кораблей «росов северных скифов»²⁹⁹.

О том, что термин «норманны» Иоанна Диакона не имеет этнического содержания, свидетельствуют, помимо Лиутпранда, слова как Адама Бременского: «Хотя все гиперборейцы отличаются гостеприимством, наши шведы в этом отношении выделяются особо», так и Саксона Анналиста про основателя герцогства Нормандского и его окружения: «Норманны зовутся на варварском языке “северными людьми” потому, что впервые прибыли» «во главе с неким герцогом Ролло из нижней Скифии, что лежит в Азии, от реки Дунай на север», и овладели во Франции г. Руаном: «вплоть до сего дня [эта территория] зовёт-

ся по их имени Нормандией». Византийская царица Анна Комнина, современница многих событий конца XI — первой половины XII в., именует участников Первого крестового похода «кельтами», «латинянами», «норманнами», в смысле западноевропейцы³⁰⁰.

В свете сказанного понятно, что того же этнического содержания лишён термин «норманны» и в послании 871 г. франкского императора и итальянского короля Людовика II византийскому императору Василию I (дошло в составе хроники второй половины X в.), представляющем собой ответ на несохранившееся письмо последнего (в котором речь шла о титулах, употребляемых византийцами для различных правителей и в котором он упрекал своего венценосного корреспондента в присвоении им «не следующего ему титула римского императора»): «Хаганом же, как убеждаемся, звали предводителя авар, а не хазар или норманнов»³⁰¹. Несмотря на отсутствие какого-либо уточнения к этим «норманнам», для сторонников норманства варягов (В.Я. Петрухина, И.Г. Коноваловой, Д.А. Мачинского и др.) всё предельно ясно — это русь³⁰².

В 1989 г. А.А. Горский, обстоятельно демонстрируя несостоятельность скандинавской этимологии имени «Русь», подытоживал: «Поскольку Людовик исходил из перечня народов, данного в письме Василия, постольку наиболее вероятным остаётся предположение, что слово “норманны” является переводом на латынь греческого “Βορειοί Σκύθαι” — северные скифы, названия, которым в близком по времени к переписке Людовика с Василием источнике — “Тактике Льва VI” (имп. 886–912) — называются руссы». Однако сейчас историк рассуждает иначе: «В письме 871 года франкского императора Людовика II византийскому императору Василию правитель Руси именуется “каганом норманнов”, что говорит о его скандинавском происхождении»³⁰³. А рассуждать он так стал потому, что его порывы «антинорманизма» молодости были заглушены археологами, мнения которых по любому аспекту варяго-русского вопроса считаются определяющими.

Хотя приведённый выше материал показывает, что византийцы не относили русь к норманнам, как это прямо видно из свидетельства Лиутпранда. Более того, они, специально проявляя интерес к истокам названия русов, не зафиксировали его связь, вопреки заверениям М.В. Бибикова, с норманнами. Так, в упомянутой выше Хронике Псевдо-Симеона (параллельно созданной по времени с «Возмездием» Лиутпранда) констатируется, что «росы, или ещё дромиты, получили своё имя от некоего могущественного Роса» (а византийцам о начале своего имени могли рассказать многие русы, с которыми они часто и на протяжении многих веков имели дело — дипломаты, купцы, воины, в большом числе служившие у них, а также военнопленные). Х. Станг подчёркивает, что и ал-Димашки зарегистрировал традицию о возведении русскими своего рода к некоему по имени Рус³⁰⁴.

Не вытекает, как также было показано на конкретных примерах и фактах, вывод о норманстве варягов и из археологического материала, хотя в науке речь идёт уже об «огромном количестве» скандинавских предметов «во множестве географических пунктов» Руси, о том, что присутствие скандинавов на территории восточных славян документировано «большим числом норман-

ских древностей»³⁰⁵. Тезис о множественности скандинавских следов на Руси, якобы зафиксированных археологами, весьма проблематичен. Если поверить археологам, справедливо указывал А.Г. Кузьмин, что норманны появились на Верхней Волге на столетие ранее славян и долгое время численно превосходили последних, то следует поставить вопрос: каким образом из синтеза германской и угро-финской речи родился славяно-русский язык? Видимо, резюмировал историк, что-то в этих построениях не так: либо факты, либо осмысление (стоит уточнить: и то, и другое). Он же подчёркивал, что даже в областях, где норманны якобы появились намного раньше славян, да к тому же будто бы преобладали над последними, «мы не находим “следов” норманских языков, а “варяжские” боги IX–X вв. — это Перун и Велес, но никак не Тор и Один»³⁰⁶.

Выше заострялось внимание на том, что археологи оперируют более чем сомнительными доказательствами норманства варягов и руси. Стоит проиллюстрировать данный факт примером того, как они не могут расстаться, в силу крайнего дефицита материала, с ценным для них «аргументом» (такого же свойства, что и крестики «скандинавского типа»). Имеются в виду русские мечи, которые, начиная с 70–80-х гг. XIX в., преподносились как норманские³⁰⁷. И опять же делалось это вопреки чётким указаниям письменных памятников, ибо, например, Ибн Фадлан прямо свидетельствует, что у русов мечи «франкские» (согласно Ибн Русте, мечи у русов «сулаймановы», которые Т.М. Калинина поясняет как «мечи франкской работы, высоко ценимые на Востоке»)³⁰⁸.

В 1880-х гг. норвежский реставратор А.Л. Лоранж раскрыл клейма на некоторых мечах эпохи викингов, обнаруженных в Норвегии, и «эти мечи стали всё чаще определять как “каролингские”»³⁰⁹. В 1886 г. Д.Н. Анучин указал на то, что мечи, найденные в русских землях, каролингского, общеевропейского типа³¹⁰. В 1897 г. норманисты И.И. Толстой и Н.П. Кондаков, отмечая, что «славянские древности западной России и частью средней имеют тесные связи с древностями придунайскими», заключали, что оттуда явились к нам и франкские мечи³¹¹, тем самым категорически отмели какую-либо их связь с норманнами. Но мечи символизируют собой воинов, дружинников, т. е. весьма влиятельную верхушку русского общества, в связи с чем был придуман иной способ их обязательной привязки к норманнам. В 1914 г. швед Т.Ю. Арне порядка 40 мечей, к тому времени найденных в Восточной Европе, отнёс к скандинавскому импорту. В 1933 г. немецкий учёный В.В. Арендт утверждал, что носителями франкских мечей, найденных на Руси, были исключительно викинги, ворвавшиеся «в страну как завоеватели и колонизаторы славянской равнины»³¹².

В советской науке идею о несомненной связи с норманнами не имеющих к ним отношения мечей, найденных на территории Руси, первым, видимо, поддержал в 1933 г. В.И. Равдоникас. Поводом для такого вывода послужил его анализ пяти мечей X в., найденных в 1928 г. при строительстве Днепрогэса. Сравнив их со многими подобными западноевропейскими находками, также имеющими латинские надписи, археолог признал очевидное, что они производились не в Скандинавии (может быть, на Рейне). Однако, влекомый уже звучавшими в зарубежной науке и ему созвучными мнениями, заключил, что «скандинавские воины-купцы везли франкские мечи вместе с другими това-

рами к себе на родину, а оттуда они проникали далее на восток — в Прибалтику и Восточную Европу, как собственное вооружение викингов и как объект меновой торговли», что так и попали к нам мечи, найденные на Днепрострое, которые везли норманны из Скандинавии³¹³.

С мнением Равдоникаса тогда решительно не согласились его коллеги. В 1939 г. А.В. Арциховский заострял внимание на том, во-первых, что нет никаких оснований называть мечи, найденные в русских курганах, «норманскими». Этот нелепый термин возник только потому, что наши археологи не были знакомы с вещественными древностями западного средневековья». Во-вторых, в IX–X вв. данные мечи, называемые у оружейников каролингскими, были одинаково распространены во всей Европе, и что, по мнению самих скандинавских археологов, производились они «во Франции и Германии, и одинаково ввозились как в Швецию, так и в Россию». Сказав это, Арциховский правомерно заключил: «Археологи-скандинависты в своих построениях никакого права ссылаться на эти мечи не имеют» (вместе с тем заметив, что большой боевой нож скрамасакс, встречаемый на Руси, является наиболее типичным оружием франков, что шлемы и кольчуги, обнаруженные на Руси, являются русскими)³¹⁴.

В 1945 г. В.В. Мавродин констатировал, что «знаменитые “франкские мечи” производились на Западе и были чаще всего в Скандинавии таким же импортным товаром», как на Руси и в странах арабского Востока. В 1946–1948 гг. Арциховский, говоря об оружии X в., вновь подчеркнул, что «и шлем, и кольчуга, и стрелы русских дружинников отличаются от норманских», и что только меч дружинников аналогичен мечу норманнов, ибо он не норманский, а общеевропейский, вывозившийся и на Русь, и в Скандинавию из Западной Европы. Также рассуждали в 1948 г. Б.А. Рыбаков, в 1953 и 1967 гг. Д.А. Авдусин (эти мечи найдены там, где норманнов никогда не было, например в Чехословакии, Югославии)³¹⁵. В 1961 г. А.Н. Кирпичников разъяснял, что ни один из мечей, найденных в русских землях, «не является скандинавским по происхождению, да и сами скандинавские учёные считают их для севера Европы в основном привозными. Больше того, на Руси вообще неизвестны мечи, характерные для Норвегии» (а ведь последние слова уже перечёркивают разговор о «норвежском» происхождении Олега Вещего). И тогда, и в 1966 — 1985 гг. Кирпичников отмечал, что в целом «франкские клинки проникали в значительно удалённые районы Европы, в том числе к норманнам, финнам и русским». В 1978 г. другой известный специалист по оружию, Б.А. Колчин, подытоживал, что положение о мечах как об оружии не скандинавского, а общеевропейского типа, «блестяще подтвердила клинковая эпиграфика»³¹⁶.

Но параллельно с тем, по причине начинавшегося «скандинавского бума», мощно стала звучать идея Т.Ю. Арне и В.И. Равдоникаса о мечах как исключительно скандинавском импорте на Русь, тем самым всё равно придавая им норманское «обличие». Своего рода сигналом к тому послужила статья Н.А. Чернышёва, опубликованная в 1963 г. (была написана тридцатью годами ранее³¹⁷), в которой транслировалась мысль, что франкские мечи ввозились в скандинавские страны, «где их снаряжали рукоятями и ножнами, а уже затем ввозили на Русь». В 1965–1981 гг. И.П. Шаскольский утверждал, что мечи попа-

дали на Русь преимущественно через Скандинавию и что скандинавы были главными посредниками в торговле Руси с Западной Европой. Так рассуждал в 1966 г. и археолог А.Н. Кирпичников: распространителями мечей «часто выступали скандинавы, которые держали в своих руках основную часть торговли Руси с западным миром. Заполучив каролингские мечи, викинги могли торговать ими среди других стран и на Руси». Точно так затем закрепляли эту мысль в науке его коллеги Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко, С.И. Кочуркина, О.И. Давидан, Д.А. Авдусин, В.П. Даркевич, А.Ф. Медведев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, Д.А. Мачинский (заодно приписывая скандинавами доставку на Русь скрамасаксов, северных наконечников ножен мечей)³¹⁸.

Точно такие же «взвешенные» голоса слышатся и сегодня. «Мечи франкского производства из рейнских мастерских, — говорил В.Я. Петрухин, — попадали на Русь через Скандинавию». Д.А. Мачинский уверял, что викинги и скандинаво-славянские русы («хакан» которых сидел в Ладоге) мечи франкского производства покупали или захватывали и перепродавали на арабский Восток. В 2006 г. в учебнике «Археология» А.С. Хорошев и Т.А. Пушкина внушали студентам, что значительная часть таких мечей попала на Русь через посредство скандинавов или вместе с ними. А так говорили и говорят другие археологи — А.Н. Кирпичников (и продолжая фощеватовский меч, не имеющий никакого отношения к скандинавам, именовать «скандинавским»), С.Ю. Каинов, норвежка А. Стальсберг, П.П. Толочко, Ю.М. Лесман и др.³¹⁹

Не так давно появился новый «довод» в пользу связи мечей, обнаруженных в Восточной Европе, с норманнами (по подсчётам Кирпичникова 2014 г., на Руси обнаружено около 120 находок мечей конца IX — первой половины XI в., из них наиболее древние, отмечал в 1978 г. Б.А. Колчин, относятся к концу IX — началу X в.³²⁰). В 2001 г. украинский археолог Ф.А. Андрощук (его идею поддержали в 2004–2014 гг. шведы В. Дучко, Г. Ларсон и украинец А.В. Комар), рассуждая, что днепростроевские мечи «вполне могут быть скандинавского происхождения» (ибо присутствие франкского или славянского клейма на клинке «ещё не говорит о его франкском или славянском происхождении»), заострил внимание на находках мечей в реках в Западной Европе (так, например, в Британии известно около 20 пунктов их местонахождения в реках).

Затем, сведя разговор к северогерманцам, подчеркнул, что среди них была достаточно широко распространена традиция жертвоприношения оружием. А в качестве примера тому приведя «Поля Гуди» на Готланде, на территории которых обнаружено большое количество копий, топоров, мечей, ножей, ключей, фрагментов сосудов, бронзовых булавок и серебряных браслетов, Андрощук заключил: «В целом складывается впечатление, что жертвоприношения оружием больше всего практиковались на Готланде» и что мечи, поднятые со дна Днепра, следует рассматривать именно как жертвоприношения готландцев. Как добавлял Комар, варяги, отбывая с о. Хортицы в сторону опасных порогов в период противостояния с печенегами, по древнему германскому обычаю жертвовали в воды Днепра один или несколько мечей³²¹.

Размышления Андрощука — это один из многих примеров того, как русские находки преднамеренно сводят к северогерманцам, к скандинавам. Хотя

он вначале и указал на факт обнаружения в Британии мечей в реках, но тут же резко свернул разговор о том. И понятно почему, т. к. тогда надо было вести речь не о северогерманцах, а о кельтах. Ибо, отмечала в 2002 г. археолог И.П. Русанова, «в Англии с утёса вниз сбрасывали оружие, пленных и рабов», что на территории кельтов «иногда находят вещи в реках, оставленные там в качестве жертв», что в Чехии при строительстве моста под Прагой было обнаружено большое скопление предметов — 22 меча, 26 браслетов, сосуды. Вместе с тем она подчеркнула, что «источники почитались многими народами (греками, кельтами, римлянами, славянами и др.), им приносили жертвы со времён неолита и бронзы, особенно много их в северных и южных областях Германии, в Дании, Голландии, Швеции, Финляндии»³²² (уместно в данном случае напомнить и тот факт, что персидский царь Ксеркс, в 480 г. до н.э. переправляясь через Геллеспонт, бросил в него меч).

Учёные, настаивая на том, что именно скандинавы и через Скандинавию поставляли на Русь каролингские мечи, даже не видят тому принципиальные противоречия. Во-первых, как справедливо заметил в 1876 г. считавший варягов норманнами Д. Щеглов, «скандинавы никому не известны как торговцы, их знают по берегам всех европейских морей только как разбойников!»³²³. Во-вторых, столь далёкий, затратный и опасный кружной путь через Скандинавский полуостров элементарно не мог выдержать конкуренции с Западным торговым путём (о нём писали и пишут сами норманисты, например М.В. Довнар-Запольский, В.П. Шушарин, В.Я. Петрухин, В.Б. Перхавко, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко), который вёл из Регенсбурга через Прагу — Краков — Перемышль в Киев, достигал Хазарии и который, предположительно, существовал уже в IX в. и активно функционировал в течение всего домонгольского времени. «Торговые пути, — как в целом констатировали в 2012 г. А.Е. Леонтьев и Е.Н. Носов, — уходили к Карпатам и в Подунавье, от Днепра по Припяти и Березине к Неману, далее на Балтику... Источники позволяют предполагать существование, по крайней мере, с середины IX в. трансевропейской системы дорог, в широтном направлении тянувшихся от Пиренейского полуострова до Хазарии. До Среднего Поднепровья они проходили через Южную Францию, Восточную Баварию, Моравию и Малую Польшу»³²⁴.

Довольно опять-таки показательно, что датская исследовательница Э. Роэсдаль, ведя речь о торговле скандинавами западноевропейскими товарами на Руси, весьма резонно заметила: «Но едва ли речь может идти о масштабной транзитной торговле, поскольку существовали прямые связи между Востоком и Западом, например через Европу», из Майнца через Прагу до Киева, а оттуда дальше на восток или на юг (хотя она и допускает, но только допускает!, что, вполне возможно, «скандинавы продавали на Руси мечи собственного или западноевропейского производства»). В 2009 г. востоковед Т.М. Калинина, касаясь сообщения Ибн Хордадбеха (840-е гг.) о купцах русов, в торговле мехами и мечами доходивших до Багдада, указала с простым пояснением, что речь идёт о каролингских мечах, «популярных на Ближнем Востоке. Они производились в Германии и Фландрии, откуда вывозились в страны западных славян, далее через Краков попадали в земли восточных славян»³²⁵.

Однако был ещё один путь, по которому и начали вообще-то поступать франкские мечи на Русь. А именно, тот путь, который веками связывал Южную Балтику с Северо-Западом и который описал Адам Бременский. Основанием к такому заключению служит факт, указывающий на активную торговлю оружием южнобалтийских славян со своими западными соседями. Она была настолько активной и масштабной, что уже в 805 г. Карл Великий «запретил немецким купцам ездить в Славянскую землю и назначил только три пограничных города, куда могли приходить славянские купцы для сделок с немцами». При этом особенно строго запрещалось продавать славянам «оружие и брони»: «у того, кто вёз оружие к славянам, весь товар отбирался, и половина разделялась поровну между сыщиком и смотрителем торгового пункта; только другая половина поступала в казну» (и только в 864 г., стоит заметить, Питрский капитулярий запретил продавать оружие скандинавам)³²⁶.

Но запрет императора продавать славянам Южной Балтики оружие вряд ли мог прекратить столь выгодную для немецких купцов торговлю, а затем он и вовсе был забыт со смертью императора и с распадом его империи в 843 году. Как отмечал А.Ф. Гильфердинг, «запрещение ездить к славянам пало само собой, и магдебургские купцы в особенности получили с 975 г. большие преимущества и льготы». А торговля южнобалтийских и восточноевропейских славян занимала ведущее место во всей балтийской торговле (на этот факт указал в 1986 г. американский учёный Т.С. Нунан³²⁷). Южнобалтийский путь поступления мечей в русские земли маркируют их же находки: из 165 западноевропейских клинков с фирменными клеймами мастеров (по данным на 1984 г.), которые считались самыми лучшими и отсюда ценились особенно высоко³²⁸, в землях южнобалтийских славян найдено 30, в Латвии — 22, Финляндии — 19, Эстонии — 7, Литве — 5, на Руси — 11. И лишь только 1 обнаружен в Швеции³²⁹. Само распределение этих находок показывает не только тот путь, по которому франкские мечи шли на Русь, но и то, что шли они туда без всякого участия шведов (которые сами приобретали мечи у южнобалтийских купцов).

Аналогом «аргументу» «норманские» мечи является и «аргумент», что ланцетовидные формы наконечников копий и стрел — скандинавские. Таковыми их считали и считают многие археологи: А.В. Арциховский, Д.А. Авдусин, А.Н. Кирпичников, С.В. Томсинский, Л.С. Клейн, Н.А. Плавинский³³⁰ и др. Но А.Ф. Медведев подчёркивал в 1966 г., что ланцетовидные наконечники с плоским черешком без упора для древка появились на рубеже н.э. в Прикамье и были распространены «в северной полосе в IX — первой половине XI в. На юге встречаются как исключение. Ланцетовидные с упором появились значительно позднее, в VIII–IX вв., и были распространены по всей европейской части территории СССР в IX — первой половине XI в. Они широко применялись в этот период и в Скандинавии, но в Норвегии и Швеции, как правило, значительно крупнее и шире русских». Ланцетовидные формы наконечников копий и стрел, отметил в 2012 г. Н.В. Лопатин, «не являются специфически скандинавскими предметами, а характерны для североευропейского вооружения в целом»³³¹.

Насколько у норманистов всё тенденциозно и всё обязательно подвёрстывается под норманскую версию, демонстрирует их трактовка погребения кур-

гана № 13 Гнёздовского некрополя (содержало остатки сожжения мужчины и женщины), в котором обнаружена знаменитая амфора-корчага с кириллической надписью (варианты: «гороунша», «гороухща», «гороушна», «гороуща»). В 1951 г. нашедший этот артефакт Д.А. Авдусин, датируя и сам курганный комплекс, и саму надпись на корчаге первой четвертью X в., сделал естественной вытекающий из того вывод: её находка указывает на нескандинавское происхождение погребённого. Два года спустя археолог к сказанному добавил, что надпись на корчаге была проделана русским владельцем амфоры, когда в ней находилась горчица³³². Против такого заключения сразу же выступил Т.Ю. Арне, доказывая, что сожжение в ладье, помещение в кургане сломанного меча и наличие в погребении гривны с «молоточками Тора» — характерные особенности скандинавского и прежде всего шведского погребального обряда (амфору он считал не русской, а привозной — из Балкан, из Крыма или из византийских колоний. В том же духе опровергал доводы Авдусина и Х. Арбман)³³³.

В 1965 г. И.П. Шаскольский также категорически отверг выводы своего соотечественника, потому как славянское височное кольцо, найденное в том же кургане, очевидно, принадлежало рабыне-наложнице, похороненной рядом со своим господином. Но главное, на его взгляд, никак нельзя доказать, что славянская надпись «гороухща» на амфоре «была сделана именно для того воина-дружинника, который был здесь похоронен. Сосуд был изготовлен далеко от Гнёздова и мог сменить нескольких хозяев; невозможно установить, когда, где и для какого владельца выцарапана на нём надпись»³³⁴. Прямо идею Арне репродуцировали в советской науке Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин: что в кургане № 13 был погребён воин скандинавского происхождения (т. к. присутствует типично скандинавское трупосожжение в ладье) и что сам этот курган, содержащий корчагу с древнейшей русской надписью, «показателен и как памятник вероятного двуязычия “росов” в первой половине X в., и как свидетельство южных связей Гнёздова: и сама корчага, и её вероятное содержимое (горчица) — предметы южного импорта (Херсонес?)». А чтобы корчагу, несмотря на её явную славянскую «мету», хоть как-то связать со скандинавами, скандинавист Мельникова, о чём речь уже шла, знак «N» представила, по «подсказке» археологов, в качестве «руны s»³³⁵. За рубежом также продолжают уверять, что в кургане покоится «прах одного из вождей викингов и молодой женщины»³³⁶.

В 1997–2002 гг. историк А.А. Медынцева предложила, развивая мысль Р. Якобсона, надпись на корчаге читать как мужское имя Горун в родительном падеже единственного числа, обозначающее владельца сосуда (за подобное прочтение надписи стоят О.Н. Трубачёв и С. Франклин). После чего заключила, что «в кургане похоронен владелец корчаги, Горун, воин-купец (среди множества вещей, найденных при расчистке в кургане, — меч и весы, монеты), “ходивший” в далёкие торговые походы по пути из варяг в греки». При этом исследовательница подчеркнула, что «сакральность обычая разбивать сосуд, принадлежавший именно умершему, при погребении широко засвидетельствована славянской этнографией» и что «имя Горун засвидетельствовано славянскими источниками»³³⁷. В 2001 г. В.С. Нефёдов, приняв обоснованное Медынцевой прочтение надписи как Горун, утверждал, во имя спасения норманистской оценки погреб-

бения кургана № 13, что она была сделана в Дунайской Болгарии, но к моменту археологизации данный предмет принадлежал не славянину, а скандинаву, приобретшему его в Причерноморье. Поэтому, заключал археолог, эта находка не может безоговорочно привлекаться в качестве источника по проблеме возникновения письменности в Киевской Руси³³⁸.

Представляется просто невероятным, чтобы в погребальный инвентарь, в котором для язычников не было мелочей и где всё имело важное значение, соотечественники умершего включили предмет, так явно маркированный знаками чужого этноса, непонятными и, следовательно, враждебными и им, и в особенности, конечно, покойнику (если же он был скандинавом и если надо было его сопроводить скандинавским «оберегом», то на корчагу, понятно, были бы нанесены рунами заклинание, имя и т. п.). По оценке В.Я. Петрухина, «погребальные памятники воплощают целенаправленное и завершённое действие древнего коллектива... и специально ориентированы на передачу “информации” об этом коллективе “вовне” — от предков к потомкам, то есть являются *памятниками* в собственном смысле слова»³³⁹. И потому наличие в одном захоронении, с одной стороны, железной гривны с «молоточками Тора» и скандинавской овальной фибулы, с другой — сосуда со славянской надписью и восточнобалтийского или славянского спирального височного кольца требует, конечно, самого взвешенного, а не тенденциозного объяснения («молоточки Тора» являются столь же условным наименованием, что и «крестики скандинавского типа», и «норманские» мечи, т. е. представляют собой такую же норманистскую фикцию).

Истинное (а не кажущееся) число скандинавских предметов в русских древностях просто мизерно и в огромной массе других археологических находок практически равно нулю, что говорит в основном о случайном характере их попадания в земли восточных славян. По заключению археолога и историка П.П. Толочко, сделанному в 1990 г., собственно скандинавских вещей на Руси не так уж и много³⁴⁰, хотя в первую очередь именно археологи (наши и зарубежные: Г.Ф. Корзухина, Е.Н. Носов, В.Я. Петрухин, Г.Л. Новикова, Ю.Э. Жарнов, В.Н. Седых, А. Стальсберг, И. Янссон и др.) только и рассуждают о постоянном проживании в её пределах скандинавов, «нередко семьями, в городах и иногда сельских местностях»³⁴¹. Справедливость слов Толочко видна прежде всего на материалах Киева и Новгорода, главных городов Руси, где норманнов должно было быть особенно много и где они, конечно, должны были оставить массу следов своего пребывания. Но этих следов нет совершенно.

Так, в Киеве количество скандинавских вещей найдено, отмечал Толочко, не более двадцати (10 из них — это скорлупообразные фибулы), причём ни одна из них не имеет отношения к IX веку. В 2001 г. украинский археолог Ф.А. Андрощук говорил об отсутствии скандинавских вещей в Нижнем Поднепровье до середины X в., а через три года констатировал, что скандинавских изделий IX столетия вообще не обнаружено на юге Руси и что его коллега и соотечественник В.Н. Зоценко неверно привязывает некоторые вещи, ошибочно придавая им скандинавский характер, к Подолу, потому как там они отсутствуют. В 2005–2012 гг. другой украинский археолог А.В. Комар указывал, что «скандинавский след» в полянском Поднепровье в связи с появлением в Киеве варя-

гов во главе с Аскольдом и Диром отсутствует, что поселение на Замковой горе Киева (на ней сейчас больше принято помещать княжеский град и видеть в ней точку роста города) второй половины IX — первой половины X в. «по культуре откровенно славянское, ничем не напоминающее культуру Ладоги и Рюрикова городища, что никак не вяжется с ожидаемым “русско-скандинавским” обликом дружины киевского князя», и что материалы Подола конца IX — середины X в. (его возникновение ряд учёных связывает с деятельностью Олега Вещего) «в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или “северного” происхождения» (в 2003 г. В.Н. Зоценко вновь решил изменить такую «антинорманистскую» ситуацию и стал вести речь о наличии вещей скандинавского импорта в Киеве в рамках или конца IX — XI в., или вообще IX–XI вв., и всё так же относя к ним, что ему заблагорассудится).

В 2001–2007 гг. К. Цукерман, опираясь на выводы археологов, отметил факт полного отсутствия скандинавских древностей в Киеве и на всём Среднем Поднепровье ранее X в. (они появляются на Шестовице в самом начале X в.). И посему задавал вполне законный вопрос: как объяснить, что от значительного присутствия скандинавов «в Киеве не осталось никаких следов даже в захоронениях?». В 2013 г. П.П. Толочко опять заострил внимание на полном отсутствии каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всём Среднем Поднепровье. Годом позже польский археолог П. Урбанчик привёл заключение шведского коллеги В. Дучко от 2004 г.: в киевских захоронениях скандинавских артефактов обнаружено очень мало (и если бы картина присутствия скандинавов в Киеве основывалась только на этих находках, то не было бы оснований утверждать об их решающей политической роли), а что заметно, так это «более выраженное присутствие влияний кочевой культуры и даже некоторых славянских элементов». В 2016–2017 гг. историк А.С. Щавелёв и археолог А.А. Фетисов снова указали, что до X в. в Киеве нет скандинавских древностей, маркирующих распространение скандинавов-руси³⁴².

Приведённые «антинорманистские» свидетельства археологов, не сомневающих в норманстве варягов и руси (с последним не согласен только П.П. Толочко), особенно примечательны на фоне утверждений зарубежных учёных об основании Киева норманнами, что он представлял собой «анклав викингов» (Р. Пайпс, ведя речь о наличии на Руси обособленных поселений скандинавов, подчёркивал, что наибольшим из них являлся как раз Киев), убеждённости нашей Е.А. Мельниковой в том, что становление связей с Византией в IX в. по пути «из варяг в греки» «вызвало приток скандинавов в Среднее Поднепровье, борьбу между их отдельными группами за Киев» (Аскольд и Дир) и что «вместе с Олегом в Киеве, вероятно, впервые появился постоянный и значительный контингент скандинавов»³⁴³.

Не более полутора — двух десятков скандинавских предметов обнаружено в Шестовице, где, учитывая дружинный характер поселения, справедливо заметил Толочко, их, казалось бы, должно быть особенно много. В знаменитом Гнёздове, в котором на Западе также видят «анклав викингов», северные изделия встречаются, добавлял учёный, не чаще, чем западославянские, восточные или западноевропейские³⁴⁴ (однако в 2013 г. А.С. Щавелёв уверял, что

Гнёздово являлось, как и Киев, торгово-ремесленным поселением скандинавов, что, а это он излагал в 2017 г. уже совместно с А.А. Фетисовым, со временем застройки киевского Подола совпадает появление Шестовицкого городища в конце IX в., что его первые поселенцы, по всей вероятности, были скандинавами. Хотя тут же авторы признают, что «при этом какие-либо скандинавские вещи, которые могли бы однозначно датироваться второй половиной или концом IX в., на городище Шестовица не выявлены». Но всё равно говорят, взмахивая волшебной палочкой по имени «видимо», что «застройка Подола Киева и первые “большие дома” городища Шестовицы, видимо, маркируют первый относительно массовый приход скандинавов в Среднее Поднепровье»³⁴⁵).

В отложениях Новгорода артефактов, увязываемых со скандинавами, найдено ещё меньше, чем в Киеве. И это при том, что в новгородских слоях, как отмечал В.Л. Янин в 2009–2014 гг. отдельно и в содружестве с Н.А. Макаровым и Е.Н. Носовым, прекрасно сохраняются все предметы как из органических материалов: дерево, береста, кожа, кость, так и неорганических материалов: металлы, глина, камень, стекло³⁴⁶. К тому же практическое отсутствие скандинавских вещей в слоях Новгорода тем более поразительно, что для его культурных напластований (толщина которых 6–8 метров) характерна, как подчёркивают специалисты, «исключительная насыщенность древними предметами»³⁴⁷. В 1997 г. Е.А. Рыбина подытоживала, что единичные скандинавские предметы (7 экз.) обнаружены в Новгороде в слоях X века. Тогда как коллекция предметов, собранная на раскопках в Новгороде за 1932–2002 гг., заостряла она в 2002 г. внимание, насчитывает в общей сложности более 150 тысяч изделий (причём в это число не включён массовый керамический материал)³⁴⁸. В связи с чем остаётся повторить слова М.В. Седовой, произнесённые ещё в 1979 г., что в процентном отношении число скандинавских артефактов ничтожно «по сравнению с находками славянских, финно-угорских и балтских изделий»³⁴⁹ (а 7 к 150000 составляет около 0,005%).

В 2010 г., как уже отмечалось, Е.А. Рыбина и Н.В. Хвощинская констатировали, что «в новгородской коллекции вещей удалось выделить 20 предметов, по своему происхождению связанных со Скандинавией», которые составляют ничтожно малую тысячную долю процента коллекции. Они пояснили, что к кругу скандинавских вещей относят «изделия, выполненные в определённом североевропейском стиле, независимо от того, где они были сделаны, тем более это определить часто невозможно»³⁵⁰ (т. е. речь идёт о находках, которые археологи просто приписали скандинавам). В 1984 г. Е.А. Мельникова единичные скандинавские предметы, найденные в Новгороде, отнесла к категории случайных. По оценке В.Л. Янина 1992 г., они «случайны и составляют ничтожную, едва различимую долю в славянском вещевом инвентаре». Их попадание в Новгород Т.Н. Джаксон в 2001 г. связала с торговлей³⁵¹. Но при всём этом норманисты утверждают, что Новгород был основан скандинавами, что он представлял собой их «собственный город-государство» и являлся «основной базой норманов в Восточной Европе»³⁵², что в нём а) до начала XI в. был расквартирован на постоянной основе «засадный» норманский корпус, б) в конце X — первой половине XI в. находился постоянный «большой или меньший контингент скан-

динавов: дружинников новгородских князей и наместников великого киевского князя, новоприбывших искателей богатства и славы, торговых людей», в) «постоянный контингент скандинавов, имевших теснейшие связи с Норвегией»³⁵³.

Можно себе представить, сколько скандинавских вещей оставили бы в Новгороде а) проходившие через него на протяжении почти двух столетий на Киев, в Константинополь и в прикаспийские земли скандинавы (а это, если довериться норманистам, десятки и даже сотни тысяч человек) б) постоянно там жившие на протяжении многих лет тысячи скандинавов (только Ярослав в 1015 г. привёл, после примирения с новгородцами для борьбы со Святополком тысячу варягов), в) плюс к этому обязательные погребения по скандинавскому образцу «множества», по оценке ПВЛ, варягов (которых выдают за скандинавов), в 1014 г. нанятых Ярославом «за морем», живших в Новгороде как минимум год и перебитых в августе 1015 г. «во дворе Поромони» и погребённых где-то в Новгороде и в его округе (да и с Ладогой не всё так просто, как рассказывают норманисты. «Ныне, — заверял в 2009 г. Л.С. Клейн, — уже не оспаривается принадлежность больших домов в Ладоге норманнам, но они характеризуют нижний слой, VIII–IX в., а выше располагаются обычные славянские дома». В 2012 г. его ученик Е.Н. Носов подытоживал, что происхождение больших домов «до конца не ясно. По плановой схеме они близки отдельным домам населения культуры псково-новгородских длинных курганов, некоторых групп восточных финнов и Скандинавии, хотя на территории последней срубная техника строительства в VIII–IX вв. вообще не распространена»³⁵⁴).

Известно, какой глубочайший след, видимый по сей день, оставили норманны в истории тех народов, на территории которых они действительно часто бывали, а затем массово селились. Так, обращал внимание в 1876 г. Д. Щеглов, пребывание норманнов во Франции отразилось в десятках названий местностей. Там зафиксированы, уточнял в 1968 г. Г. Джонс, сотни скандинавских топонимов, например, с суффиксом *-bec* (*др.-сканд. bekkr*), *-bu* (*bú*), *-digue* (*dík*), *-tot* (*topt, toft*) и т. п. и множество скандинавских личных имён, к которым добавлен суффикс *-ville*, а название области расселения скандинавов (преимущественно данов) — Нормандия — до сих пор хранит память о них. Западно-европейские учёные констатируют, что на её территории встречается очень много скандинавских географических названий и что даже сегодня отзвуки старого скандинавского наречия «слышны в нормандском диалекте французского языка: наиболее возвышенная часть любого города называется “hogut” — от “haugr”, что на староскандинавском языке означало “холм”; а небольшой скверик в центре посёлка называют “londe” — от “lundr”, или “роща”. Даже некоторые города, такие как Quettehou и Houlgate, сохранили названия, которые присвоили им основатели-викинги тысячу лет назад».

Отзвук того же *dönsk tunga* — древнескандинавского (древнеисландского) языка, общего для всех скандинавов в период раннего Средневековья, «остался в словах, — продолжал далее Джонс, — связанных с морем, и уловим даже в современном французском». А.Н. Жобер отметила, что плотность скандинавской топонимики ясно демонстрирует значимость скандинавского расселения в Нормандии», что там «многие сельскохозяйственные термины... имеют скан-

динавское происхождение. Такие форманты, как *toft* и *delle*, встречаются достаточно часто. Последний термин свидетельствует о присутствии англо-скандинавов в Нормандии, ибо этот термин известен на востоке Англии, в *Danelaw*», что о том же говорит и «скандинавская этимология многих терминов, связанных с рыбной ловлей» (Х. Арбман также подчёркивал: когда Нормандия перешла под управление норманнов, «туда прибыли новые отряды скандинавов; на основании топонимов и терминов земледелия можно предположить, что последняя часть переселенцев прибыла из области “датского права” в Англии». И Д. Хейвуд вёл речь о датских топонимах в Нормандии. Французская исследовательница Э. Ридл в 2005 г. выявила, свидетельствует П. Бодуан, в родном языке 150 слов скандинавского происхождения. По его оценке, «скандинавское влияние живо ощущалось вплоть до 1020-х гг.»).

Восточная Англия, подвергшаяся массовой датской колонизации, до сих пор несёт на себе ярко выраженный скандинавский отпечаток (в 886 г. по мирному договору предводителя данов Гутрума с единственным оставшимся англосаксонским королём Альфредом Великим там был основан Данелаг, по-английски Дэнло, Дейнло, «Область датского права», общей площадью около 25 тыс. кв. миль, бывшего «своего рода, — по оценке Джонса, — Данией за морем, завоёванной, заселённой и обустроенной данами на свой манер»). Х. Ловмянский, говоря, что «в целом в Дэнло выявлено огромное число топонимов скандинавского... происхождения», указывал, что в восточном графстве Линкольншир они превосходят число английских названий и что, судя лишь по «Книге Страшного суда» (кадастровая опись 1086 г.), «скандинавских названий только одной категории, а именно оканчивающихся на -ву, на пространстве между реками Тис на севере и Уэлленд на юге существовало более 500, т. е. по крайней мере 150 на 10 тыс. кв. м.»).

По мнению английских учёных, в большинстве случаев в их основе лежит скандинавское имя собственное, а «такие названия, как “Дерби”, “Шелби” или любое другое из 800 аналогичных названий в старых границах Дейнло, давали местам, которые никогда не принадлежали англичанам до датского вторжения», что названия типа Сканторп или Свейнторп «присваивали неудобным или отдалённым участкам земли, оставшимся для тех, кто опоздал к разделу процветающих хозяйств и плодородных земель». «Приблизительно 700 английских названий, включающих элемент *bi*, без сомнения, доказывают, — заключал в 1962 г. П. Соьер, — важность скандинавского влияния на английскую терминологию». К тому же, добавлял он, в Англии «существует много других характерно скандинавских названий топографических объектов»: *thorp*, *both*, *lundr*, *bekk*, и в целом «в английских названиях присутствует множество скандинавских элементов, но наиболее характерны и часто встречаются *bi* и *thorp*». Вместе с тем «линкольнширский судебный реестр за 1212 г., — отмечал Соьер, — содержит 215 скандинавских имён, и только 194 английских». Согласно «Книге Страшного суда», «у землевладельцев в период до нормандского завоевания в ходу было по меньшей мере 350 скандинавских личных имён».

По данным И. Янссона и А.Н. Жобер, в Британии и Ирландии скандинавы «оказали значительное влияние на английский язык и местную топонимику»

и что «топонимика и специфическая терминология свидетельствует о скандинавском влиянии, особенно в области сельского хозяйства». «Формирующий английский язык, — доводит до сведения читателя энциклопедическое издание, — пополнили по крайней мере 600 датских заимствований (такие слова, как “happy” — “счастливый”, “ugly” — “уродливый”, “fellow” — “парень”, “ill” — “больной”), а многие тысячи других слов попали в местные диалекты, которые с тех пор вышли из употребления». «Современные английские слова, — в свою очередь информирует Хейвуд, — начинающиеся на sk-, такие как skin, sky, skirt или scare, чаще всего датского происхождения, как и слова, произносимые с твёрдым k или g: kid, get, give, egg и пр.». Джонс констатирует, что географические названия северо-западной Англии и юго-западной Шотландии говорят о переселении в эти места норманнов в основном из Ирландии.

Хейвуд заостряет внимание на том, что норвежские топонимы «обычны в Уирреле, в Файлде, на западе Ланкашира, в Озёрном краю и за нынешней англо-шотландской границей в Дамфрисшире: -фелл (fjall = гора), -бек (bekr = ручей), -туэйт (tveit = поляна) и -сайд (saetr = пастбище, то есть летнее поселение)» и что анализ ДНК показал наличие у половины населения Уиррела тех же своеобразных генетических маркеров, что и у населения Норвегии. Вместе с тем он подчёркивает, что на Шетландских и Оркнейских островах, на крайнем северо-востоке Шотландии почти все названия имеют скандинавское происхождение, что они «обычны на Гебридах и на западном побережье Шотландии», причём подавляющее их большинство имеет норвежское происхождение («из 126 деревень на о. Льюис — одном из внешних Гебридских островов — 110 имеют либо чисто скандинавское название, либо какое-то его подобие»), что норвежско-датские топонимы указывают на бытование скандинавских колоний «на острове Мэн и на юге-востоке Шотландии, в Галлоуэе и Дамфрисе» и что ДНК населения перечисленных островов, а вместе с ними Исландии, фиксирует его скандинавские корни.

По общей оценке специалистов, след, оставленный викингами в Англии, — это «богатейший перечень скандинавских наименований, имён, слов и диалектов», которые «дают ключ к изучению жизни и передвижения поселенцев и к пониманию их взаимоотношений с окружающим миром». «Во многих районах, — пишет Э. Роэсдаль, — после завоевания их викингами и создания там поселений норманнов рождались новые географические названия. К ним относится, например, название Стирсбю в Северной Англии, где первая часть слова “Стир” происходит от скандинавского имени “Стюрр”, а окончание “бю” также характерно для языков в Скандинавии. Или, скажем, “Токевиль” в Нормандии, которое состоит из двух частей — скандинавского имени “Токе” и французского окончания “виль”. Мы можем даже с известной долей достоверности определить по названию местности, кто преимущественно находился в этом поселении — датчане или норвежцы». А географические названия Дейнло позволяют воссоздать картину расселения датчан³⁵⁵.

В целом же можно подытожить и словами шведа Х. Арбмана, что «английское население... испытывало сильное скандинавское влияние», и словами англичанина П. Соьера, что скандинавы в Линкольншире и Йоркшире нало-

жили «свой отпечаток на тамошнюю административную терминологию», и словами его соотечественника Г. Джонса, что «норвежцы принесли в Исландию свой язык, законы, религию и жизненный уклад», и словами шведов И. Янсона и Ё. Тегнера и русской Т.Д. Пановой, что «в Британии и Ирландии скандинавские поселенцы были ассимилированы, но оказали значительное влияние на английский язык и местную топонимику. Скандинавские поселения на Фарерских островах и в Исландии существуют до наших дней»³⁵⁶. Российский скандинавист А.С. Кан, также отмечая, что «скандинавская колонизация и владычество оставили на Западе прочные следы в топонимике и политико-правовой терминологии», вместе с тем признал: «Ни того, ни другого на Руси не наблюдалось». И Е.А. Мельникова, подчёркивая, что земледельческая колонизация скандинавами Англии «оставила множество следов в англо-саксонском социально-политическом устройстве и культуре», сказала, что на Руси варяги, «образовав изолированный военный слой, вынуждены были взаимодействовать с местным обществом и приспосабливаться к новой культурной среде»³⁵⁷ (но при этом всё равно были обязаны оставить о себе «вещественную» и «говорящую» память).

Действительно, всего того, что отмечают зарубежные и отечественные исследователи в отношении ясно зримого до сих пор следа скандинавского присутствия в истории западноевропейских народов, русская история и русский язык не знают совершенно (а этот принципиальный важности факт прямо свидетельствует, что летописные варяги и скандинавы не имеют друг к другу никакого отношения и представляют собою совершенно разные народы). Согласно исследованиям крупнейшего мирового специалиста в области ДНК-генеалогии А.А. Клёсова, среди современных русских, украинцев и белорусов нет потомков скандинавов, на что указывает отсутствие на Русской равнине характерной скандинавской «метки» — необратимой мутации R1a-Z284, которая обильно встречается в Швеции, Дании, Норвегии и на Британских островах³⁵⁸.

Варяги и русь не были скандинавами, в том числе, и потому, что ни один из древнерусских городов не носил скандинавского названия. Хотя, как информирует ПВЛ, варяги активно занимались градостроительством и в 862 г., и в последующие годы: в 882 г. Олег Вещий, сев в Киеве, «нача города ставити». В войске князя «воя многи» и среди них первыми летописец поставил варягов, его окружает варяжская дружина и варяжские «мужи», заключившие в 911 г. русско-византийский договор, и имена которых трактуют именно как скандинавские («Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид»). Но при этом названия городов, которые начал основывать в Южной Руси Олег с помощью всё той же варяжской руси, которую возглавляли многочисленные «Карлы, Инегелды, Фарлофы», не имеют никакого отношения ни к норманнам, ни к германцам вообще. К ним же не имеют отношения и названия городов, который начал возводить потомок варягов Владимир: в 988 г. «рече Володимер: “се не добро, еже мало городов около Киева”. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне». А данный факт заставляет повторить вопрос, заданный норманистам в 1876 г. П. Бурачковым: «Если Олег начал ставить го-

рода и посадил в них варягов-князей, ... то почему самые города получили названия славянские, а пороги — норманские?»³⁵⁹.

И на Руси, конечно, была бы совершенно иная топонимическая картина, если бы всё было так, как убеждал Н.А. Полевой: скандинавы «рубili небольшие деревянные городки или крепости, в которых можно было им укрепиться для своего спасения. ... Впоследствии многие из них оставались в городках, начинали постоянно жить в сих притонах, покоряли туземцев и основывали небольшие государства». М.П. Погодин также уверял, что Рюрик велел норманнам, «по исконному обычаю норманнов, рубить везде города или крепости» и что вообще «первою заботою норманских князей было... утвердить власть за собою, для чего на удобных местах строили они (Рюрик, Олег, Володимер, Ярослав) новые *города*». В том же ключе говорил и С.М. Соловьёв: «Так, с Рюрика началась уже эта важная деятельность наших князей — построение городов, сосредоточение народонаселения». Точно так освещали начало градостроительства на Руси С. Рожницкий, Г. Джонс (норманны основали торговые города, «которые продолжали жить и процветать благодаря их усилиям», и прежде всего Новгород, Белоозеро, Изборск, Полоцк, Ростов, Смоленск, Чернигов, сыгравшие решающую роль в становлении русской государственности) и Г. Шрамм (до прихода шведов русские вообще не знали городов)³⁶⁰.

Ёмкую оценку подобным представлениям поставил ещё в 1842 г. С.А. Бурачёк. Касаясь слов Полевого, что «скандинавские князья *срубили* много городов и всем им дали славянские имена», он с оправданной иронией заметил: «Чудаки эти скандинавы!». Позже С.А. Геденов справедливо заметил, что если бы норманны были основателями Русского государства, то скандинавский язык оставил бы «неизгладимые следы в русском говоре; по крайней мере норманны, по обычаю своему в других землях, прозвали бы своими названиями основанные, по всей вероятности, варяжскими князьями города и сёла: Вышегород, Ольжичи, Предславино, Белгород, Берестовое, Роком и т. п.»³⁶¹. В 1996–2003 гг. археолог А.Н. Кирпичников констатировал, «что, как известно, они (скандинавы. — В.Ф.) в чужих землях городов, как правило, не основывали, а селились в уже созданных»³⁶². Тогда как наши варяги, на что указывает ПВЛ, сразу же по своему прибытию на Русь стали строить города, причём строили их со знанием дела, который вырабатывается веками.

Выше отмечалось, что к выводу о полной непричастности скандинавов к началу городов в Ирландии пришли ирландские учёные. А непричастны потому, что совершенно не обладали сложнейшим искусством градостроения и организацией городской жизни. Согласно современным шведским историкам и археологам, городское развитие в истории Швеции относится к довольно позднему периоду, к XIII в., когда разные населённые пункты — места рыбачьих промыслов, народных собраний, отправления культа и королевских ставок — были преобразованы в городские поселения³⁶³. Но наши учёные живут стародавними ложными стереотипами и считают иначе. Так, Т.А. Михайлова в 2012 г. утверждала, что в Ирландии, по причине преобладания в ней выходцев из Норвегии, больше оставили свои следы норвежцы в лексике, в ономастике, в топонимике, т. к. ими были основаны многие города³⁶⁴.

Е.А. Мельникова, говоря о том, что завоевание данами восточных областей Англии (с конца IX в. по 1042 г., т. е. практически синхронное действиям варягов на Руси) отразилось в английском языке в виде многочисленных лексических заимствований — «до 10% современного лексического фонда» (в том числе «правовые и социальные термины, хозяйственные и бытовые обозначения, топографические термины») «и ряда морфологических инноваций», вместе с тем признаёт, что не только не отмечено ни одного случая фонетических, морфологических или синтаксических инноваций в древнерусском, которые могли бы произойти под влиянием скандинавских языков, но даже в лексике, наиболее легко проницаемой и динамичной области языка, взаимообмен не был интенсивным и широким (она также отмечает, «что нормандское завоевание Англии привело к созданию романского лексического пласта, к изменению в фонетической системе языка и некоторым инновациям в морфологии»)³⁶⁵.

Сказанное Мельниковой нуждается в принципиально важном уточнении: в древнерусском языке не было ни одного шведского слова. Уже говорилось, что крупнейший филолог XIX в. И.И. Срезневский выделял в русском языке около десятка слов происхождения либо действительно германского, либо возможно германского. В эти подсчёты внесли коррективы учёные XX века. Так, С.Н. Сыромятников указал на восемь заимствований в древнерусском языке из шведского, а В.А. Мошин признал таковыми лишь шесть³⁶⁶. Но речь идёт не о шведских, а о германских заимствованиях вообще. Поэтому существование «скандинавско-русского наречия» или «особого смешанного варяго-русского языка», якобы контаминировавшего элементы древнескандинавского и древнерусского, в «скандинавско-славянском» государстве был создано воображением лингвистов В. Томсена и А. Стендер-Петерсена³⁶⁷ (в 1984 г. Мельникова, указав, что оба датчанина не обосновали и не привели доказательств реальности восточноевропейского «эсперанто», констатировала: что «принятая а priori, эта идея получила распространение в первую очередь в области этимологизации географических названий, терминов и пр.» и что «“варяжское наречие” упоминается во многих работах как установленный факт», например в книге О. Прицака 1981 г. «Происхождение Руси»³⁶⁸. Выше указывалось, что историк А.С. Щавелёв пытается реанимировать «открытие» Стендер-Петерсена).

Пребывание инородного элемента в истории любого народа всегда оставляет свой неизгладимый след, даже если этот элемент в своей массе был незначительным по сравнению с численностью коренного населения. Этот след тем более ощутим, если пришельцы имели определённое политическое влияние, какое имели, например, варяги на Руси. Данные слова можно проиллюстрировать фактами из истории европейских стран, включая ту же Швецию, на территорию которой в XIII в. (особенно в его середине) начинается приток немцев с материка. Купцы и ремесленники из Северной Германии в большом количестве поселяются в шведских городах, политическая власть в которых нередко затем оказывалась у немецкой купеческой верхушки.

Во второй половине XIV в. немецкое экономическое и культурное влияние в стране получило политическое выражение: в 1363 г. шведским королём стал немец Альбрехт Мекленбургский (правил по 1389 г.), что ещё больше

усилило влияние немцев в Швеции (по заключению шведских авторов Я. Мелина, А.В. Юханссона, С. Хеденборг, оно достигло высшей точки). Переселенцы, получив широкие привилегии, прочно держали, как отмечают специалисты, «в руках всю её внешнюю торговлю, морские перевозки, кредит», оказали огромное влияние на шведскую культуру в целом. Под воздействием немецких образцов складывались организация городского управления, нормы муниципальной жизни. Нижненемецкий язык получил в стране широкое распространение и как разговорный язык, и как язык дипломатии и торговли: на нём писались договоры, акты, деловые документы. Он оказал значительное влияние на шведский язык в области лексики и отчасти синтаксиса. В шведском именослове появляется много немецких имён. И все эти разительные перемены в жизни шведов-германцев явились результатом пребывания среди них, надлежит подчеркнуть, родственных им немцев-германцев, политическое влияние которых в стране сохранялось до начала XVI в.³⁶⁹

О характере и степени воздействия германского элемента на славянскую среду свидетельствуют примеры из истории кровно близких Руси народов. В XIII в. в Чехию и Польшу устремился поток немецких феодалов, купцов, ремесленников, крестьян, монахов, приведший к появлению на их землях чисто немецких или полунемецких городов, власть в которых находилась в руках немецкого патрициата. В Чехии немецкий язык широко использовался в городах в деловой и правовой сфере, при написании грамот, употреблялся в повседневном общении, что привело к проникновению в разговорную речь, равно как и литературный язык, большое количество германизмов (разговорная речь нередко носила смешанный характер, с пёстрой комбинацией элементов чешского и немецкого языков). В Польшу переселенцы принесли немецкое право, получившее повсеместное распространение как в сельской местности, так и в городах. На немецком языке был составлен во второй половине XIII или начале XIV в. свод обычного польского права — т.н. Эльблонгская книга, или Польская правда³⁷⁰. По мнению норманистов, двинувшиеся на Русь скандинавы принадлежали к практически тем же слоям (воины, купцы, ремесленники, крестьяне), что и представители немецкого общества, действовавшие в Чехии и Польше. Но если пребывание последних наложило на историю этих стран весьма значимые отпечатки, видимые и ныне, и в какой-то мере даже онемечило Чехию и Польшу, то шведы, которых в огромном количестве выводят в Восточную Европу, да ещё причисляют к ним всю верхушку русского общества IX–X вв., в истории Руси не оставили, констатировал С.А. Гедеонов, «ни единого следа своего двухсотлетнего мнимого господства над восточными славянами ни в истории, ни в языке, ни в жизни народа»³⁷¹.

Этот факт, говорящий о полной несостоятельности норманизма, его сторонники активно нейтрализуют разговорами об ассимиляции скандинавов на Руси, что позволяет им закрывать тему об отсутствии их следов в многогранной жизни Руси, в которой отразилось участие многих народов, но только не норманнов. Начало тому, как отмечалось, положил А.Л. Шлёцер. И с тех пор тема о стремительной ассимиляции скандинавов в восточнославянской среде стала одним из самых дежурных в досоветской, советской и современной нормани-

стике, в зарубежной литературе³⁷². Но говоря так, норманисты не замечают, что, как точно сказал С.А. Геденов, «при новой теории о быстром слиянии обоих начал норманская школа теряет свои... надёжнейшие точки опоры»³⁷³. Потому как невозможно вообразить ситуацию, при которой викинги, так дорожившие памятью предков, не сохранили бы память о них (как её живое воплощение) в совместных со славянками потомствах. Немецкий учёный К. Вейнхолд в 1856 г. показал, что у скандинавов существовала традиция давать своим детям имя деда или первую половину его имени. В 1901 г. русский исследователь И.М. Ивакин обращал внимание на явление, характерное, например, для норманнов: первенцу-мальчику и первой девочке при крещении давали имена соответственно дедушки и бабушки по отцовской линии. Второго мальчика и вторую девочку нарекали именами дедушки и бабушки по материнской линии. Норманист А.А. Молчанов в 1992 г. пояснял, что «наследование имён своих предков, причём по мужской и по женской линии, являлось для хёвдингов как бы одной из привычных форм публичного предъявления неотъемлемых законных прав, приобретённых по рождению».

В 2002 г. и норманист Ф.Б. Успенский подчёркивал, что «родовое имя было вещью чрезвычайно важной и устойчивой в Скандинавии» (и на Руси, говорил он в соавторстве А.Ф. Литвиной в 2006 г., «наречение именем было одной из важнейших составляющих культа рода»), «что традиция имянаречения в правящих династиях как на Руси, так и в Скандинавии была чрезвычайно консервативна в том, что касалось выбора имени для потенциальных наследников власти», что, «передавая имена основным членам рода строго по мужской линии, династия сохраняла тем самым свою цельность и единство», что «набор мужских имён в каждой династии был... довольно ограничен и повторялся из поколения в поколение». И норманист А.А. Горский в 2004–2011 гг., привычно рассуждая о быстрой ассимиляции скандинавской элиты в славянской среде (уже Святослав имел славянское имя), заметил: «...А ведь именословы правящих династий носили сакральный характер, и пришлые династии обычно долгое время сопротивлялись ассимиляции. Например, у представителей правившей с конца VII века в Болгарском царстве тюркской династии славянские имена появляются только в середине IX столетия» (ещё М.Н. Тихомиров говорил, что «напрасно ссылаться на быстрое ослабление варяжской династии», т. к. «родовые имена держались обычно долго»)³⁷⁴.

Поэтому, если даже и согласиться с норманистами о скорой и полной ассимиляции скандинавов, то всё равно, согласно той традиции, о которой ведут речь Вейнхолд, Ивакин и Молчанов, все бы наши князья и их наследники по мужской линии непременно бы являлись обладателями скандинавских имён. Но таких случаев в эпоху Руси не наблюдается совершенно. Выше уже рассматривался вопрос о древнерусских именах, и пример с княжескими именами Рюрика, Олега, Ольги убеждает, что летописный именослов не был связан со скандинавами. Не имеет отношения к ним и имя Игорь. Так, Ивакин доказал, что в древности имена Ингвар и Игорь различались и не смешивались. «Будь они одинаковы, — задавался он резонным вопросом, — зачем бы князю Игорю Глебовичу давать сыну своему имя не Игорь, а Ингвар? Однако же сын у него

не Игорь Игоревич, а Ингвар Игоревич». Учёный также указал, что если имя Игорь известно с X в., то имя Ингвар появилось на Руси «довольно поздно — в конце 12-го и в начале 13-го века» в результате брака рязанского князя Игоря Глебовича (ум. 1195) с норманкой³⁷⁵.

За свои родовые имена, носившие сакральный характер, очень прочно держались династии, подвергшиеся ассимиляции. Так, например, княжеская династия руян (ругов, русских) на Южной Балтике к началу XIV в. уже совсем онемечилась. И одно лишь только напоминало о её славянском происхождении — славянские имена, которые существовали до самого прекращения этого рода. И поморские князья, онемечившиеся уже во второй половине XIII в., также употребляли славянские имена до своего пресечения (1637), т. е. ещё почти четыреста лет после того, как стали немцами³⁷⁶. А.Л. Шлёцер, с понятной целью проводя идею о скорой ассимиляции скандинавов в восточнославянской среде, вместе с тем отметил одно обстоятельство, которое никак не согласовывалось с его заключениями. А именно, что «германские завоеватели Италии, Галлии, Испании, Бургундии, Картагена и пр. всегда в роде своём удерживали германские имена, означавшие их происхождение». Р.Ю. Виппер также подытоживал, что в Западной Европе норманны долго сохраняли свои народные черты, обычаи, в то время как у варягов на Руси была иная судьба: они «быстро утрачивают свои скандинавские черты, ославяниваются»³⁷⁷.

9.4 Миф норманистов о создании шведами Русского государства как «самом ярком событии шведской истории “эпохи викингов”»

В отношении разных судеб норманнов и наших варягов сказано правильно, но дана тому неверная трактовка. Исследователи — норманисты и анти-норманисты — давно фиксируют принципиальную разницу в поведении норманнов в Западной Европе и в поведении варягов в Восточной, означающую, что речь идёт о совершенно разных народах. Так, абсолютно был прав И. Кайданов, заключая в 1829 г., что норманны, «презирая всё, кроме оружия, находили удовольствие и радость только в грабежах и в пролитии крови». Точно такую же истину озвучил в тот год и Н.А. Полевой: скандинавы презирали мирные занятия, включая торговлю, и всё добывали мечом. В 1846 г. М.П. Погодин также подчёркивал, что «характер походов варяжских был у нас иной, нежели в прочей Европе: они не являются грабителями и опустошителями. ... Варяги довольствовались только собиранием дани с племён славянских... и даже покупали у них суда». Тогда как «на Западе пришельцы не покупали ничего у туземцев, а разве отнимали». А. Васильев сказал в 1858 г., что «скандинавы нигде не облагали данью побеждённых, а всегда грабили и жгли, уничтожали всё»³⁷⁸.

С.А. Гедеонов в ответ на утверждения, что после призвания норманны вследствие дружеских и родственных отношений между обоими народами будто бы не нападали на восточнославянские земли, заметил с оттенком иронии, что «викинги никогда не отличались сентиментальностью». А.И. Никитский проводил мысль, что только по отношению к новгородцам скандинавы, известные в Европе как грозные пираты, проявили дружелюбие, в связи с чем их движения принимают мирный торговый отпечаток. Это происходило потому, объяснял В.О. Ключевский, что на Руси бывали именно шведы: «варяги являлись к нам с иными целями и с иной физиономией, не с той, какую носили даны на Западе: там дан — пират, береговой разбойник, у нас варяг — преимущественно вооружённый купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию, там с выгодой послужить императору, с барышом поторговать, а иногда пограбить богатого грека, если представится к тому случай». И.Н. Сугорский заострял внимание на том факте, что викинги «вбивают кровавый след» в жизнь Западной Европы, но «ничего подобного не было у нас». В 1913 г. В.А. Пархоменко резонно ставил вопрос, почему норманны везде в Западной Европе — пираты, береговые разбойники, а на Руси — вооружённые купцы, культурные государственники, творцы русской государственности?³⁷⁹

Точно так затем рассуждали Е.Ф. Шмурло, Ф.А. Браун, В.В. Бартольд (видя в Руси норманнов и говоря о взятии ими в 944/45 г. Бердаа на юго-восточном побережье Каспийского моря, он констатировал: подробности рассказа о том показывают, что оно «было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем набеги норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны обыкновенно изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими всё на своём пути; едва ли в Европе был случай, чтобы языческие норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества»), П.Я. Черных, С. Лесной (на Руси купцами не могли быть скандинавы, в духе которых «было только грабить подобных купцов»), А. Стендер-Петерсен и др. В 1986 г. А.Г. Кузьмин в целом подытоживал, что «норманны всюду оставили след, и след кровавый, разрушительный. Правильным будет сказать, что они нигде не играли созидательной роли» и что такой вывод, «во всяком случае, должен учитываться нынешними приверженцами идеи “норманно-славянского синтеза”, пытающимися представить дело таким образом, будто известные всей Европе кровожадные разбойники сразу “размякли”, как только увидели созревших для получения государственности славян»³⁸⁰.

Сегодня и наши ультранорманисты отмечают кардинальную разницу в поведении викингов и варягов, но совершенно не придавая тому значения. В 1990 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, специально задавшись вопросом, каково было восприятие норманнов на Западе и варягов на Востоке, пришли к выводу, что если для Запада типичен образ викинга-грабителя, то «в образе варяга на Востоке отсутствуют основные стереотипные характеристики норманно-врага». В археологических материалах, добавляла позже Мельникова, следы борьбы местного населения с варягами практически не прослеживаются, они, «скорее, рисуют картину мирного существования». Вместе с тем исследовательни-

ца указала на «принципиальные отличия политического образования на Северо-Западе Восточной Европы как от скандинавских “государств” Западной Европы, где основой их формирования была земледельческая колонизация, так и от ранних государств в самой Скандинавии, в которых необходимым условием социального полноправия человека было владение наследственным участком земли (одалем), а торговля составляла одно из важных, но далеко не основных занятий населения. ...Поэтому, хотя возникновение государственного образования вдоль Балтийско-Волжского пути стимулировалось торговой деятельностью скандинавов, оно не воспроизводило сложившейся в скандинавских странах структуры»³⁸¹.

О разнице в поведении викингов на Западе и варягов на Востоке вели речь Г.Г. Литаврин, А.С. Кан, В.В. Мурашёва («викинги, безжалостные грабители и пираты, наводившие ужас на всю Западную Европу внезапными набегами, на территории Восточной Европы сыграли иную, конструктивную роль — роль катализатора, который способствовал ускорению социальных и политических процессов»), Д.А. Мачинский, А.Н. Кирпичников (первые норманны-правители принесли не потрясения, а мир нескольким поколениям жителей Северной Руси, создали для неё, едва ли не впервые, особо благоприятные условия), Е.Н. Носов и А.В. Плохов, С.П. Карпов («Русь также входила в зону экспансии викингов. Но если в другие страны они шли с мечом, то на Русь они шли с договором»), С.П. Щавелёв («варяги на востоке отличались от западных викингов. Предпочитали сотрудничество, а не агрессию»)³⁸². Норвежка А. Стальсберг подчёркивает, что археологический материал на Руси не показывает враждебности и антагонизма между местным населением и чужеземцами, а напротив, говорит об отсутствии отчуждения между ними (более того, он свидетельствует о дружественных отношениях, установившихся между ними). Скандинавы, по мнению англичан С. Франклина и Д. Шепарда, больше путешествовали с торговыми целями, чем воевали. Согласно датчанке Э. Роэсдаль, на Руси «отношения между местными жителями и пришлыми скандинавами были вполне дружескими». Шведы, полагает француз Р. Буайе, «похоже, всегда были только торговцами». Если целью норманнов на Западе был грабёж, то на Русь, считает англичанин Д. Хейвуд, они шли ради торговли³⁸³.

Но с такого рода утверждениями норманистов не позволяет согласиться кровавая история норманских завоеваний на Западе, где норманны занимались исключительно грабежом и насилием (породив молитву, в мае 888 г. включённую собором в Меце в текст богослужения: «A furore Normannorum libera nos, o Domine!»/«Боже, избави нас от неистовства норманнов!», которых именovali «омерзительными варварами», «грабителями-головорезами», «убийцами», «мерзейшими из всех людей», «нечестивым народом», «грязной заразой», «дьявольским отродьем»³⁸⁴), захватывали земли, строили на них крепости и подчиняли себе окрестные территории, превращая его население в своих рабов. Варяги же не ставили крепости на землях славян и не порабощали их, а воздвигали крепости по пограничью и защищали Русь от внешнего врага. И в середине IX в., когда норманны, живя грабежом и насилием, наводили ужас на Западную Европу, заливая её земли кровью, и действительно не играли там ни-

какой созидательной роли, в Восточной Европе варяжская русь активно и плодотворно включилась в сложное дело создания Русского государства.

Это принципиальное различие в поведенческом типе викингов и варягов, как показывает история, весьма устойчивым во времени, не позволяет их смешивать. Как подчёркивает арабский географ Ибн Русте (IX — первая треть X в.), единственное занятие русов — «торговля соболями, белками и прочей пушной, которую они продают желающим»³⁸⁵. Принципиально важно также указать на тот факт, что в случаях появления норманнов в Восточной Европе они там вели себя точно также, как и в Западной. Т.Н. Джаксон отмечает, что большей частью скандинавы, согласно сагам, отправлялись по Восточному пути в Аустрвег (т. е. и на Русь) грабить и добывать себе имущество: «На конец VIII — начало XI в. приходится по преимуществу повествования королевских саг о поездках скандинавских викингов в Восточную Прибалтику и о сезонных нападениях их разрозненных дружин с целью грабежа на земли эстов и куршей»³⁸⁶.

Норманны, которых западноевропейцы с ненавистью именовали «омерзительными», «головорезами», «убийцами» и пр. — всегда и везде оставались таковыми, ибо повсюду действовали одинаково, проливая кровь и беспощадно грабя. И потому нельзя, конечно, всерьёз воспринимать слова, на которых также держится норманизм, что кроме оружия в богатых мужских захоронениях на Руси «часто находят весы и гирьки — типичные инструменты торговцев. Вероятно, викинг мог легко превратиться в купца, а затем снова стать воином в зависимости от обстоятельств, когда вдруг появлялась возможность быстро разбогатеть иным образом»³⁸⁷ (такое ощущение, что речь идёт о «куртке-перевёртыше», но не о викинге, означающем, как тут же поясняют сторонники такого превращения, «морской воин» или «пират»)³⁸⁸, и который не мог стать, даже если и стократ ударился бы оземь, торговцем).

Разговор о норманстве варяжской руси выглядит абсолютно несостоятельным ещё и потому, что присутствие руси в Скандинавии, среди скандинавских народов вообще не фиксирует ни один средневековый памятник, её нет в скандинавском устном народном творчестве, её нет в исландских сагах, уделявших исключительное внимание скандинавской истории. Как полно выразил такую ситуацию С.А. Гедеонов, норманны народ всеизвестный на Западе, но при этом ни до, ни после призвания варягов в западноевропейских источниках нет «и следа русского имени для мнимой шведской Руси». Н.П. Загоскин также отмечал, что западноевропейские хроники, «будучи переполнены рассказами о подвигах норманских дружин в европейских морских побережьях... *никогда и нигде* не знают норманнов под названием “россов” или “руссов”». В полном согласии с такими выводами антинорманистов высказалась в 1934 г. знаток скандинавских источников и норманист Е.А. Рыдзевская, указав, что название Русь генетически не связано с норманнами³⁸⁹.

И варяжская русь не могла выйти из Скандинавии, где никогда не было ни племени «русь», ни области «Русь» (в рунических надписях и в древнесеверной литературе наша страна называлась Гардар или Гардарика, а термин «Русь» вошёл в обиход в скандинавских странах в XIII–XIV вв.). Как подводил черту О.Н. Трубачёв, «затрачено немало труда, но племени *Ros*, современного и со-

поставимого преданию Нестора, в Скандинавии найти не удалось»³⁹⁰. Столкнувшись с таким «антинорманистским» фактом, норманисты сосредоточили своё внимание на доказательстве якобы скандинавской этимологии имени «Русь» (от финского названия Швеции «Ruotsi»; от скандинавских слов *drot* — дружина, вождь; *roods* — гребцы; *Roslagen* — местность в Швеции), ибо признание скандинавской основы имени «Русь» неизбежно ведёт к выводу, как правильно когда-то заметил И.П. Шаскольский, «что Древнерусское государство было названо по имени норманнов, так как оно было создано норманнами»³⁹¹.

В отношении объяснения имени «Русь» из «руотси», коим финны называют шведов, А.Г. Кузьмин правомерно задавал вопросы, на которые норманизм не способен дать должного ответа: почему финны и эстонцы Русь называли «Вене», хотя с именем «Русь» они должны были сталкиваться очень часто, а шведов обозначали «Руотси», «неизвестным германским языкам, а в финских не имеющих подходящего для этноса значения?». Он также справедливо заметил, что близость звучания «русь» и «руотси» мало что даёт: «финны называют эти две страны совершенно разными именами, к тому же равно неизвестными ни в той, ни в другой стране»³⁹². В прошлом на несоответствие скандинавской этимологии истории указывали многие норманисты (К.Н. Бестужев-Рюмин, Е.А. Рыздзевская, Г.В. Вернадский и др.). Полагать, говорил в 1951 г. А.Н. Насонов, что скандинавы «стали в южной Руси называть сами себя “Русью” потому, что так их называли финны, едва ли кто решится» (такую легко понимаемую истину сметёт «скандинавский бум»). Польский историк Х. Ловмянский точно диагностировал в 1957 г., что лингвисты «превысили границы своих исследовательских возможностей, утверждая, что слово *русь* должно было непременно произойти из *Ruotsi*»³⁹³ (чему потворствовали историки-норманисты, в результате чего чисто исторический вопрос оказался с последних двух десятилетий XIX в. в заложниках сначала языковедов, а вскоре археологов, живущих не реалиями прошлого, не знанием и пониманием исторических источников, а умозрительными конструкциями).

Несостоятельность мнений о скандинавской этимологии имени «Русь» обстоятельно показали, о чём речь уже шла, зарубежные и отечественные высокопрофессиональные лингвисты, исповедующие, стоит напомнить, норманизм: Ю. Мягисте, Г. Шрамм, О.Н. Трубачёв и др. В 1991 г. О. Прицак пришёл к выводу, что южнонемецкая форма *Ruzz-* / *Ruz* имела корень *Rut-* / *Rut-en* «из кельтско-вульгарнолатинского незадолго до 600 г.». Этноним *Ruzzi* / *Ruszi* является, подчёркивал спустя девять лет Л.В. Милов, «просто немецкой латиноязычной транслитерацией древнерусского *русьци* (*русьци*)», обозначавшего собой славянский народ или даже примитивное славянское государственное образование в Среднем Поднепровье, зафиксированное «Баварским географом», время создания которого датируется 840–870-ми годами. И уже археолог А.Н. Кирпичников в 2000–2002 гг. признал, что уверенное соотнесение руси «со скандинавами безоговорочно принять нельзя», и предложил понимать под нею особую группу торговцев, в которой могли быть представители разных этносов: скандинавы, славяне, возможно, финны. «В целом, — заключал археолог, — термин *русы* имеет не этнический, а, если можно так выразиться, геосоциаль-

ный смысл»³⁹⁴. Но летопись представляет варяжскую русь не «этносоциальным» или «геосоциальным» термином, а народом, при этом давая важные ориентиры для его изначальной локализации.

О том, что варяги, русь и элита Древней Руси — князья, бояре, дружинники и влиятельные в ту пору «заморские» купцы — не были связаны со скандинавами, однозначно демонстрирует языческий пантеон князя и потомка варягов Владимира Святославича 978/980 г., который свидетельствует, подчёркивал Кузьмин, «о разных культурных традициях и разнотничности Руси эпохи складывания государственности». Ибо в нём присутствуют боги разных народов — славян, иранцев, угро-финнов (Перун, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Симаргл, Мокош), т. е. каждая этническая группа, входившая в состав русского общества той эпохи, могла молиться своим богам. Вместе с тем в пантеоне нет, указывали А.Г. Кузьмин, Е.Б. Кудрякова, Б.А. Рыбаков, ни одного скандинавского бога. И нет тогда, заострял внимание Кузьмин, когда скандинавы, как уверяют норманисты, «в социальных верхах численно преобладали». Хотя, напоминал он азбучную истину, «обычно главные боги — это боги победителей, преобладающего в политическом или культурном отношении племени». В 1980 г. Кудрякова также сказала, «что языческий пантеон учитывал многоэтнический состав Руси и дружины князя, но германских божеств в нём не было». Дополнительно Рыбаков в 1987 г. констатировал, что «ни одно из имён славянских божеств (как вошедших в пантеон, так и не вошедших в него) не находит аналогии ни в скандинавской, ни в германской мифологии: Водан-Один, Тор-Донар, Фрейя и Фрейр и др. неизвестны славянской мифологии и фольклору»³⁹⁵.

Отсутствие скандинавских богов в официальном пантеоне русского государства, установленном его весьма разнородной в этническом плане, но давно уже славяноязычной верхушкой — политической и торговой, прямо говорит об отсутствии в её составе скандинавов (и в пантеоне Владимира, если воспринимать варягов и русь скандинавами, нет, прежде всего, главного из скандинавских богов — Одина, в загробный чертог которого, Валгаллу, жаждал попасть каждый воин-скандинав. Хотя именно Одина правитель Руси — воин и полководец — и должен был, если бы имел, как и многочисленное и влиятельное окружение князя — бояре и дружинники, отношение к скандинавам, в обязательном порядке не только ввести в пантеон, но и поставить на первое место. Однако на первое место Владимир поставил славянского Перуна, бога варяго-русской дружины, культ которого был широко распространён среди южно-балтийских славян).

Совершенно очевидный «антинорманистский» характер пантеона также не устраивает норманистов, ибо он также в одиночку нейтрализует все их измышления, и усиленно пытаются перечеркнуть его. Так, В. Томсен говорил, что норманны «были в высшей степени шатки в своих верованиях и всегда готовы признавать богов всех стран». Ныне археологи В.Я. Петрухин, Д.А. Мачинский, Л.С. Клейн утверждают, что скандинавы переняли славянское язычество. Усвоение викингами совершенно чуждой и враждебной им религии Петрухин объясняет, с одной стороны, их известной восприимчивостью к местным культам, потому как именно от местных богов зависела удача. С другой, «прагмати-

ческой» ориентацией норманнов «на славянские обычаи и язык, необходимые в отношениях как с данниками-славянами, так и с Византией и Халифатом», что скандинавы клялись при заключении договоров с греками «именами славянских богов Перуна и Волоса: ведь они пришли из славянских земель».

Уверяя, что варяжская русь почитала богов той страны, где она должна была жить, Петрухин считает, что «таковой была вера всех язычников-скандинавов (да и язычников вообще) — боги иных народов считались настоящими богами: приближаясь к чужим землям, норманны-колонисты снимали со штевной своих кораблей изображения драконов, чтобы не оскорбить и не утратить местных духов». И вместе с тем он говорит, что, судя уже по договору 911 г. Олега Вещего с Византией, восприятие культа громовержца Перуна как дружинного культа божества упрочивало позиции скандинавской «княжеской дружины — руси как господствующего слоя в формирующемся государстве». Само отсутствие скандинавских богов в пантеоне Владимира учёный видит в том, что «Владимир был в конфликте с варягами, требовавшими от него откуп с захваченного им Киева, и потому отправил их в Царьград» (но он же сам по происхождению и по вере варяг, и таковыми были многие из верхушки киевского общества, которые ходили в походы со Святославом, а на их отцов и дедов опирались Олег Вещий и Игорь Старый).

По Мачинскому, в начале X в. религия Перуна-Велеса была усвоена скандинавами поколения Рюрика-Олега. Поясняя затем, что в Поволховье с центром в Ладоге, в которой сидел «хакан» русов (первоначально русью именовали себя переселенцы из Скандинавии — господствующий этносоциум, сложившийся в Поволховье и Приильменье), складывалась языческая религия двух противостоящих и взаимодополняющих божеств: Перуна и Волоса/Велеса, которую перенесла в Киев варяго-славянская дружина Вещего Олега. Клейн же говорил, при этом стремясь поразить своими познаниями оппонента: «Известно ли было Кузьмину поверье норманнов, что на чужих землях правят местные боги? Поэтому, приставая к чужим берегам, они прятали своих богов в трюмы кораблей и поклонялись местным богам»: «это было тем более легко, что славянские языческие боги мало отличались от скандинавских, имея ту же специализацию», и потому в представлениях норманнов «славянский громовержец Перун мог легко подменить скандинавского громовержца Тора» (несомненно, под влиянием подобных разговоров и археолог А.Е. Мусин в 2012 г. вёл разговор о достаточно быстром расставании скандинавов на Руси «с характерными особенностями северной религии в процессе своей аккультурации») ³⁹⁶.

Но скандинавы — не самаритяне Ветхого Завета, ибо никогда не поклонялись чужим богам и поступали, как это отмечал в 1961 г. столь чтимый Клейном Х. Арбман, согласно положению, представленному в раннем исландском законодательстве — законе Ульфльота, которое «требовало от подходящих к берегам Исландии кораблей снимать со штевной угрожающие звериные головы», чтобы они не распугали добрых духов-хранителей страны. В 2005 г. Е.А. Мельникова справедливо напомнила, что «славянское язычество существенно отличалось от мировоззрения скандинавских викингов» ³⁹⁷. И это прежде всего видно по особенной кровожадности скандинавского язычества, никак не со-

вместимого с язычеством восточных славян. Религия скандинавов, отмечал А.И. Артемьев в 1845 г., не могла смягчить их нравов: «Дыша войною и кровопролитием, она представляла их обожанию богов, которые беспрестанно сражались между собой, которые приглашали только кровавые жертвы и награждали одних воинов, павших в битве, способностью ежедневно биться между собой, умирать и оживать для новых битв».

Стоит вновь повторить вывод С.А. Гедеонова, что «промена одного языка на другое не знает никакая история» (да не могли норманские конунги поступить так, как их заставляют делать норманисты, ибо они, становясь поклонниками Перуна и Велеса, тем самым отрекались от своих родословных, которые вели от языческих богов, следовательно, навлекали на себя и на своих подданных неминуемую беду). Не учитывают сторонники норманской версии и того принципиального обстоятельства, на котором заострял внимание Д.И. Иловайский, что если даже принять, что русь — это «скандинавская династия со своею дружиной, которая составила только высшее сословие, так называемую аристократию в стране славян, и тогда нет никакой вероятности, чтобы господствующий класс так скоро отказался от своей религии в пользу религии подчинённых»³⁹⁸.

В 1980 г. Е.Б. Кудрякова точно сказала по поводу голословных утверждений американского историка Е.С. Райзмана (уверявшего, что «мифологические представления скандинавов были перенесены на славянских богов и оказались тем самым приспособленными к местным условиям, сохранив при этом исходные черты», которые он увидел в традиции почитания на Руси Бориса и Глеба), что, «не будучи в состоянии найти заметные следы пребывания скандинавов на территории Восточной Европы, современные норманисты стремятся в настоящее время обосновать тезис о быстрой культурной адаптации варягов-скандинавов» и что «предположение Райзмана о скандинавских мотивах в культе Бориса и Глеба есть следствие неправильного прочтения источников»³⁹⁹. Но как в случае с американцем Райзманом, так и в случае с россиянами Петрухиным, Мачинским и Клейном имеет место быть не неправильное прочтение источников, т. е. вполне допустимые ошибки и заблуждения в творчестве исследователя, а всё та же норманистская тенденциозность, которую на примере М.П. Погодина в деталях продемонстрировал в 1851 г. его ученик С.М. Соловьёв (но ещё до Погодина Н.А. Полевой «думал», что скандинавы «приняли религию покорённых ими славян, не находя в ней большого различия: Перун заменил им Одина», а в 1901 г. датский славист С. Рожницкий, в 1923–1934 гг. эмигрант А.Л. Погодин и в 1946 г. англичанка Н.К. Чедвик утверждали, что «и имена, и сами славянские божества имели будто бы скандинавское происхождение», т. е. выводили восточнославянский пантеон из Скандинавии⁴⁰⁰). К тому же ПВЛ под 911 г. прямо и чётко указывает, что Олег «и мужи его по Рускому закону кляшася оружием своим и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир»⁴⁰¹, т. е. Перун есть «свой бог» руси.

Против норманизма работает и внешний вид князя Святослава. По описанию Льва Диакона, «голова у него была совершенно голая, но с одной стороны её свисал клочок волос — признак знатности рода»⁴⁰². И параллель такому при-

знаку находим в Тмутаракани. В 1237 г. через Матрику (Тмутаракань) проезжал монах-доминиканец Юлиан, который зафиксировал, что у здешних знатных людей существует обычай «в знак знатности оставлять немного волос над левым ухом, обривая всю голову»⁴⁰³ (М.И. Жих считает, что, скорее всего, причёска князя перенята у салтовских аланов⁴⁰⁴). С.А. Гедеонов, поясняя, что у германцев «длинные волосы были отличительным знаком свободного человека; бритая голова клеймом раба», и потому «обритие головы почиталось у германских и скандинавских народов высшим бесчестьем», задавал норманистам резонные вопросы: «И теперь, на скандинавское ли происхождение указывает бритая голова Святослава? И возможно ли допустить, чтобы уже во втором поколении династии знаменем *благородства* норманского конунга... явилось то, что у норманнов почиталось клеймом позора и рабства?»⁴⁰⁵. Стоит здесь же заострить внимание на информации того же Льва Диакона, что русы никогда не сдаются, а пронзают себя мечами⁴⁰⁶. Однако норманны так не поступали.

Л.С. Клейн, обращаясь к клятвам руси X в. на оружии, описанным в ПВЛ, считает, что «клятва на оружии — типично норманская». Е.А. Мельникова также уверяет, что клятва оружием, в том числе в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., «отражает древнегерманский и древнескандинавский обычай, восходящий к представлениям о сакральности оружия»⁴⁰⁷. Но клятва на оружии не является, на что уже указывал, возражая И.Ф. Кругу и приводя тому примеры, С.А. Гедеонов⁴⁰⁸, типично норманской, и на нём, наверное, клялись все языческие народы без исключения. Так, Адам Бременский сообщает, что даны отправили франкскому императору Людовику Благочестивому (814–840) «золотой по самую рукоятку меч и прочее, с просьбой о мире», а заключив мир, принесли «*по обычаю язычников* (курсив мой. — В.Ф.) клятву на оружии»⁴⁰⁹. «Вы утверждаете, — звучит в письме римского папы Николая I болгарскому князю Борису I (852–889), — что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-то клятвой по какому-нибудь делу, класть перед собой меч, им и клялись»⁴¹⁰.

Как справедливо заметил в 1902 г. норманист К.Ф. Тиандер, полемизируя с датским норманистом С. Рожницким, убеждавшим годом ранее именно в скандинавских корнях такой клятвы, «поклонение оружию, как мстителю за правоту и правду, могло водвориться везде на земном шаре, где царил воинский дух; оружием клянутся папуасы; своим оружием клялся раз славянский царь, — что ж в этом?». Клятва на оружии, указывал в 1980 г. А.Н. Сахаров, распространённый обычай у славян⁴¹¹. В начале текущего столетия А.А. Фетисов, специально занявшись анализом клятвы на оружии и подчёркивая, что в летописи она упоминается шесть раз применительно к договорам 911, 944 и 971 гг., констатировал: «...Можно утверждать, что эта клятва являлась важным элементом раннегосударственной правовой символики» и «что сама формула “клятвы оружием” была единообразна и использовалась во всех случаях при клятве или присяге князя и его окружения».

Указывая, что «нарушение клятвы приводит к смерти от *собственного* оружия», он нашёл такому условию аналоги в скандинавских материалах эпохи викингов, в нарто-осетинском и чечено-ингушском эпосах, в тюркском материале (и отмечал совпадение сюжетов скандинавской Саги о Греттире и осе-

тинского эпоса о Батразе «вплоть до деталей»). А приводя клятве на оружии болгарские и аварские аналогии, подчеркнул, что клятва аварского кагана («да будет он сам и всё племя аварское истреблено мечом» и т. п.) «очень похожа на клятву Руси: в обоих случаях присутствуют одинаковые элементы». Как в целом подытоживал Фетисов, «на основании этих аналогий можно говорить о единообразии мифологических и этнокультурных форм, на основе которых складывается раннегосударственная политическая (потестарная) культура» (хотя в силу норманистской инерционности учёный говорил по поводу клятвы на оружии, что она «может свидетельствовать о скандинавском влиянии на формирующуюся древнерусскую раннегосударственную политическую культуру»). Но в таком случае скандинавское влияние можно распространить на все народы, клявшихся оружием, включая, разумеется, папуасов)⁴¹². Стоит добавить в связи со сказанным, что у иранских народов Северного Причерноморья издревле существовал культ меча (у скифов, о чём пишет Геродот, у алан, о чём рассказывает римский историк IV в. Аммиан Марцеллин, по этнографическим данным прослежено почитание меча у осетин, потомков аланов)⁴¹³.

Параллельно с тем многие норманисты вели и ведут самый активный разговор о том, что слова «князь», которое является ключевым древнерусским социально-политическим термином, и «витязь» являются или германскими, или скандинавскими заимствованиями в древнерусском языке. Выше приводилось мнение А.Л. Шлёцера, что русское «князь» образовалось от немецкого «Knecht», т. е. холоп (и что тогда такую «научную» этимологию решительно отверг М.В. Ломоносов, а затем едко, но абсолютно по делу, высмеял Ф.А. Эмин)⁴¹⁴. В 1878 г. А.А. Куник заявил, что «название витинг (= витязь) готского происхождения». В.О. Ключевский тиражировал идею, что скандинавские «конинги» и «викинг» перешли в русский язык в форме «князь» и «витязь». Л. Нидерле, выводя «кънезь, от германского *kuning*», считал, что слово это имеет готское происхождение. Лингвист Г.А. Ильинский в 1922 г., «естественно», предположил, что в эпоху Германириха, подданными которого были и славяне, «вошли в слав. лексикон германские политические, военные и хозяйственно-экономические термины»: князь, пенязь, мыто и др.

Три года спустя его коллега Ф.А. Браун уверял, что «в устах славян (поморских), заимствовавших это слово у пришлых скандинавов, викинг превратился в “витязь”». О том же посредничестве (потому как напрямую не выходит) речь вёл и языковед А. Стендер-Петерсен: «Нельзя приводить тот факт, что само слово *викинг* заимствовано из скандинавского языка в русский и известно тут как *витязь*, в качестве доказательства, что викинги были известны и у восточных славян. Новейшие исследования показали, что это слово не является общеславянским или праславянским, а заимствовано в русском языке через посредство литературных произведений из западнославянских языков. А западные славяне, специально полабские, поморские и лужицкие, конечно, вступали в прямой контакт со скандинавскими викингскими, грабившими их земли и оседавшие на них». М. Фасмер не сомневался, что славянское слово «витязь» заимствовано «из герм. *viking-*, др.-исл. *víkingr*». При этом фиксируя, что оно распространено в болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском,

верхнелужицком (т. е. имеет именно общеславянский характер, отрицаемый Стендер-Петерсеном) и что (уже не всё гладко!) скандинавская этимология не объясняет распространение слова в сербохорватском. С той же однозначностью лингвист говорил, что «праслав. *кънѣдъ заимств. из прагерм. *kuningaz или гот. *kuniiggs» (оно также широко распространено в славянских языках — болгарском, сербском, хорватском, чешском, словенском, словацком, польском, верхнелужицком, нижнелужицком, полабском).

Е.А. Мельникова в 2010 г. убеждала, что «общепризнанным является возведение др.-русск. *князь* к прагерм. (или готск.) *kuningaz*, которое было заимствовано ещё в праславянскую эпоху: оно нашло отражение в большинстве славянских языков», что скандинавские вожди Восточной Европы приняли его для того, чтобы «маркировать свой особый статус, отличный от славянской племенной знати», но в то же время инокультурный титул должен быть известным славянам. При этом она подчёркивала, что скандинавское звание «конунг» не обладало такими качествами, «поскольку, во-первых, оно применялось в Скандинавии IX в. к правителям разного уровня, т. е. его статус колебался, а во-вторых, оно вряд ли могло быть знакомо восточным славянам до появления скандинавов». В 2014 г. М.Б. Свердлов отстаивал мысль, что «князь» произошло «из прагерм. *kuningaz или гот. *kuniiggs». Тогда же А.С. Лавров уверенно говорил о скандинавской этимологии термина «князь»⁴¹⁵.

Но даже норманисты не соглашались с изложенными мнениями. Так, Н.М. Карамзин предположил, что «слово *князь* родилось едва ли не от коня, хотя многие учёные производят его от восточного имени *каган* и немецкого *König*. В славянских землях кони были драгоценнейшею собственностью: у поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякий хозяин коня назывался князем» (и в этом наблюдении имеется большой резон: в Западной Европе были свои, так сказать, «элитные лошадики»: кабальеро — от «лошади», шевалье — от «едущего на коне», рыцарь — от «всадника», «наездника»). В 1965 г. польский языковед С. Роспонд подытожил: со временем сами норманисты убедились, что слишком неосторожно относили к заимствованиям многие общеславянские слова, например витязь от «викинг». Филолог Е.В. Опельбаум в 1971 г. настаивал на том, что немецкий язык заимствовал из русского «Knesz < др.-русск. *князь*». Историк Л.В. Милов в 2000 г. подчеркнул, что «уже в эпоху праславянского единства общеславянскими были такие лексемы-индикаторы социального развития, как *князь* (предводитель, вождь и др.), *дружина*, *господин*... *купец*, *купля*, *цена* (стоимость)», дань. В 2015 г. англичанин Д. Хейвуд заметил: «Однако слово “князь” имеет тот же самый индоевропейский корень, что и английский *king*, которое более точно соответствует статусу и властным полномочиям князя»⁴¹⁶.

На принадлежности рассматриваемых славянских слов скандинавам категорично настаивал в 2009 г. Л.С. Клейн: «В слове “князь” первоначально на месте “я” стояла буква “юс”, произносившаяся как гласная с призвуком звука “н”; буква “з” появилась в результате смягчения первоначального “г”, сохранившегося в слове “княгиня”; после “к” стояла гласная “ь”, впоследствии ставшая неприпроизносимой (иногда в древних рукописях встречалось и “конязь”). Итак,

“князь” в древности звучало близко к “конинг”, и его производят «из скандинавского древнегерманского “конунг” (“король”)». Подобным же образом, заключал археолог, «из Скандинавии выводятся древнерусские: “витязь” (“вождь”, “герой” — от “викинг”)⁴¹⁷ (в таком случае стоит привести информацию из Саксона Грамматика: среди участников Бравальской битвы конца VIII в. он упоминает одного из лучших воинов Висны, предводительницы войска южнобалтийских славян, Гнизли/Gnizli, в имени которого учёные, например П. Германн в 1922 г., видят искажённое славянское слово «Kniez», «Kniezly», т. е. «Князь», «из князей»⁴¹⁸).

Коллега Клейна В.Я. Петрухин, понимая бесперспективность вывода слова «князь» из скандинавских языков, в 1995–2019 гг. утверждал, что князь есть «праславянский термин, заимствованный из германского»⁴¹⁹. В 2008–2013 гг. он, приписывая оппонентам этимологические методы «отождествления объектов по созвучию», утверждал, что в прусском языке «витинг» обозначает высший слой прусского общества и «отражает скандинавское название участников морского похода — викинг, как и древнее славянское *vitędzь, др.-рус. *витязь*, “герой”, “дружинник”». Полагая, что это замечательное «заимствование распространилось в Польше и на Руси посредством балтийских славян (т. е. идёт повтор Брауна и Стендер-Петерсена, причём также без пояснения, как, когда и почему такое посредство могло состояться. — В.Ф.), имевших дело с викинг-ами», он заключал: «термин “витязь” не стал распространённым обозначением дружинника на Руси. Таковыми стали термины *русь*, *русин*: “вся русь” легенды о призвании варяжских князей, равно как и “вся русь”, что была под рукой Олега согласно договору с греками в 911 г. — обозначение дружины»⁴²⁰.

Древнепрусское «witing», по мнению польского лингвиста А. Брюкнера, обозначало служилое дворянство и было заимствовано из польского языка. Его соотечественник историк Я. Поверский, не оспаривая прямую связь витингов с ранними дружинниками Самбии, также выводил их наименование из своего родного языка. Ныне В.И. Кулаков, видя в витингах нобилей на нижнем уровне власти прусов, поясняет, что крестоносцы называли сотрудничавших с ними значительную часть прусского нобилитета «витингами», и считает, что, скорее всего, «витинги» является германизированным термином-калькой «слова “ветеницы” (слав. “члены совета”). Так называли местных союзников германских феодалов в борьбе с западными славянами в X–XII вв.». Х. Ловмянский на основе анализа актового материала XIII–XVI вв. установил, «что в Самбии в 1299 г. существовало не менее 62 семей витингов. По его мнению, они вели свои родословные не от представителей дружинной прослойки, а от родовой знати... В таком случае оказывается близким к истине предположение об участии витингов в деятельности совета — “госпóды”, где вряд ли нашлось бы место для опальных, враждебных жреческой власти дружинников»⁴²¹.

Выше отмечалось, что скандинавы в раннем Средневековье не могли строить города (которые они, по воле наших норманистов, в большом числе «рубили» на Руси). Важно в данном случае выслушать мнения современных шведских специалистов. Физико-географические факторы Южной Скандинавии, указывают Х. Гларке и Б. Амбросиани, благоприятствовали развитию земледелия, а то-

пография не ограничивала строительство поселений. В гористых местностях к северу ситуация была несколько иной: там поселения вплоть до XI в. носили характер разрозненных, далеко отстоящих друг от друга отдельных дворов. Наиболее ранние из них относились к началу бронзового века и строились вокруг водоёмов или заливов в прибрежной части. Такие поселения постепенно расстраивались по мере роста их жителей. Но, как подчёркивают эти учёные, только в XI в. начали появляться небольшие поселения сельского типа, да и то лишь в земледельческих центрах. Тогда в земледельческих обществах по всей Скандинавии фиксируется появление простых форм социальной стратификации, в них увеличилась потребность в продуктах торговли и ремесла, а одновременно с тем на континенте возрос спрос на продукты местного земледелия, железоделательного производства и меха.

Можно предположить, заключают Гларке и Амбросиани, что эти факторы — местные потребности и иностранный спрос — определили рост поселений того особого типа, ставших впоследствии городами. Ими также было отмечено, что историки Х. Пиренн, С. Болин, А. Шюк и археолог Х. Арбман видели в скандинавских городах чужеродное явление. Историк и археолог Х. Андерссон в свою очередь говорит, что городская жизнь в области оз. Меларен (Средняя Швеция, оттуда, прежде всего, норманисты выводят шведов на Русь), в основном, сложилась к началу XIV в., чему предшествовало её интенсивное развитие в течение XIII столетия. Иначе шло, по его оценке, развитие города в Западной Швеции, которая в средневековье была поделена между Данией, Норвегией и Швецией: города здесь стали развиваться позднее, хотя и там было несколько городов, появившихся довольно рано. В некоторых регионах этой территории развитие городской жизни носило нестабильный характер.

В 1974 г. И.П. Шаскольский констатировал, что в XII в. отдельные торговые местечки «стали сменяться устойчивыми поселениями городского типа, перераставшими в города», что «лишённые сколько-нибудь заметного притока населения, шведские города росли медленно» и что в XIII в. оформлялся городской строй страны. Сегодня шведские учёные Т. Линдквист и М. Шёберг акцентируют внимание на том, что принято в шведской науке в качестве давно установленной истины: по-настоящему строительство городов в Швеции началось лишь только с конца XIII в.: Лёдосэ и Аксвалль в Вестергётланде, Кальмар в Смоланде, Боргхольм на Эланде, Стегеборг в Эстергётланде, Нючёпинг и Стокгольм в районе оз. Меларен. Отсюда парадоксальным, конечно, звучит заключение Амбросиани: «Достойно удивления, что викинги, которые в это время (VIII–IX вв.) практически не имели собственной городской культуры, совершенно очевидно, играли значительную роль в развитии городов на востоке» (то же самое говорит и Х. Андерссон)⁴²². Ничего, разумеется, они на Руси играть не могли как по факту своего отсутствия в её землях до конца X в., так и по неумению возводить и организовывать города (а их появление у шведов было вызвано воздействием южнобалтийских славян⁴²³). Но важно здесь то, что одной из несурязиц норманской версии дивятся даже шведские учёные.

Л.П. Грот, проанализировав саги, повествующие о пребывании скандинавов в Северной Америке (вот где, казалось, они также могли проявить свои неза-

урядные качества, о которых так любят поразглагольствовать наши норманисты), правомерно задавала риторические вопросы: «Видим мы что-либо общее с величественными картинами деятельности скандинавов в Восточной Европе? Налаживание торгового трансевропейского пути? Создание мощной торговой экономики, которая бы стимулировала ускоренное социально-политическое развитие местных обществ? Консолидировали ли скандинавы в Америке обширную территорию? Создали ли сеть предгородских поселений и раннегосударственные структуры? В ответ можно только рассмеяться». Они, резюмировала учёный, «были простыми крестьянами, жившими натуральным хозяйством и собирательством и не представлявшими, что значит создание “мощной торговой экономики”», а на североамериканском побережье «строили землянки или полуземлянки, крытые дёрном, и этого вполне хватало для их нужд»⁴²⁴.

Остаётся заострить внимание на том, что норманисты напрасно к своим «историям» о русской истории привлекают о. Готланд (тем самым дополнительно представляя Швецию эпохи варягов мощным государством). Как разъяснял в 2010 г. В.А. Кучкин, этот остров «отстоит примерно на 80 км от балтийского побережья Швеции и давно освоен шведами. Его население прямо названо варягами»⁴²⁵ (имеется в виду рассмотренная статья НПЛ под 1188 г.). Но нынешняя принадлежность Готланда к Швеции автоматически не означает, что так было чуть ли не от сотворения мира (и даже в 1188 г. остров не входил в её состав). Уже Н.М. Карамзин указывал на тот факт, что ПВЛ отличает готландцев от шведов и что даже в летописях XIII в. они не именуются шведами. Действительно, политическую (и не только её) разделённость готландцев от шведов дважды подчёркивает наша Начальная летопись: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии» и «идоша за море к варягом, к руси; сие бо тии звахуса варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же урмане, англыне, друзии гъте, тако и си»⁴²⁶ (о той же разделённости красноречиво свидетельствуют и договоры XIII в. Смоленска и Новгорода с Готландом).

В 1974 г. И.П. Шаскольский, говоря, что Шведское королевство XII–XIII вв. являлось федерацией областей, имевших большую внутреннюю самостоятельность, своё обычное право и органы самоуправления, констатировал, что «наибольшей самостоятельностью пользовался Готланд, где не было никаких должностных лиц шведского короля». Он также подчеркнул, что «право Готланда, “Гуталаг”, не предоставлял королю никаких прав, в отличие от других областей Швеции. Не только на Готланде, но и в Вестерьётланде и Эстерьётланде жители других областей Швеции считались “иноземцами”, и за их убийство платилось меньшее возмещение — вергельд, чем за местного жителя» (а такое «тёплое» отношение готландцев к материковым шведам-«иноземцам» вряд ли вдохновляло последних осваивать, как думает Кучкин, остров не только «давно», но даже в XII столетии).

В 1988 г. немецкий исследователь А. Ганзе, исходя из того, что «Закон гуттов» («Гуталаг»), «в отличие от материковых областных судебных кодексов, не содержит королевского права (*Konungabalk*) и что готландцы не принимали участия в выборах шведского конунга», резюмировал: «Готланд был самостоятельной

страной, не втянутой в интеграционный процесс формирующегося шведского государства». Он акцентировал внимание и на том, что на «Готланде не было уполномоченных шведским королевским двором чиновников и не существовало ни одной шведской крепости. Шведский королевский домен не располагал земельными владениями на острове» и что лишь только в 1288 г. г. Висби, выйдя из готландской общины, избрал своим правителем шведского короля Магнуса Ладулоса. Причём горожане обещали ему «свою поддержку в том случае, если готландцы выберут иного правителя» (в названном году этот король, вмешавшись в войну между жителями г. Висби, основанного южнобалтийскими славянами, и сельским населением острова, примирил их). Обращаясь к ватиканским источникам XIII в., в которых Готланд именуется regio, наряду с regna — Дании и Швеции, Ганзе заключил: «в XIII в. папская канцелярия признавала за Готландом статус политически независимого образования».

В 2001 г. шведский учёный С. Чернер, говоря, что примерно в X или XI в. остров согласился выплачивать шведскому конунгу 40 марок серебра, а ярлу — 20, заметил: «Едва ли есть достаточно оснований полагать, что готландцы рассматривали свой остров как часть Шведского королевства, которое к тому же само представляло собой довольно шаткую конструкцию». Вместе с тем он сказал, что Магнус Ладулос в 1288 г. «воспользовался благоприятной возможностью, чтобы скорректировать слишком вольные отношения готландских общин со шведским государством». Так был подписан своего рода акт повиновения, согласно которому горожане признавали королевское влияние на внутренние дела Висби. И хотя события 1288 г., уточнял Чернер, привели к усилению влияния шведских королей на остров, но его жители «и после 1288 г. добились сохранения значительной независимости по отношению к шведскому государству и его королю», и что в качестве верхней границы самоуправления Готланда следует рассматривать не 1288 г., не 1361 г. (год покорения Готланда датским королём Вальдемаром Аттердагом), а последнее десятилетие XIV в. или даже 1408 г. (когда остров был захвачен Эриком Померанским)⁴²⁷.

Долгая же самостоятельность Готланда (который имел «собственную культуру и даже свой язык, гутнийский»⁴²⁸) от близко лежащей от него Швеции объясняется её слабостью как государства даже в довольно позднее время. Ибо «шведский строй, — стоит повторить заключение К. Леманна, — в начале тринадцатого века ещё не достиг государственно-правового понятия “государства”». По оценке А.Л. Шлёцера, «начальствующего короля или царствующего королевского дома» не было во время призвания варягов в Швеции. А говоря о росах Бертинских анналов, он подчеркнул: «Швеция была тогда малою и неважною землёю, которую, хотя бы она и соединена была под одно правление, можно бы было назвать только герцогством. Но в то время она не была ещё соединена: множество корольков, ... похожих на славянских князей и африканских и американских кациков, управляли оною».

Причём Шлёцер, констатируя, что в IX в. на севере «возникают вдруг и вскоре одна за другою, совершенно по различным причинам, *четыре* настоящие правильные державы: *Польша* при *Пясте* около 840 г., *Россия* при *Рурике* после 860 г... *Дания* при *Горме* старом около 860 г., *Норвегия* при *Гаральде* пригожево-

лосом 875 г.»⁴²⁹, не назвал, что примечательно, Швецию. М.П. Погодин также подчёркивал, что в IX в. она не составляла единого целого и что в её пределах обитало «множество мелких, независимых друг от друга племён»⁴³⁰ (по подсчётам Ш. Хьюджеса от 1978 г., только в «сагах о древних временах» упоминается около трёхсот конунгов⁴³¹). Вот бы А.Ю. Дворниченко взять, да и обогатить науку открытием, к кому из этих «жителей Скандинавского полуострова», а среди них ни один источник не называет варягов и русь, конкретно обратились чудь, славяне, кривичи и весь со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»).

В свете даже приведённых заключений норманистов Шлёцера, Погодина и Леманна «жители» Швеции, долго не знавшие азов государственности, абсолютно ничего в этом плане не могли дать Руси в IX–X вв., тогда как варяги в той же важнейшей и сложнейшей сфере дали восточным славянам многое.

Примечания

- ¹ *Погодин М.П.* О жилищах... С. 101.
- ² Дополнения А.А. Куника. С. 452.
- ³ ЛЛ. С. 18, 44, 74, 127, 140, 144–145; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 13–14, 34, 63, 115, 130–131, 135–136.
- ⁴ *Штрубе Ф.Г.* Рассуждения... С. 19–20, 61–62, 65–66; *Миллер Г.Ф.* О народах... С. 84, 90.
- ⁵ *Татищев В.Н.* История... Т. I. С. 230, прим. 47; *Болтин И.Н.* Примечания... С. 80, 59; *его же.* Критические... Т. I. С. 113, 115–119, 165, 171–172, 256; *Елагин И.П.* Указ. соч. С. 167.
- ⁶ *Шлёцер А.Л.* Нестор. Ч. I. С. 274, 317; ч. III. С. 74; *Погодин М.П.* О происхождении... С. 27; *его же.* Исследования... Т. 2. С. 19–22; т. 3. С. 100, 102, 110; *его же.* Норманский... С. 2, 33, 70, 101, 109; *его же.* Г. Гедеонов... С. 185, 208; *его же.* Древняя... Т. I. С. 7–8, 32, 58, 79, 86; *Крузе Ф.* Происходят... С. 39; *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 88; *Грот Я.К.* Литва... С. 379–382; *Ламбин Н.П.* Источник... № 6. С. 226–227; № 7. С. 68–69, 83–84, 93; *Шахматов А.А.* Сказание. С. 64; *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших... (1910). С. 58; то же (1920). С. 20; *его же.* Борьба... С. 14; *Пархоменко В.А.* Христианство... № 9. С. 356, 358; *его же.* Начало... С. 83; *Випнер Р.Ю.* История средних... С. 187; *Stender-Petersen A.* Varangica. P. 248, 250, 252; *Левченко М.В.* Указ. соч. С. 342; *Рыбаков Б.А.* Древняя... С. 294; *Ловмянский Х.* Русь... С. 170, 207, прим. 3; *Шаскольский И.П.* Антиномизм... С. 39.
- ⁷ *Лященко А.И.* Летописные... С. 261, 269, 274; *его же.* Eumundar... С. 1071.
- ⁸ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы... С. 58, 62, 67; Древнерусская литература. С. 108–109; *Кирпичников А.Н.* Сказание... С. 13; *Данилевский И.Н.* Древняя... С. 62; *его же.* Образование... (53, 56). *Мельникова Е.А.* Варяги... С. 163; *её же.* Рюрик... (2000). С. 145–146; *её же.* Сюжет... С. 104; *её же.* Скандинавы в Восточной... С. 79; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 282; *Расмуссен К.* Указ. соч. С. 312–313; *Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б.* Указ. соч. С. 12; *Пчелов Е.В.* Генеалогия... С. 188; *его же.* Рюриковичи. С. 24; *его же.* Рюрик. С. 23, 38, 234; *Петрухин В.Я.* Мифы... С. 400; *его же.* Дохристианские... С. 57; *его же.* Русь христианская... С. 73, 101; *Свердлов М.Б.* Ладога... С. 176; *его же.* М.В. Ломоносов... С. 651–652, 655; *Кучкин В.А.* Был... С. 195; *Самонова М.Н.* Скандинавы... С. 25–26; *Гонно П., Лавров А.С.* Указ. соч. С. 27, 65, 76; *Щавелёв А.С.* Якун. С. 915.
- ⁹ *Тредиаковский В.К.* Указ. соч. С. 222; *Эверс Г.* Указ. соч. С. 63, прим 8 на с. 67; *Карамзин Н.М.* История... Т. I. Прим. 111; *Сенковский О.И.* Скандинавские... С. 76; *Бодянский О.М.* О мнениях... С. 68; *Руссов С.В.* О древностях... С. 13; *Боричевский И.П.* Указ. соч. С. 182; *Венелин Ю.* О нашествии... С. 23, 25; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 236; *Тебеньков М.М.* Указ. соч. С. 21, 46; *Немиров Г.А.* Указ. соч. С. 30; *Загоскин Н.П.* История... С. 350; *Барац Г.М.* Происхождение... С. 22; *Соколов Б.М.* Указ. соч. (1923). С. 96; *Мошин В.А.* Начало... С. 299.
- ¹⁰ *Насонов А.Н.* Русская... С. 146; *Ильина Н.Н.* Указ. соч. С. 25; *Мавродин В.В.* Происхождение названий... С. 7, 9; *его же.* Происхождение русского... С. 154; *Славяне и Русь.* С. 421, прим. 159; *Акашев Ю.Д.* Указ. соч. С. 197–198.
- ¹¹ *Классен Е.* Указ. соч. С. 133.
- ¹² Материалы. Т. 5. С. 544, т. 9. С. 212; т. 10. С. 26, 118, 237, 248, 406, 436; *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 9. С. 416, 431, 596, 878; т. 10. С. 28, 37–39, 40–41, 44, 228, 244, 271, 273–275, 283, 290, 299, 479, 496, 793, прим. ^a на с. 14, прим. ^a на с. 38; *Биллярский П.С.* Материалы... С. 706.
- ¹³ *Фомин В.В.* Варяжское... С. 21–27; *его же.* За море... С. 146–168; *его же.* Комментарии. С. 526, коммент. 34; *его же.* Варяги и варяжская русь. С. 339–341.
- ¹⁴ ЛЛ. С. 3–4, 18–19; *Погодин М.П.* Г. Гедеонов... С. 206.
- ¹⁵ ДРЗИ. Т. IV. С. 272–273; *Адам Бременский.* Указ. соч. I, 27; II, 61; *Гельмольд из Босау.* Указ. соч. I, 4, 85; *Саксон Анналист.* Указ. соч. 858; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 378.
- ¹⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 174; *Лебедев И.А.* Крестовый... С. 389–390; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 27; *Назаренко А.В.* Любек. С. 469; *Пауль А.* Балтийские... С. 174.
- ¹⁷ ДРЗИ. Т. IV. С. 283; *Каченовский М.Т.* Из рассуждения... С. 354; *Карамзин Н.М.* История... Т. II–III. Прим. 243 к т. III; *Шушарин В.П.* Указ. соч. С. 84.

- ¹⁸ Каченовский М.Т. Из рассуждения... С. 354; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 311; Бережков М.Н. Указ. соч. С. 77–78; Шаскольский И.П. Экономические... С. 15; Рыбина Е.А. Археологические... С. 55; *её же*. Иноземные... С. 27; ДРЗИ. Т. IV. С. 273, коммент. 36.
- ¹⁹ ДРЗИ. 1999. С. 386.
- ²⁰ ДРЗИ. Т. IV. С. 258.
- ²¹ Кузьмин А.Г. Два... С. 200.
- ²² Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 261; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 88.
- ²³ Шахматов А.А. Сказание... С. 2, 7, 42–43, 51, 74–75, 81–82; *его же*. Разыскания... С. 3, 338–339, 396; Рыбаков Б.А. Остромирова... С. 46; *его же*. Древняя... С. 218, 290, 294; Кузьмин А.Г. Варяги... С. 30; *его же*. Падение... С. 156.
- ²⁴ Се Повести временных лет... С. 47.
- ²⁵ БАН. 24.4.35. Л. 16; 16.12.5. Л. 28; РГБ. Ф. 205. № 118. Л. 14–14 об.
- ²⁶ Срезневский И.И. Мысли... С. 130; Падалко Л.В. Указ. соч. (1914). С. 358.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. V. С. 88; т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 11; т. 9. С. 9; т. 15. Стб. 13, 29–30, 142; т. 33. С. 13; ПЛ. Вып. 1. С. 8; вып. 2. С. 73.
- ²⁸ ЛЛ. С. 19; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; НПЛ. С. 106.
- ²⁹ Барсов Н.П. Указ. соч. С. 36.
- ³⁰ Эверс Г. Указ. соч. С. 74, прим. 7; Примечания Ф.Л. Морошкина. С. 336, 367–368; Максимович М.А. Откуда... С. 45; *его же*. История... С. 43; Морошкин Ф.Л. Указ. соч. С. 40; Славянский сборник... С. XXVI; Коялович М.О. Указ. соч. С. 60; Немиров Г.А. Указ. соч. С. 28; Загоскин Н.П. История... С. 330; Лященко А.И. Eumundar... С. 1078.
- ³¹ Святной Ф. Что... С. 2–12, 15–16; *его же*. Историко... С. 2, 4–11, 14, 82; Замечания С. Гедеонова. С. 213–215.
- ³² НПЛ. С. 93, 333; Шаскольский И.П. Борьба... С. 72, прим. 21.
- ³³ Линд Дж. Почитание... С. 195; *его же*. Загадочная... С. 202; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы... С. 63, прим. 13; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 256; Мыльников А.С. Картина... Представление... С. 54; Петрухин В.Я. Русь в IX... С. 19, 22.
- ³⁴ Ковалёв Г.Ф. Указ. соч. С. 6; Шилов А.Л. Указ. соч. С. 114; Акашев Ю.Д. Указ. соч. С. 34.
- ³⁵ Серебрянский И. Указ. соч. С. 128, 136, прим. 2 на с. 38.
- ³⁶ Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 27; Примечания Ф.Л. Морошкина. С. 367–368; Морошкин Ф.Л. Указ. соч. С. 40–41; Максимович М.А. Откуда... С. 44–45; *его же*. История... С. 43.
- ³⁷ Соловьёв С.М. История... Кн. 1. Прим. 147 к т. 1; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 139–140; Кузьмин А.Г. Варяги... С. 32–33; Славяне и Русь. С. 214.
- ³⁸ ЛЛ. С. 25–26, 83–85, 104–106, 109, 112; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 18–19, 72, 74, 93–94, 97, 100; НПЛ. С. 132–134, 149, 154.
- ³⁹ Поньирко Н.В. Указ. соч. С. 71, 74.
- ⁴⁰ ЛЛ. С. 454–456; ПЛ. Вып. 2. С. 11–12; НПЛ. С. 291, 293; Словарь книжников... С. 357.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. V. С. 197–198; ПЛ. Вып. 1. С. 101, 117, 124; Цветаев Д. Указ. соч. С. 20.
- ⁴² ЛЛ. С. 192; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190.
- ⁴³ ЛЛ. С. 447, 462, 486, 497.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666–667, 765, 813–816, 818, 821, 836, 874.
- ⁴⁵ Фомин В.В. Наименование... С. 214–227; *его же*. Значение... С. 166–173; *его же*. Фряги... С. 12–34.
- ⁴⁶ НПЛ. С. 39, 132–134, 148–149, 183.
- ⁴⁷ Там же. С. 66, 72–73, 77–78, 80, 86–88, 98, 258, 261, 264, 272, 282–283, 294–297, 307, 316, 318–319, 329, 341, 346, 354–356, 362, 368–371, 374, 378, 383–384, 399–404, 408, 412, 423–425.
- ⁴⁸ Там же. С. 52, 61, 74, 78, 86, 251, 263, 285, 295, 316.
- ⁴⁹ Там же. С. 356, 370, 378, 399–401, 404, 412, 424.
- ⁵⁰ Там же. С. 93–96, 325, 333–335, 337–339, 348, 361–362, 374, 385, 387, 389, 468.
- ⁵¹ Там же. С. 26, 31, 77, 81, 91, 97, 212, 218–219, 291, 304, 308, 327–328, 330, 339, 348–350, 359–362, 387, 402–403.
- ⁵² Там же. С. 81, 93, 230, 309, 327, 333, 361–362, 426
- ⁵³ Там же. С. 46–47, 71, 74, 86, 241, 243, 280, 285, 316, 368, 384.

- ⁵⁴ Там же. С. 360–361; *Рыдзевская Е.А.* Древняя... С. 127.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. V. С. 180; т. VI. С. 16, 22, 35 152, 196; ПЛ. Вып. 1. С. 15–16, 20, 23, 27, 29–30, 33, 42–43, 47, 56–57, 60, 64, 66, 74–76, 79, 86, 101; вып. 2. С. 25, 28, 31–33, 35, 50–51, 53, 57, 59, 62, 89–90, 111, 113–114, 117–118, 124, 129, 131–132, 144–145, 148, 155, 195–196, 217, 222–223, 225, 230, 235, 237–241, 245–247, 282.
- ⁵⁶ ААЭ. Т. 1. С. 351.
- ⁵⁷ СГГД. Ч. 1. С. 588–589; ААЭ. Т. 2. С. 60.
- ⁵⁸ ААЭ. Т. 1. С. 410–411; ДАИ. Т. 1. С. 213–214.
- ⁵⁹ СГГД. Ч. 2. С. 358, 372; ААЭ. Т. 2. С. 219, 226, 248; Акты XIII–XVII вв.... С. 318.
- ⁶⁰ ААЭ. Т. 2. С. 316–317.
- ⁶¹ СГГД. Ч. 3. С. 306, 338–339; ААЭ. Т. 3. С. 264.
- ⁶² АИ. Т. 3. С. 331.
- ⁶³ ААЭ. Т. 4. С. 14–15, 17–20.
- ⁶⁴ Памятники дипломатических... Т. 2. С. 183, 226, 422.
- ⁶⁵ О географических сведениях древних россиян. С. 463, 467, 478–480, 485.
- ⁶⁶ *Гоголь Н.В.* Указ. соч. С. 99, прим. 1.
- ⁶⁷ См. об этом: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 349–350.
- ⁶⁸ *Фомин В.В.* Запад... С. 91–92; *его же.* Наименование... С. 220–223; *его же.* Комментарии. С. 515, коммент. 24.
- ⁶⁹ *Kunik E.* Die Berufung... Bd. I. S. 114, anm. *.
- ⁷⁰ Цит. по: *Жданов И.Н.* Указ. соч. С. 115.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 254; *Казакова Н.А.* Западная... С. 93–95; *Кириллин В.А.* Указ. соч. С. 86.
- ⁷² *Погодин М.П.* Исследования... Т. 2. С. 33; *Беляев И.Д.* О географических... С. 32–33; *Никитский А.И.* Указ. соч. С. 30; *Шаскольский И.П.* Сигтунский... С. 161, прим. 105; *Рыбина Е.А.* Археологические... С. 54–55; *её же.* Иноземные... С. 26; *Ерёмин И.П.* Киево... С. 38.
- ⁷³ Дополнения А.А. Куника. С. 422, 429–430, 454; *Куник А.А.* Известия... С. 015; *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. (1901). С. 157, прим. 2; *Шахматов А.А.* Древнейшие... С. 46–47; *Рыдзевская Е.А.* Легенда... С. 9; *её же.* Древняя... С. 138.
- ⁷⁴ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Норманны... С. 61; *их же.* Скандинавы... С. 61; *Якобссон С.* Указ. соч. С. 166–167; *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов... С. 641.
- ⁷⁵ *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 251; *Мошин В.А.* Начало... С. 44; *Погодин А.Л.* Варяжский... С. 20; *Рамм Б.Я.* Указ. соч. С. 23–52.
- ⁷⁶ *Андерссон И.* Указ. соч. С. 46, прим.; История Швеции. С. 80–81; *Кузьмин А.Г.* Падение... С. 167–175; *Джонс Г.* Указ. соч. С. 64–65.
- ⁷⁷ *Рыдзевская Е.А.* Легенда... С. 7; *Кузьмин А.Г.* Падение... С. 175; Откуда есть... Кн. 2. С. 586.
- ⁷⁸ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. (1901). С. 73, прим. 1; *Иконников В.С.* Опыт... С. 139; *Кузьмин А.Г.* Падение... С. 158.
- ⁷⁹ *Бибииков М.В.* Скандинавский... (1986). С. 104.
- ⁸⁰ *Андросчук Ф.А.* Русь... С. 207–208.
- ⁸¹ *Татищев В.Н.* История... Т. VII. С. 282; *его же.* Избранные... С. 204–205; *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 6. С. 28–29, 49, 121–122, 185–186; *Тредиаковский В.К.* Указ. соч. С. 213, 216.
- ⁸² См., напр.: *Бодянский О.М.* Указ. соч. С. 121; *Руссов С.В.* Разбор... С. 30; *Максимович М.* Критико... С. 533–534; *Класен Е.* Указ. соч. С. 113–114; *Костомаров Н.И.* Севернорусские... С. 25–26; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 160–161; *Забелин И.Е.* Указ. соч. Ч. 1. С. 134–135, 141, 148, 193–194, 198; *Свистун Ф.И.* Указ. соч. С. 112, 142–150, 160–161, 164–165.
- ⁸³ *Барсов Н.П.* Указ. соч. С. 35.
- ⁸⁴ *Максимович М.А.* Откуда... С. 41–44; *его же.* История... С. 43; *Святной Ф.* Что... С. 11; *Славянский сборник*... С. XXV, LXXXIX, прим. 170; *Васильев А.* Указ. соч. С. 56.
- ⁸⁵ *Ewers J.P.G.* Vom Ursprunge... S. 33, 42–44, anm. 1 на с. 38; *Эверс Г.* Указ. соч. С. 41–46, 62–63.
- ⁸⁶ *Бодянский О.М.* Указ. соч. С. 121; Примечания Ф.Л. Морошкина. С. 367–368; *Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 40–41; *Максимович М.А.* История... С. 42–43; *Попов А.Н.* Шлёйцер. С. 59; *Ва-*

- ильев А. Указ. соч. С. 56; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 165–166; Немиров Г.А. Указ. соч. С. 28, 43; Загоскин Н.П. Русские... С. 45.
- ⁸⁷ Погодин М.П. О происхождении... С. 20, 28–29; *его же*. О жилищах... С. 104; *его же*. Исследования... Т. 2. С. 23, 95–98; *его же*. Новое... С. 102; Куник А.А. Известия... С. 015.
- ⁸⁸ БЭ. Т. 4. С. 412; Шахматов А.А. Введение... С. 67; Мошин В.А. Варяго... С. 18.
- ⁸⁹ Пархоменко В.А. У истоков... С. 11, прим. 2; Черных П.Я. К вопросу... С. 75; Рыбаков Б.А. Спорные... С. 23; *его же*. Древняя... С. 293.
- ⁹⁰ СИЭ. Т. 2. Стб. 990.
- ⁹¹ Попов А.И. Названия... С. 63–64.
- ⁹² Кузьмин А.Г. Варяги... С. 32; *его же*. Об этнической... С. 82; *его же*. Западные... С. 28–29; *его же*. Падение... С. 49, 155–156, 162, 175; *его же*. История... Кн. 1. С. 92–93; *его же*. Начало... С. 242; Откуда есть... Кн. 2. С. 584, 590; Белов А. Указ. соч. С. 223–225; Акашев Ю.Д. Указ. соч. С. 205–206.
- ⁹³ Максимович М.А. Откуда... С. 41–42; Морошкин Ф.Л. Указ. соч. С. 38; Костомаров Н.И. Начало... С. 7; *его же*. Заметка... С. 414; *его же*. Предания... № 1. С. 12, 30; Публичный диспут... С. 23; Барсов Н.П. Указ. соч. С. 35; Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 164–165; Рыбаков Б.А. Древняя... С. 293.
- ⁹⁴ Максимович М.А. Откуда... С. 41–42; *его же*. История... С. 43; Костомаров Н.И. Начало... С. 7; *его же*. Севернорусские... С. 25; Голубинский Е.Е. Указ. соч. (1901). С. 157, прим. 2; Шахматов А.А. Древнейшие... С. 46–47; Никольский Н.К. Указ. соч. С. 34; Рыбаков Б.А. Древняя... С. 293.
- ⁹⁵ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 139–140; Барсов Н.П. Указ. соч. С. 13, 36–37; Шахматов А.А. Разыскания... С. 325, прим. 1; *его же*. Древнейшие... С. 46–47; Кузьмин А.Г. Варяги... С. 32–33.
- ⁹⁶ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 139; Барсов Н.П. Указ. соч. С. 229, прим. 61.
- ⁹⁷ Попов А.Н. Историко... С. 69–70, 78–79; Ильин Н.Н. Указ. соч. С. 176–178.
- ⁹⁸ Макарий (Булгаков М.П.). Указ. соч. Т. II. С. 102, 297; Попов А.Н. Историко... С. 78–81, 118; Патерик... С. 131–132; Абрамович Д.И. Указ. соч. С. 94.
- ⁹⁹ Там же. С. I–XXIX, 1, 32, 57, 59, 67, 72, 78, 88; «Изборник». С. 736; Ерёмин И.П. Киево... С. 33–38.
- ¹⁰⁰ Патерик... С. 3–6, 114, 119, 216.
- ¹⁰¹ Памятники древнерусского... Стб. 60; Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 179–180; Кузьмин А.Г. Падение... С. 171; Пиотровская Е.К., Симонов Р.А. Указ. соч. С. 383.
- ¹⁰² Тихомиров М.Н. Пособие... С. 77.
- ¹⁰³ Иловайский Д.И. Разыскания... С. 290; *его же*. История... С. 189–190; Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 141, 159; Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия... С. 27, прим. 14; Голубовская Н.П. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁰⁴ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны... С. 61; *их же*. Скандинавы... С. 62; Перхавко В.Б. Первые... С. 36; Мельникова Е.А. Варяги (2014). С. 102.
- ¹⁰⁵ Тихомиров М.Н. Пособие... С. 90.
- ¹⁰⁶ Карамзин Н.М. История... Т. II–III. С. 39; Правда Русская. С. 325–326; Памятники русского... С. 146.
- ¹⁰⁷ Карамзин Н.М. История... Т. II–III. С. 39; Барсов Н.П. Указ. соч. С. 226, прим. 56; Васильевский В.Г. Варяго... С. 350–351; Брим В.А. Колбяги. С. 279; Погодин А.Л. Варяги... С. 131.
- ¹⁰⁸ Голубовская Н.П. Указ. соч. С. 10–12.
- ¹⁰⁹ Голубовская Н.П. Указ. соч. С. 13; Шахматов А.А. Древнейшие... С. 48–49; Брим В.А. Колбяги. С. 277–285; Рыдзевская Е.А. Несколько... С. 137–142; *её же*. К варяжскому... № 7. С. 510–513; Мавродин В.В. Образование... (1945). С. 383; Тихомиров М.Н. Пособие... С. 77.
- ¹¹⁰ Мельникова Е.А. Древняя Русь в исландских... С. 146–148; *её же*. Древнескандинавские... С. 209–210; Мачинский Д.А. Ростово... С. 21; *его же*. Колбяги... С. 90–103; *его же*. О роли... С. 119; *его же*. Ладога... С. 31–32; Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Указ. соч. С. 52–54; Мачинский Д.А., Панкратова М.В. Указ. соч. С. 38; Щавелёв А.С. Русы... С. 116.

- ¹¹¹ Исландские саги. (1956). С. 765, прим. к с. 79; *Свердлов М.Б.* К истории... С. 138, 148; *Мельникова Е.А.* Колбязги. С. 405–406.
- ¹¹² *Фасмер М.* Указ. соч. Т. II. С. 287.
- ¹¹³ *Брим В.А.* Колбязги. С. 280; *Рыдзевская Е.А.* Несколько... С. 140, прим. 2 на с. 137.
- ¹¹⁴ Исландские саги. (1956). С. 79.
- ¹¹⁵ *Stender-Petersen A.* Varangica. P. 89–113, 249–250, 252; *Арбман Х.* Указ. соч. С. 151; *Schramm G.* Op. cit. S. 167–169; *Гонно П., Лавров А.С.* Указ. соч. С. 544, прим. 233.
- ¹¹⁶ *Тихомиров М.Н.* Пособие... С. 120.
- ¹¹⁷ Там же. С. 113.
- ¹¹⁸ *Правда Русская.* С. 358.
- ¹¹⁹ *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Указ. соч. С. 44–45.
- ¹²⁰ *Горский А.А.* Первое... С. 94–96.
- ¹²¹ *Творогов О.В.* Хроника... С. 467–469; *Матвеев В.А.* Указ. соч. С. 26–30.
- ¹²² *Истрин В.М.* Хроника... Т. I. С. 472, 567; т. II. С. 289–290.
- ¹²³ ДРЗИ. Т. II. С. 179.
- ¹²⁴ *Миллер Г.Ф.* О происхождении... С. 395; *Шлёцер А.Л.* Нестор. Ч. III. С. 47; *Kunik E.* Die Berufung... Bd. I. S. 165; *Погодин М.П.* Исследования... Т. 2. С. 51; *Томсен В.* Указ. соч. С. 37.
- ¹²⁵ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 330–331, 443, прим. 249; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 331; *Истрин В.М.* Хроника... Т. I. С. 472, 567; т. II. С. 289–290.
- ¹²⁶ *Ловмянский Х.* Русь. С. 210; *Петрухин В.Я.* Начало... С. 82, *его же.* Древняя Русь. С. 87; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 260; *Кузенков П.В.* Поход... С. 80; *Кузьмин А.Г.* Начало... С. 277–278.
- ¹²⁷ *Карташёв А.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 102; *Горский А.А.* Русь. С. 43, прим. 24; *его же.* Русь «от рода... С. 55–59; *его же.* К спорам... С. 173; *его же.* Начало... С. 17; *его же.* Приглашение... С. 21; *его же.* Возникновение... С. 26–27; *его же.* Первое... С. 94–103; ДРЗИ. Т. II. С. 179, коммент. 3.
- ¹²⁸ *Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 40; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 202, 331; *Славяне и Русь.* С. 413, прим. 48.
- ¹²⁹ *Фомин В.В.* Комментарии. С. 535, коммент. 48.
- ¹³⁰ *Поссевино А.* Указ. соч. С. 31, 35, 62; *Bayer G.S.* Op. cit. P. 289; *Байер Г.З.* О варягах. С. 350; *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 6. С. 224; *Карамзин Н.М.* История... Т. II–III. Прим. 42 к т. II; *Биби-ков М.В.* BYZANTINOROSSICA. С. 713–718.
- ¹³¹ *Толковая Палея...* Стб. 69; *Шахматов А.А.* Толковая... С. 213–215, 218, 271–272; *Творогов О.В.* Палея... (1987). С. 285–288; то же (2014). С. 588.
- ¹³² ЛЛ. С. 3; *Шахматов А.А.* Толковая... С. 66.
- ¹³³ *Шахматов А.А.* Повесть... С. 73.
- ¹³⁴ *Водолазкин Е.Г.* Редакции... С. 164–169, 177–180; *его же.* Краткая... С. 891, 899.
- ¹³⁵ *Толковая Палея...* Стб. 67.
- ¹³⁶ *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 149.
- ¹³⁷ *Рыбина Е.А.* Иноземные... С. 30–31; *её же.* О конфликте... С. 138; *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 81; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 129–133; *Франклин С.* Письменность... С. 292.
- ¹³⁸ ГВНП. С. 56.
- ¹³⁹ *Тихомиров М.Н.* Пособие... С. 78–79; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 95–96.
- ¹⁴⁰ *Гейман В.Г.* Право и суд. С. 46; *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 370; *Тихомиров М.Н.* Пособие... С. 20, 78–79.
- ¹⁴¹ *Фомин В.В.* Комментарии. С. 543, коммент. 57.
- ¹⁴² НПЛ. С. 29, 37, 39, 45, 48–49, 57, 90, 93, 215, 226, 229–230, 240, 244–245, 258, 323, 334.
- ¹⁴³ *Погодин М.П.* Исследования... Т. 2. С. 33–37.
- ¹⁴⁴ См., напр.: *Бережков М.Н.* Указ. соч. С. 58; *Аристов Н.* Указ. соч. С. 199; *Шаскольский И.П.* Сигтунский... С. 161, прим. 105; *Рыбаков Б.А.* Культура... С. 301; *Джаксон Т.Н.* Олава... С. 571.
- ¹⁴⁵ *Stender-Petersen A.* Varangica. P. 257–258, 261–262.
- ¹⁴⁶ *Рыбина Е.А.* Готский двор... С. 202–203; *её же.* Немецкий двор. С. 536–537.
- ¹⁴⁷ *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 359–362.

- ¹⁴⁸ Никитский А.И. Указ. соч. С. 30; Рыбина Е.А. Археологические... С. 54; её же. Иноземные... С. 26; Мельникова Е.А. Сведения... С. 177; ДРЗИ. 1999. С. 556.
- ¹⁴⁹ Памятники древнерусского... Стб. 26.
- ¹⁵⁰ Водов В.А. Указ. соч. С. 137.
- ¹⁵¹ Рыбина Е.А. Археологические... С. 123–124; её же. Готский раскоп. С. 197; её же. Иноземные... С. 21.
- ¹⁵² Бережков М.Н. Указ. соч. С. 58.
- ¹⁵³ Там же. С. 10, 47; Очерки истории СССР. IX–XV вв. С. 690–691; Пащуто В.Т. Героическая... С. 118, 128; Шаскольский И.П. Сигтунский... С. 105–106; его же. Борьба... С. 102–104; Янин В.Л. Новгородские акты... С. 81.
- ¹⁵⁴ Шаскольский И.П. Сигтунский... С. 161–162; Зализняк А.А. Наблюдения... С. 108–114; Янин В.Л., Зализняк А.А. Указ. соч. С. 168–174.
- ¹⁵⁵ Лерберг А.Х. Указ. соч. С. 214; Погодин М.П. О происхождении Руси. С. 46; его же. Исследования... Т. 2. С. 34, прим. 76; Линд Дж. Загадочная... С. 191–205.
- ¹⁵⁶ Лерберг А.Х. Указ. соч. С. 203, прим. 2; Никитский А.И. Указ. соч. С. 30; Мулюкин А.С. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁵⁷ Ковалевский С.Д. Образование... С. 47.
- ¹⁵⁸ ГВНП. С. 57, 58–61, 73–79; Памятники права... С. 54, 57–71, 77–79.
- ¹⁵⁹ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 338; Франклин С. Письменность... С. 192–193.
- ¹⁶⁰ Памятники права... С. 72–75; Тихомиров М.Н. Пособие... С. 132–134.
- ¹⁶¹ Хрестоматия... С. 403.
- ¹⁶² Адам Бременский. Указ. соч. Сх. 120; Похлебкин В.В. Внешняя... С. 94–95.
- ¹⁶³ Волков В.А. Указ. соч. С. 154–155.
- ¹⁶⁴ Пащуто В.Т. Внешняя... С. 149; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы... С. 61; Кучкин В.А. Был... С. 195, 197.
- ¹⁶⁵ Мещерский Н.А. Древнерусская... (1954). С. 121–122, 133–135; его же. Древнерусская... (1956). С. 184–185; Прокофьев Н.И. Указ. соч. С. 66–73; Заборов М.А. История... С. 43–46; Творогов О.В. Повесть о взятии... (1987). С. 353; его же. Повесть о взятии... (2014). С. 624.
- ¹⁶⁶ Творогов О.В. Древнерусские... С. 148–151, 157; Летописец Еллинский... С. 179–180.
- ¹⁶⁷ НПЛ. С. 46–49, 240–246.
- ¹⁶⁸ Заборов М.А. История... С. 163, 178, 196, 200–201, 204, 220–221, 227–229, 250, 267; его же. Крестовые... С. 193, 207.
- ¹⁶⁹ НПЛ. С. 48–49, 244–245.
- ¹⁷⁰ История Византии. С. 343–345; Заборов М.А. История... С. 223, 260, 264.
- ¹⁷¹ Bayer G.S. De Varagis. P. 304; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 154, 156–158, 163; Васильевский В.Г. Варяго... С. 180, 352–356, 364–365, 367, 376; Бибииков М.В. Скандинавский... (1986). С. 102–103; его же. К варяжской... С. 166–167, 171.
- ¹⁷² Кузьмин А.Г. Падение... С. 158, 160–161; Откуда есть... Кн. 2. С. 588–590; Славяне и Русь. С. 285–290, прим. 258 на с. 204; Кузьмин А.Г. Начало... С. 229–233.
- ¹⁷³ Успенский Ф.И. История... С. 188, 195–198, 202, 214, 221–222; Заборов М.А. История... С. 163, 175–178, 204, 223, 228, 238–239, 250, 260, 264, 267; Фомин В.В. Термин... С. 69–74; его же. Фряги... С. 12–34.
- ¹⁷⁴ Цит. по: Поляк А.Н. Указ. соч. С. 91.
- ¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 29–30; ПЛ. Вып. 2. С. 73.
- ¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 15.
- ¹⁷⁷ ЛЛ. С. 83; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 72.
- ¹⁷⁸ Повести о Куликовской... С. 58, 92–93; Памятники Куликовского... С. 161, 163, 236, прим. 54 на с. 212, прим. 57 на с. 213; Моисеева Г.Н. К вопросу... (1979). С. 236; ПСРЛ. Т. 11. С. 55.
- ¹⁷⁹ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 370–371.
- ¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. V. С. 177–178; Охотникова В.И. Указ. соч. С. 359; Енин Г.П. Шведская... С. 56–60; Рабинович Я.Н. Порховское... С. 13–14.
- ¹⁸¹ Kunik E. Die Berufung... Bd. I. S. 111–112; [Бутков П.Г.]. [Рец.] Die Berufung... С. 61; Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 37; Браун Ф.А. Варяги... С. 327.

- ¹⁸² Памятники Куликовского... С. 242, 281, 325, 328, 357, 360.
- ¹⁸³ ПСРЛ. Т. 29. С. 114.
- ¹⁸⁴ Послания Ивана Грозного. С. 7, 78, 202.
- ¹⁸⁵ *Лихачёв Н.П.* Указ. соч. С. 379.
- ¹⁸⁶ БАН. 21.6.13. Л. 36 об - 37; РНБ. F.IV.888. Л. 65–66; Эрмитажн. собр. № 444. Л. 66 об - 67 об; Собр. Погодина. № 1474. Л. 42–42 об; F.XVII.22. Л. 75–76.
- ¹⁸⁷ ААЭ. Т. 2. С. 17.
- ¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 283–305; Новгородские летописи. С. 405–448; *Коваленко Г.М.* Русские... С. 13, прим. *.
- ¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 267–273; Новгородские летописи. С. 357–370; БАН. Успенск. № 210. Л. 83 об. — 89 об.; 32.3.16. Л. 253–268 об.; ГИМ. Собр. Уварова. № 568. Л. 570–583; Собр. Шукина. № 710. Л. 181–197 об.; Собр. Барсова. № 1790. Л. 305–330; Синод. собр. № 794. Л. 183–199; РГБ. Собр. Румянцева. Ф. 256. № 250. Л. 296 об. — 311 об.; РНБ. Собр. Титова. 3250. Л. 170–184 об.; Собр. Петерб. духовн. академии. № А I/260. Л. 88–93; F.IV.623. Л. 153–165 об.; Собр. Погодина. № 1416. Л. 172–181; Q.IV.78. Л. 145 об. — 153 об.; РГАДА. Рукописный отдел библиотеки Моск. главн. архива МИДа. Ф. 181. № 1161. Л. 207–219; СПБНИИ РАН. Собр. Арх. ком. № 27. Л. 307–332 об.; Собр. Арх. ком. № 28. Л. 184–198 об.
- ¹⁹⁰ Временник... С. 95, 114, 119, 126, 131, 142, 150, 154; Смута... С. 73.
- ¹⁹¹ Повести о Куликовской... С. 43–44, 49, 55, 64, 71, 79–80, 89, 103, 111–112, 119, 129, 143, 150, 190, 197; Памятники Куликовского... С. 137, 172, 226, 229, 241, 244, 247, 253, 257, 281, 288; *Моисеева Г.Н.* К вопросу... (1979). С. 227, 230.
- ¹⁹² Повести о Куликовской... С. 50, 124, 174; Памятники Куликовского... С. 148, 231, 264; *Моисеева Г.Н.* К вопросу... (1979). С. 231.
- ¹⁹³ *Славнитский М.* Указ. соч. С. 220, прим. 2.
- ¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 206; Тихвинские... С. 32, прим. *; Историко-статистическое... С. XX–XXI; *Платонов С.Ф.* Древнерусские... С. 426–427; *Енин Г.П.* Сказание... С. 426; *его же.* Шведская... С. 54.
- ¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 14. Кн. 1. С. 132; Летопись о многих... С. 279–280.
- ¹⁹⁶ БАН. 32.3.16. Л. 248; Успенск. № 210. Л. 81–82; РНБ. Собр. Титова. 3250. Л. 165; F.IV.623. Л. 149; Гиппинг А.И. Указ. соч. С. 253.
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 291–293.
- ¹⁹⁸ *Ключевский В.О.* Русская... Т. 1. С. 560.
- ¹⁹⁹ См. об этом подробнее: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 372–376.
- ²⁰⁰ Записки капитана... С. 73, 75.
- ²⁰¹ ПЛ. Вып. 2. С. 73; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 30; т. 33. С. 13.
- ²⁰² ПСРЛ. Т. 12. С. 126; т. XVIII. С. 226.
- ²⁰³ Четъи-Минеи. С. ре.
- ²⁰⁴ Дополнения А.А. Куника. С. 457–458; *Куник А.А.* Известия... С. 032–033.
- ²⁰⁵ Публичный... С. 29; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 82, 383–384, прим. 149 на с. 415, прим. 235 на с. 440, прим. 294 на с. 456; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 316–317.
- ²⁰⁶ Цит. по: *Ламанский В.И.* Славянское... С. 57.
- ²⁰⁷ *Ламанский В.И.* Славянское... С. 57; *Пархоменко В.А.* Начало... С. 38; *Свердлов М.Б.* Сведения... С. 41.
- ²⁰⁸ *Браун Ф.А.* Варяги... С. 1–2.
- ²⁰⁹ *Джаксон Т.Н.* Древняя... С. 31, 52; *её же.* Исландские... (1993). С. 25; *её же.* Исландские... (2000). С. 9–11; *её же.* AUSTR... С. 11, 13; *её же.* Русь... С. 51, 54–55; *её же.* Ярицлейв. С. 917; *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Сага. С. 711; ДРЗИ. Т. V. С. 84.
- ²¹⁰ См., напр.: *Глазырина Г.В.* Исландские... С. 117, 159, 165, 171, 188–189; *её же.* Сведения... С. 15–16; ДРЗИ. 1999. С. 435, 485–488; ДРЗИ. 2013. С. 462, 513–514; ДРЗИ. Т. V. С. 273, комментарий. 124.
- ²¹¹ *Пчелов Е.В.* Генеалогия... С. 26–27; *Мачинский Д.А., Панкратова М.В.* Указ. соч. С. 26–27; *Вовина-Лебедева В.Г.* История... С. 68; *Мельникова Е.А.* Эпоха... С. 410.
- ²¹² ЛЛ. С. 159.

- ²¹³ См., напр.: *Фомин В.В.* Скандинавомания... С. 238–239; *его же.* Южнобалтийское... С. 155.
- ²¹⁴ *Джаксон Т.Н.* Древняя... С. 10.
- ²¹⁵ *Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 51–52; *Джаксон Т.Н.* Древняя... С. 31, 52; *её же.* Русь... С. 51; ДРЗИ. 1999. С. 486.
- ²¹⁶ *Кузьмин А.Г.* Падение... С. 162.
- ²¹⁷ *Браун Ф.А.* Варяги... С. 2; *Пархоменко В.А.* Три... С. 83–84; *Urbańczyk P.* Op. cit. С. 228.
- ²¹⁸ *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Указ. соч. С. 19.
- ²¹⁹ *Мельникова Е.А.* Древняя Русь в исландских... С. 141, 145; *её же.* Норманны... С. 38; ДРЗИ. 1999. С. 453, 481; *Джаксон Т.Н.* AUSTR... С. 62–63, 155.
- ²²⁰ *Титмар Мерзебургский.* Указ. соч. VIII, 32; *Адам Бременский.* Указ. соч. II, 22; Откуда есть... Кн. 2. С. 692; Славяне и Русь. С. 469; Хрестоматия... С. 144. См. также: *Джаксон Т.Н.* AUSTR... С. 37, 65, 83–84, 92; *её же.* Хольмгард. С. 860; ДРЗИ. 1999. С. 454, 457, 475; ДРЗИ. 2013. С. 480, 482
- ²²¹ *Скрынников Р.Г.* Древняя... С. 7.
- ²²² *Свердлов М.Б.* Сведения... С. 52–53; *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнерусские... С. 124; *Джаксон Т.Н.* Исландские... (2000). С. 17, 284–285; *её же.* AUSTR... С. 64–65.
- ²²³ *Куник А.А.* Предисловие... С. 154, 158–159.
- ²²⁴ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 163–167; *Васильевский В.Г.* Варяго... С. 208–210, 313–315, 323–325, 344–350; Дополнения А.А. Куника. С. 695; *Кузьмин А.Г.* Крещение... С. 28; *его же.* Начало... С. 225–235; Откуда есть... Кн. 2. С. 586–588, 693; Славяне и Русь. С. 285.
- ²²⁵ *Васильевский В.Г.* Варяго... С. 185–186; Исландские саги (1956). С. 28.
- ²²⁶ *Кузьмин А.Г.* Крещение... С. 28; Откуда есть... Кн. 2. С. 693.
- ²²⁷ *Браун Ф.А.* Варяги... С. 1; Исландские саги (1956). С. 17, 775, прим. к с. 428; *Лебедев Г.С.* Этюд... С. 288; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы... С. 63; *Мельникова Е.А.* Варяги... С. 160–161; Исландские саги (1999). С. 797, 801, коммент. к с. 398. См. также: *Биби-ков М.В.* К варяжской... С. 152–153.
- ²²⁸ ДРЗИ. Т. V. С. 125–126; *Кузьмин А.Г.* Западные... С. 28; *его же.* Падение... С. 49, 157–158, 162, 166–167, 175; *его же.* Кто... С. 5; *его же.* История... Кн. 1. С. 90, 92, 161; *его же.* Начало... С. 215, 221, 225–226, 242, 332; *его же.* Начальные... (2003). С. 39; *его же.* Облик... С. 242, 244, 246, 248; *Свердлов М.Б.* Скандинавы... С. 63–64; *его же.* Дополнения. С. 620; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* Древнерусские... С. 54; Откуда есть... Кн. 2. С. 584–586, 589–590, 654, 692; Славяне и Русь. С. 288–289, 469.
- ²²⁹ *Фомин В.В.* Варяги и варяжская... С. 379.
- ²³⁰ СПб ФА РАН. Ф. 95. Ед. хр. 62. Л. 419.
- ²³¹ ЛЛ. С. 46; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 234; *Кузьмин А.Г.* Об этнической... С. 80; *его же.* Начало... С. 325, 332; Откуда есть... Кн. 2. С. 648, 654; *Фомин В.В.* Скандинавомания... С. 240.
- ²³² *Сойер П.* Указ. соч. С. 10; *Джонс Г.* Указ. соч. С. 66–68; *Буайе Р.* Указ. соч. С. 169.
- ²³³ *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 200; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 212, 234; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 214; *Пашуто В.Т.* Внешняя... С. 34; *Кузьмин А.Г.* Об этнической... С. 80; *его же.* Начало... С. 322; Откуда есть... Кн. 2. С. 646; *Мачинский Д.А.* Этносоциальные... С. 8; *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. С. 61, прим. 30.
- ²³⁴ *Петрухин В.Я.* Комментарии (1985). С. 290, коммент. * к с. 226.
- ²³⁵ Сказание о Борисе... С. 294; ЛЛ. С. 133; *Сендерович С.Я.* Указ. соч. С. 486.
- ²³⁶ ЛЛ. С. 54, 167, 177, 194; *Тихомиров М.Н.* Пособие... С. 80.
- ²³⁷ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. С. 135.
- ²³⁸ *Фомин В.В.* История Старой... С. 282–284. Ср.: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. С. 168–169.
- ²³⁹ *Фомин В.В.* Запад... С. 85–92; *его же.* Наименование... С. 214–227; *его же.* Норманская проблема. С. 312–313; *его же.* Комментарии. С. 515, коммент. 24. Ср.: *Петрухин В.Я., Равевский Д.С.* Указ. соч. С. 293–295, 300–301.
- ²⁴⁰ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 363; Откуда есть... Кн. 1. С. 15.
- ²⁴¹ *Байер Г.З.* География... С. 38–42; *Миллер Г.Ф.* О народах... С. 118; *Thunmann J.* Op. cit. S. 386–390; *Браун Ф.А.* Варяжский... С. 573.
- ²⁴² *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 206, 326, 329, 333, 429, прим * на с. 205.

- ²⁴³ ДРЗИ. 1999. С. 97, 101–102; Бибииков М.В. BYZANTINOROSSICA. С. 49, 55–56; ДРЗИ. 2013. С. 97, 102.
- ²⁴⁴ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 2. С. 95–96; Кузьмин А.Г. Об этнической... С. 74.
- ²⁴⁵ Юргевич В.Н. Указ. соч. С. 48; Иловыйский Д.И. Разыскания... С. 227, 316–317, 326; Пархоменко В.А. Начало... С. 29; Присёлков М.Д. [Рец.] Пархоменко Вл. С. 364; Брим В.А. Путь... С. 227–228.
- ²⁴⁶ Кузенков П.В. Из истории... С. 58.
- ²⁴⁷ См., напр.: Джонс Г. Указ. соч. С. 139; Седов В.В. Восточные... С. 251; Нунан Т.С. Зачем... С. 54; Лебедев Г.С. Путь из варяг в греки как объект... С. 151, 153; Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 14, 61, 89, 102; Нефёдов В.С. Гнёздовский... С. 36; Литаврин Г.Г. Византия... С. 11; Кирпичников А.Н. Великий... (2001). С. 26; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 245.
- ²⁴⁸ Лебедев Г.С. Эпоха... (1985). С. 198.
- ²⁴⁹ ЛЛ. С. 77.
- ²⁵⁰ Котляр Н.Ф. Березань. С. 60.
- ²⁵¹ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 51.
- ²⁵² Погодин М.П. Древняя... Т. I. С. 17; т. II. С. 514.
- ²⁵³ Брайчевский М.Ю. Указ. соч. С. 23–28.
- ²⁵⁴ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 319, 322, 324, 326–327.
- ²⁵⁵ Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 474–475; Кузьмин А.Г. От моря... С. 37, 40, 43–47; *его же*. История... Кн. 1. С. 96–97, 100–105; *его же*. Начало... С. 268–293, 337; Галкина Е.С. Тайны... С. 353–368; Тимофеев В.П. Указ. соч. С. 120–146; Тарасов В.В. Указ. соч. С. 58–63.
- ²⁵⁶ Первольф И.И. Германизация... С. 26.
- ²⁵⁷ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 365–366, 368; Ламбин Н.П. Источник... № 6. С. 231–233.
- ²⁵⁸ ДРЗИ. Т. IV. С. 17; Назаренко А.В. Русь IX века. С. 14; *его же*. Бертинские... С. 65.
- ²⁵⁹ Откуда есть... Кн. 2. С. 564; ДРЗИ. 1999. С. 288–290; ДРЗИ. Т. IV. С. 19–21; ДРЗИ. 2013. С. 277–278. См. историографию: Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 36–46; Шаскольский И.П. Известия... С. 43–54; Литаврин Г.Г. Византия... С. 37–46.
- ²⁶⁰ Назаренко А.В. Русь IX века. С. 16 и прим. 7.
- ²⁶¹ См. об этом: Литаврин Г.Г. Византия... С. 38–40.
- ²⁶² Bayer G.S. De Varagis. P. 280–281; Татищев В.Н. История... Т. I. С. 294; ДРЗИ. 1999. С. 288.
- ²⁶³ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 383; Грот Л.П. Обзор... С. 36–37; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 310, 336–339.
- ²⁶⁴ Хрестоматия... С. 27–31, 106–107.
- ²⁶⁵ Там же. С. 27–29, 107, 152–153; Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 70; Кузьмин А.Г. Варяги... С. 40; *его же*. От моря... С. 36; *его же*. Два... С. 195; *его же*. История... Кн. 1. С. 99; *его же*. Начало... С. 98, 271; *его же*. Облик... С. 224, 235; Кузьменко Ю.К. Указ. соч. С. 337–358; Откуда есть... Кн. 1. С. 689; кн. 2. С. 685. См. также: Грот Л.П. Генезис... С. 149.
- ²⁶⁶ Швеция и шведы... С. 88, 121.
- ²⁶⁷ Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 249–255, 337.
- ²⁶⁸ Татищев В.Н. История... Т. I. С. 308, прим. 7; Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 321–323; Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 58; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 339–341, 379; Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 200; Дополнения А.А. Куника. С. 422, 680–681; Браун Ф.А. Варяги... С. 319.
- ²⁶⁹ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 95; *его же*. Русь в IX... С. 186; Горский А.А. Первое... С. 14, прим. 22; Назаренко А.В. Русь IX века. С. 16, прим. 6; Шинаков Е.А. Три... С. 159.
- ²⁷⁰ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 253; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 81; *его же*. Кто... С. 29; *его же*. Саркел... С. 216–218; *его же*. Русь христианская. С. 60–62, 69; Мельникова Е.А. Сокровищница... С. 12, 14; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 172–174; *его же*. Рюрик... С. 20–25; Горский А.А. В дыму... С. 180; *его же*. Приглашение... С. 7.
- ²⁷¹ Ewers J.P.G. Vom Ursprunge... S. 137–143; Эверс Г. Указ. соч. С. 116–119; Коновалова И.Г. О возможных... С. 114, 130, прим. 39.
- ²⁷² Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 147, 149; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 194–195, 339–349, 379; Иловыйский Д.И. Разыскания... С. 220–221, 284–285, 332–333, 340; Загоскин Н.П. История... С. 341; Пархоменко В.А. О происхождении... С. 39–40.

- ²⁷³ Успенский Ф.И. Русь... С. 8; Вернадский Г.В. Древняя... С. 290, 335, 338.
- ²⁷⁴ Гумилёв Л.Н. Указ. соч. С. 94, 101, 104–108, 114, 234; Новосельцев А.П. Хазарское... С. 207–210; *его же*. Образование... С. 8–10; Седов В.В. Русский... (1998). С. 3–15; *его же*. Русский... (1999). С. 64–72; *его же*. Древнерусская... С. 50–90; *его же*. Русы... С. 26–37; *его же*. Славяне. С. 280–295; *его же*. О русах... С. 3–14; Литаврин Г.Г. Византия... С. 37–43, 46–48; Толочко П.П. В поисках... С. 44–51; *его же*. Ранняя... С. 38–59; Кузенков П.В. Из истории... С. 6; Назаренко А.В. Русь IX века. С. 32, 35.
- ²⁷⁵ Беляев Н.Т. Рорик... С. 222, прим. 33; Кузьмин А.Г. От моря... С. 36; *его же*. Два... С. 195–196; *его же*. История... Кн. 1. С. 99–100, 163; *его же*. Облик... С. 236–237, 239–240; *его же*. Начало... С. 271–273; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 461–464; Славяне и Русь. С. 311–312; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 336–339.
- ²⁷⁶ Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 456–481; Галкина Е.С. Тайны... (здесь нет указания страниц); *её же*. Номады... С. 179–270, 385–452.
- ²⁷⁷ Жих М.И. К проблеме... С. 147–157; *его же*. Работы... С. 181–183, 190–191; *его же*. Восточные... С. 210–245; Цветков С.В. Указ. соч. С. 58, 64–125, 191, 212–213; Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход... С. 81, 102–111.
- ²⁷⁸ Щавелёв А.С. Русь... С. 114.
- ²⁷⁹ Цукерман К. Два... С. 55–77; *его же*. Перестройка... С. 348–349, 351; Зорин А.В., Шпилев А.Г. Указ. соч. С. 395–397; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 199–200; *его же*. Рюрик... С. 27–28, 38–39; Воронятов С.В. Указ. соч. С. 231–23.
- ²⁸⁰ Макаров Н.А. Исторические... С. 455; Петрухин В.Я. Русь христианская... С. 63.
- ²⁸¹ Жих М.И. Работы... С. 184, 186–189; *его же*. Восточные... С. 217–221; Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан... С. 11–16.
- ²⁸² Петрухин В.Я. О «Русском... С. 78–82; *его же*. Призвание... С. 37; *его же*. Русь и Хазария. С. 208–210; *его же*. Легенда... (2008). С. 44; *его же*. Русь... С. 102; *его же*. Русь в IX... С. 115–116, 120, 126–127, 138–144; *его же*. Русь христианская... С. 64–65, 70, 83, 466, прим. 2; Мусин А.Е. Отроки... С. 21.
- ²⁸³ Цукерман К. Перестройка... С. 343; Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан... С. 10. Обзор литературы по «Русскому каганату» см.: Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 36–46; Литаврин Г.Г. Византия... С. 37–46; Галкина Е.С. Тайны... С. 13–38, 41–45.
- ²⁸⁴ Лиутпранд Кремонский. Указ. соч. Ant. I, 10; Ant. V, 15; Куник А.А. Предисловие... С. 158.
- ²⁸⁵ Присёлков М.Д. Киевское... С. 218–219.
- ²⁸⁶ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 360, 449, прим. 275; Иловайский Д.И. Разыскания... С. 197, 202, 223–224, 332; Мавродин В.В. Происхождение русского... С. 161; Кузьмин А.Г. История... Кн. 1. С. 97–98; *его же*. Два... С. 200; *его же*. Начало... С. 278.
- ²⁸⁷ Бибииков М.В. Пути... С. 98; *его же*. Византийские... С. 43–44; *его же*. Скандинавский... (1986). С. 97–98. *его же*. BYZANTINOROSSICA. С. 541–543
- ²⁸⁸ Адам Бременский. Указ. соч. II, 19; IV. 12.
- ²⁸⁹ Хрестоматия... С. 52–53, 94, 129; Лев Диакон. Указ. соч. С. 36; Завитневич В.З. Указ. соч. С. 574–577, 582–589.
- ²⁹⁰ ДРЗИ. Т. III. С. 118; Низами Гянджеви. Указ. соч. С. 376, 389; Кузьмин А.Г. Об этнической... С. 66; *его же*. Начало... С. 269.
- ²⁹¹ Дробинский А.И. Указ. соч. С. 99, 104, 109.
- ²⁹² Хрестоматия... С. 224.
- ²⁹³ Погодин М.П. Борьба... С. 382; Цукерман К. Два... С. 56; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 187; *его же*. Рюрик... С. 32; Петрухин В.Я. Русь в IX... С. 194.
- ²⁹⁴ Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 77; Рапов О.М. Русская... С. 76; Литаврин Г.Г. Византия... С. 55–56; Живов В.М. Особенности... С. 587.
- ²⁹⁵ Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 50, 55; Цукерман К. Два... С. 61.
- ²⁹⁶ ДРЗИ. Т. II. С. 177.
- ²⁹⁷ Галкина Е.С. Тайны... С. 58–59; Хрестоматия... С. 100, прим. 1.
- ²⁹⁸ Е.Л. [Ловягин Е.]. Указ. соч. С. 419, 421, 425–426; Кузенков П.В. Поход... С. 31–32, 36; Хрестоматия... С. 100; Бибииков М.В. Рос. С. 686.

- ²⁹⁹ Латышев В.В. Указ. соч. С. 385; Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход... С. 99.
- ³⁰⁰ Адам Бременский. Указ. соч. IV, 21; Саксон Анналист. Указ. соч. 853; 1053; Заборов М.А. История... С. 58–72, 78–83, 110–112, 116–118.
- ³⁰¹ ДРЗИ. Т. IV. С. 23–24; ДРЗИ. 1999. С. 290–292; ДРЗИ. 2013. С. 279–281; Назаренко А.В. Русь IX века. С. 16–18.
- ³⁰² Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 139; *его же*. Русь... С. 110; *его же*. Русь в IX... С. 116; Коновалова И.Г. О возможных... С. 115; Мачинский Д.А. Некоторые... С. 501–502.
- ³⁰³ Горский А.А. Проблема... С. 134; *его же*. В дыму... С. 180; *его же*. Первое... С. 81, прим. 312.
- ³⁰⁴ ДРЗИ. Т. II. С. 179, 182; Станг Х. Указ. соч. С. 139.
- ³⁰⁵ Мурашёва В.В. Была... С. 9, 11; Джаксон Т.Н. Система... С. 110.
- ³⁰⁶ Кузьмин А.Г. Варяги... С. 48; *его же*. Болгарский... С. 187; *его же*. Заметки... С. 59; Славяне и Русь. С. 370.
- ³⁰⁷ Кирпичников А.Н. Мечи... С. 179.
- ³⁰⁸ ДРЗИ. Т. III. С. 49, 68, коммент. 14 на с. 49.
- ³⁰⁹ Кирпичников А.Н. Надписи... С. 249–250; Андросчук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские... С. 25.
- ³¹⁰ Авдусин Д.А. Варяжский... С. 8.
- ³¹¹ Толстой И.И., Кондаков Н.П. Указ. соч. С. 12.
- ³¹² Кирпичников А.Н. Мечи... С. 179.
- ³¹³ Равдоникас В.И. Надписи... С. 598–616; *его же*. О возникновении... С. 127.
- ³¹⁴ Арциховский А.В. Русская... С. 193–194.
- ³¹⁵ Мавродин В.В. Образование... (1945). С. 153; Арциховский А.В. Оружие. С. 425–426; *его же*. Археологические... С. 37; Рыбаков Б.А. Ремесло... С. 223–224, 228–229; Авдусин Д.А. Неонорманистские... С. 115; *его же*. Археология СССР. С. 234–236.
- ³¹⁶ Кирпичников А.Н. Мечи... С. 180, 185, 194; *его же*. Надписи... С. 255–256; Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Указ. соч. С. 302; Колчин Б.А. Указ. соч. С. 192.
- ³¹⁷ Комар А.В. Мечи... С. 49–50.
- ³¹⁸ Чернышёв Н.А. Указ. соч. С. 226; Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 121; *его же*. О роли... С. 207; Кирпичников А.Н. Древнерусское... С. 49; *его же*. Вооружение... С. 165, 173; Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Указ. соч. С. 233, 252; Кочуркина С.И. Связи... С. 158; *её же*. Юго... С. 49; Давидан О.И. К вопросу о контактах... (1971). С. 141–142; Авдусин Д.А. Об изучении... С. 151; Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско... (1978). С. 83; *их же*. Русско... (1980). С. 34; Мачинский Д.А. Миграция... С. 48; *его же*. О времени... С. 16, 22; Даркевич В.П. Международные связи. С. 392; Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Указ. соч. С. 321; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 249, 254, 260–262; Лебедев Г.С. Этюд... С. 299–303.
- ³¹⁹ Петрухин В.Я. Скандинавия... С. 15; *его же*. Путь... (2002). С. 57; Мачинский Д.А. Эпоха... С. 136; *его же*. Ладога... С. 23; Кирпичников А.Н., Каинов С.Ю. Указ. соч. С. 173; Стальсберг А. Связи... С. 117; Археология: Учебник. С. 466; Толочко П.П. Ранняя... С. 70–71, 76–78, 102; Лесман Ю.М. Скандинавский... С. 63.
- ³²⁰ Колчин Б.А. Указ. соч. С. 191; Кирпичников А.Н. Меч. С. 485.
- ³²¹ Андросчук Ф.А. Гнёздово... С. 129–132; Комар А.В. Мечи... С. 48–49, 59.
- ³²² Русанова И.П. Указ. соч. С. 14, 60.
- ³²³ Щеглов Д. Первые... С. 223.
- ³²⁴ Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 106–109; Шушарин В.П. Указ. соч. С. 76–78, 83; Херрман Й. Славяне... С. 62; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 28; Перхавко В.Б. Первые... С. 71–80; *его же*. Этнические... С. 206; Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Указ. соч. С. 386; Назаренко А.В. Германия. С. 180; *его же*. Западный... С. 289; Перхавко В.Б., Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 666.
- ³²⁵ Розсдаль Э. Указ. соч. С. 106, 246; ДРЗИ. Т. III. С. 30, коммент. 45.
- ³²⁶ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 130, 352–353; Буайе Р. Указ. соч. С. 132.
- ³²⁷ Нунан Т.С. Зачем... С. 53, 56.
- ³²⁸ Лебедев Г.С. Этюд... С. 287.

- ³²⁹ Дрбоглав Д.А. Указ. соч. С. 17.
- ³³⁰ Арциховский А.В. Оружие. С. 424; *его же*. Археологические... С. 37; Авдусин Д.А. Археология СССР. С. 235; Кирпичников А.Н. Вооружение... С. 168–169; Томсинский С.В. Угличе... С. 150; Клейн Л.С. Спор... С. 229; Плавинский Н.А. Ланцетовидные... С. 399–410.
- ³³¹ Медведев А.Ф. Указ. соч. С. 73; Лопатин Н.В. Изборск. С. 133.
- ³³² Авдусин Д.А. Раскопки... С. 79–80; *его же*. Неонорманистские... С. 116–117.
- ³³³ Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 109–110, 114–115.
- ³³⁴ Там же. С. 119, прим. 89.
- ³³⁵ Мельникова Е.А. Древнерусские... С. 67–68; Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 313.
- ³³⁶ Викинги. С. 69–70.
- ³³⁷ Медынцева А.А. Письменность... С. 14–16; *её же*. Надписи... С. 187–188; *её же*. Грамотность... С. 21–31; *её же*. Писал... С. 152; Франклин С. Письменность... С. 141.
- ³³⁸ Нефёдов В.С. Археологический... С. 66.
- ³³⁹ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 246.
- ³⁴⁰ Толочко П.П. Спорные... С. 118.
- ³⁴¹ Корзухина Г.Ф. О некоторых... С. 130–131; Петрухин В.Я. Об особенностях... С. 181; Стальсберг А. Женские... С. 75; *её же*. О скандинавских... С. 286; Янссон И. Контакты... С. 124–126; *его же*. Русь... С. 25–27; Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты... С. 197–198; Жарнов Ю.Э. Женские... С. 219; Седых В.Н. Северная... С. 86.
- ³⁴² Толочко П.П. Спорные... С. 118; *его же*. Древний... С. 95, 103; *его же*. Ранняя... С. 42, 50–51; Зоценко В.Н. Скандинавские... С. 27–35, 52; Андросук Ф.А. Гнёздово... С. 133; *его же*. Скандинавские... С. 10, 33; Цукерман К. Два... С. 65–66; *его же*. Перестройка... С. 348–349; Комар А.В. К дискуссии... С. 132; *его же*. Киев... С. 303, 316, 318, 323; Urbanczyk P. Op. cit. С. 231; Щавелёв А.С. К датировке... С. 535; Щавелёв А.С., Фетисов А.А. Указ. соч. С. 314.
- ³⁴³ Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 161, прим. 277; Пайнс Р. Указ. соч. С. 47; Викинги. С. 70; Джонс Г. Указ. соч. С. 105, 246–247; Мельникова Е.А. Варяжская. С. 32; *её же*. Варяги (2014). С. 102.
- ³⁴⁴ Толочко П.П. Спорные... С. 114, 118–119; Викинги. С. 70.
- ³⁴⁵ Щавелёв А.С. Русь... С. 112; Щавелёв А.С., Фетисов А.А. Указ. соч. С. 306–307, 313.
- ³⁴⁶ Янин В.Л. Очарование... С. 6; Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л. Указ. соч. (2013). С. 496; *то же* (2014). С. 19.
- ³⁴⁷ Петрова Л.И., Зайцева Л.В., Казаков В.Н. Указ. соч. С. 231.
- ³⁴⁸ Рыбина Е.А. Новгород... С. 328; *её же*. Не лыком... С. 138.
- ³⁴⁹ Седова М.В. Указ. соч. С. 180–181.
- ³⁵⁰ Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В. Указ. соч. С. 68, 70, 76.
- ³⁵¹ Мельникова Е.А. Новгород... С. 130; Янин В.Л. Древнее... С. 52; Джаксон Т.Н. AUSTR... С. 97, прим. 22.
- ³⁵² Джонс Г. Указ. соч. С. 246–247, 255; Скрынников Р.Г. Древняя... С. 7.
- ³⁵³ Мельникова Е.А. Новгород... С. 129; Молчанов А.А. Новгород... С. 54; ДРЗИ. 1999. С. 543, 554.
- ³⁵⁴ Клейн Л.С. Спор... С. 229; Носов Е.Н. Новгородская... С. 104.
- ³⁵⁵ Щеглов Д. Первые... С. 222; Ловмянский Х. Русь... С. 97–98, 101; Арбман Х. Указ. соч. С. 106, 137–142; Соьер П. Указ. соч. С. 224, 231–237; Джонс Г. Указ. соч. С. 221, 230–232, 235–236; Мельникова Е.А. Древнерусские... С. 66; Викинги. С. 63, 90, 94, 100–101, 107–108; Янссон И. Русь... С. 21; Розсдаль Э. Указ. соч. С. 18–19; Симпсон Ж. Указ. соч. С. 34–39; Буайе Р. Указ. соч. С. 21, 144–145, 186–187; Бодуан П. Указ. соч. С. 226, 228; Жобер А.Н. Указ. соч. С. 243–244, 247, 252; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 95–97, 102, 137, 140–141, 153–159, 275.
- ³⁵⁶ Арбман Х. Указ. соч. С. 106, 113; Соьер П. Указ. соч. С. 233; Джонс Г. Указ. соч. С. 280; Янссон И., Тегнер Ё., Панова Т. Указ. соч. С. 9.
- ³⁵⁷ Кан А.С. Швеция... С. 42; Мельникова Е.А. Возникновение... С. 98; *её же*. Норманны... С. 36.
- ³⁵⁸ Клёсов А.А. Происхождение... С. 368–369; *его же*. Практическая... С. 302–305; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 208–246.
- ³⁵⁹ ЛЛ. С. 22–23, 32, 118–119; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 16, 23; Бурачков П. Указ. соч. С. 259.

- ³⁶⁰ Полевой Н.А. История... Т. 1. С. 65–66, 92, 188; *Погодин М.П.* Норманский... С. 4; *его же.* Древняя... Т. I. С. 9, 88, 108; т. II. С. 516; *его же.* Г. Гедеонов... С. 186; *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 97; *Рожницкий С.* Указ. соч. С. 62; *Джонс Г.* Указ. соч. С. 266; *Шаскольский И.П.* Русско... С. 156.
- ³⁶¹ *Бурачёк С.А.* Указ. соч. С. 108; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 370.
- ³⁶² *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога... С. 63; *их же.* Старая Ладога. С. 16, 57.
- ³⁶³ *Клёсов А.А., Грот Л.П.* Указ. соч. С. 315.
- ³⁶⁴ *Михайлова Т.А.* Указ. соч. С. 53–66, 73.
- ³⁶⁵ *Мельникова Е.А.* Древнерусские... С. 66; *её же.* К типологии контактных... С. 25; *её же.* Возникновение... С. 96, 98–99; *её же.* Норманны... С. 34; *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 320.
- ³⁶⁶ *Срезневский И.И.* Мысли... С. 130–131, 154; *Сыромятников С.Н.* Указ. соч. С. 132–133; *Мошин В.А.* Начало... С. 43.
- ³⁶⁷ *Томсен В.* Указ. соч. С. 73, прим. 73; *Stender-Petersen A.* Varangica. P. 255.
- ³⁶⁸ *Мельникова Е.А.* Древнерусские... С. 66.
- ³⁶⁹ *Андерссон И.* Указ. соч. С. 75, 86, 89, 116–117, 166; *Стеблин-Каменский М.И.* История... С. 52–53; *Всемирная история.* С. 692; *История Швеции.* С. 104, 107–108, 602–603; *Сванидзе А.А.* К исследованию... С. 220–225; *Ковалевский С.Д.* Образование... С. 47–48, 62–63, 65; *Кан А.С.* История... С. 44; *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденберг С.* Указ. соч. С. 60.
- ³⁷⁰ *Всемирная история.* С. 433; *Семёнов В.Ф.* Указ. соч. С. 255–257, 309; *Мельников Г.П.* Этническое самосознание... С. 212–213; *его же.* Немцы... С. 243–245; *Исаевич Я.Д.* Указ. соч. С. 263, 269; *Нещименко Г.П.* Указ. соч. С. 220–221, 225–226; *Флоря Б.Н.* Этническое... С. 188–189, 192–195, 437–439; *Краткая история Чехословакии.* С. 24, 27–29, 39, 42–43; *Краткая история Польши.* С. 14–18.
- ³⁷¹ СПФА РАН. Ф. 95. Оп. 4. Ед. хр. 62. Л. 418.
- ³⁷² См., напр.: *Пиккио Р.* Указ. соч. С. 28; *Stender-Petersen A.* Der älteste... S. 17; *Кёнигсбергер Г.* Указ. соч. С. 123.
- ³⁷³ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 93.
- ³⁷⁴ *Weinhold K.* Op. cit. S. 266–267; *Ивакин И.М.* Указ. соч. С. 53, прим. *; *Тихомиров М.Н.* Происхождение... С. 37; *Молчанов А.А.* Древнескандинавский... С. 45–46; *Успенский Ф.Б.* Единного... С. 143; *его же.* Скандинавы. С. 21–23; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор... С. 11, 13, 29; *Горский А.А.* Русь. С. 51–52; *его же.* В дыму... С. 184.
- ³⁷⁵ *Ивакин И.М.* Указ. соч. С. 54, прим. хх. Ср.: *Мельникова Е.А.* Источниковедческий... С. 91–92; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор... С. 63–68.
- ³⁷⁶ *Первольф И.И.* Германизация... С. 182, 215.
- ³⁷⁷ *Шлёцер А.Л.* Нестор. Ч. III. С. 475; *Виппер Р.Ю.* История средних... С. 188–189.
- ³⁷⁸ *Кайдашов И.* Указ. соч. С. V; *Полевой Н.А.* История... Т. 1. С. 93; *Погодин М.П.* Исследования... Т. 3. С. 138–139, 247, прим. 584; *Васильев А.* Указ. соч. С. 32.
- ³⁷⁹ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 84–85; *Никитский А.И.* Указ. соч. С. 26; *Ключевский В.О.* Русская... Т. I. С. 151; *Сугорский И.Н.* Указ. соч. С. 35–36; *Пархоменко В.А.* Начало... С. 26.
- ³⁸⁰ *Шмурло Е.Ф.* История... С. 36–37; *Браун Ф.А.* Варяги... С. 313–314, 316; *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 34; *Чёрных П.Я.* К вопросу... С. 63–64; *Лесной С.* Указ. соч. С. 358; *Stender-Petersen A.* Varangica. P. 246–248; *Откуда есть...* Кн. 2. С. 19.
- ³⁸¹ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Норманны... С. 55–57, 63; *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных... С. 24; *её же.* К типологии контактных... С. 26–27; *её же.* Возникновение... С. 91–92, 96–97; *её же.* Норманны... С. 24–29.
- ³⁸² *Литавин Г.Г.* Византия... С. 14; *Кан А.С.* И разных... С. 4; *его же.* Швеция... С. 38–39, 42; *Мурашёва В.В.* Была... С. 11; *её же.* Славяне... С. 37; *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога... С. 87; *их же.* Старая Ладога. С. 79; *Кирпичников А.Н.* Сказание... С. 52; *его же.* О начальном... С. 113; *его же.* Новые... С. 19; *Мачинский Д.А.* Русско... С. 13; *Носов Е.Н.* Первые... С. 61; *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Указ. соч. С. 25; *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 6; *Щавелёв С.П.* 1150. С. 15; *его же.* Дань... Кн. 1. С. 89.

- ³⁸³ Стальсберг А. Женские... С. 77; Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 50; Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 248; Буайе Р. Указ. соч. С. 13, 72; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 267.
- ³⁸⁴ Зимек Р. Указ. соч. С. 14–16, 23–25; Симпсон Ж. Указ. соч. С. 10–12, 16–17.
- ³⁸⁵ ДРЗИ. Т. III. С. 48; Фомин В.В. Скандинавомания... С. 243; *его же*. Кривые... С. 105–106; *его же*. Комментарии. С. 476, коммент. 9.
- ³⁸⁶ Джаксон Т.Н. Исландские... (1993). С. 246–247, прим. 64 на с. 69; *её же*. Исландские... (2000). С. 13.
- ³⁸⁷ Янссон И., Тегнер Ё., Панова Т. Указ. соч. С. 26.
- ³⁸⁸ Там же. С. 8.
- ³⁸⁹ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 291, 345, 383; Загоскин Н.П. История... С. 343; Рыдзевская Е.А. К варяжскому... № 8. С. 628, прим. 1.
- ³⁹⁰ Трубочёв О.Н. В поисках... С. 162.
- ³⁹¹ Шаскольский И.П. Вопрос... С. 128–129, 131.
- ³⁹² Славяне и Русь. С. 235.
- ³⁹³ Насонов А.Н. Русская... С. 39; Ловмянский Х. Русь... С. 182.
- ³⁹⁴ Прицак О.И. Указ. соч. С. 129; Милов Л.В. RUZZI... С. 97–99; Кирпичников А.Н. Великий... (2001). С. 19; *его же*. Великий... (2002). С. 62; *его же*. Великий... (2002). С. 44. Более подробно проблему происхождения и толкования имени «Русь» см.: Скрипкин И.Н. Указ. соч.
- ³⁹⁵ Кузьмин А.Г. Варяги... С. 53; *его же*. Хазарские... С. 243–244; *его же*. История... Кн. 1. С. 103, 120–121; *его же*. Начало... С. 211, 213, 318, 339, 347; Кудрякова Е.Б. Варяжская... С. 166; Рыбаков Б.А. Язычество... С. 453; Откуда есть... Кн. 2. С. 584; Славяне и Русь. С. 370; Хрестоматия... С. 142.
- ³⁹⁶ Томсен В. Указ. соч. С. 214, прим. 67; Петрухин В.Я. Варяги и хазары... С. 79; *его же*. Начало... С. 107–111, 141, 231–232; *его же*. Древняя Русь. С. 149, 252, 257–259, 261; *его же*. Мифы... С. 281, 403; *его же*. Русь... С. 195; *его же*. Русь в IX... С. 266–267, 366, 370; *его же*. Русь христианская. С. 325–326; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 294; Мачинский Д.А. Ладога / Aldeigja. С. 164; *его же*. Ладога... С. 26; Клейн Л.С. Воскрешение... С. 42, 136, 142–146, 173–174; *его же*. Спор... С. 172, 208, 219; Мусин А.Е. Скандинавское... С. 585.
- ³⁹⁷ Арбман Х. Указ. соч. С. 140, 208; Мельникова Е.А. Олгъ. С. 144.
- ³⁹⁸ Артемьев А.И. Указ. соч. С. 109; Иловайский Д.И. Разыскания... С. 194.
- ³⁹⁹ Кудрякова Е.Б. Варяжская... С. 166–167.
- ⁴⁰⁰ Полевой Н.А. История... Т. 1. С. 94; Шушарин В.П. Указ. соч. С. 45–46; Шаскольский И.П. Норманская... науке. С. 44.
- ⁴⁰¹ ЛЛ. С. 31.
- ⁴⁰² Лев Диакон. Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁰³ Насонов А.Н. Тматорокань... С. 98.
- ⁴⁰⁴ Жих М.И. Комментарии. С. 222; *его же*. Восточные... С. 245.
- ⁴⁰⁵ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 269.
- ⁴⁰⁶ Лев Диакон. Указ. соч. С. 79–80.
- ⁴⁰⁷ Клейн Л.С. Воскрешение... С. 141–142; Мельникова Е.А. Укрощение... С. 15, прим. 23.
- ⁴⁰⁸ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 79, 391, прим. 11.
- ⁴⁰⁹ Адам Бременский. Указ. соч. I, 37 (39).
- ⁴¹⁰ Левченко М.В. Указ. соч. С. 126.
- ⁴¹¹ Тиандер К.Ф. [Рец.] St. Rożniecki. С. 386; Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 122.
- ⁴¹² Фетисов А.А. Ритуальное... (2001). С. 113–119; то же (2002). С. 36–46; Стефанович П.С. Клятва... С. 398–399.
- ⁴¹³ Жих М.И. Комментарии. С. 216–217; *его же*. Восточные... С. 236–237.
- ⁴¹⁴ Ломоносов М.В. ПСС. Т. 9. С. 426–427; Эмин Ф. Указ. соч. С. 36–37; Общественная... С. 230.
- ⁴¹⁵ Куник А.А., Розен В.Р. Указ. соч. С. 87; Ключевский В.О. Русская... Т. I. С. 155; Нидерле Л. Указ. соч. С. 146, 198; Ильинский Г.А. Проблема... С. 432; Браун Ф.А. Варяги... С. 313, 316; Stender-Petersen A. Varangica. P. 21, 246; Фасмер М. Указ. соч. Т. I. С. 322–323; т. II. С. 266; Мельникова Е.А. Князь... С. 144–146; Свердлов М.Б. Князь. С. 402; Лавров А.С. Указ. соч. С. 99.

- ⁴¹⁶ Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 73; Роспонд С. Структура и классификация... С. 6; Опель-баум Е.В. Указ. соч. С. 233; Милов Л.В. RUZZI... С. 98; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 229.
- ⁴¹⁷ Клейн Л.С. Спор... С. 77.
- ⁴¹⁸ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 1. 8.2.5; Шапошников В.Н., Кузнецов Е.В. Указ. соч. С. 102, 106–108, 110, прим. 24.
- ⁴¹⁹ Петрухин В.Я. Начало... С. 197; *его же*. Русь в IX... С. 160; *его же*. Русь христианская... С. 462, прим. 1.
- ⁴²⁰ Петрухин В.Я. Легенда... (2008). С. 44; *его же*. Русь из Пруссии. С. 130; *его же*. Русь... С. 70, 235; *его же*. Кто... С. 29; *его же*. Русь... С. 203; Петрухин В.Я., Каменецкая Е.В. Указ. соч. С. 81.
- ⁴²¹ Фасмер М. Указ. соч. Т. I. С. 323; Кулаков В.И. Пруссы... С. 155; *его же*. Восточная... С. 57–58.
- ⁴²² Nordisk Familjebok. Bd. 13. Kol. 62; История Швеции. С. 105–107; Andersson H. Op. cit. S. 25, 29, 41–46, 50–51; Clarke X., Ambrosiani B. Op. cit. S. 48–50, 69–70, 104; Lindkvist T., Sjöberg M. Op. cit. S. 62–63.
- ⁴²³ Грот Л.П. Призвание варягов. С. 270–282; Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 483–487.
- ⁴²⁴ Грот Л.П. Как скандинавы... С. 6–15; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 357–366.
- ⁴²⁵ Кучкин В.А. Был... С. 195.
- ⁴²⁶ ЛЛ. С. 4, 18–19; Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 57, прим. 108.
- ⁴²⁷ История Швеции. С. 86; Чернер С. Указ. соч. С. 26–39, 43.
- ⁴²⁸ Буайе Р. Указ. соч. С. 51.
- ⁴²⁹ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 308, 320; ч. III. С. 252–253.
- ⁴³⁰ Погодин М.П. О происхождении... С. 119; *его же*. Исследования... Т. 2. С. 150–151.
- ⁴³¹ Глазырина Г.В. Правители... С. 144, прим. 4.

Глава 10

ЭТНОС И РОДИНА ВАРЯГОВ И ВАРЯЖСКОЙ РУСИ В СВЕТЕ ПОКАЗАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

10.1 Русь Причерноморская и Русь Прикаспийская: их судьбы в истории и в историографии

Ультранорманистский дух настолько пропитал нашу науку, что она сейчас пребывает в полном согласии со шведами О. Далиным, Ю. Тунманом и немцем А.Л. Шлёцером, утверждавшими в 1746, 1774 и в 1802 гг., что с приходом скандинавов «как бы новый мир воспринял в России своё начало, и в истории сего царства является новый свет», что «скандинавы... основали Русскую державу» и что «*русская история* начинается от пришествия Рурика и основания русскаго царства». Ярким примером отсчёта русской истории от «пришествия Рурика»-шведа явилось празднование на государственном уровне в 2012 г., с подачи норманистов, 1150-летия зарождения российской государственности (хотя в ПВЛ под 862 г. речь идёт о призвании восточнославянскими и угро-финскими племенами варягов и варяжской руси, связь которых со скандинавским миром не подкрепляет ни один источник). Как, например, озвучивал С.П. Карпов ветхозаветное в качестве нового, мы должны признать значение летописной даты призвания варягов во главе с конунгом Рюриком как веху становления державы, ибо она «отражает важнейшее для судеб Запада и Востока явление: основание государства у восточных славян, начало нового исторического бытия для племён Восточной Европы»¹.

Шведский взгляд на наше прошлое перечеркнул принципиально-важные наработки отечественных историков XVIII в., отстаивающих мысль о неразрывной связи русской истории до 862 г., т. е. до призвания варягов, и после призвания, тем самым беря во внимание органичное взаимодействие внутреннего и внешнего факторов, приведших к образованию Руси. В 1716 г. А.И. Манкиев первую книгу «Ядра российской истории», вышедшую в 1770 г., начал с разбо-

ра вопроса о происхождении русского народа и закончил её призыванием «трёх князей из вараг на владение». В.Н. Татищев в первом томе «Истории Российской», опубликованном в 1768 г., подробно рассмотрел историю народов, населявших Восточную Европу в древности, и лишь только 31 и 32 главы посвятил вопросу выяснения этнической природы варягов. М.В. Ломоносов первую часть «Древней Российской истории» (издана в 1766 г.), состоящей из десяти глав, полностью посвятил эпохе «О России прежде Рурика», обстоятельно изложив в ней свой взгляд на древности славян вообще и восточных в частности (т. е. угро-финских народов), процесс складывания русской народности на полиэтнической основе на «варягов вообще», «варягов-россов» и на призывание Рюрика «с братьями на княжение новгородское» (в предельно сжатом виде дорюрикову историю он представил и в «Кратком Российском летописце», вышедшем в 1760 г.). Причём Рюрика Ломоносов считал не основателем Русского государства, а основателем «самодержавства российского»², т. е. начало русской государственности он относил ко времени ранее 862 года.

В 1808–1814 гг. Г. Эверс высказал блестящую мысль, ставшую огромным достижением науки, что «русское государство при Ильмене озере образовалось и словом, и делом до Рюрикова единовластия, коим, однако же, Шлёцер начинает русскую историю... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». В 1811 г. Н. Брусилов, разделяя взгляд Шлёцера на этническую природу варягов-россов, вместе с тем категорически не принял его тезиса, что только с 862 г. начинается Русское государство, ибо оно существовало задолго до пришествия руссов. Антинорманист Е.И. Классен в 1854 г. отмечал, что до призвания варягов русский народ, богатый торговлей и промышленностью, был разделён на два главных государства (кроме нескольких малых) — на южное, или Киевское, и северное, или Новгородское. В 1886 г. норманист М.Ф. Владимирский-Буданов специально подчеркнул, что **«князья-варяги застали везде готовый государственный строй»**.

Затем, в 1899 г., также норманист С.Ф. Платонов констатировал, что в настоящее время может считаться решённым вопрос, *«что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян»*. В 1908 г. и другой норманист С.А. Корф решительно выступил против устойчивого мнения о принесении государственности к славянам варягами-норманнами, т. к. она не «может быть кем-то принесена!... Государственность не есть какая-либо отвлечённая идея, которую можно было бы маленькой кучке пришельцев принести с собой и привить огромному народу, десяткам племён; она выросла среди самих славян-руси, благодаря росту и развитию их общественной жизни». В целом, по заключению учёного, варяжские князья-конунги явились тогда, «когда государственность волости уже вполне определилась, когда во главе её стоял полноправный и неограниченный орган, народное вече, и сама волость представляла собой законченную общественную единицу, самостоятельную в государственном смысле». Вследствие чего князь мог первоначально занять только место придатка к государству-волости, «придаточного её органа»³ (к сожалению, «советские антинорманисты» в своей борьбе с норманизмом приведённым наблюдениям во многом придали абсурдно-вульгарное звучание).

Стремление современных норманистов, откатившихся на позиции ультра-норманизма позапрошлого столетия, свести начало русской государственности и первые шаги Руси на исторической арене ко времени призвания Рюрика, «записанного» ими в скандинавы, есть принципиальная ошибка, дающая абсолютно ложное понимание как вызреванию этой государственности, так и последующего её развития. Точно такой же ошибкой является их нежелание видеть проблему, суть которой заключается в том, что, как заметил в 1922 г. В.А. Пархоменко, «нужно пытаться искать разгадок древней Руси не только в судьбах городов — Киева и Новгорода — и не только в истории т. н. Рюрикова дома. До-киевская и вне-киевская Русь IX–XI вв. — вот, думается, главная тема для новых изысканий по древнерусской истории»⁴ (с этим мудрым советом в определённой мере созвучно сказанное А.И. Соболевским в письме Н.К. Никольскому по поводу его работы, посвящённой «русским письменам»: «...Горе в том, что слова *русьскъ* и *Русь* в течение всего домонгольского периода в разных местах Европы имели разные значения»⁵).

И как минимум две такие Руси, предшествовавшие Древнерусскому государству и, несомненно, связанные с ним, локализуют разные по своей природе источники в южных пределах Восточной Европы — в Причерноморье и в Прикаспии. Так, применительно к событиям IV в. готский историк VI в. Иордан ведёт речь о причерноморском племени «росомонов» («народ рос»/«люди рос»), которое подчинил король готов Германарих и два представителя которого — Сар и Аммий — ранили его мечом, что послужило одной из причин смерти короля. Росомонов чаще сближают, констатировал в 1970–2003 гг. А.Г. Кузьмин, с роксоланами, тем самым признавая их ираноязычными (их отождествляли, стоит напомнить, М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер). А звучащее в науке мнение о германоязычии росомонов, подчёркивал историк, принять нельзя, т. к. их имена — Сунильда, Сар, Аммий — не являются германскими. Резюмируя, что судьба росомонов Причерноморья остаётся неясной, Кузьмин предположил, что они там и остались и «что именно их имел в виду, описывая народ Рос на северном побережье Чёрного моря, сирийский автор VI в.». В 2003 г. В.В. Эрлихман отметил, что имя «росомонов» «убедительно истолковано из норм осетинского языка как “русские (или “благородные”) мужи”. Иранские корни имеют и имена вождей росомонов — Сар и Аммий» (иранисты В.И. Абаев и А.Н. Карсанов объясняют их из сармато-аланских языков: *sar* — «глава», *ama* — «могучий») ⁶.

Сирийский автор VI в. Захарий Ритор (Псевдо-Захарий) под 555 г. называет народ «рус» (*hros*), помещая его к северу от Кавказа⁷. В 1903 г. немецкий востоковед Й. Маркварт под ним разумел герулов, имя которых — *hros* — было приложено к шведским викингам, когда они явились в Приазовье (связь реального *hros* с «местными германцами» отверг О.Н. Трубачёв)⁸. Спустя более тридцати лет, в 1939 г., историк А.П. Дьяконов, говоря о полнейшей реальности существования народа *hros*, жившего, по его мнению, на северо-западе от Дона, подчеркнул, что это показание необходимо учесть в изучении «сложного вопроса о происхождении “Руси”», который запутывается норманистами. Вместе с тем он пояснил, что «имя “росиев” или “русиев” (*russaye*), которым позднейшие сирийцы XII–XIII вв. называли “русских”», было известно сирийцам не

только в VI в., но ещё в IV в., и в качестве примера указал на автора IV в. Ефрема Сирина, в толковании на книгу «Бытия» упомянувшего «росиев».

В 1952 г. востоковед Н.В. Пигулевская пришла к выводу, что имя «рус» (hros) попало в «Церковную историю» Псевдо-Захария из армянской традиции. В 1953 г. Б.Д. Греков отмечал, что корень «рус», «рос» связан с роксоланами, с росомонами и с народом «рос» сирийского источника VI века. В 1957 г. польский историк Х. Ловмянский увидел в известии Ритора первое подлинное упоминание о руси, не вызывающее «оговорок», и посчитал, что термин «русь» мог попасть к грекам от одного из иранских народов до IV века. По мнению археолога М.И. Артамонова, высказанному в 1962 г., «росы» Ритора — это или росомоны, или роксоланы, проживавшие «в лесостепной полосе среднего течения Днепра» и разгромленные в VII в. хазарами (славяне, заселившие их земли, унаследовали имя «Русь»). Востоковед Л.А. Лелеков в 1978 г. заключил, что именно Салтовское Подонье в VII–VIII вв., «по арабским источникам, особенно богатым деталями, называлось Русью» (причём погребальные обычаи руси точно отвечают арабским описаниям салтовских гробниц-катакомб). Поэтому новейшие исследования позволяют утверждать, что «“русь” арабских текстов — это потомки сарматских племён Подонья и Предкавказья»⁹.

В 1982 г. Б.А. Рыбаков, соотнося известие Захария Ритора о народе «рос» с археологическим материалом, резюмировал, что географически его область «должна соответствовать юго-восточной окраине антских племён, где древние венеты со времён Тацита смешивались с сарматами». Тремя годами позже археолог М.Ю. Брайчевский связал с «росами» Ритора (в сообщении которого «справедливо видят первое упоминание этнонима “Русь”-“Рос” в его чистом виде») население Приазовья, принадлежавшее, «скорее всего, к сармато-аланскому этническому массиву». О.Н. Трубачёв подчёркивал в 1990-х гг., что информация Ритора о народе «рос» на Дону, в западной половине Предкавказья «имеет под собой довольно реальную почву», а в 2003 г. А.Г. Кузьмин предположил, что сирийский автор говорит о росомонах северного побережья Чёрного моря. Арменизированная форма hros «сирийского источника, — подытоживал в 2006 г. лингвист К.А. Максимович, — служит важным доводом в пользу того, что данный этноним действительно относился к народу, жившему в Предкавказье или в северном Причерноморье»¹⁰.

В науке имеется и противоположная точка зрения. Так, Л. Нидерле внушал, что на росомонов Иордана и на Захария Ритора «нельзя ссылаться». Археолог В.Я. Петрухин с 1985 г. уверяет, по причине непреодолимости свидетельства Ритора для норманской версии, о его легендарности, говорит, что оно представляет собой мифологизированное «описание народов-монстров на краю ойкумены», возникшее «под влиянием эсхатологической легенды о Гоге и Магоге, широко известной в византийской литературе» (еврейский титул наси рош — «верховный глава» — Иезекииля в неточном переводе Септуагинты был представлен как «архонт Рос», в связи с чем получалось, что его пророчество «относится к предводителю варварских народов севера — “Гогу, в земле Магог, архонту Роса, Мосоха и Тобела”»)¹¹. Мнение и «доводы» Петрухина подхватили и активно тиражируют другие «взвешенные» и «объективные»: византи-

нист М.В. Бибиков, востоковед И.Г. Коновалова, лингвист Р.А. Агеева, историк Е.В. Пчелов, археолог Е.А. Шинаков¹².

Однако ещё А.П. Дьяконов, словно предвидя такие спекуляции вокруг Hros Ритора, заострил внимание на очевидном: «Собственные имена народов обычно не создаются фантазией даже в легендах, а, скорее, являются реальной точкой отправления для создания легенд». В 2002 г. В.В. Седов, отмечая «догадку» коллеги Петрухина, констатировал: «Написание этнонима Hros/Hrus в произведении Псевдо-Захарии исключает восприятие имени Рош из греческого источника. Н.В. Пигулевская отмечала, что написание не соответствует византийской (и сирийской) транслитерации. Оно явно привнесено из Кавказского региона возвратившимися из плена информаторами» (и Петрухин ошибается, «полагая, что в других источниках по истории Восточной Европы того времени народ рус/рос неизвестен», а известия о них, читаемые у восточных авторов ат-Табари, ас-Са‘алиби, Захир ад-дин Мар‘аши, без какой-либо аргументации считает недостоверными, потому как видит в руссах исключительно варягов-скандинавов). Как в целом резюмировал Седов, арабские авторы «прямо говорят, что русы — ветвь славян и географически связаны с волго-донским регионом!», и считал, что их история восходит, по крайней мере, к VI веку. В 2006 г. К.А. Максимович сказал, что к проблеме исторической реальности народа Hros Ритора совершенно не имеет отношение их внешнее описание и что «сообщение сирийского источника не стоит особняком в исторической традиции», поскольку о русах применительно к VI–VII вв. ведут речь ат-Табари, ас-Са‘алиби и Захир ад-дин Мар‘аши. В 2018 и 2020 гг. М.И. Жих подчеркнул, что «никаких библейских реминисценций ни сообщение о “народе рус”, ни его контекст не содержат, а приписывать реальным народам разные легендарные черты — норма для античной и средневековой историографии»¹³.

Мухаммад Бал‘ами в 963 г. составил на персидском языке сокращённую обработку многотомной «Истории пророков и царей» ат-Табари (838–923), доведённой до 912–913 годов. И в ней, в связи с событиями 643 г., от имени правителя Дербента Шахриара сказано при обращении к предводителю арабского войска Абдуррахману, подошедшему к городу: «Я нахожусь между двумя врагами, один — хазаре, а другой — русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того чтоб мы платили дань, будем воевать с русами и собственным оружием и будем их удерживать, чтоб они не вышли из своей страны. Считайте это нам данью и податью, чтоб мы ежегодно это давали». Такое предложение было принято арабами (руссы затем упомянуты ещё один раз в качестве тех, кто проникал, несмотря на все заслоны, в горные районы. «Хазары и русы, — констатирует И.Г. Коновалова, — как непримиримые враги Ширвана фигурируют также в одах ширванского поэта XII в. Хакани», который, по её мнению, «вдохновлялся какими-то более ранними источниками». И в поэме Низами Гянджеви «Искандер-наме» хазары и русы, добавляет учёный, действуют как союзники)¹⁴.

А.П. Новосельцев в 1965 г. высказал мнение, что Бал‘ами приведённое свидетельство взял из несохранившейся полной редакции ат-Табари. Отмечая, что применительно к VI в. речь о руссах ведут арабский историк начала XI в. ас-

Са'алиби и персидский историк второй половины XV в. Захир ад-дин Мар'ши (первый в рассказе о постройке Дербентской стены среди враждебных персам северных народов называет наряду с турками и хазарами русов, а второй помещает их где-то в районе Северного Кавказа), исследователь пришёл к выводу, что «очевидно, в основе сообщения ас-Са'алиби лежат реальные факты». В конечном итоге он резюмировал: «Возможно, что в рассказе о русах речь идёт о каком-то народе аланской (иранской) группы, который связан и со славянами, известными в то время в Закавказье и Иране, и который вместе с гуннами, болгарами и хазарами тревожил во второй половине VI в. северо-западные границы Сасанидской державы» (он также констатировал, что норманисты «безоговорочно объявили сообщение о русах подложным») ¹⁵.

В 1870 г. А.Я. Гаркави, не берясь определить этнос руси ат-Табари, локализовал её «к западу от хазар около Чёрного моря». Вместе с тем он привёл цитату из «Истории Табаристана, Руйана и Мазандерана» персидского историка Захира ад-дина Мар'аши, где русы также упоминаются в соседстве с хазарами: в VI в. один из кавказских владетелей Фаруз наследовал своему отцу Нарси «и во всех владениях русов, хазар и славян». О нахождении русов рядом с хазарами ведут речь европейский «Баварский географ» IX в. (по А.В. Назаренко, вероятнее всего, второй половины этого столетия): «Кациры... Руссы», и персидское «Собрание историй», составленное в 1126 г. и содержащее этногенетические легенды о народах Восточной Европы («Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое пришлось бы ему по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашёл место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался»).

Ибн Са'ид ал-Магриби (1214–1274/86) информирует, что в Азовском море «есть острова, населённые русами, и [поэтому] его также называют морем русов». Ад-Димашки (1256–1327) также говорит, что у русов в Азовском море имеются «острова, которые они населяют, и боевые корабли». На связь русов с Закавказьем и Прикаспием указывает иудейский хронограф «Книга Иосиппон» середины X в.: «руссы живут по реке Кира (Кура; на таком чтении настаивали Ф.Ф. Вестберг, А.В. Флоровский. — В.Ф.), впадающей в море Гурган (Каспийское. — В.Ф.)». Локализует русов в районе Северного Кавказа и персидская хроника «Письмовник», где Георгий Лаша именуется «царём царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». Е.С. Галкина, приведя большое число восточных источников VI–XII вв., в которых русы располагаются рядом с хазарами, аланами, абхазами, подвела черту, что «представление о русах как о ближайших соседях северокавказских народов сохранялось на Востоке весьма долго» ¹⁶.

О давней привязке имени «Русь» к кавказскому региону, в связи с чем оно глубоко вошло в память живущих там народов, свидетельствует тот факт, что в поэме «Искендер-наме», написанной около 1203 г., великий поэт Востока Низами Гянджеви много места отвёл борьбе Александра Македонского, перенесённого во вторую половину I тыс. н.э., с русами, живущими по соседству с абхазами и выступившими против него под руководством «русского князя» и в союзе с буртасами, аланами и хазарами (знаменитому полководцу с огром-

ным трудом, после тяжёлых семикратных боёв, удалось победить «воинственных», «стойких», «смелых» и «мощных» русов). Поэма Низами, подытоживал в 1835 г. востоковед В.В. Григорьев, «несмотря на множество вымыслов, заключает много исторического», и что, исходя из её показаний, русы пришли из земли алан. По мнению французского историка К. Цукермана, изложенному в 1996 г., особого доверия «Искендер-наме» «не заслуживает, но какую-то местную устную традицию отражать может»¹⁷.

В 1947 г. востоковед С.П. Толстов, отмечая, что среди обширных источников Низами «были и такие, которые до нас не дошли», заострял внимание на том, что он «настойчиво... отождествляет русов с аланами и какими-то загадочными “арками”» (имя которых выступает как синоним именам «русы» и «аланы»). Для объяснения этого факта учёный предположил, что русов Низами поставил «на место народа, упомянутого в одном из ранних источников о походах Александра и носившего имя, звучащее близко к имени Рус». А именно аорсов, или аланов (в эпоху, близкую к Александру Македонскому, живших на запад от Аральского и на север от Каспийского морей, по нижней Волге, и далее на запад), в несколько более поздний период имевших «своим западным соседом и несомненным сородичем другой народ, который носит имя, соединяющее в себе оба имени: аорсов и аланов. Это роксоланы».

Толстов, идя в русле гипотезы М.В. Ломоносова и Д.И. Иловайского о роксолановском происхождении имени «Русь» и подкрепляя её целым рядом внушительных фактов (но поясняя, «что для нас роксоланы — не славяне, но одни из предков славян... одни из участников того большого культурного и политического строительства, которое завершилось созданием Киевского государства и всей последующей истории нашего народа»), констатировал: имя «русы» широко запечатлено в топонимике Средней Азии в форме рос, рокс, рас, ракс, ракш, рокш, рош, руш, аорс, аракс, арси, в названии Аму-Дарьи (Аракса Геродота), р. Арыси, в названии древней страны Усрушана (Us-Ruś + an), нескольких областей, носящих имя Рушан, в имени народа арси т. н. «тохарских документов» и в целом ряде других названий, в названии Волги, «имя которой Raha — Rahva — Ros... имело параллельный вариант — Аракс», закавказского Аракса («Три Аракса Каспийского бассейна — это три памятника наших древних предков, носителей того же имени, которое носим мы»), а «тюркская форма “урус” является закономерной разновидностью восточно-аланской — аорс».

Подчёркивая, «что нет никаких оснований гиперкритически отбрасывать из круга древних связей интересующего нас этнонима древнейшее свидетельство, сохранённое нам Библией, о народе рош, вторгнувшемся в VIII в. до н.э. среди других северных племён из понтокаспийских стран в Переднюю Азию», исследователь резюмировал: продуктом «многовекового скрещивания в последние столетия» до н.э. киммерийских, массагетских и скифских племён «становятся сармато-аланские племена, которых Аммиан Марцеллин, опираясь на местную традицию, считает прямыми потомками массагетов», что «древний киммерийско-массагетский этноним р о с, р о к с становится одним из основных этнонимов сармато-аланских племён», что с сармато-аланской средой, несомненно, связаны Хорс и Симаргл пантеона Владимира, что «в русском былинном эпо-

се мы находим мощные пласты, восходящие к тем же сармато-аланским традициям», и что «нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывается ни на один век»: у Иордана при описании событий IV в. встречается народ росомонов, непосредственно ассоциирующийся с роксоланами, в VI в. Захарий Ритор впервые упоминает народ «рос», «у Табари-Балами мы встречаемся уже с “русскими” на Северном Кавказе в непосредственном соседстве с хазарами при описании арабо-хазарских столкновений VII в.»¹⁸ (на теснейшую связь аланов и руси, стоит добавить, указывает и Ибн Хальдун, умерший в 1406 г., информируя, что Джека, старший сын Ногая, в 1300/1301 г. «отправился в страну аланов и русских»¹⁹).

Большой объём информации о русах связан с Чёрным морем. Так, ряд восточных авторов — ал-Мас‘уди (а он лично плыл по этому морю, по пути расспрашивая, как сам поясняет, купцов и судовладельцев), ал-Идриси и ад-Димашки — называют это море «Русским», а под «Русской рекой» подразумевают Дон с Северским Донцом. Как свидетельствует ал-Мас‘уди (ум. 956), море Понт «есть Русское море; никто, кроме них (русов), не плавает по нём, и они живут на одном из его берегов. Они образуют великий народ, не покоряющийся ни царю, ни закону.... Русы составляют многие народы, разделяющиеся на разрозненные племена». В 1154 г. ал-Идриси сообщает о русах, прилегавших к Причерноморью²⁰. «Русским морем» именуют Чёрное море два французских памятника XII–XIII вв., еврейский XII в., три немецких XII в. (Эккхард Аурский, Гельмольд, Саксон Анналист). Но точно так его называет, что примечательно, и наша ПВЛ: «А Днепр втечет в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское». По оценке А.Г. Кузьмина, «поистине международное признание Чёрного моря “русским” — важное свидетельство в пользу существования Причерноморской Руси»²¹.

В пользу бытия Причерноморской Руси, существовавшей задолго до призвания варягов в 862 г. и занимавшей Восточный Крым (Таврику) и Таманский полуостров, имеются и другие важные свидетельства. В византийском «Житии святого Стефана Сурожского» (ум. 787), составленном в первой половине IX в. (дошло в русском переводе не ранее начала XV в.), речь идёт о нападении в конце VIII или самом начале IX в. на Сурож (русское название Сугдеи, нынешнего Судака) «рати великой русской» во главе с князем Бравлином, до того пленившего «от Корсуня до Корчева» (от Херсонеса до Керчи) и затем крестившегося, по повелению святого, чья гробница была разграблена, со всеми своими боярами (в армянской версии жития XIII в. народ, напавший на крымские города, находившиеся, вероятно, под совместным протекторатом Византии и Хазарии, не назван и лишь именуется «злым и безбожным», а во главе его стоял некий Пролис).

В факте нападения на Сурож русского князя Бравлина и его крещения не сомневаются многие учёные, например, С.М. Соловьёв, Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский, Н.Т. Беляев, Г.В. Вернадский, А.В. Карташёв, А.Н. Сахаров, В.В. Седов, Г.Г. Литаврин (с Васильевским в настоящее время солидаризируются крупные зарубежные специалисты: Л. Мюлер, Дж. Хакслей и др.), П.В. Кузенков, Е.С. Галкина. И датируют они это событие рамками 790 — началом второй четверти

IX века. Но иначе рассуждают активные сторонники норманской версии и её несоответствие историческим фактам снимают тем, что (а так когда-то поступали А.А. Васильев, А. Грегуар, П. Оргельс и др.) просто отрицают эти факты. Так, Е.В. Пчелов уверяет, что известие о русах в «Житии Стефана Сурожского» «носит откровенно легендарный характер», а А.В. Назаренко выносит памятник «за скобки... ввиду источниковедческой шаткости его известия» (ценность его как исторического источника оспаривал и норвежец Х. Станг).

В «Житии святого Георгия Амастридского» (ум. между 804 и 811), написанном, как установил Васильевский (его выводы в 1948 и 1977 гг. подкрепили — исторически и текстологически — Е.Э. Липшиц и И. Шевченко), современником святого Игнатием Диаконом до 842 г., рассказывается о мощном ударе росов по коренным землям Византии южного побережья Чёрного моря, которое началось с разорения Пропонтиды (Босфора, следовательно, недалеко от Константинополя) и закончилось взятием располагавшейся в Пафлагонии Амастриды, одного из важнейших стратегических пунктов и торговых центров империи (Амастриду Никита Давид Пафлагон в начале X в. характеризовал как «око Пафлагонии, а лучше сказать — почти всей вселенной!», куда «стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары»).

Повествуя о катастрофе, постигшей тогда Византию, житие фиксирует, применительно к первой половине IX в., широкую известность руси на берегах Чёрного моря: «Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия» (по Е.Е. Голубинскому, А.В. Карташёву, Е.С. Галкиной, А.Г. Кузьмину и К.А. Максимовичу, росы здесь выступают как жители Крыма, на что прямо указывают слова самого жития: у них сохраняет силу «древнее таврическое избиение иностранцев». Причём Кузьмин не исключает, что «остатки тавров действительно смешались с русами, передав им что-то из своих традиций», и что «русы в этом памятнике рассматриваются как прямые наследники тавров». П.В. Кузенков же, напротив, убеждён в том, что в приведённом свидетельстве жития нет никакой необходимости усматривать «указание на непосредственно крымское или иное причерноморское обитание руси»).

В.Г. Васильевский, датируя амастридский поход временем около 842 г., отметил, что «имя Руси уже в это время не только было известным, но и общераспространённым, по крайней мере, на южном побережье Чёрного моря». Г.В. Вернадский полагал, что поход мог состояться в 840 году. В.В. Мавродин, относя написание жития Георгия ко времени не позже 840-х гг. (а житие Стефана к началу столетия), заключил, что русских в IX в. хорошо знали в Византии «и знали не как норманнов». Г. Ловмянский в целом вёл речь о том, «что русские отряды достигали берега Малой Азии до 842 г.». А.Н. Сахаров поход и последующие затем переговоры между русью и византийцами относил к промежутку между началом 830-х гг. и 838 – 839 гг., когда русские послы прибыли вначале в Византию, а затем в Ингельгейм, где предстали перед франкским императором Людовиком I Благочестивым. О реальной основе этого жития (как и жития Стефана Сурожского) рассуждал в 1988 г. О.М. Рапов.

О.И. Прицак датировал нападение на Амастриду 807–820 гг., а написание жития — 820 годом. Х. Станг, считая, что «Житие святого Георгия Амастридского» является подлинным свидетельством о первичной Руси, утверждал, что нападение на Амастриду произошло, вероятнее всего, в начале 840-х гг. (и имело исходным районом побережье Испании). По В.В. Седову, нападение росов на Амастриду могло состояться около 840 г., по Г.Г. Литаврину, и в 809–814, и в 820–825, и в 837–839 гг., когда Византия вела напряжённые войны, а её вооружённые силы находились далеко от столицы, по К. Цукерману, в начале 830-х гг., по Е.С. Галкиной, между 806 и 830-ми годами. П.В. Кузенков, исходя из того, что нашествие росов/руси охватило южночерноморское побережье протяжённостью порядка 300 км, делает вывод о масштабной и продолжительной экспедиции, а не о случайном набеге пиратской шайки, и считает, что она имела место между 815 и 843 годами. При этом он подчёркивает, несмотря на свой норманизм: «нет необходимости делать вывод о том, что россы отождествлялись со скандинавами». В 2012 г. А.А. Горский заключил, исходя из показаний жития, «что минимум за два десятилетия до прихода Рюрика русь уже присутствовала на юге Восточной Европы».

Однако Е.В. Пчелов и в данном случае непреклонен: «Однозначно признать реальность нападения русов на Амастриду в 820–830-х годах не кажется возможным». Предшествующие ему «скептики» — А.А. Куник, А. Грегуар, А. Маркопулос, М. Нистазопуло, П. Шрайнер, Ф. Тиннефельд и др. — известие жития всё же не отвергали, но датировали его более поздним временем: либо 860, либо 941 гг., временем похода князя Игоря. В 2004 г. М.В. Бибилов узрел в этом памятнике «контаминацию значения *рос* как скандинавского самоназвания с библейским *Рош*» пророка Иезекииля²² (в 1986 г. у него было иное мнение: «... Самые ранние византийские упоминания “росов” (IX в.: житие Георгия Амастридского, леммы двух гомилий, “Энциклика” и “Амфилохии” патриарха Фотия) не дают оснований для их сближения со скандинавами»²³).

Учёные давно связывают поход русов на Амастриду с сообщением Бертинских анналов о прибытии в 839 г. к франкскому императору Людовику I Благочестивому послов византийского императора Феофила, с которыми были люди, утверждавшие, «что они, то есть народ их, называется Рос» и что они были направлены их «королём», именуемым «хаканом», к Феофилу «ради дружбы» (титул «хакан» указывает, заострял также внимание Г.В. Вернадский, «на соседство хазар». П.В. Кузенков на основе показаний Бертинских анналов пришёл к выводу, что росы «уже были весьма влиятельной силой в середине IX в., и император Феофил имел все основания стремиться к заключению с ними стратегического союза»). А поиску этой дружбы предшествовало нападение русов на Амастриду близко к 839 г., как можно полагать, в 836–838 гг. (А.В. Назаренко прибытие послов в Константинополь датировал около 836/838 г., при этом указывая, что «именно из греческого текста происходит и уникальная для латинской традиции форма этнонима *Rhos*, которая... явно представляет собой транслитерацию обычной для греческого формы *Ρῶς*»²⁴).

Но особое внимание исследователей, приверженцев разных точек зрения на начало Руси, привлекают две речи-беседы (гомилии) константинопольского

патриарха Фотия (занимал патриарший престол дважды: в 858–867 и 877–886), которые посвящены страшным событиям июня 860 г., когда столица могущественной империи чуть не была взята русами (так они именуются в заглавии, в тексте речь идёт о «скифах»). Как полагает ряд специалистов, гомилии были произнесены 23 и 25 июня (или в начале июля), т. е. в ходе или тотчас после «страшной грозы гиперборейской» (время осады в науке определяется по-разному: неделя и больше месяца). И в них повествуется о невероятно стремительном и внезапном нападении «пресловутых», т. е. широкоизвестных русов (но Е.В. Пчелов и тут уверяет, что до 860 г. византийцы русов «толком не знали») на Константинополь 18 июня и в котором на 200 судах участвовала очень большая, по меркам того времени, армия — порядка 8000 воинов²⁵ (по этим цифрам уже видно, что такое грандиозное военное предприятие было под силу только государственному образованию).

Нападение руси на столицу Византии (а оно произошло, а оба эти действия, несомненно, связаны между собой, в момент наступления арабов в Малой Азии) произвело на её жителей столь огромное впечатление («город едва... не был поднят на копьё», — прямо признаёт Фотий во второй речи, и своё спасение они приписали заступничеству самой Богородицы), что, акцентировал внимание в 1980 г. А.Н. Сахаров, «на протяжении почти пяти веков неизменно становилось сюжетом греческих хроник, переписки, религиозных песнопений, благодарственных слов, проповедей, официальных циркуляров, речей» (возможно, что в память об этом событии, которое никогда не должно повториться, в Константинополе на площади Тавра до апрельской катастрофы 1204 г., т. е. взятия столицы империи крестоносцами, стояла конная статуя, на постаменте которой находились барельефы, изображающие «последние дни Города перед разрушением его росами»).

В конечном итоге после осады, в ходе которой были разграблены пригороды и безжалостно убито множество людей (причём разорению подверглись и «окрестные области, в том числе Принцевы о-ва в Мраморном море, в 100 км от Константинополя»), был заключён договор «мира и любви», заложивший основы последующих русско-византийских отношений. В 2010–2012 гг. Сахаров подчеркнул, что беспрецедентное по своим масштабам нападение Руси 18 июня 860 г. на Константинополь, тщательно подготовленное и блестяще осуществлённое, буквально потрясло тогдашний мир, причём «само это военное предприятие, сбор большого войска, оснащение флота требовало длительного и масштабного государственного обеспечения. Это могла сделать уже сложившаяся и успешно функционировавшая государственная система, которая впервые попробовала свои внешнеполитические мускулы уже ранее, во время ударов по крымским и малоазиатским владениям Византии» (отражённых в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), и что в 860 г. государство Русь (а его исследователь связывает со славянским Поднепровьем) «оповестило о своём государственном рождении остальную мир» (С.В. Цветков рассуждая в полном согласии с Сахаровым, полагал, что русы свой набег на Константинополь совершили не из Киева и не из Крыма, а из устья Кубани, где они скрытно от византийцев сосредоточили большой флот и большое войско)²⁶.

Правомерность вывода Сахарова о государственном рождении Руси подтверждают слова одного из составителей ПВЛ, сделавшего нападение русов на Константинополь точкой отсчёта русской истории (а за ним эти слова повторяли многие летописцы): 856 г. «наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О сем бо уведахом, яко при семь цари приходиша русь на Царьгород, якоже пишется в летописаньи гречьстемь. Тем же отселе почнем и числа положим» (рассказ об этом походе читается в ПВЛ под 866 г., куда он попал из византийской Хроники Георгия Амартола, и связан летописцем с именами Дира и Аскольда)²⁷.

Норманисты события 860 г. связывают со скандинавами (так было во времена И.Ф. Круга, А.А. Куника и М.П. Погодина²⁸, так есть и сейчас: Л.С. Клейн ясно видел в событиях июня 860 г. «обычный грабительский набег норманнов»²⁹), которые либо прибыли прямо из Скандинавии, либо они его совершили совместно со славянами и во главе их из района Киева. По заверениям С. Франклина, Д. Шепарда и Х. Станга, викинги явились под стены Константинополя из Поволховья, где, по их мысли, находилась первоначально Русь (существует ещё одна гипотеза, «экзотическая», по исчерпывающей оценке А.А. Горского, что норманны пришли со стороны Средиземного моря)³⁰.

Но такими «экзотическими» являются все гипотезы норманистов. В 2002 г. В.В. Седов отметил, что догадки о нападении на византийскую столицу «из Скандинавии должны быть отвергнуты и по историческим, и по археологическим соображениям», т. к. нет археологических следов присутствия скандинавов того времени в южнорусских землях. Годом позже П.В. Кузенков, касаясь версии, отстаиваемой Франклином и Шепардом, констатировал, что невозможно было организовать столь неожиданное, стремительное и хорошо подготовленное нападение на Константинополь из столь отдалённого края без предварительной подготовки и опорных «баз» в южной части пути «из варяг в греки». П.П. Толочко в 2004–2013 гг., указывая на невозможность существования протогосударственного образования («Русского каганата») с центром в районе Ильменя и Ладоги, также акцентировал внимание прежде всего на том, что волхово-ильменский край «находился на невероятно далёком для раннего средневековья расстоянии от Византии и Закавказья, чтобы можно было осуществить даже простое путешествие в эти страны, а не то чтобы предпринять военную экспедицию». Точно так рассуждал в 2012 г. и А.В. Назаренко.

В том же году привязка похода 860 г. к Руси в целом вызвала у Н.А. Макарова серьёзное сомнение. Отмечая наличие на её территории в первой половине IX в. в единичных точках ранние городские поселения, число которых остаётся сравнительно небольшим и во второй половине столетия, он подытоживал: «Ни на Севере, ни на Юге мы не видим археологических памятников этого времени, которые могли бы выступать как места сосредоточения значительной военной силы, как административные центры, располагающие ресурсами для организации грандиозных походов на Византию. С скромные размеры поселений, бедный набор оружия, отсутствие погребений военизированной знати заставляют усомниться в том, что “нашествие руси” на византийские владения

в 860 г., очевидцем которого был патриарх Фотий, действительно являло собой военную акцию, угрожавшую существованию Царьграда»³¹.

Но такое скептическое заключение вытекает лишь из одного — из ошибочного представления, что в середине IX в. существовали только Руси Северная и Поднепровская. Ошибочность такого взгляда на русскую историю давно осознавала наша наука (не зря В.А. Пархоменко в 1922 г. подчёркивал, что «до-киевская и вне-киевская Русь IX–XI вв. — вот, думается, главная тема для новых изысканий по древнерусской истории»). И, исходя из большой суммы фактов, приведённых выше, группа учёных (а это и антинорманисты и их оппоненты, например Д.И. Иловайский и Е.Е. Голубинский) связывала нападение на Константинополь (как и их последующее крещение) с азовско-черноморской русью, по-разному, понятно, определяя её этнос. Эта версия присутствовала и в трудах учёных XX века. Распространена она и ныне. Как подытоживала в 2002 г. Е.С. Галкина, «сообщение Фотия о месте обитания русов и их образе жизни прекрасно согласуется с житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, помещавшими этот народ в Северном Причерноморье и Крыму»³².

В 2020–2021 гг. М.И. Жих и С.Н. Беззаконов заострили внимание, во-первых, на том, что ни сам поход 860 г., ни последовавшее за ним крещение русов (между 861–867 гг.), завершившееся организацией церковной епархии, не сохранились в исторической памяти Руси. Во-вторых, на выводах о существовании руси на юге ещё до призвания варягов. В-третьих, что в Среднем Поднепровье археологи не выявили применительно ко второй половине IX в. ни следов христианства, ни скандинавских древностей вообще. После чего впервые в науке провели анализ возможностей Скандинавии, Северной (Ладога и Рюриково городище) и Поднепровских (Киев) Русий на предмет осуществления ими столь непростой и весьма затратной акции и вынесли однозначный вердикт — такими ресурсами они не располагали. Тогда как таковыми — людскими, материальными, военными и организационными — обладала, гласит также тщательно выверенный ими вывод, предшественница Руси со столицей в Киеве — Русь аланская, донская и причерноморская, или Русский каганат, тождественный салтово-маяцкой и волынцевской археологическим культурам («страна и/или народ “рос”/“рус”, существовавшие в Восточной Европе, были известны персидским авторам сасанидского времени, то есть в VI–VII вв.», и в пользу донской локализации руси говорит Баварский географ). Они также не сомневаются, что имеются основания, в том числе археологические, связывать «Фотиево крещение Руси» с Подоньем и Подонцовьем (ведут исследователи речь и о достоверности сообщений житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, а также о принадлежности «русских писем» аланам-русам)³³.

Патриарх Фотий является и автором «Окружного послания» 867 г. (было введено в научный оборот в 1602 г. историком церкви кардиналом Ц. Баронием³⁴), в котором он приглашает восточных патриархов на собор в Константинополь и в котором, напомнив о «дерзости» русов, осмелившихся напасть в 860 г. на столицу империи (они, «поработив находящихся кругом себя и отсюда помыслив о себе высокое, подняли руки и против Ромейской державы»), сообщает о последующем добровольном крещении «многократно прославленных»

русов, об утверждении у них епархии во главе с епископом (в «Жизнеописании императора Василия», приписываемом его внуку Константину VII Багрянородному, уточняется, что русам был дан архиепископ, который явился в их страну). Факт принятия русами пастыря столь высокого сана свидетельствует о крещении именно народа (византийский автор XI в. Георгий Кедрин поясняет, что «народ скифский, около Северного Тавра обитавший», т. е. у Крымских гор, просил «сподобить их святого крещения, которое и получили»). А также указывает, подчёркивает П.В. Кузенков, «на то, что Византия имела дело с достаточно мощным политическим образованием»³⁵.

Сама русская епархия — Росия — присутствует во всех церковных уставах византийских императоров, по крайней мере, с 879 г., занимая 61 место в перечне метрополий, подчинённых константинопольскому патриарху. Вероятно, она находилась в городе Росия, отождествляемом с Боспором (располагался в районе нынешней Керчи) или с Голубицким городищем на таманском берегу (в 8 км западнее Темрюка), и просуществовала до XII века. На такую её локализацию выводит ряд памятников: арабский географ XII в. ал-Идриси отмечает, что Дон «течёт до города Матраха (Таматарха, Тмутаракань, дошла до нас в форме «Тамань». — В.Ф.) и впадает в море между ним и городом Русийа». По договорам 1169 и 1170 гг. с генуэзцами, Византия предоставляла им право направлять торговые суда во все свои гавани, кроме *Rossia* и *Matracha*.

Испано-арабский историк и географ XIII в. Ибн Са'ид ал-Магриби сообщал, что на западном берегу Дона «лежит Русийа — главный город русов», представляющих собой «многочисленный народ, выделяющийся силой среди храбрейших народов Аллаха». Ныне И.Г. Коновалова поясняет, что «в Приазовье сразу два источника второй половины XIII в. называют портовый город *Casale de Rossi*»³⁶. Поздние авторы также указывают, обращаясь к далёкому прошлому, на связь русов с югом Восточной Европы: византийский писатель XIV в. Никифор Григора, говоря о «русском» правителе при дворе Константина Великого (306–337), видимо, так именовал кого-то из ругов или росомонов, поэт XII в. Манасия называет русов в числе участников нападения под руководством аварского кагана на Константинополь в 626 г., в «Хронографии» Феофана Исповедника (ум. 818) под 774 г. сообщается, что император Константин V Копроним направил в поход на болгар сушей конницу, а морем 200 хеландий, сам же на «русской» хеландии поплыл к устью Дуная³⁷.

В 1711 г. Г.В. Лейбниц, проявлявший большой интерес к русской истории, указал, что в IX в. «приобрели известность русские, вероятно, древние роксоланы, которые были так могущественны, что даже осаждали Константинополь»³⁸. Г.З. Байер в статье «О варягах», приведя известие Бертинских анналов о «россах» 839 г., резюмировал, «что народ русский прежде Рурика, о котором имени, далеко древнейшем, нежели русские летописи объявляют». В 1736 г. была опубликована его статья о первом нападении «киевских русов» на Константинополь в 860 году. Тот же сюжет им был затронут и в статье, вышедшей после смерти учёного, в 1741 г., в которой он особо подчеркнул, что «россы приняли своё название не от скандинавов», ибо имя это не было ведомо на их родине (по словам П.Н. Милюкова, Байер был убеждён «в существовании Южной Руси,

независимой от варягов-норманнов», и доказывал, что руссы были на Днепре «раньше Рюрика, следовательно, не были норманнами»³⁹.

Затем В.Н. Татищев констатировал, в том числе и под влиянием Байера, что «у грек имя русь, или рось, задолго до Рюрика знаемо было», при этом апеллируя к Иоакимовской летописи и к ПВЛ, в которых «руссы прежде Рюрика упомянуты». М.В. Ломоносов в замечаниях на речь Г.Ф. Миллера, написанных осенью 1749 г., объяснял ему, ссылаясь на статью Байера 1741 г., что в IX в., «на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался. ... Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика»⁴⁰. В ходе дискуссии по той же речи Миллера Н.И. Попов указывал на проживание варягов-россов у Херсонеса Таврического⁴¹. В 1768 г. А.Л. Шлёцер доказывал существование южной руси, которую он представлял могущественным народом, населявшим «сегодняшнюю Крымскую Татарию». Подчёркивая, что «Нестор чётко отличает руссов от шведов» и что понтийские русы «имели свой собственный язык, бесценные следы которого дошли до нас благодаря императору Константину», историк, отрицая их связь со славянами, готами и роксоланами, сближал с куманами, хазарами, болгарами, аланами, лезгинами⁴².

Однако в «Несторе» Шлёцер, хотя и продолжал утверждать, ибо не мог всё же игнорировать чёткие показания ПВЛ, что «Нестор ясно отличает русских от шведов», постарался привести летопись в соответствие с норманской теорией (под полнейшее влияние которой попал под воздействием шведа Ю. Тунмана), для чего изобрёл «особый род» скандинавов — русов, родом якобы из Швеции. А ставшую помехой его концепции русь, имя которой гремело в черноморском регионе задолго до призвания варягов и которая в 860 г. чуть не взяла Константинополь, выбросил, словно мусор, из русской истории. Потому как эти руссы, «наверное, не были настоящие руссы», в связи с чем «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже *Русью*» (это имя она получила «только от некоторой особенной части варягов, называемых руссы», и русов византийцы узнали только с поражения Игорева 941 г.)⁴³.

Но такого авторитетного запрета не убоился Н.М. Карамзин, ибо, говорил он, касаясь свидетельства Фотия, «где истина сама собою представляется глазами историка, там нет нужды прибегать к странным гипотезам... Народы не падают с неба и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия» (само нашествие на Константинополь историограф связал с «вятизями Севера», с норманнами Аскольдом и Диром). Выступить против мнения высокочтимого им Шлёцера его заставили работы Г. Эверса, который в 1808–1814 гг., обратившись к большому кругу мало задействованных (или вовсе не задействованных) источников (прежде всего восточных), показал реальное существование южной Руси (видел в ней хазар, передавших это имя русским) намного ранее прихода Рюрика в северо-западные земли Восточной Европы и варягов в Киев⁴⁴.

Эти доказательства профессора Дерптского университета были столь весомыми, что их приняли, вслед за Карамзиным, и другие норманисты: в 1821 г. немецкий ориенталист И.С. Фатер (руссы — это остатки готов, проживавших по северным берегам Чёрного моря, среди которых разместились значительные

колонии варягов-норманнов, ставших прозываться русью), в 1837 г. Н.А. Иванов (руссy, в которых он также видел готов, обитали по берегам Азовского и Чёрного морей до Кавказских гор с древности и «были коренные жители княжества Тмутараканского») и П.И. Шафарик («варяго-русы давным-давно уже жили на берегу Чёрного моря и в Тавриде»), в 1840 г. Н.И. Надеждин (народ русь «старше IX века», и им были «аорсы» и «роксоланы»), в 1851 г. С.М. Соловьёв («название “русь” гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Чёрного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями»)⁴⁵.

С начала 1870-х гг. Д.И. Иловайский, отмечая, что «хвастливые скандинавские саги» представляют русь «великим и туземным народом, а Русское государство настолько древним, что о его начале они ровно ничего не знают», и что русь была восточнославянским племенем, изначально проживавшим в Среднем Поднепровье и известном под именем поляне-русь, роксолане, россалане, вёл речь о существовании в первой половине IX в. как Днепровско-Русского княжества, так и Азовско-Черноморской Руси на Таманском полуострове. В 1880 г. Е.Е. Голубинский, рассуждая о черноморских русах (азовско-таврических или азовско-крымских) первой половины IX в., не имевших «никакого отношения к нашим киевским», подчёркивал, имея в виду название Чёрного моря Русским, что нет примеров, «чтобы море получало имя от народа, не жившего на нём, а только по нём ходившего» (и в них он видел первую волну норманнов в Восточной Европе)⁴⁶.

В.О. Ключевский подытоживал, что исследования В.Г. Васильевского «о житиях святых Георгия Амастридского и Стефана Сурожского достаточно убедительно доказали, что Русь ещё в первой половине IX в. делала набеги на берега Чёрного моря, даже южные». С.Ф. Платонов также констатировал, что «у иностранных писателей русь не смешивается с варягами и делается известной раньше варягов» и что названные византийские жития «удостоверяют присутствие народа русь на Чёрном море в начале IX в., стало быть, ранее призвания варягов в Новгород»⁴⁷. В 1896 г. византинист Ф.И. Успенский увидел «признак ослабления норманнской теории в том, что она давно уже не может привести ни одного нового положения в свою защиту» и что мы «должны теперь на юге искать значения имени “Русь”, а от севера должны уйти»⁴⁸. А.А. Шахматов в 1904 г. отмечал, что «византийцы знали русь и в первой половине IX столетия. ...Многочисленные данные, среди которых выдвигаются между прочим и Амастридская и Сурожская легенды... решительно противоречат рассказу о прибытии руси в середине IX столетия с севера, из Новгорода; имеется ряд указаний на давнее местопребывание руси именно на юге, и в числе их не последнее место занимает то обстоятельство, что под Русью долгое время разумелась именно юго-западная Россия и что Чёрное море издавна именовалось Русским» (воззрения учёного переживут ту же эволюцию, что и воззрения Шлёцера: попав в 1914 г. под влияние теории шведа Т.Ю. Арне о массовой норманнской колонизации Руси, он больше не будет поднимать вопрос о южной руси).

В 1911 г. Л.В. Падалко, выводя имя «русь» от рокс-алан, т. е. белых (господствующих) алан, отнёс возникновение Черноморско-Азовской Руси ко вре-

мени значительно раньше второй четверти IX века. В 1913 г. В.А. Пархоменко предположил, что эта Русь существовала в начале указанного столетия. В 1943 г. Г.В. Вернадский пришёл к выводу, что название «русь» («рось»), бытовавшее в Южной Руси, по крайней мере, с IV в., изначально принадлежало одному из наиболее значительных «аланских кланов» — светлым асам (рухс-асам), или роксоланам, и связывал с ними народ Ngôs Захария Ритора, а также рокасов (рогасов) и росомонов Иордана (по его мнению, «изначально *рухс* могло на некоторых местных диалектах звучать как *рос*, *росс* или *русь*», а славянские племена, подчинившись роду рухс, могли принять это имя)⁴⁹.

В советской и современной науке о южной руси вели и ведут речь многие учёные. Так, в 1965 г. А.П. Новосельцев, подчёркивая, что наличие корня «рос» на юге в раннее время неоспоримо, заключил: в рассказе о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены «речь идёт о каком-то народе аланской (иранской) группы», связанном со славянами (через двадцать лет он укажет, что термин «Русь»/«Рос», скорее всего, «восходит именно к ираноязычному населению нашего юга», т. к. именно из иранских языков этот термин легко объясняется как светлый, но в перестройку учёный поменяет свою точку зрения). В 1970 г. археолог Д.Т. Березовец продемонстрировал, опираясь, в том числе, на археологические данные, что арабские и персидские авторы под «русами» (с хаканом во главе) понимали ираноязычных алан района Северского Донца и его притоков, Нижнего Дона, Приазовья, носителей салтовской культуры (они имели большие и богатые города, вели широкую внутреннюю и внешнюю торговлю, у них были развиты судоходство, корабельное дело, металлургия, что позволяло салтовцам создавать высококачественное клинковое оружие, и пр.).

Как в целом звучит вывод учёного, «Днепровская Русь получила своё наименование от народа рус, рос, который имел самое непосредственное отношение к салтовской культуре» (в 1969 г. антрополог В.П. Алексеев, сопоставив краниологические серии аланских могильников Северного Кавказа и Салтовского могильника, заключил, что салтовская серия сближается с аланскими и что «население салтовской культуры следует рассматривать как периферию не восточнославянского, а аланского этнического мира». В 2018 г. М.И. Жих подтвердил, с привлечением нового археологического материала, правоту вывода Березовца, заострив при этом внимание на том, что вхождение Подонья в состав Хазарского каганата ничем не доказано. Отсюда, по его мнению, «нет оснований и для “расширительной” трактовки понятия “салтовская культура” как “культура Хазарского каганата”, которую предлагала С.А. Плетнёва»)⁵⁰.

Согласно изысканиям ираниста В.И. Абаяева 1973 г., этноним «русь» соответствует иранской основе **rauxšna-/*ruk-* «свет, светить» (осетинское *rūxs/roxs* — «свет, светлый», персидское *ruḫš* — «сияние, блеск», *rūšan* — «светлый»), а название роксоланы «означает буквально “Светлые аланы”». Д.Л. Талис в 1973–1974 гг. заключил, что крымские топонимы с корнем «рос», которые встречаются на каталонских и итальянских портоланах начиная с XIII в., «и археологический материал из раннесредневековых поселений Таврики подтверждает положение Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами арабских географов». Опираясь на византийские и арабские

источники, Талис показал историческое бытие в VIII — начале X в. Причерноморской Руси (не имевшей к славянам отношения) в Восточном и Западном Крыму, а также в Северном и Восточном Приазовье. При этом он отмечал «этническую общность населения степного и предгорного Крыма второй половины I тыс. н.э. с обитателями Подонья и Приазовья», т. е. с носителями салтовской культуры — аланами. В 1982 г. А.И. Рогов и Б.Н. Флоря констатировали, что Русь — это старый этноним, возможно, иранского происхождения, зафиксированный в источниках для районов Причерноморья уже в VI веке. В 1989 г. иеродиакон Никон (Лысенко), сопоставив восточные и византийские источники с «русской» топонимикой Крыма, пришёл к выводу, «что не позднее первой половины X в. в Западной Таврии, Северном и Восточном Приазовье обитал хорошо известный своим соседям народ, который арабы называли “русами”, а византийцы именовали “тавроскифами”, народом “рос” или “росс-дромитами”» (в них автор видел славян), и также вёл речь о существовании «Тмутараканской»/«Азовской» Руси, совершившей поход 860 г. и затем крестившейся⁵¹.

Лингвист О.Н. Трубачёв в 1977–1997 гг. подчёркивал, что ведёт наименование Руси из Северного Причерноморья (до 1977 г., по собственному признанию, практически разделял скандинавскую этимологию происхождения этого имени) и что в ономастике (топонимии, этнонимии) Приазовья и Крыма «испокон веков наличествуют названия с корнем *Рос-*» (от индоарийского **ruksa/*ru(s)sa* — «светлый, белый»): до сих пор берега Понта и Меотиды остаются местом, где имя Русь «впервые выступает перед нами в документированной истории» (например, упоминание народа Хрос по соседству с амазонками, т. е. у Азовского моря, в середине VI в. в «Церковной истории» Захария Ритора, в конце VIII — начале IX в. в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского). Ставя «вопрос об авторстве опустошительных морских походов на Амастриду и Константинополь около IX в. (русы-славяне, русы-варяги или — какие-то “третьи” русы-росы?)», ответ на него свёл к «полузабытой» Азовско-Черноморской Руси (Тмутаракани), представлявшей собой реликт индоарийских племён, населявших Северное Причерноморье во II тыс. до н.э. и отчасти позднее, например, **tur-rus-* или «тавро-русы».

И полагал, что с появлением здесь в довольно раннее время славян этот древний этноним стал постепенно прилагаться к ним. Существовала, объяснял он, древняя (дославянская и дотюркская) региональная традиция именования Северного Причерноморья «Белой, Светлой страной», в результате чего появился этноним «рос», первоначально связанный с Тавридой, Приазовьем и Северным Причерноморьем (в то же время Трубачёв не прошёл мимо разноплеменной, на его взгляд, салтовской культуры. Ведя речь о районе салтовско-славянского пограничья, он сказал: «Есть вероятие, что именно здесь начал шириться этноним *Рус, Русь*, почему говорят о Донской Руси. Донская Русь, её положение по отношению собственно Хазарии, с одной стороны, и Киевской Руси, — с другой, сохраняет в себе ещё много нерасшифрованного»).

Вместе с тем учёный заострил внимание на том, что, во-первых, сегодня в науке имеются недалёковидные «запретители» Азовско-Черноморской Руси, устраивающие тем самым «типичный завал на пути к истине» (которую в про-

шлом защищали «не последние имена в русской историографии — Гедеонов, Иловайский, Багалей и, конечно, Пархоменко»), и что этот завал необходимо расчистить. Причём названные им «запретители» — Ф.Ф. Вестберг и А.П. Новосельцев — это всё сторонники норманства варягов и руси, которым, верно заметил академик, явно мешает комплекс сведений об этой Руси, в связи с чем часть которых они упрямо пытаются, для их нейтрализации, «уточнить в желаемом смысле» переводами источников (т. е. фальсифицировать). Во-вторых, «нет достаточных оснований связывать... “информационный взрыв”» византийских, восточных, западноевропейских «известий о племени Рус, Рос IX века с активностью северных германцев в том же и последующих веках». В-третьих, что на общее состояние проблемы повлияла оценка археологов, стремящихся в причерноморских древностях увидеть славянские черты⁵².

Существование Салтовской и Причерноморской Русий обосновал в 1969 и 1998–2004 гг. А.Г. Кузьмин (вместе с тем и Аланской Руси в Прибалтике, на о. Сааремаа=«Острове русов» восточных авторов, созданной в IX в. русами-аланами после их переселения с Дона из пределов разгромленного хазарами и венграми «Росского каганата»=«Руссии-тюрк», т. е. Салтовской Руси, и ставя в связь с ним известие Бертинских анналов 839 г.). Отмечая высокий уровень развития ремесла (металлообработки, строительства, примером чему являются белокаменные укрепления, защищавшие их от хазар) и торговли у салтовцев, учёный подчёркивал, что «именно с конца VIII в. начинается интенсивное движение по Волго-Балтийскому пути. С запада по этому пути идут прежде всего фризы и балтийские славяне, с востока — салтовцы» (при этом указав, что салтовцев искусственно связал с хазарами М.И. Артамонов, поддержанный затем С.А. Плетнёвой). По убеждению историка, «росомоны» Иордана — это роги-руги Причерноморья, что в восточном Крыму и Таманском полуострове, где позже размещалось Тмутараканское русское княжество, также следует искать дославянских росов, а из бесед Фотия «вытекает, что у “северного Тавра” сложилось мощное объединение племён во главе с росами». Причём само отождествление росов с тавроскифами свидетельствует о том, что византийцы считали росов потомками «ираноязычных кочевников Причерноморья и тавров», «местным, во всяком случае, издавна в Причерноморье проживающим народом», и что именно с крымскими росами они ранее всего и вошли в соприкосновение.

Кузьмин констатировал, что наиболее трудными для анализа являются восточные источники, авторы которых «знали Европу главным образом с трёх точек: из Булгара Волжского, со стороны Северного Кавказа и Испании» («естественно, что сведения, полученные в одном месте, переосмысливались под влиянием информации из другого района»), и что фактам, приводимым в них применительно к «русам» разных мест и разного времени, можно найти параллели и подтверждение чуть ли не в любой концепции о происхождении русов — «славянской, норманской, ирландской, кельтской, даже тюркской». В связи с чем заметил: во-первых, это, видимо, объясняется тем, что они «называют “русам” не всегда один и тот же народ, независимо от того, составляли ли вообще русы когда-нибудь именно единый народ», что можно видеть уже по сюжету о «трёх видах» русов и по рассказу об «острове русов», восхо-

дящим к IX веку. Во-вторых, что «значительная часть восточных источников имеет в виду русов Причерноморья, при этом постоянно путая причерноморских и балтийских русов, сближая два моря как некое единое», тем самым представляя их «ветвями одного племени или одной этнической ветви», и что на каком-то этапе имя «русь» «покрывало выразительную салтовскую культуру Подонья и Приазовья». Заострял внимание Кузьмин и на том факте, «что одна группа Руси называется “Славией” и, очевидно, мыслится как земля славян»⁵³.

В 1994–2003 гг. археолог В.В. Седов, связывая Русский каганат с носителями славянской вольтынецовской культуры левобережья Среднего Днепра, этноним «русь» возводил или, по Абаеву, к древнеиранской основе **rauxšna-/ *ruk-* «свет, светить», или, по Трубачёву, как и обширная однокорневая географическая номенклатура Севернопричерноморских земель, к местной индоарийской основе **rukša/*ru(s)sa* — «светлый, белый»⁵⁴. В 2001 г. израильский востоковед А.Н. Поляк, опираясь на основной фонд сведений восточных источников IX–X вв., вёл речь о древней славяно-русской земле на Дону и Волге, игравшей тогда очень важную роль, отметил, что «русы были соседями царской хазарской орды на западе и севере и что их территория выходила к Волге на севере орды, гранича с гузами», и что память о Подонье — ниже волго-донского волока — «как о русской земле сохранена и географом Димашки... но только у него Дон обозначен как “река славян и русов”»⁵⁵.

В 1998–2012 гг. Е.С. Галкина продемонстрировала существование созданного на рубеже VIII — IX вв. аланами-русами военно-торгового Русского каганата, погибшего под натиском кочевников во второй четверти IX в. (остатки русов ушли в Прибалтику) и передавшего своё имя «Русь» Руси Киевской (вместе с тем её правителям был передан титул «каган», употребляемый по отношению ряда русских князей). В 2004–2006 гг. Я.Л. Радомский показал бытие во второй половине V — конце X в. в Северо-Восточном Причерноморье и в восточной части Крыма Черноморской Руси и констатировал её смешанную руго-роксоланскую этническую основу (в которую позже влились асы). В 2004 и 2013 гг. П.П. Толочко, развивая концепцию В.В. Седова, подчеркнул, что название «Русь» «имеет южное происхождение. Его бытование засвидетельствовано со времён проживания здесь ираноязычных сарматских племён» и, вероятнее всего, это название произошло от иранского Rhos/Rosomani, Roxoloni. О Причерноморской Руси времени VI–VII вв. говорил в 2006 г. К.А. Максимович⁵⁶. О Руси Прикаспийской и Руси Причерноморской (Приазовской), как о реальных политических образованиях, ведёт речь и автор настоящих строк⁵⁷.

О «прото-Руси» или Русском каганате на Среднем Днепре высказался в 2012 г. А.В. Назаренко, но в русле прошлых идей, в том числе двух волн миграций скандинавов на Русь. И утверждал, никак всё это не объясняя (потому как и объяснить-то нельзя), что в нём организующую роль играли какие-то скандинавы, почему-то говорившие по-славянски и пользовавшиеся «славяноязычным самоназванием» русь, и что данный каганат, существовавший уже в 830-х гг., «исчез с политической карты... на рубеже IX — X вв. вследствие появления на юге Восточной Европы скандинавских находников совсем другого типа». Вместе с тем говоря, что поставил, а так до него делали многие (например, Ф.Ф. Вест-

берг, самоуверенно утверждавший в 1908–1910 гг., что с ней он «покончил навсегда»), «крест на некогда популярных рассуждениях о некоей азово-причерноморской Руси IX в.» (данные слова были незамедлительно повторены В.Н. Чхаидзе с пояснением, свидетельствующем о нулевом уровне знания этим археологом исторического и историографического материала, что теория азовско-причерноморской Руси IX в., которую пытался в начале 1950-х гг. реанимировать Б.А. Рыбаков, а ныне этим занят «ряд маргинальных авторов», «не находит никакого подтверждения в источниках»)⁵⁸.

Языком общения южной руси — Руси Прикаспийской и Руси Причерноморской — был славянский язык. Это хорошо видно из сообщения Ибн Хордадбеха, начальника почт северо-западного Ирана (А.И. Гаркави, заостряя внимание на том, что он имел доступ к государственным архивам, т. е. был весьма хорошо информирован по всем затрагиваемым им вопросам, подчёркивал: он писал о восточных славянах и русах «по личному наблюдению или лично добытым известиям»⁵⁹). И весьма осведомлённый автор не позже 40-х гг. IX в. констатировал (специалисты говорят о двух редакциях его «Книги путей и стран», относя первую к периоду около 846 г., вторую — не ранее 885 г.), что русские купцы представляют собой «вид славян» и привозят товары в Багдад (там «они утверждают, что они христиане»), где их переводчиками «являются славянские слуги-евнухи» (Т.С. Нунан известие Хордадбеха о руссах относит к началу IX в., О. Прицак — к его 30-м гг.)⁶⁰. Как заметил в 1947 г. М.Н. Тихомиров, славянский «характер языка русских подчёркивается тем, что переводчиками для них служат евнухи-славян». В 2000–2002 гг. А.Н. Кирпичников резюмировал на основе рассматриваемого сообщения, что «языком русов был, скорее всего, славянский». В 2014 г. его польский коллега П. Урбанчик прямо сказал, что некоторые из русов, с которыми встречался Ибн Хордадбех, «были славянами или говорили по-славянски»⁶¹.

Однако такие выводы не устраивают некоторых норманистов, и потому они «омолаживают» (как это, например, делали А.А. Куник и А.Е. Пресняков) свидетельство Ибн Хордадбеха, дабы поставить его после 862 г., года призвания, по их мнению, шведских «руотсов»: по В.Я. Петрухину — это 880-е гг., по В.Б. Перхавко, конец 860-х — начало 880-х гг., по А.В. Назаренко, последняя четверть IX в. (вместе с тем сторонники норманизма стараются переиначить его слова. Так, в 1960 г. археолог Х. Арбман по причине того, что прямые показания этого автора в пользу славянства русов противоречат, по верной оценке П. Сойера, «всему, что принято думать о русах», термин «saqaliba» — славяне — перевёл как «европейцы». В 2003 г. востоковед Т.М. Калинина вообще предложила не ломать голову над сообщением Ибн Хордадбеха, ибо «не очень уместно возвращаться к полемике двухсотлетней давности о том, почему “багдадские” русы понимали только славянский язык», т. е. надо продолжать пребывать в состоянии норманистского покоя, то бишь научного застоя)⁶².

Ибн ал-Факих (конец IX — начало X в.) даёт параллельный вариант чтения известия Ибн Хордадбеха, но именует купцов «славянскими». Ибн Хордадбех, к сообщению которого, заключал А.П. Новосельцев, надлежит относиться с доверием, и Ибн ал-Факих «пользовались каким-то общим, нам не известным

источником», относящимся, как можно сделать вывод, к началу IX или даже к концу VIII в. (Г.Г. Литаврин также полагал, что первый из них хотя и «писал в 840-х гг., но отражает положение дел на несколько десятилетий раньше»). Ал-Истахри в 930–933 гг., основываясь на труде ал-Балхи, написанном около 920–921 гг., вслед за ним констатировал, опять же отмечая связь русов со славянами: «Русы. Их три группы. Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба... И самая отдалённая из них группа, называемая ас-Славийя, и (третья) группа их, называемая ал-Арсанийя». Его продолжатель Ибн Хаукал в 969 г. посетил юг Каспия, где записал рассказ о разгроме Хазарии русами, подчеркнув при этом, что «самый высокий» вид русов — это «Славийя» (сведения о трёх группах русов восходят, по мнению специалистов, ко второй половине IX в.)⁶³.

В VIII главе пространного «Жития святого Константина», созданного в 869–880 гг. его учеником в Подунавье, рассказывается, как Кирилл в Крыму, в Корсуне, в 861 г. приобрёл Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими письменами», которые помог ему понять местный житель, говорящий «на том языке» («беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив её со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога»). Данный факт указывает на присутствие на полуострове русов-христиан уже в середине IX в., т. е. ранее, заострял внимание А.Г. Кузьмин, возникновения Тмутараканской епархии при патриархе Фотии, причём эти русы имели свою письменность⁶⁴ (а Кирилл и русин смогли понять друг друга потому, что говорили на славянском языке, который первый из них знал по факту рождения, по характеристике С.А. Гедеонова, «в полуславянской Селуни»)⁶⁵.

Но норманисты, борясь с южной русью, перечёркивающей столь любезный им шведский взгляд на истоки Руси, сначала уверяли, что «русский» значит или «готский» (так полагали П.И. Шафарик, Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский, Ф. Дворник), или «фрузский»/франкский (Г.А. Ильинский). Затем взялись утверждать, что весь раздел Жития, в котором речь идёт о «русских письменах», является поздней интерполяцией, сделанной в Болгарии (А.С. Львов). Когда же лопнули «готские», «фрузские» и иные пузыри, то французский славист А. Вайан в 1935 г. начал убеждать (эту идею затем развивал его американский коллега Р.О. Якобсон), что в виду имеются не «русские», а «сурские», т. е. сирийские письмена⁶⁶. Под гипноз их убеждения попали многие зарубежные и советские исследователи (а последними особенно двигало желание выглядеть весьма объективными, в духе «ничего лишнего русской истории не нужно», и не отставать, конечно, от такого достижения западной науки, которое уже приняли болгарские и хорватские слависты). В 1969 г. лингвист Т.А. Иванова, считая, что в докирилловский период у восточных славян письменности не существовало, резюмировала: гипотеза Вайана о «русском»-сирийском письме корсунских книг является наиболее убедительной⁶⁷.

В качестве примеров, ярко характеризующих не только образ мышления норманистов, но и качество их «убеждений», можно привести мнения некоторых современных сторонников «сурской» версии. В 1987 г. немецкий учё-

ный Л. Мюллер, стараясь увидеть в «русских письменах» «скандинавские», «т. е. переведённую Ульфиллой на готский язык библию», всё же посчитал это предположение «невероятным», ибо Константин за несколько дней не мог изучить старонемецкий, и потому принял широко принятое в науке мнение об ошибке жития: «надо не “русские”, а “сурские”, т. е. сирийские» (как с большой долей иронии заметил по этому поводу в 2000 г. академик Г.Г. Литаврин, «видимо, изучить сирийский за несколько дней, на взгляд Мюллера, гораздо легче»).

В 2002 г. английский славист С. Франклин сказал, что «русские письмена», скорее всего, являются «ошибкой писца, переставившего буквы (т. е. «сур» на «рус». — В.Ф.), или — ещё одна возможность — позднейшая интерполяция», и что «чтение “сурские” является наиболее приемлемой конъектурой». После чего подвёл, как норманист, норманистскую черту: «Даже если перед нами выражение исходного текста, и в этом случае было бы опрометчиво настаивать, что находящиеся в Крыму русы IX в. — славяне, а не скандинавы». Е.В. Пчелов разъяснял в 2010 г., что «слово “русские” на самом деле представляет собой ошибку, а речь идёт о “сурских”, то есть сирийских письменах» (в 1988 г. О.М. Рапов справедливо констатировал, рассуждая о домыслах вокруг приведённого свидетельства жития Константина: «Однако никаких серьёзных доводов в пользу того, чтобы считать эти книги переведёнными не на русский, а на какой-либо другой язык, исследователями приведено не было»)⁶⁸.

Убеждают, «исправляя», т. е. фальсифицируя источники, не ведая того, что «в те времена сирийской общины в Крыму не было, а автор Жития говорит только о народах, проживавших в Крыму»⁶⁹. Как заметил Г.В. Вернадский, остановившись на попытке А. Вайана заменить «русские» на «сирийские»: она не имеет оснований хотя бы потому, «что ни в одном из списков “Жития” Константина в этом фрагменте не читается “сурьскы”, в то время как в некоторых манускриптах нет “русьскы”, но есть “росьскы” или “рускы”, так что возможность вывести “русьскы” из “сурьскы” в этом фрагменте чрезвычайно мала». Причём «из содержания рассказа ясно, что главной трудностью Константина было разобрать буквы, а не понимать язык, что ему удалось легко, сравнив этот язык со своим собственным (своей беседе прикладая), то есть, несомненно, сравнивая русский с македонским славянским наречием».

А.Г. Кузьмин также акцентировал внимание на том, «что никаких формальных оснований для “исправления” чтения нет. Все списки жития (а их известно несколько десятков) дают одно и то же чтение». При этом он верно назвал причину, плодящую такие «исправления»: «...Большинство специалистов знало одну Русь — Киевскую, а в середине IX в. в Киеве христианской общины, по всей вероятности, ещё не было»⁷⁰. Важно указать, что в Сказании о русской грамоте (русский памятник, по предположению В.М. Живова, XII в.), источником которого прежде всего и было пространное житие Константина, появившееся на Руси, видимо, после 1116 г., говорится, что «грамота русская явилася Богом дана в Корсуну русину, от неже научися философ Костянтин, и оттуду сложив и написав книги рускимъ языкомъ»⁷¹, т. е. говорится в полном согласии со своим источником — житием Константина.

Вместе с тем в науке увязываются «русские письмена», которые встретил Кирилл в Крыму, с сообщением персидского автора XIII в. Фахр ад-дина Мубарак-шаха о заимствовании хазарами письменности у «русов»: «у хазар есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо» (в иврите пишут справа налево). Кузьмин отмечал, что известие о «русском письме» Фахр ад-дина Мубарак-шаха предполагает салтовскую культуру, связанную с аланами, «а истоки письма просматриваются в Причерноморье с первых веков нашей эры», и что Кирилл до 861 г. знал арамейское и сирийско-несторианское письмо: «ранее ему приходилось дискутировать как раз с несторианами».

Однако О.Н. Трубачёв полагал, что «русские письмена» жития «вряд ли возможно связывать... с хазарским письмом, как строят догадки некоторые востоковеды... Ни в малейшей степени не выглядит, наконец, вероятными конъектуры вроде *сурьский* «сирийский» (так Вайян, Якобсон)». Сам учёный, указывая, что Константин в речи на диспуте с «треязычниками» в Венеции в 867 г. среди народов, которые владеют искусством письма и воздают хвалу Богу на своём языке, назвал — между аvaraми и хазарами — тоурси (тоурсш, тоур-си, тоурь-си), заключил, «отдавая предпочтение консервации, а не эмендации»: часть вариантов этого названия, «как видим, говорит о сокращённом как бы написании слова, что и позволило, как кажется, реконструировать **Тауроруси* “тавро-русы”... Таков наш вариант разгадки этнического субъекта одного из кирилло-мефодиевских преданий»⁷². К сказанному нужно добавить, что о русских, живущих в Крыму, свидетельствует и источник XIII века. По описанию пути следования в 1264 г. послов египетского султана Эльмелик-Эззахыра Бейбарса к хану Берке, «они взобрались на гору, называемую Судак; (здесь) встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди разных наций, как то: кипчаки, русские и аланы». Далее послы затем долго ехали до Волги, по которой ходят «суда русских»⁷³ (но это уже, конечно, другие русские).

Остаток южной славяноязычной руси, по всей видимости, зафиксировал побывавший в России в 1517 и 1526 гг. С. Герберштейн, говоря о «черкесах-пятигорцах... у Понта», которые, как ему объяснили русские, «христиане... согласны с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении», и которые «крайне дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, стекающим с гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Каффы в Константинополь»⁷⁴ (вполне допустимо, что «черкесы-пятигорцы» являлись осколком Азовско-Черноморской Руси, погибшей в ходе монгольского завоевания. Выше говорилось, что доминиканец Юлиан как раз перед нашествием монголов по дороге в Поволжье 50 дней провёл в Тмутаракани, отметив при этом, что его правитель, у которого есть гарем, и народ называют себя христианами, имеют книги и священников греческих⁷⁵).

Сама память о пребывании русов в древности на юге Восточной Европы прочно сохранялась в России в том же в XVI веке. Так, в Хронографе редакции 1512 г. (или 1516–1522 гг.)⁷⁶ в главе 169 «Царство 87 Василия Македоненина»

раздел «О князи рузстем» начинается описанием неудачного похода русских князей на Царьград: «Роди же нарицаемии руси, иже и кумани, живяху во Ек-синопонте и начаша пленовати страну Римляньскую и хотяху поити и в Конь-стянтин град. Но возбрани сим вышний Промысл, паче же и приключися им гнев Божий, и тогда возвратишася тщи князи их Оскалд и Дир». Та же информация читается в Никоновской летописи в рассказе «О князе рустем Осколде». Степенная книга, повествуя о походе Аскольда и Дира на Царьград, отмечает, что «иже бяху с ними же тогда русы, иже и кумани живущии во Ексинопонте»⁷⁷, т. е. летописцы констатируют, что русы, участвовавшие в походе киевских князей на Царьград, обитали у Чёрного моря (куманами в западноевропейских и византийских источниках именовали половцев, в начале XI в. продвинувшихся в причерноморские степи).

10.2 Отечественная, западноевропейская, еврейская и восточная традиции о Южной Балтике как родине варягов и варяжской руси

С масштабными действиями в 860 г. черноморской руси, потрясшими мощную Византийскую империю, связаны события 862 г.: приход из Балтийского Поморья в Северо-Западные земли Восточной Европы варягов и варяжской руси, во главе которых стояли братья Рюрик, Трувор и Синеус. Причём, как подчёркивает в той же ПВЛ, но другой уже летописец, проводя иной взгляд на начало Руси, чем тот, который высказан под 856 г.: «И от тех варяг прозвася Руская земля»⁷⁸. В отношении этнической принадлежности этих пришельцев на Русь, представители которых через двадцать лет, в 882 г., в лице Олега Вещего объединили Северную Русь и Южную Русь, являвшиеся государствами, в один государственный организм, чаще всего условно именуемый в науке Киевской Русью, было высказано, как указывалось, большое число мнений.

Такая ситуация объясняется тем, что сводчики ПВЛ, трудившиеся над нею со второй половины X до начала XII в., не касались проблемы этноса и родины варяжской руси, самым деятельным образом участвовавшей с середины IX столетия в жизни восточных славян. Для них этой проблемы просто не существовало, т. к. они, пояснял И.Е. Забелин, хорошо знали, о ком вели речь, поэтому не считали надобным входить в подробности, в своё время всем известные⁷⁹, и в первую очередь, конечно, тем, кому был адресован их труд. Вместе с тем летопись, хотя нигде прямо не говорит ни о родине варяжской руси (варягов), ни о её языке, в то же время даёт исчерпывающую информацию по этим вопросам. В её недатированной части граница расселения варягов на западе (а также на востоке) локализуется довольно чётко: они сидят, пояснял летописец конца X в.⁸⁰, по Варяжскому (Балтийскому) морю «ко вьстоку до предела Симова, по тому же морю сеять к западу до земле Агнянски и до Волошьски».

М.П. Погодин в своё время установил, что летописец начинал «Симов предел» с Волжской Болгарии (а не с южных берегов Каспийского моря, как это утверждалось в нашей науке под влиянием византийских хроник, сегодня на этом настаивает В.Я. Петрухин), т. е. варяги на территории от Балтики до «Симова предела», констатировал А.Г. Кузьмин, — это «города и земли, занятые в своё время мужами Рюрика»⁸¹. Далее Кузьмин подчёркивал, что «Волошской землёй» со Средневековья западные славяне именовали «Северную Италию, и это название, естественно, распространялось на возникшую в 962 году Священную Римскую империю», простиравшуюся от Рима до Ютландии⁸² и граничившую там с южнобалтийскими славянами. Другой летописный ориентир — «земля Агнянска» — также указывает на Ютландский полуостров, на чём в 1836–1876 гг. акцентировали внимание антинорманисты Ю.И. Венелин, С.А. Бурачёк, Н.В. Савельев-Ростиславич, И.Е. Забелин⁸³ (В.Я. Петрухин, Д.А. Мачинский, А.А. Горский, Е.А. Мельникова продолжают выдавать, как это делали и М.П. Погодин, и Д.С. Лихачёв, «землю Агнянски» за собственно Англию, хотя в ПВЛ последняя именуется «Вротанией», «Вретанией», т. е. Британией⁸⁴).

А летописная «земля Агнянска» указывает на Ютландский полуостров потому, что в его юго-восточной части обитало, до своего переселения в Британию, племя англов. Англосаксонец Беда Достопочтенный (ум. 735) в «Церковной истории народа англов» сообщает, что англы вышли «из страны англов, находящейся между провинциями ютов и саксов и называемой Ангулус, которая с той поры опустела». «В середине V в., — поясняет, например, англичанин Г. Джонс, — англы и саксы, с небольшой примесью ютов и фризлов, покинули свои земли в “датской” Скандинавии, в результате чего на месте римской Британии возникла германская Англия». Ныне немецкий историк А. Пауль, специально обратившись к судьбе англов и их родины — древней (ютландской) Англии (это современные регионы Ангельн и Швансен), подчёркивает, что, вопреки утверждению Беды, не все англы покинули свою родину, что более заметные их остатки сохранились в южной части Англии, вокруг залива Шлей (их столицей в IX–X вв. был Шлезвиг/Слиасторп или Хаитабу/Хедебю), что между VI и VIII вв. они были завоёваны пришедшими из юго-западной Скандинавии данами и были окончательно ассимилированы и слились с соседними народами в конце X — начале XI в.⁸⁵ (и слились прежде всего с данами).

В литературе отмечается, что «соседняя с Вагрией область Дании вплоть до конца X в. называется источниками землёй англов или Старой Англией», т. е. «земля Агнянска» нашей ПВЛ, сохранившаяся в названии нынешней провинция Angeln (Ангельн) земли Шлезвиг-Гольштейн. Насколько долго и прочно датчане на Балтике ассоциировались с англами видно из того факта, что ещё во времена английского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066) названия «англы» и «даны», констатировал в 1907 г. И.Н. Сугорский, смешивались, считались чуть ли не тождественными, а мифологическими родоначальниками датчан являются Дан и Ангул. Так, Саксон Грамматик (ум. около 1220) отмечает, что Дан и Ангул «были не только родоначальниками нашего народа, но также и его правителями». Он же информирует, что Ангул, «от которого, как гласит предание, ведёт своё начало народ Англии, позаботился о том, чтобы дать

свое имя стране, в которой он жил прежде (т. е. упомянутой Angeln. — В.Ф.) ... Позднее его потомки завладели Британией и прежнее название этого острова заменили на имя своей родины»⁸⁶ (но в англах видят в основном жителей Англии, по словам М.П. Погодина, «английских норманнов»⁸⁷. В науке культивируется также мысль, принадлежащая С.М. Соловьёву и поддержанная М.Н. Тихомировым, что летописец под англичанами понимает не упомянутых в ПВЛ датчан, смешивая эти народы в силу датско-английской унии 1016 г., в связи с чем «летописное понятие “Англия” охватывало и Данию»⁸⁸).

Ещё И.Н. Болтин сказал в 1790-х гг., что «англыне», присутствующие в летописном перечне варяжских народов («сице бо тии звахуса варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, аньглыне, друзии гъте, тако и си»), «занимали те места, где ныне герцогство Шлезвикское, Стормаргия, Вагрия и некоторую часть от герцогства Мекленбургскаго и Лавенбургскаго: и по ныне в герцогстве Шлезвикском одна небольшая область... называется Англен или Ангелен». Но, как он посчитал в конечном итоге, летописец говорит не об этих англах, «а о живших в Швеции, в Смаландии и в Скании». Показательно, что норманист В. Томсен, в 1870-х гг. размышляя над «землёй Агнянской» ПВЛ, также выразил сомнение в привязке её к Англии и задавался вопросом: «англичане или англы в Шлезвиге?». Около 1879 г. В.О. Ключевский подчеркнул, что летописец «прямо указывает жительство призванной руси на западном краю Поморья, возле датчан и англов»⁸⁹.

С англами («землёй Агнянской»), т. е. данами, отмечал А.Г. Кузьмин, на востоке соседнили «варины» («вэрины»), «вагры», населявшие Вагрию (западная часть южного побережья Балтийского моря), и которых наиболее ранние свидетельства знают как «вары» (в них он видел одно из племён ингвеонов Тацита, родственное вандалам, бургундам, лангобардам, которых немецкий лингвист С. Файст считал исконно не германскими, а кельтическими). Название «вары», констатирует ныне А. Пауль, упоминается в современных событиях и независимых друг от друга источниках чаще, чем другие⁹⁰ (английский археолог Т. Шор в 1906 г., ведя речь о происхождении англов, констатировал, что они впервые упоминаются Тацитом в паре с вариными/вэрингами и что во время Карла Великого существовал кодекс законов под названием «Leges Anglo-rum et Werinorum» — «Законы англов и варинов». Согласно Шору, варины/вэринги, не имевшие отношения к «тевтонской» расе, издавна жили на Балтике, тесно были связаны с ругами о. Рюгена, с ранних времён были одним из торговых народов Балтики, вели торговлю с Византией, были известны там как императорская гвардия варангов, куда входили и лица староанглийского корня, что было естественным результатом древности связей между этими двумя народами, причём англы и варины выступали в тесном союзе при завоевании и заселении Англии, и следы последних прослеживаются в её топонимии, например, Weringehorda и Wereingeurda в Девоншире⁹¹).

И эти «варины» («вэрины»), «вары», «вагры», как доказал Кузьмин, были, собственно, варягами (фиксируя наличие в индоевропейских языках основного обозначения воды словом «вар», он пояснял, что «романо-кельтскому суффиксу “ин” в этнонимах в германских языках часто соответствует “инг”, переходя-

щий у западных славян в “анг” и у восточных в “яг”. “Варяги”, следовательно, значит “поморяне”. О том же ныне ведёт речь и Пауль). Затем варягами, о чём выше шла речь, стали называть на Руси всю совокупность славянских и славяноязычных народов, проживавших на южном побережье Балтики от нынешнего польского Поморья до Вагрии включительно, а ещё позднее — многих из западноевропейцев⁹². В пределы той же Южной Балтики вёл и путь «по Двине в Варяги, из Варяг до Рима», которым, согласно ПВЛ, следовал из Северо-Западной Руси апостол Андрей: «И иде в Варяги, и приде в Рим» (морской частью этого древнего пути, а «дороги апостольские», по замечанию А.П. Новосельцева и В.Т. Пашуто, совпадали с купеческими», плыл в 1438 г. из Риги в Любек митрополит Исидор, направлявшийся на Флорентийский собор)⁹³.

Абсолютно полная ясность обстоит в ПВЛ с языком варягов. Так, она рассказывает об основании ими в Северо-Западной Руси городов, носящих, на чём справедливо заострял внимание Кузьмин, славянские названия — Новгород, Изборск, Белоозеро (последний вообще расположен на неславянской территории, в землях угро-финского племени веси, куда только что начали проникать славяне)⁹⁴. А славянские названия городов, данные им их основателями, приводят к тому непреложному выводу, что языком общения варягов Рюрика, Синеуса и Трувора был именно славянский язык (что также указывает на южный берег Балтийского моря, где проживали славянские и славяноязычные народы).

Сами же названия поселений, тем более на чужой земле, напрямую связаны с языком своих основателей и призваны навечно как утвердить (освятить) их права на претендуемую территорию, так и оградить эти права от любых посягательств. В связи с чем наименованию своих местожительств народы придавали огромное значение, и с этого сакрального действия начиналась жизнь нового поселения (к тому же по этим названиям можно определить и изначальные места проживания переселенцев. В 1946 г. С.Б. Веселовский, заостряя внимание на том, что англичане, шотландцы, ирландцы и голландцы перенесли в Северную Америку «множество названий своей родины», подчеркнул: «Наши переселенцы-крестьяне перенесли в XIX–XX вв. в Сибирь множество названий из тех губерний Европейской России, из которых они происходили. Историки отмечали, что многие названия Северо-Восточной Руси являются заимствованными из Юго-Западной, либо из Северо-Западной Руси», что прямо указывает на колонизацию «славян в Северо-Восточную Русь по двум направлениям — с юго-запада на северо-восток и с запада прямо на восток и на северо-восток»⁹⁵).

На славяноязычие варягов указывает и Варангерфьорд — Бухта варангов, Варяжский залив в Баренцевом море, ибо данное название на языке местных лопарей (саамов) звучит как Варьяг-вуода, т. е. «лопари, как следует из этого названия, — констатировал Кузьмин, — познакомились с ним от славяноязычного населения», ибо знают его «в славянской, а не скандинавской огласовке»⁹⁶ (важно вместе с тем подчеркнуть, что Варангерфьорд соседил с «Мурманским», т. е. Норманским берегом⁹⁷, точнее, противопоставлялся ему). Славянский язык варягов (варангов) зафиксирован и византийскими источниками. В.Г. Васильевский, рассмотрев все сведения о пребывании варягов в Византии, установил,

что, во-первых, термин «варанги» был связан с русско-славянским военным корпусом, присланным Владимиром Святославичем по просьбе византийских императоров, во-вторых, данные источники отождествляют «варангов» и «русь», говорящих на славянском языке, и отличают их от норманнов (т. е. также противопоставляют), которые стали приходить в империю и вступать в дружину варангов (варягов) в конце 1020-х гг.⁹⁸

Комментатор Сказания о славянской грамоте, привлечённого киевским летописцем в конце X в.⁹⁹ и помещённого в ПВЛ под 6406 г., своим утверждением, что «словеньский язык и руский одно есть», «настойчиво подчёркивает, — отмечал А.Г. Кузьмин, — славянское происхождение руси»¹⁰⁰. Эти же слова летописца Н.С. Трухачёв принимал за прямое указание на Южную Балтику, потому как только там и говорили на славянском языке (в прибалтийской Руси Трухачёв видел о. Рюген, жителей которого — ругов — ряд источников именует русскими. При этом учёный заострял внимание на том, что немецкие памятники X в. ругами называют и киевских русов, что особенно видно по рассказам ряда хроник о посольстве 959 г. княгини Ольги к германскому королю Оттону I, и о миссии Адальберта к ругам в 961–962 гг.)¹⁰¹ (В.Я. Петрухин по понятной причине решительно выступает против связи названия ругов с русами. Это означает, по его словам, «следовать средневековым “этимологиям” ... отыскивать начальную русь по созвучию — среди германцев ругиев на Рюгене или даже на Дунае», а также среди кельтов-рутенов, иранцев-роксоланов, индоариев¹⁰²).

В НПЛ младшего извода под 854 г. читается, что «новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска», т. е. «от рода варяжьска» происходит, как пишет А.Н. Сахаров, «не верхушка, не дружина, а именно «людьё» — всё новгородское население родственно варягам-руси»¹⁰³. По мнению И.Е. Забелина и А.Г. Кузьмина, новгородцы, относя себя к потомкам варягов Рюрика, считали их славяноязычными¹⁰⁴. Фраза, что «новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска», дана новгородским летописцем, как он сам же поясняет, применительно к своему времени («до днешняго дни»), что указывает на начало XII, либо на вторую четверть XIII в.¹⁰⁵ И здесь, конечно, нет речи о том, что, как уверяют норманисты, новгородцы «от рода шведского». Несмотря на свои неславянские имена, славяноязычными предстают, согласно договорам с византийцами 911 и 945 гг., варяго-русские дружинники Олега и Игоря, поклонявшиеся славянским божествам (причём богом дружины был Перун, чей культ совершенно неизвестен германцам).

Политическая раздробленность русских земель резко сузила горизонты видения летописцами как настоящего, так и прошлого, и во многих случаях была действительно разорвана и связь времён¹⁰⁶. В результате чего разговор о варягах, ушедших в небытие вместе с Киевской Русью, потерял былую актуальность, а память о них начинает постепенно стираться. Серьёзную проверку на прочность ей пришлось выдержать в страшный период нашествия и владычества монголов, но при этом она не исчезла вовсе. Процессы образования централизованного государства, подъём национального самосознания наших предков, устремлённого в будущее, но произрастающего на осмыслении пройденного

ими пути, вызвали у летописцев закономерное обращение к истокам своей государственности, которую олицетворяла династия Рюриковичей и начало которой положили варяго-русские князья. Будучи хранителями и оберегателями исторической памяти народа, в принципиальных вопросах которой, по их понятиям, не должно быть белых пятен, они напомнили соотечественникам родину варяжской руси — южное побережье Балтийского моря.

Впервые эта территория была названа в «августинской» легенде, повествующей, как «воевода новгородскы» Гостомысл перед своей кончиной созвал сограждан и сказал им: «Съвет даю вам, да послете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущих родов римска царя Августа рода». Они же шедше в Прусскую землю и обретоша там некоего князя именем Рюрика, суща от рода римска царя Августа» (братом которого был Прус, поставленный «в брезех Вислы реки в град, глаголемый Морборок, и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск, иных многих градов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И вселися ту Прус многими времениы лет, пожит же до четвертаго рода по колену племени своего; и до сего часа по имени его зовашеся Прусская земля»)¹⁰⁷. Считается, что в основе легенды лежит «Послание Спиридона-Саввы», созданное, по И.Н. Жданову, в последнем десятилетии XV или в начале XVI в., по С.В. Думину и А.А. Турилову, на рубеже этих столетий, по Р.П. Дмитриевой и А.Л. Гольдбергу, в 10-х — начале 20-х гг. XVI века. Я.С. Лурье полагал, что уроженец Твери и бывший митрополит Литвы Спиридон-Савва переписал рассказ о происхождении владимирских и тверских князей из какого-то тверского сборника, составленного в первой половине XV в., когда шла война в рамках московского правящего дома и когда тверской великий князь Борис Александрович выдвигал свои претензии на общерусскую власть¹⁰⁸.

Ныне больше принята точка зрения Дмитриевой, согласно которой «Послание» было написано по заказу правительственных кругов Василия III между 1511–1521 гг., а первая редакция официального «Сказания о князьях владимирских», вобравшая в себя основные идеи «Послания», относится к периоду до 1533 года. В 1984 г. исследовательница уточнила, что первая редакция была составлена не позднее 1527 г.¹⁰⁹ Но А.А. Зимин в 1972 г. предложил обратный порядок соотношения этих памятников и датировал первоначальный текст «Сказания» 1498 г., связав его появление с венчанием внука Ивана III Дмитрия на великое княжение. И.П. Ерёмин отнёс «Сказание» ко второй половине XV в. (не ранее 1480 г.)¹¹⁰. В 2003 г. М.Е. Бычкова отметила, что идея о происхождении Рюриковичей от римского императора (без указания имени Августа) «появилась в русских документах ещё в 80-е гг. XV в.»¹¹¹.

О времени бытования «Сказания» говорит тот факт, что именно под его влиянием в некоторые общерусские летописные своды конца XV — начала XVI в. были внесены изменения в той части ПВЛ, где говорится о расселении славян и где появляется фигура Гостомысла. Так, в сокращённых летописных сводах 1493 и 1495 гг., сводах 1497 и 1518 гг. сообщается, что «словене же пришедше с Дуная, седоша около озера Ильмеря и прозвашася своим именем, и сделаша град, и нарекоша и Новъград, и посадиша и старейшину Гостомысла»¹¹² (А.А. Шахматов был уверен, что информация о нём уже читалась в новгород-

ских сводах 1050 г. и 1167 гг., и полагал, что память о нём «держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых». В 1950 г. Д.С. Лихачёв заключил, что, возможно, известие «поздних летописей о Гостомысле весьма древнее»¹¹³. Е.В. Пчелов думает, что это имя попало в новгородское летописание, «возможно, из каких-то местных преданий, бытовавших исстари в Новгороде», представляет собой «отголосок древних преданий». Так же рассуждает Е.А. Мельникова. В.Я. Петрухин, отклоняя «гипотетические» новгородские своды 1050 г. и 1167 г., выделенные Шахматовым, заключает: «Нет оснований считать, что предполагаемая новгородская легенда о Гостомысле носила древний фольклорный характер», т. к. он есть персонаж позднего книжного предания. В связи с чем категорически выступил против попыток С.Н. Азбелева «историзировать» Гостомысла и видеть в нём правителя балтийских славян¹¹⁴).

Появление «августинской» легенды было продиктовано стремлением, подчёркивал, например, А.А. Зимин, «доказать преемственность власти московских государей от власти римских и византийских императоров»¹¹⁵. И тем самым диктовалось притязание России на равное место среди европейских держав (как и на связь русской истории с мировой). Но равенство им вытекала из равенности исторического начала, поэтому родословная московских великих князей была возведена, что тогда было в порядке вещей, к Августу «кесарю» (первый римский император Гай Октавиан Август Цезарь правил в 27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), наиболее почитаемому европейскими монархами из всех правителей древности. Почитаемому потому, объясняют наши книжники, что «при нём бысть... Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», в связи с чем и династия Рюриковичей «не худа же рода бяху и не незнаема, но паче преименита и славна римскаго кесаря Августа»¹¹⁶.

К тому же в лице Августа Октавиана, отмечал И.Н. Жданов, «сходилось всё величие былого, от него же разошлась власть и сила по отдельным странам; ставленники Августа сели и в Египте, и в Сирии, и на берегах Истра, и там, где обитают угры, и на побережье Вислы». «Удревление генеалогии московских государей на максимально возможный срок, — поясняет С.В. Перевезенцев, — позволяло рассматривать историю самой России как часть общемировой истории, в которой Россия занимает самое достойное место»¹¹⁷. Естественно было ожидать, что наши мыслители, установив «родство» Рюрика с римским императором, связали бы его, как это сделали, например, молдаване и литовцы с родоначальниками своих династий, непосредственно с самим Римом. Но они, отступив от принятых канонов, вывели Рюрика не из Рима, не из Италии вообще, а с Южной Балтики, которая во времена могущества «вечного города» находилась далеко на периферии мировой истории и ничем в ней не отметилась.

Назвать же летописцев в качестве родины Рюрика именно Южную Балтику, игнорируя тем самым наиболее престижные, по понятиям той эпохи, территории для корней правящих домов, могла заставить только традиция, освящённая временем и имеющая широкое распространение. С.А. Геденов видел в «августинской» легенде общенародное предание о южнобалтийском происхождении варяжской династии, говоря при этом, что «не от сказки об Августе и Прусе родилось предание о поморской отчизне варяжских князей, а на-

оборот». Вместе с тем также справедливо подчёркивая: «Но *поводом* к этой сказке служило всё-таки *убеждение* (основанное на действительном историческом факте), что *варяги*, у которых поселился брат Августов Прус и от которых в 862 году вышли Рюрик, Синеус и Трувор, жили не в Швеции, не в упландском Родене, а на берегах Вислы реки, т. е. были западнославянского происхождения». Р.П. Дмитриева допускала мысль, что при её создании могли быть использованы какие-то устные легенды.

А.Г. Кузьмин выводил истоки «августинской» легенды из Южной Балтики, указывая, что в её пределах «очень рано существовали предания, увязывавшие основание разных городов Юлием Августом», например, знаменитого Волина в устье Одера. Затем он уточнил, что легенда эта зародилась в Понемье, где, согласно источникам, существовала «Чёрная (т. е. Чермная — красная) Русь». В представлении о выходе Рюрика с южного берега Балтики, резюмировал в целом историк, можно увидеть отражение ещё живой традиции¹¹⁸. Обращает на себя внимание тот факт, что «Сказание», давая информацию о родине варягов, персонифицированных Рюриком, ни словом не обмолвилось о его этносе. А это молчание весьма красноречиво, ибо показывает, что в те годы никто не сомневался в славянском происхождении и Рюрика, и варягов (тема их языковой и этнической принадлежности будет прямо затронута в восточнославянских источниках лишь двести лет спустя — во второй половине XVII в.).

По мнению А.Л. Гольдберга, несмотря на сюжетное сходство эпизода приглашения Рюрика в варяжской и «августинской» легендах, в последнюю «был вложен иной смысл: старое предание, связывавшее род Рюриковичей с некогда могущественными, но давно сошедшими со сцены варягами, было заменено новой легендой, удачно вводившей Русь в круг мировых держав». Такой взгляд, резко противопоставляющий эти два памятника, проистекает лишь из допущения, что варяги были норманнами. Как полагал М.А. Алпатов, в «августинской» легенде преднамеренно была произведена смена этноса первых русских князей, в результате чего они из шведов были превращены в пруссов или же в римлян¹¹⁹. Но вывод Рюрика «от рода римска царя Августа», как выше было объяснено, никак не был связан с этнической атрибуцией варягов. И «от рода римска царя Августа» — это, по сути, та же регалия царского достоинства, что и «дары Мономаха», и которая, в связи с пресечением корня Ивана Грозного, по наследству перешла Василию Шуйскому, а затем Романовым¹²⁰. Причём последние вообще не имели никакого отношения к Рюриковичам.

Нет, конечно, и антагонизма между легендами, как нет и противопоставления «варяжского» начала правящей династии «римскому» началу. В связи с чем распространение «Сказания» в историографии не привело к угасанию в ней традиции ПВЛ, и варяжскую легенду продолжают вносить в летописи либо в первоизданном виде¹²¹, либо пропитанную мотивами «августинской» легенды (Рюрик «иже прииде из варяг в великий Новѣград со двема братома своими и с роды своими, иже бе от племени Прусова... Прус же брат... бысть римского кесаря Августа», или «идоша за море к варягом и пруси, иже сице звахуся варязи»)¹²², либо оба рассказа мирно соседствуют на страницах одной и той же летописи (например, Воскресенской)¹²³. Сами Рюриковичи, говоря

о своих корнях и выводя себя «от рода римска царя Августа», ни в коей мере не отказывались от своих варяжских истоков. Так, в одной из рукописей XVI в., указывал Н.М. Карамзин, читаются две приписки Ивана, сына Ивана Грозного: «Списано бысть сие многогрешным Иоанном русином, родом от племени варяжска, колена Августа кесаря римскаго» и «преписано бысть сие... многогрешным Иваном... колена Августа, от племени варяжскаго, родом русина, близь восточныя страны, меж предел словеньских, и варяжских, и агаряньских, иже нарицается Русь по реке Русе» (Л.А. Дмитриев, отмечая, что царевич «был человеком высокой книжной культуры», поясняет, что эти слова звучат в написанном им в 1579 г. Житии Антония Свийского)¹²⁴.

Пройдёт не так уж много времени, и «римская» версия начала русского правящего дома, выполнив задачу, поставленную перед ней потребностями российской государственности, сойдёт на нет. И если, например, в «Истории о царях и великих князьях земли Русской», созданной в 1669 г. по велению Алексея Михайловича дьяком Казанского дворца Ф.А. Грибоедовым, она представлена (и Романовы «породнены» с Прусом), то в Синописе, изданном в 1674 г., о связи Рюрика с Прусом и Августом ничего уже не говорится. Её слабый отзвук можно услышать лишь во фразе, что Владимир Святославич «от корня Августа цесаря римскаго»¹²⁵. В XVI в. «Сказание о князьях владимирских» становится выразителем государственных интересов России в её внутри- и внешнеполитической деятельности, и мыслью о южнобалтийской родине Рюрика проникнуты многие памятники той эпохи. Продолжает она громко звучать в следующем веке, знаменующем собой начало нового периода в русской истории, время серьёзных потрясений России и основательных изменений в её экономической и общественно-политической жизни, что опять же заставляло наших мыслителей всматриваться в прошлое своего Отечества, искать там ответы на злобу дня, заглядывать в день грядущий. Их приёмы исторического изучения уже были настолько высоки, что XVII столетие признано в науке качественно новым этапом в русской историографии¹²⁶.

Южную Балтику как родину варягов называет «Хронограф» С. Кубасова (1626 г.), согласно которому «по скончании же Гостомыслов» за Рюриком «послаша в варяги в Прускую землю»¹²⁷. Тот же адрес даёт «Повесть о происхождении славян и начале Российского государства» (или «Повесть о древнейшей истории Руси», заменившая собою потерявшее актуальность «Сказание о князьях владимирских»), написанная в середине XVII в. и отразившаяся во многих летописных сводах. Её авторы направляют новгородских послов «в Прускую землю», «в Прускую и в Варяжскую землю», «в Прускую Варяжскую землю»¹²⁸ (повесть была создана в процессе работы над Сводом 1650 г., возникшем в среде «московских боголюбцев», причём «можно говорить о близости создателя повести к новгородской культурной среде»¹²⁹).

Именно о южнобалтийских и именно о славянских истоках руси утверждают памятники, возникшие в середине и в третьей четверти XVII в. в Малороссии. Так, Бело-Церковский универсал Богдана Хмельницкого (28 мая 1648 г.) констатирует, что руссы «из Руси, от помория Балтийскаго альбо Немецкаго»¹³⁰. Далее он говорит о некоем князе, под предводительством которого древние

руссы взяли Рим и четырнадцать лет им обладали. Канцелярист Войска Запорожского С.В. Величко в 1720 г. в своём «Сказании о войне козацкой з поляками» передал слова «Универсала» о родине руссов в несколько иной редакции: «...Руссов з Ругии от помория Балтицкого албо Немецкого». Назвал он и имя предводителя руссов — «Одонацера»¹³¹, т. е. Одоакра, в 476 г. свергнутого последнего императора Западноримской империи Ромула Августа и в течение тринадцати лет владевшего Северной Италией.

После четырёхлетней борьбы (489–493) он был убит вождём остготов Теодорихом. Историк VI в. Иордан причисляет Одоакра к ругам-русам («*genere Rogus*»)¹³², а в позднем средневековье он герой именно западнславянских исторических сказаний, где именуется «славянским» князем, но чаще всего «руским» (польский историк XV в. Я. Длугош называл Одоакра «русином»¹³³) или «ругским» князем, герулом с о. Рюген¹³⁴ (Южная Балтика), известного по источникам ещё как Русия (Russia), Ругия (Rugia), Рутения (Ruthenia), Руйяна (Rojna) (известны и такие ещё его наименования — Rugniatis, Run, Rhun, Rugnos, Ruan)¹³⁵. Именно два первых названия, надо заметить, зафиксированы в «Универсале» и труде Величко (М.Б. Свердлов утверждает, что Длугош «отождествил по созвучию» ругов с руссами, «поэтому он написал об Одоакре, который во второй половине V в. победил ругов, как о русском»¹³⁶). Но странно, конечно, именовать победителя именем тех, кого он победил).

Память об Одоакре, следовательно память о его русской, южнобалтийской родине, сохранялась не только в южнорусских землях, но и в пределах Северо-Западной Руси. Косвенным тому подтверждением является «Повесть о взятии Царьграда фрягами», читаемая в НПЛ под 1204 г. и где в числе руководителей Четвёртого крестового похода назван Бонифаций, маркиз Монферратский: «Маркос от Рима, в граде Бърне, идеже жил поганыи злыи Дедрик»¹³⁷. О Теодорихе (Тедрике), резиденция которого находилась в Вероне, именовавшейся у германских народов Берном¹³⁸, в Новгороде, самым своим началом обязанным варяжской руси, помнили по прошествии более семи столетий после гибели «русского» Одоакра. Причём помнили, указывает А.Г. Кузьмин, «как о заклятом враге Руси». И новгородскому читателю XIII в. его имя было известно настолько, что им можно было пояснять и такую ещё немаловажную деталь, как географические ориентиры (Берн). При этом историк выражал уверенность, что новгородский летописец того же времени помнил о событиях V в., явно опираясь на устную традицию, «может быть, уже записанную к этому времени, ... и она оказывается достоверней весьма разноречивых записей об этнической принадлежности Одоакра»¹³⁹.

И.Э. Клейненберг, напротив, считал, что летописная реминисценция относится не к историческому лицу, королю остготов Теодориху, а к излюбленному персонажу немецкого средневекового героического и сказочного эпоса Дитриху Бернскому, занесённому на Русь посредством выходцев из вестфальских городов¹⁴⁰. Показания «Универсала» Богдана Хмельницкого и известия С.В. Величко, свидетельствующие в пользу очень большой популярности Одоакра среди казаков и русских, боровшихся с Польшей, а следовательно, и знания ими Теодориха, его убийцы, не позволяют принять выводы Клейненберга. О широкой известности Одоакра, и опять же о всех обстоятельствах его биографии, в том

числе, конечно, и имени Теодориха, говорят также слова Самойло Зорки, произнесённые в августе 1657 г. при погребении Хмельницкого: «К тебе обращаю я тщетное слово; возлюбленный наш вождь! древний русский Одонацарь»¹⁴¹. Вместе с тем обращает на себя внимание немаловажный факт, приведённый А.С. Хомяковым: предание о Теодорихе сохранялось только в бывших «землях вендов приодерских... и это предание совершенно местное» (т. е. южнобалтийское), неизвестное в остальных германских землях¹⁴².

Адресатами «Универсала» являлись, как сказано в его заглавии, «Малороссийской Украины жителям и казакам». Величко ещё больше расширяет его аудиторию: «...На всю Украину Малороссийскую, по обоим сторонах Днепра будучу, и в далнии города русские засланный»¹⁴³. Составители этого документа, поднимая массы на борьбу с польскими поработителями, обратились к давней своей истории, и это обращение, чтобы достичь поставленной цели, могло быть наполнено только очень хорошо понятным всем содержанием. М.О. Коялович увидел в «Универсале» стремление книжников «удовлетворить потребности народа перенестись к своему родному прошедшему и воодушевиться доблестью его лучших представителей». Прав в своём заключении и Ю.Д. Акашев, что апелляция к Одоакру вряд ли была уместной, если бы простому люду не было известно его имя «и если бы оно не было связано с историей росов»¹⁴⁴. Конечно, и Н.В. Савельев-Ростиславич нисколько не ошибался, заключив в 1845 г., что русские в XVII в. «считали неоспоримым славянское происхождение своих князей с Балтийского Поморья, а не из Скандинавии»¹⁴⁵.

Синопсис, вышедший в 1674 г. из круга, близкого архимандриту Киево-Печерской лавры И. Гизелю (до конца XVII в. книга ещё четыре раза переиздавалась и до появления «Краткого Российского летописца» Ломоносова была, объяснял П.Н. Милюков огромную популярность Синопсиса, «первым и единственным печатным учебником русской истории»), впервые специально заостряет внимание на языке, следовательно, и этносе варягов: «Понеже варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицается Варяжское, селение своя имуще, языка славенска бяху»¹⁴⁶. До сих пор эта тема в восточнославянских источниках не поднималась, ибо в границах бывшей Руси в них видели только славян. Нисколько не сомневался в этой истине и автор Синопсиса. Её он озвучил именно как абсолютную истину лишь потому, что в литературе Малороссии того времени, обращавшейся к прошлому на весьма широком круге источников, в том числе западноевропейских (в первую очередь польских)¹⁴⁷, появилась разноречивая информация о варягах. Это хорошо видно на примере Густинской летописи (составлена в 1623–1627 гг.). Её переписчик в 1670 г. в главе «О варягах» после фразы «варязи се есть народ храбрый и славный» указывает, что «Стриковский нарицает их шведами». После чего сообщает, что «межи Французскою землею и Италиєю есть земля, нарицаемая Варягская», а «князи и люди тоя земле варягами нарекошася». Сам же вывод по обзору мнений о варягах у него весьма категоричный: «Но мню, яко наша Русь не от сих варяг князя себе с перваго Рурика привезоша». В идущей следом главе «О прусех» он пишет, что «прусов неции варягами нарицах», от них Русь «избраша себе перваго князя Рурика», приводит совет Гостомысла послать «в прусы ко варягом»¹⁴⁸.

Автор приписки к Густинской летописи, что «Стриковский нарицает» варягов шведами, ошибался, и ошибался самым серьёзным образом. Польский историк М. Стрыйковский, труд которого «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» был издан на его родном языке в 1582 г. (на русский переведён в 1688), ничего подобного не говорит. У него в начале разговора о варягах в качестве предположения сказано, что если москвичи, новгородцы и псковитяне называют Балтийское море, омывающее Пруссию, Швецию, Данию, Ливонию, Финляндию и часть московских земель, Варяжским морем, то «похоже... что или шведские, или датские, или прусские князья из граничащих с ними стран у них правили»¹⁴⁹. Но в этой части он с самыми незначительными вариациями повторил мысль С. Герберштейна, от которой тот, высказав её лишь как плод ложного заключения, тут же отказался: «Впрочем, поскольку сами они (русские. — В.Ф.) называют Варяжским морем море Балтийское, а кроме него и то, которое отделяет от Швеции Пруссию, Ливонию и часть их собственных владений, то я думал было, что вследствие близости (к этому морю) князьями у них были шведы, датчане или пруссы»¹⁵⁰.

А уже следующей строкой Герберштейн излагает версию выхода варягов из южнобалтийской Вагрии. Стрыйковский и в этом случае следует в своей основе за ним: что «есть также город Вагрия, издавна очень славный, основанный вандалами недалеко от Любека на гользацкой границе, от которого, как считают некоторые, Балтийское море было названо Варяжским», что вандалы, употреблявшие, «по мнению некоторых историков», славянский язык, «в те времена были весьма могущественны в своих странах благодаря рыцарским способностям». В связи с чем представляется вероятным, что русские тогда «из тех варгров, или же варагов и вандалов, из своего народа славянского, князей себе выбрали и передали им правление над русским государством». Но вместе с тем он всё же поддерживает и аргументирует, по мнению Д.В. Карнаухова, легенду о римском происхождении Рюрика: «Есть также земляца Варагия или Верагия в государстве савойского князя между Итальянской и Французской землями... которая некогда также являлась римской провинцией» (польский хронист также указывает, что «страну Лотевскую», т. е. Ливонию, именовали «Варагией»: Рюрик, Синеус и Трувор «с Палемоном в те северные страны приплыли, то и были названы верагийскими или варагскими князьями, от итальянской родины Варагии, и в страну Лотевскую в то время Варагией называли», «когда Палемон с другими римлянами поселился в Жмуди и Литве»)¹⁵¹.

Приведённый материал не позволяет согласиться с М.А. Алпатовым, полагавшим, касаясь известия Синописа о славянской природе варягов, что в этом случае его автор, увлечённый идеей единства народов России и Малороссии, стремился исключить чужеземный элемент из их прошлого¹⁵². Но таковыми варяги эпохи призвания никогда не мыслились, как и не мыслились они скандинавами. Представлением о славянской природе варягов, прибывших к ним с южного берега Балтийского моря, всегда жило восточнославянское общество, особо подчеркнув этот факт в ходе борьбы за воссоединение Малороссии с Россией, за воссоединение некогда единого народа, одна часть которого была поставлена перед реальной угрозой потери своего этнического лица, языка, веры.

И этот факт не только дополнительно призывал к незамедлительному восстановлению утраченного единства, но и вместе с тем обосновывал историческое (законное) право на это перед кем бы то ни было¹⁵³.

Традиция, видящая в варягах славянских насельников Южной Балтики, отразилась в отечественных источниках первой половины XVIII века. По свидетельству М.П. Погодина, у него на руках имелись списки описания русских монет, поднесённых Петру I, где в пояснении к указанию западноевропейского хрониста Гельмольда (ум. после 1177) о проживании славян в южнобалтийской Вагрии добавлено — «меж Мекленбургской и Голштинской земли... И из выше означенной Вагрии, из Старого града князь Рюрик прибыл в Новгород»¹⁵⁴ (Старый град — это Старигард, в 1157 г. скалькированный в немецкий Альденбург, ныне — Ольденбург в Гольштинии, главный город вагров). Саму информацию о Вагрии совсем необязательно связывать только с Гельмольдом. Своими корнями она уходит в русскую историю. Так, в древнейшем списке «Хождения на Флорентийский собор» (вторая четверть XVI в.) уточняется, что когда митрополит Исидор и его свита плыли в мае 1438 г. из Риги в Любек морем, то «кони митрополичичи гнали берегом от Риги к Любку на Рускую землю»¹⁵⁵. Первоначальная редакция «Хождения» была написана в конце 30-х гг. XV века. Любек расположен на р. Траве, разделявшей в прошлом владения вагров и ободритов¹⁵⁶, и эту территорию русские в середине XV и в первой половине XVI в. именovali «Руской землей».

Важно добавить, что Иоакимовская летопись представляет варяга Рюрика славянином, сыном средней дочери Гостомысла Умилы и правнуком Буривая (В.Н. Татищев её автором полагал Иоакима Корсунянина, первого новгородского епископа, умершего в 1030 г., «совершенно древняго писателя более, нежели Нестор, сведущаго и не иначе как в греческом языке, так и в истории искусного». С.Н. Азбелев, указав на аутентичность уникальных сведений этой летописи, пришёл к выводу, что она принадлежит изначальному тексту Иоакима и что «известия своего первоначального текста летопись, дошедшая до Татищева уже только в рукописи XVII в., уснастила, соответственно моде позднейшего времени, плодами сочинительства, основанного на этимологических догадках», но данное обстоятельство не даёт «достаточных причин отказывать в доверии этому памятнику»¹⁵⁷.

Свидетельства приведённых памятников о южнобалтийской родине варягов обычно объявляются в науке принадлежностью поздней историографической традиции, якобы легендарной по своей сути, поэтому о них весьма снисходительно отзываются в разговоре об этносе варягов (А.Л. Шлёцер охарактеризовал «августинскую» легенду как «глупая сказка»¹⁵⁸). Но, рассуждая так, исследователи не видят главного: Иоакимовская летопись, «Сказание о князьях владимирских», «Хронограф» С. Кубасова, «Повесть о происхождении славян и начале Российского государства», Бело-Церковский универсал, Синописис, описание монет, поднесённых Петру I, несмотря на то, что часть из них действительно несёт в себе легендарные мотивы, характерные вообще для памятников средневековья, озвучивают, во-первых, ту же традицию, что отражена в нашей древнейшей летописи — в ПВЛ.

Во-вторых, версия ПВЛ и других наших источников о южнобалтийском происхождении варягов (руси) и их славяноязычии имеет, что также свидетельствует в пользу её исторической основы, параллели в других традициях, также уходящих древность. И прежде всего в западноевропейской, отражённой в широко известных в XVI–XVII вв. в Западной Европе трудах немцев С. Мюнстера и С. Герберштейна, независимо друг от друга утверждавших в 1544 и 1549 гг. о выходе Рюрика и варягов из южнобалтийской Вагрии (т. е. с их языка сорвалось, если вспомнить М.П. Погодина, то, что не сорвалось с языка Гельмольда XII в.). Рюрик, пишет Мюнстер, приглашённый на княжение на Русь, был из народа, как он специально отмечает устойчивое двойное наименование этого народа, «вагров» или «варягов», главным городом которых являлся Любек (был основан как резиденция ободритских князей во второй половине XI в.).¹⁵⁹

Посол Священной Римской империи германской нации Герберштейн, посещавший Россию в 1517 и 1526 гг. (в общей сложности он провёл в пределах нашего Отечества 16 месяцев) и специально интересовавшийся варягами, также указывает, что их родиной была «область вандалов со знаменитым городом Вагрия», граничившая с Любеком и Гольштинским герцогством (А.Г. Кузьмин отмечал, что в германских средневековых источниках «вандалами» и «венедками» «именовали либо всех славян, либо их прибалтийскую часть» и что они «понимаются как разные названия одного и того же этноса». Сегодня немецкий исследователь А. Пауль уточняет, что уже во второй половине VIII в. отождествление славян и вандалов представляло из себя прочную традицию в создававшихся в Германии латинских текстах).

И эти «вандалы», — завершает Герберштейн свои размышления, — не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов (т. е. он также, как и Мюнстер, констатирует два имени одного и того же народа. — В.Ф.), а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком»¹⁶⁰ (к вопросу о двойном названии «вагров» и «варягов» следует добавить слова известного географа XVI в. Г. Меркатора о том, что язык рутенов/русских о. Рюгена, которые «всем окрестным государствам грозны и противны были», есть «словенский да виндалской». «Очевидно, — делал Кузьмин очевидный вывод, — какое-то время рутены были двуязычными: переходя на славянскую речь, они сохраняли и свою исконную, которую Меркатор считал «виндальской», то есть, видимо, венедской». И вот этот «виндальский» язык, справедливо подчёркивал учёный, и следовало бы выявить, вместо того чтобы подгонять непонятные слова под германские, в частности, скандинавские языки¹⁶¹).

Н.В. Савельев-Ростиславич и В.Б. Вилинбахов полагали, что вывод Герберштейна отразил сохранившееся в народной памяти представление о славянском происхождении варягов (последний вместе с тем подчёркивал, что Герберштейн опирался на какие-то известные ему летописные источники)¹⁶². Действительно, посол, родившись в Крайне — славянской области Австрии и с детства зная язык местных славян (словен), мог узнать в России многое из того, что никогда бы не услышали в частной беседе с русскими или не прочитали бы в недо-

шедших до нас памятниках другие западноевропейцы. Такое предположение весьма правдоподобно, хотя Герберштейн констатирует, что в России «про варягов никто не мог сообщить мне ничего определённого, помимо их имени». Вместе с тем ему была известна «августинская» легенда, которую он охарактеризовал как «бахвальство русских»¹⁶³. Но при этом бахвальством посол назвал лишь действительно фантастическую генеалогию, выводившую Рюрика с братьями «от римлян». А вот само указание легенды на южнобалтийское побережье как на родину варягов могло послужить для него отправной точкой в разысканиях, ответ на которые он нашёл в Западной Европе.

Герберштейн, выполняя дипломатические поручения, посетил многие европейские государства (Данию, Швейцарию, Нидерланды, Италию, Испанию, Францию¹⁶⁴), в том числе Саксонию, Бранденбург, Мекленбург¹⁶⁵, включавшие в себя земли полабских и южнобалтийских славян, и где он мог познакомиться с преданиями, проливающими свет на таинственных русских варягов. Всего вероятней, что информацию о варягах дипломат получил в Дании, в которой побывал перед своей первой поездкой в Россию: в январе-апреле 1516 г. (в Москву он отправился в декабре того же года). Проезжая по территории Дании, значительную часть своего пути Герберштейн проделал по Вагрии (от Любека до Гейлигенгагена)¹⁶⁶, с 1460 г. входившей в состав датского королевства. Как следует из его рассказа, он общался с потомками вагров, которых впоследствии сблизил с русскими, отметив общность их языка и обычаев. От них же Герберштейн, несомненно, почерпнул сведения о прошлом Вагрии, которые затем соотнёс с известиями русских источников, что и позволило ему поставить знак равенства между варягами и южнобалтийскими ваграми, но только не варягами и скандинавами.

Важно заметить, что достоверность информации о южнобалтийской родине варягов, растиражированной как многократными переизданиями сочинений Мюнстера и Герберштейна в крупнейших центрах Западной Европы (Вене, Венеции, Базеле, Антверпене, Праге, Франкфурте-на-Майне и др.) на разных языках¹⁶⁷, так и трудами других авторов XVI–XVII вв. (в той или иной редакции её повторяли поляк М. Стрыйковский, французы Ж. Маржерет, К. Дюре и Ф. Бриэ, немец А. Майерберг и др.), никто из западноевропейцев, за исключением шведских норманистов начала XVII — первой трети XVIII в., не ставил под сомнение, что говорит в пользу общеевропейской известности данного факта.

На тему варягов немецких учёных постепенно начинают выводить и ведущиеся с XVI в. в их государствах генеалогические разыскания, выявившие славянские корни немецких княжеств: «ободритские» в Мекленбурге и «сорбские» в Бранденбурге¹⁶⁸. Причём занятия генеалогией перерастают у них в целенаправленное внимание к прошлому южнобалтийских славян, результатом чего стало установление их теснейшей связи со славянами Восточной Европы. Так, в XVII в. Б. Латом (умер 1613), а затем и Ф. Хемниц констатировали (они оба занимались изучением ранней истории Мекленбурга, связанной с южнобалтийскими славянами), что Рюрик жил около 840 г. и был сыном ободритского князя Годлиба (по другим вариантам, приведённым позже, Годелайва, Годелейба), убитого данами в 808 г. при взятии города Рарога¹⁶⁹. В 1708 г. вышел первый том знаменитых «Генеалогических таблиц» И. Хюбнера (в 1725 г. был опубли-

кован уже четвёртым изданием), в которых династия русских князей начинается с Рюрика, потомка вендо-ободритских королей, пришедшего около 840 г. с братьями Синаусом и Трувором в Северо-Западную Русь¹⁷⁰.

Знаменитый Г.В. Лейбниц, философ, математик, физик, языковед, основатель и первый президент Берлинской Академии наук, проявил свои незаурядные способности и на поприще истории. С 1676 г. он находился на службе герцога (с 1692 г. — курфюрста) Брауншвейг-Люнебургского и Ганноверского в качестве придворного советника и библиотекаря. С 1685 г. на него были возложены обязанности придворного историографа, задача которого заключалась в написании истории брауншвейгской династии, в связи с чем он вёл большую работу по сбору материала и для чего в 1687–1690 гг. совершил поездку по Южной Германии, Австрии и Италии. В апреле 1710 г. Лейбниц в письме к берлинскому библиотекарю М.В. ла Крозу, изучавшему историю восточной церкви, русскую историю и филологию, сообщил своё мнение относительно страны, откуда прибыли варяги. Как он полагал, «это Вагрия, область, в которой находится город Любек и которая прежде вся была населена славянами, ваграми, оботритами и проч.». Отмечая, что «Вагрия всегда была страной с обширной торговлею, даже ещё до основания Любека, потому что эта страна лежит у входа в Ютландский полуостров и представляет возможность лёгкого сообщения с океаном», учёный заключил: «Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести звук *gr*, сделали из Вагрии варяг»¹⁷¹.

Лейбница к выводу о Вагрии как родине варягов привели, как минимум, две причины. Во-первых, занятия историей герцогства Брауншвейг-Люнебургского и Ганноверского, включавшего в себя земли, на которые некогда распространялась власть сильнейшего на Южной Балтике племени ободритов. Главным городом ободритов был Рарог, расположенный у Висмарского залива, и который датчане именовали Рерик, т. е. город реригов¹⁷². Это название, которое Лейбниц увязал с именем Рюрик, и могло направить его мысль в соответствующем направлении, в правильности которой учёного ещё больше укрепили либо Мюнстер, либо Герберштейн. Во-вторых, он, начиная с 1690-х гг., проявлял всё более возрастающий интерес к России и её истории. По крайней мере, с 1697 г. в центре его внимания находилась проблема корней русской правящей династии. Так, прося графа Пальмери познакомить его с Ф.Я. Лефортом, официально числившимся главой «великого посольства», он свою просьбу аргументировал тем, что «хотел бы узнать различные подробности... насчёт родословного происхождения царя, о чём у меня есть рукописная таблица». В связи с чем В.И. Меркулов высказал вполне обоснованную идею, что занятия Лейбница русской историей могли вывести его на оригинальный западноевропейский материал, например, древние родословные¹⁷³.

Надлежит подчеркнуть, что, зная исландские саги и историю скандинавских народов, Лейбниц отождествил варягов, как это до него делали Мюнстер и Герберштейн, не со шведами (или с какими-то другими скандинавами), а со славянами, и в качестве их местожительства также назвал южнобалтийскую Вагрию. Но вместе с тем он предположительно сказал в том же письме ла Крозу,

что «Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришёл из Вагрии или из окрестных областей». Это предположение Лейбница объясняется, во-первых, тем, что, по его словам, Вагрию несколько раз покоряли датчане¹⁷⁴. Во-вторых, к нему его могли подвести авторы XVII в., выводившие Рюрика из Дании, что и было ошибочно истолковано учёным в этническом смысле (как уже говорилось, именно так понимал эту информацию норманист А.А. Куник). В-третьих, к выводу о датском происхождении родоначальника русской династии Лейбница могла подтолкнуть и информация Титмара Мерзебургского (ум. 1018) о нахождении датчан в Киеве. А этого автора он хорошо знал: в 1707 г. его труд был им издан в первом томе собрания исторических источников «*Scriptores rerum Brunsvicensium*».

Весьма многозначителен тот факт, что Вагрию Мюнстер, Герберштейн и Лейбниц рассматривают в неразрывной связи с Любеком. И это не только потому, что они хотели тем самым пояснить читателю местонахождение древней Вагрии. Любек ряд средневековых источников помещает именно «в Руссии». Так утверждают, например, западноевропейские документы XI и конца XIV в. (1373 и 1385)¹⁷⁵. Выше говорилось, что Любек полагает в «Русской земле» и русский автор «Хождения на Флорентийский собор» в 30-х гг. XV в. (но эта «Русская земля» столь была непонятна советским учёным, что Н.А. Казакова, издавая в 1970 г. «Хождение», убрала из него «Рускую землю», митрополичьих коней теперь «гнали берегом от Риги к Любку на Курскую землю». Как отмечал А.Г. Кузьмин, «Русская земля» читается в древнейшем списке, которую Казакова исправила по списку XVII в. на «Курскую» и перевела как «Курляндия», хотя в XV–XVI вв. Курляндии ещё не было¹⁷⁶).

Разговоры об этнической принадлежности Рюрика вылились в 1717 г. в настоящую дискуссию между учёными северонемецкого г. Гюстрова (расположен в бывших владениях славян-варнов) Ф. Томасом и Г.Ф. Штибером, в ходе которой Томас, оспорив мнение о скандинавском происхождении Рюрика, вывел его из славянской Вагрии¹⁷⁷ (сегодня В.Я. Петрухин почему-то связывает факт отождествления вагров и варягов с именем Томаса и видит в том «заказной характер», ибо он «предпринял разыскание о балтийско-славянском происхождении варягов и Рюрика в связи с браком мекленбургского герцога Карла Леопольда и Екатерины Ивановны, племянницы Петра I». Но о ваграх как варягах задолго до Томаса говорили, без всякого влияния на то династических браков, Мюнстер и Герберштейн¹⁷⁸). В 1728 г. профессор Г.Г. Клювер в истории Мекленбургского герцогства (вскоре переизданной) отметил ободритское происхождение русского князя Рюрика. В 1741 г. М.И. Бэр в вышедшей на латинском языке «Мекленбургской истории» (через 18 лет был опубликован её немецкий перевод) вслед за Томасом утверждал, что у «короля рутенов и ободритов» Витислава (Витслава, ум. 795) был сын Годелайв (Godeleibus), сыновьями которого были Рюрик (Rurik), Синао (Sinao) и Трувор (Truwor), и что первый из них со временем «основал Новгород и стал великим князем русов». При этом он также отверг мнение шведа Петрея о выходе варягов из Швеции¹⁷⁹.

В 1753 г. С. Бухгольц, проведя тщательную проверку имеющегося у него материала, привёл в своём «Опыте по истории герцогства Мекленбург» генеалогию

вендо-ободритских королей и князей, чьей ветвью являются сыновья Годлиба Рюрик, Сивар и Трувар, ставшие, как при этом было подчеркнуто, «основателями русского дома»¹⁸⁰. Немецкие историки высказывали и иные мнения по поводу местонахождения родины варягов, но всё также полагая её на Южной Балтике. В 1688 г. М. Преторий в «Готическом мире» констатировал, что русские призвали себе князей «от народа своей крови» «из Пруссии и с ними сообщённых народов». Вместе с тем он весьма категорично утверждал, а это, видимо, первое прямое выступление против норманской теории: но только не из Дании или Швеции¹⁸¹.

Самим же русским о связи их истории с историей Южной Балтики напомнил датчанин А.Б. Селлий (жил с 1722 г. в России). В «Зерцале историческом государей Российских», написанном на латинском языке (после кончины автора было переведено в 1747 г. на русский язык), он Рюрика с братьями выводит из Вагрии: «В древношедшие лета сыны три княжие, / Рурик, Трувор и Синав все братья родные / из Вагрии в Русскую вышли землю званны, / И получили страны жребием метанны: / Рурик Новгород, Трувор Псков, а третьим уделом / Синав менший обладал на езере Белом»¹⁸². Селлий, надо заметить, являлся сотрудником Г.З. Байера, и именно по его совету он занялся русской историей и изучал, владея русским языком, «разных летописей российских» (и даже перевёл на немецкий язык Никоновскую летопись). Но во взгляде на этнос варягов Селлий был абсолютно независим от своего наставника. И этот факт объясняется тем, что датчанин хорошо знал русскую историю и что в своём выводе варягов из пределов Южной Балтики вполне мог опираться, как и когда-то Герберштейн, на предания, бытовавшие в Дании, в том числе и среди дальних потомков варягов. Как «человек значительной эрудиции, занимавшийся в нескольких немецких университетах», работавший с русскими летописями и изучавший сочинения о русской истории¹⁸³, Селлий, конечно, не мог не придать значения услышанному (на связь его информации именно с Западной Европой указывает и форма имени «Синав»).

То, что такого рода предания имели место быть и долгое время звучали на Южной Балтике, отразил в 1840 г. француз К. Мармье. Посетив перед этим одно из Мекленбургских герцогств, расположенное на землях славян-ободритов и граничащее на западе с Вагрией, он записал легенду (по его характеристике, «мекленбургскую традицию»), что в VIII в. у короля ободритов Годлава были три сына — Рюрик Мирлюбивый, Сивар Победоносный и Трувор Верный, которые, идя на восток, освободили народ России «от долгой тирании», свергнув «власть угнетателей». Собравшись затем «вернуться к своему старому отцу», Рюрик, Сивар и Трувор должны были уступить просьбе благодарного народа занять место их прежних королей и сели княжить соответственно в Новгороде, Пскове и на Белоозере. По смерти братьев Рюрик присоединил их владения к своему и стал основателем русской династии¹⁸⁴ (в данном случае не лишне заметить, что Мармье очень хорошо знал скандинавский мир и скандинавскую литературу, бывал в Дании, Швеции, Норвегии и Исландии¹⁸⁵).

С.Н. Азбелев видел в свидетельстве Мармье отзвук сведений, восходящих к С. Герберштейну, который иногда воспринимается, по его характеристике,

«в полунаучной публицистике» как самостоятельный исторический источник¹⁸⁶. Но, во-первых, посол лишь пересказывает «августинскую» легенду, и у него, естественно, отсутствует информация о короле ободритов-реригов Годлаве, сыновьями которого выступают наши варяжские князья. К тому же Герберштейн подчеркнул, что братья «по прибытии поделили между собой державу, добровольно вручённую им русскими», и датирует их приход на Русь, согласно летописям, 862 г.¹⁸⁷ Записанная же Мармье легенда гласит, что братьям пришлось выдержать борьбу с угнетателями русских, против которых те «больше не осмеливались восстать», и лишь только затем они, собираясь «вернуться к своему старому отцу», по просьбе благодарного народа заняли место их прежних королей, и относит все эти события к VIII веку. Подробности такого рода указывают именно на самобытный характер мекленбургской легенды, вот почему в науке подчёркивается независимость «мекленбургских генеалогий от генеалогии Рюриковичей на Руси» и что предание, зафиксированное Мармье, «по сути, воспроизводит западноевропейские генеалогические записи позднего средневековья, лишь определённым образом расцвечивая их, прославляя мужество и добродетельность сыновей Годлава и их подвиги на востоке, где они в конце концов будут приняты в качестве князей»¹⁸⁸.

Во-вторых, предания, с которыми соприкоснулись в XVI–XIX вв. многие западноевропейцы, — это голос самой истории, которые слышали они от самих южнобалтийских славян или их ближайших потомков (немаловажным в данном случае является и тот факт, что, как отмечал современник Мармье Ю.И. Венелин, «все линии нынешнего мекленбургского герцогского дома происходят прямо по мужской линии от ободритских королей»¹⁸⁹). Поэтому, совершенно справедливы слова А.Г. Кузьмина, что Герберштейн отразил вполне ещё живую традицию¹⁹⁰. Вполне возможно, намёк на ту же традицию содержится в словах немецкого хрониста XII в. Гельмольда. Повествуя о Старгарде-Ольденбурге, расположенном в землях вагров, он сообщил, что, «этот город, или провинция, был некогда населён храбрейшими мужами», находившимися во главе всей славянской Южной Балтики, и что «говорят, в нём иногда бывали такие князья, которые простирали своё господство» на земли ободритов, хижан «и тех, которые живут ещё дальше»¹⁹¹, т. е. на востоке.

И эта живая история ещё очень долго не пресекалась: славянский язык звучал на нижней Эльбе до начала XVIII в., а на левом берегу её среднего течения он сохранялся до конца того же столетия¹⁹² («немцы, — отмечал, например, Н.М. Карамзин, — покорив славян в Германии, старались истребить язык их», т. е. уничтожить основной этнический признак. Точно такую же политику проводили и их потомки. Так, в конце XVII в. вендский/полабский язык «чиновники стали запрещать под страхом суровых наказаний», и он прекратил своё существование к середине XVIII в.¹⁹³). Под напором ассимиляционных процессов народная память, по сравнению с языком, намного прочнее удерживает свои позиции, поэтому она удержала, в лице уже онемеченного населения Мекленбурга, важный факт из истории его славянских предков, факт, отстоящий от них ровно на целое тысячелетие («устный канон», — подчёркивает Л.П. Грот, — обладает способностью хранить информацию с самых древнейших времён, в от-

личие от письменной традиции, которая более подвержена влиянию различных течений и идейных экспериментов»¹⁹⁴).

Южнобалтийские предания, разумеется, возникли не на пустом месте и отражают собою реальные события, память о которых была распространена на весьма значительной территории и не стёрлась в веках. Примечательно, что они бытовали на бывших землях вагров и ободритов-реригов, тесно связанных между собой: вагры с VIII в. входили в состав племенного союза последних (А. Пауль считает, что «до X в. жители Вагрии и жители более восточных областей, в историографии известные как “вагры” и “ободриты”, предстают как две части одного народа, а не как два разных племени»)¹⁹⁵. И предание о призвании на Русь Рюрика с братьями — это отголосок их общей истории. В целом, как подытоживал А.Г. Кузьмин, на южном побережье Балтики «вплоть до XVIII в... не сомневались в южнобалтийском происхождении варягов и рода Рюрика. При этом, однако, не было уверенности в его племенной принадлежности»¹⁹⁶.

Приведённый материал со всей очевидностью показывает, что южнобалтийская теория происхождения варягов и варяжской руси опирается на древнюю традицию, которая красной нитью проходит через многие восточнославянские памятники X–XVIII веков. Она явственно звучит в эпоху Киевской Руси на страницах ПВЛ, слабо, но всё же прослеживается в источниках периода раздробленности Руси, что хорошо видно на примере новгородского летописания первой половины XIII века. Во время создания и существования централизованного Российского государства южнобалтийская традиция особенно ярко отразилась в большом числе русских и малороссийских источников. В Западной Европе параллельно и совершенно независимо от этой традиции на протяжении многих столетий также существовала практика выводить варягов с территории Южной Балтики и относить их к славянам. Причём обращает на себя внимание то обстоятельство, что она была зафиксирована представителями разных западноевропейских общностей и в первую очередь представителями германского мира — немцами и датчанином (скандинавом), которые излагали эту традицию на протяжении более 200 лет (с 1544 г. по 1753 г.) и которых уж никак не обвинишь, чтобы затуманить взор и ум читателя, в ложно понятом патриотизме, «ультра-патриотизме» и национализме. Других традиций, связывающих варягов с другими этносами и с другими территориями, в науке нет.

И одновременное существование двух версий южнобалтийской традиции происхождения варягов и руси — восточноевропейской и западноевропейской, совпадающих даже в деталях, — факт огромной важности, прямо указывающий на её достоверность. Логическим продолжением южнобалтийской традиции являются труды М.В. Ломоносова. Поэтому, как верно замечает А.Г. Кузьмин, «говорить о Ломоносове как о родоначальнике антинорманизма можно лишь условно: по существу, он восстанавливал то, что ранее уже было известно, лишь заостряя факты, либо обойдённые, либо произвольно интерпретированные создателями норманно-германской концепции»¹⁹⁷ (и первыми антинорманистами по праву следует считать немецких авторов, задолго до Ломоносова выводивших варягов из пределов Южной Балтики и с конца XVII в. — Преторий, Томас, Бэр — начавших борьбу с норманской версией).

Однако, что многократно усиливает значимость сказанного, круг известий в пользу южнобалтийского происхождения варягов и варяжской руси не замыкается восточно- и западноевропейскими памятниками. Локализует русь на южных берегах Балтийского моря иудейская традиция X в. в лице еврейского хронографа «Книга Иосиппон» и испанского иудея Ибрахима ибн Йа'куба. «Книга Иосиппон» помещает русов рядом с саксами («Саксани») и англами-датчанами («Энглеси») «на великом море» (в 1929 г. норманист Н.Т. Беляев подчёркивал, что этот памятник «приурочивает жилища руси к побережью Атлантического океана»). Но В.Я. Петрухин, выступая против свидетельств источников, противоречащих норманской версии, уверяет, что «упоминание саксов не может служить здесь обоснованию южнобалтийской локализации руси, ибо составитель Иосиппона представлял описание с точки зрения южного наблюдателя: далее упоминается Германия (Алемания) и лонгобарды». Стоит тогда напомнить, что в перечне «Афетова колена» ПВЛ русь также соседствует с англами: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии»)¹⁹⁸.

Купец Ибрахим ибн Йа'куб, посетив в 960-х — 980-х гг. германские и славянские земли (в том числе ободритские), отметил, что на прусов производят «набеги русы на кораблях с запада». При этом несколькими строками выше он прямо указал, что с польским князем Мешко I граничат «на востоке русы и на севере прусы»¹⁹⁹, т. е. автор не смешивает русов (рюгенских славян), нападавших на кораблях с запада на прусов, с жителями собственно Руси. В непосредственной связи с данной информацией находятся, во-первых, указание немецкого хрониста Рагевина (ум. 1177) под 1157 г., что Польша «на западе имеет границей Одру, на востоке — Вислу, на севере — русин и Скифское (Балтийское. — В.Ф.) море, на юге Богемские леса». Следовательно, заключал Н.С. Трухачёв, граничащие с Польшей русины «могли находиться только либо на островах, лежащих крайне близко к побережью (Рюгене, Узнойме, Волине), либо на каком-то отрезке самого южного побережья Балтийского моря»²⁰⁰.

Во-вторых, слова Адама Бременского: что Земландия, которую заселяют «сембы или пруссы», расположена «по соседству с русами и поляками» и что польский князь Болеслав Храбрый в союзе с германским императором Оттоном III «подчинил себе всю землю славян, а также Русь и пруссов». А вместе с тем и свидетельство Гельмольда: тот же правитель Польши «обложил данью всю Славию, что лежит за Одрой, а также “Русь и земли прусов”»²⁰¹. В-третьих, сообщение арабского географа XII в. ал-Идриси о городах Прибалтики: «От города Калури (сопоставляют с Таллином/Колыванью. — В.Ф.) в западном направлении до города Джинтийар семь дней [пути]», что жители этого большого цветущего города, не подчиняющегося ни одному правителю и расположенного на высокой горе, на которую невозможно подняться, «укрываются на ней от приходящих по ночам русов». В.И. Кулаков, читая название города Джинтийар как «Гинтийар» (от прусского «гинтарс» — янтарь), видит в нём центр прусской торговли — г. Кауп, расположенный на Самбийском полуострове²⁰².

(Но в районе устья Немана источники, на чём заостряли внимание М.В. Ломоносов и ряд норманистов, фиксируют Русь, к которой скандинавы не име-

ли, понятно, отношения. Востоковед И.Г. Коновалова мешающее сторонникам шведского взгляда на русскую историю свидетельство ал-Идриси «взвешенно» и «объективно» толкует по примеру Х.Д. Френа. Видя в топониме Джинтийар, вслед за финским учёным О. Талльгрэн-Тулио, искажённое *Хулмкар от древнескандинавского наименования Новгорода *Хольмгард*, она заключает: «Таким образом, информацию о Новгороде ал-Идриси получил, скорее всего, от купца-скандинава, бывшего в этом городе. О его хорошем знакомстве с Новгородом свидетельствует указание на возвышенный и укрепленный участок города, в котором надо видеть располагавшийся на восточной, торговой стороне города “Славенский конец”, “Славенский холм” или просто “Холм”. Очевидно, этот же информатор сообщил ал-Идриси и данные о политической самостоятельности Новгорода»²⁰³. Вот такими «открытиями», точнее, закрытиями истины полно и полнится «решето чудес» норманистов).

О славянской и южнобалтийской природе варягов и руси говорят и арабские авторы. Ад-Димашки (1256–1327), ведя речь о «море Варенгском» (Варяжском), поясняет, что варяги «есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие... Они суть славяне славян (т. е. знаменитейшие из славян)»²⁰⁴. Ко времени ад-Димашки варяги давно сошли с сцены истории, давно были завоёваны германцами южнобалтийские славяне, на Руси термин «варяги» давно стал синонимом терминам «немцы», «римляне», «латины». Поэтому его свидетельство является повтором, как посчитал С.А. Гедеонов, очень древнего известия. В.Б. Вилинбахов, обращая внимание на тот факт, что арабские источники называли Балтийское море то «варяжским», то «славянским», правомерно заключал: «можно полагать, что эти два понятия были синонимичными». Й. Херрман также констатировал, что «Варяжским, Славянским и Русским морем именуют Балтику арабские историки»²⁰⁵.

Но если южнобалтийскую теорию никто не создавал, и она самым естественным образом вытекает из предшествующей историографии, опирающейся на реальные события (вот почему в её пользу говорят независимые друг от друга традиции — русская, германская, восточная и иудейская), то совершенно иначе обстоит дело с норманской версией, не имеющей основы, т. е. лишённой того, что превращает предположение в научную теорию — источниковой базы, и искусственно вызванной к жизни великодержавными амбициями Швеции XVII века. Выше приводились слова М.В. Ломоносова, подтверждаемые источниками и работами историков и лингвистов, что «имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слышано»²⁰⁶. А это есть важнейший факт, которого только одного достаточно для признания всей несостоятельности утверждений о выходе руси из Скандинавии.

Вместе с тем на просторах Европы второй половины первого и начала второго тысячелетия многочисленные и разноязычные источники локализуют, как на том заостряют внимание антинорманисты, помимо Киевской Руси, Русь Прикарпатскую, Приазовскую (Черноморскую), Прикаспийскую, Подунайскую (Ругия-Рутения-Руссия-Рутенская марка-Рутония-Ругиланд), Пургасову Русь (располагавшуюся рядом с Владимиро-Суздальским княжеством), в целом, более десятка различных Русий. Особенно много их предстаёт на южном и восточ-

ном берегах Балтийского моря: Любек с окрестностями, о. Рюген (Русия, Ругия, Рутения, Руйяна), район устья Немана, побережье Рижского залива (устье Западной Двины) и западная часть Эстонии (Роталия-Руссия) с островами Эзель и Даго²⁰⁷. Именно с балтийскими Русиями, населёнными славянами и славяноязычными народами, связано призвание варягов и варяжской (т. е. балтийской) руси. Как подчёркивал в 1986 г. А.Г. Кузьмин: «Может быть, особое внимание должна привлечь Роталия (Западная Эстония), поскольку в русском именослове много имён явно чудского, эстонского происхождения, а такие имена, как “Игорь”, “Ингельд”, “Иггивлад”, могут прямо сопоставляться с “иговским языком”, особо выделяемым Курбским ещё в XVI столетии на территории Эстонии. Эстония занимает особое место и во всех сагах, где речь заходит о Руси, в частности, в сагах об Олафе Трюггвасоне»²⁰⁸.

10.3 Борьба южнобалтийских варягов и русов, создателей высокоразвитой цивилизации, с германскими захватчиками

Южнобалтийских славян (а таковыми германские хронисты полагали и ассимилированные ими разнотничные племена и не только германские) принято разделять на три больших политических союза, не имевших прочных границ. Самый западный, что господствовал на территории от Южной Ютландии (от полуострова Вагрия) до р. Варнов, — это ободритский союз, который, по мнению чешского слависта Л. Нидерле, сложился уже в конце VIII в. (ободритами их называли немцы, самоназвание неизвестно, их ещё именуют, по предложению П.И. Шафарика, поддержанному А.Ф. Гильфердингом, бодричами, хотя этот термин в источниках отсутствует), куда входили вары-варны-варины-вагры (именно в них ряд исследователей видит изначальных варягов), полабы (собирательное имя для ряда мелких народностей), древане, глиняне, смоляне, рароги-рерики (собственно ободриты).

Обширные земли на востоке и к юго-востоку от ободритов до р. Одера занимал лютичский союз (велеты, вильцы-волки) — хижане, руяне/раны (жители о. Рюгена-Русии, именуемые западноевропейскими источниками ещё ругами и русскими, причём на острове зафиксированы топонимы с корнем «рус»), черезпеняне, доленчане, ратаре-редарии (их князь являлся великим князем всех лютичей, имя которых, по пояснению Титмара Мерзебургского, есть общее имя), украине, моричане, речане, брижане, стодоряне (в немецких памятниках — гаволяне), глиняне, любушане, шпреяне, плоне и др. (по мнению нынешних немецких археологов, славяне проникли в район междуречья Эльбы/Лабы и Одера/Одры не позднее конца VII — начала VIII в., по Й. Херрману, в конце VI в., по В.В. Седову, в конце VI–VII столетия. Л. Нидерле говорил, что славяне пришли туда, «по крайней мере, во II или III веке», а названные реки достигли,

«по крайней мере, в III–IV веках». Английский учёный Т. Шор в 1906 г. утверждал, что самыми древними обитателями Германии к востоку от Эльбы были славяне, т. к. не дошло никаких преданий о более ранних жителях данной области, причём все древнейшие топонимы сплошь славянские). Затем далее на восток, между Одрой, Вислой, Вартой и Нотецею, располагался поморский союз, поморяне, из числа которых особо выделяют кашубов и словинцев. Южнее лютичей проживало ещё одно крупное объединение славян, именуемых полабскими, — сербы/сорбы, лужичане, мильчане, гломачи, дечане.

Германцы (немцы, скандинавы, англосаксы) именовали всех перечисленных славян склавы, склавены, склавины, склавоны, винды, виниды, венеды, винеда, винады, а их страну — Склавия, Склавания, Винланд, Виндланд)²⁰⁹. В настоящее время из этого многоликого и, по оценке немецкого хрониста Адама Бременского (ум. после 1080), весьма многочисленного славянского мира, не бывшего единым и нередко раздираемого сильнейшими кровавыми распрями, но создавшего высокоразвитую цивилизацию, не имевшую себе равных не только на Балтике, сохранилась совсем малая толика — лужицкие сербы/сорбы в ФРГ и кашубы на севере Польши. Тот же хронист констатирует, что «область славян, самая обширная провинция Германии... говорят, что она в 10 раз больше, чем наша Саксония» (как выразился в 1768 г. А.Л. Шлёцер, Германия «800 лет назад наполовину была славянской»).

И эта огромная славянская страна включала в себя, поясняет А. Пауль, половину территории нынешней восточной Германии — Мекленбург-Переднюю Померанию, восточную часть Шлезвиг-Гольштейна, Бранденбург, Берлин, Саксонию-Анхальт, Саксонию, северо-восточные земли Нижней Саксонии, большую часть Тюрингии и Баварии. Ко всему же, отмечает учёный, «отдельные славянские колонии и поселения существовали и намного западнее, доходя до Рейна и Северного моря, а также в Скандинавии», что «мощные славянские княжества и государства пали под натиском более сильного противника, а их потомки практически полностью вымерли или ассимилировались и стали немцами, утратив свои традиции, культуру, язык и самосознание»²¹⁰.

Кровопролитная борьба южнобалтийских и полабских славян с превосходящими — и мощью, и численностью, и сплочённостью — силами германцев продолжалась почти 400 лет и закончилась во второй половине XII века. В 780 г. первые отряды Карла Великого появились на левом берегу Лабы. Покорение в 782 г. основной части саксов (война франков с ними, как и ранее с тюрингами, отличалась большой жестокостью, депортациями и частичным геноцидом, что затем в полной мере испытают на себе славяне) открыло королю свободный путь на последних. В 789 г. он, переступив Лабу, столетиями разделявшую владения германцев и славян, совершил успешный поход на лютичей-велетов, державшихся союза с данами и саксами, что знаменовало собой первый удар по славянам (князь велетов/вильцев Дражко признал верховенство Карла).

В этом масштабном походе против своих сородичей выступили давно враждовавшие с ними ободриты, через земли которых их союзники франки, опираясь на поддержку ещё саксов, фризов (были окончательно подчинены Карлом Великим в 785 г.) и сорбов, вторглись в области велетов (характеризуются

источниками как самое воинственное племя, ведшее упорную и ожесточённую борьбу против немецкого господства и насаждения христианства). С 806 г. император начинает действовать уже на правом берегу Лабы, и с этого времени идёт всё более усиливающийся натиск немцев на восток (который несколько не ослаб после распада в 843 г. Франкской империи), направленный на покорение, завоевание и порабощение часто враждовавших между собой балтийских славян (так, Людовик Немецкий совершил несколько походов на ободритов, и в ходе похода 844 г. погиб их старший князь Гостомысл).

Но особенно натиск немцев на восток усилился во время Генриха I Птицелова (919–936), основателя саксонской династии Германского королевства. По оценке А.Ф. Гильфердинга, его приход к власти имел для балтийских славян роковое последствие, ибо король, как саксонец, придавал борьбе с ними тот характер, который она имела для его родного племени — «характер национальной ненависти», «кровавый характер, — уточнял Н.П. Грацианский, — который она сохранила в дальнейшем на протяжении двух с половиной веков». Сама же национальная ненависть саксов к славянам выросла из многовековых пограничных войн с ними, в частности, с ободритами. Выросла из той помощи, которую ободриты оказывали франкам (начиная с короля Пипина Короткого) в борьбе с саксами, что и привело к их покорению и включению его сыном Карлом Великим в состав Франкского государства (в 804 г. император передал своим союзникам ободритам, которых франкские анналы называют «нашими славянами», опустошённую, при их активном содействии, саксонскую Нордальбингию, что к северо-востоку от устья Эльбы/Лабы, позднейшая западная Гольштиния. Впрочем, через четыре года он отобрал у них свой «подарок»).

В 928 г. Генрих приступил, перейдя Лабу, к решительным действиям против славян и вскоре подчинил значительную их часть. Завоевательную политику отца с тем же беспощадным уничтожением непокорных «варваров» (особенно упорно сопротивлявшихся ратариев он требовал вообще истребить) продолжил с 936 г. Оттон I Великий (с 962 г. — император Священной Римской империи), который для планомерного завоевания и угнетения славян организовал на востоке две марки (крупные пограничные административные округа): «Одна включала в свой состав славянские земли от нижней Лабы до Балтийского моря на севере и реки Пены на востоке, другая обнимала территорию от Салы и средней Лабы до Одры». И при нём южнобалтийские славяне стали уже не данниками, а его подданными (в 955 г. ободриты потерпели сокрушительное поражение от саксов, на стороне которых выступили рюгенские славяне. Спустя пять лет и лютичи/вильцы вынуждены были покориться немецкому королю).

Параллельно с тем шла, с целью упрочения владычества немцев, насильственная христианизация славян. Оттон I, указывает Адам Бременский, «подчинил своей власти все славянские народы», которые ради сохранения «жизни и отечества охотно предложили победителю дань и приняли христианство. Так был крещён весь народ язычников, а в земле славян впервые построены церкви», что резко увеличило взимаемые с них поборы. Ежегодно, сообщает другой немецкий хронист Гельмольд, со всей земли вагров и ободритов вносилась ольденбургскому епископу, начиная с 930-х гг., десятина: с каждого плуга,

который составлял пару волов или одну лошадь, «по мере зерна и по 40 пучков льна и по 12 монет чистого серебра; сверх того, одна монета как вознаграждение для сборщиков» (в 930–960-х гг. у славян было организовано несколько епископств. Это, помимо Ольденбургской, два для лужичан и мильчан — Гавельбергское и Браниборгское, и три для лютичей — Мерзебургское, Цейское и Мейсенское). Но усиливающийся физический и нравственный гнёт со стороны немцев встречал упорное противодействие славян.

В 983–1002 гг. (во времена правления Оттона II и Оттона III) произошло мощное выступление балтийских и полабских славян, закончившееся изгнанием немцев за Лабу и уничтожением церквей и священников. Первыми выступили лютичи, которые, констатирует Титмар Мерзебургский, «приняв христианство, служили, уплачивая дань, нашим королям и императорам, притесняемые гордыней герцога Дитриха (маркграфа Нордмарки. — В.Ф.), в единодушном порыве взяли за оружие». Славяне (а за лютичами выступили ободриты), говорит Адам Бременский, «терпевшие несправедливости от христианских судей, сбросили наконец иго рабства и вынуждены были оружием защищать свою свободу». Они «сначала огнём и мечом разорили всю Нордальбингию, а затем, пройдя по прочим славянским землям, сожгли, разрушив до основания, все церкви; они мучили различными казнями священников и прочих церковнослужителей, и не оставили по ту сторону Эльбы и следов христианства», остатки которого были истреблены окончательно в 1018 году. Больше того, славяне стали переходить на левый берег Лабы и селиться в немецких землях. В яростном бессилии германские императоры думали вовсе истребить «род северных язычников» (наступление на последних повёл в 1002 г., сразу же после смерти Оттона III, и польский князь Болеслав I Храбрый, которому удалось временно подчинить себе лужичан, мильчан и поморян)²¹¹.

В ходе социально-экономического и политического развития балтийских славян, в условиях нарастающего давления германцев у них начинают формироваться элементы государственности. При императорах Карле Великом и Людовике Благочестивом (800–840) история знает у ободритов могущественных князей: Дражко, Годолюба, Славомира, Чедрага, Гостомысла, Добомысла. Во второй половине X в. западноевропейские авторы опять называют ободритских князей, стоявших во главе всего ободритского союза племён: Биллуга, Мстивоя, Мстислава. У лютичей князья упоминаются в первой половине IX в.: Люб, Милогость, Целодраг. Причём у них, как и у ободритов, существовали великие князья, которым были подчинены князья второстепенные (во времена Карла Великого лютичи-вильцы являлись, свидетельствует капеллан и биограф императора Эйнхард, главными среди южнобалтийских славян). Но княжеская власть у лютичей, по мнению учёных, была самая дробная и слабая. Лютичский союз, заключал в 1947 г. В.Д. Королук, дальше неустойчивого союза племён не пошёл, и центральная власть не получила у лютичей никакого развития.

В том же духе рассуждал в 1983 г. А.Н. Саливон. Четыре года спустя Й. Херрман, говоря, что «у вильцев развитие шло под водительством племенной знати, во главе которого стоял племенной король», резюмировал: «Во второй четверти IX в. это племенное королевство распалось»²¹². Вместе с тем в науке было выска-

зано иное мнение. «Новгородская республика, — заострял внимание И.А. Лебедев, — в малом виде без князя и посадника, управляемая боярами — вот подобие лютитского союза». Я.П. Зинчук считал, что Волин, Щетин, Колобрег, будучи крупными экономическими центрами, в XI в. превратились в феодальные республики. Ю.В. Кухаренко в них также видел города-республики, управляемые «богатými купцами и языческими жрецами». Затем и А.Г. Кузьмин в целом указывал, что у балтийских славян государственность сложилась в виде городов-полисов (и этот тип социально-политического устройства, демонстрировал он, варяги привнесли на Русь)²¹³.

Адам Бременский и Гельмольд, характеризуя входивших в состав лютитского союза руян-русов как самое сильное среди славян племя (они «пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят», «без их решения не может быть совершено ни одно общественное дело», к ним «обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношения», их Святовита все славяне почитали «богом богов»), отмечают, что это «русское» племя — «единственное, которое имеет короля». Причём, поясняет Гельмольд, «жреца они почитают больше, чем короля», ибо он «тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях», «а король и народ от его указаний зависят». Как заключал А.Ф. Гильфердинг, «поклонение арконскому богу сделалось для балтийских славян общою связью, и власть верховного жреца Святовита заменила у них общую государственную связь», так что у них образовалась «теократическая федерация» (сегодня и Н.А. Ганина ведёт речь о рюгенской теократии)²¹⁴.

Другой тип государства, начало которого принято в основном связывать с князем Готшалком (1043–1066), создали ободриты (в 1962–1963 гг. В.Д. Корольюк отошёл от такой точки зрения и начал утверждать, что уже в конце VIII в. источники свидетельствуют о существовании единого ободритского государства, видимо, с наследственной центральной княжеской властью и что в своём развитии это довольно сильное раннефеодальное государство, формированию которого способствовал иноземный натиск, опережало другие славянские страны. Но со второй половины IX в. внешний фактор стал тормозить государственное развитие полабо-прибалтийских славян, и у лютичей исчезает центральная власть. В 1977 г. Х. Ловмянский заключил, что единственное в Полабье прочное государство ободритов было основано в первой половине X столетия. В 1995 г. В.В. Седов посчитал, что племенное образование ободритов постепенно трансформировалось в государство, но этот процесс был прерван немецкой экспансией, а Готшалк предпринял попытки воссоздания ободритской государственности, но они не были удачными. А. Пауль применительно к началу IX в. ведёт речь о существовании ободритского королевства).

При Готшалке ободритское государство включало в свой состав вагров, полабов, глинян, варнов, часть лютичей — черезпенян и хижан, т. е. распространилось на огромной территории от Лабы до р. Пены (по оценке Гильфердинга, оно было «обширное, более чешского»). Этот князь активно распространял христианство, строил церкви, платил некоторую дань императору и саксонскому герцогу (в детстве он был отдан отцом, принявшим христианство, на вос-

питание в монастырь в Саксонии, где принял имя в честь его настоятеля Готшалка/Годескалка. По смерти отца от руки саксонца отрёкся от христианства и в 1029–1032 гг. ожесточённо боролся с немцами, опустошил саксонскую Нордальбингию, затем перешёл на службу Кануту Великому, королю Дании, Англии и Норвегии, ободриту по материнской линии, ходил с ним в далёкие походы, например, в Англию, был женат на дочери его племянника, с 1047 г. короля Дании Свена II Эстридсона). Готшалк, констатирует Адам Бременский, «настолько усмирил славян, что они боялись его как короля, платили дань и, оказывая подчинение, просили о мире», что он, будучи благочестивым и богобоязненным мужем и пылким распространителем христианской религии, «решил обратиться в христианство всех язычников».

В 1066 г. вспыхнуло, видимо, опять же по инициативе лютичей, восстание (в ответ в 1067–1068 гг. войско епископа Бурхарда уничтожило их центр Ретру, и союз лютичей фактически перестал существовать), в ходе которого «муж добрый и почитатель Бога» князь Готшалк был убит (о масштабах восстания, покончившего с господством немцев и христианством за нижней Лабой, свидетельствуют Адам Бременский и Гельмольд: славяне «разрушили мечом и огнём всю гамбургскую землю», убивая или уводя в плен своих поработителей, до основания разрушили Гамбург и даже датский Шлезвиг, в конечном итоге все славяне «снова отпали в язычество, умертвив тех, которые твёрдо стояли в вере». По разъяснению Гельмольда, славяне сбросили «иго и с таким упорством старались отстоять свою свободу, что предпочитали лучше умирать, чем снова принимать христианство и платить дани саксонским князьям. Такое злополучие навлекла на саксов, конечно, их несчастная жадность»).

После чего во главе государства встал, по оценке Гельмольда, «гонитель христиан» князь Крут (Круто), родом с Рюаны-Рюгена, т. е. рюгенский славянин (русский), который энергично действовал как против саксов, так и датчан. Он расширил границы княжества до устья Лабы, завоевал Нордальбингию, заставив живущих там немцев платить ему дань. Его гибель в 1093 г. от рук Генриха, сына Готшалка, ослабила общую позицию славян и дала новый толчок немецкой агрессии. По мнению Й. Херрмана, последнему сильному королю ободритов Генриху «удалось создать большое государство, простиравшееся от Нижнего Одера до Нижней Эльбы, а на юге включавшее частично области на Хафеле» (и оно охватывало территорию вагров, полабов, ободритов, хижан, черезпнян, лютичей, поморян и других народов, и простиралось до владений поляков). Генрих, много воевавший с датчанами и рюянами, умер в 1119 г., после чего между его сыновьями началась усобица, и ободритское государство распалось. С гибелью его сыновей и внука род Генриха пресёкся²¹⁵.

Этой ситуацией воспользовался герцог Шлезвига Кнут Лавард (сын покойного датского короля Эрика I Доброго и двоюродный брат Генриха по материнской линии), объявивший себя, заручившись («за большие деньги», по информации Гельмольда) поддержкой императора Лотаря III, королём ободритов. Воюя с ними, он захватил в плен племянника Генриха Прибыслава и князя ободритов Никлота («пока они деньгами и поручительством не откупились и его власти над собой не признали»). В 1131 г. Кнут пал от руки своего двоюродно-

го брата Магнуса (сына действующего на тот момент датского короля Нильса). После чего Никлот был провозглашён князем ободритов, а Прибыслав князем вагров и полабов. Оба они выступали непримиримыми противниками немцев и католичества (в связи с чем Гельмольд аттестует их как мрачные «чудовища»). Но силы славян истощались, поморяне и часть лютичей подчинились Польше, а руяне стали данниками датчан. В 1138 г. немцы двинулись на Вагрию, после покорения которой в следующем году образовался плацдарм для их дальнейшего продвижения на восток.

Опустошив Вагрию, захватчики стали заселять её западную часть выходцами из Нидерландов и Вестфалии. Гольштинский граф Адольф II, которому досталась Вагрия, видя землю пустынной (многие вагры были либо перебиты, либо взяты в плен, либо бежали на восток за р. Травну), «отправил, — рассказывает Гельмольд, — послов во все страны... возвещая, чтобы все те, кто испытывает недостаток в полях, шли с семьями своими и получили землю наилучшую, землю обширную, богатую плодами, изобилующую рыбой и мясом и удобными пастбищами». И на этот призыв поднялось «бесчисленное множество разных народов», которые пришли в вагрскую землю — гользаты, вестфальцы, голландцы, фризы. Сохранившиеся деревни целиком очищались от славян и передавались германским переселенцам. Однако северо-восток с центром в главном городе вагров Старграде/Ольденбурге был оставлен за славянами под властью их князя, долженствующего платить дань немецким владетельным князьям. К 1142 г. немцы завоевали всю территорию княжества Прибыслава (область полабов захватил Адольф Медведь), установив над нею жёсткое владычество (как ответил Прибыслав в 1155 г. на призыв епископа ольденбургского Герольда народу этой земли креститься: «...Но как вступим мы на этот путь, когда мы опутаны столь великим злом? ... Ибо государи наши так жестоко поступают с нами, что из-за платежей и тягчайшей неволи смерть кажется нам лучше, чем жизнь»).

Через пять лет, в июне 1147 г., немцы и датчане (а к ним присоединились поляки и чехи) предприняли против балтийских славян мощный Wendenkreuzzug, организованный при активном участии одного из руководителей Второго крестового похода 1147 – 1149 гг. в Святую Землю императора Священной Римской империи Конрада III. Самое деятельное участие в таком «богоугодном» деле (дабы либо подчинить этих язычников «христианской религии, либо, с помощью Божьей, полностью истребить») приняли епископы, и «прежде всего епископы славянских областей, вынужденные после славянских восстаний покинуть свои епархии». Но этот, по оценке немецкого историка К. Лампрехта, «безумный крестовый поход», санкционированный римским папой Евгением III, потерпел, благодаря совместному противодействию ободритов, руян и поморян, полнейший провал.

Руянский (русский) флот, состоявший из лёгких судов и значительно уступавший флоту датчан, разгромил его в Висмарском заливе. Датчане были разбиты и на суше (но в 1148 г. до основания разрушили Старград. В ответ покинувшие его вагры до 1170–1171 гг. часто нападали на кораблях на датские острова). Тогда же ряд поморских городов успешно отразил нападение немцев (однако войска Альбрехта Медведя, основателя бранденбургско-пруско-

го государства, и саксонского герцога Генриха Льва, вторгшись в Померанию и земли пруссов, залили кровью эти земли)²¹⁶. Хотя ободриты изменяют союзу и идут на примирение с немцами, поморяне и руяне мужественно продолжают войну, нанося своими флотами чувствительные удары по восточному побережью Дании и всю её опустошив в 1152 году. При посредничестве Никлота в 1157 г. между датчанами и славянами был заключён мир. Тогда же потеряли независимость лютичи, которым никто не помог²¹⁷.

Затем наступила очередь остальных славянских племён. В 1157 г. Дания ставит цель завоевания славянского побережья Балтики и первый удар наносит по Руяне. Но терпит поражение. На помощь к ней приходит герцог Саксонии Генрих Лев, который в 1160 г. вторгся в земли ободритов, а датский флот блокировал побережье. Союз славянских княжеств, возникший в 1147 г., не был возобновлён. Более того, бывшие союзники ободритов способствуют их гибели, отказав им в помощи. В столкновении с немцами и датчанами в 1160 г. погиб Никлот, после чего ободриты были покорены, а их земли были розданы в лены немецким рыцарям (помимо их гнёта, порабощённые славяне — вагры, полабы, ободриты и хижане — должны были платить в пользу ольденбургской, ратцебургской и микилинбургской епископий значительную подать).

Однако сопротивление ободритов продолжалось. В 1164 г. вспыхнуло их общее восстание, возглавляемое Прибыславом, сыном Никлота. Через два года понесённое поражение от объединённых сил немцев (до того враждовавших между собою Генриха Льва и Альбрехта Медведя), он идёт на соглашение с ними (признаёт себя вассалом Генриха Льва), в результате чего ему было уступлено практически всё бывшее княжество его отца (за исключением Зверинской области, т. е. нынешнего Шверина с округой). В 1170 г. Прибыслав, принявший христианство четырьмя годами ранее, объявил себя вассалом императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы и получил титул мекленбургского герцога, стоявшего во главе полунезависимого славянского княжества (в 1179 г. ободриты ещё раз поднимали большое восстание, к которому присоединились и лютичи того же герцогства).

Параллельно с тем датчане (в 1162 г. их король Вальдемар Великий признал власть Фридриха Барбароссы), сознавая роль Рюгена (Руяны) как опорного пункта для завоевания южнобалтийских славян, направляют на его захват все свои силы. Состоялось семь их походов, и только с помощью уже окончательно покорённых князей ободритов и поморян им удалось завоевать в 1168 г. этот русский остров, где находилась Аркона — сакральный центр всех южнобалтийских славян. На Руяне датчане действовали очень осмотрительно. Здесь также продолжали править местные князья, признавшие верховную власть датского короля и согласившиеся креститься, но сохранившие значительную долю своей самостоятельности. В 1171 г. датчане (а с ними рюгенские славяне) и Генрих Лев начинают борьбу с Поморьем, исход которой был предreshён. В конечном итоге поморские князья Богуслав и Казимир в 1181 г. стали вассалами императора Фридриха I Барбароссы и получили титул герцогов Славии²¹⁸.

В конечном итоге, подытоживал Л. Нидерле, завоевание южнобалтийских славян «означало для них не только утрату политической свободы, своей веры

и культуры, но и своей народности», ибо тот, кто не был уничтожен (как лютичи и ободриты поголовно, а остатки древян прекратили своё существование в XVIII в.), «стал подвергаться усиленной германизации» (вместе с тем могли быть уничтожены весьма возможные письменные источники славян, т.к. есть основания говорить о наличии у них письменности. Титмар Мерзебургский свидетельствует, что в святилище бога Сварожича стоят идолы, «каждый с вырезанным именем». А. Пауль не исключает, «что отголоском такой древней письменности или знаковой системы является сохранённая онемеченными потомками балтийских славян система знаков собственности», похожих на руны, буквы или некоторые элементы орнамента).

Политика немецких завоевателей, констатирует сегодня немецкий учёный Й. Шнеевайс, «ориентированная на целенаправленное переселение немцев, датчан, голландцев и других племён на славянскую территорию, имела успех. ... Материальная культура славян исчезает не позднее конца XIII — XIV вв. и полностью ассимилируется немецкой. Практически повсеместно та же участь постигла и славянский язык» (но захватчикам очень долго не удавалось вытравить у порабощённых славян народный дух и память о своём прошлом. В 1876 г. И.И. Первольф отметил, что потомки люнебургских славян, проживавшие на левом берегу нижней Лабы и представлявшие собой осколок мощнейшего ободритского союза, в начале XVIII в. перешли на немецкий язык, однако при этом не только сохранили многие славянские обычаи и нравы, но до сих пор гордо называют себя «вендами» и неохотно смешиваются с окрестными «немцами»)²¹⁹. Причины поражения балтийских славян лежат, по мнению И.И. Первольфа, В.М. Флоринского, Н.П. Загоскина, Л. Нидерле в раздробленности и усобицах между собой. В 1986 г. А.Г. Кузьмин резюмировал, что «распри поляков и лютичей в конечном счёте явились одной из главных причин общего поражения балтийских славян в борьбе против наступления немецких феодалов» (к этим словам следует добавить заключение В.С. Савчука от 1980 г., что формирующиеся Польское и Чешское государства «не только косвенным образом затрудняли борьбу полабских славян с агрессией Германии, но и сами стремились захватить области между Эльбой и Одером»)²²⁰.

Южнобалтийские славяне были покорены и ассимилированы, что привело не только к утрате ими своей народности, но и к исчезновению их высоко развитой цивилизации, достижения которой немцы постарались приписать себе и тем самым вообще вычеркнуть данную часть славянского мира из истории. Славяне, отметил в 1876 г. И.А. Лебедев, «возделывали эти страны, обрабатывали их, открыли богатства, развили торговлю, положили начало вполне правильной жизни, пришли насильники, воспользовались плодами их трудов и мало того, что уничтожили славян, они говорят, что принесли высокую культуру в эти земли и все заслуги предшественников присваивают себе»²²¹. Но не только присвоили, но и предали их практически полному забвению.

Из исторического небытия южнобалтийских славян начали выводить М.В. Ломоносов, М.Т. Каченовский с учениками, П.И. Шафарик, И.И. Срезневский, Л. Гизебрехт, Т.Н. Грановский и др. Однако их подлинное открытие и для науки, и для общественности связано с именем нашего замечательного учё-

ного А.Ф. Гильфердинга, в юном возрасте для науки — в 23 года! — написавшего капитальную «Историю балтийских славян», увидевшую свет на страницах журнала «Москвитянин» в 1854–1855 гг. и вышедшую отдельным изданием в 1855 г.²²² И этот труд буквально прорвал плотину молчания о южнобалтийских славянах, дал мощный толчок к появлению фундаментальных исследований русских и польских специалистов — С.П. Микуцкого, А.И. Павинского, А.А. Котляревского, И.А. Лебедева, И.И. Первольфа, М.В. Бречкевича, конкретно посвящённые им, монографий Ф.Я. Фортинского, М.К. Любавского и Д.Н. Егорова, где этой части славян уделялось определённое внимание. В советское время ничего подобного уже не выходило. Лишь в 40-х — начале 50-х гг. увидели свет несколько книг (и была защищена одна кандидатская диссертация), появление которых было вызвано страшным столкновением с германским фашизмом, с далёкими потомками тех, кто уничтожал балтийских славян и их высокоразвитую материальную и духовную культуру.

Однако внимание это так и не переросло в постоянный и глубокий интерес и ограничивалось эпизодическими и небольшими работами²²³, не способными, понятно, дать всеобъемлющей картины существования удивительно яркого славянского мира на южных берегах Балтийского моря. И такая ситуация происходит из того, что на южнобалтийских славян советские учёные смотрели, по причине господства в науке норманизма, без всякой связи с историей России. Как отметил в 1946 г. В.В. Мавродин, в нашей историографии оказалось забытым то, на что обращали внимание М.В. Ломоносов и С.А. Гедеонов, — связь поморско-славянского мира с восточными славянами. А справедливый призыв историка, что этот вопрос требует специального исследования²²⁴, у нас так и не был услышан (балтийским и полабским славянам в этом плане куда больше повезло в трудах немецких исследователей). Сегодня ситуация, по причине прежде всего выхода в 2004, 2005, 2013 и 2018 гг. монографий С.А. Гедеонова «Варяги Русь» и А.Ф. Гильфердинга «Истории балтийских славян» (после 1876 и 1874 гг. они не переиздавались) стала меняться к лучшему. Но ныне предать абсолютному забвению славян Южной Балтики, с которыми связаны летописные варяги и русь, стремятся, разумеется, норманисты.

Германцев-христиан, последовательно и безжалостно — физически и духовно — уничтожавших и порабошавших славян-язычников (по словам английского учёного Г. Джонса, в них германцы видели «дичь для охоты и потенциальных рабов»²²⁵), в то же время многое в их жизни приводило в изумление. Во-первых, это нравственная сторона их жизни: честность, гостеприимство, взаимопомощь, забота о родителях. Так, Адам Бременский, повествуя о жителях г. Волина, отмечал, что «в отношении нравов и гостеприимства не найти более честного и радушного народа, чем они». В жизнеописании епископа Оттона Бамбергского (одно из них создано в середине XII в. его спутником Гербордом), в 1120-х гг. дважды посетившего земли поморян (ум. 1139), подчёркивается: «Честность же и товарищество среди них таковы, что они, совершенно не зная ни кражи, ни обмана, не запирают своих сундуков и ящиков».

Гельмольд, ведя речь о кровожадности руян и их ненависти к христианству, вместе с тем признавал, что «они обладали и многими природными добрыми

качествами. Ибо им свойственно в полной мере гостеприимство, и родителям они оказывают должное почтение. ... Ибо гостеприимство и попечение о родителях занимает у славян первое место среди добродетелей». В отношении вагров, которых хронист хорошо знал с детства, он также счёл необходимым сказать: «...В отношении гостеприимства нет другого народа, более достойного [уважения], чем славяне; принимать гостей они, как по уговору, готовы, так что нет необходимости просить у кого-нибудь гостеприимства. ... Если же кто-нибудь, что случается весьма редко, будет замечен в том, что отказал чужеземцу в гостеприимстве, то дом его и достатки разрешают предать огню»²²⁶.

Во-вторых, германцев, огнём и мечом насаждавших католичество (в 772 г. Карл Великий, начав войну против саксов, «выпустил капитулярий, согласно которому любого, кто не примет веру франков, ждала смерть»²²⁷; действовал этот документ и в отношении балтийских славян), восхищало великолепие их языческих храмов, которые неизвестны на других славянских землях. Хронист Титмар Мерзебургский, рассказывая о святилище бога Сварожича в Ретре (Ридегосте) в земле ратариев, подчёркивает, что оно искусно сооружено из дерева и что «снаружи, как это можно видеть, стены его украшают искусно вырезанные изображения различных богов и богинь. Внутри же стоят изготовленные вручную идола, каждый с вырезанным именем, обряженные в шлемы и латы, что придаёт им страшный вид». Адам Бременский и Гельмольд сообщают, что идол бога торговли Радегаста в той же Ретре, являвшейся не только центром лютического союза, но и центром идолопоклонства, «сделан из золота, ложе из пурпура» и находится в большом храме.

Одна из четырёх контин поморского Щетина (Щецина), указывает жизнеописание Оттона Бамбергского, «бывшая главнейшей, выделялась украшениями и удивительной искусностью постройки: она имела скульптурные украшения как снаружи, так и внутри. Изображения людей, птиц и животных были сделаны так естественно, что казалось, будто они живут и дышат. И что надо отметить как наиболее редкостное: краски этих изображений, находящихся снаружи здания, не темнели и не смывались ни дождём, ни снегом — такими их сделала искусность художников. ... Там же хранили они в честь богов и ради их украшения огромные рога диких быков, обрамлённые в золото и драгоценные камни и пригодные для питья, а также рога, в которые трубили, кинжалы, ножи, различную драгоценную утварь, редкую и прекрасную на вид». В этом же памятнике говорится, что в Гостькове находился богато украшенный и построенный с удивительным искусством храм, где стояли с невероятным изяществом изваянные огромные идола, которых едва могли сдвинуть с места лишь несколько пар быков.

И на датчанина Саксона Грамматика (ум. около 1220) произвела большое впечатление художественная отделка храма верховного бога рюгенских славян Святовита (в лехитской огласовке, Свентовита) в храмовой крепости Арконе, куда жители острова один раз в год собирались после сбора урожая, принося «в жертву скот и устраивая в честь божества торжественный пир»: наружные стены построенного искуснейшим образом деревянного святилища «на всём их протяжении были украшены старательно нанесённой резьбой и несли на себе

всевозможные живописные изображения, выполненные, [впрочем], весьма грубо и без особого таланта к этому ремеслу. ... Сам же храм замыкался двумя рядами ограды, из которых внешняя, вплотную примыкавшая к стенам, была покрыта пурпурной кровлей, а внутренняя, опиравшаяся на четыре столба, вместо стен имела роскошные занавесы и соединялась с внешней только благодаря кровле и немногочисленным потолочным перекрытиям».

Говоря о громадности идола этого божества («которому совершали обильные подношения» соседи руян), «своей величиной превышавший размеры тела любого из людей, с четырьмя головами на стольких же шеях», автор отмечает, что он в правой руке «держал рог, тщательно выполненный из разного рода металлов», что «рубаша его была сделана спускавшейся до голеней, которые были изготовлены из другого сорта дерева и переходили в коленный сустав настолько незаметно, что место соединения можно было различить только при внимательном разглядывании», и что «наиболее удивительным» из отличительных знаков этого бога «был внушительной величины меч, ножны и рукоять которого, помимо великолепного резного узора, снаружи украшала ещё и блестящая серебряная отделка». А описывая Кореницу/Каренцу на той же Руяне, информирует, что она знаменита «своими тремя необыкновенными святилищами, каждое из которых имело свой украшенный с большим искусством храм» (у самого большого из них у обеих его частей «вместо стен были пурпурные [занавеси], а крыша опиралась на одни лишь столбы»), что высота дубового идола Руевита достигала 2,5–3 м²²⁸.

Но особенно германцев поражал уровень жизни южнобалтийских славян, какого они никогда и нигде — ни у себя дома, ни в других краях — не встречали. По свидетельству Адама Бременского и магдебургского епископа Адельгота (ум. около 1110), их земля густо заселена и чрезвычайно обильна продуктами питания: она изобилует «оружием, воинами и плодами». Славянская земля, вторит им Гельмольд, «богата хлебом, удобна по обилию пастбищ, изобилует «рыбой и мясом и всеми благами». В жизнеописании Оттона Бамбергского страна поморян, в которой он побывал по поручению польского князя Болеслава III Кривоуста с миссионерской деятельностью в 1124–1125 и 1127 гг., предстала перед ним и его спутниками в состоянии такого невиданного довольства и богатства, что крайне их изумило (и это при том, что Поморье в 1120–1121 гг. подверглось разрушительному походу того же польского князя).

«Нет страны обильнее мёдом и плодоноснее пастбищами и лугами», признаёт Герборд, она «изобилует зерном, овощами и семенами», «меды их и пиво, тщательно приготовленные, превосходят фалернские вина», «изобилие рыбы в море, реках, озёрах и прудах настолько велико, что кажется прямо невероятным. На один денарий можно купить целый воз свежих сельдей... По всей стране множество оленей и ланей, диких лошадей, медведей, свиней и кабанов и разной другой дичи. В избытке имеется коровье масло, овечье молоко, баранье и козье сало, мёд, пшеница, конопля, мак, всякого рода овощи и фруктовые деревья, и будь там ещё виноградные лозы, оливковые деревья и смоковницы, можно было бы принять эту страну за обетованную, до того в ней много плодовых деревьев». «И что удивительно, — добавляет Герборд с тем же изумлени-

ем, — их стол никогда не стоит пустым, никогда не остаётся без яств; каждый отец семейства имеет отдельную izbу, чистую и нарядную, предназначенную только для еды. Здесь всегда стоит стол с различными напитками и яствами, который никогда не пустует: кончается одно — тотчас же несут другое»²²⁹.

Для соседей славян их земля действительно была «землёй обетованной», в которой всего было вдоволь. Славяне, утверждают германские хронисты, почти не знали бедности. О Поморье шла слава, что там не было ни нищих, ни бедных. Когда епископ Бернгард в 1122 г. явился для проповеди в Волин, то жители, лицезря его разутым и в одежде бедняка, не поверили, что он есть посланник истинного бога, «полного славы и богатства», приняли его за обманщика и требовали удалиться. Успех проповеди Оттона Бамбергского во многом заключался именно в том, что поморяне увидели в нём богатого человека. В данном случае весьма показательно сопоставление уровня жизни датчан и южнобалтийских славян, сделанное во время второй проповеди Оттона (1127), когда он посетил, главным образом, города лютичей и Щетин. Тогда один из его спутников побывал в Дании, у датского архиепископа Аскеля. И сразу же яркие краски, присущие характеристике быта славян, исчезают из жизнеописания святого: города и крепости у датчан «без стен и башен, а укреплены только тыном и рвами, церкви и дома знатных людей низки и дурно построены. Главные занятия жителей: охота, рыбная ловля и скотоводство, а земледелию редкий предаётся. В образе жизни, в одежде мало у них великолепие и красоты»²³⁰ (Ибрахим ибн Йа'куб говорит по поводу датского Хедебю: «город беден добром и жизненными благами», его жители питаются всё больше рыбой, люди часто бросают новорождённых в море, чтобы уберечь себя от расходов. Настолько там всё сильно не понравилось многое повидававшему путешественнику, что он сказал: «Никогда не слышал я пения более отвратительного, нежели пение шлезвигцев, и то рычание, что исходит из их гортаней, подобны лаю собак»²³¹).

Сам взгляд германцев на Южную Балтику как на землю обетованную объясняется тем, что в последние века I — начала II тыс. она была недостижимым лидером в экономическом развитии Балтийского региона, живительно оплодотворяя его (в том числе Скандинавский полуостров и прежде всего земли будущих шведов) буквально во всём, включая такие сложные сферы, как торговля, мореходство, градостроительство. «То обстоятельство, — заключал в 1982 г. археолог А.В. Фомин, — что в составе эльбо-одерской группы преобладают ранние клады, объясняется высоким экономическим развитием этого района по сравнению с остальными. Естественно, что сюда серебро должно было поступать в первую очередь». Исследования немецких археологов показывают, резюмировал позже А.Г. Кузьмин, «что примерно с VIII века именно южный берег Балтики выходит на первый план в экономическом развитии. Не случайно, что через города южнобалтийского побережья с конца VIII в. поступает с востока (из Волжской Болгарии) арабское серебро — знаменитые дирхемы» (причём в IX–X вв. «уровень материальной культуры на южном берегу Балтики был едва ли не самым высоким в Западной Европе»)²³². Из свидетельств немецких археологов вполне достаточно привести вывод Й. Херрманна, в 1967–1986 гг. говорившего о «беспрецедентном экономическом подъёме», развернувшем-

ся у балтийских славян в VII–XI вв., «в течение которого многократно возросли производительные силы и численность населения. Для некоторых областей рост сельскохозяйственного производства исчисляется четырёх-шестикратным увеличением. Этот процесс шёл рука об руку с начавшимся ремесленным разделением труда в племенных центрах и укрепленных усадьбах племенной знати во внутренних областях и на морском побережье»²³³.

Господствующим занятием славян Южной Балтики являлось земледелие. Практиковалось трёхполье, использовался плуг с железным лемехом. Славяне возделывали пшеницу, рожь, овёс, просо, ячмень, технические культуры (лён, конопля, мак). Подчеркивая цветущее состояние землепашества у славян, ведшегося на неплодородных землях и являвшегося результатом их рационального труда, П.С. Савельев отмечал в 1847 г., что германские государи часто выписывали на берега Рейна «вендских» земледельцев, чтобы научить своих подданных искусству возделывать песчаную почву. В 1879 г. И.Е. Забелин указывал, что славяне во многом превосходили германцев, прежде всего «особым развитием по преимуществу земледельческого быта со всеми его потребностями и со всею обстановкою. Самый плуг, по уверению Шлейхера (знаменитый немецкий языковед. — В.Ф.), заимствован у славян. Во многих местах Средней и Южной Германии славяне в своё время были учителями земледелия; там и поныне глубокие и узкие борозды называются “вендскими”» (посредством такой борозды достигалась большая рыхлость пашни, что и обеспечивало её плодородие).

Затем по значимости шло скотоводство, также находившееся в цветущем состоянии. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей («силу и могущество знатных людей и военачальников там определяют, — сообщает Герборд, — количеством или числом лошадей», причём они имеют собственные дружины, доходившие до тридцати лошадей с всадниками). Также весьма были развиты птицеводство, пчеловодство, огородничество, садоводство, рыболовство (существовали особые поселения рыбаков), охота на диких животных. Занимались славяне солеварением (лидерами в этом деле были жители Колобрега, расположенного на побережье Балтийского моря, — колбяги Русской Правды, производившие соль, по оценке А.А. Котляревского, в огромных размерах, снабжая ею не только весь Север, но и Польшу, и Русь).

Высокого уровня достигли у них плотницкое дело, бондарство, храмовое зодчество, судостроение (речные и морские суда), сооружение важнейших узлов коммуникаций, бывших частями торговых путей, — мостов (простых и сложных, через болота и озёра «глубиной до 18 м, а иногда и большей глубины», длиной, заострял внимание Й. Херрман, более 2 км), гончарное производство, выделка кож, ткацкое производство, ювелирное дело, обработка янтаря, стеклоделие, производство оружия (Саксон Грамматик поражался великолепию резного узора ножен и рукояти меча бога Святовита, украшенных блестящей серебряной отделкой, а в поморском Волегоще в храме Яровита, отмечал А.Ф. Гильфердинг, висел на стене щит этого бога, «чрезвычайной величины, искусной работы, покрытый золотыми пластинками»), домашней утвари, предметов роскоши, шитьё золотом, металлообработка, литьё иликовка из благородных металлов, скульптурные и живописные работы²³⁴.

Уровень благосостояния южнобалтийских славян вместе с тем во многом определяла их торговля, далеко выходившая за пределы Балтийского региона. Как точно сказал М.В. Ломоносов, они «издревле к купечеству прилежали. В доказательство великого торгу служит разорённый великий город славенский Виннета, от венетов созданный и проименованный»²³⁵. Какое место занимала в жизни славян торговля, можно судить по тому факту, что крупнейшим святилищем Южной Балтики был храм бога торговли Радегаста в Ретре, которая, поясняет Адам Бременский, «является центром идолопоклонства» и «славянской столицей», а сам Радегаст служил славянам, указывает А.Н. Саливон, оракулом, защитником, и в знак победы они приносили ему жертвы (имя этого бога сохранилось в многочисленных названиях местностей)²³⁶.

Торговая деятельность славян и её небывалый для всей остальной Европы размах диктовался, по словам А.А. Котляревского, уже срединным географическим положением страны, соединявшим «север и восток с западом и югом, богатой морскими и речными судоходными путями сообщения»²³⁷, что открывало им свободный доступ ко многим европейским рынкам. Так, например, к рубежу VIII — IX в. торговля славян с соседями была столь значительной, что Карл Великий в 805 г. счёл необходимым её упорядочить. И уже тогда ободри-ты имели на берегу Висмарского залива особый торговый порт — Рарог (Рерик, возможно, в районе сегодняшней деревни Гросс Штрёмкендорф). Причём «пошлины, — пояснял А.Ф. Гильфердинг, — которые взимались с купцов, торговавших в Рароге, были одним из важных доходов датских королей»²³⁸. Ещё большего размаха торговля славян достигла после IX в. близ устья Одры, где существовало несколько торговых городов (Ю.В. Кухаренко видит в них важнейшие торговые центры Балтийского побережья²³⁹).

А именно: Щетин, Волин и другие, но в этом деле им нисколько не уступали жители о. Рюгена (Руяны) — руги-русь (славяне, как заключают археологи, пришли на этот остров не позднее конца VI в. и заселили его в следующем столетии²⁴⁰). Волин (немцы называли его Winetha-Винета, Julin, Jumne, Jumneta) источники представляют величайшим городом Европы (находился в юго-восточной части одноимённого острова, лежащего против широкого устья Одры, польские учёные начало его датируют, согласно методу C_{14} , 530 ± 60 лет²⁴¹). Адам Бременский и Гельмольд, повествуя «о великой славе» Волина, характеризуют его как «знаменитейший» и констатируют, что «это, действительно, крупнейший из всех расположенных в пределах Европы городов, который населяют славяне вместе с другими народами, греками (православными, под которыми понимались жители Руси. — В.Ф.) и варварами», и что он «богат товарами всех северных народов, нет ни одной диковинки, которой там не было бы» (этот город, по оценке Д. Хейвуда, «представлял собой мощно укреплённый торговоморемесленный город с обширной бухтой»)²⁴².

Уже в IX в. Волин занимал площадь в 50 га (стены Генуи, воздвигнутые в 1154 г., опоясывали ровно такую же площадь), и число его жителей в X в. составляло порядка 5–10 тысяч человек. В XI в. балтийская торговля, достигшая цветущего состояния, была сосредоточена именно в Волине (около него обнаружена почти треть всех кладов Поморья), и он тогда, в чём были твёрдо убе-

ждены немецкие хронисты XI–XII вв., уступал только столице Византийской империи — Константинополю²⁴³. Для сравнения, площадь наших Ладоги и Рюрикова городища составляла: первой — или около 16–18 га (А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, 1986) или 12 га (А.Н. Кирпичников, 2002–2003), или 10–12 га (в 830–840-е гг., М.А. Сагайдак, 2007) или 8 га (Н.А. Макаров, А.Н. Федорина, 2012–2014)²⁴⁴ (по заключению С.Л. Кузьмина от 2008 г., частично повторённого Е.Н. Носовым, население Ладоги во второй половине VIII — начале IX в. «вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей», что в I–III ярусах, условно датированных 750-ми — 810-ми гг., «открыто от 3 до 5 относительно синхронных жилых построек» и что её площадь в X в. составляла не более 6–8 га²⁴⁵). Площадь Рюрикова городища оценивается в 6–7 га²⁴⁶ (площадь Гнёздова более 16 га²⁴⁷).

Самый большой, по мнению датчанки Э. Роэсдаль, город Швеции Бирка (на оз. Меларен, в 30 км от нынешнего Стокгольма, прекратила своё существование в 970-х гг.²⁴⁸), значение которой в жизни Балтийского региона зарубежные и отечественные норманисты неимоверно раздувают (в середине IX в. она достигла большого расцвета и богатства, становится «крупнейшим торговым центром Швеции, а затем и всех стран Балтийского моря», была важным торговым центром в Скандинавии, «метрополией викингов», крупнейшим городом их эпохи, крупнейшей скандинавской эмпорией и т. п.), располагалась, информируют шведский и английский учёные Д. Хариссон и Д. Хейвуд, на территории 7 га (хотя раньше называлось 12 га и в этой площади В.А. Булкин и Г.С. Лебедев в 1974 г. увидели большие размеры). Причём она, заключал в 2009 г. Хариссон, «была маленьким городком с незадачливой судьбой... Число жителей колебалось от 500 до 1000 чел.»²⁴⁹ (в 1980 г. его соотечественница А.С. Грэслунд сказала, что в Бирке проживало до 600 человек и до 1000 в торговый сезон²⁵⁰).

Датский же Хедебю/Хаитабу в середине X в. занимал то ли 24 га (сторонник этой цифры А.Я. Гуревич подчёркивал, что веком ранее она была вдвое меньше), то ли 27 га, и его население насчитывало несколько сотен человек, может быть, даже более тысячи. Согласно данным археолога Х. Штоера, изучавшего могильник Хедебю, в нём около 950 г. проживало порядка 350 саксов, 350 данов, 150 славян и 150 шведов (а Хедебю, как звучит в устах наших и иностранных адептов норманской версии, также крупнейший в Скандинавии эпохи викингов торговый и ремесленный центр, значимость и роль которого «в раннесредневековой истории не только балтийского и североморского регионов, но и всей Скандинавии и Европы в целом чрезвычайно велика», и его расцвет Г. Джонс и Е.А. Мельникова относят к началу IX в.).

Причём как само его основание, так и его расцвет были обеспечены именно южнобалтийскими славянами. А.Ф. Гильфердинг пояснял, что в 808 г. датский король Годфред/Готтфрид (Мельникова, подчёркивая, что тогда Дании как единого государства не было, именуя его «конунгом»), разграбив славянский Рерик-Рарог, от которого начинался, отмечает Д. Хейвуд, сухопутный торговый путь из Балтики к Северному морю, перевёз в район залива Шлей тамошних купцов, «чтобы сосредоточить в своих владениях торговлю южного берега балтийского Поморья, отбив её у славян. ... Славянская стихия спо-

собствовала, таким образом, к водворению торгового мореплавания на датских берегах, которые высылали в эти века столько судов на войну и разбой» (по взятию Рерика был казнён князь Годлиб, отец, согласно германской традиции, нашего Рюрика, а сам город был сравнён с землёй и больше не восстановился). Ныне шведские учёные Х. Гларке и Б. Амбросиани констатируют, что эта акция ознаменовала собой основание Хедебю как городского поселения. Их соотечественник Д. Хариссон указывает, что «Годфред в принудительном порядке переселил в начале IX в. ремесленников и торговцев из западнославянского города Рерика в его город Хедебю, что стало удачной акцией, поскольку через несколько десятилетий этот город стал процветающим королевским торговым городом». Переселение Годфредом купцов из развитого торгового центра ободритов Рерик в Хедебю одновременно решало, объясняет А. Пауль, наиболее важные задачи — устранение главного торгового конкурента и привлечение новых трудовых, технологических и демографических ресурсов²⁵¹.

Однако Европой торговые связи южнобалтийских славян не ограничивались. По А.Ф. Гильфердингу, они напрямую торговали с Азией. Причём, как заострял внимание И.Е. Забелин, «до Крестовых походов вся торговля Средней Европы с Востоком шла через славянское Поморье, если не была исключительно в его руках» (стоит напомнить, что арабское завоевание нанесло сильнейший удар по средиземноморской торговле). Чешский арабист И. Грбек, констатируя, что на Южной Балтике найдены десятки тысяч арабских монет, относящихся к VIII–X вв., подытоживал: именно её жители — славяне — поддерживали в IX–X вв. оживлённые торговые связи с восточными частями халифата. А.А. Котляревский и А.Г. Кузьмин начало этой торговли относили к концу VIII в. (как подчёркивал последний, «именно города Южного побережья Балтики ранее всего вошли в торговые контакты с арабами в Булгаре и здесь обнаруживаются самые ранние клады арабских монет»). В 1965 г. восточнонемецкий историк Э. Доннерт заключил, что свидетельства арабских и византийских источников, а ещё в большей мере археологические находки говорят о разветвлённой торговле южнобалтийских славян и с немецкими племенами в бассейне Балтийского моря, и с другими народами, вплоть до Византии и арабов²⁵².

Об оживлённой и обширной торговле в VIII–XII вв. южнобалтийских славян, бывших единственными посредниками между Западом и Востоком, с народами Прибалтики вёл речь и Н.Н. Харузин (при этом указывая на проживание в некоторых местах восточного побережья Балтийского моря — особенно у устьев трёх важных в торговом отношении рек Виндавы/Венты-Вянты, Западной Двины и Аа/Лиелупе, и отчасти по их течению, — вендов, в которых видел балтийских славян). Я.П. Зинчук также затем отмечал, что поморские города являлись необходимым звеном в торговых связях Восточной и Западной Европы. В связи с чем благодаря только славянам Южной Балтики франкские и саксонские изделия оказывались на Севере и Востоке, а пушной товар, шедший из русских, литовских и прусских земель, на Западе. Из своих же товаров они продавали полотно, рыбу, соль, хлеб, лес (может быть, янтарь), но особенно рабов, главным образом из датчан и немцев²⁵³.

Высоко была развита у южнобалтийских славян и внутренняя торговля: города и большие селения имели рынки, народы, даже самые отдалённые, торговали друг с другом, чему способствовали, при обилии рек и озёр, прежде всего водные пути, хотя не было недостатка и в сухопутных дорогах (об интенсивности местной торговли говорит тот факт, что в Щетине на рынок люди из округи собирались два раза в неделю). Важно отметить, что славяне торговлей занимались не только повсеместно, но и чуть ли не целыми городами. Так, Оттон Бамбергский во время своего первого пребывания в Поморье (1124–1125) вынужден был крестить жителей ряда городов в два приёма, т. к. многие из них были купцами и во время первого крещения находились в чужих землях, возвратившись домой уже после ухода миссионера. А когда он явился первый раз в Колобрег (Колобжег), то город оказался практически пуст, т. к. его жители отправлялись торговать в море, на острова (по земле поморян епископ передвигался водными — по рекам и озёрам — и сухопутными путями)²⁵⁴.

О том, что торговля являлась одним из приоритетных занятий славян, свидетельствует и топография кладов в их землях. Поэтому естественно, что предшественниками знаменитой Ганзы и её ядром стали именно южнобалтийские торговые города Старград, Росток, Волин, Колобрег, Щетин (западноевропейские авторы представляют его старейшим городом Поморья, «матерью городов поморских»²⁵⁵). Даже само слово «Hansa», по мнению П.С. Савельева от 1847 г., является славянским и происходит от того же корня, что и наш «союз» («Н» в нём есть «придыхание», свойственное западнославянским наречиям, т. е. настоящая форма этого слова, которое встречается в актах Ганзейского союза, «Anza», и в его основе лежит корень «уз-», от которого в русском языке образовались «уз-ы», «уз-ел», «со-юз», «с-вязь»). Таким образом, заключал учёный, существовала поморская Анза IX–X веков.

В 1874–1879 гг. А.А. Котляревский и И.Е. Забелин справедливо говорили, что «Ганзейский союз вырос на почве вендского торгового и образовался в главных силах из вендских же городов» и что «немцы основались в готовых и давно уже насиженных славянских гнёздах». В 1876 г. И.А. Лебедев подчёркивал, что «первые торговые пути были проложены славянами, и они в трудные времена одичания и смут являются поддерживающими начала правильной жизни на севере, чтобы потом передать её немцам, которые только с половины XII века по следам своих врагов проезжают по Балтийскому морю». В 1894 г. Н.Н. Харузин констатировал, что после покорения балтийских славян немцами в их руки переходит и славянская торговля. О том же вёл речь в 1948 г. Б.А. Рыбаков. В 1967 г. А.П. Новосельцев и В.Т. Пашуто заключили, исходя из нумизматического материала, что в XI в., времени наиболее интенсивного притока западноевропейской монеты на Русь, «основной была русско-славяно-прибалтийская дорога» и «что немецкие города и Ганза с помощью завоевания захватили древние налаженные славянские пути». В 1995 г. В.В. Похлёбкин подытожил, что в VIII–XII вв. балтийской торговлей владели и задавали в ней тон южнобалтийские славяне²⁵⁶.

Характерной особенностью экономики южнобалтийских славян было, акцентировал в 1955 г. внимание Я.П. Зинчук, раннее и весьма интенсивное разви-

тие городов (В.Б. Вилинбахов в 1963 г. датировал начало этого процесса VIII в.), что объяснялось в том числе их расположением на торговых путях. В 1969 г. Ю.В. Кухаренко, опираясь на данные польских археологов, появление крупных городищ, например, Щетина и Волина, обнесённых мощными валами со сложными деревянными конструкциями, отнёс к VIII–IX векам. Указывая вместе с тем, что эти городища «располагались в удобных для обороны местах или же в пунктах, контролирующих важные коммуникации», что около них с конца VIII в. начали возникать предградья, заселяемые ремесленниками, и что Волин, Щетин, Колобрег во второй половине X в. превратились в города.

В 1977 г. В.М. Горюнова отметила, также с опорой на археологический материал, что на Южной Балтике, начиная с рубежа VIII — IX вв., «происходят значительные сдвиги в экономической жизни общества, следствием которого было возникновение в течение IX в., в основном во второй его половине, многочисленных торгово-ремесленных поселений, постепенно принимающих городской характер». Годом позже её немецкий коллега Й. Херрман сказал, что «базой для осуществления связей по Балтийскому морю явилось возникновение в VIII–IX вв. морских торговых портов в Стариград-Ольденбурге и Рерике — в области проживания ободритов, на Рюгене у Арконы и Ральсвике, у велетов в Менцлине, у поморян в Колобжеге, позднее в Камене, Волине, Щецине». В 1993 г. польский учёный Л. Лецеевич, говоря, что отчётливым пределом в общественно-хозяйственном развитии прибалтийских славян был рубеж VIII и IX вв., резюмировал, что тогда жители южного побережья активно включились в обмен дальнего действия, что «второй стороной этого процесса было развитие местного ремесленного производства», результатом чего стало образование местных торговых центров (Ральсвик, Менцлин, Волин, Колобжег, Гданьск) и возникновение племенных поселений, имеющих черты ранних городов (Старгард, Мехлин-Мекленбург, Щетин и др.)²⁵⁷.

Причём все торговые города южнобалтийских славян — Старград у вагров, Рарог у ободритов, Дымин, Узноим, Велегош, Гостьков, Ретра у лютичей, Волин, Щетин, Камина, Клодно, Колобрег, Белград у поморян и др. — были весьма обширны (Ретра, например, имела, по информации Адама Бременского и Гельмольда, девять ворот), многолюдны и хорошо устроены как в хозяйственном, так и в военном отношении. Они состояли «из замка, укреплённых предградий и примыкающих к ним торгово-ремесленных посёлков», имели улицы, деревянные мостовые, площади и даже дома в несколько этажей. За городом находилось предместье, где располагались хозяйственные здания, житницы, амбары и пр. С середины X в. города «обносятся мощными валами со сложными деревянными конструкциями в виде клетей или же, что встречается даже чаще, многоярусных стен, сложенных из толстых брёвен, укреплённых поперёк большими крюками. С наружной стены вал иногда дополнительно укрепляли каменной стеной» (в связи с чем славянские города отличались неприступностью, а непобедимость твердыни Щетина — был окружён, сообщает Саксон Грамматик, «огромным высоким валом» — вошла в поговорку у соседних народов. Археологи А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов и Г.С. Лебедев отмечают, что «на рубеже X в. формируется мощная фортификация славянских городов По-

морья», а их немецкие коллеги Х.В. Хейне и Й. Шнеевайс констатируют, что «деревянно-земляные укрепления» саксонских городищ того же столетия не достигали «высокого стандарта славянской техники деревянных сооружений» и что «в конструкции славянских городищ — всё равно, решётчатой или срубной — наблюдается настоящее плотницкое искусство»).

В целом о полнейшем превосходстве южнобалтийских славян над всеми своими германскими соседями в области градостроительства можно судить хотя бы по двум фактам. Во-первых, исходя из того, что главный город ободритов Рарог (Перик) немцы именовали Микилинбургом-Мекленбургом (Magnopolis, Michelburg, Великий город, Велигард), а Волин, по оценке Адама Бременского и Гельмольда, был «крупнейший из всех расположенных в пределах Европы городов», напрашивается один только вывод — подобных городов они ранее не видели вообще. А когда датчане захватили в 1168 г. на Руюне Кореницу, то они были поражены видом многочисленных трёхэтажных зданий («в высоту они были, — объяснял читателю Саксон Грамматик эту диковинку, — в три этажа, так что нижний служил опорой для нависавших над ним среднего и верхнего») ²⁵⁸.

Южнобалтийские славяне являли собой одновременно и тип торговца, и тип пирата-викинга (викингами их называет Снорри Стурлусон), добившись в том и другом больших успехов (француз К. Мармье отмечает, что они «вскоре посеяли, как викинги, тревогу в сердце своих врагов и страх в сердце торговцев», а А.А. Котляревский не сомневается, что «торговая и промышленная деятельность, морские и сухопутные разбои и войны составляли главные источники обогащения народонаселения») ²⁵⁹. Славяне (а из их числа немецкие хронисты особо выделяют вагров и руян-русов) промышляют, рассказывает Гельмольд, разбоем, беспокоят, «с одной стороны, данов, с другой — саксов», им «свойственна ненасытная жестокость, почему они не переносят мира и тревожат и с суши, и с моря примыкающие к ним страны» (и «страх наводили, — подчёркивает И.А. Лебедев, — корабли славян на ютландское и скандинавское побережье, подобно тому как их отряды на сухом пути ужасали пограничное население в Гольштинии и за Эльбой»).

По информации Адама Бременского, острова Фембре и Рюген, принадлежавшие, соответственно, ваграм и руянам, «переполнены пиратами и безжалостными разбойниками, которые не щадят никого из приезжих. Ибо всех, кого другие пираты обычно продают, эти убивают». Применительно к середине XII в. Гельмольд упоминает пещеру славянских разбойников, обитавших на р. Кремпине в Ольденбургской/Старградской земле, и указывает: «А было здесь обычное логовище морских разбойников». Привёл он и концовку цитируемой выше речи Прибыслава, обращённой в 1155 г. к епископу ольденбургскому Герольду о тяжелейшем гнёте немецких феодалов, толкающем славян на пиратство (а также на их уход на восток): «Но если бы было такое место, куда мы могли бы убежать! Если мы перейдём Травну, то там такое же несчастье, если мы пойдём на реку Пену, и там всё так же. Что же остаётся другое, нежели, покинув землю, не уйти на море и жить там в пучинах. И разве наша вина, если мы, изгнанные с родины, возмутим море и отберём дорожные деньги у данов или купцов, которые плавают по морю».

А про ругов Гельмольд сообщает, что «нападения данов они ни во что не ставят, напротив, даже считают удовольствием для себя вступать с ними в рукопашный бой», всех сопротивлявшихся убивали, забирали в плен много народа. Говоря о их набеге на Данию в 1169 г., хронист подчёркивает, что он угрожал разорением многим датским островам и приморским областям и что после него «в Микилинбурге в рыночные дни насчитывалось пленных данов до 700 душ и все они были выставлены на продажу, лишь бы только хватило покупателей» (в силу чего, констатирует Д. Хейвуд, «прибрежные земли в Дании опустели... Редкие ответные экспедиции датчан не могли изменить положения, и многие датские острова откупались от венедекских пиратов данью»)²⁶⁰.

В свою очередь Саксон Грамматик многократно указывает, что славяне «часто тревожили наш народ своими разбойничьими нападениями с моря», подходили к нашим берегам с большим флотом, что морской разбой славян в середине XII в. принял такие размеры, «что все сёла на востоке от границ Вандалии и до Эйдора (река на границе Дании и Германии. — В.Ф.) были покинуты жителями, а поля заброшены. Восточная и южная части Сьяландии (Зеландии. — В.Ф.) также были в запустении и лежали в руинах» (да и большинство датских островов были превращены в пустыню). Этот же хронист информирует, что из устья р. Пены, находившегося под контролем ругов, «морские разбойники» обычно нападали на Данию (причём они, по Н.П. Грацианскому, не только опустошали её берега, но и брали большие города датчан)²⁶¹.

Южнобалтийские пираты гнездились повсюду, в том числе и на датских берегах и островах, находили себе убежище на Скандинавском полуострове, их флотилии, состоявшие из сотен судов и ходя в дальние походы, немилосердно грабили земли скандинавов. По информации Снорри Стурлусона (а это событие датируется августом 1135 г.), флот славян, во главе которого стоял «конунг вендов»-князь Ратибор и который насчитывал 550 кораблей («и на каждой шнеке было сорок четыре человека и две лошади»), высадился на юго-западном побережье Швеции (в районе выхода из пролива Каттегат в пролив Скагеррак, т. е. в Северное море). Затем славяне осадили и взяли богатый город Конунгахелла (Кунгэльв), принадлежавший датчанам, который сожгли дотла, а его жителей либо умертвили, либо увели в плен (и этот город, добавляет исландский писатель, «никогда уже не был таким процветающим, каким он был раньше»). Лютичи, пишет А.Ф. Гильфердинг, любили дальние плаванья и не раз ходили в Англию уже в VIII в. (видимо, и одни, и вместе с данами, с которыми то воевали, то вступали в союзы), плавали они туда и три столетия спустя, и где их знали, замечает И.Е. Забелин, как народ самый воинственный на суше и на море.

Говорят учёные и о поселениях южнобалтийских славян в Нидерландах и Англии, в которых (в VII–VIII вв.) существовали колонии лютичей-велетов, оставивших свой след в названиях Вильтабург, Вильтенбург, Вильта, oppidum Wiltorum, Вильтс, Вильтон, графство Вильтшир и др. (П.И. Шафарик указывал на нахождение в Англии города Wiltun, края Wiltsaeten или Wilts и народа Wiltunisci. А.Ф. Гильфердинг, называя ещё и город Вильтенбург, теперь Вильцбург, на юго-западе Германии, резюмировал: «Какова была предприимчивость маленького племени, которое, обитая вблизи Рюгена, основывало поселения и строило

города в Англии, Голландии, Баварии!». «Не знаю, — замечает в данном случае Л.П. Грот, — такое ли оно маленькое, как это представлялось Гильфердингу, но города велеты/вильцы возводили по всей Европе»). К сказанному следует добавить, что наряду с саксами, ютами и данами в завоевании Англии участвовали ругии (ругины) с о. Рюгена (который затем заселили славяне и на которых было перенесено имя «руги»). А это означает, что пути в Англию из Южной Балтики, которую, как минимум, с VI в. начали занимать славяне, были хорошо и давно известны жившим на ней народам.

В 1907 г. И.Н. Сугорский, пересказывая основные положения труда англичанина Т. Шора «Происхождение англо-саксонского народа» (1906) и отмечая, что он именует южнобалтийских славян «чёрными викингами», привёл его заключение: «На разных обычаях в Англии, названиях мест, фамильных именах до сих пор сказывается отпечаток южнобалтийского Поморья. ... Даже наименование королевского Уиндзора, видимо, произошло от поселения вендов... тесно соприкасавшихся с целым германским миром той кипучей эпохи. Эти отважные мореходы, занимавшие, между прочим, правый берег Эльбы, когда саксы сидели на левом, принимали, несомненно, участие в снаряжении кораблей для вторжения в Англию и эмиграции туда массы народа с материка», что, например, в IX в. они, «будучи в Ирландии, даже защитили Дублин от разбоя датчан» и что «в одном памятнике туземной старины (от 1026 г.) встречаются именитые свидетели: родственник короля Канута earl Godwine, отец будущего знаменитого Гарольда (последний англосаксонский король, погиб в 1066 г. — В.Ф.), соперника Вильгельма Завоевателя, и некий Wroutesléof, явно славянин».

Свои масштабные действия на морских просторах в качестве пиратов и в качестве торговцев славяне могли вести только при наличии мощного флота, призванного также защищать их побережье. И этот многочисленный флот состоял из больших и малых кораблей, лёгких на ходу, вмещавших значительное количество товаров, пеших и конных людей. Славяне были самым мореходным народом на Балтике, «властвовали, — заключает И.А. Лебедев, — на море безраздельно и были передовым народом в мореплавании. Они отличались искусством в построении судов. Первые большие корабли, которые могли вмещать лошадей, были построены ими». Отсюда и важное новшество, введённое славянами в военно-морские операции: погружая на корабли коней и посредством их совершая быстрые вторжения в глубь территории противника (этот способ в 1130-х гг. был перенят у них датчанами)²⁶². О том, что южнобалтийские славяне намного опережали в морском искусстве скандинавов, говорит и заимствование ими у славян Южной Балтики, констатировали зарубежные лингвисты Г. Фальк и М. Фасмер, ряда морских терминов, например, «lodhia», а от славянского «пором» произошли норвежское «pram» и немецкое «Prahm»²⁶³.

Именно по самому известному центру южнобалтийских славян — Вагрии (точнее, наверное, всё же по имени его жителей — вагров-варягов), «как полагают, Балтийское море, — пояснял в 1549 г. С. Герберштейн, — и получило название от этой Вагрии», что прямо указывает на тот народ, который господствовал на Варяжском море (а так оно именуется и в наших летописях). О первенствующем положении на нём славян свидетельствуют и другие дан-

ные. П.И. Шафарик информировал, что в средневековых памятниках, написанных на нижненемецком языке, Балтийское море именуется *Wildamor*, что значит *Wilt-en- Meer*, т. е. Велетское море. Н.В. Савельев-Ростиславич сослался на грамоту германского короля Оттона I, данную в 946 г. учреждаемой в области гаволян Гавельсбергского епископства, в которой Балтийское море представлено как «море ругов» — *mare Rugianorum* (что значит, уточнял Й. Херрман, «море руян», рюгенских славян», т. е. море русских). Позже Гельмольд подчёркивал, что *Rusenum mare* — Русское море, под которым в основном понимают Балтийское море, — «самым кратким путём приводит в Грецию»²⁶⁴.

Южнобалтийские славяне, безраздельно господствуя на Балтийском море, занимали на нём стратегические позиции, тем самым держа его под своим неусыпным контролем и вместе с тем прикрывая Русь от непрошенных гостей (вот почему только с завоеванием во второй половине XII в. немцами и датчанами их земель и выходом немцев к Балтийскому морю вал германской агрессии беспрепятственно покатился с 1180–1190-х гг. на восток, и лишь в 1240–1242 гг., в условиях катастрофического монгольского разорения, шведские и ливонские «псы-рыцари» были остановлены полководческим гением Александра Невского²⁶⁵). «Северо-западная часть Ютландии, — напоминал А.Ф. Гильфердинг, — называлась в старину *Wendlesysel*, теперь *Wendsysel*, т. е. селение вендов, и заключала в себе волости *Wendlefolkheret* и *Winebiergheret*; жители назывались *Wendelboer*, у латинских писателей *Vandali*; до сих пор там существуют города *Wester-Wandel*, *Oster-Wandel*, *Winabiorg* (т. е. виндский город)» (выше были приведены цифры присутствия славян в Хедебю, где число славянских землянок — около 18% — весьма близко к числу славянских захоронений — 20%. Как далее говорит А. Пауль, славянский элемент фиксируется и в других местах Ютландии, причём славянская керамика «в обилии встречается в районе залива Шлей», а в соседнем с Хедебю поселении Козеле, в котором также присутствует эта же керамика, процент традиционной для славян северо-западной ориентировки очагов ещё выше и достигает почти 30%)²⁶⁶.

Датский археолог Н.-К. Либготт отмечал в 1980-х гг., что «такие названия, как Крамнице, Корзелице, Тиллице и Биннице (датское *-itze*, слав. *-ice*), позволяют рассматривать южнодатские острова как область славянского расселения», которое, предполагается, началось в IX веке. В 2010 г. его немецкий коллега М. Мюллер-Вилле подчеркнул: в настоящее время существуют неопровержимые материалы — письменные, ономастические и археологические, «свидетельствующие о том, что славяне продвинулись на южнодатские острова, на остров Борнхольм и в Сконе» (южная оконечность Скандинавского полуострова, до середины XVII в. принадлежала Дании). Он также сказал, что «большое количество находок с южноскандинавских поселений, происходящих из региона южной Балтики, показывают связь между этими территориями. Наглядный пример представляет собой поселение Молленхолмен в южной Сконе», а на территории островов Фальстер, Лангеланн и Лоланн «существует большое количество поселений, которые являлись славянскими».

Опираясь на выводы археолога М. Наума от 2008 г., Мюллер-Вилле констатировал, что самые ранние южнобалтийские находки на Борнхольме «отно-

сятся к IX в., а самые поздние — к XII–XIII вв.), что «поселения с балтийским типом керамики распределены по всему острову» («это подтверждается также находками височных колец и ножен»), что «некоторые из иммигрантов были представителями правящей элиты, другие — торговцами и ремесленниками, некоторые — крестьянами с определёнными ремесленными навыками, были и мужчины, и женщины», что археологические и ономастические данные говорят о переселении славян на острова Лоланн, Фальстер и Мен даже в более масштабном и продолжительном характере, чем на о. Борнхольм, «что привело к возникновению деревень, реликтами которых являются славянозвучащие топонимы, всё ещё разбросанные на карте района»²⁶⁷ (в конце IX в. Вульфстан, немаловажно заметить, доводил до сведения Альфреда Великого, что на Борнхольме «есть свой собственный король»²⁶⁸).

Швед М. Стенбергер, также задействуя археологический материал, утверждал в 1973 г., что о. Эланд, расположенный недалеко от южной оконечности Скандинавского полуострова, был занят южнобалтийскими славянами, «о чём сообщают Саксон Грамматик и датская “Сага о Кнютлингах”». Со второй половины XI в., указывал в 1982–1986 гг. Й. Херрман, рюгенские и поморские славяне заселяли ряд датских островов, причём на Эланде нередко были поселения славянских военных дружин²⁶⁹. Согласно «Гута-саге», в VIII в. балтийские славяне переселились на о. Готланд и основали там г. Висби. Их пребывание на острове, доминирующем на Балтике, подтверждает синодик монастыря миноритов в Висби, записи в котором идут с 1279 по 1549 год. И среди этих записей встречаются славянские фамилии: Лютов, Мальхов, Бескин, Белин, Божеполь и др. (в XVII в. на острове генерал-суперинтендантом был пастор Стрелов)²⁷⁰.

Балтийские славяне, акцентировал внимание А.Ф. Гильфердинг, в X в. имели постоянные крепости для убежища на берегу Сконе. Подобное, понятно, возможно было только при поддержке местного населения, несомненно, тех же славян. В Южной Швеции выявлен значительный комплекс южнобалтийских древностей IX–XI вв., причём южнобалтийская керамика в большом количестве известна вплоть до Средней Швеции, а в X в. она преобладала в Бирке. Согласно заключению шведского археолога Д. Селлинг от 1955 г., по крайней мере, значительная часть посуды производилась в Скандинавии из местного сырья «по славянским образцам относительно техники изготовления, формы и украшений». Селлинг также установила, что 13% керамики Бирки славянская, или возникшая под славянским влиянием (доля западноевропейской и западно-финской керамики в общей сложности всего 7%), и связала её с южнобалтийскими славянами. О том же вёл речь в 1967 г. польский археолог Я. Жак, а двумя годами позже он указал, что в Бирку керамика поступала из Волина (показательно, что Г.С. Лебедев в 1972 г., рассматривая в кандидатской диссертации погребальные обряды Бирки, отличавшейся, как и все приморские города, смешанным составом населения, для славян не выделил никакого погребального обряда). В 1979 г. В.В. Седов также фиксировал массовое распространение в Скандинавии, начиная с IX в., южнобалтийской керамики, которую там производили славянские мастера²⁷¹.

По мнению Й. Херрманна, высказанному в 1982–1986 гг., «возможно, именно славянские гончары в Бирке и других местах Швеции изготавливали гончарную посуду, по своим качествам превосходившую местную скандинавскую и соответствующую традициям славянского гончарства», и что в целом многочисленные находки скандинавской керамики VII–VIII вв. в Швеции свидетельствуют о тесных сношениях, прежде всего, с морским побережьем близ устья Одера. О пребывании в Скандинавии южнобалтийских свободных ремесленников-гончаров говорил в 1993 г. Л. Лецевевич. В 2009 г. В.В. Мурашёва констатировала, что «керамические коллекции шведской Бирки (IX–X вв.) и Сигтуны (конец X — начало XI в.) обнаруживают существенные западнославянские влияния» (вместе с тем она отметила, что в Дании славянская керамика с конца X в. распространяется повсеместно). Разнообразие могильных обрядов Бирки привело Херрманна к выводу, что здесь оседали фризы, финны и славяне с низовьев Одера (по свидетельству хрониста XI в. Адама Бременского, в Бирку «имеют обыкновение регулярно съезжаться по различным торговым надобностям все суда данов или норманнов, а также славян и сембов») ²⁷².

В 1980 г. шведский археолог А.-С. Грэслунд заостряла внимание на том, что погребальные камеры Бирки не имеют местных прототипов и появление их, очевидно, связано с её интернациональным характером и особенно с купеческим слоем ²⁷³. Сегодня шведские исследователи Х. Гларке и Б. Амбросиани считают Бирку исключением, появившемся в VIII в. и исчезнувшим в конце X, и констатируют, что в её 550 захоронениях камерного типа в гробах (их большинство относится к IX–X вв.) в обилии найдено оружие, украшения и предметы импорта, которые долгое время выдавали за захоронения шведских викингов, но в действительности в них были погребены иноземные купцы, т. к. там присутствует не шведский похоронный обряд. Датчанка Э. Роэсдаль считает, что в Скандинавию вместе с фризами прибывали и саксонские, и славянские (восточноевропейские) купцы, что «проявилось, в частности, в ритуалах погребения на обширных могильниках Хедебю и Бирки». Д. Хариссон оценивает Бирку как «эксперимент, которому не суждена была долгая жизнь. Город возник где-то в конце VIII в. и просуществовал около 200 лет. ... Пока не удалось выяснить, почему город стал стагнировать и постепенно исчез» ²⁷⁴.

В 1845 г. Т.Н. Грановский сказал, вопреки всем тогда расхожим заверениям, что Скандинавию в торговлю с Востоком втянули «поморяне и преимущественно волинцы». Во времена господства ультранорманизма подобный вывод звучал нелепым вызовом, для большинства учёных он вызывающе звучит и ныне. Но справедливость утверждения Грановского подтверждают многочисленные факты, приводимые зарубежными и отечественными специалистами. Так, ещё в 1837 г. П.И. Шафарик отмечал очень большую зависимость скандинавов от «виндов»-славян: что в скандинавских преданиях венеды «обыкновенно называются людьми просвещёнными», что «норманны отправляют в Ванегейм, т. е. землю виндов, своих богов и знаменитых мужей для приобретения мудрости» и что от них «заняли они некоторые божества, обряды и отдельные выражения, относящиеся к предметам гражданственной образованности, как то: *torg* (трг, торг), *serkr* (сорочка, *indusium*), *pfluok* (плуг), *tramba* (труба), *crosna*,

krusna (крзно) и др.». Эти слова повторил затем М.П. Погодин, демонстрируя ими высокий уровень развития славянских народов²⁷⁵.

Давно установлено (а здесь необходимо назвать две первые специальные статьи на данную тему — шведского и финского филологов Ф. Тамма и И. Микколы 1882 и 1903 гг., а также статью И.В. Шаровольского 1904 г.²⁷⁶), что шведский и другие скандинавские языки содержат принципиально важные славянские заимствования, например, «кош» — короб, корзина, «lodhia» — лодья (грузовое судно, на русское происхождение этого слова указывал в 1852 г. Я.К. Грот), «torg» — торг, рынок, торговая площадь (заимствовано и в западнофинские языки, отсюда название финского г. Турку; показательно, что саги, отмечает Т.Н. Джаксон, используют именно слово «torg», «хотя в древнескандинавском языке имела и другая возможность для обозначения того же понятия»), «besman» («bisman») — безмен (проникло также в балтийские языки и в средне-нижненемецкий), «talk» — объяснение, перевод, переводчик, толковин, толмач, «pitschaft» — печать, «седло» (согласно Е.А. Мельниковой, широкое употребление этого слова «во многих памятниках древнеисландской литературы указывает на раннее время заимствования его, вероятно, одновременно с самим предметом» в X в.). А также «лука» (изгиб седла, заимствовано в западнофинские языки, откуда перешло в древнешведский loka — «хомут»), «соболь» (Мельникова указывает, что «уже в VIII в. оно широко представлено в западноевропейских письменных источниках»), «шёлк», «хмель» (растение и способ приготовления напитка, причём М. Фасмер фиксирует широкое распространение данного слова во всех германских языках, при этом в древнеисландском и англосаксонском в VIII в.), «граница» (Мельникова констатирует, что «первое дошедшее до нас сообщение касается установления границы между Данией и Швецией в Сконе около 1050 г.»; заимствовано также в средненижненемецкий)²⁷⁷.

Причём самая обширная и разнообразная группа заимствований, подводит черту в 1984 г. Мельникова, связана с торговыми отношениями Восточной Европы и Скандинавии. Через два года археологи А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев также резюмировали (а Лебедев ещё и в 1999 г.), что славянские слова в скандинавском охватывают область бытовой дружинной культуры, отчасти — государственной практики (graens — «граница»), но «наиболее полно и представительно — торговую (включая и транспортную) сферу культуры»: «торг», «толк» (переводчик, «тольковин»), «безмен», «ладья», «лука», «хомут», «седло», «соболь», «шёлк», «хмель»²⁷⁸. Но этот факт очень чётко характеризует степень торговых взаимоотношений славян со Скандинавией и ломает норманистские стереотипы, потому как означает только одно: именно посредством славянских купцов скандинавы и были приобщены к торговле (от них же получив и безмен, без которого её активное ведение немыслимо).

Слово «торг», заключал И. Миккола, заимствовано скандинавами от южнобалтийских славян. И.В. Шаровольский, соглашаясь с мнением финского коллеги, уточнял, что слово «торг» принадлежит к числу ранних заимствований, что от тех же славян к скандинавам проникло и слово «безмен». Как точно сказал в 1912 г. С.Н. Сыромятников: исходя хотя бы из того, что слово «torg» распространилось по всему скандинавскому северу, до Дании и Норвегии, то «мы

должны признать, что люди, приходившие торговать в скандинавские страны и приносившие с собою арабские монеты, были славянами»²⁷⁹. И этими славянами, у которых норманны учились азам торговли, были именно южнобалтийские славяне, у которых те параллельно учились и морскому искусству (у них же шведы заимствовали плуг с отвалом, потому как на шведском языке название этого орудия труда звучит по-славянски: plog).

По заключению Й. Херрманна, базой для осуществления связей по Балтике стало возникновение в VIII–IX вв. морских торговых путей, проложенных южнобалтийскими славянами²⁸⁰. Но они, естественно, прокладывали и те торговые пути, которые связывали Балтику с Восточной Европой, о чём говорят наряду с лингвистическими и нумизматические данные. Согласно им, самые древние клады восточных монет обнаруживаются, а эти данные были введены в науку в 1968–1978 гг. В.М. Потинным и В.В. Кропоткиным, на южнобалтийском Поморье (VIII в.), заселённом славянскими и славяноязычными народами. Позже подобные клады появляются на о. Готланде (начало IX в., причём их основная масса приходится на следующее столетие) и лишь только в середине IX в. — на Скандинавском полуострове²⁸¹. В 2005–2007 гг. В.Л. Янин особо акцентировал внимание на том факте, что «древнейшие клады арабских монет в Западной Европе, пересекающие территорию русского Северо-Запада и зарытые там на рубеже VIII–IX вв. и в первой четверти IX в., концентрируются не на Готланде и в материковой Швеции, а на южном — славянском — побережье Балтики»²⁸².

Причём западная граница массового распространения восточных монет проходит по р. Лаббе, т. е. абсолютно совпадает с границей расселения славян и резко обрывается на рубеже с Саксонией и Тюрингией. «Это обстоятельство, — заметил в 1948 г. Б.А. Рыбаков, — естественнее всего связывать с действиями купцов-славян, для которых область славянского языка была областью их деятельности»²⁸³. О приоритете славянских купцов в балтийской торговле и вместе с тем о том, что они предлагали своим покупателям в первую очередь, дополнительно свидетельствуют слова «сона» («монета») в старофризском, заимствованное из древнерусского, где «куна» означала «куница, куний мех, деньги», «соболь», которое через средневерхненемецкое «sabel» перешло в немецкое «Zobel», и также было заимствовано скандинавскими языками. А старославянское «kožuch» в значении «мех», видимо, полагают специалисты, преобразовалось в средневековое латинское «crusna», «crusina», древневерхненемецкое и древнесаксонское «kursinna», старофризское «kersua»²⁸⁴.

Но прежде всего, конечно, они вели торговлю со своими восточноевропейскими сородичами, о чём опять же свидетельствует нумизматика, «наука, — стоит напомнить характеристику С.А. Гедеонова, — действующая с математической определённой»²⁸⁵. В 1961–1968 гг. В.М. Потин констатировал, что огромное скопление кладов восточных монет «в районе Приладожья и их состав указывают на теснейшие связи этой части Руси с южным берегом Балтийского моря», что давно установлено безусловное родство древнерусских и южнобалтийских кладов и вместе с тем их довольно резкое отличие от скандинавских, в том числе и от готландских кладов. Так, если в скандинавских кладах

очень высокий процент английских денариев, то в южнобалтийских и русских они составляют незначительное количество, и в них преобладают монеты германского чекана. По мнению учёного, это есть свидетельство того, что контрагентами восточных славян в балтийской торговле могли быть только южнобалтийские славяне.

Потин заострял внимание и на том факте, что крупнейшие клады западноевропейских монет X–XI вв. найдены именно на территории Южной Балтики и Руси. «Именно через портовые западнославянские города, — подытоживал он, — шёл основной поток германских денариев на Русь». В 1964 г. В.П. Шушарин, ссылаясь на выводы Потина, заключил, что «наряду со скандинавской существовала на севере и северо-западе вторая область активных и многообразных экономических связей Древней Руси — с поморскими славянами». В 1993 г. Е.А. Рыбина отметила, что в Данию арабское серебро попадало именно через Южную Балтику²⁸⁶ (как торжествовал в 1875 г. А.А. Куник, находки восточных монет в землях последней «так незначительны в сравнении с многочисленными находками на о. Готландии и в Швеции, что *одного* этого отрицательного доказательства достаточно, чтобы всякую “мысль” о сношении поморских славян с новгородскими по Финскому заливу и Ладожскому озеру нельзя не признать за неисторическую». Но время показало, что неисторическим как раз является его «естественное» предположение, «что в 8-м и 9-м столетиях на Финском заливе мог хозяйничать только старинный *морской* народ», живший поблизости на Готланде, на Аландских островах и на восточном берегу Швеции²⁸⁷).

В 1968 г. О.И. Давидан, говоря о посещении Ладоги фризскими и скандинавскими купцами, вместе с тем не исключала и прямых контактов ладожан с областями балтийских славян (о возможном посещении Старой Ладоги на рубеже VIII–IX вв. фризскими купцами и ремесленниками говорил в 1982–1986 гг. Й. Херрман)²⁸⁸. В 1974 г. В.М. Горюнова, анализируя древности Городка на Ловати, пришла к выводу о наличии в нём раннегончарной керамики, которая составляет 47% от общего числа керамики комплекса X — начала XI в. и которая имеет «больше сходства с керамическими комплексами, известными из памятников Пруссии и Северной Польши (Западное Поморье)» (при этом было подчёркнуто, что она представлена и в Ладоге). В 1977 г. исследовательница, указывая на значительное присутствие южнобалтийской керамики X — начала XI в. в Городке на Ловати и ссылаясь на результаты Потина, поставила под сомнение «распространённое мнение, что Скандинавия играла роль обязательного посредника в торговле северной Руси с западным миром. Не отрицая этого, можно всё же отметить факты, свидетельствующие о непосредственном общении Руси с населением южнобалтийского побережья в X в.»²⁸⁹.

На следующий год Й. Херрман, опираясь на один и тот же тип фрезендорфской керамики, известный в южнобалтийском портовом Ральсвике на Рюгене и русской Ладоге, заключил, что в первой половине и середине IX в. между ними существовали непосредственные регулярные морские связи. «Возможно, — добавлял он, — что ободритский Рерик принимал большое участие в торговле между Франкской империей и народами, живущими по берегам Балтийского моря». С выводом Хермана согласился в 1985 г. А.Н. Кирпичников. Спустя год

В.В. Седов сказал, что сосуды, найденные в Старой Ладогe, Новгороде, Пскове, Городке на Ловати и других местах и напоминающие горшки фельдбергского, фрезендорфского и торновского типов, в какой-то мере отражают торговые связи Северо-Западной Руси с землями балтийских славян. В 1995 г. Кирпичников вновь вёл речь о вероятности ранних прямых контактов ладожан с жителями Волина и о. Рюген²⁹⁰.

В целом торговые связи Южной Балтики с Русью и прежде всего Новгородской землёй фиксируются не только ранним временем, но и характеризуются своей масштабностью. В 1956 г. В.Л. Янин, в 1974 г. И.П. Шаскольский резюмировали, что до первой трети IX в. включительно «основная и при том сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов обнаружена не на скандинавских землях, а на землях балтийских славян»²⁹¹. Американский специалист в области обращения восточного серебра Т.С. Нунан в 1986 г. высказал сенсационный «антинорманистский» вывод: приводимые им нумизматические свидетельства «для тех, кто вырос с убеждением», что отношения Руси «с Балтийским регионом ограничивались Скандинавией или что в них полностью господствовали викинги», представляют серьёзную проблему, ибо «русские отношения с Южной Прибалтикой были даже несколько более активными или интенсивными, чем отношения со Скандинавией». После чего констатировал: что «викинги не были единственными выходцами с Балтики, устанавливавшими связи с Ладогой в конце VIII и начале IX века», и что «нескандинавы могли также играть важную роль в распространении исламского серебра по Прибалтике, и что эти нескандинавы создали основные рынки в славянских и поморских землях Южной Прибалтики. По-видимому, этими нескандинавами могли быть и прибалтийские славяне», которые, скорее всего, «имели отношение к тем многочисленнымкладам дирхемов начала IX века, которые найдены на побережьях современной Восточной Германии и Польши», и что они с «ранних дней истории» Ладogi, вскоре после 750 г., присутствовали, наряду со скандинавами, в этом городе²⁹².

В 1990–1995 гг. А.Н. Кирпичников отметил, «что распространение куфических монет в скромных размерах в конце VIII — начале IX вв. имело место у западных славян и скандинавов почти одновременно». А в 1998 г. на основе самых последних данных уточнил, что до середины IX в. не устанавливается сколько-нибудь значительного проникновения арабских монет «на о. Готланд и в материковую Швецию (больше их обнаруживается в областях западных славян)»²⁹³. Причём начало дирхемной торговли Кирпичников по нумизматическому материалу относил к 50–60-м гг. VIII в., подчёркивая, что восточное монетное серебро тогда сразу же появилось в Ладогe²⁹⁴ (о том же ведут речь и другие археологи. О тех же датах появления дирхем, но в Рюриковом городище, писал Е.Н. Носов в 2012 г. и, в соавторстве с Н.В. Хвошинской, в 2014 г.²⁹⁵).

В 2002–2003 гг. В.В. Седов сделал тщательно выверенный вывод: «Анализ граффити на арабских монетах свидетельствует о весьма скромной роли норманнов в экономике Восточной Европы в IX в. Рунические надписи обнаружены только на двух монетах Петергофского клада 805 г., найденного на южном побережье Финского залива, и на одном из дирхемов Тимерёвского клада 869 г.,

где имеется знак в форме ладьи, который может иметь скандинавское начало. На монетах других восточноевропейских кладов, зарытых в этом столетии, выявлены исключительно надписи и отдельные буквы, а также символические, находящиеся параллели на Востоке, в Византии или тюркском мире... Очевидно, на Восточно-Европейской равнине до последних десятилетий IX в. хозяйничали арабские, русские, славянские и еврейские купцы». Говоря, что торговая активность скандинавов до середины IX в. ограничивалась Ладогой, в которой с самого её начала — около 750 г. — жили в основном славяне и скандинавские ремесленники и купцы, учёный заключил: они, о чём свидетельствует дополнительно полное отсутствие до названного времени «характерных скандинавских находок на других поселениях Северо-Запада», «ещё не решались широко проникать вглубь словенско-кривичских территорий»²⁹⁶.

Из приведённых заключений археологов следует, что долгое время — почти сто лет — торговля с Востоком не затрагивала, собственно, свеев и поток арабского серебра, идущий по Волго-Балту и доходивший до Ладоги, не попадал на территорию будущей Швеции ни маленьким ручейком, ни даже брызгами. Но вопреки фактам норманисты, например, филолог Е.А. Мельникова, историк Р.Г. Скрынников, археологи И. Измайлов и В.В. Мурашёва упорно приписывают открытие Балтийско-Волжского пути и установление торговых контактов с арабским миром скандинавским купцам и воинам, уверяя, что «ранний этап восточноевропейской торговли следует рассматривать как норманско-арабский», «что подвижные гребцы-скандинавы сыграли существенную роль в освоении речных путей Восточной Европы»²⁹⁷.

Насколько действительная история расходится с подобными мнениями, понимают не только антинорманисты, но и их оппоненты. Так, в 1903 г. В.И. Ламанский заключил, что начало функционирования знаменитых восточноевропейских торговых путей, по его классификации, греческого и хазарского (до Багдада), абсолютно не связано с викингами, т. к. давно уже были проложены словенами и кривичами, и именно «по их указанию и следам стали ходить затем и скандинавские торговцы». По мнению А.Л. Погодина 1932 г., Волжский путь, вероятнее всего, предшествовал скандинавской торговле и «был открыт не с севера, а с юга, и по нему двинулись сначала армяне, очень давнишние колонисты приволжских мест, а потом арабы, евреи и др. И лишь впоследствии на этот же путь вышли скандинавы».

В 1956 г. В.Л. Янин, опираясь на нумизматический материал, установил, что торговые связи между восточными и южнобалтийскими славянами осуществлялись непосредственно и являлись «по существу внутриславянскими связями, развивавшимися без заметного участия скандинавов. Только в самом конце первой четверти IX в. появляются скандинавские клады куфических монет, сколько-нибудь значительные в количественном отношении», и что «миф об исконности организующего участия скандинавов в европейско-арабской торговле не находит никакого обоснования в источниках». В 1966 г. А.В. Арциховский и в 1970 г. В.Т. Пашуто отмечали, что «первые транзитные торговые пути через Восточную Европу были проложены не скандинавами» и что не они создали торговлю Руси. В 1974 г. И.П. Шаскольский констатировал, «что поток ку-

фических монет в начале — первой трети IX в. устремляется преимущественно к южному побережью Балтийского моря, к землям прибалтийских славян, и, следовательно, открытие торговых путей от Балтики к Волге не может приписываться норманнам».

В 1998–1999 гг. А.Н. Кирпичников, исходя из распределения восточного серебра на южном и северном берегах Балтийского моря до 833 г., резюмировал: «Таким образом, две трети ценных накоплений оказались в землях западных славян (и отчасти западных финнов), доминирующая посредническая миссия викингов здесь не очевидна. Остаётся предположить, что торговая активность славян была в этот период не меньшей, если не превосходила северогерманскую». Е.Н. Носов в 2005 г. (в соавторстве с А.В. Плоховым) и в 2012 г. (в отдельности) говорил, что «не скандинавы стояли у истоков восточной торговли, импульс которой был дан экономическими потребностями населения Восточной Европы и мусульманского мира на закате VIII в.». «Славяне, — подчёркивал и В.Я. Петрухин в 2008 г., — открыли трансконтинентальные речные пути Восточной Европы, которыми воспользовались дружины начальной (“варяжской”) руси». Через пять лет он уже признал наличие связи Руси с Южной Балтикой: «восточная монета в больших количествах поступала не только в Скандинавию (св. 1300 монет первой половины IX в.), но и на территорию Германии и Польши (св. 3000 монет), что позволило Т. Нунану предположить участие “западнославянских купцов” в восточной торговле»²⁹⁸.

О полнейшей непричастности скандинавов к организации и функционированию торговли между Западом и Востоком свидетельствуют и другие факты. В 1997 г. Р.Д. и Е.В. Голдины, опираясь на археологический материал, заключили, что появление в Скандинавии значительного числа хорошо известных в Прикамье поясов неволинского типа можно объяснить только появлением там в конце VII — VIII вв. пермских купцов с берегов Сылвы (они освоили тогда Волго-Балтийский торговый путь): «С этих позиций получает объяснение и наличие в финском языке специального слова для обозначения коробейников, бродячих торговцев — перми “permi”» (население Верхнего Прикамья давно занималось торговлей и располагало большим количеством престижных ценностей — бус, украшений, оружия, серебряных сосудов, монет, которые, наряду с мехами, воском и мёдом, могли служить эквивалентом при обмене). «Археологические находки типа поясов неволинского типа, — подытоживала в 2020–2023 гг. Л.П. Грот, — красноречиво свидетельствуют о том, что развитие торговли в Восточной Европе в широтном направлении изначально шло с востока на запад, а не на восток» (на данный факт она указала ещё в 2007 г.) и что «торговцы из Восточной Европы очень рано освоили и финские берега по Финскому заливу, и Скандинавский полуостров»²⁹⁹.

И лишь только со временем восточная торговля втянула в свою орбиту часть скандинавов вообще и свеев в частности. В результате чего они постепенно вступают в политические связи с южнобалтийскими славянами, а затем посредством их — с Русью. Так, родителями Ингигерды, жены Ярослава Мудрого, были шведский конунг Олав Шётконунг и Эстрид, дочь ободритского князя. Причём в первую очередь эта торговля захватила жителей островов Борнхоль-

ма и Готланда, среди которых было, о чём разговор уже шёл, много славян, выходцев из Южной Балтики. В.М. Потин, ссылаясь на нумизматические свидетельства, констатировал, что прямой путь из Южной Балтики на Русь пролегал именно через названные острова, минуя Скандинавский полуостров. Причём клады на них, добавляет он, носят следы западнославянского влияния³⁰⁰.

Именно этим путём и шёл на Южную Балтику из Руси Олав Трюггвасон, будущий норвежский король. В одноимённой саге её герой, простившись с «конунгом» Гардарики Владимиром и княгиней, на корабле отправился в Балтийское море. И, подойдя к Борнхольму, «высадился там на берег, и грабил... и захватил много добра». А уже оттуда он поплыл «к берегам Виндланда» (т. е. Южной Балтики, где женился на Гейре, дочери короля Болеслава, и где прожил три года до её смерти). И «Сага о Кнютлингах» в части известий о второй половине XI в. говорит, фиксируя плавание по тому же пути, но в обратном направлении, что «большой и богатый» корабль купцов из Норвегии намеревался идти к Восточной Прибалтике «или куда-нибудь в другое место в Аустрвеге». Сначала он приплыл в Данию, а затем двинулся к Борнхольму³⁰¹.

По данному пути, давно открытому и наезженному славянами (а его протяжённость составляла 1574 км³⁰²), ещё в середине XII в. интенсивно ходили новгородские купцы (причём, если цитируемые саги в качестве промежуточного этапа пути называют только Борнхольм, то наш летописец, словно её дополняя, упомянул Готланд). Так, НПЛ под 1130 г. сообщает, что «в се же лето, идуще и-замория с гот (Готланда. — В.Ф.), потопи лодии 7, и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша, нъ нази; а из Дони (Дании. — В.Ф.) придоша сторови (благополучно. — В.Ф.)». Затем под 1134 г. в ней сказано, что «рубоша новгородць (бросили в тюрьму. — В.Ф.) за моремь в Дони» (лингвист А.И. Соболевский констатировал, что название «Донь» своим «о» на месте германского «ä» говорит о некоторой древности знакомства славян с данами)³⁰³. В 2001 г. Т.Н. Джаксон, заострив внимание на сообщении «Саги об Олаве Святом» из «Круга земного», что по пути на Русь норвежские купцы «стояли некоторое время у Готланда», резюмировала: «В раннем и позднем средневековье этот остров являлся средоточием балтийской и международной торговли и как бы промежуточным пунктом на торговых путях, пересекающих Балтийское море» и что рассказ саги о торговой поездке, датированной 1018 г., из Скандинавии в Новгород «с промежуточной остановкой на Готланде вполне отвечает историческим реалиям начала XI в.»³⁰⁴.

О том же морском пути рассказывает и Адам Бременский, беря за точку отсчёта, что характерно, именно южнобалтийский славянский Волин, в котором он фиксирует присутствие «греков», т. е. русских купцов (в Северо-Западной Европе Русь и русских часто называли Грецией и греками. Так именно и понимали этих «греков» в 1659 и 1684 гг. немецкие историки Г. Бангерт и Х. Гарткнох, затем Г.З. Байер и В.Н. Татищев, а ныне В.Б. Перхавко³⁰⁵). От Волина, указывает немецкий хронист со слов волинского информатора, знавшего все направления, по которым он и его земляки давно и постоянно ходили, коротким путём добираются до Дымина, расположенного «в устье Пены, где обитают руны (рюгенские славяне, русские. — В.Ф.). А оттуда — до провинции Земландии, которой

владеют пруссы. Путь этот проходит следующим образом: от Гамбурга или от реки Эльбы до города Юмны по суше добираются 7 дней. Чтобы добраться до Юмны по морю, нужно сесть на корабль в Шлезвиге или Ольденбурге. От этого города 14 дней ходу под парусами до Острограда Руси (под которым в основном понимают Новгород, но А.Н. Кирпичников видел в нём Ладогу. — В.Ф.)³⁰⁶ (о пользовании этим путём другими западноевропейцами подчёркивает автор и теми словами, что некоторые даны «при благоприятном ветре за месяц добирались из Дании до Острогарда Руси». Причём он повторил слова Эйнхарда первой половины IX в., но мимо портов южнобалтийских славян даны никак не могли пройти и могли плыть только их морской дорогой³⁰⁷).

По заключению А.Г. Кузьмина, время Адама Бременского — это время «не зарождения, а угасания пути, наиболее интенсивно функционировавшего в IX–X вв.». Само его сложение историк относил к концу VIII в., когда «города южной Балтики начинают торговать с Востоком через Булгар». В 1993 г. польский исследователь Л. Лецеевич, опираясь на процитированное свидетельство Адама Бременского, резюмировал: «Однако не подлежит сомнению, что непосредственные контакты между южным побережьем Балтийского моря и Северной Русью поддерживались по меньшей мере в X–XI вв.»³⁰⁸ (но М.Б. Свердлов, А.А. Горский, Е.А. Мельникова уверяют, что слова хрониста указывают на плавание датчан на Русь и что он ссылается на информацию, полученную именно от них³⁰⁹).

Какую роль играла торговля русских на Балтийском море и каков был её объём даже в XII–XIII вв., когда она уже клонилась к закату (но, согласно И.Д. Беляеву, в это время новгородцы были самыми деятельными торговцами и посещали не только важнейшие острова Балтийского моря, но и берега Померании, Дании и Скандинавии³¹⁰) и её место занимала торговля немцев, видно из следующих фактов. В 1157 г. датчане пограбили, сообщает Саксон Грамматик, в Шлезвиге корабли иноземцев, и датский король Свено III «употребил похищенные у рутенов товары на выплату жалованья своим воинам. Сделав это, он не только отбил у многих иностранцев охоту приезжать в те края, но и способствовал тому, что некогда знаменитый торговый город превратился в маленькое и незначительное поселение», т. е. после того, как русские корабли подверглись разграблению, русские купцы перестали приходить в этот город, что сразу же привело его в упадок³¹¹. Выше говорилось о тех льготах, которые предоставляли немцы русским, чтобы они не обходили стороной Любек. Вероятно, это было связано с событиями в Шлезвиге годичной давности, и Генрих Лев, используя их, пытался перенаправить торговые потоки в свою пользу (Ю. Трусман в 1894 г. на основании даваемых льгот русским купцам заключил, что в XII в. русская торговля играла на Балтике первую роль³¹²).

Информацию НПЛ под 1165 г. о построении в Новгороде церкви «святыя Троица Щетицини» учёные рассматривают как свидетельство существования организации купцов, торговавших с Щетином³¹³ (либо ставят в прямую связь с ним³¹⁴). Как подчёркивали А.П. Новосельцев и В.Т. Пашуто, «конечно, жители Щецина знали дорогу в Новгород задолго до упоминания там их местных контрагентов (1165 г.)». «Были ли, — резюмировал Л. Лецеевич, — это щецинские или местные купцы, торговавшие с этим городом при устье Одры, не имеет

существенного значения. Следы давних контактов славян Балтийского побережья и Новгородской земли и являются выделяемые диалектические особенности в Новгородско-Псковской земле, а также память об “известном, богатом городе Волине”, сохранившаяся в народном эпосе»³¹⁵. Стоит напомнить, что в науке термин «контин» Щетина, «указывающий на административно-территориальное устройство города, сопоставляется с новгородскими “концами”, на которые делился город». Как предположил ещё С.А. Гедеонов, «концы в Новгороде, вероятно, тоже, что штетинские *кончины*. Эти кончины (особый род храмов) имели каждая своё *вече*... как, без сомнения, и концы в Новгороде»³¹⁶.

О том, кто в действительности вёл торговлю на Балтике, свидетельствуют и исландские саги. Так, «Сага об Олаве Трюггвасоне» (разных редакций) поясняет, что в Англии её герой выдавал себя за иностранного купца «Али Богатого», вместе с товарищами пришедшего «из Гардарики», т. е. Руси (в связи с чем Т.Н. Джаксон подчеркнула в 2001 г.: «Из саг можно заключить, какой известностью пользовались в Европе и русские купцы»). В 2017 г. Е.А. Мельникова также заметила по поводу слов Снорри Стурлусона и «Большой саги», что «Олав называл себя Оли и говорил, что он гардский (*gerzkr*)»: «Такое наименование имело смысл, только если “гардские” купцы были достаточно хорошо известны в скандинавском мире». В другом случае, когда речь идёт о трёхлетнем пребывании Олава в землях южнобалтийских славян, сага сообщает, что «с тех пор, как он уехал из Гардарики, не пользовался он более своим именем, а называл себя Оли и говорил, что он гардский», т. е. русский. Исходя из действий Олава, именовавшего себя в пределах славянского Поморья «русским», М.Н. Бережков в 1879 г. пришёл к выводу, что «новгородский купец не был редким явлением в Вендской земле»³¹⁷. Причём их было так много, что они в Новгороде составляли особое купеческое товарищество. Как отмечает НПЛ под 1156 г., «в то же лето поставиша заморьские купцы церковь святую Пятницу на Торговищи»³¹⁸.

Само же поведение Олава в Англии и Южной Балтике объясняется тем, что на Западе имя гардских-русских было действительно столь известно и вместе с тем столь авторитетно, что, назвавшись им, можно было получить так важную в торговых делах защиту и неприкосновенность и, к тому же, спокойно затеряться среди многочисленных русских купцов. В «Саге о людях из Лаксдала» рассказывается, как некто Хоскульд на островах Бреннейяр (в пограничном районе между Норвегией, Данией и Швецией, где собирались для торговли), зашёл в шатёр, который стоял поодаль от других палаток, «и сидел там муж в одежде из драгоценной ткани; на голове у него была гардская шляпа. Хоскульд спросил о его имени; он назвал себя Гилли, “а многие называют меня Гилли Гардский”», т. е. Русский, имя которого все хорошо знали и которого «называли самым богатым из торговых людей» (Хоскульд именует его «Гилли Богач»)»³¹⁹. В «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» речь идёт о гибели в сильную бурю возле Балагардсиды (район юго-западного побережья Финляндии) большого купеческого корабля, плывшего с востока. Двое оставшихся в живых пришли к норвежскому конунгу Эйстейну: «Он спросил их, кто они. Они ответили, что родом они из России и потеряли всё своё богатство при кораблекрушении. Они просили конунга разрешить им остаться перезимовать»³²⁰.

Приведённый материал также показывает, что торговля на Балтике и далеко за её пределами давно была сосредоточена в руках русских купцов, под которыми следует понимать как южнобалтийских, так и восточноевропейских русских (датчанин К. Расмуссен подчёркивал в 1985 г., что есть «множество известий о русских купцах на балтийских побережьях»³²¹), которые слыли самыми богатыми из торговых людей и которые носили поэтому в качестве почётных титулов прозвания «Богатый» и «Богач». У скандинавов, как известно, был иной профиль занятий, в связи с чем, если привести слова ультранорманиста XIX в. О.И. Сенковского, «презрительно относились к купеческому званию»³²².

Теснейшие связи южнобалтийских и восточноевропейских славян не замыкались, конечно, на торговле. Выше было озвучено известие Титмара Мерзебургского о нахождении в 1018 г. в Киеве «быстрых данов», что объясняется традиционными и широкими связями Руси с Южной Балтикой, откуда они могли прибыть совместно с давними торговыми и политическими партнёрами восточных славян — с их южнобалтийскими сородичами (при этом следует учитывать и тот факт, что правящий в то время датский король Кнут Великий по материнской линии был выходцем из южнобалтийских славян³²³). Прибыть по просьбе Ярослава Мудрого, когда он неоднократно обращался за помощью к варягам для борьбы сначала со своим отцом, а затем с двоюродным братом Святополком Окаянным (1015–1019).

В Пегауских анналах читается известие о пребывании на Руси в первой четверти XI в. Германа, сына обосновавшегося в Дании поморского князя Волка и датской королевы. По предположению М.Б. Свердлова, Герман, бежав от преследований Кнута Великого, явился в русские пределы «не один, а со спутниками датчанами», о которых, возможно, и говорит Титмар Мерзебургский. В данном случае следует упомянуть идею А.В. Назаренко о заключении Ярославом Мудрым в 1018–1019 гг. антипольской коалиции с Данией и Швецией, приведшей Русь в том числе и к сближению с первой³²⁴. Но столкновение Болеслава Храброго с Ярославом объясняется не только родственными связями польского князя со Святополком Окаянным. В конце X в. Польша на некоторое время присоединила земли южнобалтийских славян-поморян между Вислою и Одером и южной группы полабских славян (лужичан и мильчан) и угрожала их соседям. Ратаре и лютичи, заключив в 1003 г. с немцами союз против Польши, вынудили её через год покинуть лужицкую территорию (вскоре она вновь их захватит). Около 1010 г. отпало от Польши Поморье. В 1017 г. против Болеслава выступили немцы, лютичи, чехи³²⁵. Тогда же польский князь принимал активное участие в предприятии Святополка, не только поддерживая своего зятя, но и пытаясь избавиться от Ярослава Мудрого, естественного союзника балтийских славян, с которыми кровно была связана его жена Ингигерда.

Балтийских славян и датчан связывало многое (и эти связи уходят в глубокую старину, как можно судить по преданиям, зафиксированным датским хронистом XIII в. Саксоном Грамматиком): и соседство проживания, и соперничество (в том числе боевое), и дружба, и торговля, и династические браки (об этих браках речь частично уже шла. Следует добавить, что дочь ободритского князя Мстивоя Тове во второй половине X в. являлась женой датского короля

Гаральда Синезубого и что на дочери вышеупомянутого Кнута Лаварда и сестре датского короля Вальдемара Великого был женат Прислав, сын ободритского князя Никлота³²⁶), и что-то ещё, близкое обоим народам.

Датчане, например, обращались за помощью к славянским богам. Так, Саксон Грамматик, говоря о Святовите, который пользовался особенным почётом у славянского населения Балтики (его храм находился в Арконе, на о. Ругяне-Рюгене), подчёркивает, что ему большое количество подношений делали «как от имени отдельных людей, так и целых народов обильными жертвами старавшихся снискать себе милость [божества]», и что этому «истукану присылали свои дары даже короли соседних держав, оказывая ему почести, несмотря на то, что этим они совершали кощунство. Среди прочих был также и король данов Свено (Свен III Грате. — В.Ф.), который, желая заслужить расположение божества, почтил его чашей великолепной работы, показав этим, что читит чужую веру выше исповедания своей страны (т. е. христианства. — В.Ф.)»³²⁷.

Часто славяне и даны выступали против своих недругов совместно. Уже в знаменитой битве при Бравалле (датируется от 770 до 786 г.), состоявшейся в Восточной Швеции, даны и южнобалтийские славяне (в их рядах также были саксы и фризы) плечом к плечу сражались, во главе с конунгом данов и восточных гётов Харальдом Хильдетандом (Боезубом), со шведами и норвежцами, которыми командовал его племянник Сигурд Ринг (Кольцо), правитель свеев и западных гётов (в литературе, вероятно, начиная с А.А. Куника, не раз высказывалось мнение, «что имя князя Бравлина из “Жития Стефана Сурожского” воспроизводит топоним Бравалла». Стоит также указать, что Саксон Грамматик упоминает «Регнальда Рутена»/Regnadus Ruthenus, т. е. Регнальда Русского, который наряду с некими Оли и Вифилем возглавлял центральную колонну войск Сигурда, преимущественно шведско-норвежскую. Судя по уточнению его имени, он имел отношение к какой-то балтийской Руси)³²⁸.

В IX в. многократно объединялись славяне и даны против агрессии немцев (например, в 808, 838, 845 гг.). То же самое наблюдалось и в X столетии. Издавна они вместе ходили в морские набеги: около 940 г. напали на Норвегию³²⁹. Общей историей двух народов являлся Йомсборг. Датский король Гаральд (936–986), захватив Волин в землях поморян, выстроил здесь крепость, названную по скандинавскому имени Волина Юмна или Йомсборг (разрушена датским королём Магнусом в 1042 г.). Вскоре она перешла на сторону тех, на чьей земле стояла, сделалась убежищем всех «приверженцев язычества», и в ней пребывали как даны, так и славяне. Именно Йомсборг, отмечает А.Ф. Гильфердинг, стал центром сбора сил, восстановивших в Поморье язычество³³⁰. Поэтому вполне вероятно, что даны, пребывание которых засвидетельствовал в 1018 г. в Киеве информатор Титмара, а им был саксонец, участник похода польского князя Болеслава на Русь, имели самое непосредственное отношение к «йомским витязям», воевавшим на стороне Ярослава Мудрого против Святополка Окаянного, за которым стояла Польша, стремившаяся покорить поморских славян, следовательно, Волин и Йомсборг.

То, что варяги явились на призыв русского князя именно с южных берегов Балтийского моря, говорит присутствие среди них колбягов. Колбяги не назва-

ны в качестве составной силы войска Ярослава, но упомянуты, как указывалось ранее, в Краткой Русской Правде (статьи 9 и 10), появление которой обычно связывают с новгородскими событиями 1015 г. и которая была призвана регулировать отношения между новгородцами и варягами. В.Н. Татищев в колбях видел поморян, жителей г. Колобрега. К этой идее склонялись в 1967 г. А.П. Новосельцев и В.Т. Пашуто (и потому, «возможно, не случайно именно колобжегский епископ был направлен ко двору туровского князя Святополка Владимировича в XI в.», т. е. будущего Святополка Окаянного). На следующий год В.М. Потин твёрдо сказал, что объяснение колбяти от Колобрега «в свете оживлённых поморско-русских связей может оказаться наиболее убедительным». Точно так считал и А.Г. Кузьмин³³¹.

Связь южнобалтийского Поморья с Русью прослеживается в наших источниках прежде всего в период активного наступления на балтийских славян их врагов. Выше были приведены известия НПЛ под 1130-ми гг., свидетельствующие о противостоянии новгородцев и датчан, достигшем апогея в 1134 г.: «Том же лете рубоша новгородць за моремь в Дони». Подмечено, что этот конфликт совпадает по времени с вторжением датчан в земли южнобалтийских славян. Причём исследователи констатируют, что по мере обострения отношений между Данией и южнобалтийскими славянами ухудшались отношения датчан и новгородцев³³². Летописание Южной Руси донесло сообщение, также указывающее на контакты восточных славян с их южнобалтийскими сородичами в опасный для тех момент. В Ипатьевском, Хлебниковском и Ермолаевском списках под 1148 г. сказано (в рамках т. н. Киевского свода конца XII в., обнимающего собой статьи с 1117 по 1198 г.), что киевский великий князь Изяслав Мстиславич, идя на владими́ро-суздальского великого князя Юрия Долгорукого, остановился в Смоленске у брата Ростислава. Братья встретились, и «Изяслав да дары Ростиславоу что от Роускийи земле и от всих царьских земель, а Ростислав да дары Изяславоу что от верьхних земель и от варяг»³³³.

По М.П. Погодину, «верхняя земля» — это Швеция и Готланд, откуда в Смоленск могли явиться варяги. Для А.А. Куника варяги 1148 г. — это «шведские готландцы». С.М. Соловьёв, Д.И. Иловайский и А.А. Шахматов полагали, что под «верхними землями» имеются в виду либо Северо-Западная Русь вообще, либо Новгород в частности. А.П. Новосельцев и В.Т. Пашуто понимали под «верхними землями» новгородско-смоленские земли, а под варягами — и шведов, и в целом Северную Европу. Сегодня Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в варягах статьи 1148 г. видят традиционное наименование скандинавов, не уточняя при этом, кого именно из них всё же имел в виду её автор³³⁴.

Сама летопись не оставляет никаких сомнений в отношении того, что понимали в Южной Руси под «верхними» землями. В статье 1147 г. Изяслав, обращаясь к Ростиславу, говорит: «Брате, тебе Бог дал верхнюю землю... а тамо оу тебе смолняне и новгородци»³³⁵. Но в ней отсутствует подобная определённость по поводу варягов. Специалисты в области летописания связывают статьи летописи с 1146 по 1154 г. с соратником Изяслава Мстиславича, с его «личным княжеским летописцем»³³⁶. С учётом же отсутствия к тому времени в термине «варяги» этнического содержания под варягами, от имени которых Ростис-

слав одаривал брата, можно разуместь многих из западноевропейцев. Вместе с тем под ними не могли понимать кого-либо из германцев. Немцев потому, что они, не имея до этого времени выхода к Балтийскому морю, только в 1140-х гг. пробились к юго-западному углу побережья и основали там первый свой город на Балтике — Любек, после чего только и начали осваивать море и прокладывать дорогу в восточном направлении³³⁷.

Причём Двинской путь, по которому можно было попасть в Днепр и в Смоленск, был обнаружен ими весьма поздно и совершенно случайно: в 1158 г. бременские купцы были занесены бурей в устье Западной Двины³³⁸. И только с этого времени, говорил Н.А. Аристов, началось особенное сношение русских с иностранцами. Причём готландские купцы, подчёркивал М.Н. Бережков, лишь с конца XII в. стали посещать устье Двины³³⁹ (поэтому заблуждались, например, М.Д. Присёлков, А.А. Шахматов, В.А. Брим, Х. Арбман, полагая, что Двинским путём шли на Русь норманны. Эту же ошибку повторяют и многие сегодняшние приверженцы норманской версии — Е.А. Мельникова, Д.А. Мачинский, М.В. Панкратова, В.Б. Перхавко³⁴⁰. Важно заметить, что в 2014 г. Т.Н. Джаксон, рассмотрев разные варианты толкования в зарубежной и отечественной науке сочетаний в рунических надписях XI в., призналась, «отдавая предпочтение осторожному и источниковедчески корректному подходу к материалу рунических надписей» норвежской исследовательницы К. Цильмер: я «более не могу с прежней уверенностью утверждать, что рунические надписи упоминают Западную Двину, Финский залив, а также острова Сааремаа и Рухну»³⁴¹).

При раскопках в Смоленске была обнаружена ротонда, которую в 1962 г. Д.А. Авдусин представил в качестве оборонительного сооружения, возведённого во второй половине XII века. При этом объясняя её появление взаимоотношениями с Готландом, с которым, заострял археолог внимание, в 1229 г. смоленским князем был заключён торговый договор. В 1983 г. она была классифицирована им уже как круглая церковь того же времени, необычная по своей форме для Руси³⁴². П.А. Раппопорт, исходя из того, что церкви такой формы были широко распространены в XII в. в Скандинавии и Северной Германии, не сомневался, что руководителем её строительства был, по-видимому, скандинавский зодчий, но возводили её смоленские мастера. Саму постройку он относил к 70–80-м гг. XII столетия и отмечал, что «эта церковь была упомянута в договоре Смоленска с Ригой и “Готским берегом”, заключённом в 1229 г.» (и что в одном из вариантов договора «она названа “немецкой Богородицей” и “немецкой божницей”; в другом — “латинской церковью”»). Авдусин также подчёркивал в 1991 г., что «скандинавские купцы имели в Смоленске свою церковь: раскопанная в 1958 г. ротонда имеет прямые скандинавские аналогии». В.П. Даркевич в 2000 г. предположил, что эта ротонда (типично романский тип храмов, широко распространённый в архитектуре Центральной Европы) есть немецкая церковь Святой Девы, упомянутая в договоре 1229 г.³⁴³

Таким образом, археологические данные также датируют время появления в Смоленске скандинавских и немецких купцов лишь второй половиной XII в., что объясняется недавним открытием ими Двинского пути. В связи с чем ни скандинавов, ни немцев не могло быть в Смоленске десятью годами ранее. Ва-

ряги статьи 1148 г. — это представители южнобалтийских славян, которых вынудили прибыть в Смоленск грозные события, разворачивавшиеся на их земле. В середине XII столетия многовековое противостояние германцев и прибалтийских славян, по словам немецкого хрониста X в. Видукинда Корвейского, первых — «ради славы, за великую и обширную державу», вторых — «за свободу, против угрозы величайшего рабства»³⁴⁴, вступило в свою трагическую развязку, через несколько десятилетий завершившуюся окончательным покорением славян. Когда Запад предпринял в 1147 г. масштабное наступление на славян, их посольство в 1148 г., используя давно наезженный ими Двинской путь (именно по нему в IX–X вв. и шло восточное серебро на Южную Балтику³⁴⁵), могло прибыть в Смоленск в поисках так необходимой им помощи³⁴⁶.

И в тот момент, когда боевые действия велись по всему южнобалтийскому побережью и на море, никто, кроме южнобалтийских славян, не имел свободного пути на восток и не мог оказаться в Смоленске. Шведы не могли там оказаться ещё потому, что в эти годы они начали, пользуясь снижением активности южнобалтийских славян на Балтике, наступление на северорусские земли, надолго испортив свои отношения с Новгородом. Так, НПЛ под 1142 г. сообщает, что «приходи свьискеи князь с епископомъ в 60 шнек на гость, иже и-заморья шли в 3 лодьях; и бишася, не успеха ничтоже, и отлучиша их 3 лодье, избиша их полуторасти», т. е. было уничтожено 150 русских купцов. Затем под 1164 г. она говорит о новом нападении шведов, приплывших в 55 шнеках: «Приидоша съе под Ладогу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде с посадником с Нежатою, а по князя послаша и по новгородце» (крепость выдержала осаду, захватчики отступили к устью р. Воронег, где были наголову разгромлены 28 мая новгородским князем Святославом Ростиславичем: «изымаша 43 шнек; а мало их убежаша и ти ѣзвни»)»³⁴⁷.

История даёт и другие примеры связи Руси с Южной Балтикой. Герборд, оставивший одно из жизнеописаний Оттона Бамбергского, рассказывает, как польский король Болеслав Кривоустый (1102–1139), долго воюя с русскими, которых поддерживали половцы и поморяне, захватил в плен перемышльского князя Володаря Ростиславича. И с ним был заключён мир, по которому русские брали обязательство не оказывать помощь поморянам³⁴⁸. Контакты русских земель с Поморьем, несмотря на потерю им самостоятельности во второй половине XII в., сохраняются в дальнейшем, что говорит о их давнем и устойчивом характере. В 1217 г., по сообщению В.Н. Татищева, повторённому Н.М. Карамзиным, полоцкий князь Борис Давидович женился «вторым браком на Святохне, дочери померанского князя Казимира» (возведение ею «своих единоземцев на степень высших чинов государственных» и убийство ими посадника и тысяцкого вызвали восстание в городе: княгиня была взята под стражу, а все поморяне были убиты или изгнаны)³⁴⁹.

Из Ермолаевского списка (первая половина XVII в.) Ипатьевской летописи уже приводилось сообщение о первой жене польского короля Пшемисла II Лукерии, которая «бо бе рода князей сербских, с кашуб, от помория Варязкаго от Старого града за Кгданском» (эту приписку к событиям начала XIV в. А.Г. Кузьмин датирует тем же временем. И.И. Первольф полагал в 1877 г., что

«это позднейшая приписка XVI века, перенятая из польских источников»³⁵⁰). И своим содержанием это сообщение демонстрирует, что русские в XIII–XIV вв. посещали Поморье, что позволяло им быть не только в курсе событий его истории, но и хорошо ориентироваться на его местности (возражения В.А. Кучкина 2010 г. в данном случае абсолютно несостоятельны³⁵¹). В пользу сохраняющихся в XIII–XIV вв. связей Руси с Южной Балтикой говорят и другие наши памятники. А.С. Мыльников в 1990–2004 гг. подчеркнул, что под «венедами» «Слова о полку Игореве» («немцы и венедици») следует понимать полабских и поморских славян, именовавшихся «вендами», «венедами»³⁵².

10.4 Откуда есть пошла Русская земля

Исчерпывающую информацию о начале Руси дают, помимо исторических данных, массовый археологический, антропологический, нумизматический материал и ДНК-генеалогия, которые свидетельствуют не только о самых древних связях Северо-Западной Руси с Южной Балтикой, но и о самом широком присутствии в её пределах южнобалтийских славян. Особенно впечатляют как масштабы распространения керамики (лепной и гончарной) южнобалтийского облика (фельдбергской и фрезендорфской³⁵³), охватывающей собой обширную территорию Восточной Европы (она доходила до Верхней Волги и Гнёздова на Днепре, т. е. бытовала в тех областях, подчёркивает А.Г. Кузьмин, «где киевский летописец помещал варягов. А Киеве её нет вовсе»), так и удельный вес её среди других керамических типов и прежде всего в древнейших горизонтах культурного слоя многих памятников Северо-Западной Руси: Старой Ладogi, Изборска, Рюрикова городища, Новгорода, Луки, Городка на Ловати, Городца под Лугой, Белоозера, неукреплённых поселений — селища Золотое Колено, Новые Дубовики, сопки на Средней Мсте и др.³⁵⁴

Так, на посаде Пскова «предкруговая и примитивно-круговая керамика, находящая соответствие в круге форм фельдбергского типа междуречья нижней Вислы и Эльбы, а также побережья Дании и Швеции», составляет 81,2%. На Псковском городище доля лепной керамики данной группы достигает 18,4% всей лепной керамики, в целом лепная и примитивно-круговая керамика составляет 22,7% всей керамики городища. В 1980 г. С.В. Белецкий обращал внимание на тот факт, что более поздняя богато орнаментированная керамика развитых форм фельдбергского, фрезендорфского, торновского и гарцского типов, широко представленная в древнейших горизонтах культурного слоя городов Северной Руси — Новгорода, Изборска, Ладogi, Великие Луки, Белоозера и др., в верхнем слое псковского посада составляет 81,8%³⁵⁵.

Южнобалтийской посуды выявлено в Городке на Ловати около 30%³⁵⁶, в Городце под Лугой — 50% из всей достоверно славянской (её же, информировал в 1977 г. Г.С. Лебедев, много найдено в культурном слое Ладogi VIII–IX вв. и ладожских сопках)³⁵⁷. Причём этот тип посуды не являлся привозным, а произво-

дился на месте, на что указывают, резюмировала в 1974 г. Г.П. Смирнова, как объём её присутствия, так и характер сырья, шедшего на её изготовление³⁵⁸. В целом для времени X–XI вв. в Пскове, Изборске, Новгороде, Старой Ладогге, Великих Луках отложения, насыщенные южнобалтийскими керамическими формами, характерными для нынешних северной Польши, немецкого Поморья и побережной Швеции, представлены, отмечал в 1976 г. С.В. Белецкий, мощным слоем³⁵⁹ (а своей массовостью керамический материал, стоит напомнить, служит «надёжнейшим этническим признаком», причём лепная является одним из наиболее ярких этнических индикаторов³⁶⁰).

Генетическая близость населения Северо-Западной Руси и Южнобалтийского Поморья находит дополнительное подтверждение в характере металлических, деревянных и костяных изделий (сплавы новгородских изделий из цветных металлов X–XI столетий, констатируют специалисты, «тождественны сплавам подобных изделий, происходящих с южно-балтийского побережья»), в особенностях домостроительства — жилища нижних горизонтов Старой Ладogi VIII–IX в., Новгорода X в., Рюрикова городища в слоях с лепной керамикой IX — первой половины X в., Изборска со времени его основания на рубеже VII — VIII вв., Пскова с IX в., Городца под Лугой, Городка на Ловати, селищ Прость, Золотое Колено и др. Как заключал в 1986 г. В.В. Седов, тип таких жилищ был перенесён на указанные территории переселенцами из междуречья Вислы и Эльбы³⁶¹ (большие дома самого нижнего слоя Ладogi швед Х. Арбман, а вслед за ним и наши археологи безосновательно связывают с финнами или шведами. Но, как указал в 1955 г. тот же Арбман, видя в своей трактовке этих жилых построек главный аргумент в пользу норманского характера раннего слоя поселения, подобная строительная техника, видимо, не была распространена в Швеции до эпохи викингов. В 1985 г. А.Н. Кирпичников пояснил, что ни в Финляндии, ни в Швеции таких домов не обнаружено и что они распространены на громадной территории от Прикамья на востоке до Рейна на Западе. О неясности происхождения таких построек говорил в наше время Е.Н. Носов³⁶²).

Генетическая близость Северо-Западной Руси и Южной Балтики вытекает также из особенностей оборонительного вала (решётчатая деревянная конструкция) Старой Ладogi, Новгорода, Пскова, Городца под Лугой, распространённых в IX–X вв. только на Южной Балтике и Северо-Западной Руси (в 1962 г. М.Х. Алешковский констатировал, что варианты деревянной конструкции вала встречаются в Польше, особенно схожа с новгородским валом 1116 г. «конструкция, обнаруженная в г. Любхене (Поморье). В Северной Польше аналогичные конструкции встречаются в IX–XII веках». Польский учёный Л. Лецеевич в 1993 г. заметил, ведя речь о сходстве в технике оборонительных укреплений Городца под Лугой и полабско-поморских поселений: что представители Руси пребывали и жили в Волине и что «прибалтийские славяне проникали как торговцы и производители на Северную Русь. Приносили с собою они не только знание новых технических традиций производства глиняной посуды и других предметов широкого потребления, но также способов устройства укреплений и др.». О подобной конструкции вала на городищах Кентескалнс и Асотском в Латвии речь вели в 1955–1961 гг. А.Я. Стубавс и Э.Д. Шноре, причём первый

подчёркивал, что городище Кентескалнс не характерно для латгалов и других лето-литовских племён)³⁶³.

На юге Восточной Европы такие типы фортификационных сооружений появляются позже³⁶⁴ (в 1962 г. М.Х. Алешковский, говоря о новгородском вале, датируемом им 1044 г., сказал, что «некоторые особенности срубной конструкции позволяют сблизить этот вал с валом “города Ярослава”, построенным в 1037 году в Киеве», но первый от второго «отличает применение куриц по внешнему периметру. Курицы подобного типа применялись в оборонительных валах XI–XII веков у западных славян, а в 1959 году они были открыты Н.Н. Ворониным и в валу XII века в Московском Кремле». В 1985–1987 гг. М.П. Кучера, констатируя наличие в Змиевых валах начала XI в. двух типов деревянных конструкций — срубной и перекладной, заключил: «Перекладная конструкция в Среднем Поднепровье открыта впервые, но в IX–XII вв. она широко применялась западными славянами в устройстве оборонительных стен крепостей и городов», и что «эта же конструкция открыта в валу древнего Минска и в валу детинца Новгорода Великого»³⁶⁵).

Объединяют рассматриваемые территории даже конструктивные особенности музыкальных инструментов. «Очевидное сходство, — подчёркивал в 1997 г. В.И. Поветкин, — с новгородскими древними гудками и гуслиями, их частями, деталями или заготовками обнаружено археологами в Хедебю — это граница Германии и Дании, в Польше в городах Ополе и Гданьске, на территории России — в Пскове, а совсем недавно — в Старой Ладог»³⁶⁶. Обувь, аналогичная ладожской, была, резюмировали в 2003 г. А.И. Волковицкий, Б.С. Короткевич, С.Л. Кузьмин, распространена в северных древнерусских городах и на Балтийском побережье. Кожаная обувь нижнего слоя Ладоги, Новгорода, Пскова, Белозера находит, неоднократно акцентировал внимание А.В. Курбатов, прямые аналогии в ряде памятников южнобалтийских славян VIII–X вв. (например, Волина, Гнезна, Колобрега, а также Хедебю, где с 808 г. проживали славянские купцы)³⁶⁷. В ходе палеоботанических исследований установлено, подытоживала в 1997 г. Е.А. Рыбина, «что набор злаковых культур, распространённых в Новгородской земле в IX–X вв., был аналогичен ассортименту злаков, культивировавшихся в славянских памятниках южной Балтики (Ольденбург), и существенно отличался от набора злаков, наиболее употребительных в то же время в расположенном по соседству скандинавском Хедебю»³⁶⁸.

На Рюриковом городище (конец IX в.) и в Ладог» (в слое X в.) открыты отдельно стоящие хлебные печи, «наиболее точные аналогии им, — признавал Е.Н. Носов, — известны в памятниках польского Поморья (Гданьск, Щецин)». К Южной Балтике имеют отношение и втульчатые двушипные наконечники стрел, обнаруженных на Городище (более трети из всего числа найденных, причём они в ранний период истории этого поселения были основным типом наконечников стрел), лепная и раннегончарная керамика³⁶⁹. «Кончанская система Новгорода — указывал А.Г. Кузьмин, — близка аналогичному территориальному делению Штетина. Даже необычайно важную роль архиепископа Новгорода мы поймём лишь в сравнении с той ролью, которую играли жрецы в жизни балтийских славян, по крайней мере, некоторых из них»³⁷⁰.

Выводы археологов с поразительной точностью подтверждают заключения антропологов. В 1969 г. В.П. Алексеев установил факт наличия среди населения Северо-Западной Руси выходцев с южнобалтийского Поморья. В 1974 г. Т.И. Алексеева пришла к выводу, что краниологические серии с территории Северо-Запада тяготеют к балтийскому ареалу форм в славянском населении. Тремя годами позже археолог В.В. Седов конкретизировал этот вывод: «Ближайшие аналогии раннесредневековым черепам новгородцев обнаруживаются среди краниологических серий, происходящих из славянских могильников Нижней Вислы и Одера. Таковы, в частности, славянские черепа из могильников Мекленбурга, принадлежащих ободритам». К тому же типу, добавлял исследователь, относятся и черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья, активно осваиваемого новгородцами.

Причём ряд историко-лингвистических данных, подчёркивал учёный (присутствие западнославянских лексических элементов в памятниках древнерусской письменности и в современных говорах Псковщины; сохранение в древнепсковских говорах сочетаний *dl, tl*; западнославянские особенности в говорах и этнографии русских Сибири — выходцев из Новгородской и Псковской земель и др.) вместе с отдельными археологическими наблюдениями позволяют полагать, что предки новгородцев и кривичей вышли из междуречья Нижней Вислы и Эльбы. Давая оценку популярной гипотезе о заселении Приильменья славянами из Поднепровья, Седов резюмировал, что «каких-либо исторических и археологических данных, свидетельствующих о такой миграции, в нашем распоряжении нет». Более того, подытоживал он, по краниологическим материалам связь славян новгородских и славян поднепровских невероятна³⁷¹.

Антропологические исследования, проведённые в 1977 г. Ю.Д. Беневоленской и Г.М. Давыдовой среди населения Псковского озера, отличающегося стабильностью (малое число уезжающих из деревень) и достаточно большой обособленностью, показали, что оно относится к западнобалтийскому типу, наиболее распространённому у населения южного побережья Балтийского моря и островов Шлезвиг-Гольштейн до Восточной Прибалтики. В 1995 г. антрополог Н.Н. Гончарова специальным исследованием доказала генетические связи новгородских словен с балтийскими славянами, а её учитель Т.И. Алексеева в 1999 г. увидела в них исключительно «переселенцев с южного побережья Балтийского моря, в последствии смешавшихся уже на новой территории их обитания с финно-угорским населением Приильменья». О том же говорил и В.В. Седов³⁷² (в 2000–2004 гг. антрополог С.Л. Санкина выразила несогласие с изложенной идеей, при этом говоря о сильном сходстве балтийских славян с германцами³⁷³).

С выводами археологов и антропологов о теснейшей связи Южной Балтики и Северо-Западной Руси и о переселении на территорию последней какой-то части южнобалтийского населения полностью состыковываются заключения лингвистов. В 1922 г. Н.М. Петровский, нисколько не ставя под сомнение норманство Рюрика, проанализировал новгородские памятники (прежде всего НПЛ старшего извода) и указал на наличие в них бесспорно западнославянских особенностей: широкое распространение в Новгороде уменьшительных имён на

-ята (после шипящих -ата) и -хно: Петрята, Гюрята, Вышата, Смехно, Прохно и др., западнославянские Ян (Иван), Матей (Матвей), Варфоломей (Бартоломей) и т.п., Микула вместо Николай, переход «о» в «во» (Ореховец-Вореховец), «сторový» вместо «здоровый» (уже одной этой особенности достаточно, заметил учёный, чтобы признать присутствие в новгородском населении западнославянских элементов), «древяны» вместо ожидаемого «древляны» и многие другие словоупотребления, абсолютно не характерные для юга Руси. После чего озвучил мнение, что заселение Новгородской области западными славянами из нынешней Восточной Германии кажется более возможным, нежели предполагаемый А.А. Шахматовым кружной путь из Повисленья к устьям Дуная, а затем обратно на север, вверх по Днепру (в 1971 г. В.Л. Янин и М.Х. Алешковский охарактеризовали статью Петровского как блистательное исследование, в котором приведена масса новых и очень серьёзных аргументов, никем не оспоренных и, более того, находящихся под подтверждение. Петровский, констатировал в 1998 г. А.Г. Кузьмин, «на большом лингвистическом материале показывает зависимость диалекта новгородских словен от языка балтийских славян»)³⁷⁴.

Д.К. Зеленин в 1954 г. вёл речь о балтославянских элементах и в говорах, и в этнографии новгородцев. Так, в древнейших новгородских письменных источниках широко представлено смешение ч и ц, ш и с, ж и с, известен ряд западнославянских лексических элементов. Вместе с тем отмечая, например, что западнославянские элементы сохранились и в планировке расположения домов некоторых новгородских селений, построенных по плану «кругляшки»: в их центре пустая площадь, где летом ночует домашний скот, «кругом дома, подъезды к которым идут сзади», что «в начале XIX в. селения Люнебургской Вендской земли были «построены в виде круга, между тем как немецкие и саксонские — в длину», т. е. обычными улицами». Исходя из этих фактов, Зеленин заключил, что близость в языке и чертах народного быта новгородцев и южнобалтийских славян можно объяснить лишь фактом многочисленного переселения последних на оз. Ильмень (остаток восточной ветви этих славян он видел в вендах, о которых применительно к началу XIII в. в Прибалтике повествует Генрих Латвийский, поселяя их вначале на р. Венте/Виндаве, в Куронии, а затем недалеко от устья Западной Двины, в Ливонии, и именем которых ливы и эсты называют русских — Wene). И, по мнению Зеленина, первые партии западнославянских переселенцев («через Ливонию и морским путём») «с Балтийского моря на озеро Ильмень должны были появиться так рано, что до летописца XI в. дошли лишь глухие предания об этом».

Исследователь вместе с тем напомнил важный факт, на который было указано ещё в 1900 г.: эстонско-финское название Roots-i-Ruots-i распространялось не только на шведов, но и на Ливонию. Но «так как Лифляндия много ближе и более знакома эстам, нежели заморская Швеция, — рассуждал он, — то есть все основания полагать, что более древним значением народного эстонского имени Roots была именно Ливония, а Швеция — уже более поздним значением. Эстонское имя Roots-Ruots-i можно связывать с именем древнего прибалтийского народа Руги. Этим именем называлось славянское население острова Рюгена или Руяны, т. е. опять-таки прибалтийские славяне»³⁷⁵ (к сказанному

Зелениным надо добавить, что в папских буллах XII–XIII вв. Ливония, в которой учреждались католические епархии, называется «Руссией». Так, Климент III в 1188 г. утверждал епископство Икскуль «in Ruthenia», Гонорий IV в 1224 г. именовал ливонских епископов с их сотрудниками «fideles per Russiam constituti», Урбан IV в 1264 г. считал восточную Лэтгалию лежащей «in regno Russiae». В связи с чем обращает на себя внимание и тот факт, что польский историк М. Стрыйковский в 1582 г. Ливонию называл «Варагией»³⁷⁶).

С.П. Обнорский зафиксировал западнославянское воздействие на язык Русской Правды, объясняя это тем, что в Новгороде были живы традиции былых связей со своими сородичами. В середине 1980-х гг. А.А. Зализняк, основываясь на данных берестяных грамот, запечатлевших разговорный язык новгородцев XI–XV вв., установил (ещё более обосновывая свой вывод в последующие годы), что древненовгородский диалект во многом отличен от юго-западно-русских диалектов, но близок по ряду признаков в фонетике, морфологии, синтаксису, лексике к западнославянскому, преимущественно севернолехитскому (причём особенно заметные отличия наблюдаются в самых ранних грамотах). В 1992–2007 гг. В.Л. Янин в целом подытоживал, что поиски аналогов особенностям древнего новгородского диалекта (имеющего, как выявил Зализняк, «около 30 отличий от того, который принято было считать общерусским») «привели к пониманию того, что импульс передвижения основной массы славян на земли русского Северо-Запада исходил с южного побережья Балтики, откуда славяне были потеснены немецкой экспансией».

Эти наблюдения, подчёркивал учёный, «совпали с выводами, полученными разными исследователями на материале курганных древностей, антропологии, истории древнерусских денежно-весовых систем и т. д.». При этом академик заострял внимание на том ещё факте (о нём он писал в 1956 г.), что «южная денежно-весовая система ориентирована на византийскую литру, а северная — на западноевропейскую марку». В 2013 г. А.А. Романчук, принимая вывод Зализняка о происхождении древненовгородского диалекта в результате миграции из пределов, прежде всего, Висло-Одерского междуречья, заключил, что в свете синтеза данных археологии, лингвистики и физической антропологии формирование этого диалекта «предстаёт как результат неоднократных миграций из западной части Славии в позднеславянское время (и, видимо, и ранее — в процессе формирования самой Славии) именно через Прибалтику»³⁷⁷.

Ко всему имеются важные параллели в топонимике Южной Балтики и Новгородской земли. Как подчёркивал С.А. Геденов, «к варяжскому влиянию отношу я и форму *Ильмень* вместо древнерусского *Илмер* (Halmiris?). *Ильменью* называлась одна из рек, протекавших по Вендской земле». Многие из топонимов и гидронимов южнобалтийских славян, отмечал в 1894 г. В.М. Флоринский, «буквально повторяются в России. Особенно в этом отношении характерны р. *Ильменава* по сходству с озером *Ильменем*, и город *Ругодив* по сходству с нашим летописным *Ругодивом* (нынешнею Нарвою, или, точнее, Иван-Городом). Эти два имени могут непосредственно указывать на переселение балтийских славян в древние новгородские области. Такое же сходство мы видим и в личных именах». «На южнобалтийском берегу и в землях Северо-Западной Руси

имеются, — напомнил в 2012 г. С.Э. Цветков, — географические “двойники” — водоёмы и населённые пункты, наличие которых свидетельствует о вендской миграции» (например, приток Эльбы в районе Гамбурга, который и сегодня носит имя Ильменау)³⁷⁸. Добавить сюда следует и р. Любшу, параллелью которой являются названия р. Любша, притока Нысы-Лужицка/Нейсе, впадающей в Одер, и входивших в состав лютицкого союза любушан, живших по Одру (память о них сохранилась в названии германского г. Лебуса, по-польски — Любуша, центра Любушской земли на немецко-польском пограничье).

Само проникновение южнобалтийских славян в пределы Северо-Западной Руси относится к весьма раннему времени. Они, очень быстро освоив Балтийское море и став на нём хозяевами, в торговых целях появляются на его восточных берегах и начинают целенаправленную прокладку Балто-Волжского, а затем Балто-Днепровского торговых путей. Продвигаясь по речным системам вглубь Восточной Европы, славяне активно осваивали новые земли, готовя тем самым почву для прибытия будущих переселенцев с Южной Балтики на Русь. В 1922 г. археолог и норманист А.А. Спицын, беря в расчёт специфические особенности славянских древностей нашего Северо-Запада, заключил: «Не без колебаний мы уже давно примкнули к старой, но авторитетной гипотезе, что славяне пришли на Двину... из Германии. В VIII–IX вв. на западных славян наседали немцы, норманны и авары, и пришлось поневоле уходить из насиженных мест тем из них, которые не хотели идти на ассимиляцию с немцами». Прорисовывая путь движения этих славян на восток, он подчеркнул, что «колонизация направилась в район меж литовскими озёрами и Полесьем, остановилась на время на Двине перед финнами, а затем двинулась далее по р. Великой, особенно же по Ловати», и что это «движение могло идти очень длительный срок... До некоторой степени возможно его направление и морем. Простая логика заставляет предполагать и более раннее движение славян на Двину, до VIII в.».

В 1962 г. В.Б. Вилинбахов, указывая, что «колонизационная деятельность балтийских славян в Северо-Западной Руси, скорее всего, была довольно тесно связана с их торговыми предприятиями по Балтийско-Волжскому пути», поделился принципиально важным наблюдением по поводу расположения новгородских сопок: «В Новгородской земле сопки, в основном, группируются в двух районах. В северо-западных землях Новгорода они наиболее густо располагаются в районе верхнего течения р. Луги. Вторая группа сопек находится в южном Приладожье. Между этими районами сопек нет. Подобное, изолированное друг от друга, расположение сопек, возможно, указывает на то, что соорудившее их население появилось на Новгородской земле со стороны Балтийского моря, продвигаясь вглубь материка по рекам Луга и Волхов». На следующий год учёный, развивая высказанную мысль, во-первых, отметил, что славяне могли продвигаться «вдоль южного побережья Балтийского моря или прямо по самому морю, оседая в устьях рек и на берегах Ладожского озера».

Во-вторых, подчёркивая, что сопки славян волховского типа группируются вдоль водных систем, непосредственно связанных с Балтийским морем, сказал, что в VI–VII вв. они «появились в Приладожье со стороны Балтийского моря,

непосредственно из западнославянских земель». В 2001 г. норманист Г.С. Лебедев констатировал: «последние археологические данные позволяют допустить начальное появление славян именно в низовьях Волхова, что заставляет вспомнить гипотезу В.Б. Вилинбахова о “морском” пути расселения славян из юго-западной Балтики»³⁷⁹ (но эту гипотезу в 1965 г. И.П. Шаскольский отверг категорично. Её критиковал в 1994 г. и археолог В.П. Петренко. Как заметил в 2005 г. А.А. Горский, поддержав версию Вилинбахова о переселении части будущих словен морем с Южной Балтики: не выглядят основательным сомнение, высказанные Шаскольским по поводу технического возможности такого переселения, в противном случае «придётся отрицать факты значительной части миграций в истории человечества». Ко всему же история знает факты далёких морских миграций в раннее Средневековье: переселение англов, саксов и ютов в Британию, миграции эпохи викингов в Исландию, Нормандию, Южную Италию, Гренландию³⁸⁰).

Проникновение южнобалтийских славян в пределы Северо-Западной Руси шло разными путями, но в основном через Ладожское озеро. В 1997–2001 гг. в Нижнем Поволховье была обследована уникально-мощная каменно-земляная крепость на правом высоком берегу Волхова, при впадении в него р. Любши (в 2 км севернее Старой Ладogi), возведённая в последней четверти VII — первой половине VIII в. («первоначально высота её стен составляла не менее 3 м при толщине до 3 м»³⁸¹). Как информировали в 2002 г. изучавшие Любшанское городище Е.А. Рябинин и А.В. Дубашинский, изначально на нём осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами, на что указывает, с одной стороны, «центральноевропейская техника строительства крепостных сооружений, известная на древних западнославянских территориях» (в 2003 г. А.Н. Кирпичников также сказал, что «аналогичные сооружения, имевшие каменный панцирь, изнутри присыпанный землёй, известны у западных славян»). С другой, в определённой мере специфика археологического материала (имеется в виду прежде всего ведущая группа лепной посуды «ладожского типа», т. е. южнобалтийская керамика). В качестве этнокультурной характеристики населения Любши отметили они и элементы женского убора.

Рябинин и Дубашинский, констатируя наличие у любшанцев ремёсел по изготовлению украшений из цветного металла и развитого железоделательного и железообрабатывающего производства, особо заострили внимание на их занятии «обслуживанием судоходного пути, который в это время только начал своё функционирование на Великом Волжском пути из Балтики в Восточноевропейскую равнину и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток. При раскопках найдена многочисленная серия (около 50 экз.) железных корабельных заклёпок и их заготовок. Значимость их обнаружения заключается в том, что такие детали в корабельной технике использовались при соединении деталей крупных морских судов. Далее выходцы из Балтики должны были оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах»³⁸².

Ныне появился дополнительный материал, позволяющий в ещё большей степени видеть в тех, кто в Любше мог «оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах», выходцев именно из пределов

Южной Балтики. В 2009 г. А.В. Лукошков, опираясь на результаты проведённого поисково-разведочного картирования дна рек Волхов, Нева, Лиелупе, Буллите, Вента, нижнего течения Даугавы, Ладожского озера и Рижского залива, в ходе которого были обнаружены многочисленные останки деревянных судов, подытоживал, что «все найденные на территории и России, и Латвии суда построены по южнобалтийской конструктивной схеме» и что «уже сегодня можно говорить о господствующем влиянии именно южнобалтийской судостроительной традиции на создание новгородских судов». Вместе с тем он указал, что «не подтверждают распространения в новгородских землях скандинавской судостроительной технологии и материалы сухопутных раскопок» (в 2014–2019 гг. учёный вновь резюмировал, что влияние скандинавской судостроительной традиции на Русь было ничтожно и что корабли, которые строились на Северо-Западе России и на Южной Балтике, идентичны и «построены с применением тех технологий, которые... не применяли скандинавы вообще»)³⁸³.

Потому безупречным является заключение С.В. Цветкова, высказанное в 2008–2010 гг., что, во-первых, сенсационное по своей сути открытие городища Любша значительно изменило представление о развитии региона и судостроения в частности: основанное выходцами из западнославянских земель, это городище служило своеобразным перевалочным пунктом морских путей, которые дальше шли по русским судоходным рекам, выполняло важнейшую функцию промежуточного морского и речного порта, где товар перегружали, говоря современным языком, с судов морского типа на речные. Во-вторых, он резонно акцентировал внимание как на торгово-ремесленном характере этого поселения, так и на развитой на то время торговле, которую вели славяне. По его словам, тот факт, «что товар в городке на Любше, а впоследствии и в Ладоге, перегружался из морских судов в речные, говорит прежде всего не только об особой стратегической важности этих городов для всей международной торговли, а в первую очередь о монополизации этой торговли славянами и русами» (причём «любшанцы не только обслуживали прибывающих западнославянских купцов, но и активно занимались торговлей сами»)³⁸⁴.

Однако Любшанское городище не является самым древним поселением южнобалтийских славян в Северо-Западной Руси (его первоначальников следует связывать с любушанами). В сотнях километров южнее его в Юго-Восточном Приильменье (Парфинский район Новгородской области) расположен Городок на Маяте, интенсивно изучаемый с 2003 года. Вал этого городища, конструкция которого весьма оригинальна, был «сооружён в так называемой “перекладной” технике. Основу вала составляют накаты из брёвен, уложенные попеременно вдоль и поперёк его продольной оси». Причём, как подчёркивал исследователь памятника И.И. Еремеев, в «культурах 2-й — 3-й четв. I тыс. н.э. в бассейне Ильменя и на соседних землях перекладная техника в фортификации не использовалась. В раннем средневековье она широко известна на славянских городищах Польши и Восточной Германии» VIII–X вв., т. е. на Южной Балтике.

Отмечая, что на фоне других приильменских городищ укрепления Городка на Маяте выглядят очень мощными, археолог констатировал: вал был «своеобразной пристройкой к пологому склону, придававшей последнему крутиз-

ну. Как недавно выяснилось, сходный приём был применён при строительстве древнейшей крепости Рюрикова Городища» и что «в Новгородской земле единственным памятником, который может быть поставлен в один ряд с Городком на Маяте, является Городец под Лугой, исследованный Г.С. Лебедевым и датированный им сер. X в. Наши раскопки позволяют отнести начало бытования «западнославянской» техники крепостного строительства на северо-западе России в более отдалённое время». В 2006–2007 гг. Еремеев уточнил, что памятник предстаёт как центр достаточно густозаселённого микрорегиона, что в его жилой зоне наличествует лепная керамика «ладожского типа» IX–X вв. и что, «ориентируясь на радиоуглеродные даты и на приведённые аналогии, ранние укрепления Городка на Маяте следует датировать V–VI вв.»³⁸⁵.

Южнобалтийские славяне, проникнув в Поволховье и Приильменье, начинают там капитально обустраиваться, прекрасно понимая всю выгоду расположения этих земель на пересечении Балто-Волжского и Балто-Днепровского торговых путей. Так, в середине VIII в., т. е. спустя 50–70 лет после возведения ими городища Любши, они основали Старую Ладугу, о чём говорит ранний керамический материал (в 1950 г. Я.В. Станкевич отмечала, что широко распространённые в древнейших жилых комплексах Старой Ладogi, а именно сюда, по ПВЛ, первоначально и прибыл Рюрик, сосуды имеют многочисленные аналогии в керамике южнобалтийских славян междуречья Вислы, Одера и Эльбы. В 1970 г. В.В. Седов, анализируя сосуды нижнего горизонта Ладogi, пришёл к выводу о происхождении новгородских славян с запада, из Венедской земли, а в 2002 г. подчеркнул, что «древнейшие ребристые сосуды на Северо-Западе происходят из Ладogi, где они есть уже в самых нижних слоях, относящихся к моментам возникновения поселения, то есть к середине VIII в.»³⁸⁶).

В пользу основания Старой Ладogi выходцами из Южной Балтики свидетельствует одна из ранних старолadoжских «больших построек» (по оценке И.В. Дубова, «уникальная находка», ибо она никак не вписывалась в представления археологов-норманистов), раскрытая в слоях второй половины X в. в районе Варяжской улицы и которую Г.С. Лебедев и В.П. Петренко сближают со святилищами южнобалтийских славян в Гросс-Радене (под Шверином, вторая половина IX в.) и в Арконе (о. Рюген, конец VIII–IX в.)³⁸⁷ (А.Н. Кирпичников, отмечая, что это строение функционировало в 960–980 гг., заключил: оно, возможно, являлось святилищем или местом собраний и пиршеств — известной западнославянскому миру континой, помещением для сбора дружины или веча, наконец, ограждённым участком для проведения поединков. Но в 2008 г. его коллега С.Л. Кузьмин предположил, а его предположение, несомненно, станет — если уже не стало — для кого-то «научным фактом», что эта культовая постройка, возможно, связана со скандинавами³⁸⁸).

В свою очередь общий вид храма славян под Шверином и его детали находят очень близкие, подчёркивали В.В. Седов и А.Г. Кузьмин, аналогии в соответствующих сооружениях кельтов (причём первый, указывая, что остатки подобной культовой постройки раскопаны и в Фельдберге, вёл речь о непосредственных и тесных контактах славян с кельтами в древности, а второй, конста-

тируя, что многоглавые божества характеризуют религиозные представления кельтов, заключил, что балтийские славяне ассимилировали какое-то кельтское население и что на южном берегу Балтики в VII–XI вв. существовал славяно-кельтский симбиоз). Немецкий археолог Й. Херрман, говоря, что, вероятно, культовое сооружение под Шверином восходит к древним временам и связано с храмовым строительством кельтов, заострял внимание на том, что не только его внешний облик «сопоставим с культовыми постройками кельтов, но находят параллели в кельтском искусстве и деревянные стилизованные фигуры, обнаруженные в Гросс Радене». Кузьмин, касаясь описания святилища главного бога ратариев Сварожича, данное Титмаром Мерзебургским, заметил, что оно «соответствует кельтской традиции, считавшей обязательными изображения богов, вырезанными из дерева... Примечательно, что имена богов также вырезались. Это указание напоминает сообщение Ибн-Фадлана об именах царей, вырезаемых на дереве»³⁸⁹.

В захоронениях Плакуна, расположенного напротив Старой Ладogi, представлены южнобалтийские сосуды³⁹⁰ (а в 1994 г. скандинавский археолог Я. Билль заключил, что заклёпки из Плакуна ближе к балтийским и славянским³⁹¹). Связь упокоившихся в Плакуне с Южной Балтикой демонстрирует погребение в кургане № 11 в деревянной камере с гробовищем, имеющее, констатировал в 1996–2003 гг. К.А. Михайлов, прямые и многочисленные аналогии в памятниках Дании (Хедебю) и Шлезвиг-Гольштейн, большинство которых датируется концом IX — началом или первой половиной X века. Вполне естественен и вывод учёного, что погребённый прибыл в Ладogu из Южной Ютландии. Разумеется, как и те, кто провожал его в последний путь (О.И. Давидан, основываясь на находках в ранних слоях Ладogi фризских грёбёнок, вела речь о присутствии среди её жителей фризских купцов и ремесленников. Ныне А.А. Романчук, фиксируя отсутствие скандинавского материала в Ладoge, в том числе керамики, связывает могильник Плакун именно с фризами).

Причём Михайлов указал, что в Плакуне, при наличии женских погребений, «скандинавские украшения — индикатор присутствия скандинавов в это время в Ладoge — практически отсутствуют»³⁹² (но там обнаружена лунница, «сочетающаяся в декоре североевропейские и моравские традиции»³⁹³). В Ладoge также нет, признал в 2012 г. Е.Н. Носов, скандинавской лепной керамики³⁹⁴, хотя её производство — это как раз удел женщин («изготовление керамики, — отмечает Т.Б. Сениченкова, — традиционно относят к т. н. “женской субкультуре”»). В то же время южнобалтийская керамика присутствует в погребальном инвентаре, в том числе женских захоронений, причём она, констатировал В.А. Назаренко, в основном лепная (известна она и в слоях Ладожского поселения). В 2012 г. Сениченкова, заметив, что решение спорных вопросов истории Ладogi только на основе разнородных по происхождению изделий, найденных в культурном слое, методически не совсем верно, правомерно заключила: «Керамика же характеризует быт постоянных жителей древней Ладogi»³⁹⁵.

Шведский археолог А.-С. Гр  слунд, сопоставив камерные погребения Бирки и Гнё  дова (в камерном погребении кургана Ц-171 наблюдается сочетание гроба, сбитого гвоздями), обращала внимание на отсутствие гробов в каме-

рах Бирки и указывала на типичность данного обряда для Дании и Северной Германии³⁹⁶, т. е. Южной Балтики, захваченной немцами во второй половине XII века. Стоит озвучить и тот факт, который в 1985 г. привёл Г.С. Лебедев: с запада «городская зона» Ладоги ограничена «высокой террасой коренного берега, известной под названием “Ахматова гора, Висельник тож”. Топоним “Висельник”, выступающий в этой конструкции как более раннее название, напоминает о святилище Wzgóra Wiesielników в западнославянском Волине»³⁹⁷.

На генетическую связь Любши, где строили крупные морские суда, и Старой Ладоги, где затем будут строить суда подобного типа, перегружать товары на плоскодонные суда и обеспечивать судоходство (по подсчётам В.П. Петренко, среди определяемых ладожских деревянных изделий примерно четвертую часть составляют детали и оборудование лодок и кораблей³⁹⁸), указывает также то обстоятельство, что первая возникла как крепость, тогда как во второй крепость, причём сразу же каменная, появилась либо, по А.Н. Кирпичникову, в последней четверти IX в., либо в конце IX — начале X в.³⁹⁹, т. е. Ладога была ничем не защищённым торгово-ремесленным поселением около 150 лет! И это при том, что Е.А. Рябинин и А.В. Дубашинский фиксируют беспокойную военную обстановку, связанную с Любшей, о чём свидетельствуют «десятки накопленных стрел, часть которых оказалась воткнутой в вал или в каменную обкладку укреплений. Этот археологический факт полностью корреспондирует со следами пожара, выявленными при исследовании городища». Но эта беспокойная военная обстановка почти полтора столетия не сказывалась на Старой Ладоге, потому как её надёжно прикрывала с севера, со стороны Балтийского моря, крепость на Любше. И лишь когда она была уничтожена, согласно радиоуглеродному анализу, во второй половине IX в.⁴⁰⁰, то ладожане практически синхронно со временем её гибели возвели каменную крепость, способную обеспечить их безопасность.

В том же IX в. в 9 км вверх по течению от Старой Ладоги появляется значительное укрепленное поселение Новые Дубовики, в котором многочисленной группой представлена всё та же лепная керамика южнобалтийского типа, аналогичная керамике Старой Ладоги⁴⁰¹. Таким образом, Любша, Старая Ладога и Новые Дубовики накрепко запирали вход в трансевропейскую магистраль. Причём как этот вход, так и сами пути к Каспийскому и Чёрному морям полностью контролировали славяне, и где лишь только с их разрешения могли появиться чужаки. Но эти чужаки, приходившие со стороны моря, пробовали нарушить их монополию, о чём говорит уничтожение Любши, появление укрепленных Новых Дубовиков и каменной крепости в Старой Ладоге. И важно в данном случае отметить тот факт, что основание южнобалтийскими славянами Любши, открывающей дорогу к Ладоге, ясно показывает, что к её истории скандинавы не причастны абсолютно (вот почему в 2017 г. П.А. Миляев попытался подвергнуть ревизии выводы Е.А. Рябинина и А.В. Дубашинского об отсутствии на любушанском поселении признаков присутствия выходцев из Скандинавии, натужно заключив, апеллируя к находкам «северной вуали», т. е. якобы скандинавского облика, большей части бытовых предметов, датированных VIII — второй половиной IX в., что «основное население Любши состав-

ляли, по-видимому, носители славянской традиции», но «утверждать полное отсутствие на городище скандинавских выходцев явно не стоит»⁴⁰². Вот так из «северной вуали» и рождаются «научные факты» норманистов, которые, ссылаясь на «доказательство» Миляевым пребывания скандинавов в Любше, начнут преподносить её как славяно-скандинавское, затем как скандинаво-славянское поселение, а со временем вычеркнут славян из истории Любши, как это произошло, по воле Г.Ф. Корзухиной, с Ладогой).

По мере закрепления за собой низовьев Волхова южнобалтийские славяне плотно осваивают его верховья. В 1970 г. М.Х. Алешковский и Л.Е. Красногорье, утверждая, что кривичи, скорее всего, являются потомками поморских славян, подчеркнули: «О связях населения Новгородской земли с полабскими славянами свидетельствует масса этнографических и топонимических данных, давно обращавших на себя внимание русских учёных, начиная с М.В. Ломоносова, в 1922 г. подкреплённых блистательным исследованием Н.М. Петровского. С полабскими славянами связана по своему происхождению и конструкция кремлёвского вала 1116 г., и самая существенная деталь городен вала 1045 г. — “курицы”». Годом позже В.Л. Янин и М.Х. Алешковский отметили, также опираясь на одну и ту же конструкцию вала у южнобалтийских славян и новгородского Детинца, среди новгородского населения наличие «балто-славянского контингента», пришедшего с запада (полагая, что название улицы «Прусская» было перенесено в Новгород волной миграции с запада, они указали на тот факт, что позднейшая новгородская летописная традиция сохранила воспоминание об одной из прародин новгородцев, когда в легенде о призвании князя устами старейшины Гостомысла отправляла послов за князем «в Прусскую землю, в город Малборк»). В 1974–1976 гг. Г.П. Смирнова, фиксируя наличие в ранних археологических слоях Новгорода, которые она датировала концом IX в., заметного компонента керамики, характерной только для поморских славян, поддержала мнение о заселении Новгородской земли выходцами из северных районов Висло-Эльбского междуречья⁴⁰³.

Начиная с 1981 г. Е.Н. Носов, исходя из наличия на Рюриковом городище хлебных печей конца IX — X вв., втульчатых двушипных наконечников стрел, лепной (IX–X вв.) и гончарной (первая половина X в.) керамики, связанных с Южной Балтикой, в целом говорил о наличии «культурных связей поморских славян и населения истока р. Волхова». В 1982 г. он вёл речь о притоке на территорию Новгородчины нового населения, в том числе из западнославянских земель. Шестью годами позже, констатируя прибытие в VIII в. в центральное Приильменьё новой группы славян с развитым земледельческим укладом хозяйства, значительно стимулировавшей социально-экономическую жизнь региона, учёный предположил, что переселенцы могли прийти с территории современного Польского Поморья. А в 1997 г. подчеркнул, что в конце I тыс. н.э. исток Волхова и северо-западное побережье оз. Ильмень явились центром пришедшей сюда северной группы славян, что «в комплексе раннегончарной керамики Рюрикова городища всё отчётливее выступают черты западнославянской керамической традиции», что «по общему облику материальной культуры и, прежде всего, по характеру лепной керамики поселения верховьев Волхова

и Поозерья едины и аналогичны нижним слоям Новгорода, Ладоги и посёлков всего Поволховья (Новые Дубовики, Любша, Горчаковщины и др.)»⁴⁰⁴.

В 1982–1986 гг. Й. Херрман допускал возможность переселения «каких-то групп западных славян в Новгород или Новгородскую землю, прежде всего в связи с развернувшейся немецкой феодальной экспансией, а также и с борьбой между поляками и поморянами в начале XII в.». В 1992 г. В.Я. Конецкий, фиксируя, что в конце IX — X в. в Приильменье наблюдается существенный демографический взрыв, объяснял его, в том числе, неоднократным притоком нового населения и подчёркивал, что анализ керамического материала демонстрирует бытование в этом районе разных традиций, указывающих, в том числе, на связи с западно-славянскими землями Балтийского Побережья. На следующий год Е.А. Рыбина рассуждала о тесной генетической связи Новгорода с Южной Балтикой, способствовавшей, на её взгляд, установлению его контактов с Данией⁴⁰⁵.

В 1995–2005 гг. В.М. Горюнова поясняла, что в раннегончарной керамике Рюрикова городища конца IX — X в. выделяется фельдбергская посуда, торновская, торновско-фрезендорфская, менкендорфская, гросс-раденская и что достаточно значительное число такой же керамики находится в материалах предматериковой части культурных отложений Новгорода (Троицкий X раскоп). В 2011 г. ею в соавторстве с А.В. Плоховым в целом было подчёркнуто, что «только западнославянским мастерам удалось оказать существенное влияние на гончарное производство Новгородской земли» и что распространение раннегончарной керамики на Северо-Западе Руси связано с переселением с Южной Балтики, из «больших городищ в районах Мекленбурга и Бранденбурга», начиная с середины IX века. В 2000 г. в Новгороде в слое, относящемся к первой трети XI в., была найдена береста с изображением св. Варвары. Как подытоживали академики А.А. Зализняк и В.Л. Янин, «св. Варвара особенно почиталась на славянском побережье южной Балтики, а именно оттуда в Новгород пришли первые славянские поселенцы, потомки которых и в дальнейшем не теряли связей со своей прародиной»⁴⁰⁶.

В 2001 г. П.Д. Малыгин, П.Г. Гайдуков, А.М. Степанов, обобщая итоги работ 1998 – 2000 гг. на Троицком XI раскопе, указали, что гончарная посуда I–IV типов, бытующая с 930-х гг., находит аналогии в южнобалтийской керамике типа Фрезендорф–Тетеров, Гросс–Раден, а чисто морфологические аналогии III типу происходят с о. Рюген, Менкендорф и Фельдберг. В 2002 г. Т.Б. Сениченкова, сопоставляя раннегончарную керамику Ладоги, появившуюся там во второй четверти X в., с подобной керамикой Новгорода (в слоях X–XI вв.), Пскова и Изборска (вторая половина X в.), привела ей прямые параллели в материалах памятников южного побережья Балтийского моря (что, несомненно, свидетельствует о притоке новой партии переселенцев). В 2009 г. В.В. Мурашёва, категорически отрицая причастность южнобалтийских славян к варягам, вместе с тем признала, «что западнославянские гончарные традиции оказали влияние... на Новгородскую землю» (в связи с чем даже допустила факт переселения «отдельных групп населения с западнославянских территорий»). А.А. Романчук в 2013 г. особо заострил внимание на том, что две из гончарных

традиций Юго-Запада Балтики дали на новгородской почве местные производные, причём первая — это фрезендорфская, основным регионом распространения которой был о. Рюген⁴⁰⁷, где жили руги-русь.

Выше приведены слова И.И. Еремеева по поводу сходства приёма строительства вала Городка на Маяте, возведённого южнобалтийскими славянами, и древнейшей крепости Рюрикова городища (IX в.). В 2005–2014 гг. Е.Н. Носов указывал, что сложная «перекладная» дубово-земляная конструкция последней, прекратившей своё существование на рубеже IX–X вв., известна в валах западнославянских городищ (подобная ей конструкция, по его оценке, окружала и детинец древнего Киева). В 2009 г. К.А. Михайлов пришёл к выводу, что техника строительства Старокиевского городища (существовало в первой четверти X в.) наиболее близка своеобразным традициям славянских укреплений Южной Балтики, где «перекладная техника активно использовалась на протяжении всего раннего Средневековья». При этом им было отмечено, что в первую очередь она соотносится с самыми ранними укреплениями Рюрикова городища и что до этого времени Северо-Запад не знал столь сложных инженерных сооружений. Вероятно, подводил черту учёный, обе крепости строил один и тот же коллектив, но укрепления Рюрикова городища предшествовали киевским (стоит напомнить в данном случае вывод шведского археолога И. Янссона, что поселения типа Рюрикова городища в Скандинавии неизвестны)⁴⁰⁸.

В 1990 г. Е.Н. Носов заключил, что Сергов городок (вторая половина IX — X в.), расположенный к юго-западу от Рюрикова Городища, не имеет аналогий на территории Новгородчины. В 2002–2012 гг. он уточнил, что «по своему топографическому расположению на низменном острове среди поймы Сергов городок поразительно напоминает укреплённые поселения западных славян в землях древних ободритов на территории современной северной Германии у Балтийского моря»⁴⁰⁹. Археологи вместе с тем отмечают, рассуждая о поселениях истока Волхова и прилегающего к нему с юго-запада Поозерья (например, селищ Васильевское и Прость, городище Георгий, а также Холопий городок), наличие в их материалах находок, широко распространённых на южнобалтийских землях, например, железных ножей с волютообразным навершием и лепной посуды, тождественной керамике нижних горизонтов (VIII — начала X в.) Ладоги, Рюрикова городища, Новгорода и других поселений Поволховья. При этом ими констатируется, что подобные сосуды найдены во многих погребениях в сопках⁴¹⁰. В 1978–2002 гг. В.В. Седов говорил, что сосуды «ладожского типа», найденные в новгородских сопках, являют собой характерную особенность славянской культуры междуречья нижней Вислы и Эльбы⁴¹¹.

Параллельно с активным заселением Поволховья и Приильменя южнобалтийские славяне столь же активно осваивали земли Псковского региона. В 1964–1968 гг. В.Д. Белецкий присутствие южнобалтийского керамического материала в раскопах Пскова объяснял переселением сюда славян из Южной Балтики. В 1978–1993 гг. С.В. Белецкий подытоживал, что Изборск (Труворово городище), где основу керамического набора лепных сосудов VIII–IX вв. (более 60%) составляют «сосуды, находящие себе соответствие в славянских древностях южного побережья Балтийского моря», представлял собой в VIII–IX вв.

«ремесленно-торговый протогородской центр, основанный славянскими переселенцами с территории междуречья нижней Эльбы и Одера» (вместе с тем он установил появление керамики южнобалтийского типа в конце IX в. в Пскове. В новой группе населения в Пскове во второй половине X в. археолог увидел южнобалтийских славян, при этом заметив, что его территория увеличилась в шесть раз и что на поселении появились профессиональные ремёсла и торговля, подтверждением чему являются весы, разновес, монетные находки). В 1980–1982 гг. К.М. Плоткин не сомневался, что «в генезисе древнерусского населения Псковщины участвовали западнославянские этнические элементы», а в 1992–1994 гг. подчёркивал, что в керамике и металлических украшениях Пскова X–XI вв. прослеживается приток западных славян⁴¹².

Продвижение южнобалтийских славян из Северо-Западной Руси на юг в направлении Балто-Днепровскому пути также хорошо прослеживается по археологическому материалу. В 1977 г. В.М. Горюнова появление раннегончарной керамики южнобалтийского типа X — начала XI в. в Городке на Ловати под Великими Луками связала с Западным Поморьем («нижним течением Одера после впадения в него Варты») и с переселением с этой территории именно водным торговым путём определённой части «ремесленного люда», подтверждением чему служат аналогии в синхронных слоях Старой Ладogi. На следующий год она констатировала, что для Городка с самого момента его возникновения характерно присутствие пришлых этнических элементов — скандинавских и западнославянских. А в 1982 г., характеризуя западнославянские формы раннекурговой керамики Новгорода и Городка на Ловати, вновь указала, что «керамика этих форм не имеет корней на Северо-Западе и, скорее всего, принесена сюда выходцами с южного побережья Балтийского моря». В 1977–1994 гг. ею же было отмечено, что западнославянская посуда в раннегончарном комплексе Городка на Ловати составляет свыше 30% и что под натиском немцев после 929 г. начался отток южнобалтийского населения из земель ободритов и вильцев, организация воинских дружин, развитие морского пиратства, уход «князьков со своей челядью не только на море, но и за море». В связи с чем славянская керамика широко распространяется в Дании, Швеции и Северной Руси⁴¹³.

Затем следы южнобалтийских славян обнаруживаются на другом участке летописного пути «из варяг в греки», на Днепре в Гнёздове, в связи с чем ещё в 1902 г. археолог В.И. Сизов предположил, что среди жителей этого поселения имелись выходцы с балтийского Поморья⁴¹⁴. В 1925 г. Е.Н. Клетнова заключила, что исходные корни погребального обряда Гнёздовских курганов, «а также аналогии некоторым чертам ритуала, в частности — урнам, следует искать, скорее, в землях “балтийских славян, нежели в Скандинавии”»⁴¹⁵. В 1972 г. Д.А. Авдусин говорил, что гончарные сосуды Гнёздова обнаруживают сходство с сосудами балтийских и западных славян (что, возможно, указывает на приток сюда «славянского населения, уже знавшего гончарный круг... тем более, что на Западе такая керамика возникла раньше, чем на Руси»). В 1974 г. Т.А. Пушкина, фиксируя наличие в Гнёздове гончарной посуды западнославянского облика, пришла к выводу о несомненном присутствии там с середины X в. какой-то группы выходцев из западнославянских земель. Тремя годами позже Е.В. Ка-

менецкая на основе той же керамики, роль которой «в погребальном обряде очень велика», заключила, что приток населения в Гнёздово с территории Центральной и Северной Польши прослеживается на всём протяжении X в., а в конце этого столетия наблюдается появление небольшого количества керамики славян с южных берегов Балтийского моря. В 2012 г. Т.А. Пушкина, В.В. Мурашёва и Н.В. Ениосова констатировали, с одной стороны, что «формы и орнаментация сосудов, которые можно отнести ко второй половине — концу X в., аналогичны найденным на территории Поморья». С другой, наличие в пойменной части Центрального селища Гнёздова двух купольных печей «для выпечки хлеба или для приготовления пищи. Аналогичные сооружения известны в материалах Старой Ладogi и Рюрикова городища»⁴¹⁶.

В 1998 г. норвежская исследовательница А. Стальсберг определила, что ладейные заклёпки из Гнёздова «ближе к балтийской и славянской, нежели скандинавской традиции», объединив при этом Гнёздовские заклёпки с заклёпками из Плакуна. В 2007 г. В.В. Рогудеев вёл речь о находках ранней западнославянской керамики IX–X вв. в Подонье, в том числе южнобалтийской керамики менкендорфского (из земель ободритов) и фельдбергского типов. Следы южнобалтийских переселенцев фиксируются в глубине Балто-Волжского пути — в раннегончарной керамике поселения Гнездилово-2 под Суздалем (X–XI вв.) обнаружена южнобалтийская посуда фельдбергского и менкендорфского типов. Как заметили по этому поводу в 2004 г. В.М. Горюнова и В.А. Лапшин, «после гибели больших высоких городищ в ядре ареала фельдбергской керамики (конец IX в.)» часть населения Южной Балтики «была вынуждена переселиться в достаточно удалённые центры, расположенные по торговым магистралям, идущим далеко на Восток»⁴¹⁷.

А.Г. Кузьмин, говоря, что колонизационный поток с южного побережья Балтики на восток, куда входили славянские и неславянские народы, собственно варяги и выходцы из балтийских Русий, мог двинуться в конце VIII в. под давлением Франкского государства (и в этом потоке чётко прослеживается участие фризгов из области нынешних Нидерландов, которые после их завоевания Карлом Великим в 785 г. большими группами переселялись на восток, оседая среди балтийских славян, где их знал Гельмольд в XII в., и следы их просматриваются в Ладогe, в том числе и по наличию в её древностях «фризской» керамики). Наступление франков побуждало и варингов искать новые места поселений. Так, в VIII в. во Франции появляется Варангевилл — Варяжский город, в Англии в 915 г. возник город Вэрингвик — Варяжская бухта, Варангенлимен был в Крыму, до сих пор сохранилось название Варангерфьорд — Варяжский залив в Баренцевом море, «с VIII–IX вв. имена Варин или Вэринг широко распространяются по всей Северной Европе, свидетельствуя также о рассеянии отдельных групп варингов в иноязычной среде».

Но, заключал Кузьмин, «в конечном счёте основным направлением переселений окажется восточное побережье Балтики и берега рек и озёр на пути из Прибалтики в Волжскую Болгарию». Отмечая, что этот колонизационный поток, в котором учёный на археологическом материале выделял две волны (вторая — в середине IX в.), со временем захватил и Скандинавию, где долго сохранялись

славянские поселения, а в её городах даже в XIV–XV вв. была весьма заметна традиция славянских имён. В переселение неизбежно вовлекались собственно скандинавы, а также их вооружение и предметы быта, которые можно было спокойно приобрести на любом берегу Балтийского моря. Связывая в конечном итоге с переселением южнобалтийских славян в пределы Северо-Западной Руси призвание в 862 г. из Южной Балтики варягов и руси, историк подчёркивал, что на последнюю указывают, помимо большого числа источников, ещё и Перун, бог варяго-русской дружины, культ которого был широко распространён на всём славянском Поморье, а также славянский язык пришельцев, что вытекает из славянских названий городов, основанных ими в Восточной Европе. Кузьмин же продемонстрировал, что норманны стали появляться на Руси лишь при Владимире Святославиче в конце X в., включившись в движение на восток по путям, давно проложенным южнобалтийскими славянами⁴¹⁸.

С.Н. Азбелев, также связывая русь с выходцами с южного побережья Балтики и опираясь на показания отечественных и западных источников, также вёл речь о двух волнах их переселения на Новгородскую землю, одну из которых относил к последней четверти VIII — началу IX в., «когда происходили вторжения войск Карла Великого в земли велетов-лютичей. Этому этапу соответствуют, как можно полагать, топонимы с основой “волот”» (например, Волотово поле, с. Волотово). Другую, вызванную угрозой, исходящей от Каролингов, учёный датировал примерно серединой IX в., когда Гостомысл (в западноевропейских хрониках он фигурирует как король государства ободритов, и его именем открывается перечень новгородских посадников), видимо, возглавил основную массу этой волны славян (прежде всего из племенного союза ободритов и с острова Руяна), «составивших тогда главенствующую часть населения» возникающего Новгорода, стал во главе его, а затем новгородцы пригласили к себе князя Рюрика, приходившегося Гостомыслу внуком⁴¹⁹ (со словом «волот»-великан, т. е. исполин, человек высокого роста, богатырь связывают, как это, например, делал А.Н. Веселовский, название велеты, которое прилагалось к лютическому союзу южнобалтийских славян. Л.П. Грот, приведя большой перечень названий с основой «волот» для гидронимов и населённых пунктов русских земель от Русского Севера и Новгородчины до Верхнего Поднепровья на юге, констатировала, что слово «волот» «в украинских белорусских языках встречается в формах и *велет*, и *волот*»⁴²⁰).

Под влиянием фактов начал по-«антинорманистски» рассуждать ряд норманистов (об А.А. Горском речь уже шла). Как резюмировал в 2007 г. академик В.Л. Янин, «когда между племенами начались разборки, решено было отправить послов к Рюрику, к тем варягам, которые называли себя Русью. Проживали они на территории южной Балтики, северной Польши и северной Германии. Наши пращурь призвали князя оттуда, откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам»⁴²¹. В 2013 г. и археолог А.А. Романчук подытоживал, что, «судя по археологическим данным, приоритетность взаимодействия Юго-Запада Балтики и Северо-Запада будущей Руси возникает ещё, по крайней мере, в V–VI вв., и устойчиво продолжается вплоть до IX–XI вв. включительно. И эта картина,

вытекающая из археологических данных, безусловно, чётко коррелирует с основными постулатами и выводами южнобалтийской гипотезы происхождения варягов и руси»⁴²² (в связи с чем вывод о южнобалтийской природе варягов — это признание исторического факта, а не «малоубедительная гипотеза», как говорил в советское время И.П. Шаскольский, и не «историографический казус», как уверяют ныне Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин⁴²³).

Правоту выводов антинорманистов подтверждает и «Гута-сага». Согласно ей, в VIII в. южнобалтийские славяне переселились на о. Готланд и основали там г. Висби. В следующем столетии начались усобицы, как полагает С.В. Арсеньев, между коренным населением и потомками славян, в результате чего часть последних покинула остров. Переселенцы вначале направились на о. Даго (выше говорилось, что А.Г. Кузьмин из прибалтийских Русий особо выделял западную часть нынешней Эстонии — провинцию Роталию-Вик с островами Сааремаа и Даго), а затем по Западной Двине в Грецию (т. е. описывается морской славянский путь следования). Показания «Гута-саги» требуют к себе пристального внимания, ибо она, созданная в 20-х гг. XIII в. на Готланде, отразила реальные события из его истории, сохранившиеся в памяти потомков южнобалтийских переселенцев: пребывание на острове носителей славянских фамилий зафиксировано, о чём речь шла, источниками XIII–XVII веков. В свете этих данных особый смысл приобретает вспыхнувший около 1288 г. конфликт между жителями Висби и сельским населением Готланда, причину которого Арсеньев видит в племенной розни. Причём, отмечает он, горожан поддержали южнобалтийские города, ещё славянские в своей основе, а шведский король принял сторону крестьян и усмирил жителей Висби⁴²⁴. Возможно, что в этом же плане следует рассматривать и тот факт, что жители островов Сааремаа и Муху, судя по археологическому материалу, во второй половине I тыс. н.э. были наиболее тесно связаны с Готландом и что в начале II тыс. у них же существовали регулярные мирные торговые сношения с готландцами, тогда как связи с собственно Скандинавией носили более случайный характер⁴²⁵.

Переселение на Русь славянских и славяноязычных народов Южной Балтики частью прошло через Скандинавию (обращает на себя внимание тот факт, что время существования Бирки абсолютно совпадает со временем интенсивного движения населения Южной Балтики в Восточную Европу, и своим возникновением она обязана, вероятнее всего, фризским и южнобалтийским купцам). Прошло и вовлекло в свою орбиту некоторое число скандинавов, что подтверждается данными антропологии. Причём Т.И. Алексеева выделяет лишь один пункт на территории Руси, где фиксируется некоторое пребывание норманов, — Старую Ладугу. Она же констатирует, что антропологические особенности краниологического материала из Шестовиц указывают на связь с норманнами и что во всём облике этого населения наблюдается смешение славянских и германских черт (серия черепов X в. из Шестовиц, поясняют антропологи, сходна, хотя и достаточно отдалённо, «со шведской и британской, а также с ливами»).

Сегодня в науке также речь идёт о том, что «антропологический материал из ингумаций пойменных групп Шестовицы определён суммарно как принадлежащий населению североευропейского происхождения». Но, замечает А.В. Ко-

мар, датируя появление Шестовицкого поселения первой четвертью X в., а не концом предыдущего, «это заключение, впрочем, справедливо лишь для мужской серии, тогда как женская серия Шестовицы сходна со славянскими сериями Днепровского левобережья и, в частности, Любеча и Переяславля»⁴²⁶. Вместе с тем в Черниговском некрополе фиксируемые в Шестовицах особенности отсутствуют (хотя сейчас уже стараются выделить «вероятный скандинавский элемент»). В данном случае не мешает вновь отметить, вслед за Алексеевой, сказавшей в отношении киевских погребений с трупоположением X в., что «ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева»⁴²⁷.

Переселенческий поток захватил не только скандинавов, но и их древности. Переселенцы, соприкасаясь со скандинавской культурой в самой Скандинавии, несомненно, заимствовали и переработали какие-то её элементы, создав на подступах к Руси своеобразную культуру, отличавшуюся эклектичностью и гибридизацией различных по происхождению элементов (южнобалтийских, скандинавских и иных, конечно), привнеся её затем в русские пределы. В связи с чем в варяго-русских древностях много неславянского, на чём обычно заостряют внимание норманисты, либо не понимая, либо не принимая во внимание всего многообразия миграционного процесса, идущего с Южной Балтики на Северо-Западную Русь, либо вовсе исключая этот процесс (скандинавские археологи в «вещах-гибридах» видят скандинавскую продукцию⁴²⁸). Тому способствовали и смешанные браки (хотя и редкие), о чём говорит антропологический тип населения в Шестовицах, не встречающийся в других местах Руси.

Вместе с тем нельзя забывать и общие моменты, присущие жителям Южной Балтики (славянам и ассимилированным ими народам, в том числе германским и кельтским) и населению Скандинавии, что проявлялось в общих чертах, например, погребального обряда. Подобное не удивительно, ибо «племена германское и славянское, — говорил С.М. Соловьёв, — чем ближе к языческой древности, тем сходнее между собою в понятиях религиозных, нравах, обычаях»⁴²⁹. Так, в середине XI в. в земле лютичей жило племя, свидетельствует англо-норманский хронист Ордерик (ум. после 1041), поклонявшееся Водану, Тору и Фрейе⁴³⁰ (Водан/Вотан, Воден, Один — имя общегерманского верховного божества, покровителя боевых дружин⁴³¹). Причём в науке подчёркивается, что «факт заимствования древними германцами образов Водана-Одина и Донара-Тора из кельтского пантеона является общепризнанным»⁴³².

В силу названных фактов более чем сомнительно толковать погребения, где наличествуют шейные железные гривны с т. н. «молоточками Тора», исключительно как скандинавские (общепризнано, уверяют норманисты, что они «являются прочным скандинавским этническим индикатором», т. к. «явно связаны с культом бога-громовержца» Тора, и что сами привески изображают его молот Мьельнир)⁴³³. Сомнительно потому, что молот являлся принадлежностью многих древних европейских богов, включая кельтских⁴³⁴, и что эти «молоточки» обнаруживают в захоронениях, которые норманисты не могут отнести к норманским. Находки железных гривен на территории Руси довольно многочисленны, резюмировала в 1966–1967 гг. М.В. Фехнер, что в ряде случаев

их наличие в курганах «говорит о норманской принадлежности погребённого (как в кургане 375 Тимерёвского могильника). Однако в своём большинстве эти гривны найдены в погребениях местного населения как обычное украшение. Например, в кургане 60 близ д. Б. Тимерёво железная гривна найдена вместе с глиняной бобровой лапой и посудой, типичной для населения Ярославского Поволжья» (причём они обнаружены исключительно в женских захоронениях). С.И. Кочуркина в 1970–1973 гг. также акцентировала внимание на том, что такие ритуальные вещи как железные гривны с «молоточками Тора» должны сопровождать скандинавские погребения, но в приладожских курганах пять экземпляров (из семи), «найденных в мужских захоронениях, принадлежали местному населению»⁴³⁵.

Из приведённых свидетельств хорошо видно, что подобные предметы никак нельзя считать ритуальными (следовательно, «прочным скандинавским этническим индикатором»). Не случайно в 1895 г. Н.Е. Бранденбург констатировал применительно к древностям Южного Приладжья, что, «несмотря на широкую употребительность железа вообще в описываемой культуре, гривны из этого металла составляли предмет наряда наравне с подобными же украшениями из серебра, т. е. носились одновременно, как то указала находка их на одном и том же скелете»⁴³⁶. К тому же, как пояснял в 1975 г. Д.А. Авдусин, железные гривны с «молоточками Тора» встречаются не на всей территории Скандинавии. Шведский археолог И. Янсон уточнял в 1999 г., что они найдены только в Центральной и Восточной Швеции и на Аландских островах и полностью отсутствуют на остальной территории Швеции, в Норвегии и Дании (т. е. «молоточки Тора» фиксируются, подытоживал в 2008 г. автор этих строк, прежде всего в тех районах Скандинавского полуострова, через которые шли в Восточную Европу южнобалтийские переселенцы).

В 2012 г. А.Е. Мусин также подчеркнул, что железные гривны с «молоточками Тора» «в Скандинавии практически не встречаются за пределами Средней Швеции» (в 1966 г. М.В. Фехнер указывала, что «молоточки Тора» находят в Бирке преимущественно в трупосожжениях конца X — начала XI в. и что найдены они также в Северной Германии и Пруссии. Вместе с тем она отметила, что эти «молоточки», простейшая форма которых появилась в юго-западной Скандинавии в IX в., встречаются в ранних погребениях «только как исключение. Лишь в период внедрения христианства, в конце X — начале XI в., ношение этих амулетов стало общепринятым явлением: приверженцы старой языческой религии носили молотки Тора, противопоставляя их знаку христианской символики — кресту». Большинство железных гривен с «молоточками Тора», а таковых на 2012 г. насчитывалось около 60 из более 125 железных обрубей, найденных в русских землях, датируют серединой — второй половиной X века. При этом половина из них приходится на Гнёздово, но их нет совершенно в Юго-Восточном Приладжье»⁴³⁷.

«Молоточки Тора», классифицированные так археологами (столь же произвольно они называли все русские курганы с богатым инвентарём «дружинными», франкские мечи «норманскими» и пр.) и предъявляемые ими в качестве «неопровержимого» свидетельства пребывания скандинавов на Руси, генети-

чески не были с ними связаны. Связаны же они со славянами, ибо в руке бога южнобалтийских славян Радегасте, по «Саксонской хронике» К. Бото, «молот, на голове птица»⁴³⁸, а оружием весьма почитаемого на Южной Балтике Перуна, бога грома, молнии и дождя, были молнии-топорики (Н.М. Карамзин, отмечая, что «славянский глагол *перу* значит не только *пру*, но и *бью*, *ударяю*», заключал: «следственно, имя Перуна означало бога *разящего*»⁴³⁹). Именно у названных южнобалтийских богов и «заимствовал» Тор, сын Одина, бог грозы и грома, свой громовой молот, на что прямо указывает его славянское название: Миольнир (Мьельнир)–Молния (по-шведски молния «*blixt*»)⁴⁴⁰ (языковед И. Миккола считал, что, вероятно, от южнобалтийских славян «зашло в Скандинавию и слово *Miollnir*», а Г. Джонс указал на достаточно позднее происхождение самого молота Тора⁴⁴¹).

О славянской природе железной гривны с «молоточками Тора» говорит её находка при раскопе одной из ранних старолadoжских «больших построек», которую сближают со святилищами южнобалтийских славян в Гросс-Радене и в Арконе, столице ругов-русских (причём в той же «большой постройке» найдена железная гривна и руническая подвеска). Также в Ладоге была обнаружена и отливка для «молоточков Тора», и это тогда, когда в Скандинавии их не найдено ни одной⁴⁴². «Молоточек Тора», сделанный из кости, найден, что случайностью также не назовёшь, на славянском святилище резиденции князя вагров в южнобалтийском Старграде-Ольденбурге (известном в письменных источниках как «языческая святая земля»), такие же «молоточки» обнаружены в торговом Ральсвике на Рюгене, в Менцлине, в устье Пены и в других местах Южной Балтики. В Волине была открыта мастерская, в которой наряду с другими украшениями и подвесками из янтаря изготавливались и янтарные «молоточки Тора»⁴⁴³ (следует добавить, что на славянском поселении в одном из двух основных центрах Великой Моравии Угерске Градиште — Садах, возникшем, возможно, уже в VII в. и прекратившем своё существование в IX в., обнаружены «железные гривны в виде топорика»⁴⁴⁴).

В рассматриваемом случае представляет интерес информация Адама Бременского, оставившего описание упсальского святилища (центрального для Скандинавии), в котором находились «статуи трёх почитаемых народом богов». Самый могущественный из них Тор восседал на троне посреди парадного зала и «со своим скипетром напоминал Юпитера» (в пересказе археолога В.И. Кулакова, «Тор вооружён молотом», ибо хронист принял волшебный молот за «скипетр Юпитера»). Норманизм, как уже не раз указывалось, старается прочесть источники в нужном для себя смысле и потому постоянно их уличает в ошибках, которые затем «строго научно» исправляет. Однако имеется подтверждение словам немецкого автора. Согласно Снорри Стурлусону, Олав Трюггвасон явился в капище, где стояли боги, там сидел самый почитаемый из богов — Тор, «разукрашенный золотом и серебром. Олав конунг поднял позолоченный жезл, который у него был в руке, и ударил Тора, так что тот упал со своего престола». И здесь о молоте ни слова. Иным же предстаёт оснащение Перуна: у славян-земледельцев X–XII вв. его образ ассоциировался с летящим по небу огненным топором. Новгородская четвертая летопись, описывая под

989 г. его свержение и сбрасывание в Волхов, подчёркивает: «Он же поплыве сквозе Велии мост, верже палицю свою на мост»).

Про Тора шведы говорят, поясняет Адам Бременский, что он «управляет громом и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями». Водан (Один), что означает «ярость», «ведёт войны, даёт людям мужество в битвах с врагами», и его «представляют вооружённым, как у нас обычно Марса». Причём, если грозит голод или мор, то приносятся жертву идолу Тору, если война — то Водану⁴⁴⁵. Но тогда выходит, что «молоточки Тора» — это «молоточки Водана», ибо Тор выглядит крестьянским богом, в связи с чем его «молоточки» никак не могут быть связаны с элитой, с дружиной (Тор был самым любимым богом народа, олицетворял благодатную сторону грозы, очищающей воздух и оплодотворяющей землю, под его покровительством находилась семейная жизнь, он был богом брака и супружеской жизни. Символика Тора и его жертвенных животных прежде всего земледельческая⁴⁴⁶. Согласно шведским исследователям, подчёркивает Л.П. Грот, «Тору, как покровителю плодородия и земледелия, поклонялись в первую очередь крестьяне и рабы... т. е. Тор был божеством простонародья», и он в таком случае, также заключает исследовательница, не мог относиться к дружинной культуре⁴⁴⁷).

С тем, что «молоточки Тора» не связаны со скандинавами, абсолютно согласуются данные ДНК-генеалогии, установленные крупнейшим специалистом в этой области А.А. Клёсовым и приведённые выше. Он также продемонстрировал, что Рюриковичи — Оболенские, Волконские, Барятинские, Шуйские, Шаховские, Гагарины и др. — не имеют к скандинавам никакого отношения: они «либо носители гаплогруппы R1a, славяне, либо носители южнобалтийской, славянской ветви гаплогруппы N1a1»⁴⁴⁸. В 2018 г. И.Л. Рожанский, как бы дополняя и углубляя принципиальный вывод Клёсова, констатировал, также исходя из данных ДНК-генеалогии: «Анализ боковых линий Рюриковичей, в значительной степени восходящих к локальным княжеским династиям, показал, что их предки имели славянские корни»⁴⁴⁹. Показательна реакция на озвученные факты Ю.А. Оболенского, являющегося потомком Рюрика в 33 колене. В 2007 г. он не на шутку встревожился, узнав из данных анализа собственного ДНК, «что его род по мужской линии восходит к некому славянскому предку. Князь ожидал другого: он — сторонник норманской теории — был уверен, что, как и полагается Рюриковичу, происходит от этого легендарного скандинава». Затем он смирился «со своим славянским происхождением, хоть и верил всю жизнь, что Рюрик был норманном: “Хоть я придерживался норманской позиции, но против науки не пойдёшь”»⁴⁵⁰.

Однако против науки норманисты идут и в своих генетических опытах. В 2023 г. К.В. Жур, Ф.С. Шарко, В.В. Седов, М.В. Добровольская, В.Г. Волков, Н.Г. Максимов, А.Н. Сеславин, Н.А. Макаров, Е.Б. Прохорчук огласили результат исследования костных остатков сына Александра Невского Дмитрия: в происхождении его генома участвовали три предковых компонента, один из которых — популяция раннесредневекового населения востока Скандинавии с о. Эланд, «что может свидетельствовать в пользу версии о “варяжском” (скандинавском) происхождении Рюрика», о чём прямо говорит ПВЛ⁴⁵¹. Но летопись

совершенно молчит по поводу его происхождения. К тому же раннесредневековое население востока Скандинавии было весьма разнородным. Выше говорилось о массовом освоении славянами многих нынешних скандинавских территорий и, наверное, всех основных островов Балтийского моря, причём как раз на о. Эланде, а он всё же располагается не на востоке Скандинавии, а рядом с Южной Швецией, находились, отмечал Й. Херрман, поселения славянских военных дружин. В целом же несостоятельность утверждения авторов о «скандинавском» следе в геноме Дмитрия Александровича показал А.А. Клёсов: «...В научный оборот введён ценный генетический материал, который при более детальном изучении не подтверждает скандинавское происхождение княжеской династии Древней Руси»⁴⁵².

Прибытие варягов и варяжской руси к восточным славянам не означало, конечно, ни начало русской истории, ни начало русской государственности. Они весьма органично включились и в саму жизнь восточных славян, и в уже идущий процесс создания у них государственности. В самом же процессе вызревания восточнославянской государственности принимали участие, как резюмировал А.Г. Кузьмин, разные этносы, имевшие свои традиции, но главным образом славяне и русы, которым были свойственны разные формы организации: у славян община была территориальной, у русов — кровнородственная. А разные типы общины предопределяют разные пути образования государств. Так, у народов с кровнородственной общиной государство возникало как результат установления господства одного рода (племени) над другим и выстраивалось лестницей соподчинения сверху вниз. У народов же с территориальной общиной государство возникало иным путём, ибо такая община держится принципа равенства как внутри себя, так и в отношении к другим племенам и народам. Ей совершенно чужд культ рода и племени, ей не свойственны аристократические притязания, и в её состав легко принимаются чужеземцы.

Письменная история застаёт восточных славян с чётко действующей организацией управления, связанной с хозяйственно-экономическими задачами и выстроенной снизу вверх, путём делегирования, вплоть до высшей власти. Согласно летописи, древляне на народном собрании (вече) выбирают князей и «лучших» людей, управляющих Древлянской землёй. Но при этом все главные вопросы князя решают только в совете с вече. Сведения о Киеве конца X в. уточняют типичную для восточных славян картину. Жители города и, видимо, сельской округи делились на десятки, сотни и т. д., и такую администрацию венчал тысяцкий. Параллельно с тем существовал совет старейшин, руководивший вечем и следивший за выполнением принятых решений. Так выстраивалась земская власть или, иначе сказать, естественная государственность, которая была наиболее экономически целесообразной формой организации для восточных славян и при которой высший слой ещё не отделился от низших звеньев. И вершиной земской власти явились племенные союзы IX в. (летопись называет их «племенами», «землями», «княжениями»), которые отличались внушительными размерами, превышавшими площадь большинства европейских стран (т. е. «государственность на Руси сложилась ранее вокняжения Рюриковичей или каких-то иных династий»).

Однако эта естественная государственность не могла объединить восточно-славянские земли, т. к. для этого не было экономических потребностей. Окончательно соединить восточных славян перед лицом нарастающей внешнеполитической угрозы смогла внешняя сила. И этой силой стали русы или «род русский», включавший в себя разные этнические группы руси, выходцев прежде всего из Поднепровья, Подонья, Прибалтики и Подунавья (по ПВЛ, Норика. В Раффельштеттенском уставе начала X в., представляющем собой таможенный документ, в числе купцов, торгующих в Восточной Баварии, названы «славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов или богемов». А.В. Назаренко выводит основную денежную единицу устава «скот» из славянского языка⁴⁵³, что указывает на очень давнее знакомство немцев со славяно-русскими купцами).

В силу того факта, что имя русы почти повсюду вытесняет название руги, Кузьмин обратился к истории последних, в начале н.э. проживавших, по свидетельству Тацита, на островах и южном побережье Балтийского моря и во главе которых стояли цари⁴⁵⁴ (принято считать, что руги — это восточногерманское племя, вышедшее из норвежского Рогаланда и в I в. н.э. заселившее о. Рюген, дав ему название). После войны с готами, в которой руги потерпели поражение, часть их, захваченная переселением своих врагов, оказалась в III в. в Причерноморье (другая часть ругов осталась на месте, на том же Рюгене, например). Но основная масса ругов двинулась на Дунай и поселилась в его верховьях, на территории Верхнего Норика (где жили иллирийские и кельтские племена), создав там королевство с наследственной династией во главе.

В 307 г. руги упоминаются в качестве федератов-союзников Рима. В первой половине V в. Ругиланд, как называли королевство ругов германские авторы, входит в состав державы Атиллы, сохраняя собственных королей («Житие святого Северина», умершего в 482 г., «апостола Норика», и написанное его учеником Евгиппием в 511 г., даёт важные свидетельства по истории Ругиланда V в.). Со смертью Атиллы и началом усобиц руги оказались расколоты: одни сражались на стороне гуннов, другие на стороне их противников, возглавляемых гепидами, недавними союзниками гуннов. По предположению Кузьмина, с гуннами остались именно те руги, которые пришли с ними из Причерноморья. Такой вывод напрашивается потому, что эти руги, потерпев поражение, вместе с гуннами отступили, как говорит Иордан, к Причерноморью и Днепру, т. е. к прежним местам проживания. Те же руги, что поддерживали гепидов, остались в Подунавье и сохранили ранее занимаемые территории, называемые в разное время Ругиланд, Руссия, Ругия, Рутения, Русская марка.

Языком общения подунайских ругов-русов со временем становится славянский язык, и по этой причине они будут ассоциироваться со славянами, что хорошо видно по Раффельштеттенскому уставу (на теснейшую связь ругов со славянами, а последних с норцами указывает и «Эпитафия св. Мартина в Думийской базилике» Мартина Бракарского, жившего в VI в., уроженца Паннонии, посвящённая Мартину Турскому, также родом из Паннонии, в которой среди народов, присоединённых им «к благочестивому союзу Христа», названы «паннонец, руг, склав, норец»⁴⁵⁵). Важно вместе с тем следующее наблюдение Кузьмина, что «мы не обязательно должны верить Иордану, когда он, ска-

жем, относит к славянам венедов: славянской речи он, очевидно, не знал. Но мы не можем доверять ему, когда он исключает венедов и ругов из числа германских племён, поскольку германские-то языки были ему хорошо знакомы».

История ругов-русов отразилась, указывал историк, в полянославянской и варяжской концепциях начала Руси ПВЛ и дающих, на первый взгляд, взаимоисключающие ответы на вопрос, вынесенный в заглавие летописи: «Откуда есть пошла Русская земля». Согласно ранней полянославянской концепции, поляне-русь появились в Среднем Поднепровье, выйдя из Норика — «нарци, еже суть словене», т. е. из области средневекового Ругиланда-Руссии. Более поздняя варяжская концепция настаивает на том, что русь — это варяги, пришедшие из неутончённого «заморья», а сами новгородцы происходят «от рода варяжска» (заостряя внимание на изначальной близости ругов и варинов, Кузьмин заключал, что она «могла послужить позднее причиной их постоянного смешения: на ругов-рутенов распространяется общее название “варяги”. И, наоборот, область Вагрии в XII–XIII вв. нередко именуется “Руссией”»). Противоречия между двумя концепциями начала Руси Кузьмин, считая их достоверными, снимал тем, что в Среднем Поднепровье оказались как выходцы из Норика-Ругиланда (гунны, руги и независимо от них ветви славян), так и с южного побережья Балтийского моря, только первые появились в Восточной Европе значительно раньше вторых. Так, археологический материал фиксирует две заметные волны переселений с Дуная на Средний Днепр: в VI в. и в середине X в., когда по Дунайско-Днепровскому пути уходили на восток от вторгнувшихся венгров.

В связи с тем, что разные группы руси вышли из разных районов, то «род русский» был полон противоречий, и между его представителями часто проливалась кровь. Русы, будучи изначально неславянскими племенами, слились в названных районах со славянами, но сохранив при этом многие бытовые и психологические особенности. Полагая себя аристократическим, но славянским родом (не случайно, что славянские имена-титуты распространяются прежде всего в княжеской семье, а договоры писались на славянском языке), они претендуют на власть над мирными землепашцами. Как можно судить по русско-византийским договорам 911 и 945 гг., главным занятием «рода русского» были война и торговля. Объединение, созданное русами, оказалось достаточно прочным по причине взаимной заинтересованности: русы, довольствуясь в основном лишь номинальной данью с подвластных славянских племён (по европейским меркам, крайне скромной) и не вмешиваясь в их внутреннюю жизнь (почему там и сохранялись традиционные порядки), взяли на себя обязанность их защиты. По летописи потребность во внешней власти возникла потому, что в пределах Северо-Западной Руси племена восточнославянские и угро-финские, освободившись от варяжской дани, утонули в усобицах. По причине чего они договорились пригласить в качестве третейского судьи князя извне, «иже бы володел нами и судил по праву», т. е. регламентировал межплеменные отношения и решал внешнеполитические задачи⁴⁵⁶.

В конечном итоге в 862 г., согласно ПВЛ, состоялось призвание варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора, вместе с которыми к приглашавшим прибыла, как особо отметил летописец, «русь» (в связи с переосмыслением име-

ни варягов, которое начинает распространяться на выходцев с Запада вообще, киевскому летописцу XII в., рассказывавшему о призвании варягов, «пришлось объяснять, что это были не шведы, не норвежцы или датчане, а варяги-русь»⁴⁵⁷). Старший Рюрик сел в Ладоге, Синеус в Белоозере, а Трувор в Изборске. Через два года Синеус и Трувор умерли, и «прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту князя, и раздая мужем своим волости и города рубити, овому Польтеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьсте кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик». Так под началом Рюрика стало складываться государство со столицей в Новгороде, которое включало в себя огромные территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, населённые славянскими и неславянскими народами.

Далее летописец рассказывает, что у Рюрика были «2 мужа, не племени его, но боярина», Аскольд и Дир, которые, отпросившись у него, двинулись на юг и, сев со многими варягами в Киеве и освободив местное население от хазарской дани, «начаста владети Польскою землею. Рюрик же княжашу в Новегороде». Под 879 г. ПВЛ сообщает, что «умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце, Игорь, бе бо детеск вельми». В 882 г. Олег, двинувшись из Новгорода «с воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи», подошёл к Киеву. И, обвинив Аскольда и Диру в том, что они «“еста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа”»; и вынесоша Игоря: “а се есть сын Рюриков”», убил их, после чего стал княжить в Киеве, сказав знаменитое: «се буди мати градом русьским»⁴⁵⁸.

Так состоялось объединение двух русских государств — Новгородского и Киевского — в крупнейшее государство тогдашней Европы Русь, которое просуществовало 250 лет (параллельно с тем продолжала существовать Азовско-Черноморская Русь, ещё в 943–944 гг. воевавшая на Каспии) и которое распалось тогда, когда шведы, которым норманисты приписывают создание Русского государства, ещё не построили своё государство. И в возведении Русского государства, в его многогранном развитии, в его укреплении на международной арене весьма важную роль играли представители разных «родов русских», ни один из которых не был связан со скандинавами (в целом с германцами). Не имели к ним никакого отношения и варяги (варяжская русь), призванные восточнославянскими и угрофинскими народами в 862 г. из пределов Южной и Восточной Прибалтики, где источники локализуют несколько Русий.

Примечания

- ¹ Далин О. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 677; Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. нд-не, 325, 418–420; Карпов С.П. Указ. соч. С. 6.
- ² [Манкиев А.И.] Указ. соч. С. 1–25; Татищев В.Н. История... Т. I; Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 96, 99–131, 185–187; Общественная... С. 51, 53, 70; Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. рмг-рмд, рнө-рξ, 67.
- ³ Ewers J.P.G. Vom Urschprunge... S. 186; Эверс Г. Указ. соч. С. 84; Брусилов Н. Историческое... С. 285–288, 301–306; Классен Е.И. Указ. соч. С. 7; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор... С. 14; Платонов С.Ф. Лекции... С. 78; Корф С.А. История... С. 13, 50–52, 56.
- ⁴ Пархоменко В.А. Из древнейшей... С. 476, 482.
- ⁵ Цит. по: Иванова Т.А. Указ. соч. С. 73.
- ⁶ Иордан. Указ. соч. С. 86; Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 127–128; Миллер Г.Ф. О народах... С. 64; Кузьмин А.Г. «Варяги... С. 33; *его же*. Начало... С. 156, 160–164, 251, 267; Хрестоматия... С. 35; Эрлихман В.В. Русь... С. 173; Жих М.И. Комментарии. С. 214.
- ⁷ Пигулевская Н.В. Сирийские... С. 166; *её же*. Имя... С. 42–48.
- ⁸ Вестберг Ф.Ф. К анализу... № 2. С. 376; Барац Г.М. Собрание... С. 166–167; Трубочёв О.Н. В поисках... С. 146.
- ⁹ Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 84–90; Пигулевская Н.В. Имя... С. 47; Греков Б.Д. Образование Древнерусского... С. 78; Ловмянский Х. Русь... С. 188–189; Артамонов М.И. История... С. 394–398; Лелеков Л.А. Указ. соч. С. 120–121.
- ¹⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 73–75; Брайчевский М.Ю. Указ. соч. С. 21–28; Трубочёв О.Н. В поисках... С. 144, 152; Кузьмин А.Г. История... Кн. 1. С. 102–103; *его же*. Начало... С. 164, 251; Максимович К.А. Указ. соч. С. 34.
- ¹¹ Нидерле Л. Указ. соч. С. 204, прим. 7 на с. 631; Петрухин В.Я. Комментарии (1985). С. 283, коммент. ** к с. 188; *его же*. Легендарная... С. 99–103; *его же*. Начало... С. 42–48, 52, 84; *его же*. Русский... С. 128–129; *его же*. Древняя Русь. С. 88–94, 100; *его же*. Русь в IX... С. 95–106; *его же*. Русь христианская... С. 455–456; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 262–267, 272–273.
- ¹² ДРЗИ. 1999. С. 92, 203; Бибииков М.В. BYZANTINOROSSICA. С. 44; ДРЗИ. 2013. С. 93–94; Агеева Р.А. Указ. соч. С. 164; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 165–167; Шинаков Е.А. Три... С. 158.
- ¹³ Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 84; Седов В.В. Русы... С. 26–30, 36; Максимович К.А. Указ. соч. С. 34–36; Жих М.И. Комментарии. С. 213–214; *его же*. Восточные... С. 230.
- ¹⁴ Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 74–75; Коновалова И.Г. Походы... С. 115.
- ¹⁵ Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. С. 360–365.
- ¹⁶ ДРЗИ. Т. III. С. 150; Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 75, 78–80; Вестберг Ф.Ф. К анализу... № 2. С. 376; Флоровский А.В. Указ. соч. С. 515; Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. С. 401; Назаренко А.В. Баварский... С. 47; Галкина Е.С. Тайны... С. 264–275; Кузьмин А.Г. Начало... С. 251–253; Коновалова И.Г. О возможных... С. 123.
- ¹⁷ Низами Гянджеви. Указ. соч. С. 367–424; Григорьев В.В. Указ. соч. С. 260–265, 277; Цукерман К. Русь... С. 76.
- ¹⁸ Толстов С.П. Из предистории... С. 39–59.
- ¹⁹ Карсанов А.Н. Указ. соч. С. 85.
- ²⁰ Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 150–151; Вестберг Ф.Ф. К анализу... № 2. С. 376; Хрестоматия... С. 124–126; ДРЗИ. Т. III. С. 112–114, 150.
- ²¹ ЛЛ. С. 6–7; Эккехард из Ауры. Указ. соч. С. 448; Гельмольд из Босау. Указ. соч. I, 1; Саксон Анналист. Указ. соч. 1097; Кузьмин А.Г. Начало... С. 261–262; ДРЗИ. Т. III. Коммент. 108 на с. 150, коммент. 109 на с. 151.
- ²² Хрестоматия... С. 93–95; ДРЗИ. Т. II. С. 129–130, 137; Соловьёв С.М. История... Кн. 1. С. 100, 281, прим. 173; Голубинский Е.Е. Указ. соч. (1901). С. 56–58; Васильевский В.Г. Труды. С. CVIII–CX, CXIII, CCLXXIV, CCLXXVIII–CCLXXXIII; Беляев Н.Т. Рорик... С. 220–221; Вернадский Г.В. Древняя... С. 288–289, 346; Липищ Е.Э. Указ. соч. С. 312–331; Карташёв А.В. Указ. соч. Т. 1.

- С. 63–69; *Ловмянский Х.* Русь... С. 195–196, прим. 1 на с. 196; *Мавродин В.В.* Образование... (1971). С. 111, 175–176; *его же.* Происхождение русского... С. 159; *Сахаров А.Н.* Дипломатия... С. 25–36; *Рапов О.М.* Русская... С. 68–71; *Прицак О.И.* Указ. соч. С. 116; *Станг Х.* Указ. соч. С. 133; ДРЗИ. 1999. С. 90–93, 100; *Седов В.В.* Русский... (1999). С. 69; *его же.* Древнерусская... С. 74; *его же.* Славяне. С. 280–282; *Литаврин Г.Г.* Византия... С. 24–36, 58, прим. 1; *его же.* Походы... С. 649; *Цукерман К.* Два... С. 59–60; *его же.* Перестройка... С. 349; *Галкина Е.С.* Тайны... С. 53–56; *Кузьмин А.Г.* Начало... С. 259; *Бибииков М.В.* BYZANTINOROSSICA. С. 41–44, 54; *Максимович К.А.* Указ. соч. С. 36; *Пчелов Е.В.* Рюрик. С. 168–171; *Горский А.А.* Первое... С. 15, 61; *Кузенков П.В.* Из истории... С. 54–65, прим. 27 на с. 63; *Назаренко А.В.* Русь IX века. С. 18–21; ДРЗИ. 2013. С. 91–93, 101.
- ²³ *Бибииков М.В.* Скандинавский... (1986). С. 100–102, 105.
- ²⁴ Хрестоматия... С. 106–107; *Вернадский Г.В.* Древняя... С. 290; *Кузенков П.В.* Из истории... С. 65–71; *Назаренко А.В.* Русь IX века. С. 14 и прим. 2.
- ²⁵ Четыре... С. 16–19; *Е.Л. [Ловягин Е.]*. Указ. соч. С. 419, 424, 430–432; *Кузенков П.В.* Поход... С. 31–39, 56–65, 83; *Пчелов Е.В.* Генеалогия... С. 9; *его же.* Рюрик... С. 30.
- ²⁶ *Карамзин Н.М.* История... Т. II–III. С. 22–23, прим. 39; *Сахаров А.Н.* Дипломатия... С. 48–65, 78; *его же.* 860 год. (2010). С. 5–16; *то же* (2011). С. 7–17; *его же.* 860 год (2012). С. 99–109; *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 200, коммент. 71; *Поппэ А.* Политический... С. 259; *Кузенков П.В.* Поход... С. 7–69; *его же.* Из истории... С. 71–79; *Цветков С.В.* Указ. соч. С. 36–37, 50–52, 55–61, 67, 75, 96–99, 122, 214–216.
- ²⁷ ЛЛ. С. 17, 20–21.
- ²⁸ *Krug Ph.* Forschungen... Th. 2. S. 356; *Kunik E.* Die Berufung... Bd. II. S. 372–373; *Погодин М.П.* Борьба... С. 376.
- ²⁹ *Фомин В.В.* Гольй... С. 149.
- ³⁰ *Сахаров А.Н.* Дипломатия... С. 79–80; *Станг Х.* Указ. соч. С. 136–137; *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 81–90; *Литаврин Г.Г.* Византия... С. 58–59; *Кузенков П.В.* Поход... С. 153–154; *Цветков С.В.* Указ. соч. С. 68–69; *Горский А.А.* Первое... С. 50–51; *его же.* Приглашение... С. 8; *Беззаконов С.Н., Жих М.И.* Поход... С. 91–93.
- ³¹ *Седов В.В.* Славяне. С. 286; *Кузенков П.В.* Поход... С. 82–83; *Толочко П.П.* В поисках... С. 50; *его же.* Ранняя... С. 38–56; *Назаренко А.В.* Русь IX века. С. 33–34; *Макаров Н.А.* Исторические... С. 449, 456.
- ³² *Сахаров А.Н.* Дипломатия... С. 61–64, 79; *Галкина Е.С.* Тайны... С. 59.
- ³³ *Беззаконов С.Н., Жих М.И.* Поход... С. 78–124; *их же.* Хакан... С. 9–58; *Жих М.И.* Восточные... С. 210–245.
- ³⁴ *Карамзин Н.М.* История... Т. I. Прим. 284.
- ³⁵ ДРЗИ. Т. II. С. 178; *Галкина Е.С.* Тайны... С. 62; *Кузенков П.В.* Поход... С. 82, 126–127, 132–136, 139–145 и др.; *его же.* Из истории... С. 79–83; *Фомин В.В.* Христианство... С. 224–226.
- ³⁶ Хрестоматия... С. 90–91, 101–102, 125; ДРЗИ. Т. III. С. 130, 134–135, 151; *Шахматов А.А.* Варанголимен... С. 180–181; *Откуда есть...* Кн. 1. С. 668; *Захаров В.А.* Где... С. 151–156; *его же.* История... С. 148–149; *Коновалова И.Г.* Город... С. 128–140; *Кузьмин А.Г.* Начало... С. 260; *Кузенков П.В.* Поход... С. 80–83; *его же.* Из истории... С. 80–82; *Фомин В.В.* Начальная... С. 91–93, 121–122, 160; *Назаренко А.В.* Русь IX века. С. 31.
- ³⁷ *Тебеньков М.М.* Указ. соч. С. 68–72; *Вернадский Г.В.* Древняя... С. 287; *Кузьмин А.Г.* Начало... С. 258–259.
- ³⁸ *Герье В.И.* Указ. соч. С. 139.
- ³⁹ *Bayer G.S.* De russorum... P. 345; *idem.* De Varagis. P. 281; *idem.* Origines... P. 401, 408–409, 411; *Байер Г.З.* О варягах. С. 347; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 100, прим. **.
- ⁴⁰ *Татищев В.Н.* История... Т. I. С. 286, прим. 5 на с. 225, прим. 7 и 8 на с. 308; *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 6. С. 23.
- ⁴¹ РГАДА. Портфели Миллера. Ф. 199. Оп. 1. 48. № 2. Л. 25 об. - 26 об.
- ⁴² *Шлётцер А.Л.* Опыт... С. 279–283.
- ⁴³ *Шлётцер А.Л.* Нестор. Ч. I. С. XXVIII, 258, 315–317, 330, 421; ч. II. С. 86–117.

- ⁴⁴ Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 96, 103, прим. 283; Ewers J.P.G. Vom Ursprunge... S. 203, 212–271; Эверс Г. Указ. соч. С. 159–273.
- ⁴⁵ Фатер И.С. Указ. соч. № 2. С. 113–128, прим. 6 на с. 128; № 3–4. С. 252–261; № 5. С. 39–51; № 7. С. 195–203; № 9. С. 14–23; [Иванов Н.А.] Россия... С. 23–29, 31, 322–335; Шафарик П.И. Указ. соч. Т. II. Кн. 1. С. 108–109, 126, прим. 66; Надеждин Н.И. О важности... С. 38, 41–52; Соловьёв С.М. История... Кн. 1. С. 87, 100, прим. 150 и 173 к т. 1.
- ⁴⁶ Иловайский Д.И. Разыскания... С. 104–112, 159–160, 185–344, 415–417, 422, 441; *его же*. История... С. 177, 179; *его же*. Ещё... С. 638, 644, 646–648, 650; *его же*. Вопрос... С. 3, 7, 17; *его же*. Начало... С. 331–337, 380–382; *его же*. Историки... С. 6–9; *его же*. Вторая... С. 31–37, 103; *его же*. Основные... С. 86–87; Голубинский Е.Е. Указ. соч. (1901). С. 42–62.
- ⁴⁷ Ключевский В.О. Русская... Т. I. С. 149, 162; Платонов С.Ф. Лекции... С. 75.
- ⁴⁸ Труды X Археологического... С. 119.
- ⁴⁹ Шахматов А.А. Сказание... С. 81; Падалко Л.В. Происхождение... (1914). С. 365–373, 380; Пархоменко В.А. Начало... С. 15–23, 51–52; Вернадский Г.В. Древняя... С. 126–127, 267–271, 281–283, 286, 343–347.
- ⁵⁰ Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. С. 363–364; Новосельцев А.П. Древнейшие... С. 94; Алексеев В.П. Указ. соч. С. 191–192; Березовец Д.Т. Ор. cit. С. 59–74; Березовец Д.Т. Указ. соч. С. 193–210; Жих М.И. Работы... С. 176–192; *его же*. Комментарии. С. 211, 213–214, 217–220.
- ⁵¹ Абаев В.И. Указ. соч. С. 435–437; Талис Д.Л. Топонимы... С. 229–234; *его же*. Росы... С. 87–99; Рогов А.И., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 102; Иеродиакон Никон (Лысенко). Указ. соч. С. 34–38.
- ⁵² Трубочёв О.Н. Лингвистическая... С. 13–29; *его же*. Indoarica... С. 3–21; *его же*. В поисках... С. 49, 51, 126–178.
- ⁵³ Кузьмин А.Г. «Слово... С. 53–66; *его же*. Хазарские... С. 236–240; *его же*. История... Кн. 1. С. 93–106, 163–165; *его же*. Начало... С. 174, 242–313, 333–335; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 456–481; Славяне и Русь. С. 311–312, 333, 341–342, 347, 353, 396–397, 434–435; Хрестоматия... С. 90–92, 135, 144–145, 149, 154, прим. 1 на с. 95, прим. 3 на с. 125, прим. 6 на с. 127, прим. 2 на с. 128, прим. 1 и 2 на с. 154.
- ⁵⁴ Седов В.В. Славяне в древности. С. 278–279; *его же*. Русский... (1998). С. 3–15; *его же*. Русский... (1999). С. 72; *его же*. Древнерусская... С. 67; *его же*. Русы... С. 26–38; *его же*. О русах... С. 11–12; *его же*. Славяне. С. 278–293.
- ⁵⁵ Поляк А.Н. Указ. соч. С. 87–92.
- ⁵⁶ Галкина Е.С. Тайны... С. 182–407; *её же*. Номады... С. 179–270, 385–452; *её же*. Русский... С. 256–333; Радомский Я.Л. Этнический... (2004). С. 4–16; *его же*. Причерноморские... С. 223–237; *его же*. Этнический... (2006). С. 129–137; Толочко П.П. В поисках... С. 47–51; *его же*. Ранняя... С. 43–44, 46–59. См. об этом подробнее: Гадло А.В. Указ. соч. С. 14–39; Королёв А.С. Можно... С. 88–102; *его же*. Приазовская... С. 64–77.
- ⁵⁷ Фомин В.В. Начальная... С. 92–93, 99–100, 159–162; *его же*. Истоки... (2012). С. 7–12; *его же*. Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского... С. 25–28; *его же*. Примечания. С. 482, прим. 31.
- ⁵⁸ Назаренко А.В. Русь IX века. С. 13–16, 21–22, 24, 32–35; Чхаидзе В.Н. Указ. соч. С. 152.
- ⁵⁹ Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 46, 54; ДРЗИ. Т. III. С. 24.
- ⁶⁰ Хрестоматия... С. 110–112; ДРЗИ. 1999. С. 204–207; ДРЗИ. Т. III. С. 30–31; Кузьмин А.Г. Начало... С. 246; Калинина Т.М. Ибн Хордадбех. С. 311.
- ⁶¹ Тихомиров М.Н. Происхождение... С. 42–43; Кирпичников А.Н. Великий... (2001). С. 21; *его же*. Великий... (2002). С. 47; Urbaničzyk P. Ор. cit. С. 229.
- ⁶² Пресняков А.Е. Лекции... С. 287; Арбман Х. Указ. соч. С. 157; Соьер П. Указ. соч. С. 70–71; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 276; Калинина Т.М. Восточные... С. 16; Перхавко В.Б. Первые... С. 32; Назаренко А.В. Русь IX века. С. 14, 22–24, 28.
- ⁶³ ДРЗИ. 1999. С. 207–208; ДРЗИ. Т. III. С. 33, 35, 81, 85–86, 94; Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. С. 408–419; Литаврин Г.Г. Византия... С. 23.
- ⁶⁴ Флоря Б.Н. Сказания... С. 77–78; Ламанский В.И. Славянское... С. 3, 28, 30; Кузьмин А.Г. «Крещение... С. 45–48; *его же*. Падение... С. 124–125, 136–137; *его же*. Начало... С. 253;

- ⁶⁵ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 379–382; Карташёв А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 78.
- ⁶⁶ Голубинский Е.Е. Указ. соч. (1901). С. 49; Карташёв А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 78–93; Флоря Б.Н. Сказания... С. 115, коммент. 10.
- ⁶⁷ Иванова Т.А. Указ. соч. С. 72–75.
- ⁶⁸ Рапов О.М. Русская... С. 75; Литаврин Г.Г. Византия... С. 55, прим. 2; Франклин С. Письменность... С. 166, 327, прим. 7; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 194–195.
- ⁶⁹ Хрестоматия... С. 109, прим. 1.
- ⁷⁰ Вернадский Г.В. Древняя... С. 350–351; Кузьмин А.Г. Падение... С. 124; *его же*. История... Кн. 1. С. 298–299.
- ⁷¹ Живов В.М. *Slavia*... С. 553, 567, 571–574, 583.
- ⁷² Трубочёв О.Н. В поисках... С. 169–170, прим. 1 на с. 167; Кузьмин А.Г. Хазарские... С. 237–238, 250; *его же*. Начало... С. 252–253; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 460; Галкина Е.С. Тайны... С. 265–269, 374–376.
- ⁷³ Тизенгаузен В.Г. Сборник... С. 63.
- ⁷⁴ Герберштейн С. Указ. соч. С. 58, 181.
- ⁷⁵ Насонов А.Н. Тмуторокань... С. 98.
- ⁷⁶ Клосс Б.М. Никоновский... С. 157–168; *его же*. Предисловие к изданию 2005 года.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 352; т. IX. С. 13; т. XXI. Пол. 1. С. 64.
- ⁷⁸ ЛЛ. С. 19.
- ⁷⁹ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 137, 143.
- ⁸⁰ Кузьмин А.Г. Русь... С. 90; *его же*. «Крещение... С. 27–28; *его же*. Падение... С. 155; Откуда есть... Кн. 1. С. 651–652; кн. 2. С. 26.
- ⁸¹ ЛЛ. С. 3–4; Погодин М.П. О происхождении... С. 8; *его же*. Исследования... Т. 2. С. 7; Кузьмин А.Г. Падение... С. 155–156; *его же*. История... Кн. 1. С. 88; *его же*. Начало... С. 205; Откуда есть... Кн. 2. С. 26; Славяне и Русь. С. 463; Хрестоматия... С. 192, прим. 18; Петрухин В.Я. «Русь... С. 54–59; *его же*. Русь в IX... С. 216.
- ⁸² Кузьмин А.Г. Начало... С. 209; Се Повести... С. 312, коммент. к с. 40; Хрестоматия... С. 193, прим. 1.
- ⁸³ Венелин Ю.И. Скандинавомания... С. 80; Бурачёк С.А. Указ. соч. С. 87; Савельев-Ростиславич Н.В. Варяжская русь... С. 5–6, 10, 12, 25, 34, 51–52; Славянский сборник... С. LX, LXXX–IX, прим. 170; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 135–136, 142–143, 189, 193.
- ⁸⁴ ЛЛ. С. 3, 15; Погодин М.П. О происхождении... С. 8; *его же*. Исследования... Т. 2. С. 8; ПВЛ. Ч. 2. С. 211; Петрухин В.Я. Легенд... (2008). С. 42; *его же*. «Русь... С. 54; *его же*. Русь из Пруссии. С. 127–128; Мачинский Д.А. Некоторые... С. 490; Горский А.А. Повесть... С. 18–19, прим. 24 на с. 20; *его же*. Первое... С. 84, 86, прим. 333; Мельникова Е.А. ...и Рюрика... С. 34; *её же*. Англия... С. 17.
- ⁸⁵ Беда Достопочтенный. Указ. соч. I, 15; Джонс Г. Указ. соч. С. 20, 24–25, 36; Пауль А. Древняя... С. 140–175; *его же*. *Lex Angliorum*. С. 32–36, 44–47.
- ⁸⁶ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 1. 1.1.1–2; Сугорский И.Н. Указ. соч. С. 29, прим. * и прим. **; Пауль А. К вопросу... С. 178, 222–224; *его же*. Балтийские... С. 74–75; Хрестоматия... Прим. 3 на с. 47, прим. 19 на с. 192.
- ⁸⁷ См., напр.: Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 185; Пчелов Е.В. Рюрик. С. 26; Горский А.А. Первое... С. 56, 83; Клейн Л.С. «Русь... С. 285.
- ⁸⁸ Ловмянский Г. Рорик... С. 248; *его же*. Руссы... С. 45; Пашуто В.Т. Внешняя... С. 24; *его же*. Русско... С. 57; Кузнецов Е.В., Минеева Т.Г. Указ. соч. С. 106–112.
- ⁸⁹ Болтин И.Н. Критические... С. 117–118; Томсен В. Указ. соч. С. 14; Ключевский В.О. II. Рецензия... С. 175.
- ⁹⁰ Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 464; Кузьмин А.Г. Начало... С. 222–242; Пауль А. К вопросу... С. 178–185; *его же* Балтийские. С. 75–86; Се Повести... С. 312, коммент. к с. 40.
- ⁹¹ См. об этом подробнее: Грот Л.П. Путь... С. 184–185.
- ⁹² Кузьмин А.Г. Одоакр... С. 123–124; *его же*. Падение... С. 156; *его же*. История... Кн. 1. С. 88–89; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 463–464; Фомин В.В. Варяги и варяжская... С. 352–

- 376; Пауль А. К вопросу... С. 185, 217–218, 228–229; *его же* Балтийские... С. 87–88, 481; Откуда есть... Кн. 1. С. 26; Славяне и Русь. С. 412, прим. 38.
- ⁹³ ЛЛ. С. 7; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 90; Се Повести... С. 313, коммент. к с. 41; Хрестоматия... С. 195, прим. 4 и 7.
- ⁹⁴ Кузьмин А.Г. «Варяги... С. 29–31; *его же*. Об этнической... С. 82; *его же*. Заметка... С. 56; *его же*. Падение... С. 156; *его же*. История... Кн. 1. С. 92; Откуда есть... Кн. 2. С. 27, 590; Хрестоматия... С. 144.
- ⁹⁵ Веселовский С.Б. Топонимика... С. 35.
- ⁹⁶ Кузьмин А.Г. Начало... С. 227–228.
- ⁹⁷ Откуда есть... Кн. 2. С. 583; Хрестоматия... С. 141.
- ⁹⁸ Васильевский В.Г. Варяго... С. 185–186, 208–210, 313–315, 323–325, 344–350.
- ⁹⁹ Кузьмин А.Г. Начальные... (1977). С. 282–284, 309–326; *его же*. История... Кн. 1. С. 300–301.
- ¹⁰⁰ ЛЛ. С. 28; Откуда есть... Кн. 2. С. 676.
- ¹⁰¹ Трухачёв Н.С. Указ. соч. С. 160, 162, 164–167.
- ¹⁰² Петрухин В.Я. Начало... С. 52; *его же*. «Русь... С. 69–70.
- ¹⁰³ НПЛ. С. 106; Сахаров А.Н. Рюрик... (2002). С. 63.
- ¹⁰⁴ Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 190; Кузьмин А.Г. Болгарский... С. 188; *его же*. Падение... С. 156; *его же*. Истоки... С. 20; *его же*. История... Кн. 1. С. 88; Откуда есть. Кн. 2. С. 681.
- ¹⁰⁵ Кузьмин А.Г. Начальные... (1977). С. 110.
- ¹⁰⁶ Кузьмин А.Г. Начальные... (2003). С. 50.
- ¹⁰⁷ Дмитриева Р.П. Указ. соч. С. 161–162.
- ¹⁰⁸ Жданов И.Н. Указ. соч. С. 67, 82, 93, 111–112; Дмитриева Р.П. Указ. соч. С. 71, 109, 154; Лурье Я.С. Идеологическая... С. 387–390; Гольдберг А.Л. Историко... С. 64; *его же*. К истории... С. 209, 211; Думин С.В., Турилов А.А. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁰⁹ Дмитриева Р.П. Указ. соч. С. 90–91, 108–109; 153–154; ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. С. 725.
- ¹¹⁰ Зимин А.А. Античные... С. 128–138; Ерёмин И.П. «Сказание... С. 156.
- ¹¹¹ Бычкова М.Е. Указ. соч. С. 241.
- ¹¹² ПСРЛ. Т. 27. С. 173–174, 309; т. 28. С. 13, 167.
- ¹¹³ Шахматов А.А. Разыскания... С. 209–213, 233, 240, 308, 311, 315, 517; ПВЛ. Ч. 2. С. 214.
- ¹¹⁴ Пчелов Е.В. Рюриковичи. С. 27–28; *его же*. Рюрик. С. 29–33; Петрухин В.Я. Русь... С. 288–294; Мельникова Е.А. Гостомысл. С. 200.
- ¹¹⁵ Зимин А.А. Античные... С. 134.
- ¹¹⁶ ПСРЛ. Т. XXI. Пол. 1. Стб. 7, 60; Попов А.Н. Обзор... С. 234–235.
- ¹¹⁷ Жданов И.Н. Указ. соч. С. 85; Перевезенцев С.В. Русская... С. 223; *его же*. Тайны... С. 253.
- ¹¹⁸ Геденов С.А. Указ. соч. С. 141–143; Замечания С. Геденова... С. 215; Дмитриева Р.П. Указ. соч. С. 97; Кузьмин А.Г. «Варяги... С. 33; *его же*. Об этнической... С. 58; *его же*. От моря... С. 34, 37, 42–43, 47; *его же*. Два... С. 193, 207; *его же*. История... Кн. 1. С. 77; Откуда есть... Кн. 1. С. 477; Славяне и Русь. С. 215.
- ¹¹⁹ Гольдберг А.Л. Историко... С. 63; *его же*. К истории... С. 207; Алпатов М.А. Русская... (1973). С. 170, прим. 39; *его же*. Русская... (1976). С. 4–5.
- ¹²⁰ СГГД. Ч. 1. С. 599; ч. 2. С. 299, 303; Жданов И.Н. Указ. соч. С. 113.
- ¹²¹ ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 349; ПЛ. Вып. 2. С. 9.
- ¹²² ПСРЛ. Т. XXI. Пол. 1. С. 7, 60; т. 30. С. 14.
- ¹²³ То же. Т. VII. С. 231, 267–268.
- ¹²⁴ Карамзин Н.М. История... Кн. III. Т. IX–XII. Прим. 612 к т. IX; Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 384–385.
- ¹²⁵ Синописис. С. 22–23, 43.
- ¹²⁶ Тихомиров М.Н. Развитие... в Киевской Руси... С. 89–90.
- ¹²⁷ Попов А.Н. Обзор... С. 234.
- ¹²⁸ БАН. 16.4.1. Л. 6 об - 7; 21.6.13. Л. 4 об; 32.3.16. Л. 96 об; 34.2.26. Л. 15–15 об; РНБ. Собр. Погодина. № 1411. Л. 3; Собр. Погодина. № 1474. Л. 4 об; Эрмитажн. собр. № 414. Л. 10; Эрмитажн. собр. № 444. Л. 7; № 445. Л. 4 об; № 1416. Л. 80; F.IV.888. Л. 10 об; F.XVII.22. Л. 7

- об; Q.IV.78. Л. 60 об; Q.IV.148. Л. 18 об; Q.XVII.77. Л. 136 об; РГАДА. Рукописный отдел библиотеки Моск. главн. архива МИДа. Ф. 181. 1161. Л. 13.
- ¹²⁹ Гольдберг А.Л. Историко... С. 73; *его же*. Легендарная... С. 50–63; *Вышегородцев В.И.* Указ. соч. С. 6–10; *Фомин В.В.* Русские летописи... С. 128–130, *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов... С. 86–90.
- ¹³⁰ АЗР. Т. V. С. 83.
- ¹³¹ Величко С.В. Летопись... С. 89; *его же*. Літопис. С. 82; Величка С. Сказаніе... С. 51.
- ¹³² Иордан. Указ. соч. С. 319, прим. 589.
- ¹³³ *Dugossi J.* Op. cit. P. 22.
- ¹³⁴ Кузьмин А.Г. Одоакр... С. 113, 128–129; *его же*. «Крещение... С. 48; Откуда есть... Кн. 1. С. 546, 665, 693; Хрестоматия... С. 64, прим. 2.
- ¹³⁵ Кузьмин А.Г. Руги... С. 135.
- ¹³⁶ Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов... С. 68.
- ¹³⁷ НПЛ. С. 49, 245.
- ¹³⁸ Бицилли П.М. Новгородское... С. 57.
- ¹³⁹ Кузьмин А.Г. Об истоках... С. 116–118; *его же*. Одоакр... С. 109–110, 121; *его же*. Падение... С. 134; *его же*. Начало... С. 306–307; *его же*. Облик... С. 225, 256, прим. 110; Откуда есть... Кн. 1. С. 546–550, 693; Хрестоматия... С. 40.
- ¹⁴⁰ Клейненберг И.Э. «Дедрик... С. 129–136.
- ¹⁴¹ Величко С.В. Летопись... С. 299; *его же*. Літопис. С. 209; Величка С. Сказаніе... С. 159; Кузьмин А.Г. Два... С. 198; *его же*. Облик... С. 248; *его же*. Начало... С. 275, 307.
- ¹⁴² Хомяков А.С. Работы... С. 65.
- ¹⁴³ АЗР. Т. V. С. 78; Величко С.В. Летопись... С. 80.
- ¹⁴⁴ Коялович М.О. Указ. соч. С. 128; Акашев Ю.Д. Указ. соч. С. 190–191.
- ¹⁴⁵ Славянский сборник... С. XXXVI.
- ¹⁴⁶ Синописис. С. 22; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 7–8.
- ¹⁴⁷ Пештич С.Л. Синописис... С. 284–298.
- ¹⁴⁸ БАН. 24.4.35. Л. 15, 16; 16.12.5. Л. 26–28; РГБ. Ф. 205. № 118. Л. 13–14 об.
- ¹⁴⁹ *Strykowski M.* Op. cit. S. 113.
- ¹⁵⁰ Герберштейн С. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁵¹ *Strykowski M.* Op. cit. S. 113–114; Карнаухов Д.В. Указ. соч. С. 92–93.
- ¹⁵² Алпатов М.А. Русская... (1973). С. 398.
- ¹⁵³ Ср.: Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов... С. 100–105.
- ¹⁵⁴ Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 212–213.
- ¹⁵⁵ Казакова Н.А. Первоначальная... С. 65, прим. 14; Кузьмин А.Г. Флорентийская... С. 244; *его же*. От моря... С. 46; *его же*. Облик... С. 229; Славяне и Русь. С. 332.
- ¹⁵⁶ Пауль А. К вопросу... С. 207, 233.
- ¹⁵⁷ Татищев В.Н. История... Т. I. С. 107, 110; Азбелев С.Н. Устная... (2006). С. 8–10, 240, 250–284; *его же*. Устная... (2007). С. 6–34, 61–86, 232–240; *его же*. Гостомысл. С. 608. Ср.: Пчелов Е.В. Рюрик. С. 57–67; Петрухин В.Я. «Русь... С. 295–301.
- ¹⁵⁸ Шлёцер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 287–288.
- ¹⁵⁹ Münster S. Op. cit. S. 1420; Назаренко А.В. Любек. С. 469.
- ¹⁶⁰ Герберштейн С. Указ. соч. С. 60; Кузьмин А.Г. Начало... С. 236–240; Откуда есть... Кн. 1. С. 11; кн. 2. С. 582–583, 687; Хрестоматия... С. 13, 140; Пауль А. Роксоланы... С. 7.
- ¹⁶¹ Кузьмин А.Г. Начало... С. 206–207; Славяне и Русь. С. 316–317, 468.
- ¹⁶² Славянский сборник... С. XXXVI; Вилинбахов В.Б. Об одном... С. 333–334.
- ¹⁶³ Герберштейн С. Указ. соч. С. 28, 60.
- ¹⁶⁴ Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 35э
- ¹⁶⁵ Герберштейн С. Указ. соч. С. 53, прим. б-б.
- ¹⁶⁶ Adelung F. Op. cit. S. 30–32, 36; Аделунг Ф. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁶⁷ Казакова Н.А. Западная... С. 245.
- ¹⁶⁸ Ронин В.К. Славяне... С. 34.
- ¹⁶⁹ Bayer G.S. De Varagis. P. 278–279; Байер Г.З. Указ. соч. С. 346.

- ¹⁷⁰ Hübner J. Op. cit. S. 281. Die 112 Tab.
- ¹⁷¹ Герье В.И. Указ. соч. С. 100, 102; *Latvakangas A.* Riksgrundarna. S. 195–196.
- ¹⁷² Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 120–121, 354; *Первольф И.И.* Германизация... С. 30, 146–147.
- ¹⁷³ Герье В.И. Указ. соч. С. 4, 7–8, 12–13; *Меркулов В.И.* Забытая... С. 76–77; *его же.* Откуда... С. 43–54; *Грот Л.* Имена... С. 332–333.
- ¹⁷⁴ Герье В. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁷⁵ Кузьмин А.Г. От моря... С. 44; *его же.* Два... С. 208; Откуда есть... Кн. 1. С. 681.
- ¹⁷⁶ Кузьмин А.Г. Флорентийская... С. 244; *его же.* От моря... С. 46; *его же.* Облик... С. 228–229; Славяне и Русь. С. 332.
- ¹⁷⁷ Thomas F. Op. cit. S. 9–14; *Мыльников А.С.* Славянская... С. 5–25; *его же.* Картина... Этногенетические... С. 131–133; *Меркулов В.И.* Варяго... С. 5–6, 11–12; *его же.* Немецкие... С. 137; *его же.* Откуда... С. 54–55; *его же.* Доберанская... С. 102–105.
- ¹⁷⁸ Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 84, прим. 13; *его же.* Русь... С. 293.
- ¹⁷⁹ Klüber H.H. Op. cit. S. 32; *Beer M.I.* Op. cit. P. 30–35; *Меркулов В.И.* Немецкие... С. 137–138, 144–145; *его же.* Откуда... С. 54–55, 58.
- ¹⁸⁰ Buchholtz S. Op. cit.; Хрестоматия... С. 147–148. Подробно о южнобалтийском начале династии Рюриковичей в трудах немецких учёных см.: *Меркулов В.И.* Варяго...; *его же.* Забытая...; *его же.* Немецкие...; *его же.* Откуда...; *его же.* Мекленбургская...; *его же.* Доберанская...
- ¹⁸¹ Praethorius M. Op. cit. Liber II. Caput 2. § VI. P. 17.
- ¹⁸² Зерцало историческое... С. 29.
- ¹⁸³ Пештич С.Л. Русская... Ч. I. С. 17, 218; *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов... С. 524–529.
- ¹⁸⁴ Martier X. Op. cit. P. 30–31; *Чивилихин В.А.* Указ. соч. С. 382–383; *Жих М.И.* Xavier... С. 9–11, 27.
- ¹⁸⁵ Шарыпкин Д.М. Указ. соч. С. 189, 206, 224–225.
- ¹⁸⁶ Азбелев С.Н. К вопросу... С. 372, прим. 15.
- ¹⁸⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁸⁸ Откуда есть... 2. С. 653; Славяне и Русь. С. 216; *Акашев Ю.Д.* Указ. соч. С. 200.
- ¹⁸⁹ Венелин Ю.И. Окружные... С. 60.
- ¹⁹⁰ Кузьмин А.Г. «Варяги... С. 38; *его же.* От моря... С. 34; *его же.* Начало... С. 292.
- ¹⁹¹ Гельмольд из Босау. Указ. соч. I, 12.
- ¹⁹² Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 68, 403; *Первольф И.И.* Германизация... С. 18, 47; *его же.* Варяги... С. 42; *Шнеевайс Й.* «Полабские... С. 248.
- ¹⁹³ Карамзин Н.М. История... Т. I. Прим. 244; *Супрун А.Е.* Указ. соч. С. 5 и прим. 5.
- ¹⁹⁴ Грот Л.П. Как Рюрик... С. 77.
- ¹⁹⁵ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 62–63, 106–107; *Пауль А.* К вопросу... С. 178.
- ¹⁹⁶ Славяне и Русь. С. 214.
- ¹⁹⁷ Откуда есть... Кн. 2. С. 17.
- ¹⁹⁸ ДРЗИ. Т. III. С. 171; *Беляев Н.Т.* Рорик... С. 249; *Петрухин В.Я.* Начало... С. 27, 38; *его же.* Легенда... (2008). С. 43.
- ¹⁹⁹ Вестберг Ф.Ф. Комментарий... С. 146; ДРЗИ. Т. III. С. 79.
- ²⁰⁰ Трухачёв Н.С. Указ. соч. С. 162–163.
- ²⁰¹ Адам Бременский. Указ. соч. IV, 18; сх. 24; Гельмольд из Босау. Указ. соч. I, 15.
- ²⁰² ДРЗИ. Т. III. С. 136; *Кулаков В.И.* Восточная... С. 53; Хрестоматия... С. 127, прим. 3; *Колтырин С.А.* Указ. соч. С. 281.
- ²⁰³ ДРЗИ. Т. III. С. 136, коммент. 59.
- ²⁰⁴ Венелин Ю.И. Известия... С. 10–12.
- ²⁰⁵ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 404, прим. 75; *Вилинбахов В.Б.* Балтийские... (1965). С. 186; *Херрман Й.* Славяне... С. 10.
- ²⁰⁶ Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. С. 26.
- ²⁰⁷ См., напр.: *Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 21–58; *Фомин В.В.* Пургасова... С. 3–17.
- ²⁰⁸ Откуда есть... Кн. 2. С. 25–26.

- ²⁰⁹ См., напр.: Титмар Мерзебургский. Указ. соч. VI, 25; Адам Бременский. Указ. соч. II, 21; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2; *Шафарик П.И.* Указ. соч. Т. II. Кн. 3. С. 132–148; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 62–67; *Первольф И.* Германизация... С. 2–4, 30–42, 76, 101–104, 119, 129, 146–147, 180, 212; *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 131–133, 143–159; *Саливон А.Н.* Вильцы... С. 49–54; *Назаренко А.В.* Немецкие... С. 15–20, прим. 3–13; *Седов В.В.* Славяне в раннем... С. 43, 47–51, 55–57; *Грот Л.П.* Имена... С. 287, 326–332; *Пауль А.* Древняя... С. 155–157; *его же.* К вопросу... С. 174–180, 185–234.
- ²¹⁰ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 21; *Саксон Анналист*. Указ. соч. С. 210–211; *Шлёцер А.Л.* Опыт... С. 287; *Пауль А.* Балтийские... С. 5–6; *его же.* *Lex Angliorum*. С. 27–28, 36–37.
- ²¹¹ *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. III, 17; *Адам Бременский*. Указ. соч. I, 8, 11–12; II, 5, 23, 42–43; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 12, 14; *Шафарик П.И.* Указ. соч. Т. II. Кн. 3. С. 23–41; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 342–369, 384, 400–401, 434–471, 486–491, 504–505, 509–515, 526; *Павинский А.И.* Указ. соч. С. 24–112; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 4–18; *его же.* *Полабские*... С. 48–52; *его же.* *Карл*... С. 21–27; *Дробинский А.И.* Указ. соч. С. 102–104; *Григорьев С.Г.* Указ. соч.; *Савчук В.С.* Историки... С. 50–59; *Ронин В.К.* Международно... С. 37–47; *его же.* О власти... С. 33–44; *Саливон А.Н.* Вильцы... С. 49–56; *Штруве К.-В.* Указ. соч. С. 145–146; *Пауль А.* *Lex Angliorum*. С. 36–44; *Черных А.В.* Определение... С. 188–199; и др.
- ²¹² *Адам Бременский*. Указ. соч. IV, 12; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 141–143, 354–355, 359–362, 371–377, 383–384; *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 111–113; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 4; *Королюк В.Д.* Государство бодричей... С. 340; *Саливон А.Н.* Вильцы... С. 50–52, 56–57; *Херрман Й.* Общество... С. 81.
- ²¹³ *Лебедев И.А.* Последняя... С. 5; *Зинчук Я.П.* Указ. соч. С. 6, 8–9; *Кухаренко Ю.В.* Указ. соч. С. 129, 138; *Кузьмин А.Г.* История... Кн. 1. С. 135–137; *Откуда есть*... Кн. 2. С. 28–29.
- ²¹⁴ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 19; IV, 12, 18; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2, 36, 52; II, 12; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 333–334; *Ганина Н.А.* Тайны... С. 72–75.
- ²¹⁵ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 48, 71; III, 19–20, 23, 50–51, сх. 79, 81, 82; *Гельмольд*. Указ. соч. I, 22–25, 34, 36–37, 66, 83; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 550–552, 555–562; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 17–24; *его же.* *Полабские*... С. 52–55; *Королюк В.Д.* Государство Готшалка... С. 336–355; *его же.* Государство бодричей... С. 175–177; *его же.* К вопросу... С. 3–10; *Пауль А.* К вопросу... С. 176–178, 198–201, 208–209, 231–232; и др.
- ²¹⁶ *Адам Бременский*. Указ. соч. Сх. 120; ДРЗИ. Т. IV. С. 279–280; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 49, 52, 57, 62, 65, 82–83; *Саксон Грамматик*. Указ. соч. 14.3.5–14.3.9; *Лампрехт К.* Указ. соч. С. 247–248; *Лебедев И.А.* Крестовый... С. 376–406; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 24–27, 36–37; *Хейвуд Д.* Указ. соч. С. 399–401; *Пауль А.* Балтийские... С. 411–419.
- ²¹⁷ *Лебедев И.А.* Последняя... С. 62–72, 81–103, 115, 133–135; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 25–27, 36–38; *его же.* *Полабские славяне*... С. 55–57; *его же.* Крестовый... С. 91–105.
- ²¹⁸ *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 87; II, 2; *Первольф И.* Германизация... С. 8, 129; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 27, 39–41; *его же.* *Полабские*... С. 56–59; *Зинчук Я.П.* Указ. соч. С. 9, 12–15; *Пауль А.* Роксоланы... С. 22–23; *его же.* *Lex Angliorum*. С. 43–44.
- ²¹⁹ *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. VI, 23; *Первольф И.И.* Германизация... С. 18, 31, 47; *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 158–159; *Шнеевайс Й.* «Полабские»... С. 248; *Пауль А.* Балтийские... С. 27–28.
- ²²⁰ *Первольф И.И.* Германизация... С. 3; *Флоринский В.М.* Указ. соч. С. 60; *Загоскин Н.П.* История... С. 329; *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 158; *Савчук В.С.* Историки... С. 56; *Откуда есть*... Кн. 1. С. 651.
- ²²¹ *Лебедев И.А.* Последняя... С. 2.
- ²²² *Фомин В.В.* Варяги Южной Балтики... С. 17–60. См. более подробно о жизни и творчестве этого выдающегося и многогранного исследователя: *Черных А.В.* Научная...
- ²²³ См.: *Вилинбахов В.Б.* Балтийские... (1967). С. 191–206; *Лаптева Л.П.* Указ. соч. С. 171–191; *Кузнецова А.М.* Указ. соч.
- ²²⁴ *Мавродин В.В.* [Рец.] *Академик Н.С. Державин*. С. 112.
- ²²⁵ *Джонс Г.* Указ. соч. С. 120–121.

- ²²⁶ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 22; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2, 36, 82; II, 13; *Хрестоматия*... С. 157; *Котляревский А.А.* Древности... С. 117–132.
- ²²⁷ *Джонс Г.* Указ. соч. С. 90.
- ²²⁸ *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. VI, 23; 25; *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 21; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2; *Хрестоматия*... С. 158; *Саксон Грамматик*. Указ. соч. Т. 2. 14.1.6; 14.39.2–4; 14.39.6–7; 14.39.9; 14.39.31; 14.39.39–41, с. 397, коммент. 427; *Котляревский А.А.* Древности... С. 64; *его же*. Книга... С. 75, 124; *Доннерт Э.* Указ. соч. С. 32; *Седов В.В.* Славяне в раннем... С. 55; *Ганина Н.А.* Тайны... С. 76–77.
- ²²⁹ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 21; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 40, 87; II, 13; *Хрестоматия*... С. 157–158; *Грацианский Н.П.* Заэльбские... С. 37. Денарий — серебряная монета весом в 3,4 гр. Для сравнения: за провоз соли «на Русь» или «из Руси» через территорию Австрии «в том же XII в. взималось 16 денариев таможенных сборов, русская гривна превосходила денарий в 20 раз», т. е. автор жития специально отмечает исключительную дешевизну продуктов у поморян (*Хрестоматия*... С. 157, прим. 1).
- ²³⁰ *Котляревский А.А.* Древности... С. 16–17, 23, 54–55, 72; *его же*. Книга... С. 22, 28, 57–58, 97, 106, 112, 135; *Забелин И.Е.* Указ. соч. Ч. 1. С. 153–154; *Лебедев И.А.* Последняя... С. 14.
- ²³¹ *Арбман Х.* Указ. соч. С. 64; *Джонс Г.* Указ. соч. С. 171; *Херрман Й.* Славяне... С. 74–75; *Викинги*. С. 27–28; *Буайе Р.* Указ. соч. С. 284; *Хейвуд Д.* Указ. соч. С. 354.
- ²³² *Фомин А.В.* Указ. соч. С. 19; *Кузьмин А.Г.* Начало... С. 303–304; *Откуда есть*... Кн. 2. С. 28, 585; *Хрестоматия*... С. 143, прим. 6 на с. 61.
- ²³³ *Херрман Й.* Ободриты... С. 344.
- ²³⁴ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 21; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2; *Хрестоматия*... С. 159; *Саксон Грамматик*. Указ. соч. Т. 2. 14.39.3; *Савельев П.С.* Мухаммеданская... С. CLXXXIX; *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 126–128, 260; *Котляревский А.А.* Древности... С. 16–18, 38–45, 56, 63–64; *его же*. Книга... С. 108–111; *Забелин И.Е.* Указ. соч. Ч. 2. С. 17; *Грацианский Н.П.* Борьба... С. 28–30; *Кухаренко Ю.В.* Указ. соч. С. 138–139; *Савчук В.С.* Некоторые... С. 25–43; *Германн И. (Херрман Й.)* Указ. соч. С. 121–123; *Седов В.В.* Славяне в раннем... С. 344; *Шнеевайс Й.* Раннесредневековые... С. 198, 208, 216.
- ²³⁵ *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 6. С. 107.
- ²³⁶ *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 22; III, 51; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2; *Фаминцын А.С.* Указ. соч. С. 25–26; *Саливон А.Н.* К вопросу... С. 50.
- ²³⁷ *Котляревский А.А.* Древности... С. 45; *его же*. Книга... С. 106, 112.
- ²³⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Указ. соч. С. 121, 130–132, 352–353; *Котляревский А.А.* Древности... С. 18, 37, 45–47, 49; *Мюллер-Вилле М.* ...Et est... С. 198–199; *Пауль А.* Старцы... С. 131.
- ²³⁹ *Кухаренко Ю.В.* Указ. соч. С. 129, 137.
- ²⁴⁰ *Ганина Н.А.* Тайны... С. 65–66.
- ²⁴¹ *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 156; *Дискуссия по докладам*. С. 162.
- ²⁴² *Адам Бременский*. Указ. соч. II, 22; *Гельмольд из Босау*. Указ. соч. I, 2; *Хейвуд Д.* Указ. соч. С. 354.
- ²⁴³ *Котляревский А.А.* Книга... С. 107; *Потин В.М.* Некоторые... С. 74; *его же*. Древняя... С. 63; *Вилинбахов В.Б.* Балтийские... (1962). С. 271–272; *его же*. Балтийско... (1963). С. 128–129; *его же*. Балтийские... (1965). С. 165; *История Италии*. Т. 1. С. 209.
- ²⁴⁴ *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь... С. 192; *Кирпичников А.Н.* 1250... С. 43; *его же*. Древности... С. 40; *Сагайдак М.А.* (при участии В.В. Мурашёвой и В.Я. Петрухина). Указ. соч. С. 92; *Макаров Н.А.* Исторические... С. 455; *Макаров Н.А., Федорина А.Н.* Указ. соч. С. 176–177.
- ²⁴⁵ *Кузьмин С.Л.* Указ. соч. С. 73–76, 88–89; *Носов Е.Н.* Новгородская... С. 104.
- ²⁴⁶ *Носов Е.Н.* У истоков Руси... С. 41; *Макаров Н.А.* Исторические... С. 455.
- ²⁴⁷ *Петрухин В.Я.* Русь в IX... С. 227.
- ²⁴⁸ *Михайлов К.А.* Элитарный... С. 169.
- ²⁴⁹ *Беляев Н.Т.* Рорик... С. 245–246; *Брим В.А.* Путь... С. 233; *Арбман Х.* Указ. соч. С. 66, 69, 71; *Гуревич А.Я.* Походы... С. 53; *История Швеции*. С. 69; *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 15, 17; *Джонс Г.* Указ. соч. С. 172; *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. С. 14; *Роэсдаль Э.* Указ. соч.

- С. 111–112; Викинги. С. 51; *Sveriges historia*. S. 62; Мельникова Е.А. ...И Рюрика... С. 34; *её же*. Балтийско-Волжский путь. С. 49; *её же*. Бирка. С. 68; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 384.
- ²⁵⁰ Фетисов А.А. К дискуссии... С. 182.
- ²⁵¹ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 355–356; *Clarke X., Ambrosiani B.* Op. cit. S. 50, 56; *Розсдаль Э.* Указ. соч. С. 111–112; Мельникова Е.А. Укрощение... С. 12–14; *её же*. Хедебю. С. 855–856; История Дании. С. 58–60, 65; *Sveriges historia*. S. 63; Карнап-Борнхайм К. фон и др. Указ. соч. С. 53, 56, 61; Пауль А. Древняя... С. 159, 167; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 342–343.
- ²⁵² Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 131–132; Котляревский А.А. Древности... С. 45–48; *его же*. Книга... С. 112, 116; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 154; Доннерт Э. Указ. соч. С. 29; Кузьмин А.Г. Кто... С. 4; Азбелев С.Н. Устная... (2006). С. 37; *его же*. Устная... (2007). С. 81; Откуда есть... Кн. 2. С. 583; Хрестоматия... С. 141.
- ²⁵³ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 94, 227–235; Грацианский Н.П. Борьба... С. 30; Зинчук Я.П. Указ. соч. С. 6.
- ²⁵⁴ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 120–133, 351–352, 355–356; Котляревский А.А. Древности... С. 18, 50, 163; *его же*. Книга... С. 38, 42, 52–56, 69, 80–81, 90, 110–112; Фортинский Ф.Я. Приморские... С. 125–126, 129.
- ²⁵⁵ Саксон Грамматик. Указ. соч. 14.43.1; Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 124; Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 263–264; Котляревский А.А. Книга... С. 41, 52, 106–107, 150.
- ²⁵⁶ Савельев П.С. Мухаммеданская... С. СХCVIII–СХСIX; Котляревский А.А. Книга... С. 47; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 154–156; ч. 2. С. 32, 49, 82; Лебедев И.А. Последняя... С. 175; Фортинский Ф.Я. Приморские...; Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 228; Рыбаков Б.А. Ремесло... С. 479; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 87, 99; Похлёбкин В.В. Внешняя... С. 75–76.
- ²⁵⁷ Зинчук Я.П. Указ. соч. С. 5; Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории... С. 324; Кухаренко Ю.В. Указ. соч. С. 127, 129; Горюнова В.М. О западных... С. 57; Херрман Й. Полабские... С. 191; Лецевич Л. Указ. соч. С. 146.
- ²⁵⁸ Адам Бременский. Указ. соч. II, 22; Гельмольд из Босау. Указ. соч. I, 2, 87; Хрестоматия... С. 159; Саксон Грамматик. Указ. соч. 14.39.38; 14.43.1; Котляревский А.А. Древности... С. 34–37, 44; *его же*. Книга... С. 40, 107–109, 113, 149–150; Куник А.А., Розен В.Р. Указ. соч. С. 104–105; Первольф И.И. Германизация... С. 30, 146–147; Кухаренко Ю.В. Указ. соч. С. 129, 137–139; Шнеевайс Й. Раннесредневековые... С. 208, 216; и др.
- ²⁵⁹ Снорри Стурлусон. Указ. соч. С. 62; Жих М.И. Xavier... С. 28; Котляревский А.А. Древности... С. 54.
- ²⁶⁰ Адам Бременский. Указ. соч. IV, 18; Гельмольд из Босау. Указ. соч. I, 2, 52, 83; II, 13; Хейвуд Д. Указ. соч. С. 400.
- ²⁶¹ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 2. 12.4.1; 12.4.2; 14.15.1; 14.15.5; 14.30.9; Грацианский Н.П. Борьба... С. 32; Пауль А. Роксоланы... С. 13–16, 18, 21.
- ²⁶² Саксон Грамматик. Указ. соч. 14.1.6; Снорри Стурлусон. Указ. соч. С. 507–511; Шафарик П.И. Указ. соч. Т. II. Кн. 3. С. 88; Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 89–93, 115–119, 127, 473; Котляревский А.А. Древности... С. 19, 49–50; *его же*. Книга... С. 63, 90, 111, 113; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 152; Лебедев И.А. Последняя... С. 51, 173, 175; Нидерле Л. Указ. соч. С. 119, 122, 124; *Shore T.W.* Op. cit. S. 24, 34–38, 46, 100, 113, 229–230, 361; Сугорский И.Н. Указ. соч. С. 37–39; Грацианский Н.П. Борьба... С. 26, 32; Херрман Й. Славяне... С. 52, 59; Кузьмин А.Г. Начало... С. 237–242; Грот Л.П. Имена... С. 287–289, 418–420; Меркулов В.И. Варяги... С. 121–134; Беда Достопочтенный. Указ. соч. С. 230, коммент. 108.
- ²⁶³ *Falk H.S.* Op. cit. S. 88–89, 94; Фасмер М. Указ. соч. Т. II. С. 510; т. III. С. 331–332.
- ²⁶⁴ Гельмольд из Босау. Указ. соч. I, 1; Герберштейн С. Указ. соч. С. 60; Шафарик П.И. Указ. соч. Т. II. Кн. 3. С. 89; Славянский сборник... С. 283; Херрман Й. Славяне... С. 10; Откуда есть... Кн. 1. С. 669; Пауль А. Роксоланы... С. 11–12.
- ²⁶⁵ Фомин В.В. Александр Невский. С. 235–239.
- ²⁶⁶ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 116; Пауль А. Древняя... С. 161–163, 167, 170–171.
- ²⁶⁷ Либготт Н.-К. Указ. соч. С. 143; Мюллер-Вилле М. ...Et est... С. 203–204.
- ²⁶⁸ Матузова В.И. Указ. соч. С. 25.

- ²⁶⁹ Херрман Й. Славяне... С. 52, прим. 40 на с. 369, прим. 115 на с. 374.
- ²⁷⁰ Langebek J. Op. cit. S. 557–577; Saga гутов. С. 41–42; Арсеньев С.В. Древности... С. 230.
- ²⁷¹ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 89, 473; Арциховский А.В. Археологические... С. 38; Ковалевский С.Д. Образование... С. 39; Седов В.В. Славянские... С. 166–167; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Древнерусские... С. 52.
- ²⁷² Адам Бременский. Указ. соч. I, 60; Херрман Й. Славяне... С. 21, 26, 32, 64, 105, 119, прим. 39 на с. 368, прим. 40 на с. 369, прим. 119 на с. 374; Лецевич Л. Указ. соч. С. 147–148; Седов В.В. Издания... С. 63; Мурашова В.В. Путь... С. 179.
- ²⁷³ Жарнов Ю.Э. Женские... С. 217.
- ²⁷⁴ Clarke X., Ambrosiani B. Op. cit. S. 48–50, 69–70, 104; Lindkvist T., Sjöberg M. Op. cit. S. 62–63; Розсдаль Э. Указ. соч. С. 106; Sveriges historia. S. 62.
- ²⁷⁵ Шафарик П.И. Указ. соч. Т. I. Кн. 3. С. 287; Грановский Т.Н. Указ. соч. С. 8; Погодин М.П. Исследования... Т. 2. С. 370–371.
- ²⁷⁶ Шаровольский И.В. Указ. соч. С. 1–38.
- ²⁷⁷ Грот Я.К. Слова... С. 436; Falk H.S., Torp A. Op. cit. Teil 1. S. 429, 652; Teil 2. S. 1173, 1269; Фасмер М. Указ. соч. Т. IV. С. 249–250; Черных П.Я. Историческая... (1952). С. 301; то же (1954). С. 329; Опельбаум Е.В. Указ. соч. С. 226, 232; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Культурно... С. 150; *их же*. Древнерусские... С. 59, 61; Мельникова Е.А. Древнерусские... С. 68–75; Стальсберг А. Археологические... С. 111; Джаксон Т.Н. AUSTRIA... С. 94.
- ²⁷⁸ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги... С. 280; Лебедев Г.С., Жвиташивили Ю.Б. Указ. соч. С. 81.
- ²⁷⁹ Шаровольский И.В. Указ. соч. С. 15, 24–25, 31, 36, прим. 1; Сыромятников С.Н. Указ. соч. С. 133.
- ²⁸⁰ Херрман Й. Полабские... С. 191–192.
- ²⁸¹ Потин В.М. Русско... (1968). С. 180; *его же*. Русско... (1970). С. 66–68; Кропоткин В.В. Указ. соч. С. 113, 115.
- ²⁸² Янин В.Л. О начале... С. 207.
- ²⁸³ Рыбаков Б.А. Ремесло... С. 479; Потин В.М. Древняя... С. 38–39.
- ²⁸⁴ Фасмер М. Указ. соч. Т. II. С. 417; т. III. С. 704; Херрман Й. Славяне... С. 103.
- ²⁸⁵ Геденов С.А. Указ. соч. С. 93.
- ²⁸⁶ Потин В.М. Некоторые... С. 69, 71–78; *его же*. Древняя... С. 61–64, 66, 155, 71, прим. 42; *его же*. Русско... (1970). С. 68–69; Шушарин В.П. Указ. соч. С. 86; Рыбина Е.А. О новгородско... С. 75.
- ²⁸⁷ Дополнения А.А.Куника. С. 691–692.
- ²⁸⁸ Давидан О.И. К вопросу о происхождении... С. 62; Херрман Й. Славяне... С. 61.
- ²⁸⁹ Горюнова В.М. Новое... С. 77–78; *её же*. О западных... С. 57.
- ²⁹⁰ Херрман Й. Полабские... С. 192–195; Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога... С. 21; *его же*. Ладога VIII – X вв. С. 52; Седов В.В. Жилища словенско... С. 14.
- ²⁹¹ Янин В.Л. Денежно... С. 89; История Швеции. С. 66.
- ²⁹² Нунан Т.С. Зачем... С. 28–33, 45–56.
- ²⁹³ Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога. С. 25; *его же*. Сказание... С. 51; *его же*. Древности... С. 39.
- ²⁹⁴ Кирпичников А.Н. Великий... (2001). С. 23; *его же*. Великий... (2002). С. 63; *его же*. Древности... С. 39. Ср.: Козубовский Г.К., Седых В.Н. Указ. соч. С. 241.
- ²⁹⁵ Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 24; Носов Е.Н. Новгородская... С. 109; Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Рюриково... С. 133.
- ²⁹⁶ Седов В.В. Русы... С. 34; *его же*. О русах... С. 7–8.
- ²⁹⁷ Мельникова Е.А. Скандинавы и процессы... С. 74; *её же*. Скандинавы на Балтийско... С. 135, 138; *её же*. Балтийско-Волжский путь... С. 81, 83–84; *её же*. Балтийско-Волжский путь. С. 49–50; *её же*. Варяги (2014). С. 102; Скрынников Р.Г. Русь... С. 17; Измайлов И. Балтийско... С. 72; Мурашова В.В. «Путь... С. 177.
- ²⁹⁸ Ламанский В.И. Славянское... С. 53–54; Погодин А.Л. Варяги... С. 127, 133; Янин В.Л. Денежно... С. 89; Арциховский А.В. Археологические... С. 40; Пащенко В.Т. Русско... С. 54; Исто-

- рия Швеции. С. 66; Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв... С. 49–51; *его же*. О начальном... С. 113; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 25; Носов Е.Н. Новгородская... С. 102; Петрухин В.Я. Легенда... (2008). С. 46; *его же*. Русь в IX... С. 110.
- ²⁹⁹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 9–13; Диктофонная... С. 586; Грот Л.П. Рюриково... С. 25; *её же*. Западноевропейские... С. 58; *её же*. Обзор... С. 39–40; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 375–378.
- ³⁰⁰ Адам Бременский. Указ. соч. II, 39 (37); Потин В.М. Некоторые... С. 75–76; *его же*. Древняя... С. 64.
- ³⁰¹ Джаксон Т.Н. Исландские... (1993). С. 138, 161, 179; *её же*. Исландские... (2000). С. 238, 290–291.
- ³⁰² Херрман Й. Славяне... С. 98.
- ³⁰³ НПЛ. С. 22–23, 206–208; Соболевский А.И. Несколько... С. 175.
- ³⁰⁴ Джаксон Т.Н. AUSTR... С. 99–100.
- ³⁰⁵ Адам Бременский. Указ. соч. II, 22; IV, 1; Байер Г.З. О варягах. С. 350; Татищев В.Н. История... Т. I. С. 221–223, прим. 24 на с. 227, прим. 57 на с. 231; Карамзин Н.М. История... Т. I. С. 355, 358, прим. 206; Перхавко В.Б. Первые... С. 39–40.
- ³⁰⁶ Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога. С. 26.
- ³⁰⁷ Адам Бременский. Указ. соч. IV, 11.
- ³⁰⁸ Лецевич Л. Указ. соч. С. 146; Кузьмин А.Г. Заметки... С. 55; *его же*. Кто... С. 4.
- ³⁰⁹ Свердлов М.Б. Русско... С. 182; *его же*. Дания... С. 87; *его же*. Сведения... С. 49–50, 55; *его же*. Скандинавы... С. 60; Горский А.А. Повесть... С. 19; Мельникова Е.А. Дания. С. 224.
- ³¹⁰ Беляев И.Д. О географических... С. 31.
- ³¹¹ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 2. 14.17.1; Лебедев И.А. Последняя... С. 175.
- ³¹² Трусман Ю. Указ. соч. С. 56.
- ³¹³ Очерки истории СССР. IX–XV вв. С. 347; Потин В.М. Некоторые... С. 77; *его же*. Древняя... С. 65.
- ³¹⁴ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 259–260; Забелин И.Е. Указ. соч. Ч. 1. С. 138, 184; ч. 2. С. 75; Виллинбахов В.Б. Балтийские... (1962). С. 257, 260–261.
- ³¹⁵ Новосельцев А.П., Пащито В.Т. Указ. соч. С. 87; Лецевич Л. Указ. соч. С. 150.
- ³¹⁶ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 259; Откуда есть... Кн. 2. С. 689; Хрестоматия... С. 155, прим. 1.
- ³¹⁷ Бережков М.Н. Указ. соч. С. 52; Джаксон Т.Н. AUSTR... С. 94–95; Мельникова Е.А. Эпоха... С. 429. Ср.: Джаксон Т.Н. Исландские... (1993). С. 140, 149, 162–163, 182–183, 209.
- ³¹⁸ НПЛ. С. 30, 216–217.
- ³¹⁹ Исландские саги (1956). С. 269–270; Рыдзевская Е.А. Древняя... С. 77; ДРЗИ. Т. V. С. 213.
- ³²⁰ ДРЗИ. Т. V. С. 291–292.
- ³²¹ Расмуссен К. Указ. соч. С. 314.
- ³²² Сенковский О.И. Скандинавские... С. 31; *его же*. Эймундова... С. 49–50.
- ³²³ Славяне и Русь. С. 413, прим. 47.
- ³²⁴ Свердлов М.Б. Известие... С. 153–155; *его же*. Русско... С. 182; *его же*. Дания... С. 85–86; *его же*. Скандинавы... С. 62; Назаренко А.В. О русско... С. 167–190; *его же*. Немецкие... С. 201, коммент. 111; ДРЗИ. Т. IV. Коммент. 124 на с. 82, коммент. 70 на с. 135.
- ³²⁵ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 505–508, 514–526; Грацианский Н.П. Борьба... С. 17; Откуда есть... Кн. 1. С. 651.
- ³²⁶ Пауль А. Древняя... С. 163–165.
- ³²⁷ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 2. 14.1.6; 14.23.4; 14.39.7–8.
- ³²⁸ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 1. 8.3.12–13; Беляев Н.Т. Рорик... С. 219–221, 237; Карташёв А.В. Указ. соч. Т. 1. С. 67; Шапошиников В.Н., Кузнецов Е.В. Указ. соч. С. 96–111; Кузьмин А.Г. Начало... С. 332.
- ³²⁹ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 112–114, 380–381, 400–401, 472–473; Павинский А.И. Указ. соч. С. 41–42, 53, 59, 65–67, 71–72, 128; Королюк В.Д. Государство Готшалка... С. 342–346, 351.
- ³³⁰ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 472–482, 545, 553.

- ³³¹ *Татищев В.Н.* История... Т. VII. С. 282; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 87, 95; *Потин В.М.* Древняя... С. 65; *Кузьмин А.Г.* История... Кн. 1. С. 149; Откуда есть... Кн. 2. С. 584, 586; Хрестоматия... С. 142, 237, прим. 6.
- ³³² *Зинчук Я.П.* Указ. соч. С. 11–15; *Потин В.М.* Древняя... С. 137.
- ³³³ ПСРЛ. Т. II (1843). С. 39; т. 2. Стб. 369.
- ³³⁴ *Погодин М.П.* О происхождении... С. 46; *его же.* Исследования... Т. 2. С. 34; *его же.* Древняя... Т. II. С. 100; *Kunik E.* Die Berufung... Bd. I. S. 110; [*Бутков П.Г.*]. [Рец.] «Die Berufung... С. 61; *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 206, 440, прим. 364 к т. 1; *Иловайский Д.И.* История... С. 226; *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 309; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 91; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы... С. 61.
- ³³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359.
- ³³⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе... С. 79, 89, 103; *Присёлков М.Д.* История русского... С. 94; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь. С. 585–586; *его же.* Русские... С. 39, 190, 277–306, 370; *Кузьмин А.Г.* Начальные... (1977). С. 71, прим. 58; *Толочко П.П.* Русские... С. 106–110.
- ³³⁷ *Шаскольский И.П.* Памятники... С. 136–137.
- ³³⁸ *Генрих Латвийский.* Указ. соч. С. 247, прим. 2; *Соловьёв С.М.* История... Кн. 1. С. 635; *Фортинский Ф.Я.* Приморские... С. 354–355; *Похлёбкин В.В.* Внешняя... С. 77, 93.
- ³³⁹ *Аристов Н.* Указ. соч. С. 199, 205; *Бережков М.Н.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁴⁰ *Присёлков М.Д.* [Рец.] *Пархоменко Вл.* С. 365–366; *Шахматов А.А.* Древнейшие... С. 45; *Брим В.А.* Путь... С. 236–239, 249; *Арбман Х.* Указ. соч. С. 160; *Мельникова Е.А.* Древняя Русь в исландских... С. 150; *Мачинский Д.А., Панкратова М.В.* Указ. соч. С. 33; *Перхавко В.Б.* Западновинский путь. С. 289.
- ³⁴¹ *Джаксон Т.Н.* Северо... С. 225–231.
- ³⁴² *Авдусин Д.А.* Смоленская... С. 246, 252–253; *его же.* Ключ... С. 120–121.
- ³⁴³ *Раппопорт П.А.* Церковь... С. 25; *его же.* Русская... с. 87–88; *его же.* Зодчество... С. 64; *Авдусин Д.А.* Актуальные... С. 11; *Даркевич В.П.* Градские... С. 688.
- ³⁴⁴ *Видукинд Корвейский.* Указ. соч. С. 96, 163.
- ³⁴⁵ *Янин В.Л.* Денежно... С. 101, 103.
- ³⁴⁶ *Фомин В.В.* Варяги в статье... С. 85–91; *его же.* Комментарии. С. 557, коммент. 67.
- ³⁴⁷ НПЛ. С. 26, 31, 212, 218–219.
- ³⁴⁸ *Котляревский А.А.* Книга... С. 20; *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 91.
- ³⁴⁹ *Татищев В.Н.* История... Т. III (2016, во всех остальных случаях ссылки даются по изданию 1960-х гг.). С. 271–275; *Карамзин Н.М.* История... Т. II–III. Прим. 208 к т. III.
- ³⁵⁰ *Первольф И.И.* Варяги... С. 49; *Кузьмин А.Г.* «Варяги... С. 33, прим. 24.
- ³⁵¹ *Кучкин В.А.* Был... С. 197–198, прим. 27 на с. 206.
- ³⁵² *Мыльников А.С.* [Рец.] Этнические... С. 94; *его же.* Кто... С. 239–241; *Фомин В.В.* Фряги... С. 27.
- ³⁵³ С VII в. гончарная фельдбергская керамика, которую называли из-за её высоких технических и эстетических качеств «мейсенским фарфором Средневековья», производилась прежде всего в Средней Померании, между реками Варновом и Парсентой, т. е. в землях велетов. Вне ареала велетов её фрагменты встречены на отдельных поселениях ободритов и на о. Рюгене. Данный тип керамики преобразовался в керамику фрезендорфского типа, появившегося в Волине с IX в. и в основном распространённого на «русском» Рюгене (*Херрман Й.* Славяне... С. 26; *Седов В.В.* Славяне в раннем... С. 52–57, 63).
- ³⁵⁴ *Лебедев Г.С.* Северные... С. 45–46; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь... С. 199, 222; *Конецкий В.Я.* Центр... С. 52–53; *Носов Е.Н.* У истоков Руси... С. 42; *Молчанова А.А.* Указ. соч.; *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Указ. соч. С. 386; Откуда есть... Кн. 2. С. 27.
- ³⁵⁵ *Белецкий С.В.* Культурная... С. 7–8.
- ³⁵⁶ *Горюнова В.М.* О западных... С. 53, прим. 2; *её же.* О раннекруговой... С. 42–45.
- ³⁵⁷ *Лебедев Г.С.* Археологические... С. 117–119.
- ³⁵⁸ *Смирнова Г.П.* О трёх... С. 20.
- ³⁵⁹ *Белецкий С.В.* Биоконические... С. 328–329; *Носов Е.Н.* Волховский... С. 22–23; *его же.* Новгородское... С. 136–137; *Седов В.В.* Изборск... С. 44–45.

- ³⁶⁰ См., напр.: *Арциховский А.В.* Археологические... С. 38; *Пушкина Т.А.* Гнёздово... С. 22.
- ³⁶¹ *Седов В.В.* Раскопки... С. 68–69; *его же.* Восточные... С. 66; *его же.* Жилища словенско... С. 10–15; *его же.* Жилища славян... С. 82; *его же.* Освоение... С. 158; *его же.* Изборск... С. 28; *Лебедев Г.С.* Северные... С. 45–46; *его же.* Эпоха... (1985). С. 199, 222; *Рыбина Е.А.* Торговля... С. 92–95; *Иванова И.В., Иванова Н.Ю.* Указ. соч. С. 142.
- ³⁶² *Шаскольский И.П.* Норманская... науке. С. 128–130; *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога... С. 7–8, 13–16. Ср.: *Рябинин Е.А.* Новые данные... С. 15–29.
- ³⁶³ *Стубавс А.Я.* Археологические... С. 15–17; *его же.* Раскопки... С. 194–196; *Шноре Э.Д.* Поселения... С. 39–40; *его же.* Городища... С. 229; *его же.* Асотское... С. 13, 20–21, 23, 80–84; *Орлов С.Н.* Указ. соч. С. 16; *Каргер М.К.* Новгород... С. 60; *Алешковский М.Х.* Новгородский... С. 12–15; *Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е.* Указ. соч. С. 72; *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Указ. соч. С. 50–51; *Лебедев Г.С., Розов А.А.* Указ. соч. С. 216–217; *Лебедев Г.С.* Археологические... С. 115–117; *его же.* О времени... С. 37; *его же.* Северные... С. 45–46; *Белецкий С.В.* Культурная... С. 13, 15; *Германн И. (Херрман Й.)* Указ. соч. С. 119; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь... С. 199; *Лецевич Л.* Указ. соч. С. 145, 149.
- ³⁶⁴ *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 28–37; *Раппопорт П.А.* Очерки... С. 73–106; *его же.* Древнерусское... С. 104–155.
- ³⁶⁵ *Алешковский М.Х.* Новгородский... С. 11; *Кучера М.П.* Указ. соч. С. 125–132.
- ³⁶⁶ *Поветкин В.И.* Указ. соч. С. 66.
- ³⁶⁷ *Волковицкий А.И., Короткевич Б.С., Кузьмин С.Л.* Указ. соч. С. 136; *Курбатов А.В.* Кожаная... С. 195–200; *его же.* Начальный... С. 70, 126–132; *его же.* Кожевенное... С. 39–40.
- ³⁶⁸ *Рыбина Е.А.* Новгород... С. 326–329.
- ³⁶⁹ *Носов Е.Н.* Новгород... С. 9; *его же.* Новгородское... С. 51–61, 164–166; *его же.* Славяне... С. 50; *его же.* Новгородская... С. 114; *его же.* Городище... С. 197–198; *Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янссон И.* Указ. соч. С. 119–120; *Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведев М.В.* Указ. соч. С. 44, 70. Ср.: *Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В.* Хлебные... С. 129.
- ³⁷⁰ Откуда есть... Кн. 2. С. 28.
- ³⁷¹ *Алексеев В.П.* Указ. соч. С. 207–208; *Алексеева Т.И.* Славяне... С. 66; *Седов В.В.* К палеоантропологии. С. 151–154; *его же.* Восточные... С. 8, 66.
- ³⁷² *Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М.* Указ. соч. С. 187–188; *Гончарова Н.Н.* Указ. соч. С. 22; *Алексеева Т.И.* Антропологическая характеристика... С. 168–169; *Седов В.В.* Освоение... С. 158.
- ³⁷³ *Санкина С.Л.* Этническая... С. 50–59, 98–99; *её же.* Антропология... С. 95.
- ³⁷⁴ *Петровский Н.М.* Указ. соч. С. 369–384; *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Указ. соч. С. 50; *Славяне и Русь.* С. 423, прим. 185.
- ³⁷⁵ *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 75–95.
- ³⁷⁶ *Генрих Латвийский.* Указ. соч. С. 248, прим. 4; *Strykowski M.* Op. cit. S. 113; *Кузьмин А.Г.* Начало... С. 289; *Откуда есть...* Кн. 1. С. 551, 679–681; *Хрестоматия...* С. 41.
- ³⁷⁷ *Обнорский С.П.* Указ. соч. С. 143–144; *Зализняк А.А.* Наблюдения... С. 151; *его же.* Значение... С. 97–99; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Указ. соч. С. 217–218; *Янин В.Л.* Древнее... С. 55–56; *его же.* Археология... С. 922–923; *его же.* 70 лет... С. 80; *его же.* О начале... С. 207; *Романчук А.А.* Спор о древненовгородском диалекте. С. 401–405; *его же.* Спор о древненовгородском диалекте... С. 345–354.
- ³⁷⁸ *Геденов С.А.* Указ. соч. С. 259; *Флоринский В.М.* Указ. соч. С. 59; *Цветков С.Э.* Указ. соч. С. 22.
- ³⁷⁹ *Спицын А.А.* Археология... С. 7–8; *Вилинбахов В.Б.* Балтийские... (1962). С. 266, 275–276; *его же.* Несколько замечаний о теории... С. 330–331, 334; *Лебедев Г.С.* Верхняя... С. 54.
- ³⁸⁰ *Шаскольский И.П.* Норманская... науке. С. 196; *Петренко В.П.* Погребальный... С. 38; *Горский А.А.* К вопросу... С. 93, прим. 45.
- ³⁸¹ *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога. С. 27, 45, 52–53, 81.
- ³⁸² *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Указ. соч. С. 196–203; *Рябинин Е.А.* У истоков... С. 17; *Кирпичников А.Н.* Древности... С. 42.

- ³⁸³ Лукошков А.В. Конструктивные... С. 220–226; *его же*. Истоки... С. 385–388, 407–408, 411–413, 465; <https://tass.ru/spb-news/1342059>; https://47channel.ru/event/Podvodnie_arheologi_podveli...
- ³⁸⁴ Цветков С.В., Черников И.И. Указ. соч. С. 177, 269, 315; Цветков С.В. Указ. соч. С. 149.
- ³⁸⁵ Еремеев И.И. Исследования... (2005). С. 28–30; *его же*. Раскопки... (2007). С. 19–20; *его же*. Исследования... (2009). С. 34–35; *его же*. Раскопки... (2010). С. 25–26.
- ³⁸⁶ Станкевич Я.В. Указ. соч. С. 190–191, 195–196; Седов В.В. Славяне Верхнего... С. 71–72; *его же*. Изборск... С. 45; Лапшин В.А. Ладога... С. 114–115.
- ³⁸⁷ Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Петренко В.П. Указ. соч. С. 51; Лебедев Г.С. Эпоха... (1985). С. 211–212; Петренко В.П. Раскоп... С. 105–112; Дубов И.В. Культура... С. 95.
- ³⁸⁸ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога... С. 165; *их же*. Старая Ладога. С. 138; Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 92.
- ³⁸⁹ Седов В.В. Происхождение... С. 52; *его же*. Первый международный... С. 123; *его же*. Славяне в древности. С. 162–163; Кузьмин А.Г. Истоки культовых... С. 165; Германн И. (Херрман Й.). Указ. соч. С. 123–124; Откуда есть... Кн. 2. С. 688, коммент. к с 598; Славяне и Русь. Прим. 47 на с. 178, прим. 258 на с. 204, прим. 295 и 298 на с. 207. Хрестоматия... Прим. 1 на с. 155 и на с. 156. Ср.: Назаренко А.В. О язычестве... С. 14–15.
- ³⁹⁰ Смирнова Г.П. К вопросу... С. 166; Петренко В.П. Погребальный... С. 110.
- ³⁹¹ Стальсберг А. О скандинавских... С. 279.
- ³⁹² Давидан О.И. К вопросу о контактах... (1968). С. 178–179; *её же*. К вопросу о происхождении... С. 54–63; *её же*. К вопросу о контактах... (1971). С. 139, 143; Михайлов К.А. Южно-скандинавские... С. 52–60; *его же*. Скандинавский... С. 64, 66, 68, прим. 45; *его же*. Курганные... С. 155; Романчук А.А. Варяго... (2013). С. 287–288.
- ³⁹³ Петрухин В.Я. Дохристианские... С. 59.
- ³⁹⁴ Носов Е.Н. Новгородская... С. 104–105.
- ³⁹⁵ Назаренко В.А. Могильник... С. 165; Михайлов К.А. Курганные... С. 155; Сениченкова Т.Б. Об источниковедческих... С. 240.
- ³⁹⁶ Жарнов Ю.Э. Женские... С. 209.
- ³⁹⁷ Лебедев Г.С. Ладога – торговый... С. 141.
- ³⁹⁸ Петренко В.П. Раскоп... С. 116.
- ³⁹⁹ Кирпичников А.Н. Древности... С. 39, 43.
- ⁴⁰⁰ Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Указ. соч. С. 202–203.
- ⁴⁰¹ Носов Е.Н. Поселение... С. 76–81; *его же*. Волховский... С. 19.
- ⁴⁰² Миляев П.А. Указ. соч. С. 225–244.
- ⁴⁰³ Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е. Указ. соч. С. 72; Янин В.Л., Алешковский М.Х. Указ. соч. С. 50–51; Смирнова Г.П. О трёх... С. 17–22; *её же*. Лепная... С. 3–10; *её же*. К вопросу... С. 165–171.
- ⁴⁰⁴ Носов Е.Н. Волховский... С. 22–23; *его же*. Проблема... С. 78; *его же*. Некоторые общие... С. 38; *его же*. Новгородское... С. 51–62, 115–117, 133–138, 164–166, 175–180; *его же*. У истоков Новгорода. С. 272, 277; *его же*. Тридцать... С. 32.
- ⁴⁰⁵ Херрман Й. Славяне... С. 374, прим. 119; Конецкий В.Я. К изучению... С. 125; Рыбина Е.А. О новгородско... С. 75.
- ⁴⁰⁶ Горюнова В.М. Раннегончарная... (1995). С. 98–101; *её же*. Раннегончарная... (1997). С. 115–138; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 84–89, 92–97; Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 271–273; Зализняк А.А., Янин В.Л. Указ. соч. С. 202–203.
- ⁴⁰⁷ Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М. Указ. соч. С. 88–94, 96; Сениченкова Т.Б. О раннегончарной... С. 38–49; Мурашёва В.В. Путь... С. 179; Романчук А.А. Варяго... (2013). С. 284–285.
- ⁴⁰⁸ Янссон И. Скандинавские... С. 36; Носов Е.Н. Тридцать... С. 32–36; *его же*. Городище... С. 197; Михайлов К.А. Анализ... С. 283–286.
- ⁴⁰⁹ Носов Е.Н. Новгородское... С. 173; *его же*. Славяне... С. 50; *его же*. Новгородская... С. 95, 98, 104.

- ⁴¹⁰ Минасян Р.С. Железные... С. 148–152; Лебедев Г.С. Северные... С. 45–46; Носов Е.Н. Новгородское... С. 175–183; *его же*. Новгородская... С. 95, 114; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь... С. 199; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Указ. соч. С. 130–131, 134, 150, 152; Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведев М.В. Указ. соч. С. 17.
- ⁴¹¹ Седов В.В. Лепная... С. 63–67; *его же*. Восточные... С. 64; *его же*. Изборск... С. 45.
- ⁴¹² Белецкий В.Д. Раскопки... С. 29; *его же*. Древний... С. 7; Белецкий С.В. Раскопки... С. 57–63; *его же*. Керамика... С. 9, 11–13; *его же*. Культурная... С. 7–8, 12, 15–16; *его же*. Происхождение... С. 9; *его же*. Изборск... С. 113; Плоткин К.М. Псков... (диссертация). С. 187; *его же*. Псков... (автореферат). С. 15; *его же*. Псков... (1982). С. 158, 165; *его же*. Концы... С. 32.
- ⁴¹³ Горюнова В.М. О западных... С. 52–57, прим. 2 на с. 53; *её же*. Посёлок... С. 147; *её же*. О раннекруговой... С. 42, 44; *её же*. Проблемы... С. 74–75.
- ⁴¹⁴ Вилинбахов В.Б. Балтийские... (1962). S. 265.
- ⁴¹⁵ Цит. по: Кураев И.В. Указ. соч. С. 28.
- ⁴¹⁶ Авдусин Д.А. Гнёздово... С. 166; Пушкина Т.А. Гнёздовское... С. 12, 20, 27; Каменецкая Е.В. Указ. соч. С. 12, 20, 27; Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Енисова Н.В. Указ. соч. С. 114, 121, 226, прим.
- ⁴¹⁷ Стальсберг А. О скандинавских... С. 279–281; Розудеев В.В. Указ. соч. С. 59–64; Горюнова В.М., Лапшин В.А. Указ. соч. С. 65–69.
- ⁴¹⁸ Кузьмин А.Г. «Варяги... С. 48; *его же*. Падение... С. 157; *его же*. История... Кн. 1. С. 91, 159–160; *его же*. Начало... С. 302, 305–306, 332; *его же*. Облик... С. 249; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Указ. соч. с. 463–464; Откуда есть... Кн. 2. С. 28, 583, 590; Славяне и Русь. С. 431–432, 434, прим. 254 на с. 428, прим. 39 на с. 478; Хрестоматия... С. 141, 165, прим. 2; Плохов А.В. Указ. соч. С. 18–44.
- ⁴¹⁹ Азбелев С.Н. Устная... (2006). С. 8–44, 240–241; *его же*. Устная... (2007). С. 61–86, 234–235; *его же*. Гостомысл. С. 598–618.
- ⁴²⁰ Дробинский А.И. Указ. соч. С. 104; Саливон А.Н. Вильцы. С. 53; Грот Л.П. Имена... С. 280–293, 300, 446.
- ⁴²¹ Бабиченко Д. Указ. соч. С. 24; Максимов Н., Кравченко С., Кузнец Д. Указ. соч. С. 58.
- ⁴²² Романчук А.А. Варяго... (2013). С. 286.
- ⁴²³ Шаскольский И.П. «Скандинавский... С. 127; *его же*. Норманская... науке. С. 195–196; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы... С. 56.
- ⁴²⁴ Сага гутов. С. 41–42; Арсеньев С.В. Указ. соч. С. 230–231.
- ⁴²⁵ Кустин А.Э. Об исторических... С. 14–15; *его же*. О некоторых... С. 170–171.
- ⁴²⁶ Комар А.В. Чернигов... С. 343, 354–355, 362.
- ⁴²⁷ Алексеева Т.И. Этногенез... С. 267; *её же*. Антропологическая дифференциация... С. 80–82; *её же*. Славяне... С. 66–67; *её же*. Антропологическая характеристика... С. 168–169; Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Указ. соч. С. 104; Санкина С.Л. О скандинавском... С. 238; *её же*. Этническая... С. 81, 94.
- ⁴²⁸ Андросук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские... С. 25.
- ⁴²⁹ Соловьёв С.М. История... Кн. 1. С. 86–87, 251.
- ⁴³⁰ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 234, прим. 635; Геденов С.А. Указ. соч. С. 360; Мошин В.А. Начало... С. 287; Хрестоматия... С. 142.
- ⁴³¹ Кулаков В.И. Варианты... (1995). С. 74–75; Петрухин В.Я. Русь в IX... С. 55, 141; *его же*. Русь христианская... С. 111–113.
- ⁴³² Кулаков В.И. Варианты... (1995). С. 66–67, 80. См. также: Викинги. С. 30.
- ⁴³³ Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Указ. соч. С. 75; Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты... С. 175, 177; Мурашёва В.В. Была... С. 9; *её же*. Путь... С. 176; Волковицкий А.И., Короткевич Б.С., Кузьмин С.Л. Указ. соч. С. 140.
- ⁴³⁴ Грот Л.П. Обзор... С. 38.
- ⁴³⁵ Фехнер М.В. О происхождении... С. 104; *её же*. Некоторые... С. 40; Кочкуркина С.И. Связи... С. 155; *её же*. Юго... С. 58.
- ⁴³⁶ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. С. 38.

- ⁴³⁷ Фехнер М.В. О происхождении... С. 102–104; Авдусин Д.А. Об изучении... С. 150; Янссон И. Скандинавские... С. 34; Фомин В.В. Начальная... С. 204; Мусин А.Е. Скандинавское... С. 556, 559, 562, 583.
- ⁴³⁸ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 258, прим. 697.
- ⁴³⁹ Карамзин Н.М. История... Т. I. Прим. 202.
- ⁴⁴⁰ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Начальная... С. 204–207.
- ⁴⁴¹ Шаровольский И.В. Указ. соч. С. 15, 18; Джонс Г. Указ. соч. С. 332.
- ⁴⁴² Кирпичников А.Н. Ладожская... С. 40; Мусин А.Е. Скандинавское... С. 574.
- ⁴⁴³ Штруве К.-В. Указ. соч. С. 146; Мюллер-Вилле М. ...Et est... С. 201; Ганина Н.А. Тайны... С. 78; Грот Л.П. Обзор... С. 38.
- ⁴⁴⁴ Галушка Л. Указ. соч. С. 40, 43–44.
- ⁴⁴⁵ Адам Бременский. Указ. соч. IV. 26, 27; Снорри Стурлусон. Указ. соч. С. 141; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 90; Даркевич В.П.. Топор... С. 100; Кулаков В.И. Варианты... (1995). С. 66; *его же*. Варианты... (2003). С. 66–67.
- ⁴⁴⁶ Даркевич В.П.. Топор... С. 99–100; Кулаков В.И. Варианты... (1995). С. 79.
- ⁴⁴⁷ Грот Л.П. Обзор... С. 39.
- ⁴⁴⁸ Клёсов А.А. Занимательная... С. 46–67; *его же*. Происхождение славян. С. 368–369; *его же*. Практическая... С. 302–305; *его же*. Происхождение Рюриковичей; *его же*. Легенды...; Клёсов А.А., Грот Л.П. Указ. соч. С. 208–246.
- ⁴⁴⁹ Рожанский И.Л. Указ. соч. С. 10–24.
- ⁴⁵⁰ Максимов Н., Кравченко С., Кузнец Д. Указ. соч. С. 51, 58.
- ⁴⁵¹ Жур К.В. и др. Указ. соч. С. 50, 60–62, 64.
- ⁴⁵² Клёсов А.А. Русские...
- ⁴⁵³ Назаренко А.В. Немецкие... С. 64–65, 73, коммент. 18; *его же*. Две... С. 20; *его же*. Русь IX века. С. 26–27, 34; *его же*. Раффельштеттинский... С. 675; ДРЗИ. Т. IV. С. 34, коммент. 18; ДРЗИ. 2013. С. 286–287.
- ⁴⁵⁴ Корнелий Тацит. Указ. соч. С. 371.
- ⁴⁵⁵ Свод древнейших... С. 358; Кляница З., Тржештик Д. Указ. соч. С. 18–19.
- ⁴⁵⁶ ЛЛ. С. 6, 19; Кузьмин А.Г. История... Кн. 1. С. 45, 67–70, 77, 85, 88–110, 114–126, 133–143, 146–148, 163–165, 201–207; *его же*. Начало... С. 93–94, 160–161, 184–203, 211, 242–313, 332–356; Откуда есть... Кн. 1. С. 5–10, 13–17, 477, 546–552, 650–651, 664–682, 695–698; кн. 2. С. 8, 11–17, 20–29, 478, 545–548, 581–585, 676, 681; Житие святого Северина... С. 7, 103–104; Славяне и Русь. С. 459, 476, прим. 19 на с. 477; Хрестоматия... С. 35–42, 62–67, 139–146, прим. 1 на с. 50, прим. 2 на с. 194; Перевезенцев С.В. Смысл... С. 28–51; Фомин В.В. Народ... С. 170–189; *его же*. Начальная... С. 171–177. См. также: Артамонов Г.А. К вопросу... С. 32–35; *его же*. Земля... (1996); *его же*. Земля... (2011). С. 53–88.
- ⁴⁵⁷ Кузьмин А.Г. Падение... С. 156; Откуда есть... Кн. 2. С. 584, 674.
- ⁴⁵⁸ ЛЛ. С. 18–20, 22–23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как подытожил в 1876 г. С.А.Геденов, «полуторастолетний опыт доказал, что при догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немислима»¹. Прошедшие с тех пор почти столько же лет полностью подтвердили и ещё больше актуализировали слова проникательного историка, потому как скандинавский догмат не имеет к науке никакого отношения и продолжает отравлять умы своей неправдой. Возникнув в Швеции во втором десятилетии XVII в. с целью присвоения северо-западных земель России, захваченных в годы Смуты вчерашними нашими союзниками, шведский взгляд на начало Руси и русской государственности в корне извращает первые века нашей письменной истории. В связи с чем она давно преподносится в качестве приложения к истории Швеции, давно превратилась в её очень важное — «блестящее»! — начало, потому как в своём собственном начале шведы весьма сильно отставали не только от Руси, но и даже от других скандинавских народов. О ярко выраженной антирусской направленности норманской версии нашего начала свидетельствует и тот факт, что она самым активным образом используется Западом в борьбе против России (что в прошлом, что в настоящем) и вместе с тем является одним из средств культивирования тем же Западом чувства своего превосходства над нами (а значит, и господства как над второсортными людьми, не способными изначально жить своим умом, что без всяких обиняков было сказано, с апелляцией именно к норманизму, Гитлером, попытавшемуся уничтожить нашу Родину).

В силу своих мощных западнических настроений (чужебесия, по определению Ю. Крижанича) шведский взгляд на русскую историю уже свыше двухсот лет активно и всемерно проповедают отечественные учёные. Более того, став мировыми лидерами в деле грубейшего искажения родной истории, они с большим увлечением изобретали и изобретают тому многочисленные «аргументы», прямо фальсифицируют источники или интерпретируют их в угодном для себя духе. В этом плане сейчас особенно усердствуют археологи (потому как, по откровенному признанию петербургских представителей «истории, вооружённой лопатой», «неизлечимо больны норманизмом»). Причём часть из них, опираясь на мощные государственные ресурсы (выделяемые хотя бы Институту археологии РАН и Институту материальной культуры РАН), целенаправленно «воссоздаёт» ложную скандинавскую историю Руси, а с нею — и хазарскую. И все их «научные» разработки разными способами (особенно через Интернет и реконструкторов, по заказу туристического бизнеса «реконструирующих» прошлое нашей страны с созданием «поселений викингов») тут же вбрасываются в общественное сознание, включаются, посредством школьных и вузовских учебников, в образовательный процесс. Норманизм, крадя у нас наше прошлое и навязывая нам вместо Руси «Скандославию»/«Скандовизантию» и «Восточно-Европейскую Нормандию», крадёт тем самым у нас и наше будущее.

А несогласных с собой норманисты подвергают массивной и изощрённой травле, прежде всего бесстыдно и открыто глумясь над величайшим гени-

ем человечества и символом России — М.В. Ломоносовым. При этом их бесцеремонность не знает границ: в 2022–2023 гг. на президента В.В. Путина за его «дремучий антинорманизм» и «русский имперский фашизм» в варяжском вопросе (а он 20 апреля 2022 г. в беседе со школьниками усомнился в состоятельности норманской версии) обрушился на страницах «ваковского» журнала «Историческая экспертиза» К.Ю. Ерусалимский, закомплексованный, как можно понять, на ненависти к русскому и русским: к «историку-дилетанту» М.В. Ломоносову, к «фашиствующему» А.Г. Кузьмину, которому характерны «антисемитские взгляды и имперский шовинизм», к «душителю российской исторической науки» А.Н. Сахарову, к «невежественной» Л.П. Грот, не имеющей «никакого отношения к исторической науке», и к «далёкому от науки историографу» и «неучу» В.В. Фомину. Своё незнание азов варяго-русского вопроса, коим он никогда не занимался, но осознал его суть, видимо, ещё в утробе матери, этот «разбушевавшийся» российский доктор исторических наук из легиона «взвешенных» и «умеренных» демонстрирует уже тем, что наделил академика Ломоносова 1749–1750 гг. невиданной должностью — «адъюнкт-химик профессор», а профессора Г.Ф. Миллера именует «диссертантом», выставившим свою диссертацию на защиту².

Норманизм, возникнув как проявление антирусской политики (а точно по такой же причине было «рождено» в век Просвещения во Франции и «Завещание Петра Великого»), не имеет источниковой базы, и весь его «капитал» предельно точно обрисовал в 1845 г. Н.В. Савельев-Ростиславич: «Так строилась гипотеза на гипотезе, предположение на предположении, и догадки неосновательные сменялись другими ещё более неосновательными»³. Научную несостоятельность норманской версии полно и убедительно демонстрируют комплексный и междисциплинарный подход, строгий научный анализ всего круга источников — исторических (отечественных и иностранных), археологических, антропологических, нумизматических, лингвистических, генетических (в наше время особенно много сделал для развенчания её мифов замечательный историк А.Г. Кузьмин. Сегодня его дело с большим успехом продолжают, ибо это вообще-то не составляет проблем, Л.П. Грот, А.А. Клёсов, В.И. Меркулов и другие. Однако норманистские мифы очень трудно вытравляются из сознания нашего общества по причине как их давней там «прописки», так и заражённости его влиятельной научной и творческой части, находящейся в фаворе у властных структур, всё тем же западничеством).

В плане окончательного искоренения норманизма и плодотворной работы над варяго-русским вопросом, в целом истории Руси важное значение имеют следующие положения. Во-первых, если напомнить слова В.А. Пархоменко, произнесённые в 1922 г., «до-киевская и вне-киевская Русь IX–XI вв. — вот, думается, главная тема для новых изысканий по древнерусской истории» (и в этой области, которую блестяще разрабатывал А.Г. Кузьмин, предстоит сделать ещё очень многое, при этом не ограничиваясь никакими хронологическими рамками). Во-вторых, для понимания причин, приведших к образованию Русского государства, необходимо фундаментальное изучение предшествующей эпохи с целью выявления зачатков государственного бытия восточных славян, столе-

тиями вызревавших в их общинном устройстве и позволивших им самостоятельно, но при участии многих других народов с подключением затем к этому сложному и длительному процессу русов и варягов построить одно из самых мощных государств раннего Средневековья (и здесь, конечно, также хватает «целины», ошибочных и предвзятых оценок). В-третьих, польский славист А.В. Поппэ справедливо констатировал в 1968 г., что «в настоящее время, когда почти нельзя ожидать открытия новых первоисточников, роль основного орудия в углублении изучения древней русской истории выпала на долю источниковедческих изысканий»⁴ (и прежде всего профессиональное изучение Повести временных лет, которая только и должна быть главным источником по истории Руси, а не декорацией к не имеющим к нашему прошлому отношения норманистским построениям археологов и лингвистов).

В-четвёртых, археологам надо, с одной стороны, действительно научно обосновывать свои заключения как по славянским и варяго-русским древностям, так и по древностям скандинавским. Отрадно, что эту потребность начинают осознавать отечественные археологи. Так, в 2011 г. Т.А. Пушкина, ведя речь о необходимости подготовки и издания сводного каталога скандинавских древностей в Восточной Европе, подчеркнула на III Всероссийском археологическом съезде, что в первую очередь «требуется уточнение определения ключевого понятия “скандинавские древности”, поскольку существует по меньшей мере три группы находок, убедительность отнесения которых к кругу этих древностей различна. Все эти находки можно рассматривать как условно, и, безусловно, скандинавские» (а ведь так сказал специалист, сыгравший важную роль в деле пропаганды норманизма, в том числе за рубежом: в обзоре скандинавских предметов на территории Руси она говорила в 1997 и 2004 гг. в иностранных изданиях о более 650 находках оружия, ювелирных украшений и бытовых предметов, найденных в 150 пунктах и относящихся к периоду от VIII до XI века. Однако в основном это псевдоскандинавские предметы, причём лишь только малая часть из них указывает на непосредственное присутствие скандинавов на Руси и лишь только с конца X в.). К сказанному Пушкина добавила, что «каталогизация древностей североевропейского (скандинавского) круга в Восточной Европе является необходимой и в связи проблемами, возникающими при датировании многих памятников рубежа I–II тыс. н.э.»⁵.

С другой, им необходимо заниматься решением только своих прямых задач, как это чётко следует как из названия одного из ведущих российских археологических институтов, т.е. изучать материальную культуру давно минувшего, так и из заключения археолога В.П. Даркевича, прозвучавшего в 2000 г.: «Благодаря успехам отечественной археологии материальная культура домонгольского времени изучена достаточно широко. Вещеведческие, историко-архитектурные и искусствоведческие изыскания, привлечение разнообразных источников позволили достоверно воссоздать бытовой фон эпохи древних русичей, их материальное бытие. Но главы о духовной культуре оставались на периферии исследований»⁶. Здесь, конечно, не всё соответствует действительности, но содержится главное — археологические изыскания имеют побочное отношение к образованию Русского государства, а тем более к так полюбившимся нашим

археологам разговорам о скандинавском этносе варягов и руси и самом активном участии скандинавов в этом процессе. Да и общеисторического фона артефакты никак не могут создать, т. к. фон этот можно создать только с помощью объективного и всестороннего анализа всех источников (что просто не по силам археологам) и прежде всего письменных, в которых нет даже намёка на норманство варягов и руси. И которые вместе с тем в прах рассыпают классику норманистской псевдолингвистики, что слово русь образовалось из финского названия Швеции Ruotsi, т. к. фиксируют давнее, по крайней мере с IV в., пребывание русов/руси в Причерноморье.

В-пятых, как отмечал, например, в 2004 г. французский специалист по истории викингов и сторонник норманской версии Р. Буайе (а такие предостережения давно звучали в России из уст антинорманистов), «к филологии и тем сферам, где она, в принципе, применима: топонимике, антропонимике и рунологии — следует относиться с осторожностью. Нет ничего проще, чем придать какому-то слову “викингский смысл”. ... К названиям мест и именам людей следует подходить крайне осмотрительно и запретить себе всякий разгул воображения, а главное, всегда проверять, насколько древен рассматриваемый термин. ... Выводы филологического характера можно учитывать, только когда с ними согласуются другие свидетельства. В таком случае филология может даже внести ценный вклад». В-шестых, понять очень простую истину, о которой говорят антинорманисты и которую понимают западные учёные. «Ведь, — указывал тот же Буайе, — несмотря на очевидное органическое сходство, важно также не смешивать без разбору шведов, норвежцев, а после исландцев, называя их “скандинавами” или “викингами”. Они были и остались представителями разных этносов, несмотря на сравнительную похожесть языков, они имели разные интересы, их образ действия ощутимо различался, даже если судьбе было угодно в те или иные периоды объединять их историю».

Таким образом, не существовало, подытоживал Буайе, этнического единства северян, по-настоящему не было Скандинавии как единого географического целого, не существовало и исторического единства, отсюда попытка подогнать Данию, Норвегию и Швецию «под общий исторический знаменатель выглядит тщетной». Не существовало, следует добавить, и религиозного единства, т. к., констатировал в 2012 г. А.Е. Мусин, опираясь на данные зарубежных исследователей, анализ теофорных топонимов в Скандинавии указывает на бытование исключительно региональных культов: «Культе Одина не зафиксирован топонимами в Юго-Западной Швеции и Норвегии, тогда как почитание Тора, также нехарактерное для Норвегии, было присуще Швеции и Дании в целом, культ Фрейра концентрируется вокруг озера Меларен и не распространён в Дании и Норвегии, почитание Улля/Уллера известно в Средней Швеции и некоторых регионах Норвегии, но оказывается нехарактерно для Дании и т. д.»⁷.

Изложенные установки, комплексный и междисциплинарный подходы позволяют широко раздвинуть и значительно углубить рамки русской истории (а не вести разговор о ней лишь с призвания варягов), продемонстрировать, что в ней до вокняжения Владимира Святославича в 978 г. практически не было скандинавов, и, стало быть, они не имели абсолютно никакого отношения к ва-

рягам и руси, принявшим активное участие в возведении здания русской государственности. А тем самым окончательно избавиться от внушённого и нам, и нами самими комплекса неполноценности. А этот комплекс настолько ярко выражен, что его чувствовали и чувствуют иностранцы. В 1846 г. А.С. Хомяков, говоря о раболепстве своих соотечественников перед иностранцами, привёл мнение одного француза: «Станный вы народ — русские. Вы потомки великого исторического рода, а разыгрываете добровольно роль безродных найдёнышей»⁸. И нам действительно следует осознать себя потомками великого и древнего народа русов, известного в истории уже с IV в. н. э., а не шведов-«гребцов», созданных фантазией норманистов, от якобы никогда не существовавшего наименования которых *roþ(e)R мы — безродные и безымянные — переняли своё имя, ставшее затем названием Руси и России.

Примечания

- ¹ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 56.
- ² *Ерусалимский К.Ю.* Указ. соч. С. 102–115. См. критику подобных «научных» воззрений: https://vk.com/rarogdna?w=wall-38875204_4274
- ³ *Славянский сборник...* С. CLXX.
- ⁴ *Поппэ А.В.* Русские... С. 85.
- ⁵ *Мурашёва В.В.* Путь... С. 177; *Жобер А.Н.* Указ. соч. С. 250; *Пушкина Т.А.* Скандинавские... С. 90.
- ⁶ *Даркевич В.П.* «Градские... С. 640.
- ⁷ *Буайе Р.* Указ. соч. С. 7, 20–21, 57–61; *Мусин А.Е.* Скандинавское... С. 556.
- ⁸ *Хомяков А.С.* Мнение русских... С. 587, 771, прим. 18.

Указатель имён

А

Абаев В.И. *1 том* 293, *2 том* 352, 366, 369, 464
Абрамов И.С. *1 том* 406
Абрамович Д.И. *2 том* 240, 338
Авдусин Д.А. *1 том* 27, 55, 88, 119, 123, 392, 431, 434, 437, 441, 444, 448, 462, 465, 477, 482, 486, 495–497, 503, 505, 506, 510, 537, 547, 549–557, 559, 563, 565, 567, 569, 571, *2 том* 31, 47, 59, 114, 124, 303, 304, 306, 307, 345, 346, 433, 450, 455, 474, 477, 478
Агапитов В.А. *1 том* 525, 558, 637
Агеева Р.А. *1 том* 562, 639, *2 том* 354, 462
Адам Бременский *1 том* 9, 84, 292, 541, *2 том* 31, 73, 119, 121, 169, 174, 175, 251, 274, 284, 292, 298, 300, 306, 327, 335, 340, 342, 344, 345, 348, 394, 397–401, 405–407, 410, 414, 415, 420, 427, 428, 456, 457, 468–473, 478
Аделунг Ф.П. *1 том* 118, *2 том* 467
Адоуров В.Е. *1 том* 263
Адрианова-Перетц В.П. *2 том* 85, 123
Азбелев С.Н. *1 том* 539, 559, *2 том* 158, 172, 237, 238, 380, 386, 391, 452, 467, 468, 471, 477
Азов А.В. *2 том* 97, 123
Акашев Ю.Д. *1 том* 33, 116, 444, 550, *2 том* 158, 237, 249, 254, 263, 335, 336, 338, 384, 467, 468
Аксаков И.С. *1 том* 143
Аксёнов В.С. *2 том* 91, 123
Аксёнова Г.В. *2 том* 119
ал-Мас'уди *1 том* 348, 389, 458, 518, 633, 634, *2 том* 299, 357
Александров А.А. *1 том* 601, 607, 642, 643, *2 том* 173, 238
Александров А.В. *1 том* 26, 104, 125
Алексеев В.П. *2 том* 366, 438, 464, 475
Алексеев Л.В. *1 том* 489, 497, 498, 555, *2 том* 55
Алексеев М.П. *2 том* 144, 235
Алексеева Т.И. *1 том* 480, 481, 505, 553, 554, 556, *2 том* 124, 475, 477
Алешковский М.Х. *2 том* 181, 189, 198, 218, 233, 241, 242, 244, 436, 437, 439, 447, 475, 476
Алпатов М.А. *1 том* 27, 31, 32, 40, 43, 47, 69, 96, 97, 111, 116–119, 122, 124, 125, 127, 177, 216, 261, 307, 310, 440, 445, 549, 550, *2 том* 146, 234, 235, 381, 385, 466, 467
Альфред Великий *2 том* 312, 419
Амбросиани Б. *2 том* 330, 412, 420
Андерле А. *1 том* 117
Андерссон И. *1 том* 74, 122, *2 том* 337, 347

Андерссон Х. *2 том* 331

Андреев А.И. *1 том* 170, 171, 180, 215, 217, 225, 232, 307–309

Андрощук Ф.А. *1 том* 464, 468, 480, 492, 505, 552, 553, 555, 556, 580, 618, 620, 638, 640, 644, 646, *2 том* 7, 20, 28, 63, 109, 118, 119, 124, 261, 304, 308, 337, 345, 346, 477

Аникин А.Е. *1 том* 628, 645

Аннинский Л.А. *2 том* 136, 234

Антонович В.Б. *1 том* 353, 413

Анучин Д.Н. *1 том* 482, 517, 554, *2 том* 302

Араго Д.Ф. *1 том* 260

Арбман Х. *1 том* 115, 126, 458, 459, 467, 473, 474, 475, 479, 486, 487, 500, 503, 507, 551, 641, *2 том* 47, 66, 111, 121, 266, 307, 312, 313, 325, 331, 339, 346, 348, 370, 433, 436, 464, 470, 474

Арендт В.В. *2 том* 302

Аристов Н.А. *2 том* 339, 433, 474

Арне Т.Ю. *1 том* 337, 362, 378, 385, 390–394, 396, 400–402, 404, 407, 420, 421, 452, 457, 459, 461, 467, 473–475, 479, 486, 487, 496–499, 501, 503, 506, 507, 509, 568, 580, 581, 591, 608, 618, 638, *2 том* 7, 13, 46, 50, 66, 74, 80, 82, 111, 142, 302, 303, 307, 365

Арнкил Т. *1 том* 132

Арнольд Любекский *1 том* 132

Арсеньев С.В. *2 том* 453, 472, 477

Артамонов Г.А. *1 том* 2, *2 том* 478

Артамонов М.И. *1 том* 282, 313, 421, 433, 460, 461, 471, 476, 546, 551, 552, *2 том* 91, 100, 102, 104, 105, 109, 211, 244, 353, 368, 462

Артамонов Ю.А. *2 том* 133, 234, 242

Артемов А.И. *1 том* 28, 33, 37, 116, 117, 162, 215, 413, *2 том* 326, 348

Артизов А.Н. *1 том* 432

Архипов А.А. *2 том* 94, 100, 108, 123

Арциховский А.В. *1 том* 460, 464, 468, 485, 505, 551, 552, 554, 556, *2 том* 113, 124, 221, 267, 303, 306, 339, 345, 346, 425, 472, 475

ас-Са'алиби *2 том* 354, 355

Аспелин И.Р. *1 том* 403, *2 том* 265

Астахов В.И. *1 том* 118, 549

Атанов П.А. *1 том* 27

Афанасьев Г.Е. *2 том* 82, 91, 122, 123

Афиани В.Ю. *1 том* 116, 307, 425

Б

Бабенко В.А. *2 том* 82

Бабиц И.В. *1 том* 352, 428

- Бабиченко Д. *1 том* 557, *2 том* 477
Бабкин Д.С. *1 том* 309, 310, 315
Багалеи Д.И. *1 том* 26, 374, 376, 430, *2 том* 82, 206, 243, 368
Базилевич К.В. *1 том* 41, 440, 445, 550, *2 том* 216, 244
Байер Г.З. *1 том* 9, 10–12, 14, 18, 23, 26, 31–33, 35, 36, 38, 40–45, 52–57, 69, 83, 92, 94, 95, 97, 98, 100, 103, 116, 118, 120, 124, 127, 134, 138, 149, 154, 155, 157–163, 165, 167–169, 171, 172, 174, 176, 179, 182, 185, 191, 192, 194, 195, 202, 203, 205, 206, 209, 210, 212, 218, 223, 242, 258, 260, 261, 267, 269, 271, 272, 274, 277, 283, 289–291, 298, 299, 303, 309, 311–314, 317, 319, 331, 335, 341, 349, 366, 371, 401, 412, 426, 545, 554, 568, 570, 593, 623, 644, *2 том* 48, 51, 102, 120, 134, 154, 155, 168, 234, 236, 275, 288, 291, 339, 342, 363, 391, 427, 463, 467, 473
Бакланов И. *1 том* 60
Бал’ами Мухаммад *2 том* 354
Бандури А. *1 том* 32
Бантыш-Каменский Н.Н. *1 том* 120–122, 150, 214
Барац Г.М. *1 том* 340, 427, *2 том* 83, 88, 107, 108, 122, 130, 208, 224, 233, 243, 249, 335, 462
Барсов Н.П. *2 том* 139, 235, 265, 336–338
Барсуков Н.П. *1 том* 125, 425, 426, 428
Бартольд В.В. *1 том* 423, 433, 578, 640, *2 том* 296, 320, 347
Басаргина Е.Ю. *1 том* 311
Батюшков К.Н. *1 том* 338
Бауер Н.П. *1 том* 422, 433
Бахрушин С.В. *1 том* 41, 170, 172, 180, 215, 224, 270, 271, 307, 311, 435, 436, 442, 460, 549, 550, 551, *2 том* 142, 211, 235, 244
Бачинин А.Н. *1 том* 353
Башилов С.С. *2 том* 87
Беда Достопочтенный *2 том* 375, 465, 471
Беззаконов С.Н. *2 том* 123, 295–297, 344, 345, 362, 463
Бейль П. *1 том* 87
Белецкий В.Д. *2 том* 449, 477
Белецкий С.В. *1 том* 282, 283, 313, 450, 470, 552, *2 том* 109, 117, 124, 435, 436, 449, 474, 475, 477
Белинский В.Г. *1 том* 109, 125, 133, 141, 144, 150, 183, 212–214, 260, 310, 338, 339, 350, 426, 428
Белковец Л.П. *1 том* 27, 180, 181, 216
Белов А. *2 том* 263, 338
Бельский М. *1 том* 54
Белявский М.Т. *1 том* 33, 42, 116, 118, 173, 216, 217, 549
Беляев И.Д. *1 том* 337, 426, 516, 557, *2 том* 139, 202, 235, 243, 260, 337, 428, 473
Беляев Н.Т. *1 том* 404, 409, 410, 432, *2 том* 144, 155, 167, 169, 173, 176, 235, 236, 238, 239, 295, 344, 357, 394, 462, 468, 470, 473
Беневоленская Ю.Д. *2 том* 438, 475
Бенцелиус Эрик *1 том* 95
Бережков М.Н. *2 том* 272, 336, 339, 340, 429, 433, 473, 474
Березовец Д.Т. (Березовец Д.Т.) *1 том* 293, *2 том* 122, 295, 366, 464
Берелович А. *2 том* 52, 120
Беринг В.И. *1 том* 147, 252
Берков П.Н. *1 том* 149, 214
Берлин И.З. *2 том* 88
Бернев С.К. *1 том* 117
Бернекер Э. *1 том* 379
Беспярых Ю.Н. *1 том* 119, 560
Бестужев А.А. (Марлинский) *1 том* 260
Бестужев-Рюмин К.Н. *1 том* 26, 31, 32, 37, 71, 116, 117, 122, 134, 141, 142, 151, 163, 164, 180, 212–215, 261, 284, 303, 310, 313, 319, 331, 373, 425, 426, 427, 429, 449, 550, *2 том* 184–187, 205, 240, 241, 243, 323, 474
Бибииков М.В. *1 том* 522, 558, 559, 613, 643, *2 том* 49, 54, 261, 269, 276, 288, 298, 301, 337, 339, 340, 342–344, 354, 359, 462, 463
Билль Я. *1 том* 505, *2 том* 445
Бильдт К. *1 том* 20
Биллярский П.С. *1 том* 142, 155, 212–214, 217, 237, 238, 247, 307, 308, 309, 310, 314, *2 том* 186, 195, 240, 335
Биорнер Э.Ю. *1 том* 98, 112
Бирн Ф. *2 том* 70
Бирнбаум Г. *1 том* 592
Бирон Э. *1 том* 40, 166, 169
Бицилли П.М. *2 том* 142, 153, 235, 467
Блиндхейм Ш. *1 том* 441
Блок Г.П. *1 том* 131
Блондус Ф. *1 том* 132
Блюментрост Л.Л. *1 том* 271
Боборыкин Я.М. *1 том* 72
Бобров А.Г. *2 том* 64, 121
Богословский М.М. *1 том* 361
Богуславский О.И. *1 том* 490, 552, 598, 603, 642, 644
Бодуан П. *1 том* 313, *2 том* 69, 121, 312, 346
Бодянский О.М. *1 том* 26, 31, 116, 158, 214, 320, 425, *2 том* 204, 243, 249, 335, 337
Болин С. *2 том* 331

- Болтин И.Н. *1 том* 12, 13, 26, 151, 213, 214, 289, 315, *2 том* 102, 183, 240, 247, 264, 335, 376, 465
- Бондарева Е.А. *1 том* 432
- Боричевский И.П. *1 том* 292, 314, *2 том* 249
- Борковский В.И. *2 том* 339
- Боровков Д.А. *2 том* 59, 121
- Бороздин И.Н. *1 том* 392, 431, 433, *2 том* 82, 122
- Боршевич В.И. *1 том* 474, 553
- Боткин В.П. *1 том* 150
- Бото К. *2 том* 456
- Боуринг Д. *1 том* 168
- Бохарт С. *1 том* 132
- Бочков В.Н. *2 том* 48, 120, 162, 237
- Брайчевский М.Ю. *2 том* 32, 290, 343, 353, 462
- Бранденбург Н.Е. *1 том* 406, 485, *2 том* 455
- Брате Э. *1 том* 406, 531, 596, 597
- Браун И.А. *1 том* 196, 229, 241, 255
- Браун Ф.А. *1 том* 18, 26, 28, 37, 45, 56, 111, 114, 118, 120, 125, 126, 164, 327, 335, 339, 353, 381, 382, 384, 390, 404, 406–408, 413, 426, 430–432, 439, 452, 628, *2 том* 35, 82, 119, 122, 161, 180, 211, 237, 240, 244, 278, 282, 284, 285, 288, 292, 320, 328, 340–343, 347, 348
- Бреннер Х. *1 том* 54, 93, 94
- Бречкевич М.В. *2 том* 405
- Брим В.А. *1 том* 399, 402, 403, 409, 413, 416, 419, 432, 439, 441, 523, 530, 558, *2 том* 77, 265, 266, 289, 338, 339, 343, 433, 470, 474
- Бринг В. *1 том* 13, 34, 109
- Бриэ Ф. *1 том* 10, 96, 110, *2 том* 388
- Брокгауз Ф.А. *1 том* 18, 105
- Брусилов Н. *1 том* 323, 324, 425, *2 том* 184, 240, 351, 462
- Бруцкус Ю.Д. *2 том* 84, 104
- Брэндстед Ю. *2 том* 175
- Брюкнер А. *1 том* 454, 526, *2 том* 161, 330
- Буайе Р. *1 том* 111, 112, 126, 313, 468, 472, 473, 483, 489, 517, 552, 553, 555, 557, 618, 641, 644, *2 том* 68, 121, 321, 342, 345, 346, 348, 349, 470, 482, 484
- Буганов В.И. *2 том* 245
- Бугге С. *1 том* 413
- Будилович А.С. *1 том* 384
- Будовниц И.У. *2 том* 132, 134, 234
- Бузескул В.П. *1 том* 32, 116
- Буланин Д.М. *1 том* 574, 639
- Булгарин Ф.В. *1 том* 327
- Буле И.Г. *1 том* 155, 323
- Булич Н.Н. *1 том* 33, 116, 144–147, 151, 213, 303
- Булкин В.А. *1 том* 27, 439, 450, 472, 474, 475, 477, 482, 489, 496, 508, 511, 513, 526, 550, 552–558, 604, 627, 643, 645, *2 том* 12, 33, 41, 113, 119, 120, 124, 304, 345, 411, 470
- Бунин И.А. *1 том* 478
- Бурачёк С.А. *1 том* 355, 428, 642, *2 том* 315, 347, 375, 465
- Бургаев Г. *1 том* 241
- Буре Ю. *1 том* 53, 54, 85
- Буссов К. *1 том* 47, 118
- Бутков П.Г. *1 том* 117, 118, 120, 122, 214, 280, 281, 312, 345, 346, 425–430, *2 том* 139, 169, 175, 235, 238, 340, 474
- Бутурлин В.И. *1 том* 60
- Бухарин Н.И. *1 том* 400
- Бухгольц С. *2 том* 390
- Бушуев С.В. *1 том* 444, 550, *2 том* 234
- Быкова Т.А. *1 том* 137, 213
- Бычкова М.Е. *2 том* 379, 466
- Бьюри А. *1 том* 390
- Бэр М.И. *1 том* 98, *2 том* 390
- Бюльфингер Г.Б. *1 том* 291
- Бюшинг А.Ф. *1 том* 198
- В**
- Вавилов С.И. *1 том* 196, *2 том* 85
- Вайан А. *2 том* 372
- Вайссель М. *1 том* 132
- Валеев Г.К. *1 том* 522, 524, 558
- Валлин Г. *1 том* 10, 98
- Вандалковская М.Г. *1 том* 404, 432
- Васильев А.А. *2 том* 319, 337, 338, 347, 358
- Васильев В.Л. *1 том* 312, *2 том* 38, 120
- Васильев М.А. *2 том* 101, 123
- Васильева Н.И. *1 том* 55, 119
- Васильевский В.Г. *1 том* 18, 278, 293, 312, 381, 383, 430, 522, *2 том* 265, 275, 285, 338, 340, 342, 357, 358, 371, 377, 462, 466
- Ващенко Э.Д. *2 том* 122
- Введенский А.М. *2 том* 46, 120, 121
- Введенский Р.М. *2 том* 242
- Ведюшкина И.В. *1 том* 580, 583, 640
- Вейнхолд К. *2 том* 318
- Вейтбрехт И. *1 том* 146, 220, 271
- Велецкая Н.Н. *1 том* 483, 517, 554, 557, 630, 645
- Величко С.В. *2 том* 383, 467
- Вельтман А.Ф. *1 том* 338, *2 том* 116
- Венелин Ю.И. *1 том* 10, 26, 31, 33, 36, 45, 116–118, 144, 157–159, 210, 215, 218, 268, 311, 319, 332, 339, 341, 344, 345, 347, 348, 351, 358, 425–428, 443, 526, *2 том* 72, 249, 335, 375, 392, 465, 468
- Веревкин М.И. *1 том* 199, 217

- Верелий О. *1 том* 51, 83, 85, 86, 484
Вернадский Г.В. *1 том* 108, 125, 293, 345, 409, 411, 417, 418, 432, 433, 440, 550, *2 том* 83, 122, 135, 144, 155, 170, 176, 234, 235, 236, 238, 239, 294, 323, 344, 357–359, 366, 372, 462–465
Веселовский А.Н. *2 том* 452
Веселовский С.Б. *2 том* 48, 120, 162, 237, 377, 466
Вестберг Ф.Ф. *1 том* 389, 422, 431, 629, 645, *2 том* 94, 130, 233, 355, 368, 370, 462, 468
Видадь-Накэ П. *1 том* 87, 123
Видекинд Ю. *1 том* 50–52, 55–57, 59, 64, 65, 71, 73, 75, 83, 110, 119
Видукинд Корвейский *2 том* 145, 153, 224, 234, 474
Вилинбахов В.Б. *1 том* 21, 27, 445, 457, 493, 510, 526, 534, 535, 537, 538, 551, 555, 558, 559, 565, 570, *2 том* 387, 395, 414, 441, 467–471, 473, 475, 477
Виноградов Д.И. *1 том* 188, 266, *2 том* 250
Винсгейм Х.Н. *1 том* 202, 220, 226, 237, 241, 243, 300
Винтер Э. *1 том* 44, 118, 175, 216
Виппер Р.Ю. *1 том* 111, 114, 126, 550, *2 том* 248, 319, 335, 347
Владимирский-Буданов М.Ф. *2 том* 264, 351
Вовина-Лебедева В.Г. *1 том* 506, 556, 597, 642, *2 том* 52, 120, 157, 236, 245, 283, 341
Водов В.А. *2 том* 340
Водолазкин Е.Г. *2 том* 270, 339
Возгрин В.Е. *1 том* 119, 548, 560
Войтович Л.В. *1 том* 566, 571, 596, 639, 642, *2 том* 60, 64, 121, 174, 176, 239
Войцехович М.В. *1 том* 151, 152, 154, 214
Волков В.А. *1 том* 2, *2 том* 340
Волковицкий А.И. *1 том* 495, 555, 622, 644, *2 том* 437, 475, 477
Волконский С. *1 том* 269, 311
Володина Т.А. *1 том* 184, 185, 216
Вольтер Ф.М. *1 том* 88, 103, 209, 257, 297, 302, 314, *2 том* 269
Вольф Х. *1 том* 255, 263, 264
Воронин Н.Н. *2 том* 437
Воронцов М.И. *1 том* 199, 200, 255, 266
Воронятов С.В. *1 том* 23, 29, 363, 429, *2 том* 35, 37, 71, 119, 121, 296, 344
Вульфстан *2 том* 419
Вышегородцев В.И. *2 том* 467
- Г
- Гадло А.В. *1 том* 27, *2 том* 462
- Гайдуков П.Г. *1 том* 600, 642, 643, *2 том* 448, 475, 476
Галкина Е.С. *1 том* 294, 431, 560, 590, 641, *2 том* 92, 106, 122–124, 245, 295, 343, 344, 355, 357–359, 362, 369, 462–465, 477
Галушка Л. *2 том* 478
Гаммер Й. *1 том* 158
Ганина Н.А. *2 том* 115, 125, 400, 469, 470, 478
Гарипзанов И. *2 том* 293
Гаркави А.Я. *1 том* 24, 633, 645, *2 том* 355, 370, 462, 464
Гарткнох Х. *1 том* 294, *2 том* 427
Гаттерер И.К. *1 том* 250, 261
Гваньини А. *1 том* 8, 47, 51
Гебгарди Л.А. *2 том* 115
Гебенштрейт И.Х. *1 том* 198, 241, 243
Гегель Г.В.Ф. *1 том* 108, 125
Гедеонов С.А. (Сергей Александрович) *1 том* 327, 336
Гедеонов С.А. (Степан Александрович) *1 том* 22, 24, 27, 56, 57, 163–165, 167, 210, 215, 218, 284, 285, 288, 313, 327, 332–335, 339, 345, 349, 350, 352–354, 359, 362–376, 378, 384, 387, 404, 409, 411, 413, 425–430, 451, 483, 516, *2 том* 28, 49, 58, 59, 64, 117, 119, 139, 166, 167, 177, 179, 180, 201, 232, 235, 238–240, 243, 245, 246, 250, 253, 268, 275, 281, 282, 285–287, 291–293, 297, 315, 317, 318, 320, 322, 326, 327, 336–344, 347, 348, 371, 380, 395, 405, 422, 429, 440, 465, 466, 468, 471–473, 475, 477, 479, 484
Гейер А. *1 том* 500
Гейер Э.Г. *1 том* 111, 112
Гейман В.Г. *1 том* 119, 120, 121, *2 том* 339
Гельмольд из Босау *1 том* 557, *2 том* 335, 462, 468–471
Генкель И.Ф. *1 том* 264, 266
Генрих Латвийский *1 том* 293, 314, *2 том* 439, 474, 475
Географ Ровенский *1 том* 292
Герасименко Г.А. *1 том* 32, 116
Герберштейн С. *1 том* 8, 9, 10, 12, 41, 47, 48, 51, 52, 54, 57, 93, 96–98, 119, 124, 291, *2 том* 202, 205, 373, 385, 387, 391, 417, 465, 467, 468, 471
Герд А.С. *1 том* 627, 645
Германн И. (Херрман Й.) *1 том* 471, 518, 552, 557, *2 том* 345, 395, 396, 399, 401, 408, 409, 414, 418–420, 422, 423, 445, 448, 458, 468–476
Германн П. *2 том* 330
Герхард И. *1 том* 79
Гершель Ф.В. *1 том* 260
Герье В.И. *2 том* 463, 468

- Гизебрехт Л. 2 том 404
Гизель И. 2 том 254
Гильфердинг А.Ф. 1 том 210, 218, 432, 2 том 176, 239, 251, 292, 306, 335, 343, 345, 396, 398, 400, 405, 409–412, 416, 418, 419, 431, 468–473, 477, 478
Гиммлер Г. 1 том 38
Гимон Т.В. 1 том 218, 2 том 55, 198, 199, 242, 245
Гиппинг А.И. 1 том 120, 2 том 280, 341
Гиппиус А.А. 1 том 607, 643, 2 том 196, 198, 199, 242, 245
Гислонис Я. 1 том 89
Гитлер А. 1 том 19, 21, 38, 39, 404, 2 том 479
Глазырина Г.В. 1 том 115, 488, 522, 554, 558, 599, 601, 630, 637, 642, 645, 2 том 42, 150, 283, 284, 285, 341, 342, 349
Гларке Х. 2 том 330, 412, 420
Глинка Ф.Н. 1 том 338
Глюк Э. 1 том 44
Гмелин И.Г. 1 том 129, 136, 146, 164, 197, 199, 212, 222, 225, 252, 255, 271
Гоголь Н.В. 2 том 259, 337
Голб Н. 1 том 643, 2 том 96, 98, 106, 123
Голдина Е.В. 1 том 555, 2 том 426
Голдина Р.Д. 1 том 555, 2 том 426, 473
Голеневский И.К. 1 том 138
Голицын А.М. 1 том 300
Голлман Г.Ф. 1 том 121, 157, 214, 349, 354, 427, 428, 2 том 169, 238
Головачёв Г.Ф. 1 том 26, 213, 310
Головнёв А.В. 1 том 191, 217, 219, 492, 2 том 43, 120
Голубева Л.А. 1 том 602, 642, 2 том 33
Голубинский Е.Е. 1 том 114, 126, 293, 382, 383, 430, 2 том 200, 229, 242, 260, 261, 337, 338, 357, 358, 362, 365, 371, 462, 464, 465
Голубовская Н.П. 2 том 265, 338
Голубцов И.И. 1 том 225, 227, 229, 230, 232
Гольбах П. 1 том 140
Гольдбах Х. 1 том 184, 220
Гольдберг А.Л. 2 том 379, 381, 466, 467
Гольдельман (Богачек) М. 2 том 96, 102
Гольден П.Б. 1 том 589
Гонно П. 1 том 580, 640, 2 том 66, 97, 121, 123, 248, 335, 339
Гончарова Н.Н. 2 том 475
Горбунова Н.Г. 1 том 555
Горелова С.И. 1 том 315, 432
Горланов А.П. 1 том 243
Горн Э. 1 том 51, 62, 65, 71–73, 77, 78
Городецкий Е.Н. 1 том 442
Городинская Р.Б. 1 том 137, 213
Городцов В.А. 1 том 406, 408
Горский А.А. 1 том 19, 28, 111, 115, 125, 126, 195, 217, 306, 315, 533, 559, 564, 570, 593, 620, 633, 639, 641, 643–645, 2 том 73, 102, 121, 123, 174, 197, 224, 227, 239, 242, 245, 268, 293, 301, 318, 339, 343, 345, 347, 359, 361, 375, 428, 442, 463, 465, 473, 475
Горькова (Исакова) Л.В. см. Исакова (Горькова) Л.В.
Горюнова В.М. 1 том 640, 641, 2 том 118, 119, 239, 347, 414, 423, 448, 450, 451, 471–474, 476, 477
Горюнова Е.И. 1 том 469
Готье Ю.В. 1 том 114, 126, 172, 353, 391, 393, 394, 400–403, 428, 431, 432, 517, 557, 2 том 82
Гофман П. 1 том 33, 116, 175, 216
Грабарь В.Э. 1 том 216
Гранвиль А. 1 том 168
Грановский Т.Н. 1 том 109, 2 том 404, 420, 472
Грацианский Н.П. 2 том 335, 398, 469–471, 473
Грбек И. 1 том 538, 539, 2 том 412
Грегуар А. 1 том 456, 2 том 358, 359
Греков Б.Д. 1 том 172, 309, 437, 439–442, 461, 514, 546, 549–551, 557, 2 том 130, 144, 170, 191, 211, 213, 233, 235, 238, 241, 244, 353, 462
Гретсер Я. 1 том 10
Грибоедов А.С. 1 том 317
Григорьев А.В. 2 том 18
Григорьев В.В. 1 том 110, 125, 2 том 356, 462
Григорьев С.Г. 2 том 469
Гримберг К. 1 том 58, 59
Гримм Я. 1 том 516, 518
Гринёв Н.Н. 1 том 522, 558, 2 том 154, 158, 159, 181, 221, 236, 237, 240
Гроздилов Г.П. 1 том 491
Грот Л.П. 1 том 27, 45, 49, 51, 52, 54, 80–82, 84–90, 92–95, 113, 118, 119, 121, 123–126, 435, 549, 554, 555, 564, 590, 597, 626, 641, 642, 645, 2 том 41, 70, 74, 118, 120, 121, 150, 164, 168, 175, 178, 179, 236–240, 291, 295, 331, 343, 344, 346, 347, 349, 392, 417, 426, 452, 457, 465–469, 471, 473, 477, 478, 480
Грот Я.К. 1 том 133, 134, 163, 194, 212, 215, 217, 262, 309, 310, 345, 427, 2 том 248, 335, 421, 472
Грушевский М.С. (Грушевский М.С.) 1 том 346, 350, 427, 507, 2 том 81, 206, 243
Грэслунд А.-С. 1 том 479, 2 том 411, 420, 445
Гумилёв Л.Н. 1 том 537, 547, 559, 560, 2 том 102, 104, 105, 106, 123, 134, 174, 234, 294, 344
Гурвич Д.М. 1 том 118, 125, 173, 216, 549

- Гуревич А.Я. *1 том* 446, 487, 489, *2 том* 244, 411, 470
Гуревич М.М. *1 том* 309
Гуревич Ф.Д. *1 том* 487, 489, 554
Гурьянов В.Н. *1 том* 516, 557, 645
Гюйссен Г. *1 том* 44
Гюнтер И.Х. *1 том* 226
- Д**
Давидан О.И. *1 том* 469, 493, 494, 495, 515, 546, 555, *2 том* 304, 345, 423, 445, 472, 476
Давыдова Г.М. *2 том* 438, 475
Далин О. *1 том* 11, 13, 82, 83, 99–102, 105, 106, 115, 120, 123–125, 157, 191, 259, 274, 276, 316, 326, 336, 391, 425, 426, 430, 580, 609, *2 том* 14, 48, 176, 350, 462
Дандоло Г. *1 том* 222, *2 том* 275
Данилевский И.Н. *1 том* 19, 28, 127, 212, 550, 629, 645, *2 том* 147, 155, 172, 178, 224, 235–239, 245, 248, 335
Данилов А.А. *1 том* 43, 118
Даниэль Юрта де Гульфред *1 том* 57, 63
Данлоп Д.М. *2 том* 84, 91
Даркевич В.П. *1 том* 508, 509, 552, 557, 578, 604, 605, 640, 643, *2 том* 55, 70, 121, 304, 345, 433, 474, 478, 481, 484
Дахриц К. *1 том* 255
Дворник Ф. *2 том* 371
Дворниченко А.Ю. *1 том* 33, 116, 190, 217, 446, 550, 564, 570, 639, *2 том* 71, 109, 121, 124, 334
Делагарди Я.П. *1 том* 46, 51, 58–60, 62, 65, 73, 78, *2 том* 279
Делиль Ж.Н. *1 том* 201, 250, 251, 265
Делиус К.Г. *1 том* 88, 102
Денерт И.К. *1 том* 101, 102
Деникин А.И. *1 том* 352
Державин Н.С. *1 том* 428, 566, *2 том* 469
Дернович С.Д. *2 том* 11, 118
Дециус И.О. *1 том* 53
Дешелетт Ж. *1 том* 484
Джаксон Т.Н. *1 том* 33, 115, 116, 126, 182, 216, 281, 282, 298, 310–314, 393, 426, 431, 463, 476, 477, 488, 522, 535, 536, 552–554, 558, 559, 576, 591, 599, 601, 609, 614, 616, 626, 637, 640–645, *2 том* 10, 20, 38, 42, 54, 118–120, 177, 239, 282, 284, 310, 322, 339, 341, 342, 345, 346, 348, 421, 427, 429, 433, 472–474
Джонс Г. *1 том* 313, 424, 433, 461, 479, 489, 518, 532, 551, 553, 555, 557, 559, 575, 586, 588, 594, 610, 623, 639, 641, 644, *2 том* 160, 237, 261, 311, 314, 315, 337, 342, 343, 346, 347, 375, 405, 411, 456, 465, 469, 470, 478
Джонсон С. *1 том* 142
Дидро Д. *1 том* 95, 103
Дитяткин Д.Г. *1 том* 27, 429, *2 том* 120
Длугош Я. *2 том* 202, 205, 215
Дмитриев Л.А. *2 том* 382
Дмитриева Р.П. *2 том* 379, 381, 466
Дмитриевский И.А. *1 том* 138
Добровольская М.В. *2 том* 457
Добровольский И.Г. *1 том* 558, 643, *2 том* 477
Добролюбов Н.А. *1 том* 144, 213
Довнар-Запольский М.В. *1 том* 330, 430, *2 том* 305, 345
Доннерт Э. *2 том* 412, 470, 471
Дорофеева Т.С. *2 том* 58, 118, 121
Дрбоглав Д.А. *2 том* 346
Дрейер М. *1 том* 441, 467
Дробинский А.И. *1 том* 312, *2 том* 344, 469, 477
Дубашинский А.В. *2 том* 442, 446, 475, 476
Дубов И.В. *1 том* 27, 115, 126, 431, 439, 450, 463, 470, 472, 474, 475, 477, 482, 489, 504, 508, 509, 511, 513, 515, 520, 526, 529, 530, 547, 550, 552–559, 578, 602, 627, 642, 643, *2 том* 12, 41, 111, 113, 120, 124, 146, 154, 160, 172, 221, 235–239, 244, 304, 345, 411, 414, 421, 444, 470, 472, 474–477
Дубровский С.М. *1 том* 550
Дуйзинг Ю.Г. *1 том* 264
Дук Д.В. *1 том* 470, 552
Думин С.В. *1 том* 445, 533, 550, 559, *2 том* 136, 155, 234, 236, 379, 466
Дурич Ф. *1 том* 289
Дурновцев В.А. *1 том* 353
Дурновцев В.И. *1 том* 215, 428
Дучко В. *1 том* 552, *2 том* 304, 309
Дьяконов А.П. *2 том* 352, 354, 462
Дюре К. *1 том* 10, 97, *2 том* 388
Дёмин А.С. *2 том* 248
Дёмина Л.И. *1 том* 432
- Е**
Егоров Д.Н. *2 том* 405
Елагин И.П. *1 том* 138, 139, 149, 150, 213, 278, 312, *2 том* 240, 335
Елифёрова М.В. *2 том* 9, 118
Енин Г.П. *1 том* 120, *2 том* 280, 340, 341
Ениосова Н.В. *1 том* 498, 501, 555, 556, 580, 640, *2 том* 18, 24, 32, 118, 119, 451, 477
Епифанов П.П. *2 том* 192
Еремеев И.И. *1 том* 604, 643, *2 том* 7, 24, 26, 30, 118, 119, 443, 449, 476
Ермолаева М.А. *1 том* 311

Ерёмин И.П. *2 том* 135, 147, 234, 235, 260, 337, 338, 379, 466
 Есаков В.А. *2 том* 342
 Ефрон И.А. *1 том* 18, 105

Ж

Жак Я. *2 том* 419
 Жарнов Ю.Э. *1 том* 497, 503–506, 553, 556, 581, 497, 503, 504, *2 том* 13, 24, 31, 33, 114, 124, 289, 308, 346, 472, 476
 Жвиташвили Ю.Б. *1 том* 26, 640, 641, 642, 645, *2 том* 235, 239, 335, 343, 472
 Жданов И.Н. *2 том* 337, 379, 466
 Живов В.М. *2 том* 344, 372, 465
 Житомирская С.В. *1 том* 428
 Жих М.И. *1 том* 560, *2 том* 123, 295, 296, 297, 327, 344, 345, 348, 354, 362, 366, 462–464, 468, 471
 Жобер А.Н. *1 том* 581, 640, *2 том* 311, 312, 346, 484
 Жур К.В. *2 том* 457, 478

З

Забелин И.Е. *1 том* 24, 26, 28, 36, 38, 109, 117, 125, 165, 215, 340, 350, 351, 358, 360, 371, 374, 376, 378, 385, 401, 425, 427–430, 566, 569, 571, *2 том* 139, 185, 201, 235, 240, 243, 255, 289, 336–338, 343, 374, 375, 378, 409, 412, 413, 416, 465, 466, 470, 471, 473
 Заборов М.А. *2 том* 340, 345
 Завитневич В.З. *1 том* 383, 384, 430, *2 том* 203, 206, 243, 298, 344
 Завьялов В.И. *2 том* 27, 119
 Загоскин М.Н. *1 том* 338
 Загоскин Н.П. *1 том* 26, 31, 116, 335, 340, 352, 371, 378, 426–429, *2 том* 249, 253, 294, 322, 335, 336, 338, 343, 348, 404, 469
 Заичкин И.А. *2 том* 234
 Зайцева Л.В. *2 том* 346
 Зализняк А.А. *2 том* 272, 340, 440, 448, 475, 476
 Замысловский Е.Е. *1 том* 124
 Замятин Г.А. *1 том* 60, 69, 120, 122
 Захаров С.Д. *1 том* 578, 640, *2 том* 23, 33, 119
 Заходер Б.Н. *1 том* 634
 Зеленин Д.К. *2 том* 439, 474, 475
 Зиборов В.К. *1 том* 626, 645, *2 том* 239, 245
 Зимек Р. *1 том* 111, 126, *2 том* 348
 Зимин А.А. *1 том* 534, 559, *2 том* 264, 379, 380, 466
 Зиновьев А.З. *1 том* 26, 31, 116, 141, 157, 213, 214
 Зинчук Я.П. *2 том* 400, 412, 413, 469, 471, 474

Зозуля С.С. *2 том* 22, 55
 Зонару И. *1 том* 132
 Зорин А.В. *2 том* 16, 97, 118, 123, 124, 296, 344
 Зоценко В.Н. *1 том* 492, 505, 519, 553, 555, 556, 558, 618–620, 644, *2 том* 25, 28, 63, 109, 119, 124, 308, 309, 345, 346, 477
 Зубарев Ф. *1 том* 26, 142, 213
 Зуев В.Ю. *1 том* 610, 643
 Зутис Я.Я. *1 том* 641

И

Ибн Са'ид ал-Магриби *2 том* 355, 363
 Ибн Хордадбех *1 том* 389, 458, 459, *2 том* 15, 43, 46, 49, 305, 370, 464
 Ибрахим ибн Йа'куб ал-Исра'или *1 том* 389, *2 том* 394, 408
 Ивакин И.М. *2 том* 318, 347
 Иванников Д.А. *1 том* 27
 Иванов В.В. *2 том* 110, 124, 163, 237
 Иванов К. *1 том* 565, 628, 639, 641, 645
 Иванов Н.А. *1 том* 36, 117, 159, 161, 215, 293, 355, 381, 428, *2 том* 365
 Иванов С.А. *1 том* 546
 Иванова Т.А. *2 том* 371, 462, 465
 Игнатъев А.А. *1 том* 391, 431
 Иголкин С. *1 том* 73
 Иеродиакон Никон (Лысенко) *2 том* 464
 Измайлов И. *1 том* 556, 629, 642, 645, *2 том* 425, 472
 Иконников В.С. *1 том* 26, 33, 36, 116, 117, 151, 166, 212, 214, 215, 261, 310, *2 том* 261, 337
 Илизаров С.С. *1 том* 103, 125, 128, 183, 196, 210, 212, 216, 217, 307, 310
 Иллерицкий В.Е. *1 том* 437, 549
 Иловайский Д.И. *1 том* 28, 69, 122, 293, 339, 349, 375, 376, 379, 380, 385, 387, 388, 401, 412, 426–431, 437, 450, 466, 562, 566, 567, 633, 645, *2 том* 83, 130, 140, 187, 188, 201, 204, 214, 229, 233, 235, 239, 240, 241, 243, 249, 264, 268, 282, 287–289, 293, 298, 326, 335, 338, 339, 341–344, 348, 356, 362, 365, 432, 464, 474
 Ильин И.А. *1 том* 438, 549
 Ильина Н.Н. *1 том* 116, 126, 210, 218, 393, 431, *2 том* 249, 335
 Ильинский Г.А. *1 том* 379, 430, *2 том* 94, 130, 212, 233, 244, 328, 348, 371
 Инар А. *1 том* 251
 Иов О.В. *1 том* 601, 642
 Иордан *1 том* 290, 294, *2 том* 14, 102, 352, 353, 357, 368, 383, 459, 462, 467
 Ире Ю. *1 том* 11, 325, 332, 369
 Исаевич Я.Д. *2 том* 347

Исакова (Горькова) Л.В. *1 том* 27, 28, *2 том* 122

Исламова И.В. *2 том* 9

Истрин В.М. *1 том* 399, 432, *2 том* 120, 127, 233, 268, 339

Й

Йовий П. *1 том* 53

К

Кавелин К.Д. *1 том* 377, 342, 426, 427

Казаков А.В. *2 том* 114

Казаков В.Н. *2 том* 346

Казакова Н.А. *2 том* 337, 390, 467

Казанский П.С. *2 том* 186, 195, 240

Каинов С.Ю. *1 том* 505, 552, 556, 613, 634, 643, 646, *2 том* 6, 33, 118, 119, 304, 345

Кайданов И. *1 том* 324, 425, *2 том* 319, 347

Калайдович К.Ф. *2 том* 243

Калинина Т.М. *1 том* 27, 417, 431, 432, 516, 631, 645, *2 том* 48, 302, 305, 370, 464

Каллмер Й. *1 том* 494

Каменецкая Е.В. *1 том* 29, *2 том* 349, 477

Каменский А.Б. *1 том* 196, 216, 217, 230, 307, 309

Кан А.С. *1 том* 65, 83, 445, 476, 477, 550, 553, 561, 581, 595, 639, 640, 642, *2 том* 136, 234, 314, 321, 346, 347

Каплан Ф. *2 том* 84

Карамзин Н.М. *1 том* 41, 56, 71, 105, 110, 117, 122, 125, 143, 157, 179, 180, 214, 269, 278, 280, 290, 292, 293, 311, 312, 314, 425, 427, 558, *2 том* 48, 49, 84, 85, 102, 110, 115, 120, 122–124, 137, 138, 162, 168, 179, 200, 201–203, 233, 234, 237, 238, 240, 243, 249, 253, 264, 292, 329, 332, 335, 338, 339, 343, 349, 364, 382, 392, 456, 463, 464, 466, 468, 473, 474, 478

Каратеев М.Д. *1 том* 19, 28, 438, 635

Каратовская В.В. *1 том* 27

Каргер М.К. *1 том* 461, 502, 551, 556, *2 том* 475

Карнап-Борнхайм К. *2 том* 471

Карнаухов Д.В. *2 том* 385

Карпеев Э.П. *1 том* 127, 128, 185, 190, 191, 197–199, 212, 217, *2 том* 135

Карпенко А.А. *1 том* 27, 560

Карпов С.П. *2 том* 51, 120, 321, 347, 350, 462

Карсанов А.Н. *2 том* 352, 462

Карташёв А.В. *1 том* 120, *2 том* 269, 339, 357, 358, 462, 465, 473

Касиков А. *2 том* 172

Касиков Х. *2 том* 172

Кацва Л.А. *2 том* 157, 236

Каченовский М.Т. *1 том* 158, 159, 214, 215, 358, 428, *2 том* 188, 204, 241, 335, 336, 404

Каштанов С.М. *1 том* 218

Кедрин Г. *1 том* 132, 265, 624, *2 том* 276, 285, 363

Кеневич В.Ф. *1 том* 131

Кизеветтер А.А. *1 том* 361

Киприан *1 том* 51, 52, 55–57, 62, 63, 67–69, 71, 72, 91

Киреевский П.В. *1 том* 351

Кириллин В.А. *2 том* 337

Кирпичников А.Н. *1 том* 115, 120, 122, 126, 463, 467, 468, 471, 474, 480, 482, 485, 489–491, 494, 495, 501, 507–509, 511, 513, 520, 529, 530, 552–560, 569, 578, 594, 598, 606, 617, 621, 626, 627, 634, 635, 641–645, *2 том* 8, 12, 18, 19, 29, 30, 41, 42, 54, 56, 59, 111, 113, 117–120, 124, 135, 136, 146, 154, 160, 164, 166, 172–174, 176, 221, 222, 234–239, 244, 245, 248, 303, 304, 306, 315, 321, 323, 335, 343, 345–348, 370, 411, 414, 421, 423, 424, 426, 428, 436, 442, 444, 446, 464, 470, 472–478

Кистеров С.Н. *2 том* 111, 124

Кладо Т.Н. *1 том* 309

Кланица З. *2 том* 478

Класен Е.И. *1 том* 36, 107, 117, 125, 295, 314, 355, 426, 428, *2 том* 249, 335, 337, 351, 462

Клейбер Б.А. *1 том* 558, 627, 645, 524, 551, *2 том* 45

Клейн Л.С. *1 том* 555–557, 563, 565, 566, 568, 570–572, 576, 579, 621, 639, 640, 644, *2 том* 6, 10, 19, 31, 71, 117–119, 121, 125, 165, 238, 304, 306, 311, 324, 327, 329, 345, 346, 348, 349, 361, 465

Клейненберг И.Э. *1 том* 521, 558, *2 том* 177, 239, 383, 467

Клейнфельд М. *1 том* 241, 243

Клингенштерн С. *1 том* 222

Клиндт-Йенсен О. *1 том* 461

Клосс Б.М. *1 том* 310, *2 том* 192, 198, 199, 241, 242, 277, 465

Клювер Г.Г. *2 том* 390

Ключевский В.О. *1 том* 18, 24, 26, 28, 29, 31, 33, 36, 111, 114, 116, 117, 125, 126, 141, 149, 151, 154, 166, 169, 183, 213–217, 290, 293, 301, 311, 314, 315, 333, 361, 363, 371, 398, 427, 429, 457, 461, 549, 551, 558, 561, 641, *2 том* 81, 108, 122, 129, 162, 185–187, 201, 203, 212, 233, 237, 240, 241, 243, 244, 267, 280, 320, 328, 341, 347, 348, 365, 376, 464, 465

Кляшторный С.Г. *1 том* 590, 641, *2 том* 97, 123

- Клёсов А.А. *1 том* 118, 119, 123, 554, 555, 641, 642, 645, *2 том* 120, 121, 238–240, 314, 343, 344, 346, 347, 349, 458, 473, 478, 480
Князев Г.А. *1 том* 170, 184, 196, 215, 307
Кобзарева Е.И. *1 том* 57, 60, 72, 77, 120–123
Ковалевский А.П. *1 том* 388, 431, 518
Ковалевский С.Д. *1 том* 549, 641, *2 том* 273, 340, 347, 472
Коваленко В.П. *1 том* 113, 126, 615, 644, *2 том* 11, 118
Коваленко Г.М. *1 том* 23, 29, 32, 47, 53, 59, 69, 70, 107, 116, 118–125, 305, 315, 580, 640, *2 том* 49, 120, 227, 245, 279, 280, 341
Ковалёв Б.Н. *1 том* 117
Ковалёв Г.Ф. *2 том* 254, 336
Кожин В.В. *1 том* 564, 565, 639, *2 том* 103, 105, 106, 123
Козак Д.Н. *1 том* 553
Козинцев А.Г. *2 том* 477
Козлов В.И. *1 том* 499, 555
Козлов В.П. *1 том* 189, 190, 217, 425
Козляков В.Н. *1 том* 70, 122
Козьма Пражский *1 том* 641
Колиненко Ю.В. *1 том* 27, *2 том* 106, 124
Колтырин С.А. *1 том* 430, *2 том* 468
Колчин Б.А. *2 том* 303, 304, 345
Комар А.В. *1 том* 468, 476, 498, 507, 552, 553, 555, 556, 616, 644, *2 том* 8, 25, 28, 35–37, 100, 114, 118, 119, 123, 124, 304, 308, 345, 346, 454, 477
Кондаков Н.П. *1 том* 379, 401, 413, 430, *2 том* 113, 124, 302, 345
Кондратович К.А. *1 том* 222, *2 том* 155
Конецкий В.Я. *1 том* 598, 600, 601, 602, 642, 644, 598, 600–602, 642, *2 том* 448, 474, 476
Коновалова И.Г. *1 том* 629, 645, *2 том* 106, 123, 293, 301, 343, 354, 363, 395, 462, 463
Константин Багрянородный *1 том* 387, 389, 390, 483, 543, 558, 559, 612, *2 том* 120, 121, 237, 343, 346, 347
Конюшая Р.П. *1 том* 549
Копанева Н.П. *1 том* 311
Копелевич Ю.Х. *1 том* 183, 216
Корзухина Г.Ф. *1 том* 462, 469, 471, 489–492, 515, 551, 552, 555, *2 том* 7, 13, 59, 118, 124, 172, 308, 346, 447
Коровин Г.М. *1 том* 32, 116, 190, 216, 217
Королюк В.Д. *2 том* 399, 400, 469, 473
Королёв А.С. *1 том* 27, *2 том* 464
Королёва Э.В. *2 том* 22, 119
Короткевич Б.С. *1 том* 495, 555, 622, 644, *2 том* 437, 475, 477
Корф И.А. *1 том* 188, 263, 296
Корф С.А. *1 том* 389, 431, *2 том* 141, 160, 235, 237, 351, 462
Корш Ф.Е. *1 том* 406, 432
Коссен Н. *1 том* 266
Костомаров Н.И. *1 том* 18, 27, 37, 117, 120, 329, 340, 345, 353, 358, 364, 371, 374, 376, 377, 427, 429, 430, 449, 551, *2 том* 140, 185, 188, 201, 203, 204, 206, 235, 240, 241, 243, 282, 337, 338
Котляр Н.Ф. *1 том* 22, 29, 43, *2 том* 54, 76, 121, 135, 234, 343
Котляревский А.А. *1 том* 348, 427, 554, *2 том* 405, 409, 410, 412, 413, 415, 470, 471, 474
Котляров А.Н. *1 том* 98, 99, 101, 104, 118, 124, 125, 276
Кочкуркина С.И. *1 том* 466, 467, 552, 556, 605, *2 том* 345, 477
Коялович М.О. *1 том* 26, 35, 36, 109, 117, 125, 165, 166, 215, 305, 314, 315, 371, 428, 429, *2 том* 140, 235, 253, 336, 384, 467
Кравченко С. *1 том* 639, *2 том* 477, 478
Кранц А. *1 том* 132
Красникова О.А. *1 том* 123
Краснобаев Б.И. *1 том* 254, 309
Красногорьев Л.Е. *2 том* 447
Красноречьев Л.Е. *2 том* 475, 476
Кратценштейн Х.Г. *1 том* 240, 241, 243, 244
Крафт Г.В. *1 том* 133, 168, 220, 263, 271
Крашенинников С.П. *1 том* 222, 238, 239, 241–243, 247–249, 251, 252
Крекшин П.Н. *1 том* 145, 155, 175, 182, 192, 207, 224, 227, 246, 256, 265, 267, 273
Крижанич Ю. *1 том* 50, 70, 78, 119, 122, 123, 137, 141, 213, *2 том* 479
Кромер М. *1 том* 132
Кропоткин В.В. *2 том* 422, 472
Кросс С.Х. *1 том* 456
Круг И.Ф. *1 том* 15, 155, 323, 331, 334, 344, 368, 412, *2 том* 292, 327, 361
Крузе Ф. *1 том* 137, 213, 287, 313, 409, 513, 632, *2 том* 157, 168, 172, 176, 236, 238, 239, 247, 335
Крузиус Х.Г. *1 том* 229, 233, 237, 245, 247, 253
Крыласова Н.Б. *1 том* 492, 555
Крымков Е.Ю. *2 том* 9, 118
Крымская А.С. *1 том* 190, 217
Кубарев А.М. *1 том* 387
Кубасов С. *2 том* 382, 386
Кудрякова Е.Б. *2 том* 98, 123, 324, 326, 348
Кузенков П.В. *1 том* 554, 623, 644, *2 том* 228, 245, 294, 339, 343, 344, 357–359, 361, 363, 463
Кузнец Д. *1 том* 639, *2 том* 477, 478

- Кузнецов А.М. *2 том* 236
 Кузнецов Е.В. *2 том* 167, 238, 349, 465, 473
 Кузнецова А.М. *2 том* 469
 Кузьменко Ю.К. *1 том* 520, 558, 643, *2 том* 343, 477
 Кузьмин А.Г. *1 том* 16, 21, 27, 28, 33, 36, 97, 104, 116, 117, 125, 203, 204, 212, 218, 244, 268, 269, 276, 286, 289, 292–294, 311, 312, 314, 376, 378, 379, 393, 430, 431, 442–445, 447, 448, 463, 465, 472, 475, 476, 479, 480, 510, 516, 520, 534–537, 539, 550, 552, 553, 557, 559, 560, 565–572, 589, 635, 641, *2 том* 31, 45, 59, 85, 86, 88, 92, 100, 105, 117, 120, 122, 123, 125, 133, 140, 155, 160, 166, 179, 190, 192, 199, 200, 206, 209, 219, 222, 228–230, 232–234, 237–242, 249, 251, 252, 255, 261, 262, 268, 276, 282, 284, 285, 287, 289, 290, 292, 295, 298, 299, 302, 320, 323, 324, 336–340, 342–345, 348, 352, 353, 357, 358, 368, 371, 372, 375, 376, 378, 381, 383, 387, 390, 392, 393, 396, 400, 404, 408, 412, 428, 432, 434, 435, 437, 439, 444, 451, 453, 458, 462–471, 473–478, 480
 Кузьмин С.Л. *1 том* 495, 511, 555, 557, 622, 644, *2 том* 19, 118, 411, 437, 444, 470, 475–477
 Кулаков В.И. *1 том* 492, 555, 605, 643, *2 том* 13, 118, 124, 330, 349, 394, 456, 468, 477, 478
 Кулешов В.С. *1 том* 596, 628, 642, 645, *2 том* 13, 118
 Кулишер И.М. *1 том* 400, 432
 Кулькова М.А. *1 том* 555
 Куник А.А. *1 том* 18, 19, 22, 26, 28, 45, 52–56, 71, 81, 94, 96, 111, 114, 118–120, 124, 125, 128, 163–165, 210, 212, 213, 217, 218, 258, 288, 309, 310, 313, 318, 332, 334–336, 339, 341, 346, 347, 349, 351, 352, 256, 358, 360, 364, 369, 372–374, 377, 380–384, 387, 389, 400, 404, 409, 411, 412, 417, 418, 425–430, 455, 457, 483, 484, 522, 527, 529, 554, 558, 561, 563, 582, 591, 598, 625, 626, 628, 629, 632, 645, *2 том* 16, 50, 72, 81, 122, 129, 141, 155, 161, 165, 166, 169, 177, 184, 190, 200, 201, 203, 228, 233, 235, 238, 240, 241, 243, 246, 259, 260, 268, 278, 281, 284, 292, 297, 328, 335, 337, 338, 341–344, 348, 359, 361, 370, 390, 423, 431, 432, 471, 472
 Кураев И.В. *1 том* 27, 495, 503, 555, 556, 577, 640, *2 том* 477
 Курбатов А.В. *1 том* 555, *2 том* 437, 475
 Курбский А.М. *1 том* 178, *2 том* 278
 Куршанак И. *1 том* 403, 432
 Кустин А.Э. *2 том* 477
 Кухаренко Ю.В. *2 том* 400, 410, 414
 Кучера М.П. *2 том* 437, 475
 Кучкин В.А. *1 том* 570, 639, *2 том* 49, 120, 248, 274, 332, 335, 340, 349, 435, 474
 Л
 Лавров А.С. *1 том* 580, 640, *2 том* 66, 97, 121, 123, 248, 267, 329, 335, 339, 348
 Лавровский П.А. *1 том* 131, 164, 167, 212, 215, 298, 299, 301, 309, 314, 315, *2 том* 242
 Ламанский В.И. *1 том* 39, 117, 163, 197, 212, 215, 217, 262, 310, 319, 356, 357, 412, 425, 428, *2 том* 282, 341, 425, 464, 472
 Ламбин Н.П. *1 том* 370, 426, 429, 532, 559, *2 том* 48, 129, 135, 184, 201, 203, 233, 240, 243, 247, 291, 335, 343
 Лампрехт К. *2 том* 402
 Ланге Н.И. *1 том* 413
 Лаппо-Данилевский А.С. *1 том* 429
 Лаптева Л.П. *2 том* 469
 Лапшин В.А. *1 том* 602, 643, *2 том* 451, 476, 477
 Ларсон Г. *2 том* 304
 Ласкавый Г.В. *1 том* 313
 Латвакангас А. *1 том* 45, 47, 49, 50, 56, 57, 69, 74, 81, 92
 Латом Б. *1 том* 9, 10, 24, 291, *2 том* 388
 Латышев В.В. *том* 2 345
 Лаушкин А.В. *2 том* 59, 121
 Лаушкин К.Д. *1 том* 486, 554
 Лачаева М.Ю. *1 том* 205, 218
 Лашнюков И.В. *1 том* 26
 Лебедев Г.С. *1 том* 7, 26, 27, 115, 122, 126, 439, 442, 445, 448, 450, 462, 463, 469, 471, 474, 475, 479, 482, 486, 489, 492, 495, 496, 498, 508, 510, 511, 513, 520, 523, 525, 529, 530, 533, 546, 550–560, 576, 578, 582, 599, 600, 601, 602, 607, 610, 627, 629, 640–643, 645, *2 том* 12, 13, 14, 31, 32, 33, 37, 41, 48, 59, 61, 111, 113, 119, 120, 124, 146, 154, 160, 172, 174, 221, 235, 236, 237, 238, 239, 244, 248, 285, 289, 304, 335, 342, 343, 345, 411, 414, 419, 421, 435, 442, 444, 446, 470, 472, 474, 475, 476, 477
 Лебедев И.А. *2 том* 335, 469, 470, 471, 473
 Лев Диакон *1 том* 560, 592, 641, *2 том* 51, 268, 344, 348, 463
 Левченко М.В. *1 том* 431, *2 том* 171, 248, 335, 348
 Лейбниц Г.В. *1 том* 9, 97, 197, 263, 278, 297, *2 том* 363, 389
 Леклерк Н.Г. *1 том* 12
 Лелевель И. *1 том* 28, 157, 161, 214, 323, 425

- Лелеков Л.А. 1 том 590, 641, 2 том 92, 123, 353, 462
Леманн К. 2 том 333, 334
Лемонте П.-Э. 1 том 168
Ленин В.И. 1 том 168, 169, 215, 352, 385, 436, 437, 549
Леонов В.П. 1 том 193, 217
Леонтьев А.Е. 1 том 478, 484, 508, 547, 553, 560, 602, 643, 2 том 6, 21, 22, 118, 119, 305, 345, 474
Лерберг А.Х. 1 том 15, 331, 341, 346, 427, 2 том 273, 340
Леруа П.Л. 1 том 229
Лесман Ю.М. 1 том 450, 470, 552, 608, 610, 618, 619, 643, 644, 2 том 30, 119, 304, 345
Лесной С. 1 том 438, 2 том 320, 347
Лесток И.Г. 1 том 201
Лефорт Ф.Я. 2 том 389
Лецевич Л. 2 том 414, 420, 428, 436, 471–473, 475
Либготт Н.-К. 2 том 471
Лимонов Ю.А. 1 том 46, 47, 118
Линд Дж. 1 том 23, 79, 113, 123, 560, 2 том 8, 336, 340
Линденброг Э. 1 том 132
Линдквист Т. 2 том 331
Липшиц Е.Э. 1 том 551, 2 том 358, 462
Литаврин Г.Г. 1 том 551, 576, 635, 640, 646, 2 том 54, 81, 105, 107, 122, 123, 294, 321, 343, 344, 347, 357, 359, 371, 372, 463–465
Литвина А.Ф. 2 том 41, 63, 120, 318, 347
Лиутпранд 1 том 32, 321, 329, 333, 343, 366, 386, 387, 390, 394, 484, 543, 554, 2 том 45, 297, 298, 299, 300, 301, 344
Лихачёв Д.С. 1 том 436, 523, 533, 534, 558, 559, 569, 582, 591, 593, 612, 640, 2 том 50, 84, 86, 89, 90, 107, 121–123, 131, 132, 181, 188, 189, 191, 198, 213, 225, 229, 234, 241, 242, 244, 375, 380
Лихтер Ю.А. 1 том 506, 556
Ловмянский Х. (Ловмянский Г.) 1 том 28, 43, 118, 119, 328, 392, 425, 431, 461, 526, 550, 551, 558, 559, 636, 2 том 132, 134, 135, 145, 155, 156, 169, 171, 220, 234–236, 238, 239, 244, 248, 268, 312, 323, 330, 335, 339, 346, 348, 353, 358, 400, 462, 463, 465
Ловягин Е. 2 том 344, 463
Логинов К.К. 1 том 637
Локцений И.Л. 1 том 53, 85
Ломоносов М.В. 1 том 2, 13–16, 19, 21, 23, 27–29, 33, 40, 43, 50, 88, 95, 104, 107, 116–119, 122, 125, 127–134, 136–138, 140, 212–214, 217, 218, 307–315, 426, 428, 2 том 71, 168, 179, 202, 243, 252, 254, 261, 269, 328, 335–337, 339, 348, 351, 352, 356, 364, 393–395, 404, 405, 410, 447, 462, 463, 467, 468, 470, 480
Лопатин Н.В. 1 том 485, 554, 2 том 22, 23, 26, 32, 119, 306, 346
Лосиевский И.Я. 1 том 204, 218
Лукин П.В. 1 том 524, 558, 2 том 55, 121
Лукошков А.В. 2 том 443, 476
Лундстрем П. 1 том 492
Лунин М.С. 2 том 203, 243
Лурье Я.С. 1 том 534, 2 том 123, 189, 192, 196, 198, 233, 241, 242, 379, 466
Лысенко Т.И. 1 том 430, 551
Лысцов В.П. 1 том 27, 151, 213, 214, 549
Львов А.С. 2 том 371
Львова З.А. 1 том 492, 494, 555, 2 том 13
Любавский М.К. 1 том 26, 306, 314, 315, 353, 390, 428, 431, 2 том 81, 122, 405
Ляпунов Б.М. 2 том 198, 242
Ляпунов П.П. 1 том 60
Ляпушкин И.И. 1 том 471, 2 том 91, 104
Лященко А.И. 1 том 400, 425, 432, 2 том 143, 144, 145, 161, 235, 237, 248, 253, 335, 336
- М**
Мавродин В.В. 1 том 26, 32, 42, 116–118, 310, 353, 428, 435–440, 445, 451, 514, 521, 526, 549–551, 557, 558, 566, 569, 2 том 84, 109, 122, 132, 133, 145, 171, 191, 215, 221, 234, 235, 238, 241, 244, 249, 265, 298, 303, 335, 338, 344, 345, 358, 405, 463, 469
Мавродина Р.М. 1 том 551
Магнус О. 1 том 79
Магнус Ю. 1 том 79, 83, 84, 94, 102
Магнусен Ф. 1 том 330
Майерберг А. 1 том 97, 2 том 388
Макарий (Булгаков М.П.) 2 том 124, 338
Макаров М.Н. 1 том 162, 215, 339, 345, 426, 427
Макаров Н.А. 1 том 431, 485, 554, 576, 640, 2 том 6, 20, 21, 23, 24, 26, 118, 119, 233, 310, 344, 346, 361, 411, 457, 463, 470
Максимов Н.Г. 1 том 639, 2 том 457, 477, 478
Максимович К.А. 1 том 284, 313, 2 том 13, 353, 354, 358, 369, 462, 463
Максимович М.А. 1 том 18, 27, 31, 35, 56, 116, 117, 120, 159, 160, 215, 320, 331, 339, 345, 358, 359, 377, 425–430, 2 том 201, 202, 243, 253, 254, 336–338
Малингуди Я. 2 том 197
Маловичко С.И. 1 том 194, 217, 277, 312
Малыгин П.Д. 2 том 448, 476
Манаков А.Г. 1 том 282, 313

- Манкиев А.И. *1 том* 13, 50, 119, 149, 150, 269, 273, 311, *2 том* 202, 350, 462
- Мансикка В.Й. *1 том* 396, 432, 517, 557, *2 том* 89, 122, 142, 189, 235, 241
- Маржерет Ж. *1 том* 96, 97, 110, 124, *2 том* 388
- Маркварт Й. *1 том* 348, 394, 588, 634, *2 том* 352
- Маркопулос А. *2 том* 359
- Маркс К. *1 том* 435, 436
- Мармье К. *2 том* 391, 415
- Мар'аши Захир ад-дин *2 том* 354, 355
- Масса И. *1 том* 47
- Матвеев В.А. *2 том* 339
- Матузова В.И. *2 том* 471
- Мацевский В.А. *2 том* 141
- Мачинская А.Д. *1 том* 490, 557, *2 том* 338
- Мачинский Д.А. *1 том* 69, 122, 281–283, 313, 468, 469, 512, 513, 532, 533, 552, 556, 557, 559–561, 564, 595, 596, 598, 599, 608, 617, 621, 637, 639, 642–644, *2 том* 14, 30, 31, 60, 71, 118, 121, 149, 172, 176, 221, 236, 238, 239, 244, 265, 283, 287, 294, 296, 301, 304, 321, 324, 338, 341, 342, 345, 347, 348, 375, 433, 465, 474
- Маяковский В.В. *1 том* 352
- Медведев А.Ф. *1 том* 485, 554, 556, *2 том* 304, 306, 345, 346
- Медведев Д.А. *2 том* 24
- Медведев М.В. *2 том* 118, 475, 477
- Медведев М.Ю. *1 том* 80, 123
- Медынцева А.А. *2 том* 307, 346
- Мезецкий Д.И. *1 том* 73
- Мелин Я. *1 том* 77, 122, 431, *2 том* 240, 317, 347
- Мельников Г.П. *2 том* 59, 121, 347
- Мельникова Е.А. *1 том* 22, 27, 92, 111, 115, 124, 126, 202, 218, 306, 313, 315, 430, 445, 463, 488, 489, 509, 520, 522, 523, 529, 530, 533, 536, 550, 551, 552, 553, 554, 557, 558, 559, 565, 566, 570, 577, 582–588, 590, 591, 593, 595, 599–602, 613, 623, 626, 639–645, *2 том* 8, 12, 28, 32, 38, 42, 43, 45–49, 54, 55, 59–61, 65, 71, 72, 98, 105, 109, 120, 121, 123, 124, 134, 135, 145, 147, 158, 163, 168, 176, 177, 179, 182, 223, 226, 228, 234–240, 245, 248, 254, 260, 264, 265, 274, 283–285, 288, 290, 293, 305, 307, 309, 310, 314, 316, 320, 325, 327, 329, 335–343, 345–348, 375, 380, 411, 421, 425, 428, 429, 432, 433, 453, 465, 466, 471–474, 477
- Меншуткин Б.Н. *1 том* 309
- Меркатор Г. *2 том* 387
- Меркулов В.И. *1 том* 218, 124, 204, *2 том* 238, 389, 468, 471, 480
- Меховский М. *1 том* 47, 53, 119
- Мещерский Н.А. *2 том* 209, 243, 340
- Микешин М.О. *2 том* 136
- Миккола И. *1 том* 281, *2 том* 421, 456
- Миклошич Ф. *1 том* 387, *2 том* 265
- Микуцкий С.П. *2 том* 405
- Миллард Э. *1 том* 575, 640
- Миллер Г.Ф. *1 том* 10, 11, 13–16, 18, 23, 26, 27, 31, 33, 36, 38, 40–44, 55, 95, 103–105, 115, 116, 117, 118, 125, 126, 127–132, 134–137, 142–151, 154, 155, 157–163, 165–185, 187, 189–199, 201–210, 212, 215–220, 222–261, 263, 265–268, 270–281, 283, 286–191, 293–295, 297–300, 302–314, 323, 340, 346, 427, 449, 563, 570, 593, *2 том* 51, 81, 90, 102, 121–123, 183, 202, 240, 243, 247, 254, 268, 288, 291, 335, 339, 342, 352, 364, 462, 480
- Милов Л.В. *2 том* 323, 329, 348, 349
- Милюков П.Н. *1 том* 32, 36, 41, 116, 117, 149, 151, 166, 169, 172, 173, 214, 215, 224, 261, 270, 271, 303, 307–312, 315, 352, 361, *2 том* 363, 384
- Милютенко Н.И. *1 том* 557, *2 том* 42, 63, 120, 176, 179, 239
- Милютин Н.Н. *1 том* 607, 643
- Миляев П.А. *2 том* 33, 119, 446, 476
- Минакова Э.А. *2 том* 44, 86, 120, 122, 174, 239
- Минасян Р.С. *1 том* 477, 553, *2 том* 30, 477
- Минеева Т.Г. *2 том* 465
- Минорский В.Ф. *1 том* 348, 417, 427, 633, 645
- Миронов Г.Е. *1 том* 444, 550, *2 том* 234
- Михайлов А.В. *2 том* 11, 118
- Михайлов К.А. *1 том* 468, 469, 479, 490, 552, 553, 598, 608, 642–644, *2 том* 13, 20, 30, 33, 50, 115, 118, 119, 125, 173, 238, 445, 449, 470, 476
- Михайлова Т.А. *2 том* 315, 347
- Михаэлис И.Д. *1 том* 154, 260
- Михеев С.М. *2 том* 48, 49, 120, 161, 237, 245
- Модеер И. *2 том* 178
- Модерах К.Ф. *1 том* 232, 235
- Моисеева Г.Н. *1 том* 130, 212, 216, 265, 267, 310, 311, 315, *2 том* 340, 341
- Моллер А. *1 том* 9, 51, 54, 93, 94
- Молчанов А.А. *1 том* 180, 216, 343, 427, 562, 607, 623, 639, 643, 644, *2 том* 55, 112, 162, 172, 173, 237, 238, 318, 346, 347
- Молчанова А.А. *2 том* 474
- Монгайт А.Л. *2 том* 475
- Монтгомери Д.Э. *1 том* 631
- Монтескье Ш.Л. *1 том* 88, 102, 103, 106, 125, 338
- Моргоф Д.Г. *1 том* 260

Мореншильдт Д.С. *1 том* 140
Морозов А.А. *1 том* 186, 216, 217
Морозова Л.Е. *1 том* 120, *2 том* 229, 245
Морошкин Ф.Л. *1 том* 144, 161, 215, 351, 355, 357, 358, 428, *2 том* 201, 253, 254, 336–339, 468
Моряков В.И. *1 том* 213
Моця А.П. *1 том* 113, 126, 519, 558, 616, 641, 644, *2 том* 11, 55, 114, 118
Мошин В.А. *1 том* 8, 26, 27, 29, 32, 37, 69, 106, 111, 116, 117, 119, 122, 125, 126, 172, 210, 215, 218, 239, 257, 278, 309, 312, 349, 353, 371, 387, 404, 410, 425, 426, 428–432, 439, 440, 561, *2 том* 72, 83, 122, 144, 156, 170, 176, 211, 235, 236, 238, 239, 244, 249, 260, 262, 316, 335, 337, 338, 347, 477
Мунк П.А. *1 том* 337, *2 том* 264
Муравьёв А.В. *2 том* 135, 234
Муравьёв М.Н. *1 том* 138
Муратори Л.А. *1 том* 32
Мурашёва В.В. *1 том* 23, 29, 305, 315, 504, 507, 556, 577, 581, 640, *2 том* 13, 17, 18, 24, 31, 32, 71, 118, 119, 121, 289, 321, 345, 347, 420, 425, 448, 451, 470, 472, 476, 477, 484
Мусин А.Е. *1 том* 28, 112, 126, 431, 433, 507, 556, 566, 596, 602, 619, 623, 639, 642, 644, *2 том* 5, 12, 14, 27, 35, 79, 118, 119, 122, 297, 325, 344, 348, 455, 478, 482, 484
Мыльников А.С. *1 том* 80, 87, 119, 123, 124, 427, *2 том* 254, 435
Мыцка И. *2 том* 61
Мюллер Л. *2 том* 197, 372
Мюллер-Вилле М. *1 том* 491, 555, 615, 619, 644, *2 том* 418, 471, 478
Мюнстер С. *1 том* 52, 90, 96, *2 том* 387
Мягисте Ю. *1 том* 284, 531, 584, *2 том* 323

Н

Надеждин Н.И. *1 том* 26, 31, 33, 35, 116, 117, 160, 215, 351, 428, *2 том* 183, 240, 464
Назаренко А.В. *1 том* 21, 29, 124, 284, 313, 417, 432, 463, 569, 584, 599, 620, 639–642, 644, *2 том* 35, 37, 52, 54, 61, 76, 100, 101, 109, 120, 123, 124, 291, 294, 305, 335, 343–345, 355, 358, 359, 361, 369, 370, 430, 459, 462–464, 467, 469, 473, 476, 478
Назаренко В.А. *1 том* 442, 448, 450, 462, 463, 469, 471, 474, 482, 489, 490, 492, 498, 508, 551–555, 607, 643, *2 том* 12, 31, 41, 113, 119, 120, 124, 304, 345, 445, 476
Нартов А.К. *1 том* 201
Насонов А.Н. *1 том* 421, 433, *2 том* 188, 218, 241, 244, 245, 249, 323, 335, 348, 465

Настенко И.А. *1 том* 430
Наумова Г.Р. *1 том* 214, 218
Недошивина Н.Г. *2 том* 22, 55, 119
Нейман И.Г. *1 том* 157, 293, 340, 354, *2 том* 202
Некрасова М.Б. *1 том* 182, 216, 310, 315
Немиров Г.А. *2 том* 249, 253, 335, 336, 338
Нерман Б. *1 том* 418, 614
Нефёдкин А.К. *1 том* 579, 640, *2 том* 51, 120
Нефёдов В.С. *1 том* 598, 611, 642, 643, *2 том* 307, 343, 346
Нечкина М.В. *1 том* 41
Нещименко Г.П. *2 том* 347
Нидерле Л. *1 том* 19, 28, 383, 387, 396, 430, 431, 484, *2 том* 81, 122, 328, 348, 353, 396, 403, 404, 462, 469, 470, 471
Низами Гянджеви *2 том* 344, 354, 355, 462
Никитин А.Л. *2 том* 147, 175, 229, 235, 236, 239, 245
Никитина Н.С. *1 том* 425
Никитский А.И. *2 том* 260, 320, 337, 340, 347
Николаев С.Л. *1 том* 596, 642, *2 том* 53, 64, 121
Никольский Н.К. *2 том* 130, 190, 211, 233, 241, 244, 338, 352
Никонов А.В. *1 том* 205, 218
Нильсен Й.П. *1 том* 28, 117, 259, 309, 398, 425, 432, 435, 441, 445, 549, 550
Нистазопуло М. *2 том* 359
Новаковский В. *1 том* 478, 553
Новиков Н.И. *1 том* 138, 199, 213, 302, 315
Новикова Г.Л. *1 том* 506, 556, *2 том* 308, 346, 477
Новосельцев А.П. *1 том* 427, 446, 539, 546, 549, 550, 558, 560, 562, 565, 639, *2 том* 84, 90, 91, 98, 122, 123, 136, 234, 244, 294, 339, 344, 354, 366, 368, 370, 377, 413, 428, 432, 462, 464, 466, 471, 473, 474
Нордландер И. *1 том* 120, 123
Норрен *1 том* 413
Носов Е.Н. *1 том* 28, 29, 315, 431, 552, 554, 556–558, 639–643, *2 том* 8, 12, 13, 21, 27, 30, 54–56, 59, 71, 118, 119, 121, 176, 221, 225, 239, 244, 245, 305, 308, 310, 311, 321, 345–347, 411, 424, 426, 436, 437, 445, 447, 449, 470, 472–477
Нунан Т.С. *1 том* 494, 553, 555, 610, 640, *2 том* 306, 343, 345, 370, 424, 426, 472
Ньютон И. (Невтон) *1 том* 197, 255
Нюлен Э. *1 том* 89, 124

О
Обнорский С.П. *2 том* 475
Одерборн П. *1 том* 9, 47, 51
Одоевский И.Н. *1 том* 59, 60, 67

- Олав Харальдссон *1 том* 601, 614
Олай Э. *1 том* 84
Олеарий А. *1 том* 50, 119
Опельбаум Е.В. *2 том* 329, 349, 472
Орбини М. *1 том* 10
Оргельс П. *2 том* 358
Орлов А.С. *2 том* 236
Орлов С.Н. *1 том* 486, 494, 554, 555, *2 том* 475
Орловская С.А. *1 том* 639
Отрембский Я. *1 том* 526
Отрепьев С.Е. *1 том* 60
Охотина-Линд Н. *1 том* 190, 217
Охотникова В.И. *2 том* 340
- П**
Павинский А.И. *1 том* 210, *2 том* 405, 469, 473
Павлов-Сильванский Н.П. *1 том* 572
Павлова Г.Е. *1 том* 119, 212, 217, 218, 307, 309, 310
Падалко Л.В. *1 том* 293, 395, 431, 436, *2 том* 209, 244, 252, 336, 365, 464
Пайпс Р. *1 том* 533, 559, 572, 639, *2 том* 309, 346
Панкратова А.М. *1 том* 442
Панкратова М.В. *1 том* 617, 644, *2 том* 60, 149, 236, 283, 338, 341, 474
Панова Т.Д. *1 том* 643, *2 том* 23, 119, 314, 346, 348
Пархоменко В.А. *1 том* 26, 293, 383, 395, 409, 419, 426, 430, 431, 433, *2 том* 82, 122, 130, 143, 144, 153, 189–191, 210, 233, 235, 241, 244, 248, 282, 284, 289, 294, 320, 335, 338, 341–343, 347, 352, 362, 366, 462, 464, 480
Паулин Л. *1 том* 132
Пауль А. *1 том* 54, 117, 119, *2 том* 175, 239, 335, 375–377, 387, 393, 397, 400, 404, 412, 418, 465–470, 471, 473
Паус И.В. *1 том* 43, 44, 118, 272
Пашкевич Х. *1 том* 345
Пашков С.В. *1 том* 27, 426
Пашуто В.Т. *1 том* 447, 457, 522, 525, 549, 550, 551, 558, *2 том* 48, 56, 120, 145, 146, 162, 164, 221, 235, 237, 244, 274, 287, 339, 340, 342, 377, 413, 425, 428, 432, 465, 466, 471–474
Пежемский Д.В. *1 том* 480, 553
Пекарский П.П. *1 том* 31, 116, 118, 119, 124, 141, 142, 146, 147, 151, 154, 155, 180, 183, 194, 196, 197, 212–214, 216–218, 221, 222, 232, 233, 245, 247, 249, 252–254, 270, 280, 296, 307–312, 314, 315, *2 том* 236
Пенской В.В. *2 том* 51, 120
Первольф И.И. *1 том* 7, 26, 124, 292, 314, 339, 352, 373, 426, 428–430, 438, 549, 567, *2 том* 155, 236, 343, 347, 404, 405, 434, 468, 469, 471, 474
Перев В.П. *2 том* 243
Перевезенцев С.В. *1 том* 2, 309, 310, 483, 554, *2 том* 380
Перевошиков В. *2 том* 186
Перемышлевский М. *2 том* 137, 204, 235, 243
Перхавко В.Б. *1 том* 557, 629, 631, 645, *2 том* 46, 55, 120, 264, 305, 338, 345, 370, 427, 433, 464, 473, 474
Петрей П. *1 том* 8, 26, 46–50, 55, 57, 61, 70, 78, 80, 81, 83, 88, 90, 91, 96, 118, 119, 121–124, 263, 336, 426, *2 том* 281
Петренко В.П. *1 том* 431, *2 том* 442, 444, 446, 475, 476
Петров А.В. *2 том* 121, 245
Петров Ю.А. *2 том* 73
Петровский Н.М. *1 том* 399, 432, *2 том* 210, 235, 244, 438, 475
Петрухин В.Я. *1 том* 19, 22, 27–29, 69, 87, 95, 111, 122–125, 217, 218, 306, 315, 370, 388, 430–432, 445, 452, 463, 482, 485, 491, 492, 501, 503, 507, 508, 523, 529, 536, 550–559, 563, 565, 567, 577, 582, 585–588, 595, 598–601, 603, 615, 616, 623, 625, 626, 628, 634, 639–645, *2 том* 9, 12, 17, 18, 31–34, 42, 47, 49, 54, 59, 72, 73, 86, 90, 92, 105, 106, 118, 119, 121–124, 135, 140, 145, 146, 149, 155, 158, 163, 176–178, 192, 220, 223, 226, 228, 233–239, 241, 244, 245, 248, 254, 260, 264, 268, 273, 274, 287, 288, 290, 293, 296, 297, 299, 301, 304, 305, 307, 308, 320, 324, 330, 335–340, 342–349, 353, 370, 375, 378, 380, 390, 394, 426, 432, 453, 462, 464–468, 470, 472–474, 476, 477
Пештич С.Л. *1 том* 27, 130, 137, 171, 176, 185, 190, 212, 215–217, 270, 273, 309–315, 549, *2 том* 234, 467, 468
Пигулевская Н.В. *2 том* 353, 354, 462
Пиккио Р. *1 том* 116, *2 том* 347
Пикколомини Э.С. *1 том* 53
Пиотровская Е.К. *2 том* 243, 338
Пиппинг Г. *2 том* 160
Пиренн Х. *2 том* 331
Пирсон Э. *1 том* 575, 639
Писаренко К.А. *1 том* 187, 188, 201, 217
Плавинский Н.А. *2 том* 29, 119, 306, 346
Плано Карпини Дж. *1 том* 630, 645
Платонов С.Ф. *1 том* 57, 58, 120, 293, 352, 372, 381, 388, 399, 403, 416, 429, 430, 432, *2 том* 280, 341, 462, 464
Платонова Н.И. *1 том* 446, 450, 470, 493, 550–552, 601

- Плетнёва С.А. *1 том* 552, *2 том* 91, 92, 100, 102, 104, 105, 366, 368
Плеханов Г.В. *1 том* 169, 183, 214, 215, 385
Плигузов А.И. *1 том* 47, 119, 120, 122, 123
Плимак Е.Г. *1 том* 463, 467, 535, 552, 553, 559
Плоткин К.М. *1 том* 283, 313, *2 том* 450, 477
Плохов А.В. *1 том* 490, 491, 555, 578, 640, 641, *2 том* 30, 118, 119, 176, 239, 321, 347, 426, 448, 472, 473, 476, 477
Поверский Я. *2 том* 330
Поветкин В.И. *2 том* 437, 475
Погодин А.Л. *1 том* 27, 111, 172, 215, 405, 408–411, 416, 417, 432, 523, 558, *2 том* 144, 170, 211, 235, 238, 260, 326, 337, 338, 425, 472
Погодин М.П. *1 том* 7, 18, 22, 26–28, 31, 71, 109, 110, 116, 120, 122, 125, 163, 210, 214, 215, 218, 286, 287, 292, 303, 313, 317, 319, 320, 328–333, 336, 337, 341, 343, 344, 346, 351, 354, 356–359, 363, 364, 370, 372, 384, 386, 404, 405, 417, 425, 427–430, 449, 454, 465, 516, 557, 561, 567, 568, 591, 594, 598, 610, 623, 625, 626, 628, 639, 644, 645, *2 том* 20, 42, 48, 81, 85, 120, 122, 129, 134, 137, 138, 145, 150, 168, 169, 177, 180, 184, 190, 201, 202, 233–235, 238, 240–243, 246, 247, 250, 253, 260, 262, 268, 271, 273, 278, 290, 292, 293, 299, 315, 319, 326, 334, 335, 337–340, 343, 344, 347, 349, 361, 375, 376, 386, 387, 421, 432, 463, 465, 467, 472, 474
Подвигина Н.Л. *2 том* 198
Пожарский Д.М. *1 том* 67, 68
Покровский В.С. *1 том* 445, 550, *2 том* 234
Покровский М.Н. *1 том* 361, 401, 432, 445, *2 том* 248, 335
Покровский С.А. *2 том* 216, 244
Полевой Н.А. *1 том* 149, 214, 324, 336, 425, 426, 558, *2 том* 137, 200–202, 235, 242, 243, 315, 319, 326, 347, 348
Поляк А.Н. *2 том* 340, 369, 464
Понтопидан Э. *1 том* 132
Поньрко Н.В. *2 том* 336
Попов А.И. *1 том* 282, 313, 440, 527, 550, 559, *2 том* 262, 338
Попов А.Н. *1 том* 26, 162, 215, *2 том* 337, 338, 466
Попов Н.И. *1 том* 238, 241, 242, 253, 286, *2 том* 364
Поппэ А.В. *2 том* 463, 481, 484
Портнер Р. *1 том* 269
Поссевино А. *2 том* 339
Потебня А.А. *2 том* 205, 243
Потин В.М. *1 том* 472, 552, *2 том* 422, 427, 432, 470, 472–474
Похлёбкин В.В. *1 том* 60, 82, 120, 121, 123, 445, 457, 537, 551, 559, *2 том* 471, 474
Почкаев И.Н. *2 том* 234
Преображенский А.Г. *1 том* 379
Пресняков А.Е. *1 том* 111, 125, 351, 395, 403, 422, 428, 431–433, 612, 641, *2 том* 84, 130, 209, 233, 244, 370, 464
Преторий М. *1 том* 9, *2 том* 391, 393
Присёлков М.Д. *1 том* 345, 423, 427, 433, 559, *2 том* 130, 187–189, 191, 198, 199, 210, 233, 234, 241, 242, 244, 289, 343, 344, 433, 474
Прицак О.И. *1 том* 643, *2 том* 48, 92, 96, 98, 102, 106, 123, 296, 316, 323, 348, 359, 370, 463
Прокопий Кесарийский *1 том* 132, 294, 568, *2 том* 299
Прокофьев Н.И. *2 том* 340
Пронштейн А.П. *2 том* 192
Пропп В.Я. *1 том* 474
Прохорчук Е.Б. *2 том* 457
Пузанов В.В. *1 том* 17, 27, 28, 119, 191, 217, 571, 639
Путин В.В. *1 том* 20, 635, *2 том* 480
Пушкарёв Л.Н. *1 том* 32, 116, 119
Пушкин А.С. *1 том* 139, 143, 213, 215, 217, 257
Пушкина Т.А. *1 том* 29, 445, 496, 497, 501, 505–507, 550, 552, 555, 556, *2 том* 10, 24, 31, 32, 33, 55, 113, 119, 124, 289, 304, 342, 450, 451, 472, 475, 477, 481, 484
Пчелов Е.В. *1 том* 23, 29, 32, 69, 94, 111, 116, 122, 124, 125, 194, 217, 250, 309, 343, 344, 427, 430, 570, 594, 599, 625–627, 632, 641, 644, 645, *2 том* 39, 49, 50, 59, 60, 73, 120, 121, 148, 155, 159, 165, 172, 174, 179, 192, 236–239, 241, 248, 283, 293, 296, 299, 335, 341, 343, 344, 354, 358–360, 372, 380, 462, 463, 465–467, 470
Пыпин А.Н. *1 том* 148, 149, 151, 154, 213, 214, 438, 549
Пятецкий Л.М. *2 том* 236, 238
Пётр Великий *1 том* 20, 38, 44, 103, 139, 146, 153, 178, 209, 223, 257, 264, 295, 297, 299, 302, 360, *2 том* 254, 269, 386, 480
- Р**
Рабинович Я.Н. *1 том* 73, 120, 122, *2 том* 340
Равдоникас В.И. *1 том* 380, 421, 430, 433, 469, 486, 490, 493, 501, 503, 551, 554–556, *2 том* 80, 302, 345
Радомский Я.Л. *1 том* 294, *2 том* 464
Раевский Д.С. *1 том* 28, 29, 125, 315, 553, 554, 558, 639–643, 645, *2 том* 106, 123, 124, 234, 237, 244, 245, 335, 336, 339, 342, 343, 348, 462, 464

- Разумовский К.Г. *1 том* 207, 241
Райзер Г.У. *1 том* 188
Райзман Е.С. *2 том* 326
Раковецкий Ю.Б. *1 том* 324
Рамм Б.Я. *2 том* 261, 337
Рапов О.М. *2 том* 124, 344, 358, 372, 463, 465
Раппопорт П.А. *1 том* 471, *2 том* 433, 474, 475
Расмуссен К. *1 том* 75, 122, 471, 552, *2 том* 335, 473
Рафн К. *2 том* 264
Рашковский Б.Е. *2 том* 243
Рейналь Г.Т.Ф. *1 том* 213
Рейнегс Я. *2 том* 102
Рейц А. *1 том* 346, 427
Ремезов С.У. *1 том* 225
Рено Ж.Т. *1 том* 632
Репников Н.И. *1 том* 406, 490, 491
Рихман Г.В. *1 том* 146, 164, 197, 222, 240, 241, 243, 244, 255
Ришлэ С.П. *1 том* 10
Робертсон У. *1 том* 213
Робинсон А.Н. *2 том* 147, 235
Рогинский В.В. *1 том* 124
Рогов А.И. *2 том* 237, 367
Рогожин Н.М. *1 том* 32, 33, 116, 118, 566, *2 том* 240
Рогудеев В.В. *2 том* 451
Рожанский И.Л. *2 том* 457, 478
Рождественская Т.В. *1 том* 281, 282, 312, 313
Рожков Н.А. *1 том* 169, 215
Рожницкий С. *1 том* 396, 406, *2 том* 235, 327, 347
Розен В.Р. *1 том* 426, 429, 629, *2 том* 348, 471
Розенкамф Г.А. *1 том* 24, 119, 355, 381, 411, 428, 439, 639
Рознер И.Г. *1 том* 551
Романов Б.А. *2 том* 85
Романов В.В. *2 том* 9, 118
Романовский С.И. *1 том* 187, 217
Романчук А.А. *1 том* 19, 28, 572, *2 том* 79, 122, 440, 445, 448, 452, 475–477
Роменский А.А. *2 том* 63, 121
Ронин В.К. *2 том* 467, 469
Росенадлер Ю.У. *1 том* 94
Роспонт С. *1 том* 281, 312, 522, 526, 558, *2 том* 329, 349
Ростопчин Н.А. *1 том* 143
Ротте Г. *1 том* 269
Розсдаль Э. *1 том* 111, 126, 552, 574, 589, 639, 641, *2 том* 175, 177, 239, 305, 313, 321, 345, 346, 348, 411, 420, 470–472
Рубаник В.Е. *2 том* 53, 120
Рубинштейн Н.Л. *1 том* 32, 33, 41, 42, 116, 117, 171, 172, 180, 183, 215
Рудбек О. *1 том* 9, 10, 51, 52, 56, 83, 86–88, 92, 94, 95, 98, 102, 105, 134, 208, 275, 323, 328, 615, *2 том* 150
Румянцев Н.П. *1 том* 319
Рунштейн Э. *1 том* 51, 83, 110
Русанова И.П. *1 том* 577, 640, *2 том* 114, 115, 124, 125, 305, 345
Русинов В.Н. *2 том* 197
Руссов С.В. *1 том* 26, 124, 428, *2 том* 249, 335, 337
Рыбакин А.И. *1 том* 121
Рыбаков Б.А. *1 том* 21, 40, 117, 437, 439–441, 446, 499, 514, 528, 536, 549, 550, 563, 566, 569, 645, *2 том* 92, 109, 114, 123, 124, 133, 145, 156, 158, 171, 172, 174, 191, 216, 221, 225, 228, 229, 231, 234–236, 238, 241, 244, 248, 252, 303, 324, 335, 336, 338, 339, 345, 348, 353, 370, 413, 422, 462, 471, 472, 474
Рыбина Е.А. *1 том* 619, 622, 644, *2 том* 260, 271, 310, 336, 337, 339, 340, 346, 423, 437, 448, 472, 475, 476
Рыдзевская Е.А. *1 том* 32, 116, 215, 281, 312, 353, 428, 431, 433, 554, 557, 625, 636, 637, 645, *2 том* 131, 146, 152, 157, 165, 169, 210, 229, 233, 236–238, 244, 260, 261, 265, 266, 322, 323, 337–339, 348, 473
Рылеев К.Ф. *1 том* 338, 426
Рюрик (Рорик, Рурик) *1 том* 10, 12, 13, 20, 27, 29, 34, 38, 44, 48, 50, 52, 55–57, 63, 66–70, 74, 81, 83, 90, 91, 93, 94, 96–98, 104, 105, 116, 122, 124, 136, 156, 161, 166, 172, 173, 177, 191, 196, 206, 207, 256, 259, 269, 270, 276, 283, 287, 288, 291, 293, 295, 299, 301, 305, 309, 321–323, 325, 327, 331, 332, 335, 336, 339, 343, 346, 348, 349, 355, 358, 362, 365, 366, 376, 381, 383, 390, 398, 399, 402, 406, 408–410, 413, 427, 438, 439, 444, 445, 450, 453, 456, 459, 465, 508, 510, 513–515, 523, 529, 537, 539, 542, 544, 545, 548, 552, 561, 563, 565, 566, 574, 575, 585, 589, 594, 598, 599, 600, 604, 606–608, 617, 618, 620–622, 624–628, 634, 639, 642, 645, *2 том* 9, 12, 15–19, 25–27, 29–32, 34, 39, 44, 46, 47, 49–51, 53, 54, 56, 58, 60, 62, 65–67, 72–78, 83, 94, 104, 126–128, 132–136, 138–142, 144, 146, 147, 149, 151, 154–160, 162–175, 177, 179, 180, 185, 197, 200–204, 207–211, 213–216, 218–230, 232, 233, 247, 248, 253, 259, 260, 269, 276, 281, 282, 296, 315, 318, 325, 350–352, 364, 365, 374, 375, 377–382, 385–393, 411, 412, 438, 444, 452, 457, 461

- Рюс Ф. *1 том* 15
Рябинин Е.А. *1 том* 485, 494, 495, 553–555, 606, *2 том* 442, 446, 475, 476
Рябцевич В.Н. *1 том* 601, 642
Рязановский В.А. *1 том* 438
- С**
Сабинин С.К. *1 том* 327, 328, 344, 406, 412, 425, 427, *2 том* 138, 235
Савельев А. *2 том* 121
Савельев П.С. *1 том* 31, 68, 116, 122, 348, 427, *2 том* 413, 470, 471
Савельев-Ростиславич Н.В. *1 том* 26, 31, 36, 56, 57, 116, 117, 120, 144, 161, 162, 215, 259, 288, 302, 309, 313, 315, 320, 340, 341, 351, 355, 358, 427, 428, 429, *2 том* 253, 375, 384, 387, 418, 480
Савельева Е.А. *1 том* 118, 119, 193, 217, 547, 560
Савицкий П.Н. *1 том* 173
Савчук В.С. *2 том* 404, 469, 470
Сагайдак М.А. *2 том* 10, 17, 55, 118, 411, 470
Сазонов Н. *1 том* 26, 31, 33, 116, 158, 214, 277, 302, 312, 315, 349, 428
Сакса А.И. *1 том* 491, 555, 598, 642
Саксон Анналист *2 том* 251, 300, 335, 345, 357, 462, 469
Саксон Грамматик *1 том* 82, 132, 157, 158, 191, 203, 208, 275, 277, 278, 293, 294, 314, 489, 541, *2 том* 115, 125, 169, 175, 180, 235, 236, 349, 375, 409, 414–416, 419, 428, 431, 465, 469–471, 473
Салан П. *1 том* 87
Саливон А.Н. *2 том* 399, 410, 469, 470, 477
Салмин С.А. *2 том* 118
Салмина Е.В. *2 том* 22, 119
Сальхов У.Х. *1 том* 147, 196
Самарин А.Ю. *1 том* 213
Самойлов К.Г. *1 том* 601, 642
Самоквасов Д.Я. *1 том* 413, 506, 517, *2 том* 82, 113
Самонова М.Н. *2 том* 121, 248, 335
Сандерс А. *2 том* 251
Санкина С.Л. *1 том* 466, 480, 552, 553, *2 том* 475, 477
Сапега Я. *1 том* 60
Сарабьянов В.Д. *1 том* 560, 641–645, *2 том* 234, 236, 237, 239, 245, 347, 475, 476
Сартон Г. *1 том* 187
Сарычева Т.Г. *2 том* 18, 118
Сахаров А.Д. *1 том* 24
Сахаров А.М. *1 том* 117, 171, 173, 215, 216, 303, 437, 549, *2 том* 183, 234, 240, 244
Сахаров А.Н. *1 том* 29, 210, 471, 552, 566, 568, 572, 639, *2 том* 181, 240, 242, 327, 343, 344, 348, 357, 358, 360, 378, 463, 466, 480
Свак Д. *1 том* 143, 213
Сванидзе А.А. *2 том* 347
Сванидзе Д.В. *1 том* 623, 626, 644, 645
Сванинг Х. *1 том* 82
Свеннунг Ю. *1 том* 87
Свердлов М.Б. *1 том* 27, 77, 122, 206–209, 213, 218, 266, 298, 299, 302, 310, 314, 315, 476, 551, 553, 586, 600, 601, 641, 642, *2 том* 46, 52, 54, 89, 120, 123, 159, 162, 166, 172, 174, 224, 236, 237, 238, 245, 248, 260, 282, 284, 329, 335, 337, 339, 341, 342, 348, 383, 428, 430, 467, 468, 473
Свистун Ф.И. *1 том* 26, 117, *2 том* 201, 243, 264, 337, 338
Святой Ф. *1 том* 161, 215, 428, *2 том* 336, 337
Седов В.В. *1 том* 282, 294, 313, 472, 478, 482, 484, 501, 502, 505, 550, 552–554, 556, 583–585, 601, 612, 619, 640, 642–644, *2 том* 22, 33, 109, 113, 119, 124, 159, 237, 270, 294, 339, 343, 344, 354, 357, 359, 361, 369, 396, 400, 419, 424, 436, 438, 444, 449, 457, 462–464, 469, 470, 472, 474–477
Седов П.В. *1 том* 120
Седова М.В. *2 том* 346
Седых В.Н. *1 том* 598, 602, 620, 627, 631, 642–645, *2 том* 37, 308
Селецкий Ф. *2 том* 242
Селин А.А. *1 том* 59, 64, 120–123, 557, 579, 580, 640, *2 том* 52, 120
Селлий А.Б. *2 том* 391
Селлинг Д. *1 том* 490, 491, *2 том* 419
Сельнес К. *1 том* 592
Семейко Н.А. *2 том* 267
Семёнов В.Ф. *2 том* 347
Семёнов-Зусер С.А. *1 том* 42, 117
Сендерович С.Я. *1 том* 393, 431, *2 том* 242, 342
Сениченкова Т.Б. *2 том* 445, 448, 476
Сенковский О.И. *1 том* 284, 313, 326, 334, 359, 412, 425, 426, 429, 632, *2 том* 138, 145, 150, 176, 235, 249, 335, 430, 473
Сергеев С.И. *1 том* 406
Серебрянский И. *2 том* 336
Сеславин А.Н. *2 том* 457
Сидор (Исидор) *1 том* 58, 67, 72, *2 том* 259, 377, 386
Сидоренко О.В. *1 том* 32, 116
Сидоренко Т.Е. *2 том* 123
Сизов В.И. *1 том* 388, 406, 485, *2 том* 450
Сильвестр де Саси *1 том* 518

- Симеон Логофет 2 том 127, 267
Симеон Суздальский 2 том 259
Симонов Р.А. 2 том 338
Симпсон Ж. 1 том 112, 126, 553, 2 том 346, 348
Скарин А. 1 том 52, 56, 82, 93, 98, 119, 336
Скорород-Маевский В. 1 том 324
Скрипкин И.Н. 2 том 348
Скромненко С. (Строев С.М.) 1 том 116, 214, 427, 2 том 241
Скрынников Р.Г. 1 том 111, 125, 506, 556, 591–593, 623, 641, 644, 2 том 44, 50, 71, 74, 96, 123, 147, 235, 236, 239, 342, 346, 425, 472
Славнитский М. 2 том 341
Славянский М.И. 1 том 111, 125, 2 том 139, 235
Слаский К. 2 том 239
Смирнов А.С. 1 том 32, 116, 216
Смирнов П.П. 2 том 296
Смирнов С.К. 1 том 186, 217
Смирнова Г.П. 2 том 436, 447, 474, 476
Смолеговский А.М. 1 том 199–201
Снорри Стурлусон 1 том 9, 44, 101, 132, 158, 203, 277, 332, 355, 366, 453, 488, 489, 599, 608, 2 том 47, 48, 180, 415, 416, 429, 471, 478
Собестианский И.М. 1 том 413
Соболевский А.И. 1 том 388, 390, 402, 431, 432, 517, 518, 557, 2 том 110, 352, 427, 473
Собчак А.А. 1 том 634, 646
Сойер П. 1 том 393, 431, 441, 464, 467, 468, 473, 475, 476, 479, 488, 503, 547, 552, 553, 555, 556, 588, 631, 641, 645, 2 том 112, 124, 312, 313, 342, 346, 370, 464
Соколов Б.М. 2 том 141, 143, 235, 249, 335
Соколов О.Д. 1 том 445, 550
Соколов С.В. 1 том 23, 27, 29, 119, 130, 212, 277, 312, 476, 553, 571, 579, 639, 640, 2 том 50, 120
Соколова Н.В. 1 том 213, 215
Солин 1 том 132
Соловьёв А.В. 1 том 438, 457
Соловьёв С.М. 1 том 26, 28, 33, 41, 57, 68, 71, 95, 103, 106, 116, 117, 120–122, 124, 125, 145, 148, 150–155, 169, 180, 183, 189, 193, 201, 211–214, 217, 218, 222, 232, 257, 264, 267, 269, 272, 273, 286, 293, 295–297, 307, 309–312, 314, 342, 343, 345, 349, 353, 360, 2 том 122, 139, 178, 185, 186, 201, 202, 203, 215, 234, 235, 239, 240, 243, 244, 247, 254, 260, 287, 315, 326, 335–337, 342, 347, 357, 365, 376, 432, 454, 462, 464, 474, 477
Солоневич И.Л. 1 том 109, 125, 141, 213, 2 том 157, 236
Сорокин П.Е. 1 том 622, 642, 644
Спарвенфельд Ю.Г. 1 том 346, 2 том 259
Спартиан 1 том 132, 294
Спицын А.А. 1 том 380, 388, 391, 399, 401, 412, 431, 432, 496, 506, 517, 557, 2 том 82, 122, 441, 475
Спицын Е.Ю. 2 том 124
Срезневский И.И. 1 том 344, 352, 360, 427–429, 2 том 184–186, 239, 240, 242, 252, 316, 336, 347, 404
Срезневский И.И. 1 том 344, 352, 360, 427–429, 2 том 184–186, 239, 240, 242, 252, 316, 336, 347, 404
Сталин И.В. 1 том 445, 446, 2 том 90
Стальсберг А. 1 том 441, 472, 504, 505, 553, 556, 579, 611, 618, 640, 643, 644, 2 том 304, 308, 321, 345, 346, 348, 451, 472, 476, 477
Станг Х. 1 том 588, 595, 641, 642, 645, 2 том 173, 301, 358, 359, 361
Станкевич Я.В. 1 том 469, 2 том 476
Старчевский А.В. 1 том 26, 33, 116, 162, 215, 312, 2 том 184, 240
Стасов В.В. 1 том 517, 557
Стеблин-Каменская С.И. 2 том 58, 121
Стеблин-Каменский М.И. 1 том 446, 488, 554, 637, 2 том 181, 285
Стеклов В.А. 1 том 128, 212, 265, 305, 310, 315
Стеллер Г.В. 1 том 147
Стенбергер М. 2 том 419
Стендер-Петерсен А. 1 том 126, 415, 419, 440, 441, 452, 453, 455–459, 467, 475, 487, 499, 509, 523, 527, 551, 562, 580, 581, 591, 680, 621, 624, 625, 627, 2 том 32, 46, 53, 93, 135, 146, 147, 150, 153, 158, 165, 220, 226, 248, 265, 266, 271, 316, 320, 328
Степанов А.М. 2 том 476
Стефанович П.С. 2 том 52, 54, 69, 120, 121, 124, 228, 233, 243, 245, 348
Стецкевич Е.С. 1 том 307
Страбон 1 том 53, 86, 132
Страленберг Ф.И. 1 том 54, 267, 346, 548, 2 том 259, 281
Стриттер И.М. 1 том 149, 190, 217
Строев П.М. 2 том 184, 186
Строев С.М. 1 том 31, 116, 158, 344, 427, 2 том 137, 140, 188, 201, 235, 241, 243
Струминьский Б. 2 том 97
Стрыйковский М. 1 том 10, 132, 192, 264, 279, 294, 2 том 158, 205, 385, 388, 440
Стубавс А.Я. 2 том 436, 475
Сугорский И.Н. 2 том 320, 347, 375, 417, 465, 471
Сумароков А.П. 1 том 164, 222

Суровецкий Л. *1 том* 324
Сухомлинов М.И. *1 том* 155, *2 том* 140, 185, 186, 240
Сухотин Л.М. *1 том* 27, 425
Сыромятников С.Н. *1 том* 413, *2 том* 160, 316, 421
Сюзюмов М.Я. *1 том* 546
Сюндберг Х. *1 том* 121
Сёдерберг С. *1 том* 604, 643

Т

Талис Д.Л. *1 том* 293, *2 том* 366, 464
Талльгрэн-Тулио О. *2 том* 395
Тамм Ф. *2 том* 421
Тарановский Ф.В. (Тарановский Ф.В.) *1 том* 26, 37, 107, 117, 341, 427
Тарасов В.В. *2 том* 291
Таркиаинен К. *1 том* 88
Татищев В.Н. *1 том* 10–13, 23, 26, 36, 40, 45, 50, 51, 117–119, 130, 135–139, 147, 150, 151, 153, 154, 160, 161, 165, 172, 191, 195, 204, 207, 208, 210–212, 215, 218, 232, 233, 262, 265–269, 272, 273, 279, 289, 298, 307, 309–312, 412, *2 том* 51, 102, 136, 155, 179, 186, 187, 190, 202, 240, 241, 243, 247, 261, 292, 335, 337, 343, 351, 364, 386, 427, 432, 434, 462, 463, 467, 473, 474
Тауберт И.И. *1 том* 134, 145–147, 199, 229, 232, 250, 257, 304
Тацит *1 том* 37, 53, 103, 132, 140, 265, 294, 381, *2 том* 292, 353, 376, 459, 478
Творогов О.В. *2 том* 121, 123, 196, 197, 242, 245, 339, 340
Тебеньков М.М. *1 том* 56, 120, 340, 427, *2 том* 206, 243, 249, 335, 463
Тегель Э.Е. *1 том* 84
Тегнер Э. *1 том* 111, 112
Тегнер Ё. *1 том* 108, 605, 640, 643, *2 том* 23, 119, 314, 346, 348
Тенгстрём Л. *1 том* 80
Теплов Г.Н. *1 том* 148, 155, 164, 182, 183, 193, 196, 198, 202, 222, 223, 231, 232, 235–239, 241, 242, 244, 247, 249, 253, 254, 256, 257, 304
Терехова Н.Н. *2 том* 27, 119
Тиандер К.Ф. *1 том* 389, 395, 396, 431–433, *2 том* 142, 143, 209, 235, 244, 327, 348
Тивериадский Л.С. *1 том* 441, 526, 550
Тизенгаузен В.Г. *1 том* 388, 431, *2 том* 465
Тимофеев В.П. *2 том* 290, 343
Тимошук Б.А. *1 том* 577
Тиннефельд Ф. *2 том* 359
Титмар Мерзебургский *1 том* 124, 387, *2 том* 284, 286, 342, 399, 404, 406, 430, 445, 469, 470

Тихомиров И.А. *1 том* 166, 215, 371, 388, 406, 429, *2 том* 242
Тихомиров М.Н. *1 том* 39, 40, 42, 117, 172, 173, 216, 257, 281, 299, 309, 312, 315, 425, 441, 456, 528, 549, 551, 558, 568, *2 том* 144, 150, 166, 183, 190, 214, 235, 238, 240, 241, 244, 265, 267, 318, 338–340, 342, 347, 370, 376, 464, 466
Тихонов И.Л. *1 том* 557
Тишкин Г.А. *1 том* 217
Тойнби А.Дж. *1 том* 269, 311
Толкачёв А.И. *1 том* 558
Толочко А.П. *1 том* 195, 210, *2 том* 28
Толочко П.П. *1 том* 311, 479, 553, *2 том* 37, 50, 98, 99, 102, 120, 123, 192, 236, 241, 294, 304, 308, 309, 344, 345, 346, 361, 369, 463, 464, 474
Толстая С.М. *1 том* 432, 553, *2 том* 118, 124
Толстиков А.В. *1 том* 46, 84, 86, 87, 118, 121, 123
Толстов С.П. *1 том* 438, 549, 550, *2 том* 84, 122, 356, 462
Толстой И.И. *1 том* 379, 401, 430, *2 том* 302, 345
Толстой Л.Н. *1 том* 142, 143, 213, 318, 425
Томас Ф. *1 том* 93, *2 том* 390, 393
Томсен В. *1 том* 18, 28, 53, 56, 114, 116, 120, 126, 167, 215, 285, 286, 313, 332, 347, 349, 371–373, 378, 380, 381, 385–387, 389, 390, 392, 403, 404, 406, 427, 429, 430, 435, 455, 457, 471, 474, 509, 511, 518, 521, 527, 552, 557, 561, 571, 583–586, 591, 598, 608, 627, 628, 631, 633, 638, 645, *2 том* 10, 13, 16, 46, 50, 53, 57, 74, 118, 141, 158, 161, 165, 180, 235, 237, 240, 265, 268, 316, 324, 339, 347, 348, 376, 465
Томсинский С.В. *1 том* 19, 28, 477, 485, 553, 554, 557, *2 том* 346
Тополь Э. *2 том* 125
Топоров В.Н. *1 том* 336, *2 том* 95, 110, 123, 124, 163, 237
Торопова Е.В. *1 том* 577, 640
Торопцев А. *1 том* 640
Тортика А.А. *2 том* 92
Торфей Т. *1 том* 278, 280, *2 том* 180
ТрEDIAковский В.К. *1 том* 10, 26, 45, 118, 124, 145, 229, 238, 239, 248, 249, 256, 308, 358, 428, *2 том* 248, 335, 337
Трейер Г.С. *1 том* 11, 279
Третьяков П.Н. *1 том* 431, 451, 551, 559
Тржештик Д. *2 том* 478
Троцкий И.М. *1 том* 403, 432, *2 том* 210, 244
Трояновский С.В. *1 том* 113

- Трубачёв О.Н. *1 том* 294, 313, 565, 584, 585, 628, 639, *2 том* 13, 78, 99, 100, 123, 177, 239, 307, 322, 323, 348, 352, 353, 367, 373, 462, 464, 465
- Трубецкой Д.Т. *1 том* 67
- Трусман Ю. *2 том* 428, 473
- Трухачёв Н.С. *1 том* 534, 537, 538, 559, *2 том* 378, 394, 466, 468
- Тункина И.В. *1 том* 116
- Тунман Ю. *1 том* 13–15, 34, 35, 53, 54, 106, 107, 109, 159, 160, 286, 289, 316, 319, 364, *2 том* 51, 288, 350, 364
- Тургенев И.С. *1 том* 318, 356, 425
- Турилов А.А. *1 том* 445, 533, 550, 559, *2 том* 136, 155, 224, 234, 236, 245, 379, 466
- Турнаев В.И. *1 том* 201, 218
- Тухтина Н.В. *1 том* 466, 485, 552, 554, 556
- Тютчев Ф.И. *1 том* 143, 213
- У**
- Уваров А.С. *2 том* 113
- Ульяновский В. *1 том* 59
- Умбрашко К.Б. *1 том* 27, 32, 116
- Унгеит Ф. *1 том* 575, 640
- Урбанчик П. *1 том* 589, 631, 633, *2 том* 24, 284, 309, 370
- Урланис Б.Ц. *1 том* 328, 425, 431
- Успенский Ф.Б. *1 том* 87, 614, 623, 643, 644, *2 том* 41, 42, 61, 63, 120, 287, 318, 342, 347
- Успенский Ф.И. *1 том* 339, 371, 378, 426, 429, *2 том* 203, 243, 294, 340, 344, 365
- Устрялов Н.Г. *1 том* 47, 96, 118, 124, 150, 214, 317, 327, 425
- Ф**
- Файст С. *2 том* 376
- Фальк К.-О. *2 том* 166
- Фасмер М. *1 том* 336, 415, 416, 420, 421, 426, 432, 583, 627, 636, *2 том* 32, 45, 120, 265, 328, 339, 348, 349, 417, 421, 471, 472
- Фатер И.С. *1 том* 15, 157, 214, 286, 293, 313, *2 том* 51
- Федорина А.Н. *2 том* 411
- Федорович Г.Ф. *1 том* 196
- Федотов А.Ф. *1 том* 26, 160, 215, 356, 428
- Фетисов А.А. *1 том* 620, 644, *2 том* 17, 18, 32, 35, 118, 119, 309, 310, 327, 346, 348, 471
- Феттих Н. *2 том* 111
- Фехнер М.В. *1 том* 469, 470, 477, 501, 552, 553, 556, 581, 604, 619, 640, 643, 644, *2 том* 454, 455, 477, 478
- Фигаровский В.А. *1 том* 120–122
- Филевич И. *1 том* 350, 428, *2 том* 130, 185, 233, 240
- Филин Ф.П. *1 том* 451, 551
- Фихте И.Г. *1 том* 108, 125
- Фишер И.Э. *1 том* 104, 131, 144, 162, 170, 192, 210, 227–230, 233, 234, 238, 239, 241, 242, 245–247, 257, 299, 300
- Флоринский В.М. *2 том* 404
- Флоровский А.В. *1 том* 409, 432, *2 том* 355, 462
- Флоря Б.Н. *2 том* 224, 245, 347, 367, 464, 465
- Флёров В.С. *2 том* 123
- Фомин А.В. *2 том* 408, 470
- Фомин В.В. *1 том* 17, 21, 23, 26–29, 83, 116, 118, 120, 122, 124–126, 210, 212, 213, 217, 218, 307–309, 311–315, 427–430, 444, 549, 550, 556, 557, 559, 560, 566–569, 571, 572, 639, 641, 643, 644, *2 том* 31, 32, 59, 117–119, 122, 231, 234, 238–243, 245, 335–337, 339–343, 348, 349, 463–465, 467–469, 471, 474, 478, 480
- Формей И.Г.С. *1 том* 221
- Формозов А.А. *1 том* 182, 183, 189, 192, 216, 217, 463, 550, 552, 566, 571, 639
- Форстен Г.В. *1 том* 64, 70, 71, 73, 76, 77, 83, 90, 120–124
- Фортинский Ф.Я. *1 том* 7, 26, 116, 335, 373, 426, 429, 639, *2 том* 405, 471, 474
- Франклин С. *1 том* 574, 588, 600, 639, 641, 642, *2 том* 66, 74, 96, 121–123, 176, 192, 222, 233, 239, 241, 244, 271, 296, 307, 321, 339, 340, 346, 348, 361, 372, 463, 465
- Френ Х.Д. *1 том* 160, 331, 346–348, 629, 632, *2 том* 395
- Френкель Я.В. *1 том* 469, 490, 491, 552, 555
- Фриш И.Л. *1 том* 132
- Фролов М.В. *2 том* 97, 115
- Фролов Э.Д. *1 том* 32, 116, *2 том* 135, 234
- Фроянов И.Я. *1 том* 27, 439, 451, 521, 525, 550, 551, 558, *2 том* 132, 212, 225, 228, 234, 244, 245
- Фруменков Г.Г. *1 том* 118, 173, 216, 309, 549
- Фукус А.Н. *1 том* 352, 428, 437, 549
- Фундаминский М.И. *1 том* 184, 216
- Фёдоров А.С. *1 том* 119, 212, 217, 218, 307, 309, 310
- Фёдоров О. *1 том* 634, 646, *2 том* 6, 118
- Фёдорова Н.В. *1 том* 492
- Х**
- Хабургаев Г.А. *1 том* 441, 442, 451, 528, 529, 533, 537, 550, 559, 628, *2 том* 59, 188, 241
- Хакслей Дж. *2 том* 357

Халанский М.Г. 2 том 42, 63
Халипов С.Г. 1 том 283
Хамайко Н.В. 1 том 507, 556, 2 том 28, 36
Хариссон Д. 1 том 489, 2 том 292, 411, 412, 420
Хартанович М.Ф. 1 том 307
Харузин Н.Н. 2 том 412, 413, 471
Хвольсон Д.А. 1 том 24, 349, 375, 411, 428
Хвоцинская Н.В. 1 том 600, 619, 622, 642, 644,
2 том 346, 472, 475, 477
Хеденборг С. 1 том 77, 122, 431, 2 том 240,
317, 347
Хейвуд Д. 1 том 75, 112, 114, 122, 313, 483,
554, 586, 611, 641, 643, 2 том 48, 61, 67,
120, 121, 140, 229, 235, 240, 245, 312, 321,
329, 343, 346, 348, 349, 410, 411, 416, 469,
470, 471
Хеллер К. 2 том 74
Хемниц Ф. 1 том 9, 10, 24, 291, 2 том 388
Херрман Й. 1 том 471, 518, 552, 557, 2 том
345, 395, 396, 399, 401, 408, 409, 414, 418–
420, 422, 423, 445, 448, 458, 468–476
Хессельман Б. 1 том 616
Хиенстранд О. 1 том 482
Хилков А.Я. 1 том 273
Хлевов А.А. 1 том 32, 107, 113, 116, 117, 125,
126, 305, 306, 315, 331, 354, 380, 387, 422,
425, 428, 431, 433, 439, 457, 458, 464, 465,
499, 546, 550–552, 557, 560–563, 582, 639,
640, 2 том 173
Ходаковский З.Д. 1 том 324
Хомяков А.С. 1 том 141, 213, 317, 2 том 384,
467, 483, 484
Хорошев А.С. 2 том 10, 304
Хорошкевич А.Л. 1 том 119, 120, 122, 123, 476,
477, 553, 2 том 271, 339
Хрущов И.П. 2 том 187, 241
Хьюджес Ш. 2 том 334
Хьюбнер И. 1 том 24, 291, 2 том 388

Ц

Цамутали А.Н. 1 том 437, 549
Цветаев Д. 2 том 336
Цветков С.В. 1 том 554, 2 том 114, 124, 296,
344, 360, 463, 476
Цветков С.Э. 2 том 441
Целларий Х. 1 том 132
Цильмер К. 2 том 433
Цукерман К. 1 том 22, 29, 474, 553, 607, 617,
643, 644, 2 том 37, 47, 53, 96, 120, 122, 123,
177, 192, 196, 227, 239, 241, 242, 245, 294,
296, 297, 299, 309, 344, 346, 356, 359, 462,
463
Цыганков Д.А. 1 том 264, 310

Ч

Чаадаев П.Я. 1 том 317
Чадвик Н.К. 1 том 456, 2 том 150
Чекурин Л.В. 1 том 352, 430, 549
Ченакал В.Л. 1 том 314
Черепнин Л.В. 1 том 27, 42, 118, 176, 213, 215,
216, 269, 311, 534, 549, 2 том 191, 192, 215,
234, 241, 244
Чернер С. 2 том 333, 349
Чернецов А.В. 1 том 565, 601, 639, 642, 2 том
112
Черников И.И. 2 том 476
Черникова Т.В. 2 том 73, 121
Чернобаев А.А. 1 том 116, 432
Чернов А.Ю. 2 том 64, 121, 144
Черных А.В. 2 том 469
Черных П.Я. 1 том 526, 558, 2 том 320, 338,
347, 472
Чернышевский Н.Г. 1 том 40, 117, 144, 183
Чернышёв Н.А. 1 том 486, 554, 2 том 303, 345
Чиликин К.П. 2 том 121
Членов А.М. 1 том 558, 614, 2 том 41, 50
Чубарьян А.О. 1 том 30, 116
Чуракова А.Ю. 1 том 644
Чхайдзе В.Н. 2 том 370, 464

Ш

Шамрай Д.Д. 1 том 314
Шанский Д.Н. 1 том 32, 116, 270, 311
Шапиро А.Л. 1 том 27, 118, 270, 311, 437, 549
Шапошников В.Н. 2 том 349, 473
Шарко Ф.С. 2 том 457
Шаровольский И.В. 1 том 374, 379, 429, 430,
2 том 421, 472, 478
Шарыпкин Д.М. 1 том 118, 123, 124, 338, 426,
2 том 468
Шаскольский И.П. 1 том 26, 27, 74, 111, 115,
119, 122, 125, 126, 179, 216, 312, 313, 392,
393, 397, 428, 430–434, 439, 447–451, 457,
462, 470, 474, 475, 479, 486, 500, 502, 505,
526, 527, 535, 549–554, 556, 558, 559, 565,
567, 637, 639, 641, 2 том 52, 111, 124, 132,
134, 145, 152, 157, 171, 234–238, 244, 248,
253, 260, 262, 272, 303, 307, 323, 331, 332,
335–337, 339, 340, 343, 345–348, 424, 425,
442, 453, 474, 475, 477
Шафарик П.И. 1 том 164, 174, 278, 293, 312,
332, 350, 428, 2 том 202, 243, 365, 371, 404,
416, 418, 420, 464, 469, 471, 472
Шафрановский К.И. 1 том 250, 309
Шаханов А.Н. 1 том 352, 428
Шахматов А.А. 1 том 168, 215, 293, 327, 346,
353, 379, 380, 388, 389, 393–397, 399, 400,

- 410–412, 423, 427, 428, 431, 432, 437, 457, 539, 571, 584, 588, 607, 641, 2 том 13, 48, 74, 81, 82, 86, 88, 89, 118, 120, 122, 128, 129, 143, 185, 187, 189, 195, 196, 198, 199, 203, 206, 210, 211, 213, 216, 222, 226, 228, 229, 233, 237, 240–243, 248, 252, 260, 262, 265, 270, 296, 335–339, 365, 379, 432, 433, 439, 463, 464, 466, 474
- Швабе И. 1 том 79
- Шеврук-Муравьёв М.Д. 1 том 72
- Шевырёв С.П. 1 том 351
- Шеншин В. 1 том 31, 116, 157, 214
- Шепард Д. 1 том 574, 588, 600, 617, 639, 641, 642, 2 том 74, 96, 122, 123, 176, 222, 239, 244, 296, 321, 348, 361, 463
- Шетген И.Х. 1 том 94
- Шиббаев М.А. 2 том 270
- Шикло А.Е. 1 том 204, 218
- Шилов А.Л. 1 том 605, 635–638, 643, 646, 2 том 254
- Шинаков Е.А. 1 том 17, 28, 516, 532, 557, 559, 569, 577, 615, 629, 639, 640, 643, 645, 2 том 34, 111, 119, 124, 148, 155, 175, 236, 239, 293, 343, 354, 462
- Шлёцер А.Л. 1 том 11–16, 23, 26, 27, 31–38, 40–42, 45, 52–56, 71, 87–89, 98, 102, 103, 105–110, 116–125, 127, 129–137, 139–141, 143, 145, 148–163, 165–169, 171, 173–177, 179, 182–185, 191, 192, 194–196, 199, 205, 206, 209, 210, 212–216, 218, 224, 250, 254, 257–262, 267–272, 276–280, 283, 286, 288–290, 293, 295, 298, 299, 300, 303, 304, 306, 307, 309–323, 326, 331–336, 341, 342, 344–346, 348, 350, 351, 354, 355, 357, 363, 364, 366, 369, 386, 387, 391, 400, 401, 425–427, 435, 436, 440, 450, 456, 465, 483, 521, 554, 563, 565, 568, 570, 580, 593, 595, 609, 624, 644, 2 том 26, 37, 51, 58, 81, 85, 87, 110, 122, 124, 136, 138, 165, 168, 179, 183, 186, 188, 200, 202, 234, 237, 238, 240–243, 247, 253, 259, 268, 292, 317, 319, 328, 333, 335, 339, 343, 347, 349, 350, 364, 386, 397, 462, 463, 467, 469
- Шмидт А.В. 1 том 401, 432
- Шмидт Е.А. 1 том 611, 643
- Шмидт К.Р. 1 том 441
- Шмидт Я.Ф. 1 том 255
- Шмурло Е.Ф. 1 том 27, 28, 32, 116, 331, 375, 405, 414, 415, 426, 430, 432, 641, 2 том 211, 244, 320, 347
- Шнеевайс Й. 2 том 404, 415, 468–471
- Шноре Э.Д. 2 том 436, 475
- Шокарев С.Ю. 1 том 46, 47, 81, 118, 123
- Шольц Б. 1 том 28, 45, 82, 92, 99, 118, 123, 124
- Шор Т. 2 том 376, 397
- Шоттелий Ю.Г. 1 том 10, 335
- Шпангенберг И.К. 1 том 255
- Шпилев А.Г. 2 том 16, 97, 118, 123, 124, 296, 344
- Шрайнер П. 2 том 359
- Шрамм Г. 1 том 281, 282, 284, 312, 528, 529, 531, 565, 584, 595, 627, 2 том 59, 74, 165, 227, 267, 315, 323
- Шретер И.И. 1 том 260
- Штаден Г. 1 том 79, 123
- Штелин Я.Я. 1 том 133, 138, 146, 164, 182, 184, 186, 197, 200, 202, 217, 229, 241, 243, 255, 263
- Штибер Г.Ф. 1 том 93, 2 том 390
- Шторх А.К. 1 том 13, 34, 166, 269, 357
- Штраух Р. 1 том 51, 83
- Штриттер И.М. 1 том 190
- Штрубе Ф.Г. (Штрубе де Пирмонт Ф.Г.) 1 том 107, 125, 144, 162, 170, 171, 182, 192, 202, 210, 229, 232, 238, 241–243, 245, 256, 258, 309, 318, 341, 344, 356, 2 том 202, 243, 247, 288, 292, 335
- Штруве К.-В. 2 том 469, 478
- Штыхов Г.В. 1 том 470, 498, 555
- Штэрнъельм Г. 1 том 85
- Шувалов А.П. 1 том 138
- Шувалов В.П. 2 том 47
- Шувалов И.И. 1 том 186, 198, 255, 298
- Шувалов П.В. 2 том 120, 174, 239
- Шуйский А.И. 2 том 166
- Шумахер И.Д. 1 том 133, 146, 155, 165, 182, 183, 188, 189, 193, 196–198, 200–202, 212, 221–223, 229, 231–233, 235–239, 241–244, 247–249, 251, 252, 257, 270, 271, 296, 304
- Шушарин В.П. 1 том 27, 125, 427, 438, 472, 526, 549, 551, 556, 558, 559, 641, 2 том 84, 122, 234, 305, 335, 345, 348, 423, 472
- Шюк А. 2 том 273, 331
- Шюк Г. 2 том 150
- Шёберг М. 2 том 331
- Шёргрен А.М. 1 том 330
- Щ**
- Щавелёв А.С. 1 том 620, 2 том 17, 18, 35, 48, 53–55, 110, 118–120, 124, 248, 266, 296, 309, 316, 335, 338, 344, 346
- Щавелёв С.П. 1 том 114, 126, 182, 216, 463, 552, 571, 577, 639, 640, 2 том 29, 72, 119, 121, 321, 347
- Щапов Я.Н. 2 том 264, 338
- Щапова Ю.Л. 1 том 506, 556
- Щеглов А.Д. 1 том 79, 123
- Щеглов Д.Ф. 1 том 288, 313, 341, 371, 427, 429, 2 том 240, 345, 346

Щеглова О.А. *2 том* 124
Щепкин Е.Н. *1 том* 392, 406, 431, 432
Щербатов М.М. *1 том* 12, 13, 150, 151, 300,
2 том 102
Шукин М.Б. *1 том* 610, 643

Э

Эбергард И.П. *1 том* 255
Эверс Г. *1 том* 14, 15, 20, 24, 26, 27, 34, 45,
56, 91, 144, 156–158, 160, 161, 163, 214, 269,
287–290, 313, 314, 317, 323, 340, 344–346,
349, 351, 353, 355, 356, 358, 364, 366, 370,
371, 382, 411, 412, 426–428, 439, 483, 554,
592, 624, 644, *2 том* 49, 58, 81, 168, 179, 184,
240, 248, 253, 261, 288, 293, 335–337, 343,
351, 364, 462, 464
Эдберг Р. *1 том* 588
Эдинг Д.Н. *1 том* 401, 432
Эйлер Л. *1 том* 133, 164, 197, 220, 221, 255
Эйхвальд Э.И. *1 том* 357
Экблом Р. *1 том* 392, 393, 404, 415, 416, 421,
455, 527, *2 том* 38
Экбу С. *1 том* 285, 455
Эккехард из Ауры *2 том* 462
Эленшлегер А. *1 том* 111, 112
Эмин Ф. *1 том* 14, 36, 117, 135, 138, 149, 150,
160, 212, 213, *2 том* 328, 348
Эмундссон Э. *1 том* 403
Энгельс Ф. *1 том* 435, 444, 448
Эпинус Ф.У.Т. *1 том* 35, 163, 184, 261
Эрлихман В.В. *1 том* 631, 645, *2 том* 352,
462

Ю

Южаков С.Н. *1 том* 352
Юрганов А.Л. *2 том* 157, 236, 467
Юргевич В.Н. *1 том* 340, 353, 427, *2 том* 289,
343
Юркин И.Н. *1 том* 274, 312
Юсим М.А. *1 том* 80, 123
Юслениус Д. *1 том* 132
Юхансен П.А. *1 том* 20
Юханссон А.В. *1 том* 77, 122, 431, *2 том* 240,
317, 347
Юхт А.И. *1 том* 119
Юшков С.В. *1 том* 437, 549, *2 том* 132, 215,
234, 244

Я

Ягич И.В. *1 том* 149, 214
Якобсон Р.О. *2 том* 145, 371
Якобссон С. *1 том* 79, 123, *2 том* 337
Яковлев Н. *1 том* 549

Яковлева Е.А. *2 том* 11, 22, 118, 119
Якубский В.А. *1 том* 310
Якушкин И. *1 том* 61
Яманов В.Е. *2 том* 173, 175, 238, 239
Янин В.Л. *1 том* 313, 557, 639, 642, *2 том* 13,
27, 54, 56, 118, 119, 159, 164, 174, 237, 239,
271, 310, 339, 340, 346, 422, 424, 425, 439,
440, 447, 448, 452, 472, 474–476
Янссон И. *1 том* 499, 500, 502, 555, 556, 579,
581, 600, 604, 605, 611, 640, 642, 643, *2 том*
23, 30–32, 59, 119, 135, 234, 308, 312, 314,
346, 348, 449, 455, 475, 476, 478
Янссон С.Б.Ф. *1 том* 597
Янцен А. *1 том* 589
Ясновська Л.В. *2 том* 119

А

Adelung F. *2 том* 467
Ambrosiani B. *2 том* 349, 471, 472
Andersson H. *2 том* 349
Arne T.J. *1 том* 431, *2 том* 235
Artsikhovsky A. *1 том* 551

В

Bazylow L. *1 том* 116
Bayer G.S. *1 том* 116, 124, 311–313, 426, 444,
2 том 238, 339, 340, 343, 463, 467
Beer M.I. *1 том* 124, *2 том* 468
Briet Ph. *1 том* 124
Buchholtz S. *2 том* 468

С

Chadwick N.K. *1 том* 551
Clarke X. *2 том* 349, 471, 472
Cronholm A. *1 том* 120

Д

Dalin O. *1 том* 120, 124, 125
Duret C. *1 том* 124
Długossi J. *2 том* 467

Е

Eklblom R. *1 том* 431
Ewers J.P.G. *1 том* 26, 28, 118, 120, 124, 214,
313, 314, 426–428, 554, *2 том* 240, 337, 343,
462, 464

Ф

Falk H.S. *2 том* 471, 472
Frähn F. *1 том* 427

Г

Grimm J. *1 том* 557

H

Hübner J. 2 том 468

K

Klüver H.H. 2 том 468

Krug Ph. 1 том 426, 2 том 463

Kunik E. 1 том 28, 118–120, 122, 214, 426–429, 644, 2 том 236, 237, 337, 339, 340, 463, 474

L

Langebek J. 2 том 472

Larsson L-O. 1 том 122

Latvakangas A. 1 том 28, 118–124, 2 том 122, 468

Lind J. 1 том 29, 126, 2 том 118

Lindkvist T. 2 том 349, 472

M

Marmier X. 2 том 468

Miklosich F. 1 том 431

Minorsky V. 1 том 432

Mohrenschiltd D. 1 том 213

Müller G.F. (Mullero G.F.) 1 том 118, 125, 309, 311, 312, 2 том 243

Münster S. 1 том 119, 124, 2 том 467

N

Nazarenko A. 1 том 313

O

Otrębski J. 1 том 558

P

Petrejus P. 1 том 45, 119

Praethorius M. 1 том 123, 2 том 468

R

Rudbeck O. 1 том 26, 119

Rüß H. 1 том 28, 116

S

Scarin A. 1 том 119

Scholz B. 1 том 28, 118, 123, 124

Schramm G. 1 том 116, 282, 642, 2 том 339

Sclözer A.L. 1 том 26

Shore T.W. 2 том 471

Sjöberg M. 2 том 349, 472

Stender-Petersen A. 1 том 117, 126, 550, 551, 558, 2 том 122, 234, 236, 335, 339, 347, 348

Strykowski M. 2 том 237, 467, 475

T

Tarkiainen K. 1 том 118

Thomas F. 1 том 124, 2 том 468

Thunmann J. 1 том 117, 125, 314, 425, 2 том 342

Torp A. 2 том 472

U

Urbańczyk P. 1 том 641, 645, 2 том 119, 342, 464

V

Vasmer M. 1 том 432

Verelius O. 1 том 119, 554

Vilinbachov V.B. 1 том 559

W

Weinhold K. 2 том 347

Widekind J. 1 том 119

Источники и литература

Архивные источники

БАН

1. Успенск. № 210.
2. 16.4.1.
3. 32.3.16.
4. 34.2.26.
5. 21.6.13.
6. 24.4.35.
7. 16.12.5.

ГИМ

8. Синод. собр. № 794.
9. Собр. Барсова. № 1790.
10. Собр. Уварова. № 568.
11. Собр. Щукина. № 710.

РГАДА

12. Ф. Портфели Миллера. № 199. Оп. 1. 48. № 2.
13. Ф. Портфели Миллера. № 248. Тетр. 3.
14. Рукописный отдел библиотеки Моск. главн. архива МИДа. Ф. 181. № 1161.

РГБ

15. Собр. Румянцева. Ф. 256. № 250.
16. Ф. 205. № 118.

РНБ

17. Собр. Петерб. духовной акад. № А 1/260.

18. Собр. Погодина. № 1411.
19. Собр. Погодина. № 1416.
20. Собр. Погодина. № 1474.
21. Собр. Погодина. № 1477.
22. Собр. Титова. 3250.
23. Эрмитажн. собр. № 414.
24. Эрмитажн. собр. № 444.
25. Эрмитажн. собр. № 445.
26. Эрмитажн. собр. 1416.
27. F.IV.623.
28. F.IV.888.
29. F.XVII.22.
30. Q.IV.78.
31. Q.IV.148.
32. Q.XVII.77.

СПБИРИ РАН

33. Собр. Арх. ком. № 27.
34. Собр. Арх. ком. № 28.

СПФА РАН

35. Ф. 95. Оп. 4. Ед. хр. 62.

Sweden Riksarkivet

36. Muskovitica 17. Relation på thet som handlet bleef När Nougordische Sendebudhen komme till Audiens in för H.K.N. hertig Carl Philip och Commissariorne på Wiborgz Slott.
37. Muskovitica 17. Liber collectaneus Danielis Hiort de Hulfredh. Rijsehandlingar ifrånn junii månadt, åhr 1613 in till februarium uthi thette närwarande åhr 1614.

Опубликованные источники и литература

38. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. — Т. II. — Л.-Р. — Л.: Наука, 1973. — 448 с.
39. *Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — СПб.: ОРЯС, 1902. — III, XXIX, 215 с.
40. *Авдусин Д.А.* Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под. ред. Д.А. Авдусина. — М.: МГУ, 1991. — С. 3–20.
41. *Авдусин Д.А.* Артемий Владимирович Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 / Под ред. В.Л. Янина, П.Г. Гайдукова. — Новгород, 1994. — С. 28–34.
42. *Авдусин Д.А.* Археологические источники по варяжскому вопросу // Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — Таллин, 1973. — С. 104–105.
43. *Авдусин Д.А.* Археология СССР. — М.: Высшая школа, 1967. — 291 с.
44. *Авдусин Д.А.* Варяжский вопрос по археологическим данным // КСИИМК. — Вып. 30. — М., Л., 1949. — С. 3–14.
45. *Авдусин Д.А.* Взлёт и падение древнего Гнёздова // Знание — сила. — 1982. — № 11. — С. 16–19.
46. *Авдусин Д.А.* Гнёздово и днепровский путь // Новое в археологии / Сб. статей, посвящ. 70-летию А.В. Арциховского. — М.: МГУ, 1972. — С. 159–169.
47. *Авдусин Д.А.* Ключ-город // Путешествия в древность / Под ред. В.Я. Янина. — М.: МГУ, 1983. — С. 92–122.
48. *Авдусин Д.А.* [Рец.] Х. Ловмянский. Русь и норманны. М., Прогресс, 1985 // ВИ. — 1987. — № 9. — С. 132–134.
49. *Авдусин Д.А.* Неонорманистские измышления буржуазных историков // ВИ. — 1953. — № 12. — С. 114–120.
50. *Авдусин Д.А.* О Гнёздове и Смоленске // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 1979. — № 4. — С. 42–49.
51. *Авдусин Д.А.* Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. — Вып. XX. — Таллин: Ээсти раамат, 1975. — С. 147–156.
52. *Авдусин Д.А.* Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. — Вып. 38. — М., Л., 1951. — С. 72–81.
53. *Авдусин Д.А.* Скандинавские погребения в Гнёздове // Вестник МГУ. — 1974. — № 1. — С. 74–86.
54. *Авдусин Д.А.* Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник / Под. ред. Д.А. Авдусина и В.Л. Янина. — М.: МГУ, 1962. — С. 243–253.
55. *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. 1. — М.: ИИ СССР, 1986. — С. 120–122.
56. *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // ВИ. — 1988. — № 7. — С. 3–34.
57. *Авдусин Д.А.* [Рец.] Gräslund Anne-Sofie. Birka-IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980. 94 p. // ДГ. 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С. 249–255.
58. *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Гнёздово // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 187–188.
59. *Агапатов В.А.* Скандинавские черты в топонимии Заонежья // Европейский Север: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. — Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1990. — С. 117–118.
60. *Агеева Р.А.* Страны и народы. Происхождение названий. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Армада-пресс, 2002. — 320 с.

61. *Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви* // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. — М.: Русская панорама, 2011. — С. 7–150.
62. *Аделунг Ф.П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. В 2-х ч. [в одном переплёте].* Перевод с немецкого А. Клеванова — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1864. — Ч. I. — VIII, V, 301 с.
63. *Аделунг Ф.П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. В 2-х ч. [в одном переплёте].* Перевод с немецкого А. Клеванова — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1864. — Ч. II. — IV, 264 с.
64. *Азбелев С.Н. Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий.* — М.: Русская панорама, 2010. — С. 598–618.
65. *Азбелев С.Н. К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы.* — Сб. 7. — Ч. II. — М.: ИМЛИ РАН, 1994. — С. 363–374.
66. *Азбелев С.Н. Устная история Великого Новгорода: Очерки IX–XVII столетий.* — Великий Новгород: НГУ, 2006. — 307 с.
67. *Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли.* — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — 295 с.
68. *Азов А.В. Вера и политика: осмысление уроков хазарской истории // Ярославский педагогический вестник.* — 2005. — № 3. — С. 129–133.
69. *А.К. [Аннотация]. A.V. Riasanovsky. The Embassy of 862 Revisited: some comments in with a «Normanist» source on early Russian history // ВВ.* — М.: Наука, 1964. — Т. XXV. — С. 258–259.
70. *Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подготовка текста, статьи С.С. Илизарова. Комментарии И.Р. Грининой, С.С. Илизарова.* — М.: Янус, 1996. — 255 с.
71. *Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа.* — М.: Социум, 2000. — 237 с.
72. *Аксёнова Г.В. Древнерусская история в интерпретации СМИ, или размышление том, как и почему Белозерск попал под каток фальсификации древнерусской истории // Белозеру Синеуса — 1160 лет: материалы Международного научного форума / Белозерск, 23–24 сентября 2022 года / Под ред. В.В. Фомина.* — Липецк: ЛГПУ, 2022. — С. 22–36.
73. *Аксёнов В.С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.).* — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 73–78.
74. *АИ. 1613–1645.* — Т. 3. — СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. — 525 с.
75. *Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. 1257–1613 гг.* — Ч. I. — М.: Унив. тип., 1898. — 433 с.
76. *АЗР. 1633–1699.* — Т. V — СПб.: тип. 2-го Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1853. — 324 с.
77. *ААЭ. 1294–1598.* — Т. 1. — СПб.: тип. 2-го Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1836. — 548 с.
78. *ААЭ. 1598–1613.* — Т. 2. — СПб.: тип. 2-го Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1836. — 394 с.
79. *ААЭ. 1613–1645.* — Т. 3. — СПб.: тип. 2-го Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1836. — 496 с.
80. *ААЭ. 1645–1700.* — Т. 4. — СПб.: тип. 2-го Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1836. — 500 с.
81. *Александров А.А. О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилёвского клада // Гістарчна-археалагічны зборнік.* — Мінск, 1997. — № 12. — С. 17–22.
82. *Александров А.А. Псковские сопки (историографические, исторические и топонимические комментарии к археологической карте) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии.* — Т. 4. — М.: ИА РАН, 1998. — С. 144–153.
83. *Александров А.В. Современные исторические труды в России: М.Т. Каченовского, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Н.А. Полевого, Ф.В. Булгарина, Ф.Л. Морошкина, М.Н. Макарова, А.Ф. Вельтмана, В.В. Игнатовича, П.Г. Буткова, Н.В. Савельева и А.Д. Черткова.* — СПб.: тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1845. — 156 с.

84. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). — М.: Наука, 1969. — 324 с.
85. *Алексеев Л.В.* О древнем Смоленске // СА. — 1977. — № 1. — С. 83–103.
86. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. — М.: Наука, 1980. — 262 с.
87. *Алексеев М.П.* Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. — Т. II. — М., Л., 1935. — С. 39–80.
88. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. — Изд. 2-е. — Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1941. — 609 с.
89. *Алексеева Т.И.* Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. — М.: Наука, 1974. — С. 71–85.
90. *Алексеева Т.И.* Антропологическая характеристика восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. — М.: Научный мир, 1999. — С. 160–169.
91. *Алексеева Т.И.* Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. — Рига: Зинатне, 1990. — С. 124–144.
92. *Алексеева Т.И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ. — 1974. — № 3. — С. 58–67.
93. *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным археологии. — М.: МГУ, 1973. — 330 с.
94. *Алешковский М.Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. — М., 1962. — № 12. — С. 3–26.
95. *Алешковский М.Х.* Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 год. — М.: Наука, 1967. — С. 13–40.
96. *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. — М.: Наука, 1971. — 135 с.
97. *Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е.* О датировке вала и рва новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории) // СА. — 1970. — № 4. — С. 54–73.
98. *Алпатов М.А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // ВИ. — 1982. — № 5. — С. 31–45.
99. *Алпатов М.А.* Как возник варяжский вопрос? // Тезисы докладов Четвёртой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — Петрозаводск, 1968. — С. 117–121.
100. *Алпатов М.А.* Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера // ВАН. — 1982. — № 3. — С. 117–124.
101. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. — М.: Наука, 1973. — 476 с.
102. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII века. — М.: Наука, 1976. — 272 с.
103. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). — М.: Наука, 1985. — 262 с.
104. *Андерле А.* Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР // ВИ. — 1961. — № 6. — С. 85–95.
105. *Андерссон И.* История Швеции. — М.: Иностранная литература, 1951. — 408 с.
106. *Андреев А.И.* Ломоносов и Крашенинников // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1940. — С. 286–296.
107. *Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. I. — М.: Восточная литература, 1999. — С. 66–149.

108. Андрощук Ф.А. Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 126–135.
109. Андрощук Ф.А. Русь и византийские контакты Скандинавии в XI–XIV вв. // SP. — 2014. — № 5. — С. 199–212.
110. Андрощук Ф.А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. — Київ, 2004. — Т. III. — С. 7–47.
111. Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. — Paris, ASHCSByz, 2012. — 367 с.
112. Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. О времени и обстоятельствах появления норманнов в междуречье Днепра и Десны // Русский сборник. — Брянск: БГУ, 2002. — С. 4–13.
113. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. — Новосибирск: Наука, 2003. — 785 с.
114. Аннинский Л. Что бы там ни было // Родина. — 2002. — № 11/12. — С. 14–15.
115. Анучин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд. — М.: тип. и словолитня О.О. Гербек, 1890. — 146 с.
116. Арбман Х. Викинги / Пер. с англ. Н.В. Ерёминой. — СПб.: Евразия, 2006. — 320 с.
117. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. — СПб.: тип. Королёва и К°, 1866. — 328 с.
118. Арсеньев С.В. Древности острова Готланд // Записки Русского археологического общества. Новая серия. — Т. V. — СПб. тип. имп. Акад. наук, 1891. — С. 230–235.
119. Арсеньевские шведские бумаги. Ч. I. 1611–1615 // Сборник Новгородского общества любителей древности. — Вып. V. — Новгород, 1911. — XII, 120, II с.
120. Арсеньевские шведские бумаги. Ч. II. 1614–1616; 1650 // Сборник Новгородского общества любителей древности. — Вып. VI. — Новгород, 1912. — 73, VIII с.
121. Артамонов Г.А. «Земля» и «власть» в Киевской Руси. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1996. — 16 с.
122. Артамонов Г.А. «Земля» и «Власть»: историография и методологические истоки проблемы // В поисках истины: учёный и его школа. — М., Прометей, 2011. — С. 53–88.
123. Артамонов Г.А. К вопросу о причинах образования Древнерусского государства «Киевская Русь» // Дискуссионные вопросы российской истории. — Арзамас: АГПИ, 1995. — С. 32–35.
124. Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археологическая наука // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. — Л.: ЛГУ, 1967. — С. 29–69.
125. Артамонов М.И. История хазар. — Изд. 2-е. — СПб.: ГЭ, 2001. — 523 с.
126. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. — 1990. — № 3. — С. 271–290.
127. Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. — Вып. VI. — М., Л., 1940. — С. 3–14.
128. Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // ДГВЕ. 2000 г. — М.: Восточная литература, 2003. — С. 173–277.
129. Артемьев А.И. Имели ли варяги влияние на славян и если имели, то в чём оно состояло? — Казань: губ. тип., 1845. — X, 153 с.
130. Артизов А.Н. М.Н. Покровский: финал карьеры — успех или поражение // ОИ. — 1998. — № 1. — С. 77–96.
131. Археология: Учебник / Под ред. акад. В.Л. Янина. — М.: МГУ, 2006. — 608 с.
132. Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкурина. — Петрозаводск: Карельский НИЦ РАН, 1996. — 413 с.
133. Архипов А.А. Об одном древнем названии Киева // Вопросы русского языкознания. — Вып. V. — М.: МГУ, 1984. — С. 224–240.
134. Арциховский А.В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. — М.: Наука, 1966. — С. 36–41.

135. *Арциховский А.В.* Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. — Т. I. // МИА. № 55. — М.: АН СССР, 1956. — С. 7–43.
136. *Арциховский А.В.* Оружие // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1948. — С. 417–438.
137. *Арциховский А.В.* Русская дружина по археологическим данным // Историк-марксист. — 1939. — № 1. — С. 193–195.
138. *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). — М.: АН СССР, 1963. — 328 с.
139. *Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). — Харьков: ХарГУ, 1965. — 584 с.
140. *Атанов П.А.* Варяги и восточнославянское общество: историографический аспект (XX – начало XXI в.). Автореф. дис. ... канд. наук. — СПб., 2009. — 24 с.
141. *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. — 2001. — № 2. — С. 43–55.
142. *Афиани В.Ю., Афанасьева М.И., Козлов В.П., Космолинская Г.А.* Комментарии к тому I «Истории государства Российского» // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — Т. I. — М.: Наука, 1989. — С. 333–382.
143. *Афиани В.Ю., Козлов В.П.* От замысла к изданию «Истории государства Российского» // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — Т. I. — М.: Наука, 1989. — С. 514–551.
144. *Афиани В.Ю., Хартамович М.Ф.* М.В. Ломоносов и его время // Ломоносов и Академия наук. К 300-летию М.В. Ломоносова (1711–1765). — М.: Архив РАН, 2011. — С. 9–80.
145. *Бабич И.В.* Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) // Историки России. Биографии. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 258–266.
146. *Бабиченко Д.* Фундамент империи // Итоги. — 2007. — № 38 (588).
147. *Бабкин Д.С.* Биографии М.В. Ломоносова, составленные его современниками // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. II. — М., Л.: АН СССР, 1946. — С. 5–70.
148. *Бабкин Д.С.* Нераскрытая судьба книги Ломоносова «Российская история» // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. VI. — М., Л.: АН СССР, 1965. — С. 174–181.
149. *Багaley Д.И.* Русская история. Княжеская Русь (до Иоанна III). — Т. 1. — М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. — VIII, 513 с.
150. *Базилевич К.В.* Из истории образования древнерусского государства // Большевик. — 1947. — № 5. — С. 51–56.
151. *Байер Г.З.* География Российская из Константина Порфиrogenита, то есть Багрянородного или порфирородного. Перевод К. Кондратовича. — СПб., 1767. — 86 с.
152. *Байер Г.З.* Сочинение о варягах. Перевод К. Кондратовича. — СПб., при имп. Акад. наук, 1767. — 67 с.
153. *Байер Г.З.* О варягах // *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. — М.: Русская панорама, 2006. — С. 344–362.
154. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. — Ч. 3. — М.: тип. К. Крайя, 1836. — [4], IV, 627 с.
155. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). — Ч. 4. (Пруссия, Франция и Швеция). — М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1902. — IV, 467 с.
156. *Барац Г.М.* Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. — Киев: тип. 1 Киев. артели печ. дела, 1910. — XII, 266 с.
157. *Барац Г.М.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. — Т. II. О составителях «Повести временных лет» и её источниках, преимущественно еврейских. — Берлин, 1924. — 271 с.
158. *Барац Г.М.* Происхождение летописного сказания о начале Руси. — Киев: тип. 1 Киев. артели печ. дела, 1913. — 68 с.
159. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Нестеровой) летописи. — Варшава: тип. К. Ковалевского, 1885. — 2, IV, 371, 3 с.

160. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. — Кн. 1. — СПб.: А.Д. и П.Д. Погодины, 1888. — XV, 344 с.
161. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. — Кн. 8. — СПб.: А.Д. и П.Д. Погодины, 1894. — VIII, 629 с.
162. Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Советское востоковедение. I. — М., Л.: АН СССР, 1940. — С. 15–50.
163. Басаргина Е.Ю. «Надлежит определить к архиве...»: Г.Ф. Миллер и начальная история Архива Конференции // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И.В. Тункина. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 52–59.
164. Бауер Н.П. Денежный счёт Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины / Сб. статей. — М., Л.: АН СССР, 1937. — С. 183–243.
165. Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // ВДИ. — 1938. — № 2 (3). — С. 88–98.
166. Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Нестеровой летописи] // Его же. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. — М.: Наука, 1987. — С. 15–35.
167. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. I. — М.: Восточная литература, 1999. — С. 66–149.
168. Бахрушин С.В. [Рец.] Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. Госиздат УзССР. Ташкент. 1942 // Под знаменем марксизма. — 1943. — № 7–8. — С. 102–103.
169. Беда Достопочтенный. Исторические сочинения / Перевод с лат. и коммент. В.В. Эрлихмана. — М.: ООО «СПСЛ»-НП ИД «Русская панорама», 2022. — 552 с.
170. Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // ИФ. — 2021. — № 4. — С. 78–124.
171. Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // ИФ. — 2021. — № 3. — С. 9–58.
172. Белецкий В.Д. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. — Вып. XXIX. — Л.: ГЭ, 1968. — 72 с.
173. Белецкий В.Д. Раскопки древнего Пскова в 1964 году // Тезисы докладов научной сессии, посвящённой итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год. — Л.: ГЭ, 1965. — С. 28–29.
174. Белецкий С.В. Биоконические сосуды Труворова городища // СА. — 1976. — № 3. — С. 327–328.
175. Белецкий С.В. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. — С. 139–152.
176. Белецкий С.В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова. Коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. — СПб.: Вита Нова, 2012. — С. 431–506.
177. Белецкий С.В. Ещё раз о знаках Рюриковичей // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 222–226.
178. Белецкий С.В. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Петербургский археологический вестник. — № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. — СПб.: ФАРН, 1993. — С. 112–114.
179. Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1979. — 17 с.

180. *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. — Вып. 160. — М., 1980. — С. 3–18.
181. *Белецкий С.В.* Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: истоки и становление (материалы научной конференции). — Торопец, 1990. — С. 8–14.
182. *Белецкий С.В.* Раскопки в Псковском кремле в 1972–1974 гг. // КСИА. — Вып. 155. — М., 1978. — С. 57–67.
183. *Белецкий С.В., Лесман Ю.М.* [Рец.] Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. — 1979. — № 1. — С. 303–313.
184. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года // Его же. ПСС. В 13 т. — Т. 10. — М.: АН СССР, 1956. — С. 7–50.
185. *Белинский В.Г.* История России в рассказах для детей. Сочинение Александры Ишимовой // Его же. ПСС. В 13 т. — Т. V. — М.: АН СССР, 1954. — С. 484–486.
186. *Белинский В.Г.* Критический разбор книг И.И. Лажечникова (Ледяной дом, Басурман) // Его же. ПСС. В 12 т. — Т. IV. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1901. — С. 29–45.
187. *Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Его же. ПСС. В 13 т. — Т. I. — М.: АН СССР, 1953. — С. 20–104.
188. *Белинский В.Г.* Николай Алексеевич Полевой // Его же. ПСС. В 13 т. — Т. IX. — М.: АН СССР, 1955. — С. 671–696.
189. *Белинский В.Г.* ПСС. В 13 т. — Т. I. — М.: АН СССР, 1953. — 574 с.
190. *Белинский В.Г.* ПСС. В 13 т. — Т. XII. — М.: АН СССР, 1953. — 596 с.
191. *Белинский В.Г.* Портретная галерея русских писателей // Его же. ПСС. В 13 т. — Т. VIII. — М.: АН СССР, 1955. — С. 613–634.
192. *Белинский В.Г.* <Рецензии и заметки, январь–март 1839 г.> // Его же. ПСС. В 13 т. — Т. III. — М.: АН СССР, 1953. — С. 7–22, 24.
193. *Белинский В.Г.* Россия до Петра Великого // Его же. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. — Т. VI. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1903. — 638 с.
194. *Белинский В.Г.* Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург, 1845 // Его же. Собрание сочинений в 9 т. — Т. 7. — М., 1981. — С. 366–395.
195. *Белковец Л.П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // ИСССР — 1985. — № 4. — С. 154–166.
196. *Белковец Л.П.* Г.-Ф. Миллер и В.Н. Татищев // Проблемы истории дореволюционной Сибири. — Томск: ТГУ, 1989. — С. 21–31.
197. *Белковец Л.П.* Г.Ф. Миллер в оценке отечественной историографии // ВИ. — 1988. — № 12. — С. 111–122.
198. *Белковец Л.П.* Россия в немецкоязычной исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Автореф. дис. ... докт. наук. — Томск, 1989. — 41 с.
199. *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. — Томск: ТГУ, 1988. — 286 с.
200. *Белов А.* Варяги // Варвары. — Вып. 2. — М., 1999. — С. 223–231.
201. *Белявский М.Т.* М.В. Ломоносов и основание Московского университета. К 200-летию Московского университета (1755–1955). — М.: МГУ, 1955. — 312 с.
202. *Белявский М.Т.* М.В. Ломоносов и русская история // ВИ. — 1961. — № 11. — С. 91–106.
203. *Белявский М.Т.* Работы М.В. Ломоносова в области истории // Вестник МГУ. — Серия общественных наук. — Вып. 3. — № 7. — М., 1953. — С. 115–122.
204. *Беляев И.Д.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории (Москва. 1846 года; три тома) // Москвитянин. — 1846. — Ч. VIII. — С. 168–197.
205. *Беляев И.Д.* О географических сведениях в Древней Руси // Записки Географического общества. — Кн. V. — СПб., 1852. — 264 с.
206. *Беляев И.Д.* Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород. — Б.м. и г. — 102 с.
207. *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории. История Новгорода Великого от древнейших времён до падения. — Кн. 2. — М.: Унив. тип., 1864. — 628, VIII, [6] с.
208. *Беляев И.С.* Росписной список города Москвы 1638 года. — М.: тип. имп. Моск. ун-та, 1911. — XXXX, 313 с.

209. *Беляев Н.Т.* Начало Руси. — Лондон, Прага, 1925. — 38 с.
210. *Беляев Н.Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum recueil d'études archéologie, histoire de l'art, études Byzantines.* — Т. III. — Prague, 1929. — С. 215–270.
211. *Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М.* Русское население Псковского обозерья // *Полевые исследования Института этнографии.* 1977. — М.: Наука, 1979. — С. 180–189.
212. *Бережков М.Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. — СПб.: тип. В. Безобразова и комп., 1879. — VIII, 278 с.
213. *Березовец Д.Т.* Об имени носителей салтовской культуры // *ИФ.* — 2018. — № 3–4. — С. 193–231.
214. *Берелович А.* Сосредотачивая внимание на словах // *РИ.* — 2014. — № 6. С. 10–14.
215. *Берков П.Н.* Ломоносовский юбилей 1865 г. (Страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) // *Ломоносов. Сборник статей и материалов.* — Т. II. — М., Л.: АН СССР, 1946. — С. 216–247.
216. *Бернев С.К., Ковалёв Б.Н.* К вопросу об археологических раскопках на оккупированной территории Северо-Запада России в 1942–1943 гг. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.Л. Янина.* Новгород, 27–29 января 2009 г. — Вып. 23. — Великий Новгород, 2009. — С. 365–372.
217. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). — М.: Век, 1997. — 320 с.
218. *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям М.О. Кояловича. СПб., 1884 // *ЖМНП.* — Ч. 237. — СПб., 1885. — С. 95–139.
219. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. — СПб.: тип. А. Траншеля, 1868. — 2, VI, 158, 378 с.
220. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. — Т. 1. — СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1872. — 742 с.
221. *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // *ДГ.* 1980 г. — М.: Наука, 1982. — С. 5–151.
222. *Бибиков М.В.* К варяжской просопографии Византии // *Scando-Slavica.* — Т. 36. — Copenhagen, 1990. — С. 161–171.
223. *Бибиков М.В.* Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII — первой половины XIII в.) // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР.* — М.: Наука, 1978. — С. 92–110.
224. *Бибиков М.В.* Рос // *Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина.* — М.: Ладомир, 2014. — С. 686.
225. *Бибиков М.В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // *IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии.* — Ч. I. — Тарту, 1982. — С. 153–154.
226. *Бибиков М.В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // *Скандинавский сборник.* — Вып. 30. — Таллин: Ээсти раамат, 1986. — С. 97–105.
227. *Бибиков М.В.* *BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси.* I. — М.: ППП Тип. Наука, 2004. — 734 с.
228. *Билык В.Я.* Универсальный барометр Ломоносова и газовые гравиметры XX в. // *Ломоносов. Сборник статей и материалов.* — Т. IV. — М., Л.: АН СССР, 1960. — С. 41–69.
229. *Биллярский П.С.* Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // *ЗАН.* — Т. II. — Кн. 1–2. — СПб., 1862. — С. 109–120.
230. *Биллярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1865. — 820 с.
231. *Бицилли П.М.* Западное влияние на Русь и Начальная летопись. — Одесса: «Экон.» тип., 1914. — 29 с.

232. *Бицилли П.М.* Новгородское сказание о IV-м крестовом походе // Исторические известия. — Т. III–IV. — М., 1916. — С. 56–60.
233. *Богуславский О.И.* История Юго-Восточного Приладожья в погребальных древностях // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 158–170.
234. *Богуславский О.И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н.э. (опыт историко-культурной периодизации). Автореф. дис. ... канд. наук. — СПб., 1991. — 21 с.
235. *Бодуан П.* Становление герцогства Нормандского в Руане: современное состояние проблемы и перспективы сравнительных исследований // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 224–238.
236. *Бодянский О.М.* О мнениях касательно происхождения Руси // СО. — СПб., 1835. — Т. LI. — Ч. 173. — С. 61–86, 117–141, 173–199.
237. *Болтин И.Н.* Критические примечания на первый том истории князя Щербатова. — Т. I. — СПб.: тип. Корпуса чужестранных единоверцов, 1793. — XLIV, 355 с.
238. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. — Т. I. — СПб.: тип. Горного училища, 1788. — [5], 615, [1] с.
239. БСЭ. — Т. 2. — Изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — 631 с.
240. БСЭ. — Т. 4. — Изд. 1-е. — М.: Советская энциклопедия, 1926. — 800 стб.
241. БСЭ. — Т. 9. — Изд. 1-е. — М.: Советская энциклопедия, 1928. — 857 стб.
242. БСЭ. — Т. 18. — Изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1974. — 632 с.
243. БСЭ. — Т. 25. — Изд. 1-е. — М.: Советская энциклопедия, 1932. — 800 стб.
244. БСЭ. — Т. 27. — Изд. 1-е. — М.: Советская энциклопедия, 1933.
245. БСЭ. — Т. 30. — Изд. 2-е. — М.: Большая советская энциклопедия, 1955. — 656 с.
246. БСЭ. — Т. 42. — Изд. 1-е. — М.: Советская энциклопедия, 1939. — 832 стб.
247. БСЭ. — Т. 62. — Изд. 1-е. — М.: Советская энциклопедия, 1933. — 826 стб.
248. БЭ. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания // Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. — Т. 2. — СПб.: Товарищество «Просвещение», 1903. — 889 с.
249. БЭ. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания // Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. — Т. 4. — СПб.: Товарищество «Просвещение», 1903. — 850 с.
250. БЭ. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания // Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. — Т. 10. — СПб.: Товарищество «Просвещение», 1903. — 794 с.
251. БЭ. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания // Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. — Т. 11. — СПб.: Товарищество «Просвещение», 1903. — 794 с.
252. БЭ. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания // Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. — Т. 14. — СПб.: Товарищество «Просвещение», 1904. — VIII, 794 с.
253. БЭ. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания // Под ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милюкова. — Т. 15. — СПб.: Товарищество «Просвещение», 1904. — VIII, 794 с.
254. *Бондарева Е.А.* Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987) // История и историки. 2003. Историографический вестник // Отв. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2003. — С. 293–310.
255. *Боричевский И.П.* Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк современного просвещения и образованности. — Ч. VII. — СПб., 1840. — С. 174–182.
256. *Боровков Д.А.* [Рец.] Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. — М., 2015. — 992 с., илл. // Славяноведение. — 2016. — № 2. — С. 114–116.
257. *Боровский Я.Е.* Мифологический мир древних киевлян. — Киев: Наукова думка, 1982. — 104 с.
258. *Бороздин И.Н.* Из области русско-скандинавских отношений // Сб. статей в честь графини П.С. Уваровой. — М., 1916. — С. 277–283.

259. *Боршевич В.И.* Рефлексивно-дискурсивные системы в контексте антропологии, культурологии и археологии // *SP.* — 2005–2009. — № 5. — С. 702–712.
260. *Бочков В.Н.* «Легенды» о выезде дворянских родов // *Археографический сборник за 1969 год.* — М.: Наука, 1971. — С. 73–93.
261. *Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // *Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология).* — Киев: Наукова думка, 1985. — С. 19–30.
262. *Бранденбург Н.Е.* Курганы Южного Приладожья. — СПб., 1895. — XVI, 160 с.
263. *Браун Ф.А.* Варяги // РЭ. — Т. 4. — СПб., [1913]. — С. 1–2.
264. *Браун Ф.А.* Варяги на Руси // *Беседа.* № 6–7. — Берлин, 1925. — С. 300–338.
265. *Браун Ф.А.* Варяжский вопрос // *Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* — Т. Va. — СПб., 1892. — С. 570–573.
266. *Браун Ф.А.* Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь» // *Записки нефилологического общества.* — Вып. II. — № 1. — СПб., 1892. — С. 45–58.
267. *Браун Ф.А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1899. — XX, 392 с.
268. *Браун Ф.А.* Русь (происхождение имени) // *Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* — Т. XXVII. — СПб., 1899. — С. 366–367.
269. *Браун Ф.А.* Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1902. — [2], 7 с.
270. *Брим В.А.* Колбязи // *ИАН СССР.* — VII серия. Отделение гуманитарных наук. — № 4. — Л., 1929. — С. 277–285.
271. *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // *Россия и Запад.* — Вып. 1. — Пг.: Academia, 1923. — С. 5–10.
272. *Брим В.А.* Путь из варяг в греки // *Из истории русской культуры.* — Т. II. — Кн. 1. Киевская и Московская Русь. — М.: Языки русской культуры, 2002. — С. 227–260.
273. *Брусилов Н.* Догадки о причине нашествия норманнов на славян // *ЗТОИДР.* — 1824. — Ч. II. — С. 60–67.
274. *Брусилов Н.* Историческое рассуждение о начале русского государства // *ВЕ.* — М., 1811. — № 4. — С. 284–316.
275. *Буайе Р.* Викинги: История и цивилизация / Пер. с фран. М.Ю. Некрасов. — СПб., Евразия, 2019. — 416 с.
276. *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). — М.: АН СССР, 1960. — 488 с.
277. *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. — М.: Наука, 1975. — 344 с.
278. *Бузескул В.П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века / Составл., вступительная ст., подготовка текста, коммент. и биограф. словарь-указатель И.В. Тункиной. — М.: Индрик, 2008. — 832 с.
279. *Буланин Д.М.* Начало Руси и начальная история русов. Заметки к русскому переводу // *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200 / Под ред. Д.М. Буланина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — С. 600–622.
280. *Булич Н.Н.* К столетней памяти Ломоносова. — Казань: Унив. тип, 1865. — 134 с.
281. *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. — Т. I (XIII в. — 1825 г.). — СПб.: тип. М. Меркушева, 1904. — XI, 1251 с.
282. *Булкин В.А.* Большие курганы Гнёздовского могильника // *СС.* — Вып. XX. — Таллин: Ээсти раамат, 1975. — С. 134–145.
283. *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. — Л.: ЛГУ, 1978. — 150 с.
284. *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги: новый этап изучения // *Вестник ЛГУ.* — Серия 2. История, языкознание, литературоведение. — Вып. 3. — Л., 1987. — С. 12–26.

285. Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнёздово и Бирка. (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси / Под. ред. А.Н. Кирпичникова, П.А. Раппорта. — Л.: Наука, 1974. — С. 11–17.
286. Бурачѣк С.А. История государства Российского Н.М. Карамзина. История русского народа. Сочинение Н. Полевого // Маяк. — Т. 5. — № 9–10. — СПб., 1842. — С. 55–155.
287. Бурачков П. Греко-скифский мир на берегах Понта // ЖМНП. — Ч. 188. — СПб., 1876.
288. Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. — М., Л.: АН СССР, 1961. — 400 с.
289. Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. — СПб., 1840. — VI, 464, LXVII с.
290. [Бутков П.Г.]. Очерк биографии академика Круга // ЖМНП. — Ч. 64. — Ноябрь. — СПб., 1849. — С. 9–40; Декабрь. — С. 41–78.
291. [Бутков П.Г.]. [Рец.] «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen» // ЖМНП. — Ч. 43. — Отд. VI. — СПб., 1844. — С. 43–69.
292. Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. IX–XVI вв. — Кн. 1. — М.: Книжная палата, 1991. — 544 с.
293. Быкова Т.А. Литературная судьба переводов «Древней российской истории» М.В. Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. — М., Л.: АН СССР, 1962. — С. 237–247.
294. Бычкова М.Е. Варяги и Ладога в российском общественном сознании XVII в. // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 241–246.
295. Валеев Г.К. Антропонимия «Повести временных лет». Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1982. — 16 с.
296. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. — М., 2009. — 430 с.
297. Варяжский вопрос // РЭ. — Т. 4. — СПб.: Деятель, [1913].
298. Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времени Рюрика, и откуда пришёл Рюрик и его варяги. — СПб.: тип. Глав. штаба е.и.в. по воен.-учеб. заведениям, 1858. — 177 с.
299. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). — Великий Новгород: НовГУ, 2005. — 467 с.
300. Васильев В.Л. Новгородская топонимика в научном наследии Рихарда Экблума (Интерпретация корней *rus-* и *vareg-*) // НИС. — Вып. 10 (20). — СПб.: Искусство России, 2005. — С. 300–308.
301. Васильев М.А. «Хорс жидовин»: древнерусское языческое божество в контексте проблем Khazarо-Slavica // Славяноведение. — 1995. — № 2. — С. 12–21.
302. Васильева Н.И. Русь и Варяги // Русь и Варяги. Новый взгляд на историю Европы и Руси. — М.: Метагалактика, 1999.
303. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII веков // Его же. Труды. — Т. 1. — СПб: тип. имп. Акад. наук, 1908. — С. 176–377.
304. Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // ЖМНП. — Ч. 263. — СПб., 1889. — С. 391–452.
305. Васильевский В.Г. Труды. — Т. 3. — Пг.: тип. имп. Акад. наук, 1915. — CCLXXXVIII, 122 с.
306. Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб.: СПбГУ, 2006. — 194 с.
307. Введенский А.М. Договоры Руси с греками X в.: клятва Святослава Игоревича. Проблемы интерпретации выражения «колоти яко золоти» // ТОДРЛ. — Т. 57. — СПб., 2006. — С. 916–926.
308. Введенский Р.М. Научная школа А.Г. Кузьмина: «Земля» и «Власть» в истории России // Научные школы Московского педагогического государственного университета. — Вып. 1. — М.: Прометей, 2008. — С. 289–302.
309. Вдовина Л.Н. М.В. Ломоносов и В.Н. Татищев: к истории научных контактов в XVIII столетии // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 2011. — № 5. — С. 142–151.

310. Ведюшкина И.В. О некоторых особенностях древнерусского этнополитического самосознания // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992. Тезисы докладов. — М.: Индрик, 1992. — С. 282–293.
311. Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // ДГАЕ. 1992–1993 гг. — М.: Наука, 1995. — С. 101–116.
312. Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. — М.: Наука, 1968. — С. 192–212.
313. Величка С. Сказание о войне козацкой з поляками. — Київ: АН Укр. ССР, 1926. — 268 С.
314. Величко С.В. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. Сказание о войне козацкой з поляками. — Т. I. — Киев: Времен. комис. для разбора древ. актов, 1848. — 548 с.
315. Величко С.В. Літопис. — Т. I. — Київ: Дніпро, 1991. — 369, [4] с.
316. В[ельтман] А.Ф. О господине Новгороде Великом. (Письмо) с приложением вида Новгорода в 12-м столетии и плана окрестностей. — М.: тип. С. Селивановского, 1834. — 42 с.
317. Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. — Т. 1. — М.: Унив. тип., 1829. — VIII, 256, XV–XVII с.
318. Венелин Ю.И. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // Скандинавомания и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2015. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 25–81.
319. Венелин Ю.И. О нашествии зависянских славян на Русь до Рюриковых времён. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1848. — [2], II, 45 с.
320. Венелин Ю.И. [О происхождении славян вообще и россов в особенности] // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 330–340.
321. Венелин Ю.И. Окружные жители балтийского поморья, то есть леты и славяне. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1846. — С. 37–76.
322. Венелин Ю.И. Скандинавомания и её поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение // Скандинавомания и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 25–81.
323. Верёвкин М.И. Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова // Михаил Ломоносов глазами современников / Составление, подготовка текста и примечания Г.Г. Мартынова. — М.: ЛомоносовЪ, 2011. — С. 56–67.
324. Вернадский Г.В. Древняя Русь. — Тверь: Леан, М.: Аграф, 2000. — 448 с.
325. Вернадский Г.В. Киевская Русь. — Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. — 442, [3] с.
326. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. — СПб.: Лань, 2000. — 320 с.
327. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. — М.: КМК, 2005. — 339 с.
328. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М.: Наука, 1969. — 582, [1] с.
329. Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // ИЗ. — Т. 17. — 1945. — С. 24–52.
330. Вестберг Ф.Ф. Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1903. — IV, 152 с.
331. Вестберг Ф.Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. Новая серия. — Ч. 13. — № 2. — СПб., 1908. — С. 364–412; ч. 14. — № 3. — СПб., 1908. — С. 1–52.
332. Видаль-Накэ П. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. — М.: Ладомир, 2001. — 419 с.

333. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны XVII века / Перевод С.А. Аннинского. А.М. Александрова. — М.: Памятники исторической мысли, 2000. — 656 с.
334. Видукинд Корвейский. Деяния саксов. — М.: Наука, 1975. — 272 с.
335. Викинги: набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. — М.: Терра, 1996. — 168 с.
336. Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // SO. — Т. 22. — Poznan, 1962. — S. 253–276.
337. Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне в русской историографии // Источники и историография славянского средневековья. — М.: Наука, 1967. — С. 191–206.
338. Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // SO. — Т. 25. — Poznan, 1965. — S. 155–190.
339. Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // СА. — 1963. — № 3. — С. 126–135.
340. Вилинбахов В.Б. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора // Русский фольклор. Исторические связи в славянском фольклоре. Материалы и исследования. — Т. XI. — М., Л.: Наука, 1968. — С. 177–184.
341. Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о легендах Великого Новгорода и древнейших межславянских связях // Вестник ЛГУ. — Л., 1963. — № 14.
342. Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // СС. — Вып. VI. — Таллин, 1963. — С. 323–336.
343. Вилинбахов В.Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // СС. — Вып. VII. — Таллин, 1963. — С. 333–345.
344. Вилинбахов В.Б. По поводу некоторых замечаний П.Н. Третьякова // СА. — 1970. — № 1. — С. 294–298.
345. Вилинбахов В.Б. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. — М., 1980. — № 1. — С. 79–84.
346. Вилинбахов В.Б. Существующие теории и проблема происхождения Старой Ладogi // Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Тарту, 1963. — С. 18–20.
347. Вилинбахов В.Б. [Рец.] В.П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. Изд-во «Наука». М., 1964. 302 стр. // СА. — 1967. — № 1. — С. 309–313.
348. Винтер Э. М.В. Ломоносов и Шлёцер // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. V. — М., Л.: АН СССР, 1961. — С. 7–24.
349. Винтер Э. И.В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. Сборник статей. — М.: АН СССР, 1959. — С. 313–322.
350. Виппер Р.Ю. История древнего мира. Васильев А.А. История средних веков. — М.: Республика, 1994. — 511 С.
351. Виппер Р.Ю. История средних веков. Курс лекций. — Киев: AirLand, 1996. — 384 с.
352. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — Изд. 6-е. — СПб., Киев: тип. Н.Я. Оглоблина, 1909. — VI, 699 с.
353. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 1. — Киев: тип. Н.Я. Оглоблина, 1885. — 265, [3] с.
354. В-н А. Приёмы исторической работы // ВЕ. — 1893. — № 1. — С. 253–296.
355. Водов В.А. Ещё один след западного влияния в Вопросании Кирика Новгородского? // От Древней Руси к новой России. — М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. — С. 134–138.
356. Вовина-Лебедева В.Г. История Древней Руси: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. — М.: Академия, 2011. — 256 с.
357. Вовина-Лебедева В.Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // РИ. — 2019. — № 4. — С. 3–27.
358. Водозазкин Е.Г. Краткая Хронографическая Палея (текст). Выпуск 1 // ТОДРЛ. — Т. LVII. — СПб., 2006. — С. 891–915.
359. Водозазкин Е.Г. Редакции Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. — Т. LVI. — СПб., 2004. — С. 164–180.

360. *Войтович Л.В.* Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (I) // Вестник Удмуртского университета. — Сер. История и Филология. — Вып. 3. — 2011. — С. 3–15; то же (II). — Вып. 1. — 2012. — С. 3–11.
361. *Войтович Л.В.* Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. — 2013. — № 1 (31). — С. 6–41.
362. *Войтович Л.В.* Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре / Сб. статей к 70-летию И.Я. Фроянова. — М.: Парад, 2006. — С. 111–121.
363. *Войцехович М.В.* Ломоносов как историк // Памяти М.В. Ломоносова. Сборник статей к двухсотлетию со дня рождения Ломоносова. — СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1911. — С. 60–87.
364. *Волков В.А.* Войны и дружины Древней Руси. — М.: Прометей, 2016. — 464, [1] с.
365. *Волковицкий А.И., Короткевич Б.С., Кузьмин С.Л.* Материальная культура древней Ладоги // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 133–142.
366. *Волконский С.* Очерки русской истории и русской литературы. Публичные лекции, читанные в Америке. — СПб.: типо-лит. Р.Р. Голике, 1896. — [4], VII, [3], 342, IV с.
367. *Володина Т.А.* История в пользу российского юношества: XVIII век. — Тула: ТГПУ, 2000. — 146, (1) с.
368. *Володина Т.А.* У истоков «национальной идеи» в русской историографии // ВИ. — 2000. — № 11–12. — С. 3–19.
369. *Володина Т.А.* Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII — конец XIX вв.). Автореф. дис. ... докт. наук. — М., 2004. — 43 с.
370. *Володина Т.А.* Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII — середина XIX в. // История и историки. 2004. Историографический вестник. — М.: Наука, 2005. — С. 104–135.
371. *Вольтер.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. — СПб.: Лимбус Пресс, 1999. — 304 с.
372. *Воронятов С.В.* «Черта осёдлости» русов конца VIII — первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси / Сб. статей по материалам X чтений памяти А. Мачинской. Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г. — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 221–245.
373. *Временник Ивана Тимофеева.* — М., Л.: Наука, 1951. — 509 с.
374. *Всемирная история.* — Т. III. — М.: Госполитиздат, 1957. — 895 с.
375. *Вышегородцев В.И.* Иоакимовская летопись как историко-культурное явление. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1986. — 17 с.
376. *Гаврилова Л.М., Шапиро А.Л.* М.В. Ломоносов в русской историографии XVIII века // ИСССР. — 1986. — № 6. — С. 87–95.
377. *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (История идеи) // Сб. РИО. — Т. 4 (152). От Тмутароканя до Тамани. — М.: Русская панорама, 2002. — С. 14–39.
378. *Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янссон И.* Скандинавская равноплечная фибула типа Вальста из района истока Волхова // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1993 г.). — Вып. 7. — Новгород: Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, 1993. — С. 115–121.
379. *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социумы, власть (I тыс. н.э.). — М.: Прометей, 2006. — 548 с.
380. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. — М.: Вече, 2002. — 432 с.
381. *Галкина Е.С.* Русский каганат. Без хазар и норманн. — М.: Алгоритм, 2012. — 336 с.
382. *Галкина Е.С., Колинченко Ю.В.* К истокам неонорманизма // Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всерос. науч. конф. «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвящ. памяти и 80-летию со дня рождения проф. А.Г. Кузьмина, 17–19 сентября 2008 г. — Рязань: РГУ, 2009. — С. 70–74.

383. Галкина Е.С., Колиненко Ю.В. О современном состоянии норманнской проблемы // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2009. — № 1. — С. 54–63.
384. Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Русский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рождённые трёхвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. — М.: Наука, 1998. — С. 456–481.
385. Галушка Л. Сельское заселение раннесредневековой Моравии: К вопросу о зонах влияния главных великоморавских городищ с учётом агломерации Старе Место — Угерске Градиште // Сельская Русь в X–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. — М.: Наука, 2008. — С. 40–49.
386. Ганина Н.А. Мифология власти у рюгенских славян // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. — М.: Индрик, 2010. — С. 35–40.
387. Ганина Н.А. Тайны рюгенских славян // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. — 2015. — Вып 2 (18). — С. 65–81.
388. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1870. — VIII, 308 с.
389. Гезель Г.В.Ф. Философия истории // Его же. Сочинения. — Т. VIII. — М., Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. — 470 с.
390. Гедеонов С.А. Варяги // Энциклопедический лексикон. — Т. 9. — СПб.: тип. А. Плюшара, 1837. — VIII, 552 с.
391. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2004. — 656 с.
392. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2005. — 662 с.
393. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование / Сост., автор предисл., коммент., примеч. В.В. Фомин. — М., Академический проект; Парадигма, 2018. — 679 с.
394. Гедеонов Ст. Алек-ч // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. — Т. 1. — М.: Большая рос. энцикл., 1994. — С. 521.
395. Гейман В.Г. Право и суд // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Общественный строй и духовная культура. — Т. II. — М., Л.: АН СССР, 1951. — С. 141–144.
396. Гейман В.Г. Сочинение Ю. Видекинда как источник по истории Смутного времени // Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны XVII века / Перевод С.А. Аннинского. А.М. Александрова. — М.: Памятники исторической мысли, 2000. — С. 509–520.
397. Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. — М.: Русская панорама, 2011. — С. 151–304.
398. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. — Рязань, Александрия, 2009. — 352 с.
399. Герасименко Г.А. История русской исторической науки (дооктябрьский период). Учебное пособие. — Изд. 2-е. — М.: РАГС, 2002. — 209 с.
400. Герберштейн С. Записки о Московии. — М.: МГУ, 1988. — 430 с.
401. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. — Т. II. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты / Под ред. А.Л. Хорошкевич. — М.: Памятники исторической мысли, 2008. — 656 С. (во всех случаях, кроме специально оговорённых, сноски даются по изданию: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988).
402. Герд А.С., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Седых В.Н. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. — СПб.: СПбГУ, 1999. — 389, (1) с.
403. Германн И. (Херрман Й.) История и культура северо-западных славян // Варяги и русь / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2012. — С. 113–128.
404. Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. — СПб.: печатня В.И. Головина, 1871. — 213 с.

405. *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. В 3-х ч. / Биограф. очерк К.Н. Бестужева-Рюмина, вступ. статья и комм. В.В. Фомина, комм. С.В. Цветкова. — М.: Русская панорама; СПб.: Блиц, 2013. — 702, [1] с.
406. *Гимон Т.В.* К проблеме зарождения летописания в Древней Руси // ДГВЕ. 2013 г. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. — С. 748–800.
407. *Гимон Т.В.* Новгородско-софийские летописи // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 557.
408. *Гимон Т.В.* Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 53–60.
409. *Гимон Т.В.* Татищевские известия // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 803–804.
410. *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. — Вып. 7 (17). — СПб., 1999. — С. 18–47.
411. *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. — Ч. 1. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1909. — [4], XVI, 303 с.
412. *Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова / Отв. ред. А.М. Молдаван. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — С. 56–96.
413. *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 37–62.
414. *Гиппиус А.А.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Автореф. дис. докт. филол. наук. — М., 2006. — 44 с.
415. *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. — Вып. 6 (16). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — С. 3–72.
416. *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. — 2007. — № 5. — С. 20–44; 2008. — № 2. — С. 3–24.
417. *Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. — М.: Ин-т всеобщ. истории, 2012. — С. 41–50.
418. *Гиппиус А.А.* Новгородская первая летопись // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 554–555.
419. *Гиппиус А.А.* «Суть людие новгородци от рода варяжьска...» (опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье. XIII Чтения памяти член-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. Материалы конференции. — М.: ИВИ РАН, 2001. — С. 59–65.
420. *Гиппиус А.А.* 6700 год от сотворения мира // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 102–106.
421. *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. — М.: Ладомир, 1996. — 237 с.
422. *Глазырина Г.В.* Правители Руси (обзор древнескандинавских источников) // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 143–159.
423. *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. — М.: Восточная литература, 2002. — 464 с.
424. *Глазырина Г.В.* Сведения о «конунгах Руси» в сагах о древних временах // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского госу-

- дарства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. — М.: ИВИ РАН, 1996. — С. 14–17.
425. Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). — М.: Наука, 1985. — С. 123–124.
 426. Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Сага // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 711.
 427. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. — М.: Художественная литература, 1984. — 463 с.
 428. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. — М., Иерусалим: Гешарим, 1997. — 240 с.
 429. Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию А.Л. Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. — С. 5–23.
 430. Голлман Г.Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. — М.: тип. С. Селивановского, 1819. — [4], 61, [1] с.
 431. Головачёв Г.Ф. Август-Людвиг Шлёцер. Жизнь и труды его // ОЗ. — Т. XXXV. — СПб., 1844.
 432. Головинёв А.В. Исторический опыт межнационального взаимодействия на севере Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук / Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. — Кн. 1. — М.: Наука, 2006. — С. 312–320.
 433. Головинёв А.В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории: Доклады международной научной конференции. — Екатеринбург, М.: Академкнига, 2004. — С. 476–485.
 434. Голубева Л.А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. — М.: Наука, 1997. — С. 153–165.
 435. Голубинский Е.Е. История русской церкви. — Т. 1. — Ч. 1. — М.: тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. — XXIV, 793 с.
 436. Голубинский Е.Е. История русской церкви. — Т. 1. — Ч. 1. — Изд. 2-е. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1901. — 990 с.
 437. Голубовская Н.П. Географические данные в Русской Правде. — Киев: тип. Т.Г. Мейнандера, 1913. — 25 с.
 438. Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII веков // ИСССР. — 1975. — № 4. — С. 60–77.
 439. Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // ТОДРЛ. — Т. XXX. — Л., 1976. — С. 204–216.
 440. Гольдберг А.Л. Легендарная Повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. — Т. XIII. — Л., 1982. — С. 50–63.
 441. Гонно П., Лавров А.С. От росов до России: История Восточной Европы (ок. 730–1689) / Пер. с фран. Некрасова М.Ю., Носовой Е.И. под общей ред. Гонно П., Лаврова А.С. — СПб.: Евразия, 2017. — 816 с.
 442. Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1995. — 22 с.
 443. Горбунова Н.Г., Смирнова Г.И. Ольга Ивановна Давидан — эрмитажник, археолог, учёный // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. Памяти О.И. Давидан. — СПб.: ГЭ, 2002.
 444. Горелова С.И. Шмурло Евгений Францевич (1853–1943) // Историки России. Биографии / Составит., отв. ред. А.А. Чернобаев. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 344–350.
 445. Городинская Р.Б. Ломоносов в немецкой литературе XVIII в. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. IX. — СПб.: Наука, 1991. — С. 125–134.
 446. Горский А.А. В дыму варяжских баталий // Вокруг света. — 2011. — № 10. — С. 172–184.

447. Горский А.А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н.э. // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 25–33.
448. Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // ВИ. — 1999. — № 8. — С. 43–52.
449. Горский А.А. К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к Новой России / Юбилейный сборник, посвящённый чл.-корр. РАН Я.Н. Шапову. — М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. — С. 83–94.
450. Горский А.А. К спорам по «варяжскому вопросу» // РИ. — 2009. — № 4. — С. 171–174.
451. Горский А.А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2013. — № 3 (53). — С. 38–39.
452. Горский А.А. Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // Родина. — 2009. — № 9. — С. 15–18.
453. Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. — Т. 10. — М.: Индрик, 2012. — С. 7–112.
454. Горский А.А. Повесть временных лет о руси Рюрика // Исторический журнал: научные исследования. — 2011. — № 6 (6). — С. 17–23.
455. Горский А.А. Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // ИВ. — Т. 1 (148). — М., 2012. — С. 6–21.
456. Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // ИСССР. — 1989. — № 3. — С. 131–137.
457. Горский А.А. Русь в первой половине X века: государство или конгломерат конунгов // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998 г. Материалы конференции. — М.: ИРИ РАН, 1998. — С. 21–24.
458. Горский А.А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2008. — № 2 (32). — С. 55–59.
459. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 207 с.
460. Горский А.А. [Рец.] *Franklin S. and Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200*. L.–N.Y., 1996. 450 p. // Средневековая Русь. — Вып. 2. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 194–204.
461. Горькова Л.В. Густав Эверс о проблеме формирования Древнерусского государства // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв. Материалы III Международной научной конференции. Липецк, 1 марта 2012 г. Липецк: ЛГПУ, 2012. — С. 148–156.
462. Горькова Л.В. Густав Эверс о роли и значении хазар в русской истории // Ключевские чтения — 2012. Российская государственность и освободительные войны. — Т. 1: Материалы Всероссийской научной конференции. Сб. научных трудов. — М.: «Спутник+», 2013. — С. 52–54.
463. Горькова Л.В. Понтийская Русь Густава Эверса: историография проблемы // Бартеневские чтения: Материалы областной научно-практической конференции, посвящённой 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. Липецк, 11–12 октября 2012 г. — Липецк: ЛГПУ, 2012. — С. 16–21
464. Горюнова В.М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. — Вып. 139. — 1974. — С. 140–148.
465. Горюнова В.М. О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическим материалам) // Проблемы археологии и этнографии. — Вып. 1. — Л.: ЛГУ, 1977. — С. 52–58.
466. Горюнова В.М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 39–45.
467. Горюнова В.М. Посёлок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии и этнографии. — Вып. 2. — Л.: ЛГУ, 1978. — С. 140–148.

468. Горюнова В.М. Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1994 г.). — Вып. 8. — Новгород, 1994. — С. 65–77.
469. Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Новгорода (по материалам Троицкого Х раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.). — Вып. 11. — Новгород, 1997. — С. 115–138.
470. Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 24–26 января 1995 г.). — Вып. 9. — Новгород, 1995. — С. 98–101.
471. Горюнова В.М., Лапшин В.А. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы / Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб.: СПбУ, 2004. — С. 55–72.
472. Горюнова В.М., Плохов А.В. Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики IX–X вв. по керамическим материалам // Археологические вести. — 2011. — № 17. — С. 259–280.
473. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. — М.: тип. «Красный пролетарий», Л.: Госиздат, 1930. — 280 с.
474. Готье Ю.В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. — Т. IV. — М., 1928. — С. 138–141.
475. Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. — Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. — 270, [1] с.
476. Гофман П. Значение Ломоносова в изучении древней русской истории // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. V. — М., Л.: АН СССР, 1961. — С. 204–211.
477. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). — М.: Наука, 2005. — 847 с.
478. Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского // НИС. — Вып. II. — Л., 1937. — С. 73–82.
479. ГВНП. — М., Л.: АН СССР, 1949. — 408 с.
480. Грановский Т. Н. Волин, Иомсбург и Винета. Историческое исследование. — М.: тип. А. Семена, 1845. — [2], 41 с.
481. Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. — М.: Учпедгиз, 1943. — 64 с.
482. Грацианский Н.П. Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X–XII вв. // ИЖ. — М., 1942. — № 8. — С. 37–42.
483. Грацианский Н.П. Карл Великий и славяне // ИЖ. — М., 1945. — № 3. — С. 21–27.
484. Грацианский Н.П. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // ВИ. — 1946. — № 1. — С. 91–105.
485. Грацианский Н.П. Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. — М.: Госполитиздат, 1944. — С. 48–60.
486. Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. — Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. — 96 с.
487. Греков Б.Д. Киевская Русь. — М., Л.: АН СССР, 1939. — 282 с.
488. Греков Б.Д. Киевская Русь. — Л.: Госполитиздат, 1953. — 568 с.
489. Греков Б.Д. Киевская Русь // Его же. Избранные труды. — Т. II. — М.: АН СССР, 1959. — С. 13–410.
490. Греков Б.Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. — М., Л.: АН СССР, 1939. — С. 70–116.
491. Греков Б.Д. Культура Древней Руси // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. — Ч. 1. — М.: АН СССР, 1953. — С. 206–250.
492. Греков Б.Д. Ломоносов-историк // Историк-марксист. — М., 1940. — № 11. — С. 18–34.

493. Греков Б.Д. Образование Древнерусского государства и происхождение термина «Русь» // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XIII вв. — Ч. 1. — М.: АН СССР, 1953. — С. 69–79.
494. Греков Б.Д. Образование русского государства // Известия АН СССР. — Серия истории и философии. — Т. II. — № 3. — М., 1945. — С. 129–139.
495. Греков Б.Д. О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне) // Его же. Избранные труды. — Т. II. — М.: АН СССР, 1959. — С. 554–558.
496. Греков Б.Д. Первый труд по истории Руси // Его же. Избранные труды. — Т. II. — М.: АН СССР, 1959. — С. 501–518.
497. Греков Б.Д. Удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке. Отзыв на книгу Б.А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» // Его же. Избранные труды. — Т. III. — М.: АН СССР, 1960. — С. 467–470.
498. Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. — М., Л.: АН СССР, 1936. — 136 с.
499. Григорьев В.В. О древних походах руссов на Восток // ЖМНП. — СПб., 1835. — № 2. — С. 229–287.
500. Григорьев С.Г. Полабские славяне и их борьба против немецкой агрессии в IX–XI вв. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1953. — 15 с.
501. Гринёв Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. — М.: МГУ, 1989. — С. 31–43.
502. Грот Л.П. «Варины-варяги-вэринги»: судьбы в истории и историографии // Начала русского мира / Труды Первой Международной конференции. 28–30 октября 2010 г. — СПб.: Блиц, 2011. — С. 67–88.
503. Грот Л.П. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 132–154.
504. Грот Л.П. Гносеологические корни норманизма // ВИ. — 2008. — № 8. — С. 111–117.
505. Грот Л.П. Западноевропейские мифы о русской истории как истории сухопутной (часть I) // Вопросы подводной археологии. — 2022. — № 13. — С. 30–62.
506. Грот Л.П. Изображение брачного дара Ярослава Мудрого в «Саге об Олаве Святом» // Учёные записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 3 (48). — С. 180–185.
507. Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и русь / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2012. — С. 245–500.
508. Грот Л.П. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки: историографический вестник. 2006. — М.: Наука, 2007. — С. 72–118.
509. Грот Л.П. Как скандинавы Америку открывали, или почему их «гребцы» не создали американо-индейскую Русь? // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв. Материалы VI Международной научной конференции. Липецк, 4 октября 2019 г. — Липецк: ЛГПУ, 2019. — С. 6–15.
510. Грот Л.П. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. — С. 152–160.
511. Грот Л.П. Начальный период российской истории и западноевропейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006–2007 годов. — Великий Новгород: НовГУ, 2007.

512. Грот Л.П. О летописных урманах и о титуле «князь урманский» // ИФ. — 2015. — № 2. — С. 29–53.
513. Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2012. — С. 311–553.
514. Грот Л.П. Обзор современного норманизма (часть первая) // ИФ. — 2019. — № 2. — С. 32–45.
515. Грот Л.П. Прерванная история русов. Соединяем разделённые эпохи. — М.: Вече, 2013. — 184 с.
516. Грот Л.П. Призвание варягов, или Норманны, которых не было. — М.: Алгоритм, 2013. — 368 с.
517. Грот Л.П. Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. — М.: Алгоритм, 2012. — 368 с.
518. Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 103–202.
519. Грот Л.П. Рюриково городище и древнерусская дохристианская традиция поклонения божеству, олицетворённому в образе солнца // ИФ. — 2020. — № 1. — С. 21–38.
520. Грот Л.П. Смутное время и мутная история первого норманиста // Русское поле. Научно-публицистический альманах. — Стокгольм, Красноярск, 2012. — № 2. — С. 85–100.
521. Грот Л.П. Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 321–338.
522. Грот Л.П. Шведские учёные как наставники востоковеда Г.З. Байера в изучении древнерусской истории // ВЛГПУ. — Вып. 1 (6). — 2012. — С. 35–46.
523. Грот Л.П., Клёсов А.А. Мифы норманской теории. — М.: Наше завтра, 2023. — 512 с.
524. Грот Я.К. Литва или Скандинавия // ОЗ. — Т. СХХIX. — № 4. — Отд. I. — СПб., 1860. — С. 377–378.
525. Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1865. — 41 с.
526. Грот Я.К. Слова областного словаря, сходные со скандинавскими // Его же. Филологические разыскания. (1852–1892). — Т. 2. — СПб., 1899. — С. 433–444.
527. Грот Я.К. Филологические разыскания: Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. — СПб.: 2-е Отд-е АН, 1873. — VIII, 668.
528. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. — Киев: тип. имп. ун-та св. Владимира, 1891. — XVI, 520 с.
529. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Товарищество Калашников, Комаров и Ко совместно с издательством «Лорис», 1992. — 512 с.
530. Гурвич Д.М. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // ВИ. — 1949. — № 11. — С. 107–119.
531. Гуревич А.Я. История и сага. — М.: Наука, 1972. — 198 с.
532. Гуревич А.Я. Походы викингов. — М.: Наука, 1966. — 184 с.
533. Гуревич М.М., Шафрановский К.И. Об издании 1749 года речи Г.-Ф. Миллера «Происхождение русского народа и имени российского» // Книга. Исследования и материалы. — Сб. VI. — М.: Всесоюзная книжная палата, 1962. — С. 282–285.
534. Гуревич Ф.Д. Древние пруссы и норманны // Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Тарту, 1963. — С. 39–40.
535. Гуревич Ф.Д. Норманский могильник у дер. Вишнёво // СС. — Вып. VI. — Таллин: Эстгосиздат, 1963. — С. 197–210.
536. Гуревич Ф.Д. Скандинавская колония на территории древних пруссов // СС. — Вып. XXIII. — Таллин: Ээсти раамат, 1978. — С. 167–173.

537. *Давидан О.И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Тезисы докладов Четвёртой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — Петрозаводск, 1968. — С. 177–179.
538. *Давидан О.И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // СС. — Вып. XVI. — Таллин, 1971. — С. 134–144.
539. *Давидан О.И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребёнок Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Вып. 10. — Л.: ГЭ, 1968. — С. 54–63.
540. *Далин О.* История шведского государства. — Ч. 1. — Кн. 1. — СПб.: печатано в Императорской типографии, 1805. — 6, II, XXII, 4, 472 с.
541. *Далин О.* История шведского государства. — Ч. 1. — Кн. 2. — СПб.: печатано в Императорской типографии, 1805. — 4, 473–956.
542. *Далин О.* История шведского государства. — Ч. 2. — Кн. 1. — СПб.: печатано в Императорской типографии 1805. — XXXVI, 626 с.
543. *Данилевский И.Н.* Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописных текстов) // ОИ. — 1993. — № 1. — С. 78–94.
544. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 399 с.
545. *Данилевский И.Н.* Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2019. — 74 с.
546. *Данилов А.А.* История России IX–XX вв. Справочные материалы. — М.: Владос, 1998. — 429 с.
547. *Даркевич В.П.* «Градские люди» Древней Руси: XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. — Т. I (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 640–690.
548. *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. — М.: Наука, 1985. — С. 388–411.
549. *Даркевич В.П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // ВИ. — 1994. — № 10. — С. 43–60.
550. *Даркевич В.П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. — 1961. — № 4. — С. 91–102.
551. *Даркевич В.П.* Цивилизация Древней Руси XI–XVII веков. — М.: Белый город, 2012. — 517, [2] с.
552. *Даркевич В.П.* [Рец.] И.П. Русанова, Б.А. Тимошук. Языческие святилища древних славян. М., 1993 // РА. — 1996. — № 4. — С. 200–206.
553. *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. — СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014. — 558 с.
554. *Дворниченко А.Ю.* Г.Ф. Миллер и российская историческая наука // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения первого ректора университета Г.Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ. С.-Петербург, 17–19 окт. 2005. — СПб.: СПбГУ, 2006. — С. 9–17.
555. *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. Учебное пособие. — М.: Весь Мир, 2010. — 939 с.
556. *Декабрист М.С.* Лунин. Сочинения и письма. — Пг.: тип. Коминтерна, 1923. — 152 с.
557. *Дёмина Л.И.* Евгений Францевич Шмурло // *Шмурло Е.Ф.* История России 862–1917. — М.: Аграф, 2001. — С. 5–15.
558. *Дернович С.Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. — Минск: Белорусская наука, 2006. — 86 с.
559. *Джаксон Т.Н.* Август Людвиг Шлёцер // Историки России. Биографии / Составит., отв. ред. А.А. Чернобаев. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 62–66.

560. *Джаксон Т.Н.* Аллогия // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 21.
561. *Джаксон Т.Н.* AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 207 с.
562. *Джаксон Т.Н.* Варяги — создатели Древней Руси? // Родина. — 1993. — № 2. — С. 81–86.
563. *Джаксон Т.Н.* Восточноевропейские речные пути на «ментальной карте» средневекового скандинава // Ad fontem / У источника: Сб. статей в честь С.М. Каштанова. — М.: Наука, 2005. — С. 126–132.
564. *Джаксон Т.Н.* Герард Фридрих Миллер // Историки XVIII–XX веков. — Вып. 1 / Составит. и отв. ред. А.А. Чернобаев. — М., 1995. — С. 16–20.
565. *Джаксон Т.Н.* Герард Фридрих Миллер // Историки России. Биографии / Составит., отв. ред. А.А. Чернобаев. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 15–18.
566. *Джаксон Т.Н.* Древнерусские города в исландских королевских сагах // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. III. — Вып. 1а. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987. — С. 70–76.
567. *Джаксон Т.Н.* Древнескандинавская топонимия Древней Руси и город // Цивилизация Западной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. — Л.: Наука, 1992. — С. 48–55.
568. *Джаксон Т.Н.* Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора исторических наук. — М., 1995. — 61 с.
569. *Джаксон Т.Н.* Ещё раз о «Великой Швеции» // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — Тарту, 1982. — С. 151–153.
570. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII–XII вв.) // Летописи и хроники. 1980 г. — М.: Наука, 1981. — С. 27–42.
571. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времён до 1000 г.) (тексты, перевод, комментарий). — М.: Наука, 1993. — 304 с.
572. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.) (тексты, перевод, комментарий). — М.: Ладомир, 2000. — 366 с.
573. *Джаксон Т.Н.* К методике анализа русских известий исландских королевских саг // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М.: Наука, 1978. — С. 128–143.
574. *Джаксон Т.Н.* Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: о возникновении топонимов Gardar и Holmgardar // СС. — Вып. XXX. — Таллин, 1986. — С. 85–96.
575. *Джаксон Т.Н.* Олава св. церковь в Новгороде // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 571.
576. *Джаксон Т.Н.* Русь глазами средневековых скандинавов // Мир истории. — 2002. — № 4/5. — С. 48–58.
577. *Джаксон Т.Н.* Свитьод Великая, или Холодная // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 722.
578. *Джаксон Т.Н.* Северо-запад Восточной Европы в скандинавских рунических надписях: уточнённые данные // SP. — 2014. — № 5. — С. 225–231.
579. *Джаксон Т.Н.* Система речных путей Восточной Европы в представлении средневековых скандинавов // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28–29 августа 2000 г. — Казань: Мастер Лайн, 2001. — С. 110–122.

580. Джаксон Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // ДГ. 1984 г. — М.: Наука, 1985. — С. 212–228.
581. Джаксон Т.Н. Хольмгард // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 860.
582. Джаксон Т.Н. Шлёцер Август Людвиг // Историки России. Биографии. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 62–66.
583. Джаксон Т.Н. Ярицлейв // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 917.
584. Джаксон Т.Н., Плимак Е.Г. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма. (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // ИСССР. — 1988. — № 6. — С. 35–57.
585. Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // ДГ. 1986 г. — М.: Наука, 1988. — С. 223–229.
586. Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. — Псков, 1987. — С. 24–27.
587. Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / Пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. — М.: Центрполиграф, 2003. — 445 с.
588. Диктофонная запись дискуссий на заседаниях // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 539–628.
589. Дискуссия по докладам // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. I. — Вып. 26. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987. — 169 с.
590. Дитяткин Д.Г. Варяжская проблема в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник. — Вып. 3. — М., Остафьево, 2014. — С. 126–137.
591. Дитяткин Д.Г. Византийские «варанги» в полемике С.А. Гедеонова и В.Г. Васильевского // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. Материалы Всероссийской научной конференции 14–16 мая 2008 г. — Нижний Новгород, 2008. — С. 87–90.
592. Дитяткин Д.Г. С.А. Гедеонов и его концепция начальной истории Руси. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 2010. — 35 с.
593. Дитяткин Д.Г. «Знаменитый предшественник и руководитель»: Г. Эверс и С.А. Гедеонов // VIII Бартеневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьёва, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 5 октября 2018 года. — Липецк: ЛГПУ, 2018. — С. 54–58.
594. Дитяткин Д.Г. Исторические исследования С.А. Гедеонова в оценках его современников // История и историки: историографический вестник. 2009–2010 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2012. — С. 205–217.
595. Дитяткин Д.Г. Концепция начальной истории Руси С.А. Гедеонова // Преподаватель XXI век. — 2009. — № 3. — Ч. 2. — С. 160–163.
596. Дитяткин Д.Г. Начало Руси (862 г.) в дореволюционной историографии // История и историки: историографический вестник. 2011–2012 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2013. — С. 3–13.
597. Дитяткин Д.Г. Призвание варягов и русская государственность в историографии второй половины XIX столетия // Вопросы сохранения исторического наследия: к 250-летию со дня рождения выдающегося русского историка Н.М. Карамзина и 200-летию начала выхода его «Истории государства Российского»: Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук. — Липецк: ЛГПУ, 2015. — С. 102–110.
598. Дитяткин Д.Г. Причерноморская Русь в исследованиях С.А. Гедеонова // История и историки: историографический вестник. 2013–2014 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2015. — С. 237–245.

599. Дитяткин Д.Г. Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в. — М.: Проспект, 2018. — 208 с.
600. Дитяткин Д.Г. «...Протест против мнимонорманского происхождения Руси»: С.А. Гедеонов о начальных этапах русской истории // ВЛГПУ. — 2013. — Вып. 2 (9). — С. 65–72.
601. Дитяткин Д. Г. Славяно-балтийская концепция в советской историографии // История и историки: историографический вестник. 2015–2019 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М., 2021. С. 179–187.
602. Дитяткин Д.Г. Славяно-балтийская концепция С.А. Гедеонова // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX–XXI вв. Материалы Международной научной конференции. 27–28 ноября 2009 г. — Липецк: ЛГПУ, 2010. — С. 82–88.
603. Дитяткин Д.Г. Южнобалтийская версия происхождения летописных варягов в концепции начальной истории Руси С.А. Гедеонова // История и историки: историографический вестник. 2008 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2010. — С. 245–263.
604. Дитяткин Д., Тихонов В. [Рец.] С.В. Соколов. Концепция происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего Нового времени. Екатеринбург, Банк культурной информации, 2015. 316 С. // РИ. — 2017. — № 2. — С. 219–222.
605. Дмитриев Л.А. Иван Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV — XVI в.) / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. — Вып. 2. — Ч. 1. — Л.: Наука, 1988. — С. 384–386.
606. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. — М., Л.: АН СССР, 1955. — 216 с.
607. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. — Л.: ЛГУ, 1991. — 192 с.
608. Добролюбов Н.А. О древнейшей истории северных славян до времени Рюрика и откуда пришёл Рюрик и его варяги Александра Васильева. СПб., 1858 // Его же. Собрание сочинений. В 9 т. — Т. 4. — М., Л.: Гослитиздат, 1962. — С. 297–299.
609. Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. — Т. I. — Киев: тип. И.И. Чоколова, 1911. — VIII, 366 с.
610. Доннерт Э. Данные немецких источников раннего Средневековья о славянах и программа восточной экспансии у Титмара Мерзебургского // Средние века. — Вып. 27. — М., 1965. — С. 26–39.
611. Дополнения А.А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. — СПб.: тип. Акад. наук, 1875. — С. 392–462, 519–523, 629–685, 686–715.
612. ДАИ. — Т. 1. — СПб.: тип. 2 Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1846. — 446 с.
613. ДАИ. — Т. 2. — СПб.: тип. Э. Праца, 1846. — 304 с.
614. Дорофеева Т.С., Стеблин-Каменская С.И. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // Археологические вести. — Вып. 19. — СПб., 2013. — С. 159–175.
615. «Достоверная и правдивая реляция» Петра Петрея // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А.И. Плигузов, И.А. Тихонюк. — М.: Современник, 1989. — С. 170–195.
616. Дрбоглав Д.А. Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV веков. — М.: МГУ, 1984. — 148 с.
617. Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. — М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1996. — 256 с.
618. ДРЗИ. Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 1999. — 606 с.
619. ДРЗИ. Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. Е.А. Мельниковой / Авторы М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко, А.В. Подосинов. — Изд. 2-е. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. — 622 с.

620. ДРЗИ. Хрестоматия. — Т. II. Византийские источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова / Сост. М.В. Бибилов. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 373 с.
621. ДРЗИ. Хрестоматия. — Т. III. Восточные источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — 264 с.
622. ДРЗИ. Хрестоматия. — Т. IV. Западноевропейские источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 503 с.
623. ДРЗИ. Хрестоматия. — Т. V. Древнескандинавские источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — 384 с.
624. Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — 991 с.
625. *Дробинский А.И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // ИЗ. — Т. 26. — М.: АН СССР, 1948. — С. 95–127.
626. *Дубов И.В.* Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. — Казань: Мастер Лайн, 1999. — С. 88–93.
627. *Дубов И.В.* Культура Руси накануне крещения // Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. — Вып. 3. — СПб.: СПбГУ, 1995. — С. 84–96.
628. *Дубов И.В.* Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. — СПб.: ИИМК РАН, 1999. — С. 26–34.
629. *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). — Л.: ЛГУ, 1982. — 248 с.
630. *Дубов И.В.* Скандинавы в Ярославском Поволжье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. памяти О.И. Давидан. — СПб.: ГЭ, 2002. — С. 114–119.
631. *Дубов И.В.* Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX–XIII веков // ВИ. — 1990. — № 5. — С. 15–27.
632. *Дубов И.В., Седых В.Н.* Тимерёво в свете новейших исследований // Славяно-русские древности. Древняя Русь: новые исследования. — Вып. 2. — СПб.: СПбГУ, 1995. — С. 102–117.
633. *Дубровский С.М. Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки* // ВИ. — 1962. — № 3. — С. 3–31.
634. *Дук Д.В.* Полоцк — 1150. Истоки государственности на белорусских землях // Родина. — 2012. — № 9. — С. 66–67.
635. *Думин С.В., Турилов А.А.* «Откуда есть пошла Русская земля?» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века. — М.: Политиздат, 1991. — С. 7–33.
636. *Дурновцев В.И.* Савицкий Пётр Николаевич (1895–1968) // Историки России. Биографии / Составит., отв. ред. А.А. Чернобаев. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 111–123.
637. *Дурновцев В.И., Бачинин А.Н.* Учёный грызун: Дмитрий Иванович Иловайский // Историки России. XVIII — начало XX века. — М.: Скрипториум, 1996. — С. 365–378.
638. *Дучко В.* Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. III. — Вып. 1а. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987. — С. 77–86.
639. *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. — М., 1939. — № 4 (9). — С. 83–90.
640. *Е.Л. [Ловягин Е.]* Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христианское чтение. — СПб., 1882. — № 9–10. — С. 414–443.

641. *Елагин И.П.* Опыт повествования о России. — Кн. I. — М.: Унив. тип., 1803. — LIX, [5], 123, [1] с.
642. *Елифёрова М.В.* Рюриково городище: что же откопали на самом деле // *Valla*. — 2017. — № 4 (3). — С. 87–92.
643. *Енин Г.П.* Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. — Вып. 3 (XVII в.). — Ч. 3. — СПб., 1998. — С. 425–428.
644. *Енин Г.П.* Шведская оккупация Новгородской земли в русской книжной миниатюре // *Чело*. — 2008. — № 1. — С. 54–60.
645. *Ениосова Н.В.* Глазанды археологов // *РИ*. — 2014. — № 6. — С. 14–18.
646. *Ениосова Н.В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // *Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея*. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 83–92.
647. *Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г.* Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках // *Сельская Русь в X–XVI веках* / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. — М.: Наука, 2008. — С. 265–274.
648. *Еремеев И.И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // *Археологические вести*. — СПб., 2005. — № 12. — С. 98–122.
649. *Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псково-Белорусского Подвинья). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. — 696 с.
650. *Еремеев И.И.* Исследования в Восточном Приильменье // *Археологические открытия 2004 года*. — М.: Наука, 2005. — С. 28–30.
651. *Еремеев И.И.* Исследования на восточном берегу озера Ильмень // *АО 2006 года*. — М.: Наука, 2009. — С. 33–36.
652. *Еремеев И.И.* Полоцкая земля // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 275–296.
653. *Еремеев И.И.* Раскопки в городке на Маяте // *АО 2007 года*. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — С. 25–26.
654. *Еремеев И.И.* Раскопки славянского городка в Восточном Приильменье // *АО 2005 года*. — М.: Наука, 2007. — С. 19–20.
655. *Еремеев И.И., Янссон И., Сёдерберг С.* Курган в Вибю (Уппланд) и проблема происхождения больших «дружинных» курганов Древней Руси // *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова*. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 206–223.
656. *Ерёмин И.П.* Киево-Печерский патерик // *Его же. Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. — Л.: ЛГУ, 1987. — С. 31–36.
657. *Ерёмин И.П.* «Повесть временных лет». — Л.: ЛГУ, 1947. — 92 с.
658. *Ерёмин И.П.* «Повесть временных лет» как памятник литературы // *Его же. Литература Древней Руси*. — М.: Наука, 1966. — С. 42–97.
659. *Ерёмин И.П.* «Сказание о князьях владимирских» // *Его же. Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. — Л.: ЛГУ, 1987. — С. 150–152.
660. *Ермолаева М.А.* Г.Ф. Миллер и русская книжность в XVIII столетии // *Немцы в России. Три века научного сотрудничества*. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 136–141.
661. *Ерусалимский К.Ю.* Дремучий антинорманизм Владимира Путина // *Историческая экспертиза*. — 2023. — № 3. — С. 102–115.
662. *Жарнов Ю.Э.* Гнёздово, Тимерёво, Шестовица: историографический миф об однотипности этих памятников // *Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея*. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 114–115.
663. *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города)* / Под. ред. Д.А. Авдусина. — М.: МГУ, 1991. — С. 200–225.

664. *Жарнов Ю.Э.* Животные в погребальном обряде курганов периода становления Древнерусского государства // СА. — 1991. — № 2. — С. 76–89.
665. *Жарнов Ю.Э.* Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Автореф. дис. ... канд. наук. — М.: МГУ, 1992. — 23 с.
666. *Жданов И.Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I–V. — СПб.: Л.Ф. Пандтелеев, 1895. — 631 с.
667. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры // Из истории русской культуры. — Т. I (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 586–617.
668. *Живов В.М.* Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Из истории русской культуры. — Т. I (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 552–585.
669. *Жих М.И.* Восточные славяне накануне государственности. — М.: Вече, 2020. — 448 с.
670. *Жих М.И.* К проблеме «Русского каганата»: Древняя Русь и её степные соседи // Русин. — 2009. — № 3 (17). — С. 147–157.
671. *Жих М.И.* Комментарии // ИФ. — 2018. — № 3–4. — С. 211–231.
672. *Жих М.И.* О соотношении «новгородской» и «ладожской» версий Сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». — Вып. 24. — М., СПб., 2018. — С. 3–44.
673. *Жих М.И.* Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // ИФ. — 2018. — № 3–4. — С. 176–192.
674. *Жих М.И.* Ранние славяне на Висле и Одере // ИФ. — 2015. — № 1. — С. 124–133.
675. *Жих М.И.* Xavier Marmier. Le Mecklenbourg / Ксавье Мармье. Мекленбург (русский перевод Записок о путешествии Ксавье Мармье в Мекленбург) // ИФ. — 2016. — № 3. — С. 9–61.
676. Житие святого Северина (с приложением оригинального латинского текста) / Перевод с латыни, вступит. статья, комментарии А.И. Донченко. — СПб.: Алетейя, 1998. — 370 с.
677. *Житомирская С.В.* Голос с того света: книга Николая Тургенева «Россия и русские» — история и судьба // *Тургенев Н.И.* Россия и русские. — М.: ОГИ, 2001. — С. 623–654.
678. *Жобер А.Н.* Скандинавы в Европе: археологическое измерение // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 239–254.
679. *Жур К.В., Шарко Ф.С., Седов В.В., Добровольская М.В., Волков В.Г., Максимов Н.Г., Сеславин А.Н., Макаров Н.А., Прохорчук Е.Б.* Рюриковичи: первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики // Acta Naturae. — 2023. — Т. 15. — № 3 (58). — С. 50–65.
680. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времён. — Ч. 1. — М.: тип. Грачёва и Ко, 1876. — 647, [XII] с.
681. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времён. — Ч. 2. — М., 1879. — 503 с.
682. *Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — 272 с.
683. *Заборов М.А.* Крестовые походы. — М.: АН СССР, 1956. — 279 с.
684. *Завитневич В.З.* Происхождение и первоначальная история имени Русь // Труды Киевской духовной академии. — Киев, 1892. — № 12. — С. 553–594.
685. *Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Технологические инновации в кузнечном ремесле Белозерья // КСИА. — Вып. 226. — М., 2012. — С. 255–267.
686. *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. — Т. 1. — Казань: тип. имп. ун-та, 1899. — XVI, 512, III с.
687. *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. — Казань: Упр. внутр. вод. путей и шоссейн. дорог, 1909. — XIV, 464, 27 с.
688. *Заичкин И.А., Почкаев И.Н.* Русская история: популярный очерк. IX — середина XVIII в. — М.: Мысль, 1992. — 800 с.

689. *Зализняк А.А.* Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // ВАН. — 1988. — № 8. — С. 92–100.
690. *Зализняк А.А.* Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. — Вып. 5. — М.: МГУ, 1984. — С. 36–153.
691. *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородская Псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси // Вестник Российской Академии наук. — Т. 71. — № 3. — М., 2001. — С. 202–209.
692. *Заметка А.А. Куника // Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1870. — IX, 308 с.
693. *Замечания С. Гедеонова // Погодин М.П.* Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавомания и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 213–215.
694. *Замечания А. Куника // Погодин М.П.* Г. Гедеонов и его система происхождения варягов и руси // Скандинавомания и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 216–237.
695. *Замечания А. Куника.* (По поводу критики г. Фортинского). — СПб.: тип. Акад. наук, 1878. — 14 с.
696. *Замечания О. Прицака на комментарий В. Петрухина // Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Научная ред., послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. — М., Иерусалим: Гешарим, 1997. — 239 с.
697. *Замысловский Е.* Описание Литвы, Самогитии, России и Московии Себастиана Мюнстера (XVI века) // ЖМНП. — Т. 211. — № 9. — СПб., 1880. — С. 66–123.
698. *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). — Юрьев, 1913. — 141, [VI] с.
699. *Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии.* — Ч. 1. — М., Л.: ИИ СССР, 1985. — VIII, 220 с.
700. *Записки С.М. Соловьёва.* — Пг.: Прометей, [1915]. — 174 с.
701. *Захаров В.А.* Где находился город «Росия»? // Сб. РИО. — Т. 1. — М.: Русская панорама, 1999. — С. 151–156.
702. *Захаров В.А.* История раскопок раннесредневековых слоёв Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII–XX вв. // Сб. РИО. — Т. 4 (152). — М.: Русская панорама, 2002. — С. 148–149.
703. *Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 213–239.
704. *Захаров С.Д.* Белоозеро и Белозерск // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 168–187.
705. *Захорук Ю.Н.* Историзм археологической науки // Древняя Русь и славяне. — М.: Наука, 1978. — С. 7–10.
706. *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. — М., 1954. — № 6. — С. 49–95.
707. *Зерцало историческое государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика.* — Изд. 2-е. — Ч. XVI. — СПб., 1791.
708. *Зиборов В.К.* Романовы и Рюриковичи (о родословной легенде Рюриковичей) // Дом Романовых в истории России. — СПб.: СПбГУ, 1995. — С. 47–54.
709. *Зиборов В.К.* Русское летописание XI–XVIII веков. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — 512 с.
710. *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. — СПб.: СПбГУ, 1995. — 188, 3 с.
711. *Зимек Р.* Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 9–25.
712. *Зимин А.А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. — М.: Наука, 1972. — С. 128–138.

713. *Зимин А.А.* О методике изучения древнерусского летописания // ИАН. — Серия литературы и языка. — Т. 33. — № 5. — М., 1974. — С. 454–464.
714. *Зиновьев А.З.* О начале, ходе и успехах критической российской истории. — М.: Унив. тип., 1827. — 72 с.
715. *Зинчук Я.П.* Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X–XII вв. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1955. — 16 с.
716. *Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв.* / Сост., авторский текст, коммент. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 303 с.
717. *Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 384–410.
718. *Зоценко В.Н.* Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 455–475.
719. *Зоценко В.Н.* Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье (IX–X вв.) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. Киев, сентябрь 1985 г. — М., 1985. — С. 126–127.
720. *Зоценко В.Н.* Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье в IX–X вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. III. — Вып. 1а. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987. — С. 87–93.
721. *Зоценко В.Н.* Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // *Ruthenica*. — 2003. — № 2. — С. 26–52.
722. [Зубарев Ф.] О трудах Шлёцера и Тунманна для русской истории // ВЕ. — № 18. — М., 1825. — С. 81–103.
723. *Зуев В.Ю., Шукин М.Б., Лебедев Г.С.* К научному портрету Д.А. Мачинского // Петербургский археологический вестник. — № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. — СПб.: ФАРН, 1993. — С. 7–11.
724. *Зутис Я.Я.* Русско-эстонские отношения в IX–XIV вв. // Историк-марксист. — М.: тип. газеты «Правда» имени Сталина, 1940. — № 3. — С. 39–56.
725. *Ивакин И.В.* Князь Владимир Мономах и его поучение. — Ч. 1. — М.: Унив. тип., 1901. — 326 с.
726. *Иван Грозный* / Под ред. С.В. Перевезенцева / Сост. Д.В. Ермашов, С.В. Перевезенцев, В.В. Фомин. — М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2002.
727. *Иванников Д.А.* Варяжский вопрос в трудах М.П. Погодина // Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций: Материалы второй межвузовской научной конференции молодых учёных, посвящённых 40-летию Российского университета дружбы народов и Международному году культуры и мира. — М.: РУДН, 2000. — С. 33–39.
728. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. — Т. I (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 413–440.
729. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. — М.: Наука, 1978. — С. 221–240.
730. *Иванов К.* Где расположена родина русов? // Родина. — 1995. — № 11. — С. 10–17.
731. *Иванов Н.А.* Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках с.-петербургских и московских. — Казань: Унив. тип., 1843. — 340 с.

732. [Иванов Н.А.] Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. — Ч. 3. — СПб.: тип. А. Плюшара, 1837. — V, 335 с.
733. Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. — Вып. 18. — СПб.: ИИМК РАН, 2012. — С. 124–144.
734. Иванова Т.А. Ещё раз о «русских» письменах (К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла) // Советское славяноведение. — 1969. — № 4. — С. 72–75.
735. Игнатъев А.А. 50 лет в строю. — Т. 1. — Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1963. — 559 с.
736. Иеродиакон Никон (Лысенко). «Фотиево» крещение славяно-россов и его значение в предыстории крещения Руси // Богословские труды. — Т. 29. — М., 1989. — С. 34–38.
737. «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). — М.: Художественная литература, 1969. — 799 с.
738. Измайлов И. Балтийско-Волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». (Казань, 28–29 августа 2000 г.) — Казань: Мастер Лайн, 2001.
739. Измайлов И. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. — Казань: Мастер Лайн, 1999. — С. 94–100.
740. Иконников В.С. Август Людвиг Шлёцер. Историко-биографический очерк. — Киев: тип. Т.Г. Мейнандера, 1911. — 72 с.
741. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Т. 2. — Кн. 1. — Киев: тип. имп. ун-та св. Владимира, 1908. — 1113 с.
742. Иконников В.С. Очерк разработки русской истории в XVIII веке. — Харьков: Унив. тип., 1867. — 27 с.
743. Илизаров С.С. Академик Г.Ф. Миллер — гражданин Москвы // ВИЕИТ. — 1996. — № 4. — С. 60–92.
744. Илизаров С.С. Академик С.-Петербургской академии наук Герард-Фридрих Миллер, первый исследователь Москвы // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. Международная научная конференция, посвящённая 850-летию Москвы. Москва, 5 июня 1997 г. — М., 1997. — С. 160–176.
745. Илизаров С.С. М.В. Ломоносов в документах и материалах Российского архива древних актов // Новое о Ломоносове: Материалы и исследования. К 300-летию со дня рождения / Состав., отв. ред. С.С. Илизаров. — М.: Янус-К, 2011. — 417, [1] с.
746. Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. — М.: Янус-К, 1999. — 369, [1] с.
747. Илизаров С.С. Предисловие // Миллер Г.Ф. Избранные труды / Составление, статья, примечания С.С. Илизарова. — М.: Наука, 2006. — С. 73–77.
748. Иллерицкий В.Е. Русская историография второй половины XIX века (лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). — М., 1957. — 107 с.
749. Иллерицкий В.Е. Официальное охранительное направление // Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. II. — М.: АН СССР, 1960.
750. Иловайский Д.И. Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов // ЖМНП. — Ч. ССХV. — СПб., 1881. — С. 1–34.
751. Иловайский Д.И. Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. — М.: Типо-литография «Русского Т-ва печатного и издательского дела», 1902. — IV, 106 с.
752. Иловайский Д.И. Ещё о происхождении Руси // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический журнал. — Т. XVI. — № 4. — СПб.: Хромолитография В. Грацианского, 1880. — С. 635–650.

753. *Иловайский Д.И.* Заключительное слово моим противникам — норманистам // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический иллюстративный сборник. — Т. 1. — СПб.: Хромолитография В. Грацианского, 1876. — С. 203–208, 304–312.
754. *Иловайский Д.И.* [Рец.] Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Д.А. Хвольсона. С-Петербург. 1869 // Древности. Труды Московского археологического общества. — Т. 3. — Вып. 2. — М., 1871. — С. 223–224.
755. *Иловайский Д.И.* Историко-критические заметки // РВ. — Т. 199. — № 12. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1888. — С. 3–18.
756. *Иловайский Д.И.* История России. Киевский период. — Т. I. — Ч. 1. — М.: тип. Грачёва и Ко, 1876. — 333 с.
757. *Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. — Изд. 9-е. — М., 1868. — VI, 396 с.
758. *Иловайский Д.И.* Начало Руси. — М.: АСТ, Астрель, 2006. — 480 с.
759. *Иловайский Д.И.* Основные тезисы о происхождении Руси // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. — Т. I. — Отд. III. — М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. — С. 86–87.
760. *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М.: тип. Грачёва и К°, 1876. — 466 с.
761. *Иловайский Д.И.* Руководство к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах). — Изд. 8-е. — М., 1862. — 180 с.
762. *Ильин И.А.* О национальном призвании России (в ответ на книгу Шубарта) // *Шубарт В.* Европа и душа Востока. — М.: Русская идея, 2000. — С. 368–405.
763. *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и её источник (опыт анализа). — М.: АН СССР, 1957. — 210 с.
764. *Ильина Н.Н.* Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 19–136.
765. *Ильинский Г.А.* [Рец.] *Никольский Н.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. — Вып. 1. — Л.: АН СССР, 1930. — 107 с. // *Byzantinoslavika*. — Ročník II. — Svazek 2. — Praha, 1930. — С. 432–436.
766. *Ильинский Г.А.* Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1920. — Т. XXV. — Пг., 1922. — С. 419–436.
767. *Иов О.В., Рябцевич В.Н.* Клад конца IX в. с Брилевского поля // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. — СПб.: СПбГУ, 2002. — С. 164–175.
768. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: Алетейя, 1997. — 505 с.
769. *Исакова Л.В.* Густав Эверс и его концепция начальной истории Руси. Дис. ... канд. наук. Арзамас, 2018. — 240 с.
770. *Исакова Л.В.* Густав Эверс и его концепция начальной истории Руси. Автореф. дис. ... канд. наук. — Арзамас, 2018. — 23 с.
771. *Исакова Л.В.* Густав Эверс о роли и значении хазар в русской истории // Ключевские чтения — 2012. Российская государственность и освободительные войны. — Т. 1: Материалы Всероссийской научной конференции / Сб. научных трудов. — М.: Изд-во «Спутник+», 2013. С. 52–54.
772. *Исакова Л.В.* Иоганн Филипп Густав Эверс // ВИ. — 2018. — № 7. — С. 69–82.
773. *Исакова Л.В.* Иоганн Филипп Густав Эверс. К 240-летию со дня рождения // ОЗ. — 2021. — № 1 (728). — С. 249–257.
774. *Исаевич Я.Д.* Этническое самосознание польской народности в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М.: Наука, 1989. — С. 256–280.

775. *Исламова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В.* Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернцов. — М.: Наука, 2005. — С. 72–77.
776. *Исландские саги* / Редакция, вступит. статья и прим. М.И. Стеблин-Каменского. — М.: Гослитиздат, 1956. — 782 с.
777. *Исландские саги* / Под общей ред. О.А. Смирницкой. Вступительная ст. М.И. Стеблин-Каменского. — Т. I. — СПб.: Нева: Летний сад, 1999. — 829, [2] с.
778. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. — СПб., 1859. — 135, [XLI] с.
779. *Историография истории России до 1917 года.* — Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. — М.: Владос, 2003. — 384 с.
780. *Историография истории России до 1917 года.* — Т. 2 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. — М.: Владос, 2003. — 384 с.
781. *Историография истории СССР. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции* / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. — М.: Высшая школа, 1961. — 458 с.
782. *Историография истории СССР. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции* / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1971. — 460 с.
783. *Исторические отрывки* // ВЕ. — М., 1807. — Ч. 34. — № 15. — С. 194–200.
784. *История Академии наук СССР.* — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1958. — 483 с.
785. *История Византии.* — Т. 3 / Отв. ред. С.Д. Сказкин. — М.: Наука, 1967. — 508 с.
786. *История Дании.* — Т. 1. — М.: Наука, 1996. — 503 с.
787. *История СССР.* — Т. I. С древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. — М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. — 792 с.
788. *История СССР с древнейших времён до конца XVIII в.* — Изд. 2-е, переработ. и доп. / Под ред. Б.А. Рыбакова. — М.: Высшая школа, 1983. — 415 с.
789. *История Швеции.* — М.: Наука, 1974. — 720 с.
790. *История Эстонской ССР (с древнейших времён до наших дней).* — Т. 1. — Таллин: Эстгосиздат, 1961. — 955 с.
791. *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.): Учеб. пособие для студ. филол. специальностей вузов / Под ред. О.В. Никитина. — М.: Академия, 2002. — 384 с.
792. *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Т. I. — Пг.: Отд. рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1920. — 612, XVIII с.
793. *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Т. II. — Пг.: Отд. рус. яз. и словесности Рос. Акад. наук, 1922. — XXXII, 462 с.
794. *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Т. III. — Л.: АН СССР, 1930. — 348 с.
795. *ал-Йа‘куби. Книга стран (Китаб ал-булдан)* / Вступ. ст., пер., комментарии и указатели Л.А. Семёновой; отв. ред. Д.В. Микульский. — М.: Восточная литература, 2011. — 365 с.
796. *Кавелин К.Д.* Исторические труды М.П. Погодина. Исследования, замечания и лекции о русской истории // Его же. Собрание сочинений. — Т. I. Монографии по русской истории. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — Стб. 95–252.
797. *Кавелин К.Д.* *Исследования С.М. Соловьёва. История России с древнейших времён.* — Т. 1 // Его же. Собрание сочинений. — Т. I. Монографии по русской истории. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — Стб. 253–508.
798. *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков (Из истории международных культурных связей России). — Л.: Наука, 1980. — 280 с.
799. *Казакова Н.А.* Известия русских летописей о Западной Европе. XV — начало XVI в. // ВИД. — Т. IX. — Л., 1978. — С. 195–222.

800. Казакова Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. — Т. XXV. — М., Л.: Наука, 1970. — С. 60–72.
801. Казанский П. Дополнения к вопросу о Несторе // ВМОИДР. — Кн. 3. — Отд. II. — М., 1849. — С. 4–5.
802. Казанский П. Ещё вопрос о Несторе // ВМОИДР. — Кн. 1. — Отд. I. — М., 1849. — С. 23–30.
803. Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. — СПб.: ИИМК РАН, 1999. — С. 49–62.
804. Каинов С.Ю. Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 34–46.
805. Каинов С.Ю. Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. — Вып. 1. — М.: ГИМ, 2018. — С. 212–241.
806. Каинов С.Ю. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X — начала XI в. (на материалах Гнёздовского некрополя и поселения). Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 2019. — 27 с.
807. Каинов С., Фёдоров О. Древнерусский дружинник второй половины X века. Опыт реконструкции // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 г. — М.: Профис, 2004. — С. 7–11.
808. Каинов С., Фёдоров О. Скандинавские наёмники на Руси. Конец IX — середина XI веков // Военная иллюстрация. Альманах российской военной истории. — 1998. — № 1. — С. 2–7.
809. Кайданов И. Начертание истории государства Российского. — Изд. 2-е., испр. — СПб.: тип. Департамента нар. просв., 1830. — X, 447 с.
810. Калайдович К.Ф. Разыскания о пришествии Рюрика в Ладогу // ЗТОИДР. — Ч. 1. — М., 1815. — С. 114–129.
811. Калинина Т.М. Арабские учёные о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 190–210.
812. Калинина Т.М. Восточные источники о древнерусской государственности (К статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. — 2003. — № 2. — С. 15–19.
813. Калинина Т.М. Ибн Хордадбех // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 311.
814. Калинина Т.М. Норманский вопрос в трудах востоковедов России // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М.: Наука, 1978. — С. 144–153.
815. Калинина Т.М. Остров русов // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 581.
816. Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1977. — 29 с.
817. Каменский А.Б. Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // ИСССР. — 1989. — № 1. — С. 144–159.
818. Каменский А.Б. Герард Фридрих Миллер — историк России // От Рейна до Камчатки. К 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера. Каталог выставки. — М.: Древлехранилище, 2005. — С. 39–47.
819. Каменский А.Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. IX. — СПб.: Наука, 1991. — С. 39–48.
820. Каменский А.Б. Миллер // Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический справочник. — М.: Знание, Владос, 1996. — С. 447–449.
821. Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...». — СПб.: Лениздат, 1992. — 448 с.
822. Каменский А.Б. Работал для веков в глуши... // Родина. — 1990. — № 3. — С. 21–22.

823. Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. — М.: Наука, 1996. — С. 374–416.
824. Каменский А.Б. Человек нового времени. Ломоносов на фоне эпохи // Родина. — 2011. — № 9. — С. 16–19.
825. Кан А.С. «И разных там прочих шведов...» Как у наших народов сложились устойчивые представления друг о друге // Родина. — 1997. — № 10. — С. 4–7.
826. Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). — Изд. 2-е. — М.: Высшая школа, 1980. — 311 с.
827. Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. — М.: РГГИ, 1999. — 359 с.
828. Кан А.С., Хорошкевич А.Л. [Рец.] Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Сб. статей. Л., Наука, 1970 // ИСССР. — 1971. — № 6. — С. 188–190.
829. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991. — 125, [2] с.
830. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. I. — М.: Наука, 1989. — 640 с.
831. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. II–III. — М.: Наука, 1991. — 832 с.
832. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. IX. — СПб.: тип. Н. Греча, 1821.
833. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Кн. III. — Т. IX–XII. — СПб., 1845.
834. Каратеев М.Д. Норманская болезнь в русской истории // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — 345 с.
835. Каратовская В.В. «Норманнская проблема» и опыт её интерпретации на основе сравнительного анализа историографии древнерусского и болгарского политогенеза. Автореф. дис. ... канд. наук. — Томск, 2011. — 27 с.
836. Каргер М.К. Древний Киев. — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1958. — 579 с.
837. Каргер М.К. Новгород Великий. — М., Л.: Искусство, 1961. — 310 с.
838. Карнап-Борнхайм К. фон, Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. — 2010. — № 1. — С. 53–63.
839. Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. — Новосибирск: НГПУ, 2010. — 291 с.
840. Карпеев Э.П. Г.З. Байер и истоки норманской теории // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: Наука, 1997. — С. 19–25.
841. Карпеев Э.П. Г.З. Байер у истоков норманской проблемы // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. — СПб.: Европейский дом, 1996. — С. 46–51.
842. Карпеев Э.П. Русская культура и Ломоносов. — М.: Наука, 2005. — 141 с.
843. Карпеев Э.П. «Се человек...» (заметки к психологическому портрету М.В. Ломоносова) // ВИЕИТ. — 1999. — № 1. — С. 106–121.
844. Карпеев Э.П. Ессе Ното (опыт создания психологического портрета М.В. Ломоносова) // Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. — СПб.: Наука, 1999. — 257, [1] с.
845. Карпенко А.А. Предыстория Руси, русский и варяжский вопросы в концепции А.Г. Кузьмина // ИФ. — 2021. — № 4. — С. 60–77.
846. Карпов С.П. О варягах, юбилеях и нашем образовании... // Родина. — 2012. — № 9. — С. 6–10.
847. Карсанов А.Н. Где находилась «страна аланов и русских» // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Москва, апрель 1996 г. Тезисы докладов. — М.: ИА РАН, 1996. — С. 84–86.
848. Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. — Т. 1. — Минск: Белорусский экзархат, 2007. — 719 с.
849. Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. — Т. 2. — Минск: Белорусский экзархат, 2007. — 591 с.
850. Касиков Х., Касиков А. Ещё раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датском // СС. — Вып. 33. — Таллин: Олион, 1990. — С. 98–109.
851. Каск А.Х. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов // Вопросы этнической истории эстонского народа. — Таллин: Эстгосиздат, 1956. — С. 28–48.
852. Каца Л.А., Юрганов А.Л. История России VIII–XV вв. — М.: МИРОС, 1995. — 240 с.

853. Каченовский М.Т. Из рассуждения о Русской Правде // Учёные записки имп. Московского ун-та. — Ч. 3. — № 9. — М., 1835. — С. 351–388.
854. Каченовский М.Т. О баснословном времени в Российской империи // Учёные записки имп. Московского ун-та. — Ч. 1. — № 2. — М., 1833. — С. 273–298; № 3. — М., 1833. — С. 674–689.
855. Каченовский М.Т. О кожаных деньгах // Учёные записки имп. Московского ун-та. — Ч. IX. — № 3. — М., 1835. — С. 333–370.
856. Каштанов С.М., Столярова Л.В. «Науки юношей питают...» // Вестник Российской Академии наук. — 2012. — Т. 82. — № 12. — С. 1142–1147.
857. Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа 400–1500 годы. — М.: Весь мир, 2001. — 372, [2] с.
858. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. — М.: Наука, 1983. — 216 с.
859. Кириллин В.А. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — М., 2000. — № 1. Сентябрь. — С. 86–94.
860. Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 59–64.
861. Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28–29 августа 2000 г. — Казань: Мастер-Лайн, 2001. — С. 9–35.
862. Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. — СПб.: ИИМК РАН, 2002. — С. 34–58.
863. Кирпичников А.Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // СС. — Вып. XXII. — Таллин: Ээсти раамат, 1977. — С. 159–173.
864. Кирпичников А.Н. Восток и Запад в развитии русского средневекового вооружения и его своеобразие // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию И.Я. Фроянова. — М.: Парад, 2006. — С. 75–82.
865. Кирпичников А.Н. Государственной России — 1150! // Родина. — 2012. — № 9. — С. 23–24.
866. Кирпичников А.Н. Древнейший русский подписной меч // СА. — 1965. — № 3. — С. 196–201.
867. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. — М., Л.: Наука, 1966. — 176 с.
868. Кирпичников А.Н. Древности Старой Ладоги в исследованиях Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 36–45.
869. Кирпичников А.Н. Из Старой Ладоги в Новгород // Родина. — 2009. — № 9. — С. 12–14.
870. Кирпичников А.Н. Исторические данные о создании Русского государства // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 81–86.
871. Кирпичников А.Н. К 1150-летию создания Русского государства // Российская государственность: от истоков до современности / Сб. статей Международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. (Самара, 13–15 сентября 2012 г.). — Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2012. — С. 14–20.
872. Кирпичников А.Н. Ладога // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 441–442.
873. Кирпичников А.Н. Ладога в VIII–XII вв. Этапы городского развития по археологическим и письменным источникам // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). — М.: Наука, 1985. — С. 56–57.

874. Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. (На материалах восточнославянских племён и Древней Руси). — Киев: Наукова думка, 1979. — С. 92–106.
875. Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. I. — Вып. 2а. (Киев, 18–25 сентября 1985 г.). — М., 1987. — С. 101–111.
876. Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси / Под. ред. И.В. Дубова. — Вып. 1. — Л.: ЛГУ, 1988. — С. 38–79.
877. Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и её международные связи // Славяно-русские древности. — Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. — СПб.: СПбУ, 1995. — С. 28–53.
878. Кирпичников А.Н. Ладожская жемчужина в балтийском мире // Родина. — 2008. — № 9. — С. 37–40.
879. Кирпичников А.Н. Мечи Киевской Руси (IX–XI вв.) // СА. — 1961. — № 4. — С. 179–197.
880. Кирпичников А.Н. Меч // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 485–487.
881. Кирпичников А.Н. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. // СС. — Вып. XI. — Таллин: Ээсти раамат, 1966. — С. 249–295.
882. Кирпичников А.Н. Новообнаруженный древнерусский подписной меч // ТОДРЛ. — 1996. — Т. 50. — С. 717–722.
883. Кирпичников А.Н. Новые историко-археологические исследования Старой Ладоги // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 17–22.
884. Кирпичников А.Н. Обстоятельства зарождения. Исторические данные о 1150-летию российской государственности // Родина. — 2011. — № 4. — С. 73–75.
885. Кирпичников А.Н. О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладоге) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы международного симпозиума. (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) — Казань: Мастер Лайн, 1999. — С. 107–115.
886. Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и её соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. — СПб.: ИИМК РАН, 2002. — С. 227–250.
887. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В.В. Седов. — Л.: Наука, 1985. — С. 3–26.
888. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога. Историческая роль и международное значение // Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. — Вып. 2. — М.: ИА РАН, 1995. — С. 18–27.
889. Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: МАЭ РАН, 1997. — С. 7–18.
890. Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. Учёные, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — С. 31–55.
891. Кирпичников А.Н. Сложение Древнерусского государства и его политико-территориальные структуры (по письменным и археологическим данным) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. 2014 г. — Т. III. — Казань, 2014. — С. 74–76.
892. Кирпичников А.Н. 1250-летие Старой Ладоги // Культура, образование, история Ленинградской области. — СПб.: ИИМК РАН, 2002. — С. 39–46.

893. *Кирпичников А.Н.* Старая Ладога в первые века русской истории. Некоторые итоги историко-археологического изучения // *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. Памяти О.И. Давидан.* — СПб.: ГЭ, 2002. — С. 9–15.
894. *Кирпичников А.Н.* Творческий путь Евгения Николаевича Носова. К 60-летию со дня рождения // *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова.* — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 9–13.
895. *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой.* — М.: Прогресс, 1986. — С. 98–158.
896. *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // *КСИА.* — Вып. 164. — 1981. — С. 3–10.
897. *Кирпичников А.Н., Каинов С.Ю.* Новоприобретённый раннесредневековый меч из собрания Московского Кремля // *Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой.* — М.: Индрик, 2001. — С. 169–173.
898. *Кирпичников А.Н., Курбатов А.В.* Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // *SP.* — 2014. — № 5. — С. 129–135.
899. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А.* Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // *Scando-Slavica.* — Т. 24. — Copenhagen, 1978. — S. 63–89.
900. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // *КСИА.* — Вып. 160. — М., 1980. — С. 24–38.
901. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В.* Послесловие // *Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой.* — М.: Прогресс, 1986. — С. 360–363.
902. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В.* Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // *КСИА.* — Вып. 164. — М., 1981. — С. 3–10.
903. *Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В.* [Рец.]: *Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker.* Berlin. Akademie-Verlag. 1982. 376 S. Викинги и славяне. К ранней истории народов Балтийского моря // *ВИ.* — 1985. — № 12. — С. 153–156.
904. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // *Древняя Русь. Город, замок, село.* — М.: Наука, 1985. — С. 298–363.
905. *Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Петренко В.П.* Некоторые итоги изучения Старой Ладоги // *Новое в археологии Северо-Запада СССР.* — Л.: Наука, 1985. — С. 48–51.
906. *Кирпичников А.Н., Сакса А.И.* Финское население в составе северорусских средневековых городов // *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. Памяти О.И. Давидан.* — СПб.: ГЭ, 2002. — С. 134–144.
907. *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. — СПб.: Славия, 1996. — 200 с.
908. *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. — СПб.: Славия, 2003. — 184 с.
909. *Кистеров С.Н.* «Повесть временных лет» о ратификации русско-греческого договора 944 г. // *Исследования по русской истории и культуре / Сб. статей к 70-летию И.Я. Фроянова.* — М.: Парад, 2006. — С. 147–163.
910. *Кладо Т.Н.* Иосиф Адам Браун и его сотрудничество с М.В. Ломоносовым // *Ломоносов. Сборник статей и материалов.* — Т. VIII. — Л.: Наука, 1983. — С. 87–96.
911. *Кланица З., Тржешттик Д.* Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.).* — М.: Наука, 1991. — С. 7–26.
912. *Класен Е.И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до Рюрикового времени в особенности, с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова. — Вып. 1–3. — М., 1854. — 313 с.

913. Клейбер Б.А. Поромянь в Пскове и Поромони двор в Новгороде // Славянское языкознание. — М.: АН СССР, 1959. — С. 120–124.
914. Клейбер Б.А. Искоростѣнь // Scando-Slavica. — Т. 6. — Copenhagen, 1960. — S. 124–131.
915. Клейн Л.С. Воевода советской археологии // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти — 2. — № 14. — СПб., 2010. — С. 223–237.
916. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. — СПб.: Евразия, 2004. — 480 с.
917. Клейн Л.С. Ещё один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // SP. — 2014. — № 5. — С. 335–345.
918. Клейн Л.С. Из кладов России: Гали Фёдоровна Корзухина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 14–23.
919. Клейн Л.С. Ленинградский неонорманизм — в самом деле? // SP. — 2015. — № 5. — С. 345–349.
920. Клейн Л.С. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // SP. — 1999. — № 5. — С. 91–101.
921. Клейн Л.С. «Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина // SP. — 2014. — № 6. — С. 283–286.
922. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. — СПб.: Евразия, 2009. — 400 с.
923. Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 722, [1] с.
924. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. — СПб.: Фарн, 1993. — 128 с.
925. Клейн Л.С. Фо па антинорманиста (Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм, 2013. 320 с.) // Археологический ежегодник. — 2014. — № 4. — С. 649–659.
926. Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. / Под ред. Н.Е. Носова, И.П. Шаскольского. — Л.: Наука, 1970. — С. 226–252.
927. Клейненберг И.Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники, 1973. — М.: Наука, 1974. — С. 129–136.
928. Клейненберг И.Э. Основные принципы выбора новых личных имён и адаптации иноязычных в России // ВИД. — Т. IX. — Л.: Наука, 1978. — С. 62–72.
929. Клёсов А.А. Занимательная ДНК-генеалогия. Новая наука даёт ответы. — М.: Вече, 2013. — 168 с.
930. Клёсов А.А. Легенды и мифы норманнской теории (profile.ru) (дата обращения: 29.03.2022)
931. Клёсов А.А. Практическая ДНК-генеалогия для всех. — М.: Концептуал, 2018. — 361 с.
932. Клёсов А.А. Происхождение Рюриковичей: ДНК-генеалогия доказывает // <http://pereformat.ru/2013/02/ryurikovichi> (дата обращения: 24.02.2022)
933. Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманской теории». — М.: Алгоритм, 2013. — 512 с.
934. Клёсов А.А. Русские корни Рюриковичей: что показал ДНК-анализ останков Дмитрия, сына Александра Невского // <https://profile.ru/scitech/russkie-korni-rjurikovickej-chto-pokazal-dnk-analiz-ostankov-knyazya-dmitriya-syna-aleksandra-nevskogo-1426263/> (дата обращения: 24.12.2023).
935. Клёсов А.А., Грот Л.П. Мифы норманской теории. — М.: Наше завтра, 2023. — 512 с.
936. Клосс Б.М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). — Вып. 1. — Л.: Наука, 1987. — С. 245–247.
937. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. — М.: Наука, 1980. — 312 с.

938. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. — Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.: ЯРК, 2000. — С. V–VII.
939. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2005 года // ПСРЛ. — Т. XXII. — Ч. 1. — М.: ЯРК, 2005. — С. V–VI.
940. Клосс Б.М., Лурье Я.С. Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методологические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. — Вып. 2. — Ч. 1. — М., 1976. — С. 78–139.
941. Ключевский В.О. И.Н. Болтин // Его же. Сочинения в восьми томах. — Т. VIII. — М.: Госполитиздат, 1959. — 491 с.
942. Ключевский В.О. Варяги–Русь // Его же. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983. — С. 123.
943. Ключевский В.О. Значение варяжского вопроса // Его же. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983. — С. 120–123.
944. Ключевский В.О. История сословий в России. — М., 1913. — XVIII, 253 с.
945. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Его же. Сочинения в восьми томах. — Т. VIII. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — С. 396–452.
946. Ключевский В.О. Наброски по «варяжскому вопросу» // Его же. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983. — С. 113–120.
947. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983. — 416 с.
948. Ключевский В.О. Ответ Д.И. Иловайскому // Его же. Сочинения в восьми томах. — Т. VII. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — С. 163–169.
949. Ключевский В.О. Памяти И.Н. Болтина // Его же. Сочинения в восьми томах. — Т. VIII. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — С. 164–176.
950. Ключевский В.О. Памяти А.С. Пушкина // Его же. Русская история. В 5 т. — Т. V. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — С. 579–585.
951. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. — М.: Наука, 1968. — 524 с.
952. Ключевский В.О. II. Рецензия на книгу И.Е. Забелина История русской жизни с древнейших времён (М., 1879, ч. 2) // Его же. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983. — С. 171–177.
953. Ключевский В.О. Русская история. В 5 т. — Т. I. Полный курс лекций. — Ч. 1–2. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — 672 с.
954. Ключевский В.О. Русская история. В 5 т. — Т. III. Полный курс лекций. — Ч. 4–5. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — 704 с.
955. Кляшторный С.Г. Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 203–207.
956. Князев Г.А. Герард Фридрих Миллер. К 150-летию со дня его смерти // ВАН. — 1933. — № 11. — Стб. 29–40.
957. Кобзарева Е.И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. — 2006. — № 5. — С. 16–28.
958. Кобзарева Е.И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. — 9 (19). — СПб., 2003. — С. 339–381.
959. Кобзарева Е.И. Социальный конфликт в Новгороде и вопрос об избрании Карла Филиппа на русский престол в период Смутного времени // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений. — Новгород: НовГУ, 1993. — С. 48–50.
960. Кобзарева Е.И. Смута. Иностранцы интервенции и их последствия (конец XVI — первая половина XVII в. // История внешней политики России. Конец XV — XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). — М.: Международные отношения, 1999. — С. 195–246.

961. *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. — М.: ИРИ РАН, 2005. — 454 с.
962. *Ковалевский А.П.* О степени достоверности Ибн-Фадлана // ИЗ. — Т. 35. — 1950. — С. 265–293.
963. *Ковалевский С.Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. — М.: Наука, 1977. — 279 с.
964. *Ковалевский С.Д.* Ещё один удар по сторонникам норманской теории // ВИ. — 1964. — № 1. — С. 197–199.
965. *Коваленко В.П.* Новые исследования в Шестовице // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 176–196.
966. *Коваленко В.П., Моця А.П.* Викинг из Шестовиц // Родина. — 2006. — № 10. — С. 3–6.
967. *Коваленко В.П., Моця А.П.* Шестовица — южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов Средневековой культуры. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 91–102.
968. *Коваленко Г.М.* Великий Новгород в европейской письменности XV — начала XX вв. // Вестник Новгородского государственного университета. — Серия Гуманитарные науки. — 2006. — № 38. — С. 36–40.
969. *Коваленко Г.М.* Договор между Новгородом и Швецией 1611 года // ВИ. — 1988. — № 11. — С. 131–134.
970. *Коваленко Г.М.* «Знаменит своей историей». Великий Новгород: взгляд из Европы // Родина. — 2009. — № 9. — С. 28–31.
971. *Коваленко Г.М.* Изучение истории Новгорода в Финляндии в XVIII в. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — М.: ИИ СССР, 1986. — С. 91–92.
972. *Коваленко Г.М.* История Новгорода в работах Г.А. Замятина // НИС. — Вып. 6 (16). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — С. 239–247.
973. *Коваленко Г.М.* Карл-Филипп // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь/ Отв. ред. В.Л. Янин. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 237–238.
974. *Коваленко Г.М.* Ошибка претендента // Родина. — 1997. — № 10. — С. 43–46.
975. *Коваленко Г.М. Посольство П. Юстена в контексте спора о «посольском обычае» // Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572 гг. — СПб.: БЛИЦ, 2000. — С. 67–91.
976. *Коваленко Г.М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. — М.: ЛомоносовЪ, 2010. — 254 с.
977. *Коваленко Г.М. Скарин А.* // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 436–437.
978. *Коваленко Г.М.* Туре Арне — учёный и общественный деятель // НИС. — Вып. 7 (17). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — С. 287–292.
979. *Коваленко Г.М.* Шведская оккупация Новгорода // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь/ Отв. ред. В.Л. Янин. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 359.
980. *Кожин В.В.* История Руси и русского слова от истоков до Смутного времени (VIII–XVII вв.) // Наш современник. — 1992. — № 9. — С. 141–164; № 11. — С. 161–180; № 12. — С. 167–182.
981. *Козак Д.Н.* Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э — первой половины II тысячелетия н.э. — М.: Наука, 1993. — С. 53–66.
982. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. — М.: Наука, 1969. — 407 с.
983. *Козлов В.П. Миллер* // От Рейна до Камчатки. К 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера. Каталог выставки. — М.: Древлехранилище, 2005. — С. 5–7.
984. *Козляков В.Н.* Двор в поисках монарха в 1612 году (забытый источник о новгородском посольстве к «Совету всея земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество

- в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй / Вторая международная научная конференция. 23–25 июня 2009 г. Тезисы докладов. — М.: ФГУ культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2009. — С. 72–74.
985. *Козубовский Г.К., Седых В.Н.* Дирхем // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 241–242.
986. Козьма Пражский. Чешская хроника. — М.: АН СССР, 1962. — 296 с.
987. *Колтырин С.А.* «Русская» топонимика в южно-балтийском регионе // ИФ. — 2016. — № 1. — С. 276–288.
988. *Колчин Б.А.* Оружейное дело древней Руси // Проблемы советской археологии. — М.: Наука, 1978. — С. 188–196.
989. *Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. Евреи и славяне. — Т. 16. — Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2005. — С. 207–218.
990. *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. — 2005. — № 4. — С. 115–137.
991. *Комар А.В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 301–333.
992. *Комар А.В.* Мечи Днепростроя (к истории находки 1928 г.) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 47–61.
993. *Комар А.В.* [Рец.] «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // Ruthenica. — Т. IX. — Киев, 2010. — С. 185–195.
994. *Комар А.В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 335–364.
995. *Комар А.В., Хамайко Н.В.* [Рец.] *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси: Каталог. Paris, АСНВyz, 2012. — 367 С. // Археологія і давня історія України. — Київ, 2014. — Вип. 1 (12). — С. 188–197.
996. *Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. — СПб.: тип. Главного управления уделов, 1896. — [4], 214 с.
997. *Концевий В.Я.* К изучению социальных структур славянского населения Приильменя в конце I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тезисы научно-практической конференции. (Новгород, 24–26 января 1992 г.) — Новгород: РИО Упринформпечати, 1992. — С. 124–133.
998. *Концевий В.Я.* Новгород и Приильмень в IX–X вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 16–18 ноября 1993 г. — Новгород: НовГУ, 1993. — С. 3–5.
999. *Концевий В.Я.* Социальная организация населения Приильменя и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Великий Новгород, 24–26 января 1995 г.). — Вып. 9. — Великий Новгород, 1995. — С. 31–40.
1000. *Концевий В.Я.* Центр и периферия Приильменя в IX–X веках: особенности социально-политического развития // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1994 г.). — Вып. 8. — Новгород, 1994. — С. 49–64.
1001. *Концевий В.Я., Самойлов К.Г.* К вопросу о влиянии скандинавов на формирование раннехристианской культуры Древнего Новгорода // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции / Отв. ред. А.В. Чернецов. — М.: РГГУ, 1999. — С. 134–137.

1002. *Коновалова И.Г.* Город Россия/Русийа в XII в. // Византийские очерки. Труды российских учёных к XX Международному конгрессу византинистов. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 128–140.
1003. *Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — Вып. 10 / К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. — М.: Наука, 2001. — С. 108–135.
1004. *Коновалова И.Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 111–120.
1005. *Коновалова И.Г.* Русы на Каспии в IX — первой половине X в. // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». (Казань, 28–29 августа 2000 г.) — Казань: Мастер Лайн, 2001. — С. 164–172.
1006. *Коновалова И.Г.* Хорезм и Восточная Европа // Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 183–190.
1007. Константин Багрянородный. Об управлении империей (Текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — М.: Наука, 1989. — 495 с.
1008. *Конюшая Р.П.* К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России // ИСССР. — 1958. — № 3. — С. 9–37.
1009. *Копанева Н.П.* Г.Ф. Миллер и Императорская Академия наук в Петербурге // От Рейна до Камчатки. К 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера. Каталог выставки. — М.: Древлехранилище, 2005. — С. 13–25.
1010. *Копелевич Ю.Х.* Г.Ф. Миллер и Петербургская Академия наук // Немцы в России: Петербургские немцы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — С. 475–483.
1011. *Корзухина Г.Ф.* К уточнению датировки древнейших слоёв Ладоги // Тезисы Третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Тарту, 1966. — С. 61–63.
1012. *Корзухина Г.Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. — 1971. — Вып. 125. — С. 59–64.
1013. *Корзухина Г.Ф.* Ладожский топорик // Культура Древней Руси. — М.: Наука, 1966. — С. 89–96.
1014. *Корзухина Г.Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. — Вып. VIII. — Таллин: Эстгосиздат, 1964. — С. 297–313.
1015. *Корзухина Г.Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // СС. — Вып. XVI. — Таллин, Ээсти раамат, 1971. — С. 123–131.
1016. *Корзухина Г.Ф.* Об Оidine и кресалах Прикамья // Средневековая Русь. — М.: Наука, 1976. — С. 135–140.
1017. *Корзухина Г.Ф.* Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — М., 1965. — С. 12–14.
1018. *Корзухина Г.Ф.* Турьи рога черниговских курганов // В камне и бронзе. Сб. статей в честь А. Песковой / Труды ИИМК РАН. — Т. XLVIII. — СПб.: ООО «Невская Книжная Типография», 2017. — С. 615–634.
1019. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. — Т. 1. — Л.: Наука, 1969. — 445 с.
1020. *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова. — М., Л.: АН СССР, 1961. — 488 с.
1021. *Королёв А.С.* Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // Сб. РИО. — Т. 10 (158). Россия и Крым. — М.: Русская панорама, 2006. — С. 88–102.
1022. *Королёв А.С.* Приазовская Русь: история и современное состояние проблемы // Судьба России в современной историографии / Сб. научных статей памяти д.и.н., профессора А.Г. Кузьмина. — М.: Прометей, 2006. — С. 64–77.
1023. *Королюк В.Д.* Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031–1066) // SO. — Т. 22. — Poznan, 1962. — S. 165–195.

1024. *Королюк В.Д.* Государство Готшалка (XI в.) // Славянский сборник. — М.: ОГИЗ, Гос. изд-во политической литературы, 1947. — С. 336–355.
1025. *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. — М.: Наука, 1964. — 384 с.
1026. *Королюк В.Д.* К вопросу о раннефеодальной государственности у полабско-прибалтийских славян // Славяно-германские исследования. — М.: Наука, 1963. — С. 3–10.
1027. *Корф С.А.* История русской государственности. Основные черты древнерусского государства. — Т. I. — СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1908. — VIII, 275 с.
1028. *Корф С.А.* Древлянский князь Мал // ЖМНП. Новая серия. — Ч. XXXVII. — № 2. — СПб., 1912. — С. 332–342.
1029. *Корш Ф.Е.* Владимировы боги. — Харьков: тип. «Печ. дело», 1908. — 10 с.
1030. *Костомаров Н.И.* Заметка на возражения о происхождении Руси // Современник. — Т. LXXX. — № 4. — СПб., 1860. — С. 413–417.
1031. *Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории. — Ч. 1. — СПб.: П. Гайдебуров, 1861. — 100 с.
1032. *Костомаров Н.И.* Начало Руси // Современник. — СПб., 1860. — Т. LXXIX. — № 1. — С. 5–32.
1033. *Костомаров Н.И.* Ответ на новые «бренные послания» г. Погодина // ВЕ. — Т. 45. — № 1. — СПб., 1874.
1034. *Костомаров Н.И.* Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Современник. — Т. LXXX. — № 5. — СПб., 1860. — С. 73–83.
1035. *Костомаров Н.И.* Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказаниях и обычаях // ВЕ. — Т. 39. — СПб., 1873. — № 1. — С. 5–34; № 2 — С. 570–624.
1036. *Костомаров Н.И.* Русская историческая литература в 1876 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. — Т. XVIII. — СПб., 1877. — С. 159–184.
1037. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. — М.: Мысль, 1991. — 616, [2] с.
1038. *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. (История Новгорода, Пскова и Вятки) // Его же. Исторические монографии и исследования. — Кн. 3. — Т. VII–VIII. — СПб., 1904. — XX, 415 с.
1039. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Исторические монографии и исследования. — Кн. 2. — Т. IV–VI. — СПб., 1904. — 450 с.
1040. *Котляр Н.Ф.* Березань // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 60–61.
1041. *Котляр Н.Ф.* В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. — Вып. 7 / Отв. редактор А.А. Горский. — М.: Индрик, 2007. — С. 343–353.
1042. *Котляр Н.Ф.* Денежное обращение // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 235–236.
1043. *Котляр Н.Ф.* Начало Руси, или споры вокруг 862 года // Родина. — 2012. — № 9. — С. 70–73.
1044. *Котляревский А.А.* Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. — Т. I. — Прага: тип. В. Нагеля, 1874. — 168 с.
1045. *Котляревский А.А.* Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. — Прага: тип. К.Л. Клауди, 1874. — 160 с.
1046. *Котляревский А.А.* О погребальных обычаях языческих славян. — М.: К.А. Попов, 1868. — 252, 38 с.
1047. *Котляров А.Н.* К происхождению и сущности «крайнего» норманизма (теория шведского историка середины XVIII в. О. Далина) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 20. — Томск: ТГУ, 1992. — С. 3–18.
1048. *Котляров А.Н.* Развитие взглядов Г.-Ф. Миллера по «варяжскому вопросу» // Проблемы истории дореволюционной Сибири. — Томск: ТГУ, 1989. — С. 6–20.

1049. *Кочуркина С.И.* Курганные группы юго-восточного Приладожья // КСИА. — Вып. 120. — М., 1969. — С. 20–27.
1050. *Кочуркина С.И.* Приладожские курганы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 656–657.
1051. *Кочуркина С.И.* Приладожье в X–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1969. — 19 с.
1052. *Кочуркина С.И.* Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X–XI вв. (По материалам курганов юго-восточного Приладожья) // СС. — Вып. XV. — Таллин: Ээсти раамат, 1970. — С. 145–163.
1053. *Кочуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. — Л.: Наука, 1973. — 150 с.
1054. *Кошелева В.* Запад против Александра Невского: 750 лет спустя // Юность. — 1998. — № 3. — С. 50–51.
1055. *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — Минск: Лучи Софии, 1997. — 687 с.
1056. *Красникова О.А.* Историческая карта Скандинавии 1679 г. Олава Рудбека // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: МАЭ РАН, 1997. — С. 115–121.
1057. *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. — М.: МГУ, 1983. — 223 с.
1058. Краткая история Чехословакии. С древнейших времён до наших дней. — М.: Наука, 1988. — 574, [1] с.
1059. Краткая история Польши. С древнейших времён до наших дней. — М.: Наука, 1993. — 528 с.
1060. *Крижанич Ю.* Политика. — М.: Наука, 1965. — 735 с.
1061. *Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. — М.: Наука, 1978. — С. 111–117.
1062. *Крузе Ф.* Об отношениях руссов, вторгнувшихся в 844 году в Испанию и опустошивших Севиллу, и о связях их с Россиею // ЖМНП. — Ч. XXI. — № 3. — СПб., 1839. — С. 159–170.
1063. *Крузе Ф.* О первом вторжении ютландцев в Россию (дополнение к статье: «О происхождении Рюрика») // ЖМНП. — Ч. X. — № 6. — СПб., 1836. — С. 513–517.
1064. *Крузе Ф.* О пределах Нормании и названии норманов и руссов // ЖМНП. — Ч. XXI. — № 1. — СПб., 1839. — С. 13–77.
1065. *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. — Ч. IX. — № 1. — СПб., 1836. — С. 43–73.
1066. *Крузе Ф.* Происходят ли руссы от венедов и именно от ругов, обитавших в Северной Германии // ЖМНП. — Ч. XXXIX. — № 7. — СПб., 1843. — С. 38–64.
1067. *Крыласова Н.Б.* Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как «Один и вороны» // РА. — 2006. — № 4. — С. 64–73.
1068. *Кудрякова Е.Б.* «Варяжская проблема» и культ Бориса и Глеба // ВИ. — 1980. — № 4. — С. 166–167.
1069. *Кудрякова Е.Б.* Надуманная концепция происхождения Руси. «The Russian Review». Stanford. 1977, № 3 // ВИ. — 1978. — № 7. — С. 197–199.
1070. *Кузенков П.В.* Из истории начального этапа византийско-русских отношений // ИВ. — Т. 1 (148). — М., 2012. — С. 52–96.
1071. *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000 г. — М.: Восточная литература, 2003. — С. 3–172.
1072. *Кузнецов А.М.* Комментарии // *Ключевский В.О.* Русская история. В 5 т. — Т. I. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — С. 616–644.
1073. *Кузнецов Е.В.* Этногенез восточных славян: исторические очерки (IV–IX вв.). — Изд. 2-е. — Арзамас: АГПИ, 2001. — 191, [1] с.

1074. Кузнецов Е.В., Минеева Т.Г. Англыне ПВЛ // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. — Вып. 2. — Арзамас: АГПИ, 2004. — С. 106–112.
1075. Кузнецова А.М. История полабско-балтийских славян в отечественной историографии (1917–1997 гг.). Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1998. — 20 с.
1076. Кузьменко Ю.К. Самоназвание германцев и исконное значение этнонима *Suēbī* ‘свебы’ // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII. Материалы чтений, посвящённых памяти проф. И.М. Тронского. 22–24 июня 2009. — СПб.: Наука, 2009. — С. 337–358.
1077. Кузьмин А.Г. Болгарский учёный о советской историографии начала Руси // ВИ. — 1971. — № 2. — С. 186–188.
1078. Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. — 1970. — № 10. — С. 28–55.
1079. Кузьмин А.Г. Введение // Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. — Арзамас: АГПИ, 1993. — С. 4–38.
1080. Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антиномизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 192–213.
1081. Кузьмин А.Г. Две концепции начала Руси в Повести временных лет // ИСССР. — 1969. — № 6. — С. 80–105.
1082. Кузьмин А.Г. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // ВИ. — 1970. — № 10. — С. 55–76.
1083. Кузьмин А.Г. Заметки историка об одной лингвистической монографии // ВЯ. — 1980. — № 4. — С. 51–59.
1084. Кузьмин А.Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. — М.: Мысль, 1987. — С. 21–51.
1085. Кузьмин А.Г. Индикты Начальной летописи // Славяне и Русь. — М.: Наука, 1968. — С. 305–313.
1086. Кузьмин А.Г. Истоки культовых особенностей западославянских языческих храмов // ВИ. — 1980. — № 4. — С. 165–166.
1087. Кузьмин А.Г. Истоки русского национального характера // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — М., 1993. — С. 13–22.
1088. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времён до 1618 г. — Кн. 1. — М.: Владос, 2003. — 448 с.
1089. Кузьмин А.Г. Источниковедение истории России (с древнейших времён до монгольского завоевания). — М.: Прометей, 2002. — 240 с.
1090. Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. — М.: Наука, 1967. — С. 42–53.
1091. Кузьмин А.Г. К спорам о методологии изучения начального летописания // ИСССР. — 1973. — № 4. — С. 219–231.
1092. Кузьмин А.Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин; сост., авт. примеч. и указат. А.Г. Кузьмин, В.И. Вышегородцев, В.В. Фомин. — М.: Мысль, 1988. — С. 3–56.
1093. Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? — М.: ПАО, 1993. — 32 с.
1094. Кузьмин А.Г. Летописные источники посланий Симона и Поликарпа (К вопросу о «Летописце старом ростовском») // АЕ за 1968 г. — М., 1970. — С. 73–92.
1095. Кузьмин А.Г. Начало новгородского летописания // ВИ. — 1977. — № 1. — С. 59–77.
1096. Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. — М.: Вече, 2003. — 428 с.
1097. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусской историографии // Историография истории России до 1917 года. — Т. 1. — М.: Владос, 2003. — 384 с.
1098. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореф. дис. ... докт. наук. — М., 1971. — 36 с.
1099. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — М.: МГУ, 1977. — 394 с.
1100. Кузьмин А.Г. Новое наступление «Влесовой книги» // Дискуссионные вопросы российской истории. — Арзамас: АГПИ, 1995. — С. 8–9.

1101. Кузьмин А.Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. — 1985. — № 2. — С. 110–119.
1102. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // ВИ. — 1974. — № 11. — С. 54–83.
1103. Кузьмин А.Г. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы отечественной истории. — Арзамас: АГПИ, 1994. — С. 7–9.
1104. Кузьмин А.Г. Облик современного норманизма // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 214–256.
1105. Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических очерков и статей. — Кн. 1. — М.: Молодая гвардия, 1987. — С. 109–129.
1106. Кузьмин А.Г. От моря до моря // Мир истории. — 2002. — № 4/5. — С. 32–47.
1107. Кузьмин А.Г. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). — М.: Молодая гвардия, 1988. — 240 с.
1108. Кузьмин А.Г. Пути проникновения христианства на Русь // Великие духовные пастыри России. — М.: Владос, 1999. — С. 19–36.
1109. Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. К 60-летию профессора И.Я. Фроянова. — СПб.: СПбГУ, 1996. — С. 130–147.
1110. Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. — Рязань, 1969. — 240 с.
1111. Кузьмин А.Г. Русь в современной исторической науке // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. (Киев, 21–28 июля 1986 года.) Материалы. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988. — С. 89–96.
1112. Кузьмин А.Г. [Рец.] Ф. Селецкий. Повесть временных лет // ВИ. — 1970. — № 3. — С. 177–180.
1113. Кузьмин А.Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. 1973. — М.: Наука, 1974. — С. 37–47.
1114. Кузьмин А.Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // ВИ. — 1969. — № 5. — С. 53–66.
1115. Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. — 1973. — № 2. — С. 32–53.
1116. Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник МГУ. — 1972. — № 5. — С. 79–89.
1117. Кузьмин А.Г. Татищев. — М.: Молодая гвардия, 1981. — 351 с.
1118. Кузьмин А.Г. Флорентийская уния и русская церковь // Великие духовные пастыри России. — М.: Владос, 1999. — С. 221–253.
1119. Кузьмин А.Г. Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993. № 5–6. — С. 231–252.
1120. Кузьмин А.Г. Хронология Начальной летописи // Вестник МГУ. — Серия 9. История. — 1968. — № 6. — С. 40–53.
1121. Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в. // Исследование памятников эпохи средневековья. — СПб.: Нестор-История, 2008. — С. 69–94.
1122. Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // РА. — 2003. — № 1. — С. 60–71.
1123. Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Славяно-русские древности. Древняя Русь: новые исследования. — Вып. 2. — СПб.: СПбУ, 1995. — С. 66–81.
1124. Кулаков В.И. Восточная Пруссия с древнейших времён до конца Второй мировой войны. — Калининград: Книжное изд-во, 1996. — 537, [1] с.
1125. Кулаков В.И. Пруссy (V–XIII вв.). — М.: Геоэко, 1994. — 188 с.
1126. Кулаков В.И. Трезубец в знаковой системе пруссов эпохи викингов // ИФ. — 2019. — № 2. — С. 9–18.
1127. Кулаков В.И. Юго-Восточная Балтия в IX в. // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой ис-

- тории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 155–172.
1128. Кулешов В.С. К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 441–459.
1129. Куликовский П.Г. М.В. Ломоносов — астроном и астрофизик. — Изд. 3-е. — М.: Наука, 1986. — 96 с.
1130. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. — Т. I. — М.: Мир, 1925. — 215 с.
1131. Кулькова М.А., Плохов А.В. Сосуды типа «Татинг» из Нижнего Поволжья и Сен-Дени по данным естественнонаучных исследований // Археологические вести. — Вып. 19. — СПб., 2013. — С. 139–149.
1132. Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. — Ч. 2. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1903. — XII, 066, 211 с.
1133. Куник А.А. Предисловие и замечания к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе» С.А. Гедеонова // Скандинавомания и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 135–166.
1134. Куник А.А. Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием: «Исследования о церковно-славянских Хронографах. Том I. О временнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи» // Двадцать пятое присуждение учреждённых П.Н. Демидовым наград. — СПб., 1856. — С. 71–84.
1135. Куник А.А. Сборник материалов для истории императорской Академии наук. — Ч. I. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1865. — 530 с.
1136. Куник А.А. Сборник материалов для истории императорской Академии наук. — Ч. II. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1865. — VI, 226–530 с.
1137. Куник А.А., Розен В.Р. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. — Ч. 1. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1878. — VI, 194 с.
1138. Кураев И.В. Историография варяжского вопроса (по исследованиям погребений Гнёздова) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 27–33.
1139. Курбатов А.В. Кожаная обувь раннесредневековой Ладоги. Обувь Рюрика и «его рода»? // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 189–202.
1140. Курбатов А.В. Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореф. дис. ... докт. наук. — СПб., 2012. — 52 с.
1141. Курбатов А.В. Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. — Вып. 2. — СПб.: Нестор-История, 2008. — С. 68–135.
1142. Куришанак И. [Рец.] Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции. Проф. Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе, 1931 // Историк-марксист. — 1931. — Т. 21. — С. 115–118.
1143. Кустин А.Э. Об исторических связях островов Эстонии со Скандинавией (по данным археологии) // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — М., 1965. — С. 14–15.
1144. Кустин А.Э. О некоторых связях между Эстонией и Скандинавией (по данным археологических материалов) // Тезисы докладов Четвёртой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — Петрозаводск, 1968. — С. 169–172.
1145. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. — М.: Наука, 1969. — 239 с.

1146. *Кучера М.П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья // Труды V Международного конгресса славянской археологии. (Киев, 18–25 сентября 1985 г.). – Т. III. – Вып. 1а. – М., 1987. – С. 125–132.
1147. *Кучкин В.А.* Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время? // РИ. – 2010. – № 4. – С. 192–207.
1148. *Лавров А.С.* Смена историографических и методологических ориентиров // РИ. – 2014. № 6. – С. 3–10.
1149. *Лавровский Н.А.* О Ломоносове по новым материалам. – Харьков: Унив. тип., 1865. – 267 с.
1150. *Лавровский П.А.* О трудах Ломоносова по грамматике языка русского и по русской истории // Памяти Ломоносова. – Харьков: Унив. тип., 1865. – С. 20–56.
1151. *Лавровский П.А.* О языке северных русских летописей. – СПб.: тип. Акад. наук, 1852. – 160 с.
1152. Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня – 2 июля 2003 г. – СПб.: Вести, 2003. – 384 с.
1153. Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни / VII чтения памяти А. Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей. – СПб., 2003.
1154. *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. – 924 с.
1155. *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская Академия наук. Материалы к столетней памяти его. 1765–1865. – М.: Унив. тип., 1865. – 158 с.
1156. *Ламанский В.И.* Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк // ОЗ. – Т. CXLVI. – СПб., 1864. – С. 247–294.
1157. *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1859. – [2], XII, 370, 230 с.
1158. *Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. – СПб., 1903. – 262 с.
1159. *Ламбин Н.П.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. – Ч. CLXXIII. – № 6. – СПб., 1874. – С. 225–263.
1160. *Ламбин Н.П.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. – Ч. CLXXIV. – № 7. – СПб., 1874. – С. 53–119.
1161. *Ламбин Н.П.* Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. На статью профессора Н.И. Костомарова «Начало Руси», помещённую в «Современнике» № 1, – 1860 г. – СПб., 1860. – 52 с.
1162. *Лампрехт К.* История германского народа. – Т. 2. – Ч. III–IV. – М.: К. Солдатенков, 1895. – XXIV, 656 с.
1163. *Лапто-Данилевский А.С.* Арист Аристович Куник. – СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1914. – С. 1455–1479.
1164. *Лаптева Л.П.* Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской до-революционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. – М.: Наука, 1966. – С. 171–191.
1165. *Лапшин В.А.* Колонизация Северо-Восточной Руси в IX–XI веках в свете новых археологических материалов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. Памяти О.И. Давидан. – СПб.: ГЭ, 2002. – С. 101–113.
1166. *Лапшин В.А.* Ладога до Ладоги // Записки ИИМК РАН. – № 20. – СПб., 2019. – С. 112–120.
1167. *Ласкавый Г.В.* Викинги. Походы, открытия, культура. – Минск: УП «Минская фабрика цветной печати», 2004. – 318 с.
1168. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о скифах и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. – СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1890. – 948 с.
1169. *Лаушкин А.В.* [Рец.] Научный путеводитель по Древней Руси (Древняя Русь в средне-вековом мире: энциклопедия / ИВИ РАН; под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Пе-

- трухина. — М.: Ладомир, 2014. — 992 с.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2015. — № 4. (62). — С. 134–135.
1170. *Лачаева М.Ю.* История исторической науки России (дореволюционный период): учебник для бакалавров. — М.: Прометей, 2018. — 646 с.
1171. *Лачаева М.Ю.* Принципы исторического повествования в творческом наследии М.В. Ломоносова // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 2011. — № 5. — С. 85–94.
1172. *Лашинюков И.В.* Очерки русской историографии // Университетские известия. — Киев: тип. имп. ун-та св. Владимира, 1872. — № 9. — С. 1–7.
1173. *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. — Л.: Лениздат, 1977. — 231 с.
1174. *Лебедев Г.С.* Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. 1 (11). — Л., 1982. — С. 15–42.
1175. *Лебедев Г.С.* Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. — СПб.: СПбГУ, 2001. — С. 31–58.
1176. *Лебедев Г.С.* «Год Александра Невского» в Ленинграде — пролог возрождения Санкт-Петербурга // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. (Санкт-Петербург 20–21.05.1992.) — СПб.: ГЭ, 1994. — С. 132–135.
1177. *Лебедев Г.С.* Камерные могилы Бирки // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — М., 1971. — С. 11–13.
1178. *Лебедев Г.С.* Ладога — торговый, политический, сакральный центр словен новгородских // Труды V Международного конгресса славянской археологии. (Киев, 18–25 сентября 1985 г.). — Т. I. — Вып. 2а. — М., 1987. — С. 138–146.
1179. *Лебедев Г.С.* Ладога — центр славяно-финско-скандинавских контактов в VIII–XI вв. // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). — Сыктывкар: Пермский университет, 1986. — С. 3–11.
1180. *Лебедев Г.С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 29–39.
1181. *Лебедев Г.С.* От редактора // Археология и не только... — СПб.: АОС, 2002. С. 3–5.
1182. *Лебедев Г.С.* Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». — Вып. 1. — СПб.: СПбГУ, 1995. — С. 56–88.
1183. *Лебедев Г.С.* Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1972. — 20 с.
1184. *Лебедев Г.С.* Путь из варяг в греки // Вестник ЛГУ. — 1975. — № 20. — С. 37–43.
1185. *Лебедев Г.С.* Путь из варяг в греки как объект археолого-навигационного исследования // *Slavia antiqua*. — Т. XXXVIII. — 1997.
1186. *Лебедев Г.С.* Путь из Варяг в Греки как фактор урбанизации Древней Руси, Скандинавии и Византии // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 2. — М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. — С. 197–209.
1187. *Лебедев Г.С.* Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси / Под. ред. И.В. Дубова. — Вып. 1. — Л.: ЛГУ, 1988. — С. 79–99.
1188. *Лебедев Г.С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Славяне и Русь. — М.: Флинта; Наука, 1998. — С. 404–410.
1189. *Лебедев Г.С.* Северные славянские племена (к постановке вопроса о связях внутри славянского мира) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л.: Наука, 1985. — С. 44–48.

1190. *Лебедев Г.С.* Шведские погребения в ладье VII–XI веков // СС. — Вып. XIX. — Таллин: Ээсти раамат, 1974. — С. 155–185.
1191. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. — Л.: ЛГУ, 1985. — 286 с.
1192. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005. — 639 с.
1193. *Лебедев Г.С.* Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. — Л.: ЛГУ, 1978. — С. 21–24.
1194. *Лебедев Г.С.* Этюд о мечях викингов // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. — Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ: Ленингр. н.-и. археол. об-ние, 1991. — С. 280–303.
1195. *Лебедев Г.С.* Varangica проблемного семинара Л.С. Клейна // SP. — 1999. — № 5. — С. 102–111.
1196. *Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б.* Дракон «Нево» на Пути из Варяг в Греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. — Изд. 2-е. — СПб.: «Нордмед-издат», 2000. — 196 с.
1197. *Лебедев Г.С., Розов А.А.* Городец под Лугой // ВИ. — 1975. — № 2. — С. 212–217.
1198. *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древних времён до 1917 года. — М.: Мысль, 1971. — 516 с.
1199. *Лебедев И.А.* Крестовый поход немцев на славян 1147 года // РВ. — 1873. — № 11. — Т. 108. — С. 376–406.
1200. *Лебедев И.А.* Последняя борьба балтийских славян против онемечения. — Ч. 1. — М.: Унив. тип., 1876. — [2], II, 307 с.
1201. Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко, статья М.Ю. Сюзюмова, комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. — М.: Наука, 1988. — 240 с.
1202. *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М.: АН СССР, 1956. — 554 с.
1203. Лекции по историографии профессора Бестужева-Рюмина за 1881–1882 года. — СПб., [б.г.]. — 236 с.
1204. *Лелевель И.* Рассмотрение Истории государства российского Карамзина // Северный архив. — СПб., 1824. — Ч. 9. — № 1; № 2; № 3. — Ч. 11. — № 15; № 16. — Ч. 12. — № 19.
1205. *Лелеков Л.А.* Искусство Древней Руси и Восток. — М.: Сов. художник, 1978. — 158 с.
1206. *Ленин В.И.* ПСС. — Т. 6. — М.: Госполитиздат, 1959. — XVI, 619 с.
1207. *Леонов В.П., Савельева Е.А. Пометы М.В. Ломоносова на рукописных книгах Библиотеки Академии наук* // Новое о Ломоносове: Материалы и исследования. К 300-летию со дня рождения / Состав., отв. ред. С.С. Илизаров. — М.: Янус-К, 2011. С. 242–251.
1208. *Леонова Л.С.* Учёный, мыслитель, человек: творческое наследие М.В. Ломоносова в оценке В.И. Вернадского // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 2011. — № 5. — С. 126–141.
1209. *Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. — М.: Гео-эко, 1996. — 337, [3] с.
1210. *Леонтьев А.Е.* Внешние связи Северо-Восточной Руси в IX–XI вв. (по материалам Сарского городища и Ростова) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции / Отв. ред. А.В. Чернецов. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. — С. 86–95.
1211. *Леонтьев А.Е.* На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 163–177.
1212. *Леонтьев А.Е.* Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // СС. — Вып. XXVI. — Таллин: Ээсти раамат, 1981. — С. 141–149.
1213. *Леонтьев А.Е.* Тимерёво. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. — 1989. — № 3. — С. 79–86.

1214. *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 383–401.
1215. *Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. — СПб.: тип. Департамента нар. просв., 1819. — II, 398 с.
1216. *Лесман Ю.М.* Варяжское наследие в женской субкультуре // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова. (Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г.) Тезисы докладов. — СПб.: ГЭ, 1998. — С. 158–162.
1217. *Лесман Ю.М.* Между эпохой викингов и средневековьем: погребальные памятники Швеции переходного периода // Ладога и эпоха викингов. IV чтения памяти А. Мачинской. — СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1998. — С. 75–78.
1218. *Лесман Ю.М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // SP. — 2014. — № 5. — С. 43–93.
1219. *Лесман Ю.М.* Скандинавский фактор архаичности древнерусской культуры // Ладога и Северная Европа от Байкала до Ла-Манша. Связывающие пути и организующие центры. VI чтения памяти А. Мачинской. — СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2002. — С. 210–223.
1220. *Лесной С.* История «русов» в неизвращённом виде. — Т. 4. — Париж: изд. авт., 1955. — С. 305–424.
1221. *Летописец Еллинский и Римский.* — Т. 2. Комментарии и исследование О.В. Творогова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. — 270 с.
1222. *Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова.* — М., Л.: АН СССР, 1961. — 436 с.
1223. *Летопись о многих мятежах.* — М.: тип. Комп. типогр., 1788. — 366 с.
1224. *Летопись по Лаврентьевскому списку.* — Изд. 3-е. — СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1897. — 630 с.
1225. *Летопись Российской Академии наук.* — Т. I. 1724–1802. — СПб.: Наука, 2000. — 994 с.
1226. *Лецевич Л.* Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье. Несколько дискуссионных замечаний // *Славянская археология*. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. — Вып. I. — М.: Наука, 1993. — С. 144–152.
1227. *Либготт Н.-К.* Керамика — свидетельство связей со славянским побережьем // *Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой.* — М.: Прогресс, 1986. — С. 141–145.
1228. *Лимонов Ю.А.* «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея // *СС.* — Вып. XII. — Таллин: Ээсти раамат, 1967. — С. 260–270.
1229. *Лимонов Ю.А.* Новые источники о Петре Петрее и его сочинении // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. 1. — М.: АН СССР, 1986. — С. 99–100.
1230. *Лимонов Ю.А.* *Сочинение П. Петрея и Хроника К. Буссова* // Тезисы докладов Четвёртой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — Петрозаводск, 1968. — С. 141–142.
1231. *Лимонов Ю.А.* Сочинение шведского историографа начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: Наука; МАЭ РАН, 1999. — С. 104–113.
1232. *Линд Дж.* Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // *Архив русской истории*. Научный исторический журнал. — Вып. 4. — М., 1994. — С. 191–205.
1233. *Линд Д.Г.* Некоторые соображения о Невской битве и её значении // *Александр Невский и его эпоха*. Исследования и материалы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — С. 44–54.

1234. Линд Дж. Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII века // ИСССР. — 1991. — № 6. — С. 188–198.
1235. Липищ Е.Э. О походе руси на Византию ранее 842 года // ИЗ. — Т. 26. — М.: АН СССР, 1948. — С. 312–331.
1236. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). — СПб.: Алетейя, 2000. — 398 с.
1237. Литаврин Г.Г. Вопросы образования Древнерусского государства. А. Стендер-Петерсен. Проблема древнейших византийско-русско-норманских отношений // Средние века. — Вып. VII. — М., 1956. — С. 386–395.
1238. Литаврин Г.Г. Походы Руси на Византию // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 648–649.
1239. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. — М.: Индрик, 2006. — 904 с.
1240. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. «Не хочу розути робичича...»: сватовство князя Владимира к Рогнеде в свете древнескандинавской правовой традиции // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2011. — № 3. — С. 117–118.
1241. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Панегирические формулы щедрости правителя на пути из варяг в греки // ДГВЕ. 2006 г. — М., 2010. — С. 172–187.
1242. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 192 с.
1243. Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Под. ред. В.В. Кускова. — М.: Высшая школа, 1994. — 334, [2] с.
1244. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис: Книга об Оттоне; Отчёт о посольстве в Константинополь / Перевод с лат. и комментарии И.В. Дьяконова. — М.: Русская панорама, 2006. — 192 с.
1245. Лихачёв Д.С. Литература // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Общественный строй и духовная культура. — Т. II. — М., Л.: АН СССР, 1951. — С. 163–215.
1246. Лихачёв Д.С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // Новый мир. — 1994. — № 6. — С. 113–120.
1247. Лихачёв Д.С. «Повесть временных лет» // Его же. Избранные труды в трёх томах. — Т. 2. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 43–133.
1248. Лихачёв Д.С. Россия никогда не была Востоком // Литературная газета. 5 февраля 1992. — № 6. — С. 14.
1249. Лихачёв Д.С. Россия никогда не была Востоком (Об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) // Его же. Раздумья о России. — СПб.: Logos, 2001. — 672 с.
1250. Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М., Л.: АН СССР, 1947. — 499 с.
1251. Лихачёв Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. — Т. 25. — М.: АН СССР, 1948. — С. 240–265.
1252. Лихачёв Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. — Изд. 2-е. — Л.: Наука, 1983. — 639 с.
1253. Лихачёв Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. — СПб.: тип. В.С. Балашева, 1888. — 559, 72, 101, IV, XVI с.
1254. Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под. ред. Д.А. Авдусина. — М.: МГУ, 1991. — С. 244–259.
1255. Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // ВИ. — 1977. — № 12. — С. 182–193.

1256. *Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // СС. — Вып. VII. — Таллин: Эстгосиздат, 1963. — С. 221–249.
1257. *Ловмянский Г.* Руссы и руги // ВИ. — 1971. — № 9. С. 43–52.
1258. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. — М.: Прогресс, 1985. — 304 с.
1259. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. — Ч. 1–2. — СПб.: при имп. Акад. наук, 1766. — [6], 140 с.
1260. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 1. — М., Л.: АН СССР, 1950. — 627 с.
1261. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 2. — М., Л.: АН СССР, 1951. — 732 с.
1262. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 3. — М., Л.: АН СССР, 1952. — 604 с.
1263. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 4. — М., Л.: АН СССР, 1955. — 834 с.
1264. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 6. — М., Л.: АН СССР, 1952. — 694 с.
1265. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 7. — М., Л.: АН СССР, 1952. — 997 с.
1266. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 8. — М., Л.: АН СССР, 1959. — 1288 с.
1267. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 9. — М., Л.: АН СССР, 1955. — 1033 с.
1268. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 10. — М., Л.: АН СССР, 1957. — 934 с.
1269. *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., СПб.: Наука, 2011. — 685 с.
1270. *М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников* / Сост. Г.Е. Павлова. — М., Л.: АН СССР, 1962. — 232 С.
1271. *Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь* / Редактор-составитель Э.П. Карпеев. — СПб.: Наука, 1999. — 257, 1 с.
1272. *Лопатин Н.В.* Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: «Древности Севера», 2012. — С. 123–137.
1273. *Лопатин Н.В.* Изборск и Варяжское сказание // РИ. — 2016. — № 5. — С. 124–139.
1274. *Лопатин Н.В.* К этнографии Сказания о призвании варягов // Города и веги средневековой Руси. Археология, история, культура / К 60-летию Н.А. Макарова. — М., Вологда: Древности Севера, 2015. — С. 286–292.
1275. *Лосиевский И.Я.* «Душой блуждаю в древностях российских» // Михаил Ломоносов. Записки по русской истории. — М.: Эксмо, 2003. — С. 5–24.
1276. *Лукин П.В.* События 1015 г. в Новгороде к оценке достоверности летописных сообщений // ОИ. — 2007. — № 4. — С. 3–20.
1277. *Лукошков А.В.* Истоки и закономерности развития древнерусского судостроения // Скандинавизация и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 359–478.
1278. *Лукошков А.В.* Конструктивные особенности найденных на дне Волхова древненовгородских судов в контексте традиций балтийского судостроения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.Л. Янина. (Новгород, 27–29 января 2009 г.) — Вып. 23. — Великий Новгород, 2009. — С. 220–226.
1279. *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. — М., Л.: АН СССР, 1960. — 532 с.
1280. *Лурье Я.С.* Изучение русского летописания // ВИД. — Т. I. — Л., 1968. — С. 4–32.
1281. *Лурье Я.С.* К проблеме свода 1448 года // ТОДРЛ. — Т. XXIV. — Л.: Наука, 1969. — С. 142–146.
1282. *Лурье Я.С.* Михаил Дмитриевич Присёлков — источниковед // ТОДРЛ. — Т. XVIII. — М., Л.: АН СССР, 1962. — С. 464–475.
1283. *Лурье Я.С.* О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. — Т. XXXVI. — Л.: Наука, 1981. — С. 13–36.
1284. *Лурье Я.С.* О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. — Вып. 1. — М.: Наука, 1973. — С. 78–100.
1285. *Лурье Я.С.* Предисловие // *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XVI вв. — СПб., 1996. — С. 5–34.

1286. *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая. (Избранное). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 403, [4] с.
1287. *Лысенко Т.И., Шаскольский И.П.* Неизданные труды С.А. Гедеонова и А.А. Куника по варяжскому вопросу // Вопросы архивоведения. — 1960. — № 6. — С. 53–56.
1288. *Лыцов В.П.* Жизнь и деятельность М.В. Ломоносова в освещении П.П. Пекарского. — Воронеж: ВГУ, 1993. — 109, [1] с.
1289. *Лыцов В.П.* М.В. Ломоносов в русской историографии 1750–1850-х годов. — Воронеж: ВГУ, 1983. — 260 с.
1290. *Лыцов В.П.* М.В. Ломоносов в русской историографии 1860–1870-х годов. — Воронеж: ВГУ, 1992. — 225 с.
1291. *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Вып. 10. — Л.: ГЭ, 1968. — С. 64–95.
1292. *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi // Старая Ладoga. Древняя столица Руси. Каталог выставки. — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 151–153.
1293. *Любавский М.К.* Древняя русская история. — СПб.: «Издательство Сидорович»; Издательский дом «Ленинград», 2012. — 656 с.
1294. *Любавский М.К.* История западных славян. — М.: [М. и С. Сабашникова], 1918. — XVI, 458 с.
1295. *Любавский М.К.* XVIII век и Ломоносов // Празднование двухсотлетней годовщины рождения М.В. Ломоносова императорским Московским университетом. — М.: тип. имп. Моск. ун-та, 1912. — 16 с.
1296. *Ляпунов Б.М.* Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — СПб.: Отд. рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, 1900. — VII, 289 с.
1297. *Лященко А.И.* Летописное сказание о мести Ольги древлянам (По поводу статьи проф. А. Брюкнер) // ИОРЯС. — 1929. — Т. II. — Кн. 1. — Л., 1929. — С. 320–336.
1298. *Лященко А.И.* Летописные сказания о смерти Олега Вещего // ИОРЯС. — Т. XXIX. — Л., 1925. — С. 254–288.
1299. *Лященко А.И.* «Eumundar Saga» и русские летописи // Известия Академии наук СССР. — 1926. — VI серия. — Т. 20. — Вып. 12. — С. 1061–1086.
1300. *Мавродин В.В.* [Рец.] Академик Н.С. Державин. «Славяне в древности». Культурно-исторический очерк. Академия наук Союза ССР. Научно-популярная серия. Ц. 16 р. // ВДИ. — 1946. — № 4. — С. 109–116.
1301. *Мавродин В.В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде. — Л.: тип. им. Володарского, 1949. — 34 с.
1302. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. — Л.: ЛГУ, 1945. — 429 с.
1303. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. — М.: Высшая школа, 1971. — 192 с.
1304. *Мавродин В.В.* Очерк истории Древней Руси до монгольского завоевания // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1948. — С. 7–46.
1305. *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. — Л.: ЛГУ, 1949. — [3], 204 с.
1306. *Мавродин В.В.* Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». — Л., 1958. — 31 с.
1307. *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. — Л.: ЛГУ, 1978. — 184 с.
1308. *Мавродин В.В.* Советская историография Древнерусского государства (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси) // ВИ. — 1967. — № 12. — С. 53–72.
1309. *Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов И.Я.* Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960–1969 гг.) // ИСССР. — 1970. — № 6. — С. 116–128.
1310. *Мавродин В.В., Пештич С.Л., Якубский В.А.* Ценная публикация по истории русско-немецких культурных связей второй половины XVIII в. // ИСССР. — 1963. — № 3. — С. 225–230.

1311. *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Древняя Русь в трудах советских историков между XXIII и XXIV съездами КПСС // Вестник ЛГУ. — Серия: История. Язык. Литература. — 1971. — Вып. 3. — № 14. — С. 61–72.
1312. *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* К пятидесятилетию советской историографии Киевской Руси // Вестник ЛГУ. — Серия: История. Язык. Литература. — 1967. — № 20. — Вып. 4. — С. 39–51.
1313. Макарий (Булгаков М.П.). История русской церкви. — Кн. I. — М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. — 407 с.
1314. Макарий (Булгаков М.П.). История русской церкви. — Т. II. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1857. — 376 с.
1315. Макаров М.Н. Письмо к автору Историко-критических исследований о славянах и руссах, г. профессору императорского Московского университета Ф.Л. Морошкину // Маяк. — Т. 17. — № 33–34. — СПб., 1844. — С. 55–69.
1316. Макаров Н.А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 64–89.
1317. Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 449–459.
1318. Макаров Н.А. Весь и славяне на Белом озере // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 188–198.
1319. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. — 1992. — № 2. — С. 41–56.
1320. Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 449–459.
1321. Макаров Н.А. Кладовая ранней Руси. Археологические древности как источник знаний об эпохе // Родина. — 2012. — № 9. — С. 17–22.
1322. Макаров Н.А. Предисловие // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 7–9.
1323. Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 195–211.
1324. Макаров Н.А., Леонтьев А.Е. Предисловие // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 8–9.
1325. Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л. Начало Руси глазами современной археологии // Вестник РАН. — 2013. — Т. 83. — № 6. — С. 496–507.
1326. Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л. Начало Руси глазами современной археологии // Труды Отделения историко-филологических наук. 2008–2013 / Отв. ред. В.А. Тишков. — М., 2014. — С. 17–36.
1327. Макаров Н.А., Федорина А.Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI веков // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. 2014 г. — Т. III. — Казань, 2014. — С. 173–179.
1328. Максимов Н., Кравченко С., Кузнец Д. Операция «чистые Рюрики» // Русский Newsweek. — 2007. № 52–2008. № 2 (176). — С. 50–58.
1329. Максимович К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. — М.: ПСТГУ, 2006. — С. 14–56.
1330. Максимович М.А. История древней русской словесности. — Кн. I. — Киев: Унив. тип., 1839. — 227 с.
1331. Максимович М.А. Критико-историческое исследование о русском языке // ЖМНП. — Ч. 17. — СПб., 1838. — С. 533–563.

1332. *Максимович М.А.* О происхождении варяго-русов // Собрание сочинений М.А. Максимовича. — Т. I. — Киев: тип. М.П. Франца, 1876. — С. 93–104.
1333. *Максимович М.А.* Откуда идёт Русская земля. — Киев: Унив. тип., 1837. — 148 с.
1334. *Маловичко С.И.* Спор М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур // *Imagines Mundi: Альманах исследования всеобщей истории XVI–XX вв.* — № 7. Сер. Интеллектуальная история. — Вып. 4. — Екатеринбург, 2010. — С. 283–297.
1335. *Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М.* Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Новгород, 23–25 января 2001 г. — Вып. 15. — Великий Новгород, 2001. — С. 82–97.
1336. *Манаков А.Г.* Псковско-новгородская топонимия в свете «теории формантов» (к дискуссии об этнической истории региона) // Псковский регионалогический журнал. — 2006. — № 3. — С. 115–135.
1337. [Манкиев А.И.] Ядро российской истории. — СПб., 1784. — 392 с.
1338. *Мансикка В.Й.* Религия восточных славян. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 368 с.
1339. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. — Л.: Лениздат, 1986. — С. 225–286.
1340. *Марлинский А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Полное собрание сочинений А. Марлинского. — Ч. XI. — СПб.: тип. Глазунова и Ко, 1840. — С. 186–223.
1341. *Матвеевко В.А.* Временник Георгия Монаха. Лингвистическое издание // *Матвеевко В.А., Шёголева Л.И.* Книги временные и образные Георгия Монаха. — Т. 1. — Ч. 1. — М.: Наука, 2006. — С. 16–64.
1342. Материалы для истории императорской Академии наук. — Т. 5 (1742–1743). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1889. — II, 1067, 2 с.
1343. Материалы для истории императорской Академии наук. — Т. 6. История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Шриттера (1725–1743). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1890. — 635, 3 с.
1344. Материалы для истории императорской Академии наук. — Т. 7 (1744–1745). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1895. — 818 с.
1345. Материалы для истории императорской Академии наук. — Т. 8 (1746–1747). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1895. — 794 с.
1346. Материалы для истории императорской Академии наук. — Т. 9 (1748–1749 (январь–май)). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1897. — 825 с.
1347. Материалы для истории императорской Академии наук. — Т. 10 (1749 (июнь–декабрь) — 1750). — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1900. — 775 с.
1348. Материалы для истории русской словесности. Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным // Москвитянин. — № 1. — Кн. 1. — Отд. III. — М., 1850. — С. 1–10.
1349. *Мачинский Д.А.* Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области. — СПб.: Вести, 2002. — С. 58–65.
1350. *Мачинский Д.А.* Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде/Рюриковом городке и конструкция русского государства, построенная на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода (870–1054 гг.) // Староладожский сборник. — Вып. 7. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 149–176.
1351. *Мачинский Д.А.* Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. — Вып. 1. Археология Тихвинского края. — Тихвин, 1989. — С. 90–103.
1352. *Мачинский Д.А.* Ладога — древнейшая столица Руси и её «ворота в Европу» // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 11–35.

1353. *Мачинский Д.А.* Ладога / *Aldeigja*: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) // *Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти А. Мачинской.* — СПб., 1997. — С. 156–167.
1354. *Мачинский Д.А.* Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // *Формирование раннефеодальных славянских народностей.* — М.: Наука, 1981. — С. 31–52.
1355. *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. // *Труды Государственного Эрмитажа.* — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 460–538.
1356. *Мачинский Д.А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // *Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья.* — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 7–23.
1357. *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологическое исследование Новгородской земли.* — Л.: ЛГУ, 1984. — С. 5–25.
1358. *Мачинский Д.А.* О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь» // *Современное финно-угроведение.* — Л.: ГМЭ, 1990. — С. 110–120.
1359. *Мачинский Д.А.* Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы руси» восточных авторов // *Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока.* — Сыктывкар, Пермь: Пермский университет, 1985. — С. 3–23.
1360. *Мачинский Д.А.* Русско-шведский пра-Петербург // *Шведы на берегах Невы.* — Стокгольм, 1998. — С. 9–17.
1361. *Мачинский Д.А.* Эпоха викингов в «Скандинавском Средиземноморье» и «русско-варяжский период» на «восточных путях» («*Austrvegir*») // *Ладога и эпоха викингов. IV чтения памяти А. Мачинской.* — СПб., 1998. — С. 130–139.
1362. *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // *Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики.* — Л.: Наука, 1986. — С. 3–29.
1363. *Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–IX вв. // *Культура Русского Севера.* — Л.: Наука, 1988. — С. 44–58.
1364. *Мачинский Д.А., Панкратова М.В.* Северная Русь и саги о древних временах // *Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга.* — СПб.: Петроскандика, 2002. — С. 23–46.
1365. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // *Свод археологических источников.* Е1–36. — М.: Наука, 1966. — 182 с.
1366. *Медведев М.Ю.* [Рец.] *Тенгстрём Л.* «Московит с турком мало разнится»: русские атрибуты в шведской геральдике от Густава Вазы до Столбовского мира. Ювяскюла, 1997. Т. 1–2 // *СВ.* — Вып. 61. — М.: Наука, 2000. — С. 388–389.
1367. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. — М.: Наука, 2000. — 290 с.
1368. *Медынцева А.А.* Надписи на амфорной керамике X — начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // *Культура славян и Руси.* — М.: Наука, 1998. — С. 176–195.
1369. *Медынцева А.А.* Писал имярек // *Родина.* — 2002. — № 11–12. — С. 148–152.
1370. *Медынцева А.А.* Письменность и христианство в процессе становления древнерусской государственности // *Истоки русской культуры (Археология и лингвистика). Материалы по археологии России.* — Вып. 3. — М.: Русский мир, 1997. — С. 11–20.
1371. *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.* История Швеции / Пер. со швед. — М.: Весь Мир, 2002. — 400 с.

1372. Мельников Г.П. [Рец.] Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. — М., 2014. 992 с., илл. // Славяноведение. — 2016. — № 2. — С. 111–114.
1373. Мельников Г.П. Немцы в городах Чешского королевства (XIII–XV вв.) // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. — Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. — М.: Наука, 1999. — С. 243–250.
1374. Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М.: Наука, 1989. — С. 205–218.
1375. Мельникова Е.А. Англия и Русь: у истоков контактов // РИ. — 2016. — № 4. — С. 3–20.
1376. Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 49–50.
1377. Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. — Казань: Мастер Лайн, 1998. — С. 80–87.
1378. Мельникова Е.А. Бирка // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 68–69.
1379. Мельникова Е.А. Варяги // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 102–104.
1380. Мельникова Е.А. Варяги // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. — Т. 1. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. — С. 341–342.
1381. Мельникова Е.А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // ВВ. — Т. 55 (80). — Ч. 2. — М., 1998. — С. 159–164.
1382. Мельникова Е.А. Варяжская доля // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 30–32.
1383. Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 89–100.
1384. Мельникова Е.А. Гостомысл // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 200.
1385. Мельникова Е.А. Дания // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 224–225.
1386. Мельникова Е.А. Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной России IX–XVIII вв. / Памяти Н.А. Горской. — М.: Индрик, 2013. — С. 49–66.
1387. Мельникова Е.А. Днепровские пороги // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 245–246.
1388. Мельникова Е.А. Древнерусское государство // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 256–262.
1389. Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 г. — М., 1984. — С. 62–75.
1390. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). — М.: Наука, 1986. — 230 с.
1391. Мельникова Е.А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // ДГ. 1975 г. — М.: Наука, 1976. — С. 141–156.
1392. Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — 476 с.

1393. Мельникова Е.А. Древняя Русь на страницах ежегодника «Скандо-славика» // ИСССР. — 1974. — № 3. — С. 206–212.
1394. Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // ДГВЕ. 2010 г. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — С. 240–269.
1395. Мельникова Е.А. Зарубежные источники о ранней истории Руси // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. — 2011. — № 14. — С. 19–23.
1396. Мельникова Е.А. Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.; Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 1999. — С. 5–20.
1397. Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Історія Русі — України (історико-археологічний збірник). — Київ, 1998. — С. 172–181.
1398. Мельникова Е.А. ...И Рюрика не было бы без Шарлеманя // Родина. — 2012. — № 9. — С. 30–35.
1399. Мельникова Е.А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // ИСССР. — 1984. — № 4. — С. 201–209.
1400. Мельникова Е.А. Историко-лингвистический аспект изучения скандинавских личных имён в древнерусских летописных текстах // Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С.М. Каштанова. Ч. I. — М.: Наука, 1997. — С. 82–92.
1401. Мельникова Е.А. К предыстории Готского двора в Новгороде // История: долг и дар. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. — М.: Изд-во Олега Абышко, 2010. — С. 184–198.
1402. Мельникова Е.А. К типологии контактных зон и зон контактов: скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье: контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 1999 г. Материалы к конференции. — М.: ИВИ РАН, 1999. — С. 19–27.
1403. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГВЕ. 1992–1993 гг. — М.: Наука, 1995. — С. 16–33.
1404. Мельникова Е.А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 142–147.
1405. Мельникова Е.А. Колбязи // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 405–406.
1406. Мельникова Е.А. Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // Труды VI Конгресса славянской археологии. — Т. 4. — М.: ИА РАН, 1998. — С. 135–143.
1407. Мельникова Е.А. Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня – 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 157–165.
1408. Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции. — Л.: Лениздат, 1984. — С. 127–133.
1409. Мельникова Е.А. Норвегия // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 559–650.
1410. Мельникова Е.А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы // ИВ. — Т. 1 (148). — М., 2012. — С. 24–38.
1411. Мельникова Е.А. Норманская проблема // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 560–561.

1412. Мельникова Е.А. О юридическом статусе Готского двора в Новгороде в середине XIII в. // Её же. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — С. 385–395.
1413. Мельникова Е.А. Олгъ / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. — М.: Наука, 2005. — С. 138–146.
1414. Мельникова Е.А. Предания о первых русских князьях: скандинавские культурные традиции в восточнославянской среде // Межкультурный диалог в историческом контексте / Материалы научной конференции. — М.: ИВИ РАН, 2003. — С. 19–21.
1415. Мельникова Е.А. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. — 2009. — № 3 — С. 56–58; № 5. — С. 55–57.
1416. Мельникова Е.А. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М.: ИА РАН, 2011. С. 67–84.
1417. Мельникова Е.А. Руническое письмо скандинавское // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 694–695.
1418. Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // ДГВЕ. 2005 г. — М.: Индрик, 2008. — С. 47–75.
1419. Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М., 2014. — С. 702–704.
1420. Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГВЕ. 1998 г. — М.: Восточная литература, 2000. — С. 143–159.
1421. Мельникова Е.А. Самватас // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 716–717.
1422. Мельникова Е.А. Сведения о Древней Руси в двух рунических надписях // ИСССР. — 1974. — № 6. — С. 170–178.
1423. Мельникова Е.А. Сигтуна // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 736–738.
1424. Мельникова Е.А. Сказание о призвании варяжских князей // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 743–744.
1425. Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях»: принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио / Сб. статей в честь Л.П. Репниной. — Т. 1. — М., 2007. — С. 118–131.
1426. Мельникова Е.А. Скандинавия во внешней политике Древней Руси (до середины XI в.) // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвящённые 70-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–22 апреля 1988. Тезисы докладов. — М.: ИИ СССР, 1988. — С. 45–49.
1427. Мельникова Е.А. Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти член-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994. Тезисы докладов. — М.: ИРИ РАН, 1994. — С. 23–24.
1428. Мельникова Е.А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. — 1999. — № 2. — С. 10–14.
1429. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарий). — М.: Наука, 1977. — 276 с.
1430. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — М.: Восточная литература, 2001. — 496 с.
1431. Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // РИ. — 2019. — № 4. — С. 66–81.

1432. Мельникова Е.А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Её же. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — С. 49–72.
1433. Мельникова Е.А. Скандинавы и процессы образования государства на Северо-Западе Восточной Европы // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — М., 1993. — С. 73–74.
1434. Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию А.Л. Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. — С. 132–139.
1435. Мельникова Е.А. Сокровищница сведений о Древней Руси // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. — 2011. — № 14. — С. 10–18.
1436. Мельникова Е.А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавских традициях // От Древней Руси к Новой России / Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Шапову. — М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. — С. 95–108.
1437. Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. — 1997. — № 10. — С. 17–20.
1438. Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2008. — № 2 (32). — С. 12–26.
1439. Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 153–165.
1440. Мельникова Е.А. Хедебю // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 855–856.
1441. Мельникова Е.А. Швеция // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 890–891.
1442. Мельникова Е.А. Эпоха князя Владимира в древнеисландской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура / Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. Москва, 14–16 октября 2015 года / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. — М., Вологда: Древности Севера, 2017. — С. 410–441.
1443. Мельникова Е.А. «Я помню тебя...»: бытовое руническое письмо в Скандинавии // SP. — 2014. — № 5. — С. 213–223.
1444. Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // ВИ. — 1985. — № 10. — С. 36–53.
1445. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Легенда о призвании варягов» в сравнительно-историческом аспекте // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. 1. — М., 1989. — С. 108–110.
1446. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. — 1995. — № 2. — С. 44–57.
1447. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. — 1989. — № 8. — С. 24–38.
1448. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на западе и востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990. — С. 54–65.
1449. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Послесловие // Ловмянский Х. Русь и норманны. — М.: Прогресс, 1985. — С. 230–245.
1450. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чудь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и балтийского региона в первом тысячелетии н.э. // Балто-славянские исследования. 1988–1996. — М.: Индрик, 1997. — С. 40–50.

1451. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 г. — М.: Наука, 1991. — С. 219–229.
1452. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. — 1994. — № 2. — С. 56–68.
1453. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Славяно-финно-скандинавские этноязыковые контакты в раннее средневековье // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. 1. — М., 1986. — С. 128–130.
1454. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // ИСССР. — 1984. — № 3. — С. 50–65.
1455. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Культурно-исторические взаимосвязи Восточной Европы и Скандинавии в раннее средневековье (к постановке проблемы) // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — Тарту, 1982. — С. 148–151.
1456. Меньшуткин Б.Н. Жизнеописание Михайла Васильевича Ломоносова. — М., Л.: АН СССР, 1937. — 238 с.
1457. Меньшуткин Б.Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1911. — 164 с.
1458. Меркулов В.И. Варяги и варяжские законы // Скандинавомания и её небывлицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 121–134.
1459. Меркулов В.И. Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 2003. — 16 с.
1460. Меркулов В.И. Доберанская генеалогия // ВЛГПУ. — Вып. 3. — 2010. — С. 102–105.
1461. Меркулов В.И. Забытая родословная Рюрика // Роман-журнал. XXI век. — М., 2002. — № 11/12.
1462. Меркулов В.И. Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Сб. РИО. Т. 10 (158). Россия и Крым. — М.: Русская панорама, 2006. — С. 391–398.
1463. Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 136–145.
1464. Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. — М.: Белые альвы: Амрита-Русь, 2005. — 127 с.
1465. Меркулов В.И. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // ИФ. — 2015. — № 2. — С. 54–74.
1466. Меркулов В.И. Эволюция взглядов Г.Ф. Миллера по варяжскому вопросу // Г.Ф. Миллер и русская культура. — СПб.: Росток, 2007. — С. 77–83.
1467. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. — Рязань: Александрия, 2009. — С. 1–274.
1468. Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. — М.: Кучково поле, 2012. — 320 с.
1469. Мецгерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. — Т. X. — М., Л.: АН СССР, 1954. — С. 120–135.
1470. Мецгерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // ВВ. — Т. IX. — М., 1956. — С. 170–185.
1471. Мецгерский Н.А. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. — Т. XIII. — М., Л.: АН СССР, 1957. — С. 57–65.
1472. Мецгерский Н.А. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет» // Палестинский сборник. — Вып. 2. — М., Л., 1956. — С. 58–68.
1473. Миллер Г.Ф. Избранные труды / Составление, статья, примечания С.С. Илизарова. — М.: Московские учебники, 2006. — 815 с.
1474. Миллер Г.Ф. Из истории первых лет Петербургской Академии наук // Немцы в России: Петербургские немцы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — С. 510–516.

1475. Миллер Г.Ф. История императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Его же. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. — М.: Московские учебники, 2006. — С. 481–647.
1476. Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. I. — М.: Восточная литература, 1999. — 630 с.
1477. Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Его же. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. — М.: Московские учебники, 2006. — С. 100–157.
1478. Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших // Его же. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. — М.: Московские учебники, 2006. — С. 57–99.
1479. Миллер Г.Ф. О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Его же. Сочинения по истории России. Избранное / Составл., статья А.Б. Каменского / *Примечания* А.Б. Каменского и О.М. Медушевской. — М.: Наука, 1996. — С. 5–14.
1480. Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. — М.: Русская панорама, 2006. — С. 366–398.
1481. Миллер Г.Ф. Описание моих служб // Его же. История Сибири. — Т. I. — М.: Восточная литература, 1999. — С. 150–157.
1482. Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Его же. Избранные труды / Сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. — М.: Московские учебники, 2006. — С. 158–164.
1483. Миллер Г.Ф. Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Составл., статья А.Б. Каменского / *Примечания* А.Б. Каменского и О.М. Медушевской. — М.: Наука, 1996. — С. 15–18.
1484. Миллер Г.Ф. [Проект создания Исторического департамента Академии наук] // Его же. Сочинения по истории России. Избранное. — М.: Наука, 1996. — С. 355–364.
1485. Миллер Г.Ф. Разговор о двух браках, введённых чужестранными писателями в ряд великих князей всероссийских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Февраль. — СПб., 1755. — С. 83–97.
1486. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. — М.: Наука, 1996. — 448 с.
1487. Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа Петра Великого // ВЕ. — Т. 1. — СПб., 1866. — С. 373–392.
1488. Милов Л.В. Палеография и написание «росьская» // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. — М.: Наука, 2005. — С. 183–186.
1489. Милов Л.В. RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // ОИ. — 2000. — № 1. — С. 94–101.
1490. Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. — Изд. 2-е. — СПб., 1898. — 396 с.
1491. Милютенко Н.И. Средневековая Ладога — научный миф и историческая реальность (по данным саг, летописей и археологии) // XIII конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — М., Петрозаводск, 1997. — С. 127–130.
1492. Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 576 с.
1493. Милютина Н.Н. Древнерусский некрополь Пскова (историко-топографическое исследование) // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 2. — М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. — С. 252–260.
1494. Милаев П.А. Изделия североевропейского облика в материальной культуре городища Любша IX — начала X в. (предварительное сообщение) // Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе в VII–XII вв. / Отв. ред. Н.И. Платонова. — СПб.: Бранко, 2017. — С. 225–244.
1495. Минакова Э.А. Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.). — Орёл., 2004. — 376 с.

1496. Минакова Э.А. Русь в X веке. Страна, государство, этносоциальная и экономическая структура. — Орёл, 2004. — 142 с.
1497. Минасян Р.С. Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии и этнографии. — Вып. 2. — Л.: ЛГУ, 1978. — С. 148–152.
1498. Минасян Р.С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 24–29.
1499. Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 19–28.
1500. Михаил Ломоносов глазами современников / Составление, подготовка текста и примечания Г.Г. Мартынова; под ред. Б.А. Градовой. — М.: ЛомоносовЪ, 2011. — 532 с.
1501. Михайлов А.В. Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // Археология и истории Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. — Псков: ИА РАН, 2006. — С. 79–87.
1502. Михайлов А.В., Салмин С.А. Ларец из камерного погребения 2 Старовознесенского раскопа в Пскове (опыт реконструкции) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 493–496.
1503. Михайлов К.А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.Л. Янина. Новгород, 27–29 января 2009 г. — Вып. 23. — Великий Новгород, 2009. — С. 269–288.
1504. Михайлов К.А. Время появления камерных погребений в Старой Ладоге // Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни / VII чтения памяти А. Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей. — СПб.: Нестор-История, 2003. — С. 73–76.
1505. Михайлов К.А. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 159–175.
1506. Михайлов К.А. Захоронения воина с конями на вершине плакунской сопки в насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции, Новгород, 24–26 января 1995). — Вып. 9. — Новгород, 1995. — С. 50–54.
1507. Михайлов К.А. Курганные могильники Старой Ладоги // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 153–158.
1508. Михайлов К.А. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего Средневековья // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 179–188.
1509. Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. — СПб.: ИИМК РАН, 2002. — С. 63–68.
1510. Михайлов К.А. Центральнoазиатские ремённые украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Новгород, 28–30 января 1997 г. — Вып. 11. — Великий Новгород, 1997. — С. 251–260.
1511. Михайлов К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий. — СПб., Бранко, 2016. — 272 с.

1512. Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Вып. 10. — Новгород, 1996. — С. 52–60.
1513. Михайлова Т.А. Ирландия от викингов до норманнов: Язык, культура, история. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 400 с.
1514. Михеев С.М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имён и исторический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2008. — № 2 (32). — С. 27–32.
1515. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? — М.: Индрик, 2011. — 280 с.
1516. Михеев С.М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция // Именослов: История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. — СПб.: Алетея, 2010. — С. 169–179.
1517. Младшая Эдда / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. — Л.: Наука, 1970. — 258 с.
1518. Модзалевский Б.Л. Список членов императорской Академии наук 1725–1907. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1908. — VIII, 404 с.
1519. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. — Л.: Наука, 1980. — 261 с.
1520. Моисеева Г.Н. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард-Фридрих Миллер) // Русская литература. — 1967. — № 1. — С. 130–137.
1521. Моисеева Г.Н. К вопросу об источниках трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим» // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. — М., Л.: АН СССР, 1962. — С. 253–257.
1522. Моисеева Г.Н. К вопросу о датировке Задонщины (наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище) // ТОДРЛ. — Т. XXXIV. — Л., 1979. — С. 220–240.
1523. Моисеева Г.Н. Ломоносов в работе над древнейшими рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний) // Русская литература. — 1962. — № 1. — С. 181–194.
1524. Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. — Л.: Наука, 1971. — 284 с.
1525. Моисеева Г.Н. М.В. Ломоносов и польские историки // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Исследования и материалы. — М., Л.: АН СССР, 1963. — С. 140–157.
1526. Моисеева Г.Н. М.В. Ломоносов на Украине // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Исследования и материалы. — М., Л.: АН СССР, 1963. — С. 79–101.
1527. Молчанов А.А. Древнерусский антропонимический элемент в династических традициях стран Балтии XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994. Тезисы докладов. — М.: ИРИ РАН, 1994. — С. 24–25.
1528. Молчанов А.А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (о роли отдельных компонентов в полиэтничной основе формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992. Тезисы докладов. — М.: ИРИ РАН, 1992. — С. 44–47.
1529. Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках. (Ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990. Тезисы докладов. — М.: ИРИ РАН, 1990. — С. 79–83.
1530. Молчанов А.А. Новгород во второй половине IX — первой половине XI в. (жизнь топонима и история города) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. — М.: ИРИ РАН, 1996. — С. 51–55.

1531. Молчанов А.А. Шимон // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 895.
1532. Молчанов А.А. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии / Памяти В.Д. Белецкого. — Т. II. — СПб., Псков, 1997. — С. 80–84.
1533. Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем Средневековье. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 2008. — 16 с.
1534. Монгайт А.Л. Древнерусские деревянные укрепления по раскопам в Старой Рязани // КСИА. — Вып. XVII. — М., 1947. — С. 28–37.
1535. Монтескьё Ш. О духе законов // Его же. Избранные произведения. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. — С. 159–733.
1536. Морозов А.А. М.В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711–1741. — М., Л.: АН СССР, 1962. — 487 с.
1537. Морозова Л.Е. Древнейшая история Новгорода по «Повести временных лет» // Чело. — 2008. — № 1 (41). — С. 3–5.
1538. Морозова Л.Е. Смута в России начала XVII в. в сочинениях её современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. — М.: Наука, 2000. — С. 249–277.
1539. Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. — СПб.: тип. К. Вингебера, 1842. — 172, III–IV с.
1540. Моряков В.И. А.Н. Радищев о М.В. Ломоносове // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 2011. — № 5. — С. 114–125.
1541. Москва в описаниях XVIII века / Подготовка текста, статьи С.С. Илизарова. — М.: Янус-К, 1997. — 318 с.
1542. Мохначёва М.П. Журналистика и историческая наука. — Кн. 1. — М.: Рос. гос. гуманитарн-т, 1998. — 511 с.
1543. Моця А.П. Викинги на юге Руси // Древний мир. — 2001. — № 1. — С. 10–11.
1544. Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов, 26–28 сентября 1988 г. — Киев: Наукова думка, 1990. — С. 99–107.
1545. Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 11–95.
1546. Мошин В.А. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // Sbornik prací I sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Svazek II. — Praha, 1931. — С. 610–625.
1547. Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavika. Ročník III. Svazek 1. — Praha, 1931. — С. 33–58; Svazek 2. — Praha, 1931. — С. 285–307.
1548. Мошин В.А. Христианство в России до св. Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. — Белград: Меркур, 1938. — С. 1–18.
1549. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в древнюю Русь. — СПб.: Сенат. тип., 1907. — 35 с.
1550. Муравьёв А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX–XVII вв.: Книга для учителя. — Изд. 2-е, дораб. — М.: Просвещение, 1984. — 336 с.
1551. Мурашёва В.В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // Родина. — 1997. — № 10. — С. 8–11.
1552. Мурашёва В.В. В поисках Гнёздовского порта // РА. — 2007. — № 1. — С. 106–114.
1553. Мурашёва В.В. Предметный мир эпохи // Путь из варяг в греки и из грек... — М.: ГИМ, 1996. — С. 30–35.
1554. Мурашёва В.В. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // РИ. — 2009. — № 4. — С. 174–180.
1555. Мурашёва В.В. Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. — М.: Памятники исторической мысли, 1998. — С. 154–164.

1556. *Мурашёва В.В.* Скандинавские находки из раскопок Супрутского городища // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. — СПб.: Соло, 2012. — С. 103–105.
1557. *Мурашёва В.В.* Славяне, варяги и иные «языки» на речных путях Восточной Европы // Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. — М.: Кучково поле, 2012. — С. 36–41.
1558. *Мурашёва В.В.* Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. — М., 2008. — 47 с.
1559. *Мусин А.Е.* Дорога к Руси: страны и народы на путях «из варяг в греки» // Чело. — 2006. — № 3 (37). — С. 43–56.
1560. *Мусин А.Е.* Отроки и бояре между фактом и артефактом // РИ. — 2014. — № 6. — С. 18–26.
1561. *Мусин А.Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. — № 2. — 2012. — С. 555–602.
1562. *Мусин А.Е.* «Столетняя война» российской археологии // *Ex ungue leonem*. Сборник к 90-летию Л.С. Клейна. — СПб.: Нестор-История, 2017. — С. 223–244.
1563. *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 272 с.
1564. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представление об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. — 398 с.
1565. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. — Изд. 2-е. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. — 320 с.
1566. *Мыльников А.С.* Кто такие венецицы «Слова о полку Игореве» // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы / Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 238–243.
1567. *Мыльников А.С.* Россия XVII в. глазами шведской семьи Шютте // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: Наука, МАЭ РАН, 1999. — С. 113–117.
1568. *Мыльников А.С.* Славяне в представлении шведских учёных XVI–XVII вв. // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: Наука, 1997. — С. 147–154.
1569. *Мыльников А.С.* Славянская этническая общность в немецкой науке начала XVIII в. (Из истории славянских изучений в Мекленбурге) // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США. — М.: Наука, 1989. — С. 5–25.
1570. *Мыльников А.С.* [Рец.] Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отв. ред. Е.П. Наумов. М., 1988 // Советское славяноведение. — 1990. — № 5.
1571. *Мюллер-Вилле М.* Внешние связи раннесредневековой Руси по археологическим свидетельствам // Вестник Российской Академии наук. — Т. 70. — № 10. — 2000. — С. 923–928.
1572. *Мюллер-Вилле М.* «...Et est terminus Slaviae» // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 195–205.
1573. *Надеждин Н.И.* Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. — СПб., 1837. — Т. XX. — С. 93–136.
1574. *Надеждин Н.И.* О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей, 4 февраля 1840. — Одесса, 1840. — 58 с.

1575. Назаренко А.В. Баварский географ // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 47–48.
1576. Назаренко А.В. Бертинские анналы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 65.
1577. Назаренко А.В. Германия // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014.
1578. Назаренко А.В. Две Руси IX века // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 16–22.
1579. Назаренко А.В. Докиевский период истории Восточной Европы в «Handbuch der Geschichte Rußlands» (ФРГ) // ДГ. 1983 г. — М.: Наука, 1984. — С. 237–241.
1580. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). — М., 2009. — 700 с.
1581. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 784 с.
1582. Назаренко А.В. Западный (немецкий) путь // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 289–290.
1583. Назаренко А.В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария — Австрия // ДГ. 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С. 86–129.
1584. Назаренко А.В. Любек // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 469–470.
1585. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, перевод, комментарий). — М.: Наука, 1993. — 238, [2] с.
1586. Назаренко А.В. Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма) // Средневековая Русь. — Вып. 6. — М., 2006. — С. 341–370.
1587. Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // ВЯ. — 1980. — № 5. — С. 46–57.
1588. Назаренко А.В. О русско-датском союзе первой четверти XI в. // ДГ. 1990 г. — М.: Наука, 1991. — С. 167–190.
1589. Назаренко А.В. О языке восточноевропейских варягов IX–X вв. (ROÐ(S) — (?) — РУСЬ — RUZZI) // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию член-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. — М., 1998. — С. 75–79.
1590. Назаренко А.В. О язычестве эльбо-одерских славян // Религии мира. История и современность. 2002. — М.: Наука, 2002. — С. 8–22.
1591. Назаренко А.В. Происхождение др.-русс. «Русь»: состояние проблемы и возможности лингвистической ретроспективы // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. 1. — М.: АН СССР, 1986. — С. 126–128.
1592. Назаренко А.В. Раффельштеттинский таможенный устав // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 675.
1593. Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 13–35.
1594. Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 411–425.

1595. Назаренко А.В. Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums // Unter Mitwirkung von U. Kälin. Darmstadt, «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1992 (=Erträge der Forschung. Bd. 277) // Средневековая Русь. — Вып. I. — М., 1996. — С. 154–185.
1596. Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В.В. Седов. — Л.: Наука, 1985. — С. 156–169.
1597. Назаренко В.А. О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 Плакунского могильника // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого 1919–1997. — Т. II. — СПб., Псков, 1997. — С. 91–95.
1598. Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. — М.: Наука, 1969. — 555 с.
1599. Насонов А.Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. — Т. VII. — М.: АН СССР, 1959. — С. 416–462.
1600. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. — М.: АН СССР, 1951. — 260 с.
1601. Насонов А.Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // ИЗ. — № 6. — 1940. — С. 79–99.
1602. Настенко И.А. С.А. Гедеонов и А.А. Куник (Архивные разыскания // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. 3-е изд., комментированное — М.: Русская панорама, 2005. — С. 497–510.
1603. Настенко И.А. Об издании «Дополнений» (Вместо предисловия) // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. 3-е изд., комментированное. — М.: Русская панорама, 2005. — С. 462–464.
1604. Наумова Г.Р. История исторической науки. Историография истории России в 2 ч. — Ч. 1. — М.: Юрайт, 2017. — 237 с.
1605. Наумова Г.Р., Никонов А.В. М.В. Ломоносов и историография России // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 2011. — № 5. — С. 39–51.
1606. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. — Изд. 3-е. — М.: Академия, 2011. — 480 с.
1607. Недошивина Н.Г., Зозуля С.С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 179–193.
1608. Некрасова М.Б. Михаил Васильевич Ломоносов // Историки России XVIII–XX веков. — Вып. 1 / Составит. и отв. ред. А.А. Чернобаев. — М., 1995. — С. 21–27.
1609. Некрасова М.Б. Михаил Васильевич Ломоносов // Историки России. Биографии / Составит. и отв. ред. А.А. Чернобаев. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 19–24.
1610. Некрасова М.Б. Отечественная история. Учебное пособие для бакалавров. — Изд. 3-е, переработ. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — 415 с.
1611. Немиров Г.А. «Русь» и «варяги» (происхождение слов). Заметки для выяснения древнейшей истории Петербургского края. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1898. — 44 с.
1612. Нефёдкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // ВВ. — 2003. — № 62 (87). — С. 79–91.
1613. Нефедов В.С. Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 64–67.
1614. Нефедов В.С. Гнёздовский археологический комплекс и путь из варяг в греки // Гнёздово: история и современность. — Смоленск, 1998. — С. 31–42.
1615. Нецименко Г.Л. Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М.: Наука, 1989. — С. 216–232.
1616. Нидерле Л. Славянские древности. — М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2010. — 744 с.

1617. Низами Гянджеви. Искендер-наме // Его же. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т. 5. — М.: Художественная литература, 1986. — 781 с.
1618. Никитин А.Л. Основание русской истории. Мифологемы и факты. — М.: Аграф, 2001. — 766 с.
1619. Никитин А.Л. Первый Рюрик и «варяжская легенда» // Герменевтика древнерусской литературы. — Сб. 7. — Ч. II. — М.: ИМЛИ РАН, 1994. — С. 375–398.
1620. Никитин А.Л. Первый Рюрик — миф или реальность // Наука и религия. — 1991. — № 4. — С. 34–39.
1621. Никитина Н.С. Гедеонов С.А. // Русские писатели 1800–1917: Библиографический словарь. — Т. 1: А — Г. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — С. 535.
1622. Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. — М.: Унив. тип., 1893. — XIX, 306 с.
1623. Николаев С.Л. Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова. Комментар. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. — СПб.: Вита Нова, 2012. — С. 398–430.
1624. Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. — Вып. 1. — Л.: АН СССР, 1930. — 107 с.
1625. Нильсен Й.П. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. — Архангельск, 1992. — 69 с.
1626. Новаковский В. Проблема присутствия славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в римский период и в эпоху переселения народов (на основании античных письменных источников и археологических находок) // Germanua-Sarmatia. — Вып. II. Сборник, посвящённый памяти М.Б. Шукина. — Калининград, Курск: Издательство, 2010. — С. 33–42.
1627. НПЛ. — М., Л.: АН СССР, 1950. — 641 с.
1628. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. — СПб.: Изд-во Археологической комиссии, 1888. — X, 490, XCVIII с.
1629. Новгородские летописи. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). — СПб., 1879. — 488, 113, [XXIV] с.
1630. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. — СПб., 1772. — 128 с.
1631. Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под. ред. Д.А. Авдусина. — М.: МГУ, 1991. — С. 175–199.
1632. Новикова Г.Л. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси. (Культурные предметы: типология и хронология). Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1992. — 25 с.
1633. Новосельцев А.П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // ИСССР. — 1985. — № 6. — С. 85–103.
1634. Новосельцев А.П. «Мир истории» или миф истории? // ВИ. — 1993. — № 1. — С. 23–31.
1635. Новосельцев А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // ДГ. 1985 г. — М.: Наука, 1986. — С. 35–42.
1636. Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. — 1991. — № 2/3. — С. 3–20.
1637. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М.: Наука, 1990. — 261, [2] с.
1638. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // ИСССР. — 1967. — № 3. — С. 81–108.
1639. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. — М.: Наука, 1965. — 476 с.

1640. *Нордландер И.* Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // НИС. — Вып. 6 (16). — СПб., 1997. — С. 285–289.
1641. *Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // КСИА. — Вып. 164. — М., 1981. — С. 18–24.
1642. *Носов Е.Н.* Городище // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Л. Янин. — СПб.: Нестор-История, 2007.
1643. *Носов Е.Н.* Городище под Новгородом // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 197–199.
1644. *Носов Е.Н.* Некоторые итоги изучения Рюрикова городища // Культура, образование, история Ленинградской области. — СПб.: Вести, 2002. — С. 51–52.
1645. *Носов Е.Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси / Под. ред. И.В. Дубова. — Вып. 1. — Л.: ЛГУ, 1988. — С. 21–38.
1646. *Носов Е.Н.* Новгород и Рюриково городище в IX–X вв. (К вопросу о происхождении Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. I. — Вып. 26. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987. — С. 5–15.
1647. *Носов Е.Н.* Новгородская земля: Северное Приильмье и Поволховье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 93–119.
1648. *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. — Л.: Наука, 1990. — 214 с.
1649. *Носов Е.Н.* Откуда пошёл «Новый город»? // Родина. — 2009. — № 9. — С. 8–10.
1650. *Носов Е.Н.* Первые скандинавы на Руси // Викинги и славяне. Учёные, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — С. 56–82.
1651. *Носов Е.Н.* Поселение у волховских порогов // КСИА. — Вып. 146. — М., 1976. — С. 76–81.
1652. *Носов Е.Н.* Послесловие // *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. — СПб.: Евразия, 2009. — С. 344–356.
1653. *Носов Е.Н.* Проблема изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. — Вып. 1 (11). — Л., 1982. — С. 43–78.
1654. *Носов Е.Н.* Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 марта 1986 г. — СПб.: Наука, 1992. — С. 100–105.
1655. *Носов Е.Н.* Славяне на Ильмене // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 46–51.
1656. *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. — СПб.: ИИМК РАН, 1999. — С. 151–163.
1657. *Носов Е.Н.* Сопквидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В.В. Семенов. — Л.: Наука, 1985. — С. 147–155.
1658. *Носов Е.Н.* Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной конференции. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — С. 23–40.
1659. *Носов Е.Н.* У истоков Новгорода // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 2. — М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. — С. 272–285.
1660. *Носов Е.Н.* У истоков Руси и Новгорода // Родина. — 2012. — № 9. — С. 40–43.
1661. *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (Новые материалы и исследования). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 404 с.

1662. Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвоцинская Н.В. Исследование древнего рва Рюрикова городища // АО 2007 года. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — С. 47–49.
1663. Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Рюриково городище — на перекрёстках торговых путей Восточной Европы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. 2014 г. — Т. III. — Казань, 2014. — С. 133–135.
1664. Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Хлебные печи Рюрикова городища // Записки ИИМК РАН. — № 20. — СПб., 2019. — С. 121–130.
1665. Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведев М.В. Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий / Под ред. Е.Н. Носова. — СПб.: ЛИК, 2012. — 224 с.
1666. Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Смирнов А.М., Юшкова М.А. Продолжение работ на Рюриковом городище // АО 2006 года. — М.: Наука, 2009. — С. 72–74.
1667. Нунан Т.С. Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. — Самара: СГУ, 2001. — С. 22–64.
1668. Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 256–313.
1669. Нюлен Э. Эпоха викингов в раннее средневековье в Швеции // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Прогресс, 1986. — С. 155–168
1670. О географических сведениях древних россиян // Московский телеграф. — Ч. 42. — № 24. — М., 1831. — С. 456–485.
1671. Обнорский С.П. Русская Правда как памятник русского литературного языка // Его же. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1960. — С. 120–144.
1672. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная. — СПб., 1875. — 554 с.
1673. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. — Л.: Лениздат, 1986. — С. 287–470.
1674. Опельбаум Е.В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. — Киев: Наукова думка, 1971. — 271 с.
1675. Орлов А.С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. — Варшава: тип. Варш. учебн. округа, 1906. — 2, 270, 1 с.
1676. Орлов С.Н. Старая Ладога. — Л.: Лениздат, 1960. — 120 с.
1677. Орловская С.А. И.Е. Забелин (1820–1908) // Историография истории России до 1917 года: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. — М.: Владос, 2003. — С. 344–365.
1678. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г. Кузьмина. — Кн. 1. — М.: Молодая гвардия, 1986. — 701, 3 с.
1679. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г. Кузьмина. — Кн. 2. — М.: Молодая гвардия, 1986. — 702, 2 с.
1680. Охотина-Линд Н. Г.Ф. Миллер и вторая Камчатская экспедиция // От Рейна до Камчатки. К 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера. Каталог выставки. — М.: Древлехранилище, 2005. — С. 26–37.
1681. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. — Ч. I. — М.: АН СССР, 1953. — 984 с.
1682. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. — М.: АН СССР, 1955. — 1032 с.
1683. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. — М.: АН СССР, 1957. — 880 с.
1684. Павинский А.И. Полабские славяне в борьбе с немцами VIII–XII ст. — СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1871. — 6, II, IV, 171 с.
1685. Павлова Г.Е., Фёдоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). — М.: Наука, 1988. — 465 с.

1686. *Падалко Л.В.* Происхождение и значение имени «Русь» // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. — Т. 1. — М., 1914. — С. 357–382.
1687. *Падалко Л.В.* Происхождение и значение имени «Русь» // Труды Полтавской Архивной учёной комиссии. — 1915. — С. 5–40.
1688. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993. — 423 с.
1689. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. — Т. 2. — Изд. 2-е. — СПб.: тип. В.С. Балашева, 1883. — 493 с.
1690. Памятники древнерусского канонического права. — Ч. I. (Памятники XI–XV вв.). — Изд. 2-е. // РИБ. — Т. 6. — СПб., 1908.
1691. ПЛДР. XIV — середина XV века. — М.: Художественная литература, 1981. — 604 с.
1692. ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. — М.: Художественная литература, 1984. — 772 с.
1693. Памятники права феодальной раздробленности Руси. XII–XV вв. — Вып. 2. — М.: Госюриздат, 1953. — 442 с.
1694. Памятники русского права. — Вып. 1. — М.: Госюриздат, 1952. — XVI, 288 с.
1695. *Пархоменко В.А.* Из древнейшей истории восточного славянства. По поводу изысканий А.А. Шахматова в области территории и этнографии древнейшей Руси // ИОРЯС. — 1920. — Т. XXV. — Пг., 1922.
1696. *Пархоменко В.А.* К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси // Историк-марксист. — 1938. — № 4. — С. 106–111.
1697. *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX–X вв. — Полтава, 1913. — 189 с.
1698. *Пархоменко В.А.* Норманизм и антинорманизм. (К вопросу о происхождении имени «Русь») // ИОРЯС. — Т. XXVIII. — Л., 1924. — С. 71–74.
1699. *Пархоменко В.А.* О происхождении Руси // Русское прошлое. — Пг., 1923. — № 4. — С. 36–41.
1700. *Пархоменко В.А.* Русь в IX веке // ИОРЯС. — Т. XXII. — Кн. 2. — 1917. — С. 127–140.
1701. *Пархоменко В.А.* Три центра древнейшей Руси // ИОРЯС. — Т. XVIII. — Кн. 2. — 1913. — С. 79–87.
1702. *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). — Л.: Госиздат, 1924. — 116 с.
1703. *Пархоменко В.А.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учёные записки ЛГУ. — Серия исторических наук. — Вып. 1. — Л., 1941. — С. 203–214.
1704. *Пархоменко В.А.* Христианство на Руси до Владимира Святого // Вера и Разум. — 1912. — № 9. — С. 343–358; № 10. — С. 481–495.
1705. Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1911. — 276 с.
1706. *Пауль А.* Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда. — М.: Книжный мир, 2016. — 544 с.
1707. *Пауль А.* Древняя Англия: к вопросу о судьбе остатков племени англов в Ютландии в Средневековье // ИФ. — 2015. — № 2. — С. 140–175.
1708. *Пауль А.* К вопросу о названиях племён королевства ободритов // Варяги и Русь / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 175–238.
1709. *Пауль А.* Норманизм как метод обоснования германского господства над славянами в немецкоязычной историографии первой половины XX в. // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны. Липецк, 10–11 октября 2014 г. — Липецк: ЛГПУ, 2014. — С. 55–61.
1710. *Пауль А.* Норманизм как метод обоснования германского господства над славянами в немецкоязычной историографии первой половины XX в. // Варяги и Русь / Сб.

- статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 237–244.
1711. Пауль А. Роксоланы с острова Рюген: хроника Николая Маршалка как пример средневековой традиции отождествления рюгенских славян и русских // ИФ. — 2015. — № 1. — С. 5–30.
1712. Пауль А. Старцы славянские, хранящие в памяти все деяния язычников // Варяги и Русь / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 129–174.
1713. Пауль А. *Lex Angliorum*. К вопросу о первой английской марке Франкской империи // ИФ. — 2015. — № 3. — С. 25–51.
1714. Пашков С.В. Дискуссия М.П. Погодина и Н.И. Костомарова 1860 г. по варяго-русскому вопросу // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. — Липецк, ЛГПУ, 2013. — Вып. 10. — С. 180–186.
1715. Пашков С.В. Дискуссия М.П. Погодина и М.А. Максимовича по варяго-русскому вопросу // Вестник Тамбовского университета. — Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — Вып. 2 (130). — С. 158–164.
1716. Пашков С.В. Дискуссия М.П. Погодина и Н.И. Надеждина по варяго-русскому вопросу // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — История. Политология. — 2015. — № 1 (198). — С. 86–89.
1717. Пашков С.В. Концепция М.П. Погодина начальной истории Руси и её оценка в отечественной историографии. Автореф. дис. ... канд. наук. — Липецк, 2017. — 27 с.
1718. Пашков С.В. Отношение норманиста М.П. Погодина к трудам антинорманистов // ВИ. — 2015. — № 7. — С. 147–154.
1719. Пашков С.В. Оценка взглядов М.П. Погодина на историю Древней Руси в отечественной историографии // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвящённые 100-летию начала Первой мировой войны. — Липецк, ЛГПУ, 2014. — С. 106–109.
1720. Пашков С.В. Разбор норманистом М.П. Погодиным взглядов антинорманиста И.Ф.Г. Эверса на варяго-русский вопрос // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. — Вып. 2. — М.; МАНПО, 2015. — С. 160–169.
1721. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. — М.: Наука, 1968. — 472 с.
1722. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за свою независимость (XIII век). — М.: Госполитиздат, 1956. — 279 с.
1723. Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. — М.: Наука, 1974. — С. 103–110.
1724. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. — М.: Наука, 1992. — 401 с.
1725. Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории средневековой Европы // СС. — Вып. XV. — Таллин, 1970. — С. 51–61.
1726. Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. — 1952. — № 2. — С. 47–73.
1727. Пежемский Д.В. Скандинавское присутствие на Северо-Западе по данным палеоантропологии // Староладожский сборник. — Вып. 9. — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 88–107.
1728. Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. — СПб., 1865. — IV, 128 с.
1729. Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. — Т. I. — СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, 1870. — LXVIII, 774 с.
1730. Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. — Т. II. — СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, 1873. — 1110 с.
1731. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. — Т. I. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1862. — 578 с.
1732. Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1864. — 66 с.

1733. *Пекарский П.П.* О переписке академика Штелина, хранящейся в императорской публичной библиотеке // ЗАН. — Т. 7. — Кн. 2. — СПб., 1865. — С. 128–129.
1734. *Первольф И.И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // ЖМНП. — Ч. 192. — СПб., 1877. — С. 37–97.
1735. *Первольф И.И.* Германизация балтийских славян. — СПб.: Петерб. отд. Славян. ком., 1876. — [6], 260 с.
1736. *Перев В.П.* Уставы и управление в Новгороде в средние века Неймана // ЖМНП. — Ч. XXVII. — № 7. — СПб., 1840. — С. 40–86.
1737. *Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. — М.: Прометей, 1999. — 431 с.
1738. *Перевезенцев С.В.* Смысл русской истории. — М.: Вече, 2004. — 491 с.
1739. *Перевезенцев С.В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. — М.: Вече, 2001. — 431 с.
1740. *Перевезенцев С.В. Учитель М.В. Ломоносова.* Теория естественного права в трудах Христиана Вольфа // Вестник МГУ. — 2008. — Серия 12. Политические науки. — № 3. — С. 33–46.
1741. *Перемышлевский М.* О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова // Учёные записки имп. Московского ун-та. — Ч. 3. — № 9. — М., 1834. — С. 415–465.
1742. *Перхавко В.Б.* Древнерусское купечество: социальный статус и терминология // История: долг и дар. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. — М.: Императорское православное Палестинское общество, Изд-во Олега Абышко, 2010. — С. 199–219.
1743. *Перхавко В.Б.* Западновинский путь // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 289.
1744. *Перхавко В.Б.* Зарождение купечества на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. — М.: ИРИ РАН, 1998. — С. 86–90.
1745. *Перхавко В.Б.* Первые купцы российские. — М.: Русское слово, 2004. — 558, [1] с.
1746. *Перхавко В.Б.* По пути «из Варяг в Греки» // Преподавание в истории в школе. — 2005. — № 5. — С. 10–19.
1747. *Перхавко В.Б.* С весами и мечом // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 132–137.
1748. *Перхавко В.Б.* Этнические, политические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. — М.: Наука, 2005. — С. 205–215.
1749. *Перхавко В.Б., Мельникова Е.А.* Пути // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 665–667.
1750. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. — М., 1867. — [XII], 474 с.
1751. *Петренко В.П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. — СПб.: Наука, 1994. — 137, [1] с.
1752. *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л.: Наука, 1985. — С. 81–116.
1753. *Петров А.В.* К обсуждению «варяжского вопроса» // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. 1 / Відповідальний редактор випуску О.П. Моця. — Київ, 2006. — С. 172–187.
1754. *Петров А.В.* Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманского вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — Вып. 3. — СПб., 2015. — С. 8–30.
1755. *Петров А.В.* Ярослав Мудрый и варяги // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. Материалы Всероссийской конференции,

- посвящённой 100-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. — СПб.: СПбГУ, 2009. — С. 66–71.
1756. *Петрова Л.И., Зайцева Л.В., Казаков В.Н.* Работа над историко-археологическим опорным планом г. Новгорода. (К вопросу о мощности средневекового культурного слоя Новгорода) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1993 г.). — Вып. 7. — Новгород, 1993.
1757. *Петровский Н.М.* О новгородских «словенах». (По поводу книги: А.А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Издание русского исторического журнала. Петроград, 1919) // ИОРЯС. — Т. XXV. — Пг., 1922. — С. 356–389.
1758. *Петрухин В.Я.* Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы) // От Бытия к Исходу. — Вып. 2. — М.: Геос, 1998. — С. 269–286.
1759. *Петрухин В.Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. — М.: Памятники исторической мысли, 1998. — С. 361–82.
1760. *Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. — 1993. — № 3. — С. 68–82.
1761. *Петрухин В.Я.* Викинги на Западе и русь на Востоке // National Geographic. — 2017. — Март. — С. 63–64.
1762. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 9–410.
1763. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь IX — 1263 г. — М.: АСТ; Астрель, 2005. — 190, [1] с.
1764. *Петрухин В.Я.* Древняя и удельная Русь // Справочник учителя истории. 5–11 классы / Авт.-сост. М.Н. Чернова. — М.: Экзамен, 2008. — С. 55–86.
1765. *Петрухин В.Я.* Дохристианские древности: по археологическим материалам IV–X века // История русского искусства. — Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века / Отв. ред. А.И. Комеч. — М., Северный паломник, 2007. — С. 39–79.
1766. *Петрухин В.Я.* «Из варяг в греки»: начало исторического пути России // Славянский альманах. — М.: Индрик, 1997. — С. 63–67.
1767. *Петрухин В.Я.* «Иосиппон» и «Повесть временных лет». К вопросу об источниках русского летописания // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: ср. века - начало нового времени. Сб. тезисов XII Чтения памяти В.Д. Королюка. — М.: ИСБ, 1993. — С. 55–56.
1768. *Петрухин В.Я.* К дохристианским истокам древнерусского княжеского культа // ПОЛУТРОПОН. Сб. ст. к 70-летию В.Г. Топорова. — М.: Индрик, 1998. — С. 882–892.
1769. *Петрухин В.Я.* К предыстории этнокультурных связей Древней Руси (славяне и русь) // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти член-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994. Тезисы докладов. — М., 1994. — С. 29–30.
1770. *Петрухин В.Я.* Комментарии // *Ловмянский Х.* Русь и норманны. — М.: Прогресс, 1985. — С. 11–17.
1771. *Петрухин В.Я.* Комментарии // *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Научная ред., послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. — М., Иерусалим: Гешарим, 1997. — С. 201–223.
1772. *Петрухин В.Я.* Кто и зачем призывал варягов? // Родина. — 2012. — № 9. — С. 27–29.
1773. *Петрухин В.Я.* Легенда о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 297–303.
1774. *Петрухин В.Я.* Легенда о призвании варягов и Балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2008. — № 2 (32). — С. 41–46.

1775. *Петрухин В.Я.* Легендарная история Руси и космологическая традиция // Механизмы культуры. — М.: Наука, 1990. — С. 99–115.
1776. *Петрухин В.Я.* Миф, история и вымысел в русских средневековых преданиях о происхождении власти // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. — М.: Индрик, 2010. — С. 113–115.
1777. *Петрухин В.Я.* Мифы древней Скандинавии. — М.: Астрель; АСТ, 2003. — 464 с.
1778. *Петрухин В.Я.* «Начало Русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. — М., 1999. — С. 220–226.
1779. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. — Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. — 320 с.
1780. *Петрухин В.Я.* Новгородцы от «рода варяжска»? // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 148–150.
1781. *Петрухин В.Я.* Олав Трюггвасон и проблемы русско-византийских отношений в период крещения Руси // Славяне и их соседи. XX конференция памяти В.Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. — М., 2001. — С. 91–93.
1782. *Петрухин В.Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. — 2001. — № 4. — С. 78–82.
1783. *Петрухин В.Я.* О скандинавских изобразительных традициях в древнерусском искусстве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 497–504.
1784. *Петрухин В.Я.* О функциях раннегородской сети в становлении Древнерусского государства // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — Т. I. — Вып. 26. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987.
1785. *Петрухин В.Я.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // ДГ. 1981 г. — М.: Наука, 1983. — С. 174–181.
1786. *Петрухин В.Я.* «От тех варяг прозвася...» // Родина. — 1997. — № 10. — С. 12–16.
1787. *Петрухин В.Я.* Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников) // СС. — Вып. XXI. — Таллин: Ээсти раамат, 1976. — С. 153–171.
1788. *Петрухин В.Я.* Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва 16–18 апреля 1997 г. Материалы к конференции. — М.: ИВИ РАН, 1997. — С. 65–69.
1789. *Петрухин В.Я.* Призвание варягов: историко-археологический контекст // ДГВЕ. 2005 г. — М.: Индрик, 2008. — С. 33–46.
1790. *Петрухин В.Я.* Путь из варяг в греки: становление Древнерусского государства и его международные связи // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. — М.: ИА РАН, 1998. — С. 127–134.
1791. *Петрухин В.Я.* Путь из варяг в греки: становой хребет Древнерусской державы // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 52–58.
1792. *Петрухин В.Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 127–142.
1793. *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. — М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. — 464 с.
1794. *Петрухин В.Я.* «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 384 с.
1795. *Петрухин В.Я.* Русь и Хазария: становление городской сети и конфликт на речных путях // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Ме-

- ждународной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 208–213.
1796. *Петрухин В.Я.* Русь из Пруссии: реанимация историографического мифа // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 126–131.
1797. *Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая: историко-археологические очерки. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. — 608 с.
1798. *Петрухин В.Я.* Рюрик, Синеус и Трувор // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Эллис Лак, 1995. — С. 342.
1799. *Петрухин В.Я.* Саркел и Бертинские анналы: хазарское начало русской истории? // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор геополитики. XXVII Чтения им. чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. — М., 2015. — С. 216–221.
1800. *Петрухин В.Я.* Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // ДГВЕ. 2005 г. — М.: Индрик, 2008. — С. 76–83.
1801. *Петрухин В.Я.* Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки и из грек... — М.: ГИМ, 1996. — С. 8–17.
1802. *Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГВЕ. 1992–1993 гг. — М.: Наука, 1995. — С. 117–125.
1803. *Петрухин В.Я.* Славяне и русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет». К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Ср. века — начало нового времени. — Вып. 5. — М.: Наука, 1994. — С. 44–56.
1804. *Петрухин В.Я.* [Рец.] *Franklin S. and Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. L.–N.Y., 1996. 450 P., с картами и таблицами. С. Франклин, Дж. Шепард. Становление Руси. 750–1200 годы // Славяноведение. — 1998. — № 2. — С. 119–124.
1805. *Петрухин В.Я., Каменецкая Е.В.* Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография // Славяноведение. — 2008. — № 5. — С. 77–83.
1806. *Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* Смоленский археологический семинар кафедры археологии МГУ и норманская проблема // *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. — СПб.: Евразия, 2009. — С. 301–309.
1807. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Учебное пособие для гуманитарных факультетов высших учебных заведений. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 384 с.
1808. *Петрухин В.Я., Толстая С.М.* Комментарии. Археологический материал // *Мансика В.Й.* Религия восточных славян. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 299–331.
1809. *Петрухин В., Торопцев А.* Истоки России. Исторические рассказы. — М.: РОСМЭН, 2003. — 134 с.
1810. *Пешищ С.Л.* Русская историография XVIII века. — Ч. I. — Л.: ЛГУ, 1961. — 276 с.
1811. *Пешищ С.Л.* Русская историография XVIII века. — Ч. II. — Л.: ЛГУ, 1965. — 344 с.
1812. *Пешищ С.Л.* Русская историография о М.В. Ломоносове как историке // Вестник ЛГУ. — Серия: История. Язык. Литература. — Вып. 4. — № 20. — Л., 1961. — С. 60–76.
1813. *Пешищ С.Л.* «Синопис» как историческое произведение // ТОДРЛ. — Т. XV. — М., Л., 1958. — С. 284–298.
1814. *Пигулевская Н.В.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. — М.: АН СССР, 1952. — С. 42–48.
1815. *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. — М., Л.: АН СССР, 1941.
1816. *Пиккио Р.* Древнерусская литература. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 352 с.

1817. *Пиотровская Е.К.* «Летописец вскоре» патриарха Никифора // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 452.
1818. *Пиотровская Е.К., Симонов Р.А.* Кирик // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 383–383.
1819. *Пирсон Э.* Викинги. — М.: Логос. 1994. — 47 с.
1820. *Писаренко К.А.* Ломоносов против Шумахера. Столкновение мнимых врагов // Родина. — 2009. — № 2. — С. 65–68.
1821. *Писаренко К.А.* Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. — М.: Молодая гвардия, 2003. — 873[7] с.
1822. Письмо г. Максимовича к издателю [М.П. Погодину] // Москвитянин. — Ч. III. — № 5. — М., 1841. — С. 198–211.
1823. *Плавинский Н.А.* [Рец.] *Андрошук Ф.А., Зоценко В.Н.* Скандинавские древности Южной Руси. Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2012. 368 С. // *Ruthenica*. — 2012. — Т. XI. — С. 218–221.
1824. *Плавинский Н.А.* Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012). — М., Псков, 2013. — С. 399–410.
1825. *Плано Карпини Дж.* История монгалов / Пер. А.И. Малеина. — М.: Мысль, 1997. — 467 С.
1826. *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. — Изд. 2-е. — СПб., 1913. — 474, XXI с.
1827. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. — СПб.: Кристалл, 1997. — 838 с.
1828. *Платонов С.Ф.* Руса // Дела и дни. Исторический журнал. — Кн. 1. — Петербург, 1920. — С. 1–5.
1829. *Платонова Н.И.* «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // *Ex ungue leonem*. Сборник к 90-летию Л.С. Клейна. — СПб.: Нестор-История, 2017. — С. 203–222.
1830. *Платонова Н.И.* Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва 16–18 апреля 1997 г. Материалы к конференции. — М.: ИРИ РАН, 1997. — С. 69–73.
1831. *Плетнёва С.А.* М.И. Артамонов (1898–1972) // *Артамонов М.И.* История хазар. — Изд. 2-е. — СПб.: Омега, 2001.
1832. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. — Т. II. — М.: Мир, 1915. — 304 С.
1833. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // Его же. Сочинения. — Т. XXI. — М., Л.: Госиздат, 1925. — 286 с.
1834. *Плоткин К.М.* К вопросу о топониме «Изборск» и реке Исе // Петербургский археологический вестник. — № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. — СПб.: ФАРН, 1993. — С. 115–116.
1835. *Плоткин К.М.* Концы Пскова на начальном этапе сложения городской территории // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. Санкт-Петербург 20–21.05.1992. — СПб.: ГЭ, 1994. — С. 28–32.
1836. *Плоткин К.М.* Об Изборске-Исборге на р. Исе // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1990. — С. 27–28.
1837. *Плоткин К.М.* Псков и его округа в конце I тысячелетия н.э. // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 157–165 с.
1838. *Плоткин К.М.* Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н.э. Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1980. — 16 с.
1839. *Плоткин К.М.* Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н.э. Дис. ... на соиск. степ. к.и.н. — Л., 1980. — 238 с.

1840. *Плохов А.В.* О связи Нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — С. 18–44.
1841. Повести о Куликовской битве. — М.: АН СССР, 1959. — 511 с.
1842. Повесть временных лет. Подгот. текста Д.С. Лихачёва. Пер. Д.С. Лихачёва и Б.А. Романова / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Ч. 1. Текст и перевод. — М., Л.: АН СССР, 1950. — 406 с.
1843. Повесть временных лет. Подгот. текста Д.С. Лихачёва. Пер. Д.С. Лихачёва и Б.А. Романова / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Ч. 2. Приложения. Статьи и коммент. Д.С. Лихачёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 556 с.
1844. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Изд. 2-е, испр. и доп. Подгот. М.Б. Свердлов. — СПб.: Наука, 1996. — 667 с.
1845. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Изд. 2-е, испр. и доп. Подгот. М.Б. Свердлов. — СПб.: Наука, 1999. — 668 с.
1846. Повесть временных лет / Подгот. текста и ком. О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачёва // ПЛДР. XI — начало XII века. — М.: Художественная литература, 1978. — С. 22–277, 418–451.
1847. Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачёва. — Петрозаводск: Карелия, 1991. — 188, 2 с.
1848. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова. Коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. Ил. М.М. Мечева. — СПб.: Вита Нова, 2012. — 507, [2] с.
1849. Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Родная старина, 2014. — 544 с.
1850. Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Родная старина, 2016. — 544 с.
1851. *Поветкин В.И.* Слово о музыкальной археологии России // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.). — Вып. 11. — Новгород, 1997. — С. 64–76.
1852. *Погодин А.Л.* Варяги и Русь // Записки Русского научного института в Белграде. — Вып. 7. — Белград, 1932. — С. 93–135.
1853. *Погодин А.Л.* Варяжский период в жизни князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. — Белград, 1938. — С. 19–30.
1854. *Погодин А.Л.* «Внешняя Россия» Константина Багрянородного // Сборник лингвистических и филологических расправа. — Београд, 1937. — С. 77–85.
1855. *Погодин А.Л.* Вопрос о происхождении имени Руси // Сборникъ въ честь на Василь Н. Златарски. — София, 1925. — С. 269–275.
1856. *Погодин А.Л.* Опыт языческой реставрации при Владимире // Труды русских учёных за границей. — Т. 2. — Берлин, 1923. — С. 149–157.
1857. *Погодин А.Л.* Три заметки о начале Русского государства // Slavia. Ročník XI. Sešit 1. — Praha, 1932. — С. 118–140.
1858. *Погодин М.П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. — М.: тип. Ф.Б. Миллера, 1874. — 4, XXVI, 393 с.
1859. *Погодин М.П.* Г. Геденон и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавизация и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 175–241.
1860. *Погодин М.П.* Древняя русская история до монгольского ига. — Т. I. — М.: Академический проект; Парадигма, 2020. — 535 с.

1861. *Погодин М.П.* Древняя русская история до монгольского ига. — Т. II. — М.: Академический проект; Парадигма, 2020. — 582 с.
1862. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. — Т. 1. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1846. — XXXII, 494 с.
1863. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. — Т. 2. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1846. — X, 426 с.
1864. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период. — Т. 3. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1846. — XV, 546, 2 с.
1865. *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. — Кн. 1. — М.: тип. А. Семена, 1846. — 4, II, 2, 447 с.
1866. *Погодин М.П.* История русского народа. *Сочинение Н. Полевого.* Т. I. М., 1829 // МВ. — Ч. I. — № 2. — М., 1830. — С. 165–190.
1867. *Погодин М.П.* Моё представление историографу (Отрывок из записок) // Русский архив. — 1866. — № 11–12. — Стб. 1766–1770.
1868. *Погодин М.П.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. — М., 1839. — 229 с.
1869. *Погодин М.П.* Новгородские летописи // Известия второго отделения Академии наук. Т. VI. — СПб., 1858.
1870. *Погодин М.П.* Новое мнение г. Иловайского // Беседа. — Кн. IV. — Отд. II. — М., 1872. — С. 99–117.
1871. *Погодин М.П.* Норманский период русской истории. — М.: тип. В. Готье, 1859. — 2, IV, 215 с.
1872. *Погодин М.П.* О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. Речь г. Надеждина, помещённая в книге под заглавием: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей, 4 февраля 1840. Одесса, 1840 // Москвитянин. — Ч. I. — № 2. — М., 1841. — С. 549–557.
1873. *Погодин М.П.* О достоверности древней русской истории // Библиотека для чтения. — Т. VI. — Отд. III. — СПб., 1834.
1874. *Погодин М.П.* О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор оного. — М., 1826–8, II, 111 с.
1875. *Погодин М.П.* О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. — М.: Унив. тип., 1825. — 176 с.
1876. *Погодин М.П.* О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета, касательно происхождения Руси // Русская беседа. — 1860. — № I.
1877. *Погодин М.П.* О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачёва, Лопова, Кавелина и Соловьёва по части русской истории // Москвитянин. — Ч. 1. — М., 1847. — С. 155–172.
1878. *Погодин М.П.* Ответ [М.А. Максимовичу] // Москвитянин. — Ч. III. — № 5. — М., 1841. — С. 211–216.
1879. *Погодин М.П.* Откуда идёт Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. Киев, 1837 // Москвитянин. — Ч. II. — № 3. — М., 1841. — С. 219–234.
1880. *Погодин М.П.* Сочинения. — Т. 4. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. — М.: В.М. Фриш, 1874. — 380 с.
1881. *Подвыгина Н.Л.* К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ. — Серия 9. История. — М., 1966. — С. 67–75.
1882. *Покровский В.С.* История русской политической мысли (конспекты лекций). — Вып. 1. — М.: Госюриздат, 1951. — 130 с.
1883. *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература. — Изд. 2-е. — Л.: Прибой, 1933. — 124, 4 с.
1884. *Покровский М.Н.* Очерк истории русской культуры. — Ч. 1. — М.: Мир, 1915. — 283 с.
1885. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. — Ч. 1–2. — Изд. 10-е. — М.: Госиздат, 1931. — X, 543 с.

1886. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён. — Т. 1. — М.: Мир, 1910 (написана при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева). — 327 с.
1887. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времён. — Т. 1. — Изд. 3-е. — М.: Мир, 1920. — 358 С. (написана при участии Н.М. Никольского).
1888. *Покровский С.А.* О начале русского государства // ВДИ. — М., Л., 1946. — № 4. — С. 101–109.
1889. *Полевой Н.А.* История русского народа. — Т. 1. — М.: Вече, 1997. — 640 с.
1890. *Полевой Н.А.* История русского народа. — Т. 2. — М.: Вече, 1997. — 592 с.
1891. *Полевой Н.А.* О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочинённую Н.М. Карамзиным // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — Т. II–III. — М.: Наука, 1991. — С. 729–735.
1892. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. — Т. IX. 1733–1736. — СПб.: тип. 2-го Отд-я собств. е.и.в. Канцелярии, 1830. — 1026 с.
1893. ПСРЛ. — Т. I. — СПб., 1846. — XX, 271 с.
1894. ПСРЛ. — Т. II. — СПб., 1843. — 381, IX с.
1895. ПСРЛ. — Т. II. — СПб., 1908. — 638 с.
1896. ПСРЛ. — Т. III. — СПб., 1841. — 309, IX с.
1897. ПСРЛ. — Т. IV. — Ч. 1. — Вып. 1. — Пг., 1915. — 332 с.
1898. ПСРЛ. — Т. V. — СПб., 1851. — VI, 279 с.
1899. ПСРЛ. — Т. VI. — СПб., 1853. — 362 с.
1900. ПСРЛ. — Т. VII. — СПб., 1856. — X, 347 с.
1901. ПСРЛ. — Т. IX. — СПб., 1862. — XXIII, 256 с.
1902. ПСРЛ. — Т. XVIII. — СПб., 1913. — III, 316 с.
1903. ПСРЛ. — Т. XXI. — Пол. 1. — СПб., 1908. — VII, 342 с.
1904. ПСРЛ. — Т. XXII. — Ч. 1. — СПб., 1911. — VII, 568, II с.
1905. ПСРЛ. — Т. 1. — М.: Восточная литература, 1962. — VIII, 578 с.
1906. ПСРЛ. — Т. 2. — М.: Восточная литература, 1962. — VI, 938, 87 с.
1907. ПСРЛ. — Т. 9. — М.: Наука, 1965. — XXIII, 256 с.
1908. ПСРЛ. — Т. 11. — М.: Наука, 1965. — VII, 254 с.
1909. ПСРЛ. — Т. 12. — М.: Наука, 1965. — VI, 266 с.
1910. ПСРЛ. — Т. 14. — Кн. 1. — М.: Наука, 1965. — 5, 154, 285 с.
1911. ПСРЛ. — Т. 15. — Вып. 1. — М.: Наука, 1965. — VIII, 186 стб.
1912. ПСРЛ. — Т. 15. — М.: Наука, 1965. — VII с., 504 стб.
1913. ПСРЛ. — Т. 25. — М., Л.: АН СССР, 1949. — 464 с.
1914. ПСРЛ. — Т. 27. — М., Л.: АН СССР, 1962. — 418 с.
1915. ПСРЛ. — Т. 28. — М., Л.: АН СССР, 1963. — 411 с.
1916. ПСРЛ. — Т. 29. — М.: Наука. 1965. — 390 с.
1917. ПСРЛ. — Т. 30. — М.: Наука. 1965. — 240 с.
1918. ПСРЛ. — Т. 33. — Л.: Наука. 1977. — 249 с.
1919. ПСРЛ. — Т. 34. — М.: Наука. 1978. — 304 с.
1920. ПСРЛ. — Т. I. — М.: Языки русской культуры, 1997. — VIII, 733 с.
1921. *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — Вып. 10 / К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. — М.: Наука, 2001. — С. 79–107.
1922. *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII. Исследования, тексты, переводы. — СПб.: Наука, 1992. — 215, [1] с.
1923. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. — М.: Наука, 1973. — 170 с.
1924. *Попов А.И.* Следы времён минувших. — Л.: Наука, 1981. — 206 с.
1925. *Попов А.Н.* Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян. (XI–XV в.). — М.: тип. Т. Рис, 1875. — 418, VIII с.
1926. *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. — Вып. 2. — М.: тип. Лазаревск. ин-та, 1869. — 4, 287 с.
1927. *Попов А.Н.* Шлёцер. Рассуждение о русской историографии. — М., 1847. — 87 с.

1928. *Поппэ А.В.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. — М.: Политиздат, 1988. — С. 240–286.
1929. *Поппэ А.В.* Русские метрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. — 1968. — Т. XXVIII. — С. 85–108.
1930. Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье. Перевод и комм. Я.С. Лурье. — М., Л.: АН СССР, 1951. — 716 С.
1931. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. — М.: МГУ, 1983. — 270 с.
1932. *Потебня А.А.* Этимологические заметки. Начальные сочетания лы-, ры-, лу-, ру- = основным +ал, +ар // Русский филологический вестник. — Т. I. — Варшава, 1879. — С. 75–91.
1933. *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. — Л.: Советский художник, 1968. — 240 с.
1934. *Потин В.М.* Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным // Вестник истории мировой культуры. — Л., 1961. — № 4. — С. 67–79.
1935. *Потин В.М.* Русско-скандинавские связи IX–XII вв. по нумизматическим данным // Тезисы докладов Четвёртой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — Петрозаводск, 1968. — С. 179–180.
1936. *Потин В.М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (X–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. — Л.: Наука, 1970. — С. 64–80.
1937. *Похлёбкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. — Вып. 2. Войны и мирные договоры. — Кн. I: Европа и Америка. Справочник. — М.: Международные отношения, 1995. — 781 с.
1938. *Похлёбкин В.В.* Состояние исторической науки в Дании // ВИ. — 1965. № 2. — С. 173–181.
1939. *Похлёбкин В.В., Вилинбахов В.Б.* Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена // Kuml. — 1960. — Aarhus, 1960. — S. 132–137.
1940. Правда Русская. Комментарии. — Т. II. — М., Л.: АН СССР, 1947. — 864 с.
1941. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. — Т. 2. — М.: ГИС, 1959. — 719–1284 с.
1942. *Пресняков А.Е.* Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории // Памяти Вильгельма Томсена. К годовщине со дня смерти. — М.: АН СССР, 1928. — С. 35–50.
1943. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь // Его же. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М.: Наука, 1993. — 635 с.
1944. Приложения // *Фомин В.В.* Начальная история Руси. — М.: Русская панорама, 2008. — С. 231–294.
1945. *Примечания Ф.Л. Морошкина // Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. — М.: Унив. тип., 1836. — С. 335–411.
1946. *Примечания В.Н. Татищева // Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии.* — Ч. 1. — М., Л.: ИИ СССР, 1985. — С. 241–270.
1947. *Присёлков М.Д.* История рукописи Лаврентьевской летописи и её изданий // Учёные записки ЛГПИ. — Т. 19. — Л., 1939. — С. 175–197.
1948. *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XVI вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 325 с.
1949. *Присёлков М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки ЛГУ. — Серия исторических наук. — Вып. 8. — Л., 1940. — С. 215–246.
1950. *Присёлков М.Д.* Лаврентьевская летопись (история текста) // Учёные записки ЛГУ. — Серия исторических наук. — Вып. 2. — Л., 1939. — С. 76–142.
1951. *Присёлков М.Д.* Нестор летописец. Опыт историко-литературной характеристики. — Пг.: Брокгауз — Ефрон, 1923. — 112, 3 с.

1952. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — XVI, 414 с.
1953. *Присёлков М.Д.* [Рец.] *Пархоменко Вл.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913 г. 191+IV стр. Цена 1 р. 50 к. // ИОРЯС. — 1914. — Т. XIX. — Кн. 1. — СПб., 1914. — С. 358–369.
1954. *Прицак О.И.* Происхождение названия RŪS / RUS' // ВЯ. — 1991. — № 6. — С. 115–131.
1955. *Прокофьев Н.И.* Русские хождения XII–XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. — М., 1970. — С. 3–264.
1956. Против объективизма в исторической науке // ВИ. — 1948. — № 12. — С. 3–12.
1957. Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. — Т. II (1744–1770). — СПб., 1899. — 886 с.
1958. ПЛ. — Вып. 1. — М., Л.: АН СССР, 1941. — LXIV, 148 с.
1959. ПЛ. — Вып. 2. — М.: АН СССР, 1955. — 364 с.
1960. Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. — [Б.м.] и [б.г.]. — 36 с.
1961. *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. — Ижевск: УдГУ, 2007. — 624 с.
1962. *Пузанов В.В.* Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. — Ижевск: УдГУ, 2012. — 152 с.
1963. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1874. — 216, XXVIII с.
1964. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий под ред. И.Ю. Крачковского. — М., Л.: АН СССР, 1939. — 194 с.
1965. *Пушкарёв Л.Н.* Академия наук и русская культура XVIII века // ВИ. — 1974. — № 5. — С. 28–38.
1966. *Пушкарёв Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. — М.: Наука, 1984. — 212 с.
1967. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10 т. — Т. 2. — М.: Художественная литература, 1974. — 688 с.
1968. *Пушкин А.С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Его же. Собр. соч. В 10 т. — Т. 6. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 11–15.
1969. *Пушкина Т.А.* Бронзовый идол из Чёрной Могилы // Вестник МГУ. — Серия 8. История. — 1984. — № 3. — С. 86–87.
1970. *Пушкина Т.А.* Височные кольца // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 122–124.
1971. *Пушкина Т.А.* Гнёздово: итоги и задачи исследования // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 124. — М.: ГИМ, 2001. — С. 4–11.
1972. *Пушкина Т.А.* Гнёздово — на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек... — М.: ГИМ, 1996. — С. 20–27.
1973. *Пушкина Т.А.* Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1974. — 19 с.
1974. *Пушкина Т.А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник МГУ. — 1972. — № 1. — С. 92–94.
1975. *Пушкина Т.А.* Скандинавские древности на Руси // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. 2011. — Т. II. — М., СПб., Великий Новгород, 2011. — С. 89–90.
1976. *Пушкина Т.А.* Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. — СПб.: Соло, 2012. — С. 206–209.
1977. *Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н.В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 243–273.

1978. *Пушкина Т.А., Петрухин В.Я.* История бородатого божка // Живая старина. — 1995. — № 3 (7). — 1995. — С. 49.
1979. *Пчелов Е.В.* Был ли древнерусский Рюрик Рориком ютландским? // ВИ. — 2012. — № 10. — С. 97–109.
1980. *Пчелов Е.В.* Генеалогия древнерусских князей IX — начала XI в. — М.: РГГУ, 2001. — 262 с.
1981. *Пчелов Е.В.* [Рец.] Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / ИВИ РАН / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 992 С. // РИ. — 2016. — № 1. — С. 169–171.
1982. *Пчелов Е.В.* История России с древнейших времён до конца XVI века. Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. Рекомендовано Министерством образования и науки РФ. — М.: Русское слово — учебник, 2012. — 272 с.
1983. *Пчелов Е.В.* Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей // Летопись Историко-родословного общества в Москве. — Вып. 2 (46). — М., 1994. — С. 27–35.
1984. *Пчелов Е.В.* Новгород при первых Рюриковичах // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 16–18 ноября 1993 г. — Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 1993. — С. 10–14.
1985. *Пчелов Е.В.* Предки Рорика Ютландского // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. — М.: Русский мир, 1999. — С. 367–370.
1986. *Пчелов Е.В.* Рюрик. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 314, 2 с.
1987. *Пчелов Е.В.* Рюрик и начало Руси. — М.: Старая Басманная, 2012. — 60 с.
1988. *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: история династии. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001. — 477, 1 с.
1989. *Пчелов Е.В.* Скандинавские имена в династической традиции Рюриковичей домонгольского периода // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции / Отв. ред. А.В. Чернецов. — М.: РГГУ, 1999. — С. 130–133.
1990. *Пчелов Е.В., Лукин П.В.* История России с древнейших времён до начала XVI века. Учебник для 6 класса общеобразовательных организаций. Рекомендовано Министерством образования и науки РФ. — Изд. 2-е. — М.: Русское слово — учебник, 2016. — 240 с.
1991. *Пыпин А.Н.* История русской литературы. — Т. III. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. — X, 535 с.
1992. *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. — Т. I. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. — 424 с.
1993. *Пыпин А.Н.* Ломоносов и его современники // ВЕ. — 1895. — № 4. — С. 689–732.
1994. *Пыпин А.Н.* Новые опыты построения русской истории // ВЕ. — Т. IV. — Кн. 8. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1876. — С. 434–866.
1995. *Пыпин А.Н.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII-м веке // ВЕ. — 1884. — № 6.
1996. *Пятецкий Л.М.* История России для абитуриентов и старшеклассников. Восточные славяне в древности. Киевская Русь. Период феодальной раздробленности. Россия в XIII–XVII веках. — Изд. 3-е. — М.: Московский лицей, 1996. — 251, 1 с.
1997. *Пятецкий Л.М.* Справочник по истории России с древнейших времён до наших дней. — М.: Московский лицей, 1995. — 276 с.
1998. *Рабинович Я.Н.* Малые города Северо-Запада России в Смутное время. Автореф. дис. ... канд. наук. — Саратов, 2010. — 28 с.
1999. *Рабинович Я.Н.* Порховское восстание 1613 года // Чело. — 2008. — № 1. — С. 12–15.
2000. *Равдоникас В.И.* Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938–1950 гг. // КСИИМК. — Вып. XLI. — М., 1951. — С. 34–36.
2001. *Равдоникас В.И.* Надписи и знаки на мечах из Днепростроя // Из истории докапиталистических формаций / Сб. статей к сорокопятилетию научной деятельности Н.Я. Марра. — М., Л.: ОГИЗ, 1933. — С. 598–616.
2002. *Равдоникас В.И.* О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Основные проблемы генезиса и развития фео-

- дального общества. Пленум ГАИМК 20–22 июня 1933 г. — М., Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. — С. 102–129.
2003. *Равдоникас В.И.* Старая Ладога // КСИМК. — Т. 11. — 1946. — С. 30–41.
2004. *Равдоникас В.И.* Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. II // СА. — XI. — М., Л., 1949. — С. 5–54; ч. II // СА. — XII. — М., Л., 1950. — С. 7–40.
2005. *Равдоникас В.И., Лаушкин К.Д.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 году // СС. — Вып. IV. — Таллин: Эстгосиздат, 1959. — С. 23–44.
2006. *Радомский Я.Л.* Причерноморские русы как военные противники глазами византийских и арабских историков // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / Гл. ред. и сост. Е.С. Сеньявская. — М.: РОССПЭН, 2005. — С. 223–237.
2007. *Радомский Я.Л.* Этнический состав Причерноморской Руси. Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 2004. — 16 с.
2008. *Радомский Я.Л.* Этнический состав Причерноморской Руси // Судьба России в современной историографии / Сб. научных статей памяти д.и.н., профессора А.Г. Кузьмина. — М.: Прометей, 2006. — 129–137.
2009. *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. — М., Л.: АН СССР, 1959. — 283 с.
2010. *Рапов О.М.* Знак Рюриковичей и символ сокола // СА. — 1968. — № 3. — С. 62–69.
2011. *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Русская панорама, 1998. — 416 с.
2012. *Раппорт П.А.* Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 105–155.
2013. *Раппорт П.А.* Зодчество Древней Руси. — Л.: Наука, 1986. — 81 с.
2014. *Раппорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. — М., Л.: АН СССР, 1956. — 184 с.
2015. *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. — Вып. Е 1–47. — Л.: Наука, 1982. — 136 с.
2016. *Раппорт П.А.* Церковь скандинавского типа в древнем Смоленске // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — М., 1971. — С. 24–25.
2017. *Расмуссен К.* Новгород и Скандинавия // НИС. — Вып. 7 (17). — СПб., 1999. — С. 303–317.
2018. *Рашковский Б.Е.* Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы в исследованиях 1940–1990-х годов // Славяноведение. — 2009. — № 2. — С. 3–15.
2019. *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. — М.: Унив. тип., 1836. — 414, XXI с.
2020. *Реляция Петра Петрея о России начала XVII в.* / Сост. Ю.А. Лимонов. — М.: ЛОИИ АН СССР, 1976. — 121 с.
2021. *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. — М.: Наука, 1980. — 336 с.
2022. *Рогинский В.В.* Дания // Монархи Европы. (Судьбы династий). — М.: Терра, 1996. — С. 125–142.
2023. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). — М.: Наука, 1966. — 310 с.
2024. *Рогов А.И., Флоря Б.Н.* Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М.: Наука, 1982. — С. 96–120.
2025. *Рогожин Н.М.* Историография второй четверти и середины XVIII в. Деятельность Академии наук. Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлёцер, М.В. Ломоносов // Историография истории России до 1917 года: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. — М.: Владос, 2003. — С. 117–142.

2026. *Рогожин Н.М.* Историография второй четверти и середины XVIII века. Деятельность Академии наук // Историография истории России: учеб. пособие. — Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под. ред. А.А. Чернобаева. — М.: Юрайт, 2015. — С. 123–137.
2027. *Рогудеев В.В.* Находки ранней западнославянской керамики в Подонье // Археологические записки. — Вып. 5. — Ростов-на-Дону, 2007. — С. 59–64.
2028. *Рожанский И.Л.* Рюриковичи: данные Y-ДНК и возможные корни правящего рода Древней Руси // ИФ. — 2018. — № 3–4. — С. 10–24.
2029. *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). — Т. 7. Старый порядок (господство дворян). — М., 1923. — 273 с.
2030. *Рожницкий С.* Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // ИОРЯС. — Т. XVI. — Кн. 1. — СПб., 1911. — С. 28–76.
2031. *Розенкамф Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. — Изд. 2-е. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1839. — 752 с.
2032. *Розенкамф Г.А.* Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи. — СПб.: тип. К. Крайя, 1827. — 24 с.
2033. *Розенкамф Г.А.* Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов // ТЛОИДР. — Ч. IV. — Кн. 1. — М., 1828. — С. 138–166.
2034. *Рознер И.Г.* Против концепции современного норманизма // ВИ. — 1962. — № 5. — С. 185–186.
2035. *Романов Б.А.* Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1948.
2036. *Романовский С.И.* Наука под гнётом российской истории. — СПб.: СПбГУ, 1999. — 338 с.
2037. *Романчук А.А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // SP. — 2013. — № 5. — С. 283–299.
2038. *Романчук А.А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия) // Вестник Камского института гуманитарных и инженерных технологий. — Серия 6. Отечественная история. Методы исторического исследования. История науки и техники. — 2013. — № 6 (36). — С. 73–131.
2039. *Романчук А.А.* Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии // SP. — 2014. — № 5. — С. 345–354.
2040. *Романчук А.А.* Спор о древненовгородском диалекте: взгляд археолога // Діалекти в синхронії та діакронії: загальнослов'янський контекст. — Київ, 2014. — С. 401–404.
2041. *Роменский А.А.* Империя росов и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. — Харьков: Майдан, 2017. — 340 с.
2042. *Ронин В.К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // Советское славяноведение. — 1982. — № 6. — С. 36–48.
2043. *Ронин В.К.* «О власти» Карла Великого над славянами // Советское славяноведение. — 1984. — № 1. — С. 33–45.
2044. *Ронин В.К.* Славяне к западу от Одера в немецких памятниках XIV–XV вв. // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы. (Сборник тезисов). — М., 1990. — С. 34–38.
2045. *Роспонд С.* Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // ВЯ. — 1965. — № 3. — С. 3–21.
2046. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. — М.: Наука, 1972. — С. 9–89.
2047. *Роспонд С.* Miscellanea onomastica Rossica // Восточная ономастика. — М.: Наука, 1979. — С. 5–47.
2048. *Розсдаль Э.* Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. — СПб.: Всемирное слово, 2001. — 272 с.

2049. Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси. Историко-юридический очерк. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 349, 1 с.
2050. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. — М.: Госполитиздат, 1941. — 659 с.
2051. Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. — Черновцы: Прут, 2002. — 171 с.
2052. Русская летопись по Никоновскому списку. — Ч. I. — СПб.: при имп. Акад. наук, 1767. — [20], 198, 18 с.
2053. РЭ. — Т. 4. — СПб.: Деятель, [1913].
2054. Русский народ: Терминология, исследования, анализ // Сост. Андреев Р.А., Кривошеев В.Д., Круговых И.Э. Жуковский: Кучково поле, М.: Полиграфические ресурсы, 2001.
2055. Руссов С.В. О древностях России. Новые толки и разбор их. — СПб.: печ. при Рос. акад., 1836. — 106 с.
2056. Руссов С.В. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // ОЗ. — Ч. 30. — М., 1827. — С. 463–488; ч. 31. — М., 1827. — С. 104–126, 337–368.
2057. Руссов С.В. Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» на 1835 год в № 37–39 «О мнениях касательно Руси». — СПб.: печ. при Рос. акад., 1836. — 96 с.
2058. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имён. — Изд. 2-е. — М.: Русский язык, 1989. — 221, [1] с.
2059. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. — М.: АН СССР, 1963. — 361 с.
2060. Рыбаков Б.А. Киевская Русь // История СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. — Т. 1. — М.: Наука, 1966. — С. 524–730.
2061. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. — Изд. 2-е. — М.: Наука, 1993. — 592 с.
2062. Рыбаков Б.А. Культура средневекового Новгорода // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Прогресс, 1986. — С. 298–312.
2063. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. — М.: Молодая гвардия, 1984. — 349 с.
2064. Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века // ВИ. — 1962. — № 4. — С. 34–57.
2065. Рыбаков Б.А. Остромирова летопись // ВИ. — 1956. — № 10. — С. 46–59.
2066. Рыбаков Б.А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. — М.: АН СССР, 1958. — С. 733–878.
2067. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. — М.: АН СССР, 1948. — 792 с.
2068. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М.: Наука, 1972. — 520 с.
2069. Рыбаков Б.А. Русь и страна «Андалус» в IX–X веках // Советское славяноведение. — 1958. — № 4. — С. 116–119.
2070. Рыбаков Б.А. Спорные вопросы образования Киевской Руси // ВИ. — 1960. — № 10. — С. 18–26.
2071. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. — 782, 1 с.
2072. Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. — М.: МГУ, 1978. — 167 с.
2073. Рыбина Е.А. Готский двор в Новгороде // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 202–203.
2074. Рыбина Е.А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. Под общей ред. Б.А. Колчина и В.Л. Янина. — М.: Наука, 1978. — С. 197–226.
2075. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. — М.: МГУ, 1986. — 176 с.
2076. Рыбина Е.А. Не лыком шиты // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 138–142.
2077. Рыбина Е.А. Немецкий двор // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 536–537.

2078. Рыбина Е.А. Новгород в системе балтийских связей // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 2. — М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. — С. 326–333.
2079. Рыбина Е.А. О конфликте новгородцев с варягами и немцами в 1188 г. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. 1. — М., 1986.
2080. Рыбина Е.А. О новгородско-датских контактах // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — М., 1993. — С. 75–76.
2081. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. — Великий Новгород: НовГУ, 2001. — 390 с.
2082. Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В. Ещё раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 66–78.
2083. Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // ДГ. 1978 г. — М.: Наука, 1978. — 343 с.
2084. Рыздзевская Е.А. К варяжскому вопросу. (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. VII серия. — № 7. — Л., 1934. — С. 485–532; № 8. — Л., 1934. — С. 609–630.
2085. Рыздзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне // ТОДРЛ. — Т. II. — М., Л., 1935. — С. 5–20.
2086. Рыздзевская Е.А. Несколько замечаний по поводу статьи А.А. Брима «Колбяги» // Доклады АН СССР. Сер. В. — 1930. — № 8. — С. 137–142.
2087. Рыздзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. — Вып. 11. — М., Л., 1945. — С. 51–65.
2088. Рябинин Е.А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным) // Культура средневековой Руси. — Л.: Наука, 1974. — С. 56–61.
2089. Рябинин Е.А. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. Памяти О.И. Давидан. — СПб.: ГЭ, 2002. — С. 15–29.
2090. Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л.: Наука, 1985. — С. 27–75.
2091. Рябинин Е.А. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // СС. — Вып. XXV. — Таллин: Ээсти раамат, 1980. — С. 161–177.
2092. Рябинин Е.А. У истоков Северной Руси. Новые открытия // У истоков Северной Руси. Новые открытия. — СПб.: БЛИЦ, 2003. — С. 7–19.
2093. Рябинин Е.А. Этнокультурная ситуация на Северо-Западе РСФСР в эпоху Средневековья (проблема археологического изучения) // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. — Рига, 1990. — С. 183–215.
2094. Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. — СПб., 2002. — С. 196–203.
2095. Сабинин С.К. Волос, языческое божество славяно-русов, сравнённое с Одином скандинавов // ЖМНП. — Ч. XL. — СПб., 1843. — С. 17–52.
2096. Сабинин С.К. О происхождении наименований боярин и болярин // ЖМНП. — Ч. XVI. — СПб., 1837. — С. 42–85.
2097. Савельев А. Год исторического просвещения // История. Научно-исторический журнал для учителей истории и обществознания. — 2011. — № 14. — С. 3.

2098. *Савельев П.С.* Известие арабского писателя Ахмед-эль-Катеба о взятии русскими города Севиллы в 844 году, служащее новым доводом в пользу скандинавского происхождения руссов. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1838. — 8 с.
2099. *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. — СПб.: тип. военн.-учеб. заведений, 1847. — ССXXXII, 180 с.
2100. *Савельева Е.А.* Издание русских летописей в «Sammlung Russischer Geschichte» // Немцы в России: Петербургские немцы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — С. 505–510.
2101. *Савельева Е.А., Беспятых Ю.Н., Возгрин В.Е.* Комментарии // Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. — Ч. 1. — М., Л.: ИИ СССР, 1985. — С. 271–344.
2102. *Савельев-Ростиславич Н.В.* Варяжская русь по Нестору и чужеземным писателям. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1845. — 64 с.
2103. *Савельев-Ростиславич Н.В.* Предисловие // *Морошкин Ф.Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах. — СПб.: тип. К. Вингебера, 1842. — С. 3–17.
2104. *Савчук В.С.* Историки ГДР о месте полабско-прибалтийских славян в международных отношениях VIII–XII вв. // Вопросы истории славян. — Вып. 6. — Воронеж: ВГУ, 1980. — С. 50–59.
2105. *Савчук В.С.* Некоторые вопросы экономического развития полабских славян в работах историков ГДР // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. — М.: Наука, 1973. — С. 25–43.
2106. Сага гутов // Живая старина. — Вып. I. — СПб., 1892. — С. 41–48.
2107. *Сагайдак М.А.* (при участии В.В. Мурашёвой и В.Я. Петрухина). К истории градообразования на территории Древней Руси VI — первая половина XI века // История русского искусства. — Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века / Отв. ред. А.И. Комеч. — М.: Северный паломник, 2007. — С. 81–108.
2108. *Сазонов Н.* Об исторических трудах и заслугах Миллера // Учёные записки имп. Московского ун-та. — М., 1835. — № 1. — С. 130–151; № 2. — С. 306–327.
2109. *Саксон Анналист.* Хроника. 741–1139 / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. — М.: Русская панорама, 2012. — 711 с.
2110. *Саксон Грамматик.* Деяния данов. В 2-х Т. (16 книгах). — Т. 1 / Перевод с лат. яз. и комм. А.С. Досаева, под ред. И.А. Настенко. — М.: Русская панорама, 2017. — 608 с.
2111. *Саксон Грамматик.* Деяния данов. В 2-х Т. (16 книгах). — Т. 2 / Перевод с лат. яз. и комм. А.С. Досаева, под ред. И.А. Настенко. — М.: Русская панорама, 2017. — 616 с.
2112. *Саливон А.Н.* Вильцы-лютичи // Советское славяноведение. — 1983. — № 2. — С. 49–58.
2113. *Саливон А.Н.* К вопросу об образовании народности ободритов // Советское славяноведение. — 1976. — № 3. — С. 42–55.
2114. *Самарин А.Ю.* Неизвестный Ломоносов: «Древняя Российская история» 1758 г. // Новое о Ломоносове: Материалы и исследования. К 300-летию со дня рождения / Состав., отв. ред. С.С. Илизаров. — М.: ИИЕТ, 2011. — С. 48–56.
2115. *Самаркин В.В.* Историческая география Западной Европы в средние века. — М.: Высшая школа, 1976. — 248 с.
2116. *Самонова М.Н.* Скандинавский фактор в образовании Полоцкого и Туровского княжеств // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор геополитики. XXVII Чтения им. чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. — М., 2015. — С. 228–233.
2117. *Самонова М.Н.* Скандинавы на белорусских землях в IX–X вв.: к постановке проблемы // Studia Historika Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. — Вып. 3. — Минск: Ривш, 2010. — С. 16–29.
2118. *Санкина С.Л.* Антропология средневекового населения Русского Севера (X–XIV вв.) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез / К 75-летию И.И. Гохмана. — СПб.: МАЭ РАН, 2004. — С. 83–107.

2119. Санкина С.Л. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманской проблемы в антропологии) // Археологические вести. — Вып. 5. — СПб., 1998. — С. 233–239.
2120. Санкина С.Л. Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 1 (33). — С. 142–156.
2121. Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 110 с.
2122. Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладоги // Антропология сегодня. — Вып. 1. — СПб.: МАЭ РАН, 1995. — С. 90–107.
2123. Сафронов О.С. Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин). Автореф. дис. ... докт. наук. — Тамбов, 2015. — 44 с.
2124. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. — М.: Высшая школа, 1978. — 256 с.
2125. Сахаров А.М. Ломоносов-историк в оценке русской историографии // Вестник МГУ. — Серия IX. История. — № 5. — М., 1961. — С. 3–18.
2126. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. — М.: Мысль, 1980. — 358 с.
2127. Сахаров А.Н. Забелин Иван Егорович (1820–1908) // Историки России. Биографии / Составит., отв. ред. А.А. Чернобаев. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 119–206.
2128. Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антиномизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 9–17.
2129. Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Мир истории. — 2002. — № 4/5. — С. 63–69.
2130. Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 555–565.
2131. Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси // Начала русского мира / Труды Первой Международной конференции. 28–30 октября 2010 г. — СПб.: Блиц, 2011. — С. 7–17.
2132. Сахаров А.Н. 860 год в истории России // ВИ. — 2012. — № 7. — С. 99–109.
2133. Сахаров А.Н., Рогожин Н.М. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб., 2003. — С. 188–203.
2134. Сб. РИО. — Т. 42. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1885. — 497 с.
2135. Сб. РИО. — Т. 129. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1910. — 578 с.
2136. Свак Д. Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. — СПб.: Алетейя, 2010. — 175 с.
2137. Сванидзе А.А. К исследованию демографии шведского города XIV–XV вв. // СВ. — Вып. 31. — М., 1968. — С. 199–218.
2138. Сванидзе А.А. Первые письменные свидетельства о шведах и возникновении Швеции // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. — М.: РГГУ, 1999. — С. 5–8.
2139. Сванидзе Д.В. Значение скандинавских источников для реконструкции истории взаимоотношений Скандинавии и Древней Руси // Россия в IX–X веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. — М.: Русский мир, 1999. — С. 410–412.
2140. Свердлов М.Б. Дания и Русь // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. — Л.: Наука, 1970. — С. 81–88.
2141. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. — СПб.: Академический проект, 2003. — 734, [1] с.

2142. *Свердлов М.Б.* Дополнения // Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Изд. 2-е, испр. и доп. Подгот. М.Б. Свердлов. — СПб.: Наука, 1996. — С. 584–665.
2143. *Свердлов М.Б.* Известие о Руси в Пегауских анналах // Вестник ЛГУ. — № 14. История. Язык. Литература. — Вып. 3. — Л., 1967. — С. 153–155.
2144. *Свердлов М.Б.* К истории текста Краткой редакции Русской Правды // ВИД. — Т. X. — Л.: Наука, 1978. — С. 135–159.
2145. *Свердлов М.Б.* Князь // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 402.
2146. *Свердлов М.Б.* Ладога IX–XII вв. в общерусском контексте // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб., 2003. — С. 173–187.
2147. *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 916 с.
2148. *Свердлов М.Б.* Норманская теория // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Л. Янин. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 361–363.
2149. *Свердлов М.Б.* Русское государство X в. в основных научных дефинициях // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 426–440.
2150. *Свердлов М.Б.* Русско-датские связи в XI в. // Тезисы докладов Четвёртой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — Петрозаводск, 1968. — С. 181–182.
2151. *Свердлов М.Б.* Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX–XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. — Л., 1973. — С. 39–58.
2152. *Свердлов М.Б.* Скандинавы на Руси в XI в. // СС. — Вып. XIX. — Таллин: Ээсти раамат, 1974. — С. 55–68.
2153. *Свердлов М.Б.* Становление феодализма в славянских странах. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 321 с.
2154. *Свердлов М.Б.* RÖRIK (HRÖRIK) Í GQRÐUM // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994. Тезисы докладов. — М., 1994. — С. 36–40.
2155. *Свистун Ф.И.* Спор о варягах и начале Руси. Историко-критическое исследование. — Львов: тип. Ставропигийского ин-та, 1887. — 342 с.
2156. Свод древнейших письменных известий о славянах. — Т. I. — М.: Восточная литература, 1994. — 470 с.
2157. *Святой Ф.* Историко-критические исследования о варяжской Руси // Маяк. — Т. 19. — СПб., 1845. — С. 1–36, 64–89.
2158. *Святой Ф.* Что значит в Нестеровой летописи выражение: «поидоша из немец?» или несколько слов о варяжской Руси. — Reval, 1842. — 23 с.
2159. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. — Арзамас: АГПИ, 1993. — 383 с.
2160. Северная пчела. 1833 (30 декабря). — № 300. — С. 1188.
2161. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. — М.: Наука, 1982. — 327 с.
2162. *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 316 с.
2163. *Седов В.В.* Жилища славян в начале средневековья // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1989. — С. 81–83.

2164. *Седов В.В.* Жилища словенско-кривичского региона VIII–X вв. // КСИА. — Вып. 183. — М., 1986. — С. 10–15.
2165. *Седов В.В.* Изборск // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 323–324.
2166. *Седов В.В.* Изборск — протогород. — М.: ИА РАН, 2002. — 95, 1 с.
2167. *Седов В.В.* Изделия древнерусской культуры в Скандинавии // Славяно-русские древности. Древняя Русь: новые исследования. — Вып. 2. — СПб.: СПбУ, 1995. — С. 53–65.
2168. *Седов В.В.* К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М.: Наука, 1977. — С. 148–156.
2169. *Седов В.В.* Конфедерация северно-русских племён в середине IX в. // ДГВЕ. 1998 г. — М.: Восточная литература, 2000. — С. 240–249.
2170. *Седов В.В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. — Вып. 155. — М., 1978. — С. 63–67.
2171. *Седов В.В.* Международные контакты Изборска в IX — начале X в. // Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 355–361.
2172. *Седов В.В.* О русах и Русском каганате IX в. (В связи со статей К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») // Славяноведение. — 2003. — № 2. — С. 3–14.
2173. *Седов В.В.* Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и руси. — М.: Наука, 1988. — С. 63–67.
2174. *Седов В.В.* Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. — М.: Научный мир, 1999. — С. 153–159.
2175. *Седов В.В.* Первые города Северной Руси: проблемы становления // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 23–34.
2176. *Седов В.В.* Первый международный симпозиум по славянскому язычеству // КСИА. — Вып. 164. — М., 1981. — С. 122–125.
2177. *Седов В.В.* Первый этап славянского расселения в бассейнах озёр Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения руководителя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского, 28 сентября — 2 октября 1992. — Новгород, 1994. — С. 127–137.
2178. *Седов В.В.* Племена восточных славян, балты и эсты // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Прогресс, 1986. — С. 175–188.
2179. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. — М.: Наука, 1979. — 156 с.
2180. *Седов В.В.* Arnis Radins 10.-13. Gadsimta senkapi latgalu apdzivotaja teritorija un Austrumlatijas etniskas socialas un politiskas vestures jautajumi. Riga, 1999 // PA. — 2001. — № 3. — С. 150–153.
2181. *Седов В.В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. — Вып. 144. — М., 1975. — С. 67–74.
2182. *Седов В.В.* Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — М., 1993. — С. 104–106.
2183. *Седов В.В.* Русский каганат IX века // ОИ. — 1998. — № 4. — С. 3–15.
2184. *Седов В.В.* Русский каганат IX столетия // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции / Отв. ред. А.В. Чернецов. — М.: РГГУ, 1999. — С. 64–72.
2185. *Седов В.В.* Русы в VIII — первой половине IX века // КСИА. — Вып. 213. — М., 2002. — С. 26–37.
2186. *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 622 с.

2187. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — М.: Наука, 1970. — 200 с.
2188. *Седов В.В.* Славяне в древности. — М.: НПО «Фонд археологии», 1994. — 343 с.
2189. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. — М.: НПО «Фонд археологии», 1995. — 416 с.
2190. *Седов В.В.* Славянские находки в Фенноскандинавии // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. I. — Петрозаводск, 1979. — С. 166–168.
2191. *Седов В.В.* Становление Изборска // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 43–45.
2192. *Седов В.В.* Топоним Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1990. — С. 24–26.
2193. *Седов П.В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. — Вып. 4 (14). — Новгород, 1993. — С. 116–127.
2194. *Седов П.В. Шваль И.* // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Л. Янин. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 536.
2195. *Седова М.В.* Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. I. — Петрозаводск, 1979. — С. 179–181.
2196. *Седых В.Н.* Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. — СПб.: СПбГУ, 2001. — С. 419–435.
2197. *Седых В.Н.* Русь эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни / VII чтения памяти А. Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей. — СПб.: Нестор-История, 2003. — С. 68–72.
2198. *Седых В.Н.* Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 84–96.
2199. *Селин А.А.* История расселения на территории Верхней Руси // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. — СПб.: СПбГУ, 2001. — С. 72–85.
2200. *Селин А.А.* Куда был призван Рюрик // Родина. — 2012. — № 9. — С. 74.
2201. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. — СПб.: Блиц, 2008. — 752 с.
2202. *Селин А.А.* Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. — Вып. 12. — СПб., 2006. — С. 34–37.
2203. *Селин А.А.* [Рец.] Я.Н. Рабинович. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород: НовГУ, 2013. 433 с. // РИ. — 2016. — № 4. — С. 178–180.
2204. *Селин А.А.* Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — СПб., 2012. — № 1 (11). — С. 117–126.
2205. *Семёнов В.Ф.* История средних веков. — М.: Просвещение, 1975. — 590 с.
2206. *Семёнов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. — Харьков: ХГУ, 1947. — 192 с.
2207. *Сендерович С.Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. — Т. I (Древняя Русь). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 461–499.
2208. *Сениченкова Т.Б.* Об источниковедческих возможностях раннесредневековой керамики Ладоги // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. — СПб.: Соло, 2012. — С. 234–242.
2209. *Сениченкова Т.Б.* О раннегончарной керамике из Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. — СПб.: ГЭ, 2002. — С. 38–49.

2210. *Сенковский О.И.* О происхождении имени руссов // Его же. Собрание сочинений. — Т. VI. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1859. — С. 149–168.
2211. *Сенковский О.И.* Скандинавские саги // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности и мод. — Т. I. — Отд. II. — СПб., 1834. — С. 1–77.
2212. *Сенковский О.И.* Эймундова сага // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности и мод. — Т. II. — Отд. III. — СПб., 1834. — С. 1–71.
2213. *Серебрянский И.* Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты) // ЧОИДР. — Кн. III. — М., 1915. — X, 295, 186 с.
2214. *Сидоренко О.В.* Историография IX — нач. XX вв. отечественной истории (Учебное пособие). — Владивосток: ДГУ, 2004. — 299 с.
2215. *Сидоренко Т.Е.* С.А. Плетнёва и проблемы археологии Хазарского каганата в отечественной науке второй половины XX века (салтово-маяцкая культура). Автореф. дис. ... канд. наук. — Воронеж, 2016. — 24 с.
2216. *Симпсон Ж.* Викинги. Быт, религия, культура. — М.: Центрполиграф, 2005. — 239 с.
2217. Синопис. — Изд. 5-е. — СПб., 1762. — 224 С.
2218. *Сиповский В.Д.* Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах (с IX по XIV ст.). — Изд. 7-е. — СПб., 1904.
2219. Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею. — Т. I. Московские летописи Конрада Бусова и Петра Петрея. — СПб., 1851. — XI, 382 с.
2220. Сказание о Борисе и Глебе // ПЛДР. XI — начало XII века. — М.: Художественная литература, 1978. — С. 278–303.
2221. *Скрипкин И.Н.* Происхождение и значение термина «Русь» в отечественных и зарубежных источниках и историографии. — Липецк, Тамбов, 2010. — 367 с.
2222. *Скромненко С.* [Строев С.М.]. Критический взгляд на статью под заглавием: Скандинавские саги, помещённую в первом томе Библиотеки для чтения. — М., 1834. — 74 с.
2223. *Скромненко С.* [Строев С.М.]. О недостоверности древней русской истории и ложном мнении касательно древности русских летописей // Маяк. — Т. 46. — № 49. — СПб., 1834. — С. 388–421; № 50. — С. 455–488.
2224. *Скромненко С.* [Строев С.М.]. О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей // Маяк. — Т. 48. — № 11. — СПб., 1835. — С. 181–207.
2225. *Скрынников Р.Г.* Войны Древней Руси // ВИ. — 1995. — № 11–12. — С. 24–38.
2226. *Скрынников Р.Г.* Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // ВИ. — 1997. — № 8. — С. 3–13.
2227. *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX–XVII вв. — М.: Весь мир, 1997. — 496 с.
2228. *Скрынников Р.Г.* Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 462 с.
2229. *Скрынников Р.Г.* Русь IX–XVII века. — СПб.: Изд. дом «Питер», 1999. — 352 с.
2230. *Славнитский М.* Канонизация св. Владимира и службы ему по спискам XIII–XVIII вв., с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. Духовный журнал. — 1888. — Т. 2. Июнь-июль. — С. 197–297.
2231. Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рождённые трёхвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. — М.: Флинта: Наука, 1998. — 488 с.
2232. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. — М.: Наука, 1979. — 429 с.
2233. Славянская энциклопедия. Киевская Русь-Московия. — Т. 2. Н-Я / Авт.-сост. В.В. Богуславский. — М.: Олма-пресс, 2001. — 823 с.
2234. *Славянский М.И.* Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. — СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — 75 с.
2235. Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. — СПб.: тип. К. Вингибера, 1845. — CCXXXIX, 305 с.

2236. *Слаский К.* Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI–XI веках // СС. — Вып. VI. — Таллин, 1963. — С. 61–95.
2237. *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* — Вып. I (XI — первая половина XIV в.). — Л.: Наука, 1987. — 492, [2] с.
2238. *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институционной истории науки XIX — начала XX века). — М.: ИА РАН, 2011. — 588 с.
2239. *Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. — М.: тип. В. Готье, 1855. — 428, II с.
2240. *Смирнова Г.П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа // Древняя Русь и славяне. — М.: Наука, 1978. — С. 165–171.
2241. *Смирнова Г.П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. — Вып. 146. — М., 1976. — С. 3–10.
2242. *Смирнова Г.П.* О трёх группах новгородской керамики X — начала XI в. // КСИА. — Вып. 139. — М., 1974. — С. 17–23.
2243. *Смолеговский А.М.* К портрету М.В. Ломоносова // Новое о Ломоносове: Материалы и исследования. К 300-летию со дня рождения / Состав., отв. ред. С.С. Илизаров. — М.: Янус-К, 2011. — С. 291–326.
2244. *Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников* / Сост. А.И. Плигузов, И.А. Тихонюк. — М.: Современник, 1989. — 459 с.
2245. *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. — М.: Наука, 1980. — 688 с.
2246. *Соболевский А.И.* Два личных имени // Русский филологический вестник. — Т. LXIV. — Варшава, 1910. — С. 307–308.
2247. *Соболевский А.И.* Записка Ибн-Фадлана // Доклады АН СССР. — 1929. — № 12. — С. 223–227.
2248. *Соболевский А.И.* Несколько этнографических названий // Русский филологический вестник. — Т. LXIV. — Варшава, 1910. — С. 170–177.
2249. СГД. — Ч. 1. — М.: тип. Н.С. Всевожского, 1813. — 642 с.
2250. СГД. — Ч. 2. — М.: тип. Селивановского, 1819. — VIII, 610, 19 с.
2251. СГД. — Ч. 3. — М.: тип. Селивановского, — III, 11, 540 с.
2252. *Собрание сочинений М.А. Максимовича.* — Т. I. — Киев: тип М.П. Фрица, 1876. — VIII, 847 с.
2253. *Собчак А.А.* Русско-шведские связи С.-Петербурга // Викинги и славяне. Учёные, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — С. 13–18.
2254. СИЭ. — Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1962. — 1022 стб.
2255. СИЭ. — Т. 10. — М.: Советская энциклопедия, 1967. — 1038 стб.
2256. *Сойер П.* Эпоха викингов / Пер. с англ. *Санина А.П.* — СПб.: Евразия, 2002. — 352 с.
2257. *Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира // Труды XV Археологического съезда в Новгороде, 1911. — Т. I. — Отд. III. — М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914.
2258. *Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира // Учёные записки Саратовского университета. — Т. 1. — Вып. 3. — Саратов, 1923. — С. 69–122.
2259. *Соколов О.Д.* М.Н. Покровский и советская историческая наука. — М.: Мысль, 1970. — 276 с.
2260. *Соколов С.В.* [Рец.] Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. 400 с. // Славяноведение. — 2010. — №. 2. — С. 105–109.
2261. *Соколов С.В.* Концепция происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дис. ... канд. наук. — Екатеринбург, 2011. — 308 с.
2262. *Соколов С.В.* Концепция происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Автореф. дис. ... канд. наук. — Екатеринбург, 2011. — 30 с.

2263. Соколов С.В. Концепция происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего Нового времени. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. — 316 с.
2264. Соколов С.В. О чём спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской руси // Уральский исторический вестник. — № 1 (38). — Екатеринбург, 2013. — С. 122–130.
2265. Соколова Н.В. Краткий обзор английской литературы XVIII–XIX вв. о М.В. Ломоносове // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. VII. — Л.: АН СССР, 1977. — С. 160–186.
2266. Соловьёв Е.А. Карамзин // Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. — Изд. 2-е. — Т. 2. — Челябинск, 1997. — С. 5–96.
2267. Соловьёв К.А. Михаил Васильевич Ломоносов о власти великих князей в Древней Руси // Вестник МГУ. — Серия 21. Управление (Государство и общество). — 2011. — № 4. — С. 3–16.
2268. Соловьёв С.М. Август-Людвиг Шлёцер // Собрание сочинений С.М. Соловьёва. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», [1901]. — Стб. 1539–1576.
2269. Соловьёв С.М. Воспомятая о Ломоносове // Его же. Сочинения. — Кн. XX. — М.: Мысль, 1996 — С. 23–38.
2270. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. 1. — Т. 1–2. — М.: Голос, 1993. — 752 с.
2271. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. 4. — Т. 7–8. — М.: Голос, 1994. — 768 с.
2272. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. 5. — Т. 9–10. — М.: Голос, 1995. — 752 с.
2273. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. 7. — Т. 13–14. — М.: Голос, Колокол-Пресс, 1997. — 752 с.
2274. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. 9. — Т. 17–18. — М.: Голос, Колокол-Пресс, 1997. — 720 с.
2275. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. 12. — Т. 23–24. — М.: Голос, Колокол-Пресс, 1998. — 736 с.
2276. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. XI. — Т. 21–22. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 648 с.
2277. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — Кн. XIII. — Т. 25–26. — М.: Мысль, 1965. — 647 с.
2278. Соловьёв С.М. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского» // Собрание сочинений С.М. Соловьёва. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», [1901]. — Стб. 1391–1539.
2279. Соловьёв С.М. Каченовский Михаил Трофимович // Его же. Сочинения. — Кн. XXIII. Заключительная. — М.: Мысль, 2000. — С. 69–83.
2280. Соловьёв С.М. Герард Фридрих Мюллер [Фёдор Иванович Миллер] // Его же. Сочинения. — Кн. XXIII. — М.: Мысль, 2000. — С. 39–69.
2281. Соловьёв С.М. Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьёва. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», [1901]. — Стб. 1317–1388.
2282. Соловьёв С.М. Скандинавомания и её поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историческое рассуждение Ю. Венелина // Москвитянин. — М., 1842. — № 8. — С. 396–399.
2283. Соловьёв С.М. Шлёцер и антиисторическое направление // Собрание сочинений С.М. Соловьёва. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», [1901]. — Стб. 1577–1616.
2284. Солоневич И.Л. Народная монархия. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. — 607 с.
2285. Сомов В.А. О некоторых откликах на французский перевод «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова // Ломоносов и книга. — Л.: БАН, 1986. — С. 145–154.
2286. Сорокин П.Е. К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной

- конференции. Новгород, 26–28 января 1993 г.). — Вып. 7. — Новгород, 1993. — С. 110–115.
2287. *Сорокин П.Е.* Суда Старой Ладogi и водные сообщения на Северо-Западе Руси // *Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки.* — СПб.: ГЭ, 2003. — С. 142–150.
2288. *Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год.* — Ч. I. — М., 1820. — XXVII, 456 с.
2289. *Сочинения М.В. Ломоносова. С объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомятинова.* — Т. V. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1902. — 261 с.
2290. *Спицын А.А.* Археология в темах начальной русской истории // *Сборник статей по русской истории, посвящённых С.Ф. Платонову.* — Пб.: Огни, 1922. — С. 1–12.
2291. *Спицын А.А.* О степени достоверности Записки Ибн-Фадлана // *Записки Русского археологического общества. Новая серия.* — Т. XI. — Вып. 1 и 2. — 1899. — С. 161–166.
2292. *Спицын Е.Ю.* Древняя и Средневековая Русь IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. — Кн. 1. — М.: Концептуал, 2016. — 416 с.
2293. *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка. (X–XIV века). Общее повременное обозрение. — Изд. 2-е. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1882. — [2], IV, 392 стб.
2294. *Срезневский И.И.* Замечания о книге С.А. Гедеонова «Варяги и Русь». — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1878. — 37 с.
2295. *Срезневский И.И.* Исследования о летописях новгородских // *Его же. Статьи о древних русских летописях (1853–1866).* — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1903. — С. 3–25.
2296. *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка. — СПб.: тип. воен.-учеб. заведений, 1850. — 210 с.
2297. *Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях // *Его же. Статьи о древних русских летописях (1853–1866).* — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1903. — С. 27–131.
2298. *Стальсберг А.* Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // *ДГВЕ. 1999 г.* — М.: Восточная литература, 2001. — С. 93–115.
2299. *Стальсберг А.* Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // *Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г.* — Т. III. — Вып. 16. — М., 1987. — С. 73–79.
2300. *Стальсберг А.* Интерпретация скандинавских погребений с ладьёй, происходящих с территории Древней Руси // *Труды VI Конгресса славянской археологии.* — Т. 4. — М.: ИА РАН, 1998. — С. 362–371.
2301. *Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // *Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина.* — М.: Памятники исторической мысли, 1998. — С. 277–287.
2302. *Стальсберг А.* Связи между Норвегией и Древней Русью: археологические находки // *Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня — 2 июля 2003 г.* — СПб., 2003. — С. 115–126.
2303. *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия) // *SP.* — 1999. — № 5. — С. 119–147.
2304. *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия). — СПб., 2000. — 69 с.
2305. *Станкевич Я.В.* Керамика нижнего горизонта старой Ладogi. По материалам раскопок 1947 г. // *СА.* — Т. XIV. — М., Л., 1950. — С. 187–216.
2306. *Старчевский А.В.* Очерк литературы русской истории до Карамзина. — СПб.: тип. К. Жернакова, 1845. — 292 с.
2307. *Стасов В.В.* Заметки о «русах» Ибн-Фадлана и других арабских писателей // *ЖМНП.* — 1881. — Ч. CCXVI. Август. — С. 281–315.
2308. *Стеблин-Каменский М.И.* Вступительная статья // *Исландские саги / Редакция, вступит. статья и прим. М.И. Стеблин-Каменского.* — М.: Гослитиздат, 1956. — С. 3–20.
2309. *Стеблин-Каменский М.И.* Древнескандинавская литература. — М.: Высшая школа, 1979. — 192 с.

2310. *Стеблин-Каменский М.И.* История скандинавских языков. — М., Л: АН СССР, 1953. — 340 с.
2311. *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Становление литературы. — Л.: Наука, 1984. — 246 с.
2312. *Стеклов В.А.* Михайло Васильевич Ломоносов. — Берлин, Петербург: З.И. Гржебин, 1921. — 203 с.
2313. *Стендер-Петерсен А.* Ответ на замечания В.В. Похлёбкина и В.Б. Вилинбахова // *Kuml.* 1960. — Aarhus, 1960. — С. 137–152.
2314. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // *ВИ.* — 1996. — № 2. — С. 47–86; № 3. — С. 82–112; № 4. — С. 65–93; № 5–6. — С. 77–106; № 9. — С. 47–77.
2315. *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. — М.: Индрик, 2012. — 656 с.
2316. *Стефанович П.С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. // *ДГВЕ.* 2004 г. — М., 2006. — С. 383–403.
2317. *Стефанович П.С.* Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв.: от средневековых мифов к раннемодерным // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / Отв. сост. А.В. Доронин.* — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 326–344.
2318. *Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов», или *Origo gentis russotum?* // *ДГВЕ.* 2010 г. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — С. 513–583.
2319. *Стецкевич Е.С.* О социальном положении служащих Петербургской Академии наук (1720-е — 1760-е гг.) // *Г.Ф. Миллер и русская культура.* — СПб.: Росток, 2007. — С. 37–54.
2320. *Стриттер И.М.* История Российского государства. — Т. I. — СПб.: печ. у содержателя тип. Комиссии об учреждении школ Фёдора Брункова, 1800. — 641 с.
2321. *Строев С.М.* О пользе изучения российской истории в связи с всеобщей // *Учёные записки имп. Московского ун-та.* — Ч. 2. — № 4. — М., 1833. — С. 17–45; № 5. — М., 1833. — С. 435–483; ч. 2. — № 6. — М., 1833. — С. 219–259.
2322. *Стубавс А.Я.* Археологические раскопки на городище Кентескалнс в 1954 г. // *Тезисы докладов на объединённой конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии).* — М., 1955. — С. 15–17.
2323. *Стубавс А.Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // *Труды Прибалтийской объединённой комплексной экспедиции. Вопросы этнической истории народов Прибалтики.* — Т. I. — М.: АН СССР, 1959. — С. 186–221.
2324. *Сугорский И.Н.* В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. — СПб.: тип. С.-Петерб. вед., 1907. — 43 с.
2325. *Супрун А.Е.* Полабские числительные. — Фрунзе, 1962. — 67 с.
2326. *Сухомятинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературы. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1856. — 230 с.
2327. *Сухотин Л.М.* Краткий очерк хода русской историографии // *Записки Русского археологического общества (Белград).* — Т. I. — Белград, 1927. — С. 61–76.
2328. *Сыромятников С.Н.* Древлянский князь и варяжский вопрос // *ЖМНП. Новая серия.* — Ч. XL. Июль. — СПб., 1912. — С. 120–139.
2329. *Сюндберг Х.* Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // *НИС.* — Вып. 6 (16). — СПб., 1997. — С. 273–278.
2330. *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // *СА.* — 1974. — № 3. — С. 87–99.
2331. *Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос-» // *Античная древность и средние века.* — Вып. 10. — Свердловск: УрГУ, 1973. — С. 229–234.
2332. *Тарановский Ф.В.* Норманская теория в истории русского права. — Варшава, 1909. — 43 с.

2333. Тарасов В.В. «Росские» названия днепровских порогов и топонимика Юго-Восточной Балтии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — Вып. 12. — С. 58–63.
2334. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. — М.: Наука, 1990. — 439 с.
2335. Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979. — 464 с.
2336. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. I. — М., Л.: АН СССР, 1962. — 500 с.
2337. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. III. — М., Л.: АН СССР, 1964. — 338 с.
2338. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. III. — М.: Академический проект, 2016. — 461 с.
2339. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. IV. — М., Л.: Наука, 1964. — 555 с.
2340. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. VII. — Л., 1968. — 486 с.
2341. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. I–VII. — М.: Академический проект, 2016–2018.
2342. Татищев В.Н. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979. — 464 с.
2343. Творогов О.В. Герман Воята // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 180.
2344. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. — Л.: Наука, 1975. — 320 с.
2345. Творогов О.В. Начальный свод // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 535.
2346. Творогов О.В. Палея Толковая // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 588.
2347. Творогов О.В. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). — Вып. 1 / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. — М.: Наука, 1987. — С. 285–288.
2348. Творогов О.В. Повесть временных лет // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 621–623.
2349. Творогов О.В. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). — Вып. 1 / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. — М.: Наука, 1987. — С. 352–354.
2350. Творогов О.В. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. — М.: Ладомир, 2014. — С. 624.
2351. Творогов О.В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: сб. памяти Я.С. Лурье. — СПб.: Феникс, 2007. — С. 203–209.
2352. Творогов О.В. Хроника Георгия Амартола // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). — Вып. 1 / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. — М.: Наука, 1987. — С. 467–470.
2353. Тебеньков М.М. Происхождение Руси. Опыт введения к истории русского народа. — Ч. 1. — Тифлис: тип. «Кавказ» А.И. Петрова, 1894. — 199 с.
2354. Тиандер К.Ф. Датско-русские исследования. — Вып. III. — Пг.: типо-лит А.Э. Винике, 1915. — 204 с.
2355. Тиандер К.Ф. [Рец.] St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. XXIII t. 1901 г., стр. 462–520) // ИОРЯС. — 1902. — Т. VII. — Кн. 3. — С. 384–396.
2356. Тивериадский Л.С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян // ИЗ. — М., 1942. — № 13. — С. 40–53.
2357. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. I. — СПб.: изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. — IV, XVI, 564 с.

2358. Тизенгаузен В.Г. В защиту Ибн-Фадлана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. — Т. XIII. — 1900. — С. 024–032.
2359. Тимофеев В.П. А всё-таки «Людота коваль» (Название днепровских порогов — возвращение к старой проблеме) // Сб. РИО. — Т. 1 (149). — М.: Русская панорама, 1999. — С. 120–146.
2360. Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 книгах / Перевод с лат. И.В. Дьяконова. — Изд. 2-е, испр. — М.: Русская панорама, 2009. — 256 с.
2361. Тихомиров И.А. О трудах М.В. Ломоносова по русской истории // ЖМНП. Новая серия. — Ч. XLI. Сентябрь. — СПб., 1912. — С. 41–64.
2362. Тихомиров И.А. О Тимофее-пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. — Ч. 25. — СПб., 1887. — С. 28–37.
2363. Тихомиров М.Н. Исторические труды М.В. Ломоносова // ВИ. — 1962. — № 5. — С. 64–73.
2364. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времён до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. — Т. 1. — М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. — 256 с.
2365. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. — Вып. I. — М.: Изд-во соц-экономической литературы, 1962. — 495 с.
2366. Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Его же. Русское летописание. — М.: Наука, 1979. — С. 46–66.
2367. Тихомиров М.Н. Откровения Чадвик о начале русской истории // ВИ. — 1948. — № 4. — С. 112–115.
2368. Тихомиров М.Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. // Его же. Русское летописание. — М.: Наука, 1979. — С. 232–247.
2369. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. — М.: МГУ, 1953. — 192 с.
2370. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Его же. Русское летописание. — М.: Наука, 1979. — С. 22–45.
2371. Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. I. — М.: АН СССР, 1955. — С. 48–105.
2372. Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний в России периода дворянской империи первой половины XVIII в. // Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. I. — М.: АН СССР, 1955. — С. 169–204.
2373. Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII века // ВИ. — 1948. — № 2. — С. 94–99.
2374. Тихомиров М.Н. Русский летописец в «Истории Польши Яна Длугоша» // Его же. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. — М.: Наука, 1969. — С. 226–237.
2375. Тихонов И.Л. Гражданин Касталии, Учёный, Романтик, Викинг // Санкт-Петербургский университет. — 2003. — № 28–29. — С. 47–57.
2376. Тишкин Г.А., Крымская А.С. Герард Фридрих Миллер — студент, адъюнкт, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения первого ректора университета Г.Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ. С.-Петербург, 17–19 окт. 2005. — СПб.: СПбГУ, 2006. — С. 17–39.
2377. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Под ред д.и.н., проф. В.И. Уколовой и к.и.н. Д.Э. Харитоновича. — М.: Айрис-Пресс, 2003. — 589 с.
2378. Толкачёв А.И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio» (В связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему) // Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. — М.; АН СССР, 1962. — С. 29–60.
2379. Толковая Палей 1477 года. — [СПб.,]: тип. имп. Акад. наук, 1892. — 302 л.

2380. Толочко П.П. В поисках загадочного Русского каганата // Восточная Европа в средневековье / К 80-летию В.В. Седова. — М.: Наука, 2004. — С. 44–51.
2381. Толочко П.П. Древний Киев в представлениях современников // ДГВЕ. 2006 г. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — С. 95–103.
2382. Толочко П.П. Миф о хазарско-иудейском основании Киева // РА. — 2001. — № 2. — С. 38–42.
2383. Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. — СПб.: Блиц, 2013. — 208 с.
2384. Толочко П.П. Русские летописи и летописцы XII–XIII вв. — СПб.: Алетейя, 2003. — 295 с.
2385. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). — Киев: Наукова думка, 1990. — С. 99–121.
2386. Толстиков А.В. Анатомия истории Улофа Рюдбека // Одиссей. Человек в истории. 2007. — М.: Наука, 2007. — С. 169–189.
2387. Толстиков А.В. Пётр Петрей в России (1601–1613 гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2012. — № 2 (12). — С. 129–142.
2388. Толстов С.П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // ВИ. — 1946. — № 4. — С. 113–124.
2389. Толстов С.П. Из предыстории Руси // Советская этнография / Сб. ст. — Вып. VI–VII. — М., Л., 1947. — С. 39–59.
2390. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. — Вып. 5. Курганы древностей и клады домонгольского периода. — СПб.: тип. М-ва путей сообщения, 1897. — 168 с.
2391. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Его же. ПСС. В 90 т. — Т. 25. — М.: Художественная литература, 1937. — С. 182–411.
2392. Толстой Л.Н. Круг чтения // Его же. ПСС. В 90 т. — Т. 42. — М.: Художественная литература, 1957. — С. 9–556.
2393. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 14 т. — Т. 5. — М.: Художественная литература, 1951. — 380 с.
2394. Томсен В. Начало Русского государства. — М.: Унив. тип., 1891. — 136 с.
2395. Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // SP. — 2014. — № 5. — С. 357–370.
2396. Томсинский С.В. Позвольте кое-что уточнить // SP. — 2016. — № 5. — С. 369–375.
2397. Томсинский С.В. Угличе поле в IX–XIII веках. — СПб.: ГЭ, 2004. — 319 с.
2398. Томсинский С.В. Чего и следовало ожидать: снова о том же (по поводу ленинградского неонорманизма и статьи Н.И. Платоновой) // ИФ. — 2017. — № 3–4. — С. 154–174.
2399. Тополь Э. Русская дива. — М.: АСТ, 1999.
2400. Топоров В.Н. Еврейский элемент в Киевской Руси // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: ср. века — начало нового времени. Сб. тезисов XII Чтений памяти В.Д. Королюка. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. — С. 28–43.
2401. Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор / Отв. ред. Н.И. Толстой. — М.: Наука, 1989. — 23–60.
2402. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. — Т. I. Первый век христианства на Руси. — М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. — 875 с.
2403. Топоров В.Н. Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // Балто-славянские исследования. 1986. / Отв. ред. В.В. Иванов. — М.: Наука, 1988. — С. 3–44.
2404. Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трёх главнейших древностях российских. А именно: I. О первенстве словенского языка пред тевтоническим. II. О первоначалии россов. III. О варягах руссах. Славенского звания, рода и языка. — СПб., 1773. — 275 с.
2405. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М., Л.: Наука, 1966. — 308 с.
2406. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. — Л.: Наука, 1970. — 156 с.
2407. Троцкий И.М. Возникновение Новгородской республики // ИАН. — VII серия. Отделение общественных наук. — № 4. — Ч. I. — Л., 1932. — С. 271–291; № 5. — С. 349–374.

2408. *Трубачёв О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: ИИПК «ИХТИОС», 2005. — 352 с.
2409. *Трубачёв О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ. — 1981. — № 2. — С. 3–21.
2410. *Трубачёв О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. — 1977. — № 6. — С. 13–29.
2411. *Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 1991. — 269 с.
2412. Труды X Археологического съезда в Риге. 1896. — Вып. 3. — М., 1900. — 528 с.
2413. *Трусман Ю.* Русские элементы в Эстляндии в XIII–XV вв. // Временник Эстляндской губернии. 1893 год. — Кн. 1. — Ревель, 1894. — С. 55–85.
2414. *Трухачёв Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // ДГ. 1980 г. — М.: Наука, 1982. — С. 159–175.
2415. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб.: Наука, 2002. — 676 с.
2416. *Тургенев И.С.* Автобиография // Его же. Собр. соч. в 12 т. — Т. 11. — М.: Госполитиздат, 1956.
2417. *Турженев Н.И.* Россия и русские. — М.: ОГИ, 2001. — 744 с.
2418. *Турнаев В.И.* Г.-Ф. Миллер и корпоративное движение в Петербургской Академии наук: годы реакции // Вестник Томского государственного университета. История. — 2011. — № 4 (16). — С. 61–70.
2419. *Тухтина Н.В.* К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М.: Наука, 1978. — С. 192–197.
2420. *Тухтина Н.В.* Об этнической принадлежности погребённых в сопках волховского типа // Славяне и Русь. — М.: Наука, 1968. — С. 188–193.
2421. *Тухтина Н.В.* Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X–XII вв. // Археологический сборник. Труды ГИМ. — Вып. 40. — М.: ГИМ, 1966. — С. 120–140.
2422. *Тухтина Н.В.* Этническая принадлежность погребённых в курганах Юго-Восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. — М.: Советская Россия, 1971. — С. 162–181.
2423. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и писем. — Т. 6. — М.: Классика, 2004. — 592 с.
2424. *Умбрашко К.Б.* Историографические практики XVIII — начала XXI вв. — Новосибирск: НГПУ, 2013. — 245 с.
2425. *Умбрашко К.Б.* Историография отечественной истории. — Ч. I. Средневековье — первая половина XIX в.: учебно-методическое пособие. — Новосибирск: НГПУ, 2008. — 279 с.
2426. *Умбрашко К.Б.* Историография отечественной истории. — Новосибирск: НГПУ, 2014. — 270 с.
2427. *Умбрашко К.Б.* Полемики русских историков XIX века как коммуникативные события // Мир истории: идеалы, традиции, творчество. К 50-летию В.П. Корзун. — Омск, ОмГУ, 1999. — С. 21–43.
2428. *Унгейт Ф., Миллард Э.* Викинги / Перевод с английского. — М.: РОСМЭН, 1998. — 63 с.
2429. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. (Опыт исчисления). — М.: Госполитиздат, 1941. — 436 с.
2430. *Успенский Ф.Б.* Варяжское имя в русском языковом обиходе (К этимологии слова «олух») // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 263–280.
2431. *Успенский Ф.Б.* Единого деда внуки // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 143–147.
2432. *Успенский Ф.Б.* Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 407–414.

2433. Успенский Ф.Б. Нетленность мощей: опыт сопоставительного анализа греческой, русской и скандинавской традиций // Восточнохристианские реликвии. — М.: Прогресс, 2003. — С. 151–160.
2434. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 456 С.
2435. Успенский Ф.И. История крестовых походов. — СПб.: Евразия, 2000. — 378 с.
2436. Успенский Ф.И. Русь и Византия в X веке. — Одесса, 1888. — 38 с.
2437. Уставы Российской Академии наук. 1724–1999. — М.: Наука, 1999. — 287 с.
2438. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. — СПб.: тип. Л. Снегирёва и К°, 1836. — 88 с.
2439. Устрялов Н.Г. Русская история. — Ч. 1. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1836. — 429, V с.
2440. Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитриии Самозванце. — Ч. I. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1859. — XII, 463 с.
2441. Фаминцын А.С. Божества древних славян. — СПб.: Алетейя, 1995. — 364 с.
2442. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. I. — М.: Прогресс, 1986. — 576 с.
2443. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. II. — М.: Прогресс, 1986. — 672 с.
2444. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. III. — М.: Прогресс, 1987. — 831 с.
2445. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. IV. — М.: Прогресс, 1987. — 863 с.
2446. Фатер И.С. О происхождении русского языка и о бывших с ним переменах // ВЕ. — М., 1823. — № 2. — С. 113–128; № 3–4. — С. 252–261; № 5. — С. 39–51; № 7. — С. 195–203; № 9. — С. 14–23.
2447. Федотов А.Ф. О значении слова Русь в наших летописях // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. — Т. 1. — Кн. 2. — М., 1837. — С. 104–121.
2448. Федотов А.Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории. — М.: Унив. тип., 1839. — 108 с.
2449. Фетисов А.А. К дискуссии о типе колонизации скандинавами территорий Восточной Европы // Русский сборник. — Вып. 8. — Т. 12. — Брянск, 2016. — С. 179–182.
2450. Фетисов А.А. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в. // Славяне и их соседи. XX конференция памяти В.Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2001. — С. 113–119.
2451. Фетисов А.А. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ // Славянский альманах. 2001. — М.: Индрик, 2002. — С. 36–46.
2452. Фетисов А.А. Формирование «домена» Рюриковичей («Русская земля») по археологическим данным // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения им. чл.-корр. АН СССР В.Т. Папуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. — М.: ИВИ РАН, 2015. — С. 278–283.
2453. Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. — М.: Наука, 1968. — С. 210–214.
2454. Фехнер М.В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. — 1982. — № 4. — С. 243–244.
2455. Фехнер М.В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X–XI вв. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова. — М.: Наука, 1967. — С. 33–41.
2456. Фехнер М.В. О происхождении и датировке железных гривен // Труды ГИМ. — Вып. 40. Археологический сборник. — М.: Советская Россия, 1966. — С. 101–104.

2457. *Фехнер М.В.* Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье IX–XI вв. — М.: Советская Россия, 1963. — С. 5–19.
2458. *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // НИС. — Вып. II. — Л., 1937. — С. 53–82.
2459. *Филевич И.* История древней Руси. — Т. I. — Варшава: тип. Ф. Чернака, 1896. — X, 383, [1] с.
2460. *Филин Ф.П.* О происхождении праславянского языка и восточных языков // ВЯ. — 1980. — № 4. — С. 36–50.
2461. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. — Л.: Наука, 1972. — 655 с.
2462. *Фихте И.Г.* Сочинения в двух томах. — Т. II. — СПб.: Мифрил, 1993. — 798 с.
2463. *Флёров В.С.* Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим, 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах // РА. — 2000. — № 3. — С. 229–234.
2464. *Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. — Т. I. — Томск: типо-лит. П.И. Макушина, 1894. — [2], VI, XXIV, 359 с.
2465. *Флоровский А.В.* «Князь Рош» у пророка Иезекииля (гл. 38–39) (Из заметок об имени Русь) // Сборникъ въ честь на Василь Н. Златарски. — София, 1925. — С. 505–520.
2466. *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. — М.: Наука, 1981. — 198 с.
2467. *Флоря Б.Н.* Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII — начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М.: Наука, 1989. — С. 182–205.
2468. *Флоря Б.Н., Турилов А.А.* Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — С. 31–80.
2469. *Фомин А.В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. — Вып. 171. — М., 1982. — С. 16–21.
2470. *Фомин В.В.* Александр Невский: подвиг во имя будущего // ОЗ. — 2021. — № 1 (728). — С. 227–247.
2471. *Фомин В.В.* Варяги в переписке Ивана Грозного с шведским королём Юханом III // ОИ. — 2004. — № 5. — С. 121–133.
2472. *Фомин В.В.* Варяги в статье 1148 г. Ипатьевской летописи // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. — Вып. 4. — Елец: ЕГУ, 2001. — С. 85–91.
2473. *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. — М.: Русская панорама, 2005. — 488 с.
2474. *Фомин В.В.* Варяги и Старая Ладога // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Старая Ладога, 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 204–217.
2475. *Фомин В.В.* Варяги Южной Балтики А. Ф. Гильфердинга // *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. В 3-х ч. / Биогр. очерк К.Н. Бестужева-Рюмина, вступ. статья и комм. В.В. Фомина, комм. С.В. Цветкова. — М., Русская панорама; СПб., РБЦЦ «Блиц», 2013. — С. 17–60.
2476. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в интерпретации отечественных археологов до-революционного и советского времени // ВИ. — 2021. — № 5 (1). — С. 231–253.
2477. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в отечественной и зарубежной историографии XVII — начала XIX века // Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всерос. науч. конф. «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвящ. памяти и 80-летию со дня рождения проф. А.Г. Кузьмина, 17–19 сентября 2008 г. — Рязань: РГУ, 2009. — С. 56–68.
2478. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX веков. Дис. на соискан. учен. степени докт. ист. наук. — Т. I. — М., 2005. — 311 с.
2479. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX веков. Автореф. дис. ... докт. наук. — М., 2005. — 36 с.

2480. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в советской науке 1920–1930-х годов // Манускрипт. — 2021. — Т. 14. — Вып. 11. — С. 2313–2324.
2481. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в творчестве Н.М. Карамзина // Вопросы сохранения исторического наследия: к 250-летию со дня рождения выдающегося русского историка Н.М. Карамзина и 200-летию начала выхода его «Истории государства Российского» / Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук. 9–10 октября 2015 г. — Липецк: ЛГПУ, 2015. — С. 5–13.
2482. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского (к 180-летию со дня рождения учёного) // ВЛГПУ. — Вып. 2 (7). — 2012. — С. 18–44.
2483. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в трудах А.Г. Кузьмина // Судьба России в современной историографии / Сб. научных статей памяти А.Г. Кузьмина. — М.: Прометей, 2006. — С. 42–63.
2484. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 339–512.
2485. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в отечественной и зарубежной историографии XVII — начала XIX века // Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всерос. науч. конф. «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвящ. памяти и 80-летию со дня рождения проф. А.Г. Кузьмина, 17–19 сентября 2008 г. — Рязань: РГУ, 2009. — С. 58–68.
2486. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в прошлом, настоящем, будущем // ИФ. — 2021. — № 4. — С. 12–59.
2487. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в творчестве Н.М. Карамзина // Вопросы сохранения исторического наследия: к 250-летию со дня рождения выдающегося русского историка Н.М. Карамзина и 200-летию начала выхода его «Истории государства Российского» / Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 9–10 октября 2015 г. — Липецк: ЛГПУ, 2015. — С. 5–13.
2488. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского (к 180-летию со дня рождения учёного) // ВЛГПУ. — Серия: Гуманитарные науки. — Вып. 2 (7) / Научные редакторы Л.И. Земцов, В.В. Фомин. — 2012. — С. 18–44.
2489. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в трудах А.Г. Кузьмина // Судьба России в современной историографии. Сб. научных статей памяти А.Г. Кузьмина. — М.: Прометей, 2006. — С. 42–63.
2490. *Фомин В.В.* Варяго-русский вопрос в эмигрантской науке 1920-х — 1940-х годов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2022. — № 3 (296). — С. 121–136.
2491. *Фомин В.В.* Варяжский вопрос в современной историографии // Бартеневские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 24–25 ноября 1999 года. — Липецк: ЛГПУ, 2000. — С. 37–45.
2492. *Фомин В.В.* Варяжский вопрос в творчестве М.А. Алпатова // История и историки. 2004. Историографический вестник. — М., Наука, 2005. — С. 320–326.
2493. *Фомин В.В.* Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 257–269.
2494. *Фомин В.В.* «Варяжское заморье» русских летописей (X–XVII вв.) // Дискуссионные вопросы российской истории. — Арзамас: АГПИ, 1995. — С. 21–27.
2495. *Фомин В.В.* Великий русский историк М.В. Ломоносов // ВЛГПУ. — 2010. — Вып. 3. — С. 152–172.
2496. *Фомин В.В.* Выдающиеся достижения М.В. Ломоносова в исторической науке // ОЗ. — 2019. — № 1 (725). — С. 214–231.
2497. *Фомин В.В.* Голый конунг. Норманизм как диагноз. — М.: Алгоритм, 2013. — 317, [2] с.

2498. *Фомин В.В.* Дискуссия по «диссертации» Г.Ф. Миллера 1749–1750 гг.: завязка, ход, результаты // История и историки: историографический вестник. 2015–2019 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2021. — С. 132–153.
2499. *Фомин В.В.* Дореволюционные антинорманисты глазами «советских антинорманистов» // ГИЦР. — 2019. — № 1 (10). — С. 85–94.
2500. *Фомин В.В.* Древнерусские летописи как исторический источник // В поисках истины: учёный и его школа. — Изд. 2-е. — М.: Прометей, 2012. — С. 153–202.
2501. *Фомин В.В. Жизнь С.А. Гедеонова — подвиг высокого служения Отечеству (биографический очерк)* // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. — М.: Русская панорама, 2004. — С. 568–575.
2502. *Фомин В.В.* «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М., 2003. — С. 146–168.
2503. *Фомин В.В.* Запад и западноевропейцы в русской письменной традиции (X–XVIII вв.) // Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур. — Липецк: ЛГПИ, 2000. — С. 85–92.
2504. *Фомин В.В.* Значение термина «фряги» Повести временных лет // Вестник Тамбовского государственного университета. — Серия: Гуманитарные науки. — Т. 23. — № 173. — 2018. — С. 166–173.
2505. *Фомин В.В.* Иван Грозный о варягах Ярослава Мудрого // Сб. РИО. — Т. 10 (158). Россия и Крым. — М.: Русская панорама, 2006. — С. 399–418.
2506. *Фомин В.В.* Д.И. Иловайский в оценке современных норманистов // *Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии.* Труды Всероссийской научной конференции «VI Историографические чтения памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского» (к 180-летию со дня рождения Д.И. Иловайского) / Отв. ред. Л.В. Чекурин. Рязань, 23–25 мая 2012. — Рязань: РИАМЗ, 2012. — С. 55–69.
2507. *Фомин В.В.* Имя «Русь» и его толкование сторонниками норманской теории // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006–2007 годов. — Великий Новгород: НовГУ, 2007. — С. 35–45.
2508. *Фомин В.В.* Исландские саги как «неисторический» источник по истории Руси // ВИ. — 2023. — №12 (2). — С. 40–51.
2509. *Фомин В.В.* Истоки Руси в историографической традиции // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. Международная конференция. III чтения памяти академика О.Н. Трубачёва. Тезисы докладов и выступлений. — М.: ИРЯ РАН, 2005. — С. 126–129.
2510. *Фомин В.В.* Истоки Руси и Русской государственности // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. Липецк, 8 июня 2012 года. — Ч. I. — Липецк: ЛГПУ, 2012. — С. 7–12.
2511. *Фомин В.В.* Историография варяго-русского вопроса в трудах XVII — начала XIX века // ВЛГПУ. — Т. 2. — Вып. 1. — 2008. — С. 17–28.
2512. *Фомин В.В.* История разработки варяго-русского вопроса в трудах учёных дореволюционного периода // История и историки. 2006. Историографический вестник. — М.: Наука, 2007. — С. 3–60.
2513. *Фомин В.В.* История Руси глазами шведского археолога Т.Ю. Арне и его российских последователей // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — Вып. 11. — С. 116–124.
2514. *Фомин В.В.* История Старой Ладogi на норманистский лад // Сб. РИО. — Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия. — М., 2003. — С. 277–292.
2515. *Фомин В.В.* К вопросу о несостоятельности скандинавской этимологии имени «Русь» // Вехи минувшего. Учёные записки исторического факультета ЛГПУ. — Вып. 6. — Липецк: ЛГПУ, 2009. — С. 198–214.
2516. *Фомин В.В.* К 400-летию юбилею начала норманской теории // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. — Вып. 2. — М., МАНПО, 2015. — С. 229–248.

2517. *Фомин В.В.* Комментарии // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2004. — С. 457–561.
2518. *Фомин В.В.* Кому нужна норманская теория. Шведский взгляд на русскую историю вчера и сегодня // *Литературная газета.* — № 29. — 26.07.2017. — С. 4–5.
2519. *Фомин В.В.* «Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова в историографии // *История и историки.* 2009–2010. Историографический вестник. — М.: Наука, 2012. — С. 14–23.
2520. *Фомин В.В.* Кривые зеркала норманизма // *Сб. РИО.* — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 83–127.
2521. *Фомин В.В.* Кто же был первым норманистом: русский летописец, немец Байер или швед Петрей? // *Мир истории.* — 2002. — № 4/5. — С. 59–62.
2522. *Фомин В.В.* Критика Г. Эверсом норманской теории // *Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв. Материалы V Международной научной конференции.* Липецк, 6 октября 2017 г. — Липецк: ЛГПУ, 2017. — С. 17–25.
2523. *Фомин В.В.* А.Г. Кузьмин и его вклад в изучение ранней истории Руси // *ВЛГПУ.* — Вып. 2. — 2008. — С. 131–144.
2524. *Фомин В.В.* А.Г. Кузьмин об истоках Руси и русской государственности // *Ключевские чтения — 2012. Российская государственность и освободительные войны.* — Т. 1: Материалы Всероссийской научной конференции. Сб. научных трудов. — М., «Спутник+», 2013. — С. 37–41.
2525. *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. — М.: Русская панорама, 2006. — 463 с.
2526. *Фомин В.В.* Ломоносов и Миллер: два подхода к решению варяжского вопроса // *История и историки.* 2004. Историографический вестник. — М.: Наука, 2005. — С. 3–62.
2527. *Фомин В.В.* Ломоносов и Миллер: уроки полемики // *ВИ.* — 2005. — № 8. — С. 21–35.
2528. *Фомин В.В.* М.В. Ломоносов и дискуссия 1749–1750 гг. по варяго-русскому вопросу // *ВЛГПУ.* — 2011. — Вып. 1 (4). — С. 57–70.
2529. *Фомин В.В.* М.В. Ломоносов и русская историческая наука // *Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин.* — М.: Русская панорама, 2012. — С. 137–207.
2530. *Фомин В.В.* Ломоносов-историк в дореволюционной норманистской историографии // *Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв. Материалы Международной научной конференции.* 27–28 ноября 2009 г. / Ответственный редактор В.В. Фомин. — Липецк: ЛГПУ, 2010. — С. 74–82.
2531. *Фомин В.В.* М.В. Ломоносов-историк глазами Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера // *Ключевские чтения — 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции / Сб. научных трудов.* — М.: «Спутник+», 2015. — С. 94–102.
2532. *Фомин В.В.* Ломоносовофобия российских норманистов // *Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин.* — М., 2010. — С. 203–521.
2533. *Фомин В.В.* Наименование западноевропейцев в ранних русских источниках // *Вехи минувшего. Учёные записки исторического факультета ЛГПУ.* — Вып. 2. — Липецк: ЛГПИ, 2000. — С. 214–227.
2534. *Фомин В.В.* Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // *ОИ.* — 2008. — № 2. — С. 170–189.
2535. *Фомин В.В.* Научная полемика в традиции и стиле норманистов // *Ключевские чтения — 2020. Народ и власть: Материалы Международной научной конференции молодых учёных. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е. Воронин.* — М.: «Спутник+», 2021. — С. 32–48.
2536. *Фомин В.В.* Научное пристрастие как причина фальсификации источников (на примере Н.М. Карамзина и Д.С. Лихачёва) // *Власть и общество в исследованиях историков, политологов, социологов / Материалы Семнадцатой Всероссийской научной*

- конференции (Воронеж, 3 февраля 2023 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. — Воронеж: ВГУ, 2023. — С. 3–9.
2537. *Фомин В.В.* «Научный норманизм» российской археологии начала XXI в. // IX Барте-невские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 9 октября 2020 года / Отв. редакторы А.Н. Долгих, В.Н. Томилин. — Липецк: ЛГПУ, 2020. — С. 44–68.
2538. *Фомин В.В.* Начало Руси в трудах М.В. Ломоносова // Михаил Васильевич Ломоносов. В Университете должен быть профессор политики...: Сборник материалов и исследований к 260-летию проекта М.В. Ломоносова об учреждении Московского университета. — М.: МГУ, 2014. — С. 363–405.
2539. *Фомин В.В.* Начало русского летописания в творчестве А.Г. Кузьмина // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы) / Сб. статей. Памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина. — М.: Прометей, 2008. — С. 83–96.
2540. *Фомин В.В.* Начальная история Руси. — М.: Русская панорама, 2008. — 296 с.
2541. *Фомин В.В.* Новгород в планах Швеции в Смутное время // Ключевские чтения — 2016. Образ и смысл Победы в российской истории: Сборник / Отв. ред. В.Е. Воронин. — М.: «Спутник+», 2017. — С. 69–79.
2542. *Фомин В.В.* Норманизм и его истоки // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Материалы научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы отечественной истории в вузовском и школьном курсах» (Арзамас, 14–15 сентября 1993 г.). — Арзамас: АГПИ, 1994. — С. 18–30.
2543. *Фомин В.В.* Норманизм как порождение великодержавных устремлений Швеции в Смутное время // Смута как исторический и социокультурный феномен: Материалы Всероссийской научной конференции. 22–23 апреля 2013 г. — М.: Прометей, 2013. — С. 159–165.
2544. *Фомин В.В.* Норманистская сущность «советского антинорманизма». — Ч. 1 // ИФ. — 2018. № 3–4. С. 98–164.
2545. *Фомин В.В.* Норманистская сущность «советского антинорманизма». — Ч. 2 // ИФ. — 2019. № 1. С. 60–97.
2546. *Фомин В.В.* Норманистская версия происхождения имени «Русь» и её научная несостоятельность // История и историки. 2007. Историографический вестник. — М., Наука, 2009. — С. 11–70.
2547. *Фомин В.В.* Норманская проблема // В поисках истины: учёный и его школа. — М., 2011. — С. 203–256
2548. *Фомин В.В.* Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сб. РИО. — Т. 4 (152). От Тмуторокана до Тамани. — М.: Русская панорама, 2002. — С. 305–324.
2549. *Фомин В.В.* Оценка учёными 20-х — 30-х гг. XIX вв. состояния разработки варяго-русского вопроса // Вехи минувшего. Учёные записки исторического факультета ЛГПУ. — Вып. 4. — Липецк: ЛГПУ, 2007. — С. 5–25.
2550. *Фомин В.В.* Ошибки и фальсификации учёных в оценке роли хазар в истории восточных славян // ВИ. — 2023. — № 8. — С. 38–73.
2551. *Фомин В.В.* Примечания // *Ломоносов М.В.* ПСС. — Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., СПб.: Наука, 2011. — С. 449–566.
2552. *Фомин В.В.* Причины возникновения и распространения норманской теории в зарубежной и отечественной науке XVII–XIX вв. // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. Материалы Всероссийской научной конференции 14–16 мая 2008 г. — Нижний Новгород, НГПИ, 2008. — С. 43–49.
2553. *Фомин В.В.* Пургасова Русь // ВИ. — 2007. — № 9. — С. 3–17.
2554. *Фомин В.В.* Разработка Северного морского пути в трудах М.В. Ломоносова // Арктика: экология и экономика. — № 4. — 2011. — С. 92–100.

2555. *Фомин В.В.* Российская историческая наука и С.А. Гедеонов // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментарии, биографического очерка В.В. Фомин. — М., 2004. — С. 6–54.
2556. *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк: ЛГТУ, 1999. — 149 с.
2557. *Фомин В.В.* «Скандинавомания» и её небылицы // *Родина*. — 2009. — № 10. — С. 98–101.
2558. *Фомин В.В.* Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // *Сб. РИО*. — Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. — М.: Русская панорама, 2002. — С. 230–257.
2559. *Фомин В.В.* Скандинавы и хазары в русской истории: современная интерпретация // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V Межвузовской научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». — Арзамас: АГПИ, 2002. — С. 180–187.
2560. *Фомин В.В.* Слово к читателю // *Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин*. — М.: Русская панорама, 2010. — С. 6–10.
2561. *Фомин В.В.* Слово о Ломоносове // *Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин*. — М.: Русская панорама, 2012. — 567 с.
2562. *Фомин В.В.* «Советский антинорманизм» на примере трудов И.П. Шаскольского // *ГИЦР*. — № 4 (5). — 2017. — С. 54–65.
2563. *Фомин В.В.* Сокрушение С.А. Гедеоновым норманистского мифа // *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Историческое исследование / Сост., автор предисл., коммент., примеч. В.В. Фомин. — М.: Академический проект, 2018. — С. 6–110.
2564. *Фомин В.В.* С.М. Соловьёв и его критика «ультранорманизма» // *С.М. Соловьёв и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка / Отв. ред. Ю.А. Петров*. — М.: ИРИ РАН, 2020. — С. 34–51.
2565. *Фомин В.В.* Страсти по Татищеву // *ИФ*. — 2016. — № 1. — С. 55–72.
2566. *Фомин В.В.* Термин «фряги» русских памятников XII–XVII вв. и его значение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (89). — С. 69–74.
2567. *Фомин В.В.* *Труды В.Н. Татищева* — фундамент отечественной исторической науки // *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времён. — Т. I. — М.: Академический проект, 2016. — С. IV–XVI.
2568. *Фомин В.В.* Ультранорманизм в прошлом и настоящем // *Историческое образование*. — 2014. — № 2. — С. 22–69.
2569. *Фомин В.В.* «Ультранорманизм» и лингвистика с «норманским предрассудком» датчанина В. Томсена // *Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв.*, конференция, посвящённая 800-летию Александра Невского и 300-летию Российской империи. Липецк, 8 октября 2021 г. — Липецк: ЛГПУ, 2021. — С. 124–137.
2570. *Фомин В.В.* Ультранорманизм отечественной археологии 1990-х гг. // *IX Бартеневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне*. Липецк, 9 октября 2020 года / Отв. редакторы А.Н. Долгих, В.Н. Томилин. — Липецк: ЛГПУ, 2020. — С. 24–44.
2571. *Фомин В.В.* Фальсификация истории Белоозера — фальсификация истории России // *Белоозеру Синеуса — 1160 лет: материалы Международного научного форума / Белозерск, 23–24 сентября 2022 года / Под ред. В.В. Фомина*. — Липецк, 2022. — С. 4–21.
2572. *Фомин В.В.* Фальсификации современного норманизма // *Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв.* Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк: ЛГПУ, 17–18 мая 2013 г. — Липецк: ЛГПУ, 2013. — С. 265–283.
2573. *Фомин В.В.* Формирование государственности у восточных славян и варяго-русский вопрос // *Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе*. Материа-

- лы международной научной конференции будапештского Центра русистики от 19–20 мая 2008 г. — Budapest: Russica Pannonicana, 2009. — S. 39–54.
2574. *Фомин В.В.* «Фряги» русских памятников // *ВИ.* — 2018. — № 9. — С. 12–34.
2575. *Фомин В.В.* Христианство на Руси до 988 года // *Православие и русская литература: сб. статей участников VII Всероссийской научно-практической конференции (27–28 мая 2021 г.)* / Отв. ред. С.Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. — Арзамас, 2021. — С. 222–247.
2576. *Фомин В.В.* Южнобалтийское происхождение варяжской руси // *ВИ.* — 2004. — № 8. — С. 149–163.
2577. *Фомин В.В., Исакова Л.В.* Вклад Густава Эверса в изучение начального периода истории Руси // *Вестник Российского университета дружбы народов.* — Серия: История России. — Т. 17. — № 1. — 2018. — С. 151–174.
2578. *Формозов А.А.* Записки русского археолога (1940–1970-е годы). — М.: Гриф и К, 2011. — 289 с.
2579. *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. — М.: Радикс, 1995. — 158 с.
2580. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — М.: Знак, 2004. — 316 с.
2581. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — Изд. 2-е, доп. — М.: Знак, 2006. — 341 с.
2582. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). — Т. I. Борьба из-за Ливонии. — СПб.: тип. Балашева, 1893. — 717, XV с.
2583. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). — Т. II. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). — СПб.: тип. Балашева и К°, 1894. — 640 с.
2584. *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. — СПб.: тип. Н.Н. Скороходова, 1884. — XVI, 619, 43 с.
2585. *Форстен Г.В.* Политика Швеции в Смутное время // *ЖМНП.* Февраль. — 1889. — Ч. CCLXI. — С. 326–349.
2586. *Форстен Г.В.* Политика Швеции в Смутное время // *ЖМНП.* Октябрь. — 1889. — Ч. CCLXV. — С. 185–213.
2587. *Фортинский Ф.Я.* Варяги и Русь. Историческое исследование С. Гедеонова. 2 ч. — СПб., 1876. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1878. — 47 с.
2588. *Фортинский Ф.Я.* Опыты систематической обработки исторической критики // *Университетские известия.* — Киев, 1884. — № 8. — С. 9–26.
2589. *Фортинский Ф.Я.* Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года. — Киев: Унив. тип., 1877. — 416, II с.
2590. *Франклин С.* К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // *ТОДРЛ.* — 1988. — Т. 41. — С. 324–330.
2591. *Франклин С.* Письменность, общество и культура Древней Руси: (около 950–1300 гг.). — СПб: Дмитрий Буланин, 2010. — 552 с.
2592. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200 / Под ред. Д.М. Буланина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 634 с.
2593. *Френкель Я.В.* Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладogi) // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. — СПб.: Нестор-История, 2010. — С. 547–574.
2594. *Френкель Я.В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени В.В. Седова. Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 г.)*. — Псков, 2008. — С. 228–252.

2595. *Фролов Р.А.* Русско-шведские внешнеполитические отношения 1523–1595 гг. — Елец: тип. г. Ельца, 2012. — 138 с.
2596. *Фролов Р.А.* Русско-шведские отношения в контексте внешней политики России 1492–1595 гг. Автореф. дис. ... канд. наук. — Тамбов, 2010. — 21 с.
2597. *Фролов Э.Д. Г.З.* Байер и начало антиковедения в России // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. статей. К 60-летию И.Я. Фроянова. — СПб.: СПбУ, 1996. — С. 61–75.
2598. *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном рассказе о призвании варягов // ВИ. — 1991. — № 6. — С. 3–15.
2599. *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. — СПб.: СПбГУ, 1992. — 280 с.
2600. *Фруменков Г.Г. М.В.* Ломоносов — историк нашей Родины. — [Архангельск], 1970. — 56 с.
2601. *Фукс А.Н.* Идеиная борьба вокруг учебников русской истории // Народное образование. — 1985. — № 8. — С. 82–85.
2602. *Фукс А.Н.* «Краткие очерки» Д.И. Иловайского как историографический источник // Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии. Труды Всероссийской научной конференции «VI Историографические чтения памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского» (к 180-летию со дня рождения Д.И. Иловайского) / Отв. ред. Л.В. Чекурин. Рязань, 23–25 мая 2012. — Рязань: РИАМЗ, 2012. — С. 44–55.
2603. *Фукс А.Н.* Русская история в школьных учебниках Д.И. Иловайского // ОИ. — 2008. — № 5. — С. 185–192.
2604. *Фукс А.Н.* Учебник по русской истории в дореволюционной России // Советская педагогика. — 1987. — № 3. — С. 102–108.
2605. *Фукс А.Н.* Школьные учебники Д.И. Иловайского и их реакционная сущность // Преподавание истории в школе. — 1982. — № 5. — С. 75–78.
2606. *Фукс А.Н.* Школьные учебники по русской истории в конце XIX — начале XX в. // Советская педагогика. — 1982. — № 6. — С. 96–100.
2607. *Фундаминский М.И.* Социальное положение учёных в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII века. — Л.: ЛВВМИУ, 1984. — С. 52–71.
2608. *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции глоттогенеза. — М.: МГУ, 1979. — 231 с.
2609. *Хамайко Н.В.* Тавлейные короли X в. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. — СПб., Соло, 2012. — С. 284–288.
2610. *Харузин Н.Н.* Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей // Временник Эстляндской губернии. — 1893. — Кн. 1. — Ревель, 1894. — С. 86–236.
2611. *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмед бек Омар Ибн-Даста. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1869. — XIV, 199 с.
2612. *Хвоцинская Н.В.* Кольцевидные фибулы с Рюрикова городища // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Сб. статей. Памяти О.И. Давидан. — СПб.: ГЭ, 2002. — С. 98–101.
2613. *Хейвуд Д.* Люди Севера: История викингов, 793–1241 / Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 460 с.
2614. *Херрман Й.* Ободриты, лютиты, руяне // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Прогресс, 1986. — С. 338–359.
2615. *Херрман Й.* Общество у германских и славянских племён и народности между Рейном и Одером в VI–XI веках // ВИ. — 1987. — № 9. — С. 68–85.
2616. *Херрман Й.* Полабские и ильменские словене в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. — М.: Наука, 1978. — С. 191–196.

2617. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Прогресс, 1986. — С. 8–128.
2618. Хлевов А.А. Кто такие викинги. — СПб.: Евразия, 2021. — 224 с.
2619. Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. — СПб.: СПбГУ, 1997. — 101 с.
2620. Хлевов А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. Автореф. дис. ... канд. наук. — СПб., 1994. — 22 с.
2621. Хлевов А.А. Об основных тезисах современного антинорманизма // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Ярославль, 26–27 февраля 2015 г. — Ярославль, 2015. — С. 34–38
2622. Хлевов А.А. Предисловие к русскому изданию // Арбман Х. Викинги / Пер. с англ. Н.В. Ерёмовой. — СПб.: Евразия, 2006. — С. 7–12.
2623. Хлевов А.А. Современный антинорманизм как историографический феномен // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 111-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина / Под ред. д.и.н. А.Ю. Дворниченко. — СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 196–204.
2624. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Его же. Всемирная задача России. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 549–574.
2625. Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Его же. Всемирная задача России. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 574–612.
2626. Хомяков А.С. Работы по историософии // Его же. Сочинения в двух томах. — Т. I. — М.: Медиум, 1994. — 591 с.
2627. Хорошкевич А.Л. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // НИС. — Вып. 6 (16). — СПб., 1997. — С. 128–134.
2628. Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И., Коваленко Г.М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века / Перевод С.А. Аннинского. А.М. Александрова. — М.: Памятники исторической мысли, 2000. — С. 521–561.
2629. Хрестоматия по истории России с древнейших времён до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. — М.: Владос, 2004. — 656 с.
2630. Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие. — Киев: Унив. тип., 1878. — X, 212 с.
2631. Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. — Л.: Наука, 1986. — 336 с.
2632. Царь Иван IV Грозный / Изд. подг. С.В. Перевезенцев. — М.: Русский мир, 2005. — 720 с.
2633. Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. — М.: Унив. тип., 1890. — 782, X с.
2634. Цветков С.В. Поход руссов на Константинополь в 860 году и начало Руси. — СПб.: Блиц, 2010. — 248 с.
2635. Цветков С.В., Черников И.И. Торговые пути, корабли кельтов и славян. — СПб.: Блиц, 2008. — 344 с.
2636. Цветков С.Э. Начало русской истории. С древнейших времён до княжения Олега. — М., Центрополиграф, 2012. — 429 с.
2637. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. — 2001. — № 4. — С. 55–77.
2638. Цукерман К. О введении византино-русских договоров в текст Начального свода и возникновение Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2008. — № 3 (33). — С. 69–70.
2639. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археоло-

- логический сборник. Материалы международной конференции. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — С. 343–351.
2640. *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. — Вып. 6 / К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. — М.: Индрик, 1996. — С. 68–80.
2641. *Цыганков Д.А.* Terra Eurora: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. — М.: РОССПЭН, 2014. — 671 с.
2642. *Чекурин Л.В.* Русский историк Д.И. Иловайский. — Рязань, 2002. — 108 с.
2643. *Чекурин Л.В. Труды Д.И. Иловайского: оценки историков // Историографическое наследие провинции.* — Вып. 2. Материалы V Научно-практической конференции, посвящённой памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. — Рязань: РИАМЗ, 2011. — С. 3–37.
2644. *Ченакал В.Л.* Эйлер и Ломоносов (к истории их научных связей) // *Эйлер Л.* Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академией наук СССР. — М.: АН СССР, 1958. — С. 423–463.
2645. *Черепнин Л.В.* Историография // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. — Ч. 1. — М.: АН СССР, 1953. — С. 27–56.
2646. *Черепнин Л.В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. — Вып. 1. — М.: Наука, 1973. — С. 32–63.
2647. *Черепнин Л.В.* К спорам о методологии изучения начального летописания. (*Ответ А.Г. Кузьмину*) // ИСССР. — 1973. — № 4. — С. 231–237.
2648. *Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», её редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. — Т. 25. — М., 1948. — С. 293–333.
2649. *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. Курс лекций. — М.: МГУ, 1957. — 305 с.
2650. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. — Ч. 1. — М., Л.: АН СССР, 1948. — 472 с.
2651. *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИСССР. — 1972. — № 4. — С. 46–64.
2652. *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). — М.: Наука, 1966. — С. 183–219.
2653. *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // Его же. Отечественные историки XVIII–XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. — М.: Наука, 1984. — С. 45–73.
2654. *Чернер С.* Происхождение и развитие государственной системы на острове Готланд в средние века // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 26–43.
2655. *Чернецов А.В.* Древнерусская культура в мировом контексте: значение проблемы и перспективы её изучения // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции / Отв. ред. А.В. Чернецов. — М.: РГГУ, 1999. — С. 7–39.
2656. *Черникова Т.В., Чиликин К.П.* История России с древнейших времён до конца XVI в.: 6 кл.: учебник // Под общ. ред. В.Р. Мединского. — М.: Просвещение, 2020. — 272 с.
2657. *Чернобаев А.А.* Немецкие учёные-историки — члены Российской Академии наук в XVIII в. // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. — СПб.: Дмитрия Буланин, 2003. — С. 125–135.
2658. *Чернобаев А.А.* Покровский Михаил Николаевич // Историки России. Биографии. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 447–454.
2659. *Чернов А.Ю.* Олег и его щит. Как ныне собирается Вещий Олег щита прибавить на ворота... // Староладожский сборник. — Вып. 9. — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 60–68.

2660. Черных А.В. Научная славяноведческая (история, источниковедение, лингвистика, этнография, фольклор) деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872). — Воронеж НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — 489 с.
2661. Черных А.В. Определение характера взаимоотношений полабо-прибалтийских славян с Франкской державой Каролингов в отечественной и зарубежной историографии // История и историки: историографический вестник. 2015–2019 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: Наука, 2021. — С. 188–199.
2662. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для педагогических вузов. — Минск: Учпедгиз, 1952. — 312 с.
2663. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для педагогических вузов. Изд. 2-е. — М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1954. — 336 с.
2664. Черных П.Я. К вопросу о происхождении имени «варяг» // Учёные записки Ярославского пединститута. Русское языкознание. — Вып. IV. — Ярославль, 1944. — С. 63–76.
2665. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. — М.: МГУ, 1956. — 243 с.
2666. Чернышёв Н.А. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных на Днепрострое в 1928 году // СС. — Вып. VI. — Таллин: Эстгосиздат, 1963. — С. 211–228.
2667. Чернышевский Н.Г. Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова // Его же. ПСС. В 15 т. — Т. 7. Статьи 1860–1861 годов. — М.: Госиздательство художественной литературы, 1950. — С. 296–299.
2668. Чернышевский Н.Г. <Из № 11 журнала «Отечественные записки», 1854> // Его же. ПСС. В 15 т. — Т. 16 (дополнительный). — М.: Художественная литература, 1953. — С. 67–76.
2669. Чернышевский Н.Г. ПСС. — Т. 16. — М.: Художественная литература, 1953. — 1002 с.
2670. Честование М.В. Ломоносова на «Дне русской культуры»: Речь П.Н. Милюкова «М.В. Ломоносов (личность и историческая роль)» // История и историки. 2009–2010. Историографический вестник. — М., Наука, 2012. — С. 24–41.
2671. Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского и рассуждения о них архимандрита Порфирия Успенского. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1864. — 120 с.
2672. Четьи-Минеи. — СПб., 1840.
2673. Чивилихин В.А. Память. Роман-эссе. — Кн. 2. — Л.: Лениздат, 1983. — 809 с.
2674. Членов А.М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропологии. — М.: Наука, 1970. — С. 324–329.
2675. Чубарьян А.О. Расширение горизонтов познания // Родина. — 2012. — № 9. — С. 4–5.
2676. Чуракова А.Ю. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе в VII–XII вв. / Отв. ред. Н.И. Платонова. — СПб.: Бранко, 2017. — С. 158–176.
2677. Чхаидзе В.Н. Славяно-русские поселения X–XII вв. на Тамани? // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург. 3–5 декабря 2012 г. — СПб.: Соло, 2012. — С. 152–155.
2678. Шамрай Д.Д. О тиражах «Краткого Российского летописца с родословием» // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. — М., Л.: АН СССР, 1962. — С. 282–284.
2679. Шанский Д.Н. Запальчивая полемика: Герард Фридрих Миллер, Готлиб Зигфрид Байер и Михаил Васильевич Ломоносов // Историки России. XVIII — начало XX века. — М.: Науч.-издат. центр «Скрипторий», 1996. — С. 28–38.
2680. Шанский Д.Н. Историческая мысль // Очерки русской культуры XVIII века. — Ч. 3. — М.: МГУ, 1988. — С. 122–161.
2681. Шапиро А.Л. Историография с древнейших времён по XVIII век. Курс лекций. — Л.: ЛГУ, 1982. — 239 с.

2682. *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времён до 1917 года. — Л.: Культура, 1993. — 761 с.
2683. *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. — Л.: ЛГУ, 1962. — 235 с.
2684. *Шапошников В.Н., Кузнецов Е.В.* Битва при Бравалле и этническая карта Северной Европы VIII в. // Проблемы английской истории и историографии. — Горький: ГГПИ, 1989. — С. 96–111.
2685. *Шаровольский И.В.* О славянских заимствованиях в северных германских языках // Изборник Киевский. — Киев, 1904. — С. 1–38.
2686. *Шаронов В.В.* Ломоносов как организатор наблюдений прохождения Венеры по диску Солнца в 1761 г. в России и открытие им атмосферы Венеры // Ломоносов. Сборник статей и материалов. — Т. IV. — М., Л.: АН СССР, 1960. — С. 7–40.
2687. *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. — Л.: Наука, 1980. — 322 с.
2688. *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. — Вып. 7. — Л.: ЛГУ, 1983. — С. 35–51.
2689. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. — Л.: Наука, 1978. — 245 с.
2690. *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. — Вып. 10. — Л.: Наука, 1967. — С. 128–176.
2691. *Шаскольский И.П.* Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980 г. — М.: Наука, 1981. — С. 43–54.
2692. *Шаскольский И.П.* Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. — Л.: Наука, 1978. — С. 152–165.
2693. *Шаскольский И.П.* Норманская проблема на современном этапе // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. — Ч. I. — М., 1971. — С. 43–45.
2694. *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии // ИСССР. — 1960. — № 1. — С. 223–236.
2695. *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. — М., Л.: Наука, 1965. — 220 с.
2696. *Шаскольский И.П.* О роли норманнов в Древней Руси в IX–X вв. // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20–22 avril 1979. — Uppsala, 1981. — S. 203–214.
2697. *Шаскольский И.П.* Памятники русско-византийского искусства на острове Готланд // ВИД. — Т. XXIII. — М., 1991. — С. 134–143.
2698. *Шаскольский И.П.* Развитие торговых сношений России со Швецией // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. — М., 1965. — С. 44–47.
2799. *Шаскольский И.П.* Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма (историографический обзор) // ОИ. — 1994. — № 2. — С. 155–160.
2700. *Шаскольский И.П.* Сигтунский поход 1187 г. // ИЗ. — Ч. 29. — М., 1949. — С. 135–163.
2701. *Шаскольский И.П.* «Скандинавский сборник». V, VI, VII // ВИ. — 1964. — № 11. — С. 125–128.
2702. *Шаскольский И.П.* Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах юго-восточной Прибалтики // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. — Ч. 1. — М., 1993. — С. 98–101.
2703. *Шаскольский И.П.* Современные норманисты о русской летописи // Критика новейшей буржуазной историографии. — Вып. 3. — М., Л.: АН СССР, 1961. — С. 335–373.
2704. *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со шведским государством. — М., Л.: Наука, 1964. — 218 с.
2705. *Шаскольский И.П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. — Л.: Наука, 1970. — С. 9–63.

2706. *Шафарик П.И.* Славянские древности. — Т. I. — Кн. 3. — М.: Унив. тип., 1838. — 302 с.
2707. *Шафарик П.И.* Славянские древности. — Т. II. — Кн. 1. — М.: Унив. тип., 1848. — 454 с.
2708. *Шафарик П.И.* Славянские древности. — Т. II. — Кн. 3. — М.: Унив. тип., 1848. — 427 с.
2709. *Шахматов А.А.* Варанголимен и Россофар // Историко-литературный сборник. *Посвящается В.И. Срезневскому.* — Л.: ОРЯС РАН, 1924. — С. 166–182.
2710. *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. — Ч. I. Исторический процесс образования русских племён и наречий. — Пг.: Издание студенческого издательского комитета при Историко-филологическом факультете Петроградского ун-та, 1916. — 149 с.
2711. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. — Пг.: 2-я Государственная типография, 1919. — 64 с.
2712. *Шахматов А.А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. — Т. II. — Вып. 2. — № 4. — Пг.: И.А. Ефрон, 1914. — С. 30–60.
2713. *Шахматов А.А.* К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. — Казань: типо-лит. имп. ун-та, 1912. — 54 с.
2714. *Шахматов А.А.* Киевский Начальный свод 1095 года // *Академик А.А. Шахматов. 1864–1920 / Сб. статей и материалов.* — М., Л.: АН СССР, 1947. — С. 119–160.
2715. *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI в. — М., Л.: АН СССР, 1938. — 372 с.
2716. *Шахматов А.А.* Отзыв о труде В.А. Пархоменко: «Начало христианства Руси» // ЖМНП. — Ч. LII. Новая серия. — № 8. — СПб., 1914. — С. 334–354.
2717. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. — Вып. 11. — Пг.: ОРЯС, 1915. — С. I–354.
2718. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Вводная часть. Текст. Примечания. — Т. 1. — Пг.: Изд-во Археографической комиссии, 1916. — VIII, LXXX, 403 с.
2719. *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и её источники // ТОДРЛ. — Вып. IV. — М., Л., 1940. — С. 9–150.
2720. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб.: тип. М.А. Александрова, 1908. — XX, 686 с.
2721. *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1904. — 86 с.
2722. *Шахматов А.А.* Толковая Палея и Русская летопись // Статьи по славяноведению. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1904. — С. 199–272.
2723. Швеция и шведы в средневековых источниках / Пер., предисл., коммент. А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной / Сост. и отв. ред. А.Д. Щеглов. — М.: Наука, 2007. — 367 с.
2724. *Шевцов В.И.* Дворянско-буржуазная историография 20–40-х годов XIX в. о Густаве Эверсе // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. — Днепропетровск, 1972. — С. 81–96.
2725. *Шевцов В.И.* Г. Эверс и развитие русской исторической науки в XVIII — начале XIX в. в немецкой историографии // Исследования по славяно-германским отношениям. — М.: Институт славяноведения и балканистики, 1971. — С. 30–42.
2726. *Шеншин В.* О пользе изучения русской истории в связи со всеобщей // Телескоп. — М., 1834. — Ч. 20. — № 11. — С. 125–144; № 12. — С. 197–220.
2727. *Шилов А.Л.* Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (О топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // ВЯ. — 1999. — № 3. — С. 109–118.
2728. *Шинаков Е.А.* Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа). Автореф. дис. ... докт. наук. — Брянск, 2000. — 37 с.
2729. *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. — Брянск: БГУ, 2002. — 488 с.
2730. *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Восточная литература, 2009. — 477 с.

2731. *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. — СПб.: МАЭ РАН, 2000. — С. 303–347.
2732. *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // ДГВЕ. 2010 г. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — С. 34–93.
2733. *Шинаков Е.А.* Три первых упоминания русов (росов) конца 30 — начала 40-х гг. IX в. в международном аспекте // Вестник Брянского государственного университета. — 2014. — Вып. 2. — С. 158–165.
2734. *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* «Славяне» и «русы» IX — начала X вв.: сравнительный контент-анализ «восточных» источников // Русский сборник. — Вып. 1. — Брянск, 2002. — С. 186–208.
2735. [Шлёцер А.Л.] Житие преподобного Нестора, сочинителя сея летописи // Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи и всякия записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времён. — Ч. I. — СПб.: при имп. Акад. наук, 1767. — С. I–XII.
2736. *Шлёцер А.Л.* Изображение российской истории / Перевод с французского языка Н. Назимова. — СПб., [1769]. — 15 с.
2737. *Шлёцер А.Л.* Нестор. — Ч. I. — СПб.: имп. тип., 1809. — 9, XLI, а-рме, 475 с.
2738. *Шлёцер А.Л.* Нестор. — Ч. II. — СПб.: имп. тип., 1816. — 837 с.
2739. *Шлёцер А.Л.* Нестор. — Ч. III. — СПб.: тип. К. Шпора, 1819. — X, 687 с.
2740. *Шлёцер А.Л.* Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и её небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин. — М.: Русская панорама, 2015. — С. 251–354.
2741. [Шлёцер А.Л.] Предисловие // Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи и всякия записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времён. — Ч. I. — СПб.: при имп. Акад. наук, 1767. — С. 1–33.
2742. *Шлёцер А.Л.* Представление всеобщей истории. — СПб.: Синод, 1809. — 235 с.
2743. *Шмидт А.В.* Археологическое изучение древностей севера СССР // Финноугорский сборник. — Л.: АН СССР, 1928. — С. 135–242.
2744. *Шмидт Е.А.* Гнёздово — протогород конца IX — X вв. н.э. // Гнёздово: история и современность. — Смоленск, 1998. — С. 19–31.
2745. *Шмурло Е.Ф.* История России 862–1917. — М.: Аграф, 2001. — 624 с.
2746. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). — СПб.: Алетейя, 1998. — 542 с.
2747. *Шнеевайс Й.* «Полабские славяне» — исследовательский проект на северо-западной периферии славянского мира // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 247–263.
2748. *Шнеевайс Й.* Раннесредневековые городища Северной Германии // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе в VII–XII вв. / Отв. ред. Н.И. Платонова. — СПб.: Бранко, 2017. — С. 198–223.
2749. *Шноре Э.Д.* Асотское городище // Материалы исследования по археологии Латвийской ССР. — Т. II. — Рига, 1961. — С. 5–168.
2750. *Шноре Э.Д.* Городища древних летгалов // Труды Прибалтийской объединённой комплексной экспедиции. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. — Т. I. — М.: АН СССР, 1959. — С. 222–232.
2751. *Шноре Э.Д.* Поселения летгалов // Тезисы докладов на объединённой конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). — М., 1955. — С. 39–40.

2752. *Шокарев С.Ю. Сочинения И. Массы и П. Петрея о Смутном времени // О начале войн и смут в Московии.* — М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. — С. 465–472.
2753. *Шольц Б. Варяжский вопрос в записках Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения 1998 г.* — СПб.: Наука, 1999. — С. 194–204.
2754. *Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур.* — М.: Наука, 2000. — С. 105–116.
2755. *Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения руководителя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского, 28 сентября — 2 октября 1992.* — Новгород, 1994. — С. 145–150.
2756. *Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост. и ком. С.Ю. Шокарева.* — М.: РОССПЭН, 2002. — 239 с.
2757. *Штелин Я.Я. План похвального слова Ломоносову // Михаил Ломоносов глазами современников / Составление, подготовка текста и примечания Г.Г. Мартынова.* — М.: ЛомоносовЪ, 2011. — С. 35–38.
2758. *Штрубе Ф.Г. Рассуждения о древних россиянах / Перевод Л. Павловского.* — М.: Унив. тип., 1791. — 192 с.
2759. *Штрубе Ф.Г. Слово о начале и переменах российских законов (в торжественное празднество тезоименитства Елизаветы Петровны в публичном собрании Санкт-Петербургской Академии наук 6 сентября 1756 г.). Перевод С. Нарышкина.* — СПб.: тип. имп. Акад. наук, [1756]. — 34 с.
2760. *Штруве К.-В. Раскопки княжеской крепости славян-вагров в Ольденбурге (Гольштейн) // Труды V Международного конгресса славянской археологии.* — Т. I. — Вып. 26. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — М., 1987. — С. 139–147.
2761. *Штыхов Г.В. К вопросу о пребывании норманнов в Пскове // Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии.* — Ч. 1. — Таллин, 1973. — С. 112–113.
2762. *Шувалов П.В. Зачатие Руси: пушные пути Европы и устная традиция // Труды Государственного Эрмитажа.* — Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. — СПб.: ГЭ, 2009. — С. 75–88.
2763. *Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси.* — М.: Наука, 1964. — 302 с.
2764. *Щавелёв А.С. К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (летописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании / Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г.* — М.: Аквилон, 2016. — С. 533–536.
2765. *Щавелёв А.С. Кий, Щек, Хорив, Лыбедь // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина.* — М.: Ладомир, 2014. — С. 382–383.
2766. *Щавелёв А.С. Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX — X в.) // Уральский исторический вестник.* — 2013. — № 1 (38). — С. 112–121.
2767. *Щавелёв А.С. Якун // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина.* — М.: Ладомир, 2014. — С. 915.
2768. *Щавелёв А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // ДГВЕ. 2015 г.* — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — С. 278–328.

2769. *Щавелёв С.П.* Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. В 2-х кн. — Кн. 1. — Курск: КГМУ, 2013. — 478 с.
2770. *Щавелёв С.П.* Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. В 2-х кн. — Кн. 2. — Курск: КГМУ, 2013. — 516 с.
2771. *Щавелёв С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032:980). — Курск: КГМУ, 2012. — 40 с.
2772. *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. — М.: Наука, 1978. — 291 с.
2773. *Щеглов А.Д.* Олаус Магнус о России и русских (К вопросу об интерпретации образа) // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 230–238.
2774. *Щеглов Д.Ф.* Новый опыт изложения первых страниц русской истории. — СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1874. — 20 с.
2775. *Щеглов Д.Ф.* Первые страницы русской истории // ЖМНП. — Ч. 184. — СПб., 1876. — С. 427–520.
2776. *Щеголова О.А.* Статья Г.Ф. Корзухиной «Турьи рога черниговских курганов»: замечания к публикации архивного текста // В камне и бронзе. Сб. статей в честь А. Песковой / Труды ИИМК РАН. — Т. XLVIII. — СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. — С. 615–634.
2777. *Щендрыгин А.Н., Пенской В.В.* Тактика ранних славян и «стена» Святослава в «Истории» Льва Диакона (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе и образования Древнерусского государства) // Научные ведомости БелГУ. — Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2011. — № 1 (96). — Вып. 17. — С. 124–130.
2778. *Щепкин Е.Н.* Древнейшие сношения Швеции с востоком. (Новости шведских археологических журналов) // Исторические известия. — М., 1917. — № 1. — С. 14–24.
2779. *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. — Кн. 1–2. — М., 1825. — 356 с.
2780. *Эдинг Д.Н.* Сарское городище. — Ростов Ярославский: Ростов. гос. музей, 1928. — 107 с.
2781. *Эккехард из Ауры.* Всеобщая хроника / Перевод. с лат. яз. и комм. И.В. Дьяконова. — М.: Русская панорама, 2018. — 640 с.
2782. *Эмин Ф.* Российская история. — Т. I. — СПб.: имп. Акад. наук, 1767. — IV, 452 с.
2783. *Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* — Т. V. — СПб.: типо-литография И.А. Ефрон, 1891. — 468, XI с.
2784. *Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* — Т. IX. — СПб.: типо-литография И.А. Ефрон, 1893. — 486 с.
2785. *Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* — Т. X. СПб.: типо-литография И.А. Ефрон, 1893. — 502 с.
2786. *Эрлихман В.В.* Русь и варяги в Восточной Европе (IX–XII века) // Сб. РИО. — Т. 8 (156). Антинорманизм. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 169–177.
2787. *Эрлихман В.В.* Русы потерянные и обретенные // Родина. — 2002. — № 11–12. — С. 182–184.
2788. *Юрганов А.Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века. — М.: Политиздат, 1991. — С. 34–75.
2789. *Юревич В.Н.* О мнимых норманских именах в русской истории // Записки Одесского общества истории и древностей. — Т. 6. — Одесса, 1867. — С. 45–118.
2790. *Юркин И.Н.* «Обо мне дети Отечества пожалеют...» // Родина. — 2011. — № 9. — С. 85.
2791. *Юсим М.А.* [Рец.] Leif Tengstrom. «Mushoviten... turcken icke olijk»: ryssattribut, och deras motbilder, I svensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova // Jyväskylä studies in the arts 55. University of Jyväskylä, 1997. Del. II. 519 S. Лейф Тенгстрём. «Московиты...

- те же турки»: русские атрибуты в шведской геральдике от Густава Вазы до Столбовского мира. Ювяскюла, 1997. Т. 1–2 // СВ. — Вып. 61. — М.: Наука, 2000. — С. 385–388.
2792. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. — М.: Наука, 1985. — 367 с.
2793. Юшков С.В. К вопросу о происхождении русского государства // Учёные записки Московского юридического института НКЮ СССР. — Вып. 2. — М., 1940. — С. 37–59.
2794. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. — 544 с.
2795. Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. — Вып. 1. История славянской филологии. — СПб.: ОРЯС, 1910. — VIII, 965 с.
2796. Якобссон С. Народы Аустрвега и исландская картина мира: Прощание с историческим мифом // ДГВЕ. 2006 г. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. — С. 142–171
2797. Яковлев Н.Н. О преподавании отечественной истории // Большевик. — 1947. — № 22.
2798. Яковлева Е.А. Камерное погребение X в. из Старовознесенского района // Археология и истории Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. — Псков, 2006. — С. 66–78.
2799. Яковлева Е.А. Камерное погребение 3 из некрополя в южной части окольного города Пскова // АО 2006 года. — М.: Наука, 2009. — С. 106–108.
2800. Яковлева Е.А. «Камерные» погребения псковского некрополя // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда археологов в Суздале 2008 г. — Т. II. — М.: ИА РАН, 2008. — С. 419–421.
2801. Яковлева Е.А., Салмина Е.В., Королёва Э.В. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. — М., Вологда: Древности Севера, 2012. — С. 139–159.
2802. Яманов В.Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // ВИ. — 2002. — № 4. — С. 127–137.
2803. Янин В.Л. Археология и исследование русского средневековья // Вестник Российской Академии наук. — Т. 70. — № 10. — 2000. — С. 918–923.
2804. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: МГУ, 1956. — 206 с.
2805. Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. — 1992. — № 10. — С. 37–65.
2806. Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. — М.: Наука, 1991. — 381, [2] с.
2807. Янин В.Л. Новгородские посадники. — М.: МГУ, 1962. — 387 с.
2808. Янин В.Л. 70 лет Новгородской археологии. Итоги и перспективы // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Старая Ладога, 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб.: Вести, 2003. — С. 76–83.
2809. Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной конференции. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — С. 205–212.
2810. Янин В.Л. Основные итоги археологического изучения Новгорода // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 2. — М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. — С. 6–12.
2811. Янин В.Л. Очарование новгородской свободы // Родина. — 2009. — № 9. — С. 5–7.
2812. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода. (К постановке проблемы) // ИСССР. — 1971. — № 2. — С. 32–61.
2813. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатели к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986. — 311 с.

2814. Яниш Н.Н. Новгородская летопись и её московские переделки. — М.: имп. О-во истории и древностей рос., 1874. — 96 с.
2815. Янссон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // ДГВЕ. 1999 г. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 116–126.
2816. Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. — Т. III. — Вып. 16. — М., 1987. — С. 119–133.
2817. Янссон И. Русь и варяги // Викинги и славяне. Учёные, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — С. 19–30.
2818. Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. — М.: Русские словари, 1999. — С. 18–38.
2819. Янссон И., Тегнер Ё., Панова Т. Наследие варягов. Диалог культур / Отв. ред. И. Янссон. — М.: ГИМ, 1996. — 120 с.
2820. Ясновська Л.В. [Рец.] Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. — Paris, 2012. — 368 p. (Occasional Monographs — 3) // Археологія. — 2013. — № 2. — С. 126–131.
2821. Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. — Київ, 1970. — Т. XXIV. — С. 59–74.
2822. Грушевський М.С. Історія України-Руси. — Т. 1. — Львів, 1904.
2823. Моця О.П. Поховання скандинавів на Півдні Київської Русі // Археологія. — 1990. — № 4. — С. 90–97.
2824. Пархоменко В.А. Из листування з акад. О.О. Шахматовым // Україна. — Кн. 6. — Київ, 1925. — С. 125–128.
2825. Тарановскій Ф.В. Увод у историю словенских права. — Београд, 1923. — 208 с.
2826. Adelung F. Siegmund Freiherr von Herberstein. — SPb., 1818. — XXX, 514 S.
2827. Allgemeine Literatur-Zeitung. — Bd. 1. — Halle, Leipzig, 1809. № 22. — Sp. 177–184; № 23. — Sp. 185–187.
2828. Andersson H. Sjuttiosex medeltidsstäder — aspekter på stadsarkeologi och medeltida urbaniseringsprocess i Sverige och Finland. — Stockholm, 1990.
2829. Arne T.J. Det stora Svitjod. Essauer om gångna tiders svensk-ruska kulturföbindelser. — Stockholm, 1917. — 222 S.
2830. Arne T.J. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings. — Upsala, 1914. — 237 P.
2831. Artsikhovsky A. Archaeological Data on the Varangian Question // VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Reports and Communications by Archaeologists of the USSR. — Moscow, 1962. — P. 1–9.
2832. August Ludwig v. Schlözer und Russland / Eingeleitet und unter mitarbeit von L. Richter und L. Zeil herausgegeben von E. Winter. — Berlin, 1961. — 341 S.
2833. Auszug russischer Geschichte nach Anleitung des Cronici Theodosiani Kioiueusis // Sammlung russischer Geschichte. — Bd. I. — SPb., 1732. — Stud. I. — S. 9–33; Stud. II. — S. 93–113; Stud. III. — S. 171–195; Stud. IV. — S. 349–358; Stud. V. — S. 359–406; Stud. VI. — S. 455–494.
2834. Auszug russischer Geschchte des X. und XI. Jahrhunderts: Aus des Snorrouis Sturlesons Historie der nordischen Könige // Sammlung russischer Geschichte. — Bd. I. — Stud. II. — SPb., 1733.
2835. Bayer G.S. De russorum prima expeditione Constantinopolitana // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. — T. VI. — Petropoli, 1736.
2836. Bayer G.S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. — T. IV. — Petropoli, 1735. — P. 275–311.
2837. Bayer G.S. Origines Russicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. — T. VIII. — Petropoli, 1741. — P. 388–436.
2838. Bazylow L. Historia Rosji. — Wroclaw, Warszawa-Krakow, 1969. — 515 s.

2839. *Beer M.I.* Rerum Mecleburgicarum. — Lipsiae, 1741.
2840. *Biographiskt Lexikon öfver namnkunnige svenska män.* — Bd. 4. — Upsala, 1838. — 386 S.
2841. *Biographiskt Lexikon öfver namnkunnige svenska män.* — Bd. 11. — Upsala, 1845. — 442 S.
2842. *Briet Ph.* Parallela geographiae veteris et novae. — T. 2. — P. 1. — Parisiis, 1649. — 548 P.
2843. *Buchholtz S.* Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. — Rostock, 1753. — 769 S.
2844. *Chadwick N.K.* The Beginnings of Russian History. An enquiry into Sources. — Cambridge, 1946. — 188 P.
2845. *Clarke X., Ambrosiani B.* Vikingastäder. — Höganäs, 1993.
2846. *Cronholm A.* Sveriges historia under Gustaf II Adolphi regering. — Bd. 1. — Stockholm, 1857. — 488 S.
2847. *Grimm J.* Kleinere Schriften. — Bd. 2. — Berlin, 1865. — 925 S.
2848. *Dalin O.* Geschichte des Reiches Schweden. — Th. 1. — Greifswald, 1756. — 545 S.
2849. *Długossi J.* Historia Polonica. — Dobromili, 1615. — 596 P.
2850. *Duret C.* Thésor de l'Histoire des langues de cest Univers. — Uverdon, 1619. — 1075.
2851. *Eklblom R.* Die Waräger im Weichselgebiet // Archiv für slavische Philologie. — Bd. 39. — 1925. — S. 185–211
2852. *Eklblom R.* Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod. — Stockholm, 1915. — 64 P.
2853. *Ewers J.P.G.* Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer. — Dorpat, 1810.
2854. *Ewers J.P.G.* Vom Ursprunge des russischen Staats. — Riga, Leipzig, 1808. — 273 S.
2855. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. — Київ: Наукова думка, 1985. — 253 с.
2856. *Falk H.S.* Altnordisches Seewesen // Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. — Bd. IV. — Heidelberg, 1912.
2857. *Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. — T. 1. — Oslo-Bergen, 1960. — VII, 808 S.
2858. *Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. — T. 2. — Oslo-Bergen, 1960. — 918 S.
2859. *Frähn F.* Ibn-Foslan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. — SPb., 1823. — LXXXI, 281 S.
2860. *Hübner J.* Genealogische Tabellen, nebst denen darzu Gehörigen genealogischen Fragen. — Bd. I. — Leipzig, 1725.
2861. *Klüver H.H.* Vielfältig vermehrte Beschreibung des Herzogtums Mecklenburg. Dritten Theils erstes Stück. — Hamburg, 1739.
2862. *Krug Ph.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. — Th. 1. — SPb., 1848.
2863. *Krug Ph.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. — Th. 2. — SPb., 1848. — CCLVI, 836 с. (для обеих частей общая нумерация).
2864. *Kunik E.* Anhang // *Krug Ph.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. — Th. 2. — SPb., 1848. — S. 767–834.
2865. *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Roden durch die Finnen und Slawen. — Bd. I. — SPb., 1844. — XXVIII, 182 S.
2866. *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Roden durch die Finnen und Slawen. — Bd. II. — SPb., 1845. — III–XXVI, 496 с.
2867. *Kunik E.* Verschiedene Nachrichten über Krug's historische Laufbahn // *Krug Ph.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. — Th. 1. — SPb., 1848. — S. VIII–CLX.
2868. *Kunik E.* Ueber Krug's handschriftlichen Nachlass // *Krug Ph.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. — Th. 1. — SPb., 1848. — S. CCXI–CCLVI.
2869. *Langebek J.* Scriptores rerum Danicarum. — T. VII. — Hauniae, 1786. — 652 P.
2870. *Larsson L.-O.* Arvet efter Gustav Vasa. En berättelse om fura kungar och ett rike. — Stockholm: Prisma, 2005. — 497 S.
2871. *Latvakangas A.* Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. — Turku, 1995. — 531 S.

2872. *Latvakangas A.* Varjagiongelman historiografinen kirjallisuus. — Oulu, 1990.
2873. *Lind J.* «Vikings» and the Viking Age // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н. Джексона. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. — С. 201–222.
2874. *Lindkvist T., Sjöberg M.* Det svenska samhället. 800–1720. — Lund, 2006.
2875. *Marmier X.* Lettres sur le Nord. — T. I. — Paris, 1840. — 274 P.
2876. *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. — Wien, 1886. — VIII, 547 S.
2877. *Minorsky V.* Rüs // Enzyklopädie des Islam. Bd. 3. — Leiden, Leipzig, 1936. — S. 1276–1278.
2878. *Minorsky V.* Rüs // Tirage a part de l'Encyklopédie de l'Islâm. — Leiden: E.J. Brill, 1937. — 3 S.
2879. *Mohrenschildt D.* Russia in the Intellectual Life of eighteenth century France. — New York, 1936. — 325 P.
2880. *Müller G.F.* Kurzgefasste Nachricht von dem Ursprunge der Stadt Nowgorod und der Russen überhaupt, nebst einer Reihe der nowgorodischen Fürsten, und der Stadt vornehmsten Begebenheiten // Sammlung russischer Geschichte. — Bd. 5. — Stud. 4. — SPb., 1761.
2881. *Müller G.F.* Nachricht von einem alten Manuscript der russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiow // Sammlung russischer Geschichte. — Bd. I. — Stud. I. — SPb., 1732.
2882. *Müller G.F.* Versuch einer neueren Geschichte von Russland // Sammlung russischer Geschichte. — Bd. 5. — Stud. 1–2. — SPb., — 1760.
2883. *Mullero G.F.* Origines gentis et nominis russorum // Allgemeine historische Bibliothek von Mitgliedern des königlichen Instituts der historischen Wissenschaften zu Göttingen. — Bd. 5. — Halle, 1768. — S. 283–340.
2884. *Münster S.* Cosmographia. — T. IV. — Basel, 1628. — 1742 S.
2885. *Nazarenko A.* Rus' // Lexikon des Mittelalters. — Bd. VII. — München, 1995. — Sp. 1112–1113.
2886. *Nordisk Familjebok.* Encyklopedi och konversationslexikon. — Bd. 11. — Stockholm, 1929.
2887. *Nordisk Familjebok.* Encyklopedi och konversationslexikon. — Bd. 13. — Malmö, 1955.
2888. *Nordisk Familjebok.* Encyklopedi och konversationslexikon. — Bd. 15. — Stockholm, 1931. 1296 Kol.
2889. *Nordisk Familjebok.* Encyklopedi och konversationslexikon. — Bd. 20. — Stockholm, 1934.
2890. *Otrębski J.* Русь // Lingua posnaniensis. — T. VIII. — Poznan, 1960. — S. 219–227.
2891. *Petreyus P.* Regni muschovitici sciographia. Thet är: Een wiss och egenteligh Beskriffning om Rudzland. — Stockholm, 1615.
2892. *Petreyus P.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. — Lipsiae, Anno, 1620. — 695 S.
2893. *Praethorius M.* Orbis Gothicus. — Oliva, 1688.
2894. *Rudbeck O.* Atlantica sive Manheim. — T. II. — Upsalae, 1689. — 891 S.
2895. *Rudbeck O.* Atlantica sive Manheim. — T. III. — Upsalae, 1698. — 672 S.
2896. *Rüß H.* Die Warägerfrage // Handbuch der Geschichte Russlands. — Bd. I. — L. 4/5. — Stuttgart, 1979.
2897. *Scarin A.* Dissertatio historica de originibus priscae gentis varegorum. — Aboae, 1734. — 84 S.
2898. *Scholz B.* Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. — Wiesbaden, 2000. — 468 S.
2899. *Sclözer A.L.* Nestor. — Th. 5. — Göttingen, 1809.
2900. *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. — Freiburg, 2002. — 569 S.
2901. *Shore T.W.* Origin of the Anglo-Saxon race: a study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people. — London, 1906. — 415 P.
2902. *Stender-Petersen A.* Anthology of Old Russian Literature. — New York, 1954. — 572 P.
2903. *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4–11 Settembre 1955. Relazioni. — Vol. III. — Roma, 1955. — S. 165–188.

2904. *Stender-Petersen A.* Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. — München, 1960. — Bd. 191. — H. 1. — S. 1–17.
2905. *Stender-Petersen A.* Geschichte der russischen Literatur. — Bd. I. — München, 1957. — 472 S.
2906. *Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. — Aarhus, 1934. — 256 S.
2907. *Stender-Petersen A.* Varangica. — Aarhus, 1953. — 262 P.
2908. *Stender-Petersen A.* Varægerspørgsmålet // Viking. — B. XXIII. — Oslo, 1959. — S. 43–55.
2909. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. — T. I. — Warszawa, 1846. — 392 s.
2910. Svenska män och kvinnor. Biografisk uppslagsbok. — Bd. 1. — Stockholm, 1942. — 555 S.
2911. Svenska män och kvinnor. Biografisk uppslagsbok. — Bd. 4. — Stockholm, 1948.
2912. Svenska män och kvinnor. Biografisk uppslagsbok. — Bd. 6. — Stockholm, 1949.
2913. Svenskt biografiskt nandlexikon. — Stockholm, 1906. — 815 S.
2914. Sveriges historia. 600–1350. — Stockholm, 2009. — 502 S.
2915. *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare av Russland. En personhistorisk och källkritisk studie // Lychnos. 1971–1972. — Uppsala, 1973. — S. 244–283.
2916. *Thomas F.* Avitae Russorum atque Meklenburgensium principum propinquitatis seu consanguinitatis monstrata ac demonstrata vestica. — Anno, 1717. — 20 P.
2917. *Thunmann J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. — Th. 1. — Leipzig, 1774. — 406 S.
2918. *Vasmer M.* Beiträge zur slavischen Altertumskunde // Zeitschrift für slavische Philologie. — Bd. VII. — Leipzig, 1930.
2919. *Vasmer M.* Wikingerspuren in Russland. — Berlin, 1931. — S. 3–28.
2920. *Verelius O.* Hervarar Saga. — Upsala, 1672. — 194 S.
2921. *Vilinbachov V.B.* Kilka słów o migracji słowian bałtyckich na wschód // Zapiski Historyczne. — T. XXXII. — Rok 1967. — Zeszyt 3. — S. 49–60.
2922. *Vilinbachov V.B.* Stara Ładoga (Kilka uwag z powodu neonormanistycznej teorii prof. dr A. Stender-Petersena) // Materiały Zachodnio-Pomorskie. — T. 10. — Szczecin, 1964. — S. 299–323.
2923. *Weinhold K.* Altnordisches Leben. — Berlin, 1856. — 512 S.
2924. *Widekind J.* Thet svenska i Russland tijo åhrs krijgz-historie. — Stockholm, 1671. — 947 S.
2925. *Urbańczyk P.* Who were the Early Rus'? // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под. ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. — М., Вологда: Древности Севера, 2014. — С. 228–233.

Список сокращений

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук.
- АЕ — Археографический ежегодник.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
- АИ — Акты исторические.
- АО — Археологические открытия.
- БАН — Библиотека Российской Академии наук. Отдел рукописей.
- БЭ — Большая энциклопедия.
- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
- ВАН — Вестник АН СССР.
- ВВ — Византийский временник.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВЕ — Вестник Европы.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
- ВИЕИТ — Вопросы истории естествознания и техники.
- ВЛГПУ — Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки.
- ВМОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- ГАИМК — Государственная Академия института материальной культуры Академии наук.
- ГИМ — Государственный Исторический музей. Отдел рукописей.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949.
- ГИЦР — Гуманитарные исследования Центральной России.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
- ДГ — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.
- ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования.
- ДРЗИ. 1999 — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Бибиков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 1999.
- ДРЗИ. 2013 — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. Е.А. Мельниковой / Авторы М.В. Бибиков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко, А.В. Подосинов. Изд. 2-е. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
- ДРЗИ — Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I–V.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗАН — Записки Академии наук.
- ЗТОИДР — Записки и труды Общества истории и древностей российских.
- ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук.
- ИАН — Известия Академии наук.
- ИВ — Исторический вестник.
- ИЖ — Исторический журнал.
- ИЗ — Исторические записки.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИСССР — История СССР.
- ИФ — Исторический формат.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук.

- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук.
- Летопись — Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М., Л., 1961.
- ЛЛ — Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб., 1897.
- Материалы — Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 5–10.
- МГ — Молодая гвардия.
- МВ — Московский вестник.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НИС — Новгородский исторический сборник.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.
- ОЗ — Отечественные записки.
- ОИ — Отечественная история.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1–2. М., Л., 1950.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
- ПЛ — Псковские летописи. Вып. 1. М., Л., 1941; вып. 2. М., 1955.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ПСС — Полное собрание сочинений.
- РА — Российская археология.
- РВ — Русский вестник.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Отдел рукописей.
- РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей.
- РИ — Российская история.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
- РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.
- РЭ — Русская энциклопедия.
- СА — Советская археология.
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
- СВ — Средние века.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
- СИЭ — Советская Историческая Энциклопедия.
- СО — Сын Отечества.
- СП — Советская педагогика.
- СПБИН РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук. Отдел рукописей.
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- СС — Скандинавский сборник.
- ТЛОИДР — Труды и летописи Общества истории и древностей российских.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (РАН).
- ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЭО — Этнографическое обозрение.
- SO — Slavia Occidentalis.
- SP — Stratum plus.

Фонд Русской Цивилизации **СВЕТ** **СЛАВЪ**

Фонд поддержки и развития историко-культурной и духовной нравственности русской цивилизации «Светославъ» совместно с издательством «Концептуал» запустили публикацию книг в рамках серии

«ФОНД „СВЕТОСЛАВЪ“ ПРЕДСТАВЛЯЕТ».

Эти издания содержат результаты исследований, подготовленных по итогам реализации нового проекта Фонда: **«Конкурс грантовой поддержки актуальных исследований в области российской истории и культуры (КГРИ)».**

Конкурс грантов направлен на поддержку государственной политики в области исторического просвещения народов России через решение следующих задач:

- ❖ организация и проведение актуальных исследований в области наиболее значимых и дискуссионных проблем отечественной истории, привлечение в науку молодых, одарённых исследователей;
- ❖ популяризация достижений системы гуманитарного научного знания в области отечественной истории и культуры в целях сохранения и приумножения духовно-нравственных основ Русской Цивилизации.

К участию в конкурсах грантов Фонд приглашает как ведущих специалистов, представляющих академический и вузовский сектора науки, так и начинающих исследователей.

Более подробная информация на сайте КГРИ:

<https://www.fond-svetoslav.ru/>

Электронная почта для приёма заявок: **grand@fond-svetoslav.ru**

Князь Святослав Игоревич: исторический портрет на фоне эпохи

Лисюченко Игорь Васильевич

640 стр. | твёрдый переплёт | 70×100/16

Предлагаемая читателю работа посвящена жизни и деятельности одного из наиболее выдающихся князей Древней Руси — Святослава Игоревича. В книге подробно описываются особенности источников по теме исследования, главные черты общественного и государственного строя времени правления Святослава, восприятие княжеской власти людьми того времени, родители, детство и юность княжича, гибель его отца и роль матери — св. Ольги — в данных событиях. Опираясь на отечественные и иностранные памятники, изучавшиеся автором в оригинале, рассматриваются различные вопросы, связанные с историей войн Святослава в Хазарии и на Балканском полуострове, его взаимоотношения с детьми и героическая гибель. При этом развенчивается миф об авантюризме Святослава, его пренебрежении интересами Руси. Впервые на базе всех доступных источников показана борьба Святослава с воеводой его отца Свенельдом, что является частным случаем борьбы за власть между князьями и воеводами раннего периода древнерусской истории. Для студентов, аспирантов, учёных, всех интересующихся историей древних славян и других индоевропейских народов.

Научное издание

Фомин Вячеслав Васильевич

Антинорманизм: Наука против лжи

Том 2

Главный редактор
Ведущий редактор
Выпускающий редактор
Верстальщик
Дизайнер
Корректор

Константин Антипин
Максим Писарцев
Наталья Молчанова
Татьяна Сосенкова
Борис Протопопов
Ольга Добрыднева

В соответствии
с Федеральным законом РФ
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ

Концептуал

СМИ, издательство и интернет-магазин

Распространяем информацию,
которая помогает человеку
сложить адекватную картину мира

kontakt@konzeptual.ru / +7 (495) 150-69-70

konzeptual.ru